



This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

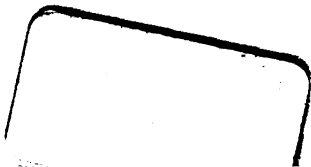
- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>



3 3433 08191252 3



РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

2181

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВЫЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1881

22



1363

СОФІЙСКОЕ ШОССЕ

12 ОКТЯБРЯ 1877 ГОДА.

I.

Всякое совершившееся событие есть достоинство исторіи и въ качествѣ историческаго факта служить предметомъ критики. Чѣмъ событие важнѣе, чѣмъ оно богаче результатами и послѣдствіями, тѣмъ оно болѣе останавливаетъ на себѣ вниманіе исторической критики и тѣмъ больше и разнообразнѣе разбирается ею. Напротивъ того, событія мало содержательныя и бѣдные результатами останавливаютъ на себѣ лишь слабое вниманіе.

Съ другой стороны опытъ показываетъ что для достоинства критики необходимо стоять въ нѣкоторомъ удаленіи отъ совершившагося факта и по времени и по мѣрѣ принимавшагося въ немъ участія. Сужденія современниковъ и близкихъ участившихъ рѣдко отличаются правильностію выводовъ, рѣдко имѣютъ характеръ трезвой, правдивой критики. Въ большинствѣ случаевъ они отличаются или велемѣрнымъ восхваленіемъ, или же преувеличеннымъ лориданіемъ. Личныя симпатіи или антипатіи, возбужденныя страсти и наколецъ незваніе или же нежеланіе знать многихъ весьма

важныхъ и существенныхъ сторонъ совершившихся событій, слетаются между собой до такой степени что отпугиваютъ у современниковъ возможность отнестись къ нимъ трезво, правильно и произнести о нихъ совершенно вѣрный приговоръ.

Тѣмъ не менѣе человѣкъ, по самой природѣ своей, не можетъ воздержаться отъ сужденія о томъ что совершается предъ его глазами, что входитъ въ область его сознанія. Вотъ почему критика не ждетъ и торопится произнесениемъ своего приговора. Что за дѣло что онъ будетъ неправиленъ: у значительнаго большинства людей потребность высказаться, произнести тотъ или другой приговоръ слишкомъ сильна и гораздо сильнѣе стремленія къ тому чтобы произносимыя при сужденія были вполнѣ правильны, совершенно вѣрны и разносторонни.

Слѣдствіе этого, критика современниковъ почти всегда отличается несдержанностію, легкостію сужденій, особенною страстностію и за весьма рѣдкими исключениями имѣетъ характеръ и приемы горячей полемики.

Только широкое образованіе, знакомство съ приемами серьезной исторической критики и высокая степень добросовѣстности могутъ гарантировать современниковъ отъ стремленія къ послѣднимъ, а слѣдовательно и не совсемъ вѣрнымъ сужденіямъ.

Все нами сказанное вполнѣ применимо къ недавно миновавшей Турецкой кампаніи. Она слишкомъ близка къ намъ для правильной, трезвой и безпристрастной критики. Но, съ другой стороны, эта-то близость и служитъ причиной тѣхъ порывовъ о ней толковъ и въ печати и въ частныхъ разговорахъ, которые мы слышимъ въ такомъ изобиліи; она-то именно и вызываетъ цѣлый рядъ послѣднихъ, а слѣдовательно по большей части и неточныхъ сужденій и приговоровъ.

Но если не наступило еще время для здоровой критики событій послѣдней кампаніи, то мы думаемъ что настоящее время есть самое удобное для того чтобъ очевидцы и участники ея рассказали то что они видѣли, что чувствовали, что дѣлали и почему дѣлали такъ, а не иначе, вообще все что знаютъ объ этихъ событіяхъ. Мы думаемъ что настоящее время есть самое удобное для этихъ разказовъ, потому что, во первыхъ, событія кампаніи еще свѣжи въ памяти участниковъ и очевидцевъ; во вторыхъ же потому что первый

страстный порывъ поскорѣе произнести какой бы то ни было приговоръ уже остылъ, и общество уже начинаетъ чувствовать потребность въ простыхъ, но правдивыхъ разказахъ очевидцевъ, могущихъ разъяснить многіе возбужденные вопросы.

Очевидно что для достоинства этихъ разказовъ они должны по возможности избѣгать всякой критики, быть совершенно правдивы и не тенденціозны и наконецъ имѣть совершенно субъективный характеръ, то-есть рисовать событія такъ какъ они представлялись участникамъ и очевидцамъ въ минуту ихъ исполненія, а не послѣ того какъ факты уже совершились и были такъ сказать открыты.

Эти разказы и повѣствованія, наряду съ официальными документами, должны послужить матеріаломъ для позднѣйшей здравой критики, которая современемъ разберетъ ихъ, проверитъ, отнесется къ совершившимся событіямъ вполнѣ объективно и произнесетъ свой по возможности безпристрастный, а слѣдовательно и правдивый судъ.

Вотъ почему насколько слухъ нашъ рѣжутъ всѣ скорослѣныя сужденія, всѣ послѣдшые приговоры, настолько же мы радуемся всякому появляющемуся разказу очевидца и участника послѣдней кампаніи. Къ счастью, подобные разказы въ послѣднее время начали появляться все чаще и чаще, и публика получаетъ мало-по-малу матеріалъ для болѣе правильного и вѣрнаго сужденія о событіяхъ послѣдней войны.

Что касается того ряда событій въ которомъ мы лично принимали весьма близкое участіе, то относительно его, кромѣ довольно большаго числа описаній отдѣльных эпизодовъ и болѣе или менѣе обширныхъ періодовъ дѣйствій, до настоящаго времени появился одинъ цѣльный, послѣдовательный и прекрасный разказ полковника Пузыревскаго и началъ печататься на страницахъ *Военнаго Сборника* еще два разказа полковниковъ Энкеля и Аванасовича. Но такъ какъ всѣ три упомянутые офицера задалась совершенно правильною задачею—разказать только то что они лично видѣли и въ чемъ принимали непосредственное участіе, то очевидно что въ этихъ разказахъ публика не получитъ отвѣта на многіе интересующіе ее вопросы.

Мы думаемъ что не ошибемся если скажемъ что операція 12 октября 1877 года на Софійскомъ шоссе принадлежать къ числу тѣхъ событій которыя возбудили весьма обширный

интересъ какъ нашей, такъ и заграничной публички и печати, и вызвали и весьма много говора, и очень много различного рода вопросовъ. Ответы на нѣкоторые изъ этихъ вопросовъ уже получены въ появившихся разказахъ упоминаемыхъ выше офицеровъ. Но многіе вопросы остались безъ отвѣтовъ и разъясненій.

Чтобы хотя отчасти пополювить этотъ пробѣлъ, не отказывая въ долгій ящикъ, мы беремся въ настоящее время за перо. Единственная цѣль настоящей замѣтки—дать разъясненіе лишь нѣкоторымъ вопросамъ относящимся къ операціямъ 12 октября, до сихъ поръ не получившимъ еще никакого разъясненія. Критиковать что-либо, а тѣмъ менѣе полемизировать съ кѣмъ бы то ни было не входитъ въ наше намѣреніе.

Къ числу вопросовъ интересующихъ, какъ намъ кажется, наибольшій интересъ, могутъ быть отнесены слѣдующіе: 1) Каковъ былъ планъ дѣйствій 12 октября и что именно повлияло на его выборъ? 2) Каково было дѣйствительное значеніе операціи лейбъ-гвардіи Егерскаго полка подъ Телешемъ, то ли какое значеніе въ диспозиціи, или то о которомъ упоминается въ реляціи? и 3) Каковы были послѣднія приказанія отданныя начальникомъ отряда?

Отвѣты на эти вопросы мы постараемся дать въ нашей настоящей замѣткѣ.

II.

Какъ извѣстно, въ началѣ іюля 1877 въ ходѣ военныхъ операцій за Дунаемъ произошла весьма важная перемѣна. Причиной этой перемѣны было появленіе въ Плевнѣ, на правомъ флангѣ нашей операціонной линіи и въ весьма близкомъ отъ нея разстояніи, арміи Османъ-паши. Вслѣдствіе этого, дальнѣйшее развитіе общаго плана кампаніи—быстрое движеніе на Адрианополь—было временно приостановлено и наступилъ весьма продолжительный періодъ дѣйствій подъ Плевной, начавшійся 8 іюля и окончившійся 28 ноября.

Первоначальная цѣль нашихъ дѣйствій подъ Плевной состояла въ томъ *чтобы силой вытѣснить армію Османа изъ занятыхъ ею позицій, нанести ей болѣе или менѣе сильное пораженіе, отбросить сколь возможно далье отъ Плевны и обезпечить такимъ образомъ нашу операціонную линію получить*

возможность приступить къ исполненію главнаго плана кампаніи. Всѣ операціи въ теченіе іюля и августа мѣсяцевъ клонились къ достиженію этой цѣли. Но, какъ извѣстно, онѣ не увѣщались успѣхомъ; Османъ-паша отбилъ всѣ штурмы и еще сильнѣе укрѣпилъ свои позиціи. Въ этотъ періодъ дѣйствій мы потеряли около 30.000 человекъ убитыми и ранеными.

Въ первыхъ числахъ сентября характеръ дѣйствій подъ Плевной былъ видоизмѣненъ. Рѣшено было сформировать сильный кавалерійскій корпусъ и подъ начальствомъ генерала Крылова двинуть его за рѣку Видъ. Этотъ кавалерійскій корпусъ долженъ былъ, дѣйствуя на сообщеніяхъ Османа, пресѣчь подвозъ къ Плевнѣ какъ боевыхъ, такъ и продовольственныхъ припасовъ. Этимъ способомъ думали заставить Османа покинуть Плевну, послѣ чего кавалерійскій корпусъ долженъ былъ задержать движеніе турецкой арміи и дать возможность остальнымъ войскамъ нашего западнаго отряда насѣсть на нее и нанести ей чувствительное пораженіе въ открытомъ полѣ. Такимъ образомъ и въ этотъ второй періодъ нашихъ дѣйствій подъ Плевной главная цѣль была та же самая и состояла въ томъ *чтобы нанести арміи Османа чувствительное пораженіе и отбросить ее какъ можно далѣе отъ нашей операціонной линіи.* Только средства для достиженія этой цѣли были другія: тогда какъ въ первый періодъ средствомъ для этого признавались *штурмы открытою силой*, во второй періодъ средство состояло *въ блокадѣ Плевны кавалерійскими корпусомъ.* Но операціи и этого второго періода дѣйствій подъ Плевной также не увѣщались успѣхомъ: ферикъ (генералъ-лейтенантъ) Хефзи-паша съ сильною пѣхотною дивизіей (15 батал.), подкрѣпленный многочисленною кавалеріей, сбилъ нашъ кавалерійскій корпусъ съ Софійскаго шоссе, пропустилъ въ Плевну нѣсколько транспортовъ съ различнаго рода припасами, и возведя въ Радомирцахъ, Телишѣ, Горнемъ и Дольнемъ Дубнякахъ сильныя укрѣпленія, совершенно парализовалъ дѣйствія нашей кавалеріи. Потери наши въ этотъ второй періодъ дѣйствій подъ Плевной были не велики и не превзошли бы и 150 человекъ еслибы не совершенно отдѣльный эпизодъ—неудачный штурмъ румынскими войсками малаго Гривидкаго редута, стоившій около 1.200 человекъ убитыми и ранеными.

Въ началѣ второй половины сентября мѣсяца въ личномъ

составъ командировъ частей подъ Плевной совершились слѣдующія перемѣны: помощникомъ начальника войскъ западнаго отряда, принца Карла Румынскаго, былъ назначенъ генералъ Тотлебенъ; вмѣсто же генерала Крылова, начальникомъ кавалерійскаго корпуса за Видомъ былъ назначенъ генералъ Гурко. Вслѣдъ за прїездомъ этихъ генераловъ, прибылъ подъ Плевну 20 сентября и Великій Князь главнокомандующій. На другой день, 21 сентября, Его Высочество собралъ на совѣщаніе въ свою ставку, на одной изъ осадныхъ батарей, начальника западнаго отряда принца Карла и генераловъ Нелокойчичскаго, Тотлебена, Зотова, барона Крюденера, Гурко и князя Имеретинскаго. На этомъ совѣщаніи было принято слѣдующее рѣшеніе: двинуть къ Плевнѣ три пѣхотныя и одну кавалерійскую гвардейскія дивизіи; смѣнить въ линіи обложенія двумя гвардейскими пѣхотными дивизіями 4й корпусъ и 2ю армейскую пѣхотную дивизію, двинуть 2ю армейскую пѣхотную дивизію и 3ю стрѣлковую бригаду на Плевно-Ловчинское шоссе и придавъ ей въ видѣ резерва одну гвардейскую пѣхотную дивизію занять ею такъ-называемую Рыжую гору, и наконецъ 4й армейскій пѣхотный корпусъ вмѣстѣ со 2ю гвардейскую кавалерійскую дивизіей двинуть за рѣку Видъ, на Софійское шоссе, съ цѣлію замкнуть линію обложенія съ западной стороны. Привнявъ это рѣшеніе Великій Князь уѣхалъ въ Горній Студень, гдѣ и отдалъ распоряженія о движеніи гвардейскаго корпуса подъ Плевну.

Но черезъ нѣсколько дней, 24 сентября, планъ этотъ былъ видоизмѣненъ до нѣкоторой степени генераломъ Тотлебекомъ, а именно рѣшено было: 4й армейскій корпусъ оставить на занимаемыхъ имъ позиціяхъ въ линіи обложенія; для занятія Рыжей горы двинуть не 2ю армейскую пѣхотную дивизію, а 16ю, вмѣстѣ съ 3ею стрѣлковою бригадою, придавъ ей въ видѣ резерва 2ю гвардейскую пѣхотную дивизію; наконецъ за рѣкою Видъ на Софійское шоссе двинуть 1ю и 3ю пѣхотную и 2ю кавалерійскія гвардейскія дивизіи и гвардейскую стрѣлковую бригаду. Это измѣненіе мотивировалось тѣмъ что смѣна 4го корпуса гвардейскими дивизіями должна была занять нѣсколько дней.

Черезъ день послѣ этого генералъ Гурко отправился въ Семереть-Трестеникъ и 27 сентября вступилъ въ командование кавалерійскимъ корпусомъ. Но черезъ три дня, а именно

30 сентября, онъ былъ вызванъ въ Згалевицы и вмѣстѣ съ генераломъ Тотлебенемъ отправился 1 октября въ Ески-Беркачъ, гдѣ принялъ участіе въ произведенной генераломъ Тотлебенемъ рекогносцировкѣ Софійскаго шоссе, въ окрестностяхъ Горняго Дубнака. 2 октября оба генерала вернулись въ Згалевицы.

Но пока все это происходило на западномъ нашемъ фронтѣ, подъ Плевной, на восточномъ фронтѣ случилась тоже довольно важная перемѣна. Турецкое правительство, будучи недовольно вѣдеными и нерѣшительными дѣйствіями своего главнокомандующаго Мехмета-Али, смѣнило его и назначило главнокомандующимъ Сулеймана-пашу, который всѣми своими предыдущими дѣйствіями выказалъ необыкновенную энергію, рѣшительность и предприимчивость. 21 сентября, какъ разъ въ тотъ самый день когда русскій главнокомандующій совѣщался со своими генералами на одной изъ осадныхъ батарей подъ Плевной, турецкій главнокомандующій тоже совѣщался на Руцукско-Разградскомъ шоссе, между дер. Кадыкеемъ и Разградомъ, съ бывшимъ главнокомандующимъ Мехметомъ-Али и съ другими своими пашами.

Черезъ нѣсколько дней вѣсть объ этой перемѣнѣ дошла до главной квартиры, въ Горній-Студень, и возбудила безпокойство за участь Руцукскаго отряда. Въ Горнемъ Студнѣ опасались что новый главнокомандующій турецкой арміи, желая оправдать оказанное ему довѣріе, въ самомъ непродолжительномъ времени перейдетъ въ рѣшительное наступленіе съ превосходными силами и тѣмъ оставитъ Руцукскій отрядъ въ крайне тяжелое положеніе. Подъ вліяніемъ этихъ опасеній, въ концѣ сентября было рѣшено весь гвардейскій корпусъ въ полномъ его составѣ двинуть на усиленіе войскъ Руцукскаго отряда, въ распоряженіе Его Высочества Наслѣдника Цесаревича. Но такъ какъ 1я и 3я гвардейскія пѣхотныя дивизіи уже двигались къ Плевнѣ и проши Порадимъ, то не желая разстроить задуманную подъ Плевной операцию овладѣнія Софійскимъ шоссе, было рѣшено: 2ю пѣхотную и 2ю кавалерійскія гвардейскія дивизіи двинуть немедленно къ Бѣлѣ въ распоряженіе Его Высочества Наслѣдника Цесаревича, а 1ю и 3ю гвардейскія пѣхотныя дивизіи оставить временно подъ Плевной, до прихода на театръ военныхъ дѣйствій гренадерскаго корпуса. Съ приходомъ же этого корпуса двинуть его подъ Плевну и смѣ-

вить имъ гвардейскія дивизіи, которыя тѣмъ временемъ должны были овладѣть Софійскимъ шоссе.

Это рѣшеніе радикально измѣняло положеніе дѣлъ подъ Плевной: вмѣсто трехъ лѣхотныхъ и одной кавалерійской дивизій генералъ Тотлебенъ получалъ только двѣ лѣхотныя; вслѣдствіе этого войска назначавшіяся для овладѣнія Рыжею Горой и собиравшіяся на Плевно-Ловчинскомъ шоссе уменьшались вдвое. Въ послѣдствіи же, послѣ смѣны двухъ гвардейскихъ лѣхотныхъ дивизій и гвардейской стрѣлковой бригады войсками гренадерскаго корпуса, число войскъ на Софійскомъ шоссе тоже значительно уменьшилось бы, а именно: вмѣсто 37 баталіоновъ тамъ осталось бы только 24. Связь этихъ 24 баталіоновъ съ главными силами западнаго отряда поддерживалась бы только 16 баталіонами генерала Скобелева 2го. Вообще же, въ концѣ концовъ, для усиленія войскъ подъ Плевной назначалось уже не 53 батареи и 24 эскадрона, а только 24 баталіона, то-есть слѣшкомъ въ два раза меньше.

Въ виду послѣдовавшей перемѣны въ назначеніи гвардейскаго корпуса генералъ Тотлебенъ находилъ что: 1) операція овладѣнія Софійскимъ шоссе подъ прикрытіемъ только 16 баталіоновъ генерала Скобелева становилась крайне рискованною, потому что Османъ-паша могъ выйти изъ Плевны со значительно превосходящими силами, смѣять отрядъ генерала Скобелева и отрѣзавъ двѣ гвардейскія дивизіи, оперировавшія на Софійскомъ шоссе, поставитъ почти въ ихъ безвыходное положеніе; 2) онъ находилъ что если даже операція овладѣнія шоссе и совершится благополучно, то все же положеніе 24хъ бат. на Софійскомъ шоссе между двухъ огней (армія Османа съ одной стороны и армія Шерфкета съ другою) будетъ весьма рискованное. А такъ какъ, въ виду помесенныхъ уже нами неудачъ, одною изъ главнѣйшихъ заботъ генерала Тотлебена было не предпринимать подъ Плевной ни одной операціи имѣвшей шансъ на неуспѣхъ, то онъ рѣшился совершенно отказаться отъ операціи овладѣнія Софійскимъ шоссе и отъ полнаго обложенія турецкой арміи въ Плевнѣ.

Принявъ это рѣшеніе, 3 октября, генералъ Тотлебенъ просилъ генерала Гурко съѣздить въ Горніи Студень чтобы доложить о томъ Главнокомандующему. Послѣ пріѣзда генерала Гурко, 4 октября, въ главную квартиру, тотчасъ послѣ церковнаго парада, бывшаго по случаю полковаго праздника лейбъ-гвардіи казачьяго полка, состоялось на квар-

тарь Государя Императора совѣщаніе въ присутствіи Его Величества. На этомъ совѣщаніи присутствовали Великій Князь Главнокомандующій, военный министръ и генералы Нелокочинскій и Гурко. Взвѣсивъ положеніе дѣлъ на обоихъ фронтахъ, восточномъ и западномъ, а также всѣ послѣдствія уничтоженія арміи Османа, Его Величество окончательно рѣшилъ: оставить весь гвардейскій корпусъ въ полномъ его составѣ подъ Плевной, въ распоряженіи генерала Тотлебена; гренадерскій же корпусъ, долженствовавшій прибыть на театръ военныхъ дѣйствій непосредственно за гвардейскимъ, предназначить въ случаѣ нужды для поддержанія войскъ Рущукскаго отряда. На этомъ же совѣщаніи *Его Величество* *решилъ поставить цѣлю дальнѣйшихъ операцій подъ Плевной плѣненіе арміи Османъ-паши* и сверхъ того приказалъ чтобы всѣ войска, долженствовавшія современемъ перейти черезъ рѣку Видъ, поступали подъ начальство генерала Гурко.

Такимъ образомъ на этомъ достопамятномъ совѣщаніи было положено начало 3му и послѣднему періоду дѣйствій подъ Плевной, въ которомъ и цѣль дѣйствій и средства для ея достиженія радикально измѣнялись. Въ этотъ третій періодъ цѣлю дѣйствій является уже не вытѣсненіе арміи Османа изъ Плевневскихъ позицій, *а полное плѣненіе ея*; средствомъ же— *блокада турецкой арміи съ западной стороны Вида сильными отрядами, составленными изъ трехъ родовъ оружія*. Какъ извѣстно, операція этого послѣдняго періода увѣчалась полнымъ и блестящимъ успѣхомъ. Потери наши въ этотъ періодъ были около 6½ тыс. убитыми и ранеными.

III.

5 октября вечеромъ генералъ Гурко пріѣхалъ въ Ески-Беркачъ и бго вступилъ въ командованіе войсками гвардіи.

Ознакомившись, насколько то было возможно, путемъ цѣлаго ряда рекогносцировокъ и наблюденій съ положеніемъ дѣлъ на Софійскомъ шоссе, онъ приступилъ къ составленію плана дѣйствій 12 октября.

Въ основаніи всякаго плана дѣйствій должны лежать: цѣль дѣйствій, имѣющіяся подъ рукой средства и обстановка среды которой приходится дѣйствовать. Въ данномъ случаѣ конечною цѣлю дѣйствій было плѣненіе арміи Османъ-паши

путемъ установленія сильной блокадной линіи за рѣку Видъ. Имѣвшіяся подъ рукой средства состояли изъ 48 баталіоновъ, 93 эскадроновъ и сотень и 176 лѣвшихъ и конныхъ орудій, расположенныхъ въ двухъ группахъ—около Ески-Беркача и въ районѣ Магалета-Семеретъ Трестеникъ. Обстановка представлялась въ то время въ слѣдующемъ видѣ: непріятельскія войска, силой около 120 баталіоновъ (число кавалеріи и артиллеріи въ то время не было извѣстно даже приблизительно), занимали растянутое расположеніе отъ Плевны до Радомирецъ, причемъ разстояніе отъ крайнихъ пунктовъ этого расположенія было около 35 верстъ. На этомъ пространствѣ турецкія войска были расположены слѣдующимъ образомъ: въ крайнемъ сѣверо-восточномъ пунктѣ, въ Плеваѣ, находилась главная армія Османъ-паша, силой до 80 баталіоновъ; въ крайнемъ юго-западномъ пунктѣ, въ Радомирцахъ, была армія Шефкетъ-паша, силой около 25 баталіоновъ. Въ промежуткѣ между этими крайними пунктами Турки занимали три сильно укрѣпленныя позиціи—Дольній Дубякъ, Горній Дубякъ и Телишъ; изъ нихъ въ первыхъ двухъ пунктахъ предполагалось отъ 5 до 7 баталіоновъ при 4хъ орудіяхъ въ каждомъ, а въ послѣднемъ не менѣе трехъ баталіоновъ тоже при 4хъ орудіяхъ; всего же въ этихъ трехъ промежуточныхъ пунктахъ предполагалось отъ 13 до 18 баталіоновъ при 12 орудіяхъ. Больше всего сильными считались укрѣпленія Дольняго Дубяка, затѣмъ Горняго Дубяка и наконецъ Телиша. Горній Дубякъ лежитъ почти въ самой серединѣ между Плевной и Радомирцами, въ разстояніи около 18 верстъ отъ каждаго изъ этихъ пунктовъ. Мѣстность къ западу отъ Вида, ровная, слегка волнистая, открытая лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поросшая небольшими лѣсками и густымъ кустарникомъ, доступная для движенія всѣхъ родовъ оружія, причемъ самымъ существеннымъ прелятствіемъ, могущимъ оказать вліяніе на скорость движенія, были поля засѣяныя кукурузой. Правый восточный берегъ Вида всюду значительно командуетъ лѣвымъ, и съ него можно видѣть на значительное протяженіе все что происходитъ на лѣвомъ берегу. Въ особенности высокъ правый берегъ Вида въ окрестностяхъ Плевны и съ него видны какъ на ладони окрестности не только Дольняго Дубяка, но и Горняго и отчасти Телиша. Центральнымъ пунктомъ расположенія Турокъ на Софійскомъ шоссе былъ Горній Дубякъ; онъ же находился и въ самомъ близкомъ разстояніи

отъ деревни Чириково, удобившемъ и почти единственномъ мѣстѣ перехода нашихъ войскъ черезъ рѣку Видь. * Слабая сторона турецкаго расположенія заключалась въ растянутости и разбросанности силъ, вслѣдствіе чего оно было подвержено прорыву. Но эта невыгода въ значительной степени искуталась тѣмъ обстоятельствомъ что каждый изъ промежуточныхъ пунктовъ былъ настолько сильно укрѣпленъ что на каждомъ изъ нихъ Турки могли оказать довольно продолжительное солпротивленіе и тѣмъ дать время подойти сильнымъ подкрѣпленіямъ съ обѣихъ крайнихъ пунктовъ. Въ силу этого обстоятельства на все расположеніе Турокъ на Софійскомъ шоссе, отъ Плевны до Радомирцевъ, слѣдовало смотрѣть какъ на одну укрѣпленную, хотя и растянутую позицію, и при составленіи плана дѣйствій слѣдовало брать въ соображеніе всѣ силы Турокъ ее занимавшія.

Вслѣдствіе всего вышеизложеннаго, въ основаніе плана предстоявшихъ операцій было положено развить цѣлый рядъ демонстративныхъ дѣйствій, съ цѣлію удержать въ теченіе цѣлаго дня всѣ турецкіе отряды въ мѣстахъ ихъ расположенія и тѣмъ уединить операціи войскъ наносящихъ главный ударъ; главный же ударъ вести на центральный пунктъ турецкаго расположенія, Горній Дубнякъ. Въ случаѣ удачи немедленно, безо всякой проволочки, укрѣпиться на два фронта, къ Плевнѣ и Радомирцамъ, и затѣмъ постепенно расширять сферу весьма тѣснаго въ началѣ нашего расположенія на Софійскомъ шоссе. При этомъ полагалось что успѣхъ предстоящихъ операцій будетъ зависѣть главнымъ образомъ, во первыхъ, *отъ успѣха демонстративныхъ дѣйствій*; во вторыхъ, *отъ быстроты дѣйствій подъ Горнимъ Дубнякомъ*.

Вотъ главные основанія плана предстоявшихъ операцій, которыми опредѣлялись всѣ дальнѣйшія подробности его.

Демонстративныя дѣйствія. Принимая во вниманіе что главная турецкая армія находилась въ Плевнѣ, что предпринимавшіяся на Софійскомъ шоссе операціи должны были

* Рѣка Видь была, по причинѣ мелководія, всюду проходима въ бродъ; но правый берегъ ея всюду очень крутъ и обрывистъ, а потому для перехода черезъ Видь артиллеріи необходимо было дѣлать искусственныя спуски. Вслѣдствіе этого удобными пунктами перехода черезъ Видь были только ближайшія окрестности деревень Чирикова и Медована.

имѣть угрожающій для нея характеръ и что при ней находился самъ главнокомандующій Османъ-паша, естественно было опасаться ея гораздо болѣе чѣмъ армию Шефкетъ-паши; а потому къ створамъ Плевны была направлена значительно большая часть войскъ, не принадлежавшихъ принять участіе въ операціяхъ противъ Горяго Дубняка. Еще ранѣе было рѣшено генераломъ Тотлебеюмъ что одновременно съ началомъ дѣйствій противъ Софійскаго шоссе будетъ произведена операція занятія Рыжей горы отрядомъ генерала Скобелева 2го. Въ его непосредственномъ распоряженіи должно было находиться 15 баталіоновъ и 72 орудія, и кромѣ того онъ долженъ былъ быть поддержанъ 12ю баталіонами при 40 орудіяхъ 3й гвардейской пѣхотной дивизіи. Цѣль занятія Рыжей горы была главнымъ образомъ демонстративная; но кромѣ того отрядъ этотъ долженъ былъ прикрыть участокъ коммуникаціонной линіи гвардейскаго корпуса отъ Раіева до Богота. Сверхъ того было испрошено у генерала Тотлебея разрѣшеніе открыть 12 октября со всѣхъ осадныхъ батарей линіи обложенія самую сильную бомбардировку противу Плевенскихъ укрѣпленій. Изъ войскъ находившихся въ непосредственномъ подчиненіи генерала Гурко были направлены къ Плевнѣ два отряда—одинъ, состоявшій изъ 5 баталіоновъ румынской пѣхоты, при 7ми сотняхъ и 12 орудіяхъ, долженъ былъ выйти изъ Дольнаго Петрополя, занять позицію противъ входа въ Плевенскую долину и открыть огонь противъ Олавецкихъ редутовъ и предмостнаго укрѣпленія на рѣкѣ Видѣ. Другой, въ составѣ тоже 5 баталіоновъ при 16 орудіяхъ, долженъ былъ выйти съ Медованской укрѣпленной позиціи, перейти Киртужабенское ущелье, и поднявшись на высоты окружающія Плевну завладѣть горой названною въ послѣдствіи Волинскою, и открыть огонь по Кришпавскимъ редутамъ. Главное назначеніе этого отряда было демонстративное; но, сверхъ того, онъ имѣлъ еще назначеніемъ прикрыть коммуникаціонную линію гвардейскаго корпуса отъ Чирикова до Раіева. *

* Пространство между деревнями Раіевою, Чириковымъ и Медованомъ образуетъ треугольникъ, основаніемъ котораго служитъ дорога изъ Раіева въ Чириково; западною стороною—теченіе рѣки Вида съ правымъ крутымъ, труднодоступнымъ его берегомъ; а восточную сторону образуютъ глубокіе Раіевскій и Киртужабенскій овра-

Такимъ образомъ, сильная бомбардировка Плевневскихъ укрѣпленій со всѣхъ батарей линіи обложенія, движеніе трехъ отрядовъ (въ общей сложности 37 баталіоновъ, при 140 орудіяхъ) и появленіе колонны войскъ въ мѣстности на которой доселѣ еще не бывала русская пѣхота (Волынская гора), намекавшее на намѣреніе атаки Кришвицкихъ редутовъ, вотъ рядъ мѣръ клонившихся къ тому чтобы вселить Осману мысль что Русскіе и на этотъ разъ желаютъ прибѣгнуть къ ихъ любимому способу овладѣнія Плевной—штурму и возбудить въ немъ желаніе отбитіемъ этого готовящагося штурма влести въ свой вѣнецъ новый побѣдный лавръ.

Для демонстраціи противъ Дольнаго Дубняка назначались два по преимуществу кавалерійскіе отряды, одинъ съ сѣверо-западной стороны, состоявшій изъ двухъ баталіоновъ, девятнадцати эскадроновъ и 16 орудій; другой съ юго-восточной стороны, состоявшій изъ двѣнадцати эскадроновъ и сотенъ при 12 орудіяхъ. Оба эти отряды должны были удержать Турокъ въ Дольнемъ Дубнякѣ и не дозволить имъ подать руку помощи Горне-Дубнякскому гарнизону.

Сверхъ того, къ сторонѣ Плевны былъ выставленъ еще запасъ изъ двѣнадцати баталіоновъ, восьми эскадроновъ и 52 орудій (1я гвардейская пѣхотная дивизія и 3я бригада 2й гвардейской кавалерійской дивизіи). Такимъ образомъ, на случай выхода турецкихъ войскъ изъ Плевны, имѣлось подъ рукою двадцать четыре баталіона, сорокъ шесть эскадроновъ и сотенъ и 108 орудій. Эти войска могли бы быть поддержаны, но только гораздо позже, двѣнадцатью баталіонами и 40 орудіями 3й гвардейской пѣхотной дивизіи. Разчитывать на активное содѣйствіе главныхъ силъ западнаго отряда, занимавшихъ линію обложенія, не было возможности, по причинѣ

ги, съ весьма крутыми и скалистыми берегами. Проникнуть въ этотъ треугольникъ со стороны Плевны можно только черезъ вершину его, то-есть черезъ Медованъ. У этой деревни, при впаденіи Куртулабеньскаго оврага въ долину рѣки Вида, была очень сильная позиція, на которой сравнительно слабый отрядъ могъ отразить нападеніе гораздо сильнѣйшаго непріятеля. Владѣющему этою позиціей обезличивалось все пространство лежащее въ упомянутомъ выше треугольникѣ, а следовательно и участокъ коммуникаціонной линіи между Радевой и Чирковымъ. Вотъ почему тотчасъ по прибытіи генерала Гурко въ Лени-Беркачъ былъ сформированъ особый отрядъ, занявшій Медованскую позицію и весьма сильно ее укрѣпившій.

слишкомъ большого удаленія ихъ отъ Софійскаго шоссе и незначительнаго числа дорогъ ведущихъ черезъ глубокіе и трудно доступные овраги, которыми изрѣзана вся мѣстность лежавшая между расположеніемъ главныхъ силъ и долиной рѣки Вѣда.

Опасность со стороны Радомирець была гораздо меньшая, во первыхъ, потому что тамъ было гораздо менѣе войскъ, вторыхъ и потому что, какъ было извѣстно, ею командовалъ Шефкетъ-паша не имѣвшій репутаціи способнаго и рѣшительнаго генерала, а главное, боявшійся что если онъ попадетъ въ руки Русскихъ, то будетъ разстрѣлянъ за свои нецтовства въ Филлиполпольскомъ округѣ и въ особенности за знаменитую Батакскую рѣзню, произведенную по его приказанію. Но хотя опасность со стороны Радомирець была меньшая чѣмъ со стороны Плевны, и хотя съ этой стороны ожидалась не столь сильная поддержка, тѣмъ не менѣе нельзя было не предвидѣть что и эта хотя и менѣе сильная поддержка могла надѣлать намъ весьма и весьма много хлопотъ, доставить насъ въ крайне затруднительное положеніе и въ сильной степени разстроить дѣйствія войскъ подъ Горнимъ Дубнякомъ. А между тѣмъ для солиднаго обезпеченія главнаго удара съ этой стороны уже не было подъ рукой достаточнаго числа свободныхъ войскъ. Поэтому было рѣшено, не ограничиваясь однимъ ласивными демонстраціями, вести противъ Телиша демонстративную атаку съ цѣлю убѣдить не только комеданта телпшскаго гарнизона, но и самого Шефкетъ-пашу что главная атака ведется именно противъ Телиша. При этомъ предполагалось что Шефкетъ-паша не скоро узнаетъ о томъ что именно происходитъ подъ Горнимъ Дубнякомъ, такъ-какъ съ самаго начала дѣйствій телеграфная проволока соединявшая Горній Дубнякъ съ Радомирцами должна была быть порвана, а самый Горній-Дубнякъ долженъ былъ быть окруженъ со всѣхъ сторонъ, слѣдовательно всякое сообщеніе съ Радомирцами прервано.

Въ этихъ видахъ, непосредственно къ Радомирцамъ были направлены съ двухъ сторонъ два небольшіе кавалерійскіе отряда—съ западной, черезъ Чумаковицы, восемь эскадроновъ румынской кавалеріи, при 6 орудіяхъ, а съ восточной пять эскадроновъ при 2 орудіяхъ, испрошенные у начальника Сельви - Ловчнскаго отряда. Оба эти отряда должны были, появившись рано утромъ въ окрестностяхъ Радомирець,

напугать Шефкета и если не удержатъ, то по крайней мѣрѣ задержать и замедлить отправку войскъ оттуда. Затѣмъ противъ Телиша съ цѣлю демонстративной атаки были направлены четыре баталіона, восемь эскадроновъ и 14 орудій. Кроме того, для непосредственнаго заслона съ этой стороны и охраненія тыла войскъ дѣйствующихъ противъ Горняго Дубняка съ юга, было назначено еще восемь эскадроновъ при 6 орудіяхъ, которые должны были своимъ огнемъ содѣйствовать демонстративной атакѣ Телиша. Всего же для обезпеченія войскъ дѣйствовавшихъ противъ Горняго Дубняка со стороны Радомирцеъ было назначено четыре баталіона, двадцать девять эскадроновъ и 34 орудія.

Вотъ рядъ мѣръ кловившихся къ задержанію турецкихъ войскъ въ мѣстахъ ихъ первоначальнаго расположенія и къ полному уединенію операцій главнаго удара подъ Горнимъ Дубнякомъ. Ходъ дѣлъ увѣчалъ всѣ эти мѣры полнымъ успѣхомъ. Османъ-паша, какъ это сдѣлалось извѣстнымъ въ послѣдствіи, цѣлый день ожидалъ штурма, держалъ всѣ свои войска подъ ружьемъ до поздняго вечера и не двинулъ изъ Плевны ни одного солдата. Изъ Дольняго Дубняка двинулось было утромъ одинъ или два баталіона, но немедленно задержанные вернулись назадъ и затѣмъ не пытались уже идти на помощь къ Горнему Дубняку. Къ Телишу, около десяти часовъ утра, началъ было подходить отрядъ изъ трехъ баталіоновъ при четырехъ орудіяхъ; но встрѣченный лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ, при двухъ орудіяхъ капитана Мартенова, послѣ непродолжительнаго боя отступилъ къ Радомирцамъ, въ исходѣ двѣнадцатаго часа. Шефкетъ-паша двинулъ часть своихъ войскъ (сколько именно намъ до сихъ поръ неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ не менѣе десяти баталіоновъ) на помощь Телишу (а не Горнему Дубняку); но двинулъ ихъ довольно поздно, около двѣнадцати часовъ. Этотъ отрядъ подойдя, въ началѣ втораго часа, къ караулкѣ въ пяти верстахъ отъ Телиша, былъ встрѣченъ лейбъ-драгунами и увидѣвъ что цѣль его движенія отбитіе атаки Русскихъ на телишскую позицію достигнута оставался въ трехъ верстахъ отъ него и дальше не пошелъ. Наконецъ Гаки-паша (командантъ Телишскаго гарнизона), довольный тѣмъ что ему удалось удержать позицію, и видя передъ собой съ двухъ сторонъ сильныя кавалерійскія части, не двинулъ на помощь къ Горнему Дубняку ни одного баталіона.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ войска дѣйствовавшія подъ Горнымъ Дубнякомъ не были ни малѣйшимъ образомъ потревожены ни съ той ни съ другой стороны. Такимъ образомъ наглавнѣйшее условіе успѣха всей операціи, замкнутіе блокадной линіи съ западной стороны Плевны, было вполнѣ достигнуто.

Главный ударъ. Но успѣхъ всей совокупности демонстративныхъ дѣйствій обнаружился только вечеромъ 12 октября. Наканувъ же этого дня поручиться за этотъ успѣхъ очевидно было невозможно. Такъ Османъ-паша, несмотря на цѣлый рядъ направляемыхъ противъ Плевны демонстрацій, все-таки могъ бы разгадать главную цѣль дѣйствій, и оцѣнивъ всю мѣру наступавшей для него опасности, могъ бросить плевенскія укрѣпленія и обрушиться на насъ значительною частію своей арміи. Принимая во вниманіе что, какъ уже было сказано, въ этомъ случаѣ нельзя было разчитывать на активное содѣйствіе главныхъ силъ западнаго отряда занимавшаго линію обложенія, можно было предвидѣть что 24 баталіона, даже подкрѣпленные въ послѣдствіи тремя полками 3й гвардейской пѣхотной дивизіи, было бы далеко недостаточно для удержанія почти всей 80 баталіонной турецкой арміи. Другихъ же войскъ могущихъ поддержать эти 24 баталіона не было. Очевидно что въ этомъ случаѣ успѣхъ всей операціи замкнутія блокадной линіи и удержанія арміи Османъ-паша могъ бы быть совершенно разстроены. То же самое могло бы случиться еслибъ и Шефкетъ-паша, не будучи обманутъ ложною атакой Телиша, двинулся бы со всею своею арміею, для оказанія самой дѣятельной поддержки Горно-Дубнякскому гарнизону. Для болѣе же солиднаго обезпеченія всей операціи не было болѣе войскъ. Поэтому для предупрежденія серьезной опасности, съ какой бы стороны она ни появилась, не оставалось другаго средства какъ употребить въ дѣло тѣ же войска которыя оперировали противъ Горнаго Дубняка. Это же обстоятельство, въ свою очередь, требовало чтобы главная атака противъ этой позиціи была такъ соображена чтобы она могла быть окончена настолько скоро чтобы войска для нея назначенныя не только не были обезлокоены во время своихъ дѣйствій, но еще могли бы быть своевременно направлены для отраженія опасности съ которой бы стороны она ни появилась. Это условіе первой важности могло быть достигнуто, вопервыхъ, назначеніемъ для главной атаки

достаточнаго числа войскъ; восторыхъ, выборомъ отвѣчающей этому условію формы атаки.

Такъ какъ, по имѣвшимся свѣдѣніямъ, число турецкихъ батальоновъ занимавшихъ Горне - Дубнякскую позицію опредѣлялось отъ 5 до 7, при 4хъ орудіяхъ, то для атаки этой позиціи было назначено 20 батал., 17 вск. и сотенъ и 54 орудія. Превосходя непріятели въ 3 или даже 4 раза лѣхотой и почти въ 14 разъ артиллеріей, позволительно было думать что съ этой стороны сказанное условіе вполнѣ удовлетворялось.

Что касается формы атаки, то было рѣшено прибѣгнуть къ самой рѣшительной формѣ ея, то-есть была выбрана концентрическая атака со всѣхъ сторонъ. Выгоды этой формы атаки представлялись слѣдующія: 1) только при ней можно было развить всю силу артиллерійскаго огня и извлечь изъ нея наибольшую выгоду. Обстрѣливая укрѣпленія съ одной или двухъ сторонъ, достигнуть мало-мальски удовлетворительныхъ результатовъ можно только послѣ обстрѣливанья въ теченіе весьма продолжительнаго періода времени, такъ какъ непріятель при подобной бомбардировкѣ всегда можетъ найти укрытія отъ выстрѣловъ. При обстрѣливаньи же со всѣхъ сторонъ, непріятель лишается этой возможности, а слѣдовательно и поражение его достигаетъ наибольшей степени развитія. Подготовкѣ штурма сильнымъ артиллерійскимъ огнемъ генералъ Гурко придавалъ громадное значеніе; онъ постоянно говорилъ, „что Турокъ держится за укрѣпленіями какъ клещъ, что выбить его оттуда обыкновенно бываетъ очень трудно, но что разъ выбитый онъ бѣжитъ какъ заяцъ“. Поэтому генералъ Гурко постоянно рекомендовалъ самую тщательную, серьезную подготовку штурма артиллерійскимъ огнемъ и затѣмъ быстрый, дружный и энергичный ударъ въ штыки, и потому-то онъ и придавалъ атакующимъ войскамъ такое большое число орудій (въ послѣдствіи были привлечены еще 6 конныхъ орудій, такъ что противъ Горняго - Дубняка дѣйствовали всего 60 орудій). 2) При этой формѣ атаки, сила обороны ослабляется до возможныхъ предѣловъ; ибо, во-первыхъ, она не концентрируется на одномъ или нѣсколькихъ пунктахъ, но равномерно распредѣляется по всей линіи, а слѣдовательно ослабляется до послѣднихъ предѣловъ; восторыхъ же видъ опасности со всѣхъ сторонъ несравненно внушительнѣе вида опасности только съ одной или нѣсколькихъ сторонъ, а потому болѣе потрясается нравственный духъ

обороняющихся. Такимъ образомъ сила обороны, при этой формѣ атаки, ослабляется и матеріально и нравственно. 3) Сила атаки достигаетъ наибольшаго развитія потому что при ней можно ввести въ дѣло разомъ гораздо большее число войскъ чѣмъ при атакѣ на одинъ или нѣсколько фасовъ, въ особенности же когда фасы укрѣпленій не очень велики и не допускаютъ одновременной атаки большимъ числомъ частей. Наконецъ, 4) при этой формѣ избѣгается скученность войскъ въ глубинѣ.

Вотъ эти именно соображенія, болѣе всего удовлетворяющія вышесказанному условію—*быстротѣ дѣйствій*, побудили выбрать концентрическую атаку со всѣхъ сторонъ.

По окончательномъ принятіи этой формы, былъ выработанъ слѣдующій планъ атаки: въ исходѣ девятаго часа утра всѣ колонны должны были быть на своихъ мѣстахъ и начать обстрѣливанье турецкаго укрѣпленія со всѣхъ сторонъ. Эта бомбардировка должна была продолжаться до тѣхъ поръ пока не получатся свѣдѣнія о приближеніи серьезной опасности съ той или другой стороны. Принимая же во вниманіе что турецкому главнокомандующему нужно было время для того чтобы разгадать истинную цѣль совершающихся операцій, оцѣнить степень предстоявшей опасности, рѣшиться двинуться на помощь къ Горнему Дубляку, отдать соответствующія приказанія и наконецъ приблизиться настолько чтобы оказать вліяніе на ходъ дѣйствій войскъ подъ Горнимъ Дублякомъ, — предполагалось что это вліяніе не можетъ проявиться раньше двухъ часовъ пополудни. А потому предполагалось начатую около 9 часовъ утра бомбардировку вести съ полною энергіей до этого времени, т.-е. приблизительно въ продолженіе 5 часовъ. Еслибы около этого времени опасность съ той или другой стороны дѣйствительно проявилась, то было рѣшено отдать приказаніе объ одновременномъ штурмѣ со всѣхъ сторонъ, причемъ, само собою разумѣется, артиллерійскій огонь долженъ былъ прекратиться какъ только войска подошли бы къ укрѣпленію на столько близко что оны могъ бы наносить имъ вредъ. Если же около этого времени не проявилось бы никакой опасности, то предполагалось продолжить бомбардировку еще на нѣкоторое время. Во всякомъ же случаѣ предполагалось всѣ дѣйствія подъ Горнимъ Дублякомъ окончить къ 3 часамъ пополудни, и это для того чтобы имѣть еще нѣсколько часовъ до сумерекъ чтобы

вмѣстѣ съ начальниками частей объѣхать мѣстность, выбрать позицію, намѣтить на ней укрѣпленія и въ теченіе ночи съ 12 на 13 октября возвести ихъ, такъ какъ очевидно что еслибы 12 октября не было произведено никакого наступленія ни со стороны Плевны, ни со стороны Радомирець, то оно могло бы быть сдѣлаано на слѣдующій день.

Вотъ въ чемъ состоялъ планъ дѣйствій 12 октября. Въ то время предполагалось что планъ этотъ увѣнчается полною и притомъ легкою побѣдой, потому что были увѣрены что неприятель не выдержитъ продолжительной и сильной бомбардировки, или если и выдержитъ, то онъ уже настолько будетъ надломленъ и физически и нравственно что не окажется сильнаго сопротивленія нашимъ войскамъ когда они будутъ двинуты на штурмъ.

Но всякому знакомому съ тѣмъ какъ въ дѣйствительности совершается ходъ военныхъ событій, очень хорошо известно что, сплошь да рядомъ, при самомъ началѣ дѣйствій являютя причины вызывающія значительныя отступленія отъ первоначальнаго плана. Въ данномъ случаѣ причины эти явились весьма рано на фронтѣ наступленія средней колонны (1а бригада 2й гвард. лѣв. дивизіи) и побудили командира лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка предпринять штурмъ малаго редута не выжидая результатовъ бомбардировки.

Для объясненія этихъ причинъ приводимъ подлинную выписку изъ походнаго дневника лейбъ-гвардіи гренадерскаго полка.

„Выступили изъ Іену-Баркача въ 2 часа ночи, затѣмъ, по переправѣ на лѣвый берегъ рѣки Видъ, полкъ былъ построенъ фронтомъ къ Горнему Дубняку имѣя въ авангардѣ 4й баталіонъ, во второй линіи 2й и 3й баталіоны; первый же былъ оставленъ въ общемъ резервѣ, вмѣстѣ съ лейбъ-гвардіи сапернымъ баталіономъ. Въ такомъ порядкѣ полкъ былъ двинуть къ Горнему Дубняку, по мѣстности почти сплошь покрытой кустарникомъ молодого дуба, а отчасти и кукурузой. Въдствие пересѣченной мѣстности, сохраненіе разъ принятаго направленія было крайне трудно, а потому на каждой полянкѣ полкъ былъ приостанавливаемъ и исправлялись ошибки въ направленіи, причемъ также возстановлялась связь съ батареями слѣдовавшими на нашемъ правомъ флангѣ, и съ лейбъ-гвардіи Московскимъ полкомъ который шелъ правѣе батарей. Въ разстояніи около трехъ верстъ отъ Горняго Дуб-

нака авангардъ былъ встрѣченъ выстрѣлами передовыхъ постовъ непріятеля, который однако вскорѣ скрылся изъ виду. Волѣдъ затѣмъ, въ непріятельскомъ лагерѣ ударили тревогу, что чрезвычайно облегчило движеніе полка впередъ, такъ какъ звукъ рожковъ облегчалъ сохранять направленіе движенія. Первые выстрѣлы противника раздался въ разстояніи около версты отъ укрѣпленія, но нашъ авангардъ не отвѣчая на нихъ продолжалъ дальнѣйшее наступленіе по кустарнику, причемъ, какъ оказалось въ послѣдствіи, онъ забралъ слѣшкомъ вѣзв. 2й и 3й баталіоны слѣдовавшіе за авангардомъ также приняли вѣзв и весь полкъ расположился на той позиціи которую, согласно общимъ распоряженіямъ, слѣдовало занять лейбъ-гвардіи Павловскому полку. Въ это время къ оврагу что у Софійскаго шоссе стала подходить 2я бригада и раздался первые выстрѣлы ея артиллеріи. Такъ какъ 4й баталіонъ, слѣдовавшій въ авангардѣ, приблизился къ опушкѣ кустарника и открылъ огонь, то оказалось возможнымъ передвинуть на надлежащее мѣсто только 2й и 3й баталіоны, которымъ безотлагательно и были посланы соотвѣтствующія приказанія. Въ это же время была произведена рекогносцировка непріятельской позиціи, при которой разсмотрѣно расположеніе высокаго передоваго редута обороняющаго доступы къ главной позиціи, свойства которой разсмотрѣть не было возможности, а также и то что впереди лежащая мѣстность вплоть до самаго укрѣпленія представляла собой совершенно открытое пространство прежде покрытое кустарникомъ, который былъ вырубленъ и на мѣстѣ его осталась только лии и лежали срубленные вѣтки дубняка. Когда 2й и 3й баталіоны согласно вышесказанному приказанію заняли свои мѣста (3й баталіонъ сталъ правѣ 2го), то уже огонь непріятеля сталъ такъ чувствителенъ что изъ числа людей 2го баталіона и 3го, хотя никто изъ нихъ еще не показывался на опушкѣ, стали появляться раненые и убитые въ такомъ числѣ что оставаться долѣе на этой позиціи оказалось положительно невозможнымъ, тѣмъ болѣе что это была бы лишь бесполезная трата людей, такъ какъ наши выстрѣлы не могли нанести ни малѣйшаго вреда непріятелю скрытому за насылами своихъ укрѣпленій.

„Мѣсто изъ котораго сыпался этотъ градъ пуль только и обозначалось тонкою сѣрою полосой дыма, а затѣмъ и это все смѣшалось будучи покрыто образовавшимися цѣлыми обла-

ками дыма, изъ которыхъ все спавше и спавше летали пули въ кустарникъ.

„Для такъ оставаться не могло; надо было принять какое-либо рѣшеніе, либо отойти назадъ въ глубь кустарника, или же двинуться на штурмъ передоваго редута чтобы, занявъ его, облегчить этимъ доступъ къ главной позиціи и получить возможность, остановившись на высотѣ на которой онъ былъ расположенъ, наносить вредъ непріятелю огнемъ съ близкаго расстоянія и имѣть хотя небольшое укрытіе отъ его губительнаго огня, какъ за насылью редута, такъ и за мѣстными закрытіями бывшими вблизи главнаго укрѣвленія (домикъ, стога сѣна, и т. д.).

„Изъ двухъ возможныхъ рѣшеній было принято второе—идти на штурмъ передоваго редута, такъ какъ первое, то-есть отступление въ глубь кустарника, въ лощину, признавалось не соответствующимъ обстоятельствамъ, въ особенности въ виду того что люди были первый разъ въ огонь, изъ нихъ многие были уже убиты и еще большее число ранены; убывъ въ офицерахъ также оказалась не малая, а потому безо всякаго сомнѣнія отступление при этихъ условіяхъ могло бы имѣть дурное вліяніе на нравственную сторону людей.

„Для исполненія принятаго рѣшенія было приказано 2му баталіону идти на штурмъ передоваго редута, а 3му баталіону поддержать атаку, наступая правѣе“.

Вотъ какія случайныя и всегда въ бою возможныя причины вызвали штурмъ малаго редута, предпринятый въ походѣ десятаго часа утра. Непосредственнымъ результатомъ этого штурма было оставленіе Турками почти всей линіи передовыхъ ложементовъ, вслѣдствіе чего подходъ войскъ двухъ остальныхъ коловнъ значительно облегчился. Дальнѣйшимъ же слѣдствіемъ было: вопервыхъ, возможность обстрѣливанья внутренности редута близкимъ ружейнымъ огнемъ; во вторыхъ, возможность послѣдовавшаго затѣмъ постелемнаго занятія рва главнаго редута.

Вслѣдъ за взятіемъ малаго редута начался цѣлый рядъ отдѣльных штурмовъ, предпринимавшихся по личной инициативѣ частныхъ начальниковъ съ цѣлю развить штурмъ малаго редута. Вслѣдствіе этого, войска весьма скоро подошли къ главному укрѣвленію на такое близкое расстояние что пришлось или совсѣмъ прекратить артиллерійскій огонь или ослабить его до послѣднихъ предѣловъ. Такимъ образомъ

серіозной подготовки штурма артиллерійскою бомбардировкой почти совсѣмъ не было, и она ограничилась лишь уничтоженіемъ непріятельской артиллеріи.

Но и въ этотъ сравнительно короткій періодъ времени въ который артиллерія могла дѣйствовать, она успѣла нанести непріятелю много весьма существенныхъ потерь. Въ послѣдствіи комендантъ Горне-Дублякского гарнизона, Гефзи-паша, говорилъ что въ виду громаднхъ потерь и полной безнадежности успѣха защиты, онъ около 3 часовъ приказалъ выкинуть бѣлый флагъ, но что назначенный для этого адъютантъ былъ убитъ какъ только началъ входить на валъ для исполненія этого приказанія. Затѣмъ онъ еще два раза приказывалъ поднять флагъ, но каждый разъ лица его поднимавшія были убиваемы и сигналъ сдачи оставался незамѣченнымъ.

Въ настоящее время, уже послѣ того какъ фактъ совершился, послѣ того какъ карты, такъ-сказать, открыты, могутъ возбудиться слѣдующіе вопросы: 1) почему часъ штурма не былъ опредѣляемъ въ диспозиціи? 2) Почему войска не были предупреждены что безъ особаго распорядженія они не должны предпринимать штурма турецкихъ укрѣпленій?

Считаемъ долгомъ разъяснить эти могущіе возникнуть вопросы.

1) Часъ штурма находился въ зависимости отъ тѣхъ свѣдѣній которыя могли получиться со стороны Плевны или Радомирецъ; а потому установить этотъ часъ заранѣе очевидно было невозможно. Хотя и предполагалось что никакой серіозной опасности раньше двухъ часовъ не проявится, но предполагать не значить знать навѣрное, тѣмъ болѣе что въ основаніи разчета времени лежало другое предположеніе, а именно что Турки въ обоихъ упомянутыхъ пунктахъ узнаютъ о движеніи большаго числа войскъ довольно поздно, приблизительно между 8 и 9 часами утра, и съ этою именно цѣлію всѣ передвиженія дѣлались ночью. Но кто могъ заранѣе поручиться что эти ночныя передвиженія въ дѣйствительности не будутъ замѣчены Турками? Вообще множество причинъ могли разстроить это предположеніе и вызвать болѣе ранній штурмъ.

На этомъ основаніи было рѣшено: дѣйствительный часъ штурма назначить на полѣ сраженія въ зависимости отъ дѣйствительнаго хода дѣлъ; соображеніе же о штурмѣ между 2

и 3 часами дня было лишь руководящимъ принципомъ для самого начальника отряда.

2) Еслибы въ диспозиціи было помѣщено что безъ приказанія не штурмовать, то необходимо было бы тутъ же перечислить всѣ тѣ случаи когда слѣдовало бы штурмовать и не ожидая приказаній. Такъ слѣдовало бы сказать: если какая-либо колонна захватитъ непріятеля въ распахъ, слѣдуетъ штурмовать, не ожидая приказаній; если какая-либо колонна встрѣтитъ непріятеля въ укрѣпленій и явится возможность ворваться туда ло его латамъ, то не ожидать приказаній, и т. л. Въ теченіе двухъ, трехъ часовъ можно придумать цѣлую дюжину подобныхъ случаевъ и все-таки не перечислить всѣхъ, и все-таки пропустить тотъ именно который представился бы въ дѣйствительности. Перечисленіе подобныхъ случаевъ въ диспозиціи сбило бы съ толку всѣхъ начальниковъ и было бы величайшею и непростительнѣйшею ошибкой. Помѣщать же такое категорическое приказаніе безъ этихъ исключеній было бы насиліемъ надъ логикой событій. Оцѣнка всѣхъ подобныхъ случаевъ есть дѣло частныхъ начальниковъ, есть дѣло субъективныхъ воззрѣній въ каждомъ частномъ случаѣ. Нѣтъ и не можетъ быть такого начальника который бы не зналъ что штурмъ долженъ быть серіозно подготовляемъ артиллерійскимъ огнемъ—это азбука военного дѣла. Если же частный начальникъ рѣшается на штурмъ безъ этой подготовки, то значитъ что въ данномъ случаѣ онъ видитъ причины первой важности, заставляющія его отступить отъ этого основнаго правила. При этомъ положительно можно сказать что никто изъ частныхъ начальниковъ никогда не рѣшится на подобное отступленіе если не сочтетъ что обстановка, самымъ настоящимъ образомъ, вызываетъ его на это отступленіе. Вотъ почему стѣснять до такой степени диспозиціей инициативу частныхъ начальниковъ невозможно.

Очевидно что при этой оцѣнкѣ частные начальники иногда могутъ и ошибиться (*ergare humanum est*); но очевидно также что обвинять ихъ за эти ошибки можно только въ тѣхъ случаяхъ когда онѣ дѣлаются въ сторону мимуса, то-есть трусости, а не въ сторону лауса, то-есть храбрости.

Вотъ почему въ диспозиціи на 12 октября были помѣщены лишь общіе директивы: для различныхъ колоннъ, а не распisanіе хода сраженія по часамъ, съ различными отъ него уклоненіями.

IV.

Для разъясненія истиннаго значенія операцій лейбъ-гвардіи Егерскаго полка подъ Телишемъ 12 октября 1877 г., мы обратились къ полковникамъ генеральнаго штаба Ставровскому и Пузыревскому съ просьбой сообщить намъ все что они помнятъ относительно четвертаго параграфа диспозиціи, касавшагося дѣйствій лейбъ-егерей подъ Телишемъ; такъ какъ эти офицеры были приглашены два за два или за три до 12 октября для просмотра составленной уже диспозиціи. Оба офицера отвѣтили намъ письменно; съ ихъ разрѣшенія приводимъ слѣдующія выписки изъ ихъ писемъ:

„По содержанію письма вашего могу сообщить нижеслѣдующее: когда вы составили диспозицію для выхода гвардейскаго корпуса на Софійское шоссе, 12 октября 1877 г., то пригласили меня и полковника Ставровскаго, какъ состоявшихъ при штабѣ отряда офицеровъ генеральнаго штаба, съ тою цѣлію чтобы просмотрѣть эту диспозицію и помочь вамъ переписать ее. *Я совершенно хорошо помню* что между прочимъ былъ вамъ возбужденъ вопросъ относительно выраженія „демонстрировать“, помѣщеннаго въ параграфѣ касавшемся дѣйствій лейбъ-гвардіи Егерскаго полка противъ Телиша. *Съ такою же отчетливостію помню* что вы рѣшили замѣнить его выраженіемъ „атаковать“, причемъ ссылались на указанія науки, которая говоритъ что войска назначаемыя для демонстративныхъ дѣйствій не должны быть объ этомъ предупреждаемы, иначе они могутъ недостаточно энергично исполнить свое назначеніе и тѣмъ открыть глаза противнику. Этотъ разговоръ былъ самымъ существеннымъ содержаніемъ нашей бесѣды. Затѣмъ то обстоятельство что въ реляціи генерала Гурко дѣйствія лейбъ-гвардіи Егерскаго полка были описаны какъ демонстрація противъ Телиша было для меня совершенно понятнымъ; ибо реляція должна была выяснитъ настоящія, истинныя цѣли и предположенія главнаго начальника; цѣль же эта опредѣлялась первоначально редакціей диспозиціи, измѣненной въ моемъ присутствіи по вышеуказаннымъ соображеніямъ. *А. Пузыревскій.*“

„Черновая диспозиція на 12 октября была прочитана вами при мнѣ и П. Пузыревскомъ. При этомъ *я хорошо помню*

что вопросъ о демонстраціи лейбъ-гвардіи Егерскаго полка на Телишъ вызвалъ со стороны вашей указаніе на неустѣпность демонстративной атаки противъ Инкермана, единственно потому что князю Горчакову было извѣстно раньше что на его долю выпадаютъ дѣйствія демонстративныя. Вслѣдствіе этого князь Горчаковъ всею совокупностію своихъ въ высшей степени нерѣшительныхъ дѣйствій навелъ генерала Боске на мысль что главный ударъ ведется въ противоположной сторонѣ. Вслѣдствіе этого вы рѣшились доложить объ этомъ генералу Турко и просить его назвать въ диспозиціи характеръ дѣйствій подъ Телишемъ *не демонстраціей, а атакой*. Также помню что я сожалѣлъ что на долю лейбъ-егерей выпадаетъ второстепенное дѣйствіе, тогда какъ они вѣроятно горятъ желаніемъ сойтись съ Турками не на простой угрозы. На это вы сказали что часто, смотря по ходу дѣла, и ложныя атаки обращаются въ серьезныя и что быть-можетъ и на этотъ разъ Турки сломаются и отдадутъ Телишъ.... *К. Ставропольскій.*“

Намъ кажется что эти два письма вполне разъясняютъ вопросъ объ истинномъ значеніи операціи лейбъ-гвардіи Егерскаго полка подъ Телишемъ; а потому не находимъ нужнымъ прибавить еще что-либо въ его разъясненіе. Кто знаетъ военное дѣло очень хорошо, тотъ понимаетъ что между реляціей и диспозиціей вѣтъ никакого противорѣчія. Для тѣхъ же которые не изучали военного дѣла, приводимъ слѣдующую выписку изъ курса тактики генерала Леера:

„Ложныя атаки, демонстраціи имѣютъ ближайшею цѣлію отвлечь вниманіе непріятели отъ пункта главной атаки, заставить его дать ошибочное направленіе резервамъ.

„Для успѣха ложной атаки необходимо чтобы пунктъ на который она ведется имѣлъ важное значеніе, по возможности настолько же важное, какъ и пунктъ на который ведется главная атака, иначе цѣль не будетъ достигнута, потому что непріятель не откажется отъ войскъ важнаго пункта для удержанія въ своей власти второстепеннаго. Далѣе желательно было бы чтобы пунктъ на который ведется ложная атака былъ по возможности болѣе удаленъ отъ пункта на который ведется главная атака, съ тѣмъ, чтобы непріятель, разъ вдавшись въ ошибку, не имѣлъ бы, когда дѣло разъяснится, времени на исправленіе ея. Наконецъ для успѣха

ложной атаки необходимо еще чтобы она ведена была настолько же рѣшительно и энергически, какъ главная атака, иначе нельзя непріятеля вовлечь въ обманъ, и вѣрѣйшимъ средствомъ въ этомъ отношеніи служить то чтобы ни войска, ни ихъ начальники не знали что атака имъ порученная есть ложная атака. Всѣ эти условія получили самое полное примѣненіе въ ложной атакѣ веденной Французамъ въ Бауценскомъ сраженіи. Какъ примѣры ложныхъ атакъ, лучшительныхъ въ отрицательномъ смыслѣ, служатъ Дрезденское и Инкерманское сраженіе⁶. (*Записки тактики для военныхъ училищъ*, стр. 311 и 312.)

Въ данномъ случаѣ: 1) всѣ три пункта,—Горній и Дольній Дубняки и Телишъ—имѣли въ глазахъ Турокъ совершенно одинаковое важное значеніе. 2) Телишъ отстоялъ отъ Горняго Дубняка въ довольно большемъ разстояніи, около 8 верстъ. 3) Ложная атака была ведена весьма рѣшительно и энергически. И, наконецъ, 4) ни войска, ни ихъ начальники совершенно не знали что атака имъ порученная есть ложная атака.

Въ результатъ, хотя лейбъ-гвардіи Бгерскій полкъ и потерялъ гораздо болѣе чѣмъ Чоргувскій отрядъ князя Горчакова * въ сраженіи подъ Инкерманомъ, но за то принесъ неоцѣнимую заслугу какъ операціямъ 12 октября, такъ и общему ходу военныхъ дѣйствій за Дунаемъ.

Вообще дѣйствія нашего Телишскаго отряда до настоящаго времени не оцѣнены по достоинству. Всѣ конечно знаютъ о мужественной атакѣ Телиша лейбъ-егерями; но никому не извѣстно о той весьма серіозной опасости которая угрожала съ этой стороны ходу операцій противъ Горняго Дубняка и которая могла бы проявить свое дѣйствіе около 4 часовъ полудни. А между тѣмъ, какъ то видно изъ донесенія капитана лейбъ-гвардіи Драгувскаго полка Мейнандера, около 12 часовъ дня, значительная часть войскъ стоявшихъ у Радомирець была поднята съ бивака по тревогѣ и двинута къ Телишу. (Въ донесеніи сказано: весь лагерь. Въ такомъ случаѣ въ колоннѣ, двинувшейся къ Телишу, должно было быть около 20 или 25 баталіоновъ. Но такъ какъ съ Ракитскихъ высотъ опредѣляли силу колонны не многимъ болѣе

* Чоргувскій отрядъ потерялъ 19 человекъ. Остальныя же войска потеряли подъ Инкерманомъ около 10.500 человекъ.

10 баталіонавъ, то мы думаемъ что благодаря гористой мѣстности, капитанъ Мейландеръ могъ не видѣть всего лагеря. А потому выраженіе—„весь лагерь“ могло относиться только къ той части котору оны могъ въ дѣйствительности видѣть. Впрочемъ это объясненіе можетъ-быть и не вѣрно.) Вслѣдъ за симъ, именно въ началѣ втораго часа пополудни, съ Ракитской высоты была замѣчена большая масса войскъ двигавшихся отъ Радомирецъ къ Телашу, голова которой, около 1 часу 15 минутъ, подходила къ караулку на шоссе, въ 5 верстахъ отъ Телаша. Изъ какого именно числа баталіонавъ состояла эта „большая масса войскъ“ * въ точности неизвѣстно. Но въ то время полагали что тутъ было болѣе 10 баталіонавъ съ артиллеріей.

Эта колонна могла около 3 часовъ соединиться съ войсками Телашскаго гарнизона и составивъ отрядъ силой отъ 10 до 15 баталіонавъ (а можетъ-быть и болѣе), появиться около 4 часовъ или въ началѣ пятого, въ разстояніи пушечнаго выстрѣла въ тылу нашей лѣвой колонны. Очевидно что появленіе этого отряда могло оказать самое пагубное вліяніе на успѣхъ операцій подъ Горнями Дубякомъ.

Но турецкіе лашы, сбитые съ толку всеѣмъ что происходило въ окрестностяхъ Телаша, и не имѣя возможности своевременно узнать что именно происходило около Горняго Дубяка, остановились и начали праздновать свою quasi побѣду. Шедшая изъ Радомирецъ колонна даже не дошла до Телаша, а остановилась верстахъ въ трехъ отъ него.

Еще ранѣе, а именно около 9 часовъ 30 мин. утра, отрядъ состоявшій изъ трехъ баталіонавъ при четырехъ орудіяхъ, конвоируя транспортъ, подходилъ къ Телашу. Оны былъ встрѣченъ у караулки лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ, при двухъ орудіяхъ гвардейской конной артиллеріи капитана Мартынова (лейбъ-гвардіи 5й батареи). Транспортъ очень скоро повернулъ назадъ въ Радомирцы; отрядъ же вступилъ въ дѣло съ лейбъ-драгунами, которое продолжалось почти до 11 час. 30 мин. Около этого времени, капитанъ Мартыновъ, дѣйствуя изъ своихъ двухъ орудій, подбилъ одно турецкое орудіе, заставилъ замолчать остальные три и тѣмъ принудилъ турецкую батарею къ отступленію. Вслѣдъ за батареей началъ отступать и весь отрядъ по направленію къ Радо-

* Выраженіе походнаго дневника лейбъ-гвардіи Драгунскаго полка.

мирцамъ. Это небольшое, но блестящее дѣло, безо всякаго сомнѣнія, имѣло громадные послѣдствія. Турецкій отрядъ отступая къ Радомирцамъ встрѣтилъ колонну шедшую оттуда къ Телашу. Не подлежитъ сомнѣнію что отрядъ этотъ, по общему свойству всѣхъ отступающихъ преувеличиваетъ силы того отряда предъ которымъ онъ отступаетъ, увѣрилъ шедшую изъ Радомирець колонну что Ракитскія высоты заняты значительнымъ отрядомъ пѣхоты съ артиллеріей (лейбъ-драгуны сражались въ пѣшемъ строѣ). Вѣроятно это именно обстоятельство и было причиною того что уломяутый десятибатальонный отрядъ остановился верстахъ въ трехъ отъ Телаша. Цѣль съ которою онъ шелъ—отбитіе Русскихъ отъ Телаша—уже была достигнута; что дѣлалось у Горяго Дубняка онъ не зналъ; мнимый же отрядъ на Ракитскихъ высотахъ угрожалъ его пути отступленія; совокупность этихъ обстоятельствъ и вынудила его остановиться. Эта же остановка дала намъ возможность покончить съ Горнымъ Дубнякомъ.

Вотъ въ чемъ именно состоитъ великая, но къ сожалѣнію, до сихъ поръ неопыренная по достоинству заслуга нашего Телашскаго отряда, блестящимъ образомъ исполнившаго возложенную на него задачу.

V.

Касательно послѣднихъ распоряженій отданныхъ начальникомъ отряда, мы можемъ сообщить слѣдующее. Въ исходѣ четвертаго часа, въ виду цѣлаго ряда неудачныхъ попытокъ къ овладѣнію большимъ турецкимъ редутомъ, среди нѣкоторыхъ лицъ состоявшихъ въ свитѣ начальника отряда явилось сомнѣніе въ возможности достиженія успѣха и явилось предположеніе объ отступленіи. Мысли эти были высказаны въ слухъ. На это генералъ Гурко замѣтилъ: „любѣда дается тому кто улюрно къ ней стремится; а потому съ наступленіемъ сумерекъ я произведу еще одну попытку. Если же и она не удастся, то только тогда отведу войска на цѣлю батарей и возобновлю дѣйствія завтра съ ранняго утра“.

Вслѣдъ за этимъ разговоромъ вернулся на батарею, на которой въ то время находился генералъ Гурко, графъ Шуваловъ начальствовавшій въ этотъ день обѣими колоннами составленными изъ войскъ 2й гвардейской пѣхотной дивизіи (онъ ѣздилъ на встрѣчу выходившему въ то время изъ лѣсу 1му баталіону д.-гв. Измайловскаго полка). Вскорѣ послѣ этого генералъ Гурко оставилъ лѣвую колонну и поѣхалъ въ

11 c

среднюю. Графъ Шуваловъ провожалъ его на вѣкоторое разстояніе и въ это время получалъ инструкцію для дальнѣйшихъ дѣйствій войскъ входившихъ въ составъ лѣвой и средней колоннъ. Такъ какъ мы лично не слышали словъ генерала Гурко, то обратились къ графу Шувалову съ просьбой сообщить намъ смыслъ полученной имъ инструкціи. Съ разрѣшенія графа Шувалова, приводимъ выписку изъ полученнаго нами отвѣта: „....Отѣхавъ отъ батареи, я вѣкоторое время провожалъ генерала Гурко, и вотъ въ этотъ промежутокъ времени генералъ Гурко выразилъ желаніе чтобы я еще ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ моей правой колоннѣ (1я бригада 2й гвардейской лѣхотной дивизіи), расположеніе которой было закрыто отъ нашихъ глазъ густымъ дубовымъ кустарникомъ. Генералъ пожелалъ чтобы мои войска оставались пока на занятыхъ ими позиціяхъ, и если при ближайшемъ ознакомленіи съ положеніемъ дѣлъ оказалось бы положительно невозможнымъ предпринять еще что-либо при наступленіи сумерекъ, то съ началомъ темноты вывести войска изъ сферы сильнаго ружейнаго огня, расположить ихъ отаудъ не далѣе линіи батарей, въ теченіе ночи окопаться и съ началомъ разсвѣта открыть усиленную бомбардировку турецкаго редута.“

Затѣмъ послѣтивъ среднюю колонну и ознакомившись лично съ положеніемъ дѣлъ въ ней, генералъ Гурко поѣхалъ далѣе съ намѣреніемъ передать генералу Эллису, начальствовавшему правою колонной, подобную же инструкцію.

Но войска, значительная часть которыхъ въ это время уже находилась во рву редута, пошли на встрѣчу желаніямъ главнаго начальника отряда и прежде полученія какихъ-либо приказаній предприняли штурмъ по собственной инициативѣ. Этотъ штурмъ увѣчался успѣхомъ и былъ послѣднимъ актомъ этого кроваваго дня.

Мы искренно сожалѣемъ что вмѣсто полнаго и подробнаго описанія хода операцій 12 октября, мы предлагаемъ вниманію лублики лишь отрывочныя объясненія вѣкоторыхъ сторонъ этихъ операцій. Быть-можетъ обстоятельства позволятъ намъ исполнить этотъ трудъ въ послѣдствіи. На настоящую же замѣтку нашу мы просимъ смотрѣть какъ на допавеніе къ появившимся уже разказамъ и описаніямъ.

Д. НАГЛОВСКІЙ.

ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ

РОМАНЪ

Се темнота покроетъ земяю и
мракъ народы.

Исаія, гл. LX, ст. 2.

И удѣлявшій остатокъ дома Ю-
дѣи опять пустить корни внизу
и принесеть плодъ наверху.

Исаія, гл. XXXVII, ст. 31.

КНИГА ПЕРВАЯ.

I. Шаббось-кодешъ.

„И былъ вечеръ, и было утро — день шестой“.

Такъ думалъ каждый добрый Израильтянинъ изъ обывате-
лей западно-русскаго губернскаго города Украинска во едину
отъ пятницъ, мѣсяца Сивана (по нашему—мая), въ лѣто отъ
сотворенія міра 5636, отъ Рождества же Христова годъ 1876.

„И былъ вечеръ, и было утро — день шестой“. Такъ, впро-
чемъ, исконокъ вѣковъ думаютъ и молитвенно повторяютъ
Израильтяне въ любую изъ пятницъ, ибо въ этотъ благодат-
ный день недѣли къ каждому Еврею нисходитъ съ небесъ
вселюбезная, всерадостная, всесвѣтлая, общая въ Израилѣ не-
вѣста Шаббось, которую въ просторѣчїи русскіе и польскіе

соль * столь непотично называютъ жидовскимъ шабашемъ, извращая при этомъ самый полъ прекрасной мѣлѣсты, какъ будто вселюбезная Шаббось — особа мужескаго рода.

Итакъ, многочисленныя еврейскіе обыватели города Украинска готовились къ шабашу.

Еще съ ранняго утра всѣ добрыя баббосты, ** „онѣ же находятъ милость въ глазахъ Бога и людей“, были уже на ногахъ, совершили омовеніе, затопили печь, исполнили обрядъ *шале*, слѣдили по три шабашовые калача, *шалось*, *** устроили каждая по два пирога, одинъ на коровьемъ, другой на деревянномъ маслѣ, въ воспоминаніе того что Іегова въ пустынѣ отлускалъ Евреямъ на субботній день двойную порцію манны.

Затѣмъ баббосты сбѣгали на базаръ закупить коширной †

* Ныолаеменики, невѣрные.

** Домохозяйки.

*** Въ шабашъ на столѣ каждого Еврея обязательно долженъ быть употребленъ свѣжій пшевичный хлѣбъ домашняго приготовленія, безъ чего нельзя исполнить обрядъ *шале*, который состоитъ въ слѣдующемъ: хозяйка дома (баббоста) беретъ небольшой кусокъ отъ тѣста приготовленнаго для субботнихъ хлѣбовъ, произноситъ надъ нимъ установленную молитву и затѣмъ бросаетъ его въ огонь. Это и есть обрядъ *шале*, установленный Моисеемъ (Числа, гл. XV, ст. 20), вслѣдствіе чего и шабашевому хлѣбу присвоено названіе *шалес* или *шалось*. Для шабаша должно печь три хлѣба: большой, средній и малый, изъ коихъ средній употребляется въ пищу въ пятницу вечеромъ, большой въ субботу днемъ, а малый въ субботу вечеромъ при окончаніи шабаша. (Талмудъ. Кацеръ Шухенъ урихъ, гл. 72, ст. 6 и 71.)

† Въ каждомъ городѣ гдѣ ашь есть еврейское населеніе существуютъ и особыя лавки для продажи мяса исключительно Евреямъ. Это мясо должно быть коширнымъ, т.-е. чистымъ. Существуетъ цѣлый рядъ правилъ и постановленій, какъ рѣзать скотину, какъ дѣлать осмотръ ея внутренностей и въ какихъ случаяхъ должно признавать мясо *трефнымъ*, т.-е. поганымъ, негоднымъ въ пищу Евреямъ; говядина признанная трэфною идетъ въ продажу христіанамъ. Въ каждомъ кагалѣ существуетъ особая организація мясниковъ, рѣзниковъ, продавцовъ коширнаго мяса и наблюдателей за правильностію его продажи въ домахъ и на базарахъ. Всѣ они, предварительно вступленія въ свои должности, обязываются публичною присягой въ *бейс-дымъ* (камерѣ общественныхъ дѣловыхъ собраній и суда).

говядины и рыбы, преимущественно *щунаковъ*, * которыхъ будутъ начинать перцово-луковымъ фаршемъ и варить на отдельномъ огнѣ ихъ благочестивые сулруги, потому что по закону каждый Еврей обязанъ самолично пожертвовать нѣкоторымъ трудомъ рукъ своихъ въ честь наступающей Шаббось-кодешь. ** Никто не жалѣлъ денежныхъ издержекъ и хозяйственныхъ расходовъ, такъ какъ въ Талмудѣ оказано что чѣмъ больше расходуетъ Еврей въ шабашу и праздники, тѣмъ болѣе Богъ прибавляетъ ему дохода. ***

Балбосты промежъ стряпни и работы всласть наругались и насудачились съ сосѣдками, ибо къ шабашу надлежитъ поковчить всѣ злобы дна и свести мірскіе разчеты. Тѣ балбосты что поспорѣе, уже заранѣе приваляли себѣ *шаббось-гоймъ*, † саморучно накрошили *локшени* и поставили ее вариться, устроили *кугель*, смастерили *ушмистъ*, приготовили на завтрашній день *шолентъ* ‡* и замазали глиной заслонъ жарко вытопленной печи, гдѣ этотъ шолентъ верушцмо долженъ храниться до завтрашней трапезы, подъ непосредственнымъ наблюдениемъ и охраной *маловимъ*, то-есть ангеловъ, которые оберегаютъ шолентъ отъ „трефнаго“ дѣйствія *шедъ*—вечистой силы.

Но врядъ ли гдѣ справлялся шабашъ съ большимъ удовольствіемъ и задумчивостью чѣмъ въ старинномъ домѣ мѣстнаго *евира*—богача аристократа—достопочтеннаго рабби Соломо-

* Щунакъ—щука, рыба наиболее любимая Евреями въ Западной Россіи. Вообще шабашовая рыба пользуется такимъ почетомъ что ученые раввины совѣтуютъ оставлять часть ея и на будничные дни и употреблять оную хотя бы по крошечному кусочку, ибо въ такомъ случаѣ „часть субботней благодати испадетъ и на этотъ день“ (Кидеръ Шлахенъ урихъ, гл. 72).

** *Шаббось-кодешь*—священная суббота.

*** *Ойравъ шамъ*, гл. 242, стр. 3.

† *Шаббось-гой*—христіанскій батракъ, нанимаемый на время шабаша для носки тяжестей, дровъ, воды, зажигагіа свѣчъ, кулаи и продажи и т. п.

‡* *Локшени*—лапша, *кугель*—запеченные макароны, *ушмистъ*—нѣчто въ родѣ компота или соуса изъ фруктовъ, сладкихъ корнейевъ и пряностей съ медомъ и жиромъ. Всѣ эти блюда необходимо являются въ смыслѣ неизмѣннаго шабашеваго *мени* въ каждомъ маломальски зажиточномъ домѣ. *Шолентъ*—горячее, т.-е. тѣ же кушанья оставляемыя въ печи до завтра.

на Бендавида. Это былъ самый почтенный, самый родовитый и самый богатый человекъ во всемъ кагалѣ города Украинска—„Духусь мишлохе!“—знаменитый родъ, знатная фамилія! Съ уваженіемъ въ глаза и за глаза отзываются о его семействѣ все сограждане украинскаго *гвира*. Ему уже исполнилось шестьдесятъ лѣтъ, и еслибы Богъ Сарры и Ревекки благословилъ плодъ чрева его маститой супруги нѣсколько большею долготой дней, то нѣтъ сомнѣнія что рабби Соломонъ могъ бы теперь быть уже прапрадѣдомъ. Но роковая бритва Малохъ-гавумеса * устроила такъ что на скломѣ дней рабби Соломона семья его, если не считать какой-то бѣдной родственницы - приживалки и какого-то дальняго родственника гимназиста, Айзика Шацкера, состояла лишь изъ его почтенной супруги Сарры и девятнадцатилѣтней внучки, осиротѣвшей назадъ тому два года. Имя этой дѣвушки было Тамара. Рабби Соломонъ Бендавидъ исповиалъ сегодня все что подобаетъ исповиать всякому добродорядочному Еврею въ лятвицу до наступленія шабаша. Онъ, по обычаю, съ утра еще покупалъ только что испеченаго, горячаго и хрусткаго на *Зубахъ* лшеничаваго калача, артистически вкусно макаа каждый его кусочекъ въ *росль-флейши* **, затѣмъ сходилъ въ общественную еврейскую баню и троекратно окунулся съ головой въ очистительную *микву* ***, а возвратившись домой, помогъ своей женѣ и ея батрачкамъ нафаршировать цулака, самъ вычистилъ, въ честь возлюбленной шаббось, пару старинныхъ серебряныхъ шапдаловъ, принималъ и провѣрилъ отчеты отъ ярикашиковъ по тремъ своимъ лавкамъ—бакалейной, галавтерейной и мускательной, а также по мельницѣ, льбазу и дровяному складу, тщательно подвелъ на счетахъ недѣльный итогъ въ приходо-расходной хозяйственной

* *Малохъ-гавумесъ*—ангелъ смерти, который пресѣкаетъ жизнь Евреевъ не косою, а бритвою.

** Соусъ приготовляемый изъ луку, перцу и мяса.

*** *Миква* или *микве*—водоемъ при банѣ, предназначаемый преимущественно для женщинъ совершающихъ въ немъ обрядное очистительное омовеніе послѣ родовъ и извѣстныхъ физиологическихъ періодовъ. Мушцы, ради очищенія, также погружаются въ микву, для чего положены извѣстные дни и часы въ которые миква отдается въ исключительное пользованіе мужскому полу. Постановленіе о миквѣ основано на законѣ Моисея (*Левитъ*, гл. 12, ст. 8 и гл. 15, ст. 19, 33).

книгъ, опустилъ въ три свои жестяныя кружки ежемедвѣвную „лепту милосердія“ и, по исполненіи всѣхъ этихъ обязанностей, методически принялся обрѣзывать себѣ ногти, строго соблюдая при семъ талмудическое правило, повелѣвающее во время стрижки переходить съ перваго пальца на третій, сперва на лѣвой, потомъ на правой рукѣ, и непременно стричь ногти въ пятницу, дабы дать имъ отдыхъ въ шабашъ, такъ какъ, по замѣчанію Талмуда, ногти начинаютъ отростать лишь на третій день и стало-быть если остричь ихъ въ четвергъ, то имъ придется противузаконно расти въ субботу. Послѣ стрижки рабби Соломонъ тщательно собралъ обрѣзки ногтей, аккуратно завернулъ ихъ въ бумажку и закопалъ въ цвѣточный горшокъ, во избѣжаніе того чтобы на эти обрѣзки не наступили какъ-нибудь женщины; рабби Соломонъ очень хорошо знаетъ что кто не соблюдаетъ сего постановленія, тотъ, по Талмуду, подвергается потерѣ памяти, дѣтей и состоянія и становится *роме* — грѣшникомъ, нарушителемъ закона, потому что если женщина нечаянно наступитъ на разбросанные по землѣ обрѣзки ногтей, то можетъ родить мертваго ребенка, что въ свой чередъ составляетъ „хетъ годулъ“ — великій грѣхъ противъ важнѣйшей заповѣди во Израилѣ: „плодитесь и множитесь“. *

Окончивъ операцію ногтей и слегка подципавъ особенными щипчиками кое-какіе отбившіеся, неправильно выросшіе волоски своей длинной библейски-патріархальной бороды, достопочтенный рабби Соломонъ тщательно вытряхнулъ изъ кармановъ своего платья всѣ соринки и крошки, такъ какъ по закону не дозволяется въ шабашъ имѣть на себѣ какую бы то ни было пошу и тяжесть, — и тогда уже съ молитвой сталъ

* По толкованію Талмуда, прішествіе Мессіи, а съ нимъ и окончательное господство еврейства надо всѣмъ земнымъ міромъ совершится лишь тогда, когда въ *гифъ* уже не останется ни одной запасной души изъ предназначенныхъ для Евреевъ. *Гифъ* — это родъ небеснаго магазина или склада запасныхъ душъ для новорожденныхъ. Души Израильтянъ находятъ, конечно, особо отъ душъ нухримъ (христіанъ) въ этомъ гифѣ. И вотъ для того чтобы царство Мессіи настало скорѣе, необходимо ускорить расходъ израильскихъ душъ изъ гифа; поэтому-то „плодитесь и множитесь“ и составляетъ у Евреевъ важнѣйшую заповѣдь; поэтому и неуклонное исполненіе супружескихъ обязанностей поставлено на первомъ мѣстѣ *маральмудессъ*, т.-е. 613 благихъ дѣлъ обязательныхъ для каждаго Еврея.

облачаться въ праздничный костюмъ: надѣлъ на себя бѣлые чулки, башмаки и навковые лапелевые ланталомы, осмотрѣлъ въ порядкѣ ли спасительныя кисти „дыцца“ на его „арбе-кавфосъ“, называемомъ въ просторѣчїи „далсардыкомъ“*, опоясался широкимъ шелковымъ поясомъ и, наконецъ, облекся въ длинный шелковый кафтанъ нѣмецко-еврейскаго стариннаго покроя, съ бархатнымъ отложнымъ воротникомъ и такими же обшлагами.

Рабби Соломонъ Бендавидъ, нѣсколько дородный, высокаго роста человекъ, несмотря на свой шестидесятилѣтній возрастъ успѣлъ еще сохранить въ себѣ много бодрости, свѣжести и той величественной старческой красоты которою мы любуемся въ произведенїяхъ кисти старинныхъ мастеровъ, изображающихъ намъ библейскихъ патріарховъ, пророковъ, апостоловъ. Въ этомъ старцѣ все дышало строгимъ и въ то же время благодуннымъ сознанїемъ собственнаго достоинства, все было полно свѣтлой простоты и серьезности, что въ совокупности съ перваго же взгляда на него невольна возбуждало въ каждомъ чувство почтенїя къ этому человекъ.

Приварядившись и огладившись, рабби Соломонъ протеръ стекла своихъ круглыхъ очковъ въ роговой и серебряной оправѣ, поправилъ на головѣ бархатную ермолку и съ довольнымъ видомъ человекъ исполнившаго все закономъ ему положенное усѣлся въ своемъ кабинетѣ у письменнаго стола въ глубокое кожаное кресло съ высокою спинкой и, въ

* *Арбе-кавфосъ*—родъ жилета или камзола безъ рукавовъ, который надѣвается какъ русская фуфайка; *арбе-кавфосъ* внизу необходимо долженъ выкраиваться четырьмя углами, въ которыхъ прокладываются дырочки и, въ эти-то отверстїя продѣваются нити *цъциса*—четыре нитки длиной около 12 вершковъ, изъ коихъ одна нить длиннѣе прочихъ; складываютъ ихъ вдвое и завязываютъ два узелка, затѣмъ длинною ниткой окрѣчиваютъ семь разъ остальные короткія нитки и опять завязываютъ два узелка; далѣе окрѣчиваютъ восемь разъ и дѣлаютъ два узелка; послѣ этого окрѣчиваютъ одиннадцать разъ и дѣлаютъ два узелка; наконецъ окрѣчиваютъ тринадцать разъ и снова дѣлаютъ два узелка; такимъ образомъ получается родъ кистей напоминающій плетку; между бѣлыми нитками влетается одна нить голубой шерсти. *Цъцисъ* на основанїи закона Моисея (*Числа*, гл. 15, ст. 38) носится въ знакъ страха Божїа (отсюда и форма его въ видѣ плети), въ знакъ послушанїя велѣнїямъ Іеговы, и какъ талисманъ противъ нападенїя злаго духа.

ожиданіи часа когда раздастся на улицѣ призывъ *шулькленера** къ предвечерней молитвѣ, погрузился въ чтеніе какого-то еврейскаго фоліанта въ толстомъ кожаномъ переплетѣ.

Уютно, тихо и прохладно было въ кабинетѣ рабби Соломона, гдѣ все дышало солидною старинной, благочестіемъ и серіозностію. Каждый кабинетъ всегда болѣе или менѣе рисуетъ характеръ или душу своего хозяина; поэтому пока въ квартирѣ нашего рабби кипитъ суета шабашовыхъ приготовленій, пока тамъ бѣгаютъ по комнатамъ босовогія батрачки, шумливо двигая мебелью, подмывая полы, очищая пыль и сметая лаутину, пока на кухнѣ стучать ножи, чистится посуда, заправляются свѣчи и идетъ усердная оцилка, ошпариваніе и потрошеніе куръ и гуся, пока продолжается бѣготня съ надворной галлерей на погребъ, съ погреба на верхъ и раздается вездѣ и повсюду рѣзкій, недовольный, повелительный голосъ почтенной Сарры,—пока продолжается вся эта обычная суетня, полагаю, будетъ не лишнимъ бросить взглядъ на кабинетъ почтеннаго Бендавида, именно для того чтобы поближе ознакомиться со внутренними свойствами этого человѣка.

* Должность *шулькленера* всегда занимаетъ одинъ изъ синагогальныхъ *шамесовъ* (служителей). Его обязанность заключается въ томъ чтобы при началѣ шабаша, равно какъ и во всѣ праздничные дни громкимъ голосомъ по всѣмъ улицамъ призывать Евреевъ въ синагогу; для этого шулькленеръ выкликаетъ зычно: „ицъ шуль арайкъ!“ т.-е. въ школу или въ синагогу собирайтесь! а въ будничные дни, при наступленіи часовъ общественнаго моленія онъ призываетъ къ молитвѣ согражданъ-единовѣрцевъ просто постукиваніемъ въ ставни всѣхъ еврейскихъ домовъ деревяннымъ молоткомъ. Онъ же обыкновенно прислуживаетъ и при исполненіи разныхъ обрядовъ религіознаго свойства. Вообще, обязанность синагогальныхъ шамесовъ заключается въ себѣ отчасти обязанности нашихъ дьячковъ и пономарей. При *бейс* или *бетъ-динамъ* (синагогальныхъ совѣтахъ старѣйшихъ, которые въ то же время имѣютъ значеніе и судовъ) также существуютъ шамесы, называемые *бетъ-динъ-шамошима*, равно какъ и при кагалъ-шамесъ-гакагалъ. Послѣдній исполняетъ обязанности секретаря, дѣлопроизводителя, нотариуса и т. п., въ бетъ-динѣ же шамесъ вызываетъ къ суду каждаго Еврея къ которому имѣется претензія какъ со стороны учрежденій, такъ и со стороны частнаго лица; онъ же, по приказанію бетъ-дина, заявляетъ ослушникамъ предостереженія, а иногда исполняетъ и экзекуціи. Наконецъ, шамесы при разныхъ братствахъ и обществахъ исполняютъ разные порученія старшинъ братства по дѣламъ оного.

Это была довольно просторная и опрятно содержимая комната, въ красномъ углу которой на самомъ видномъ мѣстѣ помѣщался, въ видѣ кіота или вислячаго шкафчика, *орт-кадодеиз* — кивотъ завета, задержанный сѣткою шелковою заваявской *пораузе* съ золотою бахромой. Сивій цѣвѣтъ—издревле національный цѣвѣтъ Евреевъ. По срединѣ заваявски красовался нашитый изъ золотаго повумента государственныи гербъ еврейскихъ полководцевъ-царей—два равнобедренныя треугольника, въ видѣ шестиугольной звѣзды, которую и лываѣтъ каждый еврейскій мальчуганъ, пребывающій на первомъ курсѣ первоначальнаго *авдера* (училища), непремѣнно умѣеть начертить быстро и съ одного почерка. Въ кивотѣ, какъ святыня, хранятся у рабби Соломона пергаментныя свитки *Торы*—латиквижія Моисея—фамильная драгоценность завѣщанная въ виходящія поколѣнія Бендавидовъ однимъ изъ ихъ предковъ, славнымъ раввиномъ Шкаовскимъ, который въ свое время былъ „дамданъ гадуль“, великій ученый, „авъ бейсь-динь“—глава раввина и наконецъ „мекадешъ гашешъ“—человѣкъ прославившій имя Божіе.

Послѣ кивота, самое видное мѣсто въ кабинетѣ занимали книжныя полки, гдѣ въ большомъ порядкѣ помѣщались книги Ветхаго Завета съ комментаріями, Талмудъ іерусалимскій и Талмудъ вавилонскій, въ изданіяхъ амстердамскомъ и франкфуртскомъ, всѣ *Турь* (сборникъ законовъ) въ полвомъ вѣнскомъ изданіи, затѣмъ безчисленное множество разныхъ комментариевъ на Тору и Талмудъ, трактатовъ богословскихъ и юридическихъ подъ названіемъ „Шаалотъ уте шуботъ“. Къ этому основному фонду древней, чисто еврейской библиотеки, присоединялось немалое количество разныхъ старыхъ и новыхъ книгъ научнаго содержанія на еврейскомъ и нѣмецкомъ языкахъ; тутъ были сочиненія по части медицины, географіи и астрономіи, о которыхъ старикъ, какъ автодидактъ, любилъ иногда поговорить на досугѣ съ какимъ-нибудь знакомымъ еврейскимъ дамданомъ (ученымъ). Но прѣвыше и прѣпочетнѣе всѣхъ изданій этой библиотеки была у рабби Соломона одна заветная книга, неизмѣнно пребывавшая не на полкѣ, а на самомъ видномъ мѣстѣ его письменнаго стола. То была „книга книгъ“, „книга созданія“, гдѣ вписаны всѣ имена ангеловъ и всѣ отъ начала

вѣка роды и поколѣнія и семейства челоѣковъ, прошедшія, настоящія и будущія до скончаія міра,—книга *Зоаръ* (свѣтъ, сіяніе), источникъ и основаніе мистическаго ученія *Кабола*, записанная вѣкогда по вдохновенію свыше ученѣйшимъ раби Шимономъ Бемъ-Ехаи. Къ этой книгѣ, въ часы полнаго удивленія, любилъ иногда прибѣгать раби Саломонъ и погружаться душой въ лучины ея мистическихъ загадокъ.

Противъ книжныхъ полокъ, у другой стѣнки, помѣщался массивный шкафъ, гдѣ за стеколычатыми створками хранилась серебряная и золотая посуда, разныя фарфоровыя вещи и бездѣлушки, древніе драгоценныя кубки, столы и чарки. На шкафу стоялъ массивный серебряный седмисвѣщникъ, работы XVII вѣка, съ рельефными на его подножіи изображеніями братьевъ Маккаевъ и ихъ сподвижниковъ. Въ этомъ седмисвѣщникѣ ежегодно въ мѣсяцъ Теветъ (ноябрь) зажигаются и горятъ въ продолженіе семи дней восковыя свѣчи, въ лампачъ любви Иуды Маккаевъ надъ Антиохомъ Елифаномъ и возстановленія храмоваго *канука* (жертвенника).

Надъ письменнымъ столомъ красовался въ рамкѣ подъ стекломъ затѣйливый рисунокъ, испещренный самыми фантастическими арабесками, обрамлявшими собою центръ рисунка, гдѣ по-еврейски было изображено: „Бога всегда имѣю предъ собою“. По краямъ рисунка, въ завиткахъ, гирляндахъ и зигзагахъ видѣлись изображенія леопарда, орла, оленя и льва, съ подписью: „будь храбръ какъ леопардъ, легкокъ какъ орелъ, быстръ какъ олень и мужествомъ какъ левъ, при исполненіи воли Отца твоего небеснаго“. Подобныя аллегорическія картинки служатъ неизмѣннымъ украшеніемъ комнатъ благочестивыхъ еврейскихъ гвировъ, но занимаютъ почетное мѣсто и въ синагогѣ, надъ *омедоль*—аналомъ, предъ которымъ канторъ воспѣваетъ гимны — *бракесъ*, *тфилосъ* и *бакошесъ* благословенія, молитвы и просьбы за себя и за народъ израильскій.

Свободныя пространства стѣнъ кабинета раби Саломона украшались старинными гравированными портретами еврейскихъ знаменитостей, какъ на примѣръ раби Іезекиіа Ландау, раби Йонаэана Эйбешницъ, раби Иліи Гаона и современнаго намъ, признаннаго Евреями за своего „насса“ (князя) Моисея Монтефіоре съ супругой, изображенныхъ въ томъ самомъ видѣ какъ они молились въ вилевской синагогѣ. Среди этихъ портретовъ висѣла прекрасная масляная

копія съ известной картины Поте Делароша „Евреи молящіяся у стѣны древняго іерусалимскаго храма“. Но что больше всего бросалось въ глаза при выходѣ изъ кабинета, это сплошной чернымъ прямоугольничекъ, выведенный на стѣнѣ надъ самою дверью и въ немъ двѣ бѣлыя буквы: '?? — *эмиц, ломеос, саукація* инициалами словъ „Зехеръ Лахур-бавъ“, что значитъ „въ память паденія храма и царства“. Эта траурная надпись должна вѣчно напоминать Еврею объ утраченномъ величіи его древней родины и о необходимости восстановленія отечества не только въ прежнемъ блескѣ, но еще въ наибольшемъ могуществѣ и славѣ.

Въ остальной мебели этого кабинета замѣчалось нѣсколько вещей хотя и соорной, но замѣчательно хорошей старинной мебели, скуланной вѣкогда по случаю, разновременно и поштучно изъ отжившихъ свое время дворцовъ Салегъ, Чарторыйскихъ и Четвертинскихъ. Но послѣднюю оригинальную особенность кабинета достопочтеннаго Бендавида составляли три жестяныя кружки, приколотыя рядомъ къ стѣнѣ и залечтанныя печатью самого хозяина. Въ эти кружки оны, по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю, опускалъ „грошъ обѣта и милостыни“. Въ первую кружку опускалась лепта въ пользу бѣдныхъ братій Евреевъ во Святой Землѣ, во вторую—пособіе для еврейскихъ юношей изучающихъ Тору и Талмудъ въ знаменитыхъ *шшеботалъ* * землѣ Литовско-Русской, пребывающихъ въ мѣстечкахъ Воложинѣ, Мирѣ, Копилѣ и Эйшишкахъ; наконецъ, на третьей кружкѣ значилась надпись: „Въ пользу Мейера Баалъ-Гамеса“, и эта послѣдняя лепта употреблялась на угасимую лампаду надъ гробницей сего знаменитаго еврейскаго чудотворца.

Таковъ былъ кабинетъ рабби Соломона Бендавида, кабинетъ известный не только всему еврейскому Украинску, но и прославленный далеко по всей обширной округѣ, какъ нѣкое святилище мудраго ученаго, *шейне-морейне* **, *геира* и

* *Шшеботы* — талмудическіе университеты, гдѣ прохѣдится высшій курсъ всѣхъ Туръ (законоположенію) и Талмуда со всеми комментаріями на оныи.

** *Морейне*—особаго рода титулъ, даваемый по особому постановленію бейсь-дина (совѣта старѣйшинъ) тѣмъ изъ Евреевъ которые получили полное талмудическое образованіе и доказали оное на

благодѣвателя и какъ собраніе разныхъ *шопинес кунстштюкес*.

Итакъ рабби Соломонъ сидѣлъ надъ большимъ фоліантомъ. Сквозь залетную дверь кабинета доносилась до его слуха отголоски суетливыхъ хлопотъ его супруги, звучки, приживалки и двухъ батрачекъ, накрывавшихъ столъ шабашевой талезы. Но ни звякъ посуды, ни стукъ ножей и вилокъ, ни ворчливые возгласы почтенной Сарры, ни даже грузный толотъ торопливыхъ шаговъ босоногихъ батрачекъ, шаговъ отъ которыхъ скрипѣли половицы и дрожала вся мебель въ комнатѣ,—ничто не могло разсѣять сосредоточеннаго вниманія рабби Соломона. И чѣмъ дольше читалъ онъ тѣмъ все больше и больше углублялся въ самъ своимъ внутреннимъ существомъ во смыслъ читаемой книги.

Но вотъ на улицѣ громко раздался знакомый голосъ синагогальнаго шулькелера:

— *Ивъ шуль араивъ!*

Но и это не вывело мысль рабби Соломона изъ ея напряженной сосредоточенности. Рабби продолжалъ читать пока шулькелеръ не подошелъ вплотъ подъ раскрытое окошко и, по обычаю, трижды стукнувъ деревяннымъ молоткомъ въ ставню, повторилъ свое условное „*ивъ шуль араивъ*“ чуть не надъ самымъ ухомъ рабби Соломона.

Старикъ вздрогнулъ какъ бы очнувшись, ласково кивнулъ головой удалявшемуся шулькелеру—слышу, дескать, спасибо,—затѣмъ положилъ между листовъ фоліанта широкую алую ленту, служившую ему закладкой и, прежде чѣмъ

ученыхъ диспутахъ. Не получившій титула *морейне* не можетъ войти въ составъ членовъ кагала. Тѣмъ не менѣе титулъ этотъ приобретается и простолюдинами за деньги, впрочемъ довольно рѣдко. Въ постановленіи *бейс-дина* о производствѣ кого-либо въ *морейне* упоминается, напримѣръ, что въ синагогахъ къ ученію Торы (*ааіе*) такого-то должно призывать не иначе какъ прибавляя къ его имени и означенный титулъ. За нѣкоторыя проступки противъ кагала этотъ титулъ иногда и снимается съ виновнаго, тоже по постановленію совѣта старѣйшинъ, который при этомъ постановляетъ чтобы провинившійся впредь именовался при всѣхъ обычаяхъ во Израилѣ не *морейне*, а *хаборомъ*, т.-е. простолюдиномъ, неучемъ. Иногда это наказаніе снимается, и тогда прощенному возвращается его прежній титулъ. Эпитетъ *шейне* прилагаемый къ титулу означаетъ прекрасный (*schön*).

захлопнуть книгу, набожно поцѣловалъ прочтенную страницу*.

Онъ все любилъ дѣлать по старинѣ, какъ дѣлалось въ былые счастливыя времена, до 1844 года, когда въ силу *азейраос галагуса*, т. е. царскаго указа, русско-польскимъ Евреямъ предстала горькая необходимость обрѣзать свои „святые пейсы“, ** снать мѣховыя шапки, *штраймелл*, и нарядиться въ кургузое нѣмецкое платье. Хотя и пришлось рабби Соломону подчиниться этому богопротивному владычеству надъ своею наружностью, тѣмъ не менѣе у себя дома, а современемъ даже и вѣдъ дома, онъ по возможности соблюдалъ старый костюмъ и старый обычай. Такимъ образомъ, отправляясь въ *бейсъ-гамидраше* *** на молитву, онъ продолжалъ, какъ и во время оно, надѣвать поверхъ кафтана старозаконную *дем* — длинный плащъ съ маленькимъ стоячимъ воротникомъ и чуть не до самой земли виспадающими рукавами. Онъ, впрочемъ, ухитрялся носить контрабанднымъ образомъ и вѣское подобіе пейсовъ, не въ прежнеемъ, конечно, роскошномъ видѣ, когда эти пейсы, бывало, въ каждую лѣтвицу завивались щипцами, умащались елеемъ и виспадали до самаго подбородка двумя досматывающимися локонами, но все-таки у него и теперь сохранились, такъ сказать полупейсы, которые рабби Соломонъ, выходя на улицу, зачесывалъ съ висковъ за уши, а приходя домой или въ синагогу, вылускалъ ихъ изъ зависочнаго платья на надлежащее, по святому закову подобающее имъ мѣсто. Полицейскіе чины въ прежнее строгое время,

* При окончаніи чтенія Торы, молитвенниковъ и вообще благочестивыхъ сочиненій, добрый Еврей необходимо долженъ благоговѣнно поцѣловать послѣднюю изъ прочтенныхъ страницъ.

** Пейсы — нависочные локоны, называются у Евреевъ святыми, такъ-какъ кошеніе ихъ установлено самимъ Моисеемъ: „Не остригайте висковъ на головѣ вашей кругомъ и не уничтожай боковъ бороды твоей (*Левитъ*, гл. 19, ст. 27). Это постановленіе сдѣлано для того чтобы наибольшимъ числомъ наружныхъ особенностей отличить Израильтянъ отъ другихъ народовъ.

*** *Бейсъ-гамидраше* или *бетъ-гамедраше* — общественный молитвенный домъ, въ которомъ, кромѣ богослуженія, занимаются еще частныя лица, а иногда и цѣлыя учебныя братства изученіемъ Таамудъ, чтеніемъ наизидательныхъ книгъ и т. п. Въ бейсъ-гамидрашахъ вѣрѣдко помѣщаются и эшеботы (университеты, высшія школы), а также братскія и общественныя библіотеки.

благодаря довольно щедрымъ подачкамъ украинскаго *гсир*, смотрѣли сквозь пальцы на его косвенныя попытки нарушенія высочайшаго указа, ибо разъ что лейсы находятся за висками, онъ уже не лейсы,—и вотъ такимъ образомъ рабби Содомонъ и царскому *гзэйрасу* не перечилъ, и Моисееву заповѣдь сохранялъ. Такъ было и теперь. Заложивъ лейсы за уши и накинувъ на себя деле, онъ захватилъ подмышку толстый „Сидуръ“ * и степенною походкой направился въ ближайшій бейсъ-гамидрашъ совершить въ мужскомъ собраніи латничную *мина*. ** Въ этомъ бейсъ-гамидрашѣ у него, какъ у человѣка богатаго и давно уже почетнаго титуломъ *морейне*, было разъ навсегда откуплено у кагала самое почетное мѣсто, первое въ первомъ ряду, мѣсто на *мизраге*, т.-е. на восточной сторонѣ, ибо пришествіе Мессіи ожидается съ востока. ***

Старая Сарра, почтительно проводивъ мужа до порога, еще послѣднѣе занялась теперь послѣдними приготовленіями къ шабашу, которая, въ силу закова, необходимо должны быть окончены къ закату солнца. Обѣденный столъ былъ уже накрытъ двумя бѣлыми скатертами, въ память двойнаго отпуска субботней маины и въ честь шаббось „удваивающей душу“. † Предъ столовымъ приборомъ главы дома положены два священныя хлѣба — хаалъ и поставленъ старый серебряный кубокъ, въ видѣ чаши, для

* *Сидуръ* — молитвенникъ, заключающій въ себѣ сборникъ молитвъ на библейскомъ языкѣ, въ отлучіе отъ Тхиво, такого же молитвенника, составленнаго на нѣмецко-еврейскомъ жаргонѣ.

** Предвечерняя молитва.

*** Поэтому Евреи въ главнѣйшихъ мѣстахъ своей молитвы всегда обращаются лицомъ къ востоку.

† По ученію Талмуда, Еврей въ шабашъ живетъ удвоенною жизнью, удвоенною душой. Поэтому на каждый шабашъ Еврею испосылается „нишуме исойре“, т.-е. добовочная душа, которая отходитъ отъ него съ окончаніемъ шабаша. Нишуме исойре полагается только на шабашовые и праздничные дни; талмудисты установили при окончаніи шабаша курить и нюхать благовонныя вещества, для того чтобы укрѣпить духовною пищею будничную душу, которая груститъ объ отходящей до слѣдующаго праздника *нишуме исойре*. На основаніи этой добовочной души и самый шабашъ называется „удваивающимъ душу“.

совершенія *кидуш* *, ради чего тутъ же стояла и бутылка каширнаго вина, до котораго никогда не касалась *требная* рука *гол* **.

Окончивъ всѣ приготовления по части стола, женщины занялись своимъ праздничнымъ туалетомъ. Почтенная Сарра облачилась въ шелковое клѣтчатое платье, украсила голову высокимъ уборомъ *штерна-тыль*, который весь былъ роскошно увязанъ рядами жемчуга, и сверху лазтя надѣла нагрудникъ, вышитый золотомъ и серебромъ въ самомъ затѣливомъ узорѣ. Въ этомъ-то нарядѣ вновь появивъ въ столовой, она самолично зажгла шабашовыя свѣчи—за души „взятыхъ“ родителей, родственниковъ и дѣтей ***—сперва въ старинной ялицеобразной мѣдной люстрѣ, освящавшей съ потолка всю комнату, а затѣмъ въ настольныхъ высокихъ серебряныхъ шандалахъ, произнося при этомъ условныя слова „благословенія“ Богу повелѣвшему Израильскимъ женщинамъ зажигать субботнія свѣчи. Послѣ этого, протянувъ къ настольнымъ свѣчамъ руки, она плавающимъ кругообразнымъ движениемъ сверху внизъ обвела ихъ около огней, „освѣтила огонь“ и закрывъ пальцами глаза, произнесла въ полголоса молитву за себя, за мужа, за внучку и вѣхъ домочадцевъ—молитву, сопровождаемую воззваніемъ къ четыремъ великимъ жемамъ Ветхаго Завета: „Саррѣ, Ривкѣ, Рохавой, Лейѣ“. По исполненіи этого обряда, искомѣ совершаемаго исключительно хозяйками дома, къ бобѣ † Саррѣ подошла ея внучка Тамара,

* *Кидуш* — обрядъ благословенія субботняго вина и угощенія всей семьи и сотрапезниковъ изъ общей чаши. Хозяинъ дома произноситъ надъ чашей положенное „благословеніе“, молитву „кидушъ“ (что собственно значитъ *освященіе*), которую послѣ него повторяютъ по очереди всѣ мужчины, не исключая и мальчиковъ находящихся въ домѣ.

** Кидушъ совершается либо надъ чаркой водки, либо надъ виномъ ефаврикованнымъ изъ изюма, либо же наконецъ надъ обыкновеннымъ винограднымъ виномъ, при необходимомъ однакоже условіи, чтобы какъ то, такъ и другое, и третье было *каширнымъ*, т.-е. приготовленнымъ исключительно еврейскими руками. На Западѣ, а также и въ Россіи существуютъ особыя еврейскія винодѣльни посвященныя специально выдѣлкѣ каширнаго вина.

*** У Евреевъ объ умершихъ не принято говорить, напримѣръ онъ *умеръ*; садуетъ всегда выражаться метафорически: онъ *взятъ*, онъ *прижатъ*, или онъ *отнятъ* Богомъ.

† Бобѣ—бабушка, въ звательномъ падежѣ—бобеле.

уже услѣвшая приварядиться въ легкое сѣренькое платьице изъ какой-то легкой матеріи, и почтительно преклонила предъ старухой красивую головку. Бобе Сарра возложила на эту головку свои руки и дала ввучкѣ обычное благословеніе. * Послѣ этого, бросивъ вокругъ себя послѣдній внимательный взглядъ, дабы убѣдиться что исполнено уже все должное, что все въ поавомъ порядкѣ и въ наилучшемъ праздничномъ видѣ, обѣ онѣ вышли на крылечко и—какъ требуетъ обычай—успѣли на порогѣ ожидать возвращенія хозяина дома изъ бейсъ-гамидраша.

Надъ городомъ тихо воцарялись ясныя, теплыя сумерки. На западѣ догорала длинная полоса заката, какъ бы маляя своими послѣдними, все болѣе и болѣе слабѣющими переливами пурпурно-золотистаго свѣта. Весенняя кудрявая зелень начинала принимать сплошную сѣроватую окраску, свойственную ночи, и только на свѣтломъ фонѣ заката еще отчетливо вырѣзывалась она своими прихотливыми очертаніями, которыя, отъ контраста съ этимъ свѣтомъ, казались и рѣзче, и чернѣе. Дневная жара уже спала и стихъ дневной гемонь. Лавки только-что залерановъ и улицы Украинска вдругъ опустѣли, какъ и во всякомъ еврейскомъ городѣ при вхождѣ шабаша; только изрѣдка видѣлись на мостовой исключительно христіанскіе прохожіе; за то у каждаго еврейскаго порога чинно возсѣдали разряженные балбосты съ кулами чадъ и домочадцевъ. Изъ раскрытыхъ оконъ ближайшаго бейсъ-гамидраша **, вмѣстѣ съ духотой, насыщенною смѣшаннымъ залахомъ чеснока и чернушки, далеко неслись въ тихомъ воздухѣ виртуозно-затѣйливыя руды синагогальнаго кантора, а порой, когда эти руды затихали, то изъ тѣхъ же оконъ, словно изнутри переполненнаго роемъ улья исходилъ глухой жужжащій гулъ *геморо-нигена* этого мурлычливаго

* У Евреевъ старшія члены семейства, какъ мужчины, такъ женщины, даютъ благословеніе младшимъ. Въ шабашъ это обязательно.

** Бейкъ или бетъ-гамидрашъ имѣетъ значеніе главнаго молитвеннаго дома, хотя въ большихъ городахъ ихъ бываетъ по нѣскольку, кромѣ главной городской синагоги. Для бейсъ-гамидрашей канторы или „хазаны“ нажимаются на общественный счетъ. Кромѣ бейсъ-гамидрашей въ каждомъ еврейскомъ городѣ существуетъ еще немало число частныхъ молитвенныхъ домовъ, какъ-то „клаузъ“, „миліонъ“, „штубель“, называемыхъ по-русски вообще „школами“; эти послѣднія пользуются безвозмездными канторами изъ числа своихъ же прихожанъ.

речитатива, который въ обычаяхъ у Евреевъ при чтеніи Торы и молитвъ, какъ въ одиночку, такъ и цѣлымъ кагаломъ. Синагога была биткомъ набита народомъ. Сквозь окна, изнутри залитыя свѣтомъ, видѣлось множество мужскихъ головъ въ шапкахъ, покрытыхъ бѣлыми шерстяными „таалсами“ * съ черными каймами и серебро-галунными и алобниками. Эти выразительныя лица, искаженныя фанатическимъ изступленіемъ и полныя то скорбнаго отчаянія, то молитвеннаго экстаза, казались мертвенно блѣдными отъ блеска многочисленныхъ свѣчей. Соимъ бѣлыхъ фигуръ молящихся Израильтянъ порой то затихалъ, какъ бы замирая въ изнеможеніи, то вдругъ по знаку кантора или по удару кожаной хлопчатки на „альмеморѣ“, ** начиналъ испускать местные дикіе вопли, вскрики, взвизги, и вся молитвенная зала напоималась нестройнымъ, оглушительнымъ „гѣлласомъ“; биеіе себя въ грудь кулаками, мѣрныя раскачиванія всѣмъ корпусомъ взадъ и впередъ, закатываніе зрачковъ, почти конвульсивное подергиваніе всѣми членами тѣла, отплевываніе въ сторону *** и подпрыгиваніе на мѣстѣ, дабы въ патети-

* *Талитъ*—родъ савана или бѣлой шерстяной простыни съ черными либо съ темносиними каймами. Женатые люди, при утренней молитвѣ, и также и при общественныхъ богослуженіяхъ, накидываютъ таалсъ на голову и плечи; богатые обшиваютъ этотъ уборъ серебрянымъ галуномъ. Умершихъ погребаютъ не иначе какъ въ таалсъ, уничтоживъ предварительно одну изъ кистей цыцуса, который также при дѣлывается и къ этому савану. Кто надѣваетъ на себя таалсъ, тотъ почитается какъ бы уже исповѣвшимся 613 благихъ дѣяній „таратъ-сиддесъ“.

** *Альмемора*—возвышенная эстрада посрединѣ синагоги, съ которой читается Тора.

*** Моленіе свое какъ въ будничныя, такъ и въ праздничныя дни Евреи заключаютъ молитвой „Улейны лойшабайахъ“, т.-е. благодареніемъ Богу за то что онъ не создалъ ихъ гоимаи (нечестными, невѣрными) и не сравнялъ ихъ съ такими яеменами что покланяются суетѣ ничтожной и молятся такому богу который ихъ не спасетъ. Договоривъ эти слова они плачутъ, добавая: „тфу! имахъ шмой возыхрай!“—да исчезнуть имя *его* и память, или „тфу! имахъ шмомъ войзыхромъ!“—да исчезнуть *ихъ* имена и память о нихъ. Молитва Улейны обязательна для Еврея три раза въ день. Впрочемъ слѣдуетъ сказать что въ новѣйшихъ еврейскихъ молитвенникахъ слова „имахъ шмой“ и пр. выкинуты, такъ какъ всякій Еврей еще съ дѣтства обязательно долженъ знать ихъ наизусть. Но въ прежнихъ изданіяхъ ихъ можно видѣть.

ческихъ моментахъ молитвы наиболѣе приблизиться къ Богу, все это болѣе походило на какое-то фантастическое сошествіе оживленныхъ посредствомъ гальванизма мертвецовъ въ бѣлки саваннахъ, чѣмъ на живыхъ людей собравшихся для молитвы.

Но ни для бобе Сарры, ни для ея вучки это зрѣлище, какъ дѣло давно знакомое, ни мало же представлялось интереснымъ; звуки жужжавшіе изъ синагоги летѣли мимо ихъ `слуха, не оставляя по себѣ никакого впечатлѣнія: привычное ухо даже и не замѣчало ихъ. Мысли почтенной Сарры вращались болѣе около предстоявшаго обѣда—все ли въ немъ будетъ удачно, такъ какъ она знала что у нихъ сегодня обѣдаютъ трое постороннихъ: одинъ странствующій *ламданъ*, онъ же и *маегидъ*, * еще вчера приглашенный рабби Соломономъ, одинъ нищій-еврей и одинъ молодой *бохеръ-ешеботникъ*, получившіе на нынѣшній шабашъ „плеты“ отъ „плетень-тайлера“ къ столу Бендавида. ** Гдѣ были мысли Тамары, о томъ знало только ея сердце; добрая же бобе и не догадывалась. „Да и о чемъ, въ самомъ дѣлѣ, можетъ думать этотъ ребенокъ? о новомъ платьицѣ? о сладкихъ пирожкахъ? о вечерникѣ съ подругами?... Мысли ея какъ будто розы, благоуханныя и неувядающія въ своей невинности.“—Такъ всегда думала почтенная Сарра о своей вучкѣ. И действительно, взглянувъ на безлечно спокойный взоръ дѣвочки устремленный въ эту минуту на ясную полосу заката, ничего иного и не могла бы придти въ голову ея бабушкѣ.

Но спустя лишь нѣсколько мгновеній со взоромъ и лицемъ Тамары произошла какая-то перемѣна. Впрочемъ бабушка Сарра, погруженная въ заботливый вопросъ о предстоящемъ обѣдѣ съ гостями, и не замѣтила какъ ея вучка

* Ученый и проповѣдникъ.

** *Бохеръ* или *бахуръ-ешеботникъ*—ученикъ, студентъ ешебота. Бѣдные еврейскіе ученики не имѣющіе въ городѣ никого изъ родныхъ и знакомыхъ, а также и нищіе Евреи обыкновенно получаютъ отъ одного изъ синагогальныхъ шамесовъ „плеты“—пригласительный билетъ, дающій право на шабашовую трапезу у кого-либо изъ достаточныхъ обывателей, по очереди, учреждаемой кагаломъ съ добровольнаго согласія самихъ обывателей, заявляющихъ напередъ что на такой-то праздникъ или шабашъ они могутъ принять къ своему столу столько-то бѣдныхъ. Шамешъ, спеціально завѣдующій раздачей пригласительныхъ „плетовъ“, называется, плетень-тайлеръ.

слегка вздрогнула и какъ на ея мгновенно поблѣдѣвшемъ лицѣ отразилась внутренняя тревога, полная и смущенія, и затаянной радости. Взоръ молодой дѣвушки, оторвавшись отъ заката, почти инстинктивно перекинулся вдругъ совсѣмъ въ другую сторону, къ досчатому тротуару по которому въ эту самую минуту приближался къ дому Бендавида высокій, статный мужчина, въ элегантномъ лѣтнемъ костюмѣ.

Онъ шелъ обыкновеннымъ шагомъ, слегка опираясь на изящную трость съ золотымъ набалдашникомъ. Рядомъ съ нимъ шагала рѣдкой породы громадный датскій лось на стальной цѣпочкѣ. Въ наружности прохожаго все, начиная съ манеръ и кончая малѣйшими мелочами костюма, изобличало хорошо усвоенную претензію на жанръ настоящаго джентльмена. Его нѣсколько небрежная походка и выраженіе красиваго лица, украшеннаго небольшою продолговатою бородкой—такъ-называемою американскою бородкой—и длинными русыми, выхолощенными усами, были исполнены не столько сознаниемъ дѣйствительнаго внутренняго достоинства, сколько выражали собою безграничную самоувѣренность, не знавшую доселѣ еще никакой существенной преграды, никакого отпора. Тымъ не менѣе, общее впечатлѣніе его наружности было вполне изящное, даже солидное. На взглядъ ему казалось между тридцатью и тридцатью пятью годами.

Проходя мимо Тамары, онъ на одно лишь мгновеніе, но почти въ упоръ выразительно бросилъ на нее многозначительный пытливый взглядъ и слегка приподнял шляпу, не безъ желанія придать своему поклоу нѣкоторую почти-тельность.

Почувствовавъ на себѣ этотъ вопрошающій твердый взглядъ, дѣвушка смутилась еще болѣе и послѣшила глубоко потупиться. Растерянно и вся зардѣвшись отвѣтила она на его поклонъ, показавшійся ей не совсѣмъ-то умѣстнымъ въ присутствіи бабушки. Легкое движеніе досады чуть замѣтно дрогнуло у нея въ какой-то жилкѣ надъ бровями.

Джентльменъ, ни на йоту не измѣнивъ себѣ, съ полнымъ спокойствіемъ прошелъ мимо.

— Кто это? спросила во слѣдъ ему Сарра, удивленная поклономъ адресованнымъ ея Тамарѣ.

— Графъ Каржоль де-Потрекъ, отвѣтила внучка, сдѣлавъ

надъ собою немалое усиліе чтобы придать своему голосу токъ совершенно равнодушнаго спокойствія.

— Ахъ, это тотъ что какую-то компанію здѣсь учреждать, водопроводъ или газопроводъ, такъ что ли.... концессіи какія-то?

— Да; кажется и то, и другое, съ легкою улыбкой подтвердила Тамара.

— Гм... Такъ вотъ онъ каковъ!... Видный мущина, процѣдила сквозь зубы бабушка.—А ты развѣ съ нимъ знакома? вдругъ спросила она.

— Какъ видите. Я иногда встрѣчаюсь съ нимъ въ обществѣ, въ особенности въ домѣ у моей гимназической подружки Ольги Уховой.

-- Видный мущина, какъ бы про-себя повторила бабушка.—Только зачѣмъ намъ всѣ эти его заводы да водопроводы!... Графское ли дѣло!... Отцы и дѣды, слава Богу, кажись жили себѣ и безъ этого, и не хуже насъ, право... Все это сдается мнѣ одна только глупая новая мода, новый способъ шахровать* на счетъ обывательскихъ кармановъ.

Тамара ничего не отвѣтила на это нѣсколько брезгливое замѣчаніе бабушки, и разговоръ ихъ на томъ прекратился.

Но долго еще не улегалось внутреннее волненіе, возбужденное въ дѣвушкѣ неожиданнымъ появленіемъ графа, хотя она и довольно удачно постаралась замаскировать свое чувство во время разговора съ бабушкой. Вздвигавалъ ее въ особенности этотъ пристальный, хотя и мимолетный взглядъ, взглядъ настойчивый, какъ бы повелѣвающій и ждущій неуклонно-подтвердительнаго отвѣта на вѣчто заранѣе условленное.

„Что, какъ если вдругъ бабушка замѣтила?... Что, если въ нее вдругъ закрадется какое-нибудь подозрѣніе?“

Но взглянувъ на Сарру, дѣвушка не могла не убѣдиться тотчасъ же что добродушная и довѣрчивая бобе Сарра не замѣтила ровно ничего, кромѣ поклона, котораго, конечно, нельзя было не замѣтить даже и ея подслѣвоватыми глазами.

— Однако мнѣха уже кончилась, замѣтила Сарра черезъ

* Шахровать—выраженіе специально еврейское, означающее отчасти спекулировать, отчасти заниматься разными не совсѣмъ-то чистыми дѣлушками, гешефтами, факторствомъ и т. п. Отсюда же и еврейское „шахеръ-махеръ“.

минутой.—А вонъ никакъ и хозяинъ мой идетъ съ гостями. Погляди-ка, Тамаре-лебень,* такъ ли?

И дѣйствительно, народъ повалилъ изъ бейсъ-гамцраша, съ праздничнымъ говоромъ, быстро расходясь группами въ разные стороны.

Вотъ идетъ и рабби Соломонъ. По правую его руку, прихрамывая, ковыляетъ жидкій, какъ гнутая жердана, армеръ ламданъ, рабби Ионаанъ, по лѣвую убогій старикъ-вищій, а сзади молодой бохеръ-ешеботвицъ рядомъ съ такимъ же ювоншей гимназистомъ, Айзихомъ Шацкеромъ.

Тамара хорошо помнила свою обычную обязанность встрѣтить дѣдушку на порогѣ столовой залы и подать ему субботнюю мѣховую шалку „штраймеле“, подъ покровомъ которой дѣдушка, по обычаю всякаго благочестиваго Еврея, совершаетъ въ теченіе шабаша сто благословеній и сто разъ произносить имя Господа.

Но прежде чѣмъ переступить порогъ и принять штраймеле, рабби Соломонъ прикоснулся правою рукою къ „мезизе“** прибитой къ косяку входной двери и поцѣловалъ пергаментный свертокъ этого талисмана, произнеся про себя положенную краткую молитву о сохраненіи себя отъ всякаго зла. Армеръ ламданъ сдѣлалъ почти то же, съ тою лишь разницею что вмѣсто самой мезизе поцѣловалъ свой собственный, коснувшійся до нея указательный палецъ, а за нимъ сему же примѣру послѣдовали и остальные мушцины.

— Гить шабесь! гить шабесь!*** ласково произнесъ рабби

* У Евреевъ между родными и интимными лицами принято въ разговорѣ иногда прибавлять къ собственному имени еще ласкательный эпитетъ „зееле“, „лебень“ душа, жизнь и т. п.

** Въ охраненіе себя отъ нечистой силы, „шедь“, Евреи употребляютъ, кромѣ цыциса, еще и слѣдующее средство: къ правому косяку воротъ и дверей прибавляютъ свертокъ пергамента, длиною около четверти, гдѣ написанъ условный текстъ изъ Пятикнижія, изъ Второзаконія, гл. 6. ст. 4 и 5,—11, ст. 13 и 21. Этотъ пергаментный свертокъ, приколоченный извѣстнымъ способомъ къ входу и получаетъ названіе „мезизе“, т.-е. косякъ. Въ силу древняго обычая, каждый Еврей, входя въ домъ и выхода изъ него, непременно прикасается губами къ мезизе; иные же цѣлуютъ свой палецъ, прикасавшійся къ этому талисману, который служитъ также и для охраненія порога отъ нечистой силы.

*** Выраженіе нѣмецко-еврейскаго жаргона, означающее привѣтствіе: добрый шабашъ, или съ добрымъ шабашемъ!

Соломонъ, привѣтствуя всѣхъ домашнихъ, которые отвѣтили ему тѣмъ же, послѣ чего, принявъ изъ рукъ Тамары штраймеле, онъ возложилъ на склоненную голову вначки свои руки и далъ ей субботнее благословеніе въ словахъ: „да будешь ты матерью многихъ милліоновъ людей израильскихъ!“

За симъ приступили къ привѣтствію ангеловъ небесныхъ, которые, по ученію Талмуда, невидимо присутствуютъ на шабашѣ каждаго благочестиваго Еврея если въ этотъ день въ его домѣ царствуетъ семейное согласіе и спокойствіе*.

— Шеломъ алейхемъ, малохай гашруейсь! торжественно началъ въ полный голосъ рабби Соломонъ, предварительно надѣвъ на себя *штраймеле*. — Привѣтъ вамъ, ангелы, служители Всевышняго, Царя царей и святаго Бога, да будетъ благословенъ Онъ! Привѣтствую входъ вашъ, ангелы мира! Благословите насъ миромъ вы, ангелы мира, ангелы Всевышняго, Царя царей, да будетъ благословенъ Онъ!

Каждый стихъ привѣтствія ангеламъ повторялся троекратно, послѣ чего хозяинъ дома, по уставу, проговорилъ заключительную главу „Притчей Соломова“ о жемѣ доброй чѣдъ многоцѣннѣе жемчуга. Всѣ присутствующіе и въ особенности женщины старались при этомъ выразить на лицахъ радость и спокойствіе и держать себя какъ можно тише и скромнѣе, чтобы какимъ-либо неподходящимъ взглядомъ, движеніемъ или помысломъ не удалить ангеловъ и не накликать демоновъ. Затѣмъ благоговѣнно приблизились всѣ ко главѣ семейства — выслушать изъ его устъ и повторить за нимъ слово въ слово „освященіе субботы“, выражаемое молитвой „кидушъ“ чѣдъ произносится надъ чашей. Для этого рабби Соломонъ наполнилъ до верху стоявшій предъ его приборомъ кубокъ и, взявъ его за доще въ правую руку, произнесъ какъ бы про себя, тише чѣмъ въ полголоса:

— „И былъ вечеръ, и было утро—день шестой.“ Благословенъ Ты, предвѣчный Боже нашъ, сотворившій лаодъ виноградный! Благословенъ Ты, Царю вселенныя, производящій хлѣбъ изъ земли!

И затѣмъ, благословивъ Бога за дарованіе Евреямъ субботы и за предпочтеніе народа Израильскаго всѣмъ другимъ

* Въ томъ же домѣ гдѣ несогласіе и раздоръ, скопляется стажа демоновъ, которые наполняютъ не только всю внутренность дома, но за неимѣніемъ въ немъ мѣста, обсыпаютъ своими сонмами весь дворъ, всю крышу, трубы и т. д. Такъ учитъ Талмудъ.

земнымъ народамъ, рабби Соломонъ отхлебнулъ изъ благословеннаго кубка и далъ пригубить отъ него, по очереди старшинства и гостепріимства, всѣмъ присутствовавшимъ.

Тѣмъ часомъ служанка внесла кувшинъ воды, покрытый частымъ полотенцемъ и мѣдный, отлочно вычищенный тазъ, надъ которымъ и былъ теперь совершенъ обрядъ общаго омовенія рукъ „ветплатъ ядаимъ“, послѣ чего всѣ усадились за столъ самымъ чиннымъ образомъ. *Армеръ ламданъ*, какъ уважаемый гость, конечно занялъ мѣсто по правую руку хозяйки.

Но и тутъ обычные обряды еще не окончились. Надо было благословить хлѣбы, безъ чего невозможно приняться за субботнюю трапезу. Поэтому рабби Соломонъ обѣими руками приподнялъ вверхъ священный хлѣбъ *халосъ* съ необходимыми словами: „биршисъ майройновъ войрабойновъ войрабойсай“ * прочелъ краткое благословеніе надъ хлѣбомъ, разрѣзалъ его на части и роздалъ по куску всѣмъ присутствующимъ, не исключая и домашней прислуги. Такимъ образомъ былъ исполненъ обрядъ еврейскаго причащенія виномъ и хлѣбомъ, по окончаніи котораго уже ничто не препятствовало приступить и къ самому ужину.

Первымъ блюдомъ принесли фаршированного щулака съ прянощами и всѣ во слѣдъ за хозяиномъ заглали: „Лехо доди лѣкрасъ каа“—выходи, другъ, на встрѣчу невесты! Примемъ весело субботу!—Принесли „локшенъ“, затѣмъ говядину изъ сула и вареныхъ цыплятъ, жаренаго гуся и „кугель“ и наконецъ, въ смыслѣ вѣнца-вѣнцовъ и блюда-блюдъ всего субботняго пиршества, появилась на столѣ вселюбезный „дмсаисъ“ жирный, пряный и сладкій.

Между кушальями всѣмъ хоромъ распѣвались субботнія пѣсни *замиротъ*. Тутъ пѣли и *Мнуго есимго*, и излюбленную *Маюфисъ*, и вообще всѣ эти завѣтныя застольныя пѣсни, воспѣвающія великое значеніе Еврейскаго народа въ мірѣ и значеніе святости субботняго дня какъ внутренней связи еврейства,—пѣсни выражающія общую надежду Израильтявъ на скорѣйшее собраніе Евреевъ въ родной землѣ, на возстановленіе храма и жертвенника, а главное—на возстановленіе скипетра Іуды и царя Давида, который будетъ господствовать надо всѣми народами земными.

* Позволенія моихъ господъ раввиновъ

III. Слово рабби Ионаана.

— Рабби Ионаанъ! обратися хозяйвъ къ своему гостю:— ваша скромная трапеза, благодареніе Богу, окончена. Но мы прежде чѣмъ сказать наше общее „барухъ гу уворухъ шмо“, * конечно, можемъ учинить маленькій „кидушъ“. ** Вы не будете противъ? А потому позвольте-ка вашъ стаканъ! Мы его наполнимъ до края и выльемъ.

— Въ часъ добрый! пріятно осклабляясь, проговорилъ гость и съ удовольствіемъ подставилъ свой стаканъ подъ горлышко бутылки.

И всѣ муцны чокнулись, проговоривъ взаимно „дехаимъ!“ на здоровье!

— Но, рабби Ионаанъ, продолжалъ хозяйвъ:—я хочу получить съ васъ маленькую взятку. Вы такой „харифлъ“ и „магидъ“, *** вы сумѣли вполнѣ усвоить себѣ „дерехъ эрецъ“, † хотя, къ вашей чести будь сказано, и придерживаетесь старыхъ обычаевъ, не подражая вышнимъ модамъ, тогда какъ увы! кто изъ насъ не дѣлаетъ имъ большихъ уступокъ!... Не будете ли, рабби, такъ любезны, сказать намъ какое-нибудь маленькое словцо? Это такъ пріятно въ шаббосъ!... Я, конечно, не претендую на большую „арошъ“, †* это значило бы злоупотреблять вашею любезностію, но какой-нибудь легкій *муссаръ* †** вмѣсто десерта, если это не затруднитъ васъ!

— Съ удовольствіемъ! согласился армеръ ламдавъ и затѣмъ озабоченно потеръ свой лобъ рукой, какъ бы придумывая тему.—Съ удовольствіемъ, продолжалъ онъ:—только не ждите отъ меня „харифусъ и магидусъ“ †*** на талмудическія темы... Нѣтъ, я не коснусь Талмуда; я не расположенъ къ этому сегодня. Мое словцо будетъ сподна построено лишь на подборѣ „посуовъ“ †† нашей вселюбезной Торы и нашихъ пророковъ.

* Благодарственная молитва по окончаніи трапезы.

** Кидушъ въ переносномъ смыслѣ означаетъ выпивку.

*** Остроумный талмудистъ и проповѣдникъ.

† Религіозную ученость и свѣтское образованіе.

†* Проловъдъ.

†** Нравоученіе.

†*** Харифусъ и магидусъ—остроумный разборъ и ловкое истолкованіе текстовъ Торы, Талмуда и вообще религіозныхъ узаконеній.

†† Стиховъ, изреченій Св. Писанія.

— Мы слушаемъ, покорно склонилъ свою голову хозяинъ, пригласивъ жестомъ и всѣхъ остальныхъ ко вниманію.

Рабби Ионаанъ еще разъ потеръ рукой наморщенный лобъ, подумалъ съ минутою и, вскинувъ на всѣхъ вдохновившійся взоръ, приступилъ къ дѣлу.

— Раббосай! * началъ овъ съ пріятною улыбкой:—я буду говорить на тему наиболее любезную, наиболее сочувственную каждому еврейскому патриоту въ *голусть*. ** Я буду говорить о задачахъ и значеніи еврейства въ мірѣ и о нашей будущности, покаянку укажетъ на нихъ наше священное писаніе.

— Мы слушаемъ! „Шма Израэль!“ *** съ благочестивымъ видомъ и почти шепотомъ повторилъ хозяинъ.

— Раббосай! продолжалъ армеръ ламдавъ:—я напомню вамъ шестидесятую главу пророка Исаи. О! сколь горячо надо было любить свой народъ, сколь глубоко вѣрить въ его будущность, чтобы начертать эти великія строфы!... Пророкъ говоритъ: „Встань, освѣтись, ибо пришелъ свѣтъ твой и слава Господня возсіяла надъ тобой. Се темнота покроетъ землю и мракъ народы“. Рабби Соломонъ! Вы, ублаженный опытомъ житейской мудрости, вы, человекъ большого опыта, подумайтесь, развѣ это не такъ? Развѣ въ наши дни не воочію сбываются слова пророка? Развѣ не покрыла землю темнота мелкой себялюбивой суетности, невѣрія и нечестія? Развѣ не мракъ объемлетъ теперь народы хотя бы одной лишь Европы, и въ особенности народъ среди котораго мы здѣсь живемъ? Мракъ и тѣмъ лаче мракъ, сугубый мракъ, что этотъ народъ воображаетъ себя будто овъ идетъ ко свѣту, будто овъ лодымается на подвигъ выполненія своихъ яко бы великихъ историческихъ задачъ!... Да, раббосай, се темнота покрыла землю и мракъ народы. И это такъ, ибо въ еврейства вѣтъ спасенія ничему существу! Вотъ чтò говоритъ далѣе пророкъ Исаи: „И пойдутъ народы къ *твоему* свѣту и цари къ лучамъ *твоего* сія-

* Господа.

** Въ изгнаніи. Иго *голуса* началось для Евреевъ послѣ окончательнаго разрушенія іерусалимскаго храма и разсѣянія по лицу земли народа Еврейскаго.

*** Внемли, Израэль!—прзреченіе библейское, употребленное въ разговорѣ крохъ какъ въ прямомъ смыслѣ еще и въ двухъ переносныхъ значеніяхъ: какъ восклицаніе, при какой-либо поразительной неожиданности, и какъ талисманъ, противъ мечистой силы, въ родѣ нашего: чуръ меня!

нiя“. Къ чему это свѣту и къ лучамъ чьего сиянiя? Пророкъ на это указываетъ ясно: къ Израилеву свѣту, къ Израилеву сиянiю. Далѣе: „Тогда ты (Израиль) увидишь и просiаешь отъ радости; вострепещетъ и расширится сердце твое, потому что богатства моря обратятся къ тебѣ и достоянiе народовъ лойдетъ къ тебѣ... Тогда сыны иноземцевъ воздвигнутъ стѣны твои и цари ихъ будутъ служить тебѣ... Солнце твое уже не закатится и дни плача твоего кончатся“. Вотъ какаа свѣтлая, какаа завидная будущность сулится намъ въ этихъ строфахъ. Гоимъ* укоряютъ насъ что мы любимъ золото (какъ будто они сами не любятъ его!). Да, мы любимъ золото, мы *обязаны* любить его! Ибо золото—сила. Мы любимъ золото, потому что это металлъ чистый и твердый, какъ должна быть чиста и тверда душа Еврея. Въ самомъ началѣ нашей достохвальной Торы, при описанiи гавъ-Эйдеа ** первыхъ человекъ, упоминается что „и золото той земли хорошее“, *** и упоминается о немъ какъ объ одномъ изъ несомнѣнно важныхъ, изъ преимуществъ земли данной въ поселенiе нашимъ прародителямъ. Какалось бы на чтѣ, къ чему имъ золото, когда они не нуждались даже въ покровахъ для своего гуръ, † когда и безъ того уже они жили въ золотомъ вѣкѣ? Не кроется ли въ этихъ словахъ таинственное указанiе что вотъ гдѣ и вотъ въ чемъ источникъ вашей силы, вашего господства надъ человечествомъ? Наше писанiе вездѣ и постоянно придаетъ весьма важное значенiе материальному благосостоянiю. Такъ, напримеръ, о великомъ праотцѣ Авраамѣ—зикрово лаврохо †* — упоминается что былъ онъ „очень богатъ скотомъ и серебромъ, и золотомъ“ †**. Далѣе: „И сказалъ Омъ Аврааму: знай что потомки твои будутъ пришельцами въ землѣ не своей. Но надъ народомъ, у котораго они будутъ находиться въ лорабощенiи, Я произведу судъ; послѣ сего они выйдутъ съ великимъ имуществомъ.“ †*** Замѣтьте это „съ великимъ имуществомъ“,—это воздаянiе за лорабощенiе. Такъ и акимы: они, этотъ современный намъ гордый Фараонъ, это „христiанство“, мящее себя царемъ земного

* Невѣрные, христiане.

** Раа.

*** Бытiя гл. 2, ст. 12.

† Тъа.

†* Да будетъ благословенна его память.

†** Бытiя, гл. 13, ст. 2.

†*** Ibid. гл. 15, ст. 13, 14.

міра, развѣ не тщилось оно въ теченіе восемнадцати столѣтій держать насъ въ политическомъ порабощеніи, не допускать насъ до сравненія въ гражданскихъ правахъ съ собою? И что же въ концѣ-концовъ мы видимъ? Постепенное съ теченіемъ вѣковъ накопленіе богатствъ всего міра въ рукахъ Евреевъ, постепенное овладѣваніе рынками и биржами стараго и новаго свѣта, пока наконецъ не сдѣлались мы финансовыми владыками вселенной. Банкирскій домъ бароновъ Ротшильдъ—вотъ достойный отвѣтъ Израиля акимамъ на всѣ ихъ вѣковыя неправды и утѣсенія народа избраннаго Богомъ. И лускай-ка попробуетъ любая изъ такъ-называемыхъ „великихъ державъ“ поспорить съ другою, объявить ей войну, если этого не захочетъ Ротшильдъ! „А что скажетъ Ротшильдъ? А какъ взглянетъ Ротшильдъ? А пожелаетъ ли Ротшильдъ гарантировать своимъ авторитетомъ реализацію займа потребнаго на веденіе войны?“ Такъ нынѣ повелѣтъ думаетъ каждый изъ земныхъ владыкъ царствъ и народовъ прежде чѣмъ отважится объявить войну своему сосѣду. Захочетъ этотъ калрызный Ротшильдъ—ладно, а не захочетъ, такъ и безъ войны онъ можетъ одною какою-нибудь игрой на пониженіе въ самое мирное время, при впаучшихъ экономическихъ и политическихъ условіяхъ любого государства, плевать его бумага до нуля, довести его до полного банкротства. Стало-быть кто же выходитъ дѣйствительнымъ владыкой міра—гордые ли фараоны христіанскаго міра, или онъ, этотъ „ничтожный“, презираемый *фиде* Ротшильдъ? Такимъ образомъ мы видимъ что и въ наши дни опять воочію сбывается предреченное пророку Аврааму: послѣ восемнадцати вѣковъ угнетенія, въ теченіе коихъ Еврей все богатѣлъ и богатѣлъ, мы, какъ и наши предки изъ Египта, начинаемъ выходить на міровой просторъ „съ великимъ имуществомъ.“ Такъ-то!... Но пойдемъ далѣе! Пророку нашему Исааку сказано: „будь *пришельцемъ* въ этой землѣ и Я буду съ тобою и благословлю тебя, потому что тебѣ и потомству твоему дамъ всѣ эти земли“. * „Будь *пришельцемъ*!...“ И дѣйствительно, всегда, вездѣ и повсюду мы были только пришельцами, и—зачѣмъ скрывать отъ самихъ себя? — пришельцами нежелаемыми, повсюду отвергаемыми, пришельцами злыми, жестокосердыми. Вспомните, еще древле гдѣ хитростію и коварствомъ, гдѣ открытымъ насильствомъ

* *Бытія*, гл. 26, ст. 3, 4.

врываются Евреи въ земли чуждыхъ имъ и осѣдлыхъ народовъ. Врываются они во владѣнія Эдома,—Эдомъ не впускаетъ ихъ, ибо знаетъ чѣмъ грозитъ прикосновеніе Израиля; и Сихонъ подобно Эдому не впускаетъ къ себѣ Евреевъ, и Огъ, царь Вассавскій, и Балакъ, царь Моавитскій тоже,— всѣ боятся нашествія Евреевъ, всѣ жаждутъ отъ нихъ избавиться. Почему такъ? Отвѣтъ находится въ той же книгѣ „Числъ“: „И сказали Моавитяне старѣйшинамъ Мадіамскимъ: этотъ сонмъ (Израильтянь) поядаетъ теперь все вокругъ насъ какъ вошь поядаетъ траву полевою“ *. Вотъ почему! Мы шли, повидимому, на чужое и имъ постепенно овладѣвали; но это потому что въ сущности для насъ нѣтъ чужаго на землѣ: все чужое—наше, ибо и вся земля по обѣту Всевышняго *наша, намъ завѣщана, намъ принадлежитъ*, какъ лучшимъ избраннымъ сынамъ Божиимъ. „Да послужатъ тебѣ народы и да покаются племена. Проклинающіе тебя прокляты, благословляющіе тебя благословенны“ **. „И будетъ потомство твое какъ песокъ земной, и распространишься къ западу и къ востоку, и къ сѣверу, и къ полудню“ *** „Отыви въ имя твое Израиль, потому что ты боролся съ Богомъ и людьми и одолѣлъ“ †. Колико же могъ духомъ великій представитель нашего времени, если онъ могъ бороться не только съ людьми, но даже съ самимъ Богомъ. Кто же еще есть другой столь дерзновенный во человѣцѣхъ?... Не даромъ же сказано еще издревле что „дерзновеннѣйшій между племенами—Израиль.“ И кому же какъ не Израилю, послѣ того дозвѣтъ обладать цѣлымъ міромъ?

Рабби Юдаеанъ приотставовицася чтобы перевести духъ. Сухощавое, болѣзненно-желтоватое лицо его было оживлено до необычайности, а глубокіе глаза изподобья сверкали какъ угли, и горѣлъ въ нихъ огонь вдохновенія. По всему было видно что это въ своемъ родѣ поэтъ, человѣкъ увлекающійся, но глубоко убѣжденный въ томъ что онъ высказываетъ. И сила его внутренняго убѣжденія какъ бы посредствомъ электрическаго тока невольна передавалась слушающимъ.

Одна только Тамара казалась нѣсколько разсѣянною, какъ

* Числъ, гл. 22, ст. 4.

** Бытія, гл. 27, ст. 28, 29.

*** Ibid. гл. 28, ст. 13.

† Ibid. гл. 32, ст. 29.

будто въ ней колошались совсѣмъ цныя думы, цныя чувства. Она почасту взглядывала на стѣнные часы висѣвшіе какъ разъ противъ ея мѣста и на ея первомъ личикѣ порой прорывалось наружу выраженіе какой-то озабоченности, вѣтерливня и досады. Хорошо что вниманіе бобе Сарры въ эти минуты до самозабвенія было поглощено словомъ рабби Йонасана, а то не избѣжать бы Тамарѣ ея замѣчаній и даже серьезнаго выговора за разсѣянность и непримчивіе.

— Продолжайте, достопочтенный рабби, продолжайте! восторженно умоляющимъ шепотомъ проговорила бобе Сарра, судорожно сжимая пальцы своихъ рукъ, сложенныхъ въ комочекъ. На ея лицѣ отражалось не только просто сердечное наслажденіе, но полное улоеніе рѣчью ламдана-маггида.

Соломонъ Бендавидъ подаилъ маггиду въ стаканъ вина и тоже просительнымъ образомъ подмигнулъ ему глазами— продолжайте, дескать, почтеннѣйшіи!

Рабби Йонасанъ освѣжился глоткомъ вина, глубоко вздохнулъ и собравшись съ мыслями, началъ:

— И вотъ, народъ Израильскій въ лѣтну, въ Египтѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, сыны Израилевы „расплодились и размножились, и увеличались, и усилились чрезвычайно и наполнилась ими земля та“. * И не надо думать будто имъ было ужъ такъ особенно душно въ Египтѣ— вовсе нѣтъ! Я готовъ сказать даже напротивъ,—хорошо; въ извѣстной стелени даже привлекательно было Евреямъ въ землѣ Фараоновъ, очутившейся у нихъ, благодаря мудрымъ государственнымъ мѣрамъ Іосифа, можно сказать, на откулу. Зачѣмъ же жондობилось вдругъ покидать этотъ прекрасный край? А дѣло въ томъ что времена перемѣнились: умножился, усилился, расширился народъ Божій, а вмѣстѣ съ этимъ расширился и кругозоръ его задачъ, его стремленій не только къ самостоятельному, независимому существованію, но и къ господству надъ другими народами. И тогда Всевышній обѣщаетъ Евреямъ что пойдутъ они „не съ лустыми руками“, „на ислросить каждая женщина у сосѣдки своей и у живущей въ домѣ ея вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ, и одеждъ, и вы положите все это на сыновей вашихъ и на дочерей вашихъ и оберете Египтянъ.“ И сказалъ Богъ Моисею: „Я вложу руку мою на Египетъ.“ И наслаалъ на него десять казней. „И былъ воля великій по всей землѣ Египетской какого не

* Исходъ, гл. 1 ст. 7.

было и какого не будетъ болѣе. И сказали рабы Фараона ему: доколы этотъ человекъ * будетъ вредить намъ? Отпусти этихъ людей... Неужели ты еще не видишь что гибнетъ Египеть?!—И сдѣлали сыны Израилевы по слову Моисея: испросили у Египтянъ вещей серебряныхъ и вещей золотыхъ, и одежду. Господь далъ милость народу своему въ глазахъ Египтянъ, и обобралъ оны Египтянъ. ** Да, обобралъ, и это справедливо, ибо заловѣдамо намъ отплачивать „око за око, зубъ за зубъ, руку за руку, ногу за ногу, обожженіе за обожженіе, рану за рану, ушибъ за ушибъ.“ *** И вотъ, народъ Израильскій идетъ въ Землю Обѣтованную и Господь говоритъ ему: „ужасъ мой пошлю предъ тобой и въ смятеніе приведу всякій народъ къ которому ты придеши и образу всѣхъ враговъ твоихъ къ тебѣ тыломъ“... „Но не заключаи союза ни съ ними, ни съ богами ихъ.“ † Вотъ задача наша: не вступать ни въ какое общеніе и соглашеніе съ иевреями, а наипаче всего быть твердыми въ вѣрѣ нашей.—„Когда обвѣнчуетъ у тебя братъ твой и проданъ будетъ тебѣ, то не навлагай на него работы рабской. А рабъ твой и рабыня твоя, которые могутъ быть у тебя, должны быть изъ народовъ которые вокругъ васъ“. †* „Въ концѣ седьмаго года дѣлай прощеніе, чтобы всякій заимодавецъ, давшій займа ближнему своему, простилъ долгъ и не взыскивалъ съ ближняго и брата своего. Съ иноплемениковъ взыскивай, а что будетъ тамъ у брата твоего—прости“ †**. „Если будетъ ввѣщать тебѣ тайно братъ твой, сынъ матери твоей, или сынъ твой, или дочь твоя, или жена на домѣ твоёмъ, или другъ твой, который для тебя какъ душа твоя, говоря: пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ, которыхъ не зналъ ты и отцы твои, то не соглашайся съ нимъ и не слушай его; и да не пощадитъ его глазъ твой, не жалѣй его и не прикрывай его, но убей его; твоя рука прежде всѣхъ должна быть на немъ чтобы убить его, а потомъ руки всего народа. Побей его камнями такъ чтобы оны умеръ“ †***.

* Моисей.

** Исходъ, гл. 12, ст. 35, 36.

*** Ibid. гл. 21, ст. 28, 24, 25.

† Ibid. гл. 23, ст. 27, 29, 30, 32.

†* Левитъ гл. 25.

†** Второзаконіе, гл. 15, ст. 1, 2, 3.

†*** Ibid. гл. 13, ст. 7, 9, 10, 11.

При этихъ словахъ, произнесенныхъ грознымъ голосомъ, раздадся вдругъ рѣзкій стукъ ложки упавшей изъ руки Тамары на тарелку. Рабби Ионаевъ пріостановдлся, какъ человекъ котораго рѣчь неожиданно дерекнула. Старая Сарра вдрогнула и вскнула глаза на внуку.

— Что съ тобой?... Ты блѣдна, какъ полотно... ты разстроена... Ты нездорова? спросила она въ долголоса.

И действительно, лицо Тамары было блѣдно и грудь дышала взволнованно, а глаза съ выраженіемъ ужаса глядѣли на проповѣдника. Это паденіе ложки произошло совсѣмъ незамечено, печально и столь рѣзко нарушило собой тишину общаго напряженнаго вниманія что всѣ моментально вскнули взгляды въ сторону дѣвушки. Она была что вадывается захвачена на мѣстѣ, такъ что выраженіе ужаса на ея лицѣ не успѣло ускользнуть отъ вниманія бабушки, одѣвшей рядомъ съ ней.

Угадавъ что бабушка замѣтила что съ ней, Тамара на мгновение смутилась еще болѣе, но въ тотъ же мигъ постаралась овладѣть собой и улыбнуться.

— Нѣтъ, милая бобе, я ничего, я здорова, почувшила она увѣрить бабушку: — это оттого что я такъ заслушалась.... Такъ увлеклась до самозабвенія словами почтеннаго ламдана... И прошу рабби Ионаева цѣловать мнѣ мою неосторожность.

Армеръ ламдавъ самодовольно улыбнулся и, пославъ дѣвушкѣ свисходительно првѣтливый поклонъ кивкомъ головы, воспользовался неожиданнымъ перерывомъ его рѣчи чтобы съ наслажденіемъ потянуть вивца изъ своего стакана. Рабби Соломовъ, въ качествѣ гостепріимнаго хозяина, тотчасъ же предупредительно наполнилъ его снова.

— А впрочемъ, бобе, я действительно нѣсколько устала, замѣтила дѣвушка въ ухо старухѣ, бросивъ предъ тѣмъ мимоленный взглядъ на стѣнные часы:—я бы, пожалуй, не прочь уйти къ себѣ, если вы мнѣ позволите.

Сарра нѣсколько поморщилась на это.

— Мм... неловко, телотемъ замѣтила она внуку.—Какъ же это такъ вставать раньше старшихъ!... Потерли ужъ! Ничего!

И всадъ затѣмъ съ улыбкой наслажденія повернулась къ проповѣднику:

— Продолжайте, достопочтеннѣйшіи рабби! Мы съ терпѣніемъ ожидаемъ продолженія вашихъ мудрыхъ словъ, кото-

рыя для насъ „мосукъ мидвашъ.“ * Поучайте насъ, продолжайте! Слушать насъ—это „тайныгъ“, ** это значитъ совершать одно изъ благихъ дѣлъ „Тарягъ мицвешъ.“ Продолжайте!

— Итакъ! со вздохомъ началъ рабби Йонаевъ:— вотъ раббосай, существующія изъ постановленій которыя должны мы неуклонно соблюдать для достиженія великихъ цѣлей, свыше завѣщанныхъ еврейству. Но помните и запечатлите въ сердцахъ вашихъ что сказано: „Я Господь Богъ твой, Богъ ревнитель, за вину отцовъ наказующій дѣтей до третьяго и четвертаго рода!“ „Соблюдай же уставы Его и заповѣди Его, чтобы хорошо было тебѣ и сынамъ твоимъ послѣ тебя...“ *** „И введетъ тебя Господь Богъ твой въ землю которую Онъ клялся отцамъ твоимъ дать тебѣ съ большими и хорошими городами, которыхъ ты не строишь, и съ домами наполненными всякимъ добромъ, которыхъ ты не наполнялъ, и съ колодцами высѣченными изъ камня, которыхъ ты не высѣкалъ, съ виноградниками и маслинами которыхъ ты не насаждалъ, и будешь вѣсть и насытись.“ †

— Бефрейшъ! †* восторженно выпалилъ вдругъ гимназистъ Айзикъ Шацкеръ, несумѣвшій превозмочь своего чувства.

Рабби Йонаеву хотя и не совсѣмъ-то понравилось что его опять прерываютъ, но взглянувъ на этого, чуть не

* Слаще меда—выраженіе библейское.

** *Тайныгъ*—удовольствіе, наслажденіе. Талмудъ предписываетъ Евреямъ доставлять себѣ въ шабашъ какъ можно больше физическихъ и духовныхъ удовольствій; *тайныгимъ*, въ числѣ коихъ находится и бесѣда съ *витны-юдени*, то-есть съ добрымъ или ученымъ Евреемъ, или съ раввиномъ, а также и слушаніе его поученій. Исполняя это, Еврей совершаетъ тѣмъ самымъ одно изъ шестисотъ тринадцати благихъ дѣлъ, заключающихся въ „Тарягъ-мицвешъ“ и обязательныхъ для каждаго добраго Еврея. Въ число этихъ благихъ дѣлъ самую первую статью входятъ *ташилмес залите*, то-есть любовныя отношенія между супругами, обязательныя съ пятницы на субботу; постановленія объ этомъ предметѣ, подъ названіемъ „Пуріе ворыиѣ“, составляютъ цѣлый особый отдѣлъ (*Ойраше Халлѣ*, гл. 280).

*** *Второзаконіе* гл. 4, ст. 40.

† *Ibid*, гл. 6, ст. 10, 11.

†* Ясно, толково сказано!

набывающийся восторгъ юности, онъ тотчасъ же предложилъ гнѣвъ на милость и обратился къ нему съ полнымъ благоволеніемъ убоготвореннаго самолюбія:

— Вы находите, бохеръ?

— О, да, мой рабби! и хотя жалкіе *акимы* обзываютъ насъ эксплуататорами чужаго труда и достоинства, но клянусь! Быть Евреемъ, это такое преимущество, такое даже блаженство, *сильхасъ-га-небеишъ*, * что я никогда не сдѣлаюсь *мешумедэмъ*! ** Мамзель Тамара, вы какъ объ этомъ думаете?

При этомъ неожиданномъ обращеніи дѣвушка даже вздрогнула, словно ее что ужалило. Удивленнымъ и пылливо-безпокойнымъ взглядомъ окинула она на Айзика, какъ бы желая разгадать, въ какомъ смыслѣ и съ какою цѣлью предложена ей вдругъ этотъ неумѣстный вопросъ? Но затѣмъ, какъ бы отъ боли закусивъ на мгновеніе свою нижнюю губу и глубоко потуливъ глаза въ тарелку, она отвѣтила ему тихо и значительно:

— Я думаю только одно, что мнѣ очень хочется слушать дагге рабби Йонаэана.

— И безъ перерывовъ, вставила со своей стороны замѣчаніе бабушка Сарра, особенно подчеркнувъ это слово, чтобы дать понять молодому человѣку всю неумѣстность и даже непримѣнімость его выходки, сдѣланной быть-можетъ вслѣдствіе некоторой возбужденности отъ излишне выдутаго стакана. Почтенная Сарра никогда и нигдѣ не забывала что она жена богача и родовитаго аристократа, въ домѣ котораго все обязано преполняться глубочайшимъ къ ней уваженіемъ и отнюдь не нарушать уставовъ строгой благопристойности.

Айзикъ понялъ ея замѣчаніе и сконфузился, и въ свою очередь закусилъ себѣ губу.

— Шеймеръ бохеръ! *** свисходительно лохвацалъ его дамдизъ, обращаясь умиловательнымъ взоромъ къ почтенной Саррѣ и тѣмъ самымъ какъ бы приглашая ее къ смисхожденію.—Шеймеръ бохеръ! Но, съ вашего позволенія, раббосай, а продолжаю мое слово.

— Ахъ, пожалуста! Просимъ! воскликнули заразъ все слушатели.

* Радость душевная, торжество, праздникъ души.

** *Мешумедъ*—отступникъ вѣры, ренегатъ.

*** Славный малый!

Маггидъ откашлялся, сосредоточенно подумалъ надъ своимъ стаканомъ и, вспомнивъ надлежащій текстъ, продолжалъ поучающимъ голосомъ:

— Когда введеть тебя Господь Богъ твой въ землю въ которую ты идешь чтобъ овладѣть ею, и изговить Онь отъ лица твоего многочисленныя народы, и предасть ихъ тебѣ, и поразишь ихъ,—тогда предай ихъ заклатию, не вступай съ ними въ союзъ и не щади ихъ *. „Дочерей своихъ не выдавайте за сымовой ихъ и дочерей ихъ не берите за сымовой своихъ, и не щите мира имъ и блага имъ во вѣки, дабы вамъ укрѣпиться и питаться благами земли этой и предать ее въ наслѣдіе сынамъ вашимъ во вѣки. Неужели же мы опять стали бы нарушать заповѣди Твои и вступать въ родство съ этими мерзкими народами?“ восклицаетъ пророкъ нашъ Эзра. „Не прогибъвалса ли бы Ты на насъ, говоритъ онъ—даже до истребленія насъ, такъ что не было бы ни уцѣлѣвшихъ, ни избавленія?“ **.

Съ началомъ послѣдней тирады, какъ только рабби Ионаевъ заговорилъ о воспрещеніи дочерямъ и сынамъ Израиля брачиться съ иновѣрными, Айзикъ Шацкеръ не безъ злорадства чуть замѣтно улыбнулся про себя, какъ бы въ отвѣтъ какой-то своей собственной затаенной мысли, и многозначительнымъ пристальнымъ взоромъ уставился вдругъ на Тамару и ни на мигъ не свелъ съ нея глазъ во все продолженіе этой тирады, словно пыталъ ее, такъ что дѣвушка не могла наконецъ не почувствовать на себѣ его взгляда.

Оъ безпокойствомъ раза два взметнувъ на Айзика взоромъ, она однакоже постаралась и успѣла придать себѣ равнодушное выраженіе недоумѣвающего вопроса, между тѣмъ какъ рука ея нервно и досадливо мяла конецъ лежавшей на столѣ салфетки. Это машинальное движеніе невольна выдавало ея истинное настроеніе, которое не ускользнуло отъ Айзика: онъ тутъ же постаралса дать ей замѣтить что ловимаеть ея внутреннее состояніе и потому, въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ дѣвочки, съ легкою язвительною уамбкой леревелъ глаза на ея пальцы мавшіе салфетку.

Тамара сняла со стола руку и, какъ бы съ намѣреніемъ показать Айзикау что не желаетъ удостоивать его дальнѣй-

* Второзаконіе, гл. 7.

** Эзра, гл. 9, ст. 12, 14.

шимъ вниманіемъ, холодно отвернулась отъ него въ сторону проповѣдника.

Этотъ обоюдный разговоръ глазами, благодаря тому что вниманіе остальныхъ сосланныхъ всецѣло было отдано ламдану, остался никѣмъ не замѣченнымъ.

— Итакъ, продолжалъ между тѣмъ рабби Ионасанъ,—мы, Евреи, должны твердо держаться нашей религіозной и общественной обособленности и строго поддерживать чистоту вашей расы, отводя не мѣшая ее съ кровію расъ нечистыхъ; и вотъ тогда „Богъ поставитъ тебя превыше всѣхъ народовъ, которые Онъ сотворилъ въ чести, славѣ и великолѣліи.“ * „И возрастете какъ тельцы улитанные, и будете полизать нечестивыхъ, ибо они будутъ прахомъ подъ столами ногъ вашихъ въ тотъ день который Я устрою. Помните же законъ Моисея, равно какъ и правила и уставы“ **.— „Всякое мѣсто на которое вступить стопа нога вашей Я отдаю вамъ, какъ Я сказалъ Моисею.“ *** Да, господство надъ народомъ вотъ ваша задача и цѣль. И въ самомъ дѣлѣ, подумайте только: что стали бы дѣлать мы, еслибъ, узко понявъ свою задачу, стремились къ одной лишь Палестинѣ и восстановленію царства Еврейскаго въ ея скромныхъ предѣлахъ? Насъ на землѣ всего только шесть милліоновъ. Представьте себѣ что всѣ эти шесть милліоновъ, по природѣ своей малоспособные къ земледѣльческому труду, вдругъ очутились бы на берегахъ Иордана, на этой узкой, безплодной, сожженной солнцемъ полоскѣ земли,—что они стали бы тамъ дѣлать и что такое, какую силу они изображали бы собою? Нѣтъ, сѣть еврейства должна покрыть всѣ обитаемыя страны. Еврей въ Канадѣ, Еврей въ Самаркандѣ, Еврей въ Новой Зеландіи и Еврей въ Эйшишкахъ должны быть повсюду одинъ и тотъ же,—братственный какъ единоутробный, цѣлкій какъ реліионикъ, взаимно другъ друга поддерживающій, защищающій, охраняющій, покрывающій взаимные грѣхи и прорѣхи и стремящійся къ одной и той же завѣтной цѣли. Овладейте биржей и торговлей; арендуйте земли, угодья, дома, заводы и фабрики; овладейте печатью, законодательствомъ; забирайте въ свои руки всяческіе

* Второзаконіе, гл. 26, ст. 19.

** Малахія, гл. 3, ст. 20, 21, 22.

*** Иисуса Навина, гл. 1, ст. 3.

акцизы, откула, монополи, желѣзныя дороги, пароходства, акціонерныя компаніи, подряды и поставки; забирайте себѣ судъ, адвокатуру, науку и искусство; словомъ, дѣйствуйте во всѣхъ направленіяхъ и всяческими путями руководствуясь: *не жельзомъ, а золотомъ, не мечемъ, а карманомъ!* Вотъ что должно быть нашимъ общимъ, разумнымъ девизомъ. Амивъ.

— Амивъ! Амивъ! Да будетъ! восторженно воскликнулъ юный Айзикъ и, схвативъ руку проповѣдника, запечатлѣлъ на ней звонкій поцѣлуй.

— *Оръ ла іегудимъ!* Свѣтъ всего іудейства! * *Уримъ и тумимъ*—свѣтъ и истина въ словахъ вашихъ, рабби! качая головой и посылая жестаи благословенія проповѣднику, со слезами на глазахъ, восклицала растроганная Сарра.

— *Минъ гашо лаимъ!*—такъ предопредѣлено небомъ! разводя руками и съ фаталистическою покорностью, склоняя голову, отозвался ламданъ.

— Благословенъ Ты Господи Боже мой что не сотворилъ меня иновѣрцемъ! въ видѣ обычной молитвенной формулы произнесъ со вздохомъ наслажденія самъ рабби Соломонъ Бендавидъ и откланялся какъ подобаетъ по уставу. **

— *Коль-тувъ! Коль-тувъ!*—всякаго блага желаю вамъ, рабби Йонасанъ, за эту великолѣпную *дрощь!* *** смиренно лепетала родственница, приживалка.

Одна только Тамара ни словомъ, ни взглядомъ, ни цвѣмъ какимъ-либо движеніемъ не выразила впечатлѣній произведенныхъ на нее проповѣдью ламдана. На ея лицѣ слегка проскальзывало порой одно лишь ветерлѣпное желаніе, одна лишь мысль: „скоро ли же все это кончится!“

А юный Айзикъ Шацкеръ, несмотря на всѣ свои восторги, не переставалъ-таки подмѣчать за нею, излодтишка бросая на нее время отъ времени косвенные взгляды и наконецъ не выдержалъ.

* *Оръ ла іегудимъ*—свѣтъ всего іудейства. Это своего рода титулъ и любезный комплиментъ обращаемый къ ученому человѣку.

** Еврей обязанъ отплевываться въ концѣ извѣстныхъ молитвъ, и плевки эти, въ смыслѣ знака величайшаго презрѣнія, адресуются всѣмъ не Евреямъ.

*** Проповѣдь.

— Фрейленъ Тамаре! тихо, подъ шумокъ общаго разговора обратилса онъ къ дѣвушкамъ:—неужели вы не раздѣляете нашего общаго восторга и удивленія?!

— Почему вы такъ думаете, бохеръ? отозвалась она, смѣривъ его холодно удивленнымъ взглядомъ.

— Потому... потому что хотѣлось бы видѣть проявленіе этихъ чувствъ.

— Почему вы знаете, усмѣхнулась Тамара:—быть-можетъ мои впечатлѣнія такъ сильны что для нихъ даже не найдется внѣшнихъ изъявленій. Довольны ли вы, сударь?

Айзикъ не нашелся что ей отвѣтить и только постарался многозначительно улыбнуться: понимаемъ, дескать, *все* понимаемъ!

Тамара въ отвѣтъ на это, не стѣсняясь, бросила ему въ лицо презрительную усмѣшку и отвернулась.

Оскорбленный Айзикъ только губы закусилъ себѣ отъ злости и досады на это равнодушное и даже холодно-презрительное отношеніе къ нему дѣвушки которая еще такъ недавно была подругой его дѣтства. Онъ чуть не плакалъ, чувствуя что въ одно и то же время готовъ надѣлать ей и множество всяческихъ оскорбленій, даже прибить ее, какъ бывало иногда въ дѣтствѣ, но точно также готовъ и рыдая уласть предъ ней на колѣни съ мольбой простить его, не отвергать его, измѣнить съ нимъ свое вынѣшнее обращеніе, быть съ нимъ какъ прежде, по старому, и позволить ему цѣловать, цѣловать безъ счета эти ручки и глазки, какъ бывало иногда въ годы ихъ счастливаго дѣтства, когда они среди густыхъ кустовъ большаго тѣнцстаго сада играли въ жениха и невѣсту. Увы! неужели это золотое время для него безвозвратно миновало?..

Тралеза была окончена, послѣдніе стаканы выпиты за здоровье ламдана и хозяина. Батрачка давно уже выжидала за полупритворенною дверью удобную минуту чтобы войти съ *лаилью акройнилью*, т.-е. съ такъ называемою „послѣднею водою“ въ серебряномъ кувшинѣ и съ мѣднымъ тазомъ, надъ которымъ каждый изъ состояльниковъ, по обязательному во Израилѣ обычаю, обмылъ себѣ концы пальцевъ и мокрыми пальцами вытеръ себѣ ротъ. Тогда торжественно была сказана молитва благодаренія и благословенія Бога за виноградъ и плодъ его, за древо и плодъ его, за лищу и питаніе, за произрастенія полей и за „прелестную, добрую, про-

странную землю“, которую Богъ отдалъ въ удѣлъ Израилю, и заключилось всеобщимъ волеиъ ко Господу, да сжаиит-ся Овъ наконецъ надъ народомъ своимъ, надъ Иерусалимомъ и надъ Сиономъ, надъ жертвенникомъ и храмомъ.

Гости и всѣ домашнiе, поблагодаривъ хозяина съ хозяйкой, простились съ ними и разошлись восвояси. Армеръ ламданъ побрелъ въ *ассанiе*, * гдѣ овъ остановилась по приѣздѣ въ городъ, нищiй — въ *гакденъ*, ** бохеръ эшеботникъ — на свою общественную ученическую квартиру, а Айзикъ Шакеръ, ради прохлады, отправился спать на сѣноваль, тутъ же, во дворѣ Бендавида. Удалились наконецъ и хозяева въ спальню, ушла и Тамара въ свою дѣвическую комнату, гдѣ заблаговременно еще до наступленiя шабаша была у нея на столѣ зажжена ночная лампа.

III. Да или нѣтъ?

Первый часъ ночи.

Тамара не раздѣвается. Она сидитъ надъ толстою тетрадкой въ корешковомъ переплетѣ и разсѣянно перелстываетъ ее, останавливаясь иногда надъ кое-какими строками. Это ея завѣтная тетрадка, которую тщательво и ревливо хранитъ она ото всякаго домашняго глаза; это ея цѣлимныя, „секретныя“ записки, *Дневникъ*, начатый ею, по примѣру по-другъ-гимназистокъ, еще въ послѣднемъ классѣ Украинской женской гимназiи.

Чтобы никто изъ домашнихъ не могъ заглянуть въ него нескромнымъ глазомъ и познакомиться съ содержанiемъ рукописи, Тамара вела свой *Дневникъ* на русскомъ языкѣ, которому, за время семилѣтняго пребыванiя своего въ гимназiи, выучилась можно сказать въ совершенствѣ, такъ что мѣстный учитель русскаго языка и словесности не рѣдко ставилъ ее, Еврейку, даже въ примѣръ цѣлымъ ученицамъ чисто русскаго происхожденiя. Писать по-русски было слоконъ вѣе; какъ-нибудь случайно попалась эта тетрадка на глаза бабушкѣ не понимающей по-русски, всегда можно съ успѣ-

* Специально еврейскiй постоялый, или, какъ выражаются въ Западномъ краѣ, „звѣздный“ домъ.

** Общественная еврейская богадѣля.

хоть „отвертѣться“ что это, моль, ученическія записки по какому-нибудь научному предмету.

Вообще же, для избѣжанія контроля бабушки, самое лучшее — держать *Дневникъ* между своими старыми ученическими тетрадками и вытаскивать его на свѣтъ Божій лишь ночью, когда уже вполнѣ безопасно можно и читать и писать.

Старухѣ никогда и въ голову не придетъ слѣдить за внучкой по ночамъ и самолично справляться что такое дѣлаетъ она въ своей комнатѣ: разъ улегалась старуха въ постель, она уже не разстанется до утра съ вѣжащими объятіями своихъ мягкихъ и теплыхъ луговыхъ *белыховъ*.

Но на этотъ разъ Тамара скорѣе по привычкѣ, скорѣе машинально чѣмъ сознательно взялась за свою заветную тетрадку. Мысли ея были далеко ото всякихъ „записокъ“ и дневныхъ впечатлѣній и еще дальше отъ потребности записывать ихъ сегодня. Именно сегодня-то она и не могла бы записать ровню ничего, потому что не чувствовала себя въ состояніи на такое дѣло. Ей просто надо было какъ-нибудь и надѣ чѣмъ-нибудь убить независтное время, которое, кажется, будто нарочно дается теперь такъ безконечно долго. Весь вечеръ она притворялась до послѣдней возможности, желая казаться какъ можно спокойнѣе, чтобы, Боже сохрани!—никому не подать ни малѣйшихъ подозрѣній; весь вечеръ томилась она внутреннею тоской ожиданія, котораго тайная причина понятна и сердечно близка была только ей одной, томилась нетерпѣніемъ и досадою на этотъ скучный, безконечный вечерній столъ съ его лѣсьями и поученіями, и хотя до условлаго, ей одной извѣстнаго часа было еще далеко, тѣмъ не менѣе Тамара изнывала внутренне. Ей казалось что вся эта пятнадцатая обычная процедура, со всѣми ея шабашевыми обрядами и тонкостями никогда, никогда не кончится, что проповѣдь ламдана затянется въ безконечность, и она, бѣдная Тамара, поневолѣ просрочитъ, пропуститъ свое условное время.

А тутъ еще этотъ противный Айзикъ!

Какъ странно, какъ дерзко велъ себя въ отношеніи ея сегодня этотъ ничтожный, но заносчивый мальчишка, этотъ бѣдный, изъ милости призрѣнный, дальній родственникъ ея дѣда! И неужели же смѣетъ онъ, жалкій Еврейчикъ, мечтать, чтобы она, милліонная наследница своего отца (не говоря уже о громадномъ и ей одной достаемомся состояніи дѣда),

чтобъ она, дѣвушка получившая свѣтское образованіе въ Россіи и докончившая его за границей, чтобъ она, Тамара Бендавидъ, кровная аристократка, ведущая свой родъ ни болѣе, ни менѣе, какъ отъ самого царя Давида, вдругъ сдѣлалась женой какого-то Айзика Шацкера!.. Положимъ, почему бы и нѣтъ, еслибъ этотъ Айзикъ, вѣкъ да другъ и товарищъ ея дѣтства, серьезно ей нравился; но въ томъ-то и дѣло что Айзикъ никогда, рѣшительно никогда, ни на одну минуту не нравился ей сердечнымъ образомъ, хотя они и играли когда-то вдвоемъ въ жениха и невесту, но... это было такъ давно, это были однѣ лишь дѣтскія игры, дѣтскія гаупости. И лосаѣ этихъ ребяческихъ глупостей Тамарѣ довелось увидѣть такъ много „свѣта“, ближайшимъ образомъ познакомиться съ этимъ „свѣтомъ“ за границей, войти въ него не только равноправнымъ, но уважаемымъ „имущественнымъ“ членомъ, довелось еще въ Европѣ вкусить и познать всѣ сладости роли „милліонной невесты“, что конечно не какой-нибудь жалкій, безвѣстный гимназистъ Айзикъ Шацкеръ осмѣлился бы мечтать о правѣ на ея сердце и руку. Какая смѣшная, какая жалкая идея — быть женой Айзика Шацкера! Нѣтъ, Тамара любить не Айзика, ея идеалъ не тотъ, совсѣмъ не тотъ! Не въ здѣшнемъ, не въ жалкомъ еврейскомъ мірѣ какого-то жидовскаго города Украинска кроется этотъ завѣтный ея идеалъ, хотя временно и проживаетъ онъ въ этомъ самомъ Украинскѣ... Это человѣкъ совсѣмъ иного склада, иного міра, иного общества, и вотъ его-то гордо назвать предъ всѣми своимъ мужемъ—о, какое это было бы блаженство, какая завидная доля!.. Подобные идеалы она иногда встрѣчала только на западѣ, въ Европѣ, и вдругъ точно такой же неожиданно-негаданно является здѣсь, въ Украинскѣ! Кто бы могъ ожидать этого, но... такъ случилось. Къ нему, къ этому желанному человѣку летятъ теперь всѣ помыслы, всѣ чувства Тамары, и летятъ затаенно ото всѣхъ, потому что ни дѣдушка, ни бабушка, какъ добрые Евреи, никогда не одобрили бы, никогда не снабдили бы своимъ благословеніемъ подобный бракъ,—развѣ ужъ что-нибудь особенное, выходящее изъ обычнаго ряда ихъ установившейся еврейско-общественной жизни и крайне льстящее ихъ самолюбію подвигло бы ихъ на согласіе; но ничего такого и быть не можетъ. Тѣмъ не менѣе, вопреку всѣмъ традиціямъ

и взглядомъ, и чувствамъ своихъ ближайшихъ родственниковъ, Тамара любить, Тамара увлечена, безъ ихъ согласія и разрѣшенія. Что изъ всего этого выйдетъ—она не знаетъ, она не думаетъ, она почти вовсе не задается этою мыслию; она увлечена подхватившимъ ее потокомъ перваго горячаго чувства: въ девятнадцать лѣтъ ей сдѣло кажется и сдѣло вѣрится будто все это счастье устроится какъ-нибудь такъ, само собой, къ общему благу, какъ ея самой, такъ и бабушки, и дѣдушки, и всѣхъ, всѣхъ на свѣтъ, и что въ концѣ концовъ всѣ будутъ довольны и счастливы,—счастливы потому что прежде всего и прежде всѣхъ будетъ счастье она, сама Тамара. Но этотъ Айзикъ! Но эти его выходки за невѣрчивымъ ужиномъ, выходки поважны только ей одной!.. Надо его остерегаться: онъ, кажется, догадывается, кажется подозреваетъ что-то... Но не все ли равно! Вѣдь Айзикъ въ нее влюбленъ, вѣдь ему въ сущности надо только немножко ласки, а для самой Тамары—немножко умѣнья повести себя съ Айзикомъ, и тогда онъ будетъ сдѣло! Не надо только разбивать пока его радужныя надежды. Но не въ этомъ главное дѣло. А вотъ,—скоро ли заснетъ дѣдушка?... Бабушка, обыкновенно, засыпаетъ скоро и крѣпко, бабушка не ложила, но онъ, этотъ несносный, добрый дѣдушка,—онъ имѣетъ привычку долго и громко молиться на сонъ грядущій и иногда страдаетъ бессоницей. Впрочемъ сегодня, благодаря проповѣди ламдана, кажется, и дѣдушка хваталъ лишній стаканчикъ,—значить, надо думать, бессоница не угрожаетъ ему эту ночь.

Только удалясь въ свою комнату Тамара перестала притворяться. Только здѣсь, наединѣ сама съ собой, могла она наконецъ дать волю своимъ дѣйствительнымъ чувствамъ, не опасаясь ни взглядовъ, ни разспросовъ заботливой бабушки. Она была крайне взволнована; ее била лихорадка, сердце колотилось и замирало въ груди колющимъ безлокойнымъ ощущениемъ, въ которомъ боролись между собой и страхъ, и ожиданіе. Лицо ея было блѣдно, руки дрожали. Нетерпѣливо взглядывала она на часы, всматривалась сквозь раскрытое настежь окно въ глубину тихаго, темнаго сада, то чутко прислушивалась ко вѣшнымъ звукамъ ночи и къ набожному бормотанію дѣдушки, внятно доносавшемуся до нея въ тишинѣ сквозь стѣну смежной комнаты.

Дѣдушка творилъ свои послѣднія молитвы на сонъ грядущій.

— Не спать, не дремаетъ стражъ Израиля! возглашалъ онъ трижды.—На Твое спасеніе уповаю, Боже! Уповаю Боже, на спасеніе Твое! Боже, на спасеніе Твое уповаю!

— А, дѣдушка уже „ашуоско“ произноситъ! мысленно сказала себѣ Тамара, съ вѣкоторымъ напряженіемъ уха прислушавшись къ застѣнному бормотанью:—теперь, значитъ, остается только „Бешеймъ“, „Ригзу“ и „Адонъ-оломъ“. Слава Богу, скоро конецъ!

— Во имя Предвѣчнаго Бога, Бога Израилева! зывалъ между тѣмъ Соломонъ Бендавидъ,—одесную меня Михаилъ, опую Габриэль, предо мною Уриэль, въ тылу у меня Рафаэль, а надо мной, надъ головою моею Духъ Божій, все величіе Господне!

Но прошло еще минутъ семь прежде чѣмъ дѣдушка произнесъ заключительныя слова молитвы *Адонъ-оломъ*—„Господь со мной, никого не боюсь“.

Въ это самое время въ саду, подъ окномъ Тамары, послышалась вдругъ шорохъ вѣтвей и хрустнула сухая вѣтка, словно кто-то, пробираясь сквозь кусты, нечаянно наступилъ на нее ногой.

Тамара вздрогнула и мгновенно побѣдила. Какъ кошка, беззвучно-легкими шагами прокрадываясь на цыпочкахъ къ окну и осторожно поднимая указательный пальчикъ, она уставилась тревожнымъ взглядомъ въ темноту сада, видимо стараясь кого-то тамъ разглядѣть и предостеречь что еще де не время.

И действительно, подъ самымъ окномъ изъ вѣтвей цвѣтущей сирени выдѣлалась вдругъ чей-то мужской обликъ едва озаренный слабымъ отблескомъ свѣта уладавшаго сюда сквозь окно изъ комнаты Тамары.

Погрозивъ и указавъ ему пальцемъ въ направленіи спальни своихъ стариковъ что—тише моля, тамъ еще не спать, дѣвушка облокотилась на лодоконникъ и страстнымъ влюбленнымъ взоромъ стала любоваться темнымъ обликомъ мушкетера притаившагося подъ самымъ ея окошкомъ, между кустомъ и стѣной.

Тихо отошла Тамара отъ окна ко внутренней стѣнѣ отдѣлавшей спальню стариковъ отъ ея комнаты и напряженно стала у нея прислушиваться. Въ сосѣдней горницѣ все тихо. Дѣдушка ковчилъ свои молитвы и кажется засыпаетъ... Бабушка,—та уже давно сладко всхрапываетъ съ легкимъ носомъ.

вымъ высвистомъ (Тамара знаетъ этотъ бабушкинъ высвистъ, и въ немъ она не ошибается), но дѣдушкина солѣнья не слышать еще. „Господи! что же это будетъ если его вдругъ и сегодня бессонница одолѣетъ?“ Но вѣтъ, дѣдушка не ворочается съ боку на бокъ, не кричитъ, не вздыхаетъ, не кашляетъ,—вѣрный признакъ того что засыпаетъ... Только скоро ли?... Сколь томительно долгими кажутся Тамарѣ эти въ сущности немногія минуты!... Но вотъ послышалось наконецъ и дѣдушкино солѣнье, составившее вмѣстѣ съ бабушкинымъ высвистомъ довольно своеобразный и даже согласный дуэтъ, каковымъ въ сущности была и вся жизнь этой образцовой во Израилѣ пары. Итакъ старики успокоились, спать... Они спятъ и не подозреваютъ и во снѣ имъ даже не снится того что въ эту самую минуту продѣлываетъ ихъ любимая внучка, единственная пока прямая представительница во Израилѣ нисходящаго поколѣнія знаменитаго рода Бендавидовъ.

Значительно ослабивъ огонь своей лампы, Тамара, словно преступникъ задумавшій бѣжать изъ своей тюрьмы, тихо, осторожно взобралась на подоконникъ, перевесивъ свои маленькія, изящно выточеныя и еще изящнѣе обутыя ножки за окно, слустала изъ впазъ и чрезъ мгновение упала на сильныя руки ожидавшаго ее мушны. Тотъ привялъ дѣвушку въ свои объятія и бережно опустилъ ее на землю.

Осторожно, чтобы не надѣлать лишняго шума, продралась она сквозь кусты на дорожку и беззвучными шагами торопливо лошац на противоположный конецъ громаднаго заупущеннаго сада, въ самую его глубину, чтобы быть подальше отъ дома. Тамъ въ густыхъ кустахъ орѣшника и жимолости, подъ нависшими вѣтвями старорослыхъ ясеней и грабовъ, среди роскошнаго хмѣля, слышь олутовавшаго рѣшетку драчатыхъ стѣвъ старой бесѣдки, можно сидѣть и говорить спокойнѣе, безопаснѣе чѣмъ въ какомъ-либо иномъ мѣстѣ этого сада; хотя впрочемъ какая же опасность могла бы встрѣтиться для нихъ и во всемъ-то саду въ такое глухое время ночи!...

Но Тамару манило именно сюда, въ самое глухое, укромное мѣсто, потому что именно въ этой одичаломъ-укрытой бесѣдкѣ царствуетъ по ночамъ какая-то особенная фантастичность: въ ней все такъ таинственно темно и тихо что отъ этой тишины и тьмы даже на душу вѣетъ какимъ-то

сладостно жуткимъ, трелетвымъ ощущеніемъ. Тамара любила такую обстановку, потому что она какъ нельзя болѣе отвѣчала ея романтически-влюбленному настроенію, ея ищущему, пылливому духу, воиъ поэтическимъ струнамъ ея горячаго сердца.

— Тамара! милая! убѣдительно страстнымъ шепотомъ говорилъ ея слутникъ, горячо сжимая ея руки.—Надо же наконецъ рѣшиться! Такъ нельзя!... Я больше такъ не могу... Я люблю тебя выше всего на свѣтѣ, какъ никогда и никого еще не любилъ, но... повторяю, я не могу выносить долѣе подобнаго положенія... Я люблю тебя честно и потому хочу открыто, предъ цѣлымиъ міромъ назвать тебя своею женою. Я хочу на тебѣ жениться... да, да! Я наконецъ высказываю это прямо и жду отъ тебя такого же прямого отвѣта.

Тамара безнадѣжно опустила на грудь голову.

— Вѣдь это же невозможно! тоскливо прошептала она.— Вы христіанинъ, а Еврейка... Ни ваши, ни наши законы никогда этого не допустятъ... Неужели же...

— Чтò неужели? стремительно перебилъ ее мущина.— Неужели же принимать христіанство, хочешь сказать ты? Да, Тамара, принимать, принимать!.. Я уже неоднократно говорилъ тебѣ это и теперь опять повторяю, прошу, молю тебя объ этомъ!... Я знаю, это величайшая жертва; но ради нашей любви, которая для насъ вѣдь выше всякихъ религій на свѣтѣ, развѣ нельзя привести такую жертву? Подумай!... Я самъ охотно принялъ бы ради тебя иудейство, мнѣ это рѣшительно все равно,—быть ли христіаниномъ, быть ли иудеемъ; но вѣдь ты же знаешь, я не могу принять его: а съ этимъ потерялъ бы все, имя, права, положеніе въ свѣтѣ; наконецъ просто попалъ бы на скамью подсудимыхъ какъ уголовный преступникъ. Ты же ничего не теряешь. Напротивъ, законъ нашъ въ этомъ случаѣ еще болѣе беретъ тебя подъ свое покровительство; всѣ гражданскія права остаются за тобой, никто не посмѣетъ косагнуть на нихъ.

Тамара отрицательно покачала головой.

— Я теряю не права, но больше чѣмъ права, грустно сказала она.—Развѣ еврейство проститъ мнѣ мое отступничество? Развѣ мои родные помирутъ съ моею измѣной ихъ вѣрѣ?

Душа и сердце Тамары уже давно склонялись въ этомъ отношеніи на сторону ея друга, котораго доводы и убѣжде-

вѣя еще и прежде отвѣчали этому сердцу ближе и симпатичнѣе чѣмъ доводы ея собственнаго разсудка, почерпнутые изъ повседневно-ходячей практической мѣралы еврейскихъ отношеній и быта и построенные на сознаніи грознаго гнета которымъ еврейскій кагалъ рабски оковываетъ жизнь и волю и мысль каждаго Еврея. Такъ и телерь Тамара высказывала своему другу всѣ эти доводы, давши ею придуманные и уже далеко не казавшіеся ей въ душѣ неизбѣжно состоятельными, но высказывала лишь для того чтобы снова услышать противъ нихъ изъ устъ любимаго человѣка еще и еще новыя, болѣе горячія, болѣе вѣскія опроверженія и убѣжденія, которыя прочтѣе утвердили бы ее самое въ тѣхъ рискованныхъ, но заманчивыхъ намѣреніяхъ къ какимъ и безъ того уже втайнѣ стремилось ея влюбленное сердце. Она искала и жаждала такихъ убѣжденій которыя укрѣпили бы ея все еще колеблющуюся рѣшимость.

— Родные... продолжала Тамара,—да они проклянутъ меня!.. А если и вѣтъ, то вѣдь я убью ихъ этимъ, я въ гробъ уложу несчастнаго старика и старуху...

— О, какое заблужденіе! принался собесѣдникъ утѣшать и убѣждать Тамару:—„проклянуть“, „убьютъ“ и... еще что такое?.. Полноте! вы развитая дѣвушка, и можете говорить серьезно о такомъ вздорѣ!.. Еще еслибы съ этимъ проклятіемъ связывались какія-нибудь матеріальныя лотери и лишенія,—ну тогда я понимаю. Но у васъ есть свое собственное, независимое отъ дѣдушекъ и бабушекъ состояніе, стало-быть что же? проклянуть,—ну и на здоровье!

— Зачѣмъ вы мѣрите это дѣло на однихъ лишь аршинъ матеріальныхъ средствъ, съ дружескою укоризной и не безъ горечи замѣтила Тамара.—Дѣло не въ деньгахъ, не въ наслѣдствѣ и даже не въ словѣ „проклинаю тебя“... Какъ вы не понимаете этого!

— Не понимаю, виноваты! пробормоталъ вѣсколько олъшеный собесѣдникъ:—и если дѣло не въ этомъ, то въ чемъ же?

— А въ томъ что каково будетъ ихъ сердцу пережести этотъ ударъ; какое страшное горе нагесу я имъ, какой позоръ положу на ихъ сѣдые головы,—вотъ въ чемъ!

На минуту между вами водворилось раздумчивое молчаніе, пока тотъ, собравшись съ мыслями, не заговорилъ первый.

— Прежде всего, другъ мой, вачалъ онъ доказательнымъ

и даже отчасти лекторскимъ тономъ,—прежде всего надо жить для себя, для собственнаго личнаго счастья, а не для бессмысленнаго подчиненія себя какому-то фанатическому фанабериамъ какого-то кагала и не для людей и безъ того уже глядящихъ въ могилу. Оставимъ мертвымъ хоронить своихъ мертвыхъ! Ваши родные.... Но вѣдь тутъ даже не они собственно будутъ вопиать противъ васъ, а только ихъ предразсудки:—такъ неужели же такъ-таки и пожертвовать своимъ собственнымъ счастьемъ ради чьихъ-то чужихъ предразсудковъ?!

Тамара сидѣла глубоко погружая и не отвѣчала ни слова.

— Что же вы молчите? вѣжно и тихо взявъ собесѣдникъ ея руку:—о чемъ вы думаете?... Тамара! Вѣдь вы же дѣвушка умная, развитая; вы должны трезвыми глазами смотреть на вещи, искать и требовать отъ жизни трезвой правды и одной лишь правды, а ваше чувство, ваша любовь ко мнѣ, развѣ оно не правда? Вѣдь оно-то и есть самая живая, настоящая правда! Не бѣгите же отъ нея, не противорѣчьте сами себѣ, будьте послѣдовательны!...

— Вотъ съ этою-то теоріей эгонистическаго счастья и не могу я помириться, возразила наконецъ дѣвушка:—я люблю моихъ стариковъ,—что жъ съ этимъ дѣлать!... Не думайте впрочемъ, продолжала она,—чтобъ я ужъ такъ особенно была предана нашей вѣрѣ; нѣтъ, эта вѣра, если хотите знать откровенно, во многомъ даже тяготитъ меня, и именно этимъ сухимъ своимъ формализмомъ. Я же вѣдь училась кое-чему, я читала кое-что, я думала надъ многими вещами, сравнивала ихъ, и изъ всего этого я знаю теперь что христіанство въ идеѣ своей шире, любовнѣе, человѣчнѣе,—ну, словомъ да, оно ~~еще~~ еврейства; я сознаю это, но... еслибъ я была одна! изъ глубины души вздохнула Тамара:—да, совсѣмъ одна на свѣтѣ, круглою сиротой; еслибъ у меня не существовало ни родныхъ, ни отношеній къ моимъ единовѣрцамъ, такъ чтобы мое отогулничество никому, никому не причинило ни малѣйшей боли, горя, стыда,—о!.. тогда бы совсѣмъ другое дѣло!.. тогда я ни минуты не задумалась бы надъ этимъ шагомъ. Но теперь...

— Но теперь, Тамара, перебилъ ее собесѣдникъ, — теперь надо взвѣснить обѣ эти вещи и безповоротно выбрать одну изъ нихъ. Кто вамъ дороже,—я ли и наша любовь, или ваши старики? Если старики, тогда вамъ не о чемъ больше говорить

и не зачѣмъ мучить себя! Тогда лучше не видѣться больше; лучше теперь же разъ навсегда оборвать, кончить, сказать „прости“ другъ другу и разстаться на вѣки, чѣмъ безцѣльно продолжать эту безконечную муку!.. Вѣдь пойми ты что я люблю тебя не только нравственно, не только душу твою, но и тѣло... Да, тѣло—это дивное тѣло! страстнымъ шепотомъ продолжалъ онъ, притягивая дѣвушку въ свои объятія:—я хочу обладать тобою вѣчно, ненасытно... Но—я честный человекъ, Тамара, это прежде всего,—и потому я буду обладать тобой не иначе какъ если ты сдѣлаешься моею законною женой. Неужели это такъ преступно?!

— Но старики... старики мои! шепотомъ простомала Тамара.

— О, Боже мой! Олять эти старики! досадливо пожалъ онъ плечами.—Ну и старики! Ну и чтожь изъ того?.. Поплачуть и утѣшатся... Ну, наконецъ, положимъ, лишить тебя дѣлъ наследства (извини что я опять по неволѣ возвращаюсь къ той же темѣ!), лускай такъ; что жъ изъ того? У тебя, слава Богу и безъ дѣдовскаго свое есть, отъ отца съ матерью, законное, котораго никто не въ правѣ отнять у тебя.

— Вы полагаете? спросила Тамара.—Вы значитъ не знаете что такое еврейскій кагалъ!.. Кагалъ можетъ лишить меня всего, всего до послѣдней колѣвѣки, до послѣдней сорочки моей: у него на это есть тысячи своихъ путей и способовъ, и ваши же русскія власти сами первыя безсознательно могутъ ему въ этомъ.

— Въ наше-то время! съ глубокою увѣренностію и со всѣмъ какъ на лустыя слова усмѣхнулся собесѣдникъ.—Мой ангелъ, что это вы говорите!.. Да вамъ стоить только взять какого-нибудь Шлеваку, а то и самого Сласовича, такъ они вамъ не только всѣ ваши кагалы, а и всѣ наши русскіе законы однимъ языкомъ своимъ вокругъ десяти пальцевъ обернуть и вывернуть!.. Полмоте, пожалуста! Слыханная ли вещь чтобы могъ кто лишить законную наследницу ея безспорнаго имущества. Оно и теперь уже ваше. Дѣдушкина олека не ломѣха. Вы по закону имѣете право требовать себѣ другаго олекува или полечителя, по собственному вашему выбору. Да наконецъ не въ этомъ дѣло, какъ бы слохватся, нетерпѣливо перебилъ онъ самого себя:—я не ловимаю даже съ какой стати заводить намъ подобный разговоръ объ имуществѣ! Развѣ я ищу вашихъ денегъ?

— Разговоръ не разговоръ, а просто къ слову пришлось, возразила Тамара.—И наконецъ это вовсе не маловажно: я не желала бы всю свою тяжесть лечь на плечи мужа.

— Почему же?

— Да потому, вопервыхъ, что это нравственно прищажало бы, подщивало бы меня чужой волѣ, дѣдало бы мое положеніе зависимымъ и неравноправнымъ, отралпортовала дѣвушка словно заученный по книжкѣ урокъ.

— А ввторыхъ?

— Ввторыхъ?.. и ввторыхъ то же самое.

— А вы любите независимость? съ усмѣшкой спросилъ ее собесѣдникъ.

— Разумѣется!

— Но вѣдь въ еврейской семьѣ и замужемъ за Евреемъ вы никогда имѣть ее не будете и не можете имѣть, при всѣхъ своихъ богатствахъ.

— О, не говорите мнѣ о Евреяхъ! перебила его Тамара.— Никогда и никакой Еврей не будетъ моимъ мужемъ, никогда!.. Мнѣ душно въ этомъ еврействѣ, я задыхаюсь въ немъ!.. Я хочу свѣта, жизни, простора!.. А вы мнѣ вдругъ о еврейскомъ мужѣ!.. Да наконецъ ужъ если такъ, то Богъ съ нами, съ этимъ моимъ состояніемъ: я сумѣю и безъ него обойтись! Я кое-что знаю, кое-что умѣю дѣлать, я могу сама работать, чтобы не быть въ тягость мужу. Деньги, разумѣется, не составятъ для меня ужъ такого особеннаго, непреборимаго прелатствія, но... опять-таки повторяю вамъ, старики мои, ихъ любовь ко мнѣ, вотъ чтѣ!.. Съ этимъ какъ быть-то?

— Надо пожертвовать ими.

— Легко сказать, пожертвовать!.. А совѣсть?

— А любовь? а счастье, спрощу я?.. Старики ваши ужъ и безъ того въ могилу смотреть. Днемъ равьше, днемъ позже, имъ все равно одинъ конецъ!..

— Да, такъ и подождете до ихъ конца, потерлимъ, не такъ ли? стремительно сжала Тамара руки своего друга. Ей показалось будто желанный примиряющій средній исходъ изъ ея нынѣшняго безвыходнаго положенія наконецъ-то найдется; стоить только подождать до смерти стариковъ и тогда все само собой развяжется и устроится.

Собесѣдникъ ея на это только съ грустною усмѣшкой покачалъ головой.

— Вы полагаете, сказалъ онъ,—старикъ прежде чѣмъ умереть не постараются пристроить васъ замужъ?

— Очень можетъ быть, согласилась дѣвушка:—но я могу вѣдь и не пойти, я могу не захотѣть этого.

— Гм!... не захотѣть!... Какъ будто кто-нибудь станетъ еще справляться съ вашимъ хотѣниемъ!... Сколько я знаю, у Евреевъ это не привято: дѣвушкѣ помимо ея воли, а то и помимо вѣдома, находятъ жениха и просто безъ разговора выдаютъ ее замужъ. Вамъ уже девятнадцать лѣтъ; еще годъ, другой дѣвичество и старикамъ вашимъ, по еврейскому же обычаю, станетъ зазорно что вы все еще сидите въ дѣвкахъ, и тогда они, безъ сомнѣнія, постараются выдать васъ за перваго мало-мальски подходящаго человѣка. Развѣ не правда? Отвѣчайте откровенно!

— Правда, тихо вздохнула Тамара.

— Ну, вотъ то-то же! А они могутъ прожить еще и не годъ, не два, а двадцать лѣтъ, тогда что?... Ихъ-то вѣкъ уже конченъ, а предъ вами вѣдь цѣлая жизнь впереди... Цѣлая жизнь!... А вы такъ жаждете жизни и свѣта,—вы только-что сами сказали это. Вѣдь подумайте, оставаться со стариками чтобы ждать у моря погоды,—это значитъ отказаться на вѣкъ и отъ жизни, и отъ простора; это значитъ убить, погребсти свою душу и сердце и обречь себя на глупую жизнь, на растительное прозябаніе съ какимъ-нибудь еврейскимъ мужемъ, котораго даже не вы сами себѣ выберете.

— О, да!... Это правда!... Грубая, жестокая правда!... Я не хочу этого! скорбно закрыла Тамара лицо руками.

— Въ такомъ случаѣ надо рѣшиться на мое предложеніе. Инаго выхода нѣтъ.

— Да, но какъ рѣшиться!...

— Очень просто. Я говорилъ уже вамъ, да вы и сами знаете что въ нашемъ городѣ есть очень почтенная женщина—мать игуменія Серафима. Къ ней, подъ ея крыло! Она вамъ поможетъ все это обдѣлать и устроить какъ нельзя лучше!

— Я васъ не понимаю, вопросительно взглянула на него Тамара.

— Чего жь тутъ не понимать! Все это очень просто. Вотъ видите ли, принялся объяснять собесѣдникъ:—надо вамъ сказать что по моимъ хорошимъ отношеніямъ къ здѣшней губернаторшѣ, я у этой матери Серафимы въ большомъ фаворѣ; ну, а Серафима—особа съ вѣсомъ, и не только здѣсь, но и въ

Петербургъ какъ бывшая фрейлина. Она вѣдь нарочно съ тою цѣлью и посажена на окраинѣ чтобы „насаждать“ и „укрѣплять“ здѣсь православіе. Стало-быть и для матери Серафимы такая прозелитка, какъ вы, какъ разъ на руку. Съ ея стороны, полагаю, ни въ какомъ случаѣ отказа не будетъ. Я хоть завтра же съѣзжу къ ней, переговорю откровенно и подготавливаю ее заранѣе, такъ что когда вы явитесь къ ней, то все уже будетъ готово къ вашему приему и васъ тамъ встрѣтятъ съ распростертыми объятіями.

— Ну и что же? недоумѣло спросила дѣвушка;— дайте-то что?

— Дайте? Монастырь дастъ вамъ надежный, спокойный и безопасный пріютъ до крещенія, а вслѣдъ за крещеніемъ я хоть въ тотъ же день обвѣчаюсь съ вами. Все это можетъ совершиться очень скоро: вѣдь при вашихъ знаніяхъ и способностяхъ вамъ не надо много времени чтобы ознакомиться съ нашимъ катехизисомъ и выучить наизусть Символъ вѣры. Все это можетъ устроиться чрезъ недѣлю, а еще чрезъ недѣлю вы уже будете моею женой.

— Двѣ недѣли! ужаснулась Тамара,—дѣвья двѣ недѣли!... А что можетъ произойти за эти двѣ недѣли! Подумайте!...

— Что тамъ произойдетъ или можетъ произойти,—объ этомъ нечего думать, нетерпѣливо махнувъ рукой собесѣдникъ,—надо только рѣшиться на то или другое. Да наконецъ даже и такого срока не надо: я хоть завтра же добуду вамъ катехизисъ, а вы постарайтесь только въ теченіе этихъ дней прочесть его, и вытвердить наизусть „Вѣрую“,—тогда ваше крещеніе мы устроимъ въ монастырѣ чрезъ день, два, не дайте.

— Страшно... такой шагъ! закрывъ глаза и отрицательно качая головой, съ тоской прошелтала дѣвушка.

— Тамара! вы олять за ту же лѣсню! съ нетерпѣливою досадою укорилъ ее собесѣдникъ, дернувъ и крѣпко сжавъ ея руку.—Этакъ мы никогда не кончимъ!... Я наконецъ требую отъ васъ рѣшительнаго отвѣта. Да или нѣтъ? и если нѣтъ, то прощайте, нечего дольше мучиться!

Глубоко погруженная въ раздумье, дѣвушка молчала.

— Да или нѣтъ, Тамара, да или нѣтъ? настойчиво повторялъ оный, продолжая порывами стаскивать ея руку.

Но отвѣтомъ съ ея стороны оставалось все то же неопредѣленное молчаніе исполненное внутренней борьбы и скорби. Ея грудь высоко и медленно вздымалась подъ валоромъ тя-

желыхъ и затрудненныхъ вздоховъ, какъ будто ей не хватало воздуха.

Мушца еще около минуты выжидалъ молча.

— Ну, Тамара, прощайте, съ грустью и отчаянiемъ въ голосъ проговорилъ онъ наконецъ въ послѣднiй разъ пожавъ и быстро выпустивъ ея руку.—Богъ съ вами!... Не поминайте духомъ и будьте счастливы!

И съ этимъ послѣднимъ словомъ, онъ рѣшительными шагами пошелъ вонъ изъ бесѣдки.

Тамара стремительно кинулась за нимъ въ догонку и удержала его у входа.

— Да... да! прошептала она,—останьтесь... Да!

И прижавъ къ его плечу, дѣвушка зарыдала горько, но тихо и сдержанно, какъ бы боясь нарушить звукомъ этихъ рыданiй тишину ночи и тайну ихъ свиданiя.

Онъ далъ ей выплакаться и, бережно взявъ за талию, молча довелъ до скамейки и снова усадилъ на нее, продолжая тихо и нѣжно ласкать и гладить головку дѣвушки пока не утомились ея слезы.

— Я вѣрю въ твою любовь Тамара, заговорилъ онъ наконецъ, когда она поуспокоилась и оправилась нѣсколько,—да, я вѣрю въ нее, но Боже, я не знаю что далъ бы чтобы окончательно убѣдиться что это твое *да* не есть минутная вспышка, что вся нерѣшительность, всѣ сомнѣнiя и колебанiя твои уже миновались вмѣстѣ съ этимъ *да* и болѣе не повторятся. Вотъ чего, убѣжденiя-то этого мнѣ и не хватаетъ!... А вдругъ ты опять раздумаешь... тогда что?

Тамара взяла его руку и глянула ему прямо въ глаза.

— Мнѣ трудно было рѣшиться, сказала она, къ удивленiю его, серьезно твердымъ и убѣжденнымъ тономъ,—да, крайне трудно и тяжело. Но разъ что я рѣшилась, это у меня уже безповоротно. Никакимъ сомнѣнiямъ нѣтъ болѣе мѣста. Можетъ твердо вѣрить этому.

Онъ порывисто привлекъ ее къ себѣ и радостно сталъ осыпать своими страстными поцѣлуями ея лобъ, глаза и щеки. Но дѣвушка высвободилась изъ его объятiй и мягко, но рѣшительно отстранила отъ себя рукой его лицо.

— Нѣтъ... нѣтъ... *этого* не надо...не надо, прошептала она съ мольбой и болью въ голосъ.

Онъ какъ бы оломившись и, стараясь овладѣть самимъ собою, провелъ себѣ по лбу ладонью.

— Простите этотъ невольный порывъ! со вздохомъ сказалъ онъ смущенно глядя въ землю,—но вы видите что онъ искренъ... Онъ только доказываетъ какъ безумно люблю я васъ, какимъ счастьемъ подарили вы меня, какъ воскресили меня, однимъ лишь своимъ словомъ, своимъ да, Тамара!... Итакъ, это безсловотно?

— Я уже сказала, подтвердила дѣвушка.

— Въ такомъ случаѣ вотъ что: надо условиться, предложилъ онъ:—въ теченіе недѣли едва ли намъ доведется свидѣться иначе какъ только въ обществѣ, при постороннихъ; поэтому уговоримся теперь же. Я завтра же поѣду къ игуменьѣ и, конечно, подъ строжайшею тайной предупрежу ее о вашемъ желаніи, разумѣтся, не называя имени, а она уже въ теченіе этихъ дней успеетъ приготовить все къ вашему приему. Уйти изъ дома, продолжалъ онъ,—мнѣ кажется, всего удобнѣе будетъ вамъ въ шабашъ, въ пятницу, въ такое время какъ вотъ теперь; по крайней мѣрѣ, вы не рискуете встрѣтиться на улицѣ ни съ однимъ Евреемъ. Я явлюсь сюда, а моя карета будетъ ожидать насъ въ вашемъ глухомъ переулкѣ, и я отвезу васъ прямо къ Серафимѣ. Согласны?

— Я свое уже сказала: теперь — ваше дѣло и ваша воля, проговорила дѣвушка, подымаясь со скамейки.

— Стало-быть въ пятницу ночью? Такъ? Рѣшено?

— Когда хотите. Я исполню все что вы скажете. Однако пора уже... Проститесь, добавила она, протягивая ему руку, къ которой тотъ прильнулъ горячимъ, долгимъ поцѣлуемъ и они вышли изъ бесѣдки.

Задній конецъ сада выходилъ на глухой, безлюдный переулокъ, гдѣ не было ничего кромѣ покосившихся ветхихъ заборовъ, да убогихъ плетней, окаймленныхъ изобильными зарослями бурьяна, будяговъ, лолушника и крапивы. На этотъ переулокъ, нестерпимо пыльный въ вѣдро и до невылазности грязный въ ненастье, выходили съ обѣихъ сторонъ только окраины садовъ да задворки и огороды какихъ-то убогихъ мѣщанскихъ мазанокъ и домишекъ. Тамъ и днемъ-то за рѣдкостью было повстрѣчать человѣка, а по ночамъ даже и собаки не лаяли.

Тамара проводила своего слутвика до калитки продѣланной въ заборѣ и, простясь, задвинула вслѣдъ за нимъ желѣзную замычку, которая была сегодня предъ шабашемъ осторожно отомкнута ея же предупредительною рукой.

Оставшись одна, дѣвушка съ минуту еще простояла въ раздумьи у забора, прислушиваясь къ слабому шелесту удалявшихся шаговъ ея друга, и затѣмъ вышла изъ бурьяна на дорожку, направляясь къ дому.

IV. Теперь или никогда!

Она шла подъ темнымъ, почти сплошнымъ навѣсомъ вѣтвей старорослыхъ липъ и грабовъ и уже почти поравнялась со своею заветною бесѣдкой, какъ вдругъ на встрѣчу ей изъ за ближайшаго куста выступила и стала поперекъ пути чья-то мужская фигура.

Тамара въ испугѣ отшатнулась назадъ.

— Не лугайтеся, фрейленъ, это я, не безъ провіи предупредилъ ее мужской голосъ, по звуку котораго она узнала Айзика Шацкера.

— Что вы здѣсь дѣлаете, бохеръ? взволнованно спросила она, чуя улавливаемъ сердцемъ что-то недоброе.

— То же что и вы, фрейленъ, насмѣшливо отвѣтилъ гимназистъ:—вѣроятно, подобно вамъ, наслаждаюсь поэзіей ночи. Но мнѣ-то оно сподручѣе сползти сюда съ сѣновала, продолжалъ онъ;—а вотъ вы, скажите, какими путями попали сюда? Конечно не въ дверь, а чрезъ окошко?

— Предположите что и такъ, если угодно, сухо оборвала его Тамара.

— Увы, фрейленъ, ядовито вздохнулъ Айзикъ:—это не предположеніе, а къ несчастію фактъ, прискорбный фактъ, котораго самъ я былъ очевиднымъ свидѣтелемъ.

— Что жъ изъ того? Я васъ не понимаю, сударь.

— Помните! Что тутъ притворяется! съ горечью воскликнулъ Айзикъ и, чего давно уже не смѣлъ онъ себѣ позволить,—вдругъ довольно безцеремонно взялъ ее за руку.—Я знаю васъ, Тамара, произнесъ онъ значительнымъ, вѣскимъ тономъ, понимаете ли васъ!... Я все видѣлъ и слышалъ.

— Подслушивали? узнала его дѣвушка.—Гм... что жъ, тѣмъ хуже для васъ.

— Не для васъ ли окорье, фрейленъ? возразилъ Айзикъ.—Вы сейчасъ сидѣли въ этой бесѣдкѣ съ графомъ Каржолемъ, продолжалъ онъ.—Не вздрагивайте; чего это вы такъ вздрогнули вдругъ? Вѣдь я же предупредилъ васъ что мнѣ все извѣстно.

Тамара слегка скользнула по немъ испытующимъ взглядомъ для того чтобы разъяснить себѣ точно ли говоритъ онъ правду или же только хитритъ съ намѣреніемъ поддѣть ее на удочку и такимъ способомъ вывѣдать то что ему нужно.

— Да, вы сдѣлали съ нимъ, продолжала гимназистъ тономъ твердаго убѣжденія и не безъ торжествующей пропіи: — а теперь не угодно ли посадить со мною. Я *требую* этого, фрейленъ. Помните что вы теперь въ моихъ рукахъ: въ моей волѣ и сласти, и погубить васъ. Мнѣ надо объясниться съ вами. Поидемте!

Сраженная этою бѣдой стояла врезавло обрушившеюся на ея голову Тамара, не успѣвъ еще сообразить какъ ей быть теперь, машинально послѣдовала въ бесѣдку за Айзикомъ который почти тащилъ ее туда насильно, не выпуская изъ своей руки ея руку.

— Сядьте! повелительно предложилъ онъ, садясь и самъ рядомъ съ ней на скамейку, — сядьте и постарайтесь выслушать меня поладнокровнѣе.

И онъ какъ-то инквизиторски прямокъ на мгновеніе, съ нарочнымъ расчетомъ усилить посредствомъ этого молчанія „громоподобность“ впечатлѣнія того что онъ скажетъ, и затѣмъ, не безъ нѣкоторой театральности скрестивъ на груди руки и въ упоръ устремивъ пылчивый взглядъ на дѣвушку, спросилъ ее вдругъ чуть не верховнымъ тономъ вопроса, въ которомъ однакоже, кромѣ возмущенности его собственнаго духа, слышалась еще и доля состраданія:

— Скажите, Бога ради, что это вы задумали, несчастная?!

— Айзикъ, предупредила она, рѣшась и потому стараясь говорить какъ можно сдержаннѣе и спокойнѣе: — это дѣло моей совѣсти; но вамъ-то что до того?

— Какъ что до того? Мнѣ-то?!... Ха-ха! Да вѣдь я, кажется, пока еще Еврей, благодареніе Богу!.. Это не личное мое, а общее еврейское дѣло; каждый изъ насъ обязанъ сдѣлать то же. Вы забываете кто вы и что вы!

— Но у меня есть свой разумъ и своя воля, Айзикъ.

— Своя воля, свой разумъ! укоризненно негодующимъ тономъ повторилъ гимназистъ: — и они вамъ указываютъ измѣнить вѣрѣ отцовъ!... Вы хотите отъ нея отступить? Этому не бывать, Тамара, не бывать!... Я не допущу до этого! Я сегодня же утромъ открою все рабби Соломону. Я могъ бы это сдѣлать сію же минуту, но воздерживаюсь, въ

надеждѣ что можетъ-быть еще удастся поворотить на васъ во благою сторону.

При этихъ послѣднихъ словахъ счастливая (какъ показала ей) мысль озарила вдругъ голову Тамары. Обмануть Айзика, показать ему что онъ дѣйствительно убѣдилъ ее, пожалуй, приласкать его и тѣмъ убавить его подозрительность,—такова была эта мысль, а дѣвушка глубоко затаила ее въ своемъ сердцѣ. Прежде всего она рѣшилась дружелюбно и покорно выслушать все что ни сказалъ бы ей Айзикъ.

— Скажите, продолжалъ между тѣмъ гимназистъ,—что привлекло васъ къ этому человеку? Красота его, изящество? Но развѣ между Евреями нѣтъ и красивѣе, и изящѣе? Поблизайте опять въ Вѣну, вы встрѣтите тамъ въ тысячу разъ лучше его, и притомъ истыхъ, чистокровныхъ Евреевъ. Богатство его что ли? Но зачѣмъ оно вамъ, коли вы сами и теперь уже богаче не только его самого, но пожалуй и всѣхъ-то предковъ его въ совокупности; да еще вопросъ крайне сомнительный,—какое это богатство у графа Каржолы и есть ли оно въ дѣйствительности? Не льетъ ли онъ пускаетъ въ глаза одному лишь городу Украинску? Ну, наконецъ, прельщаетъ васъ имя его, графскій титулъ, аристократическое происхожденіе? Но, Богъ мой! Вамъ ли, Тамарѣ Бендавидъ, гоняться за жалкимъ титуломъ какого-то эмигрантскаго графчика Каржоль-де-Нотрель.

— Бохеръ, мнѣ кажется, вы все это сильно преувеличиваете, замѣтила Тамара, уже услѣвшая овладѣть собой настолько чтобы придать себѣ и видъ, и тонъ наибольшаго спокойствія и хладнокровности.

— Какъ? Я? Я преувеличиваю? взволновался Айзикъ. — Фрейленъ! Да самый тотъ фактъ что вы теперь въ саду,—что это такое, позвольте спросить васъ?

— Что бы то ни было, бохеръ, вс... во всякомъ случаѣ не вы цензоръ моихъ поступковъ.

— Ошибаетесь, фрейленъ. Не только я, вашъ родственникъ и вѣкъгда другъ вашъ, но каждый Еврей имѣетъ право и долгъ удержать васъ отъ лагубнаго шага.

— Но съ чего вы взяли что я дѣлаю какіе-то „шаги“, да еще „лагубные“? какъ бы съ недоумѣніемъ усмѣхнулась дѣвушка.

— Фрейленъ, оломнитесь! укоризненно остановилъ ее Айзикъ.—Съ чего я взял!... Выпрыгивать ночью изъ окна для

свиданія съ мушпой, да еще съ гоела, это ничего по вашему?... Я подозрѣвалъ васъ уже давно; я нарочно пошелъ сегодня спать на сѣновалъ чтобъ имѣть возможность сойти сюда и убѣдиться собственными глазами, и... къ несчастію, убѣдился.

— Ну, положимъ, согласилась Тамара,—я поступила вѣсколько легкомысленно, я увлеклась немножко, мнѣ просто захотѣлось имѣть свой маленькій романъ: но всеужели же вы въ самомъ дѣлѣ думаете что изъ этого можетъ выйти что-нибудь серьезное?

— Такъ бѣжать съ Каржолемъ изъ роднаго дома къ Серафимѣ это не серьезное? съ негодованіемъ воскликнулъ гимназистъ.—Измѣнить своей вѣрѣ, своему народу, это тоже ничего?

— Успокойтесь, бохеръ, ничего этого не будетъ, рѣшительно и твердо сказала Тамара:—ни къ какой Серафимѣ я не убѣгу и никакой измѣны вѣрѣ и народу не сдѣлаю.

— Тогда что жь это? недоумѣло пробормоталъ Айзикъ, чувствуя что его сбиваютъ съ толку:—уши мои обманули меня? Галлюцинаціи слуха подвержены я что ли?

— Нѣтъ, не то, продолжала Тамара съ выдержкой прежняго спокойствія:—вашъ слухъ нисколько не обманулъ васъ: все это дѣйствительно говорилось, но... одно дѣло *говорить*, и другое дѣло *сдѣлать*. Въ этомъ есть маленькая развѣца, бохеръ.

— Но... если не одѣлать, то тогда для чего же и говорить?

— Гм... для чего!.. Предположите что хотя бы для романа, для того маленькаго своего собственнаго романа о которомъ я вамъ уже сказала.

— Фрейленъ! съ недоувѣріемъ отрицательно покачалъ головой Айзикъ:—я не вѣрю вамъ; вы меня вышучиваете, вы смѣетесь надо мною!

— Я и не заставляю васъ вѣрить, равнодушно замѣтила дѣвушка:—вѣрите вы или нѣтъ—для меня это рѣшительно все равно; смѣяться же надъ вами мнѣ тоже нѣтъ ни надобности, ни охоты.

Наступило мгновеніе обоюднаго молчанія исполненнаго для юности мучительныхъ душевныхъ колебаній.

— Тамара! Скажите, вы меня очень презираете? спросилъ онъ вдругъ порывисто, съ какою-то лихорадочною тоской и трелетомъ.

— Васъ? удивленно взглянула на него дѣвушка.—Почему вы это думаете?

— По всему, фрейленъ... Я это вижу... вижу потому какъ вы говорите со мной, какъ смотрите на меня... Я чувствую это... Я для васъ менѣ чѣмъ ничто!.. А между тѣмъ... вѣдь я люблю васъ, Тамара!... Я мучаюсь, злюсь и тоскую... Я готовъ порой чортъ знаетъ что сдѣлать и себѣ, и вамъ... Этотъ тонъ вашъ, который вы въ послѣднее время берете въ отношеніи меня, онъ мнѣ невыносимъ... не выносимъ!.. Онъ меня бѣситъ!.. Это презрительное равнодушіе ваше ко мнѣ... Господи! Да хоть разозлитесь же на меня наконецъ! Ну, оттолкните меня ногой, какъ собаченку,—я хоть укушу васъ за это!

— И толкать я васъ не буду, и укусить вамъ меня не удастся, спокойно усмѣхнулась Тамара.—Вы сами виноваты, Айзикъ, продолжала она совершенно мирнымъ, почти дружескимъ тономъ:—мы съ вами могли бы быть большими друзьями есабы вы были со мной инымъ, не такимъ, напримѣръ, какъ сегодня за ужиномъ.

— Боже мой! Но не могу же я!.. Не могу! ломаю руки, воскликнула Айзикъ.—Поймите же вы что я злюсь, я ревную васъ и не могу подавить въ себѣ этого чувства какъ вспоминаю объ этомъ проклятомъ человѣкѣ!.. Вѣдь вы любите его, Тамара!

— Да, онъ мнѣ нравится.

— Нѣтъ, вы его любите.

— Если хотите, пожалуй, да... Люблю невозможно.

— Нѣтъ, не невозможно,—вы вся, вся въ немъ, вы увлечены, вы томете въ этомъ чувствѣ.

— Если вамъ это болѣе нравится, думайте и такъ.

— Тамара, къ чему же опять такія загадки! съ мольбой и страданіемъ въ голосѣ укорялъ ее Айзикъ.—Ну, хорошо... Ну, положимъ, я вамъ вѣрю, послѣдшій онъ согласился, владея опять въ тонѣ примиренія,—вѣрю что тутъ ничего серьезнаго нѣтъ, что все это говорилось и дѣлалось вамъ только для „романа“, что этотъ человѣкъ вамъ нравится, только нравится и то невозможно,—пусть такъ: все жъ таки чѣмъ это кончится?

— Вѣрите всего что ничѣмъ, съ видомъ равнодушія отвѣтила дѣвушка.

— Но ваше увлеченіе...

— Вѣроятно пройдетъ со временемъ, какъ и все на свѣтѣ.

— О, еслибъ это было такъ! съ сомнѣніемъ вздохнулъ юноша,—еслибы возможно было повѣрить этому!... Но пусть такъ! Хорошо. Положимъ, я вѣрю вамъ... Я предлагаю вамъ мою дружбу,—хотите, Тамара?

— Охотно, Айзикъ; отчего и нѣтъ!

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ я буду говорить какъ другъ. Уѣзжайте отсюда, Тамара, уѣзжайте поскорѣе.... Завтра или послѣзавтра, только поскорѣе. Умоляю васъ!

— Зачѣмъ и куда это, бохеръ?

— Да хоть въ Вѣну, опять къ теткѣ. Уѣзжайте съ ней въ Парижъ, въ Неаполь,—куда хотите, только чтобы здѣсь васъ не было, чтобы не видѣть болѣе Каржоля пока не пройдетъ это ваше увлеченіе.

— Оно можетъ пройти и такъ, безъ выѣзда изъ Украинска.

— А, такъ стало-быть вы не желаете ѣхать? опять ехидно обозначая Айзикъ.—Значитъ это чувство побольше чѣмъ маленькое увлеченіе!... Господи! восклицалъ онъ со страстью и злобой:—я кажется въ состояніи убить этого ненавистнаго человѣка!.. Я убью его!.. Я поубью его! Я ему скандалу надѣлаю... публично... такого скандалу что онъ самъ долженъ будетъ уѣхать отсюда!

— Не совѣтую, бохеръ, усмѣхнулась Тамара съ прежнимъ своимъ презрительнымъ равнодушіемъ:—съ нимъ всегда ходить на цѣпочкѣ презлая датская сабака.

Айзикъ окончательно обозлился.

— Вы издѣваетесь надо мной... Хорошо. Смѣйтесь, погрозила онъ:—смѣйтесь!.. Я посмотрю, каково-то посмѣетесь вы завтра, когда я при васъ открою рабба Соломону все чему самъ я былъ свидѣтелемъ этою ночью.... а посмотрю тогда!

— Дѣдушка не повѣритъ вамъ, сказала Тамара спокойнымъ тономъ, хотя на душѣ у нея, при этой угрозѣ, стало далеко не спокойно:—и тѣмъ болѣе не повѣритъ, продолжала она:—если я скажу ему что все это ложь, что вамъ, вѣроятно, все это просто во снѣ приснилось.

— Н-ну, повѣритъ ли, не повѣритъ ли, злорадно возразилъ Айзикъ,—а все-таки за вами послѣ этого на всякій случай станутъ приглядывать нозорче, и—кажусь вамъ—что ни въ слѣдующую, ни въ послѣдующія лѣтвицы вамъ не удастся убѣжать къ Серафимъ!... Я самъ буду имѣть честь

кареулить васъ... Я слушаю съ цѣли обѣихъ вашихъ собакъ и нодыму такой гвалтъ, устрою такую травлю, что у сїятельнаго графа только пятки засверкаютъ!

— Вы мелкодушный и злой мальчишка. Я не боюсь васъ и не хочу болѣе говорить съ вами! рѣзко, но все-таки съ кажущимся спокойствіемъ сказала Тамара, поднявшись со скамейки, и быстрыми шагами пошла вонъ изъ бесѣдки по направленію къ дому.

Айзикъ постоялъ нѣсколько мгновеній въ мучительномъ раздумьѣ и затѣмъ быстро послѣдовалъ вслѣдъ за дѣвушкой.

Вскорѣ онъ догналъ ее и нѣсколько времени молча шелъ на шагъ позади, только грудь его взволнованно вздымалась частымъ порывистымъ дыханіемъ.

— Тамара! робко произнесъ онъ наконецъ молящимъ и почти задыхающимся голосомъ,—фрейлець Тамара!

Дѣвушка шла не оборачиваясь.

— Фрейлець Тамара... постройте... оставитесь... умоляю васъ.... фрейлець!... Простите меня... простите!... Я оскорбилъ васъ,—я самъ не помнилъ что говорилъ... Да, я злой, мелкодушный мальчишка, я не стою васъ... я самъ себя презираю, но... Бога ради!... простите, простите меня!

И схвативъ ее за руку, Айзикъ упалъ предъ ней на колѣни и вдругъ разрыдался.

Досадливо подернувъ плечами, Тамара приостановилась, на мгнѣваясь холодно и сухо попросить его оставить ее въ покоѣ; но услышавъ этотъ рыдающій и молящій шелеть, ей стало жалко бѣднаго юношу.

— Богъ съ вами, бохерь... Я не сержусь на васъ, проговорила она почти безъ горечи, ровнымъ, миролюбивымъ тономъ.

— Нѣтъ... это не то... не такъ, сокрушался Айзикъ.—Когда прощаютъ отъ души, говорятъ не такъ... Отъ души простите меня, Тамара!

— Ну, чего жъ вамъ еще, Айзикъ?... Ну, вотъ, я жму вашу руку,—достаточно ли такъ?... Хорошо?... Ну, я прощаю васъ.... Ну, чѣмъ же доказать вамъ еще?

Юноша, продолжая стоять на колѣняхъ, покрывалъ лодѣлами протянутую ему руку.

— Ну, проводите меня до дому и побобите взобратъся на окошко; ужъ если прошу этого, значить не сержусь, улыбулась дѣвушка.

Айзикъ радостно вскочилъ на ноги и съ просиявшимъ духомъ пошелъ рядомъ съ Тамарой, безсвязно напелтывая ей какія-то слова восторга, любви и благодарности.

Подъ окномъ Тамары давно уже лежала старая заброшенная колода служившая нѣкогда ульемъ. При помощи этой своеобразной пристулки было очень легко и удобно вылезать и влезать въ окно, такъ что въ помощи Айзика Шацкера, собственно говоря, не было никакой надобности, но дѣвушка позвала его нарочно, съ тѣмъ расчетомъ чтобы, во-первыхъ, дать ему эту интимную просьбой доказательство ея прощенія и, во-вторыхъ, чтобъ Айзикъ убѣдился что она не останется дольше въ саду и болѣе не предприметъ на сей разъ ничего предосудительнаго.

Осторожно раздвинувъ полныя ночной влагой душистыя вѣтви цвѣтущей сирени, Айзикъ пропустилъ подъ ними впередъ Тамару и затѣмъ посадилъ ее за талию на подоконникъ. Дѣвушка ловко и безшумно очутилась въ своей комнатѣ и, перегнувшись за окно, протянула гимназисту руку.

— Покойной ночи, Айзикъ! Благодарю васъ, ласково прошептала она, съ дружескимъ ложатіемъ. — Стулайте себѣ спать и не думайте больше обо мнѣ такихъ гаупостей.

Айзикъ давно уже не видалъ Тамару такою ласковой, какъ въ эту минуту.

Въ послѣдній разъ горячо, хотя и беззвучно, поцѣловалъ онъ ея руку и, услокоенный, даже умиленный, прокрался сквозь кустъ и осторожными шагами побрелъ во дворъ, къ своему сѣновалу.

Тамара между тѣмъ, стоя у окошка, напряженно и съ чувствомъ недовѣрія прислушивалась къ шелесту его удалявшихся шаговъ чтобъ убѣдиться, точно пойдетъ ли онъ теперь спать на сѣноваль, а не останется еще подкарауливать ее и бродить по саду.

Какъ быть ей дальше — она рѣшила себѣ еще въ бесѣдкѣ, во время объясненія съ Айзикомъ. Для нея теперь вполнѣ стало ясно что на него ни въ какомъ случаѣ нельзя положиться. Хотя она и примирилась съ нимъ, но можетъ ли это имѣть какое-нибудь значеніе, при свойствахъ такого неустойчиваго и впечатлительнаго характера какъ у Айзика? Гдѣ ручательство что Айзикъ завтра же, быть-можетъ, даже безо всякаго повода съ ея стороны, не вздумаетъ снова подозрѣвать и ревновать ее и что подъ вліяніемъ этихъ чувствъ не

выдасть ее головой старикамъ? Да и во всякомъ случаѣ Айзикъ будетъ теперь зорко слѣдить за каждымъ ея шагомъ, такъ что о слѣдующей пятницѣ нечего и думать! Нѣтъ, если рѣшаться, то надо рѣшаться теперь же, сейчасъ, не теряя ни одной лишней минуты,—теперь или никогда!..

Притворство въ теченіе всего вечера, за ужиномъ, потомъ сѣанъ съ графомъ Каржолемъ въ бесѣдкѣ, наконецъ притворство и игра въ равнодушное спокойствіе при послѣднемъ столкновеніи съ Айзикомъ, тогда какъ въ душѣ въ это самое время подымался чуть не взрывъ совѣстныхъ пныхъ чувствъ и ощущеній,—все это крайне измучило, истерзало душевно Тамару, и въ то же время все это натянуло ея нервы до той степени напряженности что сдѣлать самый рѣшительный шагъ какого бы то ни было рода для нея теперь было не трудно. Чѣмъ болѣе притворялась и таила она въ себѣ свои истинныя ощущенія тѣмъ сильнѣе сказывалась ея нервная возбужденность; и именно теперь-то, пока еще не утала вся эта возбужденность ея нервовъ, Тамарѣ и казалось необходимымъ рѣшиться. Завтра быть-можетъ она и передумала бы, потому что при спокойномъ, освѣжившемся состояніи духа естественно явились бы опять разныя сомнѣнія, раздумье, заговорилъ бы въ душѣ голосъ здравой житейской логики, сказались бы оласеніе и страхъ предъ рискованнымъ шагомъ, за которымъ уже нѣтъ возврата къ прошлому, но теперь ей казалось будто для нея нѣтъ никакихъ выходовъ кромѣ одного самаго рѣшительнаго и безповоротнаго. Въ томъ состояніи въ какомъ она находилась въ эти минуты, въ ея душѣ, подъ угнетающимъ давленіемъ извѣстнаго впечатлѣнія, уже не осталось мѣста раздумью и сомнѣніямъ.

Что Айзикъ точно ушелъ на сѣновалъ Тамарѣ не трудно было убѣдиться по легкому скрипу калитки ведущей изъ сада во дворъ и по лаю пары дѣлвыхъ сабакъ разбуженныхъ этимъ скрипомъ. Она было испугалась, какъ бы этотъ лай не разбудилъ дѣдушку, но на ея счастье собаки, узнавъ Айзика, тотчасъ же замолкли. Дѣвушка прислушалась сквозь стѣну что дѣется въ сосѣдней комнатѣ, но, слава Богу, и тамъ продолжаетъ раздаваться согласный дуэтъ дѣдушкина носоваго высвиста съ легкимъ бабушкинымъ всхрапываньемъ. Это успокоило Тамару.

Осторожно, чтобы не надѣлать шума, отворивъ свой комодъ, она достала нѣсколько необходимаго бѣлья, да кое-

какія вещи, связала все это въ небольшой узелокъ, куда кста-ти заодно уже сувула и свой завѣтный *Дневникъ*; затѣмъ надѣла шляпу, олустивъ на лицо густой черной вуаль, покрывалась широкою шалью и, минуто спустя, прежнимъ своимъ путемъ, чрезъ окошко, очутилась уже въ саду, въ его темной, сыроватой и вѣжащей прохладѣ.

Ни раздумья, хотя бы мгновеннаго, надъ своимъ рѣшительнымъ шагомъ, ни сожалѣнія хотя бы легкаго о покидаемомъ домѣ, ни грусти о своихъ старикахъ, о которыхъ еще такъ недавно сокрушалась какъ о главнѣйшей сердечной преградѣ къ осуществленію своихъ влюбленныхъ цѣлей и стремленій,—ничего такого, подъ давленіемъ все того же всепоглощающаго впечатлѣнія не шевельнулось въ ея душѣ даже и въ эти послѣднія роковыя минуты. Напротивъ, все существо ея какъ бы слѣбось въ одну лишь мысль, въ одно стремленіе: „скорѣе! скорѣе и осторожнѣе, чтобы кто не ломѣшалъ, чтобы никому не полагаться!“ Она пошла теперь не по кратчайшей прямой дорожкѣ, а свернула въ сторону къ забору, гдѣ кусты были гуще и аллея темнѣе, и чѣмъ дальше отходила отъ дома, тѣмъ тревожнѣе билось ея сердце и тѣмъ быстрѣй становился шагъ, такъ что, приближаясь къ своей бесѣдкѣ, она уже не шла, а почти бѣжала, лугливо озираясь вокругъ и чутко прислушиваясь ко звуку собственныхъ шаговъ: ей все казалось что Айзикъ не то логонится за нею, не то вдругъ снова вывырветъ изъ-за какого-нибудь куста и загородитъ ей своею фигурой дорогу.

Но, слава Богу, вотъ и калитка, въ которую часъ тому назадъ она выпустила Карюля. Дрожащею рукою отомкнула Тамара замочку, крайне боясь чтобы какъ-нибудь неосторожно не звякнутъ ею и съ замирающимъ сердцемъ переступивъ высокій порогъ пустилась бѣжать по глухому переулку...

В. КРЕСТОВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МЕТАСТАЗИО, ГОЛЬДОНИ И К. ГОЦЦИ.

Studies of the eighteenth century in Italy,
by Vernon Lee.

Восемнадцатый вѣкъ въ Италиі—чтѣ можетъ быть, кажется, скучивѣ этого періода? Никогда еще Италія не находилась въ состояніи такого упадка какъ именно въ это время, а потому разказъ о тогдашнихъ ея судьбахъ представляетъ интересъ развѣ для людей специально занимающихся исторіей, но не для большинства образованной публики: вотъ чтѣ приходитъ на мысль при первомъ взглядѣ на книгу г. Вернона Ли, а сама книга, если только бѣгло просмотрѣть ее, способна породить недоумѣніе. О политической жизни страны вѣтъ въ ней ни слова; много говорится въ ней о музыкѣ, литературѣ, но при этомъ она какъ бы игнорируетъ наиболее крупныя литературныя явленія, даже такія съ которыми мы привыкли встрѣчаться въ любомъ учебникѣ. Какъ скоро рѣчь идетъ объ Италиі XVIII вѣка невольно является на умъ имя Альфіери, но драматическія произведенія Альфіери не существуютъ для нашего автора; не упоминаетъ онъ вовсе и объ итальянскихъ писателяхъ примкнувшихъ къ философскому движенію прошлаго столѣтія. Все это очень странно, но страво лишь до тѣхъ поръ пока мы не уяснимъ себѣ основную точку зрѣнія автора: тогда мы убѣдимся что предъ нами находится трудъ заслуживающій самаго серьезнаго вниманія, тѣмъ болѣе что исполненъ онъ съ замѣчательнымъ умомъ, знаніемъ дѣла и талантомъ.

Г. Верновъ Ли говорить о себѣ что онъ „не историкъ, не музыкальный критикъ, а эстетикъ“, что онъ не намѣривался писать ни исторію итальянской музыки, ни исторію итальянской литературы въ извѣстный періодъ времени, а желалъ лишь уловить нѣкоторыя отличительныя и, — это самое главное, — вполне оригинальныя ихъ черты. По справедливому его замѣчанію мы имѣемъ объ Италіи прошлаго вѣка такое же смутное понятіе какое современники Монтеस्कьё и Робертсона имѣли о Среднихъ Вѣкахъ; они знали что были Средніе Вѣка, что велись тогда войны, возникали и видоизмѣнялись какія-то своеобразныя политическія учрежденія, и что вообще господствовалъ въ эту эпоху непроглядныи мракъ и невѣжество; они и не подозревали что Средніе Вѣка отличались самобытною цивилизаціей, могли гордиться обширною литературою и даже своего рода искусствомъ. Точно также большинство публики относится теперь и къ Италіи прошлаго столѣтія. Всѣ знаютъ что въ это время было у нея нѣсколько замѣчательныхъ писателей; трагедіи Альфіери читаютъ отчасти еще и теперь, Метастазіо и другихъ никто не читаетъ, но по установившемуся мнѣнію эти таланты стоятъ какъ бы особнякомъ, являются какимъ-то исключеніемъ среди общаго уклада. Съ итальянскимъ обществомъ того времени, о которомъ идетъ рѣчь, мы готовы мириться лишь потому что оно произвело такихъ мыслителей и ученыхъ какъ Беккариа, Верри и Филанджіери; всѣ согласны въ томъ что благодаря имъ Италія имѣетъ право на почетное мѣсто въ общемъ ходѣ идей охватившихъ европейское общество. Конечно, заслуги ихъ несомнѣны, но авторъ разбираемой нами книги держится того мнѣнія что именно они не находились ни въ какой связи съ окружающимъ ихъ обществомъ, съ окружавшею ихъ цивилизаціей, и въ этомъ отношеніи представляютъ наименѣе интереса. Какъ ни замѣчательна ихъ дѣятельность, она была лишь слабымъ подражаніемъ тому что происходило во Франціи и въ Англіи. Въ ней нѣтъ ничего самобытнаго, она отличалась вполне космополитическимъ характеромъ. Чтобы оцѣнить этихъ писателей не нужно заглядывать въ тайники итальянской жизни, а слѣдуетъ лишь дать себѣ ясный отчетъ въ томъ движеніи умовъ которое господствовало повсюду въ XVIII вѣкѣ. Они служили только отраженіемъ Вольтера и Руссо, Юма и Монтеस्कьё; сами по себѣ они были бы неловаты, а наряду

съ ними теряютъ значеніе какъ отличная копія въ сравненіи съ оригиналомъ.

Вотъ почему г. Вермонъ Ли и обходитъ ихъ молчаніемъ. Его задача—прослѣдить въ своей книгѣ такія явленія итальянской цивилизаціи прошлаго столѣтія которыя носятъ самобытный и національный характеръ. Но развѣ было ихъ много, и если они действительно были, то были ли они такого свойства что могутъ возбудить значительный интересъ? Для нашего автора это не подлежитъ сомнѣнію. Въ XVIII вѣкѣ, говоритъ онъ, Италия была единственною страной гдѣ въ широкихъ размѣрахъ развивалась и процвѣтала артистическая жизнь. Ничего подобнаго не видимъ мы нигдѣ въ остальной Европѣ. Пластическое искусство находилось повсюду въ упадкѣ; поэзія во Франціи и въ Англіи была не что иное какъ философія въ стихотворной формѣ, а въ Германіи она проявляется лишь подъ ковецъ когда выступаютъ Гёте и Шиллеръ. Трудно указать другое время которое было бы менѣе благоприятно искусству, но Италия осталась вѣрна ему, жила тольکو имъ, отнеслась къ нему со страстнымъ участіемъ. И это искусство имѣло на ея почвѣ вполнѣ самобытное значеніе. Оно родилось не вдругъ, а подготавливалось цѣлыми вѣками; не трудно прослѣдить что итальянская національная комедія, пользовавшаяся столь блестящимъ успѣхомъ въ XVIII столѣтіи, имѣла свои корни въ отдаленной древности, когда еще не было слышно ни о Плавтѣ, ни о Теренціи; что итальянская музыка достигла совершенства лишь послѣ того какъ медленно и постепенно созрѣвала она въ теченіе Среднихъ Вѣковъ. Всѣ взоры обращены были на другія страны, но отнюдь не на Италію, а между тѣмъ въ этой Италіи, казавшейся столь жалкою и отсталой, обнаруживались рѣдкія богатства національнаго духа. Она обладала драмой столь же національною, какою была англійская драма во времена Шекспира и драма испанская во времена Лопе-де-Веги; она обладала музыкой которой ничего подобнаго не было до тѣхъ поръ. Что за дѣло до того что восемнадцатый вѣкъ, занятый совершенно другими задачами, не обращалъ почти вниманія на это любопытное движеніе въ средѣ итальянскаго общества? Оно тѣмъ не менѣе принесло плодъ, и въ наше время мы имѣемъ полную возможность оцѣнить то что оставалось недоступнымъ людямъ воспитаннымъ въ философскихъ идеяхъ XVIII вѣка.

Таковъ взглядъ автора книги съ содержаніемъ которой мы хотимъ познакомить нашихъ читателей. Быть-можетъ есть во всемъ этомъ значительное преувеличеніе, но авторъ подкупаетъ своимъ талантомъ. У него есть то что дѣйствуетъ особенно обаятельно на читателя—художественность изложенія, рѣдкое мастерство выставлять образно рельефныя стороны общественной жизни. „Занимаясь искусствомъ, говоритъ онъ въ предисловіи къ своей книгѣ, мы вынуждены были знакомиться и съ обществомъ для котораго это искусство было насущнымъ хлѣбомъ. Прислушиваясь къ музыкѣ Перголези и Чимарозы, слѣдя за характерами Линдоровъ и Беттви въ комедіяхъ Гоальдои, Труфальдиновъ и Бригелла въ фарсахъ Гоцци, мы мало-по-малу втягивались въ обыденную жизнь итальянскаго общества XVIII вѣка, въ этотъ міръ изящныхъ женщинъ, утонченныхъ cavalieri sirventi, сварливыхъ педантовъ, голодныхъ рифмолетовъ,—страшный міръ поражающій смѣсью хорошаго и дурнаго, добродушія, тщеславія и суеты. Въ логовахъ за тѣмъ или другимъ композиторомъ или лѣвцомъ, драматическимъ писателемъ или актеромъ комедіи масокъ намъ приходилось наталкиваться на сборище академиковъ мечтавшихъ о прелестьяхъ ластушескаго образа жизни или лопастъ въ салонѣ какой-нибудь Сафо въ родѣ Фаустины Маратти или Сильвіи Верцы, сентиментально выслушивавшихъ мадригалы окружавшихъ ихъ писакъ. Иногда вдругъ появлялась предъ нами грубая достойная кисти Гогарта или Ватто, и мы не задумывались остановиться предъ ней, хотя это и отвлекало насъ отъ главной нашей цѣли. Отсюда быть-можетъ нѣкоторая нелюбопытность и отсутствіе единства въ нашихъ изслѣдованіяхъ“. Но именно то въ чемъ извиняется авторъ и сообщаетъ особенную привлекательность его труду. Кто будетъ стновать если мелочными описаніями, анекдотами, характеристиками, щедро разсыпанными въ его книгѣ, онъ достигаетъ того что мы совершенно переносимся въ среду отжившаго, но крайне любопытнаго общества, если предъ нами проходятъ не тѣни, а живыя лица со всѣми волновавшими ихъ страстями, высокими стремленіями, эгоистическими интересами, со всѣми ихъ странностями и причудами?

I.

Въ числѣ превосходныхъ эссею Маколея есть одинъ, посвященный писательницѣ прошлаго столѣтія гжѣ Д'Арблз, извѣстной своими повѣстями *Evelina* и *Cecilia*. Она принадлежала къ очень талантливому семейству. Отецъ ея, Чарльзъ Бэрней, былъ отличный знатокъ музыки и имѣлъ обширную извѣстность въ избранныхъ кружкахъ лондонскаго общества. Гиббонъ, Боркъ, Шериданъ дорожили его дружбой; знаменитый критикъ Джонсонъ былъ въ восторгѣ отъ него: „Я желалъ бы, восклицалъ онъ, чтобы мнѣ указали есть ли въ Англіи другой человекъ который по свѣдѣніямъ, уму и изящнымъ манерамъ могъ бы сравниться съ Бэрнеемъ“. Отецъ автора *Эвелины* въ теченіе долгаго ряда лѣтъ былъ поглощенъ обширнымъ трудомъ,—онъ намѣревался написать подробную исторію музыки не только англійской, но вообще европейской, начиная по возможности съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Съ этою цѣлью предпринялъ онъ въ 1770 году путешествіе по Италіи, и авторъ разбираемой нами книги пользуется издаваемыми имъ замѣтками объ этой странѣ чтобы прослѣдить какое впечатлѣніе производила она на наиболее образованныхъ людей того времени.

Италія не была даже для лучшихъ людей XVIII вѣка тѣмъ чѣмъ она служить теперь для насъ. Они и не подозревали настоящаго ея значенія. Ни исторической, ни художественной критики еще не было; изученіе древностей только что начиналось, Средніе Вѣка не возбуждали интереса и даже объ эпохѣ Возрожденія господствовали весьма смутныя понятія. По мѣткому замѣчанію нашего автора, Италія была въ то время огромнымъ музеемъ, для котораго еще никто не позаботился составить сколько-нибудь дѣльный каталогъ. Путешественникъ посѣщалъ эту страну безъ предубѣжденія противъ нея, но и не предвкушая тѣхъ радостей которыя его тамъ ожидали: онъ былъ слишкомъ воспитанъ въ философскихъ идеяхъ своего вѣка и во вкусахъ его было слишкомъ много аффектаціи; онъ интересовался древностями какъ остатками давно отжившей старины, не будучи въ состояніи надлежащимъ образомъ оцѣнить ихъ ни въ историческомъ, ни въ художественномъ отношеніи; онъ не совсѣмъ

ясто отдавалъ себѣ отчетъ въ разницѣ между Аѳинами и Римомъ; смѣшивалъ бюсты Адриана и Фаустины съ изображеніями греческихъ боговъ и богинь, а Брута и Виргинію съ атлетами и амазонками; съ уваженіемъ отзывался онь о Рафаэлѣ, Микель-Анджело и Тиціанѣ, но особенно приводилъ его въ восторгъ Караччи, Гвидо Рени и Гверчино. Вообще же искусство занимало его очень мало и это потому что, какъ самъ онь увѣрялъ себя, горизонтъ его былъ гораздо шире. На Италію менѣе всего смотрѣлъ онь какъ на страну въ которой цивилизація классическаго міра, Среднихъ Вѣковъ и эпохи Возрожденія оставила по себѣ неопыляемые слѣды; онь изучалъ ее какъ всякое другое государство, сосредоточивая свое вниманіе преимущественно на экономическомъ положеніи, нравахъ и обычаяхъ. Такъ было до тѣхъ поръ пока Вилкельманъ не указалъ чего слѣдуетъ искать въ ней; пока Гёте своимъ гениальнымъ чутьемъ не угадалъ того что оставалось недоступнымъ образованному большинству.

Бёрней, напротивъ, благоговѣлъ предъ Италіей, но благоговѣлъ исключительно предъ ея музыкой. Онь зналъ какія наслажденія ожидаютъ его тамъ. По пути посѣтилъ онь Францію и вывезъ изъ Парижа самыя невыгодныя впечатлѣнія; хотя еще кардиналъ Мазарини старался ввести тамъ итальяскую оперу, она очень долго не прививалась на французской почвѣ; Французы заимствовали, правда, оперу отъ Итальянцевъ, но она получила у нихъ своеобразный, далеко не привлекательный характеръ, и съ теченіемъ времени нисколько не совершенствовалась. По господствовавшимъ понятіямъ лѣвецъ долженъ былъ подчиняться композитору, композиторъ—автору либретто, а этотъ послѣдній машинисту. Декорація, танцы, различныя превращенія играли огромную роль; въ музыкѣ же было никакой мелодіи; лѣвіе отличалось вычурностію и грубостію. Все это сильно возмуцало Итальянцевъ. Гольдони слѣдующимъ образомъ рассказываетъ о своемъ посѣщеніи Парижской оперы: „Я все рассчитывалъ услышать какую-нибудь арію, но нѣтъ, — публику то и дѣло угощали балетомъ. Предполагая что піеса нарочно написана безъ арій, я просилъ моего сосѣда объяснить мнѣ эту странность. Онь засмѣялся, сталъ увѣрять что не далѣе какъ въ только что окончившемся актѣ было цѣлыхъ шесть арій.—„Неужели? воскликнулъ я, въ такомъ случаѣ я вѣроятно глухъ“. Начался новый актъ, вышли три актера и

заглаян что-то вмѣстѣ: предполагалось что это трио, а я опять принялъ его за речитативъ. Вообще все было прекрасно, великолѣпно, грандіозно за исключеніемъ лишь музыки. Когда опустела завѣсть, знакомые хотѣли непременно узнать мое мнѣніе объ оперѣ: „это истинный рай для глазъ, отвѣчалъ я, и адъ для ушей“. Ожеоточенная распря Глюкитовъ и Пиччинистовъ еще не занимала французское общество въ то время о которомъ мы говоримъ: къ музыкальнымъ вопросамъ оно относилось равнодушно.

Совершенно другое увидѣвъ и услышавъ Бёршей какъ только переступилъ итальянскую границу. По его выраженію, онъ плавалъ съ этой минуты въ морѣ звуковъ. Музыкой могъ онъ наслаждаться чуть ли не въ теченіе цѣлаго дня,—и утромъ и вечеромъ, въ церквахъ, въ салонахъ знатныхъ фамилій, въ театрахъ и на площади. Чтò особенно поражаало его, это глубокій интересъ съ которымъ относились къ ней всѣ слои общества. Въ церквахъ, напримѣръ, сходились преимущественно лавочкики, рабочіе, крестьяне, ибо аристократическій и зажиточный людъ большею частью присутствовалъ при богослуженіи въ домашнихъ капеллахъ или въ монастыряхъ іезуитскаго ордена, но даже и въ низшемъ слое населенія можно было подмѣтить сильно развитое чувство изящнаго. Не удивительно что изъ среды его выходили не рѣдко отличные артисты: всѣ наиболѣе славные музыканты и пѣвцы того времени были люди самаго низкаго происхожденія. И какъ могла церковная музыка не дѣйствовать на толпу когда завѣдывали ею лучшіе знатоки дѣла; плата за ихъ произведенія, сборы съ концертовъ были такъ скудны что отнюдь не обезпечивали ихъ существованія. Позевольтъ приходилось имъ искать постоянного мѣста съ опредѣленнымъ жалованьемъ, и вотъ мы видимъ что такая, напримѣръ, знаменитость какъ Томелли былъ maestro di capella въ храмѣ Св. Петра, Лео и Каффара занимали такую же должность въ Неаполитанскомъ соборѣ, Салмартини въ Миланскомъ, а Галулли въ Венеціанскомъ храмѣ Св. Марка. Церковная музыка впрочемъ не отличалась особымъ, только ей свойственнымъ стилемъ; не было никакого существеннаго различія между ней и музыкой оперной. Въ разные періоды времени она быть-можетъ болѣе или менѣе удовлетворяла законнымъ требованіямъ на этотъ счетъ, но всегда лишь въ незначительной степени и даже Палестрина вносилъ не рѣдко въ свои произведенія

совершенно свѣтскій характеръ. Г. Верновъ Лд, страстный поклонникъ Италіи, не видитъ впрочемъ въ этомъ большой бѣды. „Новѣйшіе критики, говоритъ онъ, упрекаютъ итальянскую церковную музыку XVIII вѣка за то что она ужъ слишкомъ удалась отъ преданій завѣщанныхъ ей Паластриной; но этотъ ея недостатокъ, подобно тому недостатку который критики усматриваютъ въ церковной живописи эпохи Возрожденія, свидѣтельствуетъ лишь о полномъ развитіи, объ окончательной зрѣлости искусства. Форма достигла совершенства, содержаніе поражаемо глубиною... Искусство перестало быть символомъ, оно — форма, мысль, чувство, дѣйствующія прямо и непосредственно. Если угодно церковная музыка XVIII вѣка носить свѣтскій характеръ, она напоминаетъ оперу, во все что поютъ эти оперные герои такъ возвышенно, чисто и благородно что становится вполне пригоднымъ и для церковныхъ требованій. Великіе итальянскіе композиторы не имѣли различныхъ стилей, одни для боговъ и богинь, другой для сатировъ и менадъ: какія бы цѣли ни преслѣдовало ихъ искусство, что бы они ни изображали въ немъ, оно отличалось одинаковымъ совершенствомъ, потому что было для нихъ святыней.“ Каждый изъ значительныхъ итальянскихъ городовъ представлялъ собою особый музыкальный міръ, въ каждомъ изъ нихъ была своя школа музыки. Видное мѣсто въ этомъ отношеніи занимала Венеція. Правительство республики не жалѣло средствъ чтобы поддержать искусство на подобающей ему высотѣ: въ Падую ежегодно, во время ярмарки Св. Антонія, устраивало оно великолѣпныя празднества, на которыя отовсюду стекалась избранная публика. Здѣсь можно было слышать лучшихъ артистовъ; одинъ изъ нихъ, знаменитый скрипачъ Тартини, даже постоянно проживалъ въ этомъ городѣ, вся обстановка котораго какъ нельзя болѣе подходила къ его мрачному, сосредоточенному характеру. Въ самой Венеціи находилась превосходная капелла, которую можно было слышать нѣсколько разъ въ годъ, или при торжественныхъ богослуженіяхъ въ храмѣ Св. Марка, или когда дожъ отправлялся на Буденствѣ обручаться съ моремъ. Въ этихъ случаяхъ исполняема была музыка венеціанскихъ композиторовъ конца XVII и начала XVIII столѣтій, во главѣ коихъ стоялъ Антонио Лотти,—музыка торжественная, во нѣсколько холодная, вполнѣ яриличествовавшая нѣкогда великому олигархическому

государству, не тому какому оно было, въ действительности, со своимъ развращеннымъ дворянствомъ, шпіонскою политикою и пришедшею въ уладокъ торговлей, а какому оно рисовалось въ воображеніи своихъ гражданъ. Венеція въ этотъ послѣдній періодъ своей независимости производила еще чарующее впечатлѣніе на путешественника: никто и не предчувствовалъ ожидавшихъ ее бѣдствій; жизнь текла легко и безпечно; вечеромъ, на Canal Grande, звуки музыки и веселья неслись изъ открытыхъ оконъ великолѣпныхъ дворцовъ, почти всегда можно было встрѣтить барки съ разраженною толпою, которая оглашала воздухъ своими пѣснями. Музыка была впрочемъ не пріятнымъ лишь препровожденіемъ времени, а серьезнымъ занятіемъ. Не въ Италіи только, но и далеко за ея предѣлами пользовались извѣстностью четыре венеціанскія школы для дѣвицъ: Pietà, Mendicanti, Incirabili и Ospedaletto,—школы основанныя, какъ уже показываютъ самыя ихъ названія, съ благотворительною цѣлью, но для поступленія въ которыя требовались музыкальныя способности или хорошій голосъ. Жоржъ Самдъ въ первой части своего романа *Consuelo* описала одну изъ этихъ школъ, а именно школу Mendicanti. Нѣтъ ничего страннаго что онѣ достигли замѣчательнаго процвѣтанія, если скажемъ что завѣдываніе ими поручалось такимъ музыкантамъ какъ Порпора, Доменико Скаралатти, Гассе и Иомелли. Всѣ путешественники посѣщавшіе Венецію въ XVIII вѣкѣ отзывались съ восторгомъ о необычайномъ совершенствѣ съ которымъ оркестръ, состоявшій исключительно изъ дѣвушекъ, исполнял самыя трудныя симфоніи. Леди Монтегю говоритъ что она слышала въ этихъ школахъ голоса не уступавшіе тогдашнимъ знаменитымъ дѣвицамъ Фаустинѣ и Куццови. Такіе же отзывы встрѣчаемъ мы у Руссо и у президента де-Бросса, а Гёте присутствовавшій въ 1787 году на концертахъ съ Incirabili и Ospedaletto создавался что до тѣхъ поръ никакая музыка не производила на него столь сильнаго впечатлѣнія.

Наименѣе музыкальнымъ городомъ въ Италіи XVIII вѣка была Флоренція, не потому чтобъ оставалась она равнодушною къ музыкѣ, а потому что не могла указать ни на одного композитора который принадлежалъ бы собственно ей. Единственное исключеніе составляетъ Херубини, но хотя молодость его протекала во Флоренціи, музыкальное его образо-

званіе было довершено во Франціи и притомъ въ позднѣйшее время. За то Болонья была однимъ изъ блестящихъ центровъ артистической жизни. Филармоническая академія этого города пользовалась заслуженною извѣстностью. Статуты ея доказываютъ, между прочимъ, какъ ревностно заботились упрочить за нею вполнѣ серьезный характеръ: президентъ, или какъ называли его *principe*, избирался лишь на годъ и притомъ почти всегда послѣ долгихъ и горячихъ прерій о достоинствахъ разныхъ кандидатовъ; постановлено было правомъ допускать въ академію не дилеттантовъ, а только основательныхъ знатоковъ дѣла, вслѣдствіе чего всякій желавшій пріобрѣсти званіе члена долженъ былъ подвергнуться испытанію; не избѣгнувъ этого, между прочимъ, и Моцартъ, посѣтившій Болонью въ свои молодые годы,—его также заперли въ отдѣльную комнату, гдѣ онъ долженъ былъ развить заданную ему тему, и отецъ его былъ въ неописанномъ восторгѣ что юный Вольфгангъ занялъ мѣсто въ Болонской академіи. Но не Венеція и не Болонья, а Риму принадлежало самое видное мѣсто въ артистической жизни тогдашней Италіи. Римъ игралъ такую же роль какъ до послѣдняго времени Парижъ: ни одинъ артистъ не считалъ свою репутацію окончательно упроченною до тѣхъ поръ пока не имѣлъ успѣха въ вѣчномъ городѣ. Не мало труда стоило угодить тамошней публицѣ состоявшей изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ. Наибольшимъ вліяніемъ пользовались, разумѣется, представители высшей церковной іерархіи, люди образованные, въ великолѣпныхъ дворцахъ которыхъ собиралось все что славилось умомъ и талантомъ; во главѣ ихъ стоялъ знаменитый кардиналъ Александръ Альбани, другъ и покровитель Винкельмана; эти прелаты любили занимать своихъ гостей операми якобы духовнаго содержанія, но въ сущности отличавшимися достаточно свѣтскимъ характеромъ. Надлежало прежде всего заслужить ихъ расположеніе, потому что они были постоянно окружены многочисленнымъ штатомъ всякаго рода угодниковъ, прихлебателей, для которыхъ ихъ мнѣніе было закономъ. Въ театрѣ приходилось считаться главнымъ образомъ съ толпой *abbati*, не то духовныхъ, не то свѣтскихъ лицъ, пользовавшихся вообще незавидною репутаціей, но остроумныхъ, хорошо понимавшихъ искусство, всегда готовыхъ награждать однихъ артистовъ советами, а другихъ—ядовитыми элиграммами; къ нимъ присоединялись

доктора, юристы, нотариусы, капелланы, имѣвшіе чрезвычайно высокое мнѣніе о себѣ потому что многіе изъ нихъ были авторами длинныхъ, скучныхъ и никѣмъ не читаемыхъ трактатовъ о музыкѣ. При отсутствіи журналистики эти два разряда людей были руководителями общественнаго мнѣнія; съ жадностью прислушивалась лубайка къ ихъ слорамъ въ кофейняхъ и гостиныхъ; авторитетъ ихъ былъ таковъ что по замѣчанію президента де Бросса, если забрасывали они яблонку какого-нибудь артиста, то даже самъ лала не покушался бы пригласить его опять на римскую сцену. Безплощадное критическое направленіе господствовавшее въ этихъ кружкахъ поддерживалось тѣмъ обстоятельствомъ что въ Римѣ запрещено было женщинамъ участвовать въ театральныхъ представленіяхъ. Женскія роли были еще исполняемы мальчиками и исполняемы съ замѣчательнымъ совершенствомъ. Гётто былъ чрезвычайно доволенъ этимъ обычаемъ который переносилъ его ко временамъ классической комедіи. Но именно потому что лубайка видѣла предъ собой не лѣвицу, къ которымъ она относилась бы быть-можетъ гораздо сдержаннѣе, а учениковъ иногда еще не окончившихъ курса консерваторіи, она не стѣснялась выражать имъ неодобреніе самымъ рѣзкимъ образомъ. Отношенія ея къ нимъ отащались вполнѣ патриархальнымъ характеромъ; непрерывно раздавались возгласы которыхъ нельзя было конечно услышать вгдѣ въ другомъ мѣстѣ. Такова была лубайка предписывавшая законы музыкальному міру всей Италіи. По словамъ Гретри, если опера имѣла успѣхъ въ Римѣ, то ни въ Венеціи, ни въ Неаполѣ, ни въ Болоньѣ уже не дерзали ослабить ея достоинствъ. Еще немного лѣтъ тому назадъ у подножія Пивчіо, тамъ гдѣ начинается теперь улица *vicolo Aliberti*, можно было видѣть заброшенное, полуразвалившееся зданіе, которое въ XVIII вѣкѣ пользовалось несравненно большею славой чѣмъ миланская *La Scala* и неаполитанскій *S. Carlo*. То былъ театръ построенный однимъ изъ придворныхъ шведской королевы Христины d'Alibert, откуда и названіе его *Teatro Aliberti*. На его подмосткахъ появлялись знаменитѣйшіе лѣвицы того времени; Метастазіо написалъ для него свои либретто; Порпора, Лео, Дуранте, Галулли, Йомелли были правлегарованными его композиторами; оркестръ его состоялъ изъ отличныхъ музыкантовъ которые съ чисто итальянскою страстью относились къ своему дѣлу. Разказываютъ

что когда однажды знаменитый Паккиеротта пѣлъ въ какой-то оперѣ арию, оркестръ вдругъ пересталъ ему аккомпанировать. „Это что за чертовщина!“ воскликнулъ артистъ, и получивъ въ отвѣтъ: „мы плачемъ“...

Несмотря на преобладающее значеніе Рима, наиболее отдѣлено было однако для музыки не имъ, а Неаполемъ. „И неудивительно, говоритъ г. Вернонь Ли: собственно въ Неаполь возникла новѣйшая музыка въ отлчіе отъ хоровой музыки Рима, Болоньи и Венеціи; собственно здѣсь начиная съ половины XVII столѣтія музыка перестаетъ быть символическою, церковною, ледантичною, приобретаетъ гуманный характеръ; здѣсь композиторы впервые вдохновляются мелодичными народными пѣльвами и искусство, столь долго заключенное въ стѣнахъ церквей и школъ, вдыхаетъ въ себя струю чистаго воздуха.“ Это новое направленіе музыки не различно съ именемъ старшаго Скарлатти родившагося въ половинѣ XVII вѣка. Онъ проложилъ путь къ тому члнмъ сдѣлалась музыка теперь; былъ первымъ преобразователемъ оперы въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова; онъ воспиталъ цѣлую плеяду композиторовъ; учениками его были Баучи, Порпора, Лео, Дуранте, затѣмъ Кайзеръ и Стефани, которые перенесли созданный имъ стиль въ Германію и такимъ образомъ способствовали тому что могли появиться тамъ Гендель, Бахъ и Гассе. Господство неаполитанской школы Скарлатти длилось цѣлыя два столѣтія, и Руссо въ знаменитой статьѣ появлявшейся въ Энциклопедическомъ словарѣ отзывался о ней съ восторженными похвалами. Достояннымъ представителемъ ея, въ то время когда Бёрней посѣтилъ Неаполь, былъ Пиччини, авторъ легкой изящной музыки, которую вѣскольکو позднѣе довели до совершенства Памзіелло и Чимароза.

Въ наше время Итальянцы имѣютъ лишь одного пользующагося европейскою извѣстностью композитора—Верди. Во второй половинѣ XVIII вѣка можно указать на цѣлый рядъ ихъ. Новыя оперы появлялись одна за другой непрерывно. Обыкновенно репертуаръ въ каждомъ городѣ былъ необширенъ: не болѣе четырехъ оперъ въ теченіе сезона, но изъ нихъ двѣ или даже три написанныя нарочно для того или другаго театра. При этомъ композиторы сочиняли ихъ не иначе какъ примѣняясь къ средствамъ извѣстныхъ артистовъ; каждая значительная партія—теноровая, басовая или партія

сопрано — ижеалась въ виду того что ее будетъ исполнять такой-то гььвецъ или такая-то гььвица. Вотъ почему съ нѣкоторыми операми неразрывно связанны были имена ихъ исполнителей: Фаринелли бавсталъ въ *Армарксерст*, Гасее, Минготти въ *Розулъ*, Томелли, Гвадамья въ *Орбетъ*, Глюка, Пакиеротти въ *Квинтъ Фабіа* Бертоли и т. п. Взяться за роль написанную для другаго считалось своего рода вызовомъ и было далеко не безопасно. Если въ оперѣ Сартти *Giulino Sabino* Пакиеротти, Маркези и Рубинелли являлись попеременно въ одной и той же роли, то происходило это по настоячивымъ требованіямъ публлки театра Aliberti желавшей сравнить ихъ. Такъ какъ репертуаръ былъ очень необширенъ, то одну и ту же оперу давали по двадцати или по тридцати разъ сряду. Публка знала ихъ наизусть; въ незамыслельныхъ сценахъ она болтала безъ умолку, зрители въ ложахъ дѣлали визиты другъ другу, даже играли въ карты, но лишь только выступалъ любимый гььвецъ со своею аріей, все замирало, все превращалось въ слухъ. Иностранцы не мало удивлялись этому полнѣйшему равнодушію публки, которая вдругъ уступала мѣсто неистовому восторгу, но г. Вермонъ Ли даже и въ этомъ не находитъ ничего страннаго. „Нѣмецкіе путешественники того времени, говорить оъ, не рььдко выражали мнѣніе что Итальянцы относившіеся подобнымъ образомъ къ оперѣ въ сущности самый не музыкальный и лишенный эстетическаго чувства народъ; но вотъ явился Нѣмецъ ученый, эстетикъ, а именно Гегель, который принялъ сторону Итальянцевъ утверждая что относиться съ одинаковымъ вниманіемъ ко всѣмъ подробностямъ піесы, ко всякой нотѣ, значило бы не интересоваться настоящимъ образомъ ничѣмъ: къ сожалѣнію, объ этомъ не думаютъ теперь, не хотять понять что когда искусство находится въ періодѣ самопроизвольнаго, роскошнаго процвѣтанія, люди наслаждаются имъ какъ наслаждаются они природой,—свободно, непосредственно, безлечю; Греки во времена Перикла и Итальянцы во времена Льва X относились къ сокровищамъ Аѳинъ и Флоренціи вовсе не съ такимъ ледянымъ какъ мы, для кого искусство служить предметомъ долгаго и труднаго изученія“.

Гььвецъ въ XVIII вѣкѣ — мы опять-таки имѣемъ въ виду преимущественно Италию — пользовался неизмѣримо большимъ значеніемъ чѣмъ теперь. Онъ стоялъ на первомъ планѣ. По

заничавію нашего автора, у Итальянцевъ потребность пѣть преобладала надъ всѣми остальными; пѣвцы появлялись не потому что публика желала слышать то или другое произведеніе, а музыкальное произведеніе было сочиняемо нарочно для того чтобы слышать пѣвцовъ; какъ сказано выше, оно нарочно принималось къ ихъ средствамъ. Вслѣдствіе того, съ XVII вѣка, то-есть съ того времени когда музыка изъ церквей и дворцовъ переносится въ театръ, устанавливается самая тѣсная связь между пѣвцами и композиторами. Композиторы упражняются въ пѣвціи, а пѣвцы самымъ серьезнымъ образомъ занимаются музыкой. Скарлатти и Порпора обучали знаменитѣйшихъ пѣвцовъ, а Страделла и Пистокка руководили своими совѣтами музыкантовъ. Обѣ эти отрасли были неразрывны и взаимно одна на другую, причемъ преимущество видимо оставалось за пѣвцомъ. Ему предоставляемо было олицетворить идею композитора, дать реальную форму тому что по большей части существовало лишь въ общихъ чертахъ; на немъ главнымъ образомъ лежала отвѣтственность за успѣхъ дѣла, а потому и пользовался онъ широкою свободой. Такъ какъ требованія отъ него были огромны, то повятно какія успѣха долженъ былъ расточать онъ чтобы удовлетворить имъ. Если онъ обладалъ только богатыми голосовыми средствами, то этого еще было мало; не ставилось ему въ большую заслугу если онъ былъ при этомъ и удовлетворительнымъ актеромъ; необходимо было для него извѣстное умственное развитіе, глубокое артистическое чутье, съ помощью коего онъ умѣлъ бы воспламенить, потрясти публику, породить въ ней именно такое настроеніе какого желалъ композиторъ. Этому идеалу отвѣчали многіе изъ пѣвцовъ XVIII вѣка и болѣе всего Фаринелли и Паскьеротти. О послѣднемъ изъ нихъ Стендаль говоритъ: „этотъ великій артистъ никогда не дозволялъ себѣ ни одного движенія, ни одного звука, который не былъ бы рассчитанъ на извѣстное душевное настроеніе его слушателей“. Пѣвцу надлежало проходить чрезвычайно трудную школу; въ сущности годы ученья никогда не прекращались для него, и было много правды въ словахъ сказавшихъ старикомъ Паскьеротти юному и еще неизвѣстному тогда тенору Рубини: „Наше искусство слишкомъ трудно для того чтобы овладѣть имъ въ теченіе жизни; въ молодости есть у насъ голосъ, но мы не умѣемъ пѣть, а подъ старость умѣемъ пѣть, но уже

не хватаетъ голоса.“ Помято, слѣдовательно, почему всакій замѣчательный гѣвецъ пользовался огромнымъ успѣхомъ въ обществѣ: онъ былъ почетнымъ гостемъ въ самыхъ знатныхъ домахъ; ему прощались всякіе капризы и выходы; повсюду можно было видѣть его портреты; дамы носили эти миниатюрные портреты на шеѣ, иногда по нѣскольку заразъ. Не рѣдко гѣвецъ вышедшій изъ низшаго класса народонаселенія, терлѣвшій въ молодости крайнюю нужду, привыкшій къ лобоямъ и дома и въ консерваторіи, терлѣлъ голову когда вдругъ становился онъ львомъ избраннаго общества; по крайней мѣрѣ, сатирическіе писатели того времени отзываются о гѣвцахъ съ необычайнымъ озлобленіемъ, называютъ ихъ не иначе какъ выскочками, наглецами и т. л.; между прочимъ Гольдони не щадилъ ихъ въ своихъ комедіяхъ. Очень можетъ быть что многіе изъ нихъ оправдывали эти неблаговидные отзывы, но никакъ нельзя сказать этого о тѣхъ изъ нихъ чьи имена приобрѣли славу и въ Италіи, и въ Европѣ. Въ современныхъ мемуарахъ и частныхъ письмахъ представляются они намъ людьми скромными, честными, съ замѣчательнымъ умственнымъ развитіемъ,—они много читаютъ и постоянно возвращаются въ обществѣ такихъ лицъ какъ Метастазіо, Винкельманъ, Канова. Портреты ихъ сохранившіеся въ Болоньской филармонической академіи производятъ самое выгодное впечатлѣніе. По всему видно что такъ какъ искусство стояло очень высоко, то они поставили себя задачей служить вполнѣ достойными его представителями. „Къ сожалѣнію, говоритъ г. Вернонъ Ли, мы не можемъ составить себѣ вполнѣ яснаго понятія о томъ чѣмъ они были въ дѣйствительности“; мы знаемъ это только по разказамъ другихъ, но когда мы читаемъ о Паскьеротти, Фаричелли, Бернанки, вѣдь намъ остается только читать о нихъ, вольно пробуждается въ насъ чувство зависти что изумительное ихъ искусство не оставило по себѣ и слѣда.“

Биографіи нѣкоторыхъ изъ нихъ отличаются чисто романтическимъ характеромъ,—между прочимъ биографія Фаринелли (такъ назывался онъ на сценѣ, а дѣйствительная его фамилія была Броски). Послѣ блестящихъ успѣховъ въ своемъ отечествѣ, онъ еще въ полномъ цвѣтѣ силъ отправился въ Испанію. Носился слухъ, будто бы здѣсь своимъ чуднымъ гѣвіемъ онъ цлѣчилъ отъ меланхоліи короля Карла V, и при немъ, а также при его преемникѣ Фердинандѣ VI

приобрѣлъ огромное вліяніе при дворѣ; будто бы онъ былъ даже назначенъ первымъ министромъ и управлялъ страной съ мудростью царя Соломона. Слухи эти не только распространились въ невѣжественныхъ кружкахъ итальянскаго общества, но они встрѣчаются и у нѣкоторыхъ тогдашнихъ писателей. Разумѣется, во всемъ этомъ была огромная доля преувеличенія: Фаринелли никого не исцѣлялъ, никогда не былъ министромъ и совершенно напрасно изображали его на нѣкоторыхъ портретахъ кавалеромъ ордена Калатравы. Но вліяніе его дѣйствительно было очень сильно. Еслибъ онъ хотѣлъ, то могъ бы достигнуть высокихъ почестей, потому что былъ неразлучнымъ собесѣдникомъ и даже другомъ Фердинанда VI; совершенно отъ него зависѣло также составить себѣ значительное состояніе, ибо не только придворныя партіи, но и иностранные дипломаты неоднократно обращались къ нему съ самыми щедрыми предложеніями лишь бы только онъ обнаружилъ готовность служить ихъ орудіемъ. Но интрига, корысть были совершенно чужды Фаринелли. Среди безразвотвеннаго двора онъ остался безукоризненно чистъ, былъ поглощенъ только своимъ искусствомъ и никогда не лопышала о вліяніи. Тогдашній англійскій посланникъ въ Мадридѣ сэръ - Чарльзъ Кинъ отдастъ ему полную справедливость въ этомъ отношеніи; по его словамъ, если Фаринелли и поддерживалъ министра Эисеаду, то вполне чистосердечно, единственно потому что этотъ человекъ, большой негодяй, умѣлъ внушить ему крайнее къ себѣ довѣріе. Цѣлыхъ двадцать лѣтъ оставался знаменитый лѣвецъ въ Испаніи, пока тотчасъ по смерти короля Фердинанда VI не приказано было ему выѣхать оттуда. Во всякомъ случаѣ, этотъ эпизодъ изъ его жизни, когда одинъ изъ преемниковъ Филиппа II не имѣлъ отъ него никакихъ тайнъ, когда королева изъ ревности къ его вліянію преслѣдовала его своею ненавистью, когда царедворцы толпились вокругъ него со льстивыми словами, когда въ Вѣнѣ, Парижѣ и Лондонѣ считали не лишнимъ заручиться его расположеніемъ, очень любопытенъ, тѣмъ болѣе что Фаринелли представляла собою далеко не единичный примѣръ въ своемъ родѣ.

Изъ сказаннаго нами выше читатели могли убѣдиться что г. Верновъ Ли—страстный поклонникъ итальянской музыки. Для него мелодія выше всего, и съ этой точки зрѣнія Итальянцы удовлетворяютъ его, разумѣется, несравненно болѣе

чѣмъ Нѣмцы и Французы. Онъ непрерывно прибѣгаетъ къ самымъ злобнымъ выходкамъ противъ Вагнера и его поклонниковъ. Читатель можетъ мириться съ его безусловно восторженными отзывами объ итальянской музыкѣ лишь потому что она относится къ такому времени когда эта музыка действительно стояла очень высоко, когда по крайней мѣрѣ нечего было ей страшиться соперничества. Въ половинѣ блескъ проявилась она въ оперѣ, которая получила у Итальянцевъ окончательную установившуюся форму съ XVIII столѣтія. Эту оперу сильно порицаютъ въ настоящее время за то что въ ней не обращено было никакого вниманія на текстъ, на сценическое положеніе, что все приносимо было въ жертву сладковозвучному глѣню, что трагическія лица и лица комическія глѣли одинаково подъ акомпаниментъ музыки легкой, игривой и мелодичной. Если даже и справедливы эти нападки, то во всякомъ случаѣ итальянская опера имѣла за собой важное преимущество,—она была національна, отличалась вполнѣ опредѣленнымъ характеромъ, который какъ нельзя болѣе соответствовалъ вкусамъ и потребностямъ всего итальянскаго общества. Хулить ее значило бы хулить и самое это общество, значило бы не принимать въ расчетъ что при глубокой воспримчивости, при столь же глубокомъ и врожденномъ ему чувствѣ изящнаго, оно оказывалось бессильнымъ во многомъ что у другихъ націй было доведено до высокаго совершенства. Такъ, напримѣръ, Итальянцы славились своею комедіей, но трагедія,—настоящая трагедія, какую мы видимъ въ Англійи и Иславіи,—была недоступна имъ. Всѣ попытки въ этомъ родѣ ограничивались лишь болѣе или менѣе удачнымъ подражаніемъ. Удивительно ли что и композиторы, музыканты, глѣвцы примѣнялись къ общему настроенію? Италія было царствомъ мелодіи,—только мелодія способна была лѣгнуть итальянскую публичку, и она совершенно завладѣла оперой: по крайней мѣрѣ это было самобытно и потому вполнѣ оригинально; по крайней мѣрѣ слѣдуя по этому пути Итальянцы достигли замѣчательныхъ результатовъ и музыка ихъ долгое время приводила въ восторгъ Европу. Лучше ли было бы еслибъ они поставили себѣ задачи которыя не могли бы ими быть исполнены съ одинаковымъ успѣхомъ? Неволяно приходитъ здѣсь на мысль судьба двухъ итальянскихъ писателей пользовавшихся одинаково громкою извѣстностью въ XVIII столѣтіи,

изъ которыхъ теперь одинъ совершенно забытъ, да и другой не возбуждаетъ особенно сильнаго интереса, а именно *Метастазіо* и *Альфieri*. *Метастазіо* писалъ либретто для оперъ или, вѣрнѣе сказать, писалъ драмы, къ которымъ прилаживалась музыка, такъ что первое мѣсто принадлежало ему, а не музыкальному композитору; писалъ онъ ихъ потому что ничто такъ не занимало и не увлекало публику какъ опера; писалъ онъ приравливаясь возможно болѣе къ господствовавшему вкусу; въ музыкѣ дѣлалась выше всего мелодія, и онъ старался придать своему языку текучую, мяскую, вѣжную форму, которая, по выраженію одного писателя, какъ бы съ любовью прижималась къ музыкальнымъ звукамъ. Во всемъ этомъ онъ отвѣчалъ дѣйствительнымъ потребностямъ современнаго ему общества, и потому производилъ очень сильное впечатлѣніе. Справедливо ли вивить его что онъ преслѣдовалъ эти цѣли, а не другія? *Альфieri*, напротивъ, стремился къ тому что едва ли встрѣчало отголосокъ въ огромномъ большинствѣ націи; провакнутый республиканскими тенденціями, онъ хотѣлъ создать трагедію которая валомила бы его соотечественникамъ о старинной римской доблести и катоновскомъ стоицизмѣ; попытки его въ этомъ родѣ были весьма почетны, но онъ интересовалъ лишь извѣстный кругъ общества и не имѣли важнаго значенія, потому что искали онъ вдохновенія не въ живой дѣйствительности, а въ отвлеченныхъ, хотя весьма благородныхъ и возвышенныхъ теоріяхъ. Изъ этихъ двухъ писателей *Метастазіо* все-таки представляетъ собою болѣе оригинальное явленіе чѣмъ *Альфieri*. По крайней мѣрѣ въ немъ вполнѣ отразилась *Италія XVIII вѣка*, онъ былъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ ея представителей, и очень помято что г. Верномъ *Ли* оставилъ *Альфieri* въ сторонѣ, а ему отвелъ видное мѣсто въ своей книгѣ.

Однажды лѣтнимъ вечеромъ аббатъ *Гравина*, ученый юристъ, знатокъ классической литературы и президентъ *Аркадской академіи*, проходилъ въ *Римѣ* по *piazza Sesaiani*. Онъ замѣтилъ что собралась толпа около мальчика который, сидя на тумбѣ, раслѣвалъ во все горло стихи. Мальчикъ импровизировалъ и очень удачно. *Гравина* похвалилъ его, — онъ и къ нему обратился со стихами. Все это такъ заинтересовало аббата что онъ позвалъ къ себѣ домой юнаго импровизатора, который дорогой разказалъ что ему одивнад-

дать дѣтъ отъ роду, и что онъ сынъ продавца макаронъ Трапасси. Это было маленькое чудо въ своемъ родѣ: замѣчательная смышленость, остроуміе и способность говорить о чемъ угодно бойкими стихами; которые такъ и лились изъ его устъ. Дѣло кончилось тѣмъ что Гравина не захотѣлъ разстаться со своимъ уличнымъ знакомцемъ и безъ большаго труда получилъ согласіе его родителей взять его къ себѣ на воспитаніе. Фамилія Трапасси казалась ему слишкомъ вульгарною и онъ далъ своему питомцу другую — Метастазіо. Мальчикъ вдругъ перенесенъ былъ въ совершенно новый для него міръ: его хорошо одѣвали, обучали разнымъ наукамъ, возили въ дома прелатовъ и другихъ знатныхъ лицъ. Жизнь его текла какъ по маслу, слабы только не одно обстоятельство: Гравина былъ убѣжденъ что на леченіи его находится феноменальный ребенокъ, котораго ожидаетъ въ будущемъ громкая слава, постоянно твердилъ это всѣмъ своимъ знакомымъ и заставлялъ Метастазіо обнаруживать свои таланты, а Метастазіо выходилъ изъ себя чтобы заслужить расположеніе своихъ слушателей, ибо тотчасъ же понималъ что его лютятъ и кормятъ не даромъ, что все измѣнится для него если онъ не будетъ оправдывать возложенныя на него надежды. Бѣднаго мальчугана такъ часто выставляли на показъ и такъ усердно старался онъ не осрамиться что даже здоровье его было потрясено, и аббатъ Гравина отвезъ его въ Калабрійскія горы къ какому-то своему родственнику. И не только на здоровьѣ, но и на характерѣ Метастазіо отразилось весьма невыгодно воспитаніе его подъ руководствомъ аббата Гравины. Справедливо замѣчаетъ г. Вервольфъ Ли что благодѣаніе не портитъ сильной натуры, которая способна проникнуться чувствомъ безграницной приязнтельности, нисколько не унижая своего достоинства; но не такъ бываетъ съ натурами слабыми, малодушными, къ числу коихъ принадлежалъ и Метастазіо. Онъ безропотно подчинялся всему чего отъ него требовали, но не любилъ своего воспитателя, который однако никогда не замѣчалъ этого и умирая оставилъ своему пріемышу все свое состояніе простиравшееся на наши деньги болѣе чѣмъ до 30.000 р.

Метастазіо былъ въ это время еще очень молодъ, очень красивъ собой, хорошо образованъ, его охотно принимали во многихъ знатныхъ домахъ, гдѣ онъ блисталъ своимъ остроуміемъ и поэтическимъ талантомъ. Ему и не приходило

въ голову избрать себѣ какія-либо опредѣляемыя занятія; онъ хотѣлъ наслаждаться жизнью, а для этого у него были средства и Римъ, который, несмотря на то что служилъ средоточіемъ церковной власти, представлялъ много искушеній. Метастазіо имѣлъ успѣхъ; друзей насчитывалось у него цѣлыя десятки, но чрезъ какихъ-нибудь два или три года онъ промоталъ рѣшительно все что было оставлено ему аббатомъ Гравиной и друзья тотчасъ же отвернулись отъ него. Нужно было подумать о будущемъ; Римъ сдѣлался неважнѣе юному поэту и онъ отправился въ Неаполь, гдѣ какой-то адвокатъ Кастальоло изъ милости согласился принять его своимъ секретаремъ: адвокатъ, угрюмый сухой старикъ, поставилъ однако непрѣмѣннымъ условіемъ чтобы онъ отказался отъ писанія стиховъ, ибо, по его покатіямъ, стихотворецъ былъ чѣмъ-то въ родѣ шута. Нѣсколько мѣсяцевъ ораду сидѣлъ Метастазіо съ утра до ночи за своею конторкой какъ вдругъ однажды потребовали его къ принцу Боргезе, Неаполитанскому вице-королю. Принцъ, задумавшій устроить великолѣпный праздникъ въ день рожденія императора Карла VI, услышалъ отъ кого-то о поэтическомъ дарованіи бывшаго ученика Гравины и предложилъ ему написать для этого праздника піесу, разумеется за хорошее вознагражденіе. Метастазіо былъ радъ взяться за этотъ трудъ, но упомянулъ о своемъ условіи съ Кастальолой: вице-король обнялъ его что все останется между вами въ тайнѣ, что могущественный адвокатъ не узнаетъ ничего.

Сады весперидъ — первое произведеніе Метастазіо въ ряду тѣхъ которыя доставили ему славу—имѣли огромный успѣхъ. Публика была въ восторгѣ и отъ сюжета кажущагося намъ теперь достаточно мелкимъ, и отъ звучныхъ гармоническихъ стиховъ этой, какъ называли ее тогда, *serenata*. Отовсюду слышались вопросы: кто былъ ея авторъ, но вице-король упорно отказывался назвать его. Въ то время общее вниманіе въ Неаполь обращено было на лѣвицу Маріанну Булгарелли, извѣстную болѣе подъ названіемъ Романины (*Romana*): это была не только превосходная артистка, но женщина съ замѣчательнымъ умомъ, образованіемъ, ввѣвавшая всѣмъ уваженіе своимъ нравственными качествами. Въ ея салонѣ любили собираться литераторы и художники, каждый просвѣщенный иностранецъ, посѣщая Неаполь, считалъ долгомъ явиться къ ней, и въ запискахъ тогдашнихъ путе-

шественниковъ мы воспринимаемъ только лестные о ней отзывы. Романина исполняла роль Венеры въ піесѣ Метастазіо и была крайне заинтересована этою піесой; таинственность, которою окружала себя авторъ, подстрекала въ высшей степени ея любопытство, и она рѣшилась, во что бы то ни стало, узнать его имя, — обращалась ко всѣмъ съ разспросами, писала въ Римъ и въ другіе города, даже не скупилась на деньги, но все тщетно, пока наконецъ одинъ изъ подкупленныхъ ею камердинеровъ вице-короля не разказалъ ей что не задолго до празднества часто являлся во дворецъ какой-то секретарь адвоката Кастальдрой. Затѣмъ уже не трудно было собрать дальнѣйшія свѣдѣнія, и имя Метастазіо огласилось по всему Неаполю. Онъ могъ быть конечно доведенъ своимъ усиліемъ, доведенъ тѣмъ что Романина пригласила его къ себѣ и осмысла его похвалами, но съ другой стороны никакъ не могло быть ему пріятно что Кастальдра тотчасъ же заперъ ему двери своего дома. Несчастный остался безъ куска хлѣба. Случилось это благодаря неумѣстному любопытству Романины, и великодушная артистка считала долгомъ запамятовать свою дилу: если Метастазіо негдѣ было приходить кочеру, то развѣ ея дочь не могъ служить ему приставищемъ? Отдѣло бы ему не переѣхать къ ней? Она жила только съ мужемъ, дѣтца независимое состояніе, дѣтей у нея не было, — молодой протѣй нисколько не обременялъ бы ее, напротивъ, онъ могъ разчитывать на самый дружескій пріемъ. Метастазіо согласился. Онъ уже съ ранняго дѣтства усвоилъ себѣ привычку жить на мужей съестъ, и не въ его натурѣ дзашвой, но слабой, въ высшей степени згопостической и дзиджендой, было протѣнисьа какому бы то ни было предложенію какъ скоро оно обезпечивало ему безмятежное существованіе.

Съ этой минуты Романина неразрывными узами связала съ нимъ свою судьбу. Романина со всѣмъ что есть въ немъ умонаглядного и со всѣми муками и страданіями, которыя втрагуть въ немъ страсть видную роль, начался для нея уже нѣсколько прздво: молодость ея была на псходѣ, голосъ началъ уже проладать, и именно въ эту пору жизни, когда обыкновенно жаждутъ спокойствія, овладѣла ею такая страсть о которой она не имѣла прежде и ловатія. Неравенство лѣтъ только усиливало это чувство. Метастазіо былъ для нея не любовникомъ только, но цоломъ, божествомъ, въ полове-

ни которому она видѣла единственное для себя счастье. Что касается до него, то онъ позволялъ боготворить себя, ему нравилось что каждое слово его служило закономъ, что на него обращены были всѣ помыслы женщины которая пользовалась общимъ уваженіемъ и симпатіями, но по натурѣ онъ не былъ пригоденъ для роли героя романа. Теперь, не будучи вынужденъ заботиться о завтрашнемъ днѣ, онъ могъ спокойно предаться своему литературному призванію; работалъ онъ съ большимъ одушевленіемъ, слава его возрастала съ каждымъ днемъ, но она достигла своего апогея лишь въ то время какъ—разумѣется вмѣстѣ съ Романиной—переселился онъ въ Римъ. Здѣсь, въ 1724 году, написалъ Метастазіо лучшее свое произведеніе *Didona Abbandonata*, которое составляетъ важный шагъ впередъ въ исторію развитія итальянской оперы. Единственный соперникъ котораго онъ могъ страшиться до тѣхъ поръ былъ Апостола Зено, придворный драматургъ императора Карла VI, но теперь всѣ считали Зено окончательно побѣжденнымъ и начиналось господство Метастазіо. Никакая изъ прежнихъ піесъ не отличалась столь изящнымъ языкомъ какъ *Дидона*, ни въ какой не было столько движенія, столько эффектныхъ сценъ, даже драматизма, хотя и чисто внѣшняго, но тѣмъ не менѣе сильно дѣйствовавшего на публику. Понятно почему лучшіе музыканты того времени пробовали свои силы на этой піесѣ. Отовсюду Метастазіо получалъ самыя выгодныя предложенія и писалъ свои произведенія съ изумительною быстротой. Жизнь его въ Римѣ текла какъ нельзя болѣе правильно: онъ работалъ, посѣщалъ общество, а Романина наблюдала за постановкой его піесъ на театрѣ Алиберти и давала уроки мальчикамъ которымъ предстояло въ этихъ піесахъ исполнять женскія роли. Такъ какъ домъ ея, несмотря на присутствіе ея мужа, находился въ полномъ распоряженіи Метастазіо, то римскіе его родственники не видѣли причины почему бы не переселиться и имъ подъ этотъ гостепріимный кровъ, и они не замедлили исполнить это благое намѣреніе: старикъ-отецъ, торговавшій макаронами, жена его, великая слетница, очень полюбившая являться въ салонѣ Романины въ передникѣ и повязанная платкомъ, двѣ сестры Метастазіо не получившія ровно никакого образованія и братъ его Леопольдъ, лѣзливый, дерзкій и раздражительный—всѣ эти почетныя личности свили себѣ постоянное гнѣздо въ домѣ

добродушной артистки. Никогда ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не обнаружала она своего неудовольствія; обязанность обуздывать безцеремонность своей семьи лежала на Метастазіо который понималъ, конечно, какое огромное разстояние отдѣляло его семью отъ Романины, но онъ не сдѣлалъ для этого ровню ничего.

Протекло еще немногое лѣтъ, и онъ могъ безо всякаго преувеличенія сказать о себѣ что затмилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Славою своею онъ очень дорожилъ, а между тѣмъ и она не вполне удовлетворяла его. Изъ писемъ его видно что онъ таготился своимъ положеніемъ, хотя и не высказывалъ прямо что имѣнно удручало его—быть-можетъ то что онъ савшкомъ тѣсно связалъ свою судьбу съ судьбой Романины, страстная привязанность которой къ нему только успивалась съ теченіемъ времени. Въ городѣ ходили слухи объ его любовныхъ приключеніяхъ, между прочимъ, объ одной исторіи угрожавшей ему весьма скандальнымъ процессомъ: онъ успѣлъ вывернуться изъ нея лишь благодаря внимательству кардинала Джентили. Какъ бы то ни было, но въ домашней обстановкѣ Метастазіо не господствовало уже прежняго мира и согласія, и онъ очевидно приискивалъ способы освободиться отъ несносныхъ для него узъ, какъ вдругъ представился для этого удобный случай. Императоръ Карлъ VI предложилъ ему, чрезъ посредство одного изъ своихъ камергеровъ, мѣсто своего придворнаго поэта, которое занималъ до тѣхъ поръ Алостоло Зено. Условія, по теперешнимъ помятіямъ, были мизерныя — всего 3.000 флориновъ въ годъ и лутевыя издержки, но Метастазіо не задумался выразить согласіе, быть-можетъ потому что ему хотѣлось поскорѣе ускользнуть изъ Рима. Романинѣ онъ объяснялъ что на первое время не можетъ взять ее съ собой, ибо ему нужно осмотрѣться на совершенно новомъ для него поприщѣ, нужно устроиться и упрочить свое положеніе, а затѣмъ ничто не помѣшаетъ конечно и ей пріѣхать въ Вѣну; до того же времени Романина приметъ на себя заботу о постановкѣ его новыхъ пьесъ, которыя онъ будетъ присылать для театра Алиберти, а въ залогъ своей неизмѣнной вѣрности онъ оставлялъ попрежнему на ея попеченіи своихъ милыхъ родственниковъ. Несчастливая женщина согласилась и даже старалась скрыть свое отчаяніе, хотя и сознавала что съ отъѣздомъ любимаго ею человѣка наступитъ такой непро-

глядный мракъ, такая лустота въ ея жизни, которую ничто не въ состояніи будетъ наполнить.

Вѣна представляла въ то время любопытное зрѣлище,— поразительную смѣсь французскаго изящества и хорошаго тона съ чисто-нѣмецкою грубостью и неотесанностью, венгланской напыщенности съ мадыарскою слесью и тиреславіемъ, восточной роскоши и выщеты съ итальянскимъ пристрастіемъ къ искусству; смѣсь раслуценности нравовъ, ханжества и поверхностнаго образованія. Знаменитыя дамы вели себя такъ что всякій публично называлъ имена ихъ обожателей; мужья ихъ старались перещеголять друга друга безумною расточительностью; іезуиты пользовались безграничнымъ господствомъ. На улицахъ можно было безпрерывно видѣть самыя странныя церемоніи,— между прочимъ женщины и мужчины, которыхъ за неуваженіе къ святымъ водили въ грубой одеждѣ и съ зажженными свѣчами въ рукахъ для церковнаго покаянія. Въ театрахъ высшее общество наслаждалось итальянскими фарсами весьма предосудительнаго свойства, а развлеченіемъ для простаго народа служили публичныя казни; избранная публика приходила въ восторгъ отъ французскихъ трагедій, а люди съ мѣже изысканнымъ вкусомъ толпами посѣщали цирки чтобы забавляться травлей медвѣдей. Такихъ поразительныхъ контрастовъ нельзя было встрѣтить ни во Франціи, ни въ Италіи,—они изумляли путешественника преимущественно лишь въ германскихъ государствахъ, а въ Австріи болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь. Карлъ VI былъ достойнымъ представителемъ своей обширной и пестрой монархіи; онъ имѣлъ неизмѣримо высокое понятіе о своемъ санѣ, но не питалъ никакого искреннаго чувства къ той или другой изъ столь несходныхъ между собою національностей находившихся подъ его скипетромъ. Онъ не былъ собственно Нѣмцемъ, еще менѣе Мадыаромъ или Итальянцемъ и если обнаруживалъ какія-либо симпатіи, то скорѣе къ Италіи, и то лишь подъ вліяніемъ своихъ артистическихъ склонностей. Онъ страстно любилъ музыку, самъ былъ композиторомъ, хотя и плохимъ, и принималъ дѣятельное участіе въ придворныхъ концертахъ. Члены его августѣйшаго семейства и близкіе къ нему люди должны были поддѣлываться подъ его вкусы. Марія-Терезія, въ ранней своей юности, участвовала по его приказанію въ маленькихъ операхъ, нарочно написанныхъ для

дѣтей ея возраста, а позавѣ, когда она была уже вѣдгерцо-
гиней Тосканской, онъ заставлялъ ее пѣть дуэты съ изящ-
нымъ теноромъ Сесезино; онъ самъ акомпанировалъ Фар-
нелли и даже, считая себя великимъ знатокомъ, руководилъ
своими софитами этого знаменитаго пѣвца; несмотря на край-
нее расстройство своихъ финансовъ онъ устраивалъ для люб-
лики музыкальныя представленія въ огромныхъ размѣрахъ,
съ превосходными декораціями, съ морскими сраженіями на
обширныхъ прудахъ въ саду Фавориты и тому подобны-
ми затѣями. Придворный его поэтъ Апостола Зево пользо-
вался не только его расположеніемъ, но даже дружбой, и им-
ператоръ только по необходимости, въ виду его преклонныхъ
лѣтъ, рѣшился разотаться съ нимъ.

Метастазіо разсказываетъ въ письмѣ къ Романниѣ что на-
конецъ еще не былъ онъ такъ взволнованъ и смущенъ какъ
при первомъ своемъ представленіи императору. Аудіенція
происходила въ Люксембургскомъ дворцѣ. Два камергера
ввели его въ обширный кабинетъ, гдѣ опершись рукой на
столъ стоялъ Карлъ VI. Онъ улялъ на колѣни. „Встаньте,
встаньте“, послышался ласковый голосъ. Дрожащимъ голо-
сомъ началъ онъ приготовленную рѣчь: „Не знаю что
болѣе волнуетъ меня,—чувство радости или смущенія въ эту
минуту, когда я нахожусь у ногъ вашего царскаго величе-
ства. Съ ранней молодости мечтаю я объ этомъ участіи, и
вотъ нынѣ не только нахожусь предъ очами величайшаго
изъ монарховъ, но даже призванъ служить ему. Создаю всю
важность возложенныхъ на меня обязанностей, и еслибы воз-
можно было мнѣ улгодобиться Гомеру цѣлой нѣсколькихъ
лѣтъ жизни, то не остановился бы и предъ этимъ. Употребляю
всѣ свои старанія, могу ручаться что не будетъ границъ мо-
ему рвенію и надѣюсь заслужить милостивое довѣріе вашего
величества.“ Карлъ VI отвѣчалъ нѣсколькими любезными
словами и даже подалъ поэту руку. „Я впечаталъ на ней
такой звучный поцѣлуй, говоритъ Метастазіо, что, полагаю,
монархъ не усомнился въ глубокой искренности моихъ
чувствъ.“

Начался новый періодъ въ жизни Метастазіо, пробудились
въ немъ такія ожиданія и надежды которыя были ему со-
вершенно чужды до того времени. Если Зево, человекъ
простой, скромный, чудакъ, вѣчно занятый только своими
драмами, пользовался видимымъ положеніемъ при дворѣ, то

на что же могъ разчитывать *Метагастазіо* со своимъ остроуміемъ, со своимъ вкрадчивыми манерами, со своимъ знаніемъ людей? Блестящіе успѣхи его въ *Италіи* не служили ли ручательствомъ что счастье улыбнется ему и на новомъ поприщѣ? Первые шаги его обѣщали очень много. *Метагастазіо* нашелъ доступъ въ домъ графини *Маріанны Альтанъ*, мужъ которой до самой своей смерти занималъ должность неаполитанскаго вице-короля,—и эта женщина, одна изъ наиболее блестящихъ представительницъ австрійской аристократіи, расположенія которой тщетно добивался самъ *Карлъ VI*, сдѣлалась его другомъ, любовницей,—мало того, сдѣлалась его рабою! Насколько не щада своей репутаціи, она употребляла все вліяніе свое для того чтобы проложить ему дорогу къ почестямъ. *Метагастазіо* блаженствовалъ, еслибы только не одно черное пятно на горизонтѣ, еслибы не неотвязная мысль о *Романинѣ*: что если она узнаетъ объ его связи съ графиней *Альтанъ*? Что если она явится въ *Вѣну*? Мысль эта приводила его въ содроганіе. Какой ужасъ,—*Романина* въ *Вѣнѣ* и, быть-можетъ, въ сопровожденіи всѣхъ его родственниковъ. По прежнему будетъ она преслѣдовать его своею неотвязною любовью, захочетъ чтобъ онъ принадлежалъ исключительно ей, начнутся сцены ревности... И какъ слѣдовало ожидать, случилось именно то чего опасался *Метагастазіо*. *Романина*, узнавъ вѣроятно объ его измѣнѣ, писала ему что она ѣдетъ на свиданіе съ нимъ, въ надеждѣ что быть-можетъ и она будетъ приглашена на императорскую сцену: въ письмѣ не содержалось впрочемъ ни малѣйшей жалобы, ни малѣйшаго упрека, оно дышало прежнею задумчивостью и самымъ вѣрнымъ чувствомъ...

Что же случилось затѣмъ? Отвѣтъ на это мы находимъ въ краткихъ замѣткахъ *Лессинга* о современныхъ ему писателяхъ. Вотъ одна изъ этихъ замѣтокъ: „*Метагастазіо*, въ юности называвшійся *Траласси*. Говорятъ что въ піесѣ его *Didone Abbandonata* изображена исторія его самого и знаменитой лѣвицы *Романины*. Она влюбилась въ него, и когда *Метагастазіо* былъ приглашенъ въ *Вѣну*, хотѣла послѣдовать за нимъ. Но онъ опасался что она помѣшаетъ его успѣхамъ, повредитъ его репутаціи и выхлопоталъ у двора приказаніе воспретить ей вѣздъ въ императорскія владѣнія. На самой границѣ узнала она объ этомъ, пришла въ отчаяніе и нанесла себѣ рану въ грудь перочиннымъ ножомъ. Хотя рана была и несмертельна, но *Романина* не хотѣла лѣчиться и

вскорѣ послѣ того умерла отъ горя.“ Здѣсь не вѣрно только одно, а именно *Didone Abbandonata* была написана гораздо прежде катастрофы съ Романиной, да и отчасти предположить чтобы Метастазіо рѣшился прибѣгнуть къ какому бы то ни было намеку на печальную исторію, въ которой принадлежала ему столь непривлекательная роль.

Странное дѣло, хотя онъ и тяготился привязанностью Романины, но умирая эта женщина какъ бы умесла съ собой все что могло служить для него приманкой въ жизни. Онъ почувствовалъ вокругъ себя пустоту, которую никогда и ничѣмъ не въ состояніи былъ наполнить. Судя по вѣщности, ему не на что было жаловаться: графиня Альтанъ оставалась ему вѣрна, — по слухамъ она даже вышла за него замужъ; императоръ былъ очень къ нему внимателенъ; эрцгерцогиня Марія-Терезія брала у него уроки, заставляла его садиться въ своемъ присутствіи и надѣялась его подарками. Ко времени пребыванія его въ Вѣнѣ относятся нѣсколько лучшихъ его произведеній, какъ напримѣръ *Clemenza di Tito*, имѣвшихъ огромный успѣхъ на разныхъ европейскихъ сценахъ. Все, повидимому, шло прекрасно, но Метастазіо былъ недоволенъ. Во первыхъ, пришлось ему совершенно отказаться отъ честолюбивыхъ своихъ плановъ, ибо императоръ никогда не удостоивалъ его такого расположенія какимъ пользовался Земо; онъ приблизилъ этого старика къ себѣ, потому что былъ увѣренъ въ его простотѣ и искренности, а Метастазіо онъ не довѣрялъ, и при всей своей благосклонности къ нему держалъ его на благородномъ разстояніи. Затѣмъ, хотя отовсюду изъ Италіи доходили до Метастазіо восторженные о немъ отзывы, хотя имя его сдѣлалось тамъ самымъ громкимъ и популярнымъ, онъ менѣе всего ощущалъ эту славу въ Вѣнѣ. Какая глубокая разниа между малыщенною, чолорною австрійскою званію наложившею императорскій театръ, гдѣ были строго запрещены аллюдисменты, и разношерстною, безцеремонною лубякой Teatro Aliberti, способнаго увлекаться до ольванія, до неистовства всѣмъ изящнымъ! Драмы Метастазіо появлялись въ переводахъ на французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ и даже новогреческомъ языкахъ; Вольтеръ отзывался о нихъ съ высшими похвалами въ предисловіи къ своей *Семирамидѣ*; Руссо дѣлалъ ихъ очень высоко; Метастазіо былъ членомъ всевозможныхъ академій; въ честь его были выбиваемы медали, —

кажется чего бы недоставало еще для его благополучія? Не удивительно что всѣ считали его благомъ фавориты, но не таково было мнѣніе немногихъ, особенно бавашихъ къ нему лицъ. „Въ сущности это очень несчастный человѣкъ“, говорилъ одинъ изъ нихъ, графъ Камале. Несчастливъ онъ былъ по многимъ причинамъ: воиервыхъ, потому что, какъ замѣтили мы сейчасъ, въ Вѣнѣ, куда занесла его судьба, онъ не чувствовалъ подъ собой твердой почвы; съ теченіемъ времени положеніе его тамъ значительно ухудшилось; по смерти Карла VI, настали для Австріи тяжкія времена и вниманіе какъ правительства, такъ и высшихъ классовъ общества было слишкомъ поглощено войнами чтобы интересоваться искусствомъ; несчастливъ былъ Метастазіо въ своихъ личныхъ привязанностяхъ, ибо вскорѣ за Романиной сошла въ могилу графиня Альтави, и онъ остался совершенно одинокимъ. Но главный источникъ несчастія заключался въ немъ самомъ, въ его характерѣ. Человѣкъ любившій выставлять въ своихъ драмахъ героевъ классической древности—Фемистокла, Регула, Катона, влагавшій въ ихъ уста рѣчи проникнутыя самыми возвышенными чувствами, отличался самъ полнымъ индифферентизмомъ. Онъ ничего не принималъ къ сердцу ни въ политическомъ, ни въ религіозномъ движеніи своего времени. Вторая половина XVIII вѣка ознаменована была стремленіями къ реформамъ, широкимъ распространеніемъ философскихъ идей, но ни то, ни другое нисколько не затронуло его. А между тѣмъ Метастазіо дожившій почти до французской революціи (онъ умеръ въ 1782 году) вполне понималъ что приближается страшная катастрофа, онъ предвидѣлъ что старый порядокъ вещей разрушается, но не скорбѣлъ о немъ и не возлагалъ никакихъ надеждъ на то что должно было замѣнить его. Равнодушіе его ко всему было таково что онъ не пытался даже покинуть Вѣну и возвратиться на родину: одинокій, совершенно отстранившійся отъ общества, проживалъ онъ послѣдніе свои годы въ чуждомъ и даже ненавистномъ ему городѣ. Остался у него только одинъ другъ, да и тотъ не находился около него: то былъ знаменитый пѣвецъ Фаринелли, о которомъ намъ приходилось уже упоминать неоднократно. Какъ-то въ добрую минуту Карлъ VI назначилъ Метастазіо интендантомъ Козенцы въ своихъ Неаполитанскихъ владѣніяхъ, то-есть далъ ему должность которая не требовала его присутствія, а между тѣмъ привнесла ему

порядочный доходъ. Но когда дона-Карлосъ, сынъ Филиппа V, овладѣлъ Неаполемъ, то всѣ австрійскіе чиновники были, разумеется, лишены своихъ мѣстъ и Метастазіо остался безъ ничего. По заключеніи мира между Австріей и Испаніей, онъ рѣшился хлопотать о вознагражденіи, а къ кому же было лучше обратиться для этого какъ не къ Фаринелли, который въ это время еще пользовался расположеніемъ испанскаго короля? Знаменитый пѣвецъ отвѣчалъ очень пріятнымъ письмомъ: онъ обѣщалъ употребить все свое вліяніе и повсюду было видно что это была не пустая фраза съ его стороны; онъ не принадлежалъ къ числу такихъ эгоистовъ какъ придворный поэтъ императрицы Маріи-Терезіи. Метастазіо былъ въ восторгѣ и сочинилъ въ честь своего друга серенаду: *esso il fiero instante*, которая, по словамъ нашего автора, можетъ считаться лучшимъ изъ его произведеній, имѣетъ гораздо болѣе цѣны чѣмъ всѣ его драмы вмѣстѣ. Она исполнена глубокаго, совершенно непривычнаго ему чувства. Впрочемъ самъ авторъ послѣдшилъ оговориться на этотъ счетъ. „Быть-можетъ вы найдете мою піесу слишкомъ сентиментальною и вѣжкою, писалъ онъ Фаринелли; не подумайте что теперь въ мои годы я влюбленъ; вамъ хорошо извѣстно бывали я когда-нибудь способенъ на такую глупость.“ Вообще возобновленіе добрыхъ сношеній съ Фаринелли нѣсколько оживило поэта; оно напоминало ему о давно микувшей старинѣ; ему было пріятно что благодаря этому даже общественное его положеніе улучшилось, ибо всѣмъ было извѣстно какую роль играетъ Фаринелли въ Мадридѣ. Безпрерывно приходилось Метастазіо слышать отъ того или другаго австрійскаго магната: „сильборъ аббатъ, когда будете писать въ Мадридъ, не забудьте засвидѣтельствовать мое почтеніе великому артисту“; князь Эстергази просилъ рекомендательнаго къ нему письма; кардиналъ Мигацци искалъ у него, чрезъ посредство Метастазіо, покровительства для своего брата, и даже знаменитый Кауницъ удостоилъ однажды выразить надежду что Фаринелли не совсѣмъ забылъ о немъ....

Но довольно о Метастазіо, который такъ много заставлялъ вѣжкогда говорить о себѣ и имя котораго предано нынѣ такому безплощадному забвенію. Смерть его произвела сильное впечатлѣніе, хотя справедливо можно было сказать о немъ что онъ пережилъ самого себя. Наступили другія времена; и въ литературѣ и въ искусствѣ господствовало уже другое

направленіе, а оны всецѣло принадлежалъ XVIII вѣку, тому періоду въ исторіи италійской культуры когда послѣ долгаго зстоя она опять выступила на путь самостоятельнаго развитія. Опера долго была не болѣе какъ концертъ въ костюмахъ и лѣвила лубяку главнымъ образомъ блестящею внѣшнею обстановкой—декораціями, сценическими превращеніями и т. п.; *Метастазіо* болѣе чѣмъ кто-нибудь изъ его предшественниковъ старался дать ей серьезное внутреннее содержаніе; его драмы, предвзначеныя исключительно для музыки, были чѣмъ-то совершенно новымъ, необыкновенно привлекательнымъ, и хотя теперь оны уже не интересуютъ насъ, тѣмъ не менѣе авторъ ихъ оказалъ огромную услугу.

II

Въ сороковыхъ годахъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ издалъ *Путешествіе по Италіи*, на заглавномъ листѣ коего называлъ себя „членомъ Аркадской академіи“. Что такое Аркадская академія? Продолжаетъ ли она свое существованіе и теперь? Кажется что такъ, но г. Верновъ Ли говорить что ему стоило большихъ трудовъ собрать о ней какія-нибудь свѣдѣнія въ Римѣ. Всѣ, къ кому оны ни обращался, отвѣчали ему недоумѣвающимъ взоромъ. Ни въ одномъ руководствѣ по Риму не было обозначено гдѣ находится принадлежащая ей вила *Vosco Ragasio*: лишь послѣ долгихъ поисковъ, и то совершенно случайно, забрелъ оны на эту вилау недалеко отъ церкви *S. Pietro Montorio*, съ лалерти коей открывается изумительная панорама вѣчнаго города.

А между тѣмъ, говоря объ Италіи XVIII вѣка, нельзя не упомянуть о такомъ странномъ и, съ нашей точки зрѣнія, даже неслѣпномъ и забавномъ учрежденіи какъ Аркадская академія. Литература этой страны имѣла, въ періодъ времени отъ 1680 до 1790 года, много достойныхъ представителей—*Фликайо*, *Вико*, *Метастазіо*, *Гольдови*, *Парини*, *Гоцци*, *Монти*, *Альфieri*, изъ которыхъ каждый пользовался заслуженною извѣстностью. Италія въ буквальномъ смыслѣ слова кишела писателями и писательницами. Кто только ни занимался литературой,—особенно же кто только ни упражнялся въ стихотворствѣ! Сопеты, оды, ваегіи, даже лэмы появлялись лудами; особеннаго вдохновенія не требовалось, достаточно было самаго обыкновеннаго событія въ общественной жизни

чтобы поэты тотчас же брались за перо,—отсюда безчисленное количество, цѣлыя мѣры *sanzioni per nozze, per gentili dama, per monacazione, per elevazione alla sacra porpora* и т. п. Не было ничего удивительнаго что иной авторъ издавал свои *oeuvres complètes* въ восьми, десяти, даже въ пятнадцати томахъ, и все это возбуждало интересъ, ко всему этому въ извѣстныхъ многочисленныхъ кружкахъ относились какъ нельзя болѣе серьезно! И не удивительно. Политическая и общественная жизнь была бѣдна содержаніемъ, а между тѣмъ возникало мало-по-малу умственное движеніе, оно охватывало обширные слои публики, вслѣдствіе чего то было время неутомимой литературной дѣятельности, лишенной однако серьезныхъ идеаловъ и проявлявшейся лустаками. Съ конца XVII вѣка замѣчаемъ мы, между прочимъ, въ Италіи любопытное зрѣлище: въ каждомъ значительномъ городѣ мѣстные литераторы непрестанно учреждаютъ академію, иногда по нѣскольку заразъ и подъ самыми необычайными названіями: академія преобразенныхъ (*transformati*) въ Миланѣ, замороженныхъ (*gelidi*) въ Болоньѣ, флагматиковъ въ Сиенѣ и т. д. Въ Римѣ кружокъ литераторовъ собрался однажды подъ открытымъ небомъ, въ Prati di Castello, за крѣпостью Св. Ангела; эта мѣстность со всею ея обстановкой оказалась столь привлекательною что кто-то изъ присутствовавшихъ воскликнулъ: «теперь для насъ какъ будто воскресла Аркадія!» Слова его были подхвачены и тутъ же состоялось рѣшеніе учредить въ Римѣ академію подъ названіемъ Аркадской. Сочиненъ былъ уставъ, по которому задача академіи должна была заключаться не болѣе ни менѣе какъ въ слѣдующемъ: всеми силами заботиться о томъ чтобы возвратить общество къ простотѣ и величности золотого вѣка, обличать пороки и нечестіе; готовить въ своей средѣ Гомеровъ на случай если какіе-нибудь герои, государственные люди и полководцы будутъ нуждаться въ возвеличеніи своихъ подвиговъ; поставить вообще литературу на ту высоту на которой стояла она въ вѣка императора Августа и папы Льва X. Что могло быть скромнѣе этого? Члены почтенной академіи считались аркадскими ластушками и были обязаны выбрать себѣ имена причествовавшихъ ихъ роли. Президентъ ихъ носилъ титулъ *custode generale d'Arcadia*. Не легко было условиться относительно выбора лица предназначеннаго занимать эту должность, каждому хотѣлось занять мѣсто во главѣ корпораціи

имѣвшей въ виду пересоздать если не весь міръ, то по крайней мѣрѣ Италію, и долгое время происходила упорная борьба между аббатомъ Граваной и аббатомъ Кресчимбени. Первый изъ нихъ, тотъ самый который усмыслилъ *Метастазіо*, пользовался репутациею очень ученаго юриста, а соперникъ его былъ извѣстенъ чуть ли не каждому мальчишкѣ въ Римѣ, благодаря своему невфронтанскъ размѣровъ носу. Ничего подобнаго кажется еще не происводила природа. Болонскій живописецъ *Занетти* писалъ изъ Рима своей женѣ: „Увѣряю тебя что носъ президента Аркадокой академіи поразилъ меня несравненно болѣе чѣмъ обелискъ на piazza del popolo. Что за носъ? Можно было бы сдѣлать изъ него статую и поставить ее въ Капитолиі. Ни куполъ Св. Петра, ни Колизей не могутъ идти въ сравненіе съ нимъ. Я считаю себя счастливымъ что мнѣ удалось совершить на своемъ носу подобнае чудо.“ Кресчимбени (въ Римѣ онъ былъ болѣе извѣстенъ подъ прозвищемъ *Nasica*) писалъ очень много, писалъ о чемъ угодно и писаніями своими составилъ себѣ репутацию немалосимого окупнаго педагога. Никого не удивило однако что онъ одержалъ верхъ надъ аббатомъ Граваной.

Мы не имѣемъ конечно излагать здѣсь повторію Аркадокой академіи, да и между самими Италианцами не нашлось кажется до сихъ поръ никого кто покусился бы на подобный трудъ. Въ нынѣшнее время никто не интересуется ея подвижками, и г. Вернени Ли стоило много труда собрать изъ мелкихъ извѣстіи давно забытыя ея изданія. А между тѣмъ въ XVIII вѣкѣ не было въ Италіи учрежденія болѣе популярнаго. Не было не только литератора, но вообще человека принадлежавшаго къ порядочному обществу который не считалъ бы непрѣмленнымъ долгомъ записаться въ ея ряды. Принцы, сенаторы, кардиналы, свѣтокія и духовныя лица украшали себя званіемъ Аркаданъ, въ каждомъ городѣ находилось отдѣленіе этой академіи, она какъ съть раскинулась по всей странѣ. Если теперь относятся къ ней съ насмѣшкой, то сама она имѣла чрезвычайно высокое о себѣ мнѣніе, да и могло ли быть иначе, когда отъ времени до времени появлялись между ея членами такіе которыхъ она считала достойными всемірной и безсмертной славы? Двое изъ нихъ удостоивались даже такой почести которая послѣ Тааса не выпадала на долю ни одного поэта, а именно были торжественно увѣнчаны въ Капитолиі. Первымъ изъ этихъ сча-

ставивъ былъ импровизаторъ Перфетти, имя коего тиретно стали бы и ны искать въ томъ или другомъ словарѣ. Подъѣвъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, лавреый вѣнецъ получила женщина, Марія Магдалина Морелли, принимавшая при вступленіи своемъ въ Аркадокую академию имя Жорилла, многіе называли ее даже не иначе какъ *Costilla Olimpica*. То была поэтесса, приводившая въ восторгъ римское общество своими произведеніями; даже лата Климентъ XIV, человекъ въскольکو суровый, такъ высоко цѣнилъ ея талантъ что въ знакъ особаго своего расположенія дозволялъ ей получать безъ цензуры всякія иностранная книги. Аркадокая академія со своимъ *custode generale* (должность эту занималъ тогда нѣкій аббатъ Пидди) хлопотала изво всѣхъ силъ чтобы дозволено было увѣнчать Жориллу въ Калитоніи и наконецъ достигла своей цѣли. Мы имѣемъ подробное описаніе этой церемоніи, которой старались придать какъ можно болѣе блеску, но которая, не по вѣщъ конечно завѣдывавшихъ ею лицъ, имѣла отчасти шутовскій характеръ. Дѣло въ томъ что времена смѣнились; мы уже упоминали сейчасъ что аллегоріа Жориллы относится къ концу XVIII вѣка, когда новая идея, новыя требованія распространялись въ итальянскомъ обществѣ и когда людъ вліяемъ изъ Аркадская академія начала подвергаться безпощадному бичеванію. Особенно сильно доставалось ей отъ тогдашняго критика Джузелле Баретта, человека очень остроумнаго и очень оригинальнаго, который много путешествовалъ по Европѣ, много читалъ и видѣлъ, но наряду съ правыми мыслями прибѣгалъ часто къ невозможнымъ парадоксамъ. Въ своемъ журналѣ *Frusta Letteraria* (Литературный Хламъ) онъ извѣщалъ истоки самыя ядовитыя насмѣшки надъ несчастнымъ обществомъ Аркадскихъ Пастушковъ, выставалъ въ каррикатурномъ видѣ всѣхъ представителей этого ареопана не исключая и Жориллы, называлъ ихъ не иначе какъ цѣпками и бездарными ледантами, доказывалъ что существованіе академіи не имѣетъ никакого смысла,—ибо что она поставила себѣ задачей? Возвратить общество къ пастушескому образу жизни, но развѣ первобытное состояніе совмѣстно съ цивилизаціей? Совершенно несомнѣнно: въ доказательство этого Баретта напечаталъ даже цѣлый трактатъ о Монголахъ. Словомъ, Аркадская академія становилась посмѣшищемъ, публика видимо принимала сторону издателя *Frusta Litteraria*, и въ это-то

время Коррала вступила въ Калитолой; тамъ произносились ей панегирики и въ стихахъ и въ прозѣ, а Римъ по этому самому поводу былъ наводненъ сатирами не совсѣмъ различнаго содержанія. Это послѣднее обстоятельство было вѣроятно неслучайно гдѣ де-Сталь рѣшившейся въ своемъ романѣ *Коринна* выставить героиню отжившей Аркадской академіи въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ, какъ будто *Corilla Olimpica* дѣйствительно олицетворяла собой гевій италійской націи.

Несмотря на свои смѣшныя стороны Аркадская академія оказала значительную услугу. Если въ Италіи не существовало политическаго единства, то благодаря ей установилось по крайней мѣрѣ единство интересовъ литературныхъ; произошло это потому что, какъ замѣчено нами выше, всюду считывала она своихъ членовъ не десятками, а сотнями; такимъ образомъ нанесенъ былъ ударъ мѣстной исключительности со всеми ея предрассудками и мелкимъ солерничествомъ. Возникло также сближеніе между различными классами общества; человѣкъ самаго незнатнаго происхожденія, если только имя его находилось въ спискахъ академіи, могъ рассчитывать на радушный пріемъ въ аристократическихъ салонахъ Рима, Неаполя и Флоренціи. Не извѣстно, удалось ли бы Парини, сыну простаго крестьянина, прославившемуся поэмой *Il Giorno*, развить свой талантъ еслибъ очень рано не встрѣтилъ онъ поддержки со стороны своихъ соотечественниковъ на академіи, со стороны такихъ лицъ какъ графъ Верри, Беккарія и графиня Кастильоне.

Мы упоминали объ Аркадской академіи какъ о куріозѣ, но не въ ней конечно нужно искать смыслъ и значеніе литературнаго движенія Италіи въ XVIII вѣкѣ. Оно имѣло несравненно болѣе серьезный и, главное, вполне самостоятельный характеръ. Во второй половинѣ означеннаго вѣка господствовало повсюду французское вліяніе, не могло оно конечно не проникнуть и въ Италію, но было тамъ далеко не такъ сильно какъ въ другихъ европейскихъ странахъ. Италіяне охотно читали Вольтера, Руссо и энциклопедистовъ, но не приходили ни въ особенный восторгъ, ни въ неистовый ужасъ отъ ихъ ученій; они умѣли цѣнить ихъ достоинства, но вообще держались того мнѣнія что, какъ выражался Парини, французскихъ философовъ „и не въ мѣру превозносилъ, и не въ мѣру порицалъ“. Отвлечен-

ныя теоріи въ примѣненіи къ общественнымъ дѣламъ, остроумныя и блестящія парадоксы не сводили ихъ съ ума. Точно также и холодная, безцвѣтная псевдоклассическая драма съ ея риторствомъ не слободна была увлекать ихъ, и въ то время какъ вся Европа считала *Меропу* или *Магомета* высоко художественными произведеніями, итальянцы имѣвшіе гораздо болѣе вѣрное понятіе о художественности относились къ нимъ равнодушно. Мы видѣли что въ музыкѣ они шли своимъ путемъ, не прибѣгая къ заимствованіямъ, а наряду съ музыкой и драматическое ихъ искусство въ XVIII вѣкѣ носило оригинальный характеръ.

Главнымъ представителемъ его былъ Карло Гольдони. До того времени какъ выступилъ онъ съ цѣлымъ рядомъ своихъ талантливыхъ произведеній господствовала въ Италіи такъ называемая комедія масокъ или *commedia dell'arte*. Начиная ея слѣдуетъ искать въ отдаленной древности, она вела свое происхожденіе отъ римскихъ ателланъ которыя были заимствованы Римлянами отъ Осковъ. Мы не имѣемъ возможности слѣдить здѣсь за ея судьбами, за тѣмъ какъ въ различныя эпохи она будто совсѣмъ исчезала, а потомъ—убѣдительно доказательство до чего была она въ характерѣ и понятіяхъ итаальянской націи—снова обнаруживала свою живучесть. Въ Средніе Вѣка слышно о ней очень мало, но въ періодъ Возрожденія она процвѣтаетъ въ Италіи долѣе чѣмъ когда-нибудь, хотя тогдашніе гуманисты услаждавшіе себя Плавтомъ и Теренціемъ относились къ ней съ высокоумнымъ презрѣніемъ, полагали что она достойна занимать лишь чернь и не подозрѣвали ея связи съ классическою древностью. Когда папы, валуганные Реформаціей, вмѣсто того чтобы покровительствовать наукѣ и искусству, начали преслѣдовать ихъ, когда инквизиція зорко слѣдила за умственнымъ движеніемъ, когда на Италію обрушился цѣлый рядъ бѣдствій, *commedia dell'arte* осталась единственнымъ не только развлеченіемъ, но чуть ли не утѣшеніемъ для народа. Любопытны слова актера и поэта Авджело Рудцанте особенно много содѣйствовавшаго ея успѣху: „Миръ уже не тотъ какимъ онъ былъ прежде; повсюду голодъ и убійства; въ поляхъ не слышно ни одного веселаго звука; молодежь разучилась любить и не помышляетъ о брачныхъ узакъ; даже соловьи поютъ кажется не такъ какъ въ бывшее время; счастливы мертвецы наслаждающіеся вѣчнымъ покоемъ. Если намъ

запрещено громко жаловаться, то будемъ же по крайней мѣрѣ громко смѣяться въ нашемъ безвыходномъ горѣ.....“

Комедія масокъ была вполнѣ народнымъ явленіемъ: неудивительно поэтому, что въ ней преобладаютъ мѣстные диалекты. Этому способствовало конечно и то обстоятельство, что въ XVI вѣкѣ, при господствѣ чужеземцевъ, при крайней разрозненности интересовъ, итальянская литература какъ бы утрачиваетъ общій національный характеръ и становится все болѣе и болѣе провинціальною. Въ Неаполѣ, Венеціи, Миланѣ народная комедія усваиваетъ себѣ нарѣчія этихъ областей. У нея есть свои опредѣляемые типы (или маски, отсюда названіе „Комедія Масокъ“) никогда не измѣняющіеся, вѣчно одни и тѣ же, которыхъ при первомъ появленіи ихъ на сценѣ тотчасъ же можно узнать по ихъ костюму. Но и эти типы отличаются исключительно мѣстнымъ характеромъ, неразрывно связаны съ тѣмъ или другимъ городомъ. Главнѣйшіе изъ нихъ: Панталоне—непремѣнно Венеціанецъ, старикъ, въ красныхъ чулкахъ, въ черномъ платьѣ, въ шляпѣ съ широкими полями; Бригелла и Арлекинъ—первый изъ нихъ талъ лицемѣра и вмѣстѣ съ тѣмъ лаута, второй—прожора и ловчидому простефила, но въ сущности хитрецъ, оба Бергамцы; Бригелла въ мелодлопсанной рубашкѣ съ бѣлымъ холстянымъ колакомъ на головѣ, Арлекинъ въ узкихъ штанахъ и въ узкомъ же разноцвѣтномъ полосатомъ камзолѣ; наряду съ ними докторъ, *il dottore*, талъ ученаго Болонца, крикунъ и ледавь. Къ этимъ четыремъ главнѣйшимъ маскамъ—порожденіямъ сѣверной Италіи—присоединяются еще нѣсколько неаполитанскихъ буффовъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ Pispinella со своимъ огромнымъ носомъ и двойнымъ горбомъ. Все это чисто народные типы, но есть наряду съ ними одинъ очевидно отлѣченный чужеземнымъ клеймомъ, получившій право гражданства, потому что Итальянцы слишкомъ долго испытывали на себѣ всю тягость испанскаго владычества: мы говоримъ о неизбежномъ „калитанѣ“,—калитанѣ Фракассѣ или Матаморѣ, страшной смѣси Довъ-Жуана, Пизарро и довь-Кихота, съ необходимовою воипственными замашками, но въ сущности голодомъ пройдохѣ, трусѣ и хвастунѣ, вполнѣ достойномъ виднаго мѣста въ шутовской комедіи.

Типы были сами по себѣ какъ нельзя болѣе опредѣленны, а къ тому же они были олицетворяемы по большей части

одними и тѣми же актерами. Если, напримеръ, актеръ выступалъ въ роли Арлекина и имѣлъ успѣхъ, то онъ уже и оставался Арлекиномъ до тѣхъ поръ пока не покидалъ сцены. Ему и не приходило въ голову изображать Панталоне или каштана. Вслѣдствіе того актеръ совершенно входилъ въ плоть и кровь изображаемаго имъ лица, переставалъ, такъ сказать, быть актеромъ, до мелочей усваивалъ себѣ языкъ, понятія, привычки, свойственныя тѣлу съ которымъ всецѣло сроднился онъ, и только мало-по-малу прибавлялъ новыя черты дѣлавшія этотъ тѣлъ еще рельефнѣе. Роль автора была при этомъ крайне облегчена: ему не приходилось писать піесу такъ какъ ее пишутъ теперь,—онъ лишь въ общихъ чертахъ излагалъ сюжетъ, обозначалъ немвогими словами важнѣйшія сцены, а затѣмъ все остальное предоставлялось самимъ актерамъ. Нечего было указывать Арлекину, Бригеллѣ какъ имъ дѣйствовать и что имъ нужно говорить въ извѣстномъ положеніи. Увлеченные своею фантазіей они дѣлали не рѣдко изъ піесы совершенно не то что имѣлъ въ виду авторъ и нельзя было сѣтовать на нихъ за это, ибо главнѣйшая доля творчества все-таки принадлежала имъ. Репертуаръ комедіи масокъ былъ до крайности разнообразенъ, а между тѣмъ мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія объ этомъ репертуарѣ въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Писанныхъ піесъ почти не существовало. Правда, въ 1610 году актеръ Фламминіо Скала издалъ сборникъ въ-которыхъ изъ нихъ, но это не болѣе какъ очерки, канва, по которой можно судить объ общемъ ходѣ интриги.

Извѣстно что комедія масокъ или *Commedia dell'arte* изъ Италіи была перевезена въ другія европейскія государства и имѣла тамъ огромный успѣхъ. Она очень скоро привилась въ Германію, Англію, особенно же во Францію, гдѣ приводила публику въ восторгъ двѣ труппы,—сначала *Gelosi*, а потомъ *Fedeli*. Въ одномъ и томъ же зданіи, въ *Hôtel du Petit Bourbon*, давали представленія попеременно Итальянды и труппа Мольера; великій французскій драматургъ много заимствовалъ изъ *Commedia dell'arte*; по словамъ одного изъ теперешнихъ изсѣдователей, г. Молана *, во всякой піесѣ Мольера отличающейся сколько-нибудь сложною интригой непременно обнаруживается итальянское вліяніе. Многие по-

* Moland, *Molière et la comédie italienne*.

лагають впрочемъ что XVII вѣкъ былъ уже временемъ упадка для комедіи масокъ, но г. Верновъ Ли держится совершенно противнаго мнѣнія. Онъ убѣжденъ что она еще долго находилась въ періодѣ блестящаго процвѣтанія, что господство ея продолжалось до тѣхъ поръ пока наконецъ Гольдони—не то чтобы нанесъ ей ударъ, этого нельзя сказать—а преобразовалъ ее и прискалъ для нея новую форму.

Человѣкъ несколько замѣчательный ни по своему характеру, ни по своимъ умственнымъ способностямъ, но надѣленный необычайною изобрѣтательностью и умѣньемъ подмѣчать комическія стороны жизни—вотъ каковъ, по выраженію г. Вернова Ли, былъ Гольдони. Онъ оставилъ свою автобіографію, изъ которой видно что съ раннихъ поръ сама жизнь какъ бы натакивала его на то полприще на которое онъ выступилъ,—такъ много было въ ней странныхъ и комическихъ приключеній. Отецъ его и мать, люди бѣдные, желали дать ему приличное образованіе, но это рѣшительно не удавалось имъ. Мальчикъ бѣжалъ изъ Рима, гдѣ его помѣстили въ школу съ какою-то странствующею труппой актеровъ, и вѣскольکو мѣсяцевъ не было о немъ ни слуху, ни духу. Судьба привела его однако въ городокъ гдѣ проживали его родители; ему захотѣлось увидать мать и первый любовникъ труппы предложилъ ему приготовить ее къ этому свиданію.— „Сивѣйора, говоритъ онъ гжѣ Гольдони,—я привезъ вамъ извѣстія о вашемъ сынѣ!“— „О моемъ сынѣ? О, Боже, живъ ли, здоровъ ли онъ?“— „Ему нечего было бы жаловаться на здоровье еслибы не терзало его расказаніе что онъ причинилъ вамъ горе!“— „Но гдѣ же онъ, суждено ли мнѣ его видѣть?“— „Я могъ бы тотчасъ же привести его къ вамъ еслибы только былъ увѣренъ что вы простите его.“— „Какъ не простить, хотя мнѣ было бы очень, очень прискорбно что онъ покинулъ свои учебныя занятія, впрочемъ быть можетъ онъ опять примется за нихъ“...— „Слѣдовательно, вы были бы рады его видѣть?“— „Еще бы!“— „Въ такомъ случаѣ вотъ онъ.“— Первый любовникъ отворяетъ дверь сосѣдней комнаты и мальчуганъ бросается въ объятія своей матери. Развѣ эта не одна изъ тѣхъ сценъ которыхъ можно сколько угодно найти въ комедіяхъ Гольдони? Юнаго актера снова засадили за ученье, снова послали его въ школу, на этотъ разъ уже въ городъ Павію, но по собственному его сознанию онъ и тамъ очень мало изощрялъ свой умъ на математикѣ и граммати-

ческихъ правилахъ, за то усердно читалъ всякія драматическія произведенія какія попадались ему подъ руку. Къ несчастію и въ новой школѣ оставался онъ недолго: онъ написалъ какую-то сатирку, на манеръ древнихъ ателланъ, за что и подвергся изгнанію. Эта неудача нисколько не смутила его, да и вообще не въ его натурѣ было падать духомъ при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ. Безтрепетно пустился онъ въ міръ, въ которомъ ожидали его разные приключенія не представлявшія впрочемъ ничего необычайнаго: не такой онъ былъ человекъ чтобы сдѣлаться героемъ какой-нибудь драмы, отважиться на какой-нибудь рискованный поступокъ, всѣ его впечатлѣнія и ощущенія отличаются тѣмъ добродушіемъ и, если угодно, легкомысліемъ которыя можно подмѣтить въ его комедіяхъ. Не рѣдко случались съ нимъ непріятности, но какъ въ комедіи, такъ и въ жизни каждая изъ подобныхъ непріятностей оканчивалась для него благополучно,—начало было не хорошо, но развязка не оставляла желать ничего лучшаго. Гольдони не способенъ былъ любить глубоко и страстно, но любовныхъ интригъ было у него сколько угодно,—любовныхъ интригъ съ горничными, молоденькими мѣщанками, продавицами лимонада и т. д.; любовныхъ интригъ въ родѣ той—по числу это была первая—когда горничная какой-то изящной дамы писала ему записки отъ имени своей госпожи, увѣряла что госпожа ея пылаетъ къ нему страстью и разыгрывала эту роль до тѣхъ поръ пока онъ не подарилъ ей довольно цѣнное ожерелье. Гольдони записался въ адвокаты въ Венеціи, и дѣла его пошли удачно, какъ вдругъ покинулъ свои занятія, потому что нужно было ему хлопотать въ Миланѣ о постановкѣ на сценѣ трагедіи своего сочиненія; трагедія была освищена; онъ отправился съ труппой актеровъ по разнымъ городамъ; въ Генуѣ случайно увидѣлъ у окна хорошенькую дѣвушку, пріѣтствовалъ ее поклономъ и выразительнымъ взглядомъ, что было принято очень снисходительно; завязалась легкая интрига, дѣвушка все чаще и чаще показывалась у окна, Гольдони конечно не заставлялъ ждать себя и вотъ онъ уже въ домѣ отца своей красавицы и проситъ ея руки. Свадьба была устроена съ необыкновенною быстротой, такъ что едва ли успѣлъ онъ разъ или два переговорить лутно со своею возлюбленной. Опять-таки и это не валоминаетъ ли его комедіи? Не обычная ли это исторія какихъ-нибудь сивьора

Леандра и синьоры Лучиа, которыхъ онъ любилъ выставлять на сценѣ? И, удивительное дѣло, подобный бракъ, бракъ очертя голову, безъ предварительнаго знакомства, оказался, — опять-таки какъ это нередко случается въ комедіяхъ, — вполне удачнымъ и счастливымъ. Супруги прожили вмѣстѣ около пятидесяти лѣтъ, никогда не ссорясь, всегда довольные другъ другомъ. Гольдони былъ свидѣтелемъ многихъ важныхъ событій въ своемъ отечествѣ, но они нисколько не отразились на немъ своею серьезною осторожностью. Въ разгаръ войны между Австріей и Испаніей этотъ мирный и добродушный человѣкъ очутился однажды въ очень критическихъ обстоятельствахъ: почти ежедневно происходила вокругъ него стычки непріятельскихъ войскъ, битва при Пармѣ разыгралась можно сказать на его глазахъ: солдаты нѣсколько дней сряду грабили Миланъ, гдѣ и ему, подобно всему народонаселенію этого города, приходилось трепетать за свою жизнь; всюду царило опустошеніе и ужасъ, но ото всего этого страшнаго времени сохранилось у него воспоминаніе лишь о комическихъ сценахъ, о томъ какъ офицеры ссорились играя въ карты и какъ они ухаживали за горячими въ кофейняхъ и на постоялыхъ дворахъ, о томъ какъ солдаты воровали гусей и куръ и т. п. Автобіографія Гольдони — весьма замѣчательный документъ не потому чтобы содержалась въ ней сколько-нибудь важныя свѣдѣнія для характеристики его времени, а потому что въ ней такъ и видѣнъ онъ самъ, — человѣкъ добрый, но которому чуждо всякое сильное чувство, хорошій товарищъ, но неспособный быть преданнымъ другомъ, человѣкъ никогда не задумывавшійся надъ серьезными задачами жизни, искавшій въ ней лишь развлечения и утѣхи...

Былъ однако у Гольдони интересъ всецѣло поглощавшій его и которому онъ оставался вѣрнѣе до гробовой доски: мы говоримъ о драматическомъ искусствѣ. Еще въ ранней молодости проявлялось у него смутное сознаніе что общество не можетъ довольствоваться такъ-называемою *Commedia dell'arte*, что необходимо создать нечто болѣе удовлетворяющее литературнымъ требованіямъ, и ему казалось что онъ можетъ оказать серьезную услугу на этомъ полрщѣ. Неожиданный случай окончательно опредѣлилъ его призваніе. Однажды явилась къ нему совершенно незнакомый ему человѣкъ, нѣкто Дарбесъ, исполнявшій роль Панталона въ труппѣ австро-препера Медебака: отъ имени своего директора предложилъ

омъ Гольдони, который въ это время опять сдѣлался адвокатомъ, писать комедіи для означенной труппы за весьма приличное вознагражденіе. Гольдони колебался, Дарбесъ настаивалъ, просилъ, убѣждалъ, выдѣлывая при этомъ самыя уморительныя гримасы, и наконецъ совершенно увлекъ Гольдони. Было условлено что Гольдони тотчасъ же приметъ на себя заботу о репертуарѣ труппы, которая навала для своихъ представленій театръ S. Angelo въ Венеціи.

Венеція въ это время, въ 1740 году, была уже не та какъ за два столѣтія предъ тѣмъ. Все болѣе возрастающее политическое и торговое процвѣтаніе сѣверныхъ государствъ, нанесшее столь сильный ударъ Флоренціи, Милану и Генуѣ, не поразило и ее. Венеціанская республика сохранила свою независимость, но прежняя широкая ея дѣятельность была парализована и она томилась въ агоніи. Судя по внѣшности, все оставалось попрежнему, но духъ господствовалъ иной и эта смѣсь стараго съ новымъ придавала Венеціи какую-то особую оригинальность. Она вполнѣ сохранила раслуцченность нравовъ, религиозный индефферентизмъ, изящество вкусовъ и блескъ эпохи Возрожденія; по общему отзыву нигдѣ въ Италіи нельзя было жить такъ привольно и пріятно какъ въ этомъ городѣ, на глазахъ подозрительнаго и даже жестокаго правительства; противорѣчія встрѣчались здѣсь на каждомъ шагѣ: представители аристократіи, разыгрывавшіе въ теченіе дня роль угрюмыхъ и неприступныхъ сановниковъ, тѣснились по ночамъ, въ маскахъ и домино, около игорныхъ столовъ, разставленныхъ на площади Св. Марка подъ аркадами прокуратурій; цензура отличалась крайнею строгостью, а между тѣмъ книгопродавцы безо всякой утайки продавали сочиненія энциклопедистовъ и возмутительныя по своей безнравственности романы; въ честь Вольтера выбиваемы были медали, а Монтескьё, посѣтивъ Венецію, считалъ благоразумнымъ уничтожить свой диванчикъ чтобы не попался онъ въ руки шпионовъ свѣтской инквизиціи. Несмотря на тѣ или другія неудобства знаменитый городъ Лагуна служилъ центромъ самыхъ разнообразныхъ и заманчивыхъ удовольствій. Комедія масокъ, сколажившаяся уже къ уладку и въ Неаполѣ, и во Флоренціи, и въ Болоньѣ, продолжала процвѣтать здѣсь. Иначе не могло и быть: городъ въ которомъ образованное общество не разставалось въ теченіе значительной части года съ маской и домино, городъ въ которомъ

даже монахи въ стѣнахъ своихъ монастырей угощали публику арлекиадами, городъ, политическая и общественная жизнь коего была, по выраженію г. Вермона Ла, не болѣе какъ страннымъ фарсомъ, представлялъ настоящую почву для *Commedia dell'arte*. Черви правилась она своимъ неистощимымъ юморомъ, а высшіе слои публики цѣнили кроме того смѣлыя выходки къ которымъ прибѣгала она противъ существовавшаго порядка вещей: вѣдь тутъ все была импровизація,—какъ уловить слово брошенное на вѣтеръ? Никакая цензура не въ состояніи была бороться съ подобною оппозиціей; есть ли возможность вести войну съ Арлекиномъ и Панталоне? Не удивительно что содержатели маленькихъ театровъ благословляли свою судьбу,—ежедневно въ ихъ залахъ тѣснилась самая разнообразная толпа: сенаторы въ своей оригинальной одеждѣ, зажиточные горожане съ женами и дочерьми, монахи и аббаты, рыбаки, гондольеры, наконецъ особый разрядъ женщинъ которыхъ было такъ много въ Венеціи,—женщинъ блиставшихъ красотой, но далеко не отличавшихся добродѣтелью.

Не трудно было замѣтить однако что комедія масокъ, при всемъ ея успѣхѣ въ Венеціи, уже значительно исказилась въ своемъ характерѣ: еще нѣсколько времени и она перестала бы занимать публику. Маски или тилы были все прежнія, новыхъ не появлялось, да и значеніе нѣкоторыхъ изъ этихъ прежнихъ тиловъ, мѣстное и историческое, было утрачено. Что такое былъ на примѣръ капитанъ Матаморъ? По мѣрѣ того какъ изглаживалось воспоминаніе объ испанскомъ владычествѣ и публика переставала видѣть въ немъ живое лицо, наконецъ самые актеры, дававшіе свои представленія уже не на улицѣ, или на площади, а въ театрѣ, усвоили другія манеры, такъ-сказать „цивилизовались“, у нихъ было болѣе артистическаго смысла, но гораздо менѣе оригинальности чѣмъ прежде,—словомъ, комедія масокъ видимо старѣла и слѣдовало создать что-нибудь новое. Гольдони энергически принялся за трудъ. Мы видимъ что въ первыхъ своихъ произведеніяхъ онъ еще пробуетъ почву, выступаетъ очень осторожно,—это еще все та же комедія масокъ со своими неизмѣнными Арлекиномъ, „dottore“ и т. д., но Гольдони начинаетъ мало-по-малу выводить новыя дѣйствующія лица; сперва они являються у него какъ бы мимоходомъ, а затѣмъ вниманіе автора видимо сосредоточивается главнымъ образомъ

на нихъ. Комедія распадается у него какъ бы на двѣ части: одна изъ нихъ попрежнему предоставляема импровизаціи буффовъ, другую, напротивъ, онъ тщательно отдѣлываетъ; каждое слово въ ней принадлежитъ ему, и столько замысловатости и искусства вноситъ онъ въ эту часть что публика все съ большимъ интересомъ слѣдитъ за нею. Приключенія любящихся сердецъ—Леліо и Беатрисы, Леандра и Розауры—занимаютъ ее гораздо сильнѣе чѣмъ выходки Ардекина и Панталоне. Замѣтивъ это, Гольдони отважилася на рѣшительный шагъ: онъ вовсе устранилъ старинныя типы или маски. Такимъ образомъ возникла новая комедія, которую г. Верновъ Ли называетъ комедіей „писанной“ (written comedy) въ противоположность комедіи импровизованной или, еще вѣрнѣе, комедіи національная вмѣсто комедіи народной. Прежняя комедія, столь долго занимавшая пубliku, имѣла, какъ уже замѣчено выше, мѣстный характеръ; ея типы были порожденіемъ той или другой мѣстности и отъ того между прочимъ преобладали въ ней мѣстныя нарѣчія, жаргонъ. Теперь, напротивъ, комедія заговорила языкомъ литературнымъ, теперь на сценѣ показались лица столь же занимательныя, столь же знакомыя всѣмъ, но уже отнюдь не смахивавшія на карикатуру. Комедія эта предназначалась для всей Италіи, а не для той или другой провинціи, въ ней отражалась жизнь и нравы всего общества, всей страны, а не какой-либо извѣстной мѣстности.

Только въ этомъ отношеніи, хотя и очень важномъ, Гольдони былъ преобразователемъ; онъ именно преобразовалъ, но не создалъ ничего особенно новаго. Иногда называютъ его итальянскимъ Мольеромъ. Нѣтъ ничего неслѣднѣ подобнаго сравненія: не говоримъ уже о талантѣ, о силѣ ума, поэтическомъ вдохновеніи,—относительно всего этого смѣшно и ставить его наряду съ великимъ французскимъ драматургомъ, но и по своимъ пріемамъ, по общему характеру своихъ произведеній онъ не имѣетъ съ нимъ ничего общаго. Это понятно само собою. Комедіи Мольера,—конечно мы не имѣемъ тутъ въ виду его фарсы, которыми онъ самъ не придавалъ большаго значенія,—предназначались для самаго изысканнаго, остроумнаго и образованнаго общества въ Европѣ; для современниковъ Буало и Ларошфуко, гжи Севинье и Лабрюйера, чрезвычайно требовательныхъ въ отношеніи характеровъ, идей и литературной формы; *Тартюфъ*, *Мизантропъ*,

Les femmes savantes и т. д.—все это глубокия сатиры, поражающія всестороннимъ изученіемъ человѣческой природы; умъ, наблюдательность, широкій взглядъ на жизнь поражаютъ въ нихъ на каждомъ шагѣ; по словамъ Поля Ландау, Мольтеръ „самый субъективный изъ воиъхъ новтовъ“,—дѣйствительно, всюду проглядываетъ онъ самъ и къ самому дожижному лицу проявляющемуся въ лучшихъ его комедіяхъ можно приписать замѣчаніе Пушкина о Чацкомъ „что это глупый человекъ говорящій очень умными вещи“. Гольдони плавалъ вовсе не такъ глубоко. Къ тому же и условія въ которыхъ онъ находился были другія. Онъ имѣлъ дѣло съ публичкой далекó не столь изысканною какъ французская, искавшею въ театрѣ прежде всего забавы, развлеченія, привыкшею къ *Commedia dell'arte*, и хотя Гольдони значительно измѣнилъ эту комедію, но основа ея осталась все та же. Какъ прежде, такъ и теперь интрига играла главную роль; Гольдони не приходило и въ голову подражать чужеземнымъ образцамъ, стараться малпримѣръ приблизиться къ Мольтеру; обычная его публика никогда не оцѣнила бы этого,—конечно, въ средѣ этой публики находилось не мало лицъ которыя умѣли бы уловить тонкую сатиру, психологическое развитіе характеровъ, но огромное ея большинство все-таки состояло изъ людей простыхъ, мало образованныхъ и требовавшихъ чтобъ авторъ примѣчался къ ихъ вкусу. Такимъ образомъ, комедія Гольдони это не комедія характеровъ, а главнымъ образомъ комедія дѣйствія, интриги,—интриги вѣчно новой, вѣчно занимательной, но цѣлью которой вовсе не было произвести какое-нибудь глубокое впечатлѣніе; поэзіи тутъ было очень мало, за то вседневная жизнь отражалась чрезвычайно рельефно, хотя и не въ такихъ своихъ проявленіяхъ которыя заставляли бы серьезно задумываться надъ нею. Вотъ почему комедіи Гольдони не особенно много выигрываютъ при чтеніи; чтобъ оцѣнить ихъ надлежащимъ образомъ надо смотрѣть ихъ на сценѣ; именно тутъ во всемъ блескѣ обнаруживается неистощимая изобрѣтательность автора, его умѣнье вести разговоръ, пользоваться самыми ничтожными обстоятельствами для истиннаго комическихкихъ положеній; тутъ только можно понять сколько въ комедіяхъ его движенія и жизнь. Въ этомъ родѣ Гольдони достигъ замѣчательнаго совершенства, и именно это спасало ему одобрительный отзывъ такого знатока какъ Гёте. Великій писатель благоговѣлъ

предъ Мольеромъ въ то время когда нѣмецкіе критики въ родѣ А. В. Шлегеля старались вслѣдствіи увидѣть его, но ставя чрезвычайно высоко Мольера онъ умѣлъ восхищаться и такими комедіями какъ *Baruffe Chiozzote* или *Zelinda e Lindoro*.

Конечно, еслибы Гольдони обладалъ сатирическимъ талантомъ, онъ нашелъ бы обширную для себя почву въ тогдашнемъ общественномъ бытѣ Венеціи, но сатира была чужда ему. Для него какъ бы не существовала Венеція съ ея шпионами, съ ея развращеннымъ дворянствомъ, съ покателыми приключеніями въ родѣ Казановы, со всѣмъ этимъ людомъ для котораго служила саломомъ площадь Св. Марка. У Гольдони былъ свой особый міръ, изъ котораго онъ почти не выходилъ. Героевъ и героинь своихъ искалъ онъ въ узкихъ, темныхъ улицахъ квартала Мерегія, среди трудолюбиваго торговаго населенія, еще не утратившаго прежней чистоты нравовъ, среди содержателей магазиновъ, лавочниковъ и маклеровъ, въ домахъ которыхъ еще господствовалъ патриархальный образъ жизни. Онъ спускался и ниже, а именно во всѣхъ подробностяхъ изучилъ бытъ рыбаковъ, рабочихъ и гондольеровъ,—особенно этихъ послѣднихъ, покорныхъ слугъ венеціанской знати, о которой могли они разказать много любопытнаго, ибо часто бывали невольными свидѣтелями ея похиженій, людей въ которыхъ совмѣщались самыя противоположныя качества—дерзость и работливіе, безкорыстіе и алчность. Иногда комедія Гольдони отзывается идилліей: это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ когда онъ переноситъ дѣйствіе въ деревню, въ загородныя виллы: онъ былъ страстный любитель сельской жизни; *villeggiatura* приводила его въ восторгъ и онъ посвятилъ ей нѣсколько лучшихъ своихъ произведеній: *Smania per la villeggiatura*, *Avventure delle villeggiatura*, *Ritorno della villeggiatura* и т. д.

Успѣхъ Гольдони былъ громадный. Публика театра S. Angelo была какъ вельза болѣе довольна всегда новыми; всегда разнообразными картинами которыя онъ представлялъ ее взорамъ; піесы его не сходили со сцены и въ другихъ итальянскихъ городахъ; когда путешествовалъ онъ по Італіи, то нѣрѣдко собиралась толпа чтобъ его видѣть, и однажды какой-то таможенный чиновникъ заявилъ что готовъ лучше потерять свое мѣсто чѣмъ подвергнуть его вещи осмотру. Въ 1745 году Вольтеръ обратался къ нему съ посланіемъ, написавъ

вымъ на половину прозой, а на половину стихами, въ которомъ говорилъ: „Je voudrais appeler vos comédies l'Italia liberata da Goti“ и французскую свою рѣчь разнообразилъ италянскими восклицаніями: „Che felicità, mio signore, che purità!“ Слава Гольдони была, кажется, вполнѣ обезпечена, но—удивительное дѣло—именно въ то время когда она достигла своего апогея, онъ самъ, быть-можетъ и безсознательно, началъ подрывать ее. Дѣло въ томъ что онъ ставилъ свои произведенія въ Венеціи исключительно на театрѣ S. Angelo и это не могло не возбуждать противъ него недоброжелательства со стороны другихъ авторепренеровъ; затѣмъ актеры изловчившіеся въ *Commedia dell'arte* увидѣвшіе теперь что лублика все болѣе и болѣе устранилась отъ нихъ, считали его, и вполнѣ основательно, главнымъ виновникомъ своихъ невзгодъ; нужно причислить сюда же цѣлый рядъ литераторовъ ненавидѣвшихъ Гольдони, потому что онъ былъ слишкомъ опаснымъ для нихъ соперникомъ. Нападки становились все сильнѣе, все ожесточеннѣе. Гольдони рѣшился отвѣчать, онъ хотѣлъ доказать теоретически разумность и необходимость своихъ нововведеній,—это завлекло его въ полемику, въ которой онъ залутывался все болѣе и болѣе. И еслибъ еще дѣло ограничивалось только полемикой, — вѣтъ, онъ поступилъ гораздо хуже. Протагоники упрекали его въ томъ что ему доступна лишь проза, Гольдони сталъ писать комедіи стихами, тяжелыми, неукающими, стоившими ему мучительнаго труда; напали на него за то что произведенія его слишкомъ вульгарны, что онъ знаетъ только низшіе слои общества, Гольдони началъ выводить на сцену героев знатнаго происхожденія, и ужь не въ комедіяхъ, а въ драмахъ съ ядомъ, кляжами и другими ужасами; говорили о немъ что онъ вовсе лишень искренняго чувства, — Гольдони написалъ вѣсколько слезливыхъ лиесъ, исполненныхъ фальшивой и приторной морали; раздавался противъ него возгласы что онъ безо всякой нужды искажалъ *Commedia dell'arte*, и вдругъ Гольдони, который такъ много былъ обязанъ ей, который въ сущности только преобразовалъ ее, вздумалъ отзываться о ней съ неопытнымъ презрѣніемъ, утверждалъ что прежніе успѣхи объясняются лишь грубостью вкусовъ и безпрерывно ссылался на примѣръ Франціи. Въ скоромъ времени онъ вызвалъ противъ себя цѣлую бурю: къ завистникамъ присоединилась мало-помалу люди отосившіеся до тѣхъ поръ къ нему съ несо-

миѣннымъ сочувствіемъ. Никто не обращалъ вниманія на то чѣмъ въ дѣйствительности былъ Гольдони; его судили только по его теоріямъ и по тѣмъ неудачнымъ произведеніямъ съ которыми онъ выступалъ подъ вліяніемъ этихъ теорій. Писатель безслорно оригинальный, вдругъ превратился въ жалкаго подражателя; человѣкъ никогда не бывшій жаркимъ аделтомъ какихъ бы то ни было идей, совершенно неожиданно казался теперь чуть ли не опаснымъ послѣдователемъ Гельвеція и Руссо! Гольдони залодазривали даже въ недостаткѣ патриотизма: его обвиняли въ томъ что онъ какъ бы умышленно олозорилъ старую народную итальянскую комедію, которая процвѣтала въ теченіе двухъ столѣтій; не удивительно, слышалось со всѣхъ сторонъ, что именно за это удостоился онъ выспреннихъ похвалъ отъ чужеземцевъ. О немъ было сказано что онъ „освободилъ Италію отъ Готовъ“,—но кому принадлежали эти слова? Вольтеру,—тому самому Вольтеру который осмѣивалъ Тасса и даже дерзнулъ утверждать будто Дантъ былъ помѣшанный, а *Divina commedia*—неслыханное безобразіе! И вдругъ, этотъ-то худитель всего что составляетъ честь и гордость итальянской націи выдаетъ почетный дипломъ Гольдони: можно ли терпѣть такой позоръ? Безпрерывно появлявшіеся памфлеты съ необыкновенною запальчивостью развивали эту тему, особенно же свирѣдствовалъ Баретти въ своемъ *Литературномъ Хлѣстѣ*.

То были тяжкія времена для талаятливаго драматурга, и вѣтъ ничего удивительнаго что подъ вліяніемъ испытанныхъ имъ огорченій онъ рѣшился переселиться въ Парижъ чтобы завѣдывать репертуаромъ тамошней итальянской сцены. Случилось это въ 1760 году. Какъ скоро распространилась вѣсть о предполагаемомъ отъѣздѣ Гольдони, лублика взволновалась. На него валадали, старались всячески умалить его достоинства, даже оскорбляли его, но до такой степени сроднился онъ съ Венеціей, такъ много не одно локалѣніе обязано было ему веселыми и радостными минутами въ своей жизни, что въ виду разлуки все совершившееся въ послѣдніе годы было забыто и предъ лублкой стоялъ прежній Гольдони съ которымъ—она чувствовала это—связывали ее слишкомъ тѣсныя узы. Долго не хотѣли вѣрить чтобъ онъ рѣшился улорствовать въ своемъ намѣреніи, но Гольдони былъ непоколебимъ. Когда сборы его были уже окончены, объявляема была въ театрѣ S. Angelo новая его пьеса: *Одинъ*

изъ послѣднихъ вечеровъ карнавала. Здѣсь выведенъ на сцену свивьоръ Анзоетто, рисовальщикъ образцовъ для шелковыхъ матерій, который уѣзжаетъ въ Россію, но въ отчаяніи отъ того что ему приходится разстаться со ткачами привыкшими въ теченіе долгаго ряда лѣтъ работать по его рисункамъ. Аллегорія была очень ясна, и зрители какъ нельзя лучше поняли ее. Подъ конецъ піесы Анзоетто подошелъ къ рамлѣ и обратился къ публикѣ со слѣдующими словами: „Не впервые случается мнѣ уѣзжать, но каждый разъ когда я покидалъ Венецію имя ея оставалось начертаннымъ въ моемъ сердцѣ; всегда помнилъ я о благосклонности и радости которыми пользовался здѣсь; всегда слѣдилъ я возвращенію и возвращеніе было для меня великою радостью. Могу увѣрить честию что я удаляюсь теперь изъ дорогаго города съ сокрушеннымъ сердцемъ; какія бы выгоды, какія бы удобства ни ожидали меня впереди, я не забуду о счастливыхъ дняхъ проведенныхъ здѣсь... Сохраните мнѣ ваше расположеніе, дорогіе друзья, и Богъ благословитъ васъ! Вѣрьте совершенной искренности моихъ словъ“... Тутъ произошла сцена такого увлеченія на которое способенъ только итальянская публика; многіе плакали; рукоплесканіямъ не было конца; со всѣхъ сторонъ раздавались крики: „Гольдони, ждемъ назадъ, возвращайтесь скорѣе..“

Но Гольдони не вернулся. Ему не суждено было снова увидѣть Венецію. Послѣ отъѣзда своего изъ Италіи онъ жилъ еще долго въ додѣльствіи и слокойствіи, состоялъ чтецомъ при королѣ Лудовикѣ XVI и заслужилъ расположеніе французской публики своею піесой *Le Bourru bienfaisant*.

III.

Авторитетъ Гольдони былъ еще такъ великъ что въ то время когда писалъ онъ свои сентиментальныя піесы, проникнутыя лошлою моралью, многіе долго не рѣшались открыто наладать на него. Правда, говорили, піесы эти скучноваты, но вѣдь за то это настоящая *правильная* комедія. Не потому ли мы такъ плохо понимаемъ ихъ что правильной комедіи у насъ до сихъ поръ не было? Кто знаетъ, быть-можетъ Гольдони оказываетъ важную услугу пролагая ей у насъ путь. Не рѣдко слышались разглаголь-

створяя на эту тему въ разныхъ литературныхъ кружкахъ и между прочимъ въ средѣ одной Венеціанской академіи, которая носила довольно странное названіе, а именно въ академіи *Gianelleschi* (любителей осанной глупости). Вдругъ одна изъ ея членовъ обратилась къ своимъ сотоварищамъ со слѣдующею рѣчью: „Я полагаю, вступая въ наше почтенное общество, что названіе *Gianelleschi*—не болѣе какъ шутка; мнѣ и въ голову не приходило что когда-нибудь можно будетъ вполнѣ серьезно примѣнить его къ намъ, а между тѣмъ это кажется такъ. Мы дѣйствительно будемъ *gianelleschi* если задумаемъ одобрить комедію къ которой намъ предлагаются приохотить публичку и которая есть не что иное какъ бездарное подражаніе чужимъ образцамъ. Она вводитъ только скуку, но вмѣсто того чтобъ откровенно признаться въ этомъ вы, лгавъ и зѣвая, ублажаете себя мыцелью будто она основана на какихъ-то незыблемыхъ правилахъ. Поймите же что нѣтъ ничего правильнаго въ этомъ новомъ родѣ литературы, совершенно антинаціональномъ, тривиальномъ и безсодержательномъ.“ Человекъ говорившій такимъ образомъ сѣлся скоро съ самимъ Гольдони. Происходило это, по разказу Баретти, въ кофейной. Гольдони хвастался самымъ безстыднымъ образомъ и утверждалъ что комедіи его имѣютъ огромный успѣхъ.—„Что вы толкуете намъ объ успѣхѣ, воскликнулъ его собеседникъ;—я держу пари что заставляю публичку снова восхищаться комедіей масокъ, заставляю ее восхищаться самымъ извѣстнымъ дѣтскою сказкою въ родѣ сказки о „любви трехъ апельсиновъ“ гораздо болѣе чѣмъ всѣмъ что вы писали до сихъ поръ“. Гольдони расхохотался, но вызовъ былъ принять, и чрезъ нѣсколько времени афиша театра *S. Samuele* извѣстила о новой пьесѣ: *Любовь трехъ апельсиновъ*.

Кто же былъ смѣльчакъ вступившій въ столь отважное состязаніе съ Гольдони? То былъ графъ Карло Гоцци, натура странная, загадочная, совершенная противоположность натурѣ его соперника. Оба они оставили свои мемуары, изъ которыхъ легко убѣдиться, между прочимъ, какое было поразительное несоходство между прозаическимъ Гольдони и идеалистомъ Гоцци; что на одномъ не оставалось слѣда, то глубоко потрясло другаго, заставляло его терзаться и страдать. Мы уже упоминали выше какъ легко, мимоходомъ разказывалъ Гольдони о своихъ любовныхъ интригахъ;

Гоцци не змалъ подобныхъ цитригъ. Онъ не понималъ чтобы можно было сблизиться съ женщиной не отдавая ей своего сердца. Прочтите, напримѣръ, тѣ страницы въ его автобіографіи гдѣ онъ разказываетъ объ испытанныхъ имъ разочарованіяхъ, когда еще въ очень молодыхъ годахъ стоялъ онъ со своимъ полкомъ въ Зарѣ, а затѣмъ въ Венеціи. Никогда не рѣшается онъ самъ сдѣлать первый шагъ,—человѣкъ идеальной чистоты помысловъ и чувствъ, онъ предполагаетъ такую же чистоту даже и тамъ гдѣ вовсе не было ей мѣста. Въ Зарѣ лѣвила его молодая дѣвушка, одна изъ трехъ сестеръ, о которыхъ говоритъ онъ что онѣ были „бѣдны какъ Іовъ и прелестны какъ небесныя свѣтила“. Но не имѣя возможности жениться на ней онъ не осмѣливается сдѣлать ей признаніе. Какая-то пройдоха, жена нотаріуса, сжалась надъ нимъ. Однажды вечеромъ стала она осылать его упреками что онъ не умѣетъ вести себя, что всякій другой на его мѣстѣ змалъ бы какъ сдѣдуетъ ему поступить, и вдругъ вывела изъ сосѣдей комнаты его красавицу!—„Дайте ей руку, сивьоръ-дикаръ, сказала она, и проводите ее домой“. Отсюда начало связи которую Гоцци весьма серьезно думалъ уже закрѣпить болѣе прочными узами, какъ вдругъ, возвратившись однажды изъ командировки по рекрутскому набору, онъ узнаетъ что его возлюбленная почти не разставалась съ секретаремъ мѣстнаго губернатора. Въ отвѣтъ на градъ послышавшихся на нее упрековъ она оправдывалась бѣдностью, дурными внушеніями со стороны своихъ сестеръ. Гоцци былъ въ отчаяніи, цѣлую ночь бродилъ онъ по улицамъ не переставая повторять: „проклятыя сестры, проклятая бѣдность“, рыдая и ломая себѣ руки. Другая исторія гораздо характеристичнѣе. Въ Венеціи Гоцци познакомился съ красивою дамою жившею напротивъ него; сначала бесѣды шли изъ окна въ окно, благодаря тому что улицы очень узки, затѣмъ начались свиданія въ гондолахъ, прогулки по отдаленнымъ каналамъ. Сосѣдка была женщина умная, образованная, одушевленная самыми высокими стремленіями,—по крайней мѣрѣ она умѣла говорить о нихъ такъ что нельзя было не вѣрить ея искренности. Гоцци страстно полюбилъ ее, жилъ этою любовью; красавица, казалось, столь же серьезно смотрѣла на свои чувства. Но вотъ постигъ его однажды какой-то товарищъ по полку; замѣтивъ у противоположнаго окна красивую незнакомку и позволивъ себѣ

нескромныя шутки на счетъ этого сосѣдства. Гоцци отвергалъ всякія подозрѣнія и замѣтилъ что это вообще не такая женщина которая позволила бы легкомысленно ухаживать за собой.—„Въ такомъ случаѣ, отвѣчалъ офицеръ,—ты мнѣ развязываешь руки“. Къ величайшему удивленію молодого человека онъ объявилъ ему на другой же день что познакомился съ его неприступною красавицей и приглашаетъ его въ театрѣ вмѣстѣ съ нею и еще съ какою-то дамой. Изъ театра отправилась въ ресторанъ, а изъ ресторана сосѣдка уѣхала съ офицеромъ, не удостоивъ даже взглядомъ своего возлюбленнаго.—„Ты самъ виноватъ, слышалъ онъ потомъ отъ своего товарища,—отчего было не сказать прямо какія между вами отношенія. Никогда не покусился бы я разрушить твое счастье, ну а теперь пусть это послужитъ тебѣ урокомъ“. По горечи, почти по отчаянію которымъ проникнуты въ автобіографіи Гоцци страницы посвященныя имъ воспоминаніямъ объ его обманутой любви, можно сравнить ихъ съ *Confession d'un enfant du siècle* Алфреда Мюссе. Все это очень попятно для насъ,—быть-можетъ это было менѣе попятно въ то время когда жилъ Гоцци, время крайней распушенности нравовъ, но у Гоцци было мало общаго со своимъ временемъ. Для всѣхъ казался онъ какою-то загадкой. Вотъ какъ изобразилъ его одинъ изъ его литературныхъ враговъ въ прологѣ къ своей комедіи: „Видите ли вы этого человека который грѣется на солнцѣ на площади S. Мозе? Онъ высокъ ростомъ, худоцавъ, блѣденъ и нѣсколько сторбленъ. Ходитъ онъ медленно, закинувъ руки за спину, какъ будто съ мрачнымъ видомъ считаетъ плиты мостовой. Всѣ привыкли болтать въ Венеціи,—онъ одинъ ничего не говоритъ: это сивильоръ графъ, который не только самъ не умѣетъ радоваться, но на котораго даже чужое веселье наводитъ какъ-то тоску“...

Удивительная натура! Въ послѣдствіи, когда Гоцци сталъ писать свои фантастическія ліесы, онъ задался мыслию что духи преслѣдуютъ, мучаютъ его за то что онъ дерзнулъ коснуться ихъ сферы. Онъ серіозно вѣрилъ этому, въ своихъ мемуарахъ онъ говоритъ объ этомъ какъ о чемъ-то неподлежащемъ сомнѣнію. Вотъ для примѣра нѣсколько выдержекъ:

„Кто не знаетъ Микеле дель-Агата, знаменитаго *impresario* венеціанской оперы? Кто не знаетъ что онъ ниже меня на поларшина и гораздо толще, что одѣвается онъ иначе чѣмъ

я и что физіономія у него совершенно другая? А между тѣмъ одно время всѣ лѣвцы, лѣвцы, танцовщики, фигуранты, живописцы, машинисты и портные при встрѣчѣ называли меня дель-Агата и разсылались предо мной въ COMPLIMENTS. Такъ встревожило меня это что я скрылся въ Падую. Тотчасъ по пріѣздѣ туда я отправляюсь къ моей хорошей пріятельницѣ, къ танцовщицѣ Маріи Кампана и слышу что горничная докладываетъ ей: „сударыня, Микеле дель-Агата желаетъ васъ видѣть“. Возвращаясь домой я все думалъ объ этихъ страшныхъ недоразумѣніяхъ какъ вдругъ на мосту S. Lorenzo встрѣчаюсь съ моимъ давнишнимъ знакомымъ, профессоромъ астрономіи Тоальде. „Давно ли, Микеле, вы пріѣхали сюда?“ говоритъ онъ и проходитъ мимо. Нѣтъ, какъ хотите, а это естественно...

„Но и это еще ничего. Однажды отправился я на лѣтніе мѣсяцы во Фріуль. Возвращаясь оттуда въ Венецію въ ноябрѣ, по отвратительной дорогѣ, голодный, холодный и измученный.—„Гондольеръ, говорю я, вези меня въ palazzo Gozzi“. Съ изумленіемъ вижу что обыкновенно глухая улица, гдѣ стоитъ мой домъ, залпужена на этотъ разъ народомъ. Что случилось? Мнѣ говорятъ что синьоръ Брагадино только что назначенъ патріархомъ и угощаетъ лубайку, что будетъ это продолжаться цѣлые три дня. Вхожу въ домъ, меня встрѣчаетъ метръ-д'отель съ салфеткой въ рукахъ.—„Не угодно ли покушать синьоръ? Не прикажите ли чего-нибудь? Будьте какъ дома“.—„Любезнѣйшій, я дѣйствительно дома, потому что этотъ домъ принадлежитъ мнѣ“.—„Совершенно справедливо, синьоръ, всякій тутъ хозяинъ въ теченіе цѣлыхъ трехъ дней“. Повсюду разставлены столы, шумъ неистовый; одни ѣдятъ и пьютъ, другіе играютъ въ карты или пресытившись спать непробуднымъ сномъ. Нечего дѣлать, пришлось мнѣ искать пристанища въ гостиницѣ, но вѣдь только со мной могла случиться подобная исторія! И послѣ этого стану еще отрицать что я закодovaný! Никогда патріархъ Брагадино и не подумалъ бы завладѣть чѣмъ-нибудь другимъ домою для того чтобы жарить въ немъ своихъ цыбѣкъ“...

Гоци еще долго продолжаетъ разказывать на эту тему: какъ кофе начиналъ кипѣть въ ту самую минуту когда онъ подносилъ чашку ко рту, какъ встрѣчавшіеся съ нимъ на улицахъ казались ему то карликами, то великанами и т. л. Рѣшительно вечистая сила не давала ему покоя! Онъ не хотѣлъ

понять что разгадка воиъхъ странностей прикаючавшихся съ нимъ лежала въ немъ самомъ, въ его характеръ, болѣзненно впечатлительномъ, на которомъ съ дѣтства тяжело отъывались разныя невзгоды. Предки Гоцци были уроженцами Фриула, въ нихъ текла отчасти славянская кровь. Отецъ его поставилъ себѣ задачей жить какъ можно веселѣе, собиралъ на свои празднества всю венеціанскую знать, устроилъ у себя театръ, на сценѣ коего появлялся самъ со всѣми своими одиннадцатью дѣтьми и, какъ и слѣдовало ожидать, кончилъ тѣмъ что окончательно разорился. Карло Гоцци очень рано узналъ нищету: въ огромномъ palazzo, въ которомъ когда-то было такъ весело и шумно и который стоялъ темеръ съ разбитыми окнами, съ дверьми безъ замковъ, съ ободранною мебелью, ото всей прежней роскоши сохранились лишь два портрета кисти Тинторетто и Тициана. Все было въ немъ мрачно, пустынно и мизерно: старикъ отецъ лежалъ въ ларачѣ; одинъ изъ братьевъ, Гаспаро, сдѣлавшійся въ послѣдствіи замѣчательнымъ писателемъ, и его жена ло цѣлымъ дномъ кропали журнальныя статейки, а дѣти ихъ безо всякаго призора бѣгали съ уличными мальчишками ло двору; отъ кредиторовъ не было отбоя. Карло Гоцци рѣшился во что бы то ни стало выдти изъ этого невыносимаго положенія и энергически принялся за дѣло: братьевъ опредѣлялъ онъ на службу, маленькихъ сестеръ развѣстывалъ ло монастырямъ и въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду велъ съ кредиторами процессы. Ему удалось ло крайней мѣрѣ отстоять за собой домъ и онъ залерся въ огромныхъ его залахъ, никого не приваывая, никого не вида, болѣе чѣмъ когда-нибудь сосредоточенный и мрачный. Арабскія и неаполитанскія волшебныя сказки были любимымъ его чтеніемъ: подъ вліяніемъ ихъ, въ одиночествѣ и хандрѣ, неудержимо разыгрывалась его фантазія. Онъ не оставался однако чуждъ тому что происходило вокругъ него, но у него на все былъ свой особый оригинальный взглядъ. Онъ искренно любилъ свое отечество, но мысль его не охотно останавливалась на современномъ ему положеніи Венеціи; онъ хотѣлъ знать только ту Венецію которая сохранилась въ преданіяхъ, въ старинныхъ хроникахъ, и чѣмъ болѣе преданія эти отащались романтическимъ характеромъ, тѣмъ болѣе говорили его уму и сердцу. Онъ не питалъ особенно горячихъ симпатій къ народу: народъ интересовалъ его своими сказками, своими поговорками, своею само-

быткою поэзійю, но не всенедельною прозою своею жизнью. Что касается идей возмывавших образованное общество, идей въ которыхъ было такъ много благороднаго и высокаго, Гоцци никогда не увлекался ими, и это не потому что онъ считалъ ихъ оласными или несбыточными, а единственно вслѣдствіе того что онъ казался ему сашкомъ прозаическими. Стоило ли заботиться объ установленіи новыхъ порядковъ въ мірѣ, когда этотъ самый міръ не имѣлъ никакой цѣны въ его глазахъ въ сравненіи съ тѣмъ въ которомъ постоянно вращался его помыслы? Часто сравнивали Гоцци то со Стервомъ, то съ Гофманомъ, и дѣйствительно было между ними много общаго: онъ былъ одинъ изъ тѣхъ которые глубоко вѣрятъ что высшую мудрость нужно искать у дѣтей, что эта мудрость хранится не въ философскихъ трактатахъ, а въ простодушныхъ сказкахъ и повѣрьяхъ, которыя изъ поколѣнія въ поколѣнія живутъ въ памяти народа.

Какъ же было Гоцци не возмутиться тою безплощадною войвою которую Гольдови объявилъ комедіи масокъ? Какъ же было не скорбѣть ему что эту комедію вѣчно ювою, не смотря на то что она существовала цѣлые вѣка, комедію полную наивности и юмора, хотѣли вовсе согнать со сцены?

Какъ нарочно прибыла тогда въ Венецію труппа Сакки, которая давала представленія въ Лисабонѣ и удалилась оттуда послѣ страшнаго землетрясенія опустошившаго этотъ городъ. Къ содѣйствию этой труппы обратилса Гоцци. Мы уже говорили какъ изумлема была лубанка афшей театра S. Samuele: „не окончательма ли рехнулся Гоцци?“—слышалось со всѣхъ сторонъ. Человѣкъ никогда не занимавшійся литературой вдругъ хочетъ угостить лубанку сказкой о любви трехъ алеасиновъ, — развѣ это не сумашествіе? Наламы зрителей былъ чрезвычайный. Вотъ поднимается завѣсь: Сильвіо, могущественный бубновыи король, со слезами и вздохами разказываетъ своему министру Паяталоне что единственный сывъ его Тарталья одержимъ тяжкимъ недугомъ. Несчастнаго юношу такъ закармлили лааксивыми драмами, подражательными комедіями и вообще всею литературою построенною на новыхъ правилахъ что ему не остается ничего болѣе какъ умереть: правда, доктора увѣряютъ что онъ умретъ совершенно привильно, но развѣ это утѣшеніе? Какъ бы сласти его, какое бы придумать для него лѣкарство? Леандръ предлагаетъ опіумъ, а ло мнѣнію Арлекина гораздо

дѣлабыше настояй изъ александрійскихъ стиховъ, которыми Гольдони пишетъ свои комедіи, но Баррисса утверждаетъ что опіумъ и александрійскіе стихи это одно и то же. Обращаются къ оракузу который гласитъ что принцъ исцѣлится если удастся его разсѣлшить. Это указаніе принято со всеобщимъ восторгомъ: „устроимъ празднество, кричатъ придворные, разыграемъ какой-нибудь итальянскій фарсъ“. Дворецъ наполняется разраженною толпою, всѣ пьютъ, поютъ, пляшутъ, но Тарталья попрежнему мраченъ. Фея Моргано, въ образѣ дряхлой старухи, хочетъ налить себѣ вина, но Труффальдинъ падѣвается надъ ней, толкаетъ ее и такъ неосторожно что она падаетъ навзничь; тутъ принцъ не выдержалъ, расхохотался и чары владѣвшія имъ мгновенно разсѣлились, но озлобленная фея обращается къ нему со словами: „хотя ты и исцѣлился отъ одолевавшей тебя скуки, но теперь угрожаетъ тебѣ другой недугъ: ты влюбился въ три золотые апельсина и не будешь звать покоя до тѣхъ поръ пока не овладѣешь ими“.— „Что же, восклицаетъ Панталоне,—пустимся въ логовию за апельсинами; недостаточно освободиться отъ скуки, отъ комедій писавныхъ по пресловутымъ правиламъ, отъ александрійскихъ стиховъ, нужно еще возстановить старую комедію, нашъ старый народный фарсъ, возвратиться къ забавамъ нашей молодости.“ Все это собственно прологъ, а затѣмъ уже начинается самая пьеса съ безчисленными превращеніями, въ которой волшебное было перемѣшано съ комическимъ.

.. Публика была въ восторгѣ. Съ нею случилось то же что съ принцемъ Тартальей,—она смѣялась и исцѣлилась отъ кошмара которымъ тяготѣли надъ ней неудачныя произведенія Гольдони. Она требовала новыхъ пьесъ столь же занимательныхъ, столь же причудливыхъ какъ *Любовь трехъ апельсиновъ*, но Гоцци считалъ свою задачу исполненною и не хотѣлъ браться за перо. Онъ имѣлъ въ виду только доказать что народный итальянскій фарсъ вовсе не такъ устарѣлъ какъ утверждали пріверженцы новой школы, что онъ способенъ попрежнему лѣлнать публику, и это вполне удалось ему,—чего же болѣе? Гоцци вовсе не предназначалъ себя быть залиснымъ литераторомъ. Но, какъ говорятъ Французы, *vis-сès obligé*: всѣ взоры обращены были на талантливаго автора; несмотря на свою вѣчную пдохондрію онъ не оставался равнодушнымъ къ похваламъ, а въ то же время просьбы,

мольбы антрепренера Сакки и его труппы были такъ настоячивы, такъ убѣдительно! И вотъ на сценѣ S. Samuele одна его пьеса смѣняется другой: сначала *Воронъ* „передѣланная, какъ гласила афиша, изъ неаполитанской оканки для развлечения и лущенія маленькихъ дѣтей, преимущественно же для цѣлѣнія многочисленныхъ венеціанскихъ плохондриковъ“; затѣмъ *Король Олень* „въ которой лублика увидитъ какъ люди превращаются въ звѣрей и затѣмъ снова становятся людьми, и все это такъ правдоподобно что нельзя сомнѣваться въ возможности такихъ превращеній“; далѣе—*Жонсуина-Злѣй*, *Турандо*, *Зеленая Птичка* и еще цѣлымъ рядъ другихъ. Одна изъ этихъ пьесъ, а именно *Турандо*, удостоилась, какъ извѣстно, быть переведенной Шплеромъ на нѣмецкій языкъ, но по мнѣнію многихъ *Зеленая Птичка* едва ли не лучше всего чтó написалъ Гоцци. Эта пьеса замѣчательна, между прочимъ, и тѣмъ что она отзывается политической сатирой. Все основано на похожденіяхъ брата и сестры, Ренцо и Барбарини, которыхъ мать ихъ, королева, преслѣдуетъ своею ненавистью; они обречены на гибель, но одинъ изъ придворныхъ, Панталоне, спасаетъ ихъ и несчастные находятъ пристанище у Труффальдина, продавца свиней, которому оберточною бумагой для его окороковъ служатъ сочиненія Гельвеція и Гольбаха. Братъ и сестра, переворачивая окороки, знакомятся мало-по-малу съ модными философскими идеями и вполнѣ усваиваютъ ихъ себѣ: они убѣждены что нравственнаго чувства не существуетъ, что человѣческими дѣйствіями руководить только эгоизмъ и что нужно подавлять въ себѣ всякую симпатію къ ближнимъ. Труффальдинъ, весьма грубое животное, совершая противоложность своей женѣ, которая отличается ангельскою добротой, выгоняетъ ихъ изъ своего дома. Олять начинаютъ ихъ скитанія, пока восточный магъ Кальманъ, сжалившись надъ ними, не создаетъ мановеніемъ своего волшебнаго жезла великолѣпный дворецъ, въ которомъ ожидаютъ ихъ всѣ блага и удобства жизни. Прослышавъ объ этомъ чудѣ Труффальдинъ слѣшитъ къ своимъ бывшимъ питомцамъ и съ наивнымъ цинизмомъ объясняетъ имъ что нечего жаловаться если онъ поступилъ съ ними не совсѣмъ деликатно: онъ выгналъ ихъ въ шею когда они были бѣдны и приходитъ къ нимъ на поклонъ когда они богаты: въ обоихъ случаяхъ онъ вѣренъ тому великому принципу который проповѣдывалъ Гельвецій. Вообще во всей

комедіи разсѣяны насмѣшки надъ философскими идеями того времени, но помимо того въ ней кроется глубокій смыслъ, въ ней много смѣлой, чрезвычайно поэтической фантазіи, и г. Верновъ Ли не задумался сравнить ее даже со второю частью Гётевскаго *Фауста*.

Литературная дѣятельность была только эпизодомъ въ жизни Карло Гоцци и конечно эпизодомъ самымъ счастливымъ. Онъ совершенно сроднился съ труппой S. Samuele, жилъ ея радостями и горемъ и навсегда сохранилъ о ней лучшія воспоминанія. „Я былъ, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, другомъ, совѣтникомъ, посредникомъ моихъ артистовъ, неизбѣжно присутствовалъ у нихъ на всѣхъ свадьбахъ, крестинахъ, распредѣлялъ между ними роли, мирилъ ихъ—и все это очень успѣшно, потому что искренно любилъ этихъ людей. Что за славный народъ! Не найти уже теперь такого Труффальдина какъ Сакки, такого Тарталио какъ Фіорилли, такого Панталоне какъ Дарбестъ, умѣвшаго быть столь величественно глупымъ что онъ какъ въ зеркалѣ отражалъ въ себѣ венеціанскаго буржуа со всѣми его смѣшными сторонами. Смеральда была граціозна какъ ангелъ и легка какъ муха. Достаточно было обозначить ту или другую сцену нѣсколькими словами чтобъ они морили публику со смѣху. Я прожилъ съ ними цѣлыхъ десять лѣтъ среди пререканій, раздоровъ, бурь, и такъ отрадно было это время что я не промѣнялъ бы его на всѣ остальные годы моей жизни. Всѣ они готовы были идти за меня въ огонь; еслибъ я захотѣлъ, то ради моей потѣхи они согласились бы, кажется, поджечь Венецію...

„Съ особенно пріятнымъ чувствомъ вспоминаю я о нашихъ молодыхъ актрисахъ. Каждая изъ нихъ была недурна собой, каждая обладала талантомъ. Со своими прекрасными глазами, со своими вкрадчивыми кошачьими манерами онѣ дѣлали со мной что хотѣли,—доказательство того какъ хорошо умѣли онѣ разыгрывать комедію. Напрасно думаютъ будто можно руководить актрисами не принимая въ расчетъ любовь. Онѣ сотворены изъ любви; любовь сидитъ въ нихъ когда онѣ еще въ пеленкахъ, когда онѣ только учатся ходить, но справедливость требуетъ однако замѣтить что въ нашей труппѣ любовью занимались прилично, безъ скандаловъ. Никогда наши актрисы не обирали неопытныхъ молодыхъ людей, не продавали себя первому встрѣчному и—это самое главное—никогда

не прибѣгали онѣ къ злословію на счетъ тѣхъ изъ своихъ подругъ которыя отличались хорошимъ поведеніемъ. Любили онѣ по влеченію сердца, скромно, сѣдую доброму примѣру своихъ отцовъ и матерей. Каждая изъ нихъ повторяла одну и ту же фразу: „когда я выйду замужъ, то покину сцену“, а между тѣмъ вступали онѣ въ бракъ съ непремѣннымъ условіемъ сцены не покидать, и это очень понятно. ибо женщина имѣвшая успѣхъ на театральныхъ подмосткахъ уже не рѣшится сойти съ нихъ. Всѣ мы, Венеціанцы, очень страстны, но за кулисами страсть развивается съ особенною силой: она такъ и царитъ повсюду, отъ нея не уберешься даже въ будкѣ суфлера, ее вдыхаешь съ чадомъ лампы.

„Бѣдныя мои пріятельницы! Сколько было ума и сколько комическихъ чертъ въ ихъ любовныхъ похожденіяхъ! Не рѣдко направляли онѣ свои стрѣлы противъ меня, потому что я былъ холостъ, могъ жениться и не помѣшалъ бы конечно моей избранницѣ оставаться на сценѣ. Тщетно увѣрялъ я ихъ что никогда не отважусь на подобный шагъ, это охлаждало ихъ на недѣлю или на двѣ, а потомъ возобновлялась та же исторія... Каждый разъ когда возвращался онѣ изъ своихъ артистическихъ поѣздокъ по другимъ городамъ, я разспрашивалъ, съ видомъ полнѣйшаго равнодушія, какъ шли ихъ дѣла. Разумѣется съ самаго начала слышались увѣренія что каждая изъ нихъ только и помышляла что обо мнѣ, развѣ о Діо, я могъ сомнѣваться въ этомъ? Затѣмъ мало-по-малу онѣ становились откровеннѣе. Самымъ убѣдительнымъ образомъ, съ документами въ рукахъ, доказывали онѣ что избранники ихъ сердца вполнѣ серьезно готовились быть законными ихъ супругами, но къ несчастію непремѣнно случалось такъ что у одного была строгая мать, у другаго сварливый дядя, которые помѣшали ихъ счастью. Если не вѣрите, говорили онѣ, то вотъ читайте письма... Я читалъ письма и чувствовалъ что въ эти минуты устремлены на меня исплывающіе взоры—не зародится ли во мнѣ чувство ревности.... О, какъ трудно философу не измѣнить себя среди молодыхъ артистовъ! У нихъ въ душѣ цѣлыхъ шесть книгъ объ искусствѣ любить, не считая книги написанной Овидіемъ.“

Гоцци не оказался настолько философомъ чтобъ устоять противъ искушенія. Актриса прибывшая въ Венецію изъ Падуи, сивьора Теодора Риччи, совершенно овладѣла имъ;

правда, въ своихъ мемуарахъ онъ утверждаетъ что никогда не былъ влюбленъ въ нее, однако она заставляла его дѣлать такія вещи которыя ужь никакъ нельзя объяснить съ его стороны только дружбой. Эта артистка отнюдь не годилась для труппы Сакки; ея талантъ былъ въ другомъ родѣ, но Гоцци настоялъ на зачисленіи ея въ труппу; публичка отнеслась къ ней очень холодно,—тогда Гоцци началъ писать нарочно для нея пьесы, въ которыхъ она могла бы выказать свои достоинства, пьесы въ родѣ *Графа Эссекса*, *Габриели Верути*, не имѣвшія ничего общаго съ его волшебными комедіями. Артисты Сакки, играли въ нихъ неохотно, — они были готовы угождать, насколько хватало силъ, своему любимому автору, но не видѣли причины ради сивьоры Риччи отказаться отъ репертуара который въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду обезлечивалъ имъ блестящій услѣхъ. Въ актрисы возстали противъ фаворитки; Дарбесъ и Фиорилли перешли на сцену S. Salvadore, и Сакка, лишившійся такимъ образомъ своихъ безцѣнныхъ Панталоне и Тартальи, измученный непрерывными раздорами, рѣшился наконецъ искать счастья въ другомъ городѣ.—„Вы единственный человекъ съ которымъ я прихожу проститься, сказалъ онъ Гоцци, потому что мнѣ хочется уѣхать изъ Венеціи безъ огласки; никогда не забуду я вашихъ милостей, не стѣйте если когда я наелекалъ на себя вашъ гнѣвъ и позвольте мнѣ дружески поцѣловать васъ“.—„Бѣдный Труффальдинъ рыдалъ произнося эти слова, говоритъ Гоцци;—онъ обнялъ меня своими одряхлѣвшими руками и быстро удался оставивъ меня одного, разлученнаго навсегда съ моими дорогими артистами, лишь съ воспоминаніями о прошломъ и безъ ожиданія чего-либо въ будущемъ. О, мое бѣдное сердце! О бѣдная народная комедія!...“

Все пролетѣло какъ сонъ. Опять наступила для Гоцци пора глубокаго одиночества и тоски; попрежнему залерся онъ въ своемъ мрачномъ palazzo и точно также какъ въ былое время утрюмый совершалъ онъ свои прогулки по площади S. Mose. Вокругъ него катыва жизнь, но онъ какъ бы не замѣчалъ ея; совершались въ Италіи событія громадной важности, но они оставляли его равнодушнымъ. Наступили страшныя времена: въ 1797 году войска генерала Бонапарте заняли Венецію, а вслѣдъ затѣмъ по Камло-Формійскому миру перешла она въ руки Австрійцевъ. На глазахъ Гоцци

разыгралась вся эта печальная драма въ которой съ одной стороны поражаетъ грубый произволъ, возмутительное пренебреженіе ко всѣмъ основамъ международнаго права, а съ другой позорное малодушіе и бездарность. Гоцци видѣлъ все это, и Богъ знаетъ какъ должно было страдать его патриотическое чувство; но мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній объ этомъ періодѣ его жизни. Среди тогдашняго разгрома никто не позаботился отмѣтить когда онъ сошелъ въ могилу, и точно такъ же не извѣстенъ и годъ его рожденія: онъ промелькнулъ какъ метеоръ, оставивъ по себѣ лишь смутное воспоминаніе.

Переводчикъ комедій Гоцци, извѣстный французскій писатель Поль Мюссе, рассказываетъ что въ тридцатыхъ годахъ онъ долго ходилъ по книжнымъ магазинамъ въ Венеціи отыскивая его произведенія: наконецъ въ какой-то лавчонкѣ нашелся экземпляръ который были очень рады сбыть ему за безцѣнокъ. Чѣмъ объяснить подобное пренебреженіе къ памяти поэта пользовавшагося когда-то значительною извѣстностью? Нельзя видѣть тутъ только случайность. Если при жизни своей писатель составилъ себѣ громкое имя, а по смерти совершенно забыть, то должны быть болѣе или менѣе основательныя для этого причины, которыя нужно искать или въ особыхъ свойствахъ его таланта, или въ томъ родѣ литературы которому посвящалъ онъ свои силы. Въ примѣніи къ Гоцци мы видимъ и то и другое. Причудливыя шесы его были апоѳеозой комедій масокъ, онъ умѣлъ снова пробудить интересъ къ ней, но все это было искусственно потому что комедія масокъ уже не удовлетворяла требованіямъ публики. Это была не его вина, онъ сдѣлалъ гораздо больше чѣмъ можно было ожидать, но вкусы измѣнились, въ литературѣ господствовало другое направленіе. Затѣмъ, если Гоцци въ значительной степени обладалъ и юморомъ и фантазіей, то все-таки онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ у которыхъ порывы, стремленія не соотвѣтствуютъ дѣйствительному творчеству. Чудныя обольстительныя видѣнія витали предъ его взорами, но онъ не въ состояніи былъ уловить ихъ; мало созерцать ихъ самому, надо чтобъ и другимъ представлялись они осязательно, а для этого нуженъ сильный художественный талантъ. Невольно приходитъ здѣсь на умъ извѣстный разказъ о Тартини: ночью, во снѣ, слышалъ онъ какъ дьяволъ игралъ изумительную чудную сонату, и тщетно старался потомъ воспроизвести ее; отрывочныя звуки

такъ и носятъ въ его ухахъ,—кажется вотъ она, вотъ эта дивная мелодія,—онъ хватается за смычекъ, но нѣтъ, совѣшь не то... У Гоцци много намековъ, удивительныхъ намековъ на то что хотѣлось бы ему выразить, но развѣ этого достаточно? Онъ какъ будто говоритъ своимъ слушателямъ и читателямъ: „развѣ вы не видите и не чувствуете? Неужели волшебный міръ не выступаетъ предъ вами также рельефно какъ предо мной? Неужели не рождаетъ онъ въ васъ такого же настроенія какъ во мнѣ?“ Вотъ почему не многіе знатоки такъ высоко цѣнили Гоцци, и вотъ почему масса лублики такъ скоро забыла его. Людямъ въ родѣ Гёте, Шиллера, Гофмана достаточно легкаго намека чтобы понять что хотѣлъ сказать художникъ,—они сами докладываютъ чего не достаточно у него для полнаго образа,—но нельзя требовать того же самаго отъ толпы. Если тѣмъ не менѣе толпа увлекалась фантастическими комедіями Гоцци, то много способствовали этому замѣчательные артисты, о которыхъ съ такимъ глубокимъ сочувствіемъ говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ. Трудно рѣшить кому принадлежала бѣлая доля успѣха—ему или трулль Сакки: блестящая импровизація Дарбеса и Фіорилли, превосходная декорация, искусныя превращенія—все это очаровывало лублику, но въ настоящее время читатель будетъ не удовлетворенъ если помимо всей этой обстановки онъ обратится къ самимъ комедіямъ Гоцци чтобы понять тайну ихъ блестящаго успѣха, если понадеется онъ найти въ нихъ вѣчто подобное тому что представляетъ собой *Сонъ въ лѣтнюю ночь*.

N.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ЗА ГРАНИЦУ ВЪ 1711 ДО 1717 Г. *

Пирмонтъ.

Въ Пирмонтѣ Петръ оставался отъ 26 мая до 15 іюня, значить безъ маалаго три недѣли. Сначала онъ, какъ кажется, чувствовалъ себя не хорошо. На второй день послѣ пріѣзда онъ пускалъ себѣ кровь и принималъ „провосныя пилюли“. 29 мая онъ и „всѣ при немъ бывшіе“ начали пить Пирмонтскую воду. Лѣченіе не совсѣмъ повалилось царю. Когда 30 мая онъ праздновалъ день своего рожденія „лубличнаго бавкета не было, за тѣмъ что дохтуры при уло-требленіи тѣхъ водъ лить всѣмъ вина заказали“. ** Въ перепискѣ съ царицей онъ шутилъ о такомъ лечальномъ положеніи. 30 мая онъ писалъ: „мы вечеромъ почали воду лить. Дай Боже чтобъ польза была, а нынѣ противности не видимъ но почала сего дня операція быть (sic). Я надѣюсь что сія вода великаго дѣйства, ибо еще какъ стали пріѣзжать два за три великой олетить почалъ быть. P. S. Я николи въ сей день такъ обидимъ не былъ, всегда вина много пивалъ, а

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1880 г. №№ 11 и 12.

** *Журналь* 24—25.

нывѣ воду только, мало вина“. Екатерина прислала ему бутылку вина. Онъ пишетъ 5 іюня: „Письмо твое получалъ и презентъ; но чаю, что духъ пророческой въ тебѣ есть что одну бутылку прислала, ибо болѣе одной рюмки его не велятъ въ день пить; и такъ сего магазина будетъ съ меня“. Письмо оканчивается словами: „Впрочемъ, дай Богъ, видѣть васъ вскорѣ; вода дѣйствуетъ зѣло, только уже скучно стало“.*

Нѣкто почтмейстеръ фонъ - Баръ доносилъ ландграфу Гессенскому изъ Пирмонта что Петръ пріѣхалъ съ небольшою свитой, что при немъ Головкинъ, Шафировъ, нѣсколько камергеровъ, докторъ Эрскинъ и священникъ,** но что онъ не имѣетъ экипажа. Петръ, продолжаетъ почтмейстеръ, живетъ очень просто, обыкновенно обѣдаетъ у себя въ комнатѣ и довольно неопратно; онъ никого у себя не принимаетъ и пр.*** Однако нельзя сказать чтобы царь въ Пирмонтѣ жилъ мелюдимкой. Въ *Журналъ* читаемъ 27 мая: „Его Величество гулялъ въ замкѣ и видѣлся съ графомъ Пирмонтскимъ“, 28го „гулялъ въ роцѣ“, 31го „ѣздилъ полторы мили отъ Пирмонта въ деревню Швиебередъ (sic) и кушалъ у Шацъ раменъ хузина (sic) и гулялъ въ саду и въ оранжереяхъ“. 1 іюля „гулялъ въ роцѣ и ѣздилъ верхомъ“. 2го „ѣздилъ верхомъ, стрѣлялъ изъ ружья въ цѣль, и стрѣляла графиня Лилы и графъ“. 3го гулялъ въ роцѣ, дома игралъ въ шахматы“. 4го „стрѣлялъ изъ ружья въ цѣль; былъ въ комедіи“. 5го „игралъ въ шахматы, былъ въ комедіи“. 6го „гулялъ въ аллеѣ и былъ въ комедіи“. 7го „смотрѣлъ въ лавкахъ книгъ всякихъ и былъ въ комедіи“. 8го „стрѣлялъ въ цѣль изъ ружья и былъ въ комедіи арликнъ“. 9го „кушалъ у графа Лилы и за кушаньемъ агары играли на трубкахъ, стрѣлялъ въ цѣль, былъ въ комедіи“. 10го „ѣздилъ отъ Пирмонда милою на гору Армиуусъ“. 11го „былъ у Павла Ягужинскаго и танцевалъ съ дамами многими“. 12го „ѣздилъ на гору, былъ въ комедіи“. 13го „точилъ; былъ въ комедіи арликнъ“. 14го „кушалъ у графа Вальдека и танцевалъ съ дамами“, 15го „кушалъ у графа фонъ-дербъ-Лила“****.

* Письма Р. Гос. I, 46—47.

** Вѣроятно архимандритъ Феодосій.

*** Изъ архива въ Марбургѣ, сообщено Германномъ I. с. X.

**** *Журналъ* 25 и 78—80.

Въ Пирмонтъ къ царю пріѣхалъ жившій долго во Франціи Ковонъ Зотовъ и привезъ съ собою архитектора Леблока и еще нѣкоторыхъ мастеровъ, изъявившихъ готовность вступить въ русскую службу. Петръ объ этомъ дѣлѣ подробно писалъ къ Меншикову, прося послѣдняго принять ласково этихъ иностранцевъ и опредѣлить ихъ къ дѣламъ*.

Тамъ же Петръ еще разъ встрѣтился съ Лейбницемъ, который нѣсколько дней провелъ въ бесѣдахъ съ царемъ и съ Шафировымъ о разныхъ проектахъ задуманныхъ имъ для Россіи. Въ письмахъ къ разнымъ знакомымъ Лейбницъ восхвалялъ тогда громадныя способности царя, его опытность, многостороннія познанія, его страсть заниматься механикой, астрономіей, географіей и пр. Лейбницъ показывалъ царю разные механическіе приборы**.

Все это не мѣшало Петру заниматься политическими дѣлами и довольно важными. И въ Пирмонтѣ, какъ всюду гдѣ пребывалъ Петръ, не прекращались дипломатическіе переговоры. При царѣ были его министры. Тотчасъ же послѣ пріѣзда Петра въ Пирмонтъ, туда явились представители различныхъ державъ и лобывали у царя чтобы пожелать ему успѣшнаго пользованія минеральною водою. Между этими дипломатами былъ императорскій посолъ графъ фонъ-Мечъ (Metsch), которому было поручено Карломъ VI отъ имени императора просить Петра чтобы онъ оставилъ свое намѣреніе сдѣлать высадку въ Шоніи и далѣе чтобы онъ вывелъ свои войска изъ Мекленбургской области***. Это показывало что соглашенія состоявшіяся между Петромъ и Датскимъ королемъ въ Альтонѣ сдѣлались извѣстными императору. Въ Вѣнѣ вовсе не желали скорого окончанія Сѣверной войны. Въ глазахъ Австріи, сильная Швеція могла считаться необходимою уже въ видахъ сдерживанія чрезмѣрнаго развитія силъ и средствъ Пруссіи****.

Гораздо важнѣе были переговоры веденные гессенъ-кассельскимъ дипломатомъ, оберъ-гофмаршаломъ и тайнымъ

* Голицковъ, *Доп.* XI, 244—245.

** См. нѣкоторыя любопытныя подробности объ этомъ въ сочиненіи Герье, стр. 174—175.

*** См. Германна I. с. IX.

**** См. мое соч. *Peter der Grosse*, 429.

совѣтникомъ фовъ-Кетлеромъ. Сынъ ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, Карла, былъ женатъ на сестрѣ шведскаго короля Карла XII. Поэтому ландграфъ желалъ взять на себя роль посредника между Карломъ XII и Петромъ. Кетлеру было поручено разузнать въ Пирмонтѣ, на какихъ условіяхъ царь согласился бы заключить миръ со Швеціей. Посредствомъ „предварительнаго соглашенія“ (*vorgängiges Assomodement*) между Петромъ и Шведскимъ королемъ ландграфъ надѣялся принудить и прочихъ противниковъ Карла XII къ заключенію мира.

9 (20) іюля. Въ Пирмонтѣ Кетлеръ въ первый разъ заговорилъ о такомъ проектѣ сепаратнаго мира во время прогулки съ Головинымъ. Сообщеніе Кетлера было принято къ свѣдѣнію. Отношенія Петра къ союзникамъ однако требовали крайней осторожности и потому царь не далъ рѣшительнаго отвѣта. Шафировъ передалъ Кетлеру ноту въ которой говорилось о желаніи Россіи заключить миръ, но говорилось также объ обязанности царя принимать во вниманіе интересы союзниковъ*.

Такимъ образомъ въ Пирмонтѣ начались переговоры, которые затѣмъ продолжались въ Гагѣ. Лѣтомъ 1716 года Куракинъ имѣлъ въ Гагѣ свиданіе съ генераль-лейтенантомъ Равкомъ бывшимъ шведскимъ подданнымъ, вступившимъ на службу ландграфа Гессенъ-Кассельскаго, и которому было поручено дальнѣйшее веденіе переговоровъ. Тутъ Равкъ передалъ слѣдующія слова Петра сказанныя въ Пирмонтѣ въ отвѣтъ на предложенія Кетлера: „Можно ли со Шведскимъ королемъ переговаривать о мирѣ, когда онъ не имѣетъ никакого желанія мириться и называетъ меня и весь народъ Русскій варварами?“ Передавая эти слова Петра, Равкъ замѣтилъ Куракину что царю несправедливо донесено объ отзывахъ о немъ Карла XII. „Я“, говорилъ Равкъ, „былъ при Шведскомъ королѣ въ Турціи и въ Штральзундѣ съ полгода, и во все это время Карлъ XII отзывался о царскомъ величествѣ съ большимъ уваженіемъ: онъ считаетъ его первымъ государемъ въ цѣлой Европѣ. Надобно всячески стараться уничтожить личное раздраженіе между государями, ибо этимъ проложится дорога къ миру между государями“.**

* Изъ Марбургскаго архива у Германна I. с. XI—XII.

** Соловьевъ XVII, 61—62.

До послѣдняго времени о пирмонтскихъ переговорахъ ничего почти не было извѣстно.* Благодаря открытіямъ профессора Германна въ Марбургскомъ архивѣ мы имѣемъ въ некоторыхъ свѣдѣніа объ этомъ предметѣ. Ни въ *Журналахъ*, ни въ письмахъ Петра къ Екатеринѣ не упомянуто объ этихъ переговорахъ.

Несмотря на представленія императорскаго двора, несмотря на увѣренія ландграфа Гессенъ - Кассельскаго относительно склонности Карла XII къ миру, Петръ былъ убѣжденъ въ необходимости продолжать военныя дѣйствія, и именно сдѣлать высадку въ южной части Швеціи. Для такого морскаго похода Петръ нуждался въ свѣжихъ силахъ и потому былъ особенно доволенъ успѣхомъ дѣченія въ Пирмонтѣ.

11 іюня 1716 года Петръ изъ Пирмонта писалъ Екатеринѣ: „Надѣюсь, Богу извольшу, двѣи въ десять вась видѣть ибо по трехъ двехъ куръ или лѣтухъ нашъ окончатся“. ** Дѣйствительно въ *Журналъ* сказано 14 іюня: „Окончался курсъ“.

На другой же день 15 іюня, Петръ отправился въ луть. Того же числа онъ пріѣхалъ въ Герренгаузенъ, гдѣ видѣлся со внукомъ короля Георга I, гулялъ „въ огородѣ“, ѣздилъ въ каналѣ кругомъ „огороду“ и оставался тамъ до 17го. Двумя днями позже онъ пріѣхалъ въ Шверинъ, гдѣ оставался до 23 іюня. Пребываніе въ Шверинѣ не представляетъ особеннаго интереса. Въ *Журналъ* упомянуто о прогулкахъ въ „огородѣ“ и о посѣщеніи мастера дѣлающаго барометры.

23 іюня, вечеромъ, царь пріѣхалъ въ Ростокъ, а двумя днями позже туда же пріѣхала царица. Тутъ Петръ засталъ свой галерный флотъ, состоявшій изъ 48 судовъ. На немъ находились два полка гвардіи и Астраханскій полкъ. Царь ночевалъ на одной изъ галеръ, показывалъ герцогу Мекленбургскому флотъ, катался по рѣкѣ Варновѣ и даже, на шнявѣ *Принцесса*, выѣзжалъ въ море. Въ Ростокѣ царь праздновалъ годовщину Полтавской битвы (27 іюня): „Послѣ молебна палили со всѣхъ галеръ

* Куракинъ былъ также въ Пирмонтѣ, какъ видно изъ его письма къ Алраксину отъ 8 іюля изъ Галловера, въ *Материалахъ Истории Р. Флота IV*, 104.

** *Письма Росс. Гос. I*, 47. Куръ, то-есть *Cur*, дѣченіе. Петръ играетъ здѣсь словами.

изъ лубекъ, потомъ солдаты, всѣ поставленные въ строю, лапали изъ ружья бѣглымъ огнемъ, и сіе было три раза, и послѣ обѣдали его величество, и всѣ министры и офицеры у герцога“. 29 іюня Петръ праздновалъ день своего тезоименитства. Былъ опять обѣдъ у герцога. Въ тотъ же день царь со всѣми галерами отправился водою въ Варнемюнде. Путешествіе моремъ изъ Варнемюнде до Коленгагена продолжалось три дня (отъ 3 до 6 іюля). Ожидали столкновения со Шведами. Распространился слухъ будто шведскій флотъ стоитъ у острова Мёена (Möen), мимо котораго русскимъ судамъ надежало проплыть на пути въ Коленгагенъ; но слухъ оказался ложнымъ. Суда крейсеровавшіе близъ Мёена были не непріятельскія, а датскія. Царь ночевалъ въ ночь на 4е и въ ночь на 5 іюля на островѣ Фальстерѣ. Царицы при немъ не было. Она отправилась изъ Варнемюнде сухимъ путемъ въ Любекъ и оттуда въ Коленгагенъ, куда прибыла не раньше 12 іюля. * Петръ писалъ къ Екатеринѣ съ острова Фальстера: „Еще бы я зналъ сіи мѣста что такъ удобно то-бъ, конечно, взялъ тебя съ собою, о чемъ сожалею“ ** Въ то самое время когда Петръ съ галернымъ флотомъ приближался къ Коленгагену, 5.000 человекъ конницы двинулись изъ Мекленбурга чрезъ Голштинію, Шлезвигъ къ острову Фюенъ. *** Такимъ образомъ Петръ явился въ Данію со значительными военными силами.

Приготовленія къ десанту въ Шонію.

Мысль о десантѣ въ Швецію занимала Петра съ давнихъ поръ. Для этой цѣли было необходимо содѣйствіе Даніи. Уже въ 1715 году былъ составленъ проектъ о совмѣстномъ дѣйствіи русскаго и датскаго флотовъ. **** Въ ятомъ пунктѣ проекта сказано что къ транспорту и операціямъ въ Швецію потребно великое войско и что имейно въ этомъ отношеніи царь надѣется на содѣйствіе датскаго флота. Въ 1716 году

* *Журналы* 1716 г. стр. 1—3, 26—29, 82—83.

** *Письма Р. Гос.* I, 48.

*** Соловьевъ XVII, 56.

**** *Мат. Ист. Р. Флота* IV, 87.

вопросъ о датскихъ транспортныхъ судахъ игралъ весьма важную роль и содѣйствовалъ раздраженію съ какимъ Петръ покинулъ Коленгагенъ. Въ третьемъ пунктѣ было сказано: „Когда оба тѣ флота, русскій и датскій, случатся вмѣстѣ, а е. ц. в. высокою его персоною на русскіи флотѣ быть изволить, е. в. король датскій дастъ указъ главному командиру его флотомъ быть послушны указамъ е. ц. в.“ Также Англійскій король въ 1715 выразилъ готовность предоставить свой флотъ союзникамъ для дѣйствій противъ Швеціи. *

Нападеніе на Швецію Петръ считалъ дѣломъ чрезвычайно важнымъ. Въ запискѣ составленной имъ по этому вопросу сказано: „Когда непріятель изъ нѣмецкаго края выгнать будетъ, то еще не чаю конца войны быть и море всегда отъ Шведовъ не чисто будетъ и король Шведскій неусыпно случая смотрѣть будетъ; того ради лучше его и на томъ берегу пойти и къ желаемому миру принудить, а ежели въ семъ слабо поступать, опасно, дабы кто изъ сильныхъ въ медиаторы не вмѣшался и тогда принуждены будемъ всѣ по ихъ музыкѣ танцовать“. **

Между русскимъ посланцемъ въ Коленгагенѣ, В. Л. Долгорукимъ, и королемъ Датскимъ постоянно происходили переговоры о необходимости энергичныхъ дѣйствій; король жаловался на недостатокъ въ деньгахъ и видимо разчитывалъ на русскія субсидіи. *** Во время своего пребыванія въ Данцигѣ, Петръ не разъ сообщалъ Долгорукому свои соображенія и старался дѣйствовать на Датскаго короля. Король медлилъ, извинялся разными затрудненіями въ которыхъ онъ самъ находился, необходимою прикрывать берега Норвегіи и пр. Петръ былъ очень недоволенъ и писалъ Долгорукому 21 марта: ****, „Изъ письма вашего мы съ великимъ удивленіемъ усмотрѣли, коимъ образомъ у Е. В. короля Датскаго никакія предуготовленія не чинятся къ десанту въ Шонію, но что со стороны Е. К. В. токмо объ осадѣ и добываніи Висмара

* См. письмо короля Георга къ Фридриху Вильгельму I, въ *Мат. Ист. Р. Флота* IV. 88.

** *Мат. для Ист. Р. Флота* IV, 90.

*** Тамъ же 89—90.

**** Тамъ же 92—96. Письмо Петра отъ 21 марта у Голицова, *Доп.* XI, 130—133. Соа. XVII, 53.

мыслятъ; но понеже не довольно будетъ, хотя и городъ Висмаръ возмется, ибо тѣмъ война наша еще окончена не будетъ, но потребно есть, чтобы въ самую Швецію вступить и тамо силою оружія непріятеля къ миру принудить; мы также въ томъ намѣреніи такое знатное число наилучшихъ нашихъ войскъ сюда приведемъ, дабы кувно съ Е. В. королемъ датскимъ десантъ въ Шонию учинить и непріятеля въ среднѣхъ своего государства атаковать; еже когда учинится и въ томъ съ надлежащею ревностью поступлено будетъ, то король шведскій и забудетъ транспортъ къ Висмару учинить, но оставя то намѣреніе принужденъ будетъ всѣ свои силы къ собственной своей оборонѣ обратить и тогда Висмаръ, не имѣя больше надежды къ скурсу самъ принужденъ будетъ сдать; или мочно и такія мѣры взять, чтобъ и то и другое учинить и Висмаръ добывать и десантъ въ Шонию въ одно время дѣлать, того ради вы сіе Е. К. В. наилучшимъ образомъ представьте и помогайтесь, чтобъ Е. К. В. не олустья времени къ помянутому десанту всѣ потребныя предуготовленія заранѣе учинить указалъ, чтобъ оный всеконечно въ сей кампаніи, съ Божіею помощію, учиненъ быть могъ. Вы Е. В. объявите что мы для пользы общаго интересу и для вспоможенія Е. К. В. такія великія иждивенія несемъ и наилучшимъ своимъ войскамъ въ такіе дальные края маршировать велѣли и еще оныя на своемъ жалованьи и часть оныхъ на пропитаніи тамо содержать хотимъ и то все для того, чтобъ его королевское величество датское въ состояніи привести и желаемымъ успѣсомъ упомянутый десантъ предвоспріять; но ежели сіи наши труды, понесенныя убытки и приложенныя радвія всуѣ будутъ и настоящую кампанію токмо добываніемъ Висмара прелпроводить, а десанту въ Шонию учинить не хотять, то бѣ его королевское величество не надѣяся, чтобы мы въ предыдущій годъ въ состояніи были ему войсками нашими или инымъ чѣмъ вспомогать и вновь такія превеликія иждивенія повестъ; умалчивая что между тѣмъ времена отмѣнаться могутъ такимъ образомъ, что уже тогда и поздно будетъ оный десантъ предвоспріять и пр.“ *

Желая сосредоточить свои войска и свои эскадру въ Дании чтобъ оттуда напасть на Швецію, царь принималъ разныя мѣры для перевозки и для прокормленія солдатъ

* *Мат. для Ист. Р. Фл. IV, 94—95. Также 97.*

и моряковъ. Корреспонденція по этому предмету весьма сложна. * Надежда на короля Датскаго была слаба. Девиеръ писалъ изъ Коленгагена 24 марта, замѣчая что десантъ въ Шонию необходимъ для заключенія мира: „Датскій король зѣло слабъ и удивительно какъ онъ еще держится по сіе время, къ тому же нынѣ доходъ норвежскій пропалъ“ и пр. **

Распорядившись отправкой флота изъ Ревеля къ Коленгагену, Петръ писалъ Долгорукому 24 марта: „И понеже чаю что ваши корабли изъ Ревеля къ вамъ пришаи или скоро къ вамъ будутъ, и еже похочеть король ихъ видѣть, то проси, чтобъ до меня не изволилъ на нихъ быть“. *** Къ Алраксину царь писалъ 15 апрѣля изъ Дампига: „Здѣсь подлинныя извѣстія есть, что конвой будетъ лаки съ генераломъ Норрисомъ и чаю съ лучшими указами нежели прошлаго года.“ **** Вскорѣ послѣ этого было получено извѣстіе что не далеко отъ Коленгагена появился большой шведскій флотъ; можно было оласаться за русскій флотъ, приближавшійся къ Коленгагену изъ Ревеля. † Русскіе и датскіе моряки находились въ свошеніяхъ между собой и условились о совокупномъ дѣйствіи. Главное же соглашеніе между Даніей и Петромъ было результатомъ свиданія Фридриха IV съ царемъ въ Альтовѣ (23 мая.)

Въ послѣдствіи король Датскій жаловался что ему пришлось ждать царя вѣсколько недѣль и что путешествіе въ Альтову для него было весьма затруднительнымъ, такъ какъ въ то же самое время важныя дѣла требовали его присутствія въ Коленгагенѣ и пр. †*

Какъ бы то ни было, свиданіе состоялось; и союзники условились сдѣлать десантъ въ Шонию и помогать другъ другу всѣми средствами. Между прочимъ король Датскій обѣщалъ дать пушки и ядра, чтобы по возможности скорѣе снабдить ими три русскіе корабли построеныя въ Голландіи. †** Куракинъ писалъ къ Алраксину изъ Гамбовера

* См. напримѣръ *Мат.* II, 31 IV, 96—97 и пр.

** *Мат.* IV, 97.

*** *Мат.* II, 36. Разныя распоряженія въ письмахъ къ Алраксину и Бутурлину, II. 40—41 и пр.

**** *Мат.* II, 49.

† *Мат.* IV, 99—100.

†* *Lamberty* IX, 625.

†** *Мат. для Ист. Р. Фл.* II, 71.

8 іюня 1716 года: „Хотя довольно трудности съ Датскимъ дворомъ при вынѣшнемъ сѣздѣ находилось, однакожъ наконецъ во многомъ по желанію Ц. В. соглашено и заключено именно и властными ихъ обоихъ величествъ руками подписано объ операціяхъ сей кампаніи, что король обязался всѣ 30 баталіоновъ и полкъ кавалеріи, которые находятся и чины идутъ изъ Польши, перевезти на своихъ проторахъ въ Шонію и тамъ будутъ содержать 15 баталіоновъ на ихъ хлѣбѣ, но прочее все войско на нашемъ пропитаніи“ и пр.*

Положеніе Долгорукаго въ Коленгагенѣ послѣ заключенія этихъ „пунктовъ“ въ Альтовѣ было не легкое. Онъ долженъ былъ постоянно вести переговоры съ королемъ, съ министрами, съ моряками, заботясь о томъ чтобы были исполнены обѣщанія. Въ особенности же онъ опасался за русскій флотъ, находившійся на дорогѣ изъ Ревеля въ Коленгагенъ и, какъ онъ полагалъ, не подозрѣвавшій спящаго шведскаго флота близъ Коленгагена. Поэтому онъ, согласно наказу полученному въ Альтовѣ отъ царя, старался убѣдить англійскаго адмирала Норриса, который съ англійскимъ флотомъ прибылъ къ Гельсингёру, въ необходимости прикрыть своими кораблями русскій флотъ на пути изъ Ревеля. Обо всѣхъ этихъ бесѣдахъ онъ подробно писалъ къ царю въ то время когда Петръ находился въ Пирмонтѣ.**

Однимъ изъ важнѣйшихъ условій удачнаго исхода имѣвшагося въ виду предпріятія было число транспортныхъ судовъ для перевозки значительныхъ массъ русскихъ войскъ изъ Мекленбургіи въ Дانیю. Много зависѣло отъ исполненія именно этого обѣщанія Датскаго короля.*** Русскій галерный флотъ былъ въ состояніи перевезти только часть русскихъ войскъ. Нужно было разчитывать на датскія суда.

Со всѣхъ сторонъ начали сосредоточиваться въ Коленгагенѣ значительныя военныя силы. Изъ Англіи туда прибылъ Бредаль съ эскадрой снаряженною въ Англіи. Изъ Ревеля ожидали прибытія большого русскаго флота; изъ Мекленбургіи сухопутныя войска должны были отправиться въ Дانیю; галерный флотъ съ береговъ Помераніи, гдѣ онъ находился еще въ срединѣ іюня, приближался къ Варнемюнде.

* *Мат. для Ист. Р. Фл.* IV, 103—104.

** *Мат. для Ист. Р. Фл.* IV, 102, 105.

*** См. письмо Репнина въ *Мат.* IV 106.

Отовсюду царь во время своего пребыванія въ Мекленбургѣ получалъ донесенія о движеніи судовъ; ко всѣмъ начальникамъ онъ постоянно отправлялъ инструкціи, рукова всѣми дѣйствіями. *.

Такимъ образомъ Петръ, наконецъ, въ первыхъ числахъ іюля отправляясь въ Дамію могъ ожидать исполненія въ ближайшемъ будущемъ своего желанія нанести сильный ударъ самой Швеціи и этимъ принудить Карла XII къ миру. Первымъ условіемъ успѣха было согласіе союзниковъ.

Коллеггенъ.

Пребываніе Петра въ Коллеггенѣ и предпріятыя имъ оттуда поѣздки къ берегамъ Швеціи продолжались отъ 6 іюля до 16 октября, значить болѣе трехъ мѣсяцевъ. Къ этому времени относятся весьма важныя событія въ исторіи дипломатическихъ сношеній между союзниками. Военныя дѣйствія сдѣлались невозможными вслѣдствіе разлада между союзниками. Опасенія чрезмѣрнаго могущества Петра росли. Самъ Петръ не довѣрялъ союзникамъ. До настоящаго времени, впрочемъ, при недостаточномъ матеріалѣ закулисной дипломатической исторіи, остается невозможнымъ разъяснить вопросъ что было причиною неосуществленія десанта въ Шонію: царь обвинялъ союзниковъ въ неохотѣ къ дѣйствіямъ, въ умысленномъ замедленіи хода дѣлъ; союзники же обвиняли царя въ томъ что онъ, серьезно думая о заключеніи сепаратнаго мира съ Швеціей, самъ не хотѣлъ дѣйствовать. Дѣло въ томъ что интересы союзниковъ шли врознь. Особенно Англія не желала чрезмѣрнаго униженія Швеціи и возвышенія Россіи. И Англичане и Датчане въ это время относились къ Петру враждебно, хотя это внутреннее озлобленіе и прикрывалось высшими формами приличія, учтивости и даже дружбы.

Еще до пріѣзда царя въ Коллеггенъ обнаружилось неблагоприятное настроеніе Англійскаго и Датскаго правительствъ. 22 іюня король Датскій, разговаривая съ русскимъ посломъ,

*. См. множество писемъ царя и къ царю въ *Мат. для Ист. Р. Фл.* II, 84 и слѣд. См. также нѣкоторыя распоряженія къ Сенату въ *Сб. Ист. Общ.* XI, 319 и слѣд.

Долгорукимъ, замѣтилъ что англійскій флотъ едва ли будетъ дѣйствовать противъ Шведовъ; Англичанамъ, замѣтилъ король, противно что войска царскаго величества вступятъ въ Шонію. „Отъ чего же противно?“ спросилъ Долгорукій.— „Оттого, отвѣчалъ король, что они подозрѣваютъ царское величество, а причины подозрѣнія: поступокъ царскаго величества съ Давцигомъ (наложеніе контрибуціи), вмѣшательство въ мекленбургскія дѣла, дѣйствія въ пользу герцога Мекленбургскаго, а теперь еще больше навело подозрѣнія введеніе русскаго войска въ Ростокъ.“

Нужно было стараться дѣйствовать на Англію. Главнымъ совѣтникомъ при королѣ Георгѣ I былъ Бернсторфъ. Петръ послалъ указъ Куракину стараться какъ можно скорѣе заключить съ Англіей договоръ, потому что безъ этого англійскій флотъ едва ли что сдѣлаетъ въ пользу Сѣвернаго Союза; адмиралъ Норрисъ даже и въ Балтійское море идти не хочетъ; транспортъ который шелъ изъ Ростка въ Зеландію замедлялъ потому что его прикрыть нечѣмъ, и можно опасаться что кампанія пройдетъ безъ дѣйствія. Надобно думать, представляя Петръ далѣе въ инструкціи Куракину, что Ганноверцы интригуютъ при Датскомъ дворѣ. Фабриціусъ, ганноверскій министръ, отвращалъ короля Датскаго отъ высадки въ Шонію, убѣждалъ оставить это предпріятіе и возвратить русскія войска. Куракинъ передалъ Бернсторфу о поведеніи Фабриціуса; тотъ отвѣчалъ что сомнѣвается въ вѣрности извѣстія и можетъ клятвой засвидѣтельствовать что дворъ его сильно желаетъ высадки въ Шонію и что англійскій адмиралъ Норрисъ прикроетъ Зундъ для высадки. Но заключеніе договора между Россіей и Англіей откладывалось; Бернсторфъ не хотѣлъ слышать ни о какой сдѣлкѣ по мекленбургскому дѣлу. Куракинъ объявилъ ему что если онъ службу свою царскому величеству покажетъ, поможетъ герцогу Мекленбургскому въ пріобрѣтеніи Висмара, то получить все что потребуетъ себѣ и своей фамиліи въ вознагражденіе. Бернсторфъ однако отвѣчалъ что онъ, какъ добрый патріотъ, старается объ общихъ интересахъ всего мекленбургскаго дворянства и требуетъ одного, чтобы герцогъ оставилъ дворянство при прежнихъ привилегіяхъ безо всякихъ нападковъ: тогда и дворянство будетъ вѣрно ему служить*.

* Соловьевъ XVII. 57.

Изъ всего этого видно въ какой тѣсной связи состояли военныя дѣйствія въ Балтійскомъ морѣ съ поведеніемъ царя въ Дампигъ и въ Мекленбургѣ. Чѣмъ суровѣе Петръ обращался съ подданными своихъ союзниковъ, короля Августа II и герцога Карла Леопольда, которые оба превратились такъ-сказать въ вассаловъ Россіи, тѣмъ болѣе затрудненій встрѣчалось при осуществленіи военныхъ плановъ царя. Появленіе царя съ большимъ флотомъ у береговъ Зеландіи и значительнаго войска въ предѣлахъ Давіи не могли не безлокоить короля Фридриха IV и его министровъ.

Все это однако не мѣшало Датчанамъ привѣтствовать Петра чрезвычайно торжественно. Когда гаагерный флотъ приближался къ Коленгагену, царь велѣлъ „самъвировать городу изъ трехъ пушекъ“, то-есть троекратнымъ залпомъ изъ всѣхъ орудій. Изъ цитадели отвѣчали пятью залпами. На встрѣчу русскому флоту выѣхали датскіе флагманы, а за ними самъ король въ шлюлкѣ. Когда проходили мимо форта, находившагося за подмиліи отъ Коленгагена, тогда съ этой крѣпости также салютовали. Высадившись въ коленгагенской гавани, Петръ вмѣстѣ съ королемъ пошелъ въ замокъ и „встрѣча была съ великой церемоніей и со всего города кругомъ была стрѣльба троекратная.“ *

Петръ могъ быть довольнымъ такимъ приѣмомъ. Въ его письмѣ къ Екатеринѣ отъ 7 іюля сказано: „Дай знать какъ сюды будете, дабы я васъ могъ встрѣтить, понеже чины не описанныя здѣсь, и я вчера въ такой церемоніи былъ въ какой болѣе двадцати лѣтъ не бывалъ“ **. Когда, 12 іюля, въ Коленгагенъ пріѣхала Екатерина, ей была такая же встрѣча „съ великою церемонією“. Въ тотъ же вечеръ король и датскіе министры ужинали у царя и царицы вмѣстѣ съ русскими министрами ***. Саксонскій дипломатъ Лосъ писалъ 3 (14) августа 1716 года къ борову Мантейфелю: „король Датскій всячески старается угодить царю. Королева отдала первая визитъ царицѣ, супругѣ царя, и послѣдняя всегда подаетъ ей руку на всѣхъ обѣдахъ и вездѣ гдѣ онѣ только встрѣчаются“ ****.

* *Полодний Журналъ* 28—29.

** *Письма Р. Гос.* I. 48.

*** *Журналъ* 29—30.

**** *Сб. Ист. О. XX*, 64. См. далѣ замѣтку о сосудѣ изъ котораго король Датскій пилъ за здоровье царя и царицы. У Голицева, V, 181.

Переговоры между Петромъ и Фридрихомъ IV объ экскедици въ Швецію не мѣшала устройству разныхъ увеселеній и празднествъ и осмотру въ некоторыхъ достопримѣчательностей датской столицы. Весьма часто Петръ обѣдалъ у короля (напримѣръ 7го и 10го іюля), гулялъ съ нимъ „въ огородѣ“, былъ съ нимъ въ Куноткамерѣ, посѣщалъ его въ замкахъ Фридрихсбургѣ и Розенбургѣ; то царь и царица въ обществѣ короля и королевы смотрѣли птицъ, то имъ показывали великолѣпныя палаты во дворцахъ, комнаты и другія вещи. Царь побывалъ на большой башнѣ гдѣ знаменитый Тихо-де-Браге имѣлъ свою астрономическую обсерваторію, осматривалъ церкви, ѣздилъ въ „гондолѣ“ и пр. *

Объ отношеніяхъ между Петромъ и Фридрихомъ IV сообщать любопытныя подробности Лось въ письмѣ къ Мантейфелю. Тутъ сказано: „между царемъ и королемъ Датскимъ часто происходили сцены, несмотря на то что послѣдній всячески привуждалъ себя соображаться съ духомъ и привычками царя. Вотъ нѣкоторыя изъ нихъ:

1) „Царь, желая говорить о дѣлахъ съ королемъ, послалъ къ послѣднему сказать объ этомъ однажды въ 8 часовъ утра. Ему отвѣтили что король еще спитъ. Два часа спустя царь снова послалъ съ тѣмъ же порученіемъ; ему сказали что хотя король уже всталъ, но никто не смѣетъ еще входить въ его комнату. Черезъ часъ царь опять послалъ къ нему и получилъ въ отвѣтъ что король еще не одѣтъ. Царь чуть было не потерялъ терпѣнія. Король пришелъ наконецъ самъ къ царю отдать визитъ въ часъ полудни и царь весьма учтиво замѣтилъ ему: „Мой братъ, дѣла не могутъ идти хорошо такимъ образомъ; каждый день у насъ есть много важнаго что мы должны сообщить другъ другу, между тѣмъ къ вашему величеству не всегда можно имѣть доступъ. У меня также есть свои дѣла. Условимся однажды на всегда имѣть опредѣленный часъ въ день, въ который мы можемъ видѣться, когда намъ будетъ что сказать другъ другу“. Король согласился. Царь пожелалъ чтобы то было утромъ; король Датскій отказался, и наконецъ обѣ стороны согласились что будутъ видѣться въ 6 часовъ вечера, если нужно будетъ что сообщить; при этомъ рѣшено не возвѣщать заранѣе о себѣ.

* Журналь 83 и слѣд.

2) „Однажды, когда царь былъ на обѣдѣ у короля Датскаго, на которомъ лица болѣе обыкновеннаго, король желая помутить, сказалъ: „а братецъ, я слышалъ что у васъ также есть любовница“. Царь, находя подобную шутку далеко не въ своемъ вкусѣ, возразилъ: „Братецъ, мои фаворитки мнѣ стоить не дорого; ваша же метреса стоить вамъ многія тысячи талеровъ, которые вы могли бы употребить гораздо лучше.“

3) „Король Датскій пригласилъ однажды царицу со всею свитой на обѣдъ въ Фридрихбургъ и русскіе министры просили позволенія у Датчанъ вѣхать въ каретахъ на внутренній дворъ замка, по примѣру посла; по этому поводу много спорили, и Датчане никакъ не хотѣли согласиться на это. Наконецъ придумали слѣдующее: великій канцлеръ садеть въ одну карету съ царицею, а два другіе министра въ карету посла и подобнымъ образомъ они вѣдутъ на внутренній дворъ замка.

4) „Нѣсколько дней тому назадъ король Датскій прислалъ царю приглашеніе на комедію черезъ Вестфала. Царь, бывшій въ это время на своемъ кораблѣ, не далъ положительнаго отвѣта и удовольствовался тѣмъ что оказалъ: онъ еще увидитъ, можно ли ему будетъ придти. Предполагаютъ что Вестфаль увѣрилъ что царь не будетъ и вслѣдствіе того представленіе отменили. Къ 9 часамъ вечера царь пришелъ въ замокъ чтобы посмотреть комедію и узнавъ что она не идетъ пожелаалъ поговорить съ королемъ. Вестфаль, находившійся какъ разъ на дворѣ въ то время когда царь входилъ въ замокъ, взялъ его подъ руки и вѣжливо сказалъ: „Государь, король, мой повелитель, уже спать“, повелъ его къ воротамъ замка. Когда царь спросилъ куда онъ ведетъ его и Вестфаль отвѣчалъ что онъ хочетъ проводить его въ его покои, то царь возразилъ: я не хочу идти домой; вошелъ въ покои короля Датскаго, котораго нашелъ не спящимъ, а одѣтымъ и притомъ въ обществѣ нѣсколькихъ министровъ. Нѣкоторые изъ служащихъ при дворѣ царица увѣрили меня что его царское величество былъ сильно оскорбленъ поведеніемъ Вестфала, и я не сомнѣваюсь что онъ дастъ ему почувствовать это въ свое время“ *.

* Сб. Ист. Общ. XX. 61—64.

Въ продолженіе всего времени пребыванія въ Колемагенѣ, царя въ особенности занимала мысль объ экспедиціи въ Шонію. Онъ часто бывалъ на морѣ, осматривалъ корабли и старался собрать по возможности болѣе судовъ и войскъ. Въ *Журналахъ* замѣчено, между прочимъ, 7 іюля: „Его Величество былъ на локульныхъ корабляхъ;“ 8го „былъ у капитана-командора Шеальтинга на кораблѣ;“ 9го „кушалъ на кораблѣ Уриалъ у капитана Сивявина“, 10го „гулялъ во адмиралтействѣ.“ 14 іюля: „англійскій адмиралъ Джонъ Норрисъ“ съ которымъ, какъ мы знаемъ, Петръ уже въ 1715 году часто видѣлся въ Ревелѣ, пріехалъ съ англійскимъ флотомъ къ Колемагену въ ночь и сталъ на якорь.“ 16 іюля царь „гулялъ въ буерѣ по морю, и стрѣлялъ“, 17го онъ „былъ на 140 пушечномъ датскомъ кораблѣ *Фридрикусъ*“. На другой день * пріѣхалъ изъ Ревеля русскій флотъ, состоявшій изъ 7 кораблей, 3 фрегатовъ, 3 шхавъ и одного галіота. Онъ былъ встрѣченъ пушечною пальбой съ крѣпости. Англійскій флотъ также пріѣхалъ изъ Сиверса, командовавшаго русскимъ флотомъ, пушечными залпами; то же самое сдѣлалъ стоявшій тутъ же голландскій флотъ. Голландскій и англійскій командоры были у царя на кораблѣ съ визитомъ. Петръ, какъ вице-адмиралъ русскаго флота, подъялъ свой флагъ, отдалъ визиты другимъ командорамъ и пр.

Въ это время начались уже пренія по вопросу объ экспедиціи въ Шонію. Въ *Журналахъ* сказано: „Между прочими дѣлами непрестанно лобуждали господъ Датчанъ чтобы транспортомъ и флотомъ не мѣшкали и время не пропустили, но оныя безъ прибытія вице-адмирала Габеля накопимъ образомъ идти не хотѣли“. Габель съ датскою эскадрой находилса тогда у береговъ Норвегіи. Ежедневно ожидали его прибытія оттуда къ Колемагену. Нетерпѣливый царь имѣлъ частыя бесѣды объ этомъ предметѣ съ Датчанами. 20 іюля онъ опять былъ на большомъ датскомъ кораблѣ *Фридрикусъ*; 21го на царскомъ кораблѣ *Ингерманландія* былъ король съ министрами и съ адмираломъ Норрисомъ; въ присутствіи Датскаго короля царь сравнивалъ скорость хода одной изъ русскихъ галеръ съ ходомъ англійской шлюпки. 22 іюля, наконецъ, царь не вытерпѣвъ отправился на шхавѣ *Принцесса*, въ сопровожденіи двухъ дру-

* Въ трехъ *Журналахъ* прибытіе этой эскадры показано различно: 17, 18 и 19 іюля, см. стр. 3, 30, 84.

гакъ шлывъ: *Лизета* и *Диана*, для рекогносцировки шведскаго берега къ сѣверу отъ Коленгагена до Ландскрона и дальше. Тутъ Петръ увидѣлъ что непріятель укрѣпилъ батареи и линіями всё удобныя къ десанту мѣста. Во время рекогносцировки царь подвергся опасности. Въ *Журналъ* сказано что шлыва *Лизета* была „равена“. На третій день, 24 іюля, Петръ возвратился въ Коленгагенъ. 27 іюля на русскомъ флотѣ праздновали пушечными залпами годовщину Голгудской битвы 1714 года. Петръ со своими министрами, съ датскими адмиралами и съ англійскимъ адмираломъ Норрисомъ обѣдалъ на своемъ кораблѣ *Ингерманландія*. Увидѣли приближеніе состоявшей изъ шести кораблей датской эскадры подъ командой вице-адмирала Габеля. Петръ возымѣлъ надежду что можно будетъ наконецъ приступить къ дѣйствіямъ. Въ *Журналъ* сказано: „И при томъ (прибытіи Габеля) отъ его величества многократно о походѣ флота говорено, предлагая что уже и вице-адмиралъ Габель пришелъ, но къ скорому походу склонить не могли; такожь представляемо чтобъ учинить деташиръ отъ флота всѣхъ соединенныхъ къ Аланту, для проходу нашихъ галеръ, но Датчане своей части дать не хотѣли.“ *

При такихъ обстоятельствахъ нечего удивляться тому что царь часто искалъ случаевъ бесѣдовать лично съ королемъ, и что король старался уклониться отъ такихъ бесѣдъ. Есть основаніе думать что вышеупомянутый эпизодъ съ Вестфалемъ происходилъ 28 іюля, т.-е. на другой день послѣ прибытія Габеля съ датскою эскадрой изъ Норвегіи. **

Не даромъ, еще въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Коленгагенѣ, Петръ писалъ Алраксину (10 іюля 1716 г.): „Все добро дѣлается, только датскою скоростью; жаль времени, да дѣлать нечего“. *** Самъ онъ постоянно трудился, составлялъ записки о десантѣ, сѣдиль за отношеніями Датскаго правительства къ англійскому адмиралу Норрису, заботился объ опредѣленіи правилъ которыми слѣдовало руководствоваться при салютаціи кораблей разныхъ державъ, давалъ различныя приказанія о доставленіи тѣхъ предметовъ въ которыхъ нуждались русское войско и русскій флотъ. ****

* *Журналъ* 33.

** *Журналъ* 86: „Были въ комедіи, и сидѣли у короля и пр.“

*** *Мат. для Ист. Р. Флота* II, 94.

**** Тамъ же II, 93 и слѣд. IV, 109 и слѣд.

Куракинъ въ то же время велъ переговоры по вопросу о десантѣ съ Англичанами. Бернсторфъ и Стенголь увѣряли его что англійскій флотъ во всѣхъ операціяхъ будетъ принимать самое дѣятельное участіе и что Норрису даны на этотъ счетъ нужныя наставленія. Съ другой стороны ходили слухи будто Голландія желаетъ всѣми мѣрами препятствовать десанту. *

Приготовленія къ нападению на Швецію не прекращались. Въ Помераніи около Стральзунда, въ Мекленбургіи, около Ростока находились русскія войска и готовились приласы. Датчане своими транспортными судами должны были помочь перевозкѣ войскъ и приласовъ на театръ войны. Въ началѣ августа могло наконецъ казаться что союзники начнутъ серьезно дѣйствовать соединивъ свои флоты въ одно цѣлое. Были приняты мѣры для собиранія свѣдѣній о мѣстопребываніи шведскаго флота. Былъ отправленъ къ Борнгольму русскій фрегатъ для развѣдки о непріятельскомъ флотѣ; 2 августа фрегатъ возвратился никуда не встрѣтивъ непріятеля.

Наконецъ 5 августа на Коленгагенскомъ рейдѣ происходила торжественная церемонія отправленія соединенныхъ эскадръ „въ походъ“. При этомъ Петръ игралъ первенствующую роль. Онъ казался душой всего предпріятія. Ему принадлежала инициатива похода. Онъ былъ главнокомандующимъ. Ему было оказываемо особенное уваженіе, какъ начальнику.

Не прошло еще двухъ десятилѣтій какъ Петръ въ Голландіи учился морскому дѣлу. Съ тѣхъ поръ Россія сдѣлалась сильною морскою державою, первокласснымъ государствомъ. Царь стоялъ во главѣ союза составившагося противъ Швеціи и въ качествѣ моряка и воина, какъ специалистъ въ морской войнѣ, онъ стоялъ во главѣ адмираловъ Англіи, Голландіи, Давіи. Англичанинъ Норрисъ, Голландецъ Граве, Датчанинъ Гульденевель признавали Петра товарищемъ. Положеніе Россіи, значеніе царя заставляли адмираловъ прочихъ державъ признавать Петра главой эскадрии. Въ память этого событія была выбита медаль, на которой царь былъ представленъ окруженнымъ трофеями съ надписью: „Петръ Великій всероссійскій. 1716 годъ“, на

* *Мат.* IV 108: см. любопытное донесеніе де-Бу.

другой сторонѣ изображенъ Нептунъ владычущій четырьмя флагами, съ надписью: „владычествуетъ четырьмя“. *

Въ *Журналѣ* подробно описаны церемоніи въ началѣ морскаго похода, 5 августа. Едва Петръ показался на своемъ кораблѣ *Инсерманландія* и на посажденъ былъ поднимать штандартъ для команды союзическими флотами, со всѣхъ кораблей „сальвировали“ пушечными выстрѣлами и опущеніемъ флаговъ и вымпеловъ до палубы. Затѣмъ былъ данъ сигналъ къ походу; когда русскій флотъ шелъ мимо датскаго, „тогда съ обѣихъ сторонъ кричали“.

Блестящая роль которую игралъ царь произвела глубокое впечатлѣніе на современниковъ. Баронъ Шафировъ, въ письмѣ къ князю Меншикову изъ Копенгагена отъ 7 августа, рассказываетъ подробно о церемоніи происходившей 5 августа, замѣчая о большомъ числѣ судовъ „которыхъ множеству парусовъ можно было удивиться“ и прибавляя: „можно бы за счастье принять ежели-бъ короля шведскаго флотъ отважился дать съ соединенными батамію, то бы можно такой викторіи на морѣ какъ и подъ Полтавою на сухомъ пути уповать; но сказываютъ будто оный уже убрался заранѣе въ гавань свой Карлскромъ“ и проч. Письмо заключается слѣдующими словами: „Такой чести ни который монархъ отъ начала свѣта не имѣлъ что изволить вынѣ командовать четырехъ народовъ флотами, а именно: англійскимъ, русскимъ, датскимъ и голландскимъ, чѣмъ вашу свѣтлость поздравляю и повеже лодно и почта жъ отходить, того ради окончиваю и прошу сообщить сіе г. генералъ-адмиралу нашему Федору Матвѣевичу (Апраксину) и прочимъ кому изволитъ и т. д.“ **

Однако, при всѣхъ любезностяхъ, при всей торжественности морскаго этикета, скоро обнаружилось нѣкоторое несогласіе между начальствами союзныхъ эскадръ. Петръ былъ недоволенъ Датчанами и морской походъ въ августѣ 1716 года не привелъ ни къ какому результату. Высадки на берегахъ Швеціи не было. Нигдѣ союзники не встрѣтили шведскаго флота, признававшаго превосходство союзическихъ эскадръ и благоразумно скрывавшагося въ удобной и сильной шведской гавани Карлскрома. Весь походъ та-

* *Medaillen auf die Thaten Peters d. Grossen.* S.-Petersburg, 1872. стр. 46.

** *Материалы для Ист. Р. Флота* II. 110.

кимъ образомъ сдѣлалась простою рекогносцировкой въ большихъ размѣрахъ и обратилась въ прогулку имѣвшую значеніе политической демонстраціи.

Съ самаго начала обнаружилась со стороны Датчанъ какая-то предумышленная медленность и явная неохота участвовать въ походѣ. Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе производить *Журналы*. Тутъ сказано 5 августа: „Датскіе не пошлѣ, къ которымъ отъ его величества посылали чтобъ пошлѣ, но они прислали офицера что они того дня идти не могутъ, а пойдутъ на другой день рано.... Итакъ, оставя Датчанъ, отошли отъ Копенгагена того дня и стали на якорь для ночи. ...Тогда былъ у его величества вице-адмиралъ Юдкеръ, которому отъ его величества съ подтвержденіемъ говорено о транспортныхъ судахъ къ Копенгагену и оный увѣрилъ въ 24 часа пойдутъ (по отходѣ его величества) къ Ростоку.“ „6 августа поутру Датчане, несмотря на данное слово, не пошлѣ, для чего послали къ нимъ швабу и шляпку выговаривать для чего нейдутъ.“ Наконецъ 7го датскій флотъ движуся: „двучи мимо нашего флота кричали ура по девяти разъ съ флагманскихъ, а имъ отвѣтствовано по трижды.“ Въ тотъ же день начальники эскадръ собрались для совѣщанія на царскомъ кораблѣ. 8 августа соединенные флоты прибыли къ острову Борнгольму. 9го Норрисъ обѣдалъ у царя. Затѣмъ послѣдній отправился на островъ Борнгольмъ, а оттуда на другой датскій островъ Христиансъ-Э, гдѣ онъ кушалъ у коменданта и гулялъ по башнямъ и батареямъ. Между тѣмъ къ Карлскрону были отправлены крейсера, которые по возвращеніи доносили что шведскій флотъ въ числѣ девяти кораблей вышелъ изъ гавани для ихъ преслѣдованія, но затѣмъ возвратился въ Карлскронъ. 11го у Петра опять былъ „консилиумъ и положили лаки послать крейсеровъ, дабы о неприятелѣ вѣдать всегда. Тутъ же адмиралъ Норрисъ говорилъ чтобъ крейсовать всѣмъ флотомъ у Карлскрона, чему его величество не было противенъ, но Датчане не хотѣли того учинить.“

Чрезвычайно рельефно Петръ, въ письмѣ къ Екатеринѣ, въ немногихъ словахъ характеризовалъ странное положеніе въ которомъ онъ находился: „Съ Ингерманландіи отъ Борнгольма, 13 августа. Сего дни по утру швава *Лизета* пришла, и что глазъ видитъ, а зубъ веиметь сказали. О

здѣшнемъ объявляемъ что богаемся тувѣ, ибо что молодая лошади въ каретѣ, такъ наши соединенія, а наипаче коренныя сволочь хотять, да пристажныя не думаютъ; чего для я намѣрень скоро отсель къ вамъ быть.“ *

Этими словами объясняется замѣтка въ *Журналѣ* что 14 августа были консилиумъ на которомъ разсуждали „какимъ образомъ будутъ командовать по отлученіи штандарта російскаго.“ Очевидно царю надобно „болтаніе тувѣ“, такъ какъ отъ подобныхъ военныхъ дѣйствій нельзя было ожидать никакого успѣха: омы, по всей вѣроятности, скорѣе надѣялся на дипломатическіе переговоры. На союзниковъ нельзя было полагаться; нужно было думать о мирѣ со Швеціей помимо союзниковъ. Мы знаемъ что уже въ Пирмонтѣ царю были сдѣланы предложенія заключить сепаратный миръ. Переговоры происходившіе въ Голландіи послѣ пребыванія царя въ Данию, а немногимъ позже съѣздъ русскихъ и шведскихъ дипломатовъ на одномъ изъ Аландскихъ острововъ, заставляютъ насъ считать вѣроятнымъ что уже во время пребыванія въ Данию, при нерадѣвіи союзниковъ, царь мечталъ о сепаратномъ мирѣ.

Царь однако не оставлялъ своего любимаго проекта нападенія на Швецію. Въ послѣдствіи, когда переговоры на Аландскихъ островахъ не повели къ желанной цѣли, опустошеніе Швеціи оказалось единственнымъ средствомъ принужденія Шведскаго правительства къ заключенію мира. И въ 1716 году десантъ въ Швецію несомнѣнно былъ бы цѣлесообразнымъ дѣйствіемъ. Поэтому Петръ несмотря на нерадѣвіе союзниковъ, въ особенности же Данию, не такъ скоро могъ покинуть мысль о высадкѣ.

Впрочемъ, отношенія Петра къ важнѣйшему послѣ него лицу во флотѣ, адмиралу Норрису, были, какъ кажется, удовлетворительны. Скорѣе между англійскими и датскими моряками было замѣтно нѣкоторое несогласіе.** Но на Датчанъ Петръ постоянно сильно жаловался. Въ письмѣ его къ Апраксину отъ 9 августа сказано: „Извѣствую вамъ что замедленіемъ

* См. *Письма Р. Гос.* I, 9, гдѣ число этого письма ошибочно показано 13 іюля вмѣсто 13 августа. Можно полагать что замѣчаніе „глазъ видить, а зубъ неймаеть“ относится къ шведскому берегу и флоту которые были въ глазахъ крейсеровъ.

** См. *Lamberty*, IX, 621.

датскимъ наслау къ началу компаніи привудили и третьяго дня отъ Коленгагена пошла, а вчера въ ночь сюда прибыли мы и Англичаме, а датскіе сегодня (за тулостью кораблей). Богъ вѣдаетъ какое мученіе съ нами, сущее подобное время улускають и будто чужое дѣло дѣлають.... Что же я чаялъ, чтобъ нѣскольکو кораблей послать отъ всѣхъ трехъ соединенныхъ, къ вамъ въ Аладсгафъ для закрытія, къ чему и англійскіе склонны, но датскіе весьма ни одного не хотятъ; буду лытаться, не послушаются-ль въ ту лору, когда десантъ Богъ дастъ учинимъ, но чаю уже поздно будетъ, однако жъ хотя и поздно, зѣло бѣ великое дѣло было“ *.

Всѣ эти надежды оказались тщетными. Желаніе Шафировва чтобы на морѣ произошла большая битва не исполнилось. Въ его письмѣ было сказано: „Къ десанту его царское величество самъ лаки сюда быть изволить, ибо сколь скоро увидать, что шведы баталіи дать не хотятъ, то оставя тамо команду надъ своимъ флотомъ датскому генераль-адмиралу изволить возвратиться сюда.“ **.

Сраженія не было и потому Петръ долженъ былъ думать о возвращеніи въ Коленгагенъ, гдѣ онъ предполагалъ сосредоточить всѣ нашедшіяся въ его распоряженіи сухопутныя силы. Для этого онъ нуждался въ транспортныхъ судахъ Датчанъ. Услыхъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ готовности союзниковъ Петра помочь ему въ этомъ дѣлѣ, отъ скорости движеній Датчанъ. Большой датскій флотъ дѣйствовалъ медленно, отставалъ отъ англійскаго и русскаго флотовъ. То же было и съ транспортными судами. Въ продолженіе всего этого времени царь переписывался со своими генералами о перевозкѣ войскъ. *** Но и тутъ медленность Датчанъ затягивала дѣло.

Въ „консиліумѣ“, происходившемъ 14 августа на царскомъ кораблѣ, Петръ сообщилъ о своемъ намѣреніи возвратиться въ Коленгагенъ. По случаю совѣщаній объ „ордеръ баталіи“ „по отлученіи штандарта Россійскаго“ датскій адмиралъ не соглашался съ мнѣніемъ царя и Норриса, дѣлалъ разныя возраженія, такъ что Петръ наконецъ, очевидно не безъ раздраженія, замѣтилъ что если Датчане „того не исполнятъ,

* *Мат. для Ист. Р. Фл.* II. 112.

** *Мат. для Ист. Р. Фл.* II. 110.

*** См. напр. письмо Шереметева въ *Мат. Ист. Р. Фл.* IV. 111.

то они будутъ причиною худаго сѣвернаго союза“. Послѣ этого датскій адмиралъ сдѣлался болѣе уступчивъ. *

14 и 15 августа Петръ со своею небольшою эскадрой, которую онъ отбавилъ отъ флота, въ непогоду лавировалъ въ направленіи къ острову Рюгену. 16го онъ бросилъ якорь у города Ясмунда, и былъ очень доволенъ своимъ кораблемъ *Ингерманландія*, который, какъ сказано въ *Журналъ*, „такъ былъ штейфъ, что болѣе половины верхняго баркаута не нагибался въ самый штормъ“. 17 августа Петръ поѣхалъ въ Стральзундъ „для скорого отправленія транспортныхъ судовъ“. Въ городъ онъ „пріѣхалъ такъ что никто не зналъ и, пришедъ къ коменданту, самъ изволилъ объявить. И того же часу велѣлъ готовиться транспортнымъ судамъ“.

Всего болѣе раздражала Петра медленность дѣйствій Дани. Датскія суда, долженствовавшія перевезти изъ Ростока русское войско подъ командой фельдмаршала Шереметева, отправились въ путь изъ Коленгагена не раньше 9 августа, пропустили „добрый вѣтръ“ и поэтому очень долго стояли въ небольшомъ разстояніи отъ датской столицы у острова Амагера и въ Кёгебухтѣ. Изъ Стральзунда Петръ писалъ къ Шереметеву, и скоро отъ послѣдняго изъ Ростока получилъ отвѣтъ что наконецъ датскія транспортныя суда пришли. Такимъ образомъ, благодаря постояннымъ побужденіямъ Петра, одновременно и изъ Стральзунда и изъ Ростока были отправлены русскія войска къ Коленгагену. ** Пріѣхавъ туда 24 августа, Петръ тотчасъ же спросилъ о причинахъ замедленія въ отправкѣ транспортныхъ судовъ и узналъ о вышеломянутыхъ обстоятельствахъ. Есть основанія думать что объясненія по этому поводу не были особенно дружескими. Союзники были недовольны другъ другомъ.

По пріѣздѣ въ Коленгагенъ Петръ кушалъ у короля въ Розенбургѣ, гулялъ въ городѣ, ѣздилъ на охоту и убилъ трехъ оленей. Въ *Журналъ* упоминаютъ о разныхъ прогулкахъ за городомъ, о посѣщеніи Кувсткамеры, о разныхъ обѣдахъ и „ассамблеяхъ“. 30 сентября „ихъ величества были на именинахъ короля Датскаго, и были маскары и танцовали ихъ величества“.

* См. *Журналъ* 14 авг., стр. 39.

** См. письма Додгорукаго и Шереметева изъ Ростока въ *Мат. Ист. Р. Фл.* IV. 114, 115 и слѣд.

Иногда Петръ предпринималъ поѣздки въ море. Такъ, 28 августа онъ ѣздилъ къ берегу Шоніи близъ Фальстердо для рекогносцировки, но „близко не подѣзжалъ, а смотрѣлъ съ мачты для удобства мѣста, дабы неприятель не догадался“. Поѣздка была непродолжительна. Къ вечеру того же дня царь уже опять былъ въ Коленгагенѣ. 29го прибылъ въ Коленгагенъ генералъ Вейде съ нѣсколькими полками. 30го—генералъ-фельдмаршалъ Шереметевъ съ нѣсколькими пѣхотными полками и коюшцей. И Вейде и Шереметевъ сопровождали царя 30 августа въ поѣздкѣ къ берегамъ Шоніи, къ Борсебеку и Мальмѣ. Тутъ Петръ опять убѣдился что неприятель укрѣпилъ удобныя мѣста. При этой рекогносцировкѣ дѣло дошло до перестрѣлки. Съ русскихъ кораблей стрѣляли по шведскимъ батареямъ: однимъ изъ выстрѣловъ съ шведскихъ батарей снята *Принцесса*, на которой находился Петръ, „была ранена“.

Въ *Журналѣ* отъ 1 сентября сказано: „у его величества съ министрами и съ генералами держанъ генеральный консилиумъ: что быть ли десанту или нѣтъ, понеже время уже поздое наступаетъ, людей всѣхъ не перевезли, диверзія отъ Аланда не учинена, понеже Датчане по концерту, учиненному въ Альтонѣ, вспомочь оному не хотѣли, такожь Датчане объявили что они на будущую весну дѣйствовать не въ состояніи. И тако обще всѣ письменный учинили протоколъ чтобъ отставить до будущаго лѣта для вышереченныхъ причинъ“.

При всемъ томъ перевозка войскъ къ Коленгагену продолжалась. 4 сентября прибылъ послѣдній транспортъ подъ командой генерала князя Реллина, состоящій въ пѣхотныхъ полкахъ. Въ журналѣ къ этому извѣстію прибавлено: „А драгунскіе три полка Датчане по письменному обязательству не перевезли, отговариваясь что будто столько судовъ не имѣли“. 5 сентября опять былъ „консилиумъ“, на которомъ подтверждено было рѣшеніе 1 сентября. * Въ подробной собственноручной запискѣ царя излагались причины почему нужно отказаться отъ задуманной высадки. **

Достоинно вниманія что Мешниковъ, находившійся въ С.-Петербургѣ, въ письмѣ отъ 10 августа умолялъ Петра не

* *Журналы* 12, 44—46.

** *Мат. для Ист. Р. Флота* IV, 117—119.

предпринимать десанта. „Мой всемогущественный государь и отецъ“, пишетъ онъ, „сами можете разсудить коль сіе намъ чувственно есть, когда помыслимъ такъ дальній вашъ походъ, а паче что въ чужое государство въ незнаемыя мѣста и противъ дисператаго непріятеля что истинно въ претяжкое сокращеніе приводитъ“. Въ этомъ письмѣ Меншиковъ совѣтуетъ Петру во всякомъ случаѣ дѣйствовать крайне осторожно, рѣшиться на десантъ не иначе какъ располагая превосходными силами; далѣе онъ обращаетъ вниманіе Петра на необходимость въ случаѣ десанта избрать самое удобное мѣсто чтобы сдѣлать „крѣпкій траншементъ для магазиновъ“, заключая: „счастіе и несчастіе въ рудѣ Божіей есть, однакожь что осторожнѣе, то лучше“ *.

Весь сентябрь прошелъ въ конференціяхъ между царемъ и королемъ Датскимъ и ихъ генералами и министрами. Существенный вопросъ на этихъ конференціяхъ состоялъ въ томъ: какъ перевезти въ такое позднее время на непріятельскіе берега тайкомъ значительное войско; высадившись, надобно дать сраженіе, потомъ брать города Ландскрону и Мальмь; но гдѣ же зимовать, если взять эти города не удастся? Датчане указывали что зимовать можно при Гельзингерѣ въ окопахъ, а людямъ подѣлать землянки. Но отъ такой зимовки, возражали Русскіе, должно пропасть больше народа чѣмъ въ сраженіи. Наконецъ Петръ велѣлъ объявить Датскому двору рѣшительно что высадка невозможна, что ее надобно отложить до будущей весны. **

Таковы данныя почерпнутыя изъ архивныхъ дѣлъ. Въ *Журналѣ* еще встрѣчается слѣдующая достойная вниманія замѣтка: „15 сентября. Сегодня къ вечеру прислано письмо отъ короля къ государю что онъ о переходѣ въ Шоны отложилъ до будущей весны.“ *** Изъ сообщенія сдѣланнаго по этому предмету царемъ Апраксину видно что въ запискѣ короля было сказано: „Нынѣшнюю кампанію чтобъ кончать, ибо войскъ, какъ отъ російскихъ такъ и отъ своихъ, пришло въ убытокъ и больше оныхъ трактовать вечѣмъ“ ****.

Въ датской деклараціи, о которой мы будемъ говорить ниже, сообщаются нѣкоторыя данныя о томъ какъ Датскій

* *Мат. для Ист. Р. Флота IV*, 112—114.

** Соловьевъ XVII, 59. Все это уже у Голицова V, 208—211.

*** *Журналъ* 46.

**** *Мат. для Ист. Р. Флота IV*, 120.

король старался еще въ продолженіе сентября склонить Петра къ десанту и какъ наконецъ, послѣ рѣшительнаго отказа Петра, Датчане потребовали немедленнаго удаленія русскихъ войскъ изъ Даниі. * Петръ въ письмѣ къ Меншикову, отъ 13 октября, сваливалъ всю вину на Датчанъ, которые своими медленными дѣйствіями сдѣлали десантъ невозможнымъ. ** Весьма рельефно рисуетъ раздраженіе Датчанъ Веселовскій въ письмѣ къ Алраксиву, отъ 1 октября: „И такъ ужъ чуть не плачутъ что почитай кожа съ нихъ съѣла и невозможно какова у нихъ дороговизна есть“ ***.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о дипломатической перепискѣ царя въ это время. И современники и историки **** обвиняли Петра въ томъ что онъ, желая заключить сепаратный миръ съ Швеціей, не обращалъ достаточнаго вниманія на интересы союзниковъ. Самъ Петръ въ письмѣ къ сенату отъ 13 октября объяснялъ дѣло слѣдующимъ образомъ: „Господа Сенатъ! Повеже господа Датчане такъ олуздали въ своихъ операцияхъ что въ сентябрѣ сюда нашихъ перевели, и такъ за позднимъ временемъ дѣйства остановились, а къ будущей кампаніи факціи разныя не допущаются: того для нѣтъ иного способа, только что отъ Алафта непріятеля утѣснять, къ чему всякое приготовленіе чините, только не усните, такъ какъ въ выѣшней кампаніи и пр.“ †.

Дѣйствительно были „факціи разныя“, не допускаяшія дружныхъ дѣйствій союзниковъ. Петръ долженъ былъ дѣйствовать осторожно: онъ боялся измѣны со стороны Датчанъ. Зачѣмъ такая медленность съ ихъ стороны, зачѣмъ пропущено самое благоприятное время, зачѣмъ дана непріятелю возможность укрѣпиться? Получались извѣстія что Бернсторфъ съ товарищами ведетъ крамолу, что генералъ-кригсъ - комиссаръ Шультенъ подкупленъ и нарочно медлитъ транспортомъ, чтобы заставить Русскихъ сдѣлать высадку въ осеннее самое неудобное время, „вѣдаа“, по словамъ Петра, „что когда въ такое время безъ разсужденія

* Lamberty IX, 626

** *Мат. для Ист. Р. Флота II, 136—137.*

*** Тамъ же IV, 120.

**** См. Геррманна *Gesch. d. russ. Staats IV. 209.*

† Соловьевъ XVII. 60.

пойдемъ, то или пропадемъ, или такъ отончаемъ что по ихъ музыкѣ танцовать принуждены будемъ“ *.

Въ сентябрѣ 1716 дѣло едва не дошло до кризиса. Союзники обвиняли другъ друга въ измѣнѣ. Король Датскій въ появившейся не многимъ позже особенной „декларациі о причинахъ заставившихъ его отказаться отъ предлагаемаго десанта“ ** говорилъ что царь нарочно медлитъ перевозкой своихъ войскъ, а затѣмъ подъ предлогомъ поздняго времени не хотѣлъ высаживаться на шведскіе берега, потому что находится въ сношеніяхъ съ Шведскимъ правительствомъ. Датское правительство всю вину сваливало на царя. Въ Пруссіи тогда разказывали что Петръ за оказанную Даніи помощь требовалъ датской Помераніи, и что Данія не только согласилась на эту уступку, но даже предлагала царю въ добавокъ Штеттинъ; Прусское правительство, разчитывавшее на пріобрѣтеніе Штеттина, должно было негодовать на царя за такія намѣренія, недоброжелатели Россіи очевидно желали сдѣлать раздоръ между Петромъ и вѣрнѣйшимъ изъ его союзниковъ, Фридрихомъ Вильгельмомъ I. ***

Защитники несчастной Мекленбургіи, Ганноверское и Англійское правительства распускали слухъ что Петръ измѣнилъ союзникамъ, что маска снята, что онъ не хочетъ сдѣлать десанта, такъ какъ онъ желаетъ заключить сепаратный миръ. Наконецъ даже въ Даніи стали говорить о намѣреніяхъ Петра противъ самой Даніи. Не могъ же онъ, говорили тамъ, безо всякой цѣли привести въ Данію такое большое войско, надобно опасаться его враждебныхъ замысловъ, надобно беречь Копенгагенъ! Въ Копенгагенѣ поставили всю пѣхоту по валамъ и амбразуры на валахъ прорѣзали. **** Жителямъ Копенгагена тайкомъ внушили что необходимо вооружиться для отраженія ожидаемаго нападенія. †

* Сообщено Соловьевымъ XVII. 59. Гдѣ, когда, къ кому все это было сказано Петромъ? Нельзя не сожалѣть что Соловьевъ не сообщилъ подробностей.

** Мы пользовались изданіемъ во введеніи къ брошюрѣ „La crise du Nord“, появившейся въ 1717 году. Декларациія эта напечатана также у Ламберти, *Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle*. IX. 624—627.

*** См. Droysen, *Gesch. d. preuss. Politik* IV. ч. 174.

**** Соловьевъ XVII, 59.

† Droysen IV, 174.

Все это происходило въ то самое время когда въ *Журналы* вносились замѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „Его величество былъ у короля“ (1 сент.), „Ихъ величества кушали дома и былъ король“ (10 сент.) и т. л. Также и отношенія между Петромъ и Англичанами казались въ это время особенно дружескими. 11 сентября Петръ „кушалъ у доктора Арескина съ адмираломъ Норрисомъ“, 2 октября онъ „кушалъ на кораблѣ съ аглицкимъ адмираломъ“, 4 октября онъ „былъ у аглицкаго адмирала на кораблѣ“ и т. л. * И именно въ это время со стороны Англiи намѣревались нанести ударъ царю, русскому флоту и русскому войску. Англичане хотѣли разомъ положить конецъ значенiю Россiи на Балтiйскомъ морѣ. Есть свидѣнiе что король Георгъ I поручилъ адмиралу Норрису напасть на русскiе корабли и транспортныя суда, арестовать самого Петра и этимъ принудить его со всѣмъ войскомъ и флотомъ тотчасъ же удалиться въ Россiю. Къ счастью англiйскiе министры выставили на видъ что столь насильственный образъ дѣйствiй можетъ имѣть чрезвычайно пагубныя послѣдствiя, и что прежде всего страдаютъ англiйскiе купцы находящiеся въ Россiи. По другимъ извѣстiямъ, Норрисъ не могъ исполнить приказанiя потому что оно было прислано изъ ганноверской, а не изъ англiйской канцелярiи. ** О Норрисѣ разказывали даже будто онъ брался уничтожить весь русскiй флотъ и перерѣзать въ одну ночь всѣ русскiя войска находившiеся на островѣ Зеландiи. Переломохъ, впрочемъ, скоро кончился, потому что съ русской стороны не обнаруживалось никакого враждебнаго намѣренiя. Англичане довольствовались внимательнымъ наблюденiемъ за дѣйствiями царя, о которомъ отзывались въ самыхъ рѣзкихъ выраженiяхъ, утверждая что для укрѣпленiя своего господства на Балтiйскомъ морѣ онъ мечтаетъ о присоединенiи Мекленбургiи къ Россiи. *** Король Георгъ I обратился къ императору Карлу VI съ требованiемъ чтобы тотъ въ качествѣ главы имперiи Германской подумалъ о средствахъ къ спасенiю Сѣверной Германiи отъ перевѣса могущества Петра и принудилъ бы послѣдняго удалиться въ Россiю****. Изъ Ганновера

* *Журналы*, 90—95.

** Соловьевъ XVII, 60.

*** *Mahon, History of England*, I, 342. „It is certain, that if the Czar be let alone three years, he will be absolute master in those seas“.

**** *Droysen IV*, 2. 177—181.

не переставали приходить въ Берлинъ внушенія что царь хочетъ овладѣть Гамбургомъ, Любекомъ, Висмаромъ и укорениться въ имперію. Къ счастью для Петра Фридрихъ Вильгельмъ I оставался его вѣрнымъ союзникомъ, обо всемъ сообщалъ русскому посланнику Головкину и въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ говорилъ о Россіи. *

Несмотря на всѣ эти опасности грозившія въ Даниі царю и его войску, пребываніе Петра въ Копенгагенѣ окончилось довольно благополучно. Въ первыхъ числахъ октября царскія войска начали обратво перевозиться изъ Даниі въ Мекленбургію, гдѣ фельдмаршалъ Шереметевъ долженъ былъ съ лѣхотой расположиться на зимнихъ квартирахъ. Большая часть конницы должна была идти на зимнія квартиры къ польскимъ границамъ. **

Судя по *Журналамъ* послѣднее время пребыванія Петра и Екатерины въ Копенгагенѣ прошло въ разныхъ увеселеніяхъ. 28 сентября царь праздновалъ годовщину „Девенгоултской баталіи“, то-есть сраженія при Лѣвномъ 1708 года. Послѣ молебнаго гнѣна палили изъ пушекъ со всего русскаго флота; корабли раздѣвлены были флагами; адмиралъ Норрисъ палилъ со всего англійскаго флота, поздравляя съ воспоминаніемъ „викторію.“ Между прочимъ Петръ осматривалъ достопримѣчательности датской столицы; такъ напримѣръ 9 сентября онъ былъ въ „шпиталѣ“ 21го онъ съ „царицейъ“ въѣхалъ на лошадяхъ на башню ***; 14 октября онъ былъ въ киркѣ, „гдѣ ставилъ бискупъ пастора“; и пр. 18 сентября онъ совершилъ поѣздку моремъ въ Гельзингеръ, откуда возвратился сухимъ путемъ. То онъ праздновалъ именины Макарова, то былъ на ассамблеѣ у Шереметева, то дома игралъ въ шахматы, то былъ въ гостяхъ у датскихъ моряковъ, то обѣдалъ у русскаго посланника Василія Лукича Долгорукаго и пр.

Наканунѣ отъѣзда царь и царица навѣстили Датскаго короля который былъ болевъ. Когда они затѣмъ 16 октября выѣхали изъ Копенгагена, „стрѣляли изъ пушекъ со всей фортеціи три раза“ ****.

* Соловьевъ XVII, 61. Droysen IX, 2, 210.

** Соловьевъ XVII, 60.

*** Башня Тихо до-Браге въ Копенгагенѣ вмѣсто лѣстницы имѣетъ спиральную стѣпюсть, по которой а лыжѣ можно ѣздить въ экипажахъ.

**** *Журналы* 48 и 96.

Послѣ отъѣзда Петра, 20 октября, русскій посолъ Василій Лукичъ Долгорукій былъ у короля съ „комплементомъ отъ царскаго величества, благодарилъ отъ имени царя за удовольствія испытанныя послѣднимъ въ бытность его въ Колленгагенѣ, увѣрялъ въ постоянной дружбѣ своего государя къ Даніи.“ Король со своей стороны очень жалѣлъ что не могъ доставить царскому величеству большаго удовольствія, обнадѣживалъ въ продолженіи дружбы своей къ Россіи, упоминалъ о предстоящемъ свиданіи съ королемъ Англійскимъ и прибавилъ что датскіе министры которые будутъ при этомъ свиданіи получатъ инструкціи о соглашеніи насчетъ будущей кампаніи. Далѣе король замѣтилъ что „если царь обѣщаетъ Англійскому королю вывести свои войска изъ Мекленбургѣ, то и онъ обѣщаетъ выслать свой флотъ въ Финляндію. Довося царю о такихъ любезностяхъ Датскаго короля, Долгорукій прибавилъ еще и другія извѣстія. Онъ доносилъ что ганноверскій министръ Ботмаръ просилъ у Датскаго короля войска на помощь королю Англійскому чтобы датское войско, соединясь съ ганноверскимъ, привудило русскія войска выйти изъ Мекленбурга, но король Датскій отказался дѣйствовать враждебно противъ царя въ которомъ продолжалъ видѣть союзника. Прусскій посланникъ сказывалъ Долгорукову что и у его короля Англійскій король просилъ войска для изгнанія Русскихъ изъ Мекленбурга, но король Прусскій отказалъ въ этомъ, желая продолжать дружбу съ царемъ.

Въ Колленгагенѣ увѣряли въ продолженіи прежней дружбы и союза, а между тѣмъ обнаруживали сильную подозрительность. * Для высадки въ Шоню на будущій годъ царь предлагалъ все свое войско находившееся въ Мекленбургѣ, но король, министры его и генералы всячески отговаривались отъ этого предложенія и требовали только двадцати баталіоновъ. „Зачѣмъ“, спрашивалъ Долгорукій, „идти въ близости такое сильное войско, оставить большую его часть, и съ малымъ отрядомъ нустаться на такое опасное предпріятіе, вступать во внутренность неприятельской земли гдѣ

* Кикинъ писалъ къ Апраксину: „Отъ Датчана у насъ альянсъ весьма разрушился и разстался кивѣ въ Колленгагенѣ съ великою противностью за то что не učinили десанту въ Шону.“ *Мат. для Ист. Р. Фл.* IV, 121.

врагъ готовъ къ оборонѣ со всеми своими силами?“ „Шония“, отвѣчалъ генералъ Девидъ, „не можетъ пролитать такого большого войска; притомъ царская армія можетъ нанести чувствительный вредъ неприятелю если перевезетъ свою армію изъ Финляндіи на шведскіе берега, для чего король Англіійскій хочетъ прислать двадцать военныхъ кораблей, требуетъ только чтобы русскія войска были выведены изъ Мекленбурга.“ Король говорилъ то же самое, и на всѣ представленія Долгорукаго твердилъ одно: „Иначе невозможно!“*.

Очевидно союзники Россіи боялись ея. Пребываніе русскихъ войскъ въ Давіи или ея окрестностяхъ оказывалось въ глазахъ Давіи чрезвычайно опаснымъ. Считали возможнымъ что царь со своими союзниками въ Западной Европѣ поступитъ такъ же какъ онъ поступалъ въ Польшѣ. Петра считали способнымъ ко всевозможнымъ интригамъ, къ самымъ смѣлымъ предпріятіямъ. Поэтому нужно было придумать средства удалить его и его войско изъ западной Европы. Съ разныхъ сторонъ дѣлались усилія возбудить въ общественномъ мнѣніи цѣлой Европы враждебныя чувства противъ царя. Образовалась цѣлая литература по этому предмету.

Въ 1711 году вышла брошюра подъ заглавіемъ: „Безпристрастное обсужденіе возбужденнаго мнѣнiя всюду политическаго вопроса, не нарушаются ли громаднымъ могуществомъ его царскаго величества интересы большей части христіанскихъ государей?“ Затѣмъ въ различныхъ брошюрахъ встрѣчаются жалобы на образъ дѣйствій русскихъ войскъ въ Помераніи, Мекленбургіи и Голштиніи. По поводу же пребывания Петра и его войскъ въ Давіи, нѣсколько недѣль послѣ отъѣзда царя изъ Колевгагена появилась датская „Декларация о причинахъ заставившихъ Датскаго короля отказаться отъ предполагаемаго десанта“. Тутъ между прочимъ былъ сдѣланъ царю упрекъ что онъ нѣсколько недѣль оставаясь въ Данцигѣ заставлялъ ждать короля для свиданія въ Альтонѣ, да еще что Давія совершенно истратилась по пустому для этого предпріятія. Въ свою защиту Датчане увѣряли что неблагоприятная погода была причиной медленности ихъ дѣйствій и что поэтому, несмотря на всѣ усилія, раньше сентября нельзя было приготовиться къ десанту. Тогда же вдругъ, совсѣмъ неожиданно, царь объявилъ

* Соловьевъ XVII, 81—82.

что при позднемъ времени года ничего нельзя сдѣлать и что ничто не могло убѣдить царя въ противномъ и пр. *

Совсѣмъ иначе все это изложено въ брошюрѣ: „Письмо одного господина изъ Мекленбургія къ своему другу въ Колленгагенъ“. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ оправданіе царя и обвиненіе недоброжелателей Россіи. Тутъ датская декларація разбирается по пунктамъ, говорится о ненависти къ Россіи, о желаніи союзниковъ чтобы русскія войска погибли въ этомъ предпріятіи. Союзники, сказано далѣе, желали воспользоваться силами и средствами Россіи для обезпеченія своихъ интересовъ. О выгодахъ Россіи никто не думалъ. Затѣмъ свидуютъ разные данныя о нежеланіи Датчанъ исполнять свои обѣщанія относительно снабженія русскихъ войскъ необходимыми припасами. Наконецъ авторъ этого письма старается доказать что Петръ сдѣлалъ все что только могъ сдѣлать для своихъ союзниковъ, но что Англичане и Датчане, напротивъ, были каждую минуту готовы вредить царю, несмотря на значительныя жертвы принесенныя имъ въ пользу союзниковъ и пр. **

По поводу датской „декларациі“ въ Англіи появилась весьма характеристическая брошюра, озаглавленная: „Кризисъ сѣвера или безпристрастное разсужденіе о политикѣ царя по поводу датской деклараціи относительно не состоявшагося десанта въ Шоніи“. Содержаніе брошюры слѣдующее. Послѣ общей характеристики Петра, его способностей, его чисто политическаго духа, говорится о его честолюбіи, о его страсти къ накопленію богатствъ и къ расширенію могущества, о его путешествіи по Европѣ въ 1697 и 98 годахъ и особенно о его пребываніи въ Англіи, имѣвшемъ цѣлью дать Россіи возможность построить флотъ. Далѣе указано не безъ сожалѣнія на неосторожность королей Польскаго и Датскаго при заключеніи союза съ царемъ, на искусство съ какимъ Петръ воспользовался ошибками сдѣланными Карломъ XII, и на основаніе Петербурга. Затѣмъ слѣдуетъ очеркъ исторіи дипломатическихъ переговоровъ о мирѣ, краткое замѣчаніе о значеніи Полтавской битвы и указаніе на намѣреніе Петра завоевать не только Лифляндію, Эстляндію и Финляндію, но со време-

* См. Lamberty IX, 625—626.

** Lamberty, *Mémoires pour servir à l'histoire du XVIII siècle* IX 629—636.

немъ и Швецію. Въ довольно рѣзкихъ выраженіяхъ говорится о коварствѣ Петра въ обращеніи съ союзниками, т. е. съ Польшей и Давіей, которыхъ онъ заставлялъ будто попустому тратить силы и средства на борьбу съ Швеціей, съ тою цѣлью чтобы въ послѣдствіи тѣмъ удобнѣе воспользоваться изнеможеніемъ этихъ государствъ для своихъ честолюбивыхъ плановъ. Такимъ образомъ, продолжаетъ авторъ, Россія сдѣлается въ ближайшемъ будущемъ соперницей Англіи, захвативъ въ свои руки всю торговлю на сѣверѣ Европы, а также торговлю съ Персіей и Турціей, что при успѣшномъ развитіи промышленности въ Россіи становится еще болѣе вѣроятнымъ и удобоосуществимымъ. Наконецъ авторъ прямо обвиняетъ Петра въ томъ что онъ имѣлъ въ виду взять себѣ островъ Голландъ, но убѣдившись въ невозможности привести въ исполненіе этотъ планъ, отказался отъ участія въ предпріятіи на Шовію, чѣмъ нанесъ сильный ущербъ интересамъ своихъ союзниковъ. Потомъ говорится о слухахъ касательно тайныхъ переговоровъ между Петромъ и Карломъ XII: такой образъ дѣйствій автору кажется предосудительнымъ; Петръ характеризуется какъ интриганъ, каждую минуту готовый жертвовать пользой своихъ союзниковъ. Изъ всего изложеннаго, по мнѣнію автора, слѣдуетъ что царь сдѣлался чрезвычайно опаснымъ для всей Европы и т. д. Поэтому нужно остерегаться его, противодействовать ему и между прочимъ препятствовать сближенію Карла XII съ Петромъ. Иначе же все христіанство не перестанетъ безпокоиться *. Однимъ словомъ, дѣло дошло до кризиса и это обстоятельство заставляетъ каждого желать мира и покоя. Нужно всѣми мѣрами стараться возвратить Швецію ея прежнее значеніе. На этой мысли авторъ останавливается подробнѣе. Въ видахъ интересовъ Европы вообще, а Англіи и Голландіи въ особенности, восстановленіе прежняго положенія на сѣверо-востокѣ, каково оно было до 1700 года, казалось автору необходимымъ средствомъ водворенія мира и тишины.

Таковы были результаты пребыванія Петра въ Сѣверной

* До чего доходила опасенія въ Западной Европѣ въ виду возрастающаго могущества Россіи видно изъ замѣчанія въ одной современной брошюрѣ, въ которой побѣды Россіи названы предвѣщаніемъ свѣтопреставленія.

Германіи и въ Даниі. Овъ могъ быть доволенъ тѣмъ громаднымъ значеніемъ какое получила Россія. Въ письмѣ къ царевичу Алексію, отъ 11 октября 1715 года, овъ говоритъ: „Всѣмъ извѣстно есть что предъ начинаемъ сея войны нашъ народъ утѣсненъ былъ отъ Шведовъ, которые не только ограбили толь нужными отеческими пристанями, но и разумнымъ очамъ къ нашему нелюбозрѣнію добрый задержали завѣсъ и со всѣмъ свѣтомъ коммуникацію пресѣкли. Но потомъ когда сія война началась (которому дѣлу единъ Богъ руководемъ былъ и есть), о коль великое говеніе отъ сихъ всегдашнихъ непріятелей, ради нашего неискусства въ войнѣ претерпѣли и съ какою горестію и терпѣніемъ сію школу прошли, дождеже достойной степени вышерѣченнаго руководителя помощію дошли! И тако слодобилося видѣть что оный непріятель, отъ котораго трелетали, едва не вящее отъ насъ нынѣ трепещеть. Чтò все, помогающу Вышнему, моими бѣдными и прочіхъ истинныхъ сыновъ Россійскихъ равноправныхъ трудами достижемо.“ Говоря затѣмъ о значеніи военнаго искусства, царь замѣчаетъ что „воинскимъ дѣломъ мы отъ тьмы къ свѣту вышли, и которыхъ не знали въ свѣтѣ, нынѣ почитаютъ.“ *

Все это, сказанное Петромъ наканунѣ его путешествія въ Западную Европу, подтвердилось еще болѣе событіями 1716 года. Хотя и не произошло никакихъ особенно замѣчательныхъ военныхъ дѣйствій, все-таки приготовленія къ десанту въ Швецію обнаруживали необычайную предприимчивость и смѣлость Петра, показывали что Россія и на сушѣ, и на морѣ располагала весьма значительными средствами. Опасенія высказываемыя на западѣ относительно становившагося тягостнымъ перевѣса Россіи могли служить мѣркой результатовъ усилій Петра.

Но именно въ это время овъ имѣлъ основаніе безпокоитья относительно будущности Россіи. Наканунѣ путешествія своего овъ обращался къ царевичу съ письмами, въ которыхъ говорилъ объ ожидавшей Россію судьбѣ въ то время когда послѣ него на престолѣ вступитъ Алексій. Въ то самое время когда овъ находился въ Даниі и тамъ игралъ роль главы сѣвернаго союза, царевичъ Алексій рѣшился бѣжать изъ Россіи и такимъ образомъ окончательный разрывъ между отцомъ и сыномъ сдѣлался неизбежнымъ.

* Устряловъ, *Ист. Петра Вел.* VI, 346—347.

Во время своего путешествія царь и царица получали кое-какія свѣдѣнія отъ Алексѣя. Изъ Лубавы Екатерина отправила письмо къ царевичу въ февралѣ 1716 года *. Въ началѣ іюня Екатерина получила изъ Петербурга письмо отъ гофмейстерины дѣтей царевича, гослови Роо **. Самъ Алексѣй нѣсколько разъ писалъ къ отцу, а именно 30 мая, 29 іюня, 30 іюня, 17 августа и 27 августа. Но Петръ, получившій большую часть этихъ писемъ въ Коленгагенѣ, былъ вѣдобенъ имъ какъ заключающими въ себѣ, подобно прежнимъ письмамъ царевича къ отцу, ни что иное какъ повтореніе одной и той же фразы, вопроса о здоровьѣ и сообщеніе о здоровьѣ Петра Петровича, Елизаветы и Анны.

26 августа Петръ написалъ сыну изъ Коленгагена письмо въ которомъ онъ, указывая на содержаніе прежнихъ писемъ и бесѣды происходившей между нимъ и сыномъ, требовалъ чтобъ Алексѣй рѣшился бы тотчасъ или отправиться въ монастырь или лѣхать за границу къ отцу для участія въ дѣлахъ ***. Все письмо это писано рукой Петра. Вѣроятно еще въ Коленгагенѣ онъ получилъ письмо Мешикова отъ 24 сентября 1716 съ извѣстіемъ объ отъѣздѣ царевича за границу ****.

Нѣсколько дней послѣ того какъ Петръ оставилъ Коленгагенъ и выѣхалъ изъ предѣловъ Давіи, онъ, 21го октября, въ Шлезвигѣ встрѣтилъ курьера Сафонова, отправленнаго царевичемъ Алексѣемъ къ отцу съ извѣстіемъ о томъ что царевичъ ѣдетъ и присоединится къ нему въ очень скоромъ времени. Затѣмъ во время пребыванія Петра въ Сѣверной Германіи онъ не переставалъ безпокоиться въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ о мѣстопробываніи и поведеніи царевича. Между тѣмъ въ то время когда Петра занималъ вопросъ о заключеніи мира съ Швеціей, въ то время когда онъ въ Шверинѣ и Гавельбергѣ, въ Гагѣ и Парижѣ велъ переговоры о войнѣ и мирѣ, царевичъ Алексѣй находился въ австрійскихъ владѣніяхъ. Только во время пребы-

* Устряловъ VI, 350.

** См. эти письма въ изданіи писемъ царевича Алексѣя Мурзакевича. Одесса. 1849, стр. 73—75.

*** См. письмо Петра у Устр. VI. 351.

**** Устр. VI. 351.

ванія въ Голландіи Петръ узналъ о томъ что царица находилась въ Тироліи. Еще ранѣ этого началась переписка между Петромъ и императоромъ Карломъ VI по вопросу о выдачѣ царицы. Затѣмъ во время послѣднихъ мѣсяцевъ путешествія Петра происходила переписка Петра съ сыномъ о возвращеніи послѣдняго въ Россію. Есть основаніе думать что онъ постоянно былъ занятъ мыслию о недостойномъ наследникѣ престола.

Путешествіе въ Голландію.

Петръ пробылъ около семи недѣль въ дорогѣ изъ Колонгагена въ Амстердамъ, куда онъ пріѣхалъ въ началѣ декабря. Онъ выѣхалъ сухимъ путемъ вмѣстѣ съ Екатериной изъ Колонгагена 16 октября и ночевалъ въ мѣстечкѣ Рѣшильдѣ (Röschilde), бывшемъ въ Среднихъ Вѣкахъ столицей датскихъ королей и гдѣ до нынѣ погребаются члены датскаго королевскаго семейства. 18 октября, царь и царица переправились черезъ Бельтскій проливъ и ночевали въ Ниборгѣ. На другой день они поѣхали до Ассенса. 20го, переправясь черезъ другой (малый) Бельтъ, они чрезъ Гузумъ (въ Шлезвигѣ) поѣхали въ Фридрихштатъ, гдѣ оставались нѣсколько дней. Эта крѣпость замѣчательна военными событіями 1713 года, въ которыхъ Петръ самъ принималъ участіе. Отсюда Шведы были вытѣснены въ началѣ 1713 года. Во Фридрихштатѣ Петръ осматривалъ крѣпость и нѣкоторыя фабрики. 30 октября онъ и Екатерина пріѣхали въ Любекъ, гдѣ были встрѣчены лучшею пальбой. Въ Любекѣ Петръ оставался нѣсколько дней, осматривалъ крѣпость, былъ въ цейхаузѣ, игралъ дома въ шахматы и пр.* Затѣмъ отправившись въ Шверинъ чрезъ Травемюнде царь и царица пріѣхали въ столицу Мекленбургскую 4 ноября и были здѣсь встрѣчены герцогомъ Карломъ Леопольдомъ и герцогиней Екатериной Ивановной.

Оставаясь въ Шверинѣ до 10 ноября, царь и царица ежедневно видѣлись съ герцогомъ и герцогиней, обѣдали вмѣстѣ, предпринимали вмѣстѣ поѣздки по озеру; Петръ охотился, стрѣлялъ оленей и убилъ двухъ кабановъ**. Достоинно

* Въ Любекѣ былъ снятъ портретъ царя. См. Голицова V, 222.

** *Журналъ* 50—51, 98—99.

вниманія что Гессенъ-Кассельскій дипломатъ Кетлеръ, начавшій, какъ мы видѣли, во время пребыванія Петра въ Пармонтъ, переговоры о сепаратномъ мирѣ со Швеціей, очутился въ первой половинѣ ноября въ Шверинѣ и имѣлъ аудіенцію у Петра. Изъ дописанія Кетлера о переговорахъ происходившихъ въ Шверинѣ видно что Петръ изъявлялъ готовность возвратить Швеціи Финляндію, за исключеніемъ Выборга, между тѣмъ какъ Кетлеръ непремѣнно хотѣлъ удержать за Швеціей Петербургъ и всю Лифляндію и пр. Любопытно то обстоятельство что при этомъ случаѣ зашла рѣчь и о Польшѣ, и что Петромъ было выражено желаніе сохранить тамъ ограниченіе монархической власти. *

Побывавъ въ Шверинѣ Петръ одинъ, безъ Екатерины, слѣдилъ повидаться съ королемъ прусскимъ Фридрихомъ Вильгельмомъ. Свиданіе это происходило въ Гавельбергъ, куда Петръ пріѣхалъ 12 ноября и гдѣ онъ оставался до 17. Наканунѣ отъѣзда Петра изъ Гавельберга туда пріѣхалъ герцогъ Мекленбургскій **. Къ сожалѣнію объ этой встрѣчѣ между королемъ и царемъ сохранилось весьма мало данныхъ. Мы знаемъ только о результатѣ переговоровъ. При личномъ свиданіи государей былъ скрѣпленъ союзъ между Россіей и Пруссіей. Король обязался, въ случаѣ нападена на Россію съ какой-либо стороны съ цѣлію отнять у нея завоеванныя у Шведовъ области, гарантированныя Пруссіей, помогать Россіи или прямо войскомъ, или диверсіей въ земли нападчика. Фридрихъ Вильгельмъ крѣпко держалъ сторону Россіи. Когда Петръ еще изъ Колленгагена далъ знать Берлинскому двору что высадка въ Шонію отложена, то здѣсь безъ возраженія приняты были причины представленныя царемъ, и вся вина сложена на Датчанъ. Самъ король объявлялъ русскому послу Головкину что считаетъ всѣ внушенія Ганноверскаго двора ложными, происходящими отъ личной злобы Бернсторфа, и потому отклонилъ свиданіе съ Англійскимъ королемъ. Изъ Ганновера не переставали приходить въ Берлинъ внушенія о разныхъ замыслахъ царя, но Фридрихъ Вильгельмъ не обращалъ на это никакого вниманія и, въ противность Ганновер-

* „Dass nicht zugegeben werden dürfe, dass sich darüber jemalen einer Souverain machte“. Германна изданіе *Peter de Grosse* стр. XV.

** *Журналь* 51.

скому правительству внушалъ царю чтобъ онъ не выводилъ своихъ войскъ изъ Мекленбурга, потому что если Шведскій король нападетъ на Данию, то безъ русскихъ войскъ ни Дани, ни Пруссіи нельзя будетъ съ нимъ успѣшно бороться, а король Англійскій не поможетъ. * При такихъ обстоятельствахъ, встрѣча царя съ королемъ достигла своей цѣли. Петръ писалъ изъ Гавельберга къ Екатеривѣ, оставшейся въ Шверинѣ, 17 ноября 1716 года: „О здѣшнемъ объявляю что нашъ прїѣздъ сюда не даромъ, но съ нѣкоторою пользою.“ ** Немногомъ позже Фридрихъ Вильгельмъ письменно увѣрялъ царя въ постоянствѣ своей дружбы, прося его быть увѣреннымъ что никто не будетъ въ состояніи когда-либо расторгнуть союзъ Пруссіи съ Россіей. ***

Въ *Журналѣ* о пребываніи Петра въ Гавельбергѣ сказано только слѣдующее: „12 ноября его величество кушалъ у короля прусскаго Фридерикуса Рекса; былъ все тутъ“; 13го „кушалъ дома, игралъ въ шахматы“; 14го „кушалъ у короля, и списывали персону (т.-е. портретъ) и былъ у графа Головкина“; 15го „кушалъ дома и списывалъ персону и былъ король“; 16го „кушалъ дома, герцогъ мекленбургской и король Виллихъ“; 17го „кушалъ у короля, и сѣлъ на суды со своими министры и похвалялъ рѣкою Гавелью“. ****

О сложномъ и нѣскольکو неопредѣленномъ политическомъ положеніи свидѣтельствуетъ письмо царя къ Апраксину отъ 17 ноября, въ которомъ между прочимъ сказано: „Что же прежде писали мы къ вамъ о здѣшнихъ дѣлахъ весьма отчаянно, но нынѣ нѣкоторыя отмѣны являются, о чемъ вскорѣ подлинно буду писать.... Здѣсь еще въ прежнемъ состоитъ и къ веснѣ подлинной резолюціи вѣтъ, но подлинно ежели кризисъ сей фибрѣ будетъ около Новаго Года, о чемъ не оставлю писать... Мы здѣсь по желанію короля Прусскаго прїѣхали и мѣсто небезполезное учинили. Я отсель чрезъ Гамбургъ увѣжаю въ Голландію и тамъ пробуду до марта, дабы ближе къ Англїи быть для опредѣленія будущей веснѣ“. †

* Соловьевъ XVIII, 61.

** *Письма Росс. Гос.* I, 50.

*** Дройзенъ IV, 2, 210.

**** *Журналъ* 99—100.

† *Мат. для Ист. Р. Флота* II, 156.

Прощаясь съ царемъ король подарилъ ему великолѣпную яхту. Петръ замѣтилъ по этому поводу въ письмѣ къ жень: „Король подарилъ меня изряднымъ презентомъ—яхтою которая въ Посдамѣ зѣло убраана, и кабинетомъ ентарнымъ о чемъ давно желала“ *. Въ свою очередь царь обѣщалъ королю прислать ему пятьдесятъ великановъ изъ русскіхъ солдатъ для его гвардіи. ** Что касается подареннаго Петру „янтарнаго кабинета“, то о немъ упоминаютъ въ запискахъ дочери короля Фридриха Вильгельма. Маркграфиня Бейрейтская замѣчаетъ что этотъ „cabinet dont toute la boiserie était d'ambre“ стоить громадной суммы, и что въ Пруссіи сожалѣли объ отправленіи столь драгоценныхъ вещей въ Россію ***.

Изъ Гавельберга Петръ поѣхалъ Эльбой. На дорогѣ онъ видѣлся въ Виттенбергѣ съ фельдмаршаломъ Шереметевымъ. Въ Гамбургѣ и Альтонѣ онъ пробылъ нѣсколько дней. Въ *Журналъ* говорится о разныхъ прогулкахъ, объ игрѣ въ шахматы, о вечеринкѣ „у Платона“, объ обѣдѣ „у Полпа“, о посѣщеніи царемъ оперы и пр. Замѣчательны слѣдующія слова въ *Журналъ* отъ 24 ноября: „Сегодня гамбургскій магистратъ отдалъ Войнаровскаго, котораго изъ города вывезли ночью“. Войнаровскій, племянникъ Мазелы, получившій образованіе въ чужихъ краяхъ, измѣнилъ вмѣстѣ со своимъ дядей Петру Великому и перешелъ къ королю Карлу XII. Сначала онъ жилъ въ Турціи, а по выѣздѣ оттуда въ Вѣнѣ и Бреславлѣ; не задолго до ареста онъ пріѣхалъ въ Гамбургъ; откуда разчитывалъ отправиться въ Швецію за полученіемъ 240.000 талеровъ должныхъ ему Карломъ XII. Петръ велѣлъ отправить его въ Якутскъ, гдѣ онъ жилъ на свободѣ, получая изъ казны кормовыя деньги ****.

Выше было упомянуто о какомъ-то любовномъ приключеніи случившемся съ Петромъ въ Гамбургѣ въ маѣ 1716. Въ журналѣ сказано 25 ноября: „Его величество былъ въ Гамбургѣ у игуменіи Кельгмаркши и кушалъ тутъ и сидѣлъ“. † Можетъ-быть есть нѣкоторая связь

* Письма Росс. Гос. I, 50.

** Scheltama II, 7.

*** *Mémoires de Frédérique Sophie Wilhelmine*, Brunswick 1810 I, 45.

**** См. *Журналъ* 52 и примѣчаніе издателей *Журнала*.

† *Журналъ* 101.

между этимъ показаніемъ и размещеніемъ слухомъ о романѣ царя.

Изъ Гамбурга царь чрезъ Штаде поѣхалъ въ Бременъ. Не ранѣе какъ въ началѣ 1717 года въ Голландіи онъ опять встрѣтился съ Екатериной. Вѣроятно царица до декабря оставалась въ Шверинѣ. Изъ Гамбурга царь писалъ къ ней о своемъ намѣреніи въ скоромъ времени пріѣхать въ Голландію. Онъ поручилъ ей отправить людей, лѣвчихъ и пр. въ Бойценбургъ къ фельдмаршалу Шереметеву, чтобъ оттуда доставить ихъ водою до Гамбурга, а тамъ уже нанять морское судно до Голландіи. Сама же Екатерина должна была ѣхать сухимъ путемъ по маршруту тщательно составленному царемъ. Изъ Бремена царь писалъ что дорога на Бременъ очень худа, и въ Гамбургъ ѣхать невозможно. Онъ совѣтовалъ ѣхать на Минденъ и Везель. Царь сильно беспокоился о женѣ, такъ какъ она была беременна и должна была родить въ первыхъ числахъ января 1717 года. До самой Голландіи онъ постоянно повторялъ въ своихъ письмахъ что царица должна вести себя осторожно и пр. *

Между тѣмъ самъ Петръ довольно медленно приближался къ предѣламъ Голландіи.

Въ Бременѣ, куда Петръ пріѣхалъ 28 ноября, была устроена ему торжественная встрѣча съ лущечною лампой. ** О пребываніи въ Бременѣ, въ Штадѣ, Бремерфёрде, въ Клаппенбургѣ, Ливгенѣ и въ голландскихъ городахъ Девентерѣ, Амерсфорть и пр. не сохранилось особенныхъ данныхъ. 6 декабря Петръ пріѣхалъ въ Амстердамъ; съ нимъ были Головкинъ, Долгорукій, Ягужинскій, Осуфьевъ и др. На другой день туда же пріѣхалъ важнѣйшій дѣлецъ въ дипломатіи Шафировъ, сопровождаемый нѣкоторыми чиновниками. Царица Екатерина прибыла въ Амстердамъ не ранѣе какъ въ началѣ февраля 1717 года.

* Письма Росс. Гос. I, 51.

** Мы не знаемъ откуда Вольтеръ заимствовалъ разказъ будто въ Бременѣ въ честь Петра были устроены иллюминація и фейерверкъ и будто при этомъ случаѣ Петръ былъ названъ „освободителемъ“. („Notre libérateur vient nous voir“). См. *Pierre le Grand*, изд. 1803 г. II, 73. Городъ Бременъ въ 1648 г. сдѣлавшійся достояніемъ Швеціи, въ 1719 г. былъ уступленъ Ганноверскому курфюрсту.

Рожденіе Павла Петровича.

Не ранѣе 9 декабря Екатерина выѣхала изъ Шверина. Въ Бойценбургѣ она должна была оставаться нѣсколько дней „для того что черезъ Эльбу за великимъ льдомъ перѣѣхать было нельзя“. Затѣмъ въ Люнебургѣ ей пришлось оставаться три дня „для того что подводы разставлены были на Гамбургъ, а не по той дорогѣ“. Въ Минденѣ она оставалась два дня „для починки каретъ“. Черезъ Герфордъ, Билефельдъ, Липштатъ, Гаммъ, царица 30 декабря прибыла въ Везель. Продолженіе путешествія оказалось невозможнымъ. Въ *Журналъ* сказано: „31 декабря. Въ вечеру изволила лойтить на яхту 6 часовъ пололудни, а въ 10 часу лаки изволила прибыть на квартиру въ городъ“. 2 января 1717 года въ 12 часу родилася царицѣ Павелъ Петровичъ, а въ 3 часу пололудни онъ скончался.

Петръ былъ вѣжнѣйшій супругъ и вѣжнѣйшій отецъ. Онъ въ это время много и часто думалъ о жевѣ и о дѣтяхъ. Получивъ позднюю осенью 1716 года отъ Меншикова изъ Петербурга письмо съ извѣстіемъ что у царицы Петра Петровича, которому тогда былъ одинъ годъ, зубъ прорѣзался, онъ въ письмѣ къ Екатеринѣ изъ Альтоны 23 ноября 1716 года сообщалъ ей эту новость, прибавляя: „Дай Боже, чтобъ и всѣ такъ благополучно вырѣзались, и чтобъ Господь Богъ далъ намъ его видѣть въ возрастѣ, награда симъ прежнюю о братьяхъ его печаль“. Въ самомъ дѣлѣ, сыновья Петра отъ перваго брака не принесли отцу радости, Александръ умеръ скоро послѣ рожденія, Алексѣй оказался недостойнымъ наследникомъ престола и противникомъ отца или по крайней мѣрѣ сторонникомъ его противниковъ. Надежда „видѣть Петра Петровича въ возрастѣ“ не исполнилась. Ребенокъ былъ хилый и больной *. Онъ скончался въ 1719 году.

Беременность царицы въ концѣ 1716 года не мало тревожила Петра. Путешествіе въ такомъ положеніи было затруднительно. Къ тому же время года было весьма неблагопріятно. Екатерина слишкомъ долго оставалась въ Шверинѣ, слишкомъ поздно зимой выѣхала оттуда. Какъ кажется, Петръ приказалъ ей отпра-

*. Веберъ пишетъ въ маѣ 1718 г.: „Peter Petrowitz fängt weder zu stehen noch zu sprechen an und lebt so zu sagen fast nur von Medicamenten.“

вѣтъся въ луть не равѣ какъ послѣ полученія отъ него письма изъ Голландіи. Въ его письмѣ изъ Альтоны отъ 23 ноября сказано: „Что же лишешь чтобы по васъ поскорѣй прислать, истинно трехъ дней не умедаю, пріѣхавъ въ Голландію, куды чаю послѣтъ къ концу будущей недѣли.“ Затѣмъ Петръ однако самъ видѣлъ что медлить долѣ значить подвергнуть царицу опасности. Въ письмѣ его къ ней изъ Бременфёрде отъ 28 ноября сказано: „Понеже лочинають быть морозы, того для что равѣ то лучше ѣхать вамъ. Я хотѣлъ къ вамъ изъ Амстердама писать, но вымѣ сколь скоро доѣду до каналовъ, тотчасъ тебѣ отпишу и маршрутъ пришлю. А о ѣздѣ твоей кладу на вашу волю: или дождався другаго письма поѣдете изъ Шверина, или по сему поѣдете, а другаго письма въ Гамбургъ будете дожидаться: понеже пока мы доѣдемъ до каналовъ, вамъ отъ Гамбурга ѣхать невозможно, ибо еще сами прямо не знаемъ на которыя мѣста поѣдемъ отъ Бремена“. Изъ Ливгена Петръ писалъ что чрезъ Бременъ царицѣ ѣхать нельзя, „понеже грязи и воды около Бремена такъ велики что выше стулицы; также“, продолжаетъ Петръ, „влереди въ Голландію дамъ (т.-е. плотину) отъ моря прорвало и потопило землю, что и сами не знаемъ куды проѣхать; а вымѣ лочинають быть морозы, то и подумать нельзя. Того для лучше вамъ дорогу (если не поѣхали) не на Амбургъ, но прямо на Минденъ и Везель, которою дорогою я бывалъ отъ Миндена до Везеля изрядно; только отъ васъ до Миндена не знаю... И какъ исправитесь, — поѣзжайте не дожидаясь моего письма, понеже время уже зѣло позаво. Дай Боже, чтобы здраво проѣхали, въ чемъ оласеніе имѣю о вашей непрязности.“ Подтверждая въ письмѣ „Съ рубежа голландскаго, изъ Омерса 2 декабря“ совѣтъ ѣхать чрезъ Минденъ и Везель, Петръ выставялъ на видъ что изъ Везеля можно весьма удобно продолжать луть водою по Рейну, а затѣмъ ѣхать каналами чрезъ Утрехтъ въ Амстердамъ. И бережливость также побуждала царя отдать предпочтеніе этой дорогѣ. Онъ замѣчаетъ что нужно ѣхать чрезъ Везель потому „что до Везеля дадутъ даромъ подводы, а сею дорогою чрезъ Голандію мы подводъ не нашла, но принуждены напимать.“ „Также“, продолжаетъ царь, „людей немного берите, понеже зѣло дорого станетъ житье въ Голандіи.“ Въ какой мѣрѣ однако царь безлокопелся видно изъ слѣдующихъ замѣчаній въ его письмѣ „изъ Гора, 3 декабря 1716 г.“: „Какъ я, такъ

и всѣ со мною здѣсь зѣло сожалѣютъ о вывѣщенной дорогѣ вашей: и ежели ты можешь сместъ, лучшебъ тамъ осталась, поуже не безъ опасенія отъ худой дороги. Однакожъ будь въ семъ воля твоя, и для Бога не подумай чтобъ я не желалъ вашей вѣзды сюды, чего сама знаешь что желаю, и лучше вѣхать нежели печалиться. Только не могъ удержаться чтобы не написать; а вѣдаю что не утерпашь, и которою дорогою поѣдешь дай знать.“ Пріѣхавъ въ Амстердамъ, Петръ въ письмѣ отъ 8 декабря просилъ жему извѣстовать его о времени къ которому она надѣется пріѣхать въ Везель. 23 декабря онъ писалъ: „Когда пріѣдешь въ Везель и буде тутъ судовъ не найдешь, то сыщите суды въ Дуосдорѣв (sic) и поѣзжайте Рейвою до того канала, который къ Утрехту идетъ и дайте знать, какъ туды прибудете, дабы я васъ могъ тамъ встрѣтить съ трехъ (sic) яхтами.“

Надежда царя выѣхать на встрѣчу Екатерины оказалась тщетною. Онъ серьезно захворалъ въ Амстердамѣ, откуда онъ писалъ къ ней въ тотъ самый день когда она въ Везель разрѣшилась отъ бремени. „Дай милостивый Боже тебѣ здорово разрѣшиться отъ бремени, дабы по милости своей симъ наградила мой печаль *. Я радъ бы самъ вмѣсто сего письма къ вамъ вѣхать, и чаялъ бы застать; но поуже сухимъ путемъ выѣхъ не могу; однакожъ чаю скоро свободы, и поѣду къ вамъ. Дай Боже, чтобъ сіе письмо васъ уже разрѣшенныхъ застало, чего въ олтераціи ** своей и радости дождаюсь по вся часы.“ Въ припискѣ къ этому письму сказано: „Докторъ Арескинъ сегожъ дни отправляетъ отсель лѣкаря, который здѣсь зѣло славенъ въ сихъ дѣлахъ. Дай Боже чтобъ ему столькожъ было дѣла какъ прошлаго году доктору было“, то-есть по случаю рожденія Петра Петровича въ октябрѣ 1715 года. ***

На другой день послѣ этого письма Петръ чрезъ лажа царицы, пріѣхавшаго въ Амстердамъ, узналъ о рожденіи царевича Павла. Очевидно Мавринъ былъ отправленъ тотчасъ же послѣ разрѣшенія отъ бремени царицы, такъ какъ онъ сообщилъ царю лишь о рожденіи сына, а не о вослослѣдовавшей тремя часами позже кончинѣ младенца. Въ *Журналѣ* сказано по

* Не намекъ ли это на царевича Алексѣя?

** Альтерація—душевное безпокойство.

*** *Письма Р. Гос.* I, 51—58.

случаю прибытія этого извѣстія въ Амстердамъ: „За которую радость благодареніе Богу давъ и собрали всѣхъ министровъ и прочихъ служителей до одного и веселились изрядно“. * 4 января 1717 года Петръ писалъ Екатеринѣ: „Знаю радостное твое писаніе вчера чрезъ Мавриша получилъ, въ которомъ объявляешь что Господь Богъ насъ такъ обрадовалъ что и другаго рекрута даровалъ, за что да будетъ хвала ему и незабвенное благодареніе! Сія вѣдомость вдвое обрадовала: первое, о новорожденномъ, а лаче что насъ Господь Богъ свободилъ, отчего и мнѣ стало лучше; ибо отъ самаго Рождества Христова столь долго сидѣть не могъ какъ вчера съ. Я сердечно желаю сего нововыѣзжаго гостя видѣть только еще нѣсколько дней не могу въ дорогу ѣхать, а особливо сухимъ путемъ для трясенія..... какъ мочно будетъ, поѣду къ тебѣ немедленно. Дай Боже, чтобы вы съ всѣхъ припадковъ и натуральной сей болѣзни свободы были и насъ бы застать здоровыхъ“. **

На другой день царь былъ пораженъ извѣстіемъ что царица скончалась и что мать очень слаба. Онъ узналъ также что причиной этихъ несчастій было пренебреженіе оказанное царицѣ въ Ганноверскихъ владѣніяхъ. Вотъ какъ онъ самъ немногимъ позже говорилъ объ этомъ: „Когда жена моя ѣхала въ Голландію чрезъ Ганноверъ, тогда несмѣханнымъ образомъ ругана была, а еще чревата, а именно что мужики, которые везли, сбили возницу, также всѣхъ людей отбили отъ кареты и посажали по телегамъ какъ воровъ, а сами чрезъ день и всю ночь ѣхали, ниже спать, ниже отдохнуть ей не дали, отъ чего, пріѣхавъ въ Везель, безчастное рожденіе имѣла“. *** Мы не имѣемъ никакихъ другихъ извѣстій о непріятностяхъ которыя Екатерина встрѣтила въ Ганноверскихъ владѣніяхъ. Есть основаніе думать что раздраженный царь, не любившій ганноверское правительство, рассуждалъ объ этомъ предметѣ не совсѣмъ безпристрастно. Извѣстіе о кончинѣ царицы его сильно

* Журналъ 1717 года, стр. 1.

** Письма Р. Гос., стр. 58.

*** Соловьевъ XVII, 63. Смысла: Кабинетъ I кв. № 7 неудовлетворительна. Жаль что Соловьевъ не сообщалъ ничего объ этомъ документѣ. Когда писано это письмо? къ кому? и пр.

опечалило. * За то онъ старался успокоить Екатерину и писалъ ей 11 января 1717 года: „Письмо твое получила (о чемъ уже прежде увѣдалъ) о незалномъ случаѣ, который радость въ печаль превѣщалъ. Но чтожь могу на то отвѣтство дать? токмо со многострадаальнымъ Иовомъ: Господь даде, Господь и взять; яко же годѣ ему, такъ и бысть. Будь имя Господне благословенно отныяв и до вѣка! Прошу васъ такожь о семъ разсужденіе имѣть; а я, колько могу, разсуждаю“. Затѣмъ свидуютъ опять увѣренія что онъ непремѣнно похвалялъ бы къ ней, но что болѣзнь ему мѣшаетъ и пр. ** Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ писемъ Екатерины къ Петру, о которыхъ говорится въ письмахъ царя. Есть основаніе думать что царица чрезмѣрно безлокоилась по поводу болѣзни царя. Въ его письмѣ отъ 11 января 1717 года, сказано: „Паки прошу я, дабы вы обо мнѣ ни мало не мыслили о болѣзни; и для того послалъ Румянцева, чтобы вамъ умѣлъ лучше словами изъяснить что я, слава Богу, не только теперъ, но иже былъ тяжело болель“, недѣлей нозже онъ опять писалъ: „Румянцева отъ васъ сюды пріѣхалъ и письмо вручилъ; только зѣло мнѣ беззвѣстно что ты не вѣришь что я къ тебѣ пишу: истинно все правда и кончая хотѣлъ по двухъ или трехъ дняхъ ѣхать къ вамъ. Но въ ту же ночь припала лихорадка, и правда два дня крѣпко держала, но, слава Богу, докторъ разорвалъ; потомъ три дни еще была, только гораздо легче, о сеѣ третій день какъ вовсе покинула. Ей, вѣрь Господу Богу, ни малаго не утѣшалъ или прибавилъ, но все какъ было, и нынѣ кромѣ обыкновенной слабости ничего нѣтъ, для которой въ нынѣшней худой воздухъ вскорѣ вытѣть не чаю. Но ежели дастъ Богъ вамъ совершенное облегченіе то зѣло желаю васъ видѣть здѣсь, авось могу и встрѣтить, а безъ васъ скушваховько, сама знаешь; такъ близко живемъ а не видимся. Благодарствую другъ мой за презентъ венгерскаго. Богомъ васъ прошу: не думайте инако и меня тѣмъ не крушите.“ Затѣмъ онъ къ концу января началъ ожидать пріѣзда Екатерины въ Амстердамъ. Онъ писалъ ей 23:

* *Il est fort affligé de la mort du fils nouveau né*, пишетъ Робертъ къ Веберу изъ Амстердама. См. изд. Германна, *Peter d. Gr.* стр. 191.

** См. *Письма Р. Гос.* 41—42. По небрежности издателей это письмо показано „11 генвара 1716 года“, вмѣсто 1717.

„Я васъ съ радостію ожидаю что дай Боже! только паки прошу чтобъ осмотрясь, буде безъ вреда будетъ ѣзда. А о себѣ объявляю что слава Богу съ тѣхъ поръ лихорадка не помянулась болѣе *.“

Между тѣмъ тѣло царевича Павла было отправлено въ Петербургъ, гдѣ 12 марта было предано землѣ **.

2 февраля Екатерина пріѣхала въ Амстердамъ ***. Въ ея свитѣ находились фрейлина Анна Крамеръ и докторъ Лестокъ ****.

А. БРИКНЕРЪ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

* Письма Росс. Гос. I, 59 и 60.

** Журналы 1717 г., стр. 35.

*** Журналы 1717 г., стр. 1.

**** Scheltema II, 20.

ВЪ ОТДѢЛѢ

РАЗКАЗЪ ОФИЦЕРА РУЩУКСКАГО ОТРЯДА.

I.

Быль августъ мѣсяцъ. Бригада наша стояла при императорской квартирѣ около мѣстечка Бѣлы. Нашъ баталіонъ расположенъ былъ бивакомъ у гребня крутой горы, вблизи какого-то первобытнаго укрѣленія. Послѣ плевнейскихъ неудачъ все какъ-то стихло въ отрядахъ. Мы знали только что изъ Россіи призваны подкрѣпленія и что наступательныя дѣйствія противъ непріятеля приостановлены. Знали также что Турки, со своей стороны, небольшіе охотники наступать, и потому мы предвидѣли долгое бездѣйствіе и невольно впадали въ апатію. Время тянулось однообразно, вяло и скучно. Дни стояли жаркіе, томительные. Рано утромъ выходили мы на ученье, которое, какъ и всѣ ученья на театрѣ войны, производилось лишь для поддержанія бодрости, здоровья и дисциплины. Послѣ ученья мы разоблачались и лёжа предавались вполнѣрному чаепитію. Боже мой! сколько выпивалось этого чаю! Утромъ—чай, часовъ въ двѣнадцать—чай, часа въ четыре—чай, вечеромъ опять чай... такъ что, принявъ во вниманіе продолжительность каждаго чаепитія, можно сказать что чай пили безъ перерыва. Что же мы еще

дѣлали? Кому была очередь идти на аванпосты, тѣ и шли подъ палаціе лучи солнца, остальные оставались цыновать отъ жары въ лалаткахъ. Разговоры не вязались; чтеііе не шло на умъ. Всѣ нетерпѣливо ждали вечера когда потянетъ прохладой; и тогда кто выходилъ къ ротѣ, а кто отправлялся въ Бѣлу чтобы куда-нибудь дѣваться для разнообразія. Затѣмъ, бывало, когда уже совсѣмъ стемнѣетъ и зажгутъ огни, офицерство собиралось въ нѣкоторыя избранныя лалатки, незамѣтно обратившіяся въ клубы, гдѣ табулась далеко за полночь картежная игра. Каждая изъ такихъ лалатокъ имѣла своихъ любителей. Въ одну шли „стукальцы“, въ другую поклонники „макао“, а въ третью поклонники излюбленнаго всесокрушающаго „стоса“. Часто игра продолжалась до свѣта. Такъ проходили дни одинъ за другимъ.

Помню, однажды, когда я собирался провести время въ обычномъ бездѣльѣ, пришелъ ординарецъ и объявилъ что меня требуетъ командиръ полка.

„Зачѣмъ бы это?“ подумалъ я, — „въ ротѣ, кажется, все исправно?“ Но какъ бы то ни было, нужно было одѣваться, затѣмъ спуститься съ крутой горы, потомъ подняться на очень крутую гору и вообще пройти всего около версты. Все это я быстро исполнилъ, и когда явился къ начальнику, то услышалъ любезное „садитесь!“

— Я имѣю сдѣлать вамъ очень серьезное порученіе, началъ нашъ командиръ.—Надѣюсь что вы его исполните, какъ всегда, исправно.

Я поклонился.

— Государю было угодно приказать чтобы немедленно было отправлено въ деревню Новоградъ прикрытіе съ опытнымъ ротнымъ командиромъ, для охраненія моста черезъ Янтру. Вы должны будете охранять этотъ мостъ самымъ тщательнымъ образомъ, такъ какъ черезъ него должны возвращаться осадные ларки посланные къ Руцуку. Возьмите сто человѣкъ нижнихъ чиновъ и одного офицера. Кого вы хотите?

— Желалъ бы пралорщика Минина, отвѣчалъ я.

Мининъ былъ моимъ сожителемъ по лалаткѣ.

— Берите, берите, улыбаясь, согласился командиръ,—хотя я замѣчаю что вы пристрастны къ этому офицеру. Не буду вамъ дѣлать никакихъ указаній. Но надѣюсь что вы сами понимаете всю важность возлагаемаго на васъ порученія,

добавилъ овъ серіознымъ голосомъ,—и прошу васъ выступить завтра же.

Затѣмъ овъ пожалъ мнѣ руку и я откланялся.

Командировка эта меня очень обрадовала.

Я любѣжалъ прямо въ роту дѣлать распоряженія. Едва вымолвилъ я тамъ слово „походъ“ какъ по всѣмъ палаткамъ посыпались возгласы радости. Фельдфебель Алексѣевъ, когда узналъ что я его оставляю и не беру съ собой, пришелъ въ уныніе. За то унтеръ-офицеръ Федоръ Матюшкинъ сталъ отъ полнаго удовольствія шумѣть невообразимо.

— Смотри жь, ребята, подтянись, ораторствовалъ овъ,—чтобы телерича, какъ есть, какъ одна душа, а то смотри у меня, сдохнешь въ ночныхъ!

— Мы, Федоръ Михайловичъ, рады стараться. Нешто не понимаемъ! раздавался голоса въ отвѣтъ.

Сдѣлавъ всѣ распоряженія къ выступленію, я направился къ своей палаткѣ. При входѣ моемъ Мичинъ лежалъ и улыбался. Я сдѣлалъ видъ что его не замѣчаю.

— Ясневскій, крикнулъ я вѣстовому,—сегодня съ вечера чтобы всѣ вещи были уложены. Завтра до свѣта выступаемъ.

— Да вы не шутите? приподнялся Мичинъ.—Всѣ или мы одни?

— Я одинъ, а вы остаетесь.

— Ну, ужъ это, батюшка, сочиняете, меня не бросите. Я вамъ буду по ночамъ грезиться.

Я разсмѣялся и разказалъ въ чемъ дѣло.

— Чтò вы! вскрикнулъ Мичинъ и вскочивъ сталъ меня тормошить и обнимать.

Молва объ нашей командировкѣ быстро разнеслась, и многіе позавидовали намъ. На утро, еще заря не завалась, какъ Матюшкинъ уже будилъ Ясневскаго чтобы доложить мнѣ что люди одѣваются и лошадей закладываютъ. Черезъ полчаса мы уже выступили. Ночь была свѣжая. Въ Бѣлѣ всѣ спали; тишина нарушалась только лаемъ собакъ. Люди, несмотря на ранцы, сухари и патроны, шли очень ходко, такъ что братушка (проводникъ) едва послѣдовалъ за нами. Голосовъ слышно не было, только кашель или громкій вздохъ, да стукъ шаговъ и колесъ обнаруживали движеніе. Тишина ночи и какое-то неопредѣленное сознаніе того что находишься на войнѣ располагали къ безмолвію.

Такъ прошли мы верстъ шесть. Взошло солнце, и черезъ часъ жгучіе лучи его уже стали насъ безпокоить, мы оста-

новились на привалѣ около фонтана и съ удовольствіемъ пили холодную кристальную воду. Дорога шла почти все время по берегу Ятры.

Простоявъ на привалѣ около часа, мы тронулись далѣе и стали переваливать черезъ гору, гдѣ дорога, повидимому, проложена была уже во время войны. Глыбы камня лежали валраво и налѣво отъ дороги, и самая дорога была до того неровна, съ такими ступенями что вѣроятно не мало колесъ покончили на ней свое существованіе. Съ нами шли тяжелый патронный ящикъ, вѣсившій саишкомъ семьдесятъ лудовъ, и еще сухарная фура вѣсившая шестьдесятъ лудовъ. Вообще такія тяжести составляли всегда въ горахъ истинное бѣдствіе для войска; четверкѣ лошадей трудно было втаскивать ихъ на крутизны, и лошадямъ всегда помогали люди.

И у насъ дѣло не обошлось безъ приключеній: сначала колесо отъ патроннаго ящика разлетѣлось въ куски; затѣмъ когда надѣли запасное и стали уже слускаться, одно за другимъ, въ ящикъ и въ фуръ, разлетѣлись еще два колеса. Запасныхъ уже не было. Пришлось оставить конвой, а верховаго послать въ локъ за колесами. Случай эти повторялись часто, такъ что завѣдывающіе хозяйствомъ приходили въ отчаяніе, но помочь горю не могли потому что дерево было гнилое.

Часовъ въ десять утра вошли мы въ кукурузныя посѣвы, густые и высокіе какъ дѣсь. Кукурузнымъ полемъ шла мы почти часъ, затѣмъ показался минареть, — и предъ нами предстала деревня Новоградъ. Пройдя мимо деревни, мы подошли къ Ятры и, перейдя ее по мосту, расположились внутри предмостнаго укрѣпленія построеннаго нашими саперами при первомъ наступленіи, послѣ переправы черезъ Дунай.

Основаніемъ для моста служили три кулеческія судна, которыя вслѣдствіе быстрого обмелѣнія Ятры послѣ половодья сѣли на мель и не могли выйти въ Дунай. Ихъ сдвинули, прикрѣпили якорями и положили на нихъ настилку. Этотъ-то мостъ мы и должны были охранять отъ Черкесовъ и башбузукъ, которые партіями выходили изъ Рущука, — и отъ прихотливыхъ водъ Ятры, которыя поднимались отъ дождей въ одну ночь болѣе чѣмъ на сажень. Послѣднее дѣло составляло скорѣе обязанность саперовъ, но они были заняты укрѣпленіемъ позицій при отрядахъ.

Когда палатки были растянуты и разчитанъ караулъ, солдатики съ жадностію бросались кулаться, а мы съ Мина-

имъ пошли искать себѣ квартиру. Конечно, поиски наши не шли дальше каютъ судна. Правда, въ этихъ каютахъ было столько сору и грязи что при другихъ условіяхъ отпаала бы охота превратить одну изъ нихъ въ жилище, но лаятка, гдѣ съ трудомъ можно было выпрямиться во весь ростъ, жестоко надоѣла намъ и мы непремѣнно хотѣли устроить хотя подобіе человѣческаго жилья. Работа закипѣла; цѣлые вороха мусора полетѣли въ Явтру. Изъ дверей сдѣланъ былъ столъ, изъ полотенецъ замазѣска къ окнамъ. Притащали сѣна, на него разостлали наши ковры, постлали чистое бѣлье, и мы почти съ дѣтскою радостью улеглись на наши импровизованныя постели, вспоминая нашу далекую родину.

Проснувшись часовъ въ пять, я потребовалъ къ себѣ старосту для переговоровъ о поставкѣ овецъ. Я объявилъ ему что могъ бы потребовать ихъ за плату, но что считаю за лучшее сойтись добровольно. Братушка назначилъ по два рубля за штуку и обязался пригнать ежедневно по пяти овецъ; я согласился, но когда вечеромъ овцы были пригнаны, артельщикъ пришелъ доложить что овцы молодыя, болѣе двадцати фунтовъ не вѣсятъ, и цѣны этой не стоѣтъ. Не повѣривъ вполнѣ артельщику, я вмѣстѣ съ Мивиньимъ пошелъ къ ротной кухнѣ, куда пригнаны были овцы. Тутъ былъ староста и еще два Болгарина. Овцы оказались молодыя и мелкія.

— Ты что жъ это, братушка, за такихъ овецъ хочешь по два рубля?

Староста заговорилъ на это такъ быстро что я ничего не могъ понять. Только и слышно было: добре, добре... нѣма нѣма...

Я объявилъ что могъ бы взять ихъ какъ реквизицію, но этого пока не дѣлаю. И тутъ же предложилъ за овцу по рублю, а шкуру обратно. Болгары разсердились и заговорили всѣ разомъ. Хотя цѣна и была настоящая, но имъ было досадно что не удалось сорвать при такомъ удобномъ случаѣ.

— Уговоритесь, замѣтилъ я,—васъ не обижаютъ, нечего и толковать.

— Что вы съ ними церемонитесь? вѣшался Мивинь.— Развѣ они понимаютъ? Вотъ бы васъ какъ надо!

И онъ лодылялъ кулакъ.

Болгары, видя этотъ жестъ, полетѣлись и молча смотрѣли изподлобья.

— Ну-ну, пойдемте-ка лучше отсюда. Полно булавить.

Болгары согласились оставить овецъ за эту цѣну и мы ушли.

Отправились мы осматривать деревню Новоградъ. Деревня эта, какъ и всѣ болгарскія селенія, раздѣлялась на турецкую и болгарскую. Турецкая была покинута жителями, и каждый домъ представлялъ видъ полнаго залуствія. Стекла побиты, часто и рамы сломааны, двери сняты, повсюду валется масса какихъ-то тряпокъ и всевозможнаго сору,—все это показывало что Болгары похозяйничали послѣ ухода Турокъ. Домъ бея и мечеть представляли тоже зрѣлище разрушенія. На краю болгарской деревни находилось двухъэтажное зданіе; внизу помещались кабакъ и лавочка, а наверху жилъ хозяинъ. Когда мы подходили, небольшая кучка Болгаръ стояла около кабака. При нашемъ приближеніи они сняли шапки и низко кланялись.

— Здорово, братушки, здорово!

Мы вмѣстѣ съ ними вошли въ кабачокъ, который съ лавочкой составлялъ нераздѣльное цѣлое. Я предложилъ имъ *раки*; они съ удовольствіемъ выпили. Одинъ изъ нихъ владѣлъ немного русскимъ языкомъ и сталъ разказывать о томъ какъ Турки притѣсняли ихъ, какъ имъ не хотѣлось уходить изъ домовъ и какъ они просили не жечь ихъ жилищъ...

Для три, четыре мы жили да проживали безъ горя и печали. Погода была прекрасная, вѣстей тревожныхъ никакихъ, транспорты приходили аккуратно, мы получали все необходимое и чувствовали себя спокойно и хорошо. Бывало выйдешь вечеромъ на мостъ посмотреть на быстрыя волны Янтры, да полюбоваться роскошнымъ закатомъ солнца. Въ воздухѣ становилось прохладно и дышалось легко. На берегу, около палатокъ, люди собирались кучками. Сидѣхъ, шутки, разказы. Громче всѣхъ слышался голосъ Матюшкина.

— Не сумѣвайся, братъ, ежели онъ ночью подходит ставить—только бы выстрѣлъ засышать! Подхватимъ сумки, ружья, да и къ брустверу.

— Федоръ Михайловичъ, а какъ же салогъ? Неужто безъ салогъ пойдемъ? спрашиваетъ, ослабившись, простоватый Кузьма Петровъ.

— Эхъ ты, калуста коломемская, вешто можно безъ салогъ! Тебя Турка за солдата не сочтеть; ему и снимать вешего будетъ, подсмѣивается молодой солдатикъ Лахунанъ.

— Салоги надѣвъ безпрестѣнно, на то тебѣ и выданы они, наущительно говоритъ Матюшкинъ.

Но Петровъ не унимается.

— Ну, а штаны-то какже? Стало-быть, безъ штановъ можно?

— Во чортъ-дуракъ! Что ты, зачуялъ басурмана и намяхался дурману? Я тебѣ выйду безъ штановъ!

— Стало-быть, надо какъ саѣдуетъ одѣваться, а вы говорите—сумку да ружье, возражаетъ Петровъ.

Когда солнце сѣло пришелъ на мостъ Болгаринъ и показывая на заходившія съ горизонта тучи что-то съ безлокой-ствомъ говорилъ. Изъ отдѣльныхъ словъ я понялъ что вѣроятно будетъ дождь и что нужно привать мѣры, иначе мостъ можетъ снести. Я сейчасъ же послалъ за Болгарами. Стали натягивать якорные канаты, укрѣплять стойки и готовиться. Часа черезъ три послышались капли дождя, небо заволокло все сплошными сѣрыми тучами и дождь пошелъ тихій, ровный, какой бываетъ обыкновенно когда погода обращается въ ненастье. Солдаты уткнулись въ свои палатки; сторожевые посты и часовые у моста окутались башлыками и уныло съезжались отъ мелкихъ пролизывающихъ капель. Я и Мининъ спокойно встрѣчали это ненастье, надѣясь что къ намъ въ каюту дождь не проникнетъ. Но мы жестоко ошиблись. Не прошло и часу какъ изъ всѣхъ щелей лотоса просочились капли, а затѣмъ на насъ полились цѣлые ручьи. Что тутъ было дѣлать? Зажгли свѣчи, позвали вѣстовыхъ, хотѣли заткнуть щели,—куда тутъ!

Стали выбирать мѣсто, нельзя ли постель устроить чтобы не было—негдѣ. Пришлось накрыться съ головой гутталерчевымъ пальто и заснуть не обращая вниманія на ручьи исплидавшіе на насъ. Къ утру дождь пересталъ, небо мѣстами просвѣтѣло. Одѣваться намъ было не нужно, такъ какъ мы спали не раздѣваясь; поэтому, вскочивъ съ нашего ложа, мы отправились посмотреть не лучше ли на другихъ судахъ, но увь, вездѣ было одно и то же. Надо было что-нибудь придумать. Нужда, говорятъ, родитъ умъ. Послали мы привести рѣчного плу и приказали замазать всѣ щели съ наружной стороны. Солдаты въ свою очередь тоже не дремали и проводили вокругъ своихъ палатокъ канавки, чтобы не подтекала вода. Жаалій видъ имѣеть солдатъ во время дождя! шивель для него все—и тюфакъ, и одѣяло, и халатъ, и защита отъ непогоды. Солдату нельзя не выходить изъ палатки; а

выйти на дождь значитъ сразу промокнуть до костей... Прошло часа два и дождь опять заморосилъ, небо опять стало сѣро-свинцоваго цвѣта, опять все живое попряталось, только часовые ежились на своихъ мѣстахъ.

— Смотрите-ка, Павелъ Никаноровичъ, Янтра-то что дѣлаетъ, воскликнулъ я.

— Да, шалить, отвѣчалъ Минивъ.—Какъ бы насъ вмѣстѣ съ мостомъ не увесло въ Дунай. Вотъ такъ будетъ штука!

И, въ самомъ дѣлѣ, Янтра начинала шалить. Вода поднялась сильно, якорные канаты натянулись, къ нимъ прибило отмытые съ берега кусты, и вода, напирая на нихъ, производила страшный шумъ. Я послалъ за Болгарами; тѣ немедленно явились и хоромъ услоковали меня что бѣды никакой нѣтъ.

Услоковившись, мы засѣли къ себѣ въ каюту, поигрывали въ ликетъ и благодушествовали, не опасаясь быть вымочеными дождемъ. Къ вечеру отъ Руцука потянулася артиллерійскій транспортъ. Что это былъ за жалкій обозъ! Лошади извуревныя, измокшія, едва тянули нагруженныя телеги, къ колесамъ которыхъ цѣлыми массами налипла пловатая грязь. На козлахъ сидѣли солдаты завернувшись въ лоповы, съ надѣтыми на головѣ башлыками. При обозѣ были казаки; эти не унывали. Двое изъ нихъ ѣхали видимо подъ хмѣлякомъ, что-то разказывали другъ-другу и немилосердо ругались. Минивъ накинулъ гуттаперчевый плащъ, вышелъ на мостъ и обратился къ казакамъ:

— Что, казаки, близко къ Руцуку подходитъ?

— Верстахъ въ десяти были, отвѣчалъ одинъ.—Да не вышло наше дѣло. Турокъ тамъ понабилось страсть! И пушку какую-то особенную притащили, а при ней и рыжіе понаѣхали... Ну, мы и подались.

— Черкесовъ да башу-бузуковъ видѣли?

— Какъ не видать. Они вчера вомъ верстахъ въ десяти отсюда на деревню наскочили. Мы съ обозомъ неподалеку были; такъ цѣлую ночь и не спали. Храбрости въ нихъ нѣтъ, а охальства страсть; вамъ бы, ваше благородіе, не поласться, храни Боже. Ишь ночь-то какая будетъ!

Часовые у моста все это слышали и молва разнеслась по ротѣ. Обозъ ушелъ. Темнѣло; наступила ночь, а дождь попрежнему шелъ своимъ мѣрнымъ, тихимъ ходомъ и наводилъ уныніе на всѣхъ. Я по обыкновенію обошелъ всѣ посты,

предупредилъ что недалеко башни-бузуки и подтвердилъ чтобы были какъ можно бдительнѣе. Часовъ въ девять и мы съ Минимымъ погасили свѣчу и легли спать, но разказъ казака такъ подѣйствовалъ на насъ что мы легли не раздѣваясь. Долго я не могъ заснуть; вся обстановка среди которой мы находились очень тревожно дѣйствовала на нервы. Наше жилище на водѣ, стукъ дожда, шумъ волея и непроницаемая тьма ночи вмѣстѣ съ ожиданіемъ въ гости башни-бузуковъ, все это отговяло сонъ.

Однако усталость взяла свое, и провалявшись часа два-три я заснулъ. Прославъ, какъ мнѣ казалось очень не долго, я проснулся отъ какого-то шелота который звалъ меня: „Ваше благородіе, ваше благородіе, извольте встать“. Я вскочилъ какъ ужаленный.

— Павелъ Никаноровичъ, вставайте, что-то такое случилось, разбудилъ я въ свою очередь Минима.

Тотъ быстро вскочилъ. Я накинулъ плащъ и выбѣжалъ узнать въ чемъ дѣло. Явтра ревѣла жестоко, такъ что разобрать говорившаго было трудно, однако я разобралъ слѣдующее: „Кто-то на лодкѣ подѣзжалъ къ мосту, но завидѣвъ людей повернулъ назадъ. Затѣмъ судно, стоявшее отъ насъ шагахъ во ста на мели, пошло по теченію.“

Я вышелъ на берегъ. Дождь шелъ какъ изъ ведра; слышно было какъ смытое со дна судно то останавливалось, то шло далѣе, пока глубоко не вѣзлалось въ мель.

Волны шумѣли около него съ невыразимою силой. Я ожидалъ съ тревогой что всему мосту предстоитъ та же участь. Помочь было нечѣмъ; оставалось отдаться на произволъ судьбы и ждать утра. Въ это же время приближалъ съ поста солдатъ съ донесеніемъ что нѣсколько всадниковъ подѣхали довольно близко, но когда часовой окликнулъ ихъ и постъ вскочилъ „въ ружье“ они быстро повернули назадъ.

Не хорошо стало у насъ на душѣ. Эта темная ненастная ночь давила какъ кошмаръ. Вокругъ была тьма, одна непроницаемая тьма, нельзя было различить человѣческой фигуры на самомъ близкомъ разстояніи, голоса говорившихъ какъ бы выходили изъ пространства. Съ одной стороны извѣстіе о какихъ-то всадникахъ, которые могли быть разѣздомъ отъ доброй партіи Черкесовъ направленныхъ къ мосту, съ другой бушевавшая Явтра грозившая сорвать и унести мостъ который былъ для насъ такъ драгоцененъ....

Я вѣроятно изображалъ изъ себя жалкую фигуру: гуттаперчевый башмакъ сползъ съ головы и дождь билъ мнѣ въ лицо и стучалъ по моему плащу, но капли его заляпавшія глаза не производили своего обычнаго дѣйствія, я не замѣчалъ ихъ. Я ходилъ въ сильномъ волненіи по берегу и, перешептываясь съ Мининымъ, думалъ объ одномъ, надѣялся на одно и ждалъ одного—чтобы лучъ свѣта извлекъ насъ изъ этой ужасной тьмы. Мининъ, повидимому, мало волновался. Онъ утѣшалъ меня, хотя утѣшенія его были далеко не радостнаго свойства.

— Какой бѣсъ полѣзеть въ эту ночь! А полѣзеть, будемъ драться.

— Эку новость сказали! Конечно, назадъ не пойдешь.

— Ну и шабашъ. А то ишь волеуетесь! И мостъ будетъ цѣлъ. Чтобы мою флагу да табакъ увесло,— ни въ жизни! Реветь Явтра, ну и пусть ее реветъ. Не мы только вожемъ, а и она. Послушайте, не спѣть ли вамъ что-нибудь?

И онъ чуть слышно запѣлъ:

Услыхала Настя,
Настасья Петровна....

— Отвяжитесь вы съ гаупстами, неволью улыбувшись, проговорилъ я.

Такъ проходили мы по берегу часа два. Прозабывъ жестоко, мы, не дождавшись свѣта, отправились къ себѣ въ каюту, гдѣ Ясинскій уже зажегъ свѣчу.

Поговоривъ немного мы легли не раздѣваясь, и не гася свѣчи. Мининъ скоро заявилъ храпомъ что онъ отдѣлился отъ міра сего; я же не могъ заснуть до разсвѣта.

На разсвѣтѣ подулъ вѣтерокъ, небо расчистилось и на горизонтѣ показалось солнце. Никогда, кажется, я не радовался такъ сильно этому слутнику хорошей погоды. Все ожило. Явтра бушевала, но ея величественныя волны, освѣщенныя солнцемъ, были только шумны, а не грозны. Вся природа ликовала и радовалась и какъ бы вторя ей привѣтствовали другъ друга Руцукъ и Журжево глухими раскатами орудійныхъ выстрѣловъ. Солдаты высылали изъ палатокъ и радовались какъ дѣти. Пошли смѣхъ, шутки. Матюшкинъ ораторствовалъ о томъ что никто на лодкѣ не подѣвжалъ, что Семенову со страха повидѣлось, но Семеновъ стоялъ на своемъ.

— Федоръ Михайловичъ, что вы! Нешто я не видалъ какъ

на лодкѣ гребутъ! Я гляжу съ берега, а они этакъ чахъ, чахъ, чахъ! Я и спросилъ: кто ѣдетъ.

— Надо бы, братъ, тебѣ за нами въ догонку послать чтобы ты зря не бѣгалъ къ ротному командиру.

Стали допытываться и отъ поста, какихъ они это видѣли баши-бузуковъ. Одинъ разказывалъ что было пять человекъ, другой говорилъ три, но въ сущности всѣ враня потому что было такъ темно что разобратъ кто это былъ и сколько было не представлялось никакой возможности. Секретъ посланный въ сосѣдную деревню простоялъ тамъ цѣлыя сутки, но не видѣлъ никакихъ баши-бузуковъ, такъ что мы совершенно успокоились. Явтра лонемногу стала сладать и на слѣдующее утро вода убыла на два аршина. Наша жизнь олять потекла безматежно. Ёда была хотя незатѣйливая, но обильная; виноградъ послѣвалъ и мы услаждались имъ не только въ видѣ десерта, но и въ видѣ кваса который фельдшеръ Андреевъ приготовлялъ въ совершенствѣ. Но спокойствіе наше не могло быть прочнымъ. Хотя разстояніе отъ насъ до Рущука было верстъ сорокъ, но баши-бузуки пошаливали по берегу Дуная не въ очень далекомъ разстояніи. Намъ сообщилъ объ этомъ пріѣхавшій къ намъ казачій офицеръ.

— Позвольте рекомендоваться, сотникъ Семяненко.

— Очень пріятно! Чтò прикажете?

— Да вотъ пріѣхалъ къ вамъ пошукать нѣтъ ли чего для меня подходящаго.

— На счетъ чего это?

— Да я, видите ли, паромъ устраиваю на Дунай, такъ нѣтъ ли у васъ канатовъ, гвоздей и изъ древеснаго тоже чего-нибудь.

— Какъ же это вы устраиваете? Вѣдь это дѣло инженера или сапера.

— Ау, батенька, ничего не подѣлаешь. Сказали: Семяненко, иди, ладь паромъ. Я и пошелъ.

— Да вы мосты-то когда-нибудь строили?

— Гдѣ строить! Не доводилось. А приказали, и пошелъ со своими казаками. Да на первый-то разъ скверно вышло, не потрафили не много... Паромъ-то вѣтромъ и опрокинуло.

— Чтò жь, благополучно?

— Не очень. Одинъ казакъ утонулъ. Такъ позвольте мнѣ пошарить на ватемъ флотѣ.

Слустились мы въ люки и наши тамъ цѣлые вороха ве-

ревокъ, обрывковъ парусовъ и всевозможной рухляди когда-то бывшей принадлежностью плаванія.

— Ото-то! ото-то! Важно. Не даромъ ѣхалъ. Клименко, загребай!

Казакъ Клименко сталъ отбирать вещи, а рабочіе отъ роты начали таскать ихъ наверхъ къ телѣгѣ. Мы съ Семяненко вышли на лаубу.

— Что батенька, прислали мостъ сторожить, и дѣло! А то эти баши-бузуки, нехай имъ, какъ разъ тутъ бѣдовъ наворачять.

— Да вѣдь между нами и Руцукомъ стоятъ же войска, замѣтилъ Мивидъ.

— И, спла! Прежде стояла бригада, потомъ лодкъ, а теперь, сказываютъ, баталіонъ остался.

— Что вы толкуете! Одинъ баталіонъ! Предъ первоклассною-то крѣпостью.

— Да такъ сказываютъ.

— А вѣдь говорятъ въ Руцукъ войска стягиваютъ?

— Да, стягиваютъ.

— Вѣдь изъ Руцука выйдутъ и нашъ флангъ сомнутъ?

— Ну, ужъ этого я не знаю. Это дѣло начальства. Матъ бы толъко, коли будутъ валирать, уйти съ паромомъ къ Румынкамъ. Вольготно, и паромикъ будетъ цѣлъ.

Казакъ уѣхалъ. Извѣстія сообщаемыя имъ были нерадостны. Каково было положеніе руцукскаго отряда, когда на самомъ оласномъ мѣстѣ, въ виду первоклассной крѣпости, приходилось держать такой незначительный отрядъ. Что стоило сотѣ, другой Черкесовъ прорваться сквозь такую слабую дивію и увачтожить мостъ и луть отступленія. Только послѣ нашего ухода присланы были салеры для постройки небольшихъ укрѣпленій на ближайшихъ горахъ.

Но счастье или Промыслъ хранилъ нашъ отрядъ. Ловкими маневрами въ виду непріятеля, части отряда, всегда готовыя принять бой, появлялись предъ Турками вездѣ гдѣ они покушались прорвать нашу дивію. О численности этихъ отрядовъ непріятель не могъ звать, благодаря пересѣченной мѣстности, и потому не рисковалъ атаковать насъ изъ боязни нарваться на значительныя силы. Расположеніе боевыми кордонами составляло слабую сторону руцукскаго отряда, но вмѣстѣ съ тѣмъ было и силой его.

Солдаты, выслушавъ разказъ казака, ломатывали головой,

но не падали духомъ. Матюшкинъ и тутъ былъ первымъ крикуномъ и вдохновителемъ.

— Пуцай придетъ! И уйдетъ не солоно хлебавши.

— Федоръ Михайловичъ, говорятъ они храбрые дуже отъ кофю?

— Не отъ кофю, а отъ олею, да только не всегда онъ при нихъ есть.

— Коли дая храбрости, какъ же вѣтъ?

— Экой ты, братецъ! вѣшивается фельдшеръ Андреевъ.— На всякій разъ его не наласешься. Опять же это не что-нибудь, а цѣлебное... Животъ подведетъ напиримѣрь, колика—ну, тутъ его сейчасъ и улотреблай.

— Экъ вы загули по ученому. Нешто это такой олеи! То помось, а то'храбрость!

— А что ты думаешь? Я вотъ слыхалъ, коли шибко струсашь—сейчасъ животъ схватить. Не противъ этого ли и они жрутъ? Иванъ Андреевичъ какъ вы думаете? Какъ по ученому?

Фельдшеръ обидѣлся.

— Дураки вы, головы дубовыя! Вамъ дѣло говорить, а вы зря зубы скалите, брацца олъ, отходя прочь при общемъ смѣхѣ.

Такъ вопросъ объ олеи и остался неразрѣшеннымъ.

Жизнь наша становилась совершенно цидлическою. Мы чувствовали себя спокойнѣе, зная что впереди насъ стоятъ отряды хотя бы и маленькіе. День проводили мы въ каютѣ, а на ночь переселялись въ лаатку гдѣ комары не тревожили насъ. Для этого стоило только раздѣться и ложиться не зажигаая огня.

Солдаты благодумствовали. Въ котѣ были жирныя щи, крутая каша, да кромѣ того у многихъ ежедневно вареная рыба, которую налавливали самымъ оригинальнымъ образомъ. Связывали не плотно вѣсколько лааточныхъ полотнищъ въ видѣ невода и такимъ образомъ ловили. Попадаалось, конечно, немного, но все-таки попадаалось. И эта небольшая удача доставляла неолисанный восторгъ.

Ловля лаатками продолжалась не долго; у Белгаръ достаали неводъ и рыбы стало въ волю.

— Тащи, тащи! Что ты какъ медвѣдь переваливаешься! раздавалась крики.

— Да, переваливаешься! Сумься-ка самъ; видишь вазъ какая, ноги не вытащишь.

— Эхъ ты, копыры! Брось ему веревку чтобъ онъ зубами уцѣлился, а то увязнетъ солдатъ, и Турокъ колоть некому будетъ.

— Чтò вы тутъ, раздается внушительный голосъ Матюшкина, — чего гогочете? Ловить такъ ловить, а то только рыбу гоняете. А все ты Лахушичъ!

— Это не я, Федоръ Михайловичъ, ей Богу, не я.

На бивакѣ палатки подматываютъ; въ нихъ на мягкой соломѣ лежатъ солдаты и балагурять. Въ нѣкоторыхъ слышнò лѣннѣе. Вблизи разостлано мокрое бѣлье. Все мирно и невозмутимо. Мы также полеживаемъ у себя въ каютѣ. Минимъ распѣваетъ одну за другой шансонетки. Поетъ онъ со страшными гримасами, подмигивая и выкидывая иногда такіе жесты что я покатываюсь со смѣха. Славное времяпровожденіе! Но человѣкъ готовъ сдѣлать хоть что-нибудь когда нечего дѣлать. Ни книгъ, ни газетъ у насъ не было, а карты надобны. Разговоры у насъ идутъ въ родѣ слѣдующихъ:

— А чтò, Павелъ Никаноровичъ, какой сегодня день?

— День? А чертъ его знаетъ. Должно-быть воскресенье.

— Почему вы думаете что воскресенье? Пятница, кажется.

— Какая пятница! Воскресенье. Вѣдь мы каждый день балды бьемъ, ну, значитъ, каждый день и воскресенье.

— Я спрашиваю не шутя. Яснскій!

Является Яснскій.

— Какой сегодня день?

— Среда.

— Какая среда, чтò ты врешь! Стулай спроси у Максимова.

— Чтò мнѣ спрашивать... я и такъ знаю, ворчить Яснскій отправляясь къ палаткамъ.

— Максимовъ! кричить онъ.

— Я, слышится отвѣтъ.

— Какой сегодня день, ротный командиръ спрашиваетъ.

— Среда. Святыхъ Никодима и Мавры.

Яснскій возвращается недовольный.

— Среда. Да вотъ Шмелевъ пришелъ.

Въ дверяхъ показывается Шмелевъ. Это калтевармусъ.

— Чтò скажешь?

— Ваше благородіе, сухари кончаются. Надо въ штабъ съѣздить.

— Поѣзжай. Да смотри чтобы сухари были хорошіе. Протамый разъ гнилые поладились.

— Это не отъ меня, ваше благородіе. Я не хотѣлъ принимать, да нѣтъ, лучше не было. Завѣдующій хозяйствомъ и то хотѣлъ меня подъ равецъ поставить.

Личность Егора Шмелева, какъ тиль новаго солдата, очень интересна. Онъ составлялъ совершенную противоположность Федору Матюшкину. Какъ тотъ былъ суетливъ и крикливъ, такъ этотъ сдержанъ и спокоенъ въ словахъ и движеніяхъ.

Матюшкинъ былъ солдатъ набора прежняго, а Шмелевъ по общей повинности. Матюшкинъ былъ Тулакъ и земледѣлецъ, и грамотѣ выучился на службѣ; Шмелевъ Владимирецъ, лортвой и прибылъ грамотнымъ,

Когда рекрутское обученіе окончилось, я назначилъ Шмелева ротнымъ писаремъ.

— Ваше благородіе, я пишу не очень хорошо и никогда никакихъ бумагъ не составлялъ и отчетовъ не дѣлалъ.

— А если я тебѣ покажу и прикажу?

Недѣли черезъ двѣ Шмелевъ порядочно понималъ дѣло. Черезъ годъ онъ исправлялъ уже должность ротнаго калтевармуса и былъ образцомъ честности и аккуратности. Его спокойствіе и молчаливость многимъ, кто его не зналъ, казалась вялостью и недалекостью. Разъ какъ-то попалъ на Шмелева завѣдующій хозяйствомъ. Это былъ человѣкъ въ высшей степени нетерпѣливый и горячій, у котораго въ минуту гнѣва глаза блестѣли какъ очки на его носу, а языкъ старался говорить такъ часто что рѣчь обращалась въ непонятную скороговорку съ поминутнымъ заиканьемъ. Получивъ разъ замѣчаніе что какіе-то мѣшки не были сданы вовремя, онъ встрѣтилъ въ канцеляріи Шмелева. Не спросивъ, сдаль ли ихъ Шмелевъ, онъ налустился на него. Посылался градъ брани и угрозъ.

— Негодяй! Заморю въ карцеръ! Тысячу разъ вамъ говорить, а вы осмѣливаетесь ослушаться! Прохвосты!

Шмелевъ стоялъ невозмутимо, что называется глазомъ не моргнувъ и не обнаружилъ никакой робости. Это еще хуже разозлило завѣдующаго хозяйствомъ.

— Слышишь что тебѣ говорятъ! закричалъ онъ.

— Ваше высокоблагородіе, я ихъ сдаль еще двѣ недѣли тому назадъ.

— Что? Еще врать смѣешь!

Шмелевъ вытащилъ изъ обшлага свертокъ бумагъ.

— Вотъ-съ расписка отъ полковаго калтенармуса.

— Покажи. Я сержусь, а онъ молчитъ... Ахъ ты, скотина! Дуракомъ прикидываешься? Пошелъ вонъ! Я тебѣ задамъ!

Шмелевъ также спокойно оборачивается и уходитъ.

Но возвращаюсь къ прерванному разказу. На другой день Шмелевъ поѣхалъ за сухарами. Вернувшись онъ привезъ приказаніе изъ лодка оставить Мидца съ пятидесятью чело-вѣками въ Новоградъ, а мнѣ съ остальными вернуться въ Бѣлу, гдѣ меня ожидала оставленная рота.

II

Придя въ Бѣлу и расположивъ бивакомъ роту по берегу Янтры, между мостомъ и военно-временнымъ госпиталемъ, я отправился явиться къ коменданту. Бѣла какъ бы вымерла. Еще такъ недавно она переполнена была всевозможнымъ людомъ, военнымъ и статскимъ, который весь день колошмился, суетился; повсюду видѣлись экипажи, повозки, телеги какъ на бивакахъ, такъ и на дворахъ; громкій разговоръ, брань и пошуканье не умолкали даже и въ знойный полдень. Теперь было не то. На мѣстахъ гдѣ расположены были бивакомъ солдаты и стояли коновязи лошадей остались только ихъ сады въ видѣ локунутыхъ вещей, битой посуды и груды навоза. Дворы были пусты; мѣстами въ нихъ валялись трупы лошадей, распространяя неимоверное зловоніе. Даже на базарной площади не было оживленія. Многія лавки совсемъ были закрыты; въ другихъ братушки, сидя на лавочныхъ стойкахъ, на которыхъ показывается товаръ, преспокойно шили что-то, и только въ тѣхъ лавкахъ гдѣ хозяева были Жиды, слышались нескончаемые гнусавые разговоры.

Изнемогая отъ жары, дотащился я наконецъ до коменданта. Это былъ не старый еще, представительный и приятный человекъ. Принялъ онъ меня очень ласково и вѣжливо.

— Гдѣ же вы думаете расположиться?

— На берегу Янтры.

— Отчего не въ избахъ. У насъ тутъ половина деревни турецкой пустая. Тамъ можно.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ на берегу. Впервыхъ, близко отъ моста и госпиталя, а ввторыхъ, воздухъ гораздо лучше. Только позвольте мнѣ потребовать соломы. Да вотъ еще,

полковникъ, по улицамъ такая вонь отъ неубранной ладаи что дышать невозможно. Наживемъ заразу.

— Ахъ, эти братушки! Казакъ!

Казакъ явился.

— Пошелъ въ наредное управленіе и скажи что если сегодня же не будутъ убраны лошади, такъ я найму людей убирать на ихъ счетъ. Стулай.

Казакъ вышелъ. Комендантъ продолжалъ:

— Ну-съ, а васъ не задерживаю больше. Замѣтно, вы устали. Устраивайтесь да караульте насъ получше.

— Что же мнѣ собственно караулить?

— Все. Бѣлу, интендантскій складъ, складъ товарищества продовольствія дѣйствующей арміи, мостъ и два военно-временные госпиталя.

— Это все съ одною ротой-то? Помилуйте, развѣ это возможно! У меня же и рота не вся.

— Такъ, но вы будете караулить и охранять, да притомъ и отягиво. Вотъ я вижу, вы и сами улыбаются. Желаю вамъ успѣха!..

Я пожалъ ему руку, засмѣялся и вышелъ. Коротко и ясно: невозможно, а надо дѣлать хорошо.

Когда я пришелъ къ ротѣ, бивакъ былъ уже въ полномъ порядкѣ. Палатки раставуты; ящики и фура устанавливаемы и привѣтливый дымокъ отъ ротнаго котла дымился въ сторонкѣ.

Сейчасъ же было послано узнать куда какой нужно поставить карауль, и послано въ Бѣлу за соломой.

Мѣстность была очень удобная: ровный лугъ, на которомъ стояло нѣсколько грушевыхъ и дубовыхъ деревьевъ дававшихъ хорошую тѣнь. Палатку мою поставили подъ деревомъ, и я могъ заснуть послѣ небольшого, но утомительнаго перехода. На другой день я пошелъ лично ознакомиться со всѣми мѣстами требовавшими охраненія. Первое куда я направился былъ военно-временный госпиталь.

Госпиталь представлялъ очень оригинальный, парусинный и войлочный городокъ. Парусинные шатры были раставуты въ нѣсколько рядовъ, расплачиваемыхъ по прямымъ линіямъ, а сбоку, въ видѣ добавочнаго квартала, примыкали ряды киргизскихъ круглыхъ кибитокъ. Въ шатрахъ большие и меньшие лежали на койкахъ-воспалкахъ, а въ кибиткахъ тюфяки были положены прямо на землю, изголовьемъ къ стѣнѣ,

а ногами къ центру. Было утро и визитация врачей еще не окончилась. Сестры то и дѣло свозали изъ одного шатра въ другой съ бинтами и отклявками. То и дѣло раздавались возгласы:—Сеструшка, милосердая, мнѣ бы кисленькаго, ну-тро томить.

— Хорошо, голубчикъ, будетъ, схожу въ аптеку.

На другомъ концѣ раздается опять:

— Сеструшка, что жь перевязка-то мнѣ будетъ? Зудить дуже.

— Будетъ, голубчикъ, будетъ. И до тебя дойдетъ очередь.

— Ахъ ты, моя кормилица, пошла тебѣ Богъ, съ чувствомъ произносилъ солдатъ.

Офицерскіе шатры стояли внѣ общей линіи. Они были изъ двойнаго платнаго полотна и въ каждомъ помѣщалось восемь коекъ.

Не буду описывать подробностей госпитальныхъ принадлежностей. О нихъ много писали. Когда я вошелъ въ первый шатеръ, надъ однимъ изъ раненыхъ производилась небольшая операція. На койкѣ лежалъ молодой офицеръ, блѣдный, съ полуоткрытыми глазами, хлороформированный. Сестра милосердія одною рукой держала его за руку, а въ другой имѣла какую-то отклявку и вату. Докторъ безъ сюртука, съ засученными рукавами, колааса зондомъ въ пулевой ранѣ, которая зила на лѣвой стулѣ. Кости были раздроблены, много ихъ было извлечено, но все-таки еще оставались мелкія, надъ чѣмъ и трудилась теперь докторъ. Раненый не былъ совсѣмъ хлороформированъ; онъ былъ только доведенъ до безсмія и несъ невыразимую челуху:—„Вотъ они, вотъ они, смотри, смотри, обходятъ.... загни флаги.... перестань стрѣлять.... слушай мою команду.... угостимъ залпомъ!... Смотри же, слушай.... рота—ли! ха, ха, ха.... Что? посылались, проклятые!... Видно, лула не свой братъ“....

Тутъ больной сталъ стонать, вѣроятно отъ боли въ ногѣ и поэтому заговорилъ совсѣмъ въ другомъ тонѣ: „Ахъ ты, проклятый, что ты дѣлаешь со мной! Куда ты тащишь мою ногу? Отвяжись, а то двину!... Ай-ай-ай.... А вѣдь водку пить будемъ.... И зачѣмъ мы ее пьемъ?... Вѣдь какъ отъ нея въ ногѣ больно.... Бить-то бы, бить.... Что? опять Турки?... они и есть.... Дули ихъ... за мной ребята!... Охъ, смерть моя!...“

Тутъ больной сталъ метаться и кричать. Я вышелъ изъ шатра и пошелъ къ старшему врачу. Врача этого почему-то прозвали ивдюшкой.... Онъ былъ очень древній человѣкъ, и

невольно приходилось удивляться, какъ онъ въ такіе годы былъ такъ подвиженъ. Когда онъ говорилъ, глаза его какъ-то особенно блуждали, а руками онъ начиналъ перекаладывать какія-то записки изъ одного кармана въ другой.

— Пожалуста, пожалуста встрѣтилъ онъ меня,—внушите вашимъ дежурнымъ чтобы строгости было больше, чтобы все вѣсила при нихъ, а то не могу же я вездѣ одинъ. Смотритель не ходитъ, комиссары не смотрятъ, а отвѣтственность на комъ? Все на мнѣ!

Я посмотрѣлъ съ удивленіемъ на этого человѣка и, обѣщавъ исполнить, поскорѣй ушелъ на лазаретную кухню, гдѣ уже ожидали меня дежурные. Тамъ былъ и смотритель. Я обратился къ нему.

— Скажите пожалуста, что это вашъ старшій докторъ жалуется на непорядки?

— Отъ кого же и непорядки какъ не отъ него! Всего-то боится, предъ всѣми дрожить... какой это старшій докторъ! Жиды поставляютъ скверную провизію, а онъ не бракуетъ, говорить годная. Разумѣется будетъ лица не хороша... вотъ полюбуйтесь-ка. Поваръ! подай-ка супъ.

Маленькій чумазый солдатикъ, съ грязнымъ фартукомъ, налилъ супу и подалъ намъ. Супъ былъ дѣйствительно очень плохъ: какая-то мутная водица, наверху ни блестки.

— Чтò, хороше?

Я покачалъ головой. Смотритель продолжалъ: — а между тѣмъ какъ бы отлично можно было кормить, да ничего не подбавеешь, товарищество... обидно. Можно бы купить вдвое дешевле и вдвое лучше, да не имѣю права. Должны отъ нихъ все принимать. Вотъ хоть бы молоко: Болгары приходили, набивались по франку за ведро, а у нихъ обходится по франку за бутылку, да и то еще посылай пять разъ. Э, да что! лучше и не говорить.

Смотритель высказывалъ все это съ большимъ жаромъ. Мнѣ показалось неудобнымъ продолжать этотъ разговоръ при жившихъ чинахъ, и я, сдѣлавъ дежурнымъ внушеніе, простился со смотрителемъ и пошелъ во-своица. По дорогѣ я навѣвалъ двухъ докторовъ возвращавшихся съ визитаціи. Одинъ изъ нихъ заговорилъ со мной.

— Чтò капитанъ, пришли насъ охранять?

— Начальство прислало охранять отъ враговъ вѣшнихъ, а докторъ послалъ охранять отъ враговъ внутреннихъ.

— Это противъ кого же?

— Противъ смотрителя да комиссара.

— Овъ бы лучше попросилъ васъ охранять насъ отъ него.

Мы спустились съ пригорка, гдѣ отдѣльно отъ госпиталя растянуты были три кубитки. Здѣсь жили эти доктора.

— А вотъ и нашъ палаццо. Заходите китайскихъ травъ услыть.

Говорилъ это одинъ небольшого роста брюнетъ съ громадною черною бородой, крупными чертами лица и чрезвычайно-добрыми глазами. Это былъ Иванъ Николаевичъ Русаковъ, только что кончившій курсъ въ Петербургской Академіи. Другой, все время молчавшій, немного болѣе средняго роста, блондинъ, выглядывавшій очень застѣнчиво, былъ Федоръ Александровичъ Бергеръ, полевой хирургъ. На войнѣ вообще знакомятся скоро, но мы какъ-то ужъ очень быстро сошлись. Просидѣвъ часъ, я выходилъ отъ нихъ какъ отъ старыхъ друзей. Затѣмъ я продолжалъ свой обходъ и направился къ интендантскому складу. Едва я подошелъ къ одному сараю какъ меня поразилъ неприятный запахъ. Но я не поналъ сразу что означаетъ этотъ запахъ, и спросилъ служителя.

— Тутъ еще что! отвѣтилъ онъ. — А вотъ пожалуйста-ка внутрь магазина... не то заговорите!

И въ самомъ дѣлѣ, едва мы вошли, насъ обдало зловоніемъ.

— Что же это такое? Неужели консервы?

— А то что жъ! Ихъ вотъ прислали сто пятьдесятъ восемь тысячъ раціоновъ, а сколько изъ нихъ будетъ годныхъ, Богъ вѣсть.

— Отчего же это? Вѣдь посылають же ихъ свѣжими.

— Что же вы шутите съ дорогой-то да съ перегрузками? Какъ начать колыхать изъ телѣгъ не мудроно что жестянка дастъ трещину. А дала трещину—и лишнѣ пропало.... зараза да и только! Сколько ужъ мы въ Янтру-то вывалили этихъ консервовъ, а все ничего не подѣлаешь.

— А это у васъ что за мѣшки? спросилъ я, показывая на бунты. — Неужели сухари?

— И сухари, и ячмень, и овесъ. Всего-то четвертой тысячъ пятьдесятъ.

— Отчего же они не покрыты? Вѣдь дождь пойдетъ, все погадитъ.

— Отчего не покрыты! Нечѣмъ. Насколько хватило,

вомъ, видите, покрыты. А это ужь лускай Богъ покрываетъ своею милостью!

Поразспросивъ о караулѣ, пошелъ я въ контору „Товарищества продовольствія“, которая помѣщалась въ одномъ изъ болгарскихъ домовъ. Въ дверяхъ меня встрѣтилъ Еврей.

— Чтò, у васъ есть въ конторѣ кто-нибудь?

— Въ конторѣ? А какъ же! Агентъ тутъ. Пожалуйте вотъ въ эти двери.

Контора помѣщалась въ очень свѣтлой комнатѣ; стояло три стола. За однимъ сидѣли два молодые лица: одинъ изъ нихъ, положивъ голову на столъ, а другой оба локтя, хихикали. За другимъ сидѣлъ среднѣхъ лѣтъ Еврей и щелкалъ щетами, а за третьимъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ, расположился красивый джентльменъ. Это-то и былъ самъ агентъ. Онъ былъ прекрасно одѣтъ: на немъ было лѣтнее платье, сорочка свѣзкой бѣлизны, часы съ массивною цѣпочкой, а на пальцахъ кольца съ великолѣпными бриллиантами. Я невольно оглянулся при этомъ на свою сѣрую рубашку, замѣнявшую китель, на потрескавшіеся отъ жара сапоги и на свои руки украшенныя однимъ лишь необыкновеннымъ загаромъ. При моемъ приближеніи агентъ лѣживо поднялся и едва замѣтнымъ еврейскимъ акцентомъ спросилъ:

— Чтò вамъ угодно?

— Мнѣ комендантъ сказалъ что вамъ на ночь надо выставлять караулъ.

— Какъ же, какъ же, необходимо.

— Чтò у васъ караулить?

— Все.

— Чтò это *все*?

— А такъ, все. И амбары, и бунты, и сухари, которые на солонѣ сушатся.

— Ишь вѣдь гдѣ вы выдумали сухари сушить!

— Случай такой. Въ отрядахъ не хватаетъ сухарей.

Я сказалъ что буду присылать небольшой караулъ и ушелъ.

— Господишь калитанъ, позвольте вамъ предложить, не нужно ли вамъ чаю, сахару, хорошихъ галетъ, овса, а може и спирту? У насъ все есть и мы всегда готовы съ удовольствіемъ...

— Позвольте, перебилъ я его, — вы, вѣроятно, хотите о чемъ-нибудь просить? Такъ пожалуста безъ прелеудій.

Сказалъ я это громко, но Еврей не унялся и продолжалъ въ пологоса.

— Отчего же не предложить если есть! И вы для насъ тоже что можно будетъ сдѣлаете.

— Да что же вамъ нужно?

— Видите ли, г. капитанъ, намъ требуется заготовить сухари, такъ не можете ли вы отпустить намъ хлѣбниковъ, а также и рабочихъ для рѣзки и сушки хлѣба?

— Гм... не знаю, службы много. Посмотрю и спрошу. А сколько вы будете платить?

— Мы платимъ хорошо. Въ Россіи столько никогда не платятъ.

— Да сколько именно?

— Хлѣбопекамъ шестьдесятъ коп., а рабочимъ пятьдесятъ.

— Только? А Болгарамъ сколько вы платите? Въдь по восьмидесяти пяти копѣекъ?

— Да!

— Ну, такъ ихъ и берите.

Я повернулся и хотѣлъ уходить.

— Позвольте, господамъ капитанъ, зачѣмъ такъ скоро! Нельзя же съ одного слова... Ну, я прибавлю. Пусть будетъ восемьдесятъ копѣекъ.

— Не восемьдесятъ, а восемьдесятъ пять, какъ вы платите Болгарамъ. Тогда пришлю сегодня съ отвѣтомъ. Да не забудьте, расчетъ каждый день.

— Извольте, извольте, ну ужъ вы и капитанъ! А все-таки а вамъ бутылочку мадеры пришлю, чтобы вы на насъ не сердились.

Возвращаясь на бивакъ я зашелъ на военно-телеграфную станцію, которая помѣщалась недалеко отъ моста во второмъ этажѣ довольно большаго дома. Офицера заведующаго отдѣленіемъ не было и я направился въ аппаратную, гдѣ и нашелъ его, сидящаго безъ куртки, съ расстегнутымъ воротомъ, въ туфляхъ; онъ распекалъ какого-то телеграфиста. Мы не были знакомы и онъ встрѣтилъ меня вопросомъ: „Что вамъ угодно?“

— Позвольте познакомиться. Вашъ охранитель.

— А, очень пріятно. Пойдемте ко мнѣ въ комнату. А вы извольте прибрать тутъ все, обратился онъ къ сигнальщикамъ. — Видите, хлѣвъ какой сдѣлал!

Аппаратная была небольшая комната съ двумя окнами, нѣсколькими столами и табуретками. На двухъ столахъ стояло по аппарату, около валялась масса бумагъ въ ужасномъ

безпорядкѣ; много ихъ было также налѣплено на стѣнкахъ. На полу обрывки бумагъ, множество окурковъ и вообще всякаго сору. Квартира Рыжикова, такъ звали завѣдующаго отдѣленіемъ, состояла изъ одной комнаты, въ ней стояли кровать, небольшой столикъ и табуретка. Несмотря на то что окно было наглухо завѣшено плотнымъ ковромъ, духота была такъ велика что я, просидѣвъ минутъ десять, простился и вышелъ.

Когда я подходилъ къ биваку, дымокъ отъ рогатаго котла пріятно манилъ къ себѣ. Кашеваръ Козловъ, завѣдя меня, засуетился. Онъ быстро надѣлъ фартукъ, пригладилъ рукой волосы и сталъ обтирать чашку какою-то тряпичей.

— Здорово, Козловъ.

— Здравія желаю, ваше благородіе.

— Похвастайся-ка, чѣмъ ты сегодня роту кормишь.

— Щами болгарскими, ваше благородіе.

— Отчего жъ не кашица?

— Рота не ѣстъ, половину выливаю. Отъ нея, отъ этой кашицы, одинъ вредъ. Все утро промыло. А это скусно, и на животъ крѣпко.

— Ну-ну, показывай.

Въ то время какъ Козловъ черпалъ изъ котла болгарскія щи, дежурный ралортовалъ мнѣ о благополучномъ обстояніи роты. Щи оказались отличными, хотя онѣ и готовились изъ виноградныхъ листьевъ и заквашивались сокомъ незрѣлаго винограда, то-есть изъ продуктовъ неизвѣстныхъ кулинарамъ, но были превкусныя. Козловъ самодовольно улыбался. Затѣмъ онъ зацѣпилъ лопаточкой кашу и съ торжествомъ поднесъ ее мнѣ.

— Что это, гречневая? А!

— Точно такъ. Вчера у Жида раздобылся. Раздобылся. Да сказываютъ, хочеть о рабочихъ докучать, оттого и далъ. Ну, вотъ ротѣ-то послѣ дубовой (ячневой) каши и праздника.

Къ вечеру я вышелъ къ ротѣ и спросилъ—желаютъ ли они въ свободное отъ службы время небольшими частями ходить на работу. Такъ какъ всѣ были безъ денегъ, то охотниковъ нашлось много.

На другой же день рабочіе и хлѣболеку отправились въ Бѣлу. Прошло дня три. Агентъ, несмотря на условіе, не давалъ расчета рабочимъ, отговариваясь неимѣніемъ денегъ въ

комторѣ. Когда же я прислалъ фельдфебеля Александра уже съ угрозою, то онъ разчиталъ солдатъ по 80 коп. въ день и собирався платитъ бумажками, говоря что у насъ не было уговора о платѣ монетою. Меня это взорвало и я сейчасъ же пошелъ въ комтору. Вѣроятно лицо мое не выражало въ это время ласки, потому что онъ быстро вскочилъ со стула и выразилъ нѣкоторую робость.

— Вы что это, чортъ побери, на штуки пускаетесь?

Еврей попытается.

— Позвольте, господня капиталъ, какъ вы можете такъ говорить со мной!

— Вы задумали бумажками отдѣлаться! Нѣтъ, это вамъ не удастся.

— Развѣ это не деньги? У насъ не было уговора чѣмъ платитъ.

— А, хорошо! Я иду сейчасъ къ коменданту. Александръ, взять рабочихъ!

— Помилуйте, что вы дѣлаете! У меня хлѣбъ растворенъ. Вы мнѣ сдѣлаете убытокъ.

— Тѣмъ лучше. Сейчасъ чтобы тутъ не было ни одного человѣка! А о деньгахъ вы сегодня будете съ комендантомъ разговаривать.

Я хотѣлъ идти, но Еврей взмолился.

— Ахъ, господня капиталъ, ну зачѣмъ вы такъ горячи! Ну, я сказалъ... ну что же, кто себѣ выгоды не хочетъ! Не хотите бумажками—я заплачу и монетою. Но зачѣмъ шумѣть! Тихо лучше. И, ухъ какъ вы горячи! Хе-хе-хе!

Угрозы подѣйствовали, и деньги были уплачены слона.

Въ тотъ же вечеръ Мивинъ прислалъ мнѣ слезное посланіе о томъ чтобы я похлопоталъ какъ бы смѣнить его у моста. Я пошелъ къ коменданту, но комендантъ ничего не сказалъ утѣшительнаго. Два черезъ два, только что я всталъ, Ясневскій влетѣлъ въ палатку и сообщалъ что взводъ пришелъ. И въ самомъ дѣлѣ, Мивинъ еще съ горки производилъ радостную жестикуляцію. Оказалось что давно ожидаемые саперы пришли на смѣну и освободили Мивина.

— Ну, батюшка, чуть съ тоски не умеръ. Чистая смерть. До того дошелъ что молилъ Бога о вислославіи для развлечения хоть баши-бузуковъ.

Приходъ Мивина со взводомъ былъ очень кстати. Пять двой тяжелой караульной службы въ Бѣлѣ стали

утомлять людей. Хотя караульная служба дѣло привычное, но проводить черезъ день сутки на жарѣ, не раздѣваясь, не снимая амуниціи, при рѣзкомъ переходѣ отъ дня къ ночи, это такъ тяжело что можетъ отозваться и на крѣпкомъ здоровьѣ. Бѣда же всегда считалась нездоровою мѣстностью и была разсадникомъ лихорадокъ на всю Болгарію. Это мѣстечко расположено въ ущельѣ, закрытомъ съ востока, юга и запада. Съ горы лежащей къ югу выходятъ обильные ключи, которые посредствомъ узенькихъ каналовъ, выложенныхъ камнями, искусственно сгруппированы въ одинъ, на которомъ устроена первая мельница. Вода сдѣлавшая свое дѣло на этой мельницѣ проводится далѣе деревяннымъ желобомъ къ слѣдующей, лежащей ниже мельницѣ, затѣмъ отъ второй такимъ же образомъ проводится и къ третьей, откуда, спустившись въ лощину, образуетъ ручей владающій въ Янтру. Вдоль всей лощины по ручью образовались грязныя лужи. Эти-то огромныя вѣчно гнющія лужи и порождаютъ вѣчныя лихорадки. Въ этихъ лужахъ въ теченіе жаркихъ дней барахтаются буйволы и свиньи. Буйволы ухитряются помѣщаться въ грязь по самую морду; грязь они предпочитаютъ чистой водѣ, такъ какъ грязь эта, обилая около нихъ, предохраняетъ отъ укушенія всевозможныхъ насѣкомыхъ. Можно себѣ представить какой видъ представляютъ послѣ этого буйволы, съ налипшею на нихъ грязью, залращенные въ огромныя телеги съ вѣчно скрилящими колесами!

На третій день нашего пребыванія, при утреннемъ рапортѣ, Алексѣевъ докладываетъ.

— Ваше благородіе, Константиновъ заболѣлъ.

— Что съ нимъ?

— Не могу знать. Ослабъ весь.

— Позови сюда.

Приводятъ Константинова. Онъ блѣдеетъ, съ мутвыми глазами, идетъ нетвердою поступью.

— Что съ тобой?

— Не могу знать. Мочи нѣтъ.

— Вѣрно напился лотный? Не слушаете что вамъ говорить. Трясетъ?

— Никакъ нѣтъ. Малость забко, а чтобы трести не трясеть.

— Отвести въ госпиталь, приказалъ я.

— Ваше благородіе, явите начальническую милость, взму-

знался Алексѣевъ, — позволяете въ ротъ лобить. Можеть и отойдетъ. Я буду стараться.

— Что жъ я съ тобой буду дѣлать! Пожалуй умрешь еще.

— Отъ смерти не уйдешь, а въ госпиталѣ лучше умрешь. Вонъ Янусъ только прикинулся больнымъ и то померъ.

Янусъ лживый и ллохой солдатъ притворился больнымъ, — что всѣ знали, — и попалъ въ госпиталъ, но на пятый день заболѣлъ тифомъ и умеръ. Это обстоятельство произвело тяжелое впечатлѣнiе на всѣхъ и госпиталя стали бояться.

Но Константиновъ былъ только началомъ; на другой день заболѣли еще двое и т. д., такъ что къ приходу Минина больныхъ было уже восемь человекъ. Всѣ они молили о начальнической милости и никто не хотѣлъ въ госпиталъ. Къ счастью, у насъ былъ добрый другъ Иванъ Николаевичъ Рукавовъ. Каждое утро къ нему направлялась цѣлая вереница больныхъ. Всѣхъ онъ со вниманiемъ осматривалъ и только очень трудныхъ отправлялъ въ госпиталъ, а остальныхъ кормилъ хиной въ ротъ.

III.

Черезъ нѣсколько дней ливейка транспорта оставовилась около лазаретнаго шатра. Тамъ былъ уже старшiй врачъ, нѣсколько младшихъ, смотритель, комиссаръ и служителя. Докторъ сопровождавшiй транспортъ вытаскивалъ списки и сдача началась. Въ первой ливейкѣ помѣщался только одинъ тяжело раненый калитанъ. Пуля пробила ему колѣно. Онъ былъ смертельно блѣденъ и тяжело дышалъ. Каждое сотрясенiе приводило ему жестокое страданiе. Каково же ему было проѣхать слухомъ тридцать верстъ? Онъ стоналъ всю дорогу. Рессорная лазаретная ливейка сравнительно еще очень покойна, а что же испытывали солдаты съ болѣе тяжелыми ранами, которыхъ везли на простыхъ телегахъ? Но гдѣ же взять покойные экипажи, когда раненыхъ бываетъ сотни, что было и теперь.

Когда стали высаживать калитана онъ ужасно кричалъ.

— Нѣжничай, шелталъ сзади меня Мининъ. — Что за слабодушiе кричать!

Мы пошли посмотрѣть на раненыхъ солдатъ. Наши солдаты тоже не вытерпѣли и приближали изъ роты.

Матюшкинъ и тутъ дѣйствовалъ.

— Телерича въ какое же мѣсто тебя пуля ударила? начальническимъ тономъ вопрошалъ онъ.

— Руку прострѣлило.

— Сзади или спереди? продолжалъ Матюшкинъ.

— Сзади.

И раненый поднялъ руку.

— Да его, должно-быть, лизнуло только, хихикалъ Петровъ.

— Лизнуло! отгрызался раненый. — Что я сласть какая что ли? Вотъ, дуракъ!

— Можеть для ея и сласть. Вѣдь пуля-то турецкая, обидѣлся Петровъ. — Чего лаешься?

— Петровъ, что ты! внушительно оставилъ Матюшкинъ.

— Да вѣдь это не я, а онъ, оправдывался Петровъ.

Мы подошли къ одной изъ телѣгъ, съ которой все время раздавался неистовый крикъ. Около телѣги собралась толпа солдатъ и всѣ съ участіемъ смотрѣли на раненаго. Это былъ высокій рыжій солдатъ. Страданія искажали его лицо. Онъ лежалъ на правомъ боку съ полураскрытыми глазами и неистово выкрикивалъ громкимъ силоватымъ голосомъ. Зрѣлище было непріятное. Солдаты перешелтыгивались. Слышно было:— Господи помилуй... экъ лихо-то... страсть какая...

Я обратился къ раненому.

— Куда ты раненъ?

— Въ спину. Ой, мочевъки моей вѣтъ...

И онъ опять началъ кричать.

— Послушай любезный, продолжалъ я, — будь подерживайе. Что кричать? Не хорошо.

— Больно. Кость спинакую пробило; ногами не шелохну, протоналъ онъ.

— Знаю что больно, да что жь подѣлаешь! Воздерживайся. Подумай чтобъ это было еслабы вы всѣ-то тутъ, слишкомъ триста человекъ, стали кричать. Съ Турками справлялся, а съ собой не можешь справиться.

Солдатъ широко открылъ мутные глаза, тяжело вздохнулъ, пересталъ кричать и только глухо стоналъ.

Пока продолжалось высаживаніе и сдача раненыхъ, стемнѣло. Пріѣхали хирургъ-профессоръ и комендантъ.

Въ шатръ уже были зажжены огни и докторъ, безъ сюртука, съ засученными рукавами приступилъ къ перевязкѣ при помощи сестры милосердія.

Я подошелъ къ раненому унтеръ-офицеру.

— Когда дѣло было?

— Третьяго дня, весь день.

— Жаркоде?

— И-и, ваше благородіе, не дай Богъ! Насъ-то всего одинъ полкъ былъ, а ихъ сплещи! А все, кабы вовремя помогу прислали—не сдали бы позицію. А то со всѣхъ сторонъ обощли, податься некуда. Нашъ полковникъ волосы на себѣ рвалъ. Только и слышно было: „Молодцы, стойте крѣпко! Еще не долго! Подкрѣпленіе идетъ“. А самъ все въ трубку смотритъ на дорогу. Ждали мы, ждали, а подкрѣпленія все не видать. Такъ перевалило за полдень. Артиллерія наша стала ослабѣвать; сказываютъ, зарядовъ не хватало. Тутъ у насъ на сердцѣ подожельше стало, потому артиллерія—главная вещь, духу придаетъ. Какъ бухнуть—такъ словно ты самъ „къ нему“ летишь, сердце кипитъ; а какъ артиллерія постыхла—„онъ“ еще пуще напирать сталъ. Смотримъ, вездѣ „онъ“, и направо-то, и надѣво-то... жутко стало! Обернулся я посмотрѣть гдѣ-то нашъ полковникъ. Вижу, стоитъ онъ безъ шалки и смотритъ въ трубку на дорогу. Все подмоги ждали; не хотѣлось позицію отдавать, да ужъ ждать больше нельзя было... Стали отходить; онъ тутъ, съ нами же. „Братцы, полегче, отходи, не торопись. Пушай же не думаетъ онъ, проклятый, что мы струсил. Не осрами полка роднаго! Служил Царю молодцами—и умремъ молодцами“. Отходимъ это полегоньку, тутъ „онъ“ на насъ и повасѣлъ. Страсть! Какъ лочали жарить—не роди ты, мать, сыра земля. Что народу поблаи! И сбоку бьютъ, и въ затылокъ хлещутъ—смерть! Да вѣдь что срамно, что больше по задачъ. Теперича про меня подумаетъ другой что на утекъ шелъ, а что жъ ты подѣлаешь!

— Какъ же ты сласся?

— Взводъ не выдалъ. Далеко жъ онъ насъ и не преслѣдовалъ, потому въ кусты вошла, а то бы быть на штыкъ у поганнаго.

Утѣрь-офицеръ умолкъ и задумался.

На слѣдующее утро фельдфебель Алексѣевъ явился съ крайне озбоченнымъ лицомъ.

— Чтò скажешь?

— Ваше благородіе, еще четыре человекъ заболѣли, да и еще есть, только не сказываются пока.

— Исполняютъ ли то что приказываютъ? Надѣваютъ ли на брюшники на ночь?

— Каждый вечеръ подтверждаю. Но это главная причина, потому что трудно очень. Сама изволите знать, служба ка-

кая. Караулъ карауломъ, а тутъ еще приходится каждый день на покось посылать. Никакъ невозможно.

При ротѣ было восемнадцать лошадей, восемь—корпуснаго штаба, а десять полевыхъ и ротныхъ. Купить сѣна нельзя было ни за что; приходилось съ разсвѣтомъ посылать козловъ вереть за десять.

Потолковалъ я съ Русаковымъ, и мы порѣшили перевести роту въ избы. Я сказалъ объ этомъ коменданту; тотъ согласился, и мы перебрались въ покинутые турецкіе дома, но болѣзнь не унималась. Черезъ нѣсколько дней человекъ восемь было отправлено въ госпиталь, а человекъ пятнадцать лѣжились у Русакова и были при ротѣ. Мы помѣстились у Болгарина; домъ былъ отлаченный. Нашу квартиру составляла одна громадная комната. Сами хозяева жили въ кухнѣ. Это были люди зажиточные, о чемъ можно было судить по громаднымъ скурдамъ хлѣба, надворнымъ постройкамъ, лошадямъ и скоту. Семейство состояло изъ старика и старухи, двухъ невѣстокъ и нѣсколько маленькихъ. Мужъ одной невѣстки былъ гдѣ-то на заработкахъ, а другой—въ дружнѣ. Несмотря на достатокъ, они жили очень скудно. Обѣдъ ихъ состоялъ изъ какой-то похлебки, куда они подаивали сыворотку которая оставалась отъ овечьяго сыра, и толстой черной пшеничной лепешки, которую они, не заквашивая, ежедневно лекали въ горячей золѣ. Это былъ ихъ хлѣбъ. По праздникамъ брынзы (овечій сыр). Несмотря на такую плохую пищу, они всѣ были очень крѣпки и здоровы. Въ первое время нашего пребыванія даже старикъ дичился насъ, хотя отвѣчивалъ намъ низкіе поклоны, а остальные члены семейства просто прятался. Ихъ можно было видѣть только очень рано утромъ когда они молотили свою превосходную пшеницу. Молотьба производилась очень оригинальнымъ способомъ: пара воловъ впрягалась въ телѣжный передокъ, на ось усаживалась одна изъ невѣстокъ и ѣздила по разостлаивымъ по току стогамъ. Токъ былъ вмѣстѣ и дворъ и намъ приходилось проходить мимо. Никогда я не видѣлъ чтобы Болгарка при этомъ посмотрѣла когда-нибудь въ лицо; если она сидѣла на своей оси, то упорно смотрѣла внизъ; если переворачивала солому, то отвертывалась и дѣлала видъ что занята работой. На привѣтствіе или молчала, или нехота проговаривала какое-то непонятное слово. Въ послѣдствіи хозяинъ сталъ любезнѣе и разговорчивѣе, но женщины сохра-

внѣ свою дѣло до конца. Устроивъ свой уголъ, я пошелъ въ роту. Тамъ тоже дѣло было улажено: были заваты двѣнадцать турецкихъ избъ; ихъ очистили, натаскали соломы и жильѣ было готово. Наканунѣ я узналъ что въ отрядный аптечный складъ привезли хивный спиртъ. Про этотъ хивный спиртъ мнѣ давно говорилъ Русаковъ и совѣтовалъ давать съ водкой всей ротѣ, какъ предохранительное средство противъ лихорадки. Блѣдность и утомленіе на многихъ лицахъ, какъ преддверіе лихорадки, которая за это время перетрѣпала чуть не полроты, безпокоили меня ужасно, и я тотчасъ же отправился въ складъ.

— Извините пожалуйста, обратился я къ аптекарю,—могу я получить у васъ хивный спиртъ?

— Что, вѣрно потрельываетъ лихорадка?

— Изведа совсѣмъ.

— Что жь, можно. Привесите записку отъ коменданта что необходимо. Пузырьковъ пятокъ отлучу.

Я пошелъ къ коменданту.

Поварачивая къ комендантской квартирѣ, слышу ревъ. Не подалеку, по улицѣ двигался цѣлый звѣрюнецъ; это были медвѣжатники съ медвѣдами и обезьянами. Они до той минуты благополучно страствовали по Болгаріи, давая представленія, но въ Бѣлѣ имъ не повезло. У нихъ спросили паспорта и видъ отъ военного начальства, а этого-то у нихъ и не было.

— Что это? обратился я къ казаку, который ихъ велъ.

— Веду къ коменданту. Документу никакого не имѣютъ. Да потомъ, извольте видѣть, сколько звѣрья. Нешто такъ можно?

Медвѣдей различнаго возраста было штукъ восемь, да двѣ обезьяны. Медвѣжатники сознавая, вѣроятно, бесполезность всякихъ просьбъ шли за казаконъ локорно; одинъ только держалъ въ рукахъ какой-то доскутокъ бумаги и старался въ чемъ-то убѣдить казака, но тотъ отбѣлывался лаконическими фразами: „Не ваше дѣло.... разберуть.... это ужъ какъ начальство“.

Такъ мы въ сопровожденіи этого млага общества и дошли до комендантской квартиры. Онъ охотно выдалъ мнѣ разрѣшеніе получить спиртъ. На дворѣ слышался страшный ревъ.

— Это что за музыка тамъ?

— Васъ дожидаются. Цѣлый оркестръ привели.

Я объяснилъ въ чемъ дѣло, и мы вышли. Казакъ подошелъ съ докладомъ.

— Ваше высокоблагородіе, вотъ-съ привезъ со звѣрьемъ. Документу никакого не имѣю.

— Вы откуда? обратился комендантъ къ Болгарамъ.

Тѣ заговорили по-болгарски.

— Послать за переводчикомъ.

Казакъ любѣжалъ.

Переводчикъ тотчасъ явился, и мы узнали черезъ него что они изъ-за Балканъ и имѣютъ разрѣшеніе отъ турецкаго начальства ходить съ медвѣдями, что за это право съ нихъ взыскивали подать въ турецкую казну; въ удостовѣреніе этого одинъ изъ нихъ, державшій бумагу, предъявилъ ее какъ документъ. Это показалось ужъ чересчуръ подозрительнымъ. И въ самомъ дѣлѣ, трудно было не замѣтить тайнаго умысла въ разрѣшеніи ходить по Болгаріи съ медвѣдями во время войны.

Комендантъ призадумался, а потомъ обратился къ намъ.

— Я думаю отправить этихъ Болгаръ къ чорту, а медвѣдей отдать казакамъ на разотрѣваніе. Это какая-то подозрительная сволочь—медвѣжьи плясы показывать ходятъ.

— Вотъ это ловко, полковникъ! Это вотъ у меня ротный только сердобольничаетъ, сказалъ Мининъ.

— Такъ мы и сдѣлаемъ. Отведи Болгаръ съ медвѣдями къ старшему, а вы, прапорщикъ, сходите къ моему помощнику и скажите ему чтобъ онъ медвѣдей приказалъ перестрѣлать, а Болгарамъ выдалъ бы проходные билеты до мѣста жительства, по ихъ указанію.

На другой день рано утромъ помощникъ коменданта Бадомовъ заѣхалъ за мной и мы отправились верхами осмотрѣть укрѣпленія которыя возведены были на случай движенія Турокъ на Бѣлу. Около самой Бѣлы видны остатки укрѣпленій направленныхъ къ Дунаю. Нынѣшнія воздвигнуты были въ двухверстномъ разстояніи, фронтомъ въ обратную сторону. Это были преимущественно батареи горизонтальныя и углубленныя, построенныя на гребнѣ возвышенія и обстрѣливающія мѣстность на очень большое разстояніе.

— Чтò, Александръ Филипповичъ, понадобится эта позиція или нѣтъ? Какъ вы думаете.

— Какъ сказать?.. Дай Богъ чтобы не понадобилась, а впрочемъ кто ее знаетъ!

— Мнѣ что-то подозрительно это турецкое бездѣйствіе. Не хватилъ бы они сразу массой.

— Что вы говорите! Видъ въ отрядномъ штабѣ пашются свидѣнія. Посмотрите какъ мы маскируемъ нашу слабость.

— Пойдутъ на проломъ—ни къ чему и маскироваться. Гдѣ у насъ резервъ? Ахъ, виноваты, забывъ, а вы-то съ ретей!

— Нашъ отрядъ малъ, слабъ, а стоитъ крѣпко и дѣлаетъ большое дѣло. Исторія оцѣнить заслуги нашего командира.

Сдѣлавъ порядочный кругъ, мы выехали на дорогу и встрѣтили Болгарина ѣхавшаго въ своей каруцѣ (телегѣ.)

— Что, братушка, далеко Турки?

Болгаринъ ослабилъ.

— Нука Турки... далече Турки, братушка... три часа за горы... И онъ съ вѣстью шалку отъ радости качалъ головой.

Возвращаясь я заѣхалъ въ роту. Въ одномъ изъ домовъ раздавался вѣчно неутомимый голосъ Матюшкина. То что у другихъ унтеръ-офицеровъ дѣлалось спокойно, у него сопровождалось какимъ-то зыканьемъ. Онъ не умѣлъ приказать хладнокровно, а всегда рѣзко и задорно. Этотъ способъ обращаться уже рѣдко замѣчается теперь, но онъ поддерживаетъ въ подчиненныхъ бравость и расторопность.

— Что ты! Я тебѣ дамъ! Лихорадку хочешь наежевать? Встань сейчасъ.

— Федоръ Михайловичъ, ко ону клонить.

— Пырни его ледъ бокъ, вотъ и онъ вылетитъ. Мало васъ еще валнется! Ну, а скажи-ка ты мнѣ, Степановъ, что ты будешь дѣлать если тебя пошлютъ въ патруль? Разкажи-вай по порядку, обстоятельно, а вы слушайте.

— Теперича если пошлютъ въ патруль, а должень идти тихо и осторожно, чтобы непріятель меня не могъ замѣтить, а чтобы я все видѣлъ.

— Помни же это, ребята, затверди хорошенько.

Я вошелъ. Всѣ вскочили.

— Здорово, молодцы.

— Здравія желаемъ, гаркнули солдаты.

Всѣ смотрѣли открыто, правдиво, какъ бы радуясь моему поощренію.

— Хороша была вчера водка?

Всѣ лица разомъ подернулись улыбкой, не рѣшаясь отвѣтить. Только Матюшкинъ отрѣзалъ:

— Хороша, ваше благородіе, горька шибко, за то пользительна.

Когда я уходилъ изъ избы, слышался шелотъ Матюшкина обращенный къ солдатамъ.

— Что жь вы молчите когда спрашиваютъ? У, олухи! Коли начальникъ спрашиваетъ хороша ли—всегда говори хороша.

Возвратившись домой я получилъ записку отъ Русакова. Онъ уведомлялъ что госпиталь ихъ отѣяенъ и перемесенъ на другое мѣсто, причемъ звалъ навѣстить. Просидѣвъ вечеромъ у насъ часа два мы глѣшкомъ возвращались по Бѣлу. Проходя мимо одного большого дома мы услышали нестройное пѣніе. Пѣло вѣсколько человекъ.

— Что за черти тутъ воютъ! говорилъ Мивинъ.—Надо бы зайти посмотреть. Не праздникъ ли какой? Любопытно.

— Оставьте, человекъ, замѣтилъ я.

— Вотъ еще человекъ! И Мивинъ отворилъ калитку. Какой-то старикъ Болгаринъ увидѣвъ насъ снялъ шапку и пригласилъ войти наверхъ откуда слышалось пѣніе. Мы вошли. Въ довольно большой комнатѣ на полу разостланъ былъ коверъ, на срединѣ стояла большая деревянная тарелка съ мясомъ нарезаннымъ небольшими кусками; на другой тарелкѣ лежалъ хлѣбъ, рядомъ стояла бутылъ съ виномъ и вѣсколько стаканчиковъ. Вокругъ этой трапезы сидѣло болѣе десяти человекъ Болгаръ. Когда мы вошли, они перестали пѣть, вскочили и выражая удовольствіе пригласили насъ въ свою компанію. Мы сѣли. Мивинъ былъ сейчасъ же какъ дома. Пошли разспросы. Оказалось что одинъ изъ Болгаръ довольно сносно говоритъ по-русски. Прежде чѣмъ отвѣтить, онъ взялъ стаканъ съ виномъ и подаявъ его вскрикнулъ:

— За здоровье Русскаго Царя!

Болгары закричали ура.

Потомъ всѣ усадились и стали говорить, мало понимая другъ друга. Петро, что провозгласилъ тостъ, недавно вернулся въ Болгарію. До войны онъ жилъ въ Румыніи и вѣждалъ по торговымъ дѣламъ въ Кишиневъ и Одессу. Ему было лѣтъ сорокъ сличкомъ. Брюнетъ, съ рѣзкими выразительными чертами лица, онъ не носилъ на себѣ ртлепачка той приличности которая замѣтна была въ его землякахъ. Видно было что онъ жилъ въ свободной странѣ, а не подъ надзоромъ белъ и залтій.

— Слѣшкомъ двадцать лѣтъ тому назадъ, началъ онъ,—я бѣжалъ отсюда. Жить было нельзя. Мой отецъ занимался торговлей и меня приучалъ къ тому. Когда мнѣ минуло двадцать лѣтъ, отецъ мой умеръ и я остался хозяиномъ. Отецъ былъ хитрый человѣкъ; его выучили этому Турки. Онъ ходилъ на поклонъ къ начальству, дѣловалъ ихъ лавать, носилъ подарки и за это его любили и не притѣсняли. Я часто говорилъ отцу что не хорошо мнѣ будетъ послѣ его смерти, что я не могу дѣлать какъ онъ. „Подожди, говорилъ отецъ, и потерпи, а то тебя задавятъ какъ щенка. Теперь же долго ждать. Бѣлый Царь придетъ и спасетъ насъ. Ты знаешь что всякій Болгаринъ живетъ этою надеждою. Живи и ты. Лучше отнести турецкому начальству подарокъ и жить спокойно чѣмъ дрожать за свое добро.“ Пока отецъ былъ живъ, я сидѣлъ у себя дома, никуда не выходилъ и ни съ кѣмъ не говорилъ, а только когда ѣздилъ за товаромъ въ Румынію переставалъ быть такимъ. Тамъ я видѣлъ какъ живутъ люди свободно, а не подъ палкою. Стали мнѣ противна жизнь у себя дома, и я подумывалъ какъ бы мнѣ выбраться отсюда, но не могъ оставить отца. Но и послѣ его смерти уйти было не легко. У меня остались на рукахъ мать, семейство; нельзя же ихъ бросить потому только что самому тяжело, а они свыклись. Притомъ нужно было бросать торговлю, продавать домъ, а этого скоро не сдѣлаешь. Черезъ нѣсколько времени послѣ смерти отца былъ я по дѣлу въ городѣ и заглажулъ къ каймакану. Тотъ встрѣтилъ меня не ласково. „Что Петро, сталъ теперь хозяиномъ, а не заходишь ко мнѣ! Отецъ твой былъ добрый человѣкъ, вѣрный Туркамъ, а ты, можетъ-быть, таяешь къ Руссамъ? Смотри, у тебя не двѣ головы! Если я что-нибудь узнаю, не видать тебѣ твоей Бѣлы.“ Подумалъ я тутъ, развѣ дать ему что-нибудь, да злость моя очень взяла и опаснымъ казалось теперь это сдѣлать, потому смотрѣлъ онъ очень сердито. Выйдя отъ него, я тутъ же рѣшился какъ можно скорѣе бѣжать. Приѣхавъ домой, я сейчасъ же сталъ подыскивать покупателя, а пока дѣло шло, за мной слѣдили. Бывало, залтіе подойдетъ къ лавкѣ, даже ставеть. Ну, Болгары и цдутъ въ другую лавку чтобы не сочи за пріятеля. Залтіе слѣдитъ—значитъ надо ждать чего-нибудь недобраго. Пошли разговоры; за домъ стали давать гораздо дешевле, торговля шла плохо. Мать бывало плачетъ. „Петро, сходи къ начальству на поклонъ, отнеси подарки,

поцѣлуй одежау—и опять у насъ будетъ покой“. Плакала старушка, но я сдѣлать этого не могъ. Я лучше удавилъ бы себя чѣмъ войти цѣловать платье у Турка. Черезъ нѣсколько дней подѣ вечеръ приближалъ ко мнѣ одинъ пріятель и говорить: „Петро, спасайся! Пришелъ приказъ отъ каймакама схватить тебя“. Я его просилъ не говорить объ этомъ семейству, а самъ, вздавъ денеги изъ отцовскаго сундука, бѣжалъ въ Румынію. Тяжела мнѣ была эта ночь; никогда я ея не забуду. Переправившись на чужой берегъ я упалъ на землю и рыдалъ какъ мальчикъ. Я проклиналъ Турокъ и рѣшился лучше умереть на чужой сторонѣ чѣмъ покориться новымъ врагамъ. И вотъ послѣ двадцати лѣтъ слышкомъ мы дознались о чемъ мнѣ говорилъ отецъ мой. Бѣлый Царь пришелъ спасать насъ. У меня есть телерь въ Румыніи и домъ, и лавка, но мое сердце не выдержало и я пріѣхалъ на родную подышать роднымъ воздухомъ; а какъ война кончится, переселюсь сюда совсѣмъ. Вотъ мои земляки и собрались для моего пріѣзда пошпорать. Никто изъ насъ не помнитъ чтобы болгарская плѣнья плѣлась десятью человѣками вмѣстѣ. Насъ и пятерыхъ разогнали бы Турки палками и зажали бы намъ рта. Ну, братушка, выньемъ! Ты вѣдь родной намъ. И оубъ ласкѣй цѣловаться.

Я подоседаъ изъ спитъ и она затавули какую-то патристическую лѣсню отъ большимъ воодушевленіемъ. Мы протѣпали и ушли. Выйдя на площадь, мы услышали другое лѣніе; оно раздавалось изъ лавки. Тамъ сидѣло нѣсколько человекъ офицеровъ, артиллеристовъ; на столѣ стояло румынское шампанское. Всѣ были подѣ хмѣлькомъ, въ кителяхъ на распялку. Одинъ какой-то офицеръ гласавилъ: „Тихо на дорогѣ.“

Мы подошли къ дверямъ.

— Пожалуйте, пожалуйста, раздались голоса.

Мы вошли.

— Може еще бутылочку? перевалившись черезъ прилавокъ спрашивалъ Еврей.

— Да ты жидъ или жидюга? Мы зовемъ въ нашу компанію, а ты еще спрашиваешь! отвѣтилъ толстый капитанъ начальникъ парка.—Что васъ, госнода, не видно?

— И ко мнѣ пересталъ капитанъ ходить, улыбался Рыжиковъ.

— Да что къ вамъ ходить? Свѣдѣній не сообщаете, зло беретъ. Аппараты стучать, а не знаешь о чемъ.

— Ну вотъ теперь я вамъ могу сообщить. Сегодня цѣлый день дрались и кажется жарко.

— Гдѣ? кто? правскочилъ Мананъ:—Ужь не наши ли?

— Этого не знаю. Около Кацелева.

— Наши и есть. Ахъ, чортъ лобери! А тутъ сиди и окучай. Руки чешутся.

— Ну, герой, давай выльемъ, таялася лодульшой калитанъ.—Не торопись, еще надерешься!

— Какъ не надраться! Нынче какія войны-то? Того и гледи миръ заключать. Османку любятъ, это навѣрное, ему не уйти, а тамъ Шилку перевалимъ и миръ. Дома и придется только разказывать какъ съ артиллеристами въ Бѣлѣ льняствовали... Тфу!

— Ха-ха-ха, залулся капитанъ: о армейщина! Развѣ мы льняствуемъ? Мы кутимъ.

Посидѣвъ съ часъ мы разошлись.

На другой день подъ вечеръ отправился мы къ Русакову на новоселье. Ихъ госпиталь по случаю множества больныхъ и раненыхъ былъ отдѣленъ и стоялъ на новомъ мѣстѣ. На возвратномъ пути зашли мы посидѣть къ коменданту. На дворѣ у него стоялъ столъ и вѣсколько складныхъ табуретовъ. Съ нимъ былъ старшій докторъ; около плетня стоялъ верховой казакъ.

— Стулай и скажи начальнику парка что я никакихъ обязанностей отъ него не принимаю. Чтобы сейчасъ же была четверка лошадей и повозка, а то я доведу. Такъ и скажи.

Казакъ уѣхалъ.

— Что это вы полковникъ въ сердцахъ?

— Да какъ же, свинство такое! Сейчасъ прѣзжаетъ парламентеръ отъ Мегметъ-Али въ главную квартиру, а у нихъ видите ли повозки нѣтъ. Какъ не свинство. Вы что, по дѣлу ко мнѣ?

— Нѣтъ, такъ посидѣть.

— Пока присядьте, а то я вотъ-вотъ жду прѣздетъ. Тогда уходите.

Въ это время Бадоновъ прѣбывалъ вполыхахъ.

— ъдетъ, ъдетъ!

— Ну, господа, уходите отсюда.

— Мы вотъ сюда зайдёмъ за плетень, насъ и не будетъ видно.

— Хорошо, хоть туда.

Въ это время къ дому подѣзжала открытая коляска и въ ней сидѣлъ турецкій офицеръ съ завязанными глазами, а около него гусарь. Когда коляска остановилась къ ней подѣзжали два конвойные и, по указанію гусара, помогли парламентеру выйти изъ коляски и подъ руки взяли его по небольшому возвышенію во дворъ комендантской квартиры. Тутъ гусарь развязалъ ему глаза и объявилъ на французскомъ языкѣ что онъ находится предъ комендантомъ. Турокъ отдалъ честь и также на французскомъ языкѣ отрекомендовался.

— Изъездъ-бей, парламентеръ турецкаго главнокомандующаго.

Затѣмъ они пожали другъ-другу руку и сѣли на приготовленные табуреты. Гусарь удалился. Подали чай и пошла довольно оживленная бесѣда.

По пріемамъ было видно что Турокъ человѣкъ бывалый. Это былъ мужчина средняго роста, очень плотный, съ большими усами. О чемъ они говорили—мы не могли слышать. Турокъ говорилъ бойко по-французски. Черезъ часъ ихъ бесѣда была прервана подѣзжавшею повозкой. При горѣвшихъ свѣчахъ видно было что Турокъ поморщился, но комендантъ, налилъ еще въ стаканы краснаго вина, приподнялся, видимо съ пожеланіемъ добраго пути. Они чокнулись, проговорили нѣсколько фразъ, послѣ чего позвалъ былъ гусарь съ приглашеніемъ отправиться въ путь. Когда Турокъ простился съ комендантомъ, гусарь опять завязалъ ему глаза, казаки взяли его подъ руки и помогли сѣсть въ повозку. Гусарь, усаживаясь, проговорилъ по-русски.

— Не рессорная? Бѣдные мы, бѣдные! Чтѣ съ нами будетъ? Шокожвикъ, прикажите починить коляску въ которой мы пріѣхали.

Они уѣхали. Мы вышли изъ-за плетня и хотѣли узнать съ какимъ порученіемъ ѣдетъ этотъ парламентеръ; узнали только одно что вчера была битва очень горячая, но войска остались на своихъ позиціяхъ.

На другой день, предъ закатомъ солнца, зашелъ Баденовъ и сообщилъ что парламентеръ прѣхалъ обратно. Посидѣвъ у насъ, Баденовъ, а вмѣстѣ съ нимъ и мы отправились въ управленіе и тамъ у воротъ нашли казака который доложилъ что коляска подъ парламентеромъ сломалась и онъ

возвращается въ Бѣлу. Мы рѣшились дожидаться его въ управленіи. Произошла та же процедура высаживанья и развязыванья глазъ, и онъ вошелъ въ комнату. Мы отрекомендовались. Онъ былъ разсерженъ. Я и Бадомовъ, понимая французскій разговорный языкъ, не могли на немъ объясняться, но Минивъ явился нашимъ спасителемъ какъ ловкій говорунъ и усердный переводчикъ.

— Какъ неприятно мое путешествіе! началъ Турокъ.—Не хороши ваши русскіе экипажи. Я совсѣмъ разбитъ.

Мы видѣли какъ его сажали въ телѣгу новому улыбунакъ. Турокъ продолжалъ:

— А тутъ экипажъ сломався! Не даромъ это проклятое мѣсто называется Бѣлой (несчастіе).

— А вы знаете что вы въ Бѣлѣ? смѣясь спросилъ Минивъ. Турокъ тоже засмѣялся.

— Да я не долженъ бы знать. Меня въ каждое селеніе ввозятъ и вывозятъ съ завязанными глазами, но я при выѣздахъ изъ этихъ селеній могъ бы оставить кучера есаибъ онъ повернулъ не въ ту сторону куда надо.

— Значитъ вы хорошо знаете Болгарію?

— О, да. Я офицеръ генеральнаго штаба. Мнѣ не разъ приходилось поѣздить по Болгаріи съ карандашемъ и бумагой въ карманѣ.

— Извините за вопросъ, гдѣ вы получали военное образованіе?

— Сначала въ константинопольской военной школѣ, а потомъ въ Парижѣ, гдѣ я былъ два года.

Вошелъ сопровождавшій парламентера гусаръ и объявилъ что экипажъ скоро будетъ починенъ. Бадомовъ хлопотавшій о чаѣ пригласилъ насъ къ столу, на которомъ стоялъ самоваръ, сухари, галеты и красное вино.

— Пралорщикъ, пригласите къ столу.

Минивъ всталъ.

— Хозяинъ проситъ васъ, майоръ, сдѣлать ему удовольствіе откушать чаю по русскому обычаю.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Мы, Турки, не любимъ чай, но мнѣ теперь сталъ нравиться этотъ напитокъ.

Ему предложили сухарей и галетъ. Онъ взялъ сухарь и, показывая съ улыбкой на галеты, проговорилъ:

— Старыя знакомыя! Это вѣроятно изъ того несчастнаго транспорта который вамъ удалось отбить у насъ.

— Вѣроятно. Онъ очень вкусны. Хотя нашъ солдатъ и предпочитаетъ черные сухари, но мы часто благодаримъ васъ за вашу ослеплость.

— Да, мы уже несколько разъ дѣлали взаимныя одолженія. Газеты, правда, недурны, но вашъ чай, которымъ мы пользовались изъ отбитаго офицерскаго обоза, а теперь еще приносить намъ большое удовольствіе, лукаво улыбаясь говорилъ Турокъ.

— Ха-ха-ха! Позвольте усомниться, не была ли эта маркитантская фура?

— О, вѣтъ. Этотъ обозъ принадлежалъ нашимъ кавалеристамъ, которые носятъ красные... красные... И онъ указывалъ на лавталовы.

На улицѣ послышался стукъ подѣхавшаго экипажа. Гусаръ посмотрѣлъ въ окно.

— Экипажъ готовъ.

Бадоновъ еще напилъ вина и просилъ выпить на прощаніе.

— Пралорщикъ, переведите что я желаю счастливаго пути. Мивинъ сказалъ и мы всѣ чокнулись.

Турокъ обратился къ намъ.

— Позвольте васъ поблагодарить за вниманіе и просить, когда мы переставемъ быть врагами и судьба занесетъ, бытъ-можетъ, въ Константинополь, вспомнить обо мнѣ.

Онъ вынулъ визитную карточку; на карточкѣ значилось по-французски: Юсседъ-бей, пасынокъ Фуадъ-паши. Затѣмъ онъ простился съ нами. Опять надъ нимъ была совершена процедура завязыванья глазъ, и онъ уѣхалъ.

Цѣлью этой поѣздки, какъ оказалось въ послѣдствіи, были переговоры о безпрелютственомъ погребеніи убитыхъ и уборкѣ раненыхъ.

IV.

На слѣдующій день резервная рота пришла намъ на смѣну. Дождь шелъ съ утра и сильно разгрянилъ землю. Ротный командиръ былъ человекъ несговорчивый: сколько я ни просилъ, онъ не смѣнилъ меня ранѣ пяти часовъ дня, такъ что караулу пришлось помокнуть. Смѣнявшись, рота надѣялась слѣдующій день поблагодумствовать. Къ вечеру дождь не рестаъ.

Я съ командантомъ прогуливался по площади.

— Ну, вотъ и дождался смѣны, а мнѣ такъ, право, жаль васъ. Славная у васъ рота. За все время ни одного безлюрядка, ни одной жалобы, ни одного льянства.

— Правда ваша, полковникъ, служаки хорошіе. Вы ужъ позвольте имъ завтра отдохнуть день, а послѣ завтра выступимъ.

— Конечно, еще бы!

Разговаривая такимъ образомъ, мы увидѣли мчавшагося къ намъ Баданова съ бумагой въ рукѣ. Онъ подошелъ къ коменданту и молча подалъ ему ее. Тотъ прочелъ и въ недоумѣніи посмотрѣлъ на меня, на Баданова и опять прочелъ.

— Что вы, полковникъ?

Комедаантъ, не отвѣчая, подалъ мнѣ бумагу. Я прочелъ слѣдующее: „Всѣ войска находящіяся въ Бѣлѣ выслать на позицію къ деревнѣ Домогалѣ и о выступленіи довести.“

Я тоже въ свою очередь посмотрѣлъ на него въ недоумѣніи.

— Появилъ? спросилъ онъ.

— Ровно ничего.

— Ну, такъ я вамъ объясню. Выступайте на позицію. Войскъ только у меня и есть что вы да саперы. Тѣ работаютъ укрѣпленія. Значитъ ступайте, распорядитесь, и въ путь.

— Слушаю, только позвольте мнѣ взять нѣсколько подводъ подъ ранцы. Рота измучена, только что смѣнилась съ караула, а тутъ еще грязь, да и ночь будетъ хоть глазъ выколи.

— Прикажете нарядить подводы, обратился онъ къ Баданову, — сколько нужно.

Я пошелъ къ ротѣ сдѣлать распоряженія. Тамъ только поуживали и собирались спокойно провести ночь. Слышенъ былъ веселый говоръ и смѣхъ... Вѣсть о походѣ озадачила всѣхъ. Пошли сборы самые оживленныя, стали считать больныхъ которыхъ приходилось оставить. Ихъ оказалось чело-
вѣкъ пятнадцать.

Многіе были такъ слабы что едва держались на ногахъ; нѣкоторые побуждаемые насмѣшками товарищей просились въ походъ. Всѣ сознавали что если въ такую глубокую ночь призываютъ даже такую маленькую часть какъ рота — значитъ дѣло серіозное и оласность велика. Распорядившись сложить ранцы на подводы, я приказалъ кухнѣ и обозу выѣхать предъ свѣтомъ за нами, подъ конвоемъ, и если не будетъ слышно выстрѣловъ отыскать насъ. Скоро

явились подводы, прибѣжалъ Мивинъ и привелъ нашего навьюченнаго осла. Оставалось только побывать у коменданта и донести телеграммой о нашемъ выступленіи штабу 12го корпуса. Я отправился къ коменданту.

— Что это, ужъ въ совсѣмъ готовы, обратился онъ ко мнѣ видя меня въ полной походной формѣ.

— Да-съ, черезъ четверть часа выступаемъ. Вотъ и рапортъ мой.

— Скоренько. Не нужно ли вамъ чего-нибудь?

— Я оставляю здѣсь человѣкъ лятнадцать большыхъ, о которыхъ вы знаете. Завтра прикажите принять ихъ въ госпиталь.

— Непремѣнно. Затѣмъ позвольте поблагодарить васъ еще разъ за службу и пожелать выйти невредимыми если придется исполнить долгъ.

Мы горячо пожали руки и расстались.

Возвращаясь въ роту, я вспомнилъ что наканунѣ разбился стекла нашего фонаря, а темно было такъ что я съ трудомъ пробирался по улицѣ. Захожу въ первую лавку, обращаюсь къ Еврею.

— Продай мнѣ пожалуста фонарь. Мнѣ нужно выступать въ походъ, а мой разбился.

Еврей смекнулъ въ чемъ дѣло.

— Отчего же, можно. Пять рублей.

— Чтò такое? Пять рублей? Да ты никакъ взбѣсился!

— Сбѣсился? Зацѣмъ! Видите какой фонарь хорошій и съ нимъ такъ славно будетъ идти, а то, видите, ночь какая темная. Можно упасть въ грязь, платье испортите, или зайдете не туда куда нужно.

Я вышелъ изъ терпѣнія.

— Чтò ты мнѣ еще басни будешь разказывать! Все это я и безъ тебя знаю. Говори послѣднюю цѣну.

— Какую же еще послѣднюю? Ну, четыре съ полтинникомъ.

— Да онъ стòитъ тридцать копѣекъ, а я тебѣ дамъ полтора серебряныхъ рубля. Согласенъ?

— Пхе! Не дай Богъ дождь мнѣ до завтрашняго дня.

Признаюсь я не выдержалъ и хватилъ саблей по фонарю и пошелъ въ другую лавку: Еврей закричалъ: гвалтъ!

Другой Еврей былъ сговорчивѣй.

— Ради Бога, продай мнѣ фонарь. Мнѣ очень нужно, а если безсовѣстно залросишь—расшибу, какъ у Юськи.

— Зацѣмъ безсовѣстно! Только у него одно стекло разбито.

— Ничего, давай. Сколько тебѣ за него?

— Звольте. За карбоваецъ можно.

Я взялъ фонарь, купилъ свѣчь и пошелъ къ ротѣ, которая уже выстроилась. Поздоровался съ ней, сказалъ о важности нашего похода и обошелъ фронтъ. Всѣ лица горѣли воодушевленіемъ.

— Розданы ли, спросилъ я,—крупа, чай, сахаръ, соль, сухари и шестая колодка патроновъ?

— Розданы, отвѣтила рота.

На правомъ флангѣ Мининъ съ кѣмъ-то шумѣлъ. Я подошелъ съ фонаремъ и освѣтилъ такую сцену: предъ Мининымъ стоялъ Болгаринъ размахивая руками и говорилъ рѣзко, выражая неудовольствіе.

— Я не проводникъ; у меня каруда, я не могу бросить воровъ, говорилъ онъ.

— Чортъ съ твоими волами! Цѣны будутъ.

Болгаринъ повернулся, намѣреваясь уйти.

Мининъ чуть не бросился на Болгарина.

— Пойдите Павелъ Никаноровичъ, вмѣшался я.—Нечего разговаривать. Алексѣевъ! назначь двухъ конвойныхъ, пускай они идутъ по обѣ стороны его, а ты, братушка, веди безъ разговору. Не проведешь въ Домогулау, плохо тебѣ будетъ.

Я говорилъ рѣзко, вставляя болгарскія слова, и онъ меня покаялъ. Мы выступили. Чтобы сократить дорогу версты на двѣ онъ повелъ насъ по ужаснымъ неровностямъ. Несмотря на то что мы шли съ зажженнымъ фонаремъ, солдаты ладали ежеминутно. Въ тысячный разъ мы проклинали эти сокращенія луги. Я и Мининъ шли около самаго фонаря, и то часто слотыкались. Приходилось идти тихо. Разозленный же Болгаринъ мчался не смотря на мои требованія идти тихо.

— Братушка, тите! Мы и то измучились.

Пройдя часъ слишкомъ по такой мучительной дорогѣ, мы вышли на Руцукское шоссе и сдѣлали привалъ. Мы не знали что дѣлалось впереди насъ. Слышали что два дня тому назадъ было дѣло и поэтому мы должны были послушать на позицію соблюдая величайшую тишину и скрытность въ движеніи. Выйдя на Руцукское шоссе, мы не считали себя въ правѣ даже зажечь фонарь, а между тѣмъ мракъ былъ

непроницаемый. Небо заволокло тучами, но дождя не было, а изрѣдка насъ обдавало какъ бы туманомъ. Тьма была такъ велика что невозможно было рассмотреть лицію горизонта. Пришлось отъ высланнаго впередъ авангарда держать одиначныхъ людей шагахъ въ лятнадцати одинъ отъ другаго. Они потихоньку должны были сообщать если шоссе дѣлало поворотъ, иначе приходилось бы падать въ канаву. Соблюдая такой порядокъ, прошли мы версты десять и вступили въ какую-то деревню. Тамъ было тихо, даже не было слышно собачьяго; оркестра, только одна несчастная собачонка гдѣ-то завывала дикимъ лаемъ. Мы прошли деревню и остановились около крайнихъ домовъ. Солдатамъ было приказано не расходиться, а мы вошли въ домъ и зажгли фонарь. Домъ былъ пустъ, хозяева-Турки покинули его.

— Ну, батюшка, вотъ когда водки-то выпить и поѣсть, говорилъ Микивъ. Онъ вытаскилъ флягу и узелокъ.

— Ваше благородіе, что дѣлать съ Болгаринномъ? Совсѣмъ окоченѣлъ, доложилъ Алексѣевъ.

— Позови сюда.

Болгарина привели. Какой жалкій видъ имѣлъ этотъ человекъ! Онъ былъ въ разорванномъ зилушикѣ и въ туфляхъ на босу ногу. Онъ дрожалъ такъ что стучалъ зубами.

— О, глупый братушка, зачѣмъ такъ ходишь?

Онъ дрожа сталъ допытывать что это ничего, что такъ можно ходить, но что ночь оказалась холодна, оттого онъ и озаябъ. При этомъ сильно коснулся на лежавшую фляжку. Я налилъ стаканчикъ и поднесъ ему вмѣстѣ съ кускомъ хлѣба. Болгаринъ выпилъ, закинувъ назадъ голову и опрокинувъ стаканчикъ какъ бы жедая чтобы ни одна капля не оставалась тамъ. Потомъ, улыбаясь своимъ искаженнымъ отъ холода лицомъ, бормоталъ:

— Добре, добре, охъ добре! Спасибо, братушка.

Отдохнувъ немного мы тронулись далѣе. Теперь уже не слышно было даже перешелтыванья. Всѣ были подавлены усталостью и дремотой. Среди невозмутимой тишины въ природѣ слышеть былъ только мѣрный стукъ шаговъ идущей роты. Даже думы тревожившія сначала замерли и люди обратились въ идущую машину. Мы шли и шли... Небо стало свѣтить, на востокъ предметы начали обозначаться ясно, и я увидѣлъ какая усталость и утомленіе были на всѣхъ лицахъ. Солъ клонилъ жестоко; ноги ступали какъ бы по

привычкѣ. Многіе смѣются и не вѣрятъ что можно на ходу спать, но кто бывалъ въ положеніи изнемогаго, который несмотря ни на что все-таки долженъ идти, тому это не покажется смѣшнымъ или нелѣпымъ. Такой сонъ продолжается не болѣе секунды, но это все-таки сонъ, потому что человекъ въ эту секунду забывается. Такъ урывками приходится спать, проходя значительное разстояніе. Наконецъ братушка свернулъ съ шоссе направо, и мы пошли проселкомъ. Часа черезъ два показалось селеніе: это была Домогида. Болгаринъ размахивалъ руками и съ торжествомъ указывалъ что привелъ.

Остановивъ роту около селенія, я послалъ фельдфебеля разузнать кто тутъ комендантомъ и гдѣ и какія расположены войска. Пока фельдфебель исполнялъ приказаніе, солдаты ватачили соломы и развели костеръ. Утро было очень холодное, такъ и тянуло погрѣться. Черезъ полчаса Алексѣевъ возвратился и доложилъ что ни коменданта, ни войскъ въ Домогилѣ нѣтъ и что стоять ли войска ближе Тростяника, никто этого не знаетъ. Мы вступили въ селеніе и заняли нѣсколько сараевъ, выставивъ за околицу наблюдательные посты.

Я не зналъ что мнѣ дѣлать. Получить приказанія было не отъ кого, куда идти—неизвѣстно. Мы съ Мининымъ вошли въ хату и составили совѣтъ.

— Павелъ Никаноровичъ, что тутъ дѣлать?

— Насъ прислали въ Домогилу, ну и будемъ сидѣть. Найдутъ, коли будетъ нужно.

— Ну, это все не то. Надо послать въ корпусный штабъ.

— Это ваше дѣло. Посылайте, если хотите.

— Такъ-то такъ, только не знаю кого послать.

— Вижу, въ какую оувъ сторону гнетъ. Хочетъ чтобъ я вѣхалъ.

— Видите, милѣйшій мой, на этотъ разъ я вамъ скажу что я могъ бы и приказать, но я этого не сдѣлаю. У васъ силы тоже не двойныя.

— А вѣдь вамъ хочется чтобъ я поѣхалъ? И то правда, кого послать. Видно нечего съ вами дѣлать, надо вѣхать. Говорили бы прямо, а то антифонію разводите! Вотъ вода въ котелкѣ вскипитъ, чаю изольемъ—и гайда!

Скоро были приведены двѣ осѣдлаемыя лошади, и Мининъ съ проводникомъ-Болгариномъ поѣхалъ въ Тростяникъ. Я

хотѣлъ было до его возвращенія уснуть, но несмотря на утомленіе не сомкнулъ глазъ. Такъ провалялся я часа два. Слышу за дверями кто-то толчется и покашливаетъ чтобы замѣтили.

— Кто тамъ?

— Я, фельдфебель.

— Войди. Что скажешь?

— Обоза до сихъ поръ нѣтъ. Только патронный ящикъ и кухня пріѣхали, а подводъ съ ранцами нѣтъ. Сказываютъ колеса поломались.

— Что за мученіе! Гдѣ Шмелевъ?

— Остался съ конвоемъ при подводахъ.

Я вскочилъ, одѣлся, накинулъ пальто и пошелъ въ роту. По улицамъ ходили озабоченные Болгары. При встрѣчѣ они униженно кланялись и жалобно произносили: „Здорово, братушка.“ Нѣкоторые разговаривали и улюрно смотрѣли на горы, показывая туда пальцами.

Обойдя роту, я вышелъ за деревню. Глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина: въ недалекомъ отъ меня разстояніи нѣсколько Болгаръ, впрягшись, тащили нагруженную телегу; истомленный видъ, катившійся лотъ и открытыя головы показывали какихъ трудовъ и усилій стоило имъ тащить свою драгоценную кладь. На телегѣ былъ навалень всевозможный скарбъ домашняго обихода; въ числѣ клади видѣлись и малютки, а дѣти побольше бѣжали около. Вдали видно было нѣсколько такихъ же телегъ со впрягшимися въ нихъ Болгарами. Я подошелъ.

— Что это вы, братушки? А гдѣ же ваши буйволы? Или Турки отняли?

Одинъ изъ нихъ со слезами сталъ разказывать печальную исторію.

— До сегодняшней ночи мы еще не знали что Турки могутъ такъ отомстить намъ. Ночью ворвались въ нашу деревню Черкесы и стали требовать чтобы мы выгнали въ поле весь скотъ и лошадей. Многие не хотѣли отдать ихъ добровольно, и тѣ лежатъ теперь около своихъ домовъ съ раскромсанными черелами. Видя это мы не хотѣли подвергаться той же участи и отдали весь нашъ скотъ, а сами ушли. Охъ, братушка, что будетъ съ нашими домами! Сегодня къ ночи придетъ много, много Турокъ. Они сожгутъ нашъ родной Черевень.

Женщины стали плакать закрывая лицо руками, а тяжело дышавшіе Болгары смотрѣли по направленію къ родному мѣсту, какъ бы прощаясь съ нимъ...

Въ это время на дорогѣ отъ Тростяника показался Мининъ въ сопровожденіи Болгарина. Онъ лихо скакалъ, какъ будто не провелъ бессонной ночи, а дѣлалъ верховую прогулку.

— Ну, какъ дѣла?

— Отлично. Все обдѣлалъ въ наилучшемъ видѣ, говорилъ онъ слѣзая съ лошади.—Сейчасъ идутъ сюда двѣ роты, два орудія и сотня казаковъ.

— Разказывайте по порядку.

— Пріѣхалъ я въ Тростяникъ и сейчасъ же къ начальнику штаба. Доложилъ. Любезно принялъ. Сейчасъ же написалъ записку чтобы сдѣлали нарядъ. Только я вышелъ отъ него—идетъ Великій Князь. Я взялъ лодъ козырекъ и стою. Онъ замѣтилъ незнакомые логоны, спрашиваетъ, зачѣмъ здѣсь? Я доложилъ. Онъ милостиво со мной обошелся, поблагодарилъ что скоро прибыли и отпустилъ, пожелавъ, коли придется, поколотить Турокъ. Да такъ все это ласково, любезно говорилъ... Я просто въ восторгѣ.

Черезъ часъ прибѣжалъ дежурный по ротѣ и объявилъ что меня спрашиваетъ майоръ. Я вышелъ. Майоръ обратился ко мнѣ:

— Вы командиръ роты? Я назначенъ командовать здѣсь. Вы вступаете въ мой отрядъ.

— Слушаю-съ.

— Мы идемъ сейчасъ же избрать позицію и окопаться. Немедленно приводите вашу роту.

— Господинъ майоръ, позвольте васъ просить дать моимъ людямъ отдохнуть. Мы вчера только смѣнились съ караула и цѣлую ночь шли. Люди изнурены окончательно.

— Пожалуй, но только сейчасъ же прибыть если будетъ нужно.

— Даю вамъ честное слово.

Онъ повелъ свой отрядъ на позицію и мы съ Мининымъ лошадъ съ нимъ. Когда мы возвращались назадъ, уже смерклось. Предупредивъ людей чтобы они были въ полной готовности, мы отправились на квартиру и улеглись спать.

Улегшись на наши постели мы чувствовали двойное наслажденіе: отъ усталости и отъ сознанія что мы не на бивакѣ, гдѣ холодъ и голая земля были бы нашею постелью.

Вдругъ среди ночи раздается стукъ. Я слышу это какъ бы во снѣ. Стукъ повторяется. Стучитъ кто-то, безо всякой осторожности, какъ будто палкой въ ставни. Я проснулся.

— Кто тамъ?

— Дежурный по ротѣ, ваше благородіе. Отъ майора съ запиской прислали. Турки наступаютъ.

— Яснвскій, огня! Живо! Павелъ Никаноровичъ, вставайте! Идемъ на позицію.

Мининъ не шевельнулся. Зажгли огонь и я прочелъ записку написанную карандашемъ на доскуткѣ бумаги:

„Турки наступаютъ. Немедленно прибыть на позицію.“

— Камахинъ, толкни своего барина. Господи какъ слить!

Камахинъ началъ его качать на постели и Мининъ, разобравъ наконецъ въ чемъ дѣло, вскочилъ на ноги.

— Да который же часъ?

— Десять.

— Только? Плохо выспался! Не везетъ намъ, право.

Мы почти бѣгомъ побѣжали къ ротѣ, которая уже выходила изъ сараевъ въ полной амуниціи. Мы быстро выступили на позицію. Пока мы одѣвались, посланный отъ майора уже ушелъ и мы должны были идти надѣясь только на свою память. Избирая днемъ мѣсто для позиціи, мнѣ казалось что я настолько ознакомился съ мѣстностью что не боялся сбиться. Притомъ лежащая равнина, оканчивающаяся возвышеніемъ, гдѣ и была позиція, казалась мнѣ такою незамысловатою дорогой что мы смѣло пошли безъ проводника. Выйдя изъ деревни, мы быстро зашагали по направленію къ позиціи. Ночь была звѣздная; но южная звѣздная ночь, когда на небѣ вѣтъ луны, очень темна, такъ что сравнительно на очень близкомъ разстояніи трудно рассмотреть что-нибудь. Намъ казалось что мы идемъ вѣрно, какъ вдругъ мы подошли къ оставившемуся патрулю.

— Чего вы стали? спросилъ я въ полголоса.

— Нельзя идти далѣе, ваше благородіе, оврагъ.

— Оврагъ? Чтò за оказія! Куда жь это мы ползли! Кажется оврагъ былъ правѣе. Не зайти бы куда-нибудь.

— Ваше благородіе, раздался сзади голосъ Матюшкина, — позвольте мнѣ сбѣгать, я мигомъ отыщу отрядъ.

— Чтò его искать! Или я всю память проспалъ? Экъ мы затесались!

— Пустяки! Самы найдемъ!

— Чего жь мы будемъ словяться? Кричать нельзя, а видимъ мы только небо, да на пять сажень вокругъ. Матюшкинъ! возьми двухъ рядовыхъ—и маршъ.

При этомъ я ему шепнулъ на ухо пароль. Матюшкинъ скрылся. Мы остаались ждать. Не прошло и пяти минутъ Матюшкинъ прибѣжалъ обратно на всѣхъ парахъ.

— Ваше благородіе, кашель. Они близехонько, только малость на горку поднятса. И что только Турокъ видно — не перечеть. Огней какъ фонарей на улицѣ.

— Ну, довольно языкъ чесать, ступай впередъ.

V.

Когда мы подошли къ позиціи, предъ нами замелькали оговьки вдаль. Это Турки на берегу Кара-Лома варили свой кофе. Майоръ встрѣтилъ меня словами:

— Хороша цалюминація? Я думаю не хотѣлось разставаться съ постелью.

— Давно они пришли?

— Недавно. Какъ казакъ прѣхалъ съ довесеніемъ что застучали орудія и послышались разговоры, я и послалъ за вами.

Поставивъ роту на указанное мѣсто я подошелъ къ орудіиному блиндажу, куда собрались всѣ офицеры. Они сидѣли молча. Видно было что сосѣдство турецкаго отряда, и при томъ такого значительнаго, повліяло на общее расположеніе духа. Съ нашимъ приходомъ, особенно съ приходомъ говорливаго Минина, компанія оживилась. Нѣкоторые даже попробовали шутить, но шутки эти казались неумѣстными. Положеніе быть въ близкомъ сосѣдствѣ съ большимъ непріятельскимъ отрядомъ вызываетъ совсѣмъ не шуточные мысли.

— Майоръ, послали вы довесеніе въ штабъ?

— Давно. Жду отвѣта. Посмотримъ сколько-то пришлютъ вамъ помощи. Не можетъ же быть чтобы насъ оставили на жертву.

— Если и пришлютъ, такъ только нѣсколько ротъ. Что это за помощь, сказалъ одинъ молодой офицеръ.—Одно, если искалѣчать въ такомъ незначительномъ дѣлѣ. Что тутъ дѣлать? Насъ будутъ бить, а мы будемъ падать. То ли бы дѣло большое сраженіе! Не совѣстно и рану получить. Лестно

разказать было бы что получалъ ее въ такомъ-то сраженіи.

— Да вы что, за славой сюда пришли? Такъ ужъ это вы— ахъ, оставьте вашъ характеръ! отрѣзалъ Мининъ. — Видите, подавай ему большое сраженіе! Не все ли равно гдѣ драться!

— Конечно, но я говорю про мое желаніе. Я такъ сказать разсуждаю.

— И что тутъ за разсужденія! вѣшался одинъ изъ ротныхъ командировъ.— Разсуждать не мѣсто и поздно. Надѣлъ бы фракъ, тогда и разсуждай сколько хочешь. А теперь молчи и дѣлай то что прикажутъ. Въ мирное время жалованье получалъ, казенный хлѣбъ ѣлъ — ну, и вѣшалки. Терпѣть не могу этихъ пустыхъ разговоровъ. Я тебѣ не разъ говорилъ! не болтай вздора, а ты опять за свое.

— Оставь ты его, пусть мелеть.

— Не могу. Мало ли кому что хочется! У меня вонъ жена да пятеро ребятъ остались дома, да и то я молчу. А скорѣй бы могъ ролтать что попалъ въ такую западаю. То-есть ни къ чорту-то вы не годитесь, вывѣшная молодежь. Нѣтъ-то въ васъ нашего кадетскаго духа!

Разговоръ этотъ шелъ вполголоса; въ отрядѣ же было такъ тихо что отчетливо слышны были даже шелотъ и сдерживаемый глухой кашель. Курить было воспрещено; офицеры позволяли себѣ эту вольность, опустившись на два блиндажа и накрывшись плащомъ.

Послышался толотъ лошади: то казакъ возвращался изъ штаба, куда ѣздилъ съ донесеніемъ.

— Ну, что сказали? Кого видѣлъ?

— Штаба начальника. Вотъ извольте, записка. Приказали сказать чтобы не сумѣвались. Къ свѣту помогу прилагаютъ.

Это свѣдѣніе усложнило насъ. Всѣ стали расходиться чтобы найти мѣстечко гдѣ бы уснуть. Немного спустя пріѣхалъ казакъ съ аванпостовъ и доложилъ что въ турецкомъ отрядѣ все стихло и незамѣтно никакого движенія. Казакъ хотя и тихо проговорилъ свой докладъ, но солдаты подслушали его и между ними послышались радостныя восклицанія.

— Ну, ребята, спи! Ночью ничего не будетъ. Должно-быть, за день-то и „онъ“ окаянный измучился!

И все стало стихать; каждый дорожилъ этими нѣсколькими часами чтобы подкрѣпить свои силы.

Я пошелъ въ свою роту сообщить чтобы спали спокойно, такъ какъ пока опасности нѣтъ. Подойдя я услышалъ негромкій разговоръ.

— И самъ, братъ, не знаю, такъ щемить сердце, какъ гора дубъ бьется.

— Чего ты, Раковъ, дуже кручинишься. Эка штука!

— Ты вотъ молодой, тебѣ и ничего. И я бы то говорилъ. А у меня семья. Теперича мальчонку восьмой годокъ. Ужь такой-то мальчонка,—на всѣ руки! Что тебѣ корабль по дужѣ лустить, что тебѣ мельницу на дождевомъ ручьѣ приладить.... Нѣтъ, братъ, должно-быть, не видать мнѣ ихъ больше!

— Плюнь ты на это Раковъ, плюнь. Видишь, какое на тебя равнодушiе напало!

Но тутъ говорившiе, вѣроятно, замѣтили меня и умокали. Нѣсколько годовъ приподвядлось съ земли.

— Ну, ребятунки, усни! Олასности нѣтъ. Набирайся силы. Завтра будетъ здоровая работа, проговорилъ я вполголоса.

— Ужь мы постараемся, ваше благородiе, охуаку на руку не положимъ, также тихо отвѣтило мнѣ нѣсколько голосовъ и прилегли къ землѣ.

— Алексѣевъ! позвалъ я.

— Сейчасъ.

Вмѣстѣ съ Алексѣевымъ подошелъ еще кто-то.

— Кто это?

— Шмелевъ, ваше благородiе.

— А! тебя-то мнѣ и нужно. Давно прибылъ?

— Никакъ нѣтъ. Только что.

— Чего жъ ты копался?

— Никакъ невозможно было, ваше благородiе. Болгарамъ не хотѣлось въ подводѣ идти, они и понадѣли худыя колеса. Нарочнаго назадъ посылалъ. Изъ силъ выбились, за весь день одну корочку поглотали.

— Отчего жъ на мѣстѣ колесъ не осмотрѣли?

— Суетно шибко было, да и въ голову не пришло, а главная причина—въ лотьмахъ выступали.

— Ты бы до свѣта въ деревнѣ остался при кухнѣ, если измучился очень.

— Нѣтъ ужъ, ваше благородiе, гдѣ рота тамъ и я.

Сдѣлавъ распоряженiе, я отошелъ опять къ блиндажу. Тамъ ужъ никого не было; не слышно было ничьихъ голосовъ. Кругомъ мертвая тишина, ничто не шелохнется, только изъ деревни домоспаса отдаленный лай собакъ, да вѣтеръ изрѣдка шумѣлъ въ составленныхъ въ козлы ружьяхъ, какъ бы веселя и освѣжая ихъ для предстоящаго дѣла...

— Кто это тутъ стоитъ? Да это мой командиръ! Что вы тутъ дѣлаете? Или астрономіей занимаетесь? говорилъ подошедшій ко мнѣ Миванъ.

— Спать что-то не хочется. А вы?... Гуляете?

— Какое гуляю! Я было прилегу, да вѣтромъ промизываешь. Хочу вотъ за брустверь. Пойдемте-ка.

Мы подошли къ брустверу. Славшій артиллерійскій офицеръ окликнулъ насъ.

— Кто это?

— Кто? Мы. У васъ, кажется, тутъ найдется мѣстечко гдѣ вздремнуть. А вы ужъ успѣвая уснуть.

— Нѣтъ еще. Все что-то мерещится. Ужъ я и столбы считалъ, и на засѣянное поле смотрѣлъ, и по морю ѣздилъ—не беретъ. Должно-быть потому что холодно.

— А вотъ погодите, мы ляжемъ, такъ теплѣе будетъ. Э, да у васъ тутъ отлично. Песчаная перина, подушка въ сажень вышины, спи—не хочу!

Песчаный тюфякъ оказался сноснымъ, но земляная подушка была неприятна. Я подложилъ подъ голову рукавъ отъ того пальто которымъ укрывался и на которомъ лежалъ, но все-таки головѣ было холодно и я принужденъ былъ накрываться съ головой. Сдвинувшись сливами, мы остались довольны этимъ первобытнымъ способомъ согрѣваться.

— Тепло вамъ? спрашивалъ я моего сосѣда.

— Славно, отвѣчалъ онъ, едва шевеля губами.

Счастливецъ скоро заснулъ; мнѣ же это никакъ не удавалось. Закрою плотно глаза и изо всѣхъ силъ стараюсь заснуть, но думы неотвязны преслѣдуютъ и гонятъ сонъ. И чего только не перебывало въ моей головѣ за эту ночь! Вся жизнь съ удивительною ясностью промчалась въ моемъ воображеніи. Вотъ я мальчикъ, беззаботно играющій съ братьями. Лѣто. Деревня. Уборка хлѣба. Возять снолы. Мы разсыпались верхомъ на запряженныхъ въ телѣгу лошадей и мчимся въ поле. Сколько беззаботнаго веселья и удовольствія! Вотъ матушка увидѣла, сердится, боится что попадемъ подъ колесо, ведетъ насъ домой. Далѣе представляется что я въ глухомъ лѣсу,—слышится безконечное „ау“. Мы шалимъ, стараемся отзываться на разные голоса, а потомъ, когда всѣ съ набранными грибами собираются идти домой, мы прячемся за сосѣдніе кусты и не выходимъ чтобы полугать, а затѣмъ разомъ выскакиваемъ и съ крикомъ мчимся къ собравшимся. Тутъ начинаются лѣски — и мы возвращаемся домой.

Далѣе, меня везуть въ корпусъ. Боже мой, сколько горя! Меня лугаетъ не то что я поступаю въ корпусъ, а то что я долженъ разстаться съ матушкой. Тутъ мнѣ представилось какъ она прѣхала въ послѣдній разъ въ корпусъ. Какою горячею материнскою любовью горѣлъ прощальный взглядъ и какія неутѣшныя слезы лились изъ ея чудныхъ и кроткихъ глазъ!... Это воспоминаваніе никогда еще такъ живо не являлось мнѣ. Можетъ-быть это было отъ того что я былъ наканунѣ такого дня когда приходится думать не объ одномъ только живомъ; можетъ-быть и нервы были слишкомъ возбуждены, но я видѣлъ образъ матери около себя, чувствовалъ ея дыханіе на своемъ лицѣ... Я открылъ глаза—и видѣніе исчезло. Кругомъ та же тишина и покой, но у многихъ на изъ насъ былъ овъ на душѣ!

Господи, да засну ли я сколько-нибудь, подумалъ я и хотѣлъ повернуться съ отлежалого бока, но вспомнивъ что могу этимъ лишить себя теплоты, а сосѣда и сна, я только поправился и опять отдался прежней заботѣ заснуть, но сна опять нѣтъ. Опять замелькало прошлое, возставая какъ туманныя картины.

Вотъ я наканунѣ выпуска. Послѣ тяжелыхъ семи лѣтъ проведенныхъ въ стѣнахъ корпуса, молодое сердце рвется на свободу. Жизнь рисуется очаровательнымъ праздникомъ; вспоминается рядъ увлеченій, страданій, разочарованій, сожалѣній—и въ концѣ концовъ лишь упреки самому себѣ. Какъ теперь являлось удобнымъ то что прежде казалось невозможнымъ! Какимъ укоромъ награждалъ себя за то что прежде казалось естественнымъ. Это былъ мимолетный отчетъ и безплодная критика всему своему прошедшему. Теперь все руками разведешь, думалось мнѣ, когда проводишь послѣднюю ночь, можетъ-быть, въ этомъ мірѣ, а возврати меня туда же, къ этому прошедшему, и опять начнется рядъ ошибокъ...

Не задолго до разсвѣта я заснулъ глубокимъ сномъ. Видѣнья измѣнились. Я видѣлъ несмѣтныя толпы Турокъ, и пѣшихъ, и конныхъ, со звѣрскими лицами, двигающихся на насъ,—приказывалъ стрѣлять чаще,—видѣлъ какъ падали массы Турки, слышалъ раздававшіеся около меня стоны, чувствовалъ какъ въскользко пуля пронизала меня безо всякой боли и приковала къ мѣсту. Я дѣлалъ усилія подняться, кричалъ чтобы меня вынесли и не оставляли Туркамъ. Вол-

неніе мое было такъ велико что я вздрогнулъ, проснулся и даже разбудилъ артиллериста.

— Что это вы, Богъ съ вами! Меня-то услугали. Вѣрно приснилось очень непріятное что-нибудь?

— А неужели вамъ нѣтъ?

— Спалась какая-то чертовщина; только я отлучно спалъ.

Разсвѣло. Въ ротахъ замѣтно движеніе. Нѣкоторые солдаты сидятъ, нѣкоторые молятся, другіе съ котелками въ рукахъ потянулись къ колоду. Офицеры неподалеку отъ бруствера спали крѣпкимъ сномъ... Немного спустя пріѣхалъ казакъ съ доносеніемъ что въ лагерь турецкомъ замѣтно какое-то движеніе. Весь бивакъ быстро поднялся на ноги.

— Господа, обратился къ намъ майоръ, — пожалуйте ко мнѣ, обсудимъ какъ намъ быть. Насъ три роты, непріятеля много. Смотрите сами.

Мы по очереди брали биколь и нашимъ глазамъ представлялись два большіе лагера. Разстояніе до нихъ не велико, а подкрѣвленіе хотя и обѣщали — нейдетъ. Пока мы разсуждали что предпринять, солдаты замѣтили двигающіяся вдали войска.

— Ваше высокоблагородіе, подбѣжалъ мой Матюшкинъ, — подкрѣвленіе идетъ.

Мы посмотрѣли на дорогу и увидѣли артиллерію и пѣхоту спускающуюся съ горы. Охъ, какъ отлегло у насъ отъ сердца! Черезъ четверть часа они были у насъ. Такимъ образомъ составилась у насъ отрядъ изъ десяти ротъ пѣхоты, восьми орудій и полка казаковъ. Мы остались на той же маленькой позиціи которую наканунѣ избрали для трехъ ротъ. Намъ это казалось страннымъ, но разсуждать было нельзя. Мы заняли указанная мѣста и лопаты начали свое дѣло. Турецкій лагерь былъ виденъ намъ очень хорошо и сдѣлался предметомъ самыхъ оживленныхъ шутокъ во время работъ.

— Что, Петровъ, какъ ты думаешь что телерь Турки дѣлають? Видать ли они какъ ты ловко землю ковыраешь?

— Отвяжись, говорилъ на это мрачно Петровъ, — не ко время зубы скалишь. Неизвѣстно какую лѣсью будешь лѣтъ черезъ часъ. Лучше лобъ крести.

Шутникъ поумолкъ. Въ другомъ мѣстѣ также смѣхъ.

— Ты думаешь отчего они на насъ сегодня утромъ не напали? Чего ловчѣй было. Ну-ка, разгадай.

— А почему я знаю?

— То-то вотъ не головой ты думаешь. Они, братъ, каждое утро обмываются; по цхнему это — намазъ. Ну, цзвѣстно, скоро ли всѣмъ перемыться; тоже вѣдь не одинъ человекъ. Опять же теперь рано, холодно, вотъ они и ждутъ пока соаышкомъ обогрѣеть.

— Здоровъ этотъ Ефимовъ брехать. Цѣлую исторію вывелъ. Ну, ребята, надай! Коли дѣло не завяжется, предъ обѣдомъ водку пить будемъ, ротный обѣщавъ.

— Таше ты. Самъ ротный недалеко стоитъ.

— Нѣтъ, братъ, водки намъ не пить! Ты нешто не слышалъ казакъ прѣзжалъ и сказывавъ что перешли на эту сторону.

Однако водку пить пришлось. Было десять часовъ, а неприятель не показывался. Сваренный обѣдъ привезли въ котлахъ на позицію и рта пообѣдала. Такъ какъ удачное наступленіе Турокъ на Домогилу могло имѣть для насъ серьезныя послѣдствія, то къ одиннадцати часамъ сюда былъ уже стянуть цѣлый полкъ, двѣ батареи и долженъ былъ прибыть еще казачій полкъ. Къ отряду прибылъ генералъ и офицеръ генеральнаго штаба. Прибывшія войска опять разставили по занятой же позиціи, расширивъ ее немного въ стороны. Вездѣ закипѣли земляныя работы. Намъ, какъ роту прикомандированную, поставили впереди всѣхъ на такомъ мѣстѣ что мы должны были принять первый натискъ. Мы сознавали наше опасное положеніе, но покорялись своей участи.

— Знаете что, говорилъ Мишицъ,—а вѣдь насъ прелодало поставили. Заранѣе лиши письма къ родителямъ.

— Я говорилъ командиру что мы бесполезно обрекаемся на жертву. Не привалъ во вниманіе. Значитъ придется тутъ стоять. Приставать нечего, а то подумаютъ что мы трусили.

Въ это время къ недалеко стоящей отъ насъ артиллеріи подѣхалъ какой-то толстый артиллерійскій полковникъ.

Онъ осмотрѣлъ позицію и рѣзко спросилъ офицера:

— Кто выбралъ эту позицію?

— Я не знаю. Мы пришли, она уже была занята. Генералъ осматривавъ ее.

— Здѣсь есть кто-нибудь изъ генеральнаго штаба?

— Есть, капитанъ какой-то.

— Господи, Господи, это ни на что не похоже! Гдѣ генералъ?

— Вонъ онъ, ѣдетъ сюда.

Полковникъ шагомъ поѣхалъ ему на встрѣчу и, приложивъ руку къ козырьку, заговорилъ:

— Ваше превосходительство, позвольте вамъ доложить, эта позиція куда не годится. Извольте посмотрѣть: эта гора командуетъ надъ нами, про ту и говорить нечего, даже и отъ той дальней тоже будетъ доставаться. Мы въ ящикѣ. Стоить только Туркамъ поставить на эти высоты орудія и насъ перестрѣляютъ какъ куръ.

— Знаете, маѣ тоже это казалось, но тутъ приславъ офицеръ генеральнаго штаба; онъ и распорядился.

— Да наконецъ не угодно ли посмотрѣть, артиллерія стоитъ рядомъ съ первою линіей пѣхоты. Это ужъ ни на что не похоже.

Во время этого разговора прискакалъ офицеръ генеральнаго штаба. Генералъ обратился къ нему.

— Послушайте, капитанъ, полковникъ находитъ эту позицію неудобною.

— Точно такъ, ваше превосходительство, позиція эта имѣетъ недостатки, но такъ какъ по близости нѣтъ лучше, то я и избралъ ее.

— Какъ нѣтъ! вскрикнулъ полковникъ.—А это что? Не позиція?

И онъ показалъ пальцемъ на отлогую возвышенность находившуюся въ полуверстѣ отъ насъ и прилегавшую къ деревнѣ Домоглаѣ.

— Этою позиціей, продолжалъ полковникъ,—пользовались нѣсколько столѣтій тому назадъ. Вы видѣли тамъ два громадные кургана? Это двѣ могилы убитыхъ въ сраженіи. Ваше превосходительство, позвольте насъ попросить отвести войска назадъ и все что тутъ накопано зарыть.

Офицеръ генеральнаго штаба отѣхалъ сковфуженный, рассматривая ту позицію на которую указывалъ полковникъ.

Сейчасъ же было приказано срыть укрѣпленія и постепенно отойти назадъ на новую позицію. Заключилась работа и мы съ облегченнымъ сердцемъ уходили съ этого ужаснаго мѣста, гдѣ обречены были на гибель. Новая позиція оказалась прекрасною. На гребнѣ возвышенности разставлены были батареи, которыя могли обстрѣливать слегка подвижную мѣстность болѣе чѣмъ на версту, а за гребнемъ совершенно укрытою стала пѣхота. Рядомъ съ нами была деревня, гдѣ помѣщались кухни на берегу ручья. Часа въ два

пріѣхалъ корпусный командиръ, объѣхалъ войска, похвалялъ за бравый видъ, напомнилъ о чувствѣ долга,—и мы остались ждать перевѣдаться съ Турками. Мы расположились бивуакомъ и растянули даже палатки.

Въ яutomъ часу въ долину Кара-Ломы раздался два орудіяые выстрѣла. Во всемъ отрядѣ пронеслась общая команда: ранцы надѣвать! Всѣ стали быстро одѣваться и строиться. Я выбѣжалъ къ ротѣ. Фельдфебель доложилъ мнѣ что съ рядовымъ Духовымъ сдѣлалось дурно. Я обернулся и увидѣлъ его блѣднаго какъ платно, съ неподвижнымъ взглядомъ сидящаго на землѣ за фронтомъ. Духовъ былъ хорошій солдатъ, и я подошелъ освѣдомиться что съ нимъ. Но раньше чѣмъ я спросилъ у него, до меня долетѣлъ говоръ его товарищей:

— У, дылда большая, каюква владимірская! Медвѣжья болѣзнь прикаючилась.... Во чортъ! Пробрать бы его хорошенько!

Дѣйствительно, Духовъ до выстрѣловъ и до команды надѣвать ранцы былъ совершенно здоровъ, хотя и скученъ, но при этой командѣ онъ затрясся, упалъ на землю и какъ бы пересталъ понимать что происходило вокругъ него. Подойдя къ нему и видя его въ такомъ положеніи, я самъ растерялся и не зналъ на что рѣшиться. Съ одной стороны его убитый видъ вызывалъ состраданіе, съ другой—глухой ролотъ еще не выстроившейся роты, протестовавшей противъ такой трудности, ставила меня въ тяжелое положеніе.

— Вставай, Духовъ, заговорила я,—стыдись, посмотри какъ смотреть на тебя твои товарищи! Соберись съ духомъ. Вспомни, ты присягалъ.

— Ваше благородіе, отецъ родной! Я всѣмъ сердцемъ... Я помню... я присягалъ... явите божескую милость...

И онъ смотрѣлъ безмысленными глазами, а руки висѣли какъ плети. Къ этой сценѣ подошелъ Минивъ.

— Что это? А! Одишь ужь... Видно пушка не свой братъ! Въ ротѣ раздался смѣхъ.

— Что вы съ нимъ церемонитесь! Дать ему разъ пять въ морду. У!... Только роту срамить! Вставай.

И онъ схватилъ его за шиворотъ.

— А то вотъ такъ и удушю. Да еще моего взвода!

Когда Минивъ вынулъ его изъ рукъ, Духовъ упалъ на землю.

Прискакавшій адъютантъ объявилъ что приказано обождать надѣвать ранцы. Я воспользовался этимъ случаемъ и приказалъ немедленно отвести Духова въ лазаретъ. Двое съ трудомъ дотащили его; дорогой онъ, выкидывая ногами какъ разбитая лошадь, влоаголоса твердилъ: „Господи помилуй, Господи помилуй“... Докторъ нашелъ у него сильное потрясеніе всей нервной системы и онъ отправленъ былъ въ Россію.

Тревога оказалась напрасною. Слышанные выстрѣлы, продолжавшіеся до вечера, раздавались изъ рекогносцировочнаго отряда Турокъ, направленнаго противъ Тростяника и на-ткнувшагося на наши аванпосты.

Предъ самымъ вечеромъ казаки ухитрились-таки изловить двухъ турецкихъ лѣхотинцевъ, которые шли за водой на Кара-Ломъ. Мы подозрѣвали что они и вышли съ тою цѣлью чтобы попасться въ лѣвнѣ, потому что ружья были при нихъ, но они не сдѣлали ни одного выстрѣла и вообще не оказали никакого сопротивленія. Ихъ лица были некрасивы и унылы; платье почти новое, но сидѣло мѣшкомъ. Одинъ изъ нихъ флегматично разказывалъ что они изъ отряда Гассавъ-ефенди, что ихъ тутъ до ста таборовъ, съ которыми Гассавъ долженъ былъ идти на Домогулау, но не пошелъ, потому что замѣтилъ стягиванье нашихъ войскъ.

Такъ какъ почти одновременно съ прїездомъ корпуснаго командира прислали еще шесть ротъ съ батареей, то мы вздохнули свободно и уже подшучивали надъ своими недавними опасеніями.

Ночь прошла тихо, но мы не были спокойны и рано утромъ отправились смотрѣть въ бинокль на турецкій лагерь, но его уже не было. Вскорѣ и казаки донесли что Турки снялись съ позиціи и отступили; генералъ не хотѣлъ этому вѣрить и, опасаясь обмана, не хотѣлъ отпустить насъ къ полку стоявшему въ семи верстахъ отъ насъ, пока дальніе развѣзды не донесли что неприятель дѣйствительно отступилъ. Тогда онъ разрѣшилъ намъ присоединиться къ полку.

Часа въ два мы выступили и потянулись по дорогѣ пролежавшей не лодалеку отъ наканунѣ занимаемой позиціи. Щемящее чувство ощущали мы проходя мимо этого мѣста. Оно навсегда у всѣхъ останется въ памяти. Въ эту темную холодную ночь, лежа на сырой землѣ, всѣ мы много передумали, перечувствовали...

У насъ невольна раждаася вопросъ: что это былъ за отрядъ и отчего онъ ушелъ. Онъ не былъ такъ великъ какъ говорили лѣнныне, но вѣроятно былъ все-таки значителенъ. Зачѣмъ же ему было уходить? Мы тогда еще не знали какая страшная неурядица царяла въ арміи Нѣмца-Турка, Мегметъ-Али. Паши считали почти увизительнымъ ему повиноваться. Флажговое движеніе Гассанъ - ефединъ было предпринято сейчасъ же послѣ дѣла подъ Аблавою. Дѣло это имѣло для насъ очень важныя послѣдствія. Мы хотя и должны были оставить укрѣпленную позицію, но въ день битвы остались на своихъ мѣстахъ, чѣмъ и приотставовили назойливое наступленіе турецкой арміи. Войска наши были утомлены и понесли значительную убыль. Предпринимать энергичный египетскій принципъ такое же энергичное наступленіе, какъ подъ Аблавою, одной дивизіи стоявшей у Тростявика трудно было бы удержаться. Мегметъ-Али, подошедшій уже къ Синавъ-кіюю, могъ не оласаясь удара во флангъ двинуться на Бѣлу, куда отъ Домогилы пошелъ бы и Гассанъ. Бѣла же, какъ главный складъ запасовъ, была для насъ важнымъ пунктомъ. Но Гассанъ ушелъ и мы съ легкимъ сердцемъ послѣдовали къ боевой семьѣ-полку, котораго такъ давно не видѣли. День былъ жаркій, у солдатъ были ранцы на плечахъ, но рота шла бодро и скоро. Мы съ Мививымъ шли впереди. Мививъ потиралъ руки и лукаво улыбался. Вся длинная, широкоплечая, не много сутоловатая фигура его, съ живыми карими глазами и небольшою черною бородкой, была очень оживлена.

— Однако, это тоже ловко: пришли, полаясали другъ на друга зубами и разошлись. За какимъ деломъ приходилъ сюда этотъ Гассанъ! Должно-быть онъ, какъ мушкетеръ любопытный, захотѣлъ посмотрѣть на насъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ принципъ деликатный, не захотѣлъ связываться съ нами.

Между солдатами разговоръ шелъ о томъ же. Маленькій коренастый Матюшкинъ шелъ рядомъ со Шмелевымъ и сыпалъ Туркамъ обвиненія.

— Теперича нецвѣство чья бы взяла, а все же этотъ самый Гассанъ долженъ былъ попытаться, а то вѣдь за такія дѣла ле шалкъ. Предать бы его, нехриста, военному суду— вотъ бы и зналъ! Намъ бы теперича, можетъ, и не жить, а онъ насъ пустилъ. Какъ же такъ?...

— Какъ вы это скоро рѣшили! Неужли оны это такъ, безо всякаго резону? Тоже вѣдь, чай, и тамъ законы есть. Ротный риємистъ и музыкантъ, Сорокинъ, уже складывалъ лѣсню и подлѣвалъ влолголоса, при общемъ одобреніи:

Турка близко подходилъ.

Намъ ничуть не повредишь.

Охъ, калина, охъ, малина!

Видны съ горки намъ палатки.

Съ насъ, братъ Турка, взятки гладки.

Охъ калина, охъ малина!

Къ твоему счастью ты смирилася.

Не то бъ нами подавилася.

Охъ калина, охъ малина!...

Пѣсня дилася безкомечво.

— Что, братушка, далеко до Баницы?

— Недалече, братушка, полчасъ. (Двѣ съ половиною версты.)

Но эти полчасъ дилася долго. Пройдя еще добрый часъ, мы наконецъ вышли въ долину Баницы и увидѣли раскинутый бивуакъ.

— „Это оны, это оны, нашъ полкъ родной!“ загълъ Мишвъ.—И—ихъ, какое мы сейчасъ свиданіе сочивимъ—страсть!

Вотъ и полкъ. Солдаты высыпали изъ палатокъ, слышались здравствованья и неизбѣжныя подтруниванья съ обѣихъ сторонъ.

Наконецъ рота стала на мѣсто, я явилася начальству и мы сдѣлались съ полкомъ.

Такъ кончилися наши ложденія въ отдѣлъ.

П. НЕВЪЖИНЪ.

ФОТОФОНЪ

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ ПРОФЕССОРА БЕЛЛА

Въ концѣ августа цтекшаго года знаменитый изобрѣтатель телефона профессоръ Александръ Граамъ Беллъ держалъ въ Бостонѣ, въ годичномъ собраніи американскаго *Общества Споспѣшествованія Наукамъ*, рѣчь въ которой сообщилъ о новомъ замѣчательномъ аппаратѣ, имѣ придуманномъ и сдѣланномъ вмѣстѣ съ г. Сѣмнеромъ Тѣйнеромъ.

Цѣль новаго аппарата, названнаго Белломъ *фотофономъ*, состоитъ въ передачѣ человѣческаго голоса на большія расстоянія при помощи свѣтоваго луча или, точнѣе, лучка параллельныхъ свѣтовыхъ лучей. Результатъ, слѣдовательно достигается тотъ же что и въ телефонѣ, но устраняется надобность въ проводокѣ соединяющей станціи. Мѣсто ея заступаетъ свѣтовой лучъ претелѣвующій измѣненія въ силѣ вслѣдствіе дѣйствія аппарата его посылающаго; для выслушанія возбуждаемаго имѣ звука служитъ обыкновенный телефонъ. *

Какъ извѣстно, въ послѣднее время неоднократно, особенно на войнѣ, напримѣръ Англичанами въ Афганистанѣ и Калѣ, улотреблялася съ цѣлью телеграфа гелиостать, посы-

* Объ устройствѣ телефона см. статью Я. Я. Вейнберга. *Русскій Вѣстникъ*, ноябрь 1878 года.

лающій въ любое отдаленное мѣсто солнечный лучъ, отражая его отъ плоскаго зеркала. При этомъ, дѣлая свѣтовой сигналъ то шире, то короче, старались подражать состоящей изъ штриховъ и точекъ телеграфной азбукѣ Морза. При употребленіи фотофона трудная и отвлекающая много времени работа по составленію словъ изъ такихъ знаковъ будетъ избѣгнута: слова будутъ просто слышны въ телефонѣ.

На какое разстояніе возможна такая передача звука—пока еще не опредѣлено съ точностью; изобрѣтатели имѣли возможность производить опыты лишь на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ.

Основаніемъ всего процесса служить свойство селена измѣнять свою электропроводность подъ вліяніемъ свѣта.

Какъ воспользовался этимъ изобрѣтатель для своей цѣли, можно ознакомиться изъ сообщенія Белла, которое приводимъ здѣсь съ нѣкоторыми сокращеніями.

Довода до вашего свѣдѣнія, такъ начинается свою рѣчь Беллъ, о сдѣланныхъ мной съ г. Сэмверомъ Тейлоромъ открытіяхъ, которыя въ результатъ своемъ привели къ устройству аппарата для произведенія и воспроизведенія звука помощію свѣта, необходимо сначала изложить состояніе знаній бывшихъ исходною точкою нашихъ опытовъ. Начну съ описанія замѣчательныхъ свойствъ вещества именуемаго *селеномъ* и съ указанія тѣхъ приемовъ какіе позволили намъ воспользоваться этими свойствами. Но окончательный результатъ нашихъ изслѣдованій есть открытіе цѣлаго класса веществъ чувствительныхъ къ вибраціямъ свѣта,—свойство принадлежащее быть-можетъ и всей матеріи. Мы открыли эту способность въ золотѣ, серебрѣ, платинѣ, желѣзѣ, латуни, мѣди, цинкѣ, свинцѣ, сурьмѣ, нейзильберѣ, металлѣ Джексона, металлѣ Бабитта, слоновой кости, целлулоидѣ, гуттаперчѣ, твердомъ каучукѣ, мягкомъ вулканизированномъ каучукѣ, бумагѣ, пергаментѣ, деревѣ, слюдѣ и посеребренномъ стеклѣ. Единственныя вещества съ коими мы не получили результатовъ были уголь и тонкое микроскопное стекло. Мы нашли что всѣ сказанныя вещества, если на нихъ падаетъ вибрирующій, то-есть быстро измѣняющійся въ своей силѣ свѣтовой лучъ, издають звукъ высота котораго зависитъ отъ скорости дрожаній луча.

Что касается селена, то регулируя форму или характеръ свѣтовыхъ колебаній дѣйствующихъ на это тѣло, если оно введено въ токъ телефона, можно видоизмѣнять качество производимаго звука такъ что получаются всѣ роды членораздѣльной рѣчи. Такимъ образомъ мы можемъ переговариваться между двумя станціями безъ проволочнаго провода, какъ въ электрическомъ телефонѣ, если въ состояніи соединить ихъ свѣтовымъ лучемъ. У насъ не было случая опредѣлить крайняго разстоянія на которомъ можетъ дѣйствовать фотофонъ, но мы говорили на разстояніи 213 метровъ, и нѣтъ никакого повода сомнѣваться что тотъ же результатъ можетъ быть полученъ на всякомъ разстояніи до котораго можетъ пройти свѣтовой лучъ.

Итакъ я начну съ селена.

Въ 1817 году Берцеліусъ и Готлибъ Ганъ предприняли изслѣдованіе методы употребляемой въ Гринсгольмѣ для приготовленія сѣрной кислоты. Во время своихъ работъ они замѣтили въ кислотѣ частію красноватый, частію свѣтло-коричневый осадокъ, который при дѣйствіи лаятельной трубки давалъ особенный запахъ, похожій на запахъ теллура. Такъ какъ теллуръ было вещество очень рѣдкое, то Берцеліусъ вздумалъ добыть его изъ этого остатка; но послѣ многихъ попытокъ потерялъ всѣ его дальнѣйшіе признаки. Онъ вышелъ въ избыткѣ сѣру въ смѣси со ртутью, мѣдью, цинкомъ, желѣзомъ, мышьякомъ и свинцомъ, но теллура не было и слѣдовъ. Не въ характерѣ Берцеліуса было останавливаться предъ такимъ результатомъ. Въ наукѣ каждая неудача столько же расширяетъ границы знаній, какъ и успѣхъ. Берцеліусъ чувствовалъ что если замѣченный запахъ происходилъ не отъ теллура, то быть-можетъ указывалъ на присутствіе какого-нибудь другаго вещества еще неизвѣстнаго химикамъ. Въ этой надеждѣ онъ съ новою энергіей возвратился къ своей работѣ, собралъ большую массу матеріала и подвергъ его различнымъ химическимъ процессамъ. Дѣйствительно, ему удалось выдѣлать по порядку сѣру, ртуть, мѣдь, олово и другія извѣстныя вещества, присутствіе которыхъ въ смѣси указали его первыя пробы; но затѣмъ остался еще остатокъ, внимательное изслѣдованіе котораго убѣдило Берцеліуса что это и есть новый элементъ имъ отыскиваемый. По свойствамъ онъ оказался похожимъ на теллуръ и Берцеліусъ далъ ему названіе

selenium, отъ греческаго слова означающаго луну, тогда какъ *tellurium* происходитъ отъ слова *tellus*—земля.

Хотя теллуръ и селенъ сходны во многихъ отношеніяхъ, но отличаются въ электрическихъ свойствахъ; теллуръ—хорошій проводникъ электричества, селенъ же, какъ показалъ Берцелиусъ, непроводникъ. Ноксъ въ 1837 году открылъ что селенъ становится проводникомъ если его расплавить, а Гитторфъ въ 1852 году показалъ что и при обыкновенныхъ температурахъ селенъ въ одномъ изъ аллотропическихъ состояній своихъ проводитъ электричество.

Если расплавленный селенъ охладить быстро, то по твердѣніи онъ не проводитъ электричества. Въ этомъ стеклообразномъ состояніи онъ темнокоричневаго цвѣта, въ отраженномъ свѣтѣ почти черенъ и съ чрезвычайно блестящею поверхностью. Въ тонкихъ пластинкахъ онъ прозраченъ и просвѣчиваетъ красивымъ рубиново-краснымъ цвѣтомъ.

При чрезвычайно медленномъ охлажденіи расплавленный селенъ получаетъ совершенно другой видъ; онъ матоваго цвѣта, имѣетъ зернистое или кристаллическое строеніе и подходитъ вообще на металлъ. Въ этомъ случаѣ онъ совершенно не пропускаетъ свѣта, даже въ тончайшихъ листочкахъ. Это водоизмѣненіе селена уже давно извѣстно подъ названіемъ „зернистаго“ или „кристаллическаго“ или, какъ его назвалъ Реньйо, „металлическаго“ селена. Такого рода и былъ селенъ относительно котораго Гитторфъ нашелъ что онъ проводитъ электричество при обыкновенныхъ температурахъ. Онъ открылъ кромѣ того что сопротивление такого селена электрическому току уменьшается по мѣрѣ нагреванія его до температуры плавленія, и затѣмъ внезапно увеличивается въ моментъ перехода изъ твердаго состоянія въ жидкое. Давно также было сдѣлано открытіе что переходъ изъ одной аллотропической формы въ другую ускоряется когда селенъ подвергается дѣйствию солнечнаго свѣта, и это наблюденіе особенно замѣчательно по отношенію къ новымъ открытіямъ.

Хотя селенъ извѣстенъ уже шестьдесятъ лѣтъ, но не нашелъ никакого особеннаго примѣненія въ практикѣ и на него до сихъ поръ смотрятъ лишь какъ на химическую рѣдкость. Доставляется онъ обыкновенно въ формѣ цилиндрическихъ прутковъ. Иногда такіе прутки бываютъ въ металлическомъ видѣ, большею же частію они стекалоподобнаго вида, не проводящіе электричества. Виллоби Смитъ пришло на

мысль что кристаллическій селенъ, вслѣдствіе его большаго сопротивленія электрическому току, можно съ пользой употребить въ системѣ придуманной этимъ ученымъ для испытаній и телеграфированій во время проложенія подводнаго канала. Ближайшее изслѣдованіе дѣйствительно показало что селенъ представляетъ требуемое сопротивление, такъ какъ отдѣльные прутки его при измѣреніи обнаружили сопротивление въ 1.400 *мегомъ*—равняющееся сопротивленію телеграфной проволоки которой хватало бы отъ земли до солнца.

Сопротивленіе это оказалось, однако, чрезвычайно измѣнчивымъ, почему и были предприняты особые опыты для отысканія причинъ такой измѣнчивости. Г. Мей (May), ассистентъ г. Виллоби Смита нашелъ при этомъ что при дѣйствіи свѣта сопротивление селена менше чѣмъ въ темнотѣ.

Чтобъ убѣдиться что въ данномъ случаѣ температура не оказываетъ никакого вліянія, селенъ былъ помѣщенъ въ сосудъ съ водой, такъ что свѣтъ долженъ былъ пройти слой воды толщиною въ 1—2 дюйма прежде чѣмъ дойти до селена. Достаточно было приближенія горячей свѣчи чтобы вызвать замѣтное уклоненіе показателя гальванометра соединеннаго съ селеномъ, а свѣтъ проволоки магнія уменьшалъ сопротивленіе селена вдвое.

Результаты эти были приняты сначала съ нѣкоторымъ, понятнымъ, недоверіемъ людьми науки, но Селъ (Sale), Дреперъ, Моссъ и другіе подтвердили ихъ. Если селенъ подвергается дѣйствію солнечнаго спектра, то, по словамъ Селя, главное дѣйствіе производятъ лучи при красномъ концѣ спектра или даже внѣ его, въ пунктѣ почти совпадающемъ съ максимумомъ тепловыхъ лучей; но Адамсу же наибольшее дѣйствіе оказывается въ зеленожелтой или наиболѣе свѣтащейся части спектра. Лордъ Россъ подвергалъ селенъ дѣйствію темныхъ лучей испускаемыхъ нагрѣтыми тѣлами, но не обнаружилъ дѣйствія, тогда какъ термо-электрической столбецъ при тѣхъ же условіяхъ давалъ сильныя признаки тока. Онъ отдѣлялъ также тепловые лучи отъ свѣтовыхъ, ставя растворъ квасцовъ между селеномъ и источникомъ свѣта. При этомъ вліянія на способность свѣта уменьшать сопротивление селена не оказывалось; тогда какъ введеніе того же раствора почти совершенно уничтожало дѣйствіе на термо-электрической столбецъ. Адамсъ нашелъ что селенъ чувствителенъ къ холодному свѣту луны, а Вернеръ Сименсъ открылъ что есть весьма

чувствительныя разновидности селена, на которыя тепло и свѣтъ производятъ противоположныя дѣйствія.

Всѣ эти изслѣдователи пользовались при своихъ наблюденіяхъ гальванометрами; я же напалъ на мысль воспользоваться вмѣсто гальванометра для той же цѣли телефономъ, имѣя въ виду его чрезвычайную чувствительность къ электрическимъ вліяніямъ. Выскнувъ ближе въ дѣло, я замѣтилъ однако что опыты обыкновеннымъ путемъ не могутъ удасться по слѣдующей причинѣ: законъ ошутимости звука въ телефонѣ аналогиченъ съ закономъ электрической индукціи. Въ случаѣ тока постояннаго, неизмѣняющагося въ силѣ, телефонъ не оказываетъ никакого дѣйствія на органъ слуха. Оно появляется лишь въ моментъ перехода отъ болѣе сильнаго тока къ болѣе слабому, или наоборотъ, и величина дѣйствія пропорціональна величинѣ такого измѣненія тока. Отсюда ясно что телефонъ можетъ соответствовать лишь тому дѣйствію селена которое происходитъ при переходѣ отъ свѣта къ темнотѣ или наоборотъ, и что въ селенѣ слѣдовало возбудить быстрыя измѣненія проводимости, столь же частыя какъ музыкальныя колебанія звука. Я живо былъ охваченъ мыслью что такимъ способомъ можно дѣйствіемъ свѣта вызвать тонъ. При дальнѣйшемъ размышленіи мнѣ стало ясно что звукъ получаемый въ телефонѣ вслѣдствіе измѣненія электричества можетъ быть полученъ и посредствомъ измѣненій въ свѣтѣ который дѣйствуетъ на селенъ. Я видѣлъ что дѣйствіе можетъ быть получено на всякомъ разстояніи на какомъ селенѣ можетъ быть подвергнутъ вліянію свѣтящагося тѣла, и разстояніе это можетъ быть увеличено до безконечности посредствомъ употребленія параллельнаго лучка лучей, такъ что мы въ сущности можемъ телефонировать изъ одного мѣста въ другое, не имѣя надобности въ проводокъ соединяющей отправителя съ получателемъ. Чтобъ осуществить эту мысль на практикѣ очевидно надобно было придумать аппаратъ который приходилъ бы въ дѣйствіе отъ голоса говорящаго лица и который производилъ бы измѣненія въ силѣ свѣта лучка параллельныхъ лучей соответственно колебаніямъ воздуха производимымъ голосомъ.

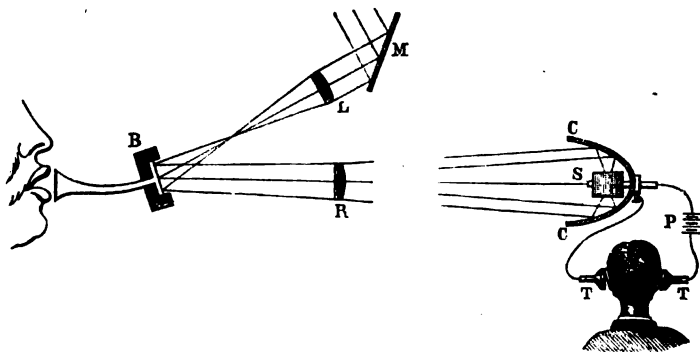
Я предложилъ пропускать свѣтъ чрезъ большое количество маленькихъ отверстій какой угодно формы, но всего лучше въ видѣ щелокъ. Надо было взять двѣ пластинки съ такими отверстіями. Одну слѣдовало укрѣпить прочно, другую же прикрѣпить къ средней перелонки приходящей въ движеніе

отъ дѣйствія голоса, такъ чтобы колебанія переловки заставляли подвижную пластинку двигаться взадъ и впередъ предъ поверхностью неподвижной пластинки и такимъ образомъ попеременно то расширять, то сужать отверстія предназначенныя для прохода свѣта. Такимъ образомъ голосъ говорящаго регулировалъ бы массу свѣта проходящую сквозь отверстія пластинокъ, не препятствуя однако его прохожденію. Этотъ аппаратъ предстояло помѣстить на пути лучка параллельныхъ лучей, и вышедшіе изъ него колеблющіеся свѣтовые лучи собрать въ данномъ отдаленномъ пунктѣ посредствомъ линзы или другаго аппарата, чтобы бросить ихъ на чувствительный кусокъ селена введенный вмѣстѣ съ телефономъ въ токъ гальванической батареи. Измѣненія въ свѣтѣ производимыя голосомъ, должны были въ такомъ случаѣ произвести соответственныя измѣненія въ сопротивленіи селена проходящему току, а введенный въ токъ телефонъ—воспроизвести всѣ тоны и раздѣльные звуки голоса отправителя дѣлши. Для устройства такого аппарата я приобрѣлъ нѣсколько кусковъ селена, но нашелъ что сопротивленіе ихъ было почти безконечно больше чѣмъ какого-либо до тѣхъ поръ устроеннаго телефона, почему и не могъ посредствомъ свѣта получить звукъ. Я полагалъ однако что это препятствіе можно устроить, придумавъ какія-либо средства для уменьшенія сопротивленія селена и устройвъ специальныйъ телефонъ для интересовавшей меня цѣли. Увѣренность моя въ этомъ отношеніи была такъ велика что въ рѣчи произнесенной мною въ Королевскомъ Великобританскомъ Институтѣ 17 мая 1878 года я утверждалъ возможность *услышать тѣнь* вслѣдствіе перерыва ея дѣйствія свѣта на селенѣ. Нѣсколько дней спустя мои мысли еще болѣе подстрекнуло сообщеніе г. Виллоби Смита въ обществѣ телеграфныхъ инженеровъ будто онъ „слышалъ“ дѣйствіе свѣтового луча ладавашаго на кусокъ кристаллическаго селена, слушаая въ телефонъ который былъ введенъ въ одинъ токъ съ селеномъ.

Весьма вѣроятно что благодаря распространенію въ послѣдніе годы обыкновенныхъ телефоновъ у весьма многихъ лицъ, въ различныхъ странахъ могла возникнуть идея подобная моеи.

Хотя мысль произвести и воспроизвести звукъ помощью свѣта, какъ это только что описано, принадлежитъ

первоначально мнѣ, тѣмъ не менѣе я признаю что созваніе необходимое для ея зарожденія было распространено во всемъ цивилизованномъ мірѣ и потому мысль эта могла придти въ голову и другимъ. *Основная идея на которой опирается возможность воспроизводить голосъ посредствомъ дѣйствія свѣта есть понятіе о лучѣ который можно назвать колеблющимся или дрожащимъ въ противоположность лучу просто прерывистому.* Подъ колеблющимся свѣтовымъ лучемъ я разумю лучъ который безъ перерыва ладаеть на воспріимникъ изъ селена, но напряженность котораго подвергается быстрымъ измѣненіямъ, соответственнымъ измѣненіямъ въ колебаніяхъ частицъ воздуха при прохожденіи звука въ атмосферѣ. Услышавшимъ рѣшеніемъ задачи мы обязаны главнымъ образомъ гению и настойчивости моего друга г. Сѣмвера Тейтера. Первое чему мы съ нимъ посвятили все наше вниманіе было достигъ возможнаго уменьшенія сопротивленія кристаллическаго селена. Намъ удалось приготовить чувствительныя селеновыя пластинки которыя при измѣреніи сопротивления показывали 300 омовъ въ лотьмахъ и лишь 155 при свѣтѣ.



M зеркало отражающее солнечныя лучи; *L* собирающее стекао; *B* оправа заключающая въ себѣ колеблющуюся зеркальную пластинку; *R* стекао дѣлающее лучи параллельными; *CC* параболическое металлическое зеркало; *S* селенъ; *P* гальваническая батарея; *T* и *T* телефоны.

Другая трудность была въ устройствѣ аппарата посылающаго колеблющійся въ своей силѣ лучъ. Мы придумали около пятидесяти аппаратовъ для измѣненія требуемымъ образомъ свѣтоваго луча. Достаточно указать наиболѣе удавшій-

ся. Сварядъ состоитъ изъ плоскаго зеркала сдѣланнаго изъ гибкаго матеріала въ родѣ посеребренной слюды или микроскопнаго стекла. Голосъ говорящаго обращенъ къ задней сторонѣ зеркала. Свѣтъ отражаемый такимъ измѣняющимся въ своей кривизнѣ зеркаломъ подвергается колебаніямъ въ своей силѣ соответствующимъ колебаніямъ самой діафрагмы.

Если аппаратъ устраивается съ цѣлю воспроизвести звукъ въ отдаленномъ мѣстѣ, то можно воспользоваться какимъ-либо сильнымъ источникомъ свѣта. Мы главнымъ образомъ пользовались солнечнымъ свѣтомъ. Съ этою цѣлю, съ помощью линзы, сильный лучекъ лучей сосредоточивается на уломанутомъ зеркаль-діафрагмѣ и, по отраженіи, посредствомъ другой линзы дѣлается снова параллельнымъ. На отдаленной стаяціи лучи собираются параболическимъ рефлекторомъ, въ фокусѣ коего находится чувствительная селеновая пластинка соединенная съ токомъ батареи и телефономъ.

Съ этимъ аппаратомъ сдѣлано было много опытовъ, причемъ стаяціи отправленія и полученія находились въ такомъ разстояніи что звука нельзя было слышать прямо черезъ воздухъ. Для большей ясности я опишу одинъ изъ послѣднихъ опытовъ. Г. Тейлтеръ дѣйствовалъ отправляющимъ депешу инструментомъ, который былъ помѣщенъ на башнѣ Франклина въ училища въ Вашингтонѣ; воспринимающій же аппаратъ находился въ окнѣ моей лабораторіи, на разстояніи 213 метровъ. Поднеся телефонъ къ уху, я явственно услышалъ отъ освѣщеннаго приемника слова: „Господиъ Беллъ, если вы слышите что я говорю, подойдите къ окну и махните шляпой.“ При лабораторныхъ опытахъ обѣ части аппарата, отправитель и приемникъ, по необходимости находятся на такомъ разстояніи что голосъ слышенъ и безъ того, почему мы обыкновенно ослабляли электрической токъ соединенный съ селеновымъ приемникомъ, слушая въ телефонъ въ другой комнатѣ. При этомъ мы нашли что разговорная рѣчь воспроизводилась помощью Друммондова свѣта и даже помощью свѣта керосиновой лампы.

Наиболѣе слышныя производимые свѣтомъ звуки получались при быстрыхъ перерывахъ луча вслѣдствіе вращенія кружка съ прорѣзанными въ немъ отверстіями. Аппаратъ этой формы очень удобенъ при производствѣ опытовъ благодаря отсутствію всякаго шума при вращеніи кружка, что позволяетъ приближать принимающій аппаратъ почти къ отпра-

ляющему, не вредя этимъ производимому звуку; надо помнить именно что музыкальные тоны исходятъ изъ принимающаго аппарата, а отправляющій не производитъ никакого звука. Такимъ образомъ безмолвное движеніе рождаетъ звукъ. Этимъ способомъ музыкальные тоны были вызываемы свѣтомъ простой свѣчи. Если желаютъ получить эффектъ на дальнемъ разстояніи, пользуются другимъ аппаратомъ. Ставя непрозрачную ширму предъ вращающимся кружкомъ, можно легкимъ движеніемъ руки прерывать лучъ, и тогда на отдаленной станціи получаются музыкальные сигналы подобные штрихамъ и точкамъ телеграфной азбуки Морза.

Извѣстно что нарушеніе въ положеніи частицъ, вызываемое въ желѣзной массѣ намагничивающимъ вліяніемъ прерывающагося электрическаго тока, можетъ быть замѣчено въ формѣ звука, если приложить ухо къ желѣзу. Намъ пришло на мысль что подобное же дѣйствіе вызываемое въ кристаллическомъ селенѣ прерывающимся свѣтовымъ лучемъ можетъ быть услышано безъ помощи телефона или батареи. Было сдѣлаво много опытовъ для повѣрки этой теоріи, но безъ яснаго результата. Невормальное поведеніе каучуковой ширмочки побудило послушать и ее. Опытъ увѣчался чрезвычайнымъ усилѣмъ. Я прижалъ листокъ латина къ уху въ то время какъ на него при помощи линзы наведемъ былъ прерывающійся лучъ. Тотчасъ же я услышалъ опредѣленный музыкальный тонъ. Дѣйствіе усилилось когда мы устроили листокъ твердаго каучука въ видѣ діафрагмы и слушали въ слуховую трубку. Затѣмъ мы сдѣлали опытъ съ кристаллическимъ селеномъ въ формѣ тонкаго кружка и получили такое же, но не столь сильное дѣйствіе. Далѣе были испробованы тѣмъ же способомъ всѣ вещества которыя я перечислялъ въ началѣ своей рѣчи, и ото всѣхъ получились тоны, за исключеніемъ угля и тонкаго стекла. Мы нашли что твердый каучукъ производилъ тонъ громче чѣмъ всѣ остальные вещества, исключая сюррмы; самый слабый тонъ давали бумага и слюда. Вообще мы считаемъ себя въ правѣ признать въ окончательномъ результатѣ что при дѣйствіи измѣняющагося свѣтоваго луча всѣ вещества издають тоны, если они имѣють форму тонкихъ переловокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

I.

Весь день съ пылающихъ небесъ
Метало солнце огненныя струвы,
Въ его сіяньи замеръ лѣсъ
И міръ лежалъ недвиженъ, оцѣмѣлый.

А тучи шли со всѣхъ сторонъ,
Роса, тѣснилась мрачною толпою;
Весь лѣсъ казался окруженъ
Ихъ сѣрою ползущею стѣною.

Сейчасъ казалось грянетъ громъ,
Какъ дикій звѣрь застонетъ вихрь могучій,
Крутя, ломая все кругомъ
Онъ вдалѣ умчитъ разорванныя тучи. —

Но тихо, какъ горячій день,
На лѣсъ дожда слускалось локрывало,
И сѣрая, густая тѣнь
Усталый міръ беззвучно одѣвала.

Нѣтъ, небо яркою грозой
Не вспыхнетъ, громъ раскатами не грянетъ,
За ночью черной и нѣмой
Вновь утро сѣрое настанетъ.

II.

Мы долго шли рядомъ одною дорогою
И много хотѣлось другъ другу сказать,
Надеждъ и желаній тѣснилось такъ много,
Но мы не рѣшались молчанья прервать.

Теперь все начать мнѣ хотѣлось бы снова;
Но круто расходятся наши пути.
Что дѣлать? Осталось одно только слово,
И это печальное слово—прости!

КН. Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

ВОКРУГЪ АЗІИ

ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ.

Волна кипить, волна шумить,
За нею мчусь я вдаль....

I.

Въ началѣ 1880 года я прочелъ въ газетахъ что Общество Добровольнаго Флота въ скоромъ времени отправляетъ нѣсколько кораблей въ Тихій Океанъ. Благодаря участию предсѣдателя этого Общества, К. П. Побѣдовосцева, я былъ пригласенъ въ качествѣ врача на пароходъ *Владивостокъ*.

Къ сухопутнымъ путешествіямъ я уже довольно привыкъ; только не давно вернулся я изъ поѣздки въ Туркестанъ (см. мою статью „По горамъ и степямъ Средней Азіи,“ *Русскій Вѣстникъ* 1879 года №№ 11 и 12) и потомъ посѣтилъ Крымъ и Кавказъ. Но въ плаваніе, несмотря на всѣ мои старанія, мнѣ до сихъ поръ не удавалось поплыть. Вообще это у насъ довольно трудно; мореходство въ Россіи еще очень слабо развито, да и сама Россія продолжаетъ считаться по преимуществу континентальною державою, несмотря на то что береговая линія ея въ настоящее время равняется береговой линіи всей Европы, отъ Нордъ-Кала до Гибралтара.

Мои сборы были очень непродолжительны, такъ какъ у меня главное правило въ путешествіяхъ, брать съ собой какъ можно меньше вещей. Время шло незамѣтно; второй день какъ я выѣхалъ изъ Москвы въ Одессу оказывался; улылы снѣжныя поля разстилались по обѣ стороны желѣзной дороги, безконечныя равнины смѣнялись другими равнинами, и поѣздъ быстро несея впередъ во мракъ холодной февральской ночи.

Въ сѣрый, ненастный день, 26 февраля, прибылъ я въ Одессу. Пароходъ *Владивостокъ* еще не приходилъ. Онъ достраивался въ Англіи. Было сыро, холодно и Одесса, эта лышная столица Чернаго Моря, во сто съ небольшимъ лѣтъ развившаяся до степени значительнаго торговаго города изъ ничтожнаго татарскаго аула Хаджи-бай, мнѣ не понравилась. Не понравилось мнѣ также и море, когда я въ первый разъ глядѣлъ на него съ высокаго обрыва, на концѣ Итальянской улицы; съ моря дулъ рѣзкій, пронизывающій вѣтеръ, до того холодный что я дрогнулъ въ своемъ теплому пальто. Гавань кое-гдѣ была покрыта льдомъ; вдали тяжело катилась свинцовыя волны, съ шумомъ ломая оторвавшіеся льдины и съ лѣвой и брызгами взбѣгая на эстакаду.

На рейдѣ качалось нѣсколько судовъ и вдали на горизонтѣ море было закутано какою-то сѣрою мглой....

Пароходъ *Владивостокъ* прибылъ въ Одессу только въ концѣ марта. Онъ меньше другихъ судовъ Добровольнаго Флота и имѣетъ всего 225 футовъ длины между перпендикулярами и 30 футовъ ширины. Онъ выстроенъ въ Шотландіи, около Глазго, въ мѣстечкѣ Ренгфью (тамъ же гдѣ строилась пресловутая яхта *Ливадія*), на верфи Lobnitz-Coulborn et Co. 25 декабря 1879 года была подписанъ договоръ о покупкѣ; пароходъ заплаченъ 22.000 фунтовъ стерлинга (сашкомъ 200.000 руб.). Онъ имѣетъ машину во 135 силъ и можетъ вмѣщать до 1.000 тоннъ груза; скорость хода 11½ узловъ при углубленіи въ 12 футовъ, обыкновенный же ходъ 10 узловъ. Пароходъ имѣетъ свидѣтельство перваго класса отъ Ллойда и *Bureau Veritas*. Онъ приспособленъ спеціально для плаванія по Амурскому лиману, ласкодонный и сидитъ не больше 13 футовъ, такъ какъ на барѣ Амура болѣе глубоко сидяція суда не могутъ проходить. Отъ того ли что онъ ласкодонный, или отъ чего-нибудь другаго, только онъ очень чувствителенъ къ качкѣ, и на пути изъ Англіи въ Одессу, во время бури въ Ар-

хипелагъ, размахъ его доходилъ до 40°, что составляетъ почти предѣлъ качки судна. Моряки говорили что настъ еще лучше потреплеть въ Индійскомъ Океанѣ, куда мы должны были попасть какъ разъ послѣ перемѣны мусоновъ и гдѣ поэтому могли встрѣтить даже ураганъ. Пароходъ имѣетъ водяной балластъ въ 300 тоннъ, три трюма, три паровыя лебедки и двѣ каюты-компаніи, офицерскую и пассажирскую перваго класса. Вообще онъ довольно красивъ съ виду и производилъ бы еще болѣе пріятное впечатлѣніе есаубы рядомъ съ нимъ въ карантинной гавани не стоялъ другой пароходъ Добровольнаго Флота, *Россія*, бывшая *Holsatia* Гамбургско-Американской компаніи. Это громадное судно въ 360 футовъ, самое большое изъ всѣхъ судовъ Россійскаго флота, съ 13 узлами хода, роскошно убранное, въ сравненіи съ которымъ нашъ пароходъ имѣющій всего 10 узловъ проигрываетъ во всѣхъ отношеніяхъ. Впрочемъ, для коммерческаго, несрочнаго судна и эта скорость очень достаточна, къ тому же *Владивостокъ* предназначается для Приморской области, такъ что можно было утѣшаться пословицей: на безрыбьи и ракъ рыба. Дѣйствительно, какою еще прекрасною рыбой оказался онъ среди раковъ Сибирской флотиліи, разныхъ *Морусей*, *Соболей*, *Тунгусовъ* и т. л., которые полнымъ параднымъ ходомъ идутъ лять, шесть узловъ, при волненіи же всего узла 1½ а сильный противный вѣтеръ даже лятитъ ихъ назадъ тоже узла по лотора. На пароходѣ 7 служащихъ и 28 человекъ команды. Офицеры всѣ были въ плаваніи въ Приморской области, иные по десяти и болѣе лѣтъ, значить люди вполне знакомые съ краемъ; изъ нихъ трое отставныхъ. Команда, согласно уставу Общества, набрана съ разныхъ военныхъ судовъ, преимущественно 4го флотскаго экипажа.

Въ теченіе марта мѣсяца и въ началѣ апрѣля корабли Добровольнаго Флота собравшіеся въ Одессѣ стали мало-по-малу расходиться. Сначала ушелъ *Петербургъ* съ *Москвой*, оба въ Китай за грузомъ первосборнаго чая; затѣмъ 1 апрѣля отправилась *Нижній Новгородъ* съ ссыльно-каторжными на Сахалинъ; наконецъ нашъ *Владивостокъ* и *Россія* вышли вмѣстѣ 5 апрѣля. *Владивостокъ* отправился прямо къ мѣсту назначенія въ Приморскую область, а *Россія* должна была сначала идти въ Кронштадтъ, а оттуда уже въ Тихій Океанъ.

Въ послѣдніе дни предъ отправкой на *Владивостокъ* кипѣла самая усиленная дѣятельность; онъ безъ того опоздалъ прихо-

домъ изъ Ангаіи и потому теперь надо было слѣшить. Грузъ кардифа, съ которымъ онъ пришелъ (лучшій каменный уголь изъ порта Кардифъ въ Ирландскомъ морѣ), быстро разгрузили. Угольную пыль, которая тотчасъ же покрыла весь пароходъ, смыли. Ящики и мѣшки горой лежали на пристани и къ нимъ безпрестанно подвозили новые. На палубѣ нельзя было повернуться. Всѣ три лебедки были въ дѣйствиіи; кули съ рождью и лшвицей, мѣста съ сахаромъ и другими колоніальными товарами, какіе-то огромные тюки безпрестанно поднимались силою лара на воздухъ и потомъ стройными рядами укладывались въ трюмъ. Рабочіе быстро тащили другіе тюки и въ воздухъ носились и перекрещивались разнообразныя восклицанія, команда офицеровъ, грохот поднимаемыхъ вещей да визгъ разматываемыхъ цѣпей-блоковъ. Съ большимъ трудомъ и хлопотами производилась погрузка двухъ паровыхъ машинъ, которыя назначались на Сахаливъ. Глядя на трудности погрузки, офицеры разсуждали о томъ какъ придется выгружать ихъ. На всемъ островѣ нѣтъ ни одной гавани, на морѣ постоянное волненіе, и безплодныя сахалинскія скалы видѣли гибель уже многихъ судовъ. Не дальше какъ два года тому назадъ тамъ разбился *Батракъ*, русское коммерческое судно, въ замѣнъ котораго собственно и шель *Владивостокъ*, выражаясь высокимъ слогомъ, „оживить пустынные окраины“. Наконецъ кое-какъ сладили съ машинами и чугунами чудовища, каждое по нѣскольку сотъ пудовъ, мирно улеглись на днѣ трюма. Въ каютѣ не было возможности оставаться; оглушающій громъ несся сверху; тамъ заливали щели смолой и въ пятьдесятъ молотковъ закололачивали палубу.

Но все на свѣтѣ, и хорошее и дурное, имѣеть конецъ. Шумъ и суета погрузки кончилась; трюмы были набиты до верху, закрыты брезентомъ и заложены досками; палубу вымыли и выскребли въ послѣдній разъ и машину вычистили до невозможности. Мы тоже поковчили всѣ свои дѣла и ждали выхода. Наконецъ, 5 апрѣля, ровно въ 5 часовъ вечера, раздалась команда капитана. Отянули сходни, отягали швартовы, со звономъ была намотана якорная цѣль, пароходъ дрогнулъ всѣмъ корпусомъ и лодь кормой, взбивая бѣлую пѣну, глухо зарокотала лопасти винта. Прощай Россія! Пароходъ *Владивостокъ* отправился въ новое, еще неизвѣстное ему плаваніе.

Медленно мы вышли въ море, и насъ тотчасъ подхватила ровная, довольно сильная зыбь. Это еще вчерашній вѣтеръ

разведъ волненіе и длинныя, отлогія волны грядями, одна за другой шли на встрѣчу кораблю и качая поднимали его и опускали. Но я уже привыкъ къ качкѣ; еще въ мартѣ мѣсяцѣ инспекторъ Добровольнаго Флота М. В. В.—въ предложилъ мнѣ, вмѣсто того чтобы попусту ожидать прибытія *Владивостока*, прогуляться въ Поту и Севастополь на пароходѣ *Россия*, который шелъ туда за солдатами. Такъ какъ мнѣ въ Одессѣ дѣлать было рѣшительно нечего, то конечно я согласился. Черное Море приняло насъ очень нехорошо. Поднялась сильная качка и я всю дорогу до Пота лежалъ у себя въ каютѣ, сожалѣя зачѣмъ луснулся въ море, такъ что не видалъ даже кавказскаго хребта когда мы къ нему подходили. Отъ качки нельзя было ни сидѣть, ни ходить, да и морская болѣзнь давала себя знать. Гавань при Поту отвратительная или лучше сказать никакой гавани нѣтъ, а стоишь прямо въ открытомъ морѣ. Волненіе продолжалось и мы десять дней стояли лонапрасну въ виду берега, всякое сообщеніе съ которымъ было прервано. Но за то я сразу привыкъ къ морю и уже черезъ два дня чувствовалъ себя какъ нельзя лучше.

Поэтому и теперь, выйдя изъ Одессы, я не обращалъ никакого вниманія на качку, да къ тому же она была очень незначительна. Пароходъ медленно поднимался на вершину волны, стоялъ тамъ мгновеніе, потомъ также медленно опускался для того чтобы подняться опять. Выходило очень однообразно и скучно какъ и всегда бываетъ при колевой качкѣ. Кромѣ того, надо прибавить что качка была не отъ волненія, а отъ зыби, а это двѣ вещи разныя. Когда реветъ вѣтеръ, то волненіе рѣдко бываетъ правильное; волны сталкиваются другъ съ другомъ и корабль качаетъ въ разныхъ направленіяхъ иногда тише, иногда шибче. Если вѣтеръ былъ силенъ и продолжался значительное время, то онъ на долгое время оставляетъ послѣ себя зыбь. Волны какъ складки раслуцненной матеріи катятся тогда по одному направленію одна за другою, катятся почти съ математическою точностью. Вода гладка какъ зеркало, хоть смотришь въ нее, а волны какъ горы. Если зыбь продолжается долго, то она и на самаго веселаго человѣка наводитъ скуку, и люди вообще склонныя къ морской болѣзни гораздо хуже переносятъ эту зыбь чѣмъ даже сильное волненіе. Надо еще замѣтить что, по отзывамъ всѣхъ моряковъ, качка на паро-

ходѣ вообще гораздо ощутительнѣе нежели на парусномъ судѣ, такъ какъ тамъ большая поверхность парусовъ, принимаемая на себя силою вѣтра, сдерживаетъ корабль при паденіи съ волны.

Мы шли довольно хорошо, по десяти узловъ въ часъ, или по семнадцати съ половиною верстѣ, такъ какъ узелъ или морская миля составляетъ минуту меридіана и равняется $1\frac{1}{4}$ версты. На пароходѣ шла обычная жизнь; окончательнѣе прибирали все въ первой и второй палубѣ, убрали якорь, бросали каждыя полчаса лагъ для того чтобъ узнать какая скорость, и вахтенный офицеръ ходилъ взадъ и впередъ по мосту. День былъ ясный, солнечный, но холодный; несмотря на географически-южное положеніе, несмотря на весну, въ воздухѣ было не болѣе 5 или 6° тепла, а на морѣ холодъ еще ощутительнѣе чѣмъ на сушѣ. Самое море не представляло покамѣстъ ничего интереснаго: однообразная водная пустыня по которой правильными полосами шла ровная зыбь. Тамъ, на краю горизонта, его голубая поверхность сливалась съ голубою же поверхностью неба. Наскучивъ ходить по палубѣ и озлянувшись достаточно я сошелъ внизъ въ каютъ-компанію и какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ вѣстовые уже зазвонили къ обѣду. Несмотря на небольшую качку мы все-таки обѣдали съ рейками или скрилками, иначе супъ и вино проливалось, а тарелки и бутылки ползли въ какую-нибудь сторону или катились по столу. Съ непривычки это насъ только забавляло.

Къ вечеру качка стала стихать. Этотъ первый морской вечеръ я провелъ въ прилаживаніи разныхъ вещей въ моей каютѣ. На пароходѣ не было отдѣльной каюты для доктора, такъ какъ врача на немъ не полагалось; мнѣ поэтому досталась каюта стюарта (буфетчика) и большого труда стоило приноровить поудобнѣе крошечную комнату. Кое-какъ однако все устроилось и я вышелъ на палубу.

Была уже ночь. Волны съ шумомъ плескались въ борта корабля и сѣрыя верхушки ихъ въ окружающей мглѣ казались какими-то привидѣніями. Легкій ночной вѣтеръ дулъ намъ на встрѣчу и уныло гудѣлъ пробѣгая между свастями. Корабль мѣрно раскачивался на волнахъ и высокія мачты вырисовывали легкія дуги на темномъ небѣ. На югѣ вся палуба дрожала отъ могучихъ оборотовъ винта бороздившаго

воду, и волны, захлебываясь и давя другъ друга, выскакивали изъ-подъ кормы массами бѣлой пѣны. Къ однообразному гулу вѣтра и стука машины примѣшивался шумъ паровой помпы выбрасывавшей изъ-подъ праваго борта корабля широкую струю воды. Двѣмъ всѣ эти звуки были не такъ замѣтны въ общемъ движеніи и жизни, но теперь, среди ночнаго безмолвія, они какъ-то рѣзче дѣйствовали на воображеніе. Скоро совершенно стемнѣло; только въ машинномъ люкѣ горѣла лампа, и наклонившись я могъ видѣть какъ гдѣ-то далеко внизу, точно въ глубинахъ пропасти, шла особая дѣятельность; ежеминутно слышался звонъ отодвигаемыхъ желѣзныхъ заслонокъ, окружающее пространство озарялось яркимъ свѣтомъ изъ раскрытой печи, и при этомъ свѣтѣ видны были какіе-то черные люди, съ лопатами въ рукахъ, наклонившіеся надъ грудами каменнаго угля.

Убаюкиваемый монотоннымъ гуломъ я ходилъ назадъ и впередъ и думалъ о предстоящемъ путешествіи, или отправлялся на бакъ и тамъ, пріютившись между якорными цѣпами и кучей снастей, убранныхъ въ красивыя бухты, глядѣлъ въ потемнѣвшую даль. Волны правильными рядами шли на нашъ пароходъ, точно собирались поглотить его, но встрѣченныя острымъ, обшитымъ желѣзомъ краемъ, рассыпались по обѣ стороны мелкими водяными брызгами. Водная лучина разстилалась вокругъ меня и среди окружающей мглы изъ этой лучины, казалось, вставали далекія мѣстности которыя мнѣ предстояло посѣтить: Египеть и Аравія, Индія, Китай, эта чудная страна чая и „свинныхъ хвостиковъ“, „страна восходящаго солнца“ Японія... Воображеніе опережало быстрый бѣгъ корабля и несло на югъ, въ заманчивую даль, въ тропики, къ экватору, подъ тѣнь пальмъ и магнолій, „гдѣ нѣгой дышетъ лѣсъ“, гдѣ горячее солнце свѣтитъ и грѣетъ не по нашему и гдѣ могучая творческая сила природы развертывается во всей своей красотѣ.

Было уже поздно, подулъ предразсвѣтный вѣтеръ, звѣзды низко склонились надъ горизонтомъ и край неба на Востокѣ замѣтно началъ свѣтлѣть, когда я, усталый и озябшій, находившись и намечтавшись вдоволь, отправился въ свою каюту.

Прошелъ и второй день путешествія. Погода совсѣмъ стихла и мы любовались какъ по услоковшейся поверхности воды прыгали дельфины, кувыркаясь и показывая черныя

слыши. Въ Черномъ Морѣ ихъ множество и они въ теченіе цѣлаго дня сопровождали нашъ пароходъ. На одного судна не попадавалось на встрѣчу и только уже лодъ вечеръ, вся освѣщенная послѣдними лучами заходящаго солнца, блистая какъ серебрянымъ крыломъ бѣлымъ косымъ парусомъ, показалась вдали турецкая фелука. Среди безконечно-однообразной скатерти водъ и это казалось развлеченіемъ, и мы долго слѣдили какъ она ныряла въ волнахъ пока сгустившіяся сумерки не скрыли ее изъ глазъ.

На другой день рано утромъ, когда я вышелъ на палубу, первое чтъ мнѣ бросилось въ глаза, были сѣрыя скалы угрюмо сторожившія входъ въ Босфоръ и отчетливо выдѣлявшіяся въ ясномъ утреннемъ воздухѣ. Мы входили въ Константинопольскій проливъ.

Что за прелестное мѣсто этотъ Фракійскій Босфоръ древнихъ! Онъ не великъ и не широкъ, всего $23\frac{1}{4}$ версты отъ Чернаго моря до Константинополя и отъ 1 до $1\frac{1}{2}$ версты шириною. Но берега точно декорация изъ волшебнаго балета; глаза все время не устаютъ любоваться лестрою вереницей видовъ развертывающихся передъ глазами и смѣняющихся другъ друга. Невысокіе холмы уже покрытые свѣжею молодою травой стоятъ съ обѣихъ сторонъ и по нимъ дѣлятся домики то у подножія, то взбираясь на самую верхушку. Вотъ холмы повернули немного въ сторону и на самый берегъ выступила маленькая деревушка, вся утопавшая въ темной зелени кипарисовъ. Сквозь ихъ вѣчную листву высятся кое-гдѣ стройныя бѣлыя минареты и косые лучи только-что восшедшаго солнца освѣщаютъ золотые полумѣсяцы. А тамъ опять пошли дачи посланниковъ и дворцы. Вотъ у самаго берега смотрится въ голубыя воды мраморный дворецъ выстроенный султаномъ Абдуль-Азисомъ для императрицы Евгеніи. Вотъ на восьмой верстѣ на европейскомъ берегу Босфора цѣлое селеніе Буюкъ-Дере, сплошь застроенное кокетливыми дачами гдѣ живутъ иностранцы. Множество лодокъ развѣзжаютъ между обоими берегами и достаточно десяти минутъ чтобы лопастъ изъ Европы въ Азію. На азіатскомъ берегу селенія проще и рѣже, за то тамъ больше растительности, но фиги и лаваны не вполне еще распустившись и только одни кипарисы разнообразятъ ландшафтъ. Кое-гдѣ стояли турецкіе военные корабли и какъ-то

странно было видѣть этихъ гигантовъ въ узкомъ проливѣ. Въ среднѣмъ проливѣ, по обоимъ берегамъ, устроены батареи, и дула пушекъ внушительно глядѣли изъ амбразуръ. Тутъ же училась кучка турецкихъ солдатъ и двѣ какія-то женщины, немного откинувъ бѣлые покрывала, долго глядѣли намъ въ слѣдъ. Здѣсь, въ самомъ узкомъ мѣстѣ Босфора, между двумя генуэзскими башнями Румели-Кавакъ и Анатоли-Кавакъ, былъ построенъ нѣкогда Мадрокломъ изъ Самоса мостъ, по которому Дарій цдя на Скифовъ провелъ свою 700.000 армію. Часа полтора шли мы проливомъ и все время я буквально не отнималъ бинокля отъ глазъ, развѣ только для того чтобы кинуть общій взглядъ вокругъ, до того хороши были окрестности. Но скоро и конецъ пролива. Строевія пошли еще гуще, дворцы еще роскошнѣе. Вотъ и уголъ Толхаме, а вотъ за легкимъ поворотомъ пролива точно всталъ изъ водной глубины и раскинулся предъ изумленнымъ очамъ громаднымъ амфитеатромъ и онъ, этотъ царь городовъ, этотъ городъ-властитель—septred city какъ называетъ его Байронъ,—Константинополь.

Мы остановились на рейдѣ посреди множества судовъ всѣхъ націй, и прелестный городъ, яблоко раздора нашихъ дней, явился предъ нами во всемъ великолѣпіи. За голубою скатертью Золотого Рога вставала все выше и выше необозримая масса домовъ и зелени. Берегъ окаймляли дворцы, начиная отъ громаднаго Сераяя и до мраморнаго Долма-Бахче и Чарагана. Видѣлась Галата, а за ней и выше ея Пера съ жилищами посланниковъ и вообще Европейцевъ. Вдали раскинулась масса домовъ Стамбула съ его мечетями, между которыми выдѣлялась по величинѣ джамія Эюбъ и джамія Софія съ ихъ кулолами похожими на огромныя опрокинутыя чаши. Съ другой стороны присловилась городокъ или предметъе Кадыкій, древняя Халкедонія, тотъ же Константинополь въ миниатюрѣ. На азіатскомъ берегу другимъ амфитеатромъ поднималось Скутари съ его киларисами, а впереди сияло Мраморное Море. Множество разноцвѣтныхъ флаговъ и лѣсъ мачтъ высилась и лестрѣли въ воздухъ, яркіе лучи солнца заливали блескомъ окрестность и глубокая синева неба спорила со спокойною лазурью моря... Несмотря на то что я видѣлъ потомъ много красивыхъ мѣстностей, я долженъ признаться что ни одна не произвела на меня такого обаятельнаго впечатлѣнія какъ эта чудная панорама. Пока начальство паро-

хода озаботилось хлопотами о фирмѣ или дозволеніи на пропускъ въ Дарданеллы, мы отправились смотрѣть городъ. Наше немногочисленное общество состояло изъ трехъ пассажировъ, меня да старшаго офицера съ женой; катеръ съ шестью гребцами быстро перенесъ насъ на набережную Галаты.

Прекрасное впечатлѣніе тотчасъ пропадаетъ какъ только ступишь на берегъ Константинополя, и мы очутившись въ лабиринтѣ кривыхъ, узкихъ и грязныхъ улицъ съ удивленіемъ спрашивали себя неужели это тотъ самый городъ который казался такимъ живописнымъ съ борта парохода. Дома низенькіе и темные шли по обѣимъ сторонамъ улицы, на середине этихъ улицъ вываливалась всякая дрянь, на улицахъ не было и признаковъ мостовой и тротуара. Во всей Галатѣ нѣтъ ни одного порядочнаго строенія, если не считать остатковъ какой-то Гемузской башни, да и въ цѣломъ Константинополѣ для туриста, разчитывающаго пробыть всего два, три дня и не имѣющаго времени ознакомиться подробно съ чѣмъ-нибудь, рѣшительно нечего смотрѣть. Конечно еслибы можно было пробыть въ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ то безъ сомнѣнія выяснились бы многія любопытныя и оригинальныя особенности турецкой жизни и нравовъ, но въ нѣсколько дней трудно подмѣтить что-нибудь, а съ вѣтшей, чисто декоративной стороны, Константинополь во многомъ уступаетъ каждой изъ европейской столицъ. Здѣсь нѣтъ никакихъ общественныхъ и частныхъ построекъ выдающихся или громадностью размѣровъ или оригинальностью стіла, или какимъ-нибудь особеннымъ историческимъ значеніемъ; нѣтъ памятниковъ искусства, нѣтъ хорошихъ лубличныхъ садовъ, хотя вообще зелени очень много; нѣтъ длинныхъ прямыхъ и красивыхъ улицъ въ родѣ нашего Невскаго Проспекта. Единственное въ полномъ смыслѣ великолѣпное зданіе въ Константинополѣ, Софійская мечеть, и та выстроена не Турками. Дворцы же тянущіеся по берегу Золотаго рога и Босфора не представляютъ ничего самобытнаго, характернаго, строены Европейцами и похожи вообще на всѣ дворцы.

Долго блуждали мы подъ довольно жаркими лучами солнца по улицамъ и переулкамъ Галаты, сопровождаемые кучей чумазыхъ турецкихъ ребятшекъ, которые вѣроятно предполагали въ насъ „звѣтныхъ иностранцевъ“ потому что съ крикомъ бѣжали за нами, прося милостыни. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, мичманъ Л., былъ какъ кажется особенно

виновать въ этомъ, такъ какъ съ самаго начала роздалъ этимъ юнымъ поклашникамъ Магомета нѣсколько ліастровъ, конечно примавивъ этимъ все молодое поколѣніе сосѣднихъ улицъ. Встрѣчавшіеся Турки въжливю давали намъ дорогу, и многіе изъ нихъ собирали весь свой запасъ русскихъ словъ чтобы составить какую-нибудь фразу. Гораздо невѣжливѣе были собаки, знаменитыя константинопольскія собаки, которымъ Бремъ посвящалъ даже особое описаніе и которыхъ тщетно старался истребить и Махмудъ, и Французы во время Крымской войны. Ободравшыя, тощія до послѣдней возможности, онѣ массама лежали или бродили по улицамъ, рѣшительно не обращая вниманія на проходящихъ, и только когда имъ наступали на хвостъ или на ногу онѣ съ ворчаньемъ подвигались и, отойдя шага два, опять опускались на землю. Всѣ онѣ, дѣйствительно, оказались, какъ я читалъ и раньше, рыжаго или бураго цвѣта и занимали группами опредѣленныя улицы, куда уже и не заглядываютъ чужія собаки изъ другихъ улицъ подъ опасеніемъ быть съѣденными. Той же участи, какъ кажется, подвергаются и неосторожные залоздаемые путешественники, особенно въ глухихъ турецкихъ кварталахъ, гдѣ ночью кромѣ собачьяго воя и лая ничего и неслышно.

Благосклонная судьба избавила насъ наконецъ отъ собакъ и вищихъ и привела на дебаркадеръ подземной желѣзной дороги ведущей изъ Галаты въ Перу. Размѣнявъ у многочисленныхъ галатскихъ банкировъ и мѣнялъ, преимущественно изъ Грековъ, отечественныя бумажки на англійское и французское золото и серебряныя турецкіе мѣджидіе (равныя $4\frac{1}{2}$ франкамъ или 20 ліастрамъ), мы залатали что-то очень дешево за билеты и скоро очутились въ тоннелѣ.

Дорога идетъ вверхъ и прорѣзаетъ насквозь холмъ на которомъ построена Пера. Въ тоннелѣ было сыро и холодно, гранитныя стѣны были покрыты какою-то влагой. Ни одинъ фонарь не освѣщалъ пути, такъ что мы съ трудомъ различали окружающіе предметы, и только издали, приближительно въ полуверстѣ разстоянія, изъ выходнаго отверстія проникалъ свѣтъ, освѣщая наклонный каменный путь съ положенными на немъ рельсами. Вагоны приводятся въ движеніе посредствомъ безконечнаго ремня и цѣпей соединенныхъ съ могучими паровыми машинами, поставленными у начала и конца тоннеля.

Перя — европейскій кварталъ Константинополя, наиболѣе чистый и опрятный. Улицы выложены камнемъ, дома довольно высокіе, красивые. Здѣсь преимущественно живутъ иностранцы и находятся дворцы многихъ посольствъ. Иногда попадаются экипажи, почти невѣданное зрѣлище въ другихъ мѣстахъ Константинополя. Есть нѣсколько ресторановъ, въ одномъ изъ которыхъ, французскомъ, насъ угостили отвратительнымъ, хотя дорогимъ, завтракомъ. Не желая также бесполезно путешествовать по улицамъ Перы какъ и по улицамъ Галаты и чувствуя что солнце начинаетъ прилекать все сильнѣе, мы отыскали какого-то проводника Турка, обдерганнаго малаго въ широчайшихъ шароварахъ съ бабушми (туфлями) на ногахъ и въ засаевой красной фескѣ, который, къ счастью, говорилъ немного по-французски, и попросилъ отвести насъ въ прохладный турецкій большой базаръ, знаменитый Безестень.

Пройдя изрядное количество улицъ мы спустились къ Золотому Рогу, перешли на другую его сторону по длинному и уже довольно ветхому мосту и очутились въ Стамбулѣ. Пошли опять кривыя улицы какъ въ Галатѣ, съ собаками и нищими, и мы уже думали что имъ не будетъ конца, какъ вдругъ подошли къ какой-то стѣнѣ, пролѣзли сквозь какіе-то ворота и сразу очутились въ большомъ крытомъ, полутемномъ, прохладномъ зданіи. Это и былъ большой базаръ.

Собственно большой базаръ не одно зданіе, а скорѣе нѣсколько зданій соединенныхъ вмѣстѣ, въ родѣ нашихъ городскихъ рядовъ. Тутъ мало свѣта и много прохлады, и потому тутъ постоянно тѣснится толпа народа желающаго воспользоваться этою прохладой. Масса Турокъ, Грековъ и всякаго другаго сброда шныряетъ здѣсь съ утра до вечера цѣль важно сидитъ въ кофейняхъ и цирюльняхъ. Тутъ же постоянно разсыпаетъ шербетъ, оршадъ и другія лакомства. Безковечные переходы идутъ вдаль, примыкаютъ къ малому базару, и нужно много времени чтобъ обойти все это. Товары горами навалены около дверей и на прилавкахъ, такъ какъ большинство лавокъ полутемныя и не имѣютъ оконъ. Впрочемъ болѣе цѣнныя вещи тщательно прячутся и не выставляются на видъ. Здѣсь вѣтъ зазываній какъ въ нашемъ гостиницѣмъ дворѣ; восточное равнодушіе соединилось здѣсь съ турецкою лѣнью, и продавцы-Турки торжественно сидятъ гдѣ-нибудь въ глубинѣ лавокъ едва удостоивая называть цѣну. Это одна-

кожь не относится къ Грекамъ; цивилизація видимо коснулась ихъ своимъ крыломъ и они неотвязно пристають къ покупателямъ. Въ одной такой лавкѣ, гдѣ мы купили превосходныя шитыя золотомъ турецкія туфли, нашъ проводникъ вступилъ въ ожесточенный споръ съ хозяиномъ требуя съ него извѣстное вознагражденіе за то что привелъ насъ и добился таки того что его вытолкали въ шею. Есть хорошія лавки шелковыхъ матерій и шитыхъ дамскихъ вещей, есть табачныя лавки, гдѣ мои спутники заласались превосходнымъ турецкимъ табакомъ, заплативъ до смѣшного дешево за картузы вѣсомъ въ одинъ окъ (1½ фунта). Есть превосходныя лавки съ оружіемъ, преимущественно стариннымъ; всѣ вещи богато, хотя и безвкусно отдѣланы золотомъ и драгоценными камнями, но за то безобразно дороги. Дамаскіе клинки цѣнятся чуть не на вѣсъ золота и ими приходятъ по большей части только любоваться, а не покупать. И безъ того при дешевыхъ покупкахъ разниця въ курсѣ значительно даетъ себя чувствовать.

Драгоценный перлъ Константинополя, Софійскую мечеть, мы оставили напоследокъ и теперь велѣли проводнику вести насъ туда. Это оказалось недалеко, и четыре высокіе стройные минарета, окружающіе мечеть, вскорѣ засверкали предъ нами какъ серебряныя иглы въ ясномъ прозрачномъ воздухѣ. Въ обширныхъ свѣжахъ, отгороженныхъ съ улицы какою-то циновкой, насъ встрѣтили муллы. Они вступили въ горячій споръ съ нашимъ проводникомъ, требуя что-то очень много за дозволеніе осмотрѣть мечеть, за проводника-муллу и за туфли, но впрочемъ очень скоро спустили цѣну на лодвику, и мы отдѣлались двумя меджидів (3 р. 50 коп.) на каждый. Мы надѣли на ноги желтыя сафьянныя туфли, цѣлый рядъ которыхъ стоялъ тутъ же у стѣны, и старикъ мулла, высокій, сѣдой, съ добродушнымъ открытымъ лицомъ принялъ насъ на свое попеченіе. Въ мечеть ведутъ девять дверей, и мы вошли въ одну изъ нихъ, можетъ-быть въ ту самую въ которую 900 лѣтъ тому назадъ изумленнымъ и робкою толпой входили послы Владиміра Святаго, посланные для сравненія различныхъ вѣроисповѣданій.

Обширный полутемный храмъ казался почти пустымъ, несмотря на рѣдкія кучки богомольцевъ въ разныхъ мѣстахъ лежавшихъ или сидѣвшихъ на полу. Страшное, торжественное впечатлѣніе произвело на меня это зданіе. Я видѣлъ въ

немъ не Ая-Суфью, не мусульманскую мечеть мусульманскаго города, а христіанскій храмъ, какимъ нѣкогда вышелъ онъ изъ рукъ Грека Исидора. Я мысленно переношася въ прошедшее и духи этого прошедшаго, великія тѣни древности, казалось, витаѣи еще подъ сводами пустыннаго храма и на потемнѣвшихъ парусахъ купола; казалось что только вчера смогло здѣсь греческое богослуженіе и что храмъ молчитъ и ждетъ чего-то.

Церковь имѣетъ видъ креста и выстроена въ византийскомъ стилѣ. Она была сооружена въ 532 году императоромъ Юстиніаномъ во имя Софіи или Божественной премудрости и расположена на мѣстѣ первой христіанской церкви воздвигнутой Константиномъ Великимъ и разрушенной при Юстиніанѣ во время возстанія, называемаго Ника (любѣдѣй). Прямо предъ входомъ высится тройной алтарь, сзади пропелецъ; четыре большія арки поддерживаютъ каменное кольцо съ 60 окнами, а на немъ лежитъ куполъ, одинъ изъ величественнѣйшихъ въ мірѣ и который многіе по всей справедливости сравниваютъ съ куполомъ неба. Кругомъ массивныя колонны поддерживаютъ хоры. Между этими колонами находятся нѣкоторыя представляющія громадую историческую рѣдкость; таковы шесть колоннъ зеленой яшмы изъ храма Діаны въ Ефесѣ и 8 колоннъ изъ порфира взятыхъ изъ Рима, куда онѣ были привезены императоромъ Авреліаномъ изъ Баалбека.

Священное, торжественное безмолвіе царствовало въ мечети, мы тихо скользили по ценовкамъ мимо рѣденькихъ кучекъ богомольцевъ, которые склонившись до земли или сидя на колыняхъ и въ религиозномъ экстазѣ устремивъ глаза впередъ, казалось, и не замѣчали насъ. Прежній алтарь расположенъ къ востоку, а ценовки рядами устланы наискось къ юго-востоку, такъ какъ въ этомъ направленіи отъ Константинополя находится Мекка, священный городъ мусульманъ, и эта симметрія немного портитъ впечатлѣніе. Тутъ лежитъ ковранъ и находится возвышеніе съ котораго читаетъ главный мулла.

Храмъ весь обвѣшанъ лампаками. Отовсюду со сводовъ спускаются проволоки, которыя поддерживаютъ большіе горизонтальные круги, слоены уставленные лампадами. Круги эти висятъ очень низко надъ головой, такъ что верхушка сводовъ и купола всегда остается во мракѣ, даже и при полномъ

освященіи храма. Къ сожалѣнію, мы были днемъ и не могли видѣть этого эффектнаго зрѣлища. Въ разныхъ мѣстахъ висятъ большіе круглые зеленые щиты, въ родѣ нашихъ хоругвей, и на нихъ золотыми буквами рельефомъ изображены имена Магомета и первыхъ четырехъ калифовъ.

На хоры ведутъ не ступени, а отлогіе каменные входы. Стѣны покрыты разноцвѣтною стеклянною мозаикою, и такъ какъ храмъ совсѣмъ не реставрируется, то эта мозаика постоянно осыпается. Встрѣтившіеся на хорахъ нѣсколько мullahъ предлагали намъ массу ея за личное вознагражденіе. Колонны по обычаю всѣхъ странъ и народовъ испещрены фамиліями почитателей; между этими фамиліями встрѣчается много русскихъ, и двое изъ нашихъ спутниковъ не устояли противъ искушенія присоедиить къ нимъ свои.

Много слѣдовъ христіанства сохранилось въ мечети. На карнизахъ и пиластрахъ оконъ видѣются кресты, глубоко высѣченные въ камень, и мulla добродушно указывалъ намъ на нихъ бормоча что-то на своемъ неловатомъ языкѣ. Съ ларусовъ купола глядѣли на насъ лики херувимовъ, и чей-то колоссальный таинственный образъ съ распростертыми руками (Божественной премудрости) рельефомъ выдѣлялся на сѣромъ фонѣ. Мозаиковыя изображенія были замазаны известью и покрыты золотомъ такъ что видѣлись только ихъ очертанія. Впрочемъ, во многихъ мѣстахъ мозаика открыта, за исключеніемъ ликовъ.

Сколько народа трудилось нѣкогда надъ этимъ храмомъ? Какія груды золота и драгоценныхъ матеріаловъ были употреблены на него въ 16 лѣтъ, въ теченіе которыхъ могучій геній Исидора создалъ это чудное зданіе! За то онъ возбуждалъ справедливое удивленіе и восхищеніе современниковъ. Самъ Юстиніанъ, войдя въ него и пораженный величіемъ храма, воскликнулъ: „Я любилъ тебя, Соломонъ!“ Прошли года, прошли столѣтія, и въ свою очередь султанъ Магометъ II въѣжая въ него въ первый разъ на конѣ и коснувшись окровавленной рукой до бѣломраморной стѣны, сказалъ: „вотъ домъ для молитвы Аллаху“. И храмъ Софіи сталъ домомъ молитвы Аллаху. Онъ былъ обращенъ въ главную мечеть города. Исчезли образа, замазана стѣнная живопись и изображенія святыхъ. Полумѣсяцъ замѣнилъ крестъ, и Евангеліе уступило мѣсто Корану. Гдѣ прежде слышалось стройное христіанское пѣніе, тамъ теперь раздается глухой голосъ

турецкаго мудлы. На полу разостлали циновки и по стѣнамъ повѣсили щиты. И только! Матеріальныхъ саѣдовъ своего существованія мусульманство не оставило никакихъ. Нѣтъ ничего легче реставрировать мечеть и чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ обратить ее опять въ христіанскій храмъ. Дождемся ли мы этого? Одно время можно было думать что удобный моментъ близокъ, и многіе легковѣрные и мечтательные люди нѣсколько лѣтъ тому назадъ казалось слышали уже звонъ софійскихъ колоколовъ. Но ожиданія не исполнялись и если нѣкогда Олегъ, чуждый всякихъ дипломатическихъ и политическихъ ухищреній, твердою рукою приблизъ свой щитъ къ воротамъ Царяграда, то тысячу лѣтъ спустя мы удовольствовались тѣмъ что только простояли въ Санъ-Стефано.

Довольно поздно вечеромъ въ этотъ день отправился я назадъ на пароходъ. Каикчи—рослый, красивый Грекъ въ цвѣтной еланчѣ и фустанеллѣ,—едва шевелилъ веслами и каикъ тихо скользилъ по сонной поверхности Золотога Рога. Ночь была настоящая южная, теплая и прекрасная. Молодой мѣсяцъ уже склонявшійся къ закату едва освѣщалъ окрестность, и тысяча звѣздъ отражались, вслыхивая и замирая, въ глубокой синевѣ Босфора. Вдали, на потемнѣвшей поверхности воды, у самаго входа въ Мраморное Море едва видѣлись прелестные Принцесы Острова; прямо предъ нами изъ волнъ Босфора подымалась Леандрова башня, и ея бѣлая стѣны освѣщенныя луннымъ свѣтомъ казались очень эффектными въ эту минуту. Она была выстроена въ древности императоромъ Мавруломъ и по всему вѣроятію составляла часть укрѣпленій замыкавшихъ входъ въ Босфоръ, но народная фантазія соединила ее имя съ именемъ Леандра и окружила различными легендами. Долго блуждали мы по рейду, и среди множества судовъ и мачтъ я никакъ не могъ замѣтить знакомаго очертанія своего корабля. Флаги, эти отличительныя примѣты судовъ, слускаются съ закатомъ солнца, и теперь только красные и зеленые фонари смотрѣли на меня съ каждаго борта. За то во время этой продолжительной прогулки я вдоволь налюбовался Константинополемъ. Какъ красивъ казался онъ мнѣ съ моря въ эту прекрасную ночь! Я невольно забывалъ какъ мы, днемъ, усталые и измученные тащились по его кривымъ улицамъ и видѣлъ только одну живописную сторону картины. Ряды дворцовъ блестя огнями; огнями же была залита и вся окрестность, весь громадный

амфитеатръ до самыхъ вершинъ холмовъ. Черныя кулы кипарисовъ высипались въ ночномъ воздухѣ и рельефно оттъняла, слѣгка тронутые дуновымъ свѣтомъ, бѣлые изящныя минареты. Изъ города несся неясный гулъ; тамъ еще кипѣла жизнь... Мнѣ невольно приходило на память изреченіе: кто владѣеть Константинополемъ, тотъ владѣеть цѣлымъ міромъ. Будучи основанъ въ 659 году до Р. Х. подъ именемъ Византіи бѣдными простыми выходцами изъ Мегары, онъ въ короткое время достигъ выдающагося значенія. Этимъ значеніемъ Византія была обязана прекрасному климату, плодородной почвѣ и выгодному географическому положенію между двумя морями и на границѣ двухъ частей свѣта. Но вслѣдствіе этого же самаго она приобрѣла себѣ и много завистниковъ и часто дорого платилась за свои преимущества. Два раза она была разрушаема до основанія; въ первый разъ за 500 лѣтъ до Р. Х. Персами при Даріи I, а потомъ во 196 году по Р. Х. римскимъ императоромъ Септیمیемъ Северомъ. Константинъ Великій въ первой половинѣ IV вѣка сдѣлалъ ее столицей Римской имперіи и далъ ей свое имя, а затѣмъ тысячу лѣтъ спустя она подпала подъ власть Турокъ. Константинополь былъ осаждаемъ 29 разъ и 8 разъ былъ взятъ приступомъ, восемь разъ, а не девять, такъ какъ война 1877—78 года не вписала новаго взятія на страницы его исторіи.

Что-то ждетъ его впереди? Во всякомъ случаѣ будущность врядъ ли принадлежитъ Туркамъ, которые во все время своего владычества ничего не сдѣлали для него. Но будетъ ли онъ вольнымъ городомъ или перейдетъ въ неотъемлемую собственность одной изъ тѣхъ державъ которыя теперь такъ горячо охраняютъ цѣлость и независимость Оттоманской имперіи, это рѣшить будущее и можетъ-быть очень недалекое будущее...

8 апрѣля въ 6 часовъ вечера, когда прощальные лучи солнца золотили верхушки минаретовъ, мы покинули Константинополь. Во входѣ въ Мраморное Море мы сдѣлали два круга для опредѣленія девиціи и еще два раза пронеслись предъ нашими глазами эти прекрасныя мѣста, и Привцеры Острова съ островомъ Лелешкой, и Скутари, и исчезающій вдали Константинополь, и появившееся съ правой стороны Самъ-Стефаново. Затѣмъ надвинувшіяся сумерки встрѣтили насъ уже

въ Мраморномъ Морѣ, этой Проловтадѣ древнихъ, а разсвѣтъ 9 апрѣля въ Дарданелльскомъ проливѣ.

Дарданелльскій проливъ шире и давайѣ Константинопольскаго; берега дики, холмисты и лустыняны; лишь изрѣдка промелькнетъ селеніе, какой-нибудь замокъ или остатокъ крѣпости. Въ самой срединѣ пролива, гдѣ оны всего ѹже (двѣ версты), на азіатскомъ и европейскомъ берегу высятся два замка Систосъ и Абидосъ. Именно здѣсь нѣкогда Леандръ переплывалъ Геллеспонтъ чтобы ловидаться со своею возлюбленною Геро. Байровъ прекрасными стихами передаетъ намъ эту легенду (*Абидосская невѣста*), и не довольствуясь этимъ, великій эксцентрикъ, котораго не смущала тѣнь улавшей здѣсь нѣкогда съ барама и утонувшей Геллы, задумалъ повторить подвигъ, и однажды въ январскую ночь два раза переплылъ Дарданеллы, хотя и жаловался потомъ что Леандра послѣ холодной ванны согрѣвали по крайней мѣрѣ горячія объятія Геро, а оны лишенъ былъ и этого удовольствія.

Очень рано утромъ, когда еще не разсѣялся туманъ на прибрежныхъ холмахъ, мы вступили въ Архипелагъ и покинули Европу.

Эгейское море приняло насъ ласково, совсѣмъ не такъ какъ нѣсколько недѣль тому назадъ оно встрѣтило другіе корабли Добровольнаго Флота, которые не видали здѣсь ничего кромѣ разъяренныхъ волнъ и брызговъ бѣлой лѣвы. Телерь же погода была прекрасная, въ воздухѣ была разлита кака-то мгла, окрестности были подернуты легкою дымкой; мы уже покинули холодную Европу и чувствовали то живительное тепло о которомъ не могутъ себѣ составить понятія бѣдные жители Сѣвера. Сзади твердыни Дарданелль исчезали изъ глазъ, спереди надвигался Тенедосъ, первый изъ острововъ Архипелага. Эгейское море густо усѣяно островами, и здѣсь подъ благословеннымъ небомъ Греціи, на этихъ прекрасныхъ островахъ была нѣкогда колыбель европейской цивилизаціи. Гдѣ телерь бороздилъ лустыняныя воды нашъ одинокій пароходъ, тамъ прежде квітѣла жизнь и дѣятельность. Каждый островокъ, каждый клочекъ мѣстности лавны здѣсь историческихъ воспоминаваній и давно позабытый и исчезнувшій міръ, міръ героевъ и полубоговъ какъ будто выплываетъ изъ далекой глубины прошедшаго... Мы обогнули уголъ Малой Азіи и предъ нашими глазами раскинулась обширная равнина древней Троиady; тутъ же была нѣкогда и столица ея

„лышняя Троя,“ память о которой увѣковѣчена для насъ навсегда въ прекрасныхъ гекзаметрахъ Гомера. На берегу темнѣются два лятвышка, два славные кургана, могилы Патрокла и Ахилла. Мнѣ пришла на память стихи:

Отъ Скироса вдалѣ влекомый
 Поплыветъ Неоптолемъ,
 Брегъ увидитъ незнакомый
 И зеленый холмъ на немъ..
 Кормчій юношѣ укажетъ
 Полный думы на курганъ:
 Вотъ Ахилловъ гробъ, онъ скажетъ,
 Здѣсь вблизи былъ Грековъ станъ...

Станъ Грековъ дѣйствительно долженъ былъ находиться не далеко; тутъ же виднѣется третій курганъ побольше, могила Аякса, а вдали, еще закутанная утреннимъ туманомъ, одиноко высится „сѣрая Ида“.

Вотъ здѣсь, въ бухтѣ Теведоса, очертанія котораго уже ясно обрисовываются предъ нашими глазами, стоялъ греческій флотъ отпавшій отъ Трои, и Греки, оставивъ въ ней деревяннаго коня, ждали тутъ успѣха своей военной хитрости. Много, много вѣковъ тому назадъ, въ то отдаленное время когда полудикая семья славянскихъ народовъ бродила еще вмѣстѣ со звѣрами въ дремучихъ лѣсахъ, когда самое слово „Русь“ не вызывало никакого представленія въ умахъ тогдашнихъ людей, здѣсь широко развита была гражданственность и цивилизація. Море лестрѣло безчисленными судами, поля огащались бранными кликами, на улицахъ и площадяхъ городовъ толпился народъ. Но давно затихла здѣсь жизнь; исполнилось предсказаніе, гласившее:

Будетъ некогда день и погибнетъ священная Троя,
 Древній погибнетъ Пріамъ и народъ коленосца Пріама.

Нынѣ отъ Трои исчезъ великій слѣдъ, и только въ новѣйшее время расколки доктора Шлимана пытаются приподнять уголокъ таинственной завѣсы. Другіе народы выступили на сцену исторической жизни; теперь все дико и пусто кругомъ, на пространствахъ Трояды ютятся кое-гдѣ ничтожныя деревушки, въ которыхъ вѣскольکو сотенъ малеазійскихъ Грековъ безцѣльно влачатъ свое жалкое существованіе, по окрестнымъ холмамъ угрюмо бродитъ одинокій ластухъ и на вершину Иды уже не слетаются боги смотрѣть на битвы Троявъ и Грековъ...

Острова лошаи за островами. Вотъ мы проходимъ мимо острова Темедоса, между нимъ и материкомъ Малой Азіи. Проливъ шириной не болѣе двухъ миль и оба берега отчетливо видны. Около маленькой бухты, по склонамъ невысокихъ холмовъ и у подножія ихъ, на Темедосѣ пріютился какой-то городокъ и его бѣлые дома красиво выдѣляются на нѣжной зелени горъ. Въ бинокль можно замѣтить на улицахъ движеніе группы людей. Въ бухтѣ стояло нѣсколько небольшихъ ларусскихъ судовъ; на верхушкахъ холмовъ господствующихъ надъ городомъ протянулась гирляндой веревка вѣтряныхъ мельницъ съ какими-то особенными крыльями, похожими на развернутые лепестки цвѣтка; этотъ пейзажъ живо напомнилъ мнѣ нѣкоторыя мѣстности на нагорномъ берегу Волги, въ среднемъ ея теченіи; только тамъ не доставало моря и этого чуднаго воздуха которымъ что-называется не надышешься. Левый малоазійскій берегъ былъ попрежнему пустыневъ и его низкіе, прибрежные холмы тянулись длинными фіолетовыми полосами. Тотчасъ за Темедосомъ лежитъ крошечный островокъ Мавра, живописная скала поднявшаяся съ морскаго дна. Нѣтъ ничего лучше плаванія по Архиллелазу въ тихую погоду. Море было гладко какъ зеркало, того прелестнаго цвѣта который нельзя описать и который пошевелъ называется аквамариновымъ; вѣтерокъ, слабо дувшій по временамъ, не поднималъ зыби и только слегка умѣрялъ полуденный зной. Мы не испытывали никакихъ морскихъ тревоженій. Жизнь установилась и шла своимъ порядкомъ. Пользуясь прекрасною погодой мы читали, писали, ѣли, также спокойно какъ и на твердой землѣ. Все свободное время я проводилъ на лалубѣ, любясь окружающими видами, въ противоположность моимъ товарищамъ морякамъ, которымъ уже не въ диковинку были всѣ эти виды и которые, уставши на двухъ четырехчасовыхъ вахтахъ въ день, пользовались каждою лишнею минутой чтобъ отдохнуть. Острова шли веревницей другъ за другомъ; едва кончался одинъ какъ на горизонтѣ видѣлись очертанія другаго. Своимъ количествомъ, своимъ живописнымъ видомъ они производили одинаково сильное впечатлѣніе во всѣ времена и у всѣхъ народовъ. Авахарсисъ называлъ ихъ морскимъ созвѣздіемъ, крестовосцы — разбросаннымъ въ водѣ цвѣтникомъ, Байронъ — драгоценнымъ ожерельемъ прекраснаго моря. Когда я посмотрѣлъ на морскія карты я удивился ихъ количеству; на

обыкновенныхъ географическихъ картахъ отмѣчены только главнѣйшіе изъ острововъ и по нимъ никакъ нельзя составить понятіе о всей массѣ. За Тенедосомъ пошелъ Митилена (въ древности Лесбось). Это большой островъ и мы нѣсколько часовъ обходили его. На немъ тянутся довольно высокія горы Олимпъ; мы издали видѣли какъ онъ шёл непрерывною лосой сверкая на солнцѣ цвѣтами всѣхъ оттѣнковъ, отъ живого-палаваго до темно-фіолетоваго. Въ сильный бинокль можно было отащить кой-гдѣ деревья. Два ларусныя судна прошли наискось отъ насъ, направляясь къ этому острову. Онъ назывался прежде Лесбось, теперь же получилъ имя отъ своего главнаго города Митилена, основаннаго въ древности Эолянами. Здѣсь жилъ Алкей, и знаменитая поэтесса Сафо отъ безнадѣжной любви къ Фаону бросилась въ море съ высокой скалы.

Уже къ вечеру показался островъ Хіосъ, одна изъ прежнихъ Іонійскихъ колоній. По величинѣ онъ принадлежитъ къ самымъ выдающимся островамъ Архипелага. Верхушка его высокой горы Еліо въ 4.000 фут. уже закуталась туманомъ когда мы проходили мимо. Противъ него лежитъ небольшой островокъ Псара. Хіосъ славился въ древности своимъ драгоценнымъ виномъ и мастикой, небольшое количество которыхъ, хотя и самаго плохаго качества, до сихъ поръ ежегодно привозится въ Одессу гдѣ и раскупается мѣстными Греками, большими любителями его. Въ древности жители Хіоса горячо хотя и невѣрно приписывали своему острову мѣсто рожденія Гомера. Ночь застала насъ еще около Хіоса. Съ другой стороны показался облитый луннымъ свѣтомъ островъ Накирія, и вдали вырисовывались туманныя очертанія острова Патмоса, знаменитаго пребываніемъ на немъ Іоанна Богослова. Потомъ, какъ двѣ корзинки съ зеленью, показались Леро и Калимво. Поднялся небольшой вѣтеръ, и волны разбиваясь у ихъ береговъ засверкали въ лучахъ мѣсяца серебристою змбью. Несмотря на то что было уже очень поздно, я дождался все-таки острова Коса, который для меня какъ для врача былъ священенъ тѣмъ что на немъ нѣкогда находилась храмъ врачу-богу Эскулапу и родилась первый, исторически знаменитый врачъ Гиллократь. Но родина великаго учителя лежала вдали сѣвратою массою, и я съ трудомъ могъ замѣтить ее въ темнотѣ ночи. На слѣдующій день опять потянулась прежняя картина. Въ 9

часовъ утра, лишь только я вышелъ на палубу, въ глаза мнѣ бросилась цѣлая группа островковъ: Незиро, Пископи, Карки, Мадонна... Наконецъ, въ полдень мы подошли къ послѣднему и самому большому изъ острововъ Архипелага, Родосу. Бѣ сожалѣнью, мы проходили довольно далеко отъ него, и въ бинокль я видѣлъ только туманныя очертанія какого-то большого города съ гаванью, на двухъ прибрежныхъ утесахъ которой стояло вѣкогда одно изъ чудесъ свѣта знаменитый колоссъ родосскій. Городъ основанъ выходцами изъ Пелопонесса. Историческая жизнь Родоса восходитъ очень далеко; онъ процвѣталъ еще во время Троянской войны; послѣ Александра Македонскаго, Родосъ приобрѣлъ выдающееся значеніе и сдѣлался Вемейей Архипелага. Противъ Родоса расположенъ маленькій островокъ Скарпанто; обогнувъ этотъ островокъ, замѣчательный тѣмъ что вѣкогда на немъ жилъ Протей, старый пастухъ Нелтуна, мы оставили совсѣмъ Архипелагъ и очутились въ Средиземномъ Морѣ.

Острова исчезли и опять, какъ въ Черномъ Морѣ, насъ окружала одна безграничная водная ширь. Поднялся вѣтерокъ, мы поставили ларуса и бѣжали по 11 сапшкомъ узловъ въ часъ. Опять закувыркались дельфины по бортамъ корабля, появились летучія рыбки, маленькія, вершка въ полтора или два длины. Слугнутыя быстрымъ бѣгомъ судна, онѣ, массами, въ вѣсколько сотъ штукъ, подымались надъ водой, и пролетѣвъ вѣсколько десятковъ саженъ стремительно исчезали въ волнахъ; на солнцѣ онѣ отапливали чистѣйшимъ серебромъ. Вотъ параллель Дамаска, скоро параллель Іерусалима; мы все неслись впередъ подъ свѣтлымъ небомъ и солнцемъ юга. Сумерки спустились на окрестность; наступила ночь, теплая, страстная, южная ночь. Обильная роса покрыла палубу и борта корабля. Къ ночи вѣтеръ засвѣжѣлъ; ларуса убрали и шли только на паряхъ. На другой день поднялось волненіе, началась качка, но маленькая, слабая; впрочемъ, мы уже прошли почти все Средиземное Море и рассчитывали къ ночи попасть въ Портъ-Саидъ. Съ 8 часовъ вечера нашъ штурманъ, добрейшій М—въ уже не сходилъ съ мостика и напряженно всматривался въ даль; онъ высматривалъ маякъ, который скоро долженъ былъ показаться. Но маяка не было; послали матроса на гротъ-мачту, смотрѣть въ свою очередь. Наконецъ, въ 9 часовъ вечера показалась свѣтящаяся точка; она то появлялась, то

снова исчезала, по мѣрѣ того какъ нашъ пароходъ лодымался и опускался на волнахъ. За нею сѣрѣло что-то безформенное; это была земля Фараоновъ, свѣтящаяся точка была дивно жданный намъ маякъ Даміетты. Мы повернули больше къ востоку и ровно въ полночь увидѣли другой маякъ, Портъ-Саидскій. Мнѣ наскучило ждать еще два часа пока мы пройдемъ послѣднія 15—20 миль, я и пошелъ спать, о чемъ послѣ долго жалѣлъ, такъ какъ лишень былъ удовольствія видѣть брекватеръ Портъ-Саида, одно изъ замѣчательныхъ инженерныхъ сооруженій нашего времени.

II.

Новая и оригинальная картина представилась мнѣ когда на другой день утромъ я вышелъ на палубу. Мы стояли недалеко отъ берега. На обширномъ рейдѣ видѣлось нѣсколько судовъ, около нихъ вилась лодки съ черными и коричневыми людьми и слышались разнообразные голоса на какихъ-то невѣдомыхъ нарѣчіяхъ. Двѣ тяжелыя барки съ углемъ подплаывали къ нашему пароходу. Прямо противъ насъ видѣлся городъ съ красивыми большими бѣлыми домами. Съ другой стороны за моломъ видѣлось Средиземное Море на которомъ бѣшено качалось нѣсколько судовъ; мачты этихъ судовъ описывали почти полный полукругъ. За ночь разыгралась буря и эти суда не успѣли войти. Въ бинокль мы видѣли какъ волны яростно билась во плиты мола,—большія массы изъ леску и извести, скрѣпленныя гидравлическимъ цементомъ. Съ другой стороны отъ насъ шелъ низкій, ровный песчаный берегъ; онъ совершенно незамѣтно поднимался изъ воды и мелкій бѣлый песокъ блестѣлъ подъ лучами солнца.

Мы были въ Египтѣ, въ Портъ-Саидѣ, небольшомъ городѣ возникшемъ десять лѣтъ тому назадъ среди лесковъ пустыни, на сѣверной оконечности Суэзскаго канала.

Исторія возникновенія Портъ-Саида есть въ то же время исторія торжества человѣческаго ума надъ грубыми силами природы. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ никто бы не рѣшился утверждать что здѣсь будетъ городъ. Безотрадное зрѣлище представляла эта мѣстность. Безлюдная, лишенная всякой растительности лесчаная коса выдавалась изъ моря, человѣкъ былъ на ней рѣдкій гость, и только вольный

пустынный вѣтеръ гулялъ по ней на свободѣ, подымая тучи песку, да въ глухіе зимніе мѣсяцы бѣшеные валы Средиземнаго Моря заливали одинокій берегъ. Вся эта коса нѣкогда образовалась изъ намывныхъ песковъ моря да дельты рѣки Нила, и по жидкому илистому грунту озера Мемзала, лежащаго тотчасъ за косою, гуляли лишь цалли и дикіе красные гуси, единственные живые существа обитавшіе здѣсь. Но Пелузійскій заливъ Средиземнаго Моря здѣсь всего ближе подходитъ къ Красному Морю и человѣческой геній давно обратилъ вниманіе на это мѣсто. Еще въ глубокой древности были попытки соединить эти два моря; за 2615 лѣтъ до Р. Х. египетскій фараонъ Нехао велѣлъ рыть большой каналъ; работы продолжались при Даріи и оковченъ при Птоломеехъ. Затѣмъ каналъ былъ возобновленъ Траяномъ и исправленъ по повелѣнію Омара, а въ половинѣ VIII вѣка окончательно заваленъ калифомъ Альманзоромъ. Но описываемая нами мѣстность постоянно оставалась въ сторонѣ отъ этихъ каналовъ и всѣ они соединяли одинъ изъ рукавовъ Нила (Пелузійскій) съ Героополитскимъ заливомъ. Всѣ эти каналы исчезли безслѣдно и засыпаны песками, да и самый Героополитскій заливъ Краснаго Моря высохъ съ тѣхъ поръ и обратилась въ вышшія Горькія озера. Много вѣковъ прошло, а мертвая пустыня попрежнему оставалась необитаема, и только въ половинѣ вышшаго столѣтія Мужель и Ливанъ-бей представили проектъ по которому предлагали, оставляя въ сторонѣ всѣ притоки Нила, провести прямой каналъ между Суэзскимъ заливомъ Краснаго Моря и Пелузійскимъ заливомъ Средиземнаго. Инженеръ, Французъ Лессельсъ, взялся исполнить это гигантское предпріятіе, и на сѣверной оконечности канала, тамъ гдѣ Пелузійскій заливъ имѣетъ достаточную для стоянки судовъ глубину всего ближе къ берегу, гдѣ въ море вдается узкая и плоская песчаная коса, намѣчено было мѣсто одной изъ будущихъ мировыхъ столицъ. Закипѣла работа. Пустынный берегъ оживился; явились люди; цалли и другія птицы потревоженныя въ своемъ удивленіи испуганно улетѣли прочь. Дома сначала строились на сваяхъ, такъ какъ морскія волны заливали берегъ; мѣстность постепенно возвышалась. Для защиты гавани отъ обмелѣнія построили двѣ громады дамбы или мола какъ двѣ гигантскія руки онѣ выдвинулись впередъ въ открытое море на 6.000 ярдовъ и представляютъ собою самыя

громадныя сооружеія въ этомъ родѣ въ цѣломъ свѣтѣ; я очень жалѣю что не видалъ ихъ вчера, когда мы входили въ Портъ-Саидъ. Онѣ состоятъ изъ песчаныхъ глыбъ, вѣсомъ въ 1.200 пудовъ каждая. Эти глыбы такъ хорошо скрѣплены водоупорнымъ цементомъ что противятся, всякимъ бурямъ. При построеніи города много страдали отъ недостатка воды; ни одного колодца не оказалось въ сыпучихъ пескахъ его окрестностей; но люди не унывали; воду возили на верблюдахъ и лодкахъ изъ Даміэтты, а теперь ее въ изобиліи доставляетъ громадная ларовая водокачка изъ города Измаиліи. Жидкій иластый грунтъ мѣшала работать; его укрѣпили плотинами. Наконецъ вѣтеръ занесъ пескомъ расчищаемый путь; тогда человѣкъ обвелъ каналъ двумя рядами насыпей и пески лустыни отступили.

Такъ возикъ Портъ-Саидъ. Теперь онъ представляетъ лучшую гавань на всемъ южномъ побережьи Средиземнаго Моря, лучше даже Александрійской, лежащей на 150 миль западнѣе. На его рейдѣ можно встрѣтить суда всѣхъ націй, а по его улицамъ расхаживаютъ люди со всѣхъ странъ свѣта.

Въ настоящее время Портъ-Саидъ имѣетъ отъ 10—15 тысячъ жителей и представляетъ собою довольно красивый городокъ, вытянутый вдоль берега. Улицы прямыя, широкія, сплошь покрытыя пескомъ, что придаетъ особенный оригинальный эффектъ виду. Въ центрѣ города находится широкая площадь Лесселса, на которой съ большимъ трудомъ разведенъ маленькій садикъ. Портъ-Саидъ важенъ какъ станція для всѣхъ кораблей идущихъ въ Индійскій Океанъ, которые и запасаются здѣсь углемъ на весь путь по Черному Моря до Аденъ или до Сингапура.

Самый разнохарактерный сбродъ всевозможныхъ искателей приключеній привлеченныхъ жадой наживы составляетъ народонаселеніе Портъ-Саида. Всѣ національности населяющія берега Средиземнаго Моря и сосѣднія страны Азіи и Африки выслали сюда своихъ представителей. Греки, Турки, Итальянцы, Французы, вездѣсущіе Англичане наполняютъ городъ. Негры, Нубійцы встрѣчаются также часто какъ Арабы и Бедуны. Здѣсь можно видѣть всевозможные костюмы, начиная отъ сшитаго по послѣдней модѣ изящнаго фрака Француза до длиннаго бурнуса и бѣлой простыни Бедуина; цвѣтъ кожи также разнообразенъ какъ и платье, и рядомъ съ бѣлымъ лицомъ Европейца вы видите корич-

неваго Малайца или чернаго Негра. Рестораны наполнены женщинами слетѣвшимися сюда со всѣхъ концовъ Европы, женщинами которыя ищутъ только золота и золота, и охотно отдаютъ требуемую за него плату. Въ большихъ ресторанахъ, Grand Casino, Eldorado, царятъ рулетки, находяція себѣ жертвъ преимущественно среди пріѣзжихъ моряковъ. Портъ-Саудъ въ этомъ отношеніи Монако Европы. Въ городѣ можно достать все необходимое; мы безъ труда запаслись различными лѣтними костюмами для предстоящаго путешествія въ тропики. Особенно заботилъ насъ головной уборъ; нѣкоторые изъ насъ купили шляпы solas изъ соломы, большинство же приобрѣло такъ-называемые шлемы. Это большая шляпа конической формы сдѣланная изъ пробки и съ двойными стѣнками. Несмотря на свою массивность и неуклюжесть она отлично защищаетъ отъ жары и по моему мнѣнію незамѣнима никакою другою. Полпрошайство и навязчивость сильно развиты въ Портъ-Саудѣ, и какой-то мальчуганъ, къ бѣглому и быстрому арабскому разговору примѣшивавшій нѣсколько безплодно искверкаемыхъ французскихъ словъ, не отставалъ отъ насъ до тѣхъ поръ пока мы не поручили ему нести свои покупки.

Въ первую весеннюю пору жары были уже довольно чувствительны въ Портъ-Саудѣ, особенно для меня, только мѣсяцъ тому назадъ оставившаго свѣжые сугробы Москвы. Хороша ночь въ Портъ-Саудѣ, но и самая ночь не даетъ прохлады; жаркій воздухъ стоитъ недвижно надъ городомъ утомляя и разслабляя человѣка; только пока обмахиваешься вѣеромъ и чувствуешь облегченіе. Такіе круглые вѣера изъ пальмовыхъ листьевъ здѣсь у всѣхъ въ рукахъ. Рестораны и дома стояли раскрытые настежь, и сквозь растворенныя окна и двери лились яркія полосы свѣта на песчаныя улицы.

На другой день, 13 апрѣля, было Вербное Воскресенье. Тамъ, на родинѣ, въ далекой и холодной Россіи, въ это время только-что начинаютъ распускаться вербы, а здѣсь мы уже любовались прелестными фигами и миртами, которыя въ изобиліи доставилъ въ этотъ день на пароходъ русскій консуль. Наши счета съ Портъ-Саудомъ были уже всѣ кончены. Мы нагрузились углемъ, взяли лоцмана Англачавина, заплатили всѣ нужныя пошлины, и въ 9 часовъ утра вступили въ Суэзскій каналъ.

Суэзскій каналъ, соединившій въ настоящее время моря Красное и Средиземное и сдѣлавшій островъ изъ Африки, начатъ въ 1854 году и открытъ для плаванія 16 ноября 1869 года. Онъ имѣетъ сто шестьдесятъ верстъ въ длину и пролегаетъ въ прямомъ направленіи между Пелузійскимъ и Суэзскимъ заливами. Это направленіе выбрано было потому что, волевыхъ, оно кратчайшее, а вовторыхъ, потому что здѣсь почва представляетъ четыре естественныя углубленія отъ небольшихъ внутреннихъ бассейновъ или озеръ: Менаалъ, Белло, Тимза и Горькихъ озеръ. Всѣ эти озера или мелководны или совсѣмъ высыхаютъ и раздѣлены песчаными пространствами и невысокими каменными порогами. Такимъ образомъ, эта мѣстность представляла въ сравненіи съ прочими наиболѣе удобствъ для проведенія канала. Но какъ всѣ великія предпріятія нашего времени, такъ и это не обошлось безъ значительныхъ затрудненій; самый проектъ встрѣтилъ многочисленныхъ и могущественныхъ противниковъ, во главѣ которыхъ стала Англія. Хотя въ настоящее время никто не имѣетъ столько выгодъ отъ канала какъ Англія, для которой онъ открылъ новый путь въ Индію, но еще очень недавно и англійское общество, и англійская печать горячо протестовали противъ „безумнаго“, по ихъ мнѣнію, проекта, который никогда не могъ осуществиться и только долженъ былъ окончателно разорить бѣдное туземное населеніе, принужденное безплатно исполнять самыя тяжелыя работы. Стивенсонъ даже прямо отрицалъ всякую возможность прорытія Суэзскаго перешейка. Но въ настоящее время дѣло изъ области предположеній перешло въ дѣйствительность, по каналу уже въ теченіе одиннадцати лѣтъ проходятъ тысячи судовъ, и великій строитель его, ободренный удачей, готовъ теперь приступить, если вѣрить газетнымъ слухамъ, къ осуществленію другаго, еще болѣе гигантскаго предпріятія — къ прорытію Панамайскаго перешейка. Противники проекта указывали преимущественно на трудность исполненія, на случіе страшныя пески въ южной части канала, на каменныя пороги, изъ которыхъ съ однимъ, Сералеумомъ, дѣйствительно пришлось серьезно считаться, на намывной грунтъ и жидкій илъ озера Менаалъ; говорили что въ силу всѣхъ этихъ условій каналъ никогда не будетъ въ состояніи сохранить свою профиль, что его придется постоянно расчищать и углублять,

и по всему вѣроятію совершенно бесполезно; говорили что выйдя изъ канала придется плыть бурнымъ и грознымъ Краснымъ Моремъ, по которому лаваніе парусныхъ судовъ совсѣмъ невозможно, да и для паровыхъ представляетъ не мало опасностей. Выставляли на видъ даже разницу уровня морей Краснаго и Средиземнаго, основываясь на наблюденіяхъ (какъ доказано въ настоящее время, неточныхъ) комиссіи посланной съ этою цѣлью Наполеономъ I въ 1798 году. Но большинство этихъ прелатствій было устраниено. Въ настоящее время каналъ имѣеть 300 футовъ ширины на верхнемъ уровнѣ водъ (не вездѣ), отъ 25 до 30 футовъ глубины и 70 футовъ ширины по дну. Движеніе обыкновенно производится въ одну дувію и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ берегѣ устроены небольшіе бассейны, какъ бы выемки, для прохода встрѣчныхъ судовъ. Суда идущія изъ Краснаго Моря имѣють беспрелатственный проходъ, а суда идущія изъ Средиземнаго Моря при встрѣчѣ съ ними должны становиться, по телеграфному сигналу, въ эти бассейны, и ждать до тѣхъ поръ пока олятъ телеграфъ, который проведетъ по всему протяженію канала, не дастъ знать что путь свободенъ. Ночью совсѣмъ запрещено ходить по каналу, а днемъ дозволено только очень медленное движеніе, никакъ не болѣе восьми миль въ часъ чтобы не мутить воду.

Какъ извѣстно, въ Средиземномъ Морѣ нѣтъ почти совсѣмъ прилива и отлива, между тѣмъ какъ въ Красномъ Морѣ, составляющемъ прямое продолженіе Индійскаго Океана, высота приливной волны достигаетъ до 2 — 3 футовъ, а иногда и больше. Такъ какъ въ каналѣ не существуетъ ни плотинъ, ни шлюзовъ, то морскія волны свободно входятъ въ него, производя теченіе, впрочемъ не особенно сильное и лодъ конецъ совершенно исчезающее въ его озерахъ. Отъ Средиземнаго Моря каналъ идетъ двадцать пять миль безплодною песчанною степью. Палуба нашего парохода высоко подымалась надъ поверхностью воды и низкія насыпи окаймляющія берегъ не скрывали изъ глазъ пустыню. По обѣ стороны, такъ далеко какъ могъ окинуть глазъ, разстилася песокъ, ослѣдительно блестящій лодъ яркими лучами солнца. Кой-гдѣ еще неудегшія со вчерашняго дня вѣтеръ подымалъ его дачными сѣрыми полосами и крутилъ въ воздухѣ. Портъ-Саидъ не скрывался изъ глазъ, напротивъ, вслѣдствіе обыкновеннаго явленія жаркихъ странъ, миража, ошъ

какъ будто подыался выше и сталъ надъ горизонтомъ. Показалось даже Средиземное Море, и мы видѣли цѣлые ряды волвъ съ бѣловатыми верхушками, быстро бѣжавшія по горизонту какъ облака по небу. Вода въ каналѣ, желтоватаго цвѣта, была совершенно локойна и только сзади гналась за пароходомъ вытѣсняемая имъ волна. Берега кое-гдѣ уже поросли камышемъ и какими-то высокими травами, склонавшися отъ вѣтра.

На разстояніи 25 миль отъ моря каналъ вступаетъ въ большое озеро Мензала; это озеро чрезвычайно мелко, оно обниметъ площадь около 200 квадратныхъ верстъ и имѣетъ всего около $\frac{1}{2}$ —1 аршина глубины. Оно образовалось отъ наносовъ нильскаго пла и составляло нѣкогда часть дельты этой рѣки, а въ настоящее время даетъ убѣжище цаплямъ и другимъ водянымъ и болотнымъ птицамъ, многочисленныя стада которыхъ мы видѣли проходя. Проведеніе канала среди жидкой грязи этого озера встрѣтило препятствія почти непреодолимыя для самыхъ лучшихъ инженеровъ, да пожалуй стало бы и совсѣмъ невозможнымъ еслибы подъ слоемъ пла и грязи не оказался пластъ непроницаемой для воды глины. Изъ этой-то глины и устроили берегъ въ видѣ двухъ рядовъ плотинъ, возвышающихся на нѣсколько футовъ надъ поверхностью воды; но и теперь приходится часто расчищать каналъ, и на якоряхъ близъ береговъ намъ попадались нѣсколько разъ колоссальныя землечерпательныя машины. Мы шли озеромъ около 10 миль, и потомъ каналъ опять пошелъ песчаную степью на 19 миль, до втораго озера Тимзѣ. Впрочемъ въ этотъ день мы не дошли до этого озера. Однажды намъ пришлось подождать лока мимо насъ медленно прошло какое-то судно; оно очевидно потерлѣло крушеніе въ Красномъ Морѣ; мачты были поломаны, труба погнута и правый бортъ низко наклонился надъ водой. Берегъ почти повсемѣстно заросъ травой и волна бѣжавшая за нашимъ пароходомъ съ шумомъ заплывала ее. Въ 8 часовъ вечера мы остановились на ночлегъ. Приставая мы услышали какое-то подозрительное сотрясеніе; нашъ пароходъ коснулся дна Суэскаго канала. Чрезвычайно трудно управлять рулемъ при медленномъ ходѣ судна; представляя большую поверхность вѣтру оно легко отклоняется въ ту или другую сторону и притягивается къ берегу, гдѣ легко можетъ стать на мель, такъ какъ у береговъ канала глубина значительно меньше

чѣмъ на среднѣхъ. Недалеко отъ насъ, на азіатскомъ берегу видѣлось какое-то зданіе, и почти всѣ служащіе, за исключеніемъ вахтенныхъ офицеровъ, отправились туда. Лоцманъ передалъ намъ что тутъ живетъ старый Французъ, бывшій поваръ Лесселса, которому за долголѣтнюю службу дали участокъ на берегу канала; тутъ онъ доживаетъ свой вѣкъ съ Итальянкою женой, которая изъ части жилища сдѣлала подобіе какой-то trattoria для проезжающихъ. Быстро на шестивесельномъ яликѣ поплыли мы по каналу, въ спокойныя воды котораго смотрѣлась одинокая, пошедшая уже на ущербъ луна. Вдали темною массой стоялъ нашъ пароходъ и кругомъ разстилалась лугуна. По лѣвую сторону поднималось нѣсколько песчаныхъ холмовъ и на одномъ изъ нихъ около дома высилась группа какихъ-то высокихъ деревьевъ похожихъ на пальмы, хорошенько нельзя ихъ было рассмотреть при слабомъ лунномъ освѣщеніи. Въ поздній ночной часъ, среди сыпучихъ песковъ, на рубежѣ Аравіи и Египта и на границѣ Азіи и Африки, невольно твердилъ я про себя стихи поэта:

Въ песчаныхъ степяхъ Аравійской земли
Три гордыя пальмы высоко росли...

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ я никакъ бы не могъ вообразить что мнѣ придется вспоминать ихъ въ такой реальной обстановкѣ.

Хозяева приняли насъ очень любезно, показали намъ домъ, садъ, который съ большимъ трудомъ удалось имъ разбить около дома; самъ хозяинъ провожалъ насъ съ большимъ фонаремъ, и при этомъ странномъ освѣщеніи мы любовались прекрасными тропическими цвѣтами. Посидѣвъ на верандѣ и выпивъ какого-то кислаго вина которымъ насъ угостили, мы отправились смотрѣть караванъ расположившійся по близости. Это былъ караванъ Бедуиновъ отправлявшихся на Синай цѣловать сѣдъ ноги Магомета. Мы взяли по колѣно въ сыпучемъ пескѣ и съ трудомъ подвигались впередъ. Вотъ наконецъ показалось нѣсколько десятковъ верблюдовъ стоявшихъ или лежавшихъ въ различныхъ позахъ; недалеко у догоравшаго костра расположились и люди. Начальникъ каравана высокій сѣдой старикъ съ симпатичными чертами лица, одѣтый въ какую-то бѣлую простыню и съ бѣлою же чаемой на головѣ, пригласилъ насъ сѣсть.

Бедуины раздвинулись и нашъ капитанъ, побывавшій во всѣхъ частяхъ свѣта и сохранившій въ своей памяти не-большой запасъ арабскихъ словъ, вступилъ съ ними въ разговоръ. Мнѣ очень хотѣлось тоже принять въ немъ участіе, но я зналъ по-арабски только одно слово „бисмаллахъ“, во имя Бога, и очень жалѣлъ что съ этимъ благочестивымъ изреченіемъ нельзя долго поддерживать разговоръ. Насъ угостили кофеемъ который тутъ же сварили, но я даже и не помню какой у него былъ вкусъ, такъ мое вниманіе было поглощено окружающею картиной: я смотрѣлъ на красивыя правильныя лица Арабовъ и слушалъ мягкій гортанный выговоръ этихъ номадовъ лустыни. Окрестность спала; вездѣ, насколько позволяла видѣть темнота, разстлался песокъ. На невысокомъ холмикѣ я нашелъ много раковинъ совершенно схожихъ съ тѣми которыя два года тому назадъ находилъ я около Аральскаго моря. Это мѣсто тоже вѣкогда было морскимъ дномъ. Вся громадная полоса песковъ, начинающаяся подъ названіемъ Гоби въ китайскихъ предѣлахъ недалеко отъ Великаго Океана, простирающаяся черезъ Туркестанъ и Среднюю Азію въ Аравію, оттуда примыкающая къ Ливійской лустынѣ и доходящая въ видѣ Сахары до Атлантическаго Океана была вѣкогда покрыта водой; а теперь волны этого прежняго моря можетъ-быть покрываютъ исчезнувшую Атлантиду.

На обратномъ пути матросы заплѣли, но русская лѣсня не шла къ окружающей природѣ и воображеніе въ этой обстановкѣ скорѣе представляло себѣ древнихъ халдейскихъ мудрецовъ, благоговѣнно наблюдавшихъ теченіе звѣздъ въ торжественной тишинѣ прекрасной южной ночи....

На другой день мы вошли въ озеро Тимзѣ (Крокодиловое). Это озеро имѣетъ шесть миль въ длину и представляетъ круглый бассейнъ достаточно глубокій для прохода самыхъ большихъ судовъ; этотъ бассейнъ прежде былъ совершенно сухъ, но по прорытіи канала воды Чермнаго Моря влили въ него до 80 милліоновъ кубическихъ метровъ воды. У западной его оконечности лежитъ городъ Измавіа, названный такъ въ честь бывшаго въ то время вице-короля египетскаго. Мыплыли отъ города довольно далеко и только видѣли большія кулы деревьевъ поднимавшихся въ разныхъ мѣстахъ. За озеромъ Тимзѣ каналъ вступаетъ въ участокъ сылучихъ песковъ въ восемь миль длиною. Берега крайне пологонны и одно-

образы, и только въ концѣ участка каналъ перестѣкается въ косвенномъ направленіи каменистымъ краемъ. Этотъ край, который называется Серапеумъ, тельеръ достаточно срытъ, но ко дну открытія канала здѣсь было только 18 футовъ глубины, такъ что много судовъ садилось на мель. За Серапеумомъ каналъ вступаетъ въ Горькія озера. Горькихъ озеръ два: большое и малое, они соединены узкою ложбиной и имѣютъ въ длину 21 милю и около того же въ ширину. Прежде это былъ совершенно высохшій бассейнъ, покрытый толстымъ пластомъ морской соли, и есть много данныхъ предполагать что еще во время древнихъ Египтявъ онъ составлялъ прямое продолженіе Краснаго Моря. Красное Море вошло въ него 1.700 милліоновъ кубическихъ метровъ воды, изъ которыхъ до 300 пошло на раствореніе соли и испареніе. Вода этого озера очень горькая, что и обусловило данное ему названіе. Путь проложенъ по серединѣ между рядами маковъ и вѣхъ, берега видѣются только издали и съ обѣихъ сторонъ рисуются туманныя очертанія двухъ горныхъ хребтовъ, Джебель Джевефъ и Джебель Аттака.

Отъ Горькихъ озеръ всего 16 миля до Суэза, но такъ какъ мы шли очень тихо, то и вторая ночь застала насъ еще въ каналѣ. Въ этотъ вечеръ пассажиры предприняли экскурсію на африканскій берегъ, но скоро вернулись назадъ оттого что имъ надобно бродить въ сылучихъ пескахъ безлюдной пустыни. Рано утромъ на другой день мы вошли въ рейдъ Суэза. Суэзъ расположенъ около хребта Джебель-Аттака, который въ этомъ мѣстѣ подходитъ близко къ морю. На высокой скалѣ выстроено укрѣпленіе командующее надъ городомъ; на рейдѣ стояло нѣсколько судовъ, между прочимъ, два большіе египетскіе корабли подъ флагомъ полумѣсяца и звѣзды. Мы не останавливались въ Суэзѣ и только сдѣли на подошедшую лодку лодмана. Суэзскій заливъ разстилался предъ глазами, а за нимъ насъ ждало грозное своею извѣстностью Красное Море. По обѣимъ сторонамъ Суэзскаго залива стояли горы. Онѣ были до половины засыпаны пескомъ; песокъ покрывалъ ущелья и склоны и блестящею желтою полосой отдѣлялся на общемъ сѣромъ фонѣ. Странное впечатлѣніе производили эти полузасыпанныя пескомъ горы. На жидья, ни растительности не было замѣтно на нихъ, и пустыня, мертвая, безотрадная пустыня лежала за ними. На лѣвой сторонѣ залива, въ туманной дали, выступаетъ какимъ-

то однимъ конусомъ гора Синай; мнѣ ее увидала къ вечеру; вершина ея была закутана облаками; она имѣетъ 8.600 футовъ высоты, стоитъ посреда пустыни и отдѣляется отъ моря широкою цѣпью песчаныхъ холмовъ. Для христіанъ она важна потому что здѣсь Богъ вручилъ Моисею скрижали Завета, но не менѣе она важна и для магометанъ, такъ какъ по ихъ мнѣнію Магометъ постылся здѣсь сорокъ дней и они цѣлуютъ на ней отпечатокъ его нога. Тотчасъ по выходѣ изъ Суэза вѣрно высится купа лаавъ, приклонившихъ къ утесу; подъ ихъ тѣнью выкопанъ большой колодець. Это источникъ Моисея и здѣсь по библейскому преданію онъ извелъ воду изъ скалы, ударивъ въ нее посохомъ. До сихъ поръ здѣсь часто останавливаются караваны. Вечеромъ песчаная гора приняла великолѣпныя очертанія и мы долго любовались ими пока наступающая ночь не покрыла ихъ тмой. День здѣсь значительно короче, такъ какъ мы уже далеко подвинулись къ югу. Цѣлый день шли мы Суэзскимъ залливомъ, и на другой день 16 апрѣля рано утромъ вышли въ Красное Море.

Красное Море лежитъ между 30° и 12° сѣверной широты и имѣетъ въ длину 1.400 миль (2.500 верстъ) отъ Суэза до Адена. Изъ всего морей земнаго шара оно самое неудобное и опасное для плаванія. При такой длинѣ оно сравнительно не широко и имѣетъ всего 200 миль въ самомъ широкомъ мѣстѣ; такъ что въ ясную погоду часто виденъ одинъ изъ его береговъ. Фарватеръ въ немъ довольно узокъ и извилистъ и приближается то къ одному то къ другому берегу; неправильными, замѣчательными, довольно сильными теченіями незаметно уклоняютъ пароходъ отъ его пути, такъ что штурманъ во все время почти не имѣетъ отдыха. Подъ водой множество шхеръ и коралловыхъ рифовъ, и бѣда неосторожному кораблю который наткнется на нихъ; острые углы коралловъ проткнутъ его желѣзную обшивку такъ легко какъ вилка протыкаетъ кусокъ шерега. Парусное судоходство совершенно невозможно въ Красномъ Морѣ и это было однимъ изъ главныхъ возраженій противъ Суэзкаго канала; впрочемъ съ развитіемъ паровыхъ судовъ это возраженіе утратило свое значеніе. Но дѣло въ томъ что и пароходы во время плаванія по этому морю подвергаются серьезнымъ опасностямъ, берега по всему протяженію отъ Суэза до Бабельмадеба усыпаны обломками погибшихъ судовъ. Бабельмадебскій проливъ, которымъ

оканчивается Красное Море, въ переводѣ значитъ проливъ слезъ; такъ называли его Арабы. Они такъ боятся этого моря что всякій разъ возвращаясь изъ плаванія считаютъ своею обязанностію привести благодарственное молебствіе Аллаху. Не одни Арабы боятся его. Еще въ древности Страбонъ и греческіе и римскіе историки отзывались о немъ очень не хорошо. Зимой въ этомъ морѣ ревутъ бури, лѣтомъ во время переменъ мусоновъ сюда иногда заходятъ ураганы изъ Индійскаго Океана и тогда кораблямъ нѣтъ спасенія, такъ какъ невозможно бороться съ вращающимся штормомъ въ узкомъ морѣ. Фарватеръ же Краснаго Моря не шире 40 миль, а берега сплошь застроены кораллами. Откуда бы ни плылъ корабль, отъ Суэза или отъ Адена, вѣтеръ ему, какъ утверждаютъ моряки, всегда противный, до самой середины моря, гдѣ на оборотъ нѣтъ вѣтра и царствуетъ мертвый шталь. Лѣтомъ здѣсь невозможно дышать отъ жары, въ этомъ мѣстѣ надо считать настоящей югъ свѣта. Вѣтеръ пролетая надъ раскаденными пустынями Аравіи и Африки, лежащими по обѣимъ сторонамъ моря, приноситъ одинъ жгучій жаръ. Въ среднѣ онъ прямо поднимается вверхъ какъ бы въ громадную воронку и по обоемъ узкимъ выходамъ Краснаго Моря существуютъ сильныя воздушныя теченія, совершенно такъ же какъ въ ущельяхъ горъ, только въ большемъ размѣрѣ. Почему это море названо Краснымъ (Чернымъ) неизвѣстно; оно постоянно какого-то сѣраго цвѣта, такъ какъ ясная погода здѣсь рѣдкость. Берега, когда они видны, представляютъ безплодныя песчаныя пространства или черныя, по большей части вулканическіе утесы. Говорятъ (историки XIV вѣка) что названіе Краснаго дано ему было послѣ перехода Израильтямъ, когда Фараонъ погибъ въ его волнахъ. Въ знакъ этого чуда оно приняло алый цвѣтъ. Впрочемъ, одинъ Французъ утверждаетъ что иногда можно подмѣтить какой-то особенный красный оттѣнокъ въ его волнахъ, а другой пошелъ еще дальше и говоритъ что въ очень хорошую погоду въ прозрачной водѣ видны колеса отъ колесницъ Фараона. Но всего лучше выразился Англичанинъ. По его мнѣнію Красное Море потому называется Краснымъ что оно превосходнаго синяго цвѣта. На всемъ протяженіи 2.500 верстъ ни одна рѣка не впадаетъ въ это пустынное море; дожда тоже почти никогда не бываетъ и вѣчный зной, вѣчное лѣто царствуютъ здѣсь. Вслѣдствіе сильнаго

испаренія и отсутствія притоковъ прѣсной воды. Красное Море самое соленое изъ всѣхъ морей земнаго шара. Соленость здѣсь доходитъ до 41 даже до 43 тысячныхъ, а испареніе такое что Красное Море высохло бы въ шестьдесятъ лѣтъ если бы не вознаграждалось притокомъ воды изъ Индійскаго Океана. Нѣтъ воды, нѣтъ жизни, говоритъ восточная пословица. Берега Краснаго Моря почти повсемѣстно представляютъ безплодную, совершенно мертвую пустыню, лишенную жизни и растительности. Точно какое-то проклятiе тяготѣетъ надъ этимъ мѣстомъ. У него нѣтъ прошедшаго и нѣтъ будущности, такъ какъ физико-географическія условія не позволяютъ развиться здѣсь жизни. Арабы во время религіозной пропаганды въ VII вѣкѣ разрушивъ и основавъ нѣсколько государствъ, только въ своей родинѣ, по всему побережью Краснаго Моря, не могли основать ничего. Путешественники потерпѣвшіе крушеніе въ этомъ морѣ и какимъ-нибудь чудомъ добравшіеся до берега ничего не выигрываютъ. Они или погибаютъ въ большинствѣ случаевъ отъ голода и жажды въ раскаленныхъ пескахъ, или смертельно жаркими лучами солнца, или попадаютъ въ лѣвнѣ къ дикимъ туземнымъ племенамъ не признающимъ никакой власти и живущимъ исключительно разбоемъ.

Въ такомъ миломъ морѣ мы должны были провести пять дней. Но впрочемъ Красное Море какъ будто рѣшилось отказаться отъ своей репутаціи, и погода стояла сначала прекрасная, только легкій вѣтерокъ шелестилъ поверхность воды. Но за то мы невыносимо страдали отъ жары. Ни двойной tentъ, ни всевозможные costumes de fantaisie, въ которые мы облакались, ничто не спасало отъ безлощадныхъ лучей. На другой день, 17 апрѣля, мы перешли тропикъ Рака. Тропики въ Красномъ Морѣ! Въ сѣверныхъ и умѣренныхъ странахъ солнце незаметно; оно радость, утѣшеніе для путешественника, отдаленная идея о Богѣ покровитель. Но здѣсь это небесная кара, и Геродотъ былъ правъ заставляя своихъ эоіоловъ Аравіи проклинать солнце. Весь день температура держалась на 30°, а ночью не спускалась ниже 23. Въ каютѣ невозможно оставаться, такъ раскаливается желѣзная обшивка парохода. Въ машинномъ отдѣленіи жара доходила до 48° и бѣдные кочегары едва могли выдерживать тяжелую четырехчасовую вахту. Обливанія водой не приносили прохлады, а только хуже расслабляли

организмъ. Мимо трубы просто нельзя было проходить. Палубу, борты, все деревянное на кораблѣ нѣсколько разъ въ день окачивали водой, но все-таки ни до чего нельзя было дотронуться; нечаянно приложенная къ чему-нибудь рука краснѣла какъ отъ ожога. У насъ была съ собой машинка для дѣланія льда взятая еще изъ Одессы. Но она, къ сожалѣнію, тотчасъ испортилась и только немного охлаждала воду, да и то послѣ трудной работы насосомъ, которая дѣлалась еще труднѣе при такой температурѣ. Да и опасно было лить холодную воду; можно было схватить воспаленіе. Ничѣмъ нельзя заниматься при подобной жарѣ; бездѣльно бродишь взадъ и впередъ и съ нетерпѣніемъ ждешь ночи чтобы хоть немного освѣжиться. Къ вечеру мы прошли мимо Мекки и ея гавани Джидды, но не видали ихъ, и только въ хорошую подзорную трубу можно было разобрать какое-то бѣлое пятнышко. Вообще берега Краснаго Моря рѣдко показывались на видъ и только иногда тянулись вдали на горизонтѣ въ видѣ сѣровой, однообразной полосы. День сталъ значительно короче, и сумерки наступали быстрѣе. Ночью часто сверкала молнія; тяжелыя тучи покрывали горизонтъ и не приносили ни капли дождя. Вѣтра не было, и наши моряки просто не узнавали Краснаго Моря. Днемъ погода стояла прекрасная; не было и облачка, и раскаленное солнце смотрѣлось въ спина волны. Летучія рыбы массами сопровождали насъ, съ шумомъ поднимаясь изъ-подъ носа парохода; нѣкоторыя падали на палубу. На сафующій день, 18 апрѣля, къ вечеру, я любовался великолѣпнѣйшимъ зрѣищемъ которое къ тому же видѣлъ въ первый разъ. Море свѣтилось. Съ обѣихъ сторонъ разстилались полосы голубаго пламени; струя воды выбрасываемая лоплою падала въ море блестящими искрами. Изъ-подъ кормы гдѣ могучій вихрь волновалъ воду вырывались цѣлыя массы свѣта, и бѣлый свѣтлый свѣдъ далеко видѣлся за нами. Волны набѣгая на корабль разбивались фосфорическими блесками. Мудрено описывать эту картину, эту темную ночь и быстрый бѣгъ корабля среди свѣтащагося моря. Не надо видѣть самому чтобы имѣть о ней понятіе. Съ тѣхъ поръ мы каждый день въ теченіе цѣлаго мѣсяца сашкомъ до самой Японіи любовались этимъ зрѣищемъ. Одну ночь оно было сильнѣе, другую слабѣе, что зависѣло отъ состоянія моря. Взмолванное море свѣтится сильнѣе. Это свѣщеніе зависитъ отъ миллионъ разнообраз-

ныхъ инфузорій, отъ безчисленныхъ количествъ живыхъ организмовъ кишящихъ въ водѣ. Они обладаютъ особеннымъ свойствомъ при каждомъ вѣншемъ раздраженіи, при волненіи, при сталкивающихся волнахъ, обнаруживать электрическое напряженіе, выражающееся отблещеніемъ свѣтящейся жидкости. Этотъ свѣтъ въ водѣ очень похожъ на тотъ который произведетъ бы масса фосфорныхъ спичекъ если ихъ тереть въ темнотѣ. Особенно эффектно выходитъ если станешь обливаться ночью или опустить руку въ морскую воду и вода скатывается съ нея серебряными искрами. Небо было ясное въ этотъ вечеръ, тучъ не было, и прогуливаясь взадъ и впередъ по пароходу я вдругъ увидѣлъ въ правой сторонѣ на высотѣ около 10° надъ горизонтомъ около созвѣздія Центавра и Корабля Арго четыре блестящія звѣздочки. Это былъ Южный Крестъ, прекрасное созвѣздіе, который особенно привлекаетъ къ себѣ моряковъ и невольно вызываетъ въ душѣ какое-то лютическое представленіе. Двѣ звѣзды, при основаніи и высотѣ, первой величины, двѣ другія по бокамъ второй величины, и всѣ вмѣстѣ образуютъ довольно правильный крестъ въ наклонномъ положеніи. Южный Крестъ для южнаго неба то же что Полярная Звѣзда для сѣвернаго. Онъ свѣтитъ какимъ-то особеннымъ пріятнымъ свѣтомъ и каждый вечеръ невольно отыскиваешь его, хотя много звѣздъ гораздо красивѣе его, какъ напримѣръ созвѣздіе Центавра или Ориона. Вообще я ожидалъ большаго отъ тролическихъ звѣздъ; онѣ оказались вовсе не такъ ярки какъ я думалъ, но я утѣшался тѣмъ что мы еще сравнительно не далеко подвинулись на югъ, и надѣялся насмотрѣться на чудеса природы подъ экваторомъ. На другой день, въ Страстную субботу, началась качка. Поднялся вѣтеръ и дулъ съ постоянно усиливающимися порывами. На верхушкахъ волнъ запрыгали бѣлые гребни, и корабль тяжело началъ переваливаться съ боку на бокъ. Красное Море таки рѣшилось не выгнать насъ по добру по здорову. И воиленіе, и противный вѣтеръ сильно задержали насъ, такъ что мы не могли уже попасть на другой день въ Адемъ какъ предполагали. Кромѣ того, пѣмѣчивое теченіе Краснаго Моря отнесло насъ въ сторону, такъ что когда мы проходили мимо вулканическаго острова Сейра, то къ величайшему нашему удивленію онъ оказался не съ правой стороны у насъ какъ слѣдовало по курсу, а съ лѣвой. Впрочемъ, мы довольно благополучно отблещались только этимъ. Къ вечеру качка усилилась; всю нашу прислугу укачало, такъ

какъ качка въ жаръ просто невыносима. Я подвѣя пролежалъ въ своей каютѣ со страшною головою болью и не вышелъ даже въ 12 часовъ ночи въ каютъ-компанію, гдѣ приготовлена была закуска и гдѣ командиръ, прочитавъ краткую молитву, поздравилъ всѣхъ служащихъ съ праздникомъ Пасхи. Я невольно думалъ въ это время что три года тому назадъ я провѣлъ Пасху тоже въ необыкновенной обстановкѣ; тогда я ѣхалъ въ Среднюю Азію и встрѣтилъ ее на пути между городами Джузекомъ и Туркестаномъ, въ отвратительную дождливую погоду, въ глухой степи, покрытой густыми зарослями колючки и саксаула, а вотъ теперь я качаюсь на волнахъ Краснаго Моря. Гдѣ-то я проведу ее еще три года спустя? На другой день погода была еще хуже. На палубу трудно было выйти и почти невозможно оставаться; какой-то хаосъ, волны какъ горы, массы водяныхъ брызгъ и бѣлой пѣны, шумъ сместей, ревъ и свистъ вѣтра... Опять раздались хлопанье дверей и звонъ разбиваемой посуды. Обѣдать мѣльза было даже и съ рѣшетками. Пришлось повелѣніемъ закулориться въ каюту, запереть двери, закрыть палюминаторъ и постараться забыть все окружающее. Я старалась перевестись мысленно назадъ, въ родную Москву, гдѣ въ это время въ воздухѣ стоитъ звонъ всѣхъ сорока сороковъ, а не оглушающій ревъ вѣтра, и гдѣ праздничный людъ спокойно разгавливается въ своихъ домахъ, въ кругу своего семейства, а не принужденъ лежать въ тѣсной каютѣ и упирается во что попало руками и ногами при каждой шальной волнѣ, чтобы не вылетѣть изъ койки. Но Красное Море смиловалось надъ нами; погода начала стихать. Мы прошли мимо Мекки, острововъ Жебеля, и къ вечеру были уже въ Бабельмадебскомъ проливѣ. Въ самомъ узкомъ мѣстѣ этого пролива, гдѣ берега сходятся на разстояніи нѣсколькихъ миль, лежитъ островокъ Перимъ, представляющій простую безплодную скалу. Онъ съ 1857 года принадлежитъ Англичанамъ, которые построили здѣсь сильное укрѣпленіе и благодаря ему господствуютъ теперь надъ Краснымъ Моремъ какъ Средиземнымъ въ Гибралтарѣ. Качка совсѣмъ стихла какъ только вышли мы въ Аденскій заливъ Индійскаго Океана. Отъ Бабельмадебскаго пролива до Адена считается 90 миль; рано утромъ увидѣли мы арабскій берегъ и въ 9 часовъ стояли уже на рейдѣ города Адена.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ИВ. ЗАРУБИНЪ.

ПЕРВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ЭКЗАРХЪ

БЛАЖЕННЫЙ АНТИМЪ

Недавно, во время пребывания въ Болгаріи, судьба свела меня близко съ блаженнымъ Антимомъ, первымъ экзархомъ независимой болгарской церкви. Всякій болѣе или мѣнѣ знакомый съ событіями послѣднихъ лѣтъ на Востокѣ знаетъ какое важное значеніе въ дѣлѣ возрожденія родственной намъ болгарской національности имѣла греко-болгарская распра. Турецкое правительство не преслѣдовало это проявленіе національнаго самосознанія Болгаръ и даже само раздувало вопросъ, улотребляя его какъ орудіе противъ Грековъ и какъ тормазъ возрастающему вліянію и вмѣшательству европейскихъ державъ во внутреннія дѣла имперіи. Такъ многіе приписываютъ изданіе знаменитаго фирмана 28 февраля 1870 года, установившаго болгарскую независимую церковь, тому впечатлѣнію какое произвели на Турецкое правительство критское возстаніе, гдѣ по мнѣнію турецкихъ властей было скомпрометтировано греческое духовенство, сильное распространеніе между Болгарами умія и протестантской пропаганды.

Радостно созналъ себя Болгарскій народъ какъ силу которую не пренебрегаютъ ни Турецкое правительство, ни западные державы, посылающія своихъ миссіонеровъ обращать

народъ въ католичество и протестантство. Вся молодая энергія націи ушла на дѣятельность по церковному вопросу, давшему исходъ и другимъ ея стремленіямъ, и почву для тайныхъ замысловъ и надеждъ. Именно эта эпоха съ ея событіями ярко выступаетъ въ воспроизводимыхъ нами здѣсь разказахъ почтеннаго экзарха, боровшагося въ передовыхъ рядахъ болгарскихъ патріотовъ все время съ момента возвращенія своего изъ Россіи въ 1857 году. Разказы эти замѣчательно безпристрастны. Переживая въ воспоминаніяхъ своихъ минувшія волненія, радости, горе и оласности, экзархъ, передавая намъ свое прошлое, какъ бы забывалъ личное свое участіе въ событіяхъ. Подъ впечатлѣніемъ его разказовъ невольно переносимся мы въ отдавленную эпоху, и предъ нами казалось оживали въ скромной кельѣ старца дѣтели той эпохи. Самъ онъ оживлялся, забывая свою тяжкую болѣзнь; говорилъ громко и горячо, какъ бы обрѣтая вновь могучее краснорѣчіе своей гордой юности, а иногда, склонившись головой, плакалъ при воспоминаніи о пережитыхъ имъ вѣкъ съ родиной страданіяхъ. Съ его позволенія, мы записали эти разказы по возможности въ хронологическомъ порядкѣ, ограничившись лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ краткими комментаріями (тамъ, напримѣръ, гдѣ намъ пришлось по необходимости упоминать о личныхъ качествахъ экзарха, чего онъ всегда избѣгалъ по своей скромности). Проидеть еще нѣсколько лѣтъ и смерть можетъ унести маститаго экзарха; его имя, правда, принадлежитъ уже исторіи, но тѣ кто возьмутся писать его біографію внесутъ въ нее свои личные взгляды и чувства, на которые полагается доля ихъ собственнаго участія въ описываемыхъ событіяхъ, а краснорѣчивыя уста Ангима будутъ уже нѣмы чтобы возстановить истину. Въ этомъ случаѣ настоящіе разказы послужатъ біографу цѣннымъ матеріаломъ.

Наши бесѣды начались съ воспоминаній о томъ времени когда Болгары были подъ сильными вліяніемъ Грековъ, находились даже въ полномъ нравственномъ рабствѣ у нихъ. Это было въ началѣ и среднѣхъ вѣншнанаго столѣтія. Борьба за независимость Греціи успала еще болѣе это вліяніе на нѣкоторое время. Выйдя съ помощію Европы побѣдительницей изъ этой борьбы, Греція съ ея образованіемъ, ея азыкомъ, культурой, духовенствомъ стала еще обаятельнѣе для Болгаръ, приготовленныхъ исто-

рически, въ кама общенія, къ воспріятыю греческаго вліанія. Положеніе дѣла было таково что многіе изъ образованныхъ людей того времени, знакомые съ Востокомъ и интересовавшіеся этимъ вопросомъ, даже многіе изъ дипломатовъ жившихъ въ Константинополѣ, называли Греками безъ различія всѣхъ подданныхъ султана исповѣдывавшихъ православіе, не признавая Болгаръ за отдѣльную народность. Съ другой стороны, Греки, хотя и порабощенные, сумѣли забрать отчасти въ руки своихъ недѣятельныхъ побѣдителей и, ставъ для нихъ необходимыми, приобрѣсти себѣ не мало льготъ. Болгарину не сжѣвшему и вѣломать о старинномъ величіи своего народа выгодно и лестно было называться Грекомъ; для него это имя было синонимомъ образованнаго, вліятельнаго и отчасти (послѣ 21 года) ошоднаго чловѣка.

Богатые Болгаре посылали своихъ дѣтей учиться въ школы Аѳины, Янины и другихъ греческихъ городовъ; самое преподаваніе въ школахъ болгарскихъ городовъ шло на греческомъ языкѣ, считавшемся аристократическимъ; имена и фамиліи избирались греческія; въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ лишь въ глухихъ бакаанскихъ деревняхъ, селахъ и городкахъ богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Эллинизированіе Болгаръ шло такъ усиленно что лучшаго не оставалось желать самому ярому грекофилу. Насколько общи были дѣла, стремленія и симпатіи обоихъ народовъ можно видѣть изъ слѣдующаго ярамѣра: въ началѣ 20хъ годовъ во время возстанія Грековъ многіе изъ Болгаръ участвовали въ немъ; такъ болгарскій чорбаджій (богатый гражданинъ) хаджи Станевъ изъ Адрианополя былъ повѣшенъ вмѣстѣ съ адрианопольскимъ владыкой Кирилломъ; одинъ Терновчанинъ, узнавъ объ избіеніи Грековъ въ Константинополѣ, въ отчаяніи выбросился изъ окошка и убился до смерти, а Дели-Нойге, дѣдъ по женской линіи самого вкзарха, повѣсился отъ ужаса и скорби и т. д.

Турецкое правительство боясь этихъ проявленій симпатіи ко Грекамъ и руководясь дивизомъ divide et impera собрало по приказанію султана Махмуда самыхъ вліятельныхъ и богатыхъ Болгаръ того времени и предложило даровать имъ самостоятельное отъ Грековъ церковное управленіе. Но Болгары отказались, какъ лотому что симпатизировали Грекамъ и считали ихъ дѣла своими дѣломъ, такъ и лотому что изъ-за идеи о вѣрѣ имъ не видно еще было идеи о народно-

сти. Причиной своего отказа Болгары выставили отсутствіе въ ихъ средѣ достойныхъ и достаточно образованныхъ людей для посвященія въ высшія духовныя должности. Этотъ случай значительно объясняетъ поведеніе Турецкаго правительства при возникновеніи церковнаго вопроса въ посаѣдствіи.

Но Греки за симпатію и поддержку Болгаръ не отплатили тѣмъ же. Пользуясь своимъ вліяніемъ на Болгаръ и сильною организациею высшей іерархіи, состоявшей сначала исключительно изъ однихъ Грековъ, они въ своихъ мечтахъ о возобновленіи Византійскій имперіи стали систематически преслѣдовать все болгарское, находя опаснымъ молодой и сильный славянскій элементъ, и въ рвеніи своемъ заходили такъ далеко что часто соединялись съ Турками въ гоненіяхъ на выдающіяся личности Болгаръ и даже на цѣлыя болгарскія общины. Клеветы на Болгаръ, подкупъ мѣстныхъ властей, имѣвшій иногда саѣдствіемъ смерть, ссылки или разореніе многихъ изъ лучшихъ Болгаръ, лахицизмъ, взяточничество, презрѣніе и гоненіе роднаго языка и обычаевъ, вотъ что нанли Болгары въ греческомъ духовенствѣ и что скоро сѣлаало одно имя фанаріота * ненавистнымъ для уха каждаго сознававшего себя Славяниномъ. Болгары ждали отъ Грековъ и образованія, и помощи, и даже освобожденія, и вдругъ увидали что гнетъ тяготѣвшій надъ ними сталъ двойнымъ: ихъ притѣсняли не одни только Турки, но и единовѣрцы-Греки, ихъ бывшіе духовные пастыри, когда-то вмѣстѣ съ ними страдавшіе. Возникшая отсюда постепенно распря стала сильною и постоянною. Посаѣ войны 29 года, отчасти благодаря личности Венелина, а также другимъ болѣе общимъ причинамъ, среди болгарской молодежи родилось стремленіе учиться въ Россіи. Многие, получивъ начальное воспитаніе въ греческихъ училищахъ, потомъ уходили учиться въ Россію и оттуда возвращались уже проникнутые идеей національности. Самъ экархъ воспитывался въ греческихъ училищахъ, а потомъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Харьковскую семинарію, а посаѣ въ Московскую Духовную Академію, гдѣ и окончилъ курсъ магистромъ. Такимъ образомъ Россія поддерживала въ Болгарахъ пробуждавшееся сознаніе ихъ народности. Не мало помогало дѣлу и то славянское упорство съ какимъ темная народная масса въ теченіе вѣковъ держалась

* Патріархія помѣщалась въ предмѣстьѣ Константинополя Фанаръ.

своего языка и обычаевъ. Когда наступилъ часъ освобожденія, простой народъ въ Болгаріи оказался изумительно сохранившимся, въ особенности если принять въ соображеніе все что онъ перенесъ въ эти пятьсотъ лѣтъ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ наблюдателю кажется что онъ имѣетъ предъ собою народъ который, заснувъ во времена послѣднихъ царей Шишмановъ, спалъ все это время и теперь только очнулся ото сна. Послѣ Крымской кампаніи греческая патріархія въ Константинополѣ стала въ натянутыя отношенія къ русокому посольству; между другими болѣе крупными причинами можно назвать и поведеніе греческаго духовенства въ войну 54 года. Патріархъ Антимъ Кутальянскій написалъ тогда окружный циркуляръ, гдѣ въ самыхъ обидныхъ выраженіяхъ говорилъ о Русскихъ. Это охлажденіе конечно повліяло и на Болгаръ.

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ распря между этими Болгарами и Греками приняла рѣшительный характеръ; болгарскія епархіи требовали громко возвращенія своей прежней автокефальной церкви, т. е. полунезависимой отъ константинопольскаго патріарха, не признавали и не принимали посвященныхъ патріархомъ владыкъ, вводили въ училищахъ болгарскій языкъ, требовали того же для богослуженія и постоянно тревожили Высокую Порту просьбами о скорѣйшемъ рѣшеніи этого вопроса. Дѣло получило еще болѣе острый характеръ отъ вмѣшательства уни или католической пропаганды, появившейся въ 1851 году. Палскій префектъ въ Константинополѣ, лазаристъ Буре, видя какъ разгоралась греко-болгарская распря, счелъ эту минуту удобною для начала пропаганды, а съ другой стороны французскій и австрійскій посланники считали эту пропаганду очень удобнымъ средствомъ для постоянного вмѣшательства во внутреннія дѣла Турецкой имперіи и противовѣсомъ вліянію Россіи на своихъ соплеменниковъ и единоверцевъ. Было составлено цѣлое общество, найдены агенты, въ средствахъ недостатка не было, ибо, какъ увидимъ далѣе, краснорѣчіе миссіонеровъ подкрѣплялось иногда и золотомъ; въ Бебекѣ, предмѣстьѣ Константинополя, открыто было католическое училище для Болгаръ, потомъ въ Салоникахъ и т. д.

Замѣчательно что въ нѣкоторыхъ дѣйствіяхъ униатскихъ пропагандистовъ видна ловкая рука знакомая съ народомъ среди котораго она орудуетъ. Трудно приписать это Буре или другимъ иностранцамъ положительно незнакомымъ съ жизнью, языкомъ и нравами Болгаръ, и мы не ошибемся

если усмотримъ въ этихъ дѣйствіяхъ руку главнаго агента пропаганды Драгана Цанкова, которому и обязана она своими успѣхами. Энергичной душой этого человека казалось медленнымъ ходъ событій исторіи, а можетъ и не вѣрилось ему въ помощь и поддержку Россіи, и онъ всею этою энергіей сталъ стремиться привлечь къ Болгарамъ помощь и симпатію Европы. Но онъ зналъ что малоизвестные Болгары не имѣютъ на собой ничего такого что могло бы сдѣлать ихъ модною игрушкой либеральной Европы. Ему представлялось одно средство привлечь ея вниманіе—религіознаа пропаганда. И въ нѣкоторомъ смыслѣ онъ во многомъ достигъ своей цѣли.

Умамъ тогдашнихъ образованныхъ Болгаръ былъ данъ сильный толчокъ: на страницахъ газетъ патриоты стали гораздо ратовать за свою національную церковь, въ то же время не оставляя борьбы и съ Греками; всѣ дѣятели настоящихъ дней независимаго Болгарскаго княжества, за малыми исключеніями, приобрѣли извѣстность именно въ то время. Вниманіе Европы и особенно Россіи было привлечено, греческой патріархіи нанесенъ славный ударъ; силамъ патріархіи принужденной бороться и съ унией, и протестантскою пропагандой, и Болгарами раздѣлались и ослабѣвали, тѣмъ болѣе что за унией стояло вліяніе западной Европы, а за Болгарами была Россія. Турецкое правительство почти якровителствовало этимъ раздорамъ не предвидя того результата къ которому они приведутъ. Впрочемъ уніатская пропаганда, кромѣ Цанкова, не привлекала къ себѣ почти никого изъ способныхъ людей между Болгарами; въ рядахъ ея новообращенной паствы видна необъяснимая смѣсь личностей ничего общаго между собою не имѣющихъ. Импульсы руководившіе этою паствой въ большинствѣ случаевъ не имѣли ничего общаго съ идеей пропаганды, не исключавшей изъ числа своихъ средствъ самаго наглаго обмана. Органомъ уніи была газета *Болгарія*, редакторомъ которой былъ Цанковъ, а сотрудниками иезуиты-лазаристы. Патріархія громилла ее на страницахъ *Цариградскаго Вѣстника*, редакторомъ котораго былъ ексзархъ Александръ Икономовъ, Славѣйковъ, Бурмовъ Симеонъ (теперешній митрополитъ Преславскій) и другіе писали въ *Книжницахъ* и другихъ болгарскихъ газетахъ.

Но не будемъ описывать событій съ которыми читатели лучше всего ознакомятся изъ записанныхъ нами разказовъ самого ексзарха Автима.

М.

I.

Московскій митрополитъ Филаретъ, любившій бесѣдовать рукоположеннымъ имъ въ іеромонаха Антимомъ о дѣлахъ Восточной Церкви, выразился однажды такъ: „Пршалазъ ко мнѣ вліянію Грековъ въ церковномъ вопросѣ; ихъ духовенство необразовано, горделиво и наклонно къ аѳонитству; его вліяніе будетъ теперь замѣнено вліяніемъ Европы, то-есть католическаго духовенства: оно образовано, хитро, богато денежными средствами и обладаетъ тактомъ, да кромѣ того будетъ пользоваться покровительствомъ иностранныхъ пословъ. Но жалъ что Греческая Церковь не хочетъ примириться со славянскими народами и дать имъ ихъ языкъ въ богослуженіи“.

Это было сказано въ 1856 году. Въ слѣдующемъ году Антимъ вернулся въ Константинополь. Ему часто припадетъ вломинать слова своего мудраго наставника, запавшія глубоко въ его душу.

По возвращеніи своемъ на родину Антимъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ исполнялъ должность іеромонаха при русскомъ посольствѣ, гдѣ, какъ русскаго воспитанника и человека выдающагося способностей, его цѣнили и усиленно рекомендовали патріархіи. Въ этомъ же году онъ былъ назначенъ профессоромъ церковной исторіи и русскаго языка въ Халкійскую семинарію.

Здѣсь между учениками находились: теперешній епископъ Руссукскій Григорій и Преславскій Симеонъ и Марко Балабановъ (первый министръ иностранныхъ дѣлъ Болгарскаго княжества). Въ этомъ молодомъ обществѣ людей недюжинныхъ способностей, жила идея о національной борьбѣ на почвѣ церковнаго вопроса; въ послѣдствіи въ этомъ кружкѣ писались горячія статьи противъ униі, въ чемъ особенно отличался Симеонъ.

Въ 1860 году, въ ноябрѣ мѣсяцѣ къ ректору семинаріи пришло письмо изъ патріархіи, которымъ Антимъ, въ то время уже архимандритъ, вызываемъ былъ въ Константинополь.

Въ этотъ годъ на патріаршіи престолъ вступилъ хитрый и умный Іоакимъ, упорный эллицистъ, но человекъ съ тактомъ. Когда Антимъ явился къ нему, то онъ спросилъ: „хо-

дѣшь ли ты часто въ русское посольство“ и на отвѣтъ его „хожу изрѣдка“, сказалъ: „поди туда теперь, услышишь что тебѣ скажутъ.“ Удивленный Антимъ отправился въ посольство и вдругъ тамъ его радостно поздравляютъ съ посвященіемъ въ преславскіе митрополиты. Извѣстіе это не порадовало Антима, скорѣе даже испугало его: дѣла тогда дошли до полнаго разрыва между Болгарами и ихъ духовенствомъ; паства не признавала своихъ пастырей, улобно отказывалась платити цмъ содержаніе, громко требовала реформы и національнаго духовенства. Патріархія, уже посватившая въ самъ владыкъ (митрополитовъ или архіеревъ) нѣсколькихъ природныхъ Болгаръ, этимъ только доказала свою слабость, дѣла же не поправила, потому что народъ не хотѣлъ и этихъ владыкъ какъ признававшихъ надъ собою официально власть греческаго патріарха.

Начавшаяся въ то время пропаганда католиковъ, пользовавшаяся поддержкой иностражныхъ пословъ, еще болѣе запутывала дѣло. Въ такое смутное время принять столь высокій постъ казалось опаснымъ архимандриту Антиму, дорожившему также и своею популярностью между соотечественниками и репутаціей борца за народное дѣло. Вернувшись въ патріархію онъ наотрѣвъ отказался отъ посвященія, высказавъ прямо патріарху причины отказа и прибавивъ: „пока не разрешится церковный вопросъ для Болгаръ, не могу принять этого сана“.

Послѣ этого разговора онъ возвратился въ Халки, но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ слѣдующемъ 61 году, ректоръ семинаріи Константинъ Тилальдосъ (ставропольскій архіерей), призвалъ его олатъ къ себѣ, и отвесясь къ нему съ необычными прежде уваженіемъ и почтеніемъ передалъ ему приглашеніе патріархіи явиться вновь въ Константинополь. Смущенный и встревоженный вернулся Антимъ къ себѣ и въ ту ночь привидѣлся ему сонъ оставшійся навсегда въ его памяти: увидалъ онъ живо и ярко своего учителя и покровителя митрополита московскаго Филарета надѣвающего ему на руки серебряныя гривны.

По приходѣ Антима къ патріарху, этотъ послѣдній ласково принялъ его и объявилъ о своемъ рѣшеніи; на отказъ же принять посвященіе разгнѣвалась и, маломысль въ ему что такова воля Святой Церкви, погрозилъ заточеніемъ. Кончилось тѣмъ что, склонившись на просьбы Антима, патріархъ далъ ему двѣ недѣли срока на размышленіе.

Антимъ пошелъ совѣтоваться съ главами болгарской партіи въ Константинополь. То были братья Толчалешти, Чумаковъ, Гешевъ, Узунъ, Золотовичъ, докторъ Струнскій, Иларіонъ владыко Макаріопольскій и др., тогда уже почти явные враги патріархіи. Они посовѣтовали Антиму принять санъ владыки, но въ епархію свою не ѣздить.

Слѣдуя этому совѣту онъ и поставилъ это условіемъ своего согласія патріарху. Іоакимъ, видя его упорство, старался подѣйствовать на него лаской, обѣщая достать отъ Турецкаго правительства рекомендацiонныя письма ко вліятельнымъ лицамъ преславской епархіи, имѣвшимъ возможность умиротворить народъ и уговорить его. принять новаго владыку. Но Антимъ не поколебался и возразилъ: „апостолы шли проповѣдывать слово Божіе безъ рекомендацiонныхъ писемъ“. Тогда патріархъ видя что Антима не уговорить посвятить его во владыки, обѣщая не отсылать въ епархію, а оставить его синодальнымъ членомъ при патріархіи.

Кстати будетъ упомянуть здѣсь что вновь посвященный владыка преславскій обладалъ даромъ обаятельнаго краснорѣчія. Владѣя въ совершенствѣ ново-греческимъ языкомъ, онъ часто произносилъ въ патріаршей церкви проповѣди, производившія, по словамъ очевидцевъ, потрясающее впечатлѣніе; въ видѣ онъ часто въ аллегорической формѣ нападалъ на злоупотребленія греческой церкви и ея пастырей, такъ-что слышавшіе ихъ владыки и священники, хорошо угадывая иногда тайный смыслъ его словъ, не могли удержаться отъ выраженій восторга вызываемаго его краснорѣчіемъ. Въ греческихъ газетахъ того времени его приравнивали къ знаменитостямъ древняго мира и называли новымъ Іоанномъ Златоустомъ.

Слуга нѣсколько мѣсяцевъ послѣ посвященія, патріархъ, забывъ свой уговоръ и желая удалить этого способнаго человека и скомпрометтировать его предъ его соотечественниками, сталъ посылать Антима въ его епархію. Въ это время члены Синода были очень недовольны патріархомъ, Греки-владыки сердились на то что ихъ часто перемѣщали съ мѣста на мѣсто и иногда даже обсчитывали и притѣсняли въ дѣлахъ денежныхъ и т. д., а Болгары-владыки твердо вѣрили что покуда будетъ на патріаршемъ престолѣ узорный и умный Іоакимъ, имъ не добиться разрѣшенія церковнаго вопроса. Соединившись написали они Высокой Портѣ жалобу на своего повелителя. Порта назначила комиссію для разслѣ-

дованія дѣла изъ трехъ членовъ: бывшаго патріарха Григорія, ректора Халкійской семинаріи Тилаалдоса и чиновника Турецкаго правительства. Результатомъ разслѣдованія комиссіи было оправданіе патріарха и ссылаки пяти изъ тринадцати подясавшихся людей жалобой владыкъ (трехъ Грековъ и двухъ Болгаръ). Но къ Преславскому владыкѣ отнеслись снисходительно, какъ потому что его жалоба на патріарха, не хотѣвшаго соблюсти условіе заключенное при его посвященіи, имѣла основаніе, такъ и потому что Тилаалдосъ, ректоръ Халкійской семинаріи, былъ хорошо расположенъ къ Антиму. Въ 1862 году не только въ Синодѣ, но и въ Великую Порту поступило множество жалобъ на Визійскаго архіерея (окрѣо Ахлоса въ Адрианопольскомъ санѣжакѣ) отъ пашевы повидимому вышедшей изъ терпѣнія. Патріархъ послалъ Антима произвести ревизію, позволивъ ему кстати посѣтить и родную его Дозень-Градъ, гдѣ онъ не былъ уже 12 лѣтъ. Неопытный въ подобныя дѣла Антимъ взялъ съ собою помощникомъ архимандрита Софронія (теперешняго митрополита Никейскаго) и отправился въ путь. Предъ отъѣздомъ его старшій епископъ Синода владыко Иракійскій Панаретъ, въ разговорѣ съ Антимомъ, зная что тотъ ѣдетъ ревизоромъ въ Визію, сказалъ ему: „страдаетъ братъ Матвей за правду.“ Архіерей Матвей былъ воспитанникъ Иракійскаго владыки и находился подъ его особымъ покровительствомъ. „Но на него есть жалобы подписанныя сотнями именъ,“ возразилъ Антимъ, „пусть лучше одинъ пострадаетъ, а не многіе“.

— Будь остороженъ, шепталъ Антиму, отвѣда въ сторону, Филиполпольскій владыко Панаретъ (Болгаринъ),—Иракійскій владыко силеиъ и можетъ тебѣ повредить.—Нѣтъ, отвѣчалъ Антимъ, я не боюсь, правду и все разслѣдую по совѣсти“.

Визійская епархія имѣла до 38 оеазъ, изъ которыхъ 20 было греческихъ, а остальные болгарскія, и 3 паланки или мѣстечка. Ничтожное населеніе этой епархіи не превышавшее 4—5 тысячъ тягалъ (вѣнчалъ)*, должно было содержать архіерея и его домъ и платить ему до 3.000 серебряныхъ рублей. Владыко визійскій Матвей обвинялся во многихъ злоупотребленіяхъ, изъ которыхъ наиболѣе характерными были

* Вѣнчалъ по-болгарски значитъ тягло, мужъ и жена.

что онъ позволялъ двумъ роднымъ братьямъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, что крестилъ и вѣнчалъ однихъ и тѣхъ же людей по два раза, и что за сто головокъ луку отлучилъ отъ церкви одного крестьянина. Кроме того, онъ обвинялся въ лъавствѣ и разныхъ безобразіяхъ. Свѣдѣніе разъяснило эти оригинальные факты которыми характеризуются отношенія греческаго духовенства къ Болгарамъ. Позволеніе двумъ братьямъ жениться на двухъ сестрахъ было имъ дано на томъ основаніи что они Цыгане и по просьбѣ турецкаго бей хорошо угощавшаго владыку. Въ селѣ Садыкіой (250 болгарскихъ домовъ), въ жестоко холодную и несчастную зиму, почетнѣйшіе жители деревни уговорили священника обвинять три свадьбы безъ письменнаго позволенія владыки, которое обѣщали выхлопотать послѣ, когда погода и горныя дороги будутъ благопріятныя для путешествія въ Визію. Пріѣхавъ дѣломъ въ это село, и узнавъ объ этомъ происшествіи, Матеей очень разсердился и потребовалъ чтобы неповинныхъ молодыхъ отыскали въ полѣ, привели и снова обвиняли, несмотря на то что одна изъ женщинъ была уже беременна. Въ селѣ Макріоды (близъ Мидіи) владыка, недовольный тѣмъ что налогъ; платившійся ему священниками („эмватикіо“) въ размѣрѣ 10 турецкихъ лиръ въ годъ съ каждаго (около 80 русск. кредит. руб.), поступаетъ медленно и неаккуратно, объявилъ что всѣ священники не внесшіе налога къ 15 августа лишатся права священнодѣйствовать.

Священникъ въ Макріодахъ не успѣлъ ввести эту подать ко дню Св. Успенія, а въ двадцатыхъ числахъ августа, какъ нарочно, родилось много дѣтей, и родители уговорили его окрестить ихъ. Узнавъ это, владыка призвалъ священника къ себѣ въ Визію и разразился цѣлою бурей брани и проклятій неприличныхъ его саму, чему были свидѣтелями отецъ икономъ (благочинный) и мѣстный чорбаджій Тодораки. Затѣмъ владыка послалъ священника вновь окрестить всѣхъ этихъ дѣтей.

Дѣло объ отлученіи за сто головокъ луку происходило такъ: недалеко отъ Мидіи, въ скалѣ, находилась древній монастырь; его возобновили, и владыка отправилъ туда одного монаха игуменомъ на постоянное жительство. Такъ какъ мѣсто тамъ было очень глухое и дикое, то изъ епископскаго дома игумену присылали и хлѣбъ, и другую пищу. Однажды, въ

рыночный день, купленный по приказанію владыки для игумена Лукъ было поручено доставить по назначенію одному селянину, жившему недалеко отъ монастыря. Возвращаясь домой во время сильной грозы чрезъ бурную горную рѣчку, крестьянинъ чуть не погибъ самъ: у него вода свела съ телеги его сына, мальчика лѣтъ семи, который и утомулъ, и свела все остальное находившееся въ телегѣ. Пріѣхавъ скоро послѣ того въ монастырь владыка спрашиваетъ игумена получилъ ли онъ Лукъ, и на отрицательный отвѣтъ вскинулъ гнѣвомъ. Виновный крестьянинъ былъ отысканъ и, несмотря на его разказъ о трагической смерти его ребенка и его собственной осласности, былъ отлученъ отъ церкви собственноручнымъ письмомъ владыки за его подписью и печатью.

Многочисленные свидѣтели подтвердили на слѣдствіи всѣ эти факты, и Антиму даже удалось достать письмо съ отлученіемъ, но безъ вѣдома Матеея. Когда протоколы были составлены и прочитаны, то онъ сталъ клятвенно увѣрять что обвинеіе въ отлученіи ложно, и въ этомъ смыслѣ и подписался въ протоколъ. Тогда Преславскій владыка показалъ ему его собственноручное письмо съ отлученіемъ и Матеей увидалъ что его дѣло проиграно.

Когда во время слѣдствія коммиссія находилась въ селеніи Малый Самоковъ (выходцы изъ Великаго Самокова), то туда прибыла депутація изъ мѣстечка Малое Терново, гдѣ въ то время усиленно пропагандировалась униа. Во главѣ депутаціи находился мѣстный чорбаджій хаджи Едро; онъ со слезами умолялъ Антима пріѣхать къ нимъ, посмотреть что у нихъ дѣлается и поговорить съ народомъ. Но Преславскій владыка отвѣчалъ что безъ позволенія патріарха не можетъ ѣхать къ нимъ, какъ ни прискорбно ему слышать объ услѣхахъ униа, и въ то же время обѣщавъ похлопотать объ этомъ позволеніи по пріѣздѣ въ Константинополь.

Осподъ отвесся недовѣрчиво къ результатамъ слѣдствія произведеннаго Антимомъ, но привезенные имъ документы и краснорѣчивое описаніе всѣхъ видѣнныхъ имъ злоупотребленій убѣдили упрямыхъ архіереевъ и они смѣнили Матеея.

II.

Около этого же времени адрианопольскій владыка Кириллъ писалъ многократно патріарху о сильномъ распространеніи уніи въ мѣстечкѣ Маломъ Терновѣ и просилъ прислать для борьбы съ ней Преславскаго митрополита Антима, который, по его мнѣнію, какъ Болгаринъ и человекъ извѣстный своимъ краснорѣчіемъ, могъ бы наиболѣе удачно вести ее. Патріархъ согласился и приказалъ Антиму не медля отправиться по назначенію. На Страстной недѣлѣ, въ бурную погоду, на простой рыбацкой лодкѣ онъ переправился моремъ до Мидіи и оттуда проѣхалъ въ Малое Терново, куда прибылъ на третій день праздника.

Унія распространилась въ Терновѣ при сѣдующихъ обстоятельствахъ.

Терново и окрестныя села имѣли съ давнихъ поръ правительственный подрядъ возить уголь въ рудники Малаго Самокова, гдѣ производилась казенная работа. За каждую оку (3 фута) угля они получали 5 паръ (1 коп.), но крестьяне по безграмотности своей уполномочивали для расчета съ правительственнымъ чиновникомъ своихъ чорбаджіевъ, т. е. болѣе богатыхъ членовъ общины, которые мало-по-малу забрали все дѣло въ свои руки; они сдѣлали изъ крестьянъ своихъ батраковъ и стали ихъ немилосердно обштывать и притѣснять. Въ это самое время въ Терновѣ проживалъ одинъ молодой человекъ по имени Тодоръ изъ Пирота; онъ былъ церковный пѣвецъ и исамощикъ, даже проловѣдникъ, вообще человекъ слособный, какъ говорится, „натертый“. Ему удалось сдѣлаться женихомъ дочери одного изъ крутѣйшихъ мѣстныхъ чорбаджіевъ. Неизвѣстно почему эта свадьба разстроилась. Тогда оскорбленный Тодоръ поклялся отомстить всемъ аристократамъ мѣстечка. Онъ соединился съ недовольнымъ народомъ и сталъ его ходатаемъ, сочинялъ пресѣбы и носилъ ихъ властямъ, хлопоталъ и разжигалъ ненависть къ притѣснителямъ. Чорбаджіи въ свою очередь добились изгнанія Тодора на его родину городъ Пиротъ. Терноване подали прошеніе въ Константинополь. Тутъ представители ихъ встрѣтились съ Цанковымъ, въ то время ревностнымъ пропагандистомъ уніи. Разпросивъ

ихъ и узнавъ въ чемъ дѣло, онъ разказалъ имъ въ краснофичивыхъ выраженіяхъ сколько выгодъ будутъ они имѣть если перейдутъ въ католичество, какъ приобретутъ покровительство иностранныхъ пословъ, какъ избавятся отъ притѣсненія чорбаджіевъ, получать всякія льготы отъ правительства, будутъ вмѣсто жаднаго и корыстолюбиваго греческаго духовенства имѣть своихъ священниковъ и митрополитовъ, церковная служба будетъ совершаться на родномъ ихъ языкѣ. Услышавъ изъ устъ Болгарина же эти блестящія обѣщанія, изъ которыхъ возможность избавиться отъ чорбаджіевъ мироѣдовъ казалась имъ самою желанною, бѣдные темные Терновчане сдались и подписали за себя и своихъ довѣрителей (которые въ большинствѣ были безграмотны) прошеніе о принятіи ихъ въ унию. Въ Терново явились униатскіе болгарскіе полпы, Александръ и Константинъ Вакаидовъ съ турецкими залгѣями и стали собирать подписи, какъ выражался народъ, „лодь палу“. Кто этотъ таинственный „пала“ и что это за католическая вѣра, народъ не имѣлъ и приблизительнаго понятія, а помнилъ лишь крѣпко что съ помощью этого палы и иностранныхъ пословъ будутъ наказаны притѣснявшіе его кулаки. Когда подписи достигли нѣсколькихъ сотъ именъ, то импровизованные католики завладѣли училищемъ и дожидались лишь того чтобы число новообращенныхъ достигло шестисотъ семействъ чтобы захватить въ свои руки и церковь.

Въ это-то время оставшіеся еще вѣрными православію граждане и послали въ Самоковъ депутацію звать къ себѣ Преславскаго владыку. Онъ прибылъ и православные приняли его съ радостью и надеждой, а униаты съ враждебностью. Слава Антима какъ проповѣдника привлекла множество народа въ церковь въ тотъ день когда онъ служилъ. Его проповѣдь была горячая и убѣдительная, выцвѣтавшая изъ глубины наболѣвшаго о распрѣ народнаго сердца. Онъ защищалъ православіе и жестоко нападалъ на палу и его агентовъ. Униатскій священникъ Вакаидовъ бывшій въ церкви не выдержалъ и закричалъ: „онъ васъ обманываетъ, мы съедемъ доброе съмя“. Народъ былъ очень возбужденъ и произошло волненіе въ церкви, но владыка удержалъ и усложилъ ластву. Самыми ожесточенными униатами въ Терновѣ оказались Георгій Пашмановъ, Тодоръ Толалинъ, Иванъ Гравчаровъ, Карадженденъ и другіе. Они сѣдали за всѣми дѣйствіями владыки и вида что его проповѣди въ церкви и бесѣды на

дому производить сильное впечатлѣніе рѣшились убить его. Узнавъ что онъ собирается ѣхать въ сосѣднее село Чихохоръ они послали туда съ однимъ Цыганомъ по имени Желѣзко письмо къ своимъ единомышленникамъ, въ которомъ приказывали имъ подкараулить владыку на рѣкѣ Великой и поковать съ нимъ. Но случай задержалъ его въ этотъ день дома и онъ избавился отъ угрожавшей ему опасности. Въ послѣдствіи когда и Терновчане, и крестьяне въ Чихохорѣ обратились опять въ православіе, дѣло это открылось, и Желѣзко представилъ данное ему письмо.

Въ селеніи Чихохорѣ жители, благодаря убѣжденіямъ Антима, тоже обратились къ православію. Въ бытность его тамъ къ нему пріѣхалъ изъ селенія Плаца тамошній кметъ (сельскій староста) Георгій, одинъ изъ 150 семействъ этого села сохранившій твердо отцовскую вѣру. Онъ просилъ владыку пріѣхать и поговорить съ совратившимися. Въ этой деревнѣ народъ, вслѣдствіе злоупотребленій и притѣсненій мѣстнаго духовенства, былъ сильно озлобленъ противъ греческой іерархіи, и когда владыка проѣзжалъ по улицѣ, то даже женщины не вставали привѣтствовать его. Церковь тамъ была заперта, но узнавъ еще не успѣли прислать своихъ священниковъ. Владыко сопровождаемый архимандритомъ Софроніемъ и лядью другими священниками проѣхалъ прямо къ церкви, отперъ ее и послалъ пригласить жителей прійти въ послѣдній разъ послушать православное богослуженіе и посмотреть на православнаго владыку. Сначала пришло нѣсколько человекъ, потомъ все болѣе и болѣе. Въ своей проповѣди Антимъ такъ трогательно говорилъ о родной православной церкви давшей слушателямъ св. крещеніе и св. миро, о притчѣ евангельской упоминающей о радости ангеловъ при возвращеніи на путь истинны одного грѣшника, что сердца слушателей смягчились.

Прибавимъ что жители села Плаца навѣрно никогда въ своей жизни не видавали такой службы въ церкви и не слышали обращенной къ нимъ на родномъ языкѣ такой проповѣди. Понятно что впечатлѣніе ими вынесенное было очень сильное. Однимъ изъ почтеннѣйшихъ старѣйшихъ села попросилъ благословенія Антима когда тотъ послѣ службы прошелъ въ своемъ блестящемъ архіерейскомъ облаченіи чрезъ все село въ домъ гдѣ ему приготовили квартиру. Туда къ нему пришли и другіе жители, и онъ сталъ разспрашивать что побудило ихъ оставить прародительскую вѣру. Они

ловѣдали ему свое горе и печали. „Владыка насъ отлучаетъ и презираетъ, полъ обманываетъ и обираетъ, паша раздѣваетъ до-нага; Турки бьютъ и притѣсняютъ, помощи мы не видимъ ни откуда, а эти люди (пропагандисты) защищаютъ насъ, обѣщаютъ помощь и покровительство, учатъ насъ добру и читаютъ слово Божіе на родномъ намъ языкѣ.“ Съ болью въ сердцѣ саушала ихъ владыка зная слѣшкомъ хорошо всю правду ихъ словъ. Онъ послалъ за священникомъ наѣзжавшимъ къ нимъ изъ сосѣдняго мѣстечка и установилъ тарифъ, по которому этотъ послѣдній не смѣлъ брать за требы болѣе положенной платы и, насколько услѣвалъ, уговорилъ, ободрилъ бѣдныхъ людей и взялъ съ нихъ слово держаться крѣпко православія.

Два, три мѣсяца проведенные Антимомъ въ Терновѣ были исполнены трудовъ. Но и результатъ былъ блестящій. Изъ 500—600 семействъ принявшихъ унію лишь 35—40 не поддались его убѣжденіямъ, и только потому что получали отъ католическаго общества въ Константинополѣ регулярныя субсидіи. Владыка со своей стороны роздалъ бѣднѣйшимъ жителямъ нѣсколько тысячъ грошей церковныхъ денегъ. Даже нѣкоторые изъ уніатскихъ священниковъ, какъ полъ Каю, Партемію, дяконовъ Антимъ (изъ Селендарскаго монастыря на Аеонѣ) были снова обращены имъ въ православіе, но глава ихъ, Вакладовъ, и еще нѣсколько другихъ упорствовали, и жива въ Терновѣ мѣшала услѣвшему екончанію дѣла. Но вслѣдствіе неожиданнаго событія дѣло приняло иной оборотъ. Противъ дома гдѣ жили пропагандисты находилась лучшая въ мѣстечкѣ чѣшма (фонтанъ) куда приходила за водой женщины и дѣвушки. Пропагандисты стали звать ихъ къ себѣ и обращаться съ ними крайне оскорбительно, что вызвало въ послѣднихъ чувство ненависти. Жена того хаджи Едро который первый просилъ Антима пріѣхать въ Терново, Стана, женщина умная и энергичная, пришла разъ тайно къ Антиму и объявила ему что выговорить уніатскихъ священниковъ изъ Тернова въ первое же воскресенье если только самъ владыка и турецкій мюдиръ (начальникъ округа) уѣдутъ въ тотъ день изъ города. Зная сильный характеръ Станы и вообще предприимчивость терновскихъ женщинъ, савившихся своею красотой, энергіей и набожностью, владыка исполнилъ ея просьбу и въ слѣдующее воскресенье уговорилъ мюдира Гусми-эфенди, относившагося къ нему очень

хорошо, уѣхать по селамъ. Самъ же отправился въ соседнюю деревню Послала, куда его давно приглашали жители. Отслуживъ тутъ литургію съ водосвятиемъ владыка принялъ приглашеніе поселявъ отобѣдать въ мѣстечкѣ называемомъ Дувица, гдѣ по обычаю мѣстному былъ испечены молодой ягненокъ. Но сердце его было неспокойно и мыслами онъ былъ въ Терновѣ. Во время трапезы увидя идущаго по дорогѣ со стороны города Турка онъ не выдержалъ и, позвавъ его, угостилъ и спросилъ, стараясь казаться равнодушнымъ, „что есть и чего вѣтъ въ Терновѣ“ (стереотипная форма выраженія на Востокѣ). Турокъ со смѣхомъ разказалъ что въ Терновѣ произошелъ скандалъ: женщины выгнали уніатскихъ священниковъ. Камень свалился съ сердца владыки, Стана исподвила свое общаніе.

Дѣло же было такъ. Когда по окончаніи службы въ церкви народъ сталъ выходить, то Стана остановила женщинъ выходившихъ послѣдними изъ своего отдѣленія (женская церковь) и сказала имъ краснорѣчивое „слово“ гдѣ описала тяжелое положеніе города и его жителей, рознь и прелитерателство между соседями, друзьями, родственниками, и всю вину этого свалила на пропагандистовъ уніи, которые въ довершеніе всего позволяютъ себѣ еще явно оскорблять женскую честь. Въ рѣчи Станы не былъ забытъ и „безбородый папа“ особенно ненавистный набожнымъ Терновчанкамъ. Женщины воодушевленные словами Станы немедленно послали къ уніатамъ депутацію прося ихъ уѣхать по-добру по-здорову добровольно, но тѣ въ отвѣтъ вздумали налутать женщинъ видомъ заряженныхъ ружей и отказались исполнить ихъ желаніе. Тогда разъяренная толпа какъ буря налетѣла на занимаемый уніатами домъ, выломала двери, вытащила половъ и ихъ имущество, нагроузила его на телегу и вывезла съ лѣсками за городъ. Тамъ встрѣтивъ чыхъ-то воловъ женщины впрягли ихъ въ телегу и выпроводили уніатовъ далѣе, ругаясь и кидая имъ вслѣдъ камнями. Мушкетеры въ этотъ день даже не выходили изъ своихъ домовъ. Уніаты пришли лѣшкомъ въ Адрианополь и обратились съ жалобой къ турецкимъ властямъ и съ просьбой о'помощи къ иностраннымъ консуламъ. Всего боѣе хлопоталъ Ваклюдовъ, онъ увѣрялъ что толпа отняла у нихъ большую сумму денегъ и требовалъ ихъ возвращенія. Консулы хлопотали у паши, но этотъ послѣдній хотя и назначилъ комиссію для разслѣдованія дѣла,

однако предоставлялъ рѣшающій голосъ въ ней Преславскому владыкѣ. Въ это время Болгары Адрианопольскаго санджака были настолько взволнованы церковнымъ вопросомъ что турецкія власти опасались какъ бы они, основываясь на извѣстномъ параграфѣ Парижскаго трактата, не потребовали цѣлкомъ позволенія переселиться въ Россію, а въ расчеты Турецкаго правительства это не входило, такъ какъ оно всегда цѣнило мирныхъ и трудолюбивыхъ Болгаръ. Эти соображенія и страхъ предъ установившимся внимательствомъ иностранныхъ пословъ и консуловъ по дѣлу униі заставили Турокъ глядѣть на успѣхи послѣдней не безъ опасенія и сдѣлали ихъ очень снисходительными въ Терновскомъ дѣлѣ, которое и было замято.

III.

Помощникомъ Преславскаго владыки въ Маломъ Терновѣ былъ архимандритъ Пахомій, человекъ до того оригинальный что о немъ стоить упомянуть здѣсь. Родомъ изъ Семаіева, способный и краснорѣчивый, онъ настолько приобрѣлъ довѣріе своихъ согражданъ что они послали его въ Константинополь по дѣлу о церковной распрѣ, но скоро, убѣдившись въ его двуличіи, изгнали его. Онъ убѣжалъ въ патриархію гдѣ сумѣлъ подождать къ греческимъ іерархамъ и былъ посланъ съ Преславскимъ владыкой въ Терново. Тамъ, живя въ домѣ у одного гражданина бывшего прежде эпитроломъ (церковнымъ старостой), онъ увидалъ у него серебряныя лавикадла, за которыя деньги еще не были уплачены церковью, и потому хранившіяся у эпитрола. Тогда онъ уговорилъ хозяина отдать ихъ ему для передачи въ Рыльскій монастырь, но вмѣсто этого утаилъ ихъ и растопилъ на куски серебра. Когда это случайно открылось, онъ чтобы спастись отъ судебного преслѣдованія перешелъ въ унию. Но дѣло было слишкомъ скандально, его возбудили снова и отдали Пахомія подъ судъ. Отвѣчая на вопросъ, онъ оговорилъ нѣкоторыхъ гражданъ Тернова въ томъ что они брали у него деньги, и тѣхъ въ свою очередь затворили въ тюрьму. По ходатайству владыки Автима, ихъ однако освободили, а самого Пахомія отдали на поруки экзарху Александру. Оказавшись большимъ и помѣщеннымъ въ госпиталь, онъ нашелъ случай бѣжать на рускомъ пароходѣ въ Одессу, гдѣ съ успѣхомъ разыгрывалъ роль

гошимаго греческою патріархіей Болгарина-патріота и получалъ субсидіа отъ Болгарской колоніи. Но кто-то догадался написать о немъ Преславскому владыкѣ прося свѣдѣній что это за человекъ и тогда тотъ объяснилъ дѣло. Пахомія изгнали изъ Одессы. По возвращеніи въ Константинополь, онъ подалъ на имя султана прошеніе, въ которомъ высказывалъ свое желаніе лютурчиться. Пока на это прошеніе не былъ еще данъ отвѣтъ, владыка Антимъ душевно скорбѣвшій объ этомъ служителѣ церкви такъ ронявшемъ ея достоинство посѣтилъ его и съ негодованіемъ спросилъ: „Что дѣлаешь безумецъ?“ Пахомій отвѣтилъ ему: „если мнѣ дадутъ 20.000 грошей (1.000 р. сер.) и посвятятъ во владыку, то я останусь вѣрнымъ православною церкви.“ Конечно его мечты не сбылись и онъ сдѣлался Туркомъ и былъ поселенъ въ Лозень-Градъ гдѣ женился на Турчанкѣ, но и оттуда чрезъ нѣсколько лѣтъ тоже былъ изгнанъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда владыка Преславскій былъ уже Болгарскимъ эзархомъ, къ нему привели турецкіе залтіи какого-то торговца изъ Македоніи по имени дѣдо Цвѣтко, прося взять его на лорукѣ и требуя расписки. Всмотрѣвшись въ него эзархъ съ удивленіемъ узналъ Пахомія и конечно отказался взять его на лорукѣ. Турецкое правительство водворило его въ Семлевѣ, его родицѣ, гдѣ онъ не только сталъ посѣщать православную церковь, но даже проповѣдать въ ней проповѣди. Тогда по распоряженію терновскаго митрополита его залерли въ Рыльскомъ монастырѣ. Послѣ освобожденія Болгаріи, онъ снова появился было на свѣтъ, но его помѣстили въ одномъ маленькомъ монастырѣ на границѣ Джумайскаго округа, гдѣ онъ мирно и оканчиваетъ свои дни. Такими-то личностями не брезгали пропагандисты въ своемъ рвеніи къ распространенію уніи.

По окончаніи своего дѣла въ Маломъ Терновѣ, гдѣ онъ пробылъ семь мѣсяцевъ, владыка Антимъ послѣдній разъ совершилъ торжественную службу въ церкви и проповѣдывалъ, уговаривая народъ не слушать пропагандистовъ-свратителей, и даже еслибъ ангелъ сошелъ съ неба и сталъ убѣждать ихъ измѣнить вѣрѣ ихъ предковъ, то быть непоколебимыми.

Возвращаясь въ Константинополь чрезъ Лозень-Градъ, владыка ночевалъ въ селеніи Курія и тамъ наставлялъ народъ, советуя строить училища, достать хорошаго учителя, слушаться его и держаться вѣры своихъ предковъ. Зашелъ

между прочимъ разговоръ о соблюденіи и чествованіи праздниковъ и селяне сказали что у нихъ есть одинъ старый дѣдушка, который твердо знаетъ когда бываютъ какіе праздники и сообщаетъ остальнымъ. Полюбопытствовалъ Автимъ увидать ученаго дѣдушку и его календарь, и оказалось что это былъ совершенно безграмотный старикъ разбиравшій праздники по сдѣланной ему однимъ священникомъ деревянной биркѣ, гдѣ счетъ черточекъ дней начинался съ 1 сентября и гдѣ противъ праздниковъ стояли крестики и кружочки означавшіе ихъ сравнительную важность. Владыка взялъ съ собою оригинальный календарь и когда въ засѣданіи синода объяснялъ причины быстрого распространенія униі, то показывалъ его греческимъ архіереямъ, говоря: вотъ одна изъ этихъ причинъ; и народъ и духовенство погружены въ невѣжество.

Во время этого же путешествія, напоминая Болгарамъ въ тайныхъ бесѣдахъ о томъ что у нихъ когда-то были свои цари и епископы, и книги, и образованіе, онъ услышалъ отъ одного священника Стояна разказъ о томъ какъ его прихожане возобновивъ свою церковь послѣ войны 29 года возли камень со старинныхъ развалинъ, называвшихся въ народѣ „Церковищемъ“, и нашли ящикъ съ книгами и церковною утварью, между прочимъ рукописное Евангеліе на старославянскомъ языкѣ и кадило. Автимъ велѣлъ разыскать рукопись. Это оказался довольно хорошо сохранившійся экземпляръ писанный въ началѣ XV столѣтія; онъ и по сю пору хранится у него какъ блестящее доказательство того что въ ту эпоху богослуженіе совершалось на славянскомъ языкѣ. Другой полкъ Николо разказывалъ какъ его прихожане, поправяя свою церковь въ тридцатыхъ годахъ, нашли много славянскихъ книгъ, но не умѣя читать и зная все-таки что это священныя книги, положили ихъ подъ фундаментъ новой церкви.

По возвращеніи въ Ковстантинополь Автимъ въ объясненіяхъ своихъ синоду сильно упрекалъ преосвященнаго адрианопольскаго Кирилла за его поведеніе въ отношеніи Болгаръ, и именно ему во многомъ приписывалъ успѣхи униі.

Не мало было случаевъ что Кириллъ отказывалъ своей болгарской паствѣ въ дозволеніи совершать богослуженіе на родномъ языкѣ. Въ началѣ столѣтія жители села Копривштицы, разореннаго страшными кирджалиями, бѣжали въ Адрианополь, гдѣ и поселились вмѣстѣ, составивъ цѣлый кварталъ

(махаду). Какъ люди болѣе или менѣе состоятельные, они выстроили себѣ церковь, но какъ воспитаніе ихъ было чисто греческое, то и богослуженіе въ этой церкви совершалось по-гречески. По стараніямъ русскаго консула Стулува въ 59 году, Кириллъ словесно разрѣшилъ чорбаджіямъ-Болгарамъ служить въ этой церкви употребляя ихъ родной языкъ. Но въ то же время онъ тайно научалъ Грековъ, немногихъ прихожанъ этой церкви, воспротивиться этому. Въ тотъ день когда были приготовлены и книги и свѣцы для богослуженія Греки произвели цѣлое возмущеніе и служба не могла состояться. Тогда чорбаджи Иванъ Наиденовъ, Константинъ Курукафа, Райно Пирджула и другіе и самъ консулъ напомнили Кириллу его обѣщаніе и жаловались на Грековъ. Но хитрый владыка, зная что обѣщаніе онъ далъ лишь устно, призвался тѣмъ что не въ силахъ былъ превозмочь волненія между греческимъ населеніемъ. Болгары послали прошеніе патріарху, но оно было возвращено съ грознымъ внушеніемъ что греческая церковь, а следовательно и греческій языкъ суть „господствующіе“, что славословить Бога по-болгарски есть грѣхъ, что никто не смѣетъ „переходить предѣла положеннаго св. отцами“, и что все вышесказанное есть рѣшеніе синода разсматривавшаго просьбу. Почти такой же случай былъ и на родинѣ Антима въ Лозенъ-Градѣ. По пріѣздѣ изъ Россіи Антимъ привезъ въ свою церковь нѣкоторые дары, и вообще способствовалъ развитію національнаго духа между своими соотечественниками. У нихъ въ концѣ пятидесятихъ годовъ явилось сильное желаніе слышать въ своей церкви родной языкъ, тѣмъ болѣе что греческое населеніе было незначительно и церковь могла считаться Болгарскою. Жители подали чрезъ владыку Преславскаго прошеніе въ патріархію, и съ помощью его и болгарскихъ главатарей въ Константинополѣ добились позволенія служить на глѣвомъ каирскѣ по-болгарски. Позволеніе было дано письменно наместникомъ архіерея, который въ то же время старался возбудить негодованіе и злобу Грековъ. Въ первый день Воскресенія Христова, послѣ полученія дозволенія, читали въ церкви евангеліе и апостолъ по-болгарски, но Греки были такъ раздражены что послѣ службы собралась вооруженною толпою и между старѣйшими произошло столкновеніе. Нѣкоторыхъ Болгаръ арестовали, одинъ былъ тайно умерщвленъ, но дѣло тѣмъ и кончилось.

IV.

Вскорѣ послѣ возвращенія Преславскаго владыки изъ Адрианопольской епархіи, именно въ 1862 году, въ декабрѣ, патріархъ отправилъ его произвести ревизію въ епархію Подіанскую Салоникской митрополіи, въ городъ Кукушъ. Обстоятельства вызвавшія эту ревизію были слѣдующія. Въ Кукушѣ былъ учителемъ Димитрій Миладиновъ, одинъ изъ собирателей народныхъ болгарскихъ лѣсенъ; какъ онъ, такъ и мѣстный чорбаджій Хаджи Нако, пропагандировали національную идею между жителями. Владыкой у нихъ былъ Мелетій обвинявшійся во многихъ злоупотребленіяхъ. На него подавали много жалобъ, но салоникскій митрополитъ не обращалъ на нихъ вниманія. Когда же на этотъ постъ былъ назначенъ Неофитъ, владыка Терновскій, то Миладиновъ и хаджи Нако поѣхали въ Константинополь и заставъ еще тамъ новаго митрополита Салоникскаго, покорно молили его назначить къ нимъ владыкой или Партенія (въ послѣдствіи архіепископа Нишавскаго) или Иларіона Макариопольскаго. Партеній, родомъ изъ Дебра въ Македоніи, учился въ Аѳинахъ, потомъ уѣхалъ въ Россію, поступилъ въ Кішиневскую семинарію и оттуда перешелъ въ Московскую академію, гдѣ и кончилъ курсъ. Здѣсь онъ приобрѣлъ знакомства, былъ извѣстенъ всѣмъ славянофиламъ и доставлялъ имъ старинныя рукописи со своей родины. По возвращеніи изъ Россіи онъ основалъ на Аѳонѣ училище, но скоро его закрылъ и былъ затѣмъ назначенъ профессоромъ славянскаго языка въ Хаакійскую семинарію. Во время войны 54 года его удалили по причинѣ его симпатій къ Россіи, и онъ снова поселился на Аѳонѣ. Вернувшись послѣ войны въ Константинополь, онъ замѣнилъ Антима въ должности іеромонаха при русской посольской церкви, а когда устроили Болгарскую церковь въ Фанарѣ, то при ней учредилось училище, ректоромъ котораго онъ и былъ назначенъ. Благодаря его стараніямъ былъ отправленъ учиться въ Россію Константинъ, братъ Димитрія Миладинова, и его-то просили къ себѣ во владыки Кукушане. *

* Любопытно происхожденіе училища въ Кукушѣ. Константинъ Миладиновъ познакомившись въ Россіи съ Александромъ Рачинскимъ разказалъ ему что на его родинѣ въ Кукушѣ есть древнее рукописное Евангеліе принадлежащее одному Турку, предки котораго были христіане, имѣющее цѣлебную силу и равно ува-

На просьбу хаджи Нако и Дмитрія о Партеніи, Неофитъ отвѣчалъ двусмысленно и предложилъ имъ Иларіона Макаріопольскаго. Этотъ послѣдній согласился было, и представителю Кукуша вступили уже въ переговоры съ его зятемъ Костаки, но патріархія требовала съ Иларіона за эту епархію 150.000 грошей, а Иларіонъ зная что жители въ ней бѣдны и деньги эти трудно будетъ собрать не согласился. Замѣтимъ что покупать епархію было обычаемъ въ патріархіи; такъ предшественникъ Антима въ Преславской епархіи заллатилъ за нее 500.000 грошей. Греческіе владыки вообще охотно брали болгарскія епархіи выражаясь при этомъ такъ: „эта епархія залущена, ее надо разработать“. Изъ этого не трудно заключить о ненависти какую патріархія питала къ болгарскому церковному вопросу, грозившему ей лишеніемъ значительныхъ доходовъ. Послѣ отказа Иларіона, Неофитъ не долго думая посвятилъ своего дьякома во владыки и назначилъ его въ Подіанскую епархію. Чувствуя себя глубоко оскорбленнымъ и обманутымъ Нако Ставишевъ, прежде чѣмъ вернуться домой, вошелъ въ сношенія съ Цаковыми и уніатами. По пріѣздѣ въ Кукушъ депутаты объявили народу какъ они были обмануты и предложили принять унію, на что всѣ и согласились. Сейчас же было дано знать въ Салоники лазаристамъ, французскому и австрійскому консуламъ, и главѣ пропагандистовъ Буре. Патріархія услуживая этимъ рѣзкими проявленіями послѣдила попросить Иларіона Макаріопольскаго ѣхать въ Кукушъ и успокоить народъ. Долго не соглашался Иларіонъ, и наконецъ едва-едва далъ свое согласіе. Тогда пригласивъ Преславскаго владыку заставили его написать Кукушанамъ трогательное письмо, уговаривая возвратиться на луть истины. По случайному стеченію обстоятельствъ Иларіонъ и Буре пріѣхали въ Кукушъ въ одинъ день. Послѣдняго встрѣтили очень торжественно, но привезли не въ церковь, а въ школу, гдѣ повѣсили даже портретъ лалы. Нако Ставишевъ, чело-

жаемое и православными и магометанами. Пробравшись какъ путешественникъ въ Кукушъ, Рачинскій прожилъ тамъ мѣсяцъ, досталъ Евангеліе и уѣхалъ обѣщая прислать подарки въ тамошнюю церковь. Государыня Императрица, которой было подарено Евангеліе, назначила ежегодную субсидію во 100 червонцевъ на поддержаніе школы въ Кукушѣ. Такъ какъ Партеній былъ русскій воспитанникъ и покровитель Константинъ Миладиновъ то симпатія къ нему Кукушанъ весьма понятна.

вѣкъ ловкій и хитрый, дѣлавшій все это для того чтобы послугать патріархію, ловко устроивъ Буре отправивъ его назадъ въ Салоники и усложнивъ его множествомъ дестныхъ и бѣстныхъ общаній, а Иларіону объявилъ что если патріархія не пришлетъ имъ Партевіа, то они останутся уніатами. Съ тѣмъ и вернулся Иларіонъ въ Константинополь. Патріархія вида упорство Кукушавъ не нашла иного исхода какъ послать имъ Партевіа. Но этотъ послѣдній, хотя патриотъ и человѣкъ образованный, былъ скорѣе ученый теоретикъ чѣмъ практикъ; онъ былъ недостаточно остороженъ и скрытенъ, а враги угрожали ему со всѣхъ сторонъ. Правда что въ Кукушѣ его встрѣтила съ восхищеніемъ, но греческое духовенство и особенно его ближайшее начальство митрополитъ салоникскій Неофитъ его ненавидѣли и ждали только случая ему повредить. Съ помощью цвтригъ, подкуловъ и ажесвидѣтельствъ имъ удалось обвинить его въ еретичествѣ и другихъ преступленіяхъ. Неофитъ созвалъ мѣстный синодъ въ Салоникахъ на которомъ 7 еписколовъ признали Партевіа виновнымъ и немедленно посадили его въ заключеніе. Но ему удалось убѣжать въ Константинополь на русскомъ пароходѣ и тамъ подъ защитой русскихъ матросовъ онъ явился въ патріархію, что страшно взбѣсило патріарха; бѣдный Партевіа былъ снова залертъ. Филиппопольскій владыкъ Панаветъ заступился за соотечественника, и Партевіа былъ сосланъ на острова, но чрезъ нѣсколько дней возвращень. Патріархъ призвавъ его къ себѣ и требуя объясненій локалъ ему обвинительный актъ, составленный салоникскимъ синодомъ состоявшимъ изъ 13 владыкъ. Въ этомъ актѣ Партевіа обвинялся: 1) что онъ при совершеніи богослуженія не упоминалъ имя салоникскаго митрополита; 2) что угрозами привуждалъ, при богослуженіи же, замѣнять греческій языкъ болгарскимъ; 3) постригъ въ монахи одного жителя чужой епархіи; 4) запрещалъ читать въ Кукушѣ письмо патріарха; 5) угрожалъ что если его епархію не обратятъ въ митрополию, то весь народъ обратится въ унію, и еще во многомъ другомъ. Партевіа защищался и оправдывался какъ могъ. Его апелляціонная просьба константинопольскому синоду— документъ крайне любозытный и характеризующій то время. Это краснорѣчивое оправдательное письмо, агитація болгарскихъ главатарей (Толчилешта, Чумакова и другихъ) и желаніе патріархіи показать что она даетъ правый судъ, сдѣлали то что патріархъ согласился послать преславскаго владыку

разсѣдовать все дѣло на мѣстѣ. Только что вернувшійся изъ Тернова Антимъ, не успѣвшій еще отдохнуть съ дороги, долженъ былъ немедленно собираться въ путь. Товарищами по слѣдствію ему дали Мелетія владыку Сиссониискаго и Неофита Корписа. Отправляя его, патріархъ далъ ему слѣдующія три порученія: разсѣдовать подробно дѣло Партегія, съѣздить въ Воденскую епархію въ Іени-Джевардаръ, гдѣ распространилась унія, и захватить въ Хилвардарскій монастырь на Аеоу, гдѣ оставитъ приваившаго было унію и возвращеннаго на путь истины Антимомъ въ Терновѣ Партегія и сдѣлать внушеніе тамошнему игумену чтобы былъ остороженъ и не посылалъ въ свѣтъ изъ своего монастыря столь ненадежныхъ людей какъ монахъ Партегія. Патріархъ снабдилъ его рекомендательными письмами ко всѣмъ кому слѣдовало, и въ нихъ уломявалъ объ Антимѣ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, говоря что церковь избрала его для сихъ порученій какъ Болгарина и способнаго человека.

Въ октябрѣ 1862 года Антимъ отправился на пароходѣ въ Салоники, гдѣ по прибытіи постигъ тамошняго пашу Гусни, великаго врага Болгаръ и вообще всѣхъ христіанъ. Потомъ отправился въ митрополію гдѣ и пробылъ нѣсколько дней. Здѣсь сойдясь съ Болгарами, онъ разузналъ кто кромѣ митрополита говорятъ Полианскаго владыку и кто подкуленные орудія этой ненависти. Послѣдними оказались: хаджи Григорій Наконъ, Гаскаль (учитель), Константинъ Цицоринъ, временно жившій въ Кукушѣ, и другіе грекоманы и враги Партегія. Изъ Салоникъ Антимъ списался со своими сотоварищами о времени пріѣзда ихъ въ Кукушъ для ревизіи; скажемъ мимоходомъ что сотоварищи Антима были люди простодушные и неопытные въ подобномъ дѣлѣ.

Еще въ Константинополѣ пролагандисты узнали что могучій врагъ ихъ ѣдетъ снова бороться съ ними въ Іени и, давъ знать объ этомъ своимъ товарищамъ въ Салоникахъ, велѣли сдѣлать за всѣми его дѣйствіями. Учитель мѣстнаго католическаго училища, Димитрій Македонскій, родомъ изъ Неврокола, бывшій у нихъ шпіономъ, послѣдилъ ловчаться съ Антимомъ желая что-нибудь выведать, а самъ уже предупредилъ уніатовъ Іени: „ѣдетъ къ вамъ одинъ грекофилъ убѣждать вернуться въ греческую церковь“.

Владыку Преславскій пріѣхалъ въ Іени въ сопровожденіи турецкихъ жандармовъ данныхъ ему для безопасности пашой. По пріѣздѣ онъ разспросилъ какъ произошло обращеніе въ

увию и узналъ сѣдующее. Воденскій владыка Никодимъ нещадно притѣснялъ жителей Тени, онъ насильно заставлялъ ихъ строить церковь стоившую 400.000 грошей и принудилъ нанять двухъ учителей греческаго языка за 15.000 грошей въ годъ, когда они едва могли собрать на это 4.000 грошей живя очень скудно сами. Когда къ концу года они не могли вылатить жалованья учителямъ, то владыка пожаловался папѣ, а этотъ послѣдній велѣлъ разложить недостающую сумму на всѣхъ жителей поголовно и строго ее выискивать.

Помамъ поручили наблюдать за сборомъ денегъ и до окончанія его владыка запретилъ совершать какія-либо требы. Захворала у одного человека по имени Божко дочь, советъ онъ лода почитать надъ ней молитву, тотъ неидеть; советъ пріобщить умирающую—неидеть, советъ лампахицу совершить, отлить и похоронить умершую—неидеть. Пришли жители Тени въ отчаяніе. А тутъ еще владыка строго наказалъ за какіе-то проступки лода-иконома (благочиннаго) Павла; зата же его Георгія, бывшаго пѣвцомъ въ церкви, выгналъ вонъ. Они смесалсь съ уніатами въ Соловкахъ и сказали народу „греческіе владыки притѣсняютъ насъ до отчаянія, болгарская вѣтъ, примемте лучше унію.“

Помаалъ Автимъ какъ не легко тутъ что-нибудь сдѣлать. Но то что онъ увидалъ въ самомъ Воденѣ было еще печальнѣе для сердца болгарскаго патріота. Епархія эта состояла изъ 6.000 вѣнчиль и была цѣликомъ болгарская. Расположенный у великолѣпнаго, исторически знаменитаго водопада Воденъ восхищалъ своею живописностью. Автимъ провелъ тамъ нѣсколько дней, посѣтилъ мѣстныхъ Болгаръ-чорбаджіевъ и былъ пораженъ ихъ грекофильствомъ. Люди очень достаточные, они устроили себѣ гимназію и женское училище, и хотя дома говорили вообще по-болгарски, но преподаваніе въ школахъ шло на греческомъ языкѣ. Посѣтивъ эти послѣднія, владыка сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ ученикамъ и оказалось что въ младшихъ классахъ они учатся читать по-гречески, ни слова не понимая на этомъ языкѣ. Сталъ онъ спрашивать Болгаръ что это значитъ и укорять ихъ, а они возразили ему съ насмѣшкой: не отъ Болгаръ ли ждать намъ проевѣщенія и учителей? Эллада близко, она даетъ намъ все что мы ищемъ, будемъ жить лучше съ Греками. Съ грустью слушалъ ихъ Автимъ, чувствуя себя безсильнымъ поправить дѣло.

Оттуда отправился онъ въ Кукушъ. Полянская епархія имѣла два города: 1) Авротиссаръ по-турецки или Кукушъ

ло-болгарски; а 2) Деріансець при озерѣ того же имени. Въ Кукушѣ грекофиламъ уже захватили въ свои руки и церковь и школу, но все остальное населеніе было на сторонѣ Партенія. Антимъ разспросилъ жителей, и главное, переговорилъ съ Нако Ставишевымъ. Оказалось что прошеніе поданное Полявскою епаркіею съ жалобой на Партенія митрополиту салоникскому, которое и дало поводъ къ суду и къ обвинительному акту съ 22 пунктами, а потомъ и къ обвиненію и заключенію въ тюрьму Партенія, было фабрикаціею самой митрополіи, совершенной съ помощію ладжи Накова и учителя Константина. Но нужно было доказать это на свидѣніи официально. Расположивъ своихъ со товарищей въ пользу Партенія разказами о его хорошихъ качествахъ, Антимъ пригласилъ почтеннѣйшихъ христіанъ присутствовать при свидѣніи. Когда стала спрашивать учителя Константина, онъ отвѣчалъ что прошеніе писано въ Кукушѣ имъ, но оказалось что онъ даже и поманія не имѣлъ о томъ что въ немъ излагалось. Чтобы поправиться, онъ сказалъ: „я не писалъ его, а лишь переписывалъ“.—Откуда же былъ присавецъ оригинала? спросили его. Уже не изъ митрополіи ли? Сильно сконфузился учитель и такъ покраснѣлъ что свидѣтели увидели ясно что фактъ не подлежитъ сомнѣнію. Стали просматривать находившіяся подъ жалобой подписи, спрашиваютъ, „кто это подписался?“ Христіане отвѣчаютъ что врага Партенія, но что кто именно не знаютъ. Оказалось что имена были вымышленныя, но, однако, производившіе свидѣніе владыки этимъ не ограничились и для вѣрности лѣзли по селамъ, названія которыхъ стояли въ жалобѣ, спрашивая вездѣ, правда ли что жители недовольны своимъ владыкой и подписывались на жалобѣ поданной на него митрополіи. Крестьяне единогласно заявили что владыкой довольны и никакой жалобы на него не писали и не подписывали. Такъ рушились всѣ 22 обвинительныхъ пункта Салоникскаго синодальнаго суда.

Во время свидѣнія, владыка Антимъ жилъ въ домѣ прежде занимаемомъ Партеніемъ; однажды послѣ возвращенія своего изъ путешествія по епархіи Полявской онъ сказался больнымъ чтобы на свободѣ переговорить съ Нако Ставишевымъ. Когда Ставишевъ сидѣлъ у него, Антимъ полюбознѣствовалъ спросить что заперто въ сосѣдней комнатѣ? „Книги“, отвѣтилъ Нако. Открываетъ владыка комнату и видитъ въ ней множество славянскихъ и русскихъ книгъ, серебряныхъ Еван-

гелій и другихъ церковныхъ книгъ гдѣ поминается Русская Царская Фамилія. Испугався Англичъ, не догадались бы владыки, его сотоварищи, осмотрѣть этотъ домъ. Погибъ бы Партеній за свою неосторожность. Этою же ночью книги и все другое было изъ мѣшкахъ перетащено въ домъ Нако и надежно скрыто. Когда любилъ на свидѣніи спрашивать о книгахъ славянскихъ, въ распространеніи которыхъ обвинялся Партеній, въ наличности ничего не оказывалось, и это обвиненіе упало какъ и другія. Лишь два года спустя узнали товарищи Англича какъ поступилъ онъ въ этомъ дѣлѣ.

Англичу предлагали быть временнымъ Поміанскимъ владыкой, но онъ не согласился и по окончаніи свидѣнія и подписанія всѣхъ документовъ и протоколовъ отправился на Азовъ, гдѣ исполняя дѣльное ему порученіе и вернулся въ Константинополь. Здѣсь патріархъ Іоаннъ встрѣтилъ его очень любезно, внимательно прочелъ все дѣло, и безъ конца удивлялся куда дѣловъ всѣ 22 обвиненія и судъ 18 архіереевъ. На засѣданіи синода Англичъ разказывалъ подробно и краснорѣчиво какъ произошло все дѣло и причиною гоненія Партенія выставилъ главнымъ образомъ злобу обвиняемаго Мелетія и неудовольствіе митрополита Неофита на то что ему не удалось назначить въ Поміанскую епархію своего владыку Якова. Партеній былъ торжественно оправданъ, но въ Кукушъ не поѣхалъ; тамъ епархіей управлялъ его намѣстникъ; а онъ самъ былъ задержанъ Болгарами въ Константинополь, въ виду назначенной тогда Турецкимъ правительствомъ смѣшанной комиссіи для рѣшенія распри Болгаръ съ Греками въ церковномъ вопросѣ, комиссія проработавшей или лучше сказать преправившей два года и не приведшей ни къ какимъ результатамъ.

Когда спустя вѣсколько времени, Партеній отправился въ свою епархію, онъ не поладилъ съ Нако Станчевымъ. Послѣдній ясно видѣлъ что Партеній не можетъ держаться на столь опасномъ постѣ, гдѣ нуженъ былъ человѣкъ болѣе хитрый и практичный. По просьбамъ его, Партенія перевели въ Нашавскую епархію; но послѣ смерти Нако, патріархія послала Кукушанамъ снова ненавистнаго Мелетія, тогда они опять приняли унію и патріархія принуждена была дать имъ во владыку Болгарина Феоклита.

(Продолженіе слѣдуетъ).

А. МУРОМЦОВА.

ПЕРЕЛОМЪ *

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Ветхая мимо подошла и вся была кова.

I.

The right man in the right place.

Сидушка въ немъ живишкомъ перемѣняется.

Былина о Вольгѣ-богатырѣ.

Тшь да гладь. Родимая, русская природа съ ея тихо волнующимися линіями, съ ея не поразительною, но глубоко за сердце захватывающею, задумчивою прелестью... Вечеръ догораетъ. Пахнетъ аиромъ и дикою мятой. Чуть-чуть переливаясь золотыми струйками рябить доко заросшей камышами, залуженной рѣчка, обращенной въ прудъ. Издали несется глухой стукъ усердно работающей толчеи. За рѣкой сивѣетъ высокоствошный, густолиственный мѣсъ, а надъ нею, словно тѣшась и играя, несется легкій паръ предвечеряго тумана. Болотныя птички доврчиво перелархиваютъ стаями, перебѣгаютъ на длинныхъ ножкахъ по желтому песку прибрежья; онѣ будто знаютъ что имъ не грозитъ здѣсь опасности, что хозяинъ этихъ мѣсть бережетъ ихъ приволе, не

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 2, 3, 4, 6, 9 и 10, 1880 года.

дозволяетъ на себя, на другимъ охотиться на принадлежащихъ ему берегахъ...

Вотъ и самъ онъ сидитъ съ толстымъ ятарнымъ муштуконъ крученой папирасы въ зубахъ, подъ кровомъ незатѣливой деревянной бесѣдки, устроенной въ концѣ большаго тѣмистаго сада на холмикѣ выдающемся мысомъ надъ самою залрудой. Это уже сѣдой, но очень еще свѣжій, увѣченый, но крѣпкій человекъ, съ живыми голубыми глазами, глядящими съ какою-то неожиданной пріятностью изъ-подъ низко-нависшихъ надъ нимъ густыхъ, словно угрожающихъ бровей. Пустой рукавъ болтается пристегнутый къ одной изъ луговицъ дѣваго борта его полотнянаго дѣтскаго *китела*. Недостаящую въ немъ руку оторвала французская гравата на одномъ изъ севастопольскихъ бастионовъ. Это одинъ изъ уцѣлѣвшихъ изъ того разметаннаго такъ еще недавно орашаго гнѣзда „Черноморцевъ“, о которомъ въ кипели *преобразовательнаго* водоворота какъ бы послѣшла тотчасъ же забыть Россія,—капитанъ Iго ранга, Павелъ Григорьевичъ Юшковъ. Онъ вышелъ въ отставку вслѣдъ за заключеніемъ мира съ „союзниками“ и поселившись въ этихъ мѣстахъ въ небольшомъ, но хорошо устроенномъ жилищѣ имѣи, исправляетъ въ настоящую минуту, до новыхъ выборовъ, должность уѣзднаго предводителя дворянства, за внезапною смертью старика князя Тарханова, кандидатомъ котораго состоялъ онъ до тѣхъ поръ.

Онъ не одинъ. По другой сторонѣ простаго, сколоченнаго изъ двухъ досокъ стола, крашенаго зеленою краскою съ лузырающимися по немъ сѣдами небрежнаго мазка, сидитъ собесѣдникъ его, братъ, Василий Григорьевичъ Юшковъ.

Вы не забыли его, читатель? Мы разстались съ нимъ у смертнаго одра „веземнаго“ существа, унесшаго въ иной міръ *се*, счастливѣйшее и горчайшее, что уже на склонѣ лѣтъ, въ теченіе двухъ-трехъ недѣль, даво было испытать ему въ жизни... Онъ долго не могъ придти въ себя послѣ „ея“ кончины, долго не могъ справиться съ подрывавшею его тоскою. „Блеснуло на мигъ райское видѣніе,—и исчезло“, повторялъ себѣ немолчно старый идеалистъ,—„исчезло до *нового свиданія*. Когда же, когда?“... не договаривалъ онъ, боясь грѣховнымъ ролотомъ нарушить въ собственной душѣ то „дѣтское смиреніе предъ Высшимъ“, котораго „она“ была „чистѣйшимъ сосудомъ“ и „животворящимъ образцомъ“... Такъ прошло

много лѣтъ. Онъ давно успѣлъ выслужить пенсію, но все также продолжалъ *смотрительствовать* и преподавать во вѣременномъ ему уѣздномъ училищѣ, находя при этой должности наиболѣе удобствъ для исполненія воли покойнаго князя Ларіона Васильевича Шастунова, оставившаго ему по завѣщанію, какъ извѣстно читателю, * довольно значительную сумму денегъ „для вспоможенія, по его усмотрѣнію, дѣтямъ бѣдныхъ родителей желающимъ получить образованіе.“ Всѣ помысленія старика все время посвящены были съ тѣхъ поръ заботамъ объ „этомъ лавшемъ ему, недостойному, на долю святомъ дѣлѣ“, какъ выражался онъ на своемъ вѣчно восторженномъ языкѣ. И сколько онъ въ теченіе ишувшихъ тѣперь со смерти завѣщателя двѣнадцать лѣтъ успѣлъ отыскать молодыхъ способностей и силъ, оставить ихъ на ноги и провести чрезъ всѣ ступени ученія, сколько спрыхъ вдовъ и обнищавшихъ отцовъ ставили за него свѣчи предъ иконами за „выведенныхъ имъ въ люди“ дѣтей сваяхъ!..“

Съ возвращеніемъ въ „родныя мѣста“ брата, котораго онъ былъ старѣе на двѣнадцать лѣтъ и съ которымъ лѣтъ двадцать не видався до той минуты, розы какъ бы олять развѣли на душѣ Василя Григорьевича. Этотъ братъ, „герой и мученикъ за отечество“, не вытѣснвалъ, — нѣтъ, но помѣстился рядомъ, равноправнымъ хозяиномъ, съ „небеснымъ“ образомъ усопшей княжны Ливы въ этой мадамески-чувствительной душѣ. Онъ, какъ говорится, не могъ *надыматься* на этого брата, влюбоваться имъ, его „безрелетвою“ рѣчью, его „отважнымъ“ видомъ, и „этимъ, этимъ“ всѣмъ что онъ *тамъ* дѣлалъ... Господи, отъ одного отца, отъ одной матери, — и вдругъ *такой* человекъ!“ шепталъ онъ внутри себя, слушая его разказы и признавая самого себя такимъ „мелкимъ, жалкимъ, ничтожнымъ“ въ сравненіи съ нимъ, съ „Пашей“, — съ „доблестнымъ командиромъ *Памяти Азова* ** и 4го бастиона, имя котораго на вѣки записано на *скрижаллахъ отечественной исторіи*“...

Онъ и въ эту минуту (онъ проводилъ все казикалярное время у брата въ деревнѣ) слушалъ его съ замирающимъ дыханіемъ, со словно оробѣвшими отъ восторга глазами, хотя Павелъ Григорьевичъ разказывалъ ему не про четвертый ба-

* *Четверть вѣка назадъ.* Глава послѣдняя.

** Такъ называлось одно изъ большихъ судовъ бывшаго Черноморскаго флота.

стѣюмъ, вице про трехдечную громаду, которую когда-то командовалъ онъ, а про нѣкую даму, „землевлѣдѣлицу“ его уѣзда, прѣзжавшую къ нему вмѣстившимъ утромъ съ просьбой, удовлетвореніе которой представлялось ему очень затруднительнымъ.

— Вы здѣшній предводитель, повторялъ онъ оживленнымъ, полузабоченнымъ, полувасмишляющимъ тономъ ея слова, — мнѣ не къ кому другому обратиться здѣсь. Она не принимаетъ никакихъ писемъ отъ меня, не пускаетъ меня къ себѣ. Мать моего мужа! Она мнѣ наконецъ должна, говорить, возвратить хоть то что я принесла ей сыну, мой собственная дельга, сто тридцать пять тысячъ, которая я за него заняла чтобы спасти его отъ тюрьмы въ Парижѣ. Она непроходимая дура, это всѣ знаютъ, но должна же она понимать что она не можетъ, не смѣетъ пустить меня по міру, что я не позволю ей этого, что мнѣ стѣнѣтъ только закопать и я такой подлему скандалъ на визѣ съ сыномъ.... Видѣ онъ всѣ мои брилліанты, говорить, укралъ у меня изъ ящика и отдалъ своей любовницѣ, — и если я этого не сдѣлала до сихъ поръ, то единственно изъ уваженія къ ихъ имени которое я хочу и я и которое они кивуая въ грязь...

Скербное выраженіе разлѣлось мгновенно по всѣмъ чертамъ старика-смотрителя; онъ качивалъ головой:

— Въ грязь, въ грязь, да, — такое имя! какимъ-то стелющимся звукомъ вырвалось у него изъ груди.

Павелъ Григорьевичъ быстро обернулся на него и, какъ бы сообразивъ тотчасъ, проговорилъ участливо глядя ему въ лицо:

— Да, видѣ этотъ мужъ ея — родной, стало-быть, братъ твоей... княжны?

— Братъ, прошепталъ уныло потупившись тотъ, — такой сестры братъ и такого человека какъ покойный князь Даріонъ Васильевичъ Шастуновъ родной племянникъ... И такъ опустить себя!

Отставной морякъ лыкнулъ изъ своего муштукъ и невесело усмихнулся:

— Да, братъ Василій, на этотъ счетъ я даже давно себя замѣчаніе сдѣлалъ: повѣтріе что ли какое, чортъ его знаетъ, пошло нынче на большія-то имена наши, только чѣмъ знатнѣе и богаче родится теперь такой молодчикъ, тѣмъ драгнѣе человѣкомъ словно маровить онъ выйтъ.

— И что жъ хорошаго, Паша? робко возразилъ Василій

Григорьевичъ,—имъ бы, напротивъ того, примѣръ показывать, вотъ какъ прежніе настоящіе вельможи были...

— Были... да слышишь, уронилъ его братъ,—видно не надо больше!..

— Государственныхъ-то людей не надо, Папа?

— На что? И верхоглазами обойдемся... Дай срокъ, свистуны настоящіе еще пойдутъ; къ тому идемъ!..

Онъ разомъ перемѣнилъ разговоръ:

— Да вѣдь ты, должно-быть, и эту самую книгу знаешь,—молодую? Она, говорятъ, бывшего нашего исправника здѣшняго дочь? По виду не скажешь: такая grande dame!.. Развѣ что ужъ чересчуръ бойка и рѣчиста...

— Знаю, милый, знаю; какъ не знать! И батюшку-то ея покойнаго зналъ; въ одномъ городѣ шесть лѣтъ къ ряду проживалъ. Безъ правды безо всякихъ былъ человекъ, а только, повѣряешь,—эстетикъ, къ прекрасному пламенемъ горѣлъ. Удивительно! Такъ, могу сказать, загадкой для меня и по сей часъ осталась.

— Ну, а она что, дочь?... Особа вежливая, сколько судить могу.

Василій Григорьевичъ осторожно обвелъ кругомъ глазами и заговорилъ шепотомъ какъ бы боясь чтобы кто-нибудь не подслушалъ его слова и не „смутился“ бы ими:

— По истинѣ скажу тебѣ, молоденькая,еще очень она была какъ увидѣлъ я эту особу у отца ея покойнаго, а такое съ самаго перваго раза произвела она на меня впечатлѣніе:—гетера, ну, вотъ какъ есть аѳинская Гетера, жрица наслажденія, не способная по натурѣ своей ни къ какому духовному стремленію, олицетворенное отрицаніе всего божественнаго на землѣ...

Моракъ усмѣхнулся.

— Да, она, надо думать, земной-то жизни вкусила власть; произвольная барыня по всѣмъ статьямъ,—глаза одни чего стоить!.. Съ первымъ-то мужемъ она развелась?

— Какъ же! А человекъ какой хорошій, благородный!

— Знаю, Равцевъ Никаноръ Ильичъ, нашъ помѣщикъ, членъ губернскаго крестьянскаго присутствія. Человекъ отличный, дѣйствительно!.. Она вѣдь это мнѣ все съ полною откровенностью рассказывала, продолжалъ Павелъ Григорьевичъ.—Уморительная барыня! Играла она, видимо, въ Петербургѣ не послѣднюю роль, ко двору ѣздая и про-

чее... И полюбилъ ее тамъ же молодой ужь, но очень большой баринъ, первый чинъ придворный, а она его. „Единственный, увѣряетъ, человекъ котораго я любила въ жизни!“ Вотъ она изъ-за любви изъ-за этой и рѣшилась съ мужемъ развестись чтобы за того графа выйти. Разцевъ все на себя приваля,— она, надо ей справедливость отдать, съ большимъ одобреніемъ о немъ относится... Только пока у нихъ это дѣло шло по консисторіямъ по всякимъ, графъ-то ее возьми да и умри отъ простуды. Тутъ! она, говорить, чуть съ ума не сошла, заболѣла и шесть недѣль съ постели не вставала. И такъ надо понимать по ее словамъ что она въ то время готова была олять съ мужемъ сойтись, что ей это даже совѣтовала тотъ же графъ предъ смертью. Только тутъ къ ней подбѣжалъ этотъ же теперешній князекъ безлутный... Вѣдь мальчишка, сама говорить, на много моложе ее. Я ей прямо: „Какъ это вы, говорю, рѣшились за него идти, княгиня?“ Даже расплакалась. „Я, говорить, всегда была сумасшедшая: онъ такъ безумно влюбленъ былъ въ меня, пресѣдовалъ, клаяся, съ пистолетомъ приближалъ разъ, грозилъ застрѣлится тутъ же у моихъ ногъ...“

— Словамъ безумнымъ ловѣрила! закачалъ головой смотритель.

— Ну, это она говорить! замѣтилъ на это брать его съ новою улыбкой;—а такъ полагать надо что именень да состояніемъ преуспѣла: князь Шастуновъ, въ одномъ нашемъ уѣздѣ 3.500 душевыхъ надѣловъ, по имѣвшему говору, а что еще въ другихъ губерніяхъ,—дество для такой женщины!... Только все это оказалось не его, а матери, потому какія да же перешли ему лично имѣнія отъ отца и отъ дая,—твоего князя Ларіона Васильевича покойнаго,—такъ и тѣ она перекупила у него, то-есть по-просту скупила векселя по надѣланнымъ имъ еще до женитьбы долгамъ въ Петербургѣ, да и заставила его перевести на нее все свое недвижимое. Баба эта—кулакъ, извѣстно, только и винить ее нельзя: сынокъ-то совсѣмъ лядящій выходитъ.

— И съ дѣтства не обѣщала, тако вымогала Василій Григорьевичъ, — ангелъ-то мой, Елена Михайловна, душой смущалась, видимо, какъ только бывало заговорить о немъ.... А ужь про эту мать, про княгиню Аглаю Константиновну лучше и не говорить, Паша, вскрикнулъ онъ, схватившись вдругъ обѣими руками за голову, — вѣдь она ее въ гробъ свела, одна она!...

— Знаю, Василий братъ, знаю! Только опять же скажу что въ этомъ дѣлѣ женитьбы сына надо и въ ея положеніе войти. Сынъ—мальчишка, мотъ, едва совершеннолѣтній, безъ ея вѣдома, вѣнчается на женщинѣ старѣе его, *разводитъ*, сомнительной, самъ ты находишь, нравственности—радоваться-то, по правдѣ, нечему!

— Да кто жь про это, кто! жалобно проговорилъ старшій Юшковъ.

— Вѣдь сама же она мнѣ передавала, молодая-то княгиня, продолжалъ младшій:—онъ даже на бракъ дозволенія отъ начальства своего въ лейбъ-гусарскомъ полку не имѣлъ. Отпросился въ четырехмѣсячный отпускъ за границу, для излеченія будто бы болязми, и гдѣ-то по луту въ деревушкѣ обвѣнчался съ нею, да прямо въ Парижъ, а оттуда въ полкъ просьбу объ отставкѣ, а матери:—„поздравьте меня, молъ, мамаша, я женатъ“! Ну, что изъ этого вышло—самъ можешь судить!... Старуха въ азартъ вошла неописанный,—въ Петербургъ, въ III Отдѣленіе, съ письмомъ на Высочайшее имя.... Только изъ этого ничего не вышло. Не развѣнчивать же ихъ! Да и притомъ не достать,—въ чужихъ краяхъ, не выдадутъ.... Не прежнія времена, какъ бы неволью сорвалось съ устъ отставнаго Черноморца,—когда отъ одного махія бровей на берегахъ Невы трепетала вся Европа!... Мать, само собой, какъ ты знаешь, лучше озлилась, стала ему съ каждою почтой ругательныя письма слать чтобъ онъ немедленно жену кинулъ и вѣхалъ къ ней на объясненіе, а въ противномъ случаѣ она молъ его проклянетъ.... Вѣдь она, кромѣ того что кулакъ, еще глупости непомерной, говоритъ, женщина?

— Ахъ, Господи, ‘весь даже покраснѣлъ старики-смотритель,—коза рогатая въ кринолинѣ!

— Грошъ за мною, Василий, засмѣялся морякъ,—такъ и очертилъ разомъ!... Ну, а сынъ съ женой и въ усь себѣ не дуютъ: все-молъ перемелется, мука будетъ; единственный сынъ,—равно ли, поздно ли, все молъ его будетъ, да и старухѣ-то надобно зацѣпиться, положить гвѣзду на милость. А пока деньги есть, онъ привезъ съ собой, говоритъ она, просительница моя, тысячу тридцать, 120.000 франковъ,—повеселиться на это въ Парижѣ можно!.. Ну и пошла!... Коротко сказать, въ два года,—женился онъ на ней весной въ позпрошломъ 1860 году, а вернулись они въ Россію полтора мѣсяца назадъ, въ

матъ вынѣшшаго 1862 года,—просадица она тамъ, кромѣ его денегъ, и весь ея капиталъ, — эти самыя сто тридцать пять тысячъ которыя она теперь требуетъ отъ свекрови и, какъ она рассказываетъ, три четверти этой кушницы денегъ пошла не на ихъ собственные расходы, а на одну тамошнюю... какъ бишь называешь ты это *по дремелу*, — „гетера“? Ну, а ихъ по вынѣшшему „лоретками“ зовутъ, подчеркнул смѣясь Павелъ Григорьевичъ; — такъ онъ вотъ на такую госпожу промѣнялъ красавицу жену по простествіи, говоритъ она, едва ли года послѣ ихъ брака.

Старикъ молча и гадаиво главулъ въ сторону.

— Многое послѣ того можетъ ей прощено быть! словно сронялъ онъ съ губъ.

— Правильно, Василиі!.. И пресмѣшно рассказываетъ она какъ онъ ее, жену свою, сначала обманывалъ, утѣрялъ что онъ ходитъ на лекціи, — страсть къ ученію вишь обула, —какого-то знаменитаго профессора слушать, и по вечерамъ это будто происходитъ, на дому у того. А домъ-то... Только она въ одинъ прекрасный вечеръ накрыла его, молодца съ этимъ „профессоромъ“ женскаго пола въ ложѣ какого-то небольшого театра, куда сама прѣехала мезначай со своими знакомыми. Она безъ церемоніи выражается что онъ *послѣ этого* „очень подлымъ себя показалъ“, валялся у нея въ ногахъ, прощенія просилъ, а съ томъ все-таки не разстался, занималъ ее удовольвореніе ея прихотей тайкомъ отъ жены деньги направо и налево, такъ какъ она ему своего капитала выдать не хотѣла, —люка наконецъ не явились агенты тащить его въ долговую тюрьму. Тогда, говоритъ, „я все отдала, все до послѣдняго гроша чтобы спасти его отъ позора, и ото всѣхъ этихъ огорченій схватила горячку и слегла въ постель. А онъ въ это время выкралъ у меня изъ ящикова всѣ мои брилліанты и отдалъ ихъ своей Баруччи, или какъ тамъ ее звали“... Послушай, Василиі, воскликнулъ вдругъ Черноморецъ, прерывая себя и сверкнувъ глазами, —вѣдь если это все правда, вѣдь это чортъ знаетъ что за мерзавецъ!

— Я, Паша, даже и повать не могу какъ могутъ доходить до такихъ низостей люди, взынованнымъ голосомъ сказалъ на это смотритель, разводя руками. — Она съ нимъ, разумѣется, послѣ этого разсталась? спросилъ онъ черезъ мигъ.

— Вотъ это, признаюсь тебѣ, я изъ ея словъ разобрать не могъ. Она ли его, онъ ли ее оставилъ... дѣло только въ

томъ что она дѣйствительно въ очень скверномъ положеніи находится въ эту минуту. Какъ видно, натворилъ онъ тамъ того что и посольство наше должно было наконецъ вмѣшаться и заставляло его оставить Парижъ. Уѣхали они, какъ говоритъ она, не одновременно, — онъ раньше, она позднѣе двумя недѣлями. Пріѣзжаетъ въ Петербургъ и узнаетъ что ея молодца, по просьбѣ матери и на основаніи того что онъ, состоя еще въ офицерскомъ званіи, вступилъ въ бракъ безъ дозволенія начальства, повелѣно опредѣлить армейскимъ поручикомъ въ какой-то полкъ Оренбургскаго корпуса, и что его, раба Божьяго, уже туда отправилъ „съ провожатымъ“... Въ маѣ это, какъ сказалъ я тебѣ, было. Какъ уѣхалъ онъ, такъ съ тѣхъ поръ, то-есть почти три мѣсяца, она отъ него не получила ни строчки. Она къ матери его сюда письмо за письмомъ, — отвѣта никакого. А жить нечѣмъ. „Никому, говоритъ, въ Петербургѣ показаться не смѣю, — стыдно за мужа; знаю oprичъ того что меня тамъ всѣ мамелки — пресмѣшная, говорю тебѣ, барыня! — пойдѣмъ вѣдать за то что я отбила у ихъ дочекъ это мое сокровище“... Словомъ, приткнуться некуда, и предпринять что не знаетъ. Характерная притомъ, баюванная, видно, до мозга костей, — „на своемъ поставитъ хому!“ Вотъ и вздумала она пріѣхать сюда, со свекровью лично объясниться. Остался у нея послѣ отца домишко въ нашемъ уѣздномъ городѣ.

— Отъ моего училища черезъ улицу, какіе, подтвердилъ Василій Григорьевичъ.

— Вотъ она тамъ и поселилась...

— Давно ли?

— Да, говоритъ, вторая недѣля пошла... Какъ только кое-какъ тамъ устроилась, наняла экипажъ, лошадей, и маршъ прямо въ деревню къ старухѣ Шаутуновой...

— Въ Оидковѣ? глубоко вздохнулъ смотритель.

— Да!... Пріѣзжаетъ. А тамъ рѣшетка кругомъ двора, — такъ?

— Такъ точно, Папа, желѣзная ограда и все прочее... Великолепно. Барское имѣніе настоящее!

Моракъ качнулъ головой:

— Значитъ, какъ разказывала, вѣрно. Пріѣзжаетъ она къ этой оградѣ. Глядитъ — ворота на запорѣ. Слуга ея стучать, звать... Никто не отзывается. А видитъ она сквозь рѣшетку что на крыльцѣ дома люди стоятъ кучкой, глядятъ на ея экипажъ, и съ мѣста не трогаются... Удивительно-то какъ,

подумай!... Она, говорить, такъ разозлилась что кричать стала... Наконецъ вышелъ къ ней изъ дома дворецкій, Италияецъ какой-то, котораго, говорить, она давно знаетъ...

— Все тотъ же сивьоръ Витторіо должно-быть, ушло уаыбнулся старшій Юшковъ,—знаю его.

— Она ему „что жь это меня, говорить, не пускають, мнѣ надо видѣть княгиню, госложу вашу“. А тотъ ей на это: „Извините, говорить, ихъ сіятельство не привимають.“—„Да знаете ли вы съ кѣмъ теперь говорите“, начала было она,— „я жена молодаго князя, я то-то и то-то...“ А тотъ, рассказываетъ она, стоитъ за рѣшеткой точно истукавъ каменный.— „Не приказано привимать“, да и только.—„Меня не привимать, меня, когда я здѣсь такая же хозяйка какъ и сама княгиня!“ кричить.—„Я этого вичего не знаю, а только противъ давнаго мнѣ моею госложей приказанія поступить не могу“... Такъ съ этимъ и вынуждена была она назадъ уйхаты. Можешь себѣ теперь представить положеніе!...

— Вотъ дѣла-то, Паша, вотъ дѣла! могъ только вскацкнутъ на это совершенно пораженный такими „людскими безобразіями“ старикъ-смотритель.

Женскій голосъ громко звавшій по имени Павла Григорьевича заставилъ обоихъ братьевъ обернуть голову.

— Тутъ мы, тутъ, Вѣра Омивишна, что тебѣ? откалкнулася морякъ, узнавая жему въ послѣшню выходившей къ намъ изъ большой аллеи сада невысокой, полной, дѣтъ 45, женщины, съ добродушнымъ лицомъ и нѣсколько забавными по выраженію, залывшими щелочками глазъ, словно готовыми ежеминутно спилнуться своимъ, между тѣмъ какъ все остальное въ ея наружности дышало чрезвычайною подвижностью и оживленіемъ.

— Ну, ужъ извѣстно, заговорила она входа въ бесѣдку залыхавшимся и смѣющимся голосомъ,—какъ заберутся братцы *по надѣ озеро*, такъ и до утра ихъ не дожدهмся!... А вы посмотрите какая гостья дорогая къ намъ пожаловала!

Всадъ за Вѣрой Омивишной, изъ той же аллеи, съ накинутымъ на одну руку длиннымъ хвостомъ черной амазонки, съ хлыстикомъ въ другой, въ маленькой, твердой мужской шляпѣ на роскошныхъ темно красноватыхъ волосахъ, слегка скрила по леску длинными, породистыми ножками, обутыми въ высокіе ботинки, выходила стройная и тонкая молодая особа, со строгимъ выраженіемъ правильнаго лица и улыбающимися зелеными глазами.

— Княжна Кира Никитична! вскрикнулъ хозяинъ, кидаясь съ мѣста ей на встрѣчу и протягивая ей свою единственную руку.— Добро пожаловать! Веркомъ ли обыкновенію?... Вотъ ужь, дѣйствительно, настоящая навадница! Изъ Всесвятскаго прямо изволили примчаться? Что Александра Павловна какъ, милѣйшая? Здорова?

— Она хотѣла ѣхать къ вамъ вмѣстѣ со мной. Экипажъ ужь былъ готовъ, да у Васи зубки цдуть, расплакалася вдругъ очень, она встревожилась и осталась, а меня отпустила... Мы вѣдь съ ней встрѣчать у васъ Бориса Васильича собрались, примолвила черезъ мигъ и какъ бы принужденно княжна:—онъ намъ сказалъ предъ отъѣздомъ въ *** что на возвратномъ пути такъ разчитаетъ чтобы попастьъ къ вамъ сегодня къ чаю, а отъ васъ уже домой.

— Ахъ, да вѣдь точно: онъ сегодня долженъ быть изъ нашей губернской резиденціи! У меня, признаюсь, изъ головы было вонъ... Отшибло!

Вѣра Ѡмичихина засмѣялася:

— Отшибло, батюшка, отшибло! Я жь тебѣ за обѣдомъ говорила что изъ Всесвятскаго лошади подъ ихъ экипажъ пришли и Скоробогатовъ даже ихъ верховую привелъ, „на случай, говорить, полковникъ пробѣжаться вздумаетъ...“

— Ну, забылъ, матушка, забылъ, виновать! Княжна, присядьте, милости просимъ! Чѣмъ хата богата.. Хоть бы на селѣ первобытномъ сѣдалищѣ, смѣялася она, таща къ ней неуклюжій и тяжелый деревянный стулъ.

— Чай пить, значить здѣсь желаете? спросила Юшкова.

— Само собою!

— Такъ я сейчасъ распоряджусь.

Она повернулась и ушла по направленію къ дому своему быстрою съ *развалъцемъ* походкой.

— Что это у васъ отсюда за видъ, прелесть! молвила дѣвушка, оставшись одна съ братьями, задумчиво и сосредоточенно устремивъ глаза въ озаренную вечернимъ сіяніемъ даль.

— У васъ во Всесвятскомъ не хуже, замѣтилъ смисходительно хозяинъ, во внутреннемъ убѣжденіи котораго между тѣмъ никакая мѣстность въ мірѣ не могла сравниться красотой съ его *Угалами*.

— Гладко сапшкомъ, точно сукно на безконечномъ биллиардѣ, усмѣхнулась она,—задѣлаться не за что взгляду.

— Это точно! разсказался морякъ,—ишь, вѣдь вы какая мастерица на сравненія!

— Вамъ, княжна, поматю, посаѣ горы Швейцаріи, моваилъ старшій Юшковъ,—не только что здѣшняя, но и самая возвышенная мѣстности въ нашемъ отечествѣ должны будутъ показаться плоскостями. А вотъ для степняка Русака, какъ я напримѣръ, въ жизнь свою не видавшего ни моря, ни горы...

— А Богъ съ вами! какъ бы вырвалось у княжны.

Старикъ нѣсколько растерянно главулъ на нее.

— Это другая крайность, чуть-чуть уемѣхнулась еще разъ она;—подъ конецъ Швейцаріи со своею колоссальною природою давила меня какъ кошмаръ.

— И отлучко сдѣлала, воскликнулъ любезно Павелъ Григорьевичъ,—потому что заставляла васъ этимъ распротиться съ нею и вернуться въ родимыя палестины.

— Я вернулась по желанію Самельки, поспѣшила возразить она какъ бы считая почему-то нужнымъ объяснить это обстоятельство:—на нее предъ рожденіемъ втораго ребенка нашло какое-то нервное состояніе постоянного страха; ей представлялось все что она непременно должна умереть, что дѣти ея останутся безъ матери... Она звала меня къ себѣ въ такихъ отчаянныхъ выраженіяхъ что я рѣшилась... Оказалось что все это было послѣдствіе ея состоянія и что все обошлось самымъ счастливымъ образомъ...

— А долго изволили вы пребывать въ странахъ Запада въ послѣднее время, княжна? спросилъ присаживаясь къ дѣвушкамъ смотритель, которому въ его качествѣ „романтика“ эти „страны Запада“ представлялись чѣмъ-то въ родѣ царства небеснаго на землѣ.

Княжна передала ему что она, послѣ смерти матери Александры Павловны Троекуровой, а ея тетки, гжи Лукозновой, у которой она жила въ Москвѣ, то-есть въ началѣ прошлаго 1861 года, уѣхала за границу и вернулась оттуда во Всесвятское за три мѣсяца назадъ, въ первыхъ числахъ апрѣля...

— Снятаго или неснятаго вамъ молока? прервала ее вернувшаяся опять въ бесѣдку Вѣра Фоминшна въ сопровожденіи прислуги съ большимъ клящимъ самоваромъ, чайникомъ и чашками.

Всѣ присѣли къ столу, оказавшемуся черезъ мигъ уставленнымъ всею тою молочною роскошью и вкусными домашними леченьями какими въ недавнюю еще старину такъ умѣли угощать домовитыя русскія хозяйки.

— А Гриша что же? съ оспалъ вдругъ всломнивъ хозяйствъ, озираясь кругомъ,—онъ не знаетъ что у насъ дорогая гостья?

— Нѣтъ... онъ скоро вернется, должно-быть, отвѣтила ему жена, подставляя чайникъ одъ кранъ.

— А гдѣ онъ?

— Пошелъ товарища проводить что прїѣзжалъ къ нему.

Павелъ Григорьевичъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ:

— Какого товарища! Когда?

— Да вотъ какъ вы послѣ обѣда ушли сюда съ Василиемъ Григорьевичемъ, мы съ Гришей въ столовой остались за кофеемъ. Вбѣгаетъ моя Настя: „Какой-то, говорить, гослдинъ молодой спрашиваютъ Григорія Павлыча, письмо велѣли имъ отдать!“ Гриша взялъ письмо, прочелъ и говоритъ: „Ахъ, это наше юрискъ“... Фамилія я не разслышала, потому что онъ ужъ изъ дверей уходилъ. И они все время потомъ сидѣли въ его комнатѣ.

— Откуда же тотъ прїѣхалъ?

— А ты спроси Гришу, я не знаю. Мнѣ только сказала Настя сейчасъ что видѣла его, Гришу, когда онъ выходилъ за ворота съ какимъ-то „длинноволосымъ бѣдокуримъ“, подчеркнула смѣясь Юшкова,—а за ними ларочкой повозка ѡехала, и что лошади Троженковскія, изъ Быкова.

Морякъ сжалъ свои грозныя брови:

— Троженковъ, вотъ еще сокровище завелось! пропустилъ онъ сквозь зубы, глядя на брата.

Тотъ покачалъ головой и сочувственно вздохнулъ.

Кважна, наклонившись къ своему стакану, медленно прихлебывала изъ него молоко, совершенно безучастная, по видимому, къ этому семейному разговору. Но вслѣдъ за передачею хозяйкой примѣтъ незнакомаго ей товарища ея сына глаза дѣвушки внезапно вскинулись, остановились на ней на мигъ и снова опустились, холодныя и слоконныя. Только въ чуть замѣтномъ трелетаніи ея прозрачныхъ вѣздрей можно было бы прочесть какое-то не то гнѣвное, не то гадливое выраженіе.

Но вотъ какъ бы вдругъ еще ниже наклонилась голова ея надъ столомъ и зубы ея чуть-чуть звякнули по ободку стакана нервно прижатого ею къ губамъ. Чьи-то, приближавшіяся мужскіе шаги вѣско раздавались по скрыпучему леску у самой бесѣдки...

II.

Мыслимый Русскій—самый независимый человекъ въ свѣтѣ. Что можетъ остановить его: уваженіе къ прошлому? Но что сужить исходною точкой новой Россіи если не отщепеніе насъ, одности и преданія?

Герцень. *Сборн. посмертн. соч.* 1874 года.

— А, вотъ онъ и самъ, желанный! вскрикнулъ, быстро поднимаясь съ мѣста хозяинъ съ радостнымъ приветомъ входящему. — А мы васъ всё тутъ ждемъ... И княжна вотъ прибыла.... Здорово, Борисъ Васильчъ, здорово! Счастливо съѣздила?

— Спасибо, хорошо... All right! какъ говорятъ Англичане, оживленно отвѣчалъ Троекуровъ, пережавъ всѣмъ руки и садясь подлѣ хозяйки. Онъ снялъ дорожную фуражку и взъерошилъ примятые кольца своихъ свѣтлорусыхъ волосъ.

— Дома все благополучно, княжна? спросилъ онъ, съ ласковою улыбкой и внимательными глазами глядя не вѣе черезъ столъ раздѣлявшій ихъ мѣста.

Она неторопливо подняла въ свою очередь глаза на него:

— Саша прислала меня сказать вамъ что она сама хотѣла быть...

— Да Васенькины зубки помѣшали, не давъ ей договорить, пояснилъ со смѣхомъ Павелъ Григорьевичъ;—молодая мамелька, известно!.. Ну что наши губерскіе дѣятели? Столковались вы съ ними? спросилъ онъ, быстро переходя къ предмету очевидно представлявшему для него большой интересъ.

— Видѣлся со всѣми... Дѣло о Крусановскихъ лугахъ отстоялъ, промолвилъ Борисъ Васильевичъ съ видимо довольнымъ выраженіемъ въ тонѣ.

— Да?.. Впрочемъ я и не сомнѣвался. Вѣдь это какъ день и вопроса никакого не могло бы быть, еслибы не Сергій Михайловичъ Гундуновъ въ губерскомъ присутствіи со своимъ неизбѣжнымъ вѣчно демократизмомъ!

— Есть тотъ грѣхъ! подтвердилъ весело Троекуровъ.—Кстати, княжна, онъ просилъ меня передать вамъ самый сердечный поклонъ, а на будущей недѣлѣ хотѣлъ самъ побывать у насъ, во Всесвятскомъ.

Она молча повела головой въ знакъ признательности. Онъ продолжалъ:

— Отличный человекъ этотъ Гудуровъ, но у него, знаете, вотъ какъ у цыгнхъ живописцевъ, которые видать все окружающее не иначе какъ *желто, зелено* и такъ dalje,—у него во всякомъ такомъ вопросе стоитъ въ головѣ а priori что крестьяне должны быть *непременно* правы, а помещикъ—*непременно* виновать... Онъ слишкомъ честенъ, разумѣется, чтобы не отказаться отъ своего мнѣнія въ данномъ случаѣ, когда ему докажутъ что оно ошибочно, но за то это и труда стоитъ. Я два вечера сразу проспорилъ съ нимъ до дѣлу этихъ Блюновскихъ крестьянъ пока убѣдилъ его... Стоитъ человекъ на томъ что „плататоры-помѣщика“ только и держать въ головѣ какъ бы олатъ „закрѣпостить несчастный“ народъ подь тою или другою формою...

— Ну, конечно, моавилъ моракъ Юшковъ съ замѣтною горечью,—это вѣдь камертонъ вывшней музыки; все старое омерзительно, все прежнее ненавистно... Одна мужичья сермага достойна довѣрія, вѣжности и благовства... Мы, „отжившее свой вѣкъ“ дворянство, мы туеядцы и крамоольники, да-съ, это вѣдь про насъ говорится во всѣхъ петербургскихъ канцелярияхъ,—мы преданные амаемъ люди; отъ насъ надо охранять какъ отъ чумы новопроизведенные въ „гражданскій рабгъ“ зилузы и лалотъ, чтобы, не дай Богъ, не осквернили мы какъ-нибудь своимъ дыханіемъ благонадежный залахъ его дегтя и навоза!...

Троекуровъ засмѣялся:

— Вѣдь вотъ лослушать вашего брата, сказалъ онъ обращаясь къ старшему Юшкову,—подумаешь: самый яростный крѣпостникъ. А въ губернскомъ комитетѣ зубами отстаивалъ освобожденіе крестьянъ съ землей, и тѣ же „сермаги“ надъ которыми онъ теперь такъ злобно издѣвается, во всемъ уздѣ нашемъ не иначе его какъ „отуолъ“ зовуть.

Павелъ Григорьевичъ досадливо дернулъ плечомъ:

— Это чтѣ, батюшка! Меня и матросы на брамстенгѣ не хаали, когда я ихъ туда отправлялъ... Потому будь, вопервыхъ, справедливъ; вовторыхъ, пойми ты этотъ народъ каковъ онъ есть,—что онъ и звѣрь, и лаутъ, и душа-человѣкъ въ то же время,—и люби его...

— Во всѣхъ этихъ видахъ равно? добавилъ насмѣшливо его собесѣдникъ.

— Ну да, подтвердилъ серіознымъ тономъ моракъ:—потому что ты такой же русскій человекъ какъ онъ, тою же рус-

кою водой крещенъ, тою же матушкою русскою землею взлѣдывае и вспоевъ; потому что корни-то твои съ нимъ общіе, что ты его прирожденный руководитель. Онъ жилъ вѣка подъ...

— Подъ твоимъ произволомъ, добавилъ за него все тѣмъ же насмѣшавшимъ тономъ Троекуровъ.

Юшковъ не смутился:

— Да, но и подъ твоимъ учительствомъ и твоими примѣрами! Съ этимъ, взросшимъ какъ и онъ на вольномъ воздухѣ родной деревни, *бариномъ* во главѣ привыкъ искони нашъ народъ, солдатъ или морякъ, отстаивать русскую землю отъ врага, лодонить его армию, жечь турецкіе флоты... Того же *барина*, давно ли, въ кутузку, въ тюрьмы упрятывали, на каторгу ссылали за „несвоевременныя“ мечтанія объ освобожденіи этого же народа?... А они тамъ, въ Петербургѣ, однимъ почеркомъ пера похерили и вырвали всѣ прежнія преданія и вѣковыя связи, всѣ старыя корни, все воспитательное значеніе для народа родового помѣстного дворянства, все что такъ необходимо въ правильной государственной машинѣ,—установившіеся обычаи, привычки іерархіи и дисциплины...

— „Привычка—душа державъ“, *отцалъ* намъ великій Пушкинъ! тихо проговорилъ смотритель неототупло и вѣжно глядя во всѣ глаза на брата.

— Э, да что тутъ говорить! махнулъ рукой тотъ,—имъ *тамъ* теперь ничего этого не нужно, ни корней, ни преданій, ни сильнаго государственнаго организма... какъ и никакой морской силы имъ не надо! вырвалось неудержимо изъ устъ отставнаго Черноморца.

Онъ оборвалъ и нахмурился, какъ бы сожалѣя объ этихъ словахъ обнажавшихъ его сокровенную рану...

Старикъ-смотритель вскочилъ съ мѣста и съ полными слезъ глазами подбѣжалъ къ брату, обнялъ его за шею и прильнулъ губами къ его щекѣ.

Троекуровъ съ сочувственною улыбкой протянулъ ему руку въ свою очередь:

— Я вѣчно съ вами сплорю, Павелъ Григорьевичъ, а въ сущности всегда съ вами согласенъ, хотя я, какъ вамъ извѣстно, скептикъ, а вы неисправимый идеалистъ.

Смотритель обернулся на него теперь весь сіяющій:

— Вотъ это точно, Борисъ Васильевичъ, вы замѣтали,—именно что „идеалистъ“ онъ прежде всего! Знаете, какъ въ

Домъ-Карлосъ великимъ *Шамлеромъ* сказано: „Хранить святое уваженіе къ золотымъ снамъ своей молодости“... *

— Ну, братъ, засмѣялся мерякъ, слегка ототравляя его рукой,—и въ жизнь, признаюсь, никакого *Домъ-Карлоса* не читалъ!... А, Гриша! перебилъ онъ себя внезапно, оборачиваясь на переступавшаго въ эту минуту чрезъ порогъ бѣсѣды сына,—вотъ онъ наконецъ!...

Въ голосъ его зазвучала глубокая, видимо съ трудомъ сдерживаемая въжливость; все лицо его освѣтилось вдругъ какъ бы изънутри прорвавшимся лучемъ.

Внешній молодой человекъ, судя по его наружности, оправдывалъ, казалось, эту отцовскую къ нему слабость. Свѣжее открытое лицо, темные какъ у матери, кудрявившіеся волосы при голубыхъ, Юшковскихъ, большихъ выразительныхъ глазахъ, что-то особенно мягкое въ рисункѣ губъ и въжлого, едва олушеченнаго подбородка,—все это производило очень симпатичное, раслаблявшее къ нему впечатлѣніе. Но внимательный наблюдатель могъ бы вывѣсти съ тѣмъ замѣтить теперь въ общемъ выраженіи его обаянка какую-то смущенность и озабоченность.

Онъ учтиво поклонился гостямъ...

— Здравствуйте, юноша, привѣтствовалъ его, протягивая ему руку, Троекуровъ, очень благоволившій къ нему.

— Садись подлѣ княжны и старайся быть любезнымъ! весело сказалъ ему отецъ.

Онъ повиновался молча, еще разъ склонивъ голову предъ дѣвушкой.

— Къ тебѣ какой-то, говорятъ, товарищъ прѣѣзжалъ?

— Д-да, какъ бы нехотя пропустилъ Гриша, принимая стаканъ чаю изъ рукъ матери.

— Какъ фамилія?

— ...Федоровъ, отвѣчалъ онъ чуть-чуть дрогнувшимъ голосомъ.

Княжна быстро подвѣла глаза и вопросительно на мигъ остановила ихъ на немъ.

Лицо его внезапно заагло и онъ послѣшью потянулся

* Sagen Sie

Ihm dass er für die Träumen Seiner Jugend
Soll Achtung tragen.

Don-Carlos. Act. IV. Sc. 21.

рукой за кремделемъ изъ большой корзины съ печеньями, стоявшей на столѣ.

Но все это ускользнуло отъ вниманія Павла Григорьевича:

— Что же у него родные какіе въ нашихъ мѣстахъ, спросилъ онъ,—или релетиторомъ къ кому-нибудь навадся на капикулы?

— Омъ не надолго... въ Быкове прѣѣхалъ, уже нѣсколько материлъ живо промолвилъ Граша, избѣгая взгляда отца.

— Въ Троженкову? молвилъ тотъ, поведя плечомъ;—не поздравляю его съ такимъ знакомствомъ!... Вотъ-съ этакой, напримеръ, самовольный продуктъ! обратилъ онъ снова къ Борису Васильевичу:—вѣдь все это несогласіе Батковскихъ крестьянъ на уставную грамоту изъ-за Крусановскихъ дуговъ—его дѣло; и прошеніе въ губернское присутствіе онъ же имъ писалъ,—достоверно это знаю. И одна вотъ пока только этакая ларшивая овца завелась, а и то ничего не подѣлаешь... Вы вотъ говорите: народъ мнѣ здѣшній вѣрять. И действительно, помните какъ пришли къ намъ ихъ выборные въ мировой съѣздъ съ жалобой на помѣщика и на „посредственика“,—то-есть васъ,—ну, разъяснилъ я имъ, кажется, убѣдилъ. Почесали затылки, поѣхали. „Спасибо“ все-таки говорятъ подъ конецъ, „мы, батюшка, Павелъ Григорьевичъ, видавъ по простотѣ своей гадѣли зря, знаемъ, люди темные; хотя телерича со словъ твоихъ доподлинно знать будемъ что отъ этаго отъ самаго дѣла отступиться намъ слѣдуетъ“.—Само собой отступиться, говорю, потому что толку никакого изъ вашихъ претензій не будетъ.—„Слушаемъ, батюшка, цѣло такъ и быть какъ ты сказываешь“. Порѣшено значить, кажется?... Нѣтъ, недѣли не прошло,—*хотѣлось* послали въ „губернію“ съ прошеніемъ на насъ, на мировой съѣздъ!... А за это удовольствіе Троженковъ съ ничъ выговорилъ—вѣрно знаю!—по 25 десятинъ въ годъ сжаты ему, въ гумно сvezти и вымолотить... Вотъ-съ вамъ новые землевладѣльцы—воспитатели народа!

— Да въ чемъ дѣло-то самое, Паша? Люболыта! спросилъ смотритель.

— И ничего люболытнаго даже! Былъ тутъ помѣщикъ нѣкій Блиновъ, человекъ холостой, пожилой, аккуратный, и деньги у него водились, какъ всѣмъ извѣстно было. Крестьянъ онъ не прижималъ и имѣніе держалъ въ порядкѣ. И земля хорошая въ имѣніи, только въ лугахъ всегда недостача

быда, такъ что крестьяне ископа кортомали траву версты за двѣнадцать, у графа Дѣдова. Только вылади этому Блинову счастливый случай купить за безцѣнокъ послѣ смерти сосѣда его одного, Крусанова, отъ одного изъ пасадыниковъ десятины восемьдесятъ отаичнаго луга по Окѣ, верстахъ въ трехъ отъ своей межи. И какъ, говорю, человекъ онъ былъ аккуратный и не стяжательный, онъ, разчитавъ процентъ на потраченный капиталъ, собралъ своихъ крестьянъ и говоритъ: „Ну, вотъ, братцы, замѣсто чтобы вамъ у чужихъ брать траву, берите телерь у меня“,—и положилъ имъ за кругъ * на десять рублей менѣ противъ того что платили они Дѣдову, а ѣзды-то имъ туда втрое дешевле. „Согласны, говорить, берите, и пользуйтесь пока моего вѣка хватитъ!“ Крестьяне ему, разумѣется, въ ноги, благодарить... Такъ и косили они эти „Крусановскіе“, какъ и по нынѣ называются они, луга до самой „воли“. Весной въ прошломъ году умираетъ Блиновъ. Достается имѣніе его леманнику, тоже Блинову, молодому человеку, военному,—офицеръ онъ овитскій. Приѣзжаетъ онъ сюда: первымъ дѣломъ разверстаться скорѣе съ крестьянами, уставную грамоту составить и уѣхать, потому хозяйничать самому ни времени, ни охоты нѣтъ. Имѣніе—вотъ у Бориса Васильча въ участкѣ. Онъ къ нему: такъ и такъ... Борисъ Васильчъ выѣзжаетъ на мѣсто, вызываетъ крестьянъ, помѣщика, предлагаетъ соглашеніе. Въ имѣніи крестьянская и помѣщичья земли перепутаны такъ что для надѣленія крестьянъ къ одному мѣсту безъ промѣна обойтись нельзя. Блиновъ согласенъ на всякія уступки. Чтобы ватавуть имъ до „полнаго надѣла“ конопляники своей—и тѣ: берите-молъ, развяжемся только! До того сговоривъ что по парцѣкѣ крестьянскія поля подъ самую усадьбу его подходить, а ему во владѣніе остается десятины 200 земли самой дрянной и неудобной...

— Это, Паша, очень великодушно! вскрикнулъ старшій Юшковъ;—прекрасный человекъ должно-быть этотъ господинъ Блиновъ?

— Практическій, усмѣхнулся его братъ;—„господинъ Блиновъ“ разсудилъ, и совершенно правильно, что отъ пахоты въ этомъ своемъ имѣніи ему ни въ какомъ случаѣ большаго дохода ждать нельзя, но что прибыльную статью составить

* „Кругомъ“ въ той мѣстности называется пространство луга въ пять десятинъ.

для него эти дуга по Окъ, за которые едва онъ услѣлъ сюда прѣхать, серпуховскій кулець предлагалъ ему съ перваго слова по 80 рублей за кругъ. Но тутъ и начинается исторія. Крестьяне объявляютъ претензію на эти дуга. „Намъ, молъ, безъ травы извѣстно не жить, мы, молъ, всегда пользова-лись“ и т. д.—„Я, говоритъ имъ Блиновъ, какія состоятъ въ лавѣ имѣнія луговымъ уступилъ вамъ все до чиста въ надѣлъ; готовъ предоставить вамъ косить и въ Крусановскихъ дугахъ, какъ прежде вы тамъ косили, только, само собой, не за прежнюю цѣну; мнѣ, молъ, вотъ столько-то за эти дуга теперь даютъ; согласны вы будете то же платить, а вамъ предпочтеніе отдамъ...“ Но тѣ будто не понимаютъ и начи-наютъ ту же лѣсню: „Намъ, господишь, ваше благородіе, извѣстно, коли безъ травы, значить не жить, а какъ мы сдѣлственно всегда тѣми кругами пользовались...“—„Не пользо-вались, а *кортючили* у покойнаго дяди, въ аренду брали; Крусановскіе дуга, сами знаете, въ лавѣ имѣнія не вхо-дятъ и всегда составляли отдѣльную оброчную статью. Вы же получая надѣлъ *полный* и на остающіеся затѣмъ во владѣніи моемъ угодья никакого права не имѣете...“ А тѣ свое: „какъ покойный господишь нашъ, извѣстно, отдалъ намъ пока нашего вѣка хватить“...—„Не „вашего“ а *его* вѣка!“ доказыва-етъ Блиновъ,—„а я, его наследникъ, вамъ ихъ не согласенъ теперь отдать за ту же цѣну!“—„Воля милости вашей, а какъ, значить, безъ луговой земли мы надѣла принимать не мо-жемъ и на грамоту не согласны“... Три мѣсяца бился съ ними Борисъ Васильчъ,—ничего подѣлать не могъ!...

— Да, научился терпѣнію за это время! дѣлаво прогово-рилъ Троєкуровъ. Онъ сидѣлъ съ закутою на спинку сво-его деревяннаго стула головой и съ полуприжмуренными гла-зами въ усталой цѣп, вѣрнѣе, скучающей позѣ человека, которому то что онъ слышитъ давно услѣло надобъсть до-смерта.

— Необразование все, именно „темный народъ“. Жалѣть его надо! вздохнулъ на это смотритель.

— Не скажите! усмѣхнулся въ отвѣтъ Борисъ Василь-чъ:—на ловѣрку-то выходитъ что они эти дуга *кортючили* у старика Блинова по 40 рублей за кругъ, косили въ вахъ на свою потребу менѣе половины, а остальные отдавали въ аренду по 90 рублей тому же кулецу который теперь пред-лагаетъ Блинову-наследнику взять у него всѣ Крусановскіе

луга по 80 рублей. Афера, какъ видите, недурная, которой, пожалуй, и не „темный“ человекъ позавидуетъ!

Гриша Юшковъ, молча и сосредоточенно прислушивавшійся все время къ разговору, подвинулъ вдругъ голову:

— А если господинъ Блиновъ согласится на это предложеніе, арендатель будетъ теперь съ этихъ же крестьянъ даже не по 80, а уже по 100 за тотъ же кругъ луга брать!

— Естественно! отвѣтилъ хладнокровно Троекуровъ.

Глаза студента вспыхнули:

— Вы полагаете что такъ и слѣдуетъ?

— Ничего не полагаю, а нахожу это совершенно естественнымъ.

— Право собственности, Гриша, словно подсказывая орбѣвшему ученику на экзаменѣ, шелкулъ ему дядя.

Молодой человекъ видимо готовился возразить, но какъ бы невольно повелъ взглядомъ въ сторону отца и проговорилъ только сквозь зубы:

— Да, я это вижу!...

— Что ты видишь? спросилъ спокойно глядя на него Павелъ Григорьевичъ.

Гриша подвинулъ на него свои голубые глаза.. Минутное колебаніе сказалось въ его чертахъ...

— Эксплуатацію бѣднаго богатыхъ, произнесъ онъ на сколько нѣтъ твердымъ голосомъ.

Всѣ глаза обернулись на него. Какое-то скорбное ощущеніе сказалось на мигъ въ чертахъ его отца, но онъ все такъ же спокойно отвѣчалъ ему:

— А въ противномъ случаѣ, еслибы наследникъ Блиновъ оставилъ попрежнему крестьянъ платить по 40 за кругъ владѣльцу, а сдавать ее самимъ тому же купцу по 90,—какъ бы ты это называлъ,—эксплуатаціей богатаго бѣднымъ?

Доводъ этотъ какъ бы смутилъ молодого человека:

— Ужь не знаю, только...

Мягкая, юношеская улыбка словно прорвалась вдругъ и освѣтила на мигъ все его лицо:

— Ну ты, лала, ни Борисъ Васильевичъ вѣдь этого сами дѣлать не стали бы!

— Очень спорно, но очень лестно! разсмѣялся Троекуровъ;—интересно во всякомъ случаѣ знать изъ чего вы это заключаете, молодой человекъ? Не изъ того ли что мы съ вашимъ батюшкой старше „эстетика“, какъ говорится

теперь въ вашихъ журналахъ, не способные быть „реальными“ деятелями „новой жизни“?

— Нѣтъ, съ потускнѣвшимъ снова взглядомъ отвѣтилъ студентъ, — а потому что въ васъ настолько есть честности, чтобы понимать тѣ реальныя несправедливости нынѣшняго общественнаго строя которыя опираются на *посланый законъ*, презрительнымъ тономъ произнесъ онъ.

Павелъ Григорьевичъ досадливо взерошелъ свои густые сѣдоватые волосы:

— Ну, „общественный строй“ мы пока отложимъ въ сторону... А насчетъ того что, по твоему, мы съ Борисомъ Васильевичемъ не поступили бы такъ какъ Баиновъ, то есаубы, положимъ, ты и не ошибся, то, повѣрь, ужь никакъ не потому чтобы мы это почитали „несправедливымъ“...

— А почему же тогда? быстро возразилъ Гриша.

— А потому, во первыхъ, что до Бориса Васильевича, то онъ, какъ очень богатый человекъ, изъ-за скуки изъ-за одной препираться съ крестьянами о какихъ-нибудь пятистахъ рублей лишникъ за эти дуга, не сталъ бы подымать на нихъ цѣну. А во вторыхъ, потому что у насъ съ нимъ... Старый морякъ какъ бы затруднялся выразить свою мысль, — потому что въ насъ лежитъ это старое... барское что-ли... чувство, которое сразу изъ себя не вырвешь, не охота руки марать... жидовствовать съ мужикомъ... Но перемѣна отношеній создаетъ и новыя понятія, да и расчеты иные. Баиновъ, дядя, налримврь, не „идеалистъ“ былъ, а практикъ, и всю нашу старую помѣщичью науку твердо зналъ; ему, само собой, очень хорошо было извѣстно что крестьяне платятъ ему половину мѣнѣе того что онъ получалъ бы съ кулца за свои дуга, но онъ оставлялъ ихъ за крестьянами, оставлялъ имъ и брать даже выгоду съ этого кулца, потому что въ этомъ былъ его хозяйственный расчетъ, потому что это были его крестьяне, его рабочая сила, и что чѣмъ эта сила соотоятельнѣе тѣмъ для него, помѣщика, было это выгодно. Онъ терялъ на арендѣ дешево доставшихся ему дуговъ, но эти деньги съ лухвой возвращались ему тѣмъ что онъ могъ теперь требовать отъ крестьянина чтобъ онъ и лишнюю корову, и лишнюю лошадь держалъ, чтобъ онъ на нихъ корму не жалѣлъ, побольше навозу копилъ, да свое и господское дѣло аккуратнѣе и живѣе спорилъ. Онъ своего стамъ и достигалъ... Теперь спрашивается: изъ-за чего сталъ

бы его наследникъ дарить этимъ же крестьянамъ половину дохода съ единственной цѣнной недвижимости остающейся ему послѣ разверстки съ ними угодій? Что это за люди для него теперь? Трудъ ихъ у него отнять, всякая нравственная съ ними связь порвана, всякое вліяніе его на нихъ тщательно устранено. И онъ и они совершенно чужіе теперь другъ другу, всѣ отношенія ихъ выражаются грошомъ: кто у кого дороже запросить и кто кого дешевле найметъ... Блиновъ, помещикъ, поступаетъ совершенно такъ какъ заставляетъ его дѣлать новый порядокъ вещей созданный въ Россіи положеніемъ 19 февраля, и его никакъ за это упрекнуть нельзя.

— Ну да, вырвалось на это у Гриши,—по буквѣ все того же писаного закона, по кодексу той же эгоистичной, заѣдающей буржуазной социологіи!..

Что-то желчное скривило губы Павла Григорьевича; онъ судорожно чиркнулъ спичкой по столу, приложилъ огонь къ потухшей своей напирсоѣ:

— А то какъ же? вѣжданно отвѣтилъ онъ:—своего отъ корня ничего развить и оставить не сумѣя, такъ и учись русскій владѣлецъ обходиться теперь съ крестьяниномъ такъ какъ обходятся *тамъ* между собой *пропріетеры* и *пейзаны*... Чему другому, а этому научимся скоро... какъ бишь ты называешь?—„буржуазному“ *заданію* что ли...

Троекуровъ всталъ съ мѣста и слегка потянулся:

— Ну, этого намъ не занимать-стать! Изъ собственныхъ „корней“ такое взаимное „заданіе“ устроимъ что, какъ въ этомъ шарѣ о двухъ грызшихся львахъ, одни хвосты развѣ останутся... А я все-таки очень радъ, перебилъ онъ себя—что въ этой претензіи Блиновскихъ крестьянъ губернскаго присутствіе положило наконецъ рѣшительно отказать имъ. Введу имъ теперь обязательно грамоту на основаніи подлежащей статьи Положенія—и дѣлу конецъ!

Гриша Юшковъ быстро взглянулъ на него, какъ бы желая что-то сказать ему, но не сказалъ, и наклонившись въ сторону сосѣдки своей, княжны, проговорилъ полушепотомъ:

— Напрасно это думаетъ Борисъ Васильевичъ: крестьяне положили ли за что не отступаться отъ своего *права*.

— Да-а? протянула она, словно просыпаясь отъ сна...

III

Повѣрь, страданье нужно намъ,
 Не испытавъ его нельзя познать и счастья.

Баратынский.

Кира Кубевская не мало измѣнилась съ тѣхъ поръ какъ мы разстались съ нею, читатель. „Общественные вопросы“, которымъ отдавала она всю себя тому два года, какъ бы вовсе перестали занимать ее; она по крайней мѣрѣ замѣтно избѣгала говорить о нихъ. Да и вообще она какъ будто вся теперь опять ушла въ себя, въ какой-то внутренней тайникъ свой, куда не дозволяла проникнуть ни чьему нескромному взгляду. Но во вѣдшемъ ея обиходѣ, въ отношеніяхъ къ людямъ,—къ лицамъ, среди которыхъ жила она теперь въ этомъ уголкѣ черномоземной Россіи, не было уже ничего похожаго на ту жесткость и раздражительность съ которыми обращалась она бывало со своими и чужими въ Москвѣ, въ Арбатскомъ домѣ Марьи Яковлевны Лукояновой. Княжна смирилась... или казалась смирившеюся,—казалась прежде всего самой себѣ... Многое, дѣйствительно, измѣнилось въ ней, много для нея успѣло смолкнуть преждѣхъ, увлекующихъ, но обманчивыхъ лѣсенъ... Иная лтицы заводила теперь свои колѣнца въ ея какъ бы вдругъ размягчившейся душѣ, и она съ какимъ-то ужасомъ прислушивалась къ ихъ подбирающимся, къ ихъ подкулающимъ голосамъ... О счастья, о личномъ счастьи все настойчивѣе лѣли они ей,—ей, сектанткѣ, фанатичкѣ „общаго блага“, которому,—давно ли?—мечтала она пожертвовать „всю жизнь“... Что же то, „старое“,—уже ли совсѣмъ отлюбила она его? тревожно спрашивала она себя подчасъ, и не находила отвѣта. Отъ этого „старого“ чувствовала она въ душѣ лишь какую-то ужасную усталость... Послѣ своихъ дворянскихъ недочетовъ она, какъ мы знаемъ, уѣхала по совѣту Троекурова въ Москву, къ изнемогавшей отъ безплощадной болѣзни теткѣ, которой внезапный пріѣздъ ея принесъ неожиданное и глубокое утѣшеніе. Марья Яковлевна изнывала отъ тоски въ разлукѣ съ дочерью, и вмѣстѣ съ тѣмъ упорно отказывалась ѣхать къ ней или вызвать ее къ себѣ въ Москву, боясь „жалкимъ видомъ своимъ“ губельно повліять на ея роды. Она скрывала свое положеніе отъ Сашеньки, об-

манывала ее веселыми письмами, когда смерть уже стучалась въ ея двери. Въ вернувшейся къ ней „какимъ-то чудомъ“ племянницѣ она увидѣла ангела посланнаго милосердымъ Небомъ для того „чтобы родная рука закрыла ей глаза“, и страстно привалась къ ней вдругъ, на порогѣ могилы. Кира широко въ свою очередь отозвалась на это чувство. Въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ она не отходила отъ кресла или изголовья больной, ободряла ее въ невыносимые часы страданія, развлекала въ минуты удручавшихъ ее мрачныхъ мыслей. И, страшное дѣло, сама она какъ бы развлекалась и отрывалась отъ томившей ее внутренней тоски въ этихъ нехитростныхъ, не забирающихся въ область „общаго“, простыхъ, практическихъ заботахъ о „страдающемъ ближнемъ“. Заботы эти раздѣляла съ нею старая знакомая наша, маленькая Лизавета Ивановна Срътенская, не отходившая теперь, какъ и она, отъ постели „благодѣтельница“, и княжна внимательно приглядывалась теперь къ ней, прислушивалась къ ея обмываніямъ, невѣроятнымъ рѣчамъ, старалась угадать тайну того неотразимаго обаянія которое (она почувствовала это только теперь, только теперь начинала объяснять себѣ пріязнь Сашеньки къ этой „лондонкѣ“) исходило вмѣстѣ съ тѣмъ какими-то проникающими лучами изъ этого робкаго, болѣзненнаго и недалекаго существа... Однажды позднимъ вечеромъ, утомленная и нервная, княжна вышла изъ покоя заснувшей послѣ припадка тетки, и пройдя въ сосѣднюю комнату, служившую ей самой спальнею, усѣлась за столъ и взяла лежавшую на немъ книгу. Это была книга-то привезенная ей томикъ недавно издаваемыхъ стихотвореній Хомякова. Она развернула его на угадъ...

„Молю, да слово сиамъ грянетъ,
 Да скажешь: „Встань!“ душѣ моей:
 И мертвая изъ гроба встанетъ,
 И выйдете въ свѣтъ звѣзды лучей!“ *

прочла она... И вдругъ книга выпала изъ ея рукъ и нежданная, необъяснимая для нея слезы полились неудержимымъ потокомъ изъ ея глазъ. И въ то же самое время чья-то легкая, едва чувствуемая рука обняла ее шею и дѣтскитихій голосъ прошепталъ ей на ухо: „Плачьте, ангелъ мой, плачьте, слезы—Божья роса, отъ нихъ цвѣтики алые на ду-

* *Воскресеніе Лазаря.*

нѣ раздѣляютъ"... И въ первый разъ въ жизни не устыдилась она слезъ своихъ, не устыдилась *самодѣланныхъ* этихъ „необъяснимыхъ“ слезъ...

Но „дѣвтикамъ алымъ“ еще не дано было раздѣсть въ душѣ ея; „мертвая зыбь“, по выраженію моряковъ, не успѣла еще улесть въ ней. Княжна Кира могла наложить на себя добровольно желѣзныя вериги посаушанія и вкушать отъ этого подвига тайную и горделивую отраду, но не въ силахъ была она обрѣсти этимъ ту голубившую ясность и радость отреченія которыми такъ подкулала ее эта случайная ея подруга у ложа умирающей. Счеты ея съ прошлымъ не были еще окончательно сведены; съ какимъ-то внутреннимъ содраганіемъ сознавала она что рано или поздно ее потянетъ опять „туда“, въ жизнь, — in's feindliche Leben, какъ сказалъ лотъ.

По смерти Марьи Яковлевны она, все въ той же роли утѣшительницы, поѣхала во Всевогтское къ Александрѣ Павловичѣ Троекуровой. Молодая женщина, только что оправившаяся послѣ довольно трудныхъ родовъ, принимала ее съ тѣми же чувствами страстной благодарности съ какою привѣтствовала прїѣздъ княжны изъ Петербурга ея покойная мать, и умоляла ее посѣтиться у нихъ, въ ихъ „гнѣздышкѣ“, какъ называла она свою роскошную и веселую усадьбу. „Прощи и ты!“ говорила она мужу, — „она тебя, можетъ-быть, больше послушаетъ“.

— Не стану, сказала просто Троекуровъ: — княжна должна знать что она здѣсь у себя, подчеркнул онъ: — захочетъ, останется, не захочетъ уйдетъ...

Кира сочла лучшимъ уѣхать...

У нея были старыя друзья, бездѣтные мужъ и жена, возвращенные изъ Сибири въ числѣ другихъ политическихъ ссыльныхъ вслѣдъ за амнистіей данною на зарѣ новаго царствованія. Она поселилась съ ними въ Жемевѣ, откуда по временамъ совершались ими экскурсіи въ Италію или на воды, на берега Рейна... Тамъ однажды въ одномъ русскомъ семействѣ, съ которымъ она случайно познакомилась, встрѣтила она человека, имя и дѣла котораго служили въ то время въ Германіи, — да и не въ ней одной, — предметомъ восторженныхъ сочувствій и яростныхъ недоброхотствъ. Звалъ его Фердинандъ Лассаль. Княжна знала о немъ по газетнымъ полемикамъ и по одной изъ брошюръ его, заинтересовавшая ее своимъ содержаніемъ. Она касалась того самаго мотива

которому она—такъ ребачески“, создавалась она теперь му-
трежно,—думала служить въ своемъ фрейлинскомъ званіи въ
петербургскомъ дворцѣ. „Это гениальный человекъ“, говори-
ла ей въ томъ знакомомъ ей рускомъ дѣлѣ, —говоря въ
этой семьѣ дѣвушка, умѣвшая, какъ оказывалось, вышуты
этому человеку „всепожрающий пламень“*, — „это самоот-
верженный, сильный, великій борецъ за народъ, за немуща-
го, за обездоленнаго пролетарія!“... Замолкшія струны заде-
няли еще разъ въ душѣ Керы. Она провела три вечера сря-
ду съ „великимъ борцомъ“, жадно слушая его и добираясь до
самыхъ мелкихъ подробностей излагаемыхъ имъ теорій. Онъ
былъ польщенъ ея вниманіемъ и видимо старался показаться
ей съ самой блестящей своей стороны. Онъ былъ замѣ-
чательный диалектикъ, говорилъ горячо, смѣло, *наосно*, если
можно такъ выразиться: держался *высокаго слога*, ухищрен-
ныхъ метафоръ и превыспреннихъ оборотовъ, съ употребле-
ніемъ при этомъ тѣхъ *чувствительныхъ* выраженій которыми
изобилуетъ нѣмецкая рѣчь и почти всегда оскорбляется рус-
ское ухо... Чѣмъ долѣе и внимательнѣе слушала его кня-
жна, тѣмъ холоднѣе, чувствовала она, становилась у нея на
душѣ. Страстность, — *показная, ударная* страстность его из-
ложенія не будила въ ней ничего подобнаго тому *подымаю-*
щему чувству съ которымъ внимала она когда-то простымъ
рѣчамъ Гундунова и его единомышленниковъ... Прежде всего
этотъ человекъ возбуждалъ въ ней какое-то физиологически-
непріятное ощущеніе (она съ неудовольствіемъ даже подмѣ-
тила въ себѣ въ первый разъ этотъ отвѣтокъ). Ея аристократическая
и аристократическая кровь какъ-то инстинктивно возмущалась
непомѣрною самоувѣренностью этого Семита, плебейскимъ
тщеславіемъ словно „прыскавшимъ“ изъ каждаго изъ его су-
става. Изъ-за каждаго его слова сквозило для княжны назой-
ливое требованіе признанія этой его „гениальности“, въ ко-
торой болѣе всѣхъ увѣренъ былъ онъ... а слова его между
тѣмъ не расшевеливали въ ней никакого отвѣтнаго чувства.
Въ его плаваніяхъ общественнаго переустройства, сказывалось
ей, не лежало „высшаго духа“, все основывалось на „какой-
то чисто экомической растасовкѣ человеческихъ суще-
ствованій“. „Все это, можетъ-быть, такъ и нужно *здѣсь*,
у васъ,—но у васъ, нѣтъ, нѣтъ, спаси васъ Боже отъ такого

* *Дневникъ зѣби С. С. Вѣстникъ Европы 1877, кн. 11.*

матеріальнаго и эстетическаго будущаго!⁶ выговорила она ему прямо. Собесѣдникъ ея засмѣялся и возразилъ ей что Россія своимъ общественнымъ устройствомъ гораздо еще болѣе подготовлена воспринять его ученіе чѣмъ Германія со своимъ „еще укрѣпными феодальными устоами“,—и тутъ же, переходя опять къ своимъ планамъ и чаяніямъ рѣшительной побѣды надъ врагами, заключилъ звенящимъ отъ внутренняго торжества голосомъ, пожирая огненными черными глазами русскую дѣвушку, въ домъ которой происходилъ этотъ разговоръ: „И близко уже то время когда женщина которая сумеетъ полюбить меня всѣми силами своего существованія, тою непреодолимою, *сивантскою* любовью, что единственно можетъ удовлетворить такого челоуѣка какъ я,—когда эта женщина вѣдетъ рядомъ со мной въ золотой каретѣ, влекомой шестью бѣлыми лошадьми, въ Брандербургскія ворота Берлина при кликахъ восторженнаго привѣта шестисотъ тысячъ голосовъ“... * Онъ еще не договорилъ какъ княжна встала, поклонилась и вышла.

Невыгодное впечатлѣніе вынесенное ею изъ этой встрѣчи повліяло—недаромъ заговорила въ ней въ первый разъ *женищина*—на весь ея внутренній міръ. Ее какъ бы вдругъ теперь откинуло совсѣмъ отъ того что такъ долго составляло почти исключительный предметъ ея мыслей. Вернувшись въ Швейцарію она положила не читать газетъ и „вообще не заниматься современностью“, удовлетворяя своей любознательности книгами историческаго, а также духовнаго содержанія, на которыя указывалъ ей одинъ очень умный Французъ, прелать, часто наѣзжавшій въ Женеву изъ сосѣдняго Ліона для какихъ-то дѣлъ тамошней католической паствы, и съ которымъ она случайно познакомилась.

Такъ текли ея дни, такъ прошло полтора года. Люди съ которыми жила она были лживые, усмирѣнные и *ленивые* люди... Если не ясно, то тихо было и на душѣ Клары. Она сама съ тайною проныей сравнивала себя шмой разъ съ горнымъ потокомъ вылившимся на гладь „ровной до приторности“ долины. Но въ глубь этихъ недвижныхъ теперь водъ она какъ

* *Воспоминанія о Лассалѣ* гжи Раковичъ (урожденной Дѣнягесъ изъ за-которой произошла дуэль между Лассалемъ и Раковичемъ, ея въ то время женихомъ, кончившаяся смертью перваго). Перев. въ *Нов. Врем.* 1878 года.

бы боялась заглядывать. Подъ зорникомъ ихъ, поникло ея воли, гауко, какотало и выносило какое-то незримое теченіе. Куда?... Она уловно избѣгала отвѣчать себѣ на это...

Ей суждено было похоронить тамъ, на чужбинѣ, своихъ старыхъ друзей. И мужъ и жена угасли въ недалекомъ другъ отъ друга теченіи времени. И снова, и еще мучительнѣе чѣмъ прежде, замыло въ сердцахъ княжны сознание сиротства и безцѣльности ея жизни...

Мы уже знаемъ оной какихъ доводовъ услѣла Александра Павловна Троекурова убѣдить ее вернуться въ Россію, къ ней, во Всесвятское. По полученіи письма, въ которомъ двоюродная ея сестра предвѣстительно преувеличивала опасеніе за исходъ вторыхъ своихъ родовъ, Кира цѣлый день провела въ сильномъ волненіи. Въ ней происходила какая-то тяжелая борьба между тѣмъ что представлялось ей „правственнымъ ея долгомъ“ и чѣмъ-то другимъ—обязательнымъ... и страннымъ. „Что же, уйми всегда въ моей власти“, рѣшила она въ заключеніе, расширяя свои прозрачныя взоры съ тѣмъ гордымъ выраженіемъ кровной арабской лошади которое составляло отличительный смыслъ всей ея наружности, и уѣхала на другой же день.

И вотъ мы встрѣчаемъ ее въ настоящую минуту здѣсь, у Юшковыхъ, недалекихъ сосѣдей и близкихъ друзей хозяевъ Всесвятскаго, гдѣ гостить она уже третій мѣсяць. Мы видѣли что она прибыла сюда, въ Углы, „по порученію Сашеньки“, сказать ея мужу что та сама собиралась встрѣтить его, но рѣшилась „изъ-за зубковъ Васильки“... Она затѣмъ осталась тутъ чай пить, безмолвно и недвижно прислушиваясь къ переданнымъ вамъ читателю разговорамъ. Что думала она въ это время—свою ли особую думу или о томъ что составляло мотивъ этихъ разговоровъ—мы не знаемъ, но то что нежданно прошепталъ ей сейчасъ молодой Юшковъ о Блиновскихъ крестьянахъ какъ бы внезапно пробудило ее.

— Да? повторила она;—вы почему знаете?

Гриша покраснѣлъ еще разъ.

— Я знаю! коротко промолвилъ онъ не глядя на нее.

А Троекуровъ, какъ бы вспomniaвъ, говорилъ въ это время его отцу:

— Никаноръ Ильичъ Ранцевъ, само-собой, оказалъ мнѣ въ губернскомъ присутствіи полное содѣйствіе по этому дѣлу.

— Еще бы! Поченникъ, а не теоретикъ, засмѣялся Павелъ

Григорьевичъ.—Ахъ, батюшка, вспоминаетъ и оны, — вѣдь у меня сегодня была его эксъ-супруга, молодая княжна Ша-стунова!...

— Она здѣсь? спросилъ Борисъ Васильевичъ, слегка при-жмурившись.

— Здѣсь, и чего вѣдь требуетъ отъ меня!...

Она передала ему то что уже извѣстно читателю.

— Что же, скажите на милость, говорилъ оны, — могу я тутъ, какъ предводитель? Претензія ея о возвращеніи ей све-кровью ея капитала растраченного мужемъ подлежитъ су-дебному разбирательству, — и та можетъ мнѣ просто указать дворъ если я явлюсь къ ней съ этимъ... Побкать я все-таки неѣду, потому что общалъ, прибавилъ оны тутъ же, — но ужь, право, не знаю съ какой стороны къ ней приступить.

— А вы валутайте ее, предложилъ смѣлся Борисъ Василье-вичъ, — скажите ей что если она не локоичать миролюбиво съ невісткой, вы увидите себя въ необходимости, какъ есте-ственный зацѣпникъ дворянства своего уѣзда, довести объ-этомъ черезъ губернатора до Высочайшаго свидѣнія.

— Попробую, отвѣтилъ съ такимъ же смѣхомъ Юшковъ; — но и безъ васъ не обойдется, предвѣряю. Красавица объявила мнѣ что давно знакома съ Александрой Павловной и съ вами, и непременно у васъ будетъ.

— Сашенька голучила отъ нея записку сегодня, сказала княжна, зорко вдругъ устремилъ глаза свои на Троєкурова, — въ которой она говоритъ что хочетъ пріѣхать къ ней завтра во Всесвятское.

Оны неопредѣленно поглядѣлъ на говорившую, потянулъ усь и закусалъ губу.

— Однако поздно, пора домой, жена безлокоитъса будетъ, быстро проговорилъ оны черезъ мгновеніе.... И обращаясь къ Кирѣ съ шутивною церемонностью:

— Я къ вашимъ услугамъ, княжна! Какъ прикажете: въ экилажѣ или верхомъ? Скоробогатовъ, я видѣлъ, распоряди-ся и тѣмъ и другимъ.

— Я на моей *Мисс*, какъ пріѣхала, коротко отвѣтила она.

— И прекрасно! Я очень радъ буду расправить на конѣ ноги послѣ экилажа. Такъ ѣденте!

— А ночь-то вамъ какаа дивная выдалася для проѣздки! сказалъ Павелъ Григорьевичъ, подымаясь съ женой прово-жать ихъ.

— Божественная! подтвердилъ братъ его, устремляя на выкатившійся изъ-за лѣса полный мѣсяцъ свои вѣчно-юные голубые глаза, и тутъ же процитовалъ изъ Козлова:

Ночь весенняя дышала
Свѣтло-южною красой,
Тихо Брента протекала
Серебримая луной...

— Ахъ, пожалуста, княжна, передайте Александрѣ Павловнѣ что я для нея заказала нашему повару сорокъ бутылокъ земляничной водицы, и пришлю къ вамъ во льду, какъ слѣдуетъ, чтобы пробокъ не вырвало, подхвативъ Киру подъ руку, торопливо зашептала Вѣра Омивишна, выходя съ нею изъ бесѣдки. Она точно такъ же какъ и княжна не принимала никакого участія въ разговорѣ „мушкетъ“, но, по всей вѣроятности, изъ пныхъ а именно хозяйственныхъ, соображеній, занимавшихъ ее въ это время.

— Грша, прѣвжайте въ воскресенье къ намъ, молвилъ по пути студенту Троекуровъ,—на бекасовъ поѣдемъ.

— Въ воскресенье? повторилъ тотъ какъ бы смущеннымъ голосомъ,—не могу, Борисъ Васильчъ....

— Почему такъ?

— Я общалъ... въ другое мѣсто, проговорилъ онъ торопливо, пропуская Троекурова впередъ, видимо съ тѣмъ чтобы болѣе не говорить объ этомъ...

Юшковы довели гостей черезъ садъ ко двору, гдѣ ждали ихъ лошади. Павелъ Григорьевичъ со своею мѣсколько старосвѣтскою галантерейностью пожелалъ непремѣнно подставить княжнѣ лапоть, олершись на которую одною ногою она другою легко и быстро вскочила на сѣдло и, ласково кивнувъ хозяйевамъ, подобрала поводья и тронулась крулою рысью съ мѣста, не дожидаясь Троекурова. Онъ догналъ ее когда она уже давно выѣхала изъ воротъ усадьбы и спускалась къ гати, придерживая свою *Миссъ*, вздрагивавшую ушами и безлокойно косившуюся на огромныя мельничныя колеса шумно и лѣвисто вертѣвшіяся съ лѣвой стороны ея, всѣмъ облитая серебромъ луннаго сіянія.

За ними шагомъ выѣхалъ со двора англійскій двухмѣстный шарабанъ, запряженный парой кровныхъ вороныхъ въ шорахъ, доставленный въ Углы, вмѣстѣ съ верховою лошадью Бориса Васильевича, все тѣмъ же отставнымъ кавказскимъ служивымъ Скоробогатовымъ, состоявшимъ телерь у своего

„локовника“ въ званіи главнаго конюха. Крещеный Татаринъ, онъ былъ знатокъ и страстный охотникъ лошадей, и берегъ ихъ лучше глаза. Сидя на заднемъ, жокейскомъ мѣстѣ экипажа, онъ зорко оглядывалъ дорогу своими узкими и живыми глазками и ласково улюлюкивалъ своихъ „арабчиковъ“, мороча держаться позади „локовника и барышви“ на такомъ разстояніи „чтобы только голосъ *ишній* услышать въ какомъ случаѣ“...

IV.

Königin..

O, das Leben ist doch schön!
Schiller. *Don Carlos*.

— А ночь въ самомъ дѣлѣ прелесть! сказалъ Троекуровъ, выѣзжая уже рядомъ съ Кирой въ чистое поле.

— Да, отвѣтила она не сейчасъ.

Онъ помолчалъ.

— Вы здоровы, княжна?

— Здорова, вдругъ встреленулась она.—Почему вы спрашиваете?... Я всегда здорова, промолвила она какъ бы отвѣчая чему-то особенному, задѣтому въ ней его вопросомъ.

— И чудесно! А то мнѣ показалось....

— Что?

— Что вамъ, какъ говорится, *не по себѣ* сегодня... Вы просто, я вижу, устали отъ нашей тамъ болтовни съ Павломъ Григорьевичемъ.

— Н-нѣтъ, я слушала... И отчего вы называете это болтовней? спросила она чрезъ мигъ.

— У насъ вѣдь все болтовня, княжна, словно урвалиъ онъ.

— Да, конечно, проронила она въ свою очередь,—вы объявили себя сейчасъ скептикомъ...

— И не правъ я развѣ? Развѣ изъ того потока словъ который изливается въ настоящее время въ Россіи и устно и печатно выходитъ какой-нибудь прокъ?

— Вышло однако то дѣло, съ живостью возразила она,—которому вы служите теперь.

— Вы полагаете?... А какому это дѣлу въ сущности „служимъ“ мы, перебилъ онъ себя:—можете ли вы опредѣлить?

— Дѣлу *справедливости*, во всякомъ уже случаѣ, подчеркнул Кира.

— Положимъ такъ. Но вѣдь это олять-таки *слова*. Думаете ли вы что мы этою „справедливостью“ дадимъ счастье тѣмъ о комъ мы телерь хлопочемъ, что ихъ жизнь отъ этого разцвѣтетъ розами и лиліями?

— Вослутайте ихъ, образуйте!

Троекуровъ усмѣхнулся не то пренебрежительною, не то унылою усмѣшкой.

— По нашему собственному образу и подобию, не правда ли? Отнять у этого народа то послѣднее что есть въ немъ самобытнаго и здороваго и награждать его вмѣсто этого нашимъ безащемъ?.. Одождали бы!..

— Но что же тогда, молвила раздумчиво княжна,—что же въ будущемъ?..

— Vous m'en demandez trop! отвѣтилъ онъ съ какою-то наслованною небрежностью.—Вся наша исторія—какое-то колоссальное недоразумѣніе, и изо всего того что мы творили телерь выйдеть вѣроатно какой-нибудь такой сюрпризь о какомъ мы и лонятія себѣ составить не можемъ въ эту минуту.

Княжна безсознательно укоротила поводья своей лошади:

— А пока что же, проговорила она дрогнувшимъ голосомъ, поворачивая къ нему свое блѣдное лицо,—что же остается, чему вѣрить, Борисъ Васильевичъ?

— Чему?... А вотъ этой вѣчной красотѣ земли и неба! вырвалось у него нежданвымъ порывомъ, и онъ быстрымъ движеніемъ поднявшейся руки указалъ на утолавшую въ лунномъ свѣтѣ окрестность. — Вы не можете себѣ представить, послѣщилъ онъ примолвить насмѣшливымъ тономъ, какъ бы устыдившись этого порыва, — въ какой сентиментализмъ готовъ власть человекъ послѣ трехъ дней *дльовыхъ* дебатовъ о какихъ-нибудь „Крусановскихъ кругахъ!“

— Вѣрю! коротко сказала она, машинально озираясь на какой-то камень о который звякнула лодкова ея *Миссъ*.

— Въ такія ночи, заговорилъ онъ черезъ мигъ,—мнѣ всегда вспоминается Кавказъ и тамошняя природа...

— Вы жалѣете о нихъ?

— Случается... Человекъ вѣдь такъ ужъ созданъ что онъ непремѣнно о чемъ-нибудь жалѣеть, даже о тюрьмѣ, какъ Шильфонскій узникъ... Дѣйствительно, тамъ были дни лютой скуки, но минуты какія за-то!... Тамъ *краски*, тамъ поэзія *неожиданности*...

— „Краски“, да; вы, кажется, прежде всего требуете *этого* отъ жизни? не громко промолвила княжна.

— Само собой!... И какъ мало ужъ ихъ остается въ мірѣ, какъ исчезаютъ они повсюду съ каждымъ днемъ! произвесь Троекуровъ со вздохомъ;—черезъ сто лѣтъ — думали ли вы объ этомъ когда-нибудь? — въ какую мерзость превратится нашъ міръ!... Вотъ вы сейчасъ интересовались будущимъ. Представьте же себѣ: весь земной шаръ—одна огромная мастерская, всѣ племена его и роды—въ однихъ и тѣхъ же ладжакахъ и плавирахъ на головѣ, природа—черная и зловонная отъ дыма и гаря паровыхъ машинъ, и банкирскій гробухъ замѣняющій всѣ вѣрованія, всѣ законы и всю литературу человѣческую... Ни страстей, ни поэзіи, ни искусства, — одинъ муравей какъ всѣ, и всѣ какъ одинъ! Красиво?... А вѣдь къ этому не отвратимо, fatalement ведетъ то что называютъ „общечеловѣческимъ прогрессомъ“... По мнѣ, въ торговѣ, въ рудникахъ теперь лучше чѣмъ въ этомъ будущемъ раю на землѣ!

Горячка этой выходки вырвала улыбку невольнаго сочувствія къ ней на уста Киры.

— Вы однако согласитесь, сочла она тѣмъ не менѣе нужнымъ возразить,—что этотъ „прогрессъ“, если онъ и стираетъ, какъ вы говорите, въ жизни людей *краски*, которыя вы такъ любите, то за то и ведетъ къ улучшенію судьбы каждаго и всѣхъ, къ распредѣленію между всѣми равной доли земнаго счастья.

— Отрицаю самымъ рѣшительнымъ образомъ! воскликнула Троекуровъ.—Теорія всеобщаго счастья *на землѣ* такой же луфъ какъ и знаменитая формула общаго равенства. Никакая религія, начиная съ Евангелія, ни исторія, ни самая физиологія не оправдываютъ этой претензіи. Здоровый, сильный, умный всегда будутъ счастливѣе больнаго, хилаго, тулаго, и поработитъ его въ той или другой формѣ... Еслибы можно было даже, для блага слабыхъ, уничтожить всѣхъ сильныхъ, то и тогда дѣль не была бы достигнута, потому что и тутъ остался бы градаціи,—кривой все-таки сталъ бы царемъ надъ слѣбными... Что бы люди ни дѣлали, чего бы ни придумывали, въ мірѣ до конца вѣковъ будутъ *надѣленные* и *обездоленные*, владыки и рабы, радующіеся и плачущіе, и благо однихъ все такъ же какъ и теперь будетъ состоять въ прямой зависимости отъ страданія другихъ.

— Но это ужасно! воскликнула княжна,— у васъ какой-то безплощадный фатализмъ, Борисъ Васильичъ...

— Не спорю, сказалъ онъ съ легкимъ пожатіемъ плечъ.— Всякій фатализмъ, между прочимъ, произнесъ онъ какъ бы вскользь,— предполагаетъ за собою вѣру въ нѣкій, неповытанный намъ, но непреложный высшій законъ, которому человекъ волей-неволей принужденъ повиноваться... Если тому инстинктивному требованію лучшей доли, счастья, которое прирождено самой натурѣ человека, мы будемъ искать удовлетворенія единственно здѣсь, въ предѣлахъ *этой* жизни,— то выходитъ, дѣйствительно, какъ вы говорите, „ужасно“,— какое-то бессмысленное стуканіе лбомъ о непрощаемую стѣнку....

Онъ примолкъ вдругъ, какъ бы утомясь этимъ разсужденіемъ, но чрезъ мигъ продолжалъ усмѣхаясь:

— А потому извините, княжна: если никакія человѣческія усилія не въ состояніи искоренить на землѣ несправедливость, насиліе, „эксплуатацію слабого сильнымъ“, какъ проповѣдуетъ Гриша Юшковъ, то ужъ позвольте мнѣ прямо предпочитать тѣ порядки при которыхъ все это является на мой взглядъ живописнѣе и красивѣе... Красота — великая сила! Она облагораживаетъ и самое зло, и отношенія людей къ нему. Кровавожадный Кабардивецъ-хищникъ, но гордецъ и аристократъ до конца ногтей,—поглядѣли бы вы на него въ его художественныхъ лохмотьяхъ!—и какой-нибудь прилизанный бухгалтеръ въ бѣломъ галстукѣ удирающій въ Америку съ кассой своего патрона,—сравните, кто изъ нихъ болѣе оскорбляетъ въ васъ человѣческое чувство?... Нѣтъ, княжна, лучше самыя свирѣпыя, но *живописныя* по крайней мѣрѣ времена, — времена Нерона, Цезаря Борджіа, какого-нибудь Али-паши Яваскаго чѣмъ то что ждетъ людей въ ближайшемъ будущемъ, чѣмъ царство Жида надъ обезличеннымъ человѣческимъ муравейникомъ!...

— Такъ, по вашему, красота, „эта великая сила“, все, или очень многое, по крайней мѣрѣ, должна извинять въ людяхъ?И въ княгинѣ Шастуновой, бывшей Ранцевой,—тоже, Борисъ Васильевичъ? нежданно проговорила Кира.

Онъ былъ такъ пораженъ этимъ вопросомъ что чуть не вылустилъ поводьевъ изъ рукъ. Горячій карабахскій конь его фыркнулъ, взвился и шарахнулся въ сторону, испуганный дивными тѣнами лѣса въ который вѣзжали они.

Троекуровъ осадилъ его, повернулъ на дорогу, и оправившись самъ отъ неожиданности спросилъ съ искусственнымъ смѣхомъ:

— Признаюсь, не ожидалъ! Что это вамъ вздумалось заговорить объ... этой женщинѣ?

— Мы много говорили о ней сегодня съ Сашенькой, отвѣтила по нѣкоторомъ размышленіи княжна.

— По поводу ея записки?... Alexandrine желала бы отклонить это посѣщеніе?

— Да!

— Я самъ очень не радъ этому, промолвилъ онъ сквозь зубы.

Но она слышала:

— И вы тоже! Въ самомъ дѣлѣ?

— Васъ удивляетъ? неволью сказалъ онъ.

Она помолчала опять...

— Вы изъ-за нея дрались на дуэли, сосланы были въ армию? вырвалось у нея вдругъ.

— Кто вамъ сказалъ? вырвалось машинально и у него.

— Сережа Лукояновъ; у нихъ въ полку старшіе офицеры это помнятъ... Онъ мнѣ еще въ Петербургѣ разказывалъ.

— И вы объ этомъ говорили съ Alexandrine? спросилъ онъ морщась.

— Д-да... Она очень...

— Что?

— Она... боится этой женщины...

— Ревнуетъ? Какой вздоръ! вскрикнулъ Троекуровъ.

Княжна, еще разъ замедля ходкій шагъ своей *Misses*, обернулась къ нему съ сѣда:

— Развѣ... скажите откровенно, Борисъ Васильевичъ, молвила она съ какимъ-то неудавшимся намѣреніемъ шутовости въ тонѣ,—развѣ можно такъ *совестно*, подчеркнула она,—выгнать изъ памяти... изъ души то что человѣкъ чувствовалъ такъ сильно прежде, изъ-за чего, вотъ какъ вы, онъ рисковалъ своею жизнью?...

— Другими словами: можетъ ли человѣкъ разлюбить *начисто*?... Это зависитъ...

— Отъ чего?

— О, Боже мой, сколько на это причинъ! засмѣялся онъ:— прежде всего время, разлука...

Кира повела головой какъ бы бессознательно отрицательнымъ движеніемъ.

— Иногда разочарованіе и раскаяніе...

Она вся выпрямилась на своей лошади:

— Раскаяніе! Въ чемъ? Въ томъ что любилъ?

— Въ томъ *кого* любилъ, поправилъ онъ.

— Зачѣмъ же любить... недостойное?

— А! Зачѣмъ? Этотъ вопросъ, княжна, не разрѣшилъ еще ни одинъ философъ въ этомъ мірѣ. Любишь, вы знаете, *wie der Vogel singt*, *потому что*,—и все тутъ!...

— И потомъ въ одинъ прекрасный день,—прочь, не нужно! съ видимою горечью выговорила она. — Такъ могутъ любить одни мужчины!

Онъ засмѣялся еще разъ:

— А женщины?

— Почему я знаю! отрѣзала она вдругъ, и замолкла.

Они ѣхали такъ въ некоторое время, и лишь звонъ подковъ и хрѣлъ ихъ лошадей раздавался въ гулкомъ воздухѣ лѣса черезъ который шелъ ихъ луть. Они то въѣзжали въ густую темь, осторожно наклоняя головы подъ низко опустившимися вѣтвями, то выбиралась на *рѣдину*, сквозь широкія прогаланы которой мѣсяцъ обливалъ ихъ своимъ лалевымъ мерцаніемъ. Троекуровъ съ художественнымъ удовольствіемъ слѣдилъ за этою перемѣнною игрой тѣней и свѣта, въ которой то исчезалъ, то какъ бы выплывалъ олять тонкій, стройный обликъ его слугицы надъ темно-гнѣдымъ туловищемъ ея лошади, съ надвинутою на лобъ шляпой и сосредоточеннымъ выраженіемъ изящнаго лица.. „Ей удивительно присталъ верховой костюмъ“, говорилъ онъ себѣ,—„и сидитъ какъ красиво... Породистая она вся такая!“...

— Княжна, заговорилъ онъ, словно кто толкнулъ его.

— Чтѣ? спросила она какъ бы неохотно.

— Скажите мнѣ пожалуйста, какъ вамъ нравится Гунду-ровъ?

Она въ свою очередь теперь поражена была неожиданностью вопроса.

— На чтѣ это вамъ? проронила она съ какимъ-то безлокойствомъ.

— Я вамъ скажу, но вы должны обѣщать мнѣ не передавать этого Alexandrine, потому что я хочу выдать вамъ ея секретъ.

— Обѣщаю. Говорите!

— Она, надо вамъ сказать, положила въ головѣ своей что

Гундуровъ тотъ именно идеальный мужъ о которомъ она давно мечтаетъ для васъ...

— И вы то же? прервала она его провнческѣмъ вопросомъ.

— Я? сказалъ онъ, нѣсколько озадаченный, — я не имѣю мнѣнія на этотъ счетъ.

— Насчетъ чего?

— Насчетъ „идеальности“...

— Кого? Гундурова?

— Ни чѣй вообще. Идеальныхъ людей вообще нѣтъ на свѣтѣ—и слава Богу!... А мужъ онъ *подходящій*, какъ говорится, беспорно!

— Вы находите?

— Совершенно!

— И вы совѣтовали бы мнѣ выйти за него, проговорила съ разстановкой Кира,—вы бы совѣтовали это мнѣ, повторила она,—еслибъ это была не одна фантазія Сашеньки, еслибы Сергѣй Михайловичъ вздумалъ въ самомъ дѣлѣ просить моей руки?

Ему вдругъ стало какъ-то вполнѣ жутко. Но онъ переселъ себя.

— Это очень можетъ быть не одна „фантазія“ Alexandrine, сказалъ онъ, избѣгая отвѣчать на сущность ея вопроса:— Гундуровъ говорилъ мнѣ не далѣе какъ вчера о васъ въ такихъ сочувственныхъ выраженіяхъ, съ такою *нужностью*,—относительно, разумѣется, онъ, вы знаете, не расточителемъ на слова,—что я убѣжденъ, если вы только неможко его поощрите, онъ вашъ на вѣки! договорилъ чуть-чуть насмѣшливо Троекуровъ.

— И мнѣ, по вашему, слѣдуетъ „поощрить“? спросила опять Кира не то печально, не то тревожно.

Онъ дернулъ нервно поводъ своей лошади:

— Почему же нѣтъ, княжна, почему же нѣтъ! произнесъ онъ съ несвойственною ему торопливостію.

— А почему *да?* медленно вымолвила она.

— Потому что, говоря положительно, онъ честный и чистый во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ, обезлеченный, равный вамъ по рожденію и образованію... потому еще что ко всему этому, примолвилъ онъ какъ бы всломанувъ,—вы раздѣляете, сколько мнѣ извѣстно, всѣ его убѣжденія.

— Убѣжденія! повторила княжна, улавшивъ голосомъ, потерявшимъ его въ устахъ ея необычайною *женственностію*

своего отъѣздки. — Понимаю ли я даже теперь что такое „убѣжденіе!“... Вѣдь вотъ сей часъ, когда вы излагали такія безотрадные мысли, я не сумѣла... не нашла ничего вамъ отвѣтить....

Глаза ея мгновенно блеснули какимъ-то фосфорическимъ блескомъ:

— Что же, въ самомъ дѣлѣ, Борисъ Васильевичъ, стремительно проговорила она,—неужели ничего не остается кромѣ „этой вѣчной красоты земли и неба“?...

Что-то словно локорящееся, сдающееся сказалось ему въ этихъ словахъ, въ выраженіи этого устремившагося на него съ лихорадочнымъ ожидаемъ взгляда... Давно забытымъ, молодымъ, захватывающимъ ощущеніемъ забилось вдругъ сердце у Троекурова...

— Кира Никитична, началъ онъ... и оборвалъ, пристально уставившись глазами впередъ.

Прямо предъ ними, шагахъ въ двадцати, на узкомъ про- странствѣ пролежавшей межъ молодою порослью дороги стояла только что выступившая изъ-за кустовъ мужская фигура въ какой-то вызывающей, чтобы не сказать угрожающей, позѣ, въ надвинутой на самые глаза широкополой шляпѣ и съ толстою палкой въ рукѣ отставленной въ бокъ во всю ея длину.

— Эй, кто ты, прочь съ дороги! крикнулъ повелительнымъ голосомъ Троекуровъ, выѣзжая на лошадиную голову впередъ княжны.

Фигура не двигалась.

Онъ далъ шенкель своему карабаху и прямо поскакалъ на нее.

Неизвѣстный правнулъ въ сторону и исчезъ въ ближайшихъ кустахъ.

И въ то же время раздался голосъ договавшей Троекурова Киры:

— Борисъ Васильевичъ, оставьте!... Я знаю кто это, скороговоркой промолвила она выравниваясь съ нимъ;—ѣдьте!

И она лустила лошадь свою круливою рысью.

Онъ недоумѣло, со сжатыми отъ неостывшей досады бровями, повесся за нею... Они проѣхали такъ молча и рядомъ съ полверсты.

Кира перевела *Миссъ* на тихій шагъ и не оборачиваясь на своего слутника:

— Это Иринархъ Овцынъ, сказала она.

— Иринархъ! воскликнулъ съ глубокимъ изумленіемъ Троекуровъ, — овъ здѣсь?..

— Да, и я боюсь для какихъ-то нехорошихъ дѣлъ, послѣднѣе заговорила она; — вы слышали у Юшковыхъ, отецъ спрашивалъ Гришу, кто такой товарищъ который пріѣзжалъ къ нему отъ Троженкова и тотъ называлъ фамилію „Федоровъ“... Это неправда, это былъ овъ, Иринархъ, я знаю!

— Да, я замѣтилъ, Гриша при этомъ казался сковфуженнымъ... И вздоръ тотъ олять который овъ несъ послѣ... Неужели этотъ негодяй успѣлъ сбить съ толку нашего бѣднаго юношу!.. Но какъ вы все это знаете, княжна, откуда?..

— Я получила отъ него письмо.

— Письмо! Чтò ему отъ васъ надо? запальчиво спросилъ и тутъ же, сдерживаясь, закусилъ губу Троекуровъ.

— Овъ мнѣ писалъ еще въ Женеву изъ Лондона, узнавъ отъ кого-то что я тамъ живу, насчетъ тѣхъ бумагъ которыя овъ у меня оставилъ предъ отъѣздомъ своимъ изъ Петербурга. Я ему тогда же отвѣтила что принуждена была ихъ сжечь по такой-то причинѣ... Вы помните, вы въ самый этотъ день пріѣхали ко мнѣ во дворецъ вслѣдъ почти за графомъ Анисьевымъ... Но овъ не повѣрилъ мнѣ или... искалъ случая видѣть меня, — сдержанное неудовольствіе послышалось въ тонѣ княжны, — овъ мнѣ на это написалъ олять что сообщеніе мое не удовлетворяетъ его и что овъ будетъ ко мнѣ въ Женеву для личныхъ объясненій. Я этого никакъ не желала и чтобы не писать, скорѣе телеграфировала ему въ Лондонъ что въ письмѣ моемъ заключалось все чтò ему требуется знать о его бумагахъ, а потому я ни малѣйшей надобности не вижу объясняться съ нимъ еще на словахъ. Черезъ нѣсколько времени однако явился ко мнѣ какой-то его товарищъ съ новымъ письмомъ отъ него; я письма не приняла, но посланному передала подробно весь эпизодъ мой съ графомъ Анисьевымъ. Тотъ выслушалъ, простился и ушелъ. Этимъ кончилось, и я за границей уже болѣе не слышала объ Овцынѣ... Только вчера вечеромъ Анфиса говоритъ мнѣ вдругъ, очень взволнованная, что одинъ знакомый ей по Москвѣ человекъ, служащій у помѣщика Троженкова, принесъ на мое имя письмо отъ какого-то господина, который гоститъ у его барина, но что она умоляетъ меня приказать ей это письмо сжечь не читая, потому

что, говорить, „изъ этого Трофимковскаго гнѣзда одна леза можетъ идти...“ Я однако потребовала его. На конвертѣ столъ мой адресъ писанный незнакомою мнѣ рукой, но когда я его вскрыла я увидала руку Иринарха...

— Письмо это у васъ? отрывисто спросила Троекурова.

— Нѣтъ, я пробѣжала его... мнѣ было любопытно узнать какъ онъ очутился здѣсь и для чего,—и затѣмъ приказала дѣйствительно Амфисѣ съечь его... Она была права: лучше было не раскрывать! какъ бы про себя проговорила Кира.

— Чтѣ же заключалось въ немъ? Не секретъ, надѣюсь?

— Нѣтъ, я вамъ скажу, отвѣчала она со сдерживаемымъ все также, но помимо ея воли прорывавшимся въ голосѣ волненіемъ,—потому что, я думаю, вамъ... вамъ это надо знать. какіе-то намека, угрозы...

— На чтѣ намеки, угрозы кому? восклицалъ весь заняла Борися Васильевичъ.

— Онъ писалъ что пріѣхалъ сюда для какого-то „предпріятія“ и долженъ поэтому скриваться отъ „аггвазловъ“, вслѣдствіе чего явиться прямо во Всесвятское не можетъ, но что ему необходимо видѣться со мной, потому что „нѣкоторыя лица предавая дѣлу свободы“ захвачены правительствомъ и посажены въ тюрьму на основаніи данныхъ о нихъ, которыя будто могли бы сдѣлаться извѣстными только изъ бумагъ которыя онъ отдалъ мнѣ на сохраненіе... Вѣдь это ложь и оскорбленіе! прорвалось наконецъ у Кире негодующимъ взрывомъ: — это все равно что сказать мнѣ что я солгала, не кинула, какъ сказала, бумаги эти въ огонь, а передала ихъ полиціи!..

— Разумѣется, ложь, и самая глупая, разчитанная на то что вы для своего оправданія согласитесь наконецъ объясниться съ нимъ лично... Онъ просилъ васъ, конечно, назвать ему время и мѣсто свиданія?

— Онъ самъ назначалъ его мнѣ, гадливо произнесла Кира:— онъ говорилъ въ письмѣ что будетъ ждать меня три вечера сряду въ полвочъ, въ концѣ сада, за рѣчкой, у каштетки выходящей въ поле... и что если я не приду на разу, то онъ „возлагаетъ на меня самую отвѣтственность за послѣдствія которыя могутъ отъ этого произойти“, подчеркнула она съ презрительнымъ выраженіемъ въ задрожавшихъ воздрахъ.— Сегодня, прощически прибавила она,—онъ вѣроятно разчитывалъ на разговоръ со мной сверхъ абонементна и, узнавъ какъ-

вѣбуй что я поѣхала къ Юшковымъ, вышелъ сюда ко мнѣ на встрѣчу на дорогу...

— Къ счастью что вы были не одѣ! воскликнулъ Троекуровъ.

Глаза ея мгновенно сверкнули.

— Я и одна сумѣла бы защититься, Борисъ Васильевичъ...

— Да, молвила онъ строго и рѣшительно,—во эта обязанность лежитъ теперь прямо на мнѣ. Вы живете въ моемъ домѣ, подъ моею кровлей... Я не могу допустить чтобы какой-нибудь негодяй...

— Борисъ Васильевичъ, что вы думаете дѣлать! вскрикнула она взвздошанно.

— Это мое дѣло!.. Смѣю надѣяться, княжна, примолвилъ онъ по-французски съ шутовскою напыщенностью выраженія,—что вы имѣете ко мнѣ настолько довѣрія чтобы оставить меня безпрелатственно поступить такъ какъ я почитаю нужнымъ и приличнымъ?..

Она повела на него глазами и тотчасъ же опустила ихъ.

— Да, проговорила она дрогнувшимъ голосомъ,—вы знаете... я вамъ вѣрю!..

Они въѣзжали тѣмъ временемъ въ длинную и широкую каменную аллею, въ самомъ концѣ которой весело сіялъ сквозь открытыя окна рядъ ярко освѣщенныхъ комнатъ одноэтажнаго дома Всесвятскаго.

— Проѣзжайте лотихоньку ко двору, я васъ сейчасъ догоню, сказалъ Троекуровъ, осадивъ своего коня.

Княжна ловиновалась.

Онъ остался на мѣстѣ, прислушиваясь къ гулу катившаго за ними въ нѣкоторомъ отдаленіи шарабана.

— Скоробогатовъ! кликнулъ онъ, между тѣмъ какъ тотъ, завидѣвъ издалека барина, погналъ къ нему уже на полныхъ рыскахъ.

— Чего изволите, ваше вскр...?

— Не повстрѣчался тебѣ сейчасъ у Никольской поросли какой-то человекъ въ круглой большой шляпѣ, съ палкой?

— Точно такъ-съ, встрѣлся... Вы на него изволили крикнуть?

— Да. Ты слышалъ?

— Я сейчасъ на голосъ вашъ *арабчиковъ* и погналъ... Только ужъ вы съ барышней изволили проѣхать, а онъ, смотрю, изъ кустовъ вышелъ, палкой помахиваетъ, идетъ прямо

на экиплажъ... Я ажно испужался, думаю, ежели оны телерича, не дай Богъ, за удила, такъ я аль его въ мякоть раздавлю, аль шарабанъ въ дребезги, потому дѣсь, сами изводите знать... Только оны ничего, бочкомъ прошелъ, свиститъ себѣ... Диву я дался даже откелева *шарлатанъ* * такой проявился; по дѣшнымъ мѣстамъ и не слышать было до сей поры...

— Ну, такъ вотъ что, прервалъ его Борисъ Васильевичъ:— надо будетъ выслѣдить, не явится ли этотъ человекъ къ намъ во Всесвятское,—но такъ чтобы ни единая душа въ усадьбѣ объ этомъ не знала кромѣ тебя. Понялъ?

— Какъ не понять, ваше вскбл...

И старый служивый весь вытянулся вверхъ на своемъ сидѣньѣ.

— Ты каждую ночь, часамъ къ двѣнадцати, пока я не отѣню этого, отправляйся въ садъ; знаешь, тамъ въ концѣ калитка есть?

— Какъ не знать, помилуйте!

— Я имѣю причину думать что оны захочетъ именно пробраться въ эту калитку. Ты гдѣ-нибудь подай, въ кустахъ или за деревомъ, помѣстись такъ чтобы оны тебя никакъ не замѣтилъ. Калитку не запирай и дай ему свободно войти въ садъ.

Скоробогатовъ вопросительно поглядѣлъ на своего „полковника“ и затѣмъ подмигнулъ ему, ослабившись широкою улыбкой:

— Точно такъ, ваше вскбл... волка въ калканъ, значить...

Троекуровъ неволью усмѣхнулся.

— Пусти его свободно войти, повторилъ оны,—а самъ... но только олять такъ чтобы оны не увидалъ тебя,—бѣги немедля доложить мнѣ.

— Ваше-съ... а не сбѣжитъ оны покелева я до васъ добѣгу? спросилъ озадаченный Скоробогатовъ.

— Нѣтъ, усмѣхнулся еще разъ его баринъ,— оны будетъ ждать.

— Слушаюсь! протянулъ ничего уже не ловимая тотъ.

— Ну, съ Богомъ!.. И помни, языкъ за зубами держать! заключилъ Троекуровъ, и поскакалъ по аллеѣ догонять княжну.

* На югѣ Россіи мошенниковъ называютъ „шарлатанами“, какъ въ Петербургѣ „мазуриками“, и „жуликами“ въ Москвѣ.

V.

Въ этотъ мигъ всѣ движенья ея
 Какъ невольникъ безмолвно слѣдилъ я,
 И поно было сердце мое...

Щербина.

Il s'en faut bien que l'innocence trouve
 Autant de protection qu'è le crime.

La Rochefoucauld.

На толотъ ихъ лошадей, изъ одного изъ открытыхъ оконъ дома, стремительно высунулась до пояса молодая женщина въ свѣтломъ лѣтнемъ платьѣ и громко крикнула:

— Кира, ты! А Борисъ?

— Вотъ оны, слѣзаетъ съ лошади, отвѣтила княжна.

— Борисъ, милый!...

И Александра Павловна Троекурова кинулась отъ окна чрезъ всѣ комнаты на лѣстницу и повисла на шеѣ подымавшагося по ступенькамъ мужа, между тѣмъ какъ княжна, которую оны только-что слустилъ съ лошади, проходила, подобравъ хвостъ своей амазонки, за уголъ дома, направляясь къ одному изъ выходившихъ въ садъ павильоновъ въ которомъ жила она

— Хорошо ты съѣздилъ, милый? вѣжно лепетала молодая жена;—а у Васи второй зубокъ прорѣзался! Я непременно хотѣла сама ѣхать къ Юшковымъ увидать тебя скорѣе, но оны, бѣдвенькій, такъ плакала... а потомъ взялъ грудь и такъ у меня на рукахъ и уснулъ... А у насъ гости, возгласила она торопливо.

— Кто такой?

— А вотъ увидишь... Пойдемъ скорѣе!

Она продѣла руку подъ его локоть и, вся сіяющая и смѣющаяся, повлекла его за собой въ комнаты.

Въ пространной, со стекляннымъ надъ серединой ея куполомъ, гостиной, просѣкавшей домъ чрезъ всю его ширину, съ выходившими на дворъ окнами съ одной стороны и большими стекольчатými дверями въ садъ съ другой, сидѣли двое пріѣзжихъ. Услыжавъ шаги хозяевъ они проворно тронулись съ мѣста и лошади имъ на встрѣчу.

— Ахъ, Боже мой, вотъ не ожидалъ! вскрикнулъ Троекуровъ, узнавая Ашанина и Федора Федоровича Овцына;—очень

радъ, очень радъ, какими судьбами? говорилъ онъ пожимая иныя руки съ приветливостью хорошо воспитаннаго человѣка и хозяина, и въ то же время объясняя себѣ мысленно: „Этотъ докъ-Жуанъ—ловято: она, въ этихъ краяхъ; но для чего являса сюда этотъ старый „Ламартинъ“, и именно теперь,—вотъ что интересно!“

Старый Ламартинъ все также, на подобіе своему образцу, застегнутый до галстука, сухой и длинный какъ метла, но съ изгибающею локостью движемій какого-нибудь патентованнаго гимнаста послѣдшилъ объяснить что онъ давно „сгоралъ желаніемъ воспользоваться дорогимъ ему приглашеніемъ прелестной племянницы“—онъ при этомъ со счастливою улыбкой на устахъ склонилъ галантерейно голову въ сторону Александры Павловны—„и полюбоваться на ея счастье“,—причемъ Федоръ Федоровичъ краткимъ, но краснорѣчивымъ взглядомъ обвелъ кругомъ яркоосвѣщеннаго, цѣмнубражнаго локоя въ которомъ они находились, и вздохнулъ. А вздохнулъ, перевелъ уже естественнымъ нюансомъ на таинственность и, понизивъ голосъ, передалъ скороговоркой что „есть еще одно обстоятельство заставившее его прійхать въ эти страны, но что онъ объ этомъ сообщитъ Борису Васильевичу послѣ, послѣ“...

Онъ вытянулся опять весь въ струну, принявъ свой обычный *приятный* видъ и, указывая на Ашанина:

— А тутъ еще такого безплодобнаго *compagnon de voyage* судьба послала, ослабился онъ во все лицо,—мы вотъ вмѣстѣ и прикатали.

— И, надѣюсь, на долго? промолвилъ любезно Троекуровъ.

— Вообрази, воскликнула Александра Павловна,—хотятъ сегодня же ночью уѣхать!

— Что это! Куда?

— Мнѣ необходимо, заторопился отвѣтить Ашанинъ;—если позволите, я прійду къ вамъ опять чрезъ нѣсколько дней, но я далъ слово быть завтра утромъ у одного тутъ двоюроднаго мнѣ брата, Блинова, недавняго вашего помѣщика.

— Въ Фатьяновѣ?

— Да.

— Конечно, отъ города это рукой подать, проговорилъ Троекуровъ самымъ серьезнымъ тономъ, глянувъ избока на московскаго докъ-Жуана.

Тотъ вскинулъ на него въ свою очередь свои лукавые большіе глаза, и не выдержалъ: покраснѣлъ и засмѣяся.

— Помните, Владиміръ Петровичъ, бѣдную маман, со-самышнимъ отгѣвкомъ лечала заговорила Александра Павловна,—какъ она всегда смѣялась что вы будто бы „душу сла-саете“. Вы, кажется, все тотъ же шалуны остались?

— Все тотъ же, Александра Павловна, подтвердилъ жалоб-нымъ голосомъ онъ.

— Вѣдь надо же когда-нибудь и остепениться, промолвила наставительно молодая женщина;—теперь уже и годы ваши не такіе Что вы наконецъ не женитесь? Хотите я вамъ въ нашихъ краяхъ невѣсту найду?

Ашанинъ закатилъ глаза къ потолку:

— На такой безчестный постулокъ я никогда не рѣшусь, Александра Павловна.

— Женитесь—безчестный постулокъ! вся даже покраснѣла она.

— Такъ точно!

— Это почему?

— А потому что какъ только я женюсь на одной, такъ на другой же день полюблю другую.

— Вы всегда будете безлутый человекъ! вскрикнула она съ самымъ забавнымъ негодованіемъ.

Федоръ Федоровичъ Овцынъ, ухмыляясь самымъ пріят-нымъ образомъ, вмѣшался въ разговоръ и завелъ было дщи-ный иносказательно-скабрзный разказъ про какое-то новое любовное похождение Ашанина, когда Борисъ Васильевичъ прервалъ его вопросомъ:

— А вы, Федоръ Федоровичъ, почему же не хотите здѣсь переочевать? Развѣ вы тоже къ Блинову?

Тотъ принявъ немедленно снова свой таинственный видъ, снова вздохнулъ и снова проговорилъ шелотацвымъ баскомъ что „съ господиномъ Блиновымъ онъ не имѣетъ чести быть знакомымъ, но что есть въ той же окрестности одно лицо, быть у котораго ставить его въ обязанность *то самое* о чемъ онъ уже докладывалъ Борису Васильевичу... Но объ этомъ послѣ, послѣ!“ повторилъ онъ подмигивая.

— Это лицо не господинъ ли Трожекковъ? спокойно выго-ворилъ Троекуровъ.

„Дамартивъ“ даже подпрыгнулъ на стулѣ, на которомъ только-что усѣлся:

— Развѣ вамъ что-нибудь извѣстно, Борисъ Васильевичъ? пролепеталъ онъ.

Троекуровъ вопросительно изганулъ на него:

— О чемъ?

— О... о...

Онъ смолкъ тутъ же, машинально устремивъ глаза въ сторону, куда, видѣвъ онъ, мгновенно отвернувшись отъ него, направились глаза его собесѣдника.

Изъ сада въ раскрытую настежь дверь входила, только-что переобмѣнивъ костюмъ, княжна Кира Кубенская. Она была въ черномъ барежевомъ платьѣ, съ большою палевою розой, приколотою художественнымъ лянтомъ со всеми своими листьями къ ея корсажу. Сквозь полупрозрачную ткань бѣлѣло очертаніе ея красивыхъ плечъ; волосы, еще чуть-чуть влажные отъ умыванія послѣ прогулки, подобраны были вверхъ какъ бы въякомъ кругомъ головы... и вся она стройная и легкая въ этой черной и сквозной ткани, со сдержаннымъ сіяніемъ зеленыхъ зрачковъ, походила въ эту минуту на какую-то неострашимую молодую фею средневѣковыхъ сказокъ.

Всѣ обернулись на нее. Ашанинъ чуть не крикнулъ отъ восхищенія; онъ въ это время далеко не долюбивалъ княжну и проходилъ мимо нея „не подбѣрѣвая что она можетъ сдѣлаться вдругъ такъ хороша“, говорилъ онъ себѣ теперь, жадно взирая на ея воздушный, на ея „будто по облакамъ скользящій обликъ“...

Она произвела не менѣе впечатлѣнія и на свою двоюродную сестру.

— Ахъ, Кира, *comme tu es bien avec cette toilette!* всплеснула даже руками Александра Павловна;—это у тебя новое платье?

Троекурова внутренно покорило словно отъ визга пальца по мокрому стеклу. Онъ вскинулъ глаза на жену и тотчасъ же приказалъ себѣ опустить ихъ, закусывая усь и нервно поведя плечами.

Княжна не отвѣтила; только въ углахъ ея губъ дрогнула какая-то жалостливая усмѣшка...

Федоръ Федоровичъ Овцынъ кинулся къ ней, по старинному, „къ ручкѣ“.

— Такъ и не удалось мнѣ, возгласилъ онъ, приложившись къ ней своими иссохшими губами,—встрѣтить васъ въ Москвѣ, княжна, въ прїездѣ вашъ мычѣ изъ-за границы! Какъ изволите себя чувствовать?... Да что и спрашивать, разувѣли вотъ какъ эта роза которая такъ идетъ къ вашему туалету...

Онъ вдругъ вспомнилъ что никакаго подобнаго же компли-мента не отпустилъ до сей минуты, „какъ требовала учти-вость“, самой хозяйкѣ дома, и, обернувшись немедля къ ней, произнесъ съ пафосомъ:

— Но какъ же не цѣловать и не благоухать въ вашемъ благословенномъ воздухѣ, при вашей блаженной, свободной и, выражаясь по-медицински, раціонально-гигиенической жизни! Вы, напримѣръ, chère Alexandrine, олицетворяете собой те-перь всю прелесть, всю, такъ сказать, поэзію здоровья.

И, для большей рельефности, онъ, растопыривъ руки ладо-нами вверхъ, встряхнулъ ими нѣсколько разъ какъ бы держа въ нихъ что-то очень большое и очень тяжелое.

— Да, самымъ добродушнымъ образомъ засмѣялась на это Сашенька,—я ужасно полюбѣла, я знаю, и нисколько на это не сѣтую впрочемъ:—чѣмъ я здоровѣе тѣмъ лучше для Васи.

— Идеаль матері, das ewig Weibliche! развея въ отвѣтъ тѣ же руки вправо и лѣво Федоръ Федоровичъ наклонивъ голову,—я всегда это предвидѣлъ въ васъ!...

Борисъ Васильевичъ подвинулся съ мѣста, подошелъ къ стуру колокольчика висѣвшему вдоль одной изъ стѣвъ гостинной и проговоривъ коротко: „ужинать!“ выбѣжавшему на зовъ дворецкому во фракѣ и бѣломъ галстукѣ, направился ко двери изъ которой только-что вошла Кира. Онъ переступилъ за порогъ ея и, сжавъ брови, вперилъ недвижный взглядъ вдаль, въ голубые перелазы и тѣни ночи...

Такъ прошло нѣсколько времени. Онъ совершенно забылъ обо всемъ окружающемъ...

— Борисъ, пробудилъ его голосъ жены,—nous allons souper, mon ami!

Онъ быстро обернулся, вспомнивъ вдругъ свои обязан-ности хозяина, и вернулся къ гостямъ.

Слуги тѣмъ временемъ выкатили изъ сосѣдней комнаты круглый большой столъ, накрытый на пять приборовъ и уставленный холодными и горячими блюдами въ серебря-ныхъ съ локрышками кострюляхъ, бутылками съ виномъ, хрустальными и фарфоровыми кружками со всякими про-хладительными налитками... У Федора Федоровича Овцына даже посоловѣли глаза отъ предвкушенія сладости всѣхъ этихъ яствъ и вага въ этой роскошной, подкулавшей его либеральную душу обстановкѣ:

— Да-съ, воскликнулъ онъ, комфортабельно усаживаясь въ кресло подлѣ хозяйки,—вы въ вашей деревенской лустынь,

Борисъ Васильевичъ, умѣли осуществлять блистательно мудрое наставленіе древняго поэта: мѣшать полезное съ приятнымъ, *utile dulci*, и это въ такой гармоніи, въ такомъ изящномъ сочетаніи...

— Вотъ только рыбой бѣдаствуемъ, молвила Троекуровъ со свойственною ему серіозностью проиіи, прерывая этимъ хвалебныя изліянія стараго пустозвона;—а вотъ это бургомское я вамъ рекомендую...

Онъ чувствовалъ себя внутренне до вельзя нервнымъ и не зналъ какъ совладать съ собой. „Повѣя здоровья“ такъ и стояла острымъ гвоздемъ у него въ головѣ. Онъ повелъ изподлобья взглядъ на жему...

Александра Павловна дѣйствительно находилась теперь въ полномъ разцвѣтѣ своей красоты... въ томъ разцвѣтѣ отолдественной розы, когда лепестки ея, отогнувшись отъ сердцевинки, раскидываются лышмоу чашей въ ширь чуть-чуть уже подергивающеюся желтизмой по краямъ своимъ и опытный садовникъ не рѣшается срѣзать ее для наряднаго букета, въ опасеніи что не продержится она до вечера цѣлоу на своемъ стеблѣ... Деревенскій воздухъ, счастье, кормленіе ребенка облакали всю ея наружность въ ту подлоту, въ ту зрѣлость формъ, которая, не оставаяя прихотливому взору эстетика ничего желать сегодня, возбуждаетъ въ немъ невольну ожаждающее чувство боязни за то что изъ этого можетъ выйти завтра... Станъ ея, лаечи, античная головка казались теперь изваянными изъ другаго, не столь уже мѣжваго, не столь прозрачнаго мрамора; большіе и строгіе глаза прежнихъ лѣтъ словно размякли и сузились. „Волоокая Гера“ съ которою сравнивала ея Кавказецъ Троекуровъ изъ глубины ложи Петербургскаго театра, скорѣ могла бы напомнить въ настоящее время ту „добрую богиню“, *bona dea*, въ которой символизмъ древнихъ олицетворялъ преизобиліе благъ земныхъ....

Онъ подавилъ вздохъ, отвелъ отъ нея глаза... и какъ бы еще сильнѣе вдругъ заговорила въ немъ обнимававшая его до сада...

Ашанинъ за это время успѣлъ совсѣмъ овладѣть вниманіемъ княжны Кыры. Онъ сидѣлъ лодаѣ нея и разказывалъ ей что-то съ большимъ оживленіемъ; глаза его такъ и сверкали. Для Бориса Васильевича было очевидно что московскій докъ Жуванъ забывалъ въ эту минуту не только *ту* изъ-за кото-

рой онъ прѣикалъ въ эти страны, но и все остальное на свѣтѣ, отдаваясь одному изъ тѣхъ мгновенныхъ увлеченій которыя были такъ же свободными его природы какъ птица способность летать по воздуху... Но княжна ужьбалась на его рѣчи и, поводящему, увлекалась въ свою очередь тѣмъ что онъ ей молалъ, представилось Троекурову, — а это находилъ онъ не только несвойственными „такой серьезной дѣвухкѣ“ какъ она, но и... и „не совсемъ даже приличнымъ“ съ ея стороны:

— Владиміръ Петровичъ, сказалъ онъ грозко, — разъ вы не хотите подарить намъ и завтрашняго дня, не предоставьте княжнѣ монополію вашихъ столичныхъ вѣстей, — сообщите икъ и остальнымъ провинціаламъ здѣсь сидящимъ. Что новаго въ Москвѣ?

У Ашанина были слишкомъ тонко развиты чутье и слухъ чтобы тотчасъ же не разолышать язвительной нотки звучащей въ этихъ шуточно и дружественно произнесенныхъ поведеніемъ словъ. Онъ обнялъ зоркимъ и быстрымъ обидимъ взглядомъ и выраженіе лица говорившаго, и то странное, не то удивленное, не то довольное выраженіе; съ какимъ въ свою очередь скользнула по этому лицу глаза „дѣвухка“ и отвѣчалъ улыбаясь:

— Я передавамъ княжнѣ одинъ разказъ Садовскаго... Что же до вѣстей, то я могу дѣйствительно сообщить вамъ нѣчто совсемъ интересное, если только къ вамъ здѣсь, какъ къ сесѣдамъ, не дѣшло это еще раньше чѣмъ до Москвы.

— Да, да, засмѣялся и закивалъ „Ламартинъ“; — чрезвычайно интересно, въ самомъ дѣлѣ!

— Что такое? молвила съ видимымъ любопытствомъ Александръ Павловна.

— Ваша здѣшняя помѣщица и московская звѣзда — звѣзда, какъ извѣстно, по рожденію, уму и талантамъ, — княгиня Аглая Константиновна Шастунова однимъ словомъ...

Ашанинъ поднялъ свою вилку вверхъ и приостановился.

— Что же, что дальше?

Онъ опустилъ вилку и произнесъ комически сдвоеннымъ голосомъ:

— Перестаетъ вдовствовать!...

— Что вы! Не можетъ быть! воскликнула Троекурова въ изумленіи: — выходить замужъ?

— Выходить-съ.

— За кого?

— Вы не угадываете?

— Ахъ, Боже мой, засмѣлась она,—неужели les vieilles amoures, какъ говорила покойная маманъ? За Зяблива?

Ашанивъ поклонился

— Печорина въ отставку, добавилъ онъ,—точно такъ-съ!

— И вы не шутите Владимиръ Петровичъ? Княгиня пріѣзжала къ намъ сюда изъ своего Суцкаго въ маѣ, я помню; я отдала ей визитъ чрезъ нѣсколько дней, и затѣмъ мы не видались. Но у насъ въ сообществѣ и слуха никакого нѣтъ о томъ чтобъ она... Я даже не видала monsieur Зяблива въ мой тогда пріѣздъ въ Суцкое.

— А третьяго дня онъ въ Москвѣ самъ объявилъ объ отъѣздѣ.

— Что же, сказала подумавъ Александра Павловна,—вѣдь это au fond хорошо, я нахожу. Если уже они такъ долго—молодая женщина не знала какъ договорить и слегка по-краснѣла,—то этимъ... какъ христианкѣ, ей надо было кончить!... Зачѣмъ только она его такъ долго мучила бѣнзанаге, не соглашалась?...

— А заигралъ въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Троекуровъ,—долженъ быть тотъ психическій процессъ который можетъ привести наконецъ эту барыню къ теперешнему ея рѣшенію?

— И что же вы бы думали! молвилъ Ашанивъ:—въ основаніи его лежитъ очень почтенное ио сущности своей чувство: уваженіе къ имени которое она такъ долго носила и рѣшилась теперь переимѣнить на другое, потому что, говоритъ она, „она теперь потеряла tout son lustre et tout son prestige“.

— Отчего же потеряло? спросила же ловавъ Александра Павловна.

— Представитель этого имени, сынъ ея, дѣйствительно, по всѣмъ статьямъ—животное, объяснилъ небрежнымъ тономъ ея мужъ,—но главная, въ глазахъ старухи, вина его состоитъ въ томъ что вздумалъ онъ житья противъ ея воли на особѣ не пользующейся ея расположеніемъ.

— И не заслуживающей его! только возгласила молодая женщина:—эта „особа“ не заслуживаетъ ни чьего расположенія, Борисъ! Мнѣ Сергій Михайловичъ Гундуровъ, когда онъ былъ здѣсь, рассказывалъ какой чудесный человекъ ея первый, то-есть *настоящій* мужъ, и какъ она съ нимъ

поступила!... Я отъ нея вчера получила изъ нашего города записку; она проситъ быть у насъ. Я вичего ей еще не отвѣчала, я ждала твоего приѣзда, Борисъ, но я бы викакъ не хотѣла продолжать съ нею знакомства, проговорила она рѣшительно, глядя во всѣ глаза на мужа.

— Что же, какъ желаешь, такъ и дѣлай! проговорилъ онъ равнодушно, поймавъ на лету обращенный на него въ эту минуту вопросительный взглядъ княжны.

— Д-да, молвила, мгновенно стихая и уже раздумчиво Александра Павловна,—но какъ это такъ сдѣлать чтобы не вышло сапшкомъ неучтиво?

— А ты вотъ попроси устроить это тебѣ Владиміра Петровича! Онъ такъ любезенъ, вопервыхъ, что не откажетъ для тебя, подчеркнул Троекуровъ,—сѣздить въ городъ нарочно для этого; а затѣмъ его извѣстная ловкость ручается тебѣ за остальное.

Ашанинъ, сдерживая разбравшій его всегда въ такихъ случаяхъ смѣхъ, принявъ свой невинный видъ и обращаясь къ молодой женщинѣ:

— Извольте, Александра Павловна, проговорилъ онъ и бровью не моргнувъ,—для васъ я готовъ посвятить „эту особу“, единственно для васъ.

Она глянула ему въ лицо и покатила въ неудержимомъ смѣхомъ.

— Понимаю, вы для нея и приѣхали сюда!... Этотъ Борисъ всегда такъ скажетъ... Такъ ужъ пожалуста, Владиміръ Петровичъ, вы это мнѣ такъ и обдѣлайте...

— Чтобы и овцы цѣлы были, и волки сыты? договорилъ онъ за нее.

— Да, да, именно такъ!

— А кто же въ этомъ случаѣ волки? нежданно спросила, все время до сихъ поръ безмолвная, княжна Кира;—вѣдь это ~~ты~~ пожалуй, выйдешь, Саша!

— Я? вскрикнула протестуя та.

— Потому что эта, продолжала княжна,—какъ бы о ней ни судили, эта обобравшая мужемъ женщина и которую свекровь ея—намъ сейчасъ съ Борисомъ Васильевичемъ Павелъ Григорьевичъ Юшковъ разказывалъ—на дворъ къ себѣ à la lettre не лустала, несомнѣнно похожа въ эту минуту гораздо болѣе на овцу чѣмъ на волка.

Лицо Ашанина внезапно передернуло:

— Княжна, позвольте просить васъ передать подробнѣе то что вамъ извѣстно объ этомъ. Я видѣлъ княгиню Ольгу Елпидифоровну... какихъ-нибудь полчаса всего, прибавилъ онъ съ вѣсколько подозрительною послѣдностью,—въ проѣздъ ея чрезъ Москву сюда, и ничего дальнѣе не знаю.

Кира сообщила отъ начала все что слышала отъ Юшкова,

— Ахъ, Боже мой, и я вѣдь ничего объ этомъ не знала! пролетела смущенно Сашенька;—ты сама знаешь, Кира, когда мы вчера объ этомъ говорили, мы ничего не знали...

— Она прѣвѣжала къ Юшкову просить его, какъ предводителя, заступиться за нее, продолжала княжна,—и тебя желала видѣть вѣроятно въ такой же надеждѣ что ты и Борисъ Васильевичъ можете ей помочь, уговорить какъ-нибудь старуху Шастунову. Она желаетъ чтобы та возвратила ей хоть ея собственный капиталъ, которымъ она, говорить, пожертвовала на уплату долговъ ея мужа въ Парижѣ.

— Я видѣлъ въ клубѣ, въ Москвѣ, самого счастливаго жениха, господина Зяблина, заговорилъ Федоръ Федоровичъ Овцынъ,—и мы съ нимъ именно коснулись этого предмета. Онъ говоритъ что Аглая Константиновна отрицаетъ чтобъ ея невѣстка заплатила какіе-нибудь долги мужа въ Парижѣ, и утверждаетъ даже что у нея, у молодой княгини то-есть, никогда никакого своего капитала не было.

— Ну, ужъ на счетъ этого, воскликнула Александра Павловна,—я могу представить доказательство что эта старая Аглая говоритъ неправду. Моя нынѣшняя и бывшая Кирина въ Петербургѣ горничная, Анфиса, была экономкой у отца молодой княгини Шастуновой, и не дальнѣе какъ вчера, когда та прислала мнѣ письмо, вспомнила о ней и сказала мнѣ, между прочимъ, что ей по наслѣдству отъ этого отца досталось болѣе полутораста тысячъ, кромѣ дома въ Москвѣ, и движимости... Да вотъ эти старинные шкафы, картины,—вспомнила она—которые вы здѣсь у насъ видите, Борисъ ихъ вѣдь у нея купилъ, и даже, говорить, задаромъ...

— Я эту скаредную старуху нисколько не защищаю, послѣднѣе заявилъ „Ламартивъ“, прижимая руку ко груди,—я только констатирую фактъ... Фактъ печальный, потому что дѣло такимъ образомъ можетъ дойти до суда, а у насъ суды вы знаете какіе: на десять лѣтъ лойдетъ процессъ. А средства нужны, особенно для такой избалованной и красивой дамы какова, говорятъ, эта молодая княгиня... Конечно, есть

у насъ гораздо кратчайшій путь, промолвилъ онъ уже съ тѣмъ имѣющимъ изобразить ядовитость шипляемъ, которымъ на провинціальныхъ театрахъ говорятъ мелодраматическіе злодѣи, — есть путь Третьяго Отдѣленія, искони покровительствовавшаго угнетенной красотѣ...

— Ну, прервалъ его Троекуровъ, слегка нахмурившись, — будемъ надѣяться что дѣло устроится не прибѣгая къ этому „луту“!...

Онъ глянулъ на жену, — уживъ былъ ковчегъ, — и подвинулся вслѣдъ за нею и другими изъ-за стола.

— Владиміръ Петровичъ, робко заговорила Александра Павловна, проходя съ нимъ и княжной изъ гостиной въ садъ на террасу, — ее ужасно мучило теперь сознаніе своей „жестокости“, — вы понимаете... теперь... Если вы, въ самомъ дѣлѣ, пойдете къ ней въ городъ, вы скажите ей что я, вмѣсто письменнаго отвѣта, просила васъ сказать что... конечно, пусть она пріѣдетъ, если только что-нибудь нужно, что я... и Борисъ Васильевичъ готовы все сдѣлать...

Ашанинъ не далъ ей договорить, взялъ ея руку и молча поцѣловалъ ее...

Оставшись одинъ съ Овцынымъ, Троекуровъ взялъ его подъ руку и, отвѣдя въ противоположный саду конецъ гостиной, указалъ ему на кресло, самъ сѣлъ, — и такъ и сѣзжалъ его неожиданнымъ вопросомъ:

— Вы видѣлись съ сыномъ пріѣхали сюда, Федоръ Федоровичъ?

— Развѣ уже извѣстно что онъ здѣсь? даже поблѣднѣлъ тотъ.

— *Мнѣ* извѣстно, дѣйствительно! подчеркнул Борисъ Васильевичъ.

Овцынъ развелъ руками:

— Я несчастный отецъ! завздыхалъ онъ, болѣе театрално впрочемъ чѣмъ задумчиво; — я пріѣхалъ попытаться сласти моего сына отъ Сибири.

Троекуровъ холодно поглядѣлъ ему въ глаза:

— Для чего онъ тутъ и откуда? Изъ-за границы? И подъ чужимъ именемъ?

Федоръ Федоровичъ качалъ утвердительно головой.

— Почему вы знали что онъ здѣсь? Онъ къ вамъ писалъ?

— Нѣтъ, какъ бы услужливо вскрикнулъ тотъ, — ни строчки я отъ него не получалъ съ самыхъ тѣхъ поръ какъ онъ...

покинулъ Россію. Случайно, раза два, имѣлъ о немъ извѣстіе отъ лицъ видѣвшихъ его за границей... Узналъ-съ я объ этомъ... Я буду съ вами совершенно откровененъ, Борисъ Васильевичъ, перебилъ себя онъ,—зная что вы меня не выдадите,—узналъ-съ я отъ вѣрнаго жандармскаго покровника въ Москвѣ.

— Вотъ какъ! не могъ же усмѣхнуться Троекуровъ.

— Да-съ... Человѣкъ онъ впрочемъ совершенно образованный, либеральный... Пріятелю мы съ нимъ по клубу; самъ онъ большой чтецъ и покровникъ нашего даровитаго Александра Ивановича и его *Колокола*, весьма цинически, можно сказать, относящійся къ нынѣшней реакціи...

— А! А развѣ есть реакція? И въ чемъ же, съ чьей стороны?

— Помните, послѣ этихъ пожаровъ въ Петербургѣ тамъ страшно перепугались, и начались такія говенія, *аллеазимство*, такъ сказать... Заподозрили литературу, редакторовъ призывали къ начальству, нотации имъ грозныя читали, политическую подкладку непременно хотѣли найти подъ простымъ фактомъ этихъ пожарныхъ явленій, причина которыхъ, какъ всѣмъ кажется давно извѣстно, лежатъ не въ чемъ другомъ какъ въ непроходимомъ варварствѣ нашего народа... „Эмиссаровъ“ какихъ-то стали покатъ, множество неповинной молодежи арестовали, допрашивали въ III Отдѣленіи. Привархъ, къ счастью, успѣлъ этого избѣгнуть и улетучиться...

— А и онъ тамъ былъ?

— Повидимому-съ, вздохнулъ Овцынъ,—или покрайней мѣрѣ подозрѣвается что былъ въ это время въ Петербургѣ... Съ цѣлымъ тюкомъ лондонскихъ изданій изловчилась прѣзжать до Москвы, домолвилъ онъ шепотомъ и какъ бы уже любяся такою „ловкостью“ сына.

— И все это вы отъ пріятеля вашего жандарма узнали?

— Сообщилъ-съ, да, по дружбѣ... Гуманный вполнѣ, какъ докладывалъ я вамъ, человѣкъ!... Ужинаемъ это мы съ нимъ въ клубѣ послѣ партіи. Обыгралъ онъ меня, признаться, въ этотъ вечеръ въ доску. Я ему и смѣюсь: „дорого-мояго обошлись вы мнѣ сегодня“. А онъ мнѣ вдругъ и говорить: „Хотите за это хорошій совѣтъ?“ Я гляжу на него: Сдѣлайте милость говорю,—насчетъ чего?—„Насчетъ вашего сына“... А какъ мы въ эту минуту одни одиѣхоньки находились въ столовой, онъ мнѣ и передалъ про этотъ пріездъ Приварха изъ Лондона съ тюкомъ и что онъ изъ Петербурга скрылся.—„Теперь же, говорить, нами получено свѣдѣніе что онъ проживаетъ

тамъ-то,—губернію называлъ, уѣздъ,—у нѣкаго отставнаго губернскаго секретаря Троженкова, который тоже намъ извѣстенъ какъ корреспондентъ *Колокола*. Намъ сдѣловательно сына вашего арестовать надобно. А потому, если хотите спасти его, извѣстите его скорѣе вѣрнымъ путемъ, или, если можно самимъ то еще лучше, чтобъ онъ не медля уѣзжалъ изъ тѣхъ мѣстъ, а я распорядженіе объ его арестѣ пока здѣсь придержу.“—Куда же ему ѣхать, спрашиваю, какъ вы полагаете? „Ну, это его дѣло, говоритъ, за границу олатъ или куда хочеть, только чтобы мале мѣстопробываніе его неизвѣстно было,—повиаете?“—Повиаето, говорю ему, и ужъ не знаю какъ васъ благодарить.“—А онъ мнѣ, повѣрите ли, вотъ что на это отвѣчаетъ:—„Я, говоритъ, сочувствую вполне благороднымъ стремленіямъ молодежи и на мѣстѣ вашего сына, очень вѣроятно, былъ бы такимъ же дѣятелемъ прогресса какъ и онъ, и только, говоритъ, нужда заставляетъ меня служить въ инквизиторахъ.“ И при этомъ изъ самой глубины души, какъ видно, вздохнулъ... То-есть до слезъ довелъ, прямо скажу вамъ, Борисъ Васильевичъ.

— Это дѣйствительно трогательно, сказалъ Троекуровъ.— И вы по совѣту этого пріятеля вашего пріѣхали сюда?

— По отцовскому чувству своему и долгу, Борисъ Васильевичъ! счелъ нужнымъ съ лаэосомъ пояснить Федоръ Федоровичъ.

— А по долгу *гражданина*, тѣмъ же холоднымъ тономъ продолжалъ тотъ,—передадите вашему сыну, какъ „дѣятелю прогресса“, что даже жандармы восхищаются тѣмъ что онъ творить и оказываютъ ему покровительство.

„Ламартивъ“ олъшилъ нѣсколько:

— Я предварю его... согласно тому что мнѣ было обязательно сообщено, пробормоталъ онъ.

— Прекрасно сдѣлаете!... А я ужъ кстату попрошу васъ посоветовать ему *отъ меня*, промолвилъ Троекуровъ дрогнувшимъ отъ вдругъ проявшаго его раздраженія голосомъ,— послѣшнать скорѣй удалиться отсюда!... Онъ вскинулъ неудержимо на своего собесѣдника свои блѣдно-голубые, страшные въ эту минуту своимъ безплощаднымъ блескомъ, глаза; зубы его стиснулись:— Скажите ему что я ни съ какой стороны не вашъ жандармъ,—ни съ „инквизиторской“, ни съ „либеральной“. Онъ можетъ жечь и проповѣдывать гдѣ и что ему угодно,—это не мое дѣло; но если ему вздумается нару-

шать чей-либо покой въ моемъ домѣ... или мутить въ мѣстности гдѣ я живу,—онъ столкнется со мной, а я... Я не мягокъ характеромъ, предупреждаю васъ!...

Онъ судорожно поднялся на ноги, потянулъ усы до боли, стараясь осилить припадокъ этого внезапнаго, прорвавшагося у него неожиданно для него самого гнѣва, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ и вернулся олять на мѣсто.

Овцынъ сдѣлалъ въ своемъ креслѣ, что говорится, ни живъ, ни мертвъ, машинально слѣдя за нимъ глазами и въ совершенномъ недоумѣніи.

— Я никакъ не понимаю, Борисъ Васильевичъ, заговорилъ онъ,—чѣмъ могъ подать вамъ поводъ Иривархъ...

— Вы только передайте ему мои слова, онъ пойметъ! перебилъ его Троекуровъ уже болѣе спокойнымъ голосомъ и съ насладиваюю улыбкой,—à bon entendeur salut!... И вы рѣшительно хотите вѣхать сегодня же въ ночь? спросилъ онъ черезъ мигъ.

Федоръ Федоровичъ встрепенулся:

— Да-съ, мнѣ телерь, я вижу, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ торопаться...

— Такъ надо распорядиться лошадьми.

Борисъ Васильевичъ всталъ и дернулъ за скурокъ колокольчика.

— Alexandrine, еще до вашего возвращенія, была такъ добра приказать чтобы къ полночи лошади были намъ готовы.

— Лошади готовы-съ, доложилъ вошедшій тѣмъ временемъ дворецкій.

— Такъ ужъ позвольте съ вами проститься! вставая и протягивая руку, молвилъ Овцынъ.

— Надѣюсь, до свиданія! сказалъ на это Троекуровъ, подавая ему руку тоже, и возвращаясь уже вполне къ ласковому тону благовоспитаннаго хозяина.

— Если позволите,—и надѣюсь, въ свою очередь, по достиженіи результата, настолько же, повѣрьте, желаемого мной какъ и вами, любезно, но не безъ нѣкотораго тайнаго намѣренія извѣстности произвѣстъ тотъ.—Надо проститься съ дамами, примолвилъ онъ трогаясь съ мѣста—и какъ бы вспоминая:—я не почелъ нужнымъ передавать Alexandrine о причинѣ моего пріѣзда сюда, и далъ ей понять, какъ и моему *compagnon de voyage*, что я имѣю денежныя разчеты съ однимъ здѣшнимъ помѣщикомъ...

— И прекрасно сдѣлал! одобрительно кивнулъ Борисъ Васильевичъ:—она очень добра сердцемъ, сынъ вашъ—двоюродный ей братъ, но вы понимаете сами...

— Понимаю-съ, не давъ ему договорить вздохнулъ старый Ламартинъ:—въ нынѣшнее время политическія убѣжденія порываютъ самыя старыя и кровныя связи. Печально-съ,—но естественно!

Троекуровъ повелъ лишь на это утвердительно головой. Овцынъ, видимо довольный эффектнымъ оборотомъ произнесенной имъ сентенціи, локалился еще разъ и отправился по направленію сада прощаться съ дамами.

Пока онъ разсыпался съ ними въ любезностяхъ Ашанинъ вернулся съ террасы въ гостиную за своею дорожною шляпой.

— Два слова, Владиміръ Петровичъ! сказалъ шедшій ему на встрѣчу хозяинъ.

— Сдѣлайте милость, что прикажете?

Они прошли вмѣстѣ нѣсколько шаговъ.

— Вотъ что, началъ Борисъ Васильевичъ, останавливаясь и слегка притрогиваясь къ рукаву Ашанина:—потрудитесь, во первыхъ, передать господину Блинову что въ губернскомъ крестьянскомъ присутствіи дѣло его съ крестьянами о лугахъ рѣшено въ его пользу. Не забудете?...

Онъ приостановился.

— Не забуду... А *вовторыхъ*? спросилъ, какъ бы подговяля его Ашанинъ.

Троекуровъ повелъ на него какъ бы разсѣянно глазами:

— Вы, неправда ли, говорили что видѣла Ольгу Ели... молодую княгиню Шастунову въ Москвѣ?

— Очень ненадолго... промямлилъ донъ-Жуанъ.

— Достаточно чтобы заставить васъ пріѣхать, повидать ее дольше, сюда, отрѣзалъ съ усмѣшкой Троекуровъ,—но не въ этомъ дѣло. Скажите, не говорила она вамъ... она нуждается? спросилъ онъ, понижая голосъ.

— Не говорила, но въ этомъ, кажется, не можетъ быть сомнѣній. Мужъ дѣйствительно обобралъ все что у нея оставалось дѣланого послѣ того какъ и весь собственный капиталъ ея пошелъ на уплату его долговъ.

— А пока та старая дура не будетъ принуждена тѣмъ или другимъ путемъ возвратитъ ей деньги, пройдетъ время... Ей мечтъ жить!

— Вѣроятно. Она говорила мнѣ что надѣется продать домикъ принадлежащій ей въ вашемъ уѣздномъ городѣ, въ ко-

торомъ она думала жить пока не устроится ея дѣла со свекровью.

— Не такъ оставить нельзя, прорывилъ не слушая и не глядя на него Троекуровъ;—пройдемте на мою половину!

Ашанинъ безмолвно послѣдовалъ за нимъ.

Половина Троекурова состояла, кромѣ передней съ отдѣльнымъ входомъ со двора, изъ большой и длинной комнаты, библиотеки, служившей ему приемной по его посреднической должности, квадратнаго кабинета en boiserie строгаго голландскаго стила и маленькой рядомъ спальни въ одно окно на дворъ. Окна и большая дверь въ кабинетъ,—въ который теперь вошли они,—выходили въ садъ.

Пока Ашанинъ съ художественнымъ удовольствіемъ оглядывался на темныя, изящно рѣзанныя изъ чернаго дуба стѣны, по которымъ кое-гдѣ уголокъ золоченой рамы картины выдѣлялся яркимъ бликомъ подъ падавшимъ на нее свѣтомъ большой одинокой лампы стоявшей на огромномъ лисьменномъ столѣ посреди комнаты, хозяинъ, присѣвъ къ этому столу, писалъ что-то на листкѣ почтовой бумаги лежавшемъ на его бюро.

— Я васъ прошу, Владиміръ Петровичъ, сказалъ онъ кончивъ, вкладывая налิสанное въ обложку и продолжая не глядѣть на него,—взять этотъ кредитивъ на мою московскую контору и пользоваться имъ когда и насколько будетъ *тамъ* нужно... Цифрой суммы прошу васъ не стѣсняться никакъ,—но вы должны мнѣ дать честное слово что *ни въ какомъ случаѣ*, вѣско отчеканилъ онъ,—имя мое не будетъ вами произнесено... Вы сумете, конечно, объяснить княгинѣ откуда черпаете возможность ссужать ее, пока дѣла ея не приведутся въ порядокъ, не называя меня, неправда ли?

— Сумѣю, Борисъ Васильевичъ, произнесъ тронутымъ голосомъ Ашанинъ вкладывая письмо въ свой портфель,—и ловимаю вашу деликатность...

— Сдѣлайте милость, живо и съ улыбкой прервалъ его тотъ,—не приписывайте этого какимъ-нибудь высокимъ чувствомъ, а просто неаппети моей къ званію за-и-мо-давца. Я состоялъ *должникомъ* половину моей жизни и до того проникся духомъ этого амлауа что возненавидѣлъ бы самого себя въ роли *кредитора*, а относительно женщины тѣмъ болѣе...

— Нѣтъ, я—ничего, вздохнулъ комически красавецъ,—пробывалъ бы сейчасъ собственную мою роль на амлауа Жуда

моего, Зедембаума:—по два процентика въ мѣсяцъ лаачу ему второй годъ.

— Я и по четыре платилъ и неустойки, капиталъ на капиталъ, засмѣялся Троекуровъ.—Пойдемте, однако; Федоръ Федоровичъ Овцынъ успѣвалъ, надо-быть, вычерпать съ дамами свою любезность до дна и ждетъ васъ...

Онъ остановился на ходу:

— А на прощанье позволите ли маленькій, дружескій совѣтъ? неожиданно проговорилъ онъ.

— Сдѣлайте милость! молвилъ удивленно Ашанинъ.

— Особа... о которой мы сейчасъ говорили нуждается теперь не въ однихъ матеріальныхъ средствахъ, но и...

— Но и...? повторилъ вопросительно красавецъ.

— Здѣсь не столица; каждый шагъ ея здѣсь будетъ извѣстенъ; враги, эта злая дура свекровь ея, воспользуются малѣйшею ея неосторожностью для своихъ видовъ и вреда ей... Не *слушайте* ее, проговорилъ съ серьезною нотой въ голосѣ Борисъ Васильевичъ, наклоняясь къ его уху.

Ашанинъ покраснѣлъ до ушей:

— Но я васъ увѣряю... пролетѣлъ онъ.

Троекуровъ остановилъ его:

— Къ чему? Я сказалъ; остальное—дѣло вашей совѣсти...
Пойдемте!...

VI.

Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ

Прекрасное дитя, я на тебя смотрю.

Держковск. Ребенку.

Enfants, nous qui pensons, nous qui vivons,
nous sommes

Tristes, hargneux, mauvais....

Puis on a dans le coeur quelque remords.

Voilà

Ce qui nous rend méchants. Vous saurez
tout cela

Quand vous serez plus grands, c'est à dire
moins sages.

V. Hugo. A des oiseaux envolés.

Гости уѣхали.

Проводивъ ихъ любезно до самаго крыльца, Троекуровъ вернулся на террасу гдѣ жена его и княжна Кира, сидя рядомъ на скамейкѣ у выходной изъ гостиной двери, съ заку-

нутыми къ стѣнѣ головами, облитыя мѣющимися сіаніемъ лунной ночи, вели негромкій межъ собой разговоръ.

Услыхавъ шаги подходившаго мужа Александра Павловна, не перемѣняя положенія, быстро повела глазами въ его сторону, поймала на проходѣ его руку, и неудержимымъ движеніемъ поднесла ее къ губамъ:

— *Цыпипка* мой! чуть слышно, дѣтскимъ лепетомъ прошептала она взглянувъ ему въ лицо съ безконечною нѣжностью, и тутъ же опустила эту руку и слегка зааѣла, вспомнивъ что онъ „не любитъ эти *нѣжности*, да еще при другихъ“...

— Кира говорила маѣ что ты видѣлъ Сергія Михайловича Гундурова, Борисъ, и что онъ обѣщала скоро быть къ намъ? послѣшила она сказать громко и засмѣялась:—я сейчасъ ей говорила что еслибъ онъ увидѣлъ ее сегодня въ этомъ ея черномъ туалетѣ,—она, неправда ли, точно *la reine de la nuit*, какъ въ картинкѣ, сегодня?—конечно, онъ такъ бы и упалъ къ ея ногамъ...

— Никто не мѣшаетъ княжѣ повторить эффектъ этого туалета когда онъ будетъ здѣсь, проговорилъ на это небрежно насмѣшливымъ тономъ Троекуровъ.

— Сама, *c'est une vraie scie*, ma chère! недовольнымъ голосомъ молвила въ свою очередь Кира:—и что всего смѣшнѣе, ты пилишь меня человѣкомъ который такъ же мало думаетъ обо мнѣ какъ я о немъ.

— Ты,—я не знаю, воскликнула Александра Павловна,—ты, Богъ тебя знаетъ какая ты льдина! Но онъ, ты меня не увѣришь,—онъ... Я видѣла какими глазами онъ глядитъ на тебя всегда, и все его лицо точно вдругъ освѣтится когда онъ замѣтитъ что то что онъ говоритъ нравится тебѣ; *il n'y a que les amoureux* которые такъ смотрятъ...

— И люди которые любятъ чтобъ ихъ слушали, уронила съ холодною усмѣшкой княжна.

Троекуровъ обернулся на мигъ на говорившую, усмѣхнулся самымъ уголкою губъ, и опустивъ руки въ карманы своей жакетки медленно зашагалъ по террасѣ, глядя себѣ подъ ноги не то расхвѣянными, не то озабоченными глазами.

Но Александра Павловна не сдавалась:

— Онъ такъ много съ тобой говорить, горячо доказывала она,—потому что знаетъ что это тебя интересуетъ; ты сама прежде ни о чемъ другомъ не думала какъ о *политикѣ*.... А ты если теперь придираешься къ нему за это, то единственно потому что хочешь непремѣнно найти что-нибудь про-

тивъ него внутри себя,—и не находишь ничего кромѣ этого же олять.... Ты ужъ просто скажи что онъ тебѣ не нравится, короче будетъ!

— А если я это такъ и скажу тебѣ прямо,—ты отъ меня отстанешь?

Сашенька махнула сердито рукой:

— Ты свое счастье въ окно выкидываешь... И все это твоя вѣчная гордость дѣлаетъ!..

— Гордости! тихо и съ какою-то загадочною улыбкой повторила Кира:—это старая лѣсня!..

— Старая и все та же, да!.. Ты не veux pas de maître, развѣ это не такъ? Я давно поняла тебя,—ты не признаешь чтобы кто-нибудь когда-нибудь могъ стать надъ тобой... Кира, милая, а еслибы ты знала, пролетѣла она внезапно хватывая руку княжны и наклоняясь къ самому ея уху,—еслибы ты знала какъ сладко покориться тому кого любишь!..

Княжна глянула ей вдругъ въ лицо словно испуганная:

— Покориться такъ ужъ Богу! вырвалось у нея какимъ-то нежданнымъ, невольнымъ возраженіемъ.

Александра Павловна въ свою очередь теперь испуганно вскинула на нее глаза.

— Что же это: не хочешь ли ужъ ты въ монастырь какъ Лиза въ *Дворансколж гнѣздѣ*?

— Да, пожалуй, въ Италію, послѣшво отвѣтила Кира и такъ же послѣшво засмѣялась.—Тамъ въ Апеннинахъ есть одинъ древній монастырь. Я тамъ была. Что за видъ оттуда, прелесть!

— Ты сумашедшая! вскрикнула Троекурова,—съ тобой нельзя говорить серьезно.

— Тѣмъ болѣе что спать пора, поздно, молвила на это съ тѣмъ же дѣланымъ смѣхомъ княжна, быстро подымаясь съ мѣста;—прощайте!

Она кивнула головой и чуть-чуть приподнявъ край своей юбки любѣжала по ступенькамъ слускавшимъ съ террасы въ садъ.

— Кто же такъ прощается, княжна? молвилъ Троекуровъ идя за ней:—дайте хоть руку на сонъ грядущій, а то можно подумать что вы сердитесь.

Она на ходу протянула ему снизу вверхъ эту руку,—какъ ледъ холодную, и не отвѣчая на его пожатіе, не глядя на него, исчезла чрезъ мигъ за клумбой розановъ въ цвѣту, раскинутою предъ лавальномъ въ которомъ она обитала.

— Вотъ она всегда такая! жалобно выговорила Александра Павловна обращаясь къ мужу; — и очень хотѣла бы я знать чѣмъ такой человѣкъ какъ Гундуровъ можетъ ей не нравиться?

— Да какое тебѣ до этого дѣло въ сущности!

И Троекуровъ досадливо повелъ плечомъ. Она замѣтила это движеніе и встревожилась:

— Боже мой, Борисъ, какъ же ты можешь это говорить! Я ее люблю, я ей ото всей души желаю счастья.

— Каждый понимаетъ счастье по своему, произвесь онъ мягко и стараясь улыбнуться, — и беретъ его гдѣ знаетъ.

— Да гдѣ жь она возьметъ его, гдѣ? протестовала молодая женщина: — пробовала она въ Петербургѣ *свог...* И съ чѣмъ оттуда уѣхала? Печальная, разочарованная.... И тотъ самый человѣкъ который тамъ, — она сама же говорила, — былъ болѣе всего ей симпатиченъ, она его теперь....

— Ну, милый другъ, вѣдь это у насъ сказка про бѣлаго бычка пойдетъ, прервалъ ее мужъ, скрывая внутреннее нетерпѣніе подъ ласковою шутовскою тона этихъ словъ, — а у меня на завтра къ 8 часамъ старшины изъ трехъ волостей вызваны. Разойдемся по постелямъ!

Онъ наклонился къ ней и поцѣловалъ ее въ лобъ на прощанье.

— Борисъ, промолвила Александра Павловна съ чуть-чуть слышавшимся робкимъ упрекомъ въ голосъ, — развѣ ты не зайдешь къ дѣтамъ.... Ты ихъ цѣлые пять дней не видалъ.

— Ахъ, конечно, конечно... сейчасъ! вскрикнулъ онъ слегка смутившись, — я думалъ самъ... и вдругъ вспомнилъ объ этихъ старшинахъ...

Она продѣла свою подъ его руку, сама вся головой и грудью прижалась къ нему и, не чувствуя ногъ подъ собой отъ какого-то мгновеннаго, страстнаго прилива счастья повела его чрезъ весь домъ въ дѣтскую.

На порогѣ ея Троекуровъ на мигъ замедлилъ шагъ... То что только что скребло и ныло въ его душѣ было такъ далеко отъ *этого*, отъ этой свѣжести... отъ этой „святости“...

Высокая комната со свѣтлыми обоями, мерцающая лампадка въ углу предъ иконами въ старинныхъ золотыхъ окладахъ, полуотворенныя окна въ садъ, со вставленными въ нихъ рамами обтянутыми кисеей, сквозь которую льется ночью воздухъ примѣшиваясь къ слабому запаху молока и ромашки, старая няня повязанная платкомъ вздремнувшая

на покрытомъ ковромъ сундукѣ,—и рядомъ колыбель и кровать съ падающими на нихъ кругомъ вплотную широкими складками бѣлосвѣжыхъ кисейныхъ занавѣсей... Миръ, благодать, еле слышное, ровное дѣтское дыханіе...

— Тсс... Мама, кажется, проснулась, прошептала Сашенька на ухо мужу, осторожно переступая съ нимъ по обитому на лѣво толстою парусиною полу дѣтской.

Она подвела его къ дѣвочкѣ, къ „старшей въ семьѣ“, какъ говорилъ онъ въ веселыя минуты... Чуткая старушка няня мигомъ приподняла съ сундука свою спящую голову:

— Спать покойненько, молвила она кивая съ мѣста, и тутъ же подымаясь на ноги.

Александра Павловна такимъ же кивкомъ дала ей знакъ не беспокоиться; осторожною рукой отогнула полы занавѣсей и наклонившись надъ кроватью пригласила движеніемъ глазъ мужа послѣдовать ея примѣру...

Бѣлокурая и кудрявая какъ отецъ, съ черточкой длинныхъ, черныхъ, какъ у матери, рѣсницъ надъ разгорѣвшимися пухлыми щечками, слала полутороговая Мата, закинувъ за голову крохотную ручку, полураскрывъ влажные розовыя губки... И вотъ, словно почуявъ устремленные на нее глаза родителей, она задвигалась, повернулась, открыла на мигъ большіе темно-голубые глазки... „Ма-ма“, съ улыбкой пролепетала она, закрыла ихъ опять и сладко вздохнула, уносимая снова неодолимыми чарами сна...

— Благослови ее! прошептала молодая мать.

Троекуровъ торопливо и неловко, какъ всегда это бывало съ нимъ въ подобныхъ случаяхъ,—съ какимъ-то смутнымъ ощущеніемъ своей „недостойности“, провелъ крестообразно пальцы надъ головой дочери....

— А вотъ и Василій Борисычъ голосъ *подлѣтъ*, проговорила счастливо улыбаясь Сашенька, быстро закидывая занавѣски кровати и направляясь къ колыбелькѣ изъ которой раздался плачь младенца;—это онъ не отъ зубковъ теперь, я знаю, услоконительно примолвила она, вынимая оттуда сына въ его пеленкахъ и кружевномъ челчикѣ и подводя его лобикомъ къ губамъ мужа:—они кушать *просятъ*... Ты подѣлуй его и иди себѣ теперь, Борисъ; доброй ночи! заключила она съ тою же блаженною улыбкой, отворачиваясь отъ него стыдливымъ движеніемъ чтобъ отстегнуть пуговицы своего корсажа....

Онъ направился къ двери, взялся за ручку, но прежде чѣмъ пожать ее оглянулся, какъ бы съ тѣмъ чтобъ унести съ собой всю полноту впечатлѣнія этого чистаго, таинственнаго и прощающаго дѣтскаго міра.

Вася перестала плакать. Молодая мать-кормилица, низко нагнувъ къ нему голову, стояла у колыбели, медленно и ровно, убаюкивающимъ ребенка движеніемъ, качаясь на мѣстѣ со стороны на сторону. Старая няня неслышными шагами проходила за чѣмъ-то къ комоду у окна, и лунное сіяніе падая сквозь него подстиало ей подъ ноги широкіе свѣтлые квадраты; а съ высоты, въ углу, освѣщенная красноватымъ пламенемъ лампадки, строгія лица святыхъ словно сторожили изъ-за своихъ золотыхъ ризъ весь этотъ міръ дѣтства и чистоты...

Троекуровъ вышелъ, и со сжатыми нервно бровями быстро направился чрезъ длинный рядъ комнатъ дома на свою половину.

Онъ отворилъ въ своемъ кабинетѣ дверь въ садъ,—но тутъ же отошелъ отъ нея и зашагалъ вдоль и поперекъ комнаты, покусывая усы и поводя плечами словно въ лихорадочной дрожи.

Такъ прошло нѣсколько времени... Часы на каминѣ прозвонили часъ по полудню.

Чьи-то шаги закрикнули по леску ближней садовой аллеи.

Борисъ Васильевичъ весь выпрямился, вскинулъ головой и слышво повернулъ къ двери.

За ея порогомъ глаза его первымъ, невольнымъ движеніемъ устремились на лавальионъ обитаемый княжной Кпррой. Изъ четырехъ, выходившихъ въ садъ и открытыхъ оконъ его, два были еще освѣщены и въ одномъ изъ нихъ на опущенной, чуть-чуть колеблемой воздухомъ бѣлой сторѣ дрожала, показалось ему, чья-то неясная, тонкая тѣнь... „Не спитъ еще, читаетъ“, сказалъ онъ себѣ мысленно, съ какимъ-то словно страхомъ быть замѣченнымъ ею, откидываясь назадъ внутрь комнаты.

Выходя изъ аллеи, прямо противъ него, показался въ эту минуту Скоробогатовъ.

Троекуровъ торопливымъ движеніемъ руки указалъ ему свернуть вправо и пройти къ нему дворомъ на отдѣльное крыльцо ведшее на его половину.

Самъ онъ пошелъ отворить ему дверь на это крыльцо, пропустилъ его, щелкнулъ за нимъ замкомъ и ввелъ его въ библиотеку, служившую приѣмной.

— Ну, что? обрывисто спросилъ онъ.

— Въ акурать тутъ,—самый, то-есть, этотъ человекъ, таинственно проговорилъ на это тотъ.

— Гдѣ?

— Какъ изволили сказывать, у калитки у самой проявился.. Въ шпальтѣ это, въ пальтѣ, здоровенная такая дубиница въ рукѣ,—самый онъ и есть, я хорошо призналъ.

— Вошелъ въ садъ?

— Вошелъ, ваше вскр... а только, какъ замѣтно, съ опаской, усмѣхнулся Скоробогатовъ:—верѣшительность видать.. Извѣстно, къ чужимъ, въ ночное время.. Черкесъ на что проворенъ, а и тотъ боится!.. Постоялъ онъ это тамъ за оградой спервоначалу, сигару вынулъ, огня черкнулъ, о калитку *объямъ рукамъ* олерса... а она и подалась сама внутрь-то въ садъ, мало за ней не упалъ онъ съ невзначая, ругнулся даже, „чтобъ тебя, проклятая!“ Одначе послѣ этого въ садъ вошелъ, прошелся таково шаговъ двадцать не болѣе, помахалъ дубиницей—и назадъ... И Богъ его знаетъ, воръ онъ какой, али что?..

— Онъ негодяй, не удержиимо вырвалось изъ устъ Троекурова.

Старый служивый поглядѣлъ ему въ глаза:

— Что жь, ваше высокоблагородіе.... его, значить, всегда спанать можно! Онъ и по сю пору тамъ...

— Онъ тебя не видѣлъ? прервалъ его Борисъ Васильевичъ.

— Ему и не въ догадъ, ваше.... потому я въ маляничъ забрался, сижу смиро: мнѣ-то все оттуда видать, а ему въ кустахъ и въ *жисть* меня не *подозрѣть*.

— Давно онъ тутъ?

— Съ полчаса, а можетъ болѣе.... Кабы не приказъ вашъ, чтобъ придти доложить вамъ, такъ я-бъ его, *шарлатана*, давно скрутилъ, ваше вскбл.... промолвилъ Скоробогатовъ, продолжая глядѣть въ глаза своему „полковнику“, въ очевидномъ ожиданіи приказа съ его стороны привести въ исполненіе это благое намѣреніе.

Но къ не малому его удивленію „полковникъ“ его, теребя усь и видимо держа въ головѣ иное соображеніе, проговорилъ съ презрительною усмѣшкой:

— Оставь его тамъ гулять, а самъ спать стулай!... Завтра же, быстро и рѣшительно прибавилъ онъ, во избѣжаніе дальнѣйшаго разговора,—отправляйся опять въ то же время въ свой магазинъ, и если онъ явится, не жди ни минуты и бѣги тотчасъ же доложить мнѣ! Слышишь?

— Слушаю, ваше всѣбла... пропустилъ озадаченно тотъ.

— Хорошо, стулай!..

Троекуровъ выпустилъ его на крыльцо, вернулся въ кабинетъ,—и долго еще среди ночной тишины слышался въ просторномъ покоѣ шумъ его, то лихорадочно-спѣшвыхъ, то странно замедлявшихся шаговъ...

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Б. МАРКЕВИЧЪ.

ТРИ СВИДАНЬЯ.

Въ дни равней юности, когда надежды полныи,
Въ недоумѣннѣи счастливомъ и нѣмомъ,
Встрѣчалъ я первыхъ чувствъ нахлынувшія волны,
Явилася ты мнѣ и молвила: пойдемъ.
И очутился я негаданно - нежданно
На свѣтломъ праздникѣ весны благоуханной,
Въ волшебномъ царствѣ грезъ и сказочной любви.
Тамъ ночи знойныя про счастье мнѣ шелтали,
Тамъ звѣзды какъ глаза влюбленные сверкали,
Тамъ сердце билося и плѣчи соловьи!

Но я насытилася весеннимъ наслажденьемъ.
Я сталъ просить борьбы, страданій и невзгодъ —
Ты вновь явилася мнѣ, и властнымъ мановеньемъ
Позвала за собой и повела впередъ.
И жизнь въ свой вѣчный шумъ и мракъ меня пріела,
И долго въ шумѣ томъ, въ той тьмѣ скитался я,
И много я страдалъ..... Душа страдать устала.
Я всломалъ о тебѣ, я вновь призвалъ тебя!

Призвалъ тебя, чтобъ ты смирила сердца муку,
Чтобъ озарила тьму спасительнымъ лучомъ,
И ты предстала мнѣ, и протянула руку,
И снова говоришь знакомое „пойдемъ!“
„Пойдемъ туда гдѣ нѣтъ ни счастья, ни кручины,
Гдѣ умолкаетъ шумъ ненужной суеты,
Гдѣ льдами вѣчными покрытыя вершины
Глядятъ на міръ и жизнь съ безстрастной высоты!“

Гр. А. ГОЛЕНИЦЕВЪ - КУТУЗОВЪ.

С.-Петербургъ.
21 декабря, 1881 г.

НѢСКОЛЬКО ЗАМѢЧАНІЙ

НА КНИГУ ПРОФЕССОРА ГОЛУБИНСКАГО *

Исторія русской церкви, Е. Голубинскаго, экстра-ординарнаго профессора Московской Духовной Академіи. Томъ I. Періодъ первый, кievскій или домонгольскій. Первая половина тома. Москва, 1880.

Ваша книга, безспорно, составляетъ весьма замѣчательное явленіе въ нашей ученой литературѣ и особенно въ области русской церковной исторіографіи. Вы положили въ нее столько труда и знанія, труда въ высшей степени добросовѣстнаго и усерднаго, знанія обширнаго и глубокаго, основанна-

* Замячанія эти написаны собственно для прочтенія на докторскомъ диспутѣ Е. Е. Голубинскаго, почему и придана имъ форма рѣчи, обращенной лично къ диспутанту. Значительная половина ихъ действительно была прочтена; остальные же по недостатку времени остались непрочитанными. Хотя замѣчанія эти далеко не исчерпываютъ всего что можно было бы сказать о книгѣ профессора Голубинскаго, но я все-таки рѣшился напечатать ихъ, удовлетворяя этимъ выраженное нѣкоторыми желаніе видѣть ихъ въ печати и также имѣя въ виду то обстоятельство что въ отчетахъ о диспутѣ, какъ и слѣдовало ожидать, они излагаются большею частью невѣрно. Н. С.

го на самомъ тщательномъ изученіи первоисточниковъ и литературы предмета что всякій образованный читатель невольно преклонится съ почтеніемъ предъ этими столь дорогими и столь рѣдкими у насъ качествами вашей книги. Въ числѣ такихъ ея читателей и почитателей я отвожу себѣ одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ и долгомъ поставлю прежде всего публично засвидѣтельствовать объ этомъ.

Да, не иначе какъ съ великимъ уваженіемъ я могу говорить объ ученыхъ достоинствахъ вашей книги, составляющей при томъ еще только малую часть дѣла, обширнаго и чрезвычайно важнаго труда, который вы начали издавать и который искренно желаю вамъ издать съ полнымъ успѣхомъ и сколько можно скорѣе на пользу науки и къ удовольствію читателей такъ справедливо заинтересованныхъ имъ. Но въ качествѣ возражателя, и притомъ подневольнаго возражателя, мнѣ нужно говорить не о достоинствахъ вашей книги; *volens nolens*, я долженъ отыскать и указать недостатки, отъ которыхъ и она не можетъ быть свободна; скажу больше: въ такомъ обширномъ и оригинальномъ во всѣхъ отношеніяхъ сочиненіи какъ ваше, при доброй волѣ, можно отыскать пожалуй и не мало недостатковъ, не мало положеній и выводовъ съ которыми нельзя или не легко согласиться. Я однакоже не рѣшаюсь брать на себя трудъ подробной критической оцѣнки именно частныхъ положеній, изложенныхъ и раскрытыхъ въ вашей книгѣ: по предмету моихъ специальныхъ занятій, изучая по преимуществу довольно уже позднее время нашей церковной исторіи, я долженъ откровенно сказать что не нахожу себя настолько знающимъ подробности древнѣшаго перваго ея періода чтобы входить въ оцѣнку частныхъ вашей книги, составляющей изложеніе именно этого перваго періода. Предоставляю эту честь моему достопочтенному соотарищу по оппозиціи *, какъ болѣе компетентному судѣ въ настоящемъ дѣлѣ. Со своей стороны я желаю бы ограничиться только общими замѣчаніями, побесѣдовать съ вами только о тѣхъ впечатлѣніяхъ или точнѣе о тѣхъ недоумѣніяхъ какія выводитъ изъ вашей книги образованный читатель не специалистъ.

Хотѣлъ бы именно *побесѣдовать*. Живое слово, устная бесѣда имѣютъ въ настоящемъ случаѣ несомнѣнная преиму-

* Профессоръ В. О. Ключевскій.

щества: они возбуждаютъ и поддерживаютъ интересъ къ предмету и ходу бесѣды какъ въ собесѣдникахъ, такъ и въ слушателяхъ. Но надобно сознаться что они имѣютъ и свои очень значительныя неудобства. Вы съ большимъ скептицизмомъ относитесь въ вашей книгѣ къ разнымъ сказаніямъ древности; я вполнѣ раздѣляю этотъ скептицизмъ, но только въ отношеніи къ сказаніямъ нашего времени. На знаменитый вопросъ, высказанный давно, еще во время нашей молодости, теперь рѣшительно можно отвѣтить что съ каждымъ днемъ исторія становится недостовернѣе. Въ безчисленномъ множествѣ печатаемыхъ нынѣ мемуаровъ, записокъ, воспоминаній, даже разказовъ по чужимъ воспоминаніямъ и разказамъ, нерѣдко случается читать о лицахъ хорошо намъ извѣстныхъ, о событіяхъ происходившихъ на нашей памяти, даже на нашихъ глазахъ, совершенныя небылицы, выдаваемые однакоже за достоверную исторію; то что случилось и говорено вчерашній день, въ описаніи такъ называемыхъ репортеровъ является съ такою окраской, съ такими измышленіями, вообще въ такомъ изложеніи что вовсе не походитъ на дѣйствительно происходившее и дѣйствительно сказанное. Къ сожалѣнію, не составляютъ исключенія въ этомъ отношеніи и нѣкоторые репортеры объ ученыхъ дебатахъ даже происходившихъ въ этой залѣ: въ ихъ изложеніи иногда сами участники дебатовъ не въ состояніи узнать себя и свои рѣчи. Люди привыкшіе спокойно относиться къ подобнымъ явленіямъ терпятъ ихъ какъ неизбежное зло, не вступаютъ въ печатныя объясненія и предпріятельства и по-моему дѣлаютъ хорошо, хотя и терпятъ своего рода неудобства, другіе же именно вступаютъ въ объясненія и тѣмъ вынуждаются на печатную полемику, иногда довольно длинную, по окончаніи которой терпѣливый читатель вздумавшій слѣдить за нею ставится нерѣдко въ недоумѣніе и не знаетъ уже что было сказано дѣйствительно и чего совсѣмъ не говорилось. Въ виду вотъ этихъ неудобствъ и во избѣжаніе этихъ неудобствъ, я рѣшился записать тѣ замѣчанія о вашей книгѣ которыми при другихъ условіяхъ предпочелъ бы обмѣняться съ вами въ живой бесѣдѣ, и прошу позволенія прочесть ихъ.

1. Прежде всего читатель спрашиваетъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ: точно ли соответствуетъ содержанію вашей книги давнее ей названіе, то-есть можетъ ли въ самомъ строгомъ смыслѣ ваша книга, въ полномъ ея составѣ, названа

быть *Исторіей русской церкви?* Читатель, предполагается, имѣеть надлежащее понятіе о томъ что есть *исторія* (церкви, государства, народа), какъ учено-литературное произведение, и въ чемъ состоятъ ея задачи, такъ какъ понятіе объ этомъ надобно считать уже въ наше время достаточно выясненнымъ и уставовившимся; да вы и сами кратко и точно выражаете его въ предисловіи къ вашей книгѣ: „По своему научному идеалу, говорите вы, исторія есть возможно удовлетворительное *воспроизведеніе* прошлой исторической *жизни* людей, такое воспроизведеніе чтобъ эта историческая жизнь возстала предъ нами какъ настоящая, во всей своей жизненной живости и во всей своей цѣлостной полнотѣ“ (стр. V—VI). Что нужно для болѣе или менѣе близкаго достиженія этого идеала исторіи, что требуется отъ историка чтобы по возможности воспроизвести въ своемъ созданіи историческую жизнь, вы указали и это: „задача историковъ, говорите вы, извлечь и *выжать* изъ готоваго и даннаго историческаго матеріала все что служить къ созиданію настоящей исторіи“ (V). Это значитъ, конечно, что историкъ, взявшись написать настоящую исторію, долженъ представить читателямъ выжатый имъ изъ историческаго матеріала сокъ, причемъ еще можетъ быть предъявлено со стороны читателя требованіе чтобъ этотъ сокъ былъ поднесенъ ему въ сосудѣ болѣе или менѣе тонкой и изящной работы, во всякомъ случаѣ соответствующемъ качеству содержаемаго. Находите ли вы это въ вашей книгѣ? Напротивъ, вы болѣею частью заставляете его присутствовать при трудной и сложной работѣ самаго выжиманья изъ историческихъ матеріаловъ потребнаго для исторіи сока, причемъ онъ видитъ весьма нерѣдко что соку даже и не выжимается ни капли, а то что выжато остается иногда несоединеннымъ, не слитымъ въ одинъ сосудъ. Въ другомъ мѣстѣ, имѣя въ виду уже собственно русскаго церковнаго историка, вы говорите: „чтобы сдѣлать что-нибудь (т.-е. написать возможную исторію русской церкви), онъ долженъ превратиться въ усерднѣйшаго, такъ сказать, тряпичника, долженъ по десятку разъ тщательнѣйшимъ образомъ перерывать всякій хламъ, чтобы не оставить ни одного лоскута и лоскутка который могъ бы пойти и послужить на пользу“ (XVII). Это нужно, разумѣется, для того чтобъ изъ лоскутковъ такимъ образомъ собранныхъ и подобранныхъ по ихъ однокачественности и одноцѣлности соста-

вить, или шить нѣчто цѣлое. Находите ли у васъ читатель именно это цѣлое, тщательно и искусно составленное? Нѣтъ, вы больше заставляете его, повторяю олять, присутствовать при самой работѣ тряпичника,—смотришь, какъ овъ, если не собираетъ, то перебираетъ, перемываетъ и, главное, пробуетъ, крѣпки ли, годятся ли въ дѣло эти лоскутки, изъ которыхъ предстоитъ шить русскую церковную исторію и значительная часть которыхъ не выдерживаетъ вашей пробы, расплывается у васъ въ клочки никуда негодные. Въ самомъ дѣлѣ, ваша исторія не всегда походитъ на то что читатель привыкъ соединять съ понятіемъ исторіи и что должно быть соединяемо съ этимъ понятіемъ по вашему собственному опредѣленію, особенно же не походитъ на тѣ опыты исторіи русской церкви какіе ему извѣстны. Положимъ что нѣкоторые изъ этихъ опытовъ очень слабы, и всѣ вообще далеки отъ совершенства; но нельзя не согласиться что въ своей постепенности они все же представляютъ значительный прогрессъ на пути къ совершенству и что во всякомъ случаѣ у васъ существуетъ уже своего рода зданіе церковной исторіи, надъ возведеніемъ котораго трудились люди весьма почтенные въ наукѣ (невольно припоминается одинъ изъ главныхъ участниковъ этого труда, незабвенный нашъ учитель Александръ Васильевичъ *). Но вотъ вы подходите къ этому зданію (если вы не затруднились прибѣгнуть къ примѣру пресовщика и тряпичника, позвольте и мнѣ употребить сравненіе), вы подходите къ этому зданію съ тяжелымъ молотомъ вашей критики и начинаете безъ милосердія колотить въ каждый его камень чтобъ испытать его прочность и пригодность для настоящаго зданія исторіи, а не фантастическаго, какимъ въ большей своей части представляется вамъ существующее. Подъ тяжкими ударами вашего критическаго молота нѣкоторые камни, лежавшіе доселѣ неподвижно и, казалось, очень крѣпко и прочно, лежавшіе даже въ основѣ зданія, разлета-

* А. В. Горскій, протоіерей, ректоръ Моск. Дух. Академіи, до поступления на ректорскую должность въ продолженіе тридцати лѣтъ читавшій студентамъ Академіи церковную исторію. Замѣчательныя статьи его по исторіи русской церкви печатались въ академическомъ журналѣ; а знаменитый трудъ „Описание славянскихъ рукописей Синод. Библіотеки“ извѣстенъ каждому занимающемуся русскою исторіей.

ются въ прахъ, другіе спявно осыпаются и изъ крулвыхъ превращаются въ маленькіе, цыые, тоже значительно пострадавшіе, получаютъ другой видъ и другое положеніе. Вы бережно вынимаете камни болѣе или менѣе выдержавшіе испытаніе, присоединяете къ нимъ другіе, вами самими собранные и признанные за насомнѣнно годные въ дѣло; цюгда слагаете ихъ во едино по правиламъ архитектуры.

Но это въ вашей книгѣ, особенно въ первой ея половинѣ, совсѣмъ не главное; ея суть, ея преимущественное содержаніе составляетъ именно эта работа вашего критическаго молота, при которой вы заставляете присутствовать читателя: читатель находитъ у васъ цѣлый рядъ критическихъ изслѣдовацій источниковъ и матеріаловъ русской церковной исторіи, присоединенные къ нимъ самые тексты наиболѣе важныхъ изъ числа этихъ подвергнутыхъ изслѣдованію матеріаловъ, и другія подобнаго рода приложенія, даже такіа въ которыхъ вы, по вашему собственному призванію, укладываетесь „отъ прямыхъ вашихъ рѣчей туда куда васъ не зовутъ“ (стр. 48). Читатель вполнѣ цѣнитъ и важность, и учебное значеніе и даже интересъ этой критической работы при которой вы пригласили его присутствовать. Работа ваша, дѣйствительно, такъ интересна что цюгда онъ слѣдитъ за ней съ наслажденіемъ и постоянно съ неустаннымъ любопытствомъ; что касается учебныхъ ея достоинствъ, то онъ полагаетъ что нѣкоторыя отдѣльныя изслѣдованія по вопросамъ русской церковной исторіи, помѣщенные у васъ, составляютъ уже каждое само по себѣ диссертацию на учебную стелень; наконецъ, онъ убѣжденъ что представляемая въ ней критическая работа можетъ-быть несравненно нужнѣе, полезнѣе и плодотворнѣе для науки русской церковной исторіи чѣмъ иная исторія. Будущій историкъ съ благодарностію воспользуется вашимъ, чрезвычайно важнымъ и полезнымъ для него трудомъ для составленія настоящей, дѣйствительной исторіи русской церкви; но самъ по себѣ вашъ трудъ не есть еще такая исторія. Вотъ почему и представляется читателю вопросъ: точно ли, вполнѣ ли соответствуетъ дѣйствительному содержанію вашей книги, въ цѣломъ ея составѣ, названіе: „Исторія русской церкви“?

2. Я сказалъ что будущій историкъ съ благодарностію воспользуется вашимъ трудомъ для составленія настоящей въ собственномъ смыслѣ исторіи русской церкви. Но вы сами,

хотя и предприняли изданіе огромнаго труда подъ названіемъ *Истории русской церкви*, выражаете рѣшительное сомнѣніе даже въ возможности создать „настоящую“ ея исторію, подобную исторіямъ другихъ церквей. Ваши замѣчанія объ этомъ въ предисловіи къ вашей книгѣ невольно останавливаютъ на себѣ вниманіе читателя, возбуждая нѣкоторыя недоумѣнія.

Вы говорите въ предисловіи: „Наша русская церковная исторія одна изъ числа тѣхъ исторій которыя въ состояніи приблизиться къ идеалу исторіи *наименѣе*“ (VII). Въ другомъ мѣстѣ: „Нашей русской церковной исторіи *мудрено и напрасно мечтать* (даже мечтать!) о томъ чтобы *скольконибудь* приблизиться къ идеалу исторіи“ (XV). И еще: „Итакъ русская церковная исторія по своему достоинству какъ исторіи (sic) принадлежитъ и *имѣетъ принадлежать* къ числу исторій вовсе не высокихъ“. Здѣсь же въ предисловіи вы указываете и нѣкоторыя основанія къ такому приговору надъ русскою церковною исторіей: это именно скудость и особенно несовершенство ея источниковъ, которые не изображаютъ намъ ни живыхъ людей, ни церковной жизни въ ея постепенномъ движеніи. „На всемъ пространствѣ допетровской церковной исторіи, говорите вы, выступаетъ предъ нами какъ живой до нѣкоторой степени человекъ только патріархъ Никонъ, который самъ до нѣкоторой степени очертилъ себя, а *всѣ остальные* суть совершенно безличныя тѣни и тѣни и *просто ярлыки на пустыя мѣста*“... „Мы достаточно знаемъ русскую церковную жизнь только за XVI вѣкъ (благодаря дѣяніямъ Стоглаваго собора и Максиму Греку), а затѣмъ, обращаясь назадъ и восходя до самаго начала, *или совершенной прахъ или только кой-какія несвязныя черты*“... „Само собой разумѣется, продолжаете вы, что это не радостно, а печально. Однако печально, такъ-сказать, совсѣмъ въ особомъ смыслѣ“, прибавляете вы, какъ будто въ утѣшеніе читателю, на самомъ же дѣлѣ только затѣмъ чтобъ еще больше погрузить его въ печаль. „Наша церковная исторія не высока, т.е. *суждено ей быть невысокою* (объясняете вы) не отъ какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, на которыя мы имѣли бы право сѣтовать, а по нашей собственной винѣ, потому что мы не написали ее (прямо или косвенно) болѣе удовлетворительнымъ образомъ. Не написали болѣе удовлетворительнымъ образомъ потому что были неспособны написать. А

были неспособны написать потому что были неспособны... потому что въ нашемъ прошломъ грустный или не грустный, но дѣйствительный фактъ,—мы представляли изъ себя историческій народъ весьма невысокаго достоинства. Въ этомъ послѣднемъ обстоятельстве заключается весь простой секретъ, ибо всякій народъ ровно настолько обладаетъ способностью писать свою исторію насколько обладаетъ способностью или насколько проявляетъ способность жить исторически“ (XVI).

Итакъ весь, какъ вы выражаетесь, простой секретъ, почему вашей русской церковной исторіи *напрасно и мечтатъ* даже о какомъ-нибудь приближеніи къ идеалу исторіи, почему она принадлежитъ и *имѣетъ принадлежать* къ числу самыхъ невысокихъ состоитъ въ томъ что мы представляли изъ себя историческій народъ весьма невысокаго достоинства! Это былъ бы дѣйствительно очень грустный фактъ еслибы читатель не находилъ возможности усомниться въ его дѣйствительности. Считаю излишнимъ и не совсѣмъ удобнымъ входить въ препирательства по вопросу не вами первыми возбужденному: есть ли Русскій народъ народъ историческій и какъ велико его историческое достоинство? Если на сторонѣ тѣхъ которые видятъ и въ прошедшихъ судьбахъ Русскаго народа и въ его будущности великое значеніе и предназначеніе даже для всего человѣчества, есть значительная доля благороднаго увлеченія любовью къ своему народу и горячемъ вѣрой въ него, то все же надобно признать что на ихъ сторонѣ больше правды чѣмъ у тѣхъ которые отрицаютъ всякое или почти всякое историческое значеніе Русскаго народа, низводятъ его на степенъ народовъ обладающихъ весьма небольшою способностью жить исторически. Сдѣлаю одно только замѣчаніе. Если вы находите что послѣ Петровской реформы Русскій народъ занялъ подобающее мѣсто въ ряду историческихъ народовъ и съ того времени историческая жизнь его благотворно отразилась даже на церковной его исторіи, то не слѣдуетъ ли согласиться что этотъ народъ и прежде имѣлъ способность жить исторически и проявлять эту способность. Ибо не могла же Петровская реформа, какою бы могучею силой она ни обладала, сообщить Русскому народу то чего не имѣлъ онъ и не могъ имѣть по природнымъ своимъ качествамъ,—способность жить исторически, а слѣдовательно и проявлять въ жизни эту способность?

Доказательство того что Русскій народъ до петровскаго времени обладалъ очень малою или совсѣмъ не обладалъ способностью жить исторически, почему и не способенъ былъ написать свою церковную исторію сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ, почему далѣе напрасно и мечтать ей о томъ чтобы сколько-нибудь приблизиться къ идеалу исторіи,—доказательство этого вы находите въ скудости оставленныхъ древностию источниковъ русской церковной исторіи,—скудости не столько количественной сколько качественной. Но, во первыхъ, развѣ все что написано историческаго въ древнѣйшія времена сохранилось до нынѣ? Напротивъ, съ несомнѣнною нуждою полагать что въ теченіе столькихъ столѣтій, обильныхъ столькими народными и цымы бѣдствіями, у насъ погибло очень много драгоценныхъ письменныхъ памятниковъ старины. Если же такъ, то ощущаемая теперь будто бы крайняя скудость источниковъ для русской церковной исторіи не можетъ быть доказательствомъ что Русскій народъ не писалъ своей исторіи и не способенъ былъ писать, какъ историческій народъ весьма не высокаго достоинства. А между тѣмъ и самая скудость историческихъ письменныхъ памятниковъ ужели такъ велика и безотраднa какъ вы изображаете? Не стану входить въ подробныя доказательства преувеличенности этого изображенія. Остановлюсь на нѣкоторыхъ вашихъ собственныхъ частныхъ замѣчаніяхъ.

Вотъ, напримѣръ, вы говорите о крайнемъ недостаткѣ, почти о совершенномъ отсутствіи у насъ церковно-историческихъ монографій. Житіямъ святыхъ или, какъ вы называете ихъ, „педагогическимъ монографіямъ“, находящимся у насъ въ такомъ изобиліи, вы не усвоите никакого почти историческаго значенія, потому что не находите въ нихъ „живыхъ чертъ взятыхъ изъ дѣйствительной жизни“ и еще потому что онѣ „повѣствуютъ о подвигахъ и о святой жизни людей, не стоявшихъ на сценѣ исторіи, намѣренно выдѣлавшихъ себя и удалившихся изъ общества“ (XI). Трудно согласиться съ тѣмъ что будто житія русскихъ святыхъ не даютъ уже рѣшительно никакихъ годныхъ для исторіи индивидуальных чертъ времени и лицъ, и съ другой стороны съ тѣмъ что будто бы монашество есть нечто совсѣмъ чуждое церкви, совсѣмъ отдѣльное отъ нея, не имѣющее и, главное, не имѣвшее никакого вліянія на ея жизнь, что исторія монашества даже не входитъ въ составъ церковной исторіи. Но не объ этомъ я

намѣренъ говорить. Признавъ полное отсутствіе у насъ историческихъ монографій, вы наши только одно исключеніе изъ этого общаго положенія: „За все пространство времени до Петра Великаго, говорите вы, мы имѣемъ впрочемъ одно исключеніе, это біографія патріарха Никона, написанная Иваномъ Шушеривымъ. А до нѣкоторой степени можно считать церковною монографіей и осаду Троицкаго монастыря Аврамія Палицына“ (XI, прим.). Но, не обращаясь къ болѣе древнимъ временамъ русской исторіи, въ томъ же XVII вѣкѣ, поцкавъ, кажется, можно указать и еще не одно подобное исключеніе, найти другія монографіи, въ которыхъ изображаются нѣкоторыя стороны русской церковной жизни даже въ болѣе яркихъ и живыхъ чертахъ нежели какъ она изображена въ достойномъ всякаго уваженія сочиненіи Шушерина или въ Сказаніи Палицына. Укажу для примѣра житіе Неронова, автобіографію Аввакума и записки нѣкоторыхъ другихъ современныхъ ему расколоучителей, исторію Саввы Романова. Это для примѣра.

Еще вы говорите: „на всемъ пространствѣ допетровской церковной исторіи выступаетъ предъ нами какъ живой до нѣкоторой степени человекъ патріархъ Никонъ; всѣ остальные безличныя тѣни и тѣни и просто ярлыки на лустыхъ мѣстахъ“. Почему же Никонъ явился живымъ человекомъ въ исторіи? Потому, отвѣчаете вы, что „самъ до нѣкоторой степени очертилъ себя“. Едва ли только потому. Въ значительной степени очертили его, какъ человека и историческаго дѣятеля, его друзья и его враги, особенно послѣдніе, писавшіе о немъ очень много: сквозь отрицательныя стороны его характера и дѣятельности, изображенныя у нихъ такими яркими красками, выступаютъ довольно ясно и положительно его черты. Но положимъ что онъ явился живою личностью въ исторіи только потому что самъ очертилъ себя. Гдѣ и въ чемъ онъ очертилъ себя?—вы не указали. Полагаю что здѣсь надобно разумѣть его собственныя письма къ царю и другія сочиненія, какъ на примѣръ извѣстные отвѣты по вопросамъ Стрѣшнева, а больше самыя его дѣла, занимающія такое видное мѣсто въ исторіи русской церкви и имѣющія такія важныя для нея послѣдствія. Но развѣ мало въ русской церковной исторіи лицъ которыхъ оставили сочиненія не менѣе важныя чѣмъ Никоновы и совершили дѣла хоть не столь важныя какъ Никоновы? Въ этихъ сочиненіяхъ и дѣлахъ они,

подобно Никову, тоже необходимо должны были очертить себя болѣе или менѣе, и историкъ отыщеть эти черты отражающія ихъ личный характеръ. Говоря объ отсутствіи живыхъ людей въ русской церковной исторіи, вы, повидимому, имѣли въ виду преимущественно лѣтописи, которыя, по вашему выраженію, „даютъ намъ только имена и имена, и не обрисовываютъ людей ни единою чертой“, хотя приведенное именно вслѣдъ за симъ, въ видѣ исключенія, имя патріарха Никова ко временамъ собственно лѣтописнымъ не относится. Въ общемъ ваше замѣчаніе о лѣтописяхъ, конечно, справедливо; но вѣдь, пожалуй, лѣтописи были бы не въ состояніи удовлетворить васъ, еслибы и пускались въ описанія личныхъ свойствъ и характера людей о которыхъ упоминають голословно: подъ анатомическимъ ножомъ вашей критики, по всей вѣроятности, оказались бы эти изображенія или позамѣшными вставками, не имѣющими никакой цѣвы, или такимъ же непригоднымъ для исторіи вымысломъ самого лѣтописца, по своему невѣжеству не имѣвшаго возможности понимать и оцѣнивать людей, а то, пожалуй, имѣвшаго особыя побужденія отзыватья о нихъ такъ, а не иначе...

Нѣтъ, читатель не соглашается съ этимъ мнѣніемъ будто Русскій народъ есть выродокъ изъ историческихъ народовъ, что онъ не оставилъ памятниковъ своей исторической жизни, не способенъ былъ писать свою исторію. Читатель готовъ думать что и вы сами въ дѣйствительности менѣе строги къ Русскому народу и его способности писать свою исторію чѣмъ въ предисловіи къ вашей книгѣ. Держа въ рукахъ первый ея томъ, держа притомъ не безъ нѣкотораго усилія, и предвкушая удовольствіе, именно удовольствіе получить еще по крайней мѣрѣ пять такихъ томовъ, читатель невольно приходитъ къ мысли что не стали бы вы предпринимать такой громадный трудъ еслибы не находили что Русскій народъ оставилъ достаточно памятниковъ для написанія „настоящей“ исторіи русской церкви. Вѣдь не для того же, въ самомъ дѣлѣ, пишете вы исторію русской церкви чтобы доказать что намъ нечего и мечтать о написаніи порядочной церковной исторіи, или чтобы разрушить и разбросать по камню зданіе этой исторіи воздвигнутое другими?

Въ вашей книгѣ имѣются впрочемъ и болѣе частыя, положительныя указанія того что вы признаете обиліе оставленныхъ древностию матеріаловъ для исторіи русской церкви,

только полагаете что многіе изъ нихъ еще не открыты; значить допускаете что Русскій народъ былъ изъ способныхъ писать свою исторію и что она можетъ быть написана со временемъ настоящимъ образомъ. Такой именно смыслъ имѣеть отысканное у васъ въ книгѣ, впрочемъ не особенно благозвучное слово *пока*: отыскавшій его трудолюбивый читатель даже сосчиталъ сколько разъ оно повторяется въ вашей книгѣ и насчиталъ что-то очень много.* Ясно такимъ образомъ что вы пытаете довольно твердую надежду на открытіе новыхъ историческихъ памятниковъ долженствующихъ пролить свѣтъ на исторію русской церкви, и значить вѣрите что Русскій народъ „обладалъ способностью писать свою исторію и что въ будущемъ составленіе настоящей исторіи русской церкви не есть напрасная, несбыточная мечта“.

3. Относясь съ безпощадною строгостью къ древней Руси, не находя въ ней никакихъ слѣдовъ просвѣщенія, вы напротивъ очень благосклонно смотрите на новую, преобразованную Петромъ Россію. „Кіевскій и московскій періоды русской церковной исторіи, говорите вы, собственно представляютъ собою одно цѣлое, характеризующее отсутствіемъ дѣйствительнаго просвѣщенія, котораго мы не усвоили съ *принятіемъ христіанства* и безъ котораго оставались до самаго Петра Великаго“; а текущій періодъ петербургской есть, по вашему, періодъ водворенія у насъ *настоящаго просвѣщенія*, а вмѣстѣ съ симъ подразумевается и *болѣе совершеннаго пониманія христіанства*“ (XX). Это опредѣленіе, или эту характеристику періодовъ русской церковной исторіи вы сами называете „общей и поверхностной“; болѣе обстоятельную обѣщаете сдѣлать послѣ, „въ подлежащихъ“ мѣстахъ. Болѣе обстоятельная характеристика, безъ сомнѣнія, разъяснить тѣ недоумѣнія какія невольно возбуждаетъ въ читателей сейчасъ приведенная (употребляю ваше выраженіе) общая и поверхностная. Въ самомъ дѣлѣ, находя здѣсь сопоставленіе между принятіемъ Русскими христіанства, которое будто бы нисколько не способствовало устраненію невѣжества и насажденію въ нихъ христіанскихъ началъ жизни, и между принятіемъ Петровскихъ реформъ, которыя, напротивъ, способствовали будто бы не только водворенію у насъ настоящаго просвѣщенія, но

См. въ *Прав. Обозр.* (май 1880 годъ), статью подъ куріознымъ заглавіемъ *Пока*.

даже болѣе совершенному пониманію самаго христіанства, находя такое сопоставленіе, читатель безъ болѣе обстоятельнаго разъясненія, въ какомъ смыслѣ оно сдѣлано, легко можетъ усмотрѣть въ немъ, пожалуй, нѣчто такое чего вы, конечно, не желали сказать. При томъ же усвоая петербургскому періоду „водвореніе у насъ просвѣщенія“, какое именно просвѣщеніе вы разумѣете? Если духовное, о которомъ собственно и должна идти рѣчь въ церковной исторіи, то вѣдь начало или водвореніе его принадлежитъ еще московскому періоду, основаніе такихъ духовныхъ школъ какъ Академіи, не только въ Кіевѣ, но и въ самой Москвѣ послѣдовало гораздо раньше основанія Петербурга и самаго воцаренія Петра. Если же разумѣть здѣсь образованіе свѣтское, науку нѣмецкую, которую дѣйствительно Петръ задумалъ пересадить на русскую землю и которую, какъ кажется, вы здѣсь именно разумѣете, то ужели водвореніе у насъ этой науки въ самомъ дѣлѣ отразилось такъ благотворно въ области собственно церковной, какъ вы указали? Ужели именно нѣмецкой наукой Русскій народъ обязанъ „болѣе совершеннымъ пониманіемъ христіанства“, еслибы даже мы и допустили что такое пониманіе явилось у насъ именно въ петербургскій періодъ, а до Петербурга и Петра даже и слѣдовъ его не было?

Самое названіе третьяго періода русской церковной исторіи *Петербургскимъ* почему вы предпочли прежнему названію *Синодальный*, которое, казалось бы, болѣе соответствуетъ содержанію церковной исторіи, такъ какъ взято отъ событія (учрежденія Синода), положившаго рѣшительную перемѣну въ управленіи русской церкви и отразившагося весьма замѣтнымъ образомъ на ея жизни? Ужели вы предпочли это названіе *Петербургскій* для того чтобъ именно означить благотворное вліяніе на русскую церковь „настоящаго просвѣщенія“, подъ которымъ разумѣете нѣмецкую науку и вообще западно-европейскую цивилизацію явившуюся къ намъ, и теперь идущую главнымъ образомъ черезъ Петербургъ, черезъ это окно въ Европу прорубленное Петромъ? Во всякомъ случаѣ для православнаго русскаго человѣка звучитъ нѣсколько странно такое сочетаніе словъ и понятій: *петербургскій* періодъ исторіи *православной русской* церкви....

Наконецъ нельзя пройти молчаніемъ сдѣланное вами именно по поводу характеристики петербургскаго періода подстрочное примѣчаніе. Вы говорите: „Прискорбнѣвшія обще-

ственныя болѣзни нашего времени заставляютъ *имѣть людей* усомниться въ томъ чтобы наше время было выше и лучше времени предшествующихъ (причемъ вовсе и никто не говоритъ чтобы оно достигало безотносительной высоты совершенства); но изъ-за людей болыныхъ распространять свое *ожесточеніе на вѣкъ и на все* далеко несправедливо и не основательно. А кто не вѣруетъ въ силу и полезность просвѣщенія, тотъ со своей точки зрѣнія конечно совершенно правъ, желая возвратиться ко временамъ невѣжества. Но если такъ, то чѣмъ дальше невѣжество тѣмъ лучше и слѣдовательно должно желать возвращенія не ко временамъ Ивана Васильевича IV и Алексѣя Михайловича, а уже гораздо далѣе назадъ—(XX—XXI)... Умѣсты ли подобнаго рода замѣчанія въ книгѣ такого серьезнаго ученаго содержанія какъ ваша, объ этомъ я буду говорить послѣ. Теперь разсмотрю ваше замѣчаніе, такъ сказать, по существу. Трудно повѣрить чтобы дѣйствительно существовали такіе странные люди, которые изъ-за общественныхъ болѣзней нашего времени относились бы съ ожесточеніемъ *ко вѣмъ и ко всему*; но такихъ людей которые „прискорбнѣвшими явленіями *нашего времени*“ вынуждены усомниться чтобы *наше время* было выше и лучше времени предшествующихъ, такихъ людей встрѣтить можно, и не мало. Только вѣдь эти люди разумѣютъ *наше время* съ его общественными болѣзнями въ самомъ тѣсномъ смыслѣ и время *предшествующее*, которое предпочитаютъ нашему, относятъ обыкновенно весьма не далеко, полагаютъ сейчасъ же за границами *нашего*, и ни какъ уже не отодвигаютъ его далѣе петербургскаго періода русской исторіи, просвѣтительное значеніе котораго въ жизни Русскаго народа они тоже признаютъ или по крайней мѣрѣ не отвергаютъ. Значитъ и возставать противъ нихъ въ защиту именно этого періода, какъ „періода водворенія у насъ настоящаго просвѣщенія“, вамъ не слѣдъ. Еще труднѣе повѣрить чтобы могли найтись такіе совсѣмъ уже странные люди, разумѣется въ классѣ образованномъ, которые бы „не вѣровали въ силу и полезность просвѣщенія“, которыхъ вы приглашаете поэтому возвратиться ко временамъ царя Ивана Васильевича и еще гораздо далѣе, туда, гдѣ предполагается вами совершеннѣйшій мракъ невѣжества. Да еслибъ и встрѣчались такіе странные люди, стоить ли метать въ нихъ стрѣлы остроумія и глѣба? А ежели вы имѣете здѣсь въ виду людей извѣстнаго

такъ-называемаго славянофильскаго направленія, которымъ дѣйствительно весьма не любь петербургскій періодъ нашей исторіи, которые источникомъ общественныхъ недуговъ и нашего, и предшествующаго ему времени считаютъ именно Петровскую реформу въ западно-европейскомъ духѣ, а исцѣленія ихъ чають отъ возстановленія и развитія основныхъ началъ, которыми жила древняя Русь и живетъ доселѣ Русскій народъ, то вѣдь обвиняютъ людей этого направленія въ томъ что они „не вѣрують въ силу и полезность просвѣщенія“ совсѣмъ несправедливо. Будучи и сами, въ большинствѣ своемъ, людьми въ строгомъ смыслѣ образованными, они всегда ратовали за науку и просвѣщеніе въ истинномъ ихъ смыслѣ, всегда желали ихъ водворенія и распространенія въ Россіи. А для своихъ суровыхъ приговоровъ надъ Петровскою реформой и петербургскимъ періодомъ русской исторіи они имѣють очень основательныя причины. Во всякомъ случаѣ, людямъ иного направленія, иныхъ воззрѣній, можно съ ними не соглашаться и спорить; но можно ли относиться къ нимъ насмѣшливо и съ пренебреженіемъ?

4. Теперь я перейду къ собственному содержанію вашей книги, скажу нѣсколько словъ о томъ что составляетъ ея главную силу, — о критикѣ матеріаловъ для перваго періода русской церковной исторіи, о вашемъ способѣ выжиманія сока изъ этихъ матеріаловъ. Не стану еще разъ упоминать о томъ какое уваженіе къ вашему труду и какое удовольствіе доставляетъ читателю богатый, доселѣ рѣдко виданный у насъ учевый аппаратъ, какимъ вы располагаете для этой операціи выжиманія историческаго сока; я обращаю вниманіе только на тѣ способы какіе вы при этомъ употребляете, на приемы и начала вашей критики. Главный, постоянно употребляемый у васъ критическій приемъ—это разложеніе каждаго историческаго матеріала, каждаго сказанія и извѣстія на его составныя, простѣйшіе элементы, а главное начало, котораго держитесь, состоитъ въ томъ чтобы принимать за настоящій историческій матеріалъ, за дѣйствительное достояніе исторіи только то что окажется при этомъ совершенно яснымъ, простымъ, понятнымъ и естественнымъ; все остальное въ чемъ вы не находите этихъ качествъ, что вамъ кажется неяснымъ, не вполне понятнымъ или невѣроятнымъ, что по вашему не естественно и не просто, все это вы безъ милосердія отбрасываете какъ ненужное, какъ негодное для

исторіи. Безспорно что этотъ приемъ и это начало нужны и могутъ быть весьма полезны для очищенія поля исторической науки отъ постороннихъ наносовъ разнаго рода; но едва ли можно также отрицать что въ ихъ употребленіи должна быть соблюдаема большая осторожность. Дѣло въ томъ что они открываютъ не мало простора личному взгляду, сужденію и вкусу критика. Понятіе о томъ что ясно и неясно, что вѣроятно и невѣроятно въ дѣлахъ и событіяхъ совершающихся чуть не на нашихъ глазахъ, бываютъ у разныхъ людей различны, иногда доходятъ до противоположности: неясное для одного кажется совершенно яснымъ другому. Въ отношеніи къ событіямъ и лицамъ прошлаго времени, особенно такой глубокой древности о которой говорится въ вашей книгѣ, это можетъ случиться еще чаще и еще скорѣе. И дѣйствительно, читателю приходится нерѣдко выражать сомнѣніе чтобы то что вы отвергаете какъ неясное и невѣроятное было и въ самомъ дѣлѣ неясно, или невѣроятно, и подлежало бы исключенію изъ исторіи, и чтобы то что вы признаете какъ вполне ясное или по крайней мѣрѣ какъ вполне вѣроятное, собственнымъ достояніемъ исторіи, было таково въ дѣйствительности. При томъ же оны встрѣчаютъ иногда что въ опредѣленіи исторической пригодности матеріала вы употребляете даже приемъ который трудно назвать въ строгомъ смыслѣ историческимъ: къ событіямъ и лицамъ глубокой древности прилагаете иногда мѣрку позднѣйшаго и даже новѣйшаго времени. Для лучшаго объясненія и доказательства того что извѣстное обстоятельство, извѣстное дѣйствіе историческаго лица въ XII, въ XI вѣкѣ, а то и раньше, должно быть признаваемо вѣроятнымъ или невѣроятнымъ, можетъ быть занесено въ исторію или не можетъ,—для объясненія и подтвержденія этого вы иногда приводите примѣры не только изъ XVII, но даже изъ XVIII, и нашего столѣтія, приводите въ свидѣтели и Петра Великаго, и митрополита Филарета, даже отставнаго офицера Екатерининскихъ временъ, даже свои собственные наблюденія надъ современными русскими нравами и обычаями. При всемъ уваженіи къ этимъ свидѣтелямъ, читатель находитъ что они слишкомъ молоды чтобы свидѣтельствовать о томъ что могло или не могло быть за восемь вѣковъ до нихъ или даже больше...

Въ подтвержденіе сказаннаго можно было бы привести изъ

вашей книги очень много примѣровъ. Ограничусь нѣсколькими и главнымъ образомъ остаюся на самомъ началѣ вашей книги.

а) „Сказаніе о посвѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ“ вы разсматривали такъ обстоятельно и полно въ учебномъ отношеніи что читателю трудно не согласиться съ вашимъ послѣднимъ выводомъ въ общемъ его смыслѣ; но въ частностяхъ онъ не вездѣ съ вами согласится, и именно очень легко можетъ не сойтись съ вами въ понятіи о простомъ и вѣроятномъ или не простомъ и невѣроятномъ въ данномъ случаѣ. Доказательство невѣроятности описаннаго въ „сказаніи“ посвѣщенія апостоломъ тѣхъ мѣстъ гдѣ стоятъ теперь Киевъ и Новгородъ вы, между прочимъ, видите въ томъ что посылать (?) апостола изъ Корсунѣ въ Римъ чрезъ Киевъ и Новгородъ есть *одно и то же* что посылать кого-нибудь изъ Москвы въ Петербургъ путемъ на Архангельскъ“ (4). Пусть будетъ *одно и то же*. Но почему не вѣроятно чтобы кого-нибудь послали или кто самъ поѣхалъ бы изъ Москвы въ Петербургъ даже чрезъ Архангельскъ имѣя на то уважительныя причины? Это возможно даже и теперь когда есть желѣзная дорога изъ Москвы до Петербурга, а прежде могло случиться еще скорѣе; во времена же отдаленныя отъ насъ не однимъ десяткомъ столѣтій такіе окольные пути, по особымъ побужденіямъ, могли быть предпринимаемы и тѣмъ больше. Но въ томъ-то и дѣло, говорите вы, что апостолъ не имѣлъ побужденій предпринимать этотъ окольный путь: „у него не было времени ходить по пустынямъ; онъ не могъ имѣть никакой надежды утвердить сколько-нибудь прочнымъ образомъ христіанство въ совершенно разобщенной съ остальнымъ міромъ, варварской и населенной Богъ знаетъ кѣмъ странѣ; для чего предпринималъ бы онъ въ нее путешествіе? Не для того же въ самомъ дѣлѣ чтобы ставить кресты на необитаемыхъ горахъ или наблюдать такіе обычаи какъ ларенье въ баняхъ“ (9)? Что касается лареня въ баняхъ, то, конечно, никакъ нельзя допустить чтобы апостолъ приходилъ въ нашъ край наблюдать этотъ обычай; но поставленіе креста хотя бы на необитаемыхъ тогда, но дѣйствительно прославленныхъ въ послѣдствіи горахъ—дѣло иного рода. Не сомнѣваю что и „мысленное благословеніе“ отъ апостола для нихъ было бы не менѣе дѣйственно и благотно; но какое право мы имѣемъ отрицать что апостолъ предпочиталъ и нахо-

дѣла нужнымъ, такъ сказать, вещественный, осязательный знакъ этого благословія русской земли? Въ томъ-то и дѣло что входить въ намѣренія, во внутреннія расположенія и планы такихъ совершенно исключительныхъ лицъ каковы апостолы, опредѣлять по нашей мѣркѣ что было бы въ ихъ дѣйствіяхъ вѣроятнo и что невѣроятнo, читатель находитъ не совсѣмъ удобнымъ. И вотъ онъ уже расходится съ вами въ данномъ случаѣ относительно помятаго о вѣроятномъ и невѣроятномъ.

Еще происхождение „сказанія“ о путешествіи апостола Андрея въ Русь вы рѣшительно объясняете изъ честолюбія и тщеславія нашихъ предковъ. „Если повѣсть принадлежитъ народному творчеству вообще, говорите вы, то она *должна свидѣтельствовать о тщеславіи предковъ нашихъ какъ утлаго народа*, который не хотѣлъ оставаться въ послѣднихъ и пришедъ ко Христу около одиннадцатаго часа, тѣмъ не менѣе желалъ перевести себя въ первые; если же повѣсть принадлежитъ одному лицу, то и *свидѣтельствуетъ только о тщеславіи ея неизвѣстнаго автора* (3).“ И въ другомъ мѣстѣ: „честолюбія и тщеславія предковъ нашихъ, желая достигнуть того чтобы страна наша была посвящена однимъ изъ апостоловъ, конечно, не особенно затруднились бы составить повѣсть объ этомъ и въ томъ случаѣ еслибы не представлялось къ сему никакаго основанія и никакаго внѣшняго повода.“ (4). Вотъ какъ рѣшительно говорите вы о честолюбіи и тщеславіи нашихъ предковъ, какъ внутреннею побужденію къ составленію повѣсти, будетъ ли она произведеніемъ народнаго творчества или дѣломъ одного лица, а между тѣмъ читатель съ не меньшимъ правомъ можетъ объяснять ея происхождение въ томъ и другомъ случаѣ вовсе не изъ такого мутнаго источника, напротивъ изъ побужденій чистыхъ и невинныхъ, на примѣръ изъ живаго религіознаго чувства, такъ стовѣстнаго юному, новопросвѣщенному христіанствомъ народу, чувства которое питалось и услаждалось мыслию что однимъ изъ апостоловъ своимъ личнымъ присутствіемъ освятилъ русскую землю и благословилъ грядущее насажденіе на ней христіанства. И въ самомъ дѣлѣ, почему же непремѣнно честолюбіе и тщеславіе, а не другія совершенно невинныя чувства? Вѣдь только потому что объяснять происхождение „Сказанія“ изъ тщеславія и честолюбія Русскихъ намъ кажется проще и правдоподобнѣе чѣмъ какъ-нибудь иначе,

между тѣмъ какъ другой можетъ съ такимъ же правомъ считать болѣе вѣроятнымъ именно иное объясненіе. А доказательствъ, почему наше объясненіе правдоподобнѣе, вы не представили. Правда, вы говорите, и говорите совершенно справедливо что Русскіе стали съ гордостью указывать на апостола Андрея, какъ насадителя у насъ христіанской вѣры, уже съ XVI вѣка или нѣсколько ранѣе.

Ко времени Грознаго и особенно Арсенія Суханова, о которыхъ вы при этомъ упоминали, у нашихъ книжниковъ, дѣйствительно, развилась, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, религіозная гордость, тщеславіе своею церковью, какъ единою православною во всемъ мірѣ. Тогда, подъ вліяніемъ этого чувства, стали являться у насъ и сочиненія въ родѣ „Повѣсти о бѣломъ клубкѣ.“ Но по XVIII и даже XVI столѣтію едва ли можно судить о временахъ гораздо болѣе древнихъ, къ которымъ относится „Сказаніе о путешествіи апостола Андрея.“ Вы признаете *не весьма раннее* происхожденіе этого „Сказанія“, и именно по тому довольно оригинальному соображенію что „заразиться тщеславіемъ и подумать о его удовлетвореніи предки наши *могли* не сейчасъ за тѣмъ какъ приняли христіанство, но только послѣ того какъ болѣе или менѣе *сбужились* *изъ* *него* и какъ оно болѣе или менѣе прочно водворилось и утвердилось въ ихъ странѣ, *чѣмъ* *могли* *быть* *возбуждена* *ихъ* *гордость*.“ Возбужденіе ихъ гордости изъ такихъ оригинальныхъ причинъ вы находите возможнымъ не ранѣе какъ спустя 100 лѣтъ по принятіи ими христіанства: „черезъ 50 лѣтъ послѣ крещенія, говорите вы, при Ярославѣ, Русскіе *съ* *скромнымъ* *смиреніемъ* называли себя малымъ стадомъ. Вѣроятно (?) такъ продолжали они смотрѣть на себя и еще лѣтъ около 50). *Но при такомъ* *не* *замосчивомъ* *взглядѣ* *еще* *не* *могли* *быть* *сочиняемы* *или* *притязательныя* *повѣсти*, по которымъ (?) апостолы ходили бы въ ихъ землю для поставленія крестовъ на ихъ горахъ (5—6).“ Читатель съ основательностію могъ бы замѣтить что постепенное развитіе гордости и тщеславія у нашихъ предковъ поставять въ причинную связь съ постепеннымъ водвореніемъ и утвержденіемъ у насъ христіанства довольно смѣло и не соответствуетъ по крайней мѣрѣ его собственному поматію о просвѣтительномъ или нравственномъ вліяніи христіанства, слѣды котораго въ Русскомъ народѣ онъ находитъ гораздо ранѣе петербургскаго періода, и даже осо-

бываю въ томъ періодѣ, когда явилось „Сказаніе“. Но не объ этомъ рѣчь. Рѣчь о вашей аргументаціи. Такъ какъ въ теченіе ста лѣтъ по принятіи христіанства Русскіе не могли еще заразиться гордостью и тщеславіемъ, то отсюда вы рѣшительно заключаете что „Сказаніе объ апостолѣ Андрѣ“, какъ именно плодъ гордости и тщеславія, не могло явиться въ теченіе этихъ ста лѣтъ, слѣдовательно явилось позднѣе. Такимъ образомъ, вы не только принимаете уже за аксіому, за положеніе вполне доказанное что „Сказаніе“ порождено гордостью и тщеславіемъ вашихъ предковъ, но и дѣлаете отсюда выводы о самомъ времени его составленія, соображая и разчитывая когда именно могли явиться у вашихъ предковъ эти порочныя свойства ихъ характера. Но вѣдь читатель можетъ сказать что доказательствъ вашей будто бы вполне доказанной аксіомы вы все-таки не представили, что съ не меньшимъ правомъ онъ можетъ считать вполне правдоподобнымъ и свое объясненіе происхожденія повѣсти не изъ гордости и тщеславія нашихъ предковъ, а затѣмъ не согласиться уже и съ вашимъ заключеніемъ о происхожденіи повѣсти никакъ не рѣнѣе ста лѣтъ по принятіи Русскими христіанства; напротивъ, можетъ съ не меньшимъ правомъ заключать что повѣсть явилась именно въ теченіе этихъ ста лѣтъ, когда, по вашему собственному признанію, наши предки еще не страдали гордостью и тщеславіемъ и весьма легко могли написать повѣсть порожденную, какъ самъ онъ полагаетъ, вовсе не гордостью и тщеславіемъ.

Что касается вашихъ замѣчаній о происхожденіи и взаимномъ отношеніи двухъ редакцій повѣсти, кievской и новгородской, то они, конечно, остроумны и отличаются наблюдательностью. Но и здѣсь опять одни предположенія, принимаемыя за положительный фактъ потому только что они кажутся вамъ естественными и вѣроятными, чего однакожь читатель со своей стороны можетъ и не признать. Киевская, малороссійская редакція, говорите вы „имѣетъ дѣлю на половину прославленіе Кіева, на половину же осмѣяніе Великорусскаго Новгорода“. Въ ней „Малороссъ со своимъ прославленнымъ юморомъ говоритъ Великоруссу: бывъ у насъ въ Кіевѣ апостолъ изрекъ пророчество, благословилъ горы и поставилъ на нихъ крестъ, а у васъ въ Новгородѣ только подивился на вашу хитрую выдумку самимъ себя съечь и мучить (въ баяхъ), о чемъ разказывалъ даже въ Римѣ“...

„Естественно, продолжаете вы, что Новгородцы не желали остаться осмѣянными. И вотъ въ отвѣтъ на кievскую редакцію повѣсти явилась редакція Новгородская“... Въ ней „Новгородцы отвѣчаютъ Кieвлянамъ: у васъ въ Кieвѣ апостоль ограничился только тѣмъ что поставилъ крестъ на пустыхъ горахъ, у насъ же сдѣлалъ гораздо больше“ (проповѣдывалъ слово Божіе и оставилъ на благословеніе свой жезлъ стр. 6—7). Основаніемъ на которомъ построены эти замѣчанія служить собственно то, какъ вы говорите, „извѣстное“ обстоятельство „что наши области любили смѣяться одна надъ другою и насочиняли одна про другую множество насмѣшливыхъ сказаній и присловіи“, и „что особенно это любили, какъ и до настоящаго времени любятъ, двѣ большія области, Велкорусская и Малорусская“: въ кievской редакціи „Сказанія объ апостолѣ Андрей“ вы именно и видите „образецъ такихъ насмѣшливыхъ сказаній Малороссовъ о Велкороссахъ“. Но восходятъ ли насмѣшливыя присловія о разныхъ городахъ, которыя собраны Спигиревымъ и Сахаровымъ и на которыя вы ссылаетесь, а вмѣстѣ и самая любовь Русскихъ составлять такія присловія, ко временамъ столь глубокой древности когда явилось „Сказаніе объ апостолѣ Андрей“, это еще вопросъ, и потому опираться на этомъ, хотя „извѣстномъ“ обстоятельстве для отзыва о кievской редакціи „Сказанія“, какъ „образцѣ насмѣшливыхъ сочиненій Малороссовъ о Велкороссахъ“, едва ли можно съ полною рѣшительностію. А самое содержаніе „Сказанія“ въ этой редакціи не совсѣмъ благоприятствуетъ объясненію ея въ сейчасъ упомянутомъ смыслѣ. Правда, разказъ о новгородскихъ баяхъ, которымъ будто бы такъ дивился апостоль Андрей, представляетъ не мало страннаго; но чтобы составитель „Сказанія“, „Малороссъ, у котораго нѣтъ велкорусскихъ баяхъ“, сочинилъ этотъ разказъ въ лику Новгородцамъ и во всемъ „Сказаніи“ хотѣлъ подсмѣяться надъ велкорусскими, этого не видно ни изъ хода, ни изъ тона его повѣствованія, отличающагося элическимъ слокойствіемъ, а вовсе не прославленнымъ малороссійскимъ юморомъ. Трудно согласиться и съ тѣмъ что вы находите совершенно „естественнымъ“ относительно новгородской редакціи, т.-е. что Новгородцы написали свое „Сказаніе“ въ отвѣтъ на кievское, „не желая остаться осмѣянными“. Это положеніе вы сами уже отчасти ослабляете замѣчаніемъ что Новгородцы „ли

не хотѣли, или не умѣли отвѣчать на насмѣшку одинаковою насмѣшкой“. Отвѣтъ ихъ, по вашему, заключается собственно въ томъ что новгородскій редакторъ „Сказанія“, исключивъ изъ него эпизодъ о банѣ, внесъ извѣстие о проповѣданіи апостоломъ слова Божія въ Новгородской области и объ оставленіи ей жезла на благословеніе. И этимъ самымъ, по вашему объясненію, говорилъ Кіевлянамъ: „у васъ въ Кіевѣ апостолъ *ограничился только тѣмъ* что поставилъ крестъ на лустыхъ горахъ, у насъ же сдѣлалъ гораздо больше, заявилъ къ намъ свое благоволеніе болѣе осязательнымъ образомъ“ (7). Однакоже Новгородецъ долженъ былъ знать что по кіевскому „Сказанію“ апостолъ, напротивъ, не ограничился тѣмъ что поставилъ только крестъ на кіевскихъ горахъ, но и молился на нихъ, благословилъ ихъ, произнесъ извѣстное пророчество. И если въ проповѣди слова Божія онъ могъ еще видѣть „болѣе осязательнымъ образомъ“ выраженное благоволеніе апостола къ новгородской странѣ, то не странно ли было бы съ его стороны видѣть знакъ предпочтительнаго апостольскаго благоволенія и въ томъ обстоятельстве что у нихъ, Новгородцевъ, апостолъ водрузилъ *свой жезлъ*, тогда какъ въ Кіевѣ собственноручно поставилъ *крестъ Христовъ*? Такимъ образомъ происхожденіе двухъ редакцій „Сказанія“ изъ желанія Малороссовъ подсмѣяться надъ Великороссами съ одной стороны и изъ желанія Новгородцевъ отплатить Кіевлянамъ за насмѣшку—съ другой, по вашему столь естественное и вѣроятное, читатель можетъ найти и не совсѣмъ естественнымъ и даже мало вѣроятнымъ. Да и на чемъ основано самое признаніе и названіе двухъ редакцій *Кіевскою* и *Новгородскою*? Не на томъ ли предполагаемомъ только обстоятельстве что въ одной Кіевлянинъ хочетъ посмѣяться надъ Новгородцемъ, а въ другой Новгородецъ желаетъ отвѣтить Кіевлянину?

Наконецъ вы упоминаете мимоходомъ и еще объ одномъ поводѣ къ составленію кіевскаго „Сказанія“ о путешествіи апостола Андрея въ Русь. Извѣстно что въ память этого событія издревле существуетъ въ Кіевѣ Аларевская церковь. Имѣя въ виду это обстоятельство вы замѣчаете: „Первая церковь апостола Андрея была построена въ Кіевѣ весьма рано, именно Всеволодомъ Ярославичемъ въ 1086 году. Но, продолжаете вы, *не представляется страннымъ* думать чтобъ ужъ такъ рано могло существовать „Сказаніе“ о

посѣщеніи Кіева; *скорѣе наоборотъ* существованіе самой церкви могло содѣйствовать до нѣкоторой степени возникновенію „Сказанія“ (6). Здѣсь опять вся сила аргументаціи держится на лучшемъ представленіи вѣроятнаго и невѣроятнаго, и при томъ о невѣроятности одного событія или обстоятельства историческаго заключается отъ предположенной невѣроятности другаго, имѣющаго тѣсную съ нимъ связь. Не призывая *спроутными* чтобы въ одинадцатомъ вѣкѣ могло уже существовать „Сказаніе“ о путешествіи апостола Андрея въ Кіевъ, вы не признаете вѣроятнымъ и то чтобы въ память этого событія могла быть построена въ Кіевѣ Андреевская церковь, однако существовавшая уже въ XI вѣкѣ, и *скорѣе* склонны допустить что существованіе Андреевской церкви способствовало возникновенію „Сказанія о путешествіи апостола Андрея въ Кіевъ“. Но почему же, спрашиваетъ читатель, *одно невѣроятно*, а другое *скорѣе* можетъ быть допущено? Со своей стороны, онъ напротивъ можетъ находить болѣе вѣроятнымъ что Андреевская церковь была построена, и еще такъ рано, въ память событія о которомъ, еслибы даже и не было тогда записаннаго сказанія, могло существовать устное преданіе въ народѣ. Иначе остается непонятнымъ, почему церковь названа именно Андреевскою? Ужели и въ самомъ дѣлѣ случайно? И какъ случайно построенная Андреевская церковь могла содѣйствовать возникновенію цѣлой повѣсти о посѣщеніи апостоломъ Андреемъ русской земли?

Я нашелъ нужнымъ разсмотрѣть съ нѣкоторою подробностью вашъ разборъ „Сказанія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ“ для того именно чтобы на первой же статьѣ вашей книги показать какъ неудобно бываетъ иногда въ дѣйствительномъ приложеніи принятое вами основное правило критики считать за негодный для исторіи матеріалъ и устранять изъ нея все что намъ кажется имѣющимъ признаки неправдоподобія и неестественности, и напротивъ почитать собственнымъ достояніемъ исторіи только то что мы находимъ простымъ и правдоподобнымъ. Само собою разумѣется что я не могу входить въ такія же подробности относительно дальнѣйшаго содержанія вашей книги, ибо это значило бы злоупотребить и вашимъ терпѣніемъ и вниманіемъ досточтимаго собранія. Ограничусь краткими указаніями еще нѣсколькихъ примѣровъ того же рода.

б) Разсматривая сказанія о крещеніи Ольги, вы признаете *вѣроятнѣйшимъ* думать что она крестилась въ Кіевѣ, а не въ Константинополѣ, и всѣ свидѣтельства объ ея крещеніи въ Константинополѣ отвергаете какъ недостовѣрныя. Пусть такъ; но вотъ что возбуждаетъ недоумѣніе: въ числѣ этихъ свидѣтельствъ вы отвергаете и свидѣтельство Іакова мѣща (66). А между тѣмъ этотъ писатель пользуется особеннымъ вашимъ довѣріемъ: „монахъ Іаковъ, говорите вы, заслуживаетъ въ своихъ лѣтописныхъ показаніяхъ всей нашей вѣры“; поэтому вы нашли возможнымъ „съ весьма большою вѣроятностью и со всѣмъ правомъ“ принять его указаніе о годѣ когда крестилась Ольга (68). Читатель недоумѣваетъ: почему одинъ и тотъ же писатель, притомъ вполне достойный довѣрія, когда указываетъ такое частное обстоятельство какъ годъ крещенія Ольги, признается говорящимъ правду, а когда свидѣтельствуешь о другомъ обстоятельстве, болѣе крупномъ и удобномъ для ламаты, каково мѣсто гдѣ крестилась Ольга, признается говорящимъ неправду?

в) Съ особенною тщательностью вы подвергли критическому анализу повѣсть о принятіи христіанства Владиміромъ, которую рѣшительно признаете ничѣмъ другимъ какъ замысловатою сказкой: „немного критики, *немного просто нѣкоторой мѣры въ вѣрѣ*, говорите вы, и съ пространною повѣстью тотчасъ же должно случиться такое чудо что отъ нея останется только голый остовъ, а потомъ и отъ этого голаго остова останется только одна половина“ (95). Вы творите это чудо предъ глазами читателя, и читатель долженъ отдать вамъ справедливость,—творите искусно. Въ концѣ изслѣдованія вы съ откровенностію выражаете и свой собственный взглядъ на этотъ вашъ чудодѣйственный подвигъ: „Мы вовсе не питаемъ напрасной надежды, пишете вы, чтобы всѣ сразу согласились съ нами... Люди привыкшіе воображать что мы совсѣмъ особый народъ и что у насъ все было не по-людски, конечно не скоро отступятся отъ своего мнѣнія. Но мы имѣемъ твердую увѣренность что при свѣтѣ критики житіе преданія весьма недолгое и что во всякомъ случаѣ его выбитіе изъ исторіи есть не болѣе какъ вопросъ времени“ (155). Однакоже и раздѣлая вашу увѣренность, и совсѣмъ не принадлежа къ числу людей почитающихъ Русскій народъ какимъ-то особымъ, у котораго все дѣлается не по-людски, напротивъ, именно желая видѣть въ немъ не выродка изъ прочихъ народовъ, а наравнѣ съ прочими народъ историче-

скій, способный писать свою исторію, читатель не можетъ же выразить иногда сомнѣнія относительно нѣкоторыхъ подробностей совершаемой вами операціи надъ повѣстью о принятіи христіанства Владиміромъ, именно потому что находитъ и тутъ по мѣстамъ злоупотребленіе понятіемъ о естественнѣйшемъ и вѣроятнѣйшемъ.

Вотъ, напримѣръ, вы дѣлаете предположеніе что „Повѣсть“ находящаяся въ лѣтописи принадлежитъ самому лѣтописцу, предположеніе весьма вѣроятное, и, разбирая его, совершенно справедливо отвергаете возможность чтобы лѣтописецъ могъ записать подливыя рѣчи пословъ приходившихъ ко Владиміру съ предложеніемъ вѣръ, хотя и могъ писать по разказамъ живыхъ свидѣтелей, на которыхъ самъ ссылается—печерскаго монаха Іереміи и боярина кievскаго Яна Вышатича. Вы доказываете это весьма убѣдительнымъ примѣромъ екатериинскаго офицера, остающагося до сихъ поръ въ живыхъ, „который знаетъ свое прошедшее только по собственной памяти“.—„Спросите его о какихъ угодно знаменитыхъ бесѣдахъ веденныхъ Екатериной въ началѣ царствованія, что онъ вамъ отвѣтитъ, т. е. что онъ въ состояніи будетъ вамъ отвѣтитъ?“—спрашиваете вы (96—97). Конечно, или не отвѣтитъ ничего, или наговоритъ вздору. Если у Яна Вышатича была память и получше чѣмъ у этого екатериинскаго офицера, если онъ и ближе зналъ что дѣлалось при дворѣ Владиміра чѣмъ этотъ офицеръ объ пятимныхъ бесѣдахъ Екатерины, все же, разумѣется, и онъ не могъ передать точно подливыя рѣчи пословъ, и нельзя не согласиться что записанныя въ лѣтописи рѣчи дѣйствительно представляютъ много невѣроятнаго. Но зачѣмъ вы не довели сравненіе до конца, разбирая ваше предположеніе? Вѣдь и этотъ екатериинскій офицеръ, котораго вамъ угодно было привлечь въ косвенные свидѣтели по дѣлу происходившему за восемь столѣтій до него, помнилъ же конечно о такихъ крупныхъ событіяхъ изъ царствованія Екатерины какъ напримѣръ ея путешествіе по Россіи, собраніе депутатовъ для составленія Уложенія, открытіе губерній и т. п., не говоря уже о блестящихъ побѣдахъ ея полководцевъ; точно такъ и Янъ Вышатичъ, или монахъ Іеремія, не могли же забыть о такихъ событіяхъ изъ временъ Владиміра какъ прибытіе къ нему миссіонеровъ и отправленіе имъ собственныхъ пословъ для изслѣдованія разныхъ вѣръ,—значитъ имѣли возможность сообщить объ

нихъ дѣлоисцу какъ о событіяхъ дѣйствительно бывшихъ? Почему же ихъ свидѣтельству объ этихъ фактахъ не оказать довѣрія по крайней мѣрѣ не меньшаго чѣмъ свидѣтельству отставнаго екатерининскаго офицера о дѣйствительномъ взятіи Очакова и покореніи Крыма? А между тѣмъ вы отвергаете именно самые факты. Одинъ признаете дѣломъ со-всѣмъ невозможнымъ; о другомъ, именно прибытіи миссіонеровъ, замѣчаете сначала что это событіе было „возможно, какъ сама возможность, не только было возможно, но и совершенно возможно, было возможно не только потому что есть дѣло возможное само по себѣ, но и потому что мы имѣемъ прямыя историческія указанія въ семъ родѣ“ (102), а потомъ однакоже приходите къ заключенію что и этого возможнаго не было на самомъ дѣлѣ (103).

И въ концѣ-концевъ какъ вы рѣшаете вопросъ о происхожденіи повѣсти, или, по вашему, сказки о приватіи христіанства Владиміромъ? Вы говорите: „на вопросъ: какимъ образомъ кому-то пришло въ голову сочинить вашу повѣсть, общій отвѣтъ есть тотъ что такимъ же образомъ какимъ тысячь другихъ людей приходило въ голову сочинить тысячу другихъ повѣстей, т.-е. что люди вообще одарены склонностію сочинять. Нашелся человекъ которому хотѣлось заставить міръ вѣрить той истинѣ (?) что мы Русскіе выбрали вѣру изъ всѣхъ вѣръ и выбрали ту которую наши самою лучшею, и вотъ онъ и сочинилъ повѣсть“. Далѣе прибавляете что дѣло кажется ужъ достаточно простое, „изъяснялось бы *весьма просто*“ предположеніемъ что этотъ досужій сочинитель былъ Грекъ, потому что Греки извѣстные враги; „но, продолжаете вы, намъ *сильно подозрѣвается* что оно должно быть изъясняемо и *еще проще*“... (116—117). Согласитесь что читатель можетъ наконецъ залутаться въ этихъ переходахъ отъ простаго къ болѣе простому и простѣйшему, и дѣло можетъ представиться ему уже не только не простымъ, а и довольно мудренымъ...

Умалчиваю о приведенномъ здѣсь же вашемъ, такъ сказать, психологическомъ доказательствѣ невѣроятности того что бы Владиміръ могъ *выбирать* вѣру, о вашемъ доказательствѣ что такой выборъ „представляетъ собою вещь невозможную“ (100—102). Излагая его вы сами замѣтали совершенно справедливо что „читатель, можетъ-быть, не сразу понимаетъ васъ,“ а въ дополненіяхъ и поправкахъ выражаете сожа-

лѣтніе „что въ данномъ мѣстѣ изясните свои мысли не достаточно ясно и обстоятельно“, общаа „надлежащимъ образомъ поправить себя въ томъ случаѣ если книга ваша дождется 2го изданія“ (760). Правда, здѣсь же въ „дополненіяхъ“ вы сдѣлали и „нѣкоторое поясненіе“ вашего психологическаго доказательства; но, мнѣ кажется, читателю все-таки слѣдуетъ ожидать втораго изданія вашей книги, въ которомъ, какъ сейчасъ уломянута, вы общаете „надлежащимъ образомъ поправить себя“ чтобы надлежащимъ же образомъ судить объ этомъ вашемъ доказательствѣ...

5. Событія и явленія такого отдаленнаго времени, каковы домонгольскій періодъ нашей церковной исторіи, вы очень любите объяснять и доказывать посредствомъ ихъ сравненія съ событіями и явленіями ближайшаго къ намъ, даже нынѣшняго времени. Такими объясненіями и доказательствами особенно изобилуютъ двѣ послѣднія главы вашего сочиненія. Приемъ этотъ, хотя бы онъ допускаясь только для объясненія, а не доказательства правдоподобности и дѣйствительности такихъ давнихъ событій, читатель не безъ права можетъ признать лишенымъ строго научнаго историческаго характера. Изъ множества примѣровъ приведу нѣсколько.

Доказывая что въ домонгольскій періодъ у насъ были священники совсѣмъ неграмотные, то-есть не умѣвшіе читать, а служившіе на память, заучивъ службы такъ сказать съ голоса, вы говорите: „Мы не имѣемъ пока положительныхъ свидѣтельствъ что такіе священники тогда были, но мы имѣемъ положительные свидѣтельства что они были *въ первой половинѣ XVIII вѣка*, мы имѣемъ положительные устные и письменныя свидѣтельства отъ живыхъ людей что ихъ заставляли какъ исключенія (и по глухимъ мѣстамъ вовсе не малочисленныя) еще наши дѣды“ (въ доказательство приводите статью *Русская Старина* и забавныя анекдоты о безграмотныхъ священникахъ, какіе, по вашимъ словамъ, слышалъ каждый изъ насъ въ дѣтствѣ и не въ дѣтствѣ). „Слѣдовательно, заключаете вы, необходимо думать что они *тогда болѣе* были въ періодъ домонгольскій“ (407—409). Итакъ, изъ того что вамъ случилось слышать анекдоты о недавно существовавшихъ безграмотныхъ священникахъ, что объ ихъ существованіи въ XVIII в. есть письменныя свидѣтельства, вы рѣшительно заключаете что они *тѣмъ болѣе* должны были существовать въ XII, XI, X столѣтіяхъ, хотя и сами

т. сл. 14*

говорите что объ этомъ не имѣется никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ! Широкий скачекъ изъ XVIII въ XI вѣкъ, безъ сомнѣннй, скачекъ слѣшкомъ смѣлый, salto mortale своего рода. Во всякомъ случаѣ приведенную аргументацію не легко признать вполне научною.

Еще. Вы сообщаете что вамъ лично извѣстны въ настоящее время священники которые ничего не берутъ, по крайней мѣрѣ ничего не требуютъ за причащеніе больныхъ. Отсюда вы заключаете: *должно думать* что подобное исключеніе къ нашей требѣ (?) идетъ съ древняго времени и что если оно теперь не есть, то въ древнее время было всеобщимъ (443).

И еще. *Мы сами помнили* то время, говорите вы, когда священникъ сельскій трактовался всѣми господами и всѣми чиновниками свѣтскими, исходя къ нему до станового включительно, не много лучше лакея. Въ XVII вѣкѣ, отъ котораго *больше намъ меньше можно заключать ко всему вообще московскому времени*, не только бояре, но даже и боярскіе люди считали сельскаго священника за человека съ которымъ всего меньше нужно церемониться. *Необходимо думать*, заключаете вы, что и въ періодъ домонгольскій сельскій священникъ былъ все тѣмъ же какіимъ ларіемъ (ларіей) какіимъ мы его знаемъ (?) *въ все послѣдующее время*. Здѣсь вы и сами даже замѣтили что по XVII вѣку можно судить только о всемъ московскомъ времени и при томъ больше или меньше; а между тѣмъ не только по XVII вѣку, но даже по тому что сами видѣли въ недавнее время судите о первыхъ вѣкахъ христіанства въ Россіи...

Обратимся къ четвертой главѣ. Вы признаете не подлежащимъ ни малѣйшему сомнѣнію то принятое вами общее положеніе что въ домонгольскій періодъ у насъ не было никакого образованія, господствовало полное невежество. Противъ Карамзина и другихъ, какъ вы называете ихъ, „людей съ исключительнымъ образомъ мыслей“, утверждающихъ противное вашему мнѣнію и объясняющихъ исчезновеніе просвѣщенія у насъ междуособіями князей и потомъ нашествіемъ Монголовъ,—противъ нихъ выступаете вы съ особенною силой и здѣсь въ числѣ доводовъ приводите такой: „въ 12 году было нашествіе на насъ Французовъ, а въ недавнее время нашествіе Прусаковъ на Французовъ вѣсколько не лучшее (?) чѣмъ нашествіе на древнюю Русь Монголовъ; приходило ли кому-нибудь на умъ оласаться за погибель просвѣ-

щедія у насъ и у Французовъ?" (583.) Можно очень усомниться чтобы событія раздѣльныя столь большимъ временемъ, и происходившія при столь различныхъ обстоятельствахъ, какъ нашествіе Монголовъ и нашествіе Французовъ на Россію, даже Франко-Прусская война, чтобы это были событія аналогическія и служили ко взаимному объясненію произведенныхъ ими послѣдствій.

Изъ принятаго вами общаго положенія что въ домонгольскій періодъ господствовало въ русской церкви совершенное невѣжество, вамъ по необходимости приходится дѣлать не мало исключеній и при этомъ испытывать въ некоторыхъ неудобства вашего общаго положенія. О Кириллѣ Туровскомъ, одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ исключеній этого рода, вы говорите наиримѣръ что „онъ представляетъ собою явленіе *странное*. Его краснорѣчивыя слова были столько же цѣлесообразны по отношенію къ его слушателямъ какъ были бы напр. цѣлесообразны слова покойнаго митрополита Филарета въ сельской приходской церкви“ (664). Однако въ дѣйствительности онъ, конечно, не былъ явленіемъ *страннымъ*, равно какъ и теперь не можетъ показаться такимъ, если только мы допустимъ что въ его время не было у насъ поголовнаго и темнаго невѣжества, какое вы предполагаете. И если уже вы сравнили его съ митрополитомъ Филаретомъ, то почему же не допустить что и онъ, какъ Филаретъ, находилъ въ свое время слушателей способныхъ понимать его и дѣлать его краснорѣчіе?

И о другомъ еще болѣе блестящемъ „исключеніи“, знаменитомъ митрополитѣ Иларіонѣ, вы замѣчаете что онъ „составляетъ для насъ не малую *загадку* какъ писатель“. О немъ вы не сомнѣваетесь впрочемъ что свое превосходное слово или, по вашему, свою академическую рѣчь, онъ произнесъ предъ слушателями которые были настолько образованы что могли понимать его. Для насъ загадку составляетъ то что „онъ обладалъ такимъ прекраснымъ ораторскимъ талантомъ, и однако не написалъ ничего болѣе кромѣ нашего (?) сочиненія (694). „Можно ли однако говорить съ такою рѣшительностью что митрополитъ Иларіонъ не написалъ ничего болѣе? Быть-можетъ сочиненія имъ написанныя только не сохранились до нашего времени? Въдъ мы знаемъ какъ гибли у насъ драгоценныя рукописи даже въ мирное время просвѣщеннаго петербургскаго періода нашей исторіи. Не будь этого,

явилось бы конечно еще болѣе исключеній изъ вашего общаго положенія о невѣжествѣ господствовавшемъ у насъ въ домонгольскій періодъ, такъ что оно оказалось бы уже значительно и весьма значительно поколеблемымъ. Впрочемъ къ такому же, о немъ заключенію склоняютъ читателя и тѣ памятники литературы этого времени о которыхъ вы сами говорите и которые сами перечислили съ такимъ достойнымъ признательности тщаніемъ.

6. Чувствую что давно уже пора предоставить слово другимъ. Но не могу удержаться чтобы не уломянуть объ одномъ недостаткѣ который особенно не желалось бы встрѣтить читателю въ вашей книгѣ такого, серьезнаго ученаго содержанія. Разумно насмѣшливый и обличительный тонъ въ какомъ написаны нѣкоторыя ея мѣста. Эти рѣчи о священникѣ, который „съ трепетомъ входитъ въ прихожую къ своему архіерею и *растягивается* ему въ ноги“, о фрагтахъ - священникахъ съ подстриженными волосами (476), объ архіерейскихъ службахъ, какими изобразилъ ихъ Регламентъ и „какими даже вы сами знаете ихъ по сю пору“, „отлично одѣтыхъ на счетъ священниковъ и одновременно съ тѣмъ чрезвычайно гордыхъ и нахальныхъ съ тѣми же священниками“, о барствѣ и роскоши самихъ архіереевъ (460—461) и т. л., всѣ эти частію насмѣшливыя, частію обличительныя рѣчи уже прискучили и опротивѣли въ произведеніяхъ гг. Ростиславова, Лѣскова и К°. Тѣмъ не пріятнѣе читателю совершенно неожиданно встрѣчать ихъ въ такой ученой и серьезной книгѣ какъ ваша. При томъ же у васъ обличенія принимаютъ иногда и очень рѣзкій тонъ. Я уломявалъ уже о вашей не совсѣмъ умѣстной діатрибѣ противъ людей славянофильскаго направленія; еще съ большею рѣзкостью въ нѣсколькихъ мѣстахъ наладаете вы на такъ-называемыхъ у васъ „апомогетовъ единолично-неограниченной власти еписколовъ“; вы наломиваете имъ и „Грибоѣдовское наставленіе на счетъ знанія мѣры въ словахъ“, и замѣчаете что они „заралортовались“, „проповѣдаютъ не только нѣчто въ высшей степени страшное, но и такое что по всей справедливости заслуживало бы болѣе жестокаго имени“ (497, 507—8)... Или вотъ еще: говоря о роскоши въ одеждѣ русскихъ архіереевъ, ставшей обязательнымъ для нихъ закономъ, вы дѣлаете замѣтку: „покойный митрополитъ Филаретъ пріѣхалъ въ церковь за ту обѣдану на которой гово-

рилъ свое знаменитое слово о суетѣ въ одеждѣ несомнѣнно въ безукоризненно хорошей рясѣ“ (475). Скажите, къ чему эта выходка противъ митрополита Филарета, память котораго такъ высоко, такъ достойно и такъ многими чтится? И какое отношеніе имѣетъ она къ домонгольскому періоду исторіи русской церкви? Вообще, еслибы ваши изслѣдованія и давали основаніе къ разнымъ обличительнымъ замѣткамъ противъ современныхъ намъ церковныхъ явленій и дѣятелей, не лучше ли было бы еслибы вы предоставили извлечь ихъ отсюда людямъ имѣющимъ спеціальное къ тому призваніе, а также и свой особый кругъ читателей? Несомнѣнно по крайней мѣрѣ что тогда *сами* читатели отвеслись бы еще съ большимъ уваженіемъ къ вашей замѣчательной книгѣ, отличающейся такими несомнѣнно высокими учеными достоинствами.

Н. СУББОТИНЪ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

Масоны. Романъ въ пяти частяхъ А. Э. Писемскаго. Иллюстрированъ 60ю рисунками художника В. Брожа. С.-Петербургъ, 1881, изданіе Германа Гоппе.

Большой новый романъ *Масоны* А. Э. Писемскаго печатался въ теченіе цѣлаго минувшаго года въ иллюстрированномъ журналѣ *Огонекъ*. Намъ было такъ интересно ознакомиться съ произведеніемъ нашего талантливаго беллетриста, произведеніемъ одно заглавіе котораго невольно возбуждало особое любопытство, что мы съ величайшимъ вниманіемъ принялись слѣдить за отдѣльными его главами по мѣрѣ появленія ихъ въ *Огонекъ*. Признаемся, вниманіе это скоро ослабло и наконецъ изсякло совсѣмъ. Та же участь постигла вѣроятно и многихъ другихъ читателей. Нѣтъ возможности пятьдесятъ два раза въ годъ привязывать снова нити соединяющія читателя съ лицами и событіями описываемыми авторомъ. Исчезаетъ перспектива, исчезаетъ возможность сразу обнять то что по самому существу своему должно быть цѣлостнымъ, единичнымъ организмомъ. Изъ всѣхъ періодическихъ формъ лубрикаціи, создаваемыхъ нашимъ быстро живущимъ вѣкомъ, романъ укладывается всего удобнѣе лишь въ форму большаго ежемѣсячнаго отрывка, представляющаго собой

боле или мене законченную часть цѣлаго, или же въ форму ежедневнаго газетнаго фельетона въ которомъ отдѣльными главами почти непрерывною чередой сѣдуютъ другъ за другомъ. Ежедневная форма публікаціи романа самая невыгодная какъ для читателя, такъ и для автора, особенно если романъ задуманъ въ такихъ обширныхъ рамкахъ каковы *Macones* г. Писемскаго. Вотъ почему мы думаемъ что романъ этотъ только теперь, когда онъ появился отдѣльнымъ изданіемъ, можетъ дѣйствительно разчитывать на вниманіе публики; во всякомъ случаѣ онъ только теперь можетъ подлежать критическому отзыву. Ежедневная форма публікаціи принесла *Macones* г. Писемскаго лишь одну выгоду: романъ появлялся въ иллюстрированномъ журналѣ и потому сопровождался иллюстраціями. Вся эти иллюстраціи перенесены въ отдѣльное его изданіе. Вы видите предъ собой два очень большіе тома представляющіе около тысячи страницъ убористой печати и украшенные шестидесятью большими рисунками. Иллюстрація русскихъ писателей находится у насъ еще въ такомъ заброшенномъ состояніи что надлежитъ приветствовать и отнѣчать каждую попытку издателей на этомъ поприщѣ, особенно если эта попытка сдѣлана такъ удачно какъ въ настоящемъ случаѣ. Рисунки г. Брожа всѣ оригинальны. Она хорошо задуманы и прекрасно исполнены. Такимъ образомъ оказалось еще разъ что нѣтъ худъ безъ добра. Романъ г. Писемскаго временно проигрывалъ отъ летатанія его въ ежедневномъ журналѣ. Онъ вынесъ изъ этого журнала рядъ прекрасныхъ рисунковъ которые едва ли позволилъ бы при другихъ условіяхъ въ изданіи его отдѣльною книгой.

Первая глава новаго произведенія г. Писемскаго описываетъ намъ зиму и комету 1835 года; эпизодъ переводить насъ въ 1848 годъ. Такимъ образомъ всѣ событія и лица романа вытѣкаютъ въ пространствѣ времени обнимающемъ собою тринадцать лѣтъ. Нельзя не пожалѣть что авторъ не предположилъ отдѣльному изданію *Macones* предисловія въ которомъ были бы изложены составленныя цѣль задачи и цѣли. Въ романахъ на три четверти историческихъ, каковы *Macones* г. Писемскаго, всегда бываетъ интересно и полезно узнать взгляды самого автора, получить отъ него самое ключъ къ сужденію объ его произведеніи. Нѣтъ никакой необходимости предположить объясненія такъ называемымъ *oeuvres de pure fantaisie*; и, наоборотъ, предисловіе почти необходимо тамъ

гдѣ извѣстное произведеніе прямо выводитъ на сцену историческихъ дѣятелей или же заставляетъ угадывать подъ весьма прозрачными псевдонимами лица хорошо известными значительному большинству читающей публики. Читатель почти сразу угадываетъ всѣ эти псевдонимы. Онъ безпрестанно встрѣчаетъ въ романѣ г. Писемскаго указанія на опредѣляемыя мѣстности, напримеръ, на бывшую извѣстную всей Москвѣ кофейню Пешкина, встрѣчается лицомъ къ лицу со Сперанскимъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, Садовскимъ и т. д. На каждомъ шагу попадаются разсужденія о масонствѣ очевидно почерпнутыя изъ непосредственныхъ источниковъ, изъ поданныхъ писемъ, бумагъ, записокъ. Какъ должны мы отнестись къ этому роману? На сколько историческая вѣрность пересѣстана здѣсь съ вымысломъ? Мы предоставлены собственнымъ догадкамъ; авторъ не помогаетъ намъ на одномъ словесѣ въ разъясненіи нашихъ сомнѣній. Едва ли мы ошибемся назвавъ романъ г. Писемскаго попыткой изображенія русскаго масонства на бытовомъ фонѣ русской жизни. Тутъ есть масоны и масонки, масоны—самоуки, масоны—сващенники, масоны—слуга, масоны—чиновники. Есть „ощущіе“ и „посвященные“, руководящіе и руководимые. Проводятся параллели между масонствомъ и различными русскими сектами, сектой Татариновой, хамстами. Масонства замѣчено и изображено въ его практическихъ, дѣятельныхъ проявленіяхъ. Мы присутствуемъ при процессѣ „исканія истины“, обученія, введенія въ ложу, при траурной масонской ложѣ. Мы почти все время живемъ вмѣстѣ съ русскими масонами, знакомимся съ ихъ духовною жизнью и примѣняемъ масонскаго ученія къ жизни практической.

Романъ г. Писемскаго очень интересенъ. Авторъ весьма искусно соединилъ такъ-называемую „интригу“ романа съ часто отвлеченными, философскими и мистическими разсужденіями. Романъ читается спокойно, вдумчиво, страницы его просто пробѣгаются глазами, но не прочтываются отъ первой до послѣдней строки. Всѣ фигуры нарисованы широкою, мастерскою кистью. Между строками угадывается непосредственное знакомство автора со многими изъ выведенныхъ имъ лицъ, и этимъ знакомствомъ объясняется тотъ неуловимый оттѣнокъ жизненности который придаетъ *Масонама* г. Писемскаго какой-то особенно теплой колоратъ. По временамъ вамъ кажется что вы читаете воспоминанія очевид-

ра. Далеко отодвинутый: уже временемъ отъ описываемыхъ или событий и лицъ, очевидецъ этотъ смотритъ на нихъ съ объективностію и спокойствіемъ прихиренія вымышленнаго разсуждѣнія и разсужденія. Такимъ характеромъ воспоминаній отличаются въ особенности всѣ главы касающіяся жизни масонскаго общества: описываемой авторомъ эпохи. Нѣкоторыя изъ этихъ главъ остаются совершенно эпизодическими, почти не имѣютъ отношенія къ ходу разсказа, не имѣютъ ничего общаго съ масонами. Г. Писемскій описываетъ намъ кофейню Печкина, выводитъ актера „Маконьку“, заставляетъ молодаго Прова Михайловича Садовака разсказывать про Гамлета и про Наполеона, описываетъ частнаго пристава и т. д. Если хотите—это все аксессуары замедляющіе ходъ дѣйствія; такими аксессуарами должны были въ особенности казаться всѣ эти эпизоды для тѣхъ кто читалъ романы г. Писемскаго отрывками, по мѣрѣ его печатанія въ ежемѣсячномъ изданіи. Въ цѣломъ всѣ эти подробности, описанія и анекдоты составляютъ чрезвычайно теплый фонъ, необыкновенно смягчающій отвлеченно-эпическій характеръ который носятъ другія отрывки. *Масоны*: г. Писемскаго кажутся намъ однимъ изъ самыхъ удачныхъ проповѣданій этого автора. Мы постараемся передать здѣсь въ общихъ чертахъ содержаніе романа и познакомить читателей съ нѣкоторыми фактическими подробностями русскою масонскою практикою какъ описана она у г. Писемскаго.

Романъ открывается описаніемъ бала происходящаго зимой 1835 года въ одномъ изъ губерскихъ городовъ. На этомъ балу мы знакомимся съ главными дѣйствующими лицами. Первое мѣсто между ними занимаетъ Егоръ Егоровичъ Марешъ. Это богатый человекъ, полковникъ из отставки, человекъ лѣтъ пятидесяти, небольшого роста, худощавый, съ голубыми глазами, честный, увлекающійся, полуваскетъ, идеалистъ, масонъ по убѣжденію, великій мастеръ масонской ложи. Марешъ составляетъ центръ всего романа и всѣ остальные лица группируются вокругъ него какъ бы концентрическими кругами. Мареша всѣ уважаютъ; многіе его болтаютъ; тѣ кто знакомъ съ нимъ ближе промѣшаны глубокою и искреннею привязанностію, къ этому дѣйствительно рѣдкостному человеку. Въ ту минуту когда мы въ первый разъ знакомимся съ Марешемъ на балу у губерскаго предводителя Брадича, въ губерніи про-

исходить сенаторская ревизія. Ревизию эту вызвала Марешъ имѣющей самая обширная связь въ Петербургѣ. Самъ онъ никакъ не служить и на отъ кого не находится въ зависимости. Но онъ ни на одно мгновение не можетъ оставаться спокойнымъ и равнодушнымъ зрителемъ какого бы то ни было дѣянія несовѣстнаго со строгами понятіями и требованіями нравственности. Марешъ весь движомъ и порывъ къ добру. Онъ вѣсколько напоминаетъ Денъ-Казета, но только безъ комической стороны послѣдшаго.

Марешъ не женатъ. Онъ безумно, но совершенно „идеально“ влюбленъ въ Людмилу, одну изъ трехъ дочерей вдовы адмирала Рыжовой. Характеристиченъ разговоръ который онъ ведетъ съ Людмилой на балу. Та жалуется что мать часто начинаетъ прихварывать.

— Не ропщите!... Волкая хоронящая женщина прежде всего не должна быть дурною дочерью!...

— Но почему я дурная дочь? произнесла чувствительнымъ голосомъ Людмила.

— Нѣтъ!—усложнилъ ее Марешъ:—и я скавалъ это къ тому что если хотя малѣйшее зернышко есть чего-нибудь подобнаго въ вашей душѣ, то надобно немедленно его выкинуть; а то оно произрастетъ и, покажутъ, дастъ плоды. Ваше сердце еще часто какъ *Tabula rasa*, и вы можете писать на немъ вашей волей все что захотите!... У каждаго человека три предмета достойные любви: Богъ, ближніе, и онъ самъ! Для Бога онъ долженъ имѣть сердце благодарное; для ближняго—сердце крѣпкой матери; для самого себя—сердце строгого судьи!

Марешъ на балу объясняетъ Людмилѣ что такое *Архей*:

— Въ человекѣ, кромѣ души, существуетъ еще явленіе называемый *Архей*—сила жизни. На это есть очень прямое указаніе въ нашей русской поговоркѣ: *души она—полосатый мать, сестра, повѣста—не слышите по намъ...* Значитъ вся ея душа съ вами, а между тѣмъ эта мать или жена живетъ физическою жизнью,—то-есть, тамъ Археюсъ.

Семья Рыжовыхъ составляетъ ближайшій концентрический кругъ вокругъ Мареша. Она состоитъ изъ вдовы-матери и трехъ дѣвушекъ сестеръ: Людмилы, Оусамы, Музы. Авторъ олицетворяетъ намъ ихъ домъ.

„Домъ представлялъ почти развалину; на его крышѣ и стѣнахъ краска слупилась и сѣвела; во многихъ окнахъ видѣн-

лись разбитыя и лопнувшія стекла; паркетъ внутри дома покосился и растрескался; въ нѣкоторыхъ комнатахъ существовала жара невыносимая, а въ другихъ—холодъ непоправимый. По большей части часовъ еще съ четырехъ утра въ немъ появлялся огонекъ: это значило что адмиральша собиралась къ завтраку, и ее въ этомъ случаѣ всегда сопровождала Сусанна. Часовъ съ семи начиналось ставленіе самоваровъ и нагреваніе утюговъ для разглаживанія барышняныхъ юбокъ, кофточекъ, воротничковъ. Завтракъ тавулся часовъ до двухъ, потому что адмиральша и Сусанна пили чай часу въ девятѣмъ; Муза — въ десять часовъ, и затѣвая сейчасъ же садилась играть на фортепьяно; а Людмила, хотъ и не спала, но нѣжилась въ постели почти до полудни, строя въ своемъ воображеніи невозможные воздушные замки. Между тѣмъ горничныя, — и все, надобно сказать, молодецкія и хорошенкія, — безпрестанно леребѣгали изъ людской въ домъ и изъ дому въ людскую, хихикая и леребраживаясь съ чужими лакеями и форейторами, производившими еще слозаранку набѣгъ къ Рыжовымъ. Благодаря такой свободѣ нравовъ, нѣкоторыя изъ горничныхъ, болѣе осторожныя, дѣлались въ извѣстныхъ положеніяхъ, что всегда причиняло большое безлокобство старой адмиральши. Тщательно окрывая отъ дочерей положеніе несчастной горничной, она сгнѣшила ее отправить въ деревню, и при этомъ не только что не бранила бѣдняжку, а, напротивъ, утѣшала, просила не падать духомъ и беречь себя и своего будущаго ребенка, а между тѣмъ приходила въ крайнее удивленіе и восклицала „Этого я отъ Аннушки (или Нани какой-нибудь) никакъ не ожидала, никакъ!“ Вообще Юлія Михайловна всѣ житейскія непріятности, — а у нея ихъ было не мало, — встрѣчала съ совершенно искреннимъ недоумѣніемъ. „Что хотите, а этого не думала!... Въ голову даже не приходило!“ повторяла она многократно, словно будто бы была молодецкая школьница, только что впервые открывая глаза на Божій міръ и на то что въ немъ творится. — Молодые люди ѣздили къ Рыжовымъ всегда гурьбой и во всякій часъ дня — поутру, послѣ обѣда, вечеромъ. Старуха адмиральша и всѣ ея дочери встрѣчали обыкновенно этихъ, иногда очень запоздавшихъ, посѣтителей, радушно, и барышни сейчасъ же затѣвали съ ними или танца или разныя petits jeux, а на святкахъ такъ и жмурки, причемъ Сусанна красиваа де-мольза и больше всего осторога

лась чтобы какъ-нибудь до нея не дотронулся неосторожно кто-либо изъ молодыхъ людей; а тѣмъ временемъ поваръ Рыжовыхъ, бывшій постоянно къ вечеру пьянъ, бѣжалъ въ погребокъ и мясныя лавки, выпрашивалъ тамъ по большей части въ доугъ вина и провизію и принимался стрелять ужицъ. Ослобленію его при этомъ предѣловъ не было: проклятая баръ своихъ и гостей ихнихъ, онъ подаивалъ, иногда по немилости, а иногда и изъ досады, въ котлеты, вмѣсто масла, воды; жареное или не дожаривалъ или совсѣмъ пережаривалъ; въ сбитыя славки—вѣроятно, для скорости изготовленія — прибавлялъ немного мыла; но, несмотря на то, ужицъ и подаваемое къ нему отвратительное вино уничтожились до чиста.“

Несмотря на это и Маренія любилъ бывать у Рыжовыхъ. Племянникъ его, Чемцовъ, увѣрялъ что это происходило оттого что дядѣ его все малопинвало здѣсь „первобытній хаосъ, когда земля была еще неупорядочена и когда только что сотворенные люди были совершенно чисты, хотя уже и обнаруживали некоторое попятное движеніе ко грѣшку“. Маренія рѣшается предложить Людмилѣ свою руку. Она посылаетъ ей письмо въ которое вкладываетъ длинную бѣлую перчатку:

„До какихъ высокихъ градусовъ достигаетъ во мнѣ самолюбіе, авалеть примѣръ, сему то что я рѣшаюсь послать къ вамъ предлагаемая въ семь пакетъ бѣлая женскія перчатки. По статутамъ нашего ордена мы можемъ передать ихъ лишь той женщинѣ которую болѣе всѣхъ почитаемъ. Мать я лаче всѣхъ женщинъ почитаю и прошу вашей руки и сердца. Письмо мое вы немедленно покажете вашей матери, и чтобы оно ни минутой не было для нея тайно. Мать есть второе наше я. Въ случаѣ если отвѣтъ вашъ будетъ мнѣ неблагоприятенъ, не передавайте онаго сами, ибо вы, можете-быть, достараетесь смягчить его и поутолить мое безуміе; но пусть мнѣ скажетъ его ваша мать со всею строгостию и суровостию къ какой только способна ея кроткая душа, и да будетъ мнѣ сіе—говору это, какъ говорилъ бы на исповѣди—въ поученіе и назиданіе. Покорный вамъ и радующій е васъ Рігна Рурес“.

Людмила не соглашается на бракъ ни съ Маренинымъ, ни съ кѣмъ-либо другимъ. Она влюблена въ племянника Мареніи, Чемцова. Это молодой человекъ, кутила, игрокъ и поклонакъ женщины между которыми онъ имѣетъ громадный

услѣхъ. Ченцовъ былъ когда-то введенъ своимъ дядей въ масонскую ложу и принятъ въ число братьевъ. Марейтъ былъ по немъ *поручителемъ*, и затѣмъ собственноручно вычеркнулъ племянника изъ списка масоновъ когда послѣдній началъ въ каррикатурномъ видѣ вездѣ разказывать про обряды своего вступленія въ ложу. Ченцовъ увезъ изъ монастыря молодую монахиню, женился на ней, разошелся съ женой и обвѣстивъ теперь Людмилу. Адмиралаша уѣзжаетъ съ ней въ Москву и поселяется тамъ въ отдаленномъ переулкѣ Горохова поля въ домѣ вдовы полковника Миролы Дмитріевны Зудченко. Людмила скоро умираетъ, и эту смертью заканчивается такъ сказать вступительная часть романа. Весь эпизодъ касающійся Людмилы—онъ тянется въ двухъ частяхъ,—весь этотъ эпизодъ мастерски написанъ. Въ судьбѣ этой молодой прекрасной дѣвушки такъ внезапно угасающей, въ чистой материнской любви адмиралаши, въ какой-то одухотворенной, возвышенной простотѣ и сентивности съ которыми Марейтъ весь отдается заботамъ и попеченіямъ о семьѣ Рыжовыхъ, всемъ все прощая, смиряясь, обижая себя одного, во всемъ этомъ разлито что-то трогательное, до изящества простое, звучитъ кака-то идеальная струнка, дрожаніе которой рѣдко можно подмѣтить въ романахъ г. Писемскаго. Всѣ дѣйствующія лица выведены уже теперь на сцену. Мы знакомимся съ неотесаннымъ, грубымъ, честолюбивымъ и скулымъ предводителемъ дворянства Кралчикомъ, съ его дочерью Катринъ, чувственно-хитрою дѣвушкой восточнаго типа, съ Ченцовымъ, съ Миролой Дмитріевной и майоромъ Аггеемъ Никитичемъ Звѣревымъ. Судьбы двухъ этихъ послѣднихъ лицъ широкою полосой проходятъ черезъ дальнѣйшія части романа и въ свою очередь составляютъ нѣчто эпизодическое. Ченцовъ масонъ изверженный; Кралчикъ масонъ не по духу, а лишь по вѣщности; Аггей Никитичъ пока еще только человѣкъ смутно испытывающій какіе-то лорывы къ духовному просвѣщенію. Онъ дѣлается на время „щущимъ“, но не становится дѣйствительнымъ масономъ. На сцену выступаетъ наконецъ мальчикъ, который въ послѣдствіи опять-таки долженъ пройти по роману какъ довольно крупное эпизодическое лицо и задѣтъ до извѣстной степени судьбу Сусанны. Мальчикъ этотъ сынъ извѣстнаго московскаго савоювика Углакова. Углаковъ служитъ въ почтамтѣ. Интересно описаніе почтамтской церкви, той самой которую

принято называть „Меньшиковой башней“. Служащіе въ почтамтѣ были въ то время чуть не всѣ безъ исключенія масонами и „почтамтская“ церковь носила въ своей отдѣлкѣ заметныя слѣды масонской символики.

Во внутренности храма Сусанну нѣсколько поразило что молящіеся все почти были чиновники во фрачныхъ вицъ-мундирѣхъ съ черными бархатными воротниками и обшлагами и всѣ обильно увѣшанные крестами, а между этими особами размѣщались уже болѣе мелкая служебная сошка: почтальоны въ форменныхъ и довольно поношенныхъ съ столбами лапсовыми воротниками сюртукахъ и съ весилыми кортиками при бедрахъ своихъ. Помѣщавшіеся у свѣчялаго ящика староста церковный и вмѣстѣ съ тѣмъ, должно-быть, казначей почтамта, толстый, важный, съ Анной на шеѣ, увидавъ подходящаго къ нему Егора Егорыча, тотчасъ утратилъ свою внушительность и почтительно поклонился ему, причемъ торопливо приложилъ правую руку къ своей жирной шеѣ, держа почти перпендикулярно большой палецъ къ остальной ручице кисти, каковоже движеніе прямо обозначало шейный масонскій знакъ ученика.

Егоръ Егорычъ пробурчавъ: „вкладъ въ церковь!“ подавъ старостѣ билетъ олекуискаго совѣта въ триста рублей. Другіе же въ это время чиновники, увидавъ Сусанну, вошедшую вмѣстѣ съ Егоромъ Егорычемъ, послѣдшіи не то что пропустить, но даже направить ее къ пожилой дамѣ, красовавшейся на самомъ почетномъ мѣстѣ въ дорогой турецкой шали; около дамы этой стоялъ мальчикъ лѣтъ шестнадцати въ красивомъ лажескомъ мундирѣ, съ умвелькими и какъ-то наемтѣливо бѣгающими глазами. Чиновникъ подведшіи Сусанну къ пожилой дамѣ что-то тихонько шепнулъ ей послѣдней. Дама послѣдила пододвинуться и дать Сусаннѣ мѣсто на коврѣ, которая, въ свою очередь, конфузясь и краснѣя, встала тутъ. Священникъ, старикъ уже и, вѣроятно, подагрикъ, потому что былъ въ телыхъ лапсовыхъ сапогахъ, истово совершалъ службу. Ризы на немъ и на діаконѣ были темно-малиновые, бархатныя, съ жемчужными крестами. Пѣвчіе,—вѣроятно, составленные все изъ служащихъ въ почтамтѣ и ихъ дѣтей,—пѣли превосходно, и между ними слышался чей-то чисто грудной и бархатистый теноръ: это пѣлъ покойный Бятышевъ, тогда уже театральныи пѣвецъ, но все еще по старой памяти своей службы въ почтамтѣ уча-

отвозавшій иногда въ хорѣ Гавриило-Архангельской церкви. Сусанна, столь склонная подпадать впечатлѣнію религиозныхъ службъ, все погружалась въ благоговѣніе и молитву, и ничего не видѣла что около нея происходитъ; но Егоръ Егорычъ, проходя отъ старосты церковнаго на мужскую половину, сейчасъ замѣтилъ что тамъ, превышая всѣхъ на цѣлую почти голову, рисовался капитанъ Зафревъ въ полной парадной формѣ и съ бакенбардами необыкновенно плотно прилеглими къ его щекамъ: ради этой цѣли капитанъ обыкновенно каждую ночь завязывалъ свои щеки косынкой, которая и прижимала его бакенбарды, что, впрочемъ, тогда дѣлали почти всѣ фрагатовые пѣхотанцы.

— Я тоже пришелъ сюда помолиться! — сказалъ капитанъ уважительнымъ тономъ Егору Егорычу.

— Да, вижу, это хорошо! — одобрилъ его Марейвъ, и потомъ оба они замолчали и начали каждый по своей манерѣ молиться. Егоръ Егорычъ закидывалъ все больше свою голову назадъ и въ то же время старался держать неподвижно ступни своихъ ногъ подъ прямымъ угломъ одна къ другой, что было важнымъ знакомъ мастера; капитанъ же дѣлалъ небольшіе сравнительно со своею грудью крестики и склоняла голову преимущественно по направленію къ большаимъ мѣстнымъ иконамъ, при этомъ какъ будто бы слегка прищелкивалъ своими каблуками. Въ продолженіе всей обѣдни не слышалось ни малѣйшаго разговора: въ то время вообще считалось говорить въ церкви грѣхомъ и неприличіемъ.

По окончаніи службы Марейвъ начинаетъ показывать Сусаннѣ храмъ.

— Подъ куполомъ, — началъ толковать Егоръ Егорычъ Сусаннѣ и оставшемуся тоже капитану, — какъ вы видите, всевидящее око съ надписью: *illuxisti obscurum* — просвѣтилъ еси тьму! А надъ окномъ этимъ кругъ — *sine fine*... безъ конца.

— А это какой-то якорь у столба и крестъ, еказалъ, заинтересовавшись сими изображеніями, капитанъ.

— Это *spe* — надеждой и твердостію — *fortitudine!* — объяснилъ Егоръ Егорычъ.

Капитанъ, кажется, его помялъ, потому что какъ бы еще больше приободрился и сдѣлался еще тверже.

— Чаша съ кровію Христовой и надпись: *redemptio mundi* — искупленіе міра! — продолжалъ Егоръ Егорычъ, переходя въ сопровожденіи своихъ спутниковъ къ южной стѣнѣ. — А это

агнецъ delet peccata — извѣстный агнецъ приавшій на себя грѣха мира и феменирующій у всѣхъ почти народовъ въ ихъ религіяхъ при закаланіи и сожженіи—очищеніе зараженнаго грѣхами и злобой людскою воздуха.

Предъ нарисованнымъ сердцемъ, изъ котораго исходило пламя и у котораго были два распростерта крыла, Егоръ Егорычъ нѣсколько приостановился и съ удареніемъ произнесъ:

— Ascendit—возносится!.. Не влечься духомъ по землѣ, а возноситься!

Сусанна и канатая слушали его съ глубокимъ вниманіемъ.

Далѣе въ алтарь Сусаннѣ нельзя было входить и Егоръ Егорычъ, распахнувъ предъ ней сѣверныя врата, кричалъ ей оттуда:

— Молодой орелъ, летящій и смотрящій прямо на солнце—virtute patrum—шествующій по доблести отцовъ.

Вслѣдъ затѣмъ около жертвенника предъ короной утвержденною на четверугольномъ пьедесталѣ, а также и предъ короной со скалетромъ, онъ опять приостановился съ большимъ вниманіемъ и громко произнесъ:—утверждаема на уваженіе—*existimatiene nixa!.. constanter et sincerel..* постоянно и частосердечно!..

По смерти Людмилы Марейнъ перевозить старуху-адмиральшу, Сусанну и Музу къ себѣ въ деревню. Тамъ уже живетъ въ домѣ Марейна оригинальная и самлѣтчивая чета Сверстовыхъ. Сверстовъ докторъ; жена его остзейская Нѣмка, которую самъ мужъ и всѣ знакомые называютъ не иначе какъ *gnädige Frau*. Оба они масоны. Сверстовъ служилъ уѣзднымъ врачомъ. Долго возмущало его взяточничество существовавшее въ средѣ тѣхъ лицъ съ которыми ему приходилось постоянно находиться въ служебныхъ отношеніяхъ; долго крѣпился онъ, но наконецъ не вытерпѣлъ и обратился къ Марейну съ письмомъ, прося сдѣлать его докторомъ въ сельской больницѣ послѣдняго.

Вотъ отвѣтъ Марейна:

„Сердечно любимый братъ! Вы не ошиблись что я послѣшу къ вамъ на помощь и приму васъ къ себѣ съ распростертыми объятіями, о чемъ мнѣ, сознаюсь теперь съ великимъ стыдомъ, приходило неоднократно на мысль; но недостаточно еще, видно, воспитанное во мнѣ соболѣзнованіе о ближнемъ какъ бы разсѣвало мое духовное представаніе о

вашемъ житьѣ-бытьѣ и не дѣлало ударъ на мою волю нашимъ братскимъ молоткомъ. Дивлюсь тому и укоряю себя еще болѣе что я самолично, хотя и не служу, но зрю всюду вокругъ себя и вѣдаю ваши служебныя раны. Мой домъ, мѣсто доктора при моей больницѣ, съ полнымъ содержаніемъ отъ меня вамъ и вашей супругѣ, съ платой вамъ тысячи рублей жалованья въ годъ съ того момента какъ я съѣлъ за сіе письмо, готовы къ вашимъ услугамъ, и ежели вы называете меня вашимъ солнцемъ, такъ и я васъ именую взамѣнъ тѣмъ же оживляющимъ свѣтиломъ, на подвигъ котораго будетъ стоять, при личномъ свиданіи съ вами, освѣтить и умиротворить мою бѣдствующую и грѣшную душу. *Signa Rures.*“

Что же было каллею перелопачившею мѣру терпѣнія Сверстова на службѣ? Сверстовъ возмущался тѣмъ что не было обращено никакаго вниманія на обстоятельство указанное имъ при осмотрѣ одного трупа и могшее послужить къ открытію убійцы. Въ лѣсу нашли зарѣзаннымъ молодого мальчика служившаго у одного купца и послѣдняго послѣднимъ въ Нижній со значительною суммой денегъ. Сверстовъ указывалъ на основаніи осмотра что мальчика могли зарѣзать только бритвой и что слѣдовательно убійцей долженъ быть человекъ который брѣтется и будетъ бриться, ибо бритву онъ унесъ съ собой. Въмѣсто того чтобъ обратитъ вниманіе на это указаніе, сослуживцы Сверстова рѣшились, ради лоборовъ, притануть къ дѣлу ни въ чемъ неповинныхъ мужиковъ сосѣдняго богатаго села. Авторъ не даромъ остававливается довольно подробно на описаніи этого случая. Человекъ убившій и ограбившій мальчика скоро является въ романѣ въ роли Тулузова, управляющаго имѣніемъ у Кралчика. Тулузовъ этотъ мало-помалу втирается въ довѣріе губернскаго предводителя, послѣ смерти послѣдняго вступаетъ въ связь съ Катринъ разошедшейся съ Ченцовымъ который на ней женился, но затѣмъ безумно увлекся одною крестьянкой, пріобрѣтаетъ званіе дворянина, женится на вдовѣ Ченцова и становится откупщикомъ. По доводу Сверстова надъ Тулузовымъ начинается слѣдствіе; Марейнъ вслѣсски поддерживаетъ Сверстова своимъ авторитетомъ и своею помощію. Тулузова сажаютъ въ острогъ, но затѣмъ освобождаютъ; онъ гибнетъ насильственной смертью отъ руки одного изъ своихъ же пособниковъ. Разказъ о судьбахъ Тулузова перекрещивающихся съ путями Марейна, Сверстова и

Аггея Никитича составляетъ олять-таки широкое и какъ бы самостоятельное теченіе въ дальнѣйшемъ развитіи романа. Мы только намѣчаемъ здѣсь это теченіе, но не будемъ болѣе имъ отвлекаться и оставимся исключительно на томъ что касается Марейна, ближайшихъ къ нему лицъ и характеристики русскаго масонства.

Еще до переселенія Рыжовыхъ въ деревню Марейна послѣдній узналъ изъ писемъ къ нему Сусанны что это умная, свѣтлая, вѣрующая дѣвушка. Особенно поразило его то что Сусанна, какъ она сама писала, „перезабыла“ войдя въ кремлевскіе храмы всѣ молитвы и только могла повторять „Господи помилуй“. Поразило его это потому что незадолго предъ тѣмъ Сперавскій прочелъ Марейну свое опредѣленіе „мистическаго богословія“ въ которомъ именно говорилось о душевномъ состояніи испытанномъ Сусанной какъ о высшемъ состояніи духа. Вотъ что писалъ объ этомъ Марейнъ Сусаннѣ:

„Вы, по данной вамъ, конечно, отъ природы благодати, состоите въ присутствіи Бога. Самъ я слишкомъ скудельный и надломленный сосудъ чтобы говорить отъ себя, и взмѣвъ того слѣшу вамъ передать то что на двухъ мѣхъ читалъ одинъ изъ высочайшихъ духовныхъ мыслителей о молитвѣ. Заучите его изреченія наизусть; при дальнѣйшемъ ходѣ вашего духовнаго роста вы поймете всю глубину ихъ внутренняго смысла. Молитва бываетъ, говоритъ онъ, словесная, когда вы, сочувствуя, повторяете молитвы святыхъ отцовъ. Она бываетъ умная, когда вы сами сочиняете молитву. Вы тогда находитесь въ экстазѣ молитвенной импровизаціи и отъ избытка сердца вашего уста глаголютъ. Но есть еще высшая степенъ молитвы, въ которой нѣтъ ни чужихъ словъ, ни своихъ, а есть только упорное повтореніе: Господи, помилуй! Господи, помилуй! Молитва эта называется созерцательною, и она уже была въ душѣ вашей и на вашихъ устахъ. Вивать вамъ, кроткая голубица! Пишите мнѣ чаще и чаще; лишите все что вы думаете, „можетъ - быть“ я вамъ и пригожусь немного.“

Марейнъ слабдѣлъ Сусанну книгами. Она многое въ нихъ не понимала и это повело къ продолжительнымъ бесѣдамъ въ которыхъ принималъ участіе также Сверстовъ, а въ особенности его жена. *Gnädige Frau* открыла Сусаннѣ что она масонка.

— А развѣ женщины могутъ быть масонками? воскликнула Сусанна.

— Отчего жь имъ не быть? воскликнула въ свою очередь съ некоторымъ удивленіемъ gnädige Frau:—Я даже была въ Гёттингенѣ, по поручительству моего перваго мужа, принята въ ложу.

— Стало-быть есть и женскія ложи? разспрашивала съ возрастающимъ любопытствомъ Сусанна.

— Есть, но только смѣшанныя, состояція изъ мужчинъ и женщинъ, и работающія въ двухъ лишь степеняхъ: ученицъ и товарищъ, хотя покойный мужъ мнѣ говорилъ что онъ зналъ одну даму которая была даже гросмейстеромъ.

Сусанна слушала, какъ бы не совсемъ понимая то что говорила ей gnädige Frau. Та замѣтила это и спросила:

— Вамъ, можетъ-быть, неизвестно что у масоновъ три степени: ученикъ, товарищъ и мастеръ, и изъ числа послѣднихъ выбирается начальникъ всей ложи, который носитъ титулъ великаго мастера.

— Въ первый разъ слышу объ этомъ! призналась Сусанна.— Но что же они обыкновенно работали? прибавила она.

— Въ первой ученической степени масонамъ преподавались правила любви и справедливости, которыми каждому человеку необходимо руководствоваться въ жизни; во второй ихъ учили какъ должно бороться со своими страстями и познавать самого себя, и въ третьей, высшей степени мастера, они подготовлялись къ концу жизни; который есть ни что иное какъ должествующее для насъ вскорѣ настать безсмертіе.

— Но откуда же произошли эти названія: ученикъ, товарищъ, мастеръ?

— Ахъ, эти названія я могу вамъ объяснить, но для этого должно начать со слова масонъ! воскликнула съ одушевленіемъ gnädige Frau.— Вы, конечно, помните что по-русски оно значитъ каменьщикъ, и масоны этимъ именемъ назвались въ воспоминаніе Соломона, который, какъ вы тоже, вѣроятно, учили въ священнои исторіи, задумалъ построить храмъ іерусалимскій; главнымъ строителемъ и архитекторомъ онъ выбралъ Адонирама; рабочихъ для постройки этого храма было собрано полтораста тысячъ, которыхъ Адонирамъ раздѣлилъ на учениковъ, товарищей и мастеровъ, и каждой изъ этихъ степеней онъ далъ символическое слово: учени-

камь—Іоакимъ, товарищамъ—Воозъ, а мастерамъ Іегова, но такъ что мастера знали свое наименованіе и наименованіе низшихъ степеней, товарищи свое слово и слово учениковъ, а ученики знали только свое слово. Сдѣлавъ онъ это затѣмъ чтобы расплачиваясь съ рабочими, не ошибиться какъ нибудь, и когда тѣ получали отъ него плату, то каждый долженъ былъ шепнуть Адопираму свое наименованіе, сообразно которому онъ и выдавалъ что слѣдовало. Догадавшись объ этомъ, три жадные ученика: Фаноръ, Амру и Маѳусаилъ, желавшіе получать больше денегъ, рѣшились выпытать у Адопирама слово мастеровъ. Воспользовавшись тѣмъ что по вечерамъ Адопирамъ ходилъ осматривать въ храмѣ работы, первый изъ нихъ, Маѳусаилъ, оставилъ его у южныхъ воротъ и сталъ требовать отъ него чтобы онъ открылъ ему слово мастеровъ; но Адопирамъ отказалъ ему въ томъ и получилъ за то отъ Маѳусаила ударъ молоткомъ; потомъ то же повторилось съ Адопирамомъ у сѣверныхъ воротъ, гдѣ Фаноръ ударилъ его киркой. Несчастный Адопирамъ бросился спастись, но едва онъ успѣлъ кинуть въ колодезь золотой священныи треугольникъ, чтобы онъ не достался кому-либо изъ непосвященныхъ, какъ былъ встрѣченъ у восточныхъ воротъ Амру, которому онъ тоже не открылъ слова мастера, и былъ имъ за то заколотъ на смерть циркулемъ. Тѣло Адопирама убійцы тайно вынесли изъ храма и вмѣстѣ съ этимъ тѣломъ куда-то скрылись. Соломонъ очень разгнѣвался по этому случаю и, выбравъ девять старѣйшихъ мастеровъ, велѣлъ имъ непремѣнно отыскать трулъ Адопирама и измѣнить свое символическое слово Іегова, ибо по своей великой мудрости, Соломонъ догадался что ученики убили Адопирама выпытывая у него слово мастера. Избранники сіи пошли отыскивать трулъ и, по тайному предчувствію, вошли на одну гору, гдѣ и хотѣли отдохнуть, но когда прелегли на землю, то почувствовали что она была очень рыхла; залодозривъ что это была именно могила Адопирама, они воткнули въ это мѣсто для памяти вѣтку акаціи и возвратились къ прочимъ мастерамъ, съ которыми на общемъ совѣщаніи было положено: замѣнить слово Іегова тѣмъ словомъ какое кто-либо скажетъ изъ нихъ когда тѣло Адопирама будетъ найдено; оно дѣйствительно было отыскано тамъ гдѣ предполагалось, и когда одинъ изъ мастеровъ взялъ трулъ за руку, то мясо сползло съ костей, и онъ въ страхъ восклик-

муль: макбенакъ, что по-еврейски значитъ: „плоть отдѣляется отъ костей“. Слово это и взято было мастерами вмѣсто слова Йегова.

Сусанна начинаетъ все болѣе интересоваться масовствомъ. Она пламенно желаетъ быть принятою въ ложу. Но для этого ей слѣдуетъ прежде стать женой масона. Spädige Frau и Сверстовъ передаютъ Марцину желаніе Сусанны. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній Марцивъ вступаетъ съ Сусанной въ бракъ. Это чисто идеальный союзъ поддерживаемый съ обѣихъ сторонъ глубочайшимъ уваженіемъ, безграничною преданностію и какою-то одухотворенною дружбой и заботой другъ о другѣ. Сусанна вступаетъ въ масонское братство. Она желаетъ сдѣлать первый шагъ ко вступленію въ новую область вѣрованія не иначе какъ бы съ благословенія церкви. Часовъ въ десять вечера, въ темъ и вьюгу, ѣдетъ она въ церковь довольно далеко отстоящую отъ ихъ дома. Ее сопровождаетъ Сверстовъ. Но въ церкви Сусанна хочетъ остаться совершенно одна „чтобъ испытать свою волю“. Авторъ описываетъ ощущенія Сусанны.

„Сначала она держала глаза потупленными внизъ, боясь на что-нибудь окружающее взглянуть; потомъ подняла ихъ вверхъ, и ей сразу же представилось что въ туманной высотѣ церковнаго свода летаютъ какія-то блѣдныя крылатыя существа которыхъ она пріяла за ангеловъ. Сусанна Николаевна опустила глаза внизъ на мѣстные иконы иконостаса, но тутъ она почти вьявъ увидѣла что Божія Матерь во имя Всѣхъ Скорбящихъ, написанная во весь ростъ, въ коронѣ и со скипетромъ, движется и какъ бы идетъ къ ней; что Христось на крестѣ поднималъ свою склоненную голову и обращалъ на нее кроткій взглядъ свой. Сусанна Николаевна взглянула затѣмъ на темныя церковныя окна, гдѣ ей тоже мѣстами показались, хоть довольно блѣдныя, но уже огненные и злыя лица, которыхъ Сусанна Николаевна сочла за дьяволовъ и которыя были, вѣроятно, ни что иное какъ отблескъ въ стеклахъ отъ свѣтящихся лампадъ.“

Въ церковь входитъ священникъ, отецъ Василій, также принадлежащій къ масонамъ. Когда Сусанна идетъ къ нему за исповѣдальныя ширмы, она видитъ его въ бѣломъ залонѣ и съ орденомъ на груди. На аналоѣ лежатъ: раскрытая библія, черепъ, берцовыя кости, жестыяя вѣтка акаціи. Отецъ Василій бесѣдуетъ съ Сусанной какъ „со страдающей и

алчущей". Онъ открываетъ ей средства для исправленія сердца человека ищущаго очищенія и просвѣтленія его разума:

— Средства эти начертаны въ катехизисѣ и вообще въ правилахъ масонскихъ, которыя я вамъ передамъ вкратцѣ, и прочту только заложить ихъ. Первое: вы должны быть скромны и молчаливы какъ рыба въ отношеніи нашихъ обрядовъ, образа правленія и всего того что будутъ престоенно вамъ открывать ваши наставники; второе: вы должны дать согласие на полное повиновеніе, безъ котораго не можете существовать никакое общество, ни тайное, ни явное; третье: вамъ необходимо вести добродѣтельную жизнь чтобы кромѣ исправленія собственной души, примѣромъ своимъ исправлять и другихъ, днѣ нашего общества заключающихся, людей; четвертое: да будете вы тверды, мужественны, ибо человекъ только этими качествами можетъ съ успѣхомъ противодействовать злу; пятое правило предписываетъ добродѣтель, какову, кажется, вы уже владете, это — щедрость; но только старайтесь наблюдать за собой чтобы эта щедрость простекала не изъ тщеславія, а изъ чистаго желанія помочь потчиво бѣдному; и, наконецъ, шестое правило обязываетъ масоновъ любить размышленіе о смерти, которая такимъ образомъ явится предъ вами не убійцей всего вашего бытія, а другомъ, пришедшимъ къ вамъ чтобы возвести васъ изъ міра труда и лота въ область успокоенія и награды. Вотъ и все-съ, высокопочтенная Сусанна Николаевна!—А теперь поцѣлуемтесь нашимъ братскимъ поцѣлуемъ, заключилъ отецъ Василій и поцѣловался съ Сусанной Николаевной, однократно лишь приложивъ свою щеку къ ея щекѣ.

Сусанну принимаютъ въ ложу. Описаніе этого приема, въ которомъ участвуютъ только Марцинъ, Сверстовъ, Gnädige Frau, отецъ Василій и старый слуга Марцина, чрезвычайно удачно. „Великій мастеръ“ и взволнованный, заботливый, растроганный другъ борятся въ Марцина. Онъ „комкаетъ“ ритуаль приёма, къ великому огорченію стараго слуги Автила Ильича помнящаго лучшія времена масонства, когда все совершалось со строгимъ соблюденіемъ правилъ. По окончаніи приёма Автилъ Ильичъ садится вмѣстѣ съ господами за трапезу любви. По окончаніи ужина присутствующіе поютъ масонскую пѣсню:

Любовь, душа всяя природы,
Теку сердца въ насъ воспалить,
Изъ лѣтна въ царствіе свободы
Одна ты можешь возвратить.

Когда твой ясный луч сізаетъ
 Масонъ и видитъ, и внимаеть.
 Ты жизнь всего что существуетъ;
 Ты внутренній, сокрытый свѣтъ;
 Но тотъ, кто въ мірѣ слѣпотствуетъ,
 Твердитъ: любви правдивой нѣтъ!
 Бѣги отъ насъ непросвѣщенный,
 Объятый тьмою рабъ страстей,
 Мірскою суетой прельщенный
 Страхись коснуться сихъ дверей!

Какъ дополненіе къ приведеннымъ уже нами масонскимъ наставленіямъ заимствуемъ объясненія масонскихъ „знаковъ“ и „символовъ“ изъ поученія дѣлаемаго другимъ масономъ, алтекаремъ Вибелемъ, знакомому уже намъ Аггею Никитичу:

— Масоны могутъ узнавать другъ друга тройкимъ способомъ, изъ коихъ каждый дѣйствуетъ на особое чувство: на зрѣніе—знакъ, на слухъ—слово, на осязаніе—прикосновеніе. Знакъ состоитъ въ слѣдующемъ: братъ желающій его сдѣлать другому брату складываетъ большіе пальцы и указательные такъ чтобы образовать треугольникъ.

И Вибель показалъ на практикѣ какъ слѣдуетъ складывать пальцы.

— Отвѣтствующій братъ, продолжалъ онъ,—дѣлаетъ то же самое; послѣ чего оба брата соединяютъ концы своихъ указательныхъ пальцевъ.

Здѣсь Вибель, заставивъ Аггея Никитича сдѣлать изъ пальцевъ треугольникъ, приблизилъ къ нимъ свои пальцы, тоже сложивъ въ треугольникъ, и тогда образовалась фигура похожая на два треугольника, прикасающіеся одинъ къ другому вершинами.

— Я теперь, добавилъ онъ,—изображаю знакъ огня, а вы—знакъ воды; поняли?

— Понялъ, отвѣчалъ Аггей Никитичъ, хотя въ сущности весьма мало понялъ.

— Въ прикосновеніи, воскликнулъ вслѣдъ затѣмъ Вибель,—каждый вопрошающій и отвѣтствующій протягиваетъ правую руку такъ чтобы большой палецъ былъ приподнятъ вверхъ и, взявъ потомъ другъ друга за руки, крѣпкожимаютъ ихъ для выраженія братскаго соединенія, сродства и вѣрности.

Такое прикосновеніе Негг Вибель тоже не преминулъ показать Аггею Никитичу на практикѣ.

— Слово, толковалъ онъ далѣе,—произносится такимъ образомъ что вопрошающій шепчетъ отвѣтствующему: А. и Е.

— Но что же это за слова такія? невольно полюбопытствовалъ Аггей Никитичъ.

Вибель влохнѣвъ объяснить это нѣсколько затруднялся.

— Полагаю что первая буква обозначаетъ Адомирама, а вторая—Иегову.

Аггей Никитичъ выразилъ кивкомъ головы что это имъ понято. Онъ дѣйствительно объ Иеговѣ и объ Адомирамѣ слышалъ и читалъ.

— Отвѣтствующій, снова приступилъ Вибель къ обученію,—немедленно при этомъ поднимаетъ ладонь къ лицу своему и лотихоньку шикаетъ, наломившая тѣмъ вопрошающему о молчаніи; потомъ оба брата лобызаются три раза прикладывая щеку къ щецкѣ.—Записали всѣ мои слова?

— Записалъ-съ, отвѣчалъ Аггей Никитичъ покорнымъ голосомъ.

— Поэтому перейдемъ теперь къ символамъ!—возгласилъ Вибель (важность въ немъ и самодовольство увеличивались съ каждымъ словомъ его). — Символы наши суть: молотокъ, изображающій власть каковую имѣетъ убѣжденіе надъ чело-вѣческимъ духомъ; угольнѣръ — символъ справедливости, по-этому онъ же и символъ нравственности влекущей человѣка къ дѣланію добра; наконецъ, циркуль—символъ круга образуемаго чело-вѣческимъ обществомъ вообще и союзомъ франкъ-масоновъ въ частности. Эти-то три возвышенныя идеи—истиннаго, добраго и прекраснаго — составляютъ три основныя столба на которыхъ покоится зданіе франкъ-масонскаго союза и которые, нося три масонскія именованія: имя мудрости, имя крѣпости и имя красоты, служатъ, говоря языкомъ ремесла, причаломъ образа дѣйствій вольнаго камельщика. Мудрость, говорятъ масоны, руководитъ нашими поступками, крѣпость ихъ основываетъ, а красота украшаетъ. Иныхъ тайнъ масоны не имѣютъ никакихъ; но за то масонство само есть тайна, потому что его истинное и внутренне значеніе можетъ открыться только тому кто живетъ въ союзѣ масонскомъ и совершенствуется постояннымъ участіемъ въ работахъ.

Вибель объясняетъ Аггею Никитичу вѣднѣе происхожденіе масонства:

„Тутъ Вибель взялъ со стола тетрадку, также тщательно и красиво переписанную какъ и ритуалъ, и началъ читать:—

Изъ числа учрежденій и союзовъ съ коими масоны приводятся въ связь суть слѣдующіе: а) мистеріи Египтявъ, б) древнія греческія элевзинскія таинства, в) лиагорейскій союзъ, г) іудейскія секты тералевтовъ и ессеевъ, е) строительная корпорація Римлянъ; но не думаю чтобъ это было справедливо; разгромъ произведенный великимъ переселеніемъ народовъ былъ столь силенъ и такъ долго тянулся что невозможно даже вообразить чтобы въ продолженіе этого страшнаго времени могла произойти передача какихъ-либо тайныхъ ученій и обрядовъ. Наконецъ, есть средневѣковыя корпораціи, къ которымъ въ зависимость ставятъ франкъ-масонскій союзъ, это — орденъ рыцарей храма; но и то, по моему, сомнительно, и съ достовѣрностью можно утверждать одно что франкъ-масонскій союзъ дѣйствительно находится въ тѣсной связи съ корпораціями каменщиковъ и каменотесовъ, особенно процвѣтавшихъ въ Германіи и Англіи. Эти общества, безъ сомнѣнія, суть плоды монастырей, кои всѣ стремились къ украшенію храмовъ, а равно и жилищъ своихъ. Каменщики и другіе рабочіе, производившіе эти постройки, обыкновенно устраивали около церквей такъ-называемыя строительныя ложи. Съ теченіемъ времени, однако, въ тринадцатомъ, напимѣръ, столѣтіи таковыя ложи стали появляться отдѣльно отъ церквей, и когда ихъ накопилось значительное количество, то онѣ, войдя въ сношенія между собой, образовали одинъ большой союзъ нѣмецкихъ каменотесовъ. Члены его обязывались вести благочестивую и высоко-нравственную жизнь. Пріемъ въ братство сопровождался особыми обрядами, которые, разумѣется, заимствованы были изъ монастырскихъ строительныхъ ложъ и представляютъ собою подражаніе постройкѣю бенедиктинцевъ. Что касается Англіи, то образованіе каменщиками въ ней общества относятся къ началу тысячелѣтія, когда Эдвинъ, сынъ короля Адельстава, собралъ первое собраніе въ городѣ Йоркѣ; но въ этомъ можно сомнѣваться, ибо документы на коихъ основалось такое мнѣніе оказались неподлинными, и потому гораздо вѣроятнѣе заключить что въ Англію собственно перенесли нѣмецкіе каменотесы свой институтъ вмѣстѣ съ готическимъ стилемъ.“

Супружескій союзъ Марюина и Сусанны чисто идеальный. Марюинъ значительно старше Сусанны. Незамѣтно для самой себя она начинаетъ чувствовать влеченіе къ молодому Углакову

ставшему изъ хорошенькаго лака стройнымъ гвардейскимъ офицеромъ, проказы котораго извѣстны всему Петербургу, всей Москвѣ, чуть ли не всей Россіи. Старикъ Углаковъ хорошо знакомъ съ Марейнымъ; немудрено что сынъ его имѣеть постоянный доступъ въ домъ посаджнаго. Къ тому же сестра Сусанны, Муза Николаевна, вышла замужъ за извѣстнаго музыканта и композитора Лябьева (Алябьева), близкаго друга молодаго Углакова, и Сусаннѣ безпрерывно приходится встрѣчаться съ молодымъ блестящимъ офицеромъ то у себя, то у сестры, то у самихъ Углаковыхъ. Г. Писемскій мастерски описываетъ весь этотъ эпизодъ московской жизни Сусанны, проказы Углакова, зарождающуюся околнвость къ нему Сусанны, судьбу Лябьева предвѣщающаго страсти къ картежной игрѣ, страсти доведшей его до убійства и ссылки. Это именно та часть романа которая по преимуществу носитъ отпечатокъ нами уже въ самомъ началѣ характеръ личныхъ воспоминаній автора. Углаковъ безумно влюбленъ въ Сусанну. Жена сенатора Феодосія Гаврилыча, „крупнѣйшаго чудака“ Москвы того времени, Аграфена Васильевна, некогда бывшая по-просту цыганкой Груней, первая указываетъ Углакову на то что Сусанна также его любитъ. Фигура этой Аграфены Васильевны удивительно типично и живо обрисована авторомъ. Она характерна до мельчайшихъ подробностей. Аграфена Васильевна сдѣлавшись сенаторшею осталась все тою же простою цыганкой. Послушайте какъ она разговариваетъ съ Углаковымъ. Рѣчь идетъ о Сусаннѣ.

— По моему, знаешь что я тебѣ скажу, Петруша? Барыня эта къ тебѣ также сильно *склонна*.

— Какъ?—воскликнулъ Углаковъ, вылучивъ глаза отъ удивленія и радости.

— Да такъ!... Мы, бабы, лучше другъ друга разумѣемъ... Почто же она, какъ заяцъ, убѣжала отъ тебя, когда мы вышли отъ Лябьева?

— Можетъ-быть изъ отвращенія ко мнѣ!—подхватилъ Углаковъ.

— Ну, да!... Изъ отвращенія къ нему? возразила Аграфена Васильевна:—А не изъ того ли лучше что на ворѣ-то шалка горитъ, изъ страха за самое себя, изъ робости къ тебѣ!... Это, милой другъ, я знаю по себѣ: масъ вѣдь батьки и матки и весь почестъ таборъ лелѣють и холятъ какъ скотину передъ праздникомъ чтобъ отдать на убой барину богатому,

али, пожадуй, какъ нынче вотъ стало, куяцу, а мнѣ того до смерти не хотѣлось, и полюбился мнѣ тутъ одинъ чинювичекъ молодецкій; на гитарѣ, я тебѣ говорю, онъ игралъ хоть бы нашимъ залѣваламъ впору, и все ходилъ въ нашъ, знаешь, трактиръ въ Грузинахъ.... Вижу я что болѣе ужъ онъ на меня пристально смотритъ, и я на него смотрю.... И прилѣпились мы такимъ манеромъ другъ къ другу душой какъ ни на есть сильно, а сказать о томъ ни онъ не посмѣлъ, и я робѣла... Пословица-то, видно, справедлива: „тутъ-то много, да вонъ выйдетъ“. Такъ мы, братицъ мой, и промигали наше дѣло.

— Повтому, тетенька, вы думаете что и я промигаю свое дѣло?—спросилъ стремительно Углаковъ.

— Ты и она, оба промигаете!... А по вашему цыганскому разсужденію, знаешь, какъ это пѣсня поется: „Лови, лови часы любви!“

— Но какъ ихъ, тетенька, поймать-то?... Поймать я не знаю какъ!... Научите вы меня тому!

— Смѣшной ты человекъ!... Научи его я?... Коли я и сама не сумѣла того что хотѣла... Наука тутъ одна: будь посмѣлѣй! Смѣлость города беретъ, не то что нашу сестру пѣвлетъ.

— Но изъ чего вы, тетенька, заключаете что Сусанна Николаевна склонна ко мнѣ?

— Изволь, скажу! Ты-то вотъ не видѣлъ, а я замѣтила что она ажко въ спину тебѣ смотреть, какъ ты отвернешься отъ нея, а какъ повернулся къ ней, сейчасъ глаза въ сторону и отведеть.

— Тетенька, вѣрно ли вы это говорите? переспросилъ Углаковъ.

— Вѣрно! У насъ, старыхъ завистницъ, на это глазъ зоркій.

— Я васъ, тетенька, за это обниму и зацѣлаю до смерти.

— Цѣлуй! До смерти-то словно не зацѣлуешь.... Цѣловали меня тоже ларя, не жалючи.

„Тетенька“ Аграфена Васильевна права въ томъ что Сусанна склонна къ Углакову. Но Сусанна слишкомъ чистая и возвышенная натура чтобы предаться такой склонности. Она настаиваетъ на томъ чтобъ Углаковъ уѣхалъ изъ Москвы. Онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, дѣлается тамъ боленъ и отецъ его проситъ Марейна позволить молодому человеку пріѣхать лѣтомъ мѣсяца на два пожить въ деревнѣ Марейна гдѣ воз-

духъ гораздо лучше нежели въ ихъ собственной усадьбѣ. Опасность неминуема. Сусанна признается мужу что Углаковъ объяснялся ей въ любви.

— И тебя то пугаетъ что онъ, вѣроятно, и здѣсь.... здѣсь повторить это... свое объясненіе?—бормоталъ Егоръ Егорычъ.

— Непремѣнно повторить!—подтвердила Сусанна Николаевна.

Егоръ Егорычъ при этомъ безлокейно пошевелилася въ своемъ креслѣ.

— Что мущина объясняется въ любви замужней женщинѣ, это еще не большая бѣда, если только въ ней самой есть противодѣйствіе къ тому, но... и, произнеся это „но“, Егоръ Егорычъ на мгновеніе приотставовилъ, какъ бы желая собраться съ духомъ,—но когда и она тоже носить въ душѣ элементъ симпатіи къ нему, то... тутъ ужъ Егоръ Егорычъ оставовилъ, — то, — то ей остается одно: или любѣдить себя и вырвать изъ души свою склонность, или, что гораздо естественнѣе, идти безъ оглядки куда влечется она своимъ чувствомъ.

— Я хочу любѣдить себя! почти воскликнула Сусанна Николаевна, обрадовавшись что Егоръ Егорычъ какъ бы подсказалъ ей фразу опредѣляющую то что она твердо рѣшилась дѣлать.

— Позволь! остановилъ ее Егоръ Егорычъ, видимо хотѣвшій не уступать въ благородномъ слодвижничествѣ.—Привыкая какое-нибудь бремя на себя, надобно сообразить доставеть ли въ насъ силы нести его, и почти безошибочно можно сказать что вѣтъ, не доставеть, и что скорѣе оно придавить и уморить насъ, какъ это случилось съ Людмилой Николаевной, съ которой я не долущу тебя нести общую участь, и съ настоящей минуты прошу тебя идти туда куда влекутъ твои пожеланья... Нашъ бракъ есть бракъ духа и потому ничего отъ того не утрачивается.

— О вѣтъ, произнесла со стономъ Сусанна Николаевна.— Я ничего не желаю кромѣ того чтобы быть вамъ женой вѣрною и, видать Богъ, ни въ чемъ еще передъ вами не виновна.

— Вѣрю! сказалъ съ торжественностью Егоръ Егорычъ.— Но все-таки, повторяю тебѣ, испытай себя, соразмѣрный ли своимъ силамъ берешь ты подвигъ!

— Соразмѣрный, успокойтесь! Я сама очень хорошо понимаю что Углаковъ мальчикъ еще, что я не должна и не

могу его полюбить; но тутъ, я увѣрена въ томъ, дьяволъ меня смущаетъ, отъ котораго, умоляю васъ, Егоръ Егорычъ, спасите меня!

Проговоривъ это, Сусанна Николаевна ушла предъ мужемъ на колѣни и склонила къ нему свою голову. Егоръ Егорычъ поцѣловалъ ее съ нѣжностью въ темя и проговорилъ опять таки ведичавымъ тономъ:

— Молись и вмѣстѣ съ тѣмъ призови въ помощь къ молитвѣ разумъ твой! Сейчасъ ты очень разумную вещь сказала что Углаковъ тебѣ не пара и не стоить твоей любви; ты женщина серьезно-мыслящая, а онъ вѣтряный и увлекающійся мальчишка.

По настоянію Сусанны, Марейнъ увѣзжаетъ съ женой за границу. Въ отсутствіи ихъ умираетъ молодой Углаковъ. Вскорѣ послѣ того умираетъ за границей и Марейнъ. Вотъ какъ описываетъ г. Писемскій траурную масонскую ложу:

„Въ подвальномъ этажѣ одного изъ домовъ около почтамта сквозь завѣшанныя окна видѣлось освѣщеніе. Часу въ девятомъ вечера къ этому дому стали подъѣзжать возки и кареты. Экипажи, впрочемъ, сейчасъ же увѣзжали, а пріѣхавшіе въ нихъ проходили лѣшкомъ во внутренность двора. Въ сказанномъ подвальномъ помѣщеніи должна была совершиться траурная масонская ложа по умершемъ братѣ Firma Rures. Всѣ стѣны огромнаго помѣщенія были выкрашены черною краской. На просторной эстрадѣ, обитой чернымъ сукномъ, на томъ мѣстѣ гдѣ обыкновенно въ масонскихъ ложахъ разстилался коверъ, стоялъ черной гробъ, окруженный тремя подсвѣчниками со свѣчами. На крышѣ гроба, въ ногахъ оного, лежалъ знакъ ведичаго мастера, а на черномъ пьедесталѣ горѣлъ съ благовоннымъ куреніемъ спиртъ; въ головѣ гроба на крышкѣ лежалъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ и тутъ же около стояла чаша съ солью. Всѣ собравшіеся братья, въ числѣ которыхъ находились также Сусанна Николаевна и gnädige Frau, были въ черныхъ одеждахъ или имѣли на сторонѣ сердца черныи изъ лѣтъ приколотый баятъ, а пные—черныи флеръ около лѣвой руки. Великій мастеръ, который былъ не кто иной какъ Сергѣй Степанычъ, въ траурной мантии и съ золотымъ знакомъ гроемейстера на шеѣ, открывъ ложу обычнымъ порядкомъ, сошелъ со своего стула и, подойдя къ гробу, погасилъ на заладѣ одну свѣчу, говоря: „Земля еси и въ землю пойдешь!“ При погашеніи второй свѣчи онъ произ-

весь: „Прискорбно есть душа моя даже до смерти!“ При погашеніи третьей свѣчи онъ сказалъ: „Яко возмешь духъ и въ персть свою обратишь“. Послѣ чего великій мастеръ сталъ у головы гроба, имѣя въ правой рукѣ молотокъ, а надзиратели, Батеневъ и Павелъ Петровичъ, стали въ ногахъ гроба. Великій мастеръ ударилъ по гробу три раза молоткомъ; надзиратели сдѣлали то же самое.

Великій мастеръ: Кто есть человекъ, смерти вкусить немогущій? Возможенъ ли кто искулить отъ гроба душу свою?

Нѣкоторое молчаніе.

Великій мастеръ. Человекъ скитается яко тѣнь, яко цвѣтъ сельный отцвѣтаетъ. Сокровиществуетъ и не вѣсть кому собереть, умретъ и ничего изъ славы сей земли съ собой не повесетъ. Нагъ приходитъ въ міръ сей и нагъ уходитъ. Господь даде, Господь и взя.

Снова нѣкоторая пауза.

Великій мастеръ. Да умремъ смертію праведныхъ и да удостоимся имъ кощивой нашею! Господь есть Богъ нашъ, Той есть съ нами до смерти.

Всѣ братья окружаютъ гробъ и пріемлютъ молитвенное положеніе, а великій мастеръ читаетъ молитву:

— Отецъ всемогущій, Тебѣ вручаемъ душу брата нашего; отверзи ей дверь живота, возложи на нее брачное одѣяніе правды, бже торжественное одѣяніе субботы весныя, да представится она Тебѣ чиста и непорочна, и услышитъ радостную глѣсъ побѣды!

Всѣ братья громогласно восклицаютъ: „Аминь!“

Снова послѣ нѣ котораго молчанія великій мастеръ продолжаетъ:

— Боже преславный, всякаго блага начало, милосердія источникъ, испосли на насъ, грѣшныхъ и недостойныхъ рабовъ Твоихъ, благословеніе Твое, укрѣпи торжественное каменщицкое общительство наше союзомъ братолюбія и единодушія; подаждь, о Господи, да сіе во смерти увѣряющее свидѣтельство наломиваетъ намъ приближающуюся судьбину нашу и да приуготовитъ оно насъ къ страшному сему часу, когда бы онъ насъ ни постигнулъ; да возможемъ Твоею милосердою десницею быть пріятными въ вѣчное царствованіе Твое, и тамъ въ безконечной чистой радости получить милостивое воздаяніе смиренной и добродѣтельной жизни.

Послѣ этой рѣчи великаго мастера, братья, поцѣловавшись,

запѣли довольно несладко на голосъ: *Коль славно намъ
Господь во Сионѣ:*

„Отецъ духовъ, Творецъ всеявной,
И жизнь, и смерть въ Твоихъ рукахъ.
Прейдя срокъ намъ опредѣленный,
Мы станемъ пепелъ, тѣнь и прахъ;
Ты духъ, намъ вдунутый Тобою,
Зовешь къ блаженству и покою.
Ты жизнь всего творишь отъ тѣнныя,
Изъ тмы изводишь въ вѣчный свѣтъ,
Чудесной силой обновленья
Возвнствуешь—и смерти нѣтъ.
Дай силы намъ и чувства новы,
Да свергнемъ смертныхъ оковы!
Къ себѣ отъ насъ Ты воззвалъ брата,
Изъ плоти духъ Ты сотворилъ;
Печальна намъ сія утрата,
Но Ты живешь, и братъ нашъ живъ!
Мы духъ его Тебѣ вручаемъ,
Отца о братѣ умоляемъ:
Прійми его, святыхъ святѣйшій,
И въ лонѣ отчемъ упокой!
Да увидетъ въ Твой чертогъ свѣтлѣйшій
И пребываетъ въ немъ съ Тобой!“

По окончаніи пѣнія великій мастеръ снова ударилъ троекратно по гробу, а за нимъ повторили то же и надзиратели. Великій мастеръ, сѣвъ снова на свой стулъ, произнесъ:

— Между членами нашего общества существуетъ отъ глубочайшей древности переданный обычай чтобы по смерти каждаго достойнаго брата совершались воспоминательные и таинственные обряды. Сіе уставовлено сколько во изъявленіе любви нашей и за гробомъ братьямъ нашимъ солутствующей, столько же и во знаменіе того что истинныхъ свободныхъ каменьщиковъ въ духѣ связь и по отшествіи ихъ отъ сего міра не прерывается. Слѣдуя сему достохвальному обычаю и по особой вѣрности нашего усолнаго брата, Егора Егорыча Марейна, коего ламать мы чтимъ и коего потерю оплакиваемъ, собрались мы въ священный нашъ храмъ. Братія, внемлите предпринимаемому мною телерь дѣйствию.

Затѣмъ великій мастеръ, вставъ и снова подойдя къ гробу, взялъ пѣзъ стоящей чаши горсть соли и сказалъ:

— Суха была кость наша, погребиса надежда наша; мертвы быхомъ... (Держа соль надъ гробомъ). Отъ четырехъ

вѣтровъ приде душа и звуки на мертвія сія и да оживуть! (Изображая солью четверть окружности). Се глаголетъ Господь, костемъ симъ: се азъ введу въ васъ духъ животный... (Продолжая другую четверть окружности). И дамъ духъ мой въ васъ... (Дѣлая третью четверть окружности). И отверзу гробы ваши и изведу васъ отъ гробовъ вашихъ, людіе мои... (Заканчивая окружность). И введу васъ въ землю Израилеву... (Проводя діаметръ въ кругу). И поставлю вы на землѣ вашей, и увѣсти, яко азъ глаголахъ и сотворю, глаголетъ Господь, тако.

Братья восклицаютъ: Аминь!

За симъ великій мастеръ началъ зажигать стоящіа около гроба свѣчи, говоря при зажженіи первой свѣчи: „Вы есте соль земли“, второй свѣчи: „Вы есте свѣтъ міру“, третьей свѣчи: „Вы есте родъ избранъ, царское священіе, азыкъ святъ, люди обновленія!“

Послѣ этого была произнесена рѣчь, устроилось шествіе и ложа была закрыта „именемъ всѣхъ высокихъ начальниковъ ордена и особливо именемъ высокодостойнаго старопотландскаго мастера со всѣми честями масонства“. Великій мастеръ громко и троекратно ударилъ эфесомъ висѣвшей на немъ шляги, вынимая оную въ половину и снова олуская въ пожны.

По правиламъ масонства духовное завѣщаніе Марейна было вскрыто лишь по прошествіи девяти мѣсяцевъ. Изъ всѣхъ отвлеченныхъ выраженій и восклицаній которыми наполнено было это изъясненіе послѣдней воли покойнаго можно было вывести только одно: невыносимыя страданія и муки Марейна о томъ что онъ заблъ молодость Сусанны. Прося объ отпущеніи ему этого грѣха, Марейнъ прямо писалъ жемъ что она должна полюбить, что она не испытала еще всей полноты этого чувства, что онъ благословляетъ ее быть женой и матерью. Марейнъ прямо даже указывалъ на челоуѣка за котораго должна выйти замужъ Сусанна. Сусанна въ точности исполнила послѣднюю волю Марейна.

Какое представленіе о русскомъ масонствѣ выносить читатель изъ романа г. Писемскаго? На этотъ вопросъ довольно трудно отвѣчать съ опредѣлительностію. Авторъ избралъ для своего романа то время когда русское масонство почти уже не существовало какъ таковое, а сохранялось лишь какъ преданіе въ лицѣ нѣсколькихъ отживающихъ уже свой вѣкъ

людей. Въ романѣ этомъ предъ нами выдвигается на первый планъ фигура человѣка исключительнаго по своей природѣ. Не будучи масомомъ Марейнъ остался бы столько же типичнымъ и интереснымъ. Онъ вѣроятно постулалъ бы и думалъ точно также; измѣнилась бы только внѣшная формула. За исключеніемъ Марейна и совершенно искренно убѣжденной gnädige Frau всѣ остальные масоны романа не носятъ на себѣ какого-либо рѣзкаго отпечатка воздѣйствія масонскаго ученія на ихъ внутреннюю и внѣшнюю жизнь. Хорошіе изъ нихъ были бы такими и внѣ масонства, ничтожные и грубые остаются сами собой вопреки масонству. Романъ г. Писемскаго чрезвычайно интересенъ тѣмъ что онъ залечатлѣваетъ въ нашемъ воображеніи и нашей памяти картину нравовъ и возрѣвій хотя и близкой отъ насъ, но совершенно уже минувшей эпохи. Едва ли можетъ онъ непосредственно содѣйствовать ея пониманію.

Отчетъ нашъ о романѣ Алексѣя Теофилактовича Писемскаго былъ отдавъ въ печать. Когда онъ возвратился къ намъ изъ типографіи—автора уже не стало. Мы анализовали *последнее* произведеніе Писемскаго!

Прервалась жизнь полная труда, жизнь испытывавшая много тяжелыхъ нравственныхъ страданій, жизнь почти исключительно посвященная служенію мысли и слову. Глубоко-убѣжденнаго, глубоко-русскаго человѣка похитила у насъ могла. На талантѣ, на произведеніяхъ, на личности Алексѣя Теофилактовича Писемскаго лежалъ рѣзкій отпечатокъ самобытности. Это была цѣльная и крѣпкая натура, чуждая всему не-русскому, чуждая всякому заимствованію и подражанію. Смерть настала на него въ то мгновеніе когда, судя по его последнему роману, въ талантѣ нашего автора начиналъ свершаться какой-то поворотъ, когда этотъ талантъ начиналъ вступать въ свой послѣдній, окончателный фазисъ. Быть-можетъ усолшему многое оставалось еще сказать намъ. Быть-можетъ слово его стало бы теперь особенно поучительно и вѣско... Мы не услышимъ болѣе этого слова. Намъ остается быть благодарными за свершенный уже подвигъ, не забывать его и оказаться къ нему справедливыми.

II.

Иностранная библіографія.

Molière, sein Leben und seine Werke, von F. Lotheissen.

Вѣроятно придется еще долго ждать пока наши отечественные ученые познакомятъ насъ съ Мольеромъ, а до тѣхъ поръ не дурно было бы перевести на русскій языкъ книгу о которой мы хотимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Авторъ ея, г. Лотейссенъ, спеціально занимается французскою литературой XVII вѣка; до сихъ поръ вышли два обширные тома этого труда, заслужившіе самые лестные отзывы во Франціи со стороны знатоковъ дѣла. Теперь издалъ онъ отдѣльное изслѣдованіе о Мольерѣ, которое будетъ конечно встрѣчено съ живѣйшимъ интересомъ образованною публикой. Задача г. Лотейссена—изобразить личность великаго драматурга и представить по возможности полную картину поэтическаго его творчества въ связи съ обстоятельствами его времени. Состояніе драматическаго искусства до появленія Мольера, политическій переворотъ совершившійся во Франціи при воцареніи Лудовика XIV и вліяніе его на различные классы общества и на литературу, дѣятельность Мольера со всѣми ея невзгодами и блестящими успѣхами, частная его жизнь, его друзья и враги, отношенія его къ королю, подробная оцѣнка его таланта, а также того какъ отразилось французское общество въ его произведеніяхъ, очеркъ литературы о Мольерѣ въ Германіи,—вотъ содержаніе книги г. Лотейссена. Общирная литература предмета вполне извѣстна автору, но такъ какъ онъ пишетъ для большинства образованной публики, то не загромождаетъ свой трудъ цитатами, не останавливается на мелочахъ, а постоянно имѣетъ въ виду лишь главное и существенное. Читатель отдастъ конечно справедливость вѣрности и трезвости его сужденій и не можетъ не быть увлеченъ тѣми глубокими симпатіями къ Мольеру которыя проглядываютъ въ каждой его строкѣ.

Мольера долгое время не умѣли цѣнить надлежащимъ образомъ въ Германіи. На сценѣ комедіи его прививались туго, и въ литературѣ слышались неблагопріятные о немъ голоса. Правда, Гёте, мнѣніе котораго стоило всѣхъ другихъ, благоговѣлъ предъ его гениемъ, но несмотря на авторитетъ Гёте

многіе не хотѣли признать что во Франціи принадлежитъ ему почти такое же мѣсто какое въ Англіи Шекспиру. Съ ихъ точки зрѣнія Мольеръ, при всемъ своемъ громадномъ умѣ, званіи человѣческаго сердца и повѣстическомъ вдохновеніи, не былъ достаточно художникомъ. Еще недавно Поль Липдау замѣтилъ о немъ что это самый субъективный изъ всѣхъ драматическихъ писателей, въ томъ смыслѣ что изображаемыя имъ лица служатъ ему для выраженія собственныхъ его мыслей и чувствъ. „Но съ одинаковымъ правомъ, говорить г. Лотейссенъ, можемъ мы удивляться и объективности Мольера. Если иногда слыхкомъ явно влагаетъ онъ въ уста своихъ героевъ свои завѣтныя думы, то все-таки не навязываетъ онъ имъ ни одного слова которое не соответствовало бы ихъ характеру. А на ряду съ этими фигурами сколько создалъ онъ разнообразныхъ типовъ поражающихъ своею правдою! Въ этомъ отношеніи только Шекспиръ можетъ сравниться съ нимъ. У него, точно такъ же какъ у англійскаго драматурга, повсюду видна живая, вѣрно схваченная дѣйствительность. Мольеръ обладалъ совокупностью такихъ качествъ которыя у другихъ писателей проявляются только каждое въ отдѣльности: неистощимымъ юморомъ, глубокимъ изученіемъ человѣческой природы, рѣдкимъ умѣньемъ располагать драматическое дѣйствіе, но всего этого было бы еще недостаточно, еслибы не были присущи ему повѣстическое чувство, глубоко серьезный взглядъ на жизнь и пламенная страсть. Вотъ почему произведенія его исполнены той живучести и свѣжести которыя сохраняются за нами несмотря ни на какія перемѣны времени и обстоятельствъ“.

Иногда приходится слышать вопросъ, не унижалъ ли Мольеръ свой талантъ когда на ряду съ такими удивительными созданіями своего генія какъ *Мизантропъ*, *Тартюфъ* и *Донъ Жуанъ* онъ не пренебрегалъ и фарсами. Извѣстно что еще Буало, относившійся къ нему вообще съ горячимъ сочувствіемъ, упрекалъ его за это въ своемъ „*Art poétique*“. Этотъ взглядъ знаменитаго французскаго критика еще и теперь, по словамъ г. Лотейссена, имѣетъ въ Германіи многихъ приверженцевъ, эстетическое чувство которыхъ никакъ не можетъ примириться съ фарсомъ. Авторъ разбираемой нами книги говоритъ что вопросъ этотъ во Франціи рѣшается совершенно иначе еще до сихъ поръ и вѣроятно такъ будетъ всегда; піесы въ родѣ *Пурсоньяка*, *Продълкѣ Сканена*, *Жоржу*

Дандена и др. не сходятъ со сцены Théâtre Français. Аргументъ этотъ не достаточно убѣдителенъ. Въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Revue des deux mondes* встрѣтили мы по этому поводу вѣрное замѣчаніе остроумнаго критика, г. Брюнетьера: Если, спрашиваетъ онъ, съ одной стороны Théâtre Français остается такъ вѣрнѣе фарсамъ Мольера, то съ другой — почему же артисты его отвергли бы съ негодованіемъ всякую піесу, хоть сколько-нибудь приближающуюся къ фарсу, какою бы ни отличалась она веселостью и остроуміемъ? Не заявили ли бы они единогласно что не хотятъ участвовать въ ней и что настоящее для нея мѣсто — сцена театра *Palais-Royal*? А если такъ, то не служить ли это доказательствомъ что Théâtre Français не забываетъ ни *Пурсоньака*, ни другихъ комедій въ томъ же родѣ только изъ благоговѣнія къ памяти Мольера, только потому что каждая строка великаго драматурга для него святыня, во что въ сущности онъ остается вѣрнѣе теоріямъ Буало? Г. Брюнетьеръ возстаетъ противъ этой исключительности и г. Лотейсенъ держится совершенно одинаковаго съ нимъ взгляда. Дѣло въ томъ, говоритъ онъ, что въ наше время публика, сама не замѣчая того, усвоила себѣ тиль который Мольеръ осмѣялъ въ своихъ *Précieuses ridicules*. Она приходитъ въ ужасъ если на сценѣ произнесутъ слово „кастиръ“ и съ ослабнѣвшимъ интересомъ слѣдитъ за піесами самаго предосудительнаго содержанія съ точки зрѣнія нравственнаго чувства. Никто не отрицаетъ этого и многіе стараются даже оправдать столь странное явленіе. Нѣтъ такой піесы, говорятъ они, въ которой открыто и съ цинизмомъ проповѣдывался бы порокъ; обыкновенно неблаговидная тенденція автора такъ прикрыта что трудно сразу уловить ихъ, и вотъ почему нравственное чувство большинства зрителей не оскорбляется ими такъ какъ бы слѣдовало. Совсѣмъ иное фарсъ; тутъ дѣло идетъ не о нравственномъ, а объ эстетическомъ чувствѣ. У всякаго образованнаго человѣка оно настолько развито что не можетъ мириться съ непріличными выраженіями, съ тривіальными картинками, а фарсъ никогда не обходится безъ нихъ. Въ фарсѣ нечего отгадывать и подразумѣвать; онъ не отступаетъ ни предъ чѣмъ чтобы породить въ публикѣ извѣстное настроеніе духа, и если публика смѣется, то вмѣстѣ съ тѣмъ не можетъ не сознавать что эта цѣль достигается средствами которыя унижаютъ искусство. „Замѣтимъ на это, говоритъ г. Лотейсенъ, что не совсѣмъ

справедливо относиться къ фарсу съ исключително эстетической точки зрѣнія. Во основѣ комическаго элемента лежитъ смѣшное, а смѣшнымъ кажется намъ все то что, не будучи само по себѣ серьезнымъ или оласнымъ, находится въ противорѣчїи съ гармонїей и правильнымъ теченїемъ жизни. Раздражительный человѣкъ комиченъ если раздраженїе выражается у него совершенно безвредно для другихъ, только шумомъ, крикомъ и тому подобнымъ образомъ, но онъ становится трагическимъ лицомъ какъ скоро его гнѣвъ и ярость причиняютъ страданїя окружающимъ его лицамъ. Надъ первымъ мы смѣемся, второй заставляетъ насъ трепетать. Но смѣшное не эстетично, и требовать отъ фарса эстетическаго впечатлѣнїя было бы противорѣчїемъ. Другой вопросъ—до какихъ предѣловъ можетъ идти фарсъ: отвѣчать на это можно лишь уяснивъ себѣ въ точности его задачу. Она заключается въ томъ чтобы въ быстро дѣйствующемъ на зрителей комическомъ свѣтѣ выставить мелкія стороны человѣка, различныя невзгоды обыденной жизни; тутъ нельзя обойтись безъ преувеличенїй чтобы какъ можно рѣзче обозначить все смѣшное въ характерахъ и положенїяхъ, нечего останавливаться предъ тѣмъ или другимъ не совсемъ улопотребительнымъ выраженїемъ. Въ *Мнимомъ больномъ* выставленъ человѣкъ который при хорошемъ здоровьѣ постоянно страшится заболѣть, а вслѣдствїе того попадаетъ въ руки разныхъ шарлатановъ. Щелетальные люди могутъ возмущаться когда Аргавъ подробно вычисляетъ сколько лѣкарствъ принялъ онъ и вдругъ, среди разговора, съ судорогами на лицѣ выбѣгаетъ вонъ, а чрезъ нѣсколько минутъ возвращается покойный и довольный. Конечно, это не совсемъ прилично, но это какъ нельзя лучше обрисовываетъ человѣка. Въ быстрой смѣвѣ игривыхъ сценъ, которыхъ такъ много въ *Мнимомъ больномъ*, проглядываетъ божественная искра и, быть-можетъ, мы должны вивить самихъ себя если шутки, отъ которыхъ наши дѣды заливались искренимъ и добродушнымъ хохотомъ, кажутся намъ неприличными и грубыми“.

Не мало умныхъ замѣчанїй высказано г. Лотейссеномъ когда онъ сравниваетъ комедїю Мольера съ современною намъ преимущественно во Франціи. Великій писатель въ теченїе долгаго ряда лѣтъ служилъ примѣромъ и образцомъ; романтики сильно нападали на классическую трагедїю, на Расина и Буало, но преклонялись предъ Мольеромъ. Такъ

было до второй половины вышшняго столѣтїа, когда возникло новое направленіе. Авторъ считаетъ его неизбежнымъ естественнымъ послѣдствіемъ того переворота который со времени февральской революціи 1848 года, особенно же при Наполеонѣ III, совершился въ политическомъ быту Франціи. Демократія окончателно достигая господства, основою коего служила поголовная подача голосовъ; высшіе классы общества, вліаніе которыхъ было преобладающимъ въ умственной жизни страны, отступили на второй планъ; новые принципы, новыя требованія проникли и въ литературу и въ искусство. Мы видимъ что Мольеровская комедія попрежнему окружена почетомъ, но на ряду съ нею возникаетъ другая, проникнутая крайнимъ реализмомъ или, какъ выражается г. Лотейссенъ, натурализмомъ. „Комедія эта, говоритъ онъ, стремится произвести впечатлѣніе главнымъ образомъ фотографическою вѣрностью деталей, точнѣйшимъ воспроизведеніемъ обыденной жизни до самыхъ ничтожныхъ мелочей. Для примѣра стоить лишь сравнить какъ изображаетъ салонныя сцены Мольеръ и какъ приступаютъ къ той же задачѣ теперешніе авторы. Во второмъ актѣ *Мизантропа* Салимена принимаетъ гостей. Салга докладываетъ просто: „Alcèste est là-bas“ или „voici Clitandre encore, madame“; входятъ оба маркиза, всѣ находящїяся на сценѣ лица, которыхъ не менѣе семи, усаживаются симметрически рядомъ и Альцестъ тотчасъ же безо всякихъ дальнѣйшихъ приготовленій начинаетъ:

Je veux, madame,

Où pour eux, où pour moi, faire expliquer votre ame.

„Въ теперешней комедіи все это дѣлается гораздо натуральнѣе, *правдивѣе*; тутъ не упускается ни одного поклона, ни одной обычной вѣжливости которыми обмѣниваются при встрѣчѣ знакомые люди. И сколько при этомъ жизни, движенія; мы видимъ на сценѣ нѣсколько группъ: здѣсь пьютъ чай, тамъ дамы что-то вѣжутъ или шьютъ, на столѣ разбросаны газеты,—все совершенно такъ какъ бываетъ въ самомъ дѣлѣ. Чтобы выставить осязательно подобную картину нужно не мало второстепенныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыя цвогда произносятъ лишь нѣсколько незначительныхъ словъ и не обнаруживаютъ ни малѣйшаго вліанія на ходъ дѣйствїа. Подобная манера составляетъ, быть-можетъ, шагъ впередъ, но всему есть граница и намъ кажется что современная комедія часто переступаетъ эту границу, ибо если она вы-

игрываетъ съ одной стороны, то много теряетъ съ другой. Всѣ эти чрезвычайно вѣрныя, но безконечныя подробности, конечно, оживляютъ сцену, но вмѣстѣ отвлекаютъ вниманіе отъ главнаго существеннаго содержанія пьесы; условное, случайное преобладаетъ надъ общечеловѣческимъ, и вотъ почему современные намъ писатели пользуются блестящимъ, но эфемернымъ услѣхомъ и быстро сходятъ съ репертуара. Теперь не рѣдко весь первый актъ, и даже больше, употребляется лишь на экспозицію пьесы, а характеристика лицъ сравнительно мало озабочиваетъ автора. Мы видимъ весьма разнообразныя физіономіи, но не видимъ типовъ. Нельзя отрицать что французскіе драматурги обладаютъ исключительною ловкостью; самая сложная интрига ведется такъ мастерски, всѣ нити ея такъ направлены къ одной цѣли что вниманіе зрителя не ослабѣваетъ ни на минуту съ начала до конца; непрерывно смѣняются эффекты одинъ другаго поразительнѣе и неожиданнѣе; діалогъ блещетъ поразительнымъ остроуміемъ,—но при всемъ томъ достоинства пьесъ приводящихъ въ восторгъ телерешнюю публику чисто вѣшныя; интересъ ихъ основанъ на положеніяхъ, а не на характерахъ и часто даже для развязки приходится авторамъ прибѣгать къ чисто вѣшнымъ средствамъ“...

Разказываютъ что Сарду, дѣлая обычные визиты академикамъ предъ вступленіемъ своимъ во французскую академию, посѣтилъ между прочимъ Тьера, который откровенно признался ему что имѣетъ весьма смутное понятіе о новѣйшемъ драматическомъ искусствѣ и попросилъ объяснить какая разница между современною комедіей и комедіей Мольеровскою. „Это очень просто, отвѣчалъ Сарду;—вотъ, на примѣръ, вашъ рабочій кабинетъ. Прежніе писатели, изображая его, постарались бы привести его въ порядокъ и поставить каждую вещь на надлежащее мѣсто. Что касается меня, я оставляю все какъ есть, стулья сдвинутыми, бумаги разбросанными по полу, книги наваленными въ кучу,—это гораздо оживленнѣе, это показываетъ что на стульяхъ сидятъ, книги читаютъ, хотя въ обоихъ случаяхъ предъ зрителемъ одинъ и тотъ же кабинетъ“.

Мы хотѣли показать сдѣланными нами выписками что г. Лотейссенъ въ своемъ изложеніи жизни и дѣятельности Мольера очень часто касается и общихъ вопросовъ искусства. Вообще нужно сказать что онъ исполнилъ свою задачу какъ нельзя болѣе удачно.

Путешествіе по Японіи. Изабеллы Бёрдъ. Unbeaten Tracts in Japan. An account of Travels on horseback, chiefly in the Northern Districts of Japan, including Visits to the Aborigines of Yezo and the Shrines of Nihkô and Ise. By Isabella Bird. With Illustrations. London, 1880. 2 vols.

Имя автора этой книги уже извѣстно въ литературѣ по прежнимъ сочиненіямъ: *Шесть мѣсяцевъ на Сандвичевыхъ островахъ* и *Жизнь женщины въ Скалистыхъ Горахъ*, которыми миссъ Изабелла Бёрдъ зарекомендовала себя какъ неустранимая и неутомимая путешественница, тонкая наблюдательница и прекрасная разсказчица. Никакая оласность, никакая погода, никакое утомленіе не останавливаютъ ея; лѣшкомъ и верхомъ на лошади, иногда на коровѣ, она пробиралась по невѣдомымъ путямъ въ такія провинціи Японіи куда рѣдко заходили Европейцы и которыя никогда еще не были описаны. Единственнымъ ея слугачкомъ во всѣхъ этихъ скитаніяхъ, слугой, переводчикомъ и фактотумомъ былъ восемнадцатилѣтній японскій ювона Ито, не очень приглядный на видъ, четырехъ футовъ десяти дюймовъ роста, косолапый, толстый, съ виду гауповатый, но съ быстрымъ, лаутовскимъ взглядомъ, который доказывалъ что гауповатымъ онъ больше прикидывался. Это былъ прекрасный образецъ „молодой Японіи“. Его ничѣмъ нельзя удивить или постыдить въ тулицъ, разсказываетъ миссъ Бёрдъ о своемъ слугѣ; онъ чувствуетъ себя совершенно какъ дома въ любомъ посольствѣ; свысока смотритъ на все иностранное, и находитъ большое удовольствіе разсказывать исторію неслучивша для Англичанъ. Но онъ не добрый мальчикъ; у него нѣтъ нравственнаго чувства; онъ лжетъ если это ему выгодно, у него мало сердца и онъ имѣетъ понятіе лишь о порочныхъ удовольствіяхъ. Его стараніе говорить какъ можно лучше по-англійски приводило нерѣдко къ куріозамъ. Такъ однажды миссъ Бёрдъ замѣтила: „какая сегодня прекрасная погода“. Черезъ нѣсколько минутъ, съ залисвою книжкой въ рукахъ, Ито спрашиваетъ: „вы сказали прекрасная погода, развѣ такъ лучше по-англійски нежели чертовски хорошая погода, какъ говорятъ многіе иностранцы?“ Что касается костюма, то онъ у Ито, какъ и у всѣхъ Японцевъ, только поясомъ и прической отличался

отъ женскаго. Миссъ Бёрдъ не находитъ вообще японскихъ женщинъ красивыми и костюмъ ихъ граціознымъ. Платье вздернуто на плечахъ, сашкомъ стянуто въ бедрахъ такъ что затрудняетъ походку и сашкомъ длинно для грязной погоды. Переваливаясь на своихъ вывороченныхъ ножкахъ въ высокой деревянной обуви, причеиъ платье такъ стянуто что позволяетъ дѣлать только самые маленькіе шаги, съ тяжелымъ шиньономъ на головѣ и чудовищнымъ бантомъ на поясъ сзади, который придаетъ всей фигурѣ видъ вагнувшейся впередъ, маленькая японская женщина смотритъ поистинѣ безпомощно.

Японцы много проигрываютъ при сравненіи со своими китайскими сосѣдями. Достаточно пробыть день въ Йокогамѣ, разказываетъ миссъ Бёрдъ, чтобы замѣтить рѣзкую разницу между малорослыми, плохо одѣтыми и обыкновенно бѣдыми на видѣ Японцами и китайскими пршельцами. Изъ 2.500 Китайцевъ проживающихъ въ Японіи около 1.100 живутъ въ Йокогамѣ, и еслибъ они всѣ покинули городъ всѣ дѣла немедленно основались бы. Здѣсь какъ и вездѣ китайскіе эмигранты умѣютъ сдѣлать себя необходимыми. Китаецъ расказываетъ по улицамъ своею развалистою походкой съ видомъ полнѣйшаго самодовольствія, какъ будто принадлежитъ къ господствующему классу. Онъ высокъ ростомъ и толстъ, и въ своихъ нарядныхъ одеждахъ съ красивымъ вышитымъ верхнимъ платьемъ, въ суконныхъ ламталонахъ стянутыхъ у щиколокъ, въ высокихъ башмакахъ съ загнутыми кверху носками кажется еще выше и латвѣе. Голова его по большей части выбрита, только сзади волосы залетены въ косу спускающуюся до колѣнъ, на затылкѣ онъ всегда носитъ черную суконную шапку, которую никогда не снимаетъ. Лице его очень желто, длинныя черныя глаза, надъ которыми густыя черныя брови почти сходятся съ рѣсницами, никакого признака бороды, и кожа на лицѣ лоснится. Онъ имѣетъ видъ человека пользующагося благосостояніемъ. На него пріятно смотрѣть, но въ то же время вы чувствуете что какъ житель Небесной имперіи онъ смотритъ на васъ свысока.

Въ Японіи много людей исполняющихъ должность упряжныхъ или вьючныхъ животныхъ. Въ одномъ Тоокіо болѣе 23.000 извозничьихъ экипажей, которые везутъ одинъ или два человека. Нѣсколько дѣтъ такой работы поражаютъ у возчиковъ различнаго рода болѣзми сердца и легкихъ, и немно-

гіе могутъ вынести болѣе пяти лѣтъ такой работы. Хорошіи возчики пробѣгаютъ до сорока миль въ день, со среднею скоростью четырехъ миль въ часъ. Они безъ труда пробѣгаютъ съ экалажемъ все разстояніе отъ Йокогамы до Одавара, около тридцати пяти миль.

Продавцы въ лавкахъ очень вѣжливы, но любятъ запрашивать и торговаться. Если вамъ нравится какая-нибудь вещь, рассказываетъ миссъ Бёрдъ, и вы хотите купить ее, вы не спрашиваете сразу ея цѣну, но прежде прицѣмляетесь къ нѣсколькимъ другимъ вещамъ и потомъ безразлично доходите до нея. Продавецъ скажетъ, на примѣръ, что она стоитъ, десять *йенъ*, вы смѣтаетесь какъ будто это очень васъ забавляетъ и говорите два *йенъ*. Онъ смѣется насмѣшливо, но совершенно добродушно; тогда вы составляете вещь, и онъ говоритъ восемь *йенъ*. Вы опять смѣтаетесь и начинаете прохаживаться, что повидимому его очень забавляетъ и онъ назначаетъ семь *йенъ*. Вы говорите беззаботно три *йенъ*. Онъ принимаетъ печальный видъ и повидимому начинаетъ высчитывать убытокъ. Вы дѣлаете движеніе чтобъ уйти, тогда онъ всладскиваетъ руками, смотреть на васъ радостно и говоритъ *юруши*, т.-е. что вы можете получить вещь за три *йенъ*, что можетъ-статься гораздо дороже ея настоящей цѣны. Еслибы продавцы были угрюмы и серіозны, эта процедура была бы невыносима, но если вы сами вѣжливы и улыбаетесь, то и они такъ любезны и веселы какъ только можно желать.

Единственная лавка убранныя нарядно—это игрушечныя. Кондитерскія очень многочисленны, также какъ и книжныя лавки, гдѣ часто встрѣчаются переводы Милля, Спенсера и Дарвина. *Происхожденіе видовъ* послѣдняго автора продается въ большемъ количествѣ. Книгъ религіознаго содержанія нѣтъ вовсе.

Женщины занимаютъ очень невысокое положеніе въ Яловіи. Съ женами можно разводиться сколько угодно. Говорятъ что шестьдесятъ процентовъ браковъ оканчиваются разводомъ; такъ дурны женщины, говорилъ по этому поводу одинъ Яловецъ. Преступленія противъ женщинъ, даже по новому кодексу, если они совершены мужемъ, тестемъ или старшимъ братомъ, наказываются очень легко или и вовсе не наказываются. Миссъ Бёрдъ приводитъ куріозный кодексъ морали для женщинъ. Будучи незамужнею дѣвицей она не должна быть испорчена, чтобы въ послѣдствіи не соо-

рилась съ мужнею родней. Въ числѣ другихъ поводовъ къ разводу упоминается непослушаніе мужниной роднѣ, ревность и болтливый языкъ. Главная обязанность жены повиноваться мужу, говорить съ улыбающимся лицомъ и смиренныя слова, считать своего мужа небомъ и не противиться ему, даже въ гнѣвѣ. Паче всего жена, хотя сама обязана хранить чистоту, не должна вмѣшиваться въ любовныя похождения мужа. Дурныя качества женщинъ суть склонность къ клеветѣ, злоба, ревность и невѣжество. Семь или восемь женщинъ изъ десяти страдаютъ этими недостатками, потому онѣ стоятъ на низкой ступени. Онѣ гаулы, потому должны быть смиренны; во всѣхъ положеніяхъ въ жизни жена должна стоять позади мужа.

Массы населенія, особливо въ сѣверныхъ провинціяхъ, поражаютъ своею бѣдностью и нечистотой своихъ жилищъ. Самы онѣ очень рѣдко моются, и то только для удовольствія; мыла никогда не употребляютъ. Онѣ не носятъ бѣлья, и платье свое, которое очень рѣдко моется, не снимаютъ ни днемъ ни ночью, вообще носить его пока оно не развалится. На ночь дома запираются по возможности герметически, и обитатели ихъ собираются цѣлыми толпами въ одну спальню, наполненную дымомъ отъ угля и табаку, и спать въ своихъ грязныхъ платьяхъ завернувшись въ грязныя ватныя одѣялы которыя никогда не провѣтриваются, а запираются на день въ плотныя шкафы и моются изъ года въ годъ. Волосы онѣ жирно маслятъ и чешутъ разъ въ недѣлю или еще рѣже.

Японцы очень суевѣрны; каждый изъ нихъ носить талисманы, изображенія боговъ или святыхъ, амулеты противъ укушенія змѣй, болѣзней и различныхъ несчастій. Спать, по японскимъ примѣтамъ, не должно головой къ сѣверу, потому что въ такомъ положеніи хоронятъ умершихъ. Нельзя бросать въ огонь волосы или остриженные ногти подъ опасеніемъ несчастія; если хотите избавиться онъ докучливаго посетителя стоить сжечь моксу на задникѣ деревяннаго башмака оставленнаго имъ въ прихожей; рыбакъ встрѣтившій жреца не будетъ имѣть въ этотъ день удачи; съ тѣмъ кто надѣваетъ новое платье послѣ пяти часовъ полудни навѣрно случится какое-нибудь несчастіе; холостые люди не должны закуривать трубку у лампы или фонаря, а непременно изъ жаровни, подъ опасеніемъ не найти хорошей жены. Интересно

ловѣрье о способѣ избавить душу отъ мученій. На четырехъ бамбуковыхъ кольяхъ вѣшается за четыре угла надъ тихимъ ручьемъ кусокъ бумажной ткани, въ надеждѣ что прохожіе будутъ лить чрезъ него воду нарочно положеннымъ для сей цѣли ковшомъ, сопровождая это краткою молитвой. Богатые люди, какъ кажется, покушаютъ нарочно для того приготовленную ткань искусно выскобленную въ срединѣ, дабы ускорить процессъ. Богиня Кванонъ почитается избавительницей отъ болѣзней; въ числѣ знаменитыхъ картинъ выставленныхъ въ Асакузѣ есть одна изображающая человѣка страдающаго жестокою головою болью, котораго Кванонъ приводитъ къ мѣсту гдѣ схороненъ черепъ принадлежавшій ему въ одномъ изъ прежнихъ существованій; черепъ этотъ треснулъ вслѣдствіе того что чрезъ его глазное отверстіе проросъ корень дерева. Когда корень былъ выдернутъ головная боль прекратилась.

Миссъ Бёрдъ отправилась смотрѣть японскую оперу, но нашла ее очень утомительною, а брѣвчанье, вскрикиванье, мяуканья и топанье сопровождавшія традиціональныя пѣзы, нестерпимыми. Комическая пастораль слѣдовавшая за оперой понравилась ей гораздо болѣе, исполненіе она нашла пріятнымъ, костюмы великолѣпными. Она приглашена была также въ одинъ домъ на большой концертъ, слѣдовавшій за обѣдомъ. Исполнителей было тринадцать человѣкъ дамъ и мужчинъ, которые вошли сопровождаемые саугами привешенными цвструменты. Главною исполнительницей была молодая дѣвушка, дочь благороднаго Японца, игравшая на старинномъ цвструментѣ называемомъ *шо*, который необходимо постоянно нагрѣвать, для чего въ подставку его помѣщалась жаровня. Лицо и шея дѣвicy были покрыты пудрой, нижняя губа подкрашена румянами. Туалетъ ея состоялъ изъ верхняго шелковаго платья и нижнаго зелено-бронзоваго цвѣта съ рукавами почти слускавшимися до коленъ, нижняго лифа, виднаго у шеи, изъ пурпурнаго крела вышитаго золотомъ, пояса въ три съ половиною арда длины богато вышитаго серебромъ и завязаннаго сзади громаднымъ бантомъ. На головѣ у нея былъ большой шильонъ въ которомъ былъ влеченъ пурпурный крель, на верху головы летала изъ волосъ, массивная черепаховая булавка съ вѣткой розоваго коралла на одномъ концѣ придерживавшая шильонъ. Другія молодыя особы были одѣты въ темногубыя

шелковые платья съ такими же поясами богато вышитыми серебромъ.

Касательно музыкальнаго исполненія авторъ замѣчаетъ: „Я была измучена и слытывала приступы острой невралгіи. Музыка была совершенно монотонна и производила цѣлый рядъ разочарованій, потому что каждый разъ какъ только казалось она близится къ гармоніи, она тотчасъ же разрѣшалась полнѣйшимъ диссонансомъ. Вокальное исполненіе было не меньшею пыткой. Оно казалось мнѣ подобнымъ вою геены, высокому и протяжному, смѣшавшемуся частымъ урчаньемъ, полудавленнымъ звуками, блеяніемъ, совершенно нестерпимыми для европейскаго уха.“ Но соло на японской скрилкѣ, при хорошемъ исполненіи, не лишено пріятности. Говорятъ что Японцы находятъ нашу музыку еще отвратительнѣе нежели мы японскую. Одинъ выдающійся Японецъ говорилъ, съ чисто японскимъ презрѣніемъ, что дѣти, кули и женщины еще могутъ находить удовольствіе въ европейской музыкѣ, но образованный Японецъ не можетъ выносить ея. Туземныя няньки однако часто схватываютъ какой-нибудь простой европейскій мотивъ и напѣваютъ его съ видимымъ удовольствіемъ.

Миссъ Бёрдъ провела около двухъ мѣсяцевъ на Иезо, самомъ сѣверномъ изъ японскихъ острововъ. Климатъ его очень суровъ; зимы замѣчательно холодныя, съ обильными снѣгами. Пространство острова 36.000 квадратныхъ миль, населеніе до 123.000. Природныя богатства очень значительны, но недостаточно эксплуатируются. Угольныя залежи занимаютъ громадное пространство и опредѣляются во сто лятьдесятъ тысячъ милліоновъ тоннъ. Рыбныя ловли, преимущественно лососей, необычайно добычливы и могутъ соперничать съ Ореговскими.

Одна изъ самыхъ интересныхъ по своей новизнѣ та часть книги миссъ Бёрдъ гдѣ она описываетъ свою поѣздку въ мѣстности гдѣ живетъ племя Аиновъ, причемъ она посѣтила провинціи гдѣ еще не ступала нога Европейца. Аины по ея описанію мирное, безобидное племя. Хотя достоверно что оно не всегда было такимъ; сохранились преданія о ихъ крайней дикости и свирѣлости въ прежнія времена. По вѣншности они производятъ болѣе благопріятное впечатлѣніе въ сравненіи со слабыми, малорослыми, некрасивыми Японцами. Мужчины у нихъ средняго роста, широкоплечи, крѣпкаго сложенія, руки

и ноги ихъ коротки, толсты и мускулисты. Тѣло у многихъ, особливо конечности, покрыты короткими, жесткими волосами. Миссъ Бёрдъ видѣла двухъ мальчиковъ у которыхъ слывы поросли длинною, тонкою и мягкою шерстью какъ у кошки. Лобъ у Аивовъ очень высокъ, широкъ и вылукавъ и производитъ впечатлѣнiе необыкновенной способности лаемени къ умственному развитiю; уши малы и низко посажены; носы прямы, но коротки и съ широкими ноздрями, ротъ широкъ, но хорошо сформированъ; губы рѣдко бываютъ полными. Шея короткая, черепъ круглый, нижняя часть лица мала сравнительно съ верхней. Брови густыя и составляютъ почти сплошную прямую линiю. Глаза большiе, поставлены довольно глубоко и очень красивы, по большей части свѣтло-карiе; выраженiе глазъ чрезвычайно кроткое, рѣсницы длинныя, шелковистыя и густыя. Кожа оливковаго оттѣнка, какъ у Итальянцевъ, и очень тонкая, легко обнаруживающая измѣненiя румянца. Зубы мелкiе, правильные и очень бѣлые; рѣзцы и глазные не безобразно велики какъ у Японцевъ. Вообще черты лица у нихъ скорѣе подходятъ къ европейскимъ нежели азиатскимъ. Женщины красивы, но подобно мужчинамъ очень грязны. Оны всѣ татуируются, проводя широкiя полосы вверху и внизу рта, такiя же полосы на суставахъ ладоней и вывода мелкiй рисунокъ на тыльной части рукъ, затѣмъ полосы въ видѣ браслетъ одутъ по всей рукѣ до ладони. Это обезображенiе совершается въ пятилѣтнемъ возрастѣ. Оны крѣпко стоятъ за этотъ обычай и просили миссъ Бёрдъ ходатайствовать предъ Японскимъ правительствомъ которое въ послѣднее время запретило его. У мужчинъ и у женщинъ низкiе, мягкiе, музыкальные голоса, темное, живое выраженiе глазъ и любезныя манеры. Въ противоположность Японцамъ, они часто ласкаютъ и цѣлуютъ своихъ дѣтей, которыя со своей стороны, какъ только начнутъ ходить, обращаются ко своимъ родителямъ съ церемонною почтительностью, которую трогательно видѣть.

Жилща ихъ не грязнѣе японскихъ, но прiятнѣе уже потому что кухня всегда помѣщается отдѣльно отъ дома, на возвышенной платформѣ, въ защиту отъ лисицъ, волковъ и можетъ-быть отъ крысъ. О религии этого племени миссъ Бёрдъ удалось собрать только скудныя свѣдѣнiя. Одинъ изъ нихъ на вопросъ о дурныхъ дѣлахъ сказалъ что дурно быть

непочтительнымъ къ родителямъ, красть, агать; а на вопросъ о томъ есть ли по ихъ понятіямъ награда и наказаніе по смерти, отвѣчалъ: какъ можемъ мы знать это? Никто никогда не возвращается оттуда чтобы разказать намъ.

К.

Nord-Amerika, seine Städte und Naturwunder, sein Land und sein Leute.

Von Ernst von Hesse-Wartegg. Mit Beiträgen von Udo Brachvogel, Bret Harte, Bayard Taylor und Anderen. Leipzig, Weigel, 1880.

Огромный томъ иллюстрированный множествомъ интересныхъ рисунковъ и представляющій весьма живое и подробное описаніе всей Америки. Это не ученое сочиненіе и не описаніе путешествій одного лица. Книга Вартегга составлялась частію изъ собственныхъ наблюденій автора, частію изъ эпизодовъ, эскизовъ и замѣтокъ цѣлаго ряда нѣмецкихъ, англійскихъ, американскихъ писателей. Всѣ эти эскизы и этюды читаются съ большимъ интересомъ благодаря своему бойкому, живому изложенію, множеству фактовъ, разносторонности содержания. Трудно сказать относительно Америки что извѣстно и что неизвѣстно про нее. Про Америку писано чрезвычайно много. Намъ до пресыщенія надоѣли уже описанія прерій, саваннъ, охотъ; мы съ закрытыми глазами можемъ нарисовать видъ Ниагарскаго водопада; нѣтъ человѣка который бы не прочиталъ съ дѣтскихъ лѣтъ десятка два разказовъ Меинъ-Рида, Герштеккера и т. д. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ чтобы мы дѣйствительно знали Америку, и въ этомъ мы убѣждаемся все болѣе и болѣе по мѣрѣ появленія большихъ иллюстрированныхъ изданій которыя, къ нашему удивленію, раскрываютъ предъ нами все новыя и новыя стороны Новаго Свѣта. Американцы сами еще хорошо не знаютъ Америки; есть территоріи еще совершенно не изслѣдованныя, существуетъ множество поразительныхъ красотъ и явленій природы только теперь начинающихся дѣлаться извѣстными. Живописная Америка только начинаетъ еще свое существованіе. Съ другой стороны, жизнь такъ удивительно быстро совершаетъ въ Америкѣ свой оборотъ что „извѣстное“ скорѣе чѣмъ гдѣ либо опять смѣняется здѣсь совершенно новымъ. Города создаются и исчезаютъ, желѣзныя дороги врѣзаются въ совершенно незнакомыя или совершенно недоступныя прежде мѣстности, пустынные пространства превращаются въ населенный край. Вотъ почему мы думаемъ

что книга Вартегга съ удовольствіемъ и интересомъ прочтется даже въ тѣхъ своихъ частяхъ которыя касаются по видимому достаточно уже „извѣстныхъ“ предметовъ.

Путешественникъ ѣдетъ въ роскошномъ вагонѣ, снабженномъ всѣмъ возможнымъ комфортомъ, сквозь „океанъ луговъ“, сквозь преріи штата Небраска. Въ рукахъ у него разумѣется карта и путеводитель. Ближайшею станціей будетъ городъ Бостонъ (въ Америкѣ существуетъ нѣсколько Бостоновъ).

— А! говорите вы себѣ, наконецъ-то я увижу городъ!

Ибо вы проѣхали уже сотни миль, а все еще не видали въ штатѣ Небраска городовъ. Вамъ безпрестанно говорятъ:

— А вотъ здѣсь былъ городъ съ латю тысячами жителей.

— Гдѣ здѣсь?

— Да вотъ здѣсь.

И при этомъ собесѣдникъ показываетъ рукой на пустое пространство.

— Помилуйте! да вѣдь тутъ даже развалины-то никакихъ нѣтъ?

— Да, да.

— Что же этотъ городъ: выгорѣлъ? Погибъ отъ землетрясенія?

— Нѣтъ.

— Да что же съ нимъ случилось?

— Его перевезли на другое мѣсто.

— И давно это было?

— Да ужь лѣтъ девять тому назадъ.

— А когда онъ былъ основанъ?

— Да лѣтъ... десять пожалуй уже будетъ.

Такъ продолжалось, рассказываетъ Вартеггъ, все время пока мы ѣхали по штату Небраска. На картѣ безпрестанно встрѣчались кружки съ грандіозными названіями городовъ; въ действительности не видать было ни одного дома.

— Гдѣ же тутъ городъ? Вотъ онъ обозначенъ на картѣ?

— Да, да. Тутъ былъ городъ. Какже! Десять тысячъ жителей.

— Гдѣ же онъ?

— Перевезли на другое мѣсто.

Такимъ „увезеннымъ“ городомъ оказался и „городъ“ Бостонъ. Послѣ этого Вартеггъ пересталъ наконецъ удивляться и спрашивать.

Съ „прерійными“ городами авторъ познакомился въ Канзасѣ. Въ сущности это ни что иное какъ поселки расположенные по обѣимъ сторонамъ желѣзнодорожнаго полотна и состоящіе изъ двухъ, трехъ десятковъ домовъ. Каждый такой поселокъ непрѣменно называется однако городомъ и обыкновенно носитъ какое-нибудь чрезвычайно громкое имя: Парижъ, Лондонъ, Вѣна и т. д. Въ каждомъ такомъ городѣ существуютъ: гостиница (*отель*), три, четыре лавки торгующія земледѣльческими орудіями, табакомъ и спиртными напитками, и—газета. Жителей въ городѣ, положимъ, сорокъ человѣкъ. Они непрѣменно заводятъ *свою* газету. Редакція совмѣщается въ одной комнатѣ: кабинетъ редактора, типографію, кухню, спальню, дѣтскую; всѣ извѣстія газетъ мѣсяцъ тому назадъ уже стояли въ большихъ періодическихъ изданіяхъ. Все равно: мы хотимъ имѣть *свою* газету. Населеніе такого прерійнаго города состоитъ обыкновенно изъ мужчинъ въ возрастѣ отъ двадцати до пятидесяти лѣтъ. Откуда взяты старикамъ, откуда взяты дѣтямъ когда городъ самъ существуетъ не болѣе 2—3 лѣтъ? Женщины встрѣчаются только въ городахъ имѣющихъ уже довольно значительное населеніе; въ маленькихъ прерійныхъ городкахъ число ихъ ограничивается нѣсколькими весьма сомнительными существами женскаго пола. Дома безъ исключенія сколочены всѣ изъ досокъ; въ случаѣ надобности, дѣйствительно имѣть ничего легче какъ разобрать такой домъ, уложить доски въ вагонъ и отправиться въ другое мѣсто. Жители обыкновенно такъ и поступаютъ. Если имъ не понравится мѣстность или буря повалитъ ихъ дома, они забираютъ свои пожитки, забираютъ свои доски и уѣзжаютъ. На мѣстѣ бывшаго города остаются одиѣ разбитыя бутылки изъ-подъ водки, да брошенные за ненадобностію коробки изъ-подъ сардинъ. Лѣтъ двадцать-тридцать тому назадъ въ Канзасѣ играли на биржѣ въ „основаніе городовъ“. Рекламы, объявленія, фантастическіе рисунки и виды приглашали желающихъ приобрести акціи, на оборотной сторонѣ которыхъ красовался планъ города съ университетомъ, театромъ, паркомъ и т. д. Городу предсказывалась золотая будущность; мѣста подъ выстройку разбирались на расхватъ за баснословныя суммы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ „городѣ“ не существовало еще ни одного зданія. Спекулянты нажились, покупатели

и акціонеры разорились. Изъ *четырнадцати* городовъ по рѣкѣ Миссури теперь существуютъ только *три*.

Хотите знать какъ сватается молодой американскій краснокожій?

Онъ является къ отцу своей возлюбленной и заводитъ съ нимъ рѣчь.

— Надумалъ я дочь твою въ жены взять. Если правду оказать, дочь твоя очень безобразна. Ленива она какъ медвѣдь; варить и печь не умѣетъ; работать не горазда; словомъ, во всѣхъ статьяхъ негодная дѣвка. Вижу я что она тебѣ въ тягость. Изволь, я ее, такъ и быть, у тебя возьму. Какая твоя цѣна?

— Вѣдь вотъ ты куда махнулъ, отвѣчаетъ отецъ.— Подай ему мою дочь, первую страпуху, первую работницу во всемъ нашемъ племени! Нѣтъ, братъ, я безъ нея не могу обойтись самъ. Я ее никому не отдамъ, а не то что тебѣ. Что ты за человекъ? Молокососъ! Сколько ты лошадей укралъ? Двѣ штуки только? Такъ гдѣ же тебѣ укулить мою дочь? Нѣтъ, братъ, ты ее не укулишь! Я за нее прошу двадцать лошадей, да три буйволовые кожи.

— Двадцать лошадей! кричитъ женихъ.— Двадцать здоровыхъ, сытыхъ лошадей за одного такого-то овра? За такую худую дѣвку? За кости да за кожу? За такую безобразную? Нѣтъ, я за двадцать-то лошадей дюжину себѣ жель куплю.

И сватанье продолжается въ этомъ тонѣ среди криковъ и брани, причемъ—и это всего любопытнѣе—невѣста сидитъ тутъ же и слушаетъ какъ позорить ее женихъ. Обыкновенно сходатся на трехъ или четырехъ лошадяхъ: такова обычная стоимость жены у краснокожихъ.

Die Donau von ihrem Ursprung bis an die Mündung. Eine Schilderung von Land und Leute des Donaugebietes. Von Alex. F. Heks. Mit 200 Illustrationen und einer Stromkarte. Wien, Leipzig, Pest, Hartleben's Verlag, 1881.

На *семи стахъ* страницъ страницъ намъ представляется здѣсь подробное описаніе Дуная, народовъ живущихъ по его берегамъ, всѣхъ городовъ мимо которыхъ онъ протекаетъ и всѣхъ замѣчательныхъ мѣстностей лежащихъ при Дунаѣ. Исторія, географія, этнографія, бытовые подробности, легенды, пѣсни, все входитъ въ это иллюстрированное описаніе Дуная на всемъ пространствѣ его теченія. Это путеводитель раз-

роспѣлся въ монографію. Книга раздѣляется на три части. *Введение* посвящено описанію Дуная въ историческомъ и гидрографическомъ отношеніи. Затѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ этнографическій, озаглавленный „придунайскіе народы.“ Третья часть заключаетъ собственный путеводитель по Дунаю и называется *die Donaufahrt*. Къ книгѣ приложено нѣсколько большихъ картъ которыя могутъ быть потомъ соединены въ одну подробную карту теченія Дуная. Множество весьма интересныхъ видовъ наглядно знакомятъ съ описываемыми мѣстностями. Если пробужденіе въ читателѣ желанія проѣхать по Дунаю входило въ намѣренія составителя этой книги, то намѣреніе его достигнуто и въ этомъ состоитъ, кажется намъ, лучшая похвала которую можно сдѣлать упомянутому сочиненію.

III.

Мелкія извѣстія.

Эрнестъ Додэ готовитъ къ печати новое сочиненіе: *Les Emigrés pendant la Révolution*.

Шантелозъ (Chantelauze) въ непродолжительномъ времени издастъ на основаніи *новыхъ документовъ* эту озаглавленную *Louis XIV et Marie Mancini*.

Гжа Ратацци издаетъ первый томъ сочиненія *Ratazzi et son Temps. Notes et documents pour servir à l'histoire d'Italie*.

Сэръ-Чарльзъ Дилкъ (Dilke) готовится къ изданію своей *Истории XIX вѣка*, надъ которою онъ работаетъ уже почти десять лѣтъ.

Испанскій ученый, донь-Франсискъ Карласко, готовитъ къ свѣзду „американствовъ“, имѣющему быть въ Мадридѣ въ сентябрѣ 1881 года, *Каталогъ старыхъ документовъ XVI и XVII вѣка относящихся къ открытію и описанію Америки*. Документы эти хранятся въ испанскомъ *Archivo de las Indias*.

Профессоръ Бурсіанъ, въ Мюнхенѣ, работаетъ надъ *Исторіей филологіи*.

Нѣмецкій ученый Юлій Браунъ готовится къ издаванію всѣхъ *критическихъ журнальныхъ и газетныхъ статей о сочиненіяхъ Гёте и Шиллера за періодъ отъ 1770 до 1834 года.* Статьи эти собраны изъ газетъ и журналовъ издававшихся въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ, Галле, Іенѣ, Веймарѣ и т. д.

Въ Парижѣ, у издателя Леру, въ непродолжительномъ времени появится *исторія Маккавеевъ*, послѣднее сочиненіе г. де Сосп (de Saulcy).

Въ архивахъ Сенской префектуры находится безчисленное множество различныхъ официальныхъ документовъ представляющихъ собою подробную исторію парижскаго городского управленія начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ. Всѣ эти документы рукописные, и многіе изъ нихъ ставоятся по случаю своей древности и ветхости почти невозможными уже для чтенія. Желая сохранить этотъ замѣчательный историческій памятникъ городского управленія Парижа, совѣтъ префектуры опредѣлилъ напечатать всѣ архивные документы заключающіе въ себѣ постановленія и соображенія (*actes et délibérations*) стариннаго парижскаго муниципалитета съ конца XV столѣтія до Революціи. Полагаютъ что изданіе составитъ не менѣе *ста десяти томовъ* въ 300 страницъ каждый. Изъ всѣхъ этихъ актовъ историками были изслѣдованы до настоящаго времени лишь нѣкоторые документы относящіеся къ временамъ Лиги и Фронды.

Въ газетѣ *Жиль-Блазъ* было помѣщено извѣстіе о томъ что князь Голицынъ владѣеть люболытною перепиской Жоржъ-Санда которая имѣетъ быть напечатана въ Москвѣ, такъ какъ родственники знаменитой романистки противятся напечатанію этой книги въ Парижѣ. Въ отвѣтъ на это извѣстіе, князь Борисъ Голицынъ напечаталъ въ той же газетѣ письмо въ которомъ заявляетъ что находящаяся у него переписка Жоржъ-Санда составляетъ его законную собственность и что онъ не давалъ никому, ни въ Парижѣ, ни въ Москвѣ, права на ея обнародованіе. Еслибы таковое произошло, то князь Голицынъ будетъ преслѣдовать издателя судебнымъ порядкомъ.

Въ Симаки (Испаниа) открыты новые и интересные документы относящиеся къ Сервантесу, Лопе-де-Вега и Кальдерону.

Леонъ де-Рови (de Rosny) открылъ въ Испаниа индійскую рукопись содержащую въ іератическихъ письменахъ ритуаль древнихъ обитателей Юкатана. Рукопись писана на полотнѣ покрытомъ известкой и сохранилась въ довольно удовлетворительномъ видѣ. Г. де-Рови сдѣлалъ фотографическій снимокъ съ этого документа представляющаго необычайную важность.

На собраніи американскихъ книгопродавцевъ, происшедшемъ въ Филадельфіи въ октябрѣ минувшаго года, снова обсуждался вопросъ о литературной собственности. Собрание высказалось противъ системы международныхъ договоровъ. Послѣ долгихъ прерій сошлись на проектъ закона который долженъ оказывать защиту большимъ американскимъ издателямъ приобрѣтшимъ отъ иностранныхъ писателей право перепечатки ихъ сочиненій. Если иностранный авторъ не соглашается на предложенія сдѣланныя ему американскими издателями, постановлено выждать два мѣсяца со дня появленія книги. По истеченіи этого срока каждая иностранная книга, не проданная американскому издателю, становится добычей „пиратовъ“. Этимъ характернымъ прозвищемъ именуются въ Америкѣ издатели перепечатывающіе иностранныя сочиненія безо всякаго согласія съ ихъ авторами.

Четвертый томъ извѣстной *Исторіи древняго міра* Макса Дукера только что появилась въ свѣтъ. Содержаніе его составляютъ „Арійцы восточнаго Ирана“, „Владычество Мидійцевъ“ и „Царство Персовъ“. Исторія Кира, Камбиза и Дарія изложена въ чрезвычайно интересномъ и связномъ разказѣ, обставленномъ множествомъ бытовыхъ и культурныхъ подробностей.

Полное собраніе сочиненій *Леопольда Ранке* доведено теперь до *сорока седьмого тома* который заключаетъ вторую часть сочиненія: *Hardenberg und die Geschichte des preussischen Staates von 1793—1813.*

С. В.

ПОПРАВКА. Въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* въ трагедіи „Розамунда“ (стр. 26) пропущена реплика *Гельмихиса* послѣ словъ *Анны*; это мѣсто должно быть такъ:

АННА.

Насмѣшка это! (*Хочетъ уйдти.*)

ГЕЛЬМИХИСЪ.

Нѣтъ, не уходите;

Ужь лучше я уйду.

(*Уходитъ въ комнату королевы.*)

При семъ номерѣ прилагаются особыя объявленія для всѣхъ подписчиковъ: 1) отъ фортепьянной фабрики К. М. ШРЕДЕРЪ и 2) о шоколадѣ Ретабаиеръ доктора СИМСОНА и Комп. въ Лондонѣ.

НОВЫЙ БРЕСТЬЯНСКІЙ ВОПРОСЪ

J'ai bien vu des gens qui se cassent la tête contre un mur, mais des gens qui bâtissent un mur exprès pour se casser la tête contre, je n'ai jamais vu cela.

Chateaubriand.

I

Не прошло и двадцати лѣтъ со времени обнародованія Положеній 19 февраля, а намъ приходится уже часто слышать что великая реформа настоятельно требуетъ пересмотра и дополненія. Она признается недостаточною какъ разъ въ главномъ своемъ основаніи: въ надѣленіи крестьянъ землей. Не зачѣмъ и доказывать, кажется, что вопросъ о недостаточности крестьянскихъ надѣловъ и о необходимости ихъ расширенія у насъ признается открытымъ. Печать съ каждымъ днемъ чаще и настойчивѣе къ нему возвращается. Земскія собранія и ученые общества разсуждаютъ о томъ какія мѣры должны быть приняты для устраненія крестьянскаго малоземелья. Собственно говоря въ преніяхъ собраній и въ печати разсуждаютъ уже лишь о томъ какъ помочь залу, а самое его существованіе считается вполнѣ доказаннымъ. Малоземелье крестьянъ какъ главная причина ихъ бѣдственнаго положенія, это фактъ признаваемый несомнѣннымъ и ника-

кихъ возраженій противъ него не допускается. Между тѣмъ вопросъ этотъ вовсе не изъ числа тѣхъ которые обсуждаются въ мирной области теоріи. Дѣло не въ томъ только чтобы признать достаточно ли или нѣтъ земли у нашихъ сельскихъ обществъ, а затѣмъ усложниться на платоническомъ желаніи чтобы ея было возможно больше. Весь интересъ, вся жгучесть вопроса заключается въ томъ что отъ того или другого его рѣшенія должно зависеть принятіе извѣстныхъ мѣръ направленныхъ къ улучшенію нашего экономическаго строя. И въ самомъ дѣлѣ, наша печать кишитъ предложеніями въ этомъ смыслѣ, тѣмъ болѣе заслуживающими вниманія что въ нихъ очень много недосказаннаго. Конечно, газетныя статьи не законодательные проекты. Но всѣ вопросы касающіеся землевладѣнія затрагиваютъ столько интересовъ что разрѣшить ихъ съ плеча, на основаніи данныхъ принятыхъ на вѣру, не совсѣмъ безопасно даже въ теоріи. Здѣсь лучше взять на себя неблагодарный трудъ доказывать лишній разъ что дважды два четыре чѣмъ рисковать тѣмъ чтобы выводы сомнительнаго свойства принимались за аксіому.

Какъ извѣстно, мы въ Россіи не богаты статистическими матеріалами. Но изъ всѣхъ отглавленій нашей жизни всего менѣе на этотъ счетъ быть-можетъ посчастливилось статистикѣ нашего землевладѣнія и нашего сельскаго производства. У насъ обнародовались, правда, официальные свѣдѣнія о размѣрахъ землевладѣнія казны, сельскихъ обществъ и частныхъ землевладѣльцевъ до и послѣ реформы. Но свѣдѣнія эти, къ сожалѣнію, сбивчивы и противорѣчивы *. Только въ истекшемъ году появилась наконецъ изданія главнаго Статистическаго Комитета о размѣрахъ частнаго землевладѣнія и крестьянскихъ надѣловъ въ восьми центральныхъ губерніяхъ **. Департаментъ Сельской Промышленности, со своей стороны, издавалъ таблицы въ которыхъ съ кажущеюся точностью помѣщались цифры урожая зерноваго хлѣба за каждый годъ ***. Но мы ниже увидимъ что самый порядокъ

* *Военн. статист. сборникъ* изданіе Главн. Стат. Комит.; Скребицкій. *Матеріалы освобожденія крест.*; *Труды податной коммисіи* I—II.

** Статист. повеш. себств. въ Россіи: Тульская, Орловская, Калужская, Курская, Воронежская, Тамбовская и Пензенская.

*** *Сборникъ свѣдѣн. по Департам. Земледѣлія и Сельской Пром.*

оставленія этихъ таблицъ лишаетъ насъ всякаго довѣрія къ нимъ. Частныя изслѣдованія не пришли на помощь официальнымъ. До сихъ поръ у насъ изданы лишь статистическіе труды шести губернскихъ земствъ *, повидимому очень добросовѣстные, но далеко не полные. Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ въ нашемъ обществѣ вдругъ пробудился необыкновенный интересъ къ изученію нашего крестьянскаго быта. Мы будто вдругъ сознали что лишаемъ и говоримъ очень много о крестьянахъ, ничего въ сущности не зная о внутреннихъ распорядкахъ ихъ экономической жизни. Самая община, про которую столько писалось, въ самомъ дѣлѣ была terra incognita. И вотъ ученые общества и частныя лица съ похвальнымъ рвеніемъ, а иногда и съ порядочнымъ запасомъ предвзятыхъ мыслей, пустились изслѣдовать эту столь близкую и столь невѣдомую страну. Но пока мы видимъ только зачатки этой полезной работы. Она находится еще на степеніи выработки программы и сообщенія отрывочныхъ наблюденій.

Такой скудости практическихъ данныхъ страннымъ образомъ противорѣчитъ рѣшительность дѣлаемыхъ на ихъ основаніи выводовъ. Такъ, при всемъ отсутствіи точныхъ свѣдѣній о внутреннемъ бытѣ нашей деревни, у насъ давно рѣшено что наши крестьяне послѣ реформы 1861 года постепенно бѣднѣютъ и хозяйство ихъ чуть ли не съ каждымъ годомъ приходитъ все болѣе въ уладокъ. Несмотря на это, однако, признается въ то же время что отличительная черта великорусской деревни, общинное землевладѣніе, представляетъ собой залогъ благосостоянія, хотя мы знаемъ объ этой общинѣ немногимъ больше того что содержится въ статьяхъ Положенія 19 февраля; немногія изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ наглядно показали какъ сильно разнится дѣйствительная община отъ своего официального тѣла и какимъ густымъ мракомъ до сихъ поръ были окружены ея внутренніе порядки. Наконецъ, какъ причины растущаго обѣднѣнія крестьянъ признаются дѣй: тяжесть лежащихъ на нихъ платежей и недостаточность надѣловъ. Такимъ образомъ, постепенный уладокъ крестьянскаго хозяйства, превосходство общиннаго землевладѣнія и малоземелье, какъ источникъ

* Московское, Тверское, Тульское, Новгородское, Херсонское и Вятское.

бѣдствій,—вотъ три положенія, можно сказать три аксіомы которыя выработаны нашими публицистами. Мы здѣсь преимущественно займемся послѣдними.

Какъ извѣстно, профессору Янсону принадлежитъ честь лопуха въ разработкѣ вопроса о крестьянскомъ малоземельѣ. Въ его *Исследованияхъ о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ* едва ли не впервые проводилась мысль что размѣры надѣловъ отведенныхъ крестьянамъ не обезличиваютъ ихъ быта, т.-е. содержаніе семьи и уплаты повинностей. Выводы свои г. Янсонъ подкрѣпляетъ цифрами почерпнутыми изъ официальныхъ источниковъ, и эта казенная статистическая подкладка и придаетъ, можетъ-быть, его взглядамъ характеръ несомнѣнности. По крайней мѣрѣ, взгляды эти съ его легкой руки приобрѣли у насъ значительную популярность, и вопросъ о томъ какимъ образомъ увеличить размѣры крестьянскаго землевланія сдѣлался въ настоящее время однимъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ дня.

Но прежде разсмотрѣнія средствъ предлагаемыхъ къ ослабленію зла, намъ слѣдуетъ обратиться къ вопросу о томъ существуетъ ли самое зло и въ какой мѣрѣ существуетъ. Практическая важность этого вопроса такова что, думаемъ мы, относительно его умѣстна даже нѣкоторая панишная осмотрительность. Слѣдуетъ проверить насколько въ самомъ дѣлѣ убѣдительны тѣ доводы на которыхъ построены столь распространенныя, и потому конечно почетныя, мнѣнія о крестьянскомъ малоземельѣ. Сдѣлавъ это мы вѣрнѣе опредѣлимъ насколько удобны и практичны тѣ средства которыми полагаютъ устранить это малоземелье. Такая проверка теперь будетъ тѣмъ болѣе у мѣста что мы лишь недавно приобрѣли новый цѣнный матеріалъ для исследования—уложеніе выше изданія Статистическаго Комитета.

II.

„Надѣлы малы потому что они не обезличиваютъ крестьянскаго быта, т.-е. содержанія семьи и уплаты повинностей“, вотъ главное основное положеніе г. Янсона и его многочисленныхъ послѣдователей. Положеніе это очевидно предполагаетъ извѣстную норму „обезличенія быта, уже признаванную достаточною, и въ то же время нѣкоторую обя-

завность“ для государственной власти до этой нормы крестьянское землевладѣніе. Г. Ясось ссылается на статью 8 Общаго Положенія * и на Высочайшій рескриптъ генералу Назимову какъ на доказательство того что сама законодательная власть требовала чтобы надѣлы, по своему размѣру, обезличивали бытъ крестьянъ. „Мнѣніе это“ оны подтверждаетъ цитатами изъ разныхъ официальныхъ документовъ, наглядно будто бы доказывающихъ что, по взглядамъ нашего правительства, отведенный надѣлъ долженъ былъ обезличивать крестьянъ какъ относительно ихъ собственности такъ и ихъ нуждъ. ** Намъ кажется однако что здѣсь кроется недоразумѣніе, и обезличеніе быта, о которомъ говорится въ Положеніи, слѣдуетъ понимать не въ буквальномъ смыслѣ. Думаемъ мы такъ вотъ почему. Конечно, надѣленіе земель освобожденныхъ крестьянъ, въ противоположность мнѣнію тѣхъ кто добивались „освобожденія безъ земли“, уже само по себѣ въ нѣкоторой степени обезличивало ихъ, т.-е. не ставило ихъ въ полную зависимость отъ заработка. Поэтому для оцѣнки того значенія какое имѣлъ для нихъ отведенный имъ надѣлъ и слѣдуетъ имѣть постоянно въ виду то положеніе въ которомъ бы они находились еслицы получали одну личную свободу не сдѣлавшись собственниками. Теперь, изъ того способа какимъ былъ въ Положеніи опредѣленъ размѣръ надѣловъ и повинностей за нихъ, легко убѣдиться что имѣлось въ виду вовсе не отведеніе крестьянамъ такого участка земли который въ данной мѣстности соотвѣтствовалъ бы ихъ нуждамъ, а соображенія иного свойства. Это явствуетъ уже изъ того что повинность за надѣлы во всѣхъ великорусскихъ губерніяхъ (кромя частей Московскаго и Петербургскаго уѣздовъ) была опредѣлена *однообразно*, между тѣмъ какъ размѣры надѣловъ далеко не одинаковы. Такъ какъ цѣнность надѣла предполагается вездѣ соотвѣтствующею капитализованному оброку, и нельзя допустить что эта цѣнность во всей Россіи случайно оказалась тою же самою, то остается предположить одно: именно что сначала была опредѣлена повинность одинаковая для всѣхъ, а затѣмъ уже, соображаясь съ мѣстными цѣнами на землю, приурочена къ ней величина надѣла. Основаніемъ же для опредѣленія повинностей

* Ясось, *Исследование о крест. надѣл. и платежахъ*, стр. 6 и слѣд.

** Скребуцкій. I. CXLIV.

послужило не что иное какъ существовавшій при крѣпостномъ правѣ средній тягловой оброкъ. Уже это одно наглядно убѣждаетъ въ томъ что исходною точкой послужило вовсе не отвлеченное „право на землю“ всѣхъ и каждаго, будто бы лежащее въ основаніи нашего быта, * а положительное, реальное право. Но этимъ доводомъ мы не ограничимся. Освобождавая крестьянъ „съ землей“, законодательная власть вовсе не хотѣла произвести общую перетасовку собственности, какою бы немыслимо сдѣлалось удовлетвореніе „права на землю“ сообразное съ потребностями каждаго. Еслибы эти потребности, а не дѣйствительное владѣніе, легли въ основаніе реформы, то не было бы допущено въ одной и той же мѣстности отведенія различныхъ такъ-называемыхъ уменьшенныхъ надѣловъ. Развѣ „право на землю“, еслибы оно существовало, оттого утрачено что случайно у даннаго помѣщика крестьяне до реформы пользовались небольшимъ надѣломъ? Развѣ нужды крестьянъ малоземельныхъ или мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ не тѣ же что нужды остальныхъ? На основаніи „права на землю“ всѣ крестьяне должны быть надѣлены одинаково, хотя бы для этого пришлось брать земли у совершенно посторонняго владѣльца, потому что надѣленіе земель вытекало бы тогда не изъ прежнихъ отношеній владѣльцевъ къ своимъ бывшимъ крестьянамъ, а изъ отвлеченнаго аграрнаго права. Нѣтъ, правительство издавая Положеніа 19 февраля ставилось не на шаткую почву идеальныхъ правъ, оно опиралось на твердыя основы историческаго, положительнаго, хотя и обычнаго права. Способъ отведенія надѣловъ доказываетъ это не менѣе способа опредѣленія повинностей. Какъ извѣстно, Положеніе указало для каждой мѣстности предѣлы между которыми можетъ колебаться размѣръ надѣла. Высшій и представляетъ собою полный, нормальный надѣлъ, соответствующій нормальной выкупной суммѣ 150 рублей съ души. Такимъ образомъ, ни одинъ помѣщикъ не былъ обязанъ отводить крестьянамъ больше земли чѣмъ полагалось въ полномъ надѣлѣ, хотя бы до реформы они владѣли и большимъ количествомъ, но за то онъ имѣлъ право уменьшить это количество до низшаго размѣра если при крѣпостномъ правѣ у крестьянъ полнаго надѣла не было. Стало-быть основаніемъ надѣленія крестьянъ

* Кн. Васильчиковъ, *О самоуправленіи*, т. I. Введеніе.

было действительное пользование, status quo, существовавшее до Положения. В том же уезде, в той же волости, могли быть крестьяне не одинаково надельные потому только что в таком положении их застала реформа. Это status quo ограничивалось даже в ущерб крестьянам там где они пользовались большим против нормы количеством земли. Это ограничение вызывалось тем что у многих крупных владельцев, особенно у тех чьи хозяйства были залущены, крестьяне пользовались пастбищем на владельческой земле в неограниченных размерах, а было бы несправедливо еслибы крестьяне при отводе надѣла извлекали пользу из щедрости или даже из послаблений своего прежнего помѣщика.*

Мы позволим себѣ привести эти общеизвестные факты потому что они, к сожалению, исчезли из памяти тех кто видит в надѣленіи крестьянъ землей не что иное какъ удовлетвореніе ихъ права на „обезличеніе быта“. Здѣсь мы впрочемъ должны оговориться. Мы выше сказали что въ каждой мѣстности размѣръ надѣла опредѣлялся смотря по цѣнности земли. Это не совсемъ такъ. Въ сущности мѣриломъ для опредѣленія полнаго надѣла служило действительное пользование въ большинствѣ мѣстныхъ хозяйствъ. Предполагалось не безъ основанія что то количество земли которое помѣщикъ предоставлялъ своимъ крестьянамъ равнялось по своей доходности нормальному оброку по 20 рублей съ тягла. Болѣе точнаго опредѣленія цѣнности трудно было требовать, и теперь у насъ затрудняются, даже для земскаго обложения, произвести хотя приблизительною мѣстную оцѣнку поземельной собственности; а двадцать лѣтъ тому назадъ, когда цѣна имѣній зависѣла отъ числа душъ, было совершенно невозможно узмать что стоила земля. Неудивительно что практика въ очень немногие лѣтъ поставила вверхъ дномъ оцѣнку редакціонныхъ комиссій и совершенно нарушила всякое соотношеніе между размѣромъ надѣла и его стоимостью.

Стало-быть, мы повторяемъ это, надѣленіе крестьянъ землей основывалось на фактическомъ пользованіи. Такъ-называемые крѣпостяки тогдашняго времени возставали противъ

* Къ десяти западнымъ губерніямъ это, какъ известно, не относится. Здѣсь право крестьянъ на пастбище во владельческихъ лѣсахъ сохранилось какъ сервитутъ.

этого, находя въ этомъ вынужденномъ отчужденіи помѣщичьей земли за установленную ренту деньгами или работой сломанію дворянства. Эти жалобы были неосновательны въ высшей степени, потому что онѣ оставляли безъ вниманія фактическое право крестьянъ, основанное на вѣковомъ пользованіи. Развитію всякаго имущественнаго права обыкновенно предшествуетъ медленный, большею частью бессознательный процессъ. Сперва оно является какъ фактическое завладѣніе, мало-по-малу освящаемое временемъ, потомъ медленно вырабатывается сознаніе его законности и наконецъ, уже много спустя, эта законность получаетъ формальное признаніе со стороны государственной власти. Эти три момента вполнѣ присущи нашей крестьянской собственности. Когда верховная власть настояла на томъ чтобъ освобожденные крестьяне получили въ надѣлъ ту самую землю которою они издавна пользовались, она тѣмъ самымъ только осватила вѣковое обычное право, и въ то же время признавая крестьянъ собственниками не выходила изъ предѣловъ этого права. Въ этомъ заключается двоякая незабвенная заслуга совершителей реформы. Тѣ что воображаютъ будто наши крестьяне стали собственниками только въ силу Положеній очень по верхности наблюдатели.

III.

Если такова была цѣль законодателя при освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ, то она выступаетъ еще ярче при выдачѣ владѣнныхъ записей государственныхъ. Здѣсь правительство не было стѣснено ничьими посторонними правами и могло потому свободно надѣлать крестьянъ, руководствуясь единственно ихъ нуждами. Что же однако мы видимъ въ дѣйствительности? Конечно надѣлы у государственныхъ крестьянъ больше чѣмъ у помѣщичьихъ, да они были такими и до реформы. Но и здѣсь была устанавливаема максимальная норма, и по владѣннымъ записямъ отъ крестьянъ были отрѣзаны многія заловыя угодья которыми они прежде свободно пользовались. Въ общей сложности, въ бывшихъ казенныхъ селеніяхъ надѣлы почти на 50% превышаютъ надѣлы бывшихъ крѣпостныхъ. Но при крайней экстенсивности

крестьянскаго хозяйства они все-таки недостаточны, и государственные крестьяне вынуждены на покосъ и на пастбище земли постороннихъ владѣльцевъ не менѣе чѣмъ бывшіе крѣпостные.

Посмотримъ теперь въ чемъ реформы 1861 и 1866 годовъ существенно измѣнили экономическій бытъ крестьянъ, оставая въ сторонѣ все прочія условія ихъ жизни. Десятирублевый оброкъ за полный надѣлъ почти равняется двадцатирублевому оброку съ тягла, считавшемуся почти вездѣ нормальнымъ при крѣпостномъ правѣ, точно также какъ весьма мало измѣнилась, закономъ 1863 года, оброчная подать съ государственныхъ. Это не трудно объяснить, такъ какъ размѣръ денежной повинности за надѣлъ былъ установленъ по соображенію съ обычнымъ размѣромъ оброка крѣпостныхъ. Существенное измѣненіе произошло лишь въ томъ что до освобожденія во многихъ промышленныхъ, но малоземельныхъ селахъ взималось помѣщикомъ съ тягла 20 и даже 25 руб. оброка безо всякаго соотношенія съ размѣромъ надѣла: оброкъ никогда не рассматривался какъ плата за землю и сообразовался почти исключительно съ возможностью для крестьянина приобрести заработокъ. Такимъ образомъ, для оброчныхъ крестьянъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ и для всѣхъ государственныхъ, которыхъ тоже можно считать за оброчныхъ, реформа не во многомъ измѣнила размѣръ повинности. Она убавила его тамъ гдѣ не было помѣлаго надѣла и облегчила для крестьянъ передвиженіе, т.-е. доставила имъ болѣе свободы въ распоряженіи своимъ трудомъ. Такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія экономическое положеніе этихъ двухъ категорій крестьянъ, а вмѣстѣ взятая они составляютъ почти $\frac{3}{4}$ общаго ихъ числа, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ ухудшиться не могло. Общія условія ихъ быта, помимо частныхъ, случайныхъ явленій, не могло повлечь за собою разоренія, и не въ нихъ стало-быть слѣдуетъ искать причину такого разоренія если оно оказывается. А что въ періодъ времени до реформы экономическое положеніе государственныхъ крестьянъ и оброчныхъ изъ крѣпостныхъ, вообще, не было отчаянное, что ихъ платежная способность соответствовала лежащимъ на нихъ повинностямъ явствуетъ уже изъ самой продолжительности этого періода. Еслибы крѣпостные оброчники, у которыхъ повинности всегда были выше чѣмъ у государственныхъ, не были въ состояніи уплачивать оброкъ, помѣ-

щики не имѣли бы возможности его взыскивать. Крестьяне вообще только тогда и ставились на оброкъ когда заработки представляли возможность его уплатить, и богатые промышленныя села, какъ Метера, Вычуга, Павлово, Иваново, Ворона свидѣтельствуютъ о томъ что возможность эта существовала вполнѣ. Слѣдуетъ увѣрить читателя что тотъ вѣчно децимуцій крестьянинъ, взнемогающій въ теченіе столѣтій подъ бременемъ растущихъ налоговъ тотъ несчастный плательщикъ котораго такъ любятъ рисовать наши публицисты, существо вполнѣ фантастическое. Бездонная бочка Данаидъ можетъ быть, конечно, постоянно наполняема; но обратное явленіе, черпаніе воды изъ лустаго источника принадлежитъ къ области чудовищныхъ вымысловъ. Впрочемъ факты вполнѣ подтверждаютъ наши слова: въ общей сложности недоимки насчитываются всего менѣе на тѣхъ крестьянахъ которые и до реформы отбывали денежную повинность.

Совершенно инымъ представляется положеніе бывшихъ барщинщиковъ, т.е. крестьянъ исключительно земледѣльческихъ и до сихъ поръ существующихъ одними земледѣльцами. Крестьянамъ этимъ, совершенно независимо отъ качества надѣловъ, пришлось вдругъ при переходѣ на оброкъ или на выкупъ добывать ежегодно большую сумму денегъ, т.е. разомъ найти себѣ новый рынокъ для помѣщенія работы которая прежде производилась на помѣщика. Всего проще было конечно эту работу имѣть у того же помѣщика. Но, во-первыхъ, многія хозяйства закрылись или по крайней мѣрѣ сократили свои закладки; во-вторыхъ, крестьянамъ часто не хотѣлось вступать въ отношенія слишкомъ малоприятныя только что прекратившуюся крѣпостную зависимость. Такія быстрыя измѣненія условій жизни не обходятся безъ потрясеній. Хотя при переводѣ на деньги прежняя обязательная работа на помѣщика и была оценена низко, даже тамъ гдѣ точно соблюдался трехдневный урокъ, крестьяне были все-таки обезпеченнѣе когда они своимъ трудомъ не могли располагать по усмотрѣнію, но за то никакихъ денежныхъ сборовъ не отбывали, чѣмъ посаѣ освобожденія когда имъ пришлось искать работы для покрытія оброка и казенныхъ повинностей. Выгодный промыселъ, домашній или отхожій, не дается сразу цѣлому населенію, въ особенности въ краѣ не-промышленномъ, гдѣ своего производства нѣтъ и луть на отхожій промыселъ не проложень. Вотъ почему, совершенно

независимо отъ качества надѣла (какъ мы увидимъ ниже), положеніе крестьянъ перешедшихъ съ барщины на денежную повинность (они составляютъ, какъ извѣстно, 55—60% общаго числа бывшихъ крепостныхъ) является у насъ наиболее шаткимъ.

IV.

Въ своемъ *Изслѣдованіи о крестьянскихъ надѣлахъ и платежахъ* г. Янсона, какъ извѣстно, приходитъ къ очень мрачнымъ заключеніямъ о состояніи крестьянъ. Выводъ его тотъ что вездѣ въ Россіи положеніе крестьянъ не обезпечено, то есть что повинности лежащія на нихъ, вмѣстѣ съ расходами на содержаніе, превышаютъ вездѣ доходъ получаемый съ надѣла. Въ большинствѣ же губерній, по мнѣнію г. Янсона, надѣлы недостаточны и для одного пропитанія крестьянской семьи, а уплата повинностей уже ложится исключительно на заработокъ. Какъ выводъ изъ всего этого, представляется картина чуть ли не повсемѣстнаго разоренія и повальной нищеты.

Приступая, со своей стороны, къ проверкѣ данныхъ послужившихъ г. Янсону основаніемъ къ такому грустному заключенію, мы должны прежде всего остановиться на самомъ понятіи объ „обезпеченіи быта“ о которомъ такъ много говорится у г. Янсона и во всей современной литературѣ нашего крестьянскаго вопроса. По мнѣнію г. Янсона и его послѣдователей, положеніе нашего рабочаго класса должно быть непременно таковымъ чтобы доходъ съ состоящей въ его владѣніи земли покрывалъ всѣ затраты на содержаніе семьи, то есть на пищу, одежду, домашнее хозяйство, ремонтъ дома и т. д., и сверхъ того оплачивалъ всѣ налоги, въ томъ числѣ оброчные и выкупные платежи. При отсутствіи этихъ условій г. Янсонъ признаетъ положеніе рабочаго класса безвыходнымъ. Мы ниже увидимъ въ какой мѣрѣ вообще мыслимо такое идеальное положеніе дѣла. Здѣсь пока мы ограничимся однимъ небольшимъ замѣчаніемъ. При существующемъ порядкѣ вещей, надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ былъ отведенъ такимъ что цѣнность его предполагалась болѣе или менѣе соответствующею размѣру выкупа. Для государственныхъ крестьянъ цѣнность эта должна быть сравнительно вѣсколько выше, приблизительно на 60%, такъ какъ земля

у нихъ больше, а оброчная подать нѣсколько ниже выкупнаго платежа. Слѣдовательно у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ оброки должны почти равняться нормальной рентѣ съ надѣла, а у государственныхъ оброчная подать должна быть на 60% ее ниже. При такихъ условіяхъ довольно трудно ожидать чтобы доходами съ надѣла оплачивалось кромѣ того все содержаніе семьи. Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлаемъ слѣдующій небольшой расчетъ. Возьмемъ для примѣра средній трехдворшовой дворъ въ которомъ живетъ обыкновенно пять членовъ обоего пола: таковъ былъ по крайней мѣрѣ нормальный средній размѣръ двора до реформы. Съ тѣхъ поръ размѣры убавили этотъ средній уровень. На содержаніе этой семьи потребуются одной ржаной муки 10 фунтовъ въ сутки, то-есть въ годъ 31 лудъ или 10 четвертей. Средняя стоимость четверти ржи въ обыкновенное время можно положить въ 5 рублей, насколько вообще такіа среднія цифры допустимы для такого товара какъ хлѣбъ. Стало-быть одна потребность въ мучномъ продовольствіи данной семьи опредѣляется 50 рублями въ годъ. Между тѣмъ оброчный платежъ за три полевые надѣла составляетъ всего 27 рублей. Стало-быть, полагая что надѣлъ оцѣненъ правильно, то-есть что его естественная рента не многими превышаетъ положенный на него оброкъ, окажется что одна потребность въ мукѣ для крестьянской семьи покрывается суммой почти вдвое большею рентой. Отсюда ясно что для достиженія того чего желаетъ г. Янсонъ слѣдовало такъ опредѣлить выкупные платежи и оброчную подать съ крестьянъ чтобы они составляли не болѣе 25% нормальной ренты съ надѣла.

На самомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, размѣръ выкупныхъ и оброчныхъ платежей крестьянъ, съ одной стороны, и соответствующая имъ поземельная рента, съ другой, расходятся очень сильно. Въ послѣдніа 15 лѣтъ цѣнность поземельной собственности подверглась такимъ быстрымъ измѣненіямъ какихъ и предвидѣть было нельзя. Черноземъ поднялся въ цѣнѣ такъ сильно что десятина земли, стоившая отъ 30—50 рублей въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ, дошла теперь до 150. То же произошло съ арендными цѣнами. Въ нечерноземной полосѣ вздорожаніе хлѣба, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и ростъ населенія, эти три причины возвышенія цѣнъ на землю, до послѣдняго времени почти не оказали вліянія на усиленіе ренты; напротивъ, доходность имѣній этой полосы вообще ушла

и до сихъ поръ помѣщичья хозяйства въ ней не поправлялись. Но и здѣсь за послѣдніе три года замѣчается нѣкоторое повышение цѣны на землю. Въ общей сложности отношеніе между дѣйствительною цѣнностью крестьянскихъ надѣловъ и стоимостью ихъ для крестьянъ, то-есть размѣровъ выкупа, въ настоящее время представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ большинствѣ уѣздовъ двѣнадцати центральныя нечерноземныхъ губерній, насколько можно судить по свѣдѣніямъ о продажахъ имѣній, цѣнность надѣловъ равняется выкупной суммѣ во 150 рублей, и даже нѣсколько превышаетъ ее, такъ какъ вообще въ дѣйствительности здѣсь $\frac{4}{5}$ крестьянъ подвергаются обязательному выкупу, то-есть приобретая свои надѣлы за 120 рублей. Въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ слабо населенныхъ лѣсныхъ уѣздовъ, покупная стоимость десятины земли при крупныхъ покупкахъ почти всегда превышаетъ 30 р. * Для крестьянскихъ земель цѣнность эта должна быть даже нѣсколько выше, такъ какъ на пространствахъ ихъ процентъ воспроизводительныхъ земель меньше. За предѣлами этого района, несмотря на то что надѣлы здѣсь большею частью значительны, по $4\frac{1}{2}$ —6 дес. на душу, они оценены по Положенію несомнѣнно высоко. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Костромской, Новгородской, Псковской и Смоленской губерній и въ двухъ уѣздахъ Тверской Осташковскомъ и Вышневолоцкомъ, рента земли спускается до 20 копѣекъ съ десятины, т.-е. почти равняется земскому обложенію. Въ черноземной и степной полосахъ, за исключеніемъ ихъ восточныхъ окраинъ (губерніи: Уфимская, Самарская и большая часть Казанской), цѣнность земли въ нѣсколько разъ превышаетъ выкупную сумму, а рента—оброчную повинность. Въ лучшей

* Сюда относятся губерніи: Московская и Владимирская (въ цѣломъ составѣ), Калужская (кромя Живдринскаго уѣзда), Нижегородская (кромя сѣверной заволжской части), Ярославская (кромя Пошехонскаго, Любимскаго и части Моложскаго уѣздовъ) и въ губерніяхъ: Смоленской—восточная половина (кромя уѣздовъ: Бѣлевскаго, Порѣчскаго, Духовицнскаго, Дорогобужскаго, Краснинскаго и Смоленскаго), Тверской—восточная часть (Зубцовскій уѣздъ и большая часть уѣздовъ: Тверскаго, Старицкаго, Ржевскаго и Новоторжскаго), Псковской—западные уѣзды (Псковскій, Порховскій, Опочкскій и Островскій), Петербургской—уѣзды: Петербургскій, Царскосельскій и Петергофскій, и Костромской—уѣзды: Перехотскій, Кинешемскій и большая часть Костромскаго и Юрьевецкаго.

и самой населенной части чернозема, въ южной части губерній Тамбовской, Рязанской и Тульской, въ Курской, въ восточныхъ уѣздахъ Орловской и сѣверо-западныхъ Воронежской стоимость десятины земли теперь достигаетъ 125—150 р., арендная плата — 10 р. Стало-быть, при трехдесятиномъ надѣлѣ господствующемъ въ этой мѣстности, крестьяне платили за надѣленную землю ровно втрое меньше чѣмъ она стоитъ. Если теперь припомнить что оброчная подать и выкупной платежъ составляютъ уплату ренты съ погашеніемъ капитала и что чрезъ известное число лѣтъ надѣлъ перейдетъ въ полную собственность крестьянъ, то нельзя не признать что въ огромномъ большинствѣ нашихъ уѣздовъ выкупная операція представляется для крестьянъ очень выгодною, тѣмъ болѣе что къ истеченію 49лѣтняго періода стоимость земли безъ сомнѣнія еще поднимется.

Для государственныхъ крестьянъ, очевидно, условія этой операціи представляются еще болѣе выгодными. Но, говоря это, мы не должны улюкаться изъ виду что на самомъ дѣлѣ благосостояніе крестьянъ и цѣнность получаемая ими надѣла вовсе не идутъ параллельно. Мы сейчасъ увидимъ что не сравнительная выгодность для нихъ выкупа, а совершенно иные факторы обуславливаютъ довольство крестьянъ и ихъ платёжную способность.

V.

Мы постараемся прослѣдить, вплоть съ г. Янсономъ, имѣющіяся въ нашемъ распоряженіи немногочисленные данныя объ экономическихъ условіяхъ нашего крестьянскаго быта. Мы увидимъ насколько данныя эти подтверждаютъ грустные выводы г. Янсона. Быть-можетъ, имъ же приводимые факты позволятъ намъ вывести вѣсколько иное заключеніе.

Приступая къ этой проверкѣ, мы должны остановиться на признаніи дѣлаемомъ г. Янсономъ во введеніи къ своему труду. „Не намъ судить, конечно“, говоритъ онъ, „насколько она (работа г. Янсона) разъясняетъ *дѣйствительное* положеніе крестьянскаго хозяйства“. Казалось бы однако что въ этомъ и заключается вся суть задачи и что разрѣшеніе ея приобретаетъ цѣну лишь на сколько она показываетъ намъ картину согласную съ *дѣйствительностью*. Г. Янсонъ ссылается при этомъ на обычные доводы всѣхъ

защитниковъ недоказанныхъ гипотезъ, на „недостатокъ материала“. „Если двѣ правительственныя комиссіи, * работами коихъ мы преимущественно пользовались“, говоритъ г. Яисонъ, „не могли собрать данныхъ болѣе обстоятельныхъ, то едва ли таковыя могутъ быть доступны частному изслѣдователю“ и т. д. И тѣмъ же менѣе эти недостаточныя данныя не останавливаютъ почтеннаго автора предъ выводами довольно рѣшительными. Такой приемъ близко подходитъ къ обычаямъ бюрократическаго міра, гдѣ, какъ извѣстно, на официальныхъ данныхъ строятъ какія угодно соображенія, нисколько не заботясь о томъ подходятъ ли они на дѣйствительность. Материалы собранныя упомянутыми комиссіями довольно неопредѣленнаго свойства. При всей пользѣ порядка изслѣдованія чрезъ допросы свидущихъ лицъ, котораго держалась комиссія бывшая подъ предсѣдательствомъ графа Валуева, нельзя не признать что свидѣнія отрывочныя, случайныя, часто противорѣчивыя, какія доставляли комиссіи мѣстные жители провинцій, не даютъ намъ никакой определенной, а тѣмъ менѣе полной картины мѣстныхъ хозяйственныхъ условій. Они полезны только въ качествѣ справки, какъ указаніе на данное явленіе, но вовсе безъ ручательства въ томъ до какой степени это явленіе распространено. Труды податной комиссіи еще бѣднѣе фактами, тѣмъ болѣе что они не содержатъ указаній на источники. Для примѣра мы можемъ привести одну изъ послѣднихъ работъ комиссіи, проектъ поразряднаго налога. Къ нему приложена небольшая табличка подешатипной доходности и цѣнности земель въ разныхъ губерніяхъ. Цифры приведенныя въ ней, огульныя, безъ указанія даже на цѣнненія ихъ по уѣздамъ; они, вѣроятно, ни что иное какъ среднія тѣхъ свидѣній которыя получаютъ посредствомъ спроса волостныхъ старшинъ и становыхъ. По крайней мѣрѣ, они съ дѣйствительностью общаго не имѣютъ ничего; такія губерніи какъ Московская и Владимірская, по цѣнности и доходности земли, поставлены почти въ уровень съ Тамбовскою и Курскою. А между тѣмъ таблица эта, со своими фантастическими цифрами, должна была служить основаніемъ для раскладки налога... Г. Яисонъ сознавалъ, вѣроятно, шаткость подобныхъ свидѣ-

* Комиссія по изслѣдованію сельскаго хозяйства и труды податной комиссіи.

нѣй и говорить намъ что онъ вынужденъ ограничиваться „средними величинами не только по губерніямъ, но и для цѣлыхъ крупныхъ разрядовъ крестьянскаго землевладѣнія“. Онъ тутъ же признаетъ, впрочемъ, что среднія величины „въ дѣйствительности не только не могутъ служить выраженіемъ отдѣльныхъ конкретныхъ случаевъ, но... и свойствъ“ отдѣльныхъ, сложныхъ элементовъ цѣлаго...“ Если же такъ,—и здѣсь г. Ясонецъ тысячу разъ правъ,—то какое значеніе имѣютъ приводимыя имъ среднія цифры? Онѣ, по собственному его признанію, не приложимы къ частному случаю, а для каждаго отдѣльнаго коллективнаго лица, для селенія, для волости, имѣетъ значеніе только ихъ собственный, частный случай. Среднее богатство, средняя бѣдность не имѣютъ смысла если они служатъ только общимъ ариѳметическимъ выводомъ изъ далеко расходящихся частностей. Мы знаемъ, напримѣръ, что въ давной губерніи средній надѣлъ крестьянъ 2,5 десятины на душу, и говоримъ что это очень мало. Но, быть-можетъ, въ этой губерніи есть довольно много крестьянъ получившихъ даровой надѣлъ, что и вліяетъ, разумѣется, на общую среднюю цифру: развѣ это обстоятельство ухудшаетъ положеніе остальныхъ, у которыхъ оказывается, при ловѣркѣ, надѣлъ вполнѣ достаточнымъ? Такихъ примѣровъ можно насчитать множество, и они доказываютъ что при изслѣдованіяхъ о народномъ бытѣ, среднія величины не пригодны и могутъ развѣ сбить съ толку читателя. Онѣ, по выраженію г. Ясонецъ, „въ высшей степени обобщаютъ факты“, но обобщеніе въ ущербъ потивѣ врядъ ли особенно желательно...

Слѣдуя порядку принятому г. Ясонецъ, начнемъ съ губерній черноземной полосы. Почтенный авторъ, помощью многочисленныхъ цифръ, силится доказать что во всѣхъ этихъ двѣнадцати губерніяхъ * надѣлы не обезпечиваютъ продовольствія крестьянскаго населенія. Намъ кажется что г. Ясонецъ принялъ на себя напрасный трудъ. Въ этихъ губерніяхъ, за исключеніемъ двухъ (Нижегородской и Вятской), общій урожай всей площади не покрываетъ собою потребности населенія, то-есть, другими словами, ввозъ хлѣба

* Московская, Владимірская, Нижегородская, Вятская, Костромская, Ярославская, Тверская, Новгородская, Петербургская, Псковская, Смоленская и Калужская. Почему Вятская причислена къ черноземнымъ, остается не совсѣмъ понятнымъ.

превышаетъ вывозъ. Отсюда ясно что хлѣбъ получаемый съ однихъ крестьянскихъ полей *не можетъ покрывать нужды крестьянскаго населенія*. Этотъ простой выводъ не нуждается ни въ какихъ изслѣдованіяхъ; онъ основанъ на арифметическомъ правилѣ, доступномъ и дѣтямъ младшаго возраста, а тѣмъ болѣе профессорамъ. Но выводъ этотъ, какъ мы тотчасъ увидимъ, далеко не исчерпываетъ вопроса о народномъ благосостояніи.

VI.

Мы не станемъ вслѣдъ за г. Яснономъ приводить всѣ цифры опредѣляющія для каждой губерніи размѣры надѣловъ, потребности населенія въ продовольствіи и средніе урожаи: читатель легко можетъ найти ихъ въ его книгѣ, и повтореніе ихъ здѣсь едва ли не было бы напраснымъ. Цифры эти, какъ мы уже сказали, заимствованы изъ трудовъ податной комиссіи и изъ докладовъ комиссіи о положеніи сельскаго хозяйства, но въ эти официальные изданія онѣ попали изъ различныхъ источниковъ. Нѣкоторыя извлечены изъ сообщеній мѣстныхъ управъ, другія, какъ напримѣръ, для Владимірской губерніи, изъ отрывочныхъ показаній частныхъ лицъ. По тремъ губерніямъ, Калужской, Петербургской и Владимірской, свѣдѣнія г. Ясона крайне скудны. Такъ, онъ говоритъ что Калужская губернія по качеству земли мало разнится отъ сосѣдней съ нею Смоленской, а Петербургская отъ Новгородской, а потому къ этимъ двумъ губерніямъ можетъ быть отнесено то что было сказано про сосѣднія двѣ. Для характеристики Владимірской приводятся четыре крестьянскія семьи совершенно различныя по числу душъ и количеству выдѣленной имъ земли, и затѣмъ говорится что всѣмъ четыремъ не достааетъ извѣстной суммы денегъ на покрытіе ихъ нуждъ. Эти столь обстоятельныя свѣдѣнія почерпнуты также изъ докладовъ сельскохозяйственной комиссіи, но читатель самъ можетъ посудить насколько они освящены критикой и въ свою очередь могутъ опредѣлить положеніе крестьянъ въ губерніи. Не многимъ болѣе положительны данныя сообщаемыя г. Яснономъ и относительно девяти остальныхъ губерній, хотя всѣ они почерпнуты изъ источниковъ официальныхъ и, повидимому, отличаются математическою точностію среднихъ цифръ. Но

критическаго разбора, покрайней мѣрѣ объясненія ихъ, мы у г. Ясона не видимъ. За такимъ отсутствіемъ критики, намъ приходится узнать, напримѣръ, что во Псковской губерніи, на средній дворъ, въ которомъ 2,7 души (а съ женщинами 5,5), приходится двѣнадцать десятинъ; изъ этого количества всего 4,5 подъ лашней; даѣе, съ полудтора десятинъ ржи можно получить всего 27 четвериковъ (стало-быть при посѣвѣ 9 четвериковъ на десятину, менѣе чѣмъ двойное количество семянъ!) и что, потому, для прокормленія семьи нужно втрое болѣе ржи чѣмъ земля производитъ (91 четверикъ вмѣсто полученныхъ 27).

Нельзя не остановиться на этихъ странныхъ и, въ то же время, поучительныхъ цифрахъ. Въ нихъ, прежде всего, поражаетъ малое количество пахотной земли въ сравненіи съ площадью надѣла. Обыкновенно въ черноземныхъ уѣздахъ со среднимъ населеніемъ въ 1.000—1.200 душъ на кв. милю у крестьянъ подъ лашней 55—60% своего надѣла, когда этотъ надѣлъ полный: намъ пришлось видѣть больше сотни плановъ крестьянскихъ надѣловъ и просматривать не менѣе выкупныхъ актовъ по селеніямъ черноземной полосы, и вездѣ мы находили въ нихъ это отношеніе лашви къ общей площади. Не то, конечно, въ лѣсныхъ и болотныхъ уѣздахъ, гдѣ населеніе опускается до 500 душъ на кв. милю. Изъ этого мы заключаемъ что относительно Псковской губерніи произошло одно изъ двухъ: либо источникъ откуда г. Ясонъ почерпнулъ свои свѣдѣнія не заслуживаетъ довѣрія, либо эта невѣроятная цифра явилась результатомъ вліянія оказаннаго на средній выводъ тремя восточными, слабо населенными уѣздами. Еще страннѣе приводимая средняя цифра урожая ржи. Она не только противорѣчитъ опыту всѣхъ кто видѣлъ нашу деревню въ дѣйствительности, а не въ однихъ описаніяхъ, но противорѣчитъ и официальнымъ даннымъ. Въ *Сборникѣ Сельскій* по Департаменту Земледѣлія, вообще отличающемся склонностью къ пониженію цифры урожаявъ, сборъ ржи во Псковской губерніи за періодъ 1870—76 годовъ показанъ въ 4,5. Но что бы доказывали цифры г. Ясона еслибъ онѣ были вѣрны? Либо полную неспособность крестьянъ вести хозяйство, либо невозможность вести его вообще во Псковской губерніи, а пожалуй и то и другое вмѣстѣ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ же помочь такому бѣдственному положенію?

Увеличеніемъ надѣловъ? Но для пополненія недостатка въ хлѣбѣ показаннаго г. Янсономъ надѣлъ долженъ быть утроенъ, то-есть доведенъ до такихъ размѣровъ при которыхъ крестьянская семья безъ помощи батраковъ обработать его не въ состояніи. А на какія же средства будутъ тогда содержаться батраки? Дѣло въ томъ что на малоземелье (надѣлъ въ 12 дес. на средній дворъ вовсе не малъ), а полная бездоходность почвы обуславливаетъ описываемую г. Янсономъ нужду. Увеличеніе размѣровъ надѣла тамъ не поможетъ гдѣ земля вообще не въ состояніи прокормить работника, то-есть гдѣ работникъ не можетъ произвести столько хлѣба сколько нужно для его семьи. При такихъ условіяхъ хозяйство вообще невозможно; и еслибы даже всѣ земли Псковской губерніи были отданы тамошнимъ крестьянамъ, эти крестьяне все-таки на нихъ умерли бы съ голода.

Свѣдѣніями изъ другихъ черноземныхъ губерній приводимыхъ г. Янсономъ болѣе или менѣе подтверждается эти грустные выводы. Такъ надѣлъ въ 6 дес. на душу при пятидесяти дворѣ (то-есть 30 дес., что уже, конечно, не мало) въ Новгородской губерніи все-таки обезпечиваетъ только $\frac{1}{3}$ продовольствія. * Въ Смоленской губерніи, гдѣ надѣлъ въ восточныхъ уѣздахъ до 4 дес., а въ западныхъ до $4\frac{1}{2}$ дес. на душу, въ послѣднихъ крестьяне покупаютъ хлѣбъ уже съ декабря и положеніе ихъ крайне плохо: тутъ же впрочемъ г. Янсонъ говоритъ что 8% дворовъ не имѣютъ коровъ, а 4% лошадей. Слѣдуетъ увѣрить почтеннаго автора что такой слабый процентъ

* Какъ видно, различіе между Новгородскою губерніею и Псковскою, гдѣ надѣлъ даетъ только одну треть продовольствія, все-таки громадный, хотя Новгородская почва вродь ли лучше Псковской. Любопытно знать, помощью какихъ вычисленій г. Янсонъ привелъ къ одному знаменателю всѣ уѣзды громадной Новгородской губерніи и пришелъ къ заключенію что въ ней типичный дворъ — пятидесяти сѣ 30 дес. надѣла. Еслись это было такъ, Новгородскіе крестьяне были бы самыми богатыми въ Россіи, и уже конечно на такой дворъ не приходилось бы только одинъ работникъ, юный подростокъ, двѣ женщины и двѣ нерабочихъ (малолѣтнихъ и стариковъ)! Это по истинѣ оригинальное соотношеніе разныхъ возрастовъ населенія. Очевидно что здѣсь, какъ и въ другихъ примѣрахъ изъ Воровичскаго уѣзда, дѣло идетъ только о какой-нибудь одной случайной семьѣ, которую г. Янсонъ намъ выдаетъ за типичную (Янсонъ, *Исслѣдованіе*, стр. 18).

безмощадыхъ дворовъ—большая рѣдкость и въ самыхъ богатыхъ мѣстностяхъ. Напротивъ, въ трехъ восточныхъ уѣздахъ (вѣроятно въ Гжатскомъ, Сычовскомъ и Ростовскомъ) надѣлы въ четыре десятины при помощи промысловъ обезличиваютъ крестьянъ. Слова „при помощи промысловъ“ у г. Янсона напечатаны курсивомъ, почему слѣдуетъ полагать что развитіе ихъ въ данной мѣстности г. Янсонъ считаетъ чѣмъ-то ненормальнымъ. Этотъ взглядъ на промыселъ, какъ на что-то дурное, служащее признакомъ бѣдности, у г. Янсона встрѣчается часто *. Такого же дурнаго мнѣнія г. Янсонъ о благосостояніи крестьянъ Ярославской и Костромской губерній: вездѣ та же необходимость для большинства крестьянъ прикупать хлѣбъ на продовольствіе. И всего замѣчательнѣе что нужда эта тѣмъ ощутительнѣе (въ сѣверныхъ уѣздахъ Костромской губерніи), чѣмъ надѣлы кружнѣе и чѣмъ больше свободной земли, которую можно снять за безцѣнокъ; послѣднее средство пополненія надѣловъ весьма доступно тамъ гдѣ за наемъ десятины платится по 20—50 к. Г. Янсонъ совершенно упускаетъ это изъ виду. Но мы не можемъ не повторить вслѣдъ за нимъ дѣлаемому имъ выдержку изъ доклада Ярославской управы податной комиссіи: „...если надѣлы и доставляютъ доходъ крестьянину (около $\frac{1}{3}$ его дохода), то только потому что онъ ни во что не цѣнитъ рабочія силы, которыя, уходя на заработокъ, оставляютъ въ губерніи.“ Тутъ каждое слово прелесть. Почему „оставлять рабочія силы дома“ значитъ „не цѣнить ихъ ни во что“, остается не разгаданнымъ. То обстоятельство что доходъ съ надѣла составляетъ только $\frac{1}{3}$ всего дохода крестьянина, можно признать только радостнымъ. А вообще Ярославская губернія, положеніе которой г. Янсону кажется столь бѣдственнымъ, едва ли, напротивъ, не одна изъ самыхъ богатыхъ, о чемъ свидѣтельствуетъ отсутствіе въ ней недоимокъ.

Цифры г. Янсона иногда забавнымъ образомъ противорѣчатъ тому впечатлѣнію которое онъ, повидимому, произво-

* Намъ случилось прочесть въ газетѣ *Голосъ* корреспонденцію изъ Воронежа, въ которой сообщалось, какъ признакъ обѣднѣнія, что въ Острогжскомъ и Бобровскомъ уѣздахъ стали появляться домашніе промыслы. Стало-быть, восклицаетъ корреспондентъ, и въ этомъ богатомъ краѣ земля не можетъ прокормить крестьянина. Такой взглядъ на промыселъ какъ на нѣкоторое бѣдствіе возмущаетъ воспитателя.

дать на него. Такъ, говоря о Тверской губернии, онъ съ сожалѣнiемъ повѣствуетъ о судьбѣ одной волости Корчевскаго уѣзда, которая, при 10.045 дес. надѣльной и 471 дес. *купленной* земли на 2.827 душъ, прикупаетъ ежегодно 1.917 четвертой ржи, но за то *продаетъ 2.453 четв. овса*. Впрочемъ, относительно цѣнности и доходности земель въ Тверской губернии у насъ имѣются изданiя мѣстнаго губернскаго земства „Материалы для статистики Тверской губернии составленные подъ редакцiей секретаря статистическаго комитета г. Покровскаго“. Въ числѣ этихъ материаловъ имѣется подробное изслѣдованiе о земляхъ Весъегонскаго уѣзда, одного изъ самыхъ плохихъ въ губернии, послужившее основанiемъ къ мѣстной раскладкѣ. Подъ цѣнностью г. Покровскiй разумѣетъ ту массу продуктовъ и мѣновыхъ знаковъ на какую, при существующихъ мѣстныхъ условiяхъ, данное количество земли можетъ быть безобидно обмѣнено. Поэтому цѣны случайныя и вынужденныя съ цѣнностью не тождественны. Подъ доходностью онъ разумѣетъ тотъ постоянный, частый доходъ который можетъ быть получень съ земли при правильномъ хозяйствѣ. Въ семи уѣздахъ Тверской губернии произведена земствомъ подесятичная оцѣнка по разрядамъ земли, которыхъ допущено три, а въ трехъ изъ уѣздовъ—четыре. Цѣнность перваго разряда колеблется между 16 р. (Весъегонскiй уѣздъ) и 60 р. (Корчевскiй); цѣнность третьяго—между 3 р. 20 к. (Весъегонскiй) и 15 руб. 10 к. (Тверской). Обращаясь спеціально къ Весъегонскому уѣзду, изслѣдователь находитъ что въ немъ на каждаго жителя приходится по 5¹/₂ дес. Но количество это распределено весьма неравномерно, такъ какъ по отдѣльнымъ волостямъ густота населенiя колеблется между 8 и 59 душами на кв. верстѣ. Всю площадь уѣзда г. Покровскiй дѣлитъ на четыре полосы, сообразно съ качествами почвы и густотой населенiя. Давныя собранныя имъ путемъ справокъ въ нотарiальныхъ и волостныхъ книгахъ и посредствомъ разспроса частныхъ лицъ показали что главнымъ условiемъ доходности, а потому и цѣнности земель, составляетъ сравнительная густота населенiя*.

Путемъ такого изслѣдованiя г. Покровскiй нашелъ что въ первой полосѣ средняя цѣна пахотной десятины 50 р.,

* Впрочемъ, въ Весъегонскомъ уѣздѣ это условiе почти вездѣ совпадаетъ со сравнительнымъ плодородiемъ почвы.

овнякосной 30 р., а льнои 40—120 р. Средній урожай ржи даетъ здѣсь 40, а овса 50 четвериковъ съ десятины. Во второй группѣ цѣнность колеблется между 15 р. за десятину (пустошныя земли) и 80 р. (строевой лѣсъ). Соответствующія цифры для третьей группѣ даютъ 12—70 р. за десятину. Наконецъ, въ четвертой группѣ волостей съ самымъ рѣдкимъ населеніемъ, средняя продажная цѣна десятины опускается до 5 р. 70 к.*. Пахотная земля здѣсь занимаетъ не болѣе 10,5% всей площади, между тѣмъ какъ въ первой полосѣ находится подъ лѣвней 44%.

Доходность земли опредѣленная на основаніи средней урожайности и мѣстныхъ арендныхъ цѣнъ выражается для упомянутыхъ четырехъ полосъ слѣдующею таблицей:

	1й разрядъ.	2й разрядъ.	3й разрядъ.
Земли 1й полосы	2 р. 70 к.	1 р. 17 к.	76 к.
„ 2й „	2 „ 23 „	1 „ 2 „	4 „
„ 3й „	1 „ 63 „	— „ 80 „	29 „
„ 4й „	— „ 80 „	— „ 30 „	24 „ **

Такимъ образомъ, оказывается что цифры приводимыя г. Ясновою, при всей своей официальнойности, мало внушаютъ довѣрія. Двѣ коммисіи на которыя постоянно ссылается г. Ясновои свидѣнія свои получали и посредствомъ устныхъ сообщеній частныхъ лицъ, и чрезъ письменные отвѣты земскихъ управъ: мы, конечно, говоримъ только о свидѣніяхъ получавшихся помимо обычнаго казеннаго пути, посредствомъ обращенія къ „обществу“. Но мнѣнія частныхъ лицъ, особенно разногласныя, такъ и остаются „мнѣніями“, ни для кого не обязательными. Немногимъ отъ нихъ отличаются и сообщенія управъ. Эти почтенныя органы самоуправленія иногда, хоть и рѣдко, даютъ намъ очень цѣнныя и добросовѣстныя мѣстныя изслѣдованія. Но совершенно иное дѣло когда имъ приходится высказать свое мнѣніе по поводу какого-нибудь вопроса съ которымъ къ намъ обратились изъ Петербурга. Въ такихъ случаяхъ отвѣтъ управы, какъ и отвѣтъ всякаго коллегіальнаго мѣста, выражаетъ большею частію только личныя мнѣнія одного изъ ея членовъ, если даже не просто ея секретаря. Обычай отпи-

* По нотаріальнымъ актамъ.

** О цѣнности и доходности земель въ Тверской губерніи. I Весьегонскій уѣздъ (Тверь, 1876 г.).

сываться как ни попало вошелъ такъ въ нашу плоть и кровь что наши выборныя учрежденія также формально, какъ и казенныя, привыкли отвѣчать на дѣлаемые имъ запросы. Вотъ почему намъ приходится читать такія страшныя вещи какъ свѣдѣнія о томъ будто бы въ Псковской губерніи земля родитъ менѣе двухъ зеренъ озимаго хлѣба. Намъ удивляетъ только какъ г. Янсонъ, вѣроятно кое-гдѣ бывавшій въ Россіи, безо всякихъ колебаній помѣстилъ такое извѣстіе въ своей книгѣ, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же самыхъ трудахъ сельско-хозяйственной комиссіи онъ могъ найти извѣстія совершенно иного характера. Чтобы теперь же покончить съ вопросомъ о достовѣрности источниковъ къ которымъ обращался г. Янсонъ, мы должны оказать два слова и про таблицы объ урожаяхъ, издаваемые Департаментомъ Земледѣлія и Сельской Промышленности. Конечно, это учрежденіе принимаетъ всѣ мѣры чтобы сообщать публикѣ достовѣрныя свѣдѣнія и, въ самомъ дѣлѣ, можно ли усомниться въ справедливости цифръ доставляемыхъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ губернаторамъ, которые сами получили ихъ чрезъ исправниковъ и становыхъ? Но вотъ какъ на самомъ дѣлѣ эти свѣдѣнія пріобрѣтаются: мѣстная полиція разсылаетъ по волостнымъ правленіямъ и по имѣніямъ частныхъ землевладѣльцевъ вопросныя листы, въ которыхъ значатся многіе, иногда очень мудреные вопросы о доходности земли, о посѣвахъ, урожаяхъ, скотоводствѣ и другихъ статьяхъ мѣстнаго хозяйства и официальной любознательности. Для большинства крестьянъ редація этихъ вопросовъ мелочатна. Большинство помѣщиковъ на нихъ отвѣчать чистосердечно не желаетъ, или просто не отвѣчаетъ на нихъ по нерадѣнію. Тѣ и другіе склонны къ пониженію цифры доходовъ во избѣжаніе новыхъ налоговъ. Въ результатѣ оказывается что получаютъ относительно крестьянскаго хозяйства плоды измышленій волостныхъ писарей, а относительно помѣщичьяго — немногочисленные отвѣты большею частію отъ управляющихъ и конторщиковъ. Последніе, конечно, не лоды; а первые, если и точны по формѣ, всегда, вольно и невольно, искажаютъ истину. Да и можно ли требовать чтобы волостной писарь въ точности зналъ урожай своей волости, на который вліяетъ столько частныхъ, иногда разрушительныхъ явленій? И вотъ, на основаніи этого заведомо ложнаго матеріала, исправники

выводить среднюю цифру урожая уѣзда, въ которую не вошло большинство помѣщичьихъ, то-есть самыхъ производительныхъ хозяйствъ. Онъ при этомъ нисколько не смущается тѣмъ что отъ нѣкоторыхъ волостей, быть-можетъ, извѣстій нѣтъ вовсе.

Затѣмъ губернаторъ, съ тою же офіціальною точностью, подводитъ итоги вѣдомымъ отчетамъ, и въ министерствѣ получаютъ наконецъ тѣ фантастическія таблицы объ урожае Россіи въ которыхъ мы читаемъ что самыя богатыя черноземныя почвы даютъ среднимъ числомъ 5 зеренъ озимаго хлѣба.

Свою мрачную картину о недостаточной производительности крестьянскихъ надѣловъ г. Яковъ дополняетъ другою, не менѣе мрачною картиною повинностей тяготящихся на этихъ надѣлахъ. Здѣсь, конечно, г. Яковъ подходитъ ближе къ истинѣ: цифры выкупныхъ платежей, оброчныя подати государственнаго и мѣстнаго земскихъ сборовъ, въ каждомъ уѣздѣ извѣстны. Но и тутъ, впрочемъ, слѣдуетъ сдѣлать оговорку: вопервыхъ, эти цифры примѣнимы только къ крестьянамъ получившимъ полный надѣлъ; во вторыхъ, къ нимъ слѣдуетъ прибавить величину очень измѣнчивую, крестьянскіе общественные сборы. Если къ этому прибавить различіе между плательщиками государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ, то и окажется что никакой средней цифры крестьянскихъ платежей для цѣлаго уѣзда вывести нельзя. Можно только найти тотъ максимумъ который платятъ бывшіе помѣщичьи крестьяне, состоящіе на выкупѣ (невыкупленныхъ въ нечерноземной полосѣ осталось немногимъ болѣе $\frac{1}{8}$ части) и получившихъ полный надѣлъ, т.-е. въ большинствѣ уѣздовъ этой полосы 4 дес. на душу. Правильная во вниманіе что въ губерніяхъ этой полосы подушная подать возвращается около 1 р. 75 к. (стало-быть, вмѣстѣ съ государственнымъ подушнымъ сборомъ около двухъ рублей), земское обложеніе колеблется между 12—20 к., а государственный земскій сборъ между $1\frac{1}{2}$ и 3 к. съ десятины,—можно принять что кромѣ общественныхъ сборовъ, такіе крестьяне будутъ платить 9 р. 79 к. до 10 р. 17 к. съ душа. Общественные сборы, какъ извѣстно, очень измѣнчивы и колеблются между 80 коп. и 2 руб. Еще труднѣе вывести цифру среднего подесятиннаго обложенія, потому что у крестьянъ получившихъ неполный надѣлъ и потому платящихъ меньшую сумму

съ души, доля повинности падающей на десятинный надѣлъ тѣмъ не менѣе больше. Не подаежитъ сомнѣнію что даже при полномъ надѣлѣ въ большинствѣ уѣздовъ вечерноземной полосы подесятинное обложеніе превышаетъ поземельную ренту, но денежная рента, въ особенности у насъ, гдѣ цѣны на землю такъ мало установились, далеко не всегда совпадаетъ съ доходностью. Зажиточному крестьянину, даже не въ черномоземной полосѣ, душевой надѣлъ можетъ доставить доходъ превышающій обложеніе, разумѣется при томъ условіи что въ его глазахъ его трудъ не цѣнится вовсе. Это доказывается наглядно цѣной установившеюся во многихъ мѣстностяхъ на сѣмъ чужихъ надѣловъ: какъ извѣстно, уходящіе на заработки крестьяне довольно часто не оставляютъ дома никого, предпочитая сдать за деньга свои надѣлы односельчанамъ или даже постороннимъ. Просматривая акты волостныхъ правленій Ивовской и Емельяновской волостей *, мы убѣдились что обычныя условія при такой передачѣ надѣловъ заключаются въ томъ что сѣмщикъ принимаетъ на себя обязанности уплачивать всѣ повинности лежащія на дворѣ, кромѣ подушной. Такимъ образомъ, въ его глазахъ сѣмка надѣла за плату слишкомъ восьми рублемъ представляется выгодною. Такова, стало-быть, собственная крестьянская оцѣнка земли въ одномъ изъ наименѣе богатыхъ уѣздовъ Тверской губерніи. Позволительно думать что въ лучшихъ, наиболѣе промышленныхъ частяхъ вечерноземной полосы оцѣнка эта значительно выше. По крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ имѣются уже довольно частыя примѣры покулки крестьянами крулыхъ участковъ за 80—100 руб. за десятину. Какъ бы то ни было, нельзя не признать, однако, вмѣстѣ съ г. Ясономъ что главнымъ подспорьемъ для крестьянъ вечерноземной полосы служить не земля, а заработокъ. Мы только позволяемъ себѣ думать что, признавая это, г. Ясонъ совершенно напрасно умаляетъ значеніе заработка въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По тремъ губерніямъ, Новгородской, Вятской и Тверской, г. Ясономъ приведены сдѣланныя мѣстными управами вычисления объ общей суммѣ получаемыхъ крестьянами заработковъ, какъ по домашнимъ такъ и по отхожимъ промысламъ.

* Старицкаго уѣзда, Тверской губерніи.

При всемъ уваженіи нашемъ къ трудамъ земства, мы позво-
ляемъ себѣ сомнѣваться въ возможности опредѣленія сколь-
ко-нибудь точныхъ количествъ заработковъ въ данной гу-
берніи, въ особенности домашнихъ. Для отхожаго промысла
жѣрлоломъ до извѣстной степени можетъ служить число вы-
данныхъ долгосрочныхъ паспортовъ, которое можетъ быть
приведено въ извѣстность. Но какъ узнать выручку кустар-
наго промысла, плотничнаго, кузнечнаго, землекопнаго и т. д.?
Въ виду этого, цифры г. Янсона намъ кажутся совершенно
гадательными. О размѣрѣ заработковъ мы можемъ судить толь-
ко по косвеннымъ признакамъ, а такихъ признаковъ довольно
много. Въ Московской, Тверской, Ярославской губерніяхъ
есть волости гдѣ отъ начала Великаго Поста до Петрова дня
мужское населеніе уходитъ на заработокъ почти поголовно,
причемъ оно далеко не въ полномъ составѣ возвращается
домой къ сѣнокосу. Въ послѣдніе годы стало замѣтнымъ
усиленіе отхожаго промысла и у женщинъ, чего прежде не
бывало. Сообразно этому, объемъ пахотной земли на крестьянскихъ
надѣлахъ сокращается, о чемъ впрочемъ свидѣтель-
ствуетъ г. Янсонъ, и увеличивается также число дворовъ
сдающихъ на сторону свои надѣлы. Въ то же время плата
сельскимъ рабочимъ съ каждымъ годомъ растетъ, хотя не
особенно быстро, и крестьяне обнаруживаютъ все менѣе охоты
наиматься на срокъ или принимать на себя работы въ
короткомъ. Словомъ, число наемочныхъ рабочихъ, остающихся
на мѣстѣ, съ каждымъ годомъ убываетъ. Замѣчательно что явле-
ніе это особенно ощутительно въ мѣстностяхъ населенныхъ
сравнительно густо, гдѣ промыселъ развитъ сильнѣе и благо-
состояніе потому выше. Г. Янсонъ приводитъ также сообра-
женія о размѣрѣ выручаемаго крестьянами заработка. Изъ
докладовъ податной комиссіи * онъ извлекаетъ предположеніе
что каждый рабочій въ многорабочемъ семействѣ можетъ
добыть 30 р.; а каждый одинокій рабочій 15 р. въ годъ **. Цифры эти
ничего съ дѣйствительностью общаго не имѣютъ. Оставляя въ
сторонѣ выручку такихъ рабочихъ какъ пильщики и землекопы, которую
опредѣлить трудно, припомнимъ что отхожій промыселъ направляется преимущественно на

* По Смоленской губерніи.

** Различіе это, впрочемъ, совсѣмъ произвольное зависитъ оттого
что одинокій рабочій вынужденъ къ сѣнокосу возвращаться домой.

фабрики и въ столицы. Плата взрослому фабричному рабочему не менѣе 20—25 р. въ мѣсяць, а когда онъ приобретаетъ извѣстную сноровку, она доходитъ до 30 р. Переносчики тяжестей на станціи желѣзныхъ дорогъ и на Кашаниковской пристани въ Петербургѣ зарабатываютъ отъ 1½ до 2 р. въ сутки; во многимъ ниже средній заработокъ извозчиковъ и лодочниковъ. Какъ видно, все это очень далеко отъ 30 р. годовыхъ, о которыхъ говоритъ г. Янсонъ. Но самый любопытный примѣръ обращенія съ цифрами г. Янсонъ намъ даетъ по поводу крестьянъ Псковской губерніи *. Онъ говоритъ что ея крестьянское населеніе прикулаетъ хлѣба на 7.820.000 руб., чѣмъ и выражается дефицитъ получаемый ими отъ надѣловъ; сверхъ того, оно обложено повинностями въ размѣрѣ 2.520.000 руб. Главнымъ источникомъ для покрытія этихъ расходовъ г. Янсонъ признаетъ льноводство; и то обстоятельство что промыселъ этотъ даетъ только 8.365.000 руб. г. Янсонъ признаетъ крайне печальнымъ, совершенно забывая что ленъ добывается на тѣхъ же самыхъ надѣлахъ считаемихъ г. Янсономъ столь убыточными. Стало-быть, по мнѣнію почтеннаго профессора, если выгоднѣе вмѣсто малопродуктивной воздѣлывать на крестьянской землѣ какое-нибудь болѣе цѣнное растеніе, какъ пшеницу, ленъ или картофель, то объ этомъ слѣдуетъ сожалѣть какъ о грустномъ явленіи. Примѣровъ удачныхъ специальныхъ культуръ въ Россіи есть уже нѣсколько, хотя къ сожалѣнію слишкомъ мало. Кромѣ псковскаго и костромскаго льна, крестьяне успѣшно воздѣлываютъ огородныя овощи въ Ростовскомъ и Углицкомъ уѣздахъ, хмѣль — въ Гуслицяхъ, подсолнечники — въ Воровежской губерніи, табакъ — въ Полтавской. Неужели эти культуры слѣдуетъ разсматривать какъ зло? Но существуютъ два обстоятельства наглядно убѣждающія въ томъ что въ нечерномоземныхъ губерніяхъ заработки съ избыткомъ покрываютъ расходы крестьянъ, первое изъ нихъ, это постепенное возвышеніе литейнаго дохода, причемъ крестьяне оплачиваютъ не одинъ казенный акцизъ, но и весь барышъ винокура и держателей харчевень и кабаковъ. Сумма всего этого въ нѣсколько разъ превышаетъ всю сумму прямыхъ налоговъ съ выкупными платежами включительно. На это возражаютъ обыкновенно что странно ссылаться на народное пьянство

* Янсонъ, *Исслѣдованіе*, стр. 37.

какъ на признакъ благосостоянія. Конечно, не возвышеніе литейнаго дохода обуславливаетъ довольство крестьянъ, но оно во всякомъ случаѣ доказываетъ что масса обращающихся въ ихъ рукахъ денежныхъ знаковъ растетъ. Правда, эти деньги выручаются и расходуются преимущественно въ селеніяхъ. Но какъ бы то ни было, возвышеніе акцизнаго дохода есть прямое послѣдствіе усиленія заработковъ. Если бы въ самомъ дѣлѣ эти заработки, какъ увѣряетъ насъ г. Ясонецъ, едва покрывали собой расходы на содержаніе семьи и ловивности, то, спросимъ мы, изъ какого же источника получались бы милліоны рублей которые рабочее населеніе тратитъ на хлѣбное вино? Другое явленіе говорящее въ томъ же смыслѣ, есть довольно низкій размѣръ недоимокъ по крестьянскимъ платежамъ въ нечерноземной полосѣ вообще. Изъ свѣдѣній государственнаго контроля и изъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ губернаторовъ видно что на 1 января 1878 г. въ Ярославской губерніи не было недоимокъ вовсе; въ Костромской и Калужской ихъ состояло отъ 42 до 9—10 тысячъ, а во Владимірской, Тверской и Вятской отъ 120—180 тысячъ. Недоимки эти такимъ образомъ не превышаютъ ничтожной цифры 12 копѣекъ на жителя. Исключеніе составляютъ только четыре губерніи: Петербургская, Псковская, Новгородская и Смоленская, гдѣ недоимки довольно высоки; но и здѣсь они далеко не достигаютъ размѣровъ приведенныхъ г. Ясонецъ по четыремъ уѣздамъ Смоленской губерніи, въ чемъ убѣдиться легко заглянувъ въ послѣдній отчетъ государственнаго контролера. Изъ этого отчета даже видно что въ губерніяхъ Вятской, Нижегородской, Костромской и Калужской недоимка прежнихъ лѣтъ въ 1878 году нѣсколько сократилась. Если цифры г. Ясонца оказываются не вполнѣ убѣдительными, то съ другой стороны его изслѣдованіе даетъ намъ нѣкоторыя другія указанія не лишеныя интереса: такъ мы видимъ изъ него что обширность крестьянскихъ надѣловъ и обиліе свободныхъ дешевыхъ земель не обуславливаютъ еще крестьянскаго благосостоянія; напротивъ, во всѣхъ слабо населенныхъ мѣстностяхъ нечерноземной полосы крестьянское населеніе бѣднѣе и заработокъ меньше, несмотря на существованіе полнаго простора. Далѣе, оказывается что хозяйство становится выгоднѣе при сосредоточеніи большаго количества земли у одного двора, чѣмъ въ свою очередь немислимо безъ найма постороннихъ рабочихъ. И въ самомъ

дѣлѣ, мы имѣемъ уже нѣкоторыя, хотя рѣдкія, примѣры такихъ хуторскихъ хозяйствъ на купленныхъ отдѣльными крестьянами земляхъ; ихъ всего болѣе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Тверской, Ярославской и Костромской губерній. Опытъ показываетъ что владѣльцы эти достигаютъ лучшихъ урожаевъ и держатъ лучший скотъ не только чѣмъ крестьяне-общинники, но и чѣмъ сами помѣщики. Выставка молочныхъ произведеній, бывшая въ Петербургѣ въ 1878 году, дала случай въ этомъ наглядно убѣдиться. Наконецъ, изъ труда г. Янсона не менѣе ясно вытекаетъ желательность возможно большаго распространенія специальныхъ культуръ въ крестьянскомъ хозяйствѣ и необходимость болѣе тщательной обработки. Только при этихъ двухъ условіяхъ можетъ быть устроена или по крайней мѣрѣ ослаблена роковая бездоходность хозяйства, хотя бы на самыхъ обширныхъ надѣлахъ, въ нашей неплодородной нечерноземной полосѣ.

VII.

Перейдемъ теперь къ губерніямъ черноземной полосы.

Къ этой группѣ г. Янсономъ отвесены * 19 губерній, о которыхъ, по его словамъ, имѣются болѣе или менѣе подробныя свѣдѣнія. Такъ какъ въ числѣ ихъ встрѣчаются нѣкоторыя изъ степныхъ, то мы ограничимся пока разсмотрѣніемъ тѣхъ 12 губерній которыя составляютъ собственно земледѣльческую, черноземную полосу. Это губерніи: Казанская, Симбирская, Саратовская, Пензенская, Тамбовская, Воронежская, Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Харьковская и Полтавская. Въ самомъ центрѣ этого обширнаго района находится мѣстность гдѣ при густомъ населеніи встрѣчаются самыя плодородныя почвы и потому самыя высокія цѣны на землю. Сюда входятъ четыре юго-восточныя уѣзда Тульской губерніи; шесть южныхъ уѣздовъ

* Янсонъ, *Исследования*. Впрочемъ г. Янсонъ предупреждаетъ читателя что вообще свѣдѣнія которыми онъ обладаетъ для черноземной полосы не многочисленны и смутны. Это нисколько не мѣшаетъ ему, конечно, дѣлать на ихъ основаніи очень рѣшительные выводы (стр. 63 и слѣд.).

Рязанской; пять юго-западныхъ уѣздовъ Тамбовской; Задонскій, Землянскій и часть Нижнедѣвцакаго уѣздовъ Воронежской; Малоархангельскій, Ливенскій и Елецкій уѣзды Орловской и вся Курокая губернія, за исключеніемъ Дмитровскаго и сѣверо-западныхъ частей Путивальскаго и Львовскаго уѣздовъ. Мѣстность эта составляетъ ядро нашей хлѣбородной полосы: она характеризуется сплошнымъ, глубокимъ своею чернозема дающимъ прекрасные урожаи и безъ удобренія, самымъ высокимъ въ Россіи процентомъ полевыхъ земель и обширнымъ производствомъ озимой пшеницы являющейся здѣсь главнымъ хозяйственнымъ продуктомъ. Населеніе въ этой мѣстности не спускается ниже 2.000 душъ на квадратную милю, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ доходитъ до 2.500, стало-быть по густотѣ уже близко къ слабо-населеннымъ странамъ Западной Европы. Цѣны на землю здѣсь съ половины шестидесятыхъ годовъ, то-есть съ открытія первыхъ желѣзныхъ дорогъ ведущихъ на югъ отъ Москвы, сильно и быстро повысились. Въ 1863 году средняя арендная цѣна за десятинау земли при долгосрочныхъ арендахъ была въ 3—4 рубля; покупная цѣна колебалась между 30 и 50 рублями; въ настоящее время эти цѣны утроились. Рента при долгосрочныхъ арендахъ * колеблется между 8 и 10 рублями, покупная цѣна достигаетъ 125—150 рублей за десятинау. Наконецъ, при отдачѣ крестьянамъ земли по-десятинау на снѣтіе одного только хлѣба,—что, къ сожалѣнію, составляетъ почти общее правило,—обыкновенная цѣна за озимь 16—18 руб., за яровое 10—12 руб., а въ уѣздахъ Козловскомъ, Усманскомъ, Щигровскомъ и Малоархангельскомъ достигаетъ 20—23 руб. за озимь и 14—15 руб. за яровое.

Во всѣ стороны отъ этого центра, какъ арендная, такъ и покупная цѣны на землю понижаются по мѣрѣ удаленія отъ него. Только въ западной части черноземнаго района, на Днѣпрѣ, мы встрѣчаемъ другую, гораздо менѣе обширную полосу, гдѣ густота населенія, плодородіе почвы и цѣны на землю достигаютъ почти тѣхъ же размѣровъ. Сюда входятъ пять южныхъ уѣздовъ Черниговской губерніи и вся Полтавская, за исключеніемъ Константиноградскаго уѣзда. Это

* Подъ „долгосрочными арендами“ мы здѣсь разумѣемъ съемку крестьянами болѣе или менѣе крупныхъ участковъ на 3—6 лѣтъ; болѣе продолжительные сроки встрѣчаются рѣдко.

центръ нашего табачнаго производства. Мѣстность эта, впрочемъ, резко отличается отъ центральной группы нашихъ черноземныхъ уѣздовъ: тамъ преобладаніе крупной собственности, значительный процентъ помѣщичьихъ земель и почти сплошныя лѣсныя занимающія иногда до 90% и болѣе общей площади; здѣсь, на оборотъ, мелкая собственность, за исключеніемъ очень не многихъ крупныхъ имѣній: Галагановъ, Кочубеевъ и др., сильное развитіе специальныхъ культуръ и значительный процентъ луговъ. Сравнительно съ этими двумя центрами цѣны на землю всего болѣе понижаются по направлению къ сѣверо-востоку и достигаютъ своего минимума въ завоишской части Казанской губерціи. Но и здѣсь онѣ стоятъ въ уровень съ по-десятиною цѣной крестьянскаго надѣла. Такимъ образомъ, нельзя сказать чтобы на всемъ протяженіи черноземной полосы надѣлы крестьянъ были оценены выше ихъ стоимости. Напротивъ, въ большинствѣ уѣздовъ этого района локуліи и арендныя цѣны на землю значительно превышаютъ выкупную сумму и оброкъ, не говоря уже о платежахъ государственнымъ крестьянъ.

Но это еще несколько не значитъ что высокія цѣны на землю въ черноземной полосѣ были бы для крестьянъ выгодны. Строго говоря, ими обуславливается только сравнительная выгода для крестьянъ получившихъ полный надѣлъ въ сравненіи съ тѣми которые получили надѣлы четвертые или уменьшенные. Мы постараемся это пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Допустимъ что селеніе съ трехдесятиными душами пользовалось при крѣпостномъ правѣ четвертою десятиною, которая и была отрѣзана въ распоряженіе помѣщика. Если крестьяне пожелаютъ теперь взять въ аренду эту четвертую десятину, то должны будутъ, по существующимъ цѣнамъ, уплатить за нее ровно столько сколько положено оброка за весь ихъ надѣлъ, то-есть они будутъ платить вдвое дороже чѣмъ при крѣпостномъ правѣ. Вообще мы охотно соглашаемся съ г. Ясономъ въ томъ что положеніе черноземныхъ крестьянъ въ общей сложности ни чуть не лучше быта крестьянъ нечерноземныхъ губерній. Намъ кажется только что г. Ясонъ не совсѣмъ вѣрно объяснилъ это явленіе, на первый взглядъ такъ поражающее своею странностью. Въ самомъ дѣлѣ, какъ объяснить что крестьянину живется не лучше тамъ гдѣ отведенная ему земля стоитъ въ три раза дороже того что онъ за нее платитъ, чѣмъ тамъ гдѣ плата

за надѣлъ равняется его нормальной рента если даже не превышаетъ ее? Г. Янсонъ, въ отвѣтъ на это, старается доказать что и въ черноземныхъ губерніяхъ повинности крестьянъ поглощаютъ весь доходъ съ надѣла, а надѣлъ въ свою очередь не въ силѣ обезпечить ихъ существованіе. Въ обоихъ этихъ положеніяхъ г. Янсонъ, какъ мы сейчасъ увидимъ, совершенно не правъ. На самомъ дѣлѣ, сравнительная невыгода положенія черноземныхъ крестьянъ заключается въ отсутствіи или слабости заработковъ. Въ нечерноземной полосѣ заработки въ нѣсколько разъ превышаютъ доходъ съ надѣла; повято что отсутствіе ихъ уравниваетъ большую доходность послѣдняго на черноземѣ. Условія сельскихъ работъ въ черноземной полосѣ еще болѣе чѣмъ на сѣверѣ создаютъ рѣзкій контрастъ между короткимъ періодомъ страды, требующей самаго усиленнаго напряженія, и остальнымъ временемъ года, почти совершенно свободнымъ. На сѣверѣ страда означаетъ преимущественно сѣнокосъ; на черноземѣ, гдѣ луговъ очень мало, она заключается въ уборкѣ хлѣба. Но за то эта уборка требуетъ несравненно болѣе рукъ тамъ гдѣ $\frac{1}{3}$ земли подъ хлѣбомъ, чѣмъ тамъ гдѣ лѣсами занята только половина угодій и, въ добавокъ, урожай слабѣе. Въ виду этого, на черноземѣ не могло быть того излишка рабочихъ свободныхъ круглый годъ, которые въ промышленномъ районѣ и обратились къ отхожему заработку. Но за то во все остальное время года населеніе черноземной полосы несравненно свободнѣе отъ всякаго труда чѣмъ крестьяне промышленныхъ губерній. Это происходитъ оттого, во первыхъ, что отсутствіе лѣсовъ не даетъ работы главному виду мастерства на сѣверѣ, плотничному, и въ вторыхъ, оттого что никакихъ домашнихъ промысловъ нѣтъ. Такимъ образомъ, черноземному крестьянину не откуда достать денегъ, въ особенности для уплаты весенняго полугодія податей, и онъ вынужденъ предлагать свой трудъ на обработку помѣщичьей земли очень дешево, съ тѣмъ лишь чтобы получить за него плату какъ можно ранѣе, иногда за цѣлый годъ впередъ. Во всей центральной черноземной полосѣ установилась обычай что въ задатокъ за обработку помѣщичьей земли выдается крестьянину впередъ 80% условенной платы, но за то эта плата, никогда не бывшая высокою, въ послѣднія десять лѣтъ понизилась до 6 рублей за обработку озимой десятины и 5 р. за обработку яровой. Такъ какъ выдача крестьянину денегъ

впередъ сопряжена съ павѣстнымъ рискомъ, то она естественнымъ образомъ влечетъ за собой демовизму работы.

Если такимъ образомъ заработки крестьянъ въ чисто земледѣльской полосѣ чернозема насколько не растутъ *, то единственный ихъ промыселъ, сѣмка помѣщичьихъ земель, ведется теперь несравненно болѣе рискованно чѣмъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ.

Всеобщая паника овладѣвшая тогда помѣщиками побудила многихъ закрыть свои хозяйства и такимъ образомъ доставила крестьянамъ возможность очень дешево снимать земли предлагавшіяся въ большомъ количествѣ. Но уже съ половины шестидесятыхъ годовъ началось обратное движеніе, которому сильно способствовало вздорожаніе хлѣба, вслѣдствіе открытія желѣзныхъ дорогъ. Съ тѣхъ поръ площадь земли сдаваемая помѣщиками въ аренду крестьянамъ сокращается съ каждымъ годомъ, и въ то же время, какъ естественное послѣдствіе этого, растутъ арендные цѣны.

Конечно, при всей своей высотѣ, цѣны эти далеко не равняются доходности чернозема въ обыкновенные годы. Въ центральной полосѣ, про которую мы говорили выше, средній урожай ржи по 9, средній урожай овса по 12 четвертей съ десятины: стало-быть, за исключеніемъ обмена, и полагая четверть ржи въ 5, четверть овса въ 2¹/₂ р., десятина того и другаго хлѣба даетъ валоваго дохода 40 и 22¹/₂ р. Но черноземъ не обезпеченъ отъ неурожаевъ; напротивъ, здѣсь они повлече чѣмъ на сѣверѣ. А неурожай при высокихъ арендныхъ цѣнахъ для многихъ крестьянъ равняется разоренію. Вотъ почему сѣмка земель является промысломъ чрезвычайно рискованнымъ; а если къ этому прибавить различія въ личныхъ качествахъ отдѣльныхъ крестьянъ-домохозяевъ и тѣ многочисленныя случайности отъ которыхъ зависятъ успѣхъ, то стаетъ понятнымъ отчего въ селеніяхъ черноземной полосы, еще болѣе чѣмъ въ промышленныхъ

* Въ одномъ отношеніи заработки даже значительно сократились. Вся масса хлѣба идущая теперь по желѣзнымъ дорогамъ къ Батійскимъ портамъ направлялась прежде изъ центральныхъ черноземныхъ уѣздовъ либо на баркахъ внизъ по Окѣ и ея притокамъ, либо на лошадяхъ преимущественно къ Москвѣ и Бѣлеву. Прекращеніе извоза, конечно, повело къ сокращенію числа лошадей.

районахъ сталъ замѣтно выдѣляться классъ зажиточныхъ (большою частью многосемейныхъ) крестьянъ, рѣзко отличающійся отъ остаальаго, недостаточнаго населенія. Главнѣйшій отличительный признакъ тѣхъ и другихъ есть число лошадей. Съ одной стороны, у нѣкоторыхъ дворовъ число это увеличивается до 5, 6 и 7 головъ, съ другой — размножается число дворовъ совершенно безлошадныхъ, въ которыхъ и выражается развитіе у насъ сельскаго пролетаріата. Исслѣдованіе произведенное въ 1878, по порученію г. министра Государственныхъ Имуществъ, въ губерніяхъ Тульской и Орловской, показали что въ этихъ губерніяхъ число безлошадныхъ дворовъ достигаетъ 20%, а въ Орловскомъ уѣздѣ до 25%. Если принять въ соображеніе что общее число лошадей въ этихъ двухъ губерніяхъ сократилось въ гораздо меньшей степени, * то и сѣдуетъ признать что, очевидно, происходитъ у крестьянъ нѣкоторое сосредоточеніе довольства въ извѣстной части сельскаго населенія. Къ тому же выводу приводитъ и другое наблюденіе. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ помѣщичьи земли свивались крестьянами извѣстной деревни почти въ ладномъ составѣ. Въ настоящее время, напротивъ, даже тамъ гдѣ не уменьшилось количество сдаваемой земли, ее разбираютъ уже далеко не всѣ, а только зажиточные дворы. Это положеніе дѣла вызываемое, какъ видно, не общими, а единичными причинами, на черноземѣ гораздо мѣтче чѣмъ въ промышленномъ районѣ можетъ перемѣниться къ лучшему, такъ какъ здѣсь единственный источникъ обогащенія: съемка земель, недоступная для обдѣлывшихъ, а тѣмъ болѣе для безлошадныхъ хозяевъ. Посѣдніе едва ли могутъ поправиться, между тѣмъ какъ отхожіи заработокъ доступенъ для всѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, имѣются уже налицо примѣры настоящаго закабаленія бѣдныхъ крестьянъ своими же односельчанами. Вотъ почему такъ несостоятельны всѣ общіе выводы о крестьянскомъ бытѣ черноземной полосы: смотря потому съ какой стороны на него взглянуть, онъ представляетъ и растущее благосостояніе, и

* Въ Тульской съ 1856 — 1876 гг. число лошадей сократилось отъ 389 до 360 тысячъ, въ Орловской съ 567 до 434 тысячъ. (Свид. Департамента Земледѣлія и Сельской Промышленности). Если взять исходною точкою 1861 г., то результатъ будетъ иной: въ 1861 г. въ Тульской губ. насчитывалось 339 т. лошадей, а въ Орловской 502 т.

полный безнадежный уладокъ. Итакъ, слабость или отсутствие заработковъ, значительная неравномѣрность въ степени благосостоянія членовъ одного и того же общества и почти совершенная безвыходность положенія обѣдѣвшихъ дворовъ, вотъ три главныя черты характеризующія положеніе крестьянъ черноземной полосы.

Совершенно инымъ представляется этотъ бытъ въ описаніяхъ г. Янсона. * Слѣдуя принятой имъ системѣ изложенія, почтенный авторъ старается доказать: во-первыхъ, что платежи крестьянъ черноземной полосы превышаютъ (sic!) десятичную ренту въ этой области, во-вторыхъ, что отведенные имъ надѣлы не обезпечиваютъ содержаніе семьи. Мы прослѣдимъ доводы излагаемые г. Янсономъ въ подтвержденіе этихъ двухъ положеній.

Благодаря вышедшему въ 1880 году изданію главнаго статистическаго комитета *Статистика поземельной собственности*, мы въ состояніи проверить цифры приводимыя г. Янсономъ для размѣровъ надѣловъ въ черноземной полосѣ, на основаніи данныхъ уже сомнѣнію не подлежащихъ. ** Изданіе это, правда, касается только семи черноземныхъ губерній; *** но въ числѣ ихъ имѣются, какъ разъ, наиболѣе плодородныя и самыя густо-населенныя изъ уѣздовъ этой полосы. Изслѣдованная область въ изданіи раздѣлена на четыре района: 1) черноземный незалежный, 2) черноземный полузалежный, 3) переходный и 4) промыслово-лѣсистый. Первый изъ нихъ почти совпадаетъ съ границами той группы уѣздовъ на которую выше было указано какъ на ядро нашего чернозема, какъ на мѣстность въ которой плодородіе почвы, дѣятельность земли и густота населенія достигаютъ своего максимума. Въ самомъ дѣлѣ, вопросъ поднятый г. Янсономъ именно въ этомъ районѣ пріобрѣтаетъ наибольшую важность. Если доводы почтеннаго автора справедливы, то сила ихъ должна быть всего убѣдительнѣе тамъ гдѣ благодаря густому населенію объемъ надѣловъ не великъ, а обладаніе землей

* Янсонъ, *Изслѣдованія*, стр. 61 и слѣд.

** Желающіе убѣдиться въ достовѣрности свѣдѣній содержащихся въ упомянутомъ изданіи могутъ найти доказательства этого въ предисловіи къ нему.

*** Тамбовской, Воронежской, Пензенской, Курской, Орловской, Тульской и Рязанской.

при ея высокой производительности приобретаетъ особенно высокую цѣну. Въ этой области, какъ извѣстно, было сравнительно всего болѣе крѣпостныхъ, и до сихъ поръ въ ней болѣе чѣмъ гдѣ-либо сохранилось помѣщичьи хозяйства. Здѣсь поэтому и представляется наиболѣе богатая добыча въ томъ случаѣ если будетъ признано что остающіяся у частныхъ лицъ за надѣломъ земли должны тѣмъ или инымъ путемъ перейти въ крестьянскія руки. Мы приводимъ здѣсь небольшую таблицу, извлеченную изъ упомянутого издавiя, въ которой содержатся среднiя цифры надѣла на душу и на дворъ, и числа душъ во дворѣ какъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ упомянутыхъ семи губернiяхъ:

Г У Б Е Р Н I И.	Число десятинъ на душу у		Число десятинъ на дворъ у		Душъ во дворѣ у	
	помѣщ.	государ.	помѣщ.	государ.	помѣщ.	государ.
Тамбовская	2,5	5	6,6	13,9	3,3	3,5
Тульская	2,7	4,2	8,8	12,5	3,6	3,6
Пензенская	2,5	4,9	6,9	14,2	3,2	3,5
Калужская	3,9	4,7	9,0	13,0	3,2	3,1
Воронежская	2,4	5,7	6,7	15,1	3,4	3,5
Орловская	2,9	4,1	8,3	12,6	3,5	3,5
Курская	2,2	4,3	6,1	12,0	3,3	3,4
Рязанская	2,8	4,1	7,9	11,1	3,3	3,3

Слѣдующая затѣмъ таблица показываетъ тѣ же цифры уже не по губернiямъ, а по упомянутымъ выше районамъ:

П О Л О С Ы.	Число десятинъ на ревизс. душу у		Число десятинъ на дворъ у		Душъ во дворѣ у	
	помѣщ.	государ.	помѣщ.	государ.	помѣщ.	государ.
Черноземно-незалежная	2,4	4,3	7,0	12,1	3,2	3,5
Черноземно-полузалежная	2,5	5,5	7,0	15,0	3,1	3,5
Переходная	2,8	4,3	7,8	12,4	3,3	3,5
Промыслово-лѣсистая	3,3	4,8	8,9	13,3	3,2	3,3

Привода эти цифры, мы снова считаемъ долгомъ предупредить читателя что онѣ имѣютъ значеніе лишь ариѳметическаго средняго вывода и вовсе не могутъ характеризовать положеніе быта отдельнаго селенія или отдельнаго двора. Повидимому, не трудно было бы сдѣлать вычисленіе о хозяйствѣ средняго крестьянскаго двора и, зная размѣръ повинностей каждаго двора въ уѣздѣ, вычислить съ кажущейся точностью сколько ихъ среднимъ числомъ падаетъ на дворъ, на душу и на десятину. Но подобный расчетъ былъ бы ошибоченъ въ высшей степени. Какъ мы ниже увидимъ изъ того же изслѣдованія, для характеристики данной мѣстности необходимо еще знать въ какомъ процентномъ отношеніи другъ ко другу находятся въ ней крестьяне получившіе надѣлы того или другаго размѣра. Само собой разумѣется что соответственно этому размѣру измѣняется и количество собственно поземельныхъ крестьянскихъ повинностей, т.-е. выкупнаго платежа и оброчной подати, поземельнаго государственнаго и мѣстнаго земскаго сборовъ, причежъ послѣдній далеко не одинаковъ въ различныхъ уѣздахъ той же губерніи. Расчетъ этотъ усложняется еще тѣмъ что, при существованіи градаціи, количество выкупнаго платежа сравнительно больше при уменьшенномъ чѣмъ при полномъ надѣлѣ. Далѣе подушная подать (выѣстъ съ поземельными, государственными и земскимъ оборами) составляетъ, конечно, величину постоянную, но за то тѣмъ сильнѣе падающую на десятину надѣла чѣмъ меньше его объемъ. Наконецъ, другая категорія подушныхъ податей, общественный сборъ, совершенно независима отъ мѣстности и отъ величины надѣла; но за то она представляетъ величину колеблющуюся свыше 100%. Изъ этого видно какъ трудно, чтобы не сказать невозможно, сдѣлать какой-либо правильный выводъ о среднемъ подушномъ, а тѣмъ болѣе подесятинномъ обложеніи для цѣлой губерніи. Вотъ почему цифры приводимыя въ этомъ смыслѣ г. Янсономъ, даже тѣ которыя извлечены изъ *Трудовъ Податной Коммисіи*, намъ кажутся лишними практическаго значенія. Онѣ представляютъ рѣшеніе лишь ариѳметической задачи, вовсе не применимой къ конкретному случаю. Мы полагаемъ что для получения какихъ-либо выводовъ о размѣрѣ обложенія, слѣдуетъ ограничиться отысканіемъ того *maximum*, который крестьяне въ данной мѣстности могутъ платить; это будетъ, стало-быть,

какъ и въ черноземной полосѣ, помѣщичьи крестьяне. стоящіе къ полному надѣлу.*

Мы не ставимъ вслѣдъ за г. Янсономъ входить въ подробный разборъ платежей крестьянъ съ души и десятины по разнымъ губерніямъ черноземной полосы. Мы ограничимся однимъ общимъ замѣчаніемъ: цифры въ составъ которыхъ входятъ такіа рѣзкіа противоположности, какъ напр. пятидесятиный душевой надѣлъ въ Брянскомъ уѣздѣ Орловской губерніи и четвертые надѣлы въ которыхъ изъ бывшихъ крѣпостныхъ, не могутъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было разсужденій. Замѣчаніе это мы всецѣло можемъ отнести также и къ тѣмъ добросовѣстнымъ но, думаемъ мы, тщетнымъ успіямъ съ которыми г. Янсонъ старается опредѣлить средніе подешатинные платежи государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ съ тѣмъ чтобы доказать что послѣдніе значительно превышаютъ первые. Среднюю величину подешатиннаго обложенія опредѣлить едва ли возможно; а доказывать что бывшіе помѣщичьи крестьяне обложены повинностью выше государственныхъ, особенно при переложеніи этихъ повинностей на землю, едва ли стоить въ виду общеизвѣстнаго факта что девятирублевый оброкъ повсюду выше оброчной подати, въ чемъ любопытный читатель давно успѣлъ убѣдиться познакоившись со Сводомъ Законовъ. Не менѣе безцѣльны указанія г. Янсона на то обстоятельство что это неравенство всю тяжестью преимущественно ложится на поземельные платежи: такъ какъ общіе (какъ ихъ называетъ г. Янсонъ), т.-е. подушные платежи всѣхъ крестьянъ одной губерніи одинаковы, то само собой разумѣется что различіе въ суммѣ должно всю тяжестью ложиться на ту часть повинности которая у обоихъ крестьянъ неравна, т.-е. на поземельную**.

* Для черноземной полосы этотъ максимумъ будетъ: выкупныхъ 7 р. 20 к., подушныхъ 2 р. 45 к., государственный земскій сборъ 39 к. (полагая въ надѣлѣ 3 дес.), мѣстный земскій сборъ 75 к. (при земскомъ обложеніи въ 25 к. за десятину), общественный сборъ 2 р. Итого съ души 12 р. 79 к., т.-е. съ десятины при трехдесятиномъ надѣлѣ 4 р. 26 к. Для крестьянъ еще не выкупленныхъ слѣдуетъ, какъ извѣстно, еще прибавить 1 р. 80 к. на душу.

** Мы впрочемъ сдѣлаемъ г. Янсону и болѣе серіозный упрекъ: говоря о крестьянахъ получившихъ даровой (четвертной) надѣлъ Казанской губерніи (*Исследования* стр. 61), г. Янсонъ утверждаетъ

Опредѣливъ такимъ образомъ количество крестьянскихъ платежей, г. Янсонъ обращается къ вопросу о степени обезпеченности крестьянскаго быта и соответствіи этимъ платежамъ доходовъ съ надѣловъ. „Есть ли и могутъ ли быть, вопрошаетъ г. Янсонъ, у черноземнаго крестьянина тѣ избытки которые можно было бы обратить на увеличеніе скотоводства и обзаведеніе лучшими орудіями?“ Что избытки эти *могутъ* быть, объ этомъ свидѣлствуютъ тѣ многочисленные скурды хлѣба, часто немолоченаго за два года, которые въѣзжающему въ черноземную деревню неоднократно, конечно, бросались въ глаза, и хотя бы размноженіе тѣхъ кулаковъ изъ числа крестьянъ на зловредную дѣятельность которыхъ у насъ слышались такіа частыя сѣтованія. Но все это, разумѣется, частные случаи на которые ссылаться нельзя; слѣдуетъ узнать обезпеченъ ли крестьянскій бытъ въ черноземной полосѣ при обычныхъ, такъ сказать, нормальныхъ условіяхъ? *

Отвѣчая на этотъ вопросъ, г. Янсонъ ** приводитъ среднія цифры числа душъ на дворъ по 12 губерніямъ; оказывается что въ большинствѣ изъ нихъ на дворъ приходится не многимъ менѣе трехъ душъ, а среднимъ числомъ 2,44 души. Цифры эти довольно близки къ приведеннымъ выше и извлеченнымъ нами изъ *Исследования о статистикѣ поземельной собственности*. Далѣе, г. Янсонъ разчитываетъ среднюю цифру дѣйствительнаго населенія двора и приходитъ къ заключенію что въ немъ должно быть 3,27 взрослыхъ рабочихъ обою пола и 2,67 малолѣтковъ и стариковъ. *** На содержаніе

что крестьяне обложены платежами въ размѣрѣ: 4 р. 55 до 5 р. 33 к. съ десятины, между тѣмъ какъ эти крестьяне никакихъ выкупныхъ платежей, какъ извѣстно, не отбываютъ, а подушныя, вмѣстѣ съ общественными сборами, до такой цифры дойти не могутъ.

* Г. Янсонъ находитъ разрѣшеніе этого вопроса затруднительнымъ потому что *нужды черноземнаго крестьянина меньше изслѣдованы нужды крестьянъ промышленныхъ губерній*. Въ виду этого г. Янсонъ и полагаетъ что опредѣлить ихъ можно только косвеннымъ путемъ, посредствомъ разчета потребностей средней крестьянской семьи. Смѣемъ думать что эти потребности мало отличаются, смотря по различнымъ полосамъ.

** *Id.* стр. 15 и сл.

*** Вычисленіе это довольно наглядно показываетъ все неудобство среднихъ величинъ для хозяйственныхъ расчетовъ, такъ въ

ихъ, а также имѣющихся при дворѣ скота и лошадей нужно, по мнѣнію г. Яасона, 13,6 четвертей озимаго, 9,8 четверти яроваго и 200 пудовъ сѣна. Вычисливъ это, г. Яасонъ дѣлаетъ странное предположеніе что у такой семьи можетъ быть никакъ не болѣе двухъ душевыхъ надѣловъ, между тѣмъ какъ исходною точкой его разсужденія должна была служить приведенная имъ же средняя цифра ревизскихъ душъ на дворѣ. Эти души, какъ вѣроятно и г. Яасону извѣстно, не означаютъ ничего иного, кромѣ числа надѣловъ имѣющихся у двора или селенія, въ противоположность *наличнымъ* душамъ, означающимъ дѣйствительное мужское населеніе въ настоящее время. Такимъ образомъ, въ вычисленіи г. Яасона допущено весьма крутое и существенное противорѣчіе. Въ самомъ дѣлѣ 2,9 души на дворѣ составляютъ при полномъ надѣлѣ отъ $7\frac{1}{4}$ — 12 дес. на дворѣ, * стало-быть, въ мѣстности гдѣ 80% земли подъ лѣншей, на такихъ надѣлахъ подъ посѣвами будетъ отъ 5,8 — 9,6 дес. въ трехъ поляхъ. При вычисленіи средняго урожая г. Яасонъ не мѣше сильно уклоняется отъ дѣйствительности когда предполагаетъ что она равняется 4,8 зернамъ съ десятины озимаго хлѣба, цифра эта будто бы средняя для трехлѣтія 1870 — 1872 года. Конечно она очень близко подходитъ къ официальнымъ даннымъ помѣщеннымъ въ *Сборникъ Департамента Земледѣлія*; здѣсь средняя урожайность за періодъ 1870 — 1876 годовъ въ среднихъ черноземныхъ губерніяхъ (VIII группа) показана въ 3,5 зерна пшеницы и 4,5 ржи съ десятины. Но мы выше уже сказали какимъ путемъ составляются и въ какой мѣрѣ достовѣрны эти свѣдѣнія. Въ опроверженіе ихъ, мы могли бы привести личный опытъ землевладѣльцевъ

дѣйствительности конечно не встрѣчаются дробные работники и работницы. Впрочемъ, хотя дѣйствительное населеніе (обоюго пола) почти вездѣ вдвое больше ревизскаго, численность обоеихъ по отдѣльнымъ дворамъ на самомъ дѣлѣ вовсе не соответствуетъ другъ другу. При составленіи подворныхъ списковъ въ селеніи легко убѣдиться что численность двора и число владѣемыхъ имъ надѣловъ далеко не идутъ параллельно. Это объясняется рѣдкостью надѣловъ которые одни могутъ восстановить разрушенное соответствіе.

* Мы здѣсь постоянно принимаемъ за основаніе надѣлы бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, такъ какъ расчеты наши будутъ а fortiori относиться и къ государственнымъ, у которыхъ объемъ надѣловъ и потому обезпеченность несравненно значительнѣе.

центральных черноземных губерний и сослаться на свидѣтельство въскольких сотенъ людей, знающихъ очень хорошо что въ указанномъ нами районѣ обыкновенный урожай ржи даетъ 10, а пшеницы 7 четвертей съ десятины. Что эти цифры еще очень далеки отъ урожайности чернозема при улучшенныхъ способахъ культуры, видно изъ описанія имѣнія князя Васильчикова въ Лебединскомъ уѣздѣ Тамбовской губернии, содержащемся въ статьѣ профессора Линдемана о гессенской мухѣ.* Но такъ какъ эти частныя указанія вѣроятно покажутся читателю неубѣдительными, мы предложимъ ему сдѣлать съ нами слѣдующій небольшой расчетъ: въ уѣздахъ центрального района чернозема густота населенія отъ 2.200—2.500 на кв. милю; возьмемъ первую, низшую изъ этихъ двухъ цифръ. Квадратная миля содержитъ, какъ извѣстно, около 5.000 дес. земли; мы видѣли уже что въ полосѣ о которой идетъ рѣчь 80% земли находятся подъ пашней,** стало-быть на квадратную милю придется 4.000 дес. посѣвовъ и въ томъ числѣ 1.330 дес. подъ озимымъ хлѣбомъ. При средней урожайности въ 4,8 эта площадь дастъ всего 6.384 четверга или за вычетомъ сѣмянъ 45.486 пудовъ муки. По расчету г. Янсова, для каждаго взрослого требуется 24, а для каждаго изъ малообтѣлыхъ и стариковъ по 12 пудовъ муки въ годъ. Полагая въ виду этого кругомъ 18 пудовъ на каждаго жителя, ежегодная потребность въ мукѣ населенія одной кв. мили опредѣлится въ 89.600 пудовъ въ годъ, т.-е. покроетъ почти безъ остатка весь полученный урожай. Между тѣмъ наша черноземная полоса не только снабжаетъ озимымъ хлѣбомъ всю остальную Россію, но служитъ источникомъ всего нашего заграничнаго отлуска ржи и пшеницы,*** чего очевидно не могло бы быть еслибы % всего сбора зерна поглощалось мѣстнымъ потребленіемъ: мы не упоминяемъ даже здѣсь о значительномъ количествѣ хлѣба, идущемъ на выкуреніе. Одинъ Елецъ, куда стекается хлѣбъ изъ 7 только уѣздовъ и то не въ полномъ ихъ

* *Русскій Вѣстникъ*, октябрь и ноябрь 1880.

** *Статистика поземельной собственности*, предисловіе, стр. XI и слѣд.

*** Степныя хлѣбородныя мѣстности лежація по низовьямъ Дона и Волги сбываютъ за границу преимущественно яровую пшеницу; озимыхъ посѣвовъ здѣсь, какъ извѣстно, очень мало.

составѣ, * отпускаетъ ежегодно зерномъ и мукой свыше двухъ милліоновъ четвертей. Такимъ образомъ оказывается что расчетъ г. Янсона ни по качеству земли владѣемой дворомъ, ни по степени ея производительности, основаніемъ для выводовъ служить не можетъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ падаетъ конечно и заключеніе его о недостаточности черноземныхъ надѣловъ для содержанія обитателей двора. На самомъ дѣлѣ вотъ какъ приблизительно выразится доходъ съ полей средняго двора въ центральномъ черноземномъ районѣ при надѣлѣ въ $7\frac{1}{4}$ —12 дес.: мы видѣли уже что эти цифры соответствуютъ объему полевой земли въ 5,8—9,6 дес. Какъ извѣстно, черноземные крестьяне на своихъ надѣлахъ сѣютъ преимущественно пшеницу (на удобныхъ полосахъ), а рожь получаютъ со съемочныхъ земель. Въ первомъ случаѣ 1,9 дес. озимаго хлѣба дадутъ 7 четвертей пшеницы и 9 четвертей ржи, за вычетомъ сѣмянъ 6 четвертей пшеницы пойдутъ на продажу (что въ обыкновенные годы составитъ 60 руб.), а 8 четвертей ржи — на продовольствіе, 1,9 дес. яроваго поля распределится такъ что 1 дес. будетъ засѣяна овсомъ (котораго получится около 12 четвертей), а остальные 0,9 распределятся между гречихой, просомъ и горохомъ. Половина овса, за исключеніемъ сѣмянъ, т.е. $4\frac{1}{2}$ четверти также пойдутъ на продажу и дадутъ 11 руб. выручки, а остальной яровой хлѣбъ будетъ потребленъ дома. Такимъ образомъ, на основаніи расчета г. Янсона, окажется недостатокъ въ 5 четвертяхъ ржи на сумму 25 руб. и за то избытокъ въ 71 руб. отъ продажи пшеницы и овса. Во второмъ случаѣ, при 12 десятинахъ на дворѣ, съ 3,2 дес. озимаго поля (которыя вѣроятно будутъ разделены пополамъ между пшеницей и рожью) получится около 10 четвертей пшеницы и 15 четвертей ржи; при такихъ условіяхъ, конечно, обезличенность двора въ продовольствіи не требуетъ доказательства. Все сказанное нами относится только къ центральному району чернозема; на югъ, на востокъ и на сѣверо-востокъ отъ этой мѣстности условія эти нѣсколько измѣняются къ худшему. Плодородіе почвы въ этихъ степныхъ и полустепныхъ мѣстностяхъ, въ благоприятные годы, иногда даже превышаетъ плодородіе центральной полосы; но за то неблагоприятныя климатическія

* Уѣзды: Елецкій, Ливенскій, Цигровскій, Задонскій, Землянскій, Липецкій и Лебедянскій.

условія, недостатокъ орошенія и обиліе вредныхъ насекомыхъ значительно понижаютъ уровень средней урожайности. И потому цифры только-что приведенныя нами не могутъ относиться къ этимъ окраинамъ черноземной полосы. * Но здѣсь, взамѣнъ этого, надѣлы обширны (конечно, за исключеніемъ крестьянъ получившихъ четвертые надѣлы) и болѣе дешевыя аренды цѣны облегчаютъ для крестьянъ съемку помѣщичьихъ земель.

Цифры г. Янсона точно также расходятся съ дѣйствительностью тамъ гдѣ онъ обращается къ другой сторонѣ вопроса, къ сравненію доходности надѣла съ суммою повинностей. У него ** мы находимъ цѣлый рядъ свѣдѣній заимствованныхъ изъ трудовъ двухъ комиссій, вѣсколько разъ уже нами приведенныхъ, для опредѣленія средней доходности десятины земли въ разныхъ уѣздахъ черноземной полосы. Такъ въ Казанской губерніи эта доходность колеблется между 60 коп. и 1 руб. 86¼ коп.; въ Козловскомъ и Липецкомъ уѣздахъ Тамбовской губерніи она равняется 2 руб. 96 коп., въ Моршанскомъ возвышается до 6 р., въ *Кирсановскомъ опускается до 1 р. 98 к. (sic)*. *** Среднюю доходность для восьми черноземныхъ губерній въ 3 р. 25 к. г. Янсонъ признаетъ несомнѣнно слишкомъ высокою, точно также какъ ему кажется несомнѣнно ошибочною оцѣнка въ 6—7 рублей доходности десятины въ черноземныхъ уѣздахъ Тульской губерніи. Наконецъ, въ чисто черноземныхъ уѣздахъ Орловской губерніи, г. Янсонъ опредѣляетъ среднюю доходность въ 2 р. 60 к. съ десятины. Соответственно этой низкой доходности платежи крестьянъ составляютъ, по словамъ г. Янсона, отъ 30%—148% съ ренты, а для нѣкоторыхъ изъ нихъ доходятъ до 200%. † Мы

* Изъ числа восточныхъ черноземныхъ губерній, вошедшихъ въ подушежную полосу (*Статистика поземельной собственности*), Пензенская, впрочемъ, близко подходитъ къ условіямъ центрального района.

** *Исслѣдованія*, стр. 75 и слѣд.

*** Почему земля въ Моршанскомъ уѣздѣ, какъ извѣстно не особенно плодородномъ, признается вдвое доходнѣе земли въ уѣздахъ Усманскомъ, Липецкомъ и Козловскомъ, остается непонятнымъ.

† Мы не можемъ не указать здѣсь что и князь Васильчиковъ въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи *О земледѣльцѣ и земледѣліи* былъ введенъ въ заблужденіе официальными свѣдѣніями и допускаетъ что напримѣръ въ Пензенской губерніи, гдѣ будто бы средняя подесятинная доходность равняется 2 р. 42 к., платежи крестьянъ превышаютъ ее среднимъ числомъ на 128% (т. 2, стр. 695).

не станемъ опровергать эти вычисления, такъ какъ этотъ трудъ привалъ на себя самъ почтенный авторъ. Стоить перевернуть нѣсколько страницъ его *Исследования* и мы увидимъ * что тотъ же г. Янсонъ, который только что говорилъ о малой доходности крестьянскихъ надѣловъ, сѣтуетъ на крайнюю дороговизну земель частныхъ владѣльцевъ, снимаемыхъ крестьянами въ аренду. Въ исторіи этого арендованія г. Янсонъ усматриваетъ два послѣдовательные періода съемки за издѣлье и денежное вознагражденіе. При этомъ г. Янсонъ находитъ что первое по своей цѣнности даже превышаетъ второе: такъ, на примѣръ, въ Цигровскомъ уѣздѣ, *есть за деньги можно нанять за 20 рублей*, та же десятина при уплатѣ за нее частью работой, частью деньгами, обходится крестьянамъ по 27—28 рублей. Во всей червоземной полосѣ крестьяне вынуждены были, по словамъ г. Янсона, накинуться на земли частныхъ владѣльцевъ и платить за нихъ крайне высокія и все еще растущія цѣны. Намъ кажется однако что въ такомъ случаѣ врядъ ли можно утверждать что крестьянскіе надѣлы лежащіе въ тѣхъ же самыхъ уѣздахъ имѣютъ доходность подобную приведенной нами выше. Одно изъ двухъ: либо рента земель вообще низка и въ такомъ случаѣ крестьяне должны имѣть возможность снимать по дешевой цѣнѣ владѣльческія земли; либо она высока и въ такомъ случаѣ высота эта распределяется и на крестьянскій надѣлъ. Вѣдь нельзя же допустить чтобы крестьяне платили за чужую землю въ нѣсколько разъ болѣе чѣмъ она приноситъ дохода, а изъ счетовъ г. Янсона выходитъ что арендная плата чуть ли не въ десять разъ превышаетъ доходность. Мы совершенно убѣждены въ добросовѣстности труда г. Янсона, но въ то же время мы не можемъ не удивляться тому чистосердечному довѣрію съ которымъ онъ заноситъ на свои страницы какія угодно цифры, либо не отдавая себѣ отчета въ ихъ значеніи, либо не сравнивая ихъ между собой. Доказательство этому мы находимъ еще въ одномъ довольно забавномъ недоразумѣніи со стороны г. Янсона: онъ приводитъ какъ примѣръ необыкновенно высокой арендной платы съемку крестьянами земель изъ $\frac{1}{2}$ и даже изъ $\frac{1}{3}$ урожая, причемъ удовлетвореніе работника этою третью онъ находитъ крайне низкимъ. Это удивле-

* Янсонъ, *Исследования*, стр. 85 и сл.

нѣ несомнѣнно исчезло бы у г. Янсона еслибъ онъ потрудился сравнить обычную доходность черноземной десятины при цѣнахъ на хлѣбъ существующихъ съ конца шестидесятихъ годовъ. (мы, разумѣется, не принимаемъ въ расчетъ текущаго года) съ обычной платой за работу въ 5—7 рублей за десятину. Исключая обработку принимается у насъ даже въ нечерноземной полосѣ только къ самымъ производительнымъ землямъ, и самый переходъ отъ издѣльной къ денежной платѣ на черноземъ г. Янсонъ могъ бы легко объяснить себѣ тѣмъ что при вздорожаніи хлѣба услуга части урожая за работу стала уже невыгодною.

Въ *Статистику Поземельной Собственности* * мы находимъ любопытныя свѣдѣнія о капитальной стоимости надѣла бывшихъ помѣщичьихъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ и приближительной доходности съ нихъ. По вычисленію статистическаго комитета, стоимость крестьянскихъ надѣловъ въ восьми центральныхъ губерніяхъ за вычетомъ изъ нея выкупной ссуды, капитализованнаго оброка и оброчной подати выразится слѣдующими цифрами:

У крестьянъ бывшихъ помѣщичьихъ: 319.000.000 руб. или на cadaго домохозяина 360 руб.

У крестьянъ бывшихъ государственныхъ: 862.000.000 руб. или на cadaго домохозяина 1.000 руб.

При этомъ надѣлы въ незалежной полосѣ чернозема оценены по 80 руб. съ десятины, что очевидно ниже действительности **. Средняя доходность, за вычетомъ оброчныхъ и выкупныхъ платежей и не принимая во вниманіе усадьбную оцѣнку, а также выручку съ заработковъ, составитъ на cadaго домохозяина изъ бывшихъ крѣпостныхъ по 40 руб. Зѣтъмъ, принимая „среднимъ числомъ во дворѣ по 1¼ работника и оцѣнявая высшій годовой заработокъ взрослого работника въ области въ 40 руб., получаемъ среднимъ числомъ минимальнаго дохода на дворѣ отъ свободнаго труда 70 руб., безразлично принимается ли трудъ крестьянина къ собственной землѣ, землѣ ли имъ принимаемой, залашкѣ владѣльческой экономіи или къ отхожему промыслу.“

* *Статистика Поземельной Собственности*; предисловіе стр. XLVII.

** Оцѣнка „Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита“ въ лучшихъ черноземныхъ уѣздахъ отъ 80—100 руб. съ десятины.

Въ этомъ, то-есть философскомъ, примѣненіи крестьянскаго свободнаго труда и заключается вся суть вопроса о благосостояніи нашего рабочаго класса. Въ черноземной полосѣ, къ сожалѣнію, этотъ свободный трудъ почти не примѣняется къ дѣлу. Мы уже сказали выше что особенности черноземнаго хозяйства требуютъ особаго напряженія силъ въ теченіе очень короткаго двухдѣльнаго періода, оставая прочее время года почти свободнымъ. Мы позволяемъ себѣ попросить читателя сдѣлать съ нами слѣдующій небольшой расчетъ: мы уже знаемъ что на прострѣствѣ одной квадратной мили озимыя поля занимаютъ приблизительно 1.330 десятинъ *; на уборку одной десятины ржи или пшеницы (то-есть на кошеміе и вязку сноповъ) требуется не менѣе 8 человѣкъ (пололамъ мушницъ и женщницъ); этого стало-быть 5.820 мужскихъ и столько же женскихъ рабочихъ дней. Такъ какъ жатва должна быть совершена въ двухдѣльный срокъ, то-есть въ 12 рабочихъ дней, работа эта потребуетъ 443 валочныхъ взрослыхъ мужскихъ и женскихъ рабочихъ. Допуская что тѣхъ и другихъ среди населенія имѣется равное число, что взрослые мужскіе рабочіе составляютъ около 55% числа ревизскихъ душъ, а валочное мужское населеніе представляетъ по отношенію къ ревизскому средній приростъ 22%, ** мы получимъ: 443 мужскихъ рабочихъ соответствуютъ 805 ревизскимъ душамъ, 805 ревизскихъ душъ съ 22% прироста даютъ 982 валочныя души; полагая число женщницъ равнымъ числу мушницъ, получится 1.964 души; а такъ какъ женщницы на самомъ дѣлѣ болѣе на 5% числа мужчинъ, то получается 2.013 душъ обоаго пола. Эта цифра и выражаетъ собой ту численность рабочаго населенія которая должна быть валцо при производствѣ главной земледѣльческой работы. Стало-быть, при населеніи 2.500 душъ на квадратную милю, въ самыхъ населенныхъ черноземныхъ уѣздахъ у насъ даже за исключеніемъ горожанъ останется довольно значительный избытокъ свободныхъ рукъ не занятыхъ вовсе, *избытокъ почти равняющийся 20% общаго числа*; если къ этому прибавить что уборка озимаго хлѣба занимаетъ только полмѣсяца, а во все остальное время года земледѣль-

* Яровыя поля здѣсь принимаются въ расчетъ потому что уборка ихъ производится лишь постепенно.

** *Статистика Поземельной Собственности*, предисловіе.

ческие работы на всемъ прострaнствѣ какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ полей далеко не требуютъ такого напряженія силъ, то станетъ понятнымъ какой громаднѣй избытокъ работы пропадаетъ даромъ у крестьянскаго черноземнаго населенія. Этотъ избытокъ далеко не пополавается существующими домашними промыслами, а развитіе отхожихъ, за немногими исключеніями, такъ слабо что, можно сказать это съ увѣренностью, производительность крестьянскаго труда на черноземѣ не равняется и половинѣ того что могъ бы онъ дать при правильномъ его употребленіи. Нѣкоторое исключеніе изъ этого правила представляютъ только Тульская губернія и сѣверная половина Рязанской, гдѣ довольно распространена кустарная промышленность и часть населенія тянется къ Москвѣ, на отхожіе заработокъ. Какъ выводъ изъ всего сказаннаго нами о хозяйственномъ бытѣ черноземной полосы, мы должны признать что всѣ усилія тѣхъ которые желаютъ увеличенія благосостоянія нашего крестьянина должны быть направлены къ развитію въ этой полосѣ промысловъ, дающихъ занятіе тому значительному количеству свободныхъ рукъ для котораго земледѣліе не даетъ достаточной, а главное, постоянной работы.

VIII.

Намъ остается вкратцѣ упомянуть объ экономическомъ положеніи степной полосы. Мы не коснемся здѣсь 9 западныхъ губерній, такъ какъ, въ виду совершенно особенныхъ условій тамошняго крестьянскаго быта, наши публицисты до сихъ поръ почти исключительно занимались вопросомъ о преобразованіи устройства чисто русскихъ губерній.

Степная полоса съ юга и востока огибаетъ черноземную область, отъ которой она отлaчается главнымъ образомъ тремя условіями: рѣдкимъ населеніемъ, безводностью почвы и первобытнымъ хозяйствомъ, дающими иногда очень обильный, но за то крайне невѣрный урожай. Въ составъ этой области входятъ губерніи: Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская, степные уѣзды сосѣднихъ губерній, какъ Константиноградскій Полтавской; Изюмскій, Зміевскій и Старобѣльскій Харьковской; Новохоперскій Воронежской; Камышинскій и Царицынскій Саратовской; область войска Донскаго; губерніи: Ставропольская, Астраханская,

Самарская, Уфимская и Оренбургская и земли Уральскаго казачьяго войска и внутренней Буковской Орды. Юго-западный уголъ этой области, лежащій вдоль побережья Чернаго Моря, отличается болѣею густотою населенія, болѣе цивилизованными приемами хозяйства и значительнымъ процентомъ владѣльческихъ земель (несмотря на то что число помѣщичьихъ крестьянъ во всей степной полосѣ вообще слабо). Въ Бессарабской и частью въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ господствующая форма сѣвооборота есть трехпольная, при существованіи залежей, и главный воздѣлываемый хлѣбъ—кукуруза и пшеница. Въ восточной половинѣ степной полосы правильной сѣвооборота нѣтъ вовсе, а обработка въ высшей степени первобытна, и почти единственный продуктъ—яровая пшеница высокихъ сортовъ (бѣлотурка, саксонка и самарка). Но на всемъ пространствѣ нашихъ степей, за исключеніемъ западной приднѣстровской ихъ окраины, существуютъ три общія условія дѣлающія сельское хозяйство и затруднительнымъ и въ высшей степени рискованнымъ, это недостатокъ рабочихъ рукъ, часто повторяющіяся засухи и столь же частыя опустошенія вредныхъ насекомыхъ. Случайная смѣна обильныхъ жатвъ и полныхъ урожаевъ направила все сельское хозяйство здѣсь на спекуляцію, побудивъ владѣльцевъ разомъ обрѣвать возможно большія пространства земли въ надеждѣ попасть на счастливый годъ. Само собой разумѣется что обработка при этомъ самая поверхностная. Въ результатъ оказалось истощеніе почвы, быстрое сокращеніе луговъ, разореніе большинства владѣльцевъ отъ неурожаевъ, непоправимое возвышеніе цѣнъ на рабочія руки и наконецъ страшное развитіе хлѣбнаго жука, массами согнаннаго на поля съ распаханныхъ степей. Въ интересномъ трудѣ Альфераки *О причинахъ упадка земледѣлія на нашихъ югахъ* подробно описаны причины и развитіе того почти поголовнаго разоренія которому подверглись хозяйства въ особенности Азовскаго побережья; многія изъ нихъ нѣсколько лѣтъ съ раду предлагаются въ продажу земельными банками, не находя покупателя.

Вслѣдствіе этого, несмотря на то что въ Новороссійскомъ краѣ владѣльческихъ земель болѣе чѣмъ въ остальныхъ полосахъ Россіи, помѣщичьи хозяйства здѣсь ведутся далеко не такъ успѣшно какъ въ центральной черноземной полосѣ. Можно даже сказать что они установились на правильныхъ основаніяхъ

только на сѣверной и западной окраинахъ этого района, въ Бессарабіи, въ приднѣпровскихъ уѣздахъ Херсонской губерніи и въ западной половинѣ Екатеринославской. Здѣсь покупныя и арендныя цѣны на землю выше чѣмъ въ остальной Новороссіи и хотя, благодаря увеличившимся распашкамъ земель и разработкѣ каменнаго угля въ бассейнѣ Довца, на всемъ пространствѣ этого края цѣны на землю въ послѣднее десятилѣтіе значительно повысились, нельзя сказать чтобы хозяйства въ немъ отличались прочностью: нигдѣ въ цѣлой Россіи нѣтъ столько заложенныхъ имѣній, нигдѣ они такъ часто не переходятъ изъ рукъ въ руки какъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Екатеринославской и Херсонской губерній.*

Крестьянскіе надѣлы въ Новороссіи вообще гораздо значительнѣе чѣмъ въ центральной черноземной полосѣ: размѣръ ихъ отъ 3,5—6 десятинъ на душу для помѣщичьихъ и отъ 5—9,7 десятинъ для государственныхъ крестьянъ; уменьшенныхъ надѣловъ здѣсь также немного и потому, конечно, на среднюю десятину крестьянскаго надѣла здѣсь падаетъ меньшая сумма повинностей чѣмъ на черноземѣ. Мѣстные заработки здѣсь также въ изобиліи; при рѣдкости населенія и сильной распашкѣ земель, здѣсь спросъ на рабочихъ такъ великъ что они приходятъ сюда даже изъ отдаленныхъ губерній Смоленской и Могилевской. ** Въ урожайные годы плата за уборку десятины пшеницы доходитъ до 20 руб. *** При такихъ условіяхъ положеніе новороссійскихъ крестьянъ можно считать обезпеченнымъ, еслибы тому не препятствовалъ общій характеръ случайности и шаткости которыми отличаются всѣ хозяйственныя условія этого края. Засухи и нашествія конечно опустошаютъ и крестьянскія поля; а заработки въ свою очередь какъ разъ всего слабѣе въ неурожайные годы. У г. Ясона свѣдѣнія о Новороссійскомъ краѣ очень скудны; но и тѣ немногія указанія которыя у него встрѣчаются рисуютъ и здѣсь положеніе крестьянъ въ мрачномъ видѣ. Такъ онъ приводитъ доклады Екатеринославской улавы,

* Мы здѣсь, разумѣется, совершенно оставляемъ въ сторонѣ южные уѣзды Крыма, въ которыхъ господствуетъ садовая культура.

** К. Васильчиковъ, idem, т. II, стр. 637 и слѣд.

*** Альфераки, id. Кн. Васильчиковъ, idem, стр. 637 и слѣд. Въ лѣтнее время ежемѣсячная плата работнику измѣняется отъ 10—25 руб., а плата поделщику отъ 75 к.—1 р. 60 к.

сообщающіе что крестьянскому хозяйству угрожаетъ совершенное разореніе. Далѣе у г. Янсона говорится что несмотря на обиліе земель и сравнительно низкую арендную плату, крестьяне Новороссійскаго края уже стремятся къ выселенію въ мѣста болѣе просторныя. Указанія столь общія и неопредѣленныя не могутъ, какъ намъ кажется, сообщить читателямъ никакого точнаго понятія о положеніи края.

Восточная половина степной полосы, страна за Дномъ и Волгой, тянущаяся отъ Кавказа до Урала, представляетъ уже совершенно иной характеръ: здѣсь бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ очень немного и земли частныхъ владѣльцевъ составляютъ ничтожный процентъ общей площади. * Низовыя степи, это классическая страна приволья и голода въ одно и то же время. Нигдѣ въ Россіи не встрѣчается такихъ обширныхъ надѣловъ плодородной земли и нигдѣ тѣмъ же мѣне такъ часто и такъ губительно не появляется нужда. Причиной тому хищническая обработка, разчитанная на удачу, все болѣе идущая въ ширь и постоянно нуждающаяся въ новыхъ цѣлкахъ для воздѣлки ея дорогаго, но невѣрнаго продукта, яровой пшепцы. Такая культура рсточаетъ почвенное богатство, не прилагая никакого старанія къ качеству обработки и къ устраниенію главнаго неблагопріятнаго условія края—безводія. Этимъ объясняется почему низовыя степи съ одной стороны представляются какъ мѣсто будущей колонизаціи, гдѣ обширныя, ветровутыя пространства ожидаютъ рабочихъ рукъ, а съ другой мы уже слышимъ что тамошніе крестьяне терпятъ недостатокъ въ землѣ или по крайней мѣрѣ должны переплачивать олтовымъ сѣмщикамъ значительныя деньги. ** Намъ кажется что, строго говоря, тѣсноты не можетъ быть въ такой мѣстности гдѣ надѣлъ достигаетъ, по словамъ г. Янсона, 19 десятинъ на душу. Но тѣснота понятіе относительное; если въ самомъ дѣлѣ крупныя сѣмщики земель въ болѣе населенныхъ мѣстахъ Самарской губерніи, по выраженію кн. Васильчикова, „уже заводятъ прлавдскіе порядки“, то главною виной тому служитъ дикій способъ обработки, направленный исключительно къ достиженію случайныхъ баснословныхъ урожаевъ при возможно меньшемъ трудѣ. Г. Янсонъ признаетъ что надѣлы крестьянъ Самарской, Уфимской и Оренбургской губер-

* Кн. Васильчиковъ, *ibidem*, стр. 636.

** Кн. Васильчиковъ, стр. 635.

вій „достаточны для продовольствія семьи“ и обложены не особенно высоко, такъ какъ объемъ ихъ простирается отъ 4,3 (Уфимская) до 18 дес. (Новоузенскій уѣздъ Самарской) *; а подесятинные платежи колеблются между 41 — 97 к. съ десятины; въ Ставропольской губерніи надѣлы достигаютъ 19 дес. на душу; а подесятинный платежъ спускается до 25 к. Что касается заработковъ, при такихъ обширныхъ надѣлахъ и такомъ обилии свободныхъ земель, мѣстное населеніе въ нихъ особенно и нуждаться не можетъ. И въ самомъ дѣлѣ, во время уборки хлѣба, сюда приходятъ крестьяне изъ Казанской, Симбирской и Саратовской губерній въ ожиданіи высокой платы. ** Тѣмъ не менѣе, въ Ставропольскомъ уѣздѣ Самарской губерніи, впрочемъ, одномъ изъ самыхъ населенныхъ въ краѣ, мѣстные крестьяне зарабатываютъ на помѣщичьихъ земляхъ 423.000 р. *** Сравненнымъ образомъ эта почтенная цифра возбуждала въ г. Янсовѣ желаніе сравнить ее съ общею цифрой населенія въ уѣздѣ (154.778 душъ) и придти къ неожиданному заключенію что заработокъ этотъ очень малъ, потому что онъ не покрываетъ и половины податей (sic!). При всемъ томъ, г. Янсову и въ низовыхъ стеляхъ приходится выразить сомнѣніе, достаточны ли приведенные нами размѣры надѣловъ. И здѣсь, говоритъ онъ, крестьяне не могутъ обходиться безъ сѣмки чужихъ земель. Обстоятельство это, вызываемое лишь стремленіемъ крестьянъ къ расширенію своихъ запашекъ, признается г. Янсовомъ чуть ли не признакомъ малоземелья. Только казаки, у которыхъ отъ 20—40 дес. на душу, т.-е. такое количество земли которое ни при какой системѣ обработано быть не можетъ, какъ увѣряетъ насъ г. Янсовъ, обходятся безъ сѣмки чужихъ земель. Такимъ образомъ, г. Янсовъ, повидимому, находитъ вполнѣ правильнымъ лишь такое распредѣленіе поземельной собственности при которомъ просторъ ея превышаетъ рабочую силу и гдѣ ослѣдній промыселъ земледѣльца мало-по-малу переходитъ въ кочевой.

* Янсовъ; idem, стр. 97 и сл. Средніе надѣлы по г. Янсову: въ Уфимской—4,3, въ Оренбургской—6,4, въ Ставропольской—5,5.

** Г. Янсовъ справедливо жаалуется на то что приливъ этихъ рабочихъ нисколько не регулированъ, вслѣдствіе чего при неурожаѣ они часто возвращаются ни съ чѣмъ и разоряются въ конецъ.

*** Янсовъ; idem, стр. 84.

IX.

Мы видѣли что мнѣнія г. Янсона о повсемѣстной, всеобщей необезпеченности крестьянскаго быта не выдерживаютъ критики. Факты показываютъ что одно призваніе свободныхъ земель само по себѣ не обуславливаетъ довольства населенія и что, наоборотъ, главнымъ источникомъ этого довольства повсюду бываетъ развитіе промысловъ; такъ на сѣверѣ, въ малонаселенныхъ уѣздахъ, гдѣ земля цѣнится недорого, но гдѣ промысловъ нѣтъ, крестьянское населеніе бѣднѣе чѣмъ во всей остальной Россіи; такъ въ обширныхъ степяхъ За-волжья плодородіе почвы и ея изобиліе не предохраняютъ рѣдкое населеніе отъ голода. Наоборотъ, въ неплодородныхъ центральныхъ уѣздахъ промышленнаго района, сильное развитіе домашнихъ, и въ особенности отхожихъ промысловъ, съ избыткомъ выкупаетъ малую производительность надѣловъ. Наконецъ, въ средней черноземной полосѣ, гдѣ, вслѣдствіе густоты населенія, надѣлы не велики, мы видѣли что среди крестьянскаго населенія той же мѣстности уславивается неравномѣрность между отдѣльными домохозяевами. Часть обогащается, между тѣмъ какъ при дѣйствіи совершенно тѣхъ же общихъ причинъ остальные несомнѣнно бѣднѣютъ. Такимъ образомъ, мѣрломя благосостоянія нашего крестьянства слѣдуетъ признать не одно общее для всѣхъ полосъ Россіи условіе: отношеніе цифры населенія къ пространству и производительности крестьянскихъ земель; оно обуславливается наоборотъ цѣлымъ рядомъ разнообразныхъ и часто единичныхъ причинъ. Вообще бѣдность сельскаго населенія далеко не всегда является результатомъ неблагоприятныхъ аграрныхъ отношеній. Ея главная, основная причина: исключительная зависимость работника отъ земледѣлія, при отсутствіи возможности или умѣнья избытокъ своего труда занять какимъ-нибудь промысломъ. Можемъ сослаться на нѣкоторыя изъ наипуще населенныхъ странъ Западной Европы, какъ Бельгія, сѣверо-восточная Франція, Саксонія, долины Рейна и По, гдѣ, какъ извѣстно, аграрнаго вопроса не оказывается вовсе.

Этимъ мы вовсе не хотимъ сказать чтобы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи совсѣмъ не было признаковъ

тѣсноты. Мы постараемся указать здѣсь на данныя которыя можно приблизительно опредѣлить что слѣдуетъ считать у насъ малоземельемъ и насколько его можно приписать исключительно густотѣ населенія.

Само собой разумѣется что для выгоднаго веденія хозяйства желательно чтобы крестьянскій дворъ, въ данную минуту, имѣлъ въ своемъ владѣннн не менѣе извѣстнаго количества земли. Не стоить доказывать что излишняя дробность хозяйственныхъ единицъ вообще не желательна, такъ какъ она увеличиваетъ непродуцительные расходы и препятствуетъ выгодному раздѣленію труда. Совершенно очевидно также что чѣмъ экстенсивнѣе и первобытнѣе культура, тѣмъ средній минимумъ подворныхъ участковъ долженъ быть выше. Опредѣлить этотъ минимумъ одною цифрой десятицъ для всей Россіи невозможно, при крайнемъ разнообразіи способовъ веденія хозяйства и степени плодородія земли. На черноземѣ, конечно, онъ можетъ быть менѣе чѣмъ въ промышленной полосѣ, гдѣ лашца занимаетъ сравнительно небольшую площадь, а въ этой полосѣ — еще менѣе чѣмъ въ степяхъ, гдѣ ведется залежное хозяйство.

Князь Васильчиковъ, говоря о нормальныхъ размѣрахъ мелкаго землевлдѣннн, ставитъ вопросъ о томъ, долженъ ли средній надѣлъ домохозяйства соответствовать его нуждамъ (Nahrungsfäche) или его рабочимъ способностямъ (Arbeitsfläche)? При разсмотрѣннн этого вопроса онъ приводитъ нѣсколько примѣровъ нѣмецкихъ крестьянскихъ хозяйствъ, изъ которыхъ видно что площадь которую можетъ воздѣлать семья даетъ всегда болѣе продуктовъ чѣмъ нужно на ея содержаніе. * Такимъ образомъ, по мнѣнію князя Васильчикова, вопросъ разрѣшается самъ собою, такъ какъ надѣлъ соответствующій рабочей силѣ крестьянской семьи въ то же время достаточенъ для покрытія ея нуждъ. ** Въ частности, стало-быть, по мнѣнію уважаемаго автора, опредѣленіе нормальнаго надѣла въ данной мѣстности должно зависѣть отъ двухъ обстоятельствъ: отъ густоты населенія и отъ того сколько по мѣстнымъ условіямъ можетъ

* Князь Васильчиковъ полагаетъ что въ южной Германіи производительность нормальнаго надѣла въ три раза превышаетъ нужды работника.

** Князь Васильчиковъ, *ibidem*, стр. 806.

обработать семья состоящая изъ трехъ рабочихъ обоого пола. Эти условія, конечно, очень разнообразны: большее плодородіе почвы и бóльшая интенсивность культуры требуютъ отъ работника и бóльшихъ усилій, отъ чего средніе надѣлы на югѣ Германіи вообще могутъ быть менѣе обширны; но въ то же время суровый климатъ, остающійся для сельскихъ рабочихъ сравнительно недолгій срокъ, приводитъ къ сокращенію надѣловъ совершенно такъ же какъ только-что указанныя благоприятныя условія. На основаніи этихъ соображеній, князь Васильчиковъ не полагаетъ чтобы въ средней Россіи, при нашемъ короткомъ лѣтѣ, средній подворный надѣлъ могъ быть выше 10 дес., причемъ для мѣстностей слабо населенныхъ на сѣверѣ и востокѣ кв. Васильчиковъ допускаетъ увеличеніе его до 15 дес. Въ этихъ мѣстностяхъ, гдѣ развиты крайне экстенсивное залежное и подсѣчное хозяйство, наклонность Русскаго народа къ простору создала потребность надѣловъ гораздо болѣе обширныхъ; а на сѣверѣ, при скудости его почвы, къ этому требованію обычая присоединяются и требованія нужды. Вотъ почему кв. Васильчиковъ допускаетъ что и у насъ, гдѣ земля не вознаграждаетъ трудъ работника въ такой же мѣрѣ какъ въ Германіи, размѣръ надѣловъ все-таки долженъ опредѣляться не по мѣрѣ потребностей, а по мѣрѣ силъ рабочей семьи *. Привычка распахивать какъ можно больше земель, постепенно залукавая тѣ которыя перестаютъ давать хорошій сборъ, не содѣйствуетъ обогащенію крестьянъ, говоритъ кв. Васильчиковъ, и въ высшей степени разорительна для народнаго хозяйства. Въ самомъ дѣлѣ, мы видѣли что обширные надѣлы нисколько не совладаютъ съ довольствомъ населенія: въ черноземной полосѣ многоземельныхъ уѣздовъ, какъ Осташковскій, Торопецкій, Бѣлозерскій, Кологривскій, едва ли не самое бѣдное населеніе въ цѣлой Россіи. Да и въ самомъ дѣлѣ, можно ли крупными надѣлами помочь населенію тамъ гдѣ земля не даетъ достаточно, чтобы прокормить воздѣлавшаго ее работника? А тѣ виды переложнаго

* Какъ извѣстно, взгляды кв. Васильчикова возбудили у насъ именно по этому вопросу довольно живую полемику. Нѣкоторые изъ критиковъ старались доказать что надѣлъ крестьянъ долженъ быть отведенъ всегда по мѣрѣ ихъ потребностей, хотя бы такой надѣлъ превышалъ ихъ рабочую силу.

хозяйства которые создаются у насъ на сѣверѣ и востокѣ благодаря обилію земель ведутъ только къ расхищенію почвенной производительности и къ безумному истребленію лѣсовъ. Придерживаясь, такимъ образомъ, для нашихъ крестьянскихъ хозяевъ словъ Колумеллы: „melius est culta exiguitas quam magnitudo neglecta“, кн. Васильчиковъ совершенно вѣрно признаетъ что обширные наѣлы у насъ вовсе не составляютъ такой потребности для крестьянъ какъ это обыкновенно думаютъ; что они, напротивъ, способствуютъ сохраненію у насъ зловердныхъ пріемовъ слишкомъ экстенсивной культуры. Но изъ этого вовсе не слѣдуетъ, какъ полагаетъ уважаемый авторъ, чтобы выгодно было такое распредѣленіе крестьянской собственности при которомъ на каждый дворъ приходится не болѣе земли чѣмъ сколько можетъ воздѣлать ее средняя крестьянская семья съ двумя-тремя взрослыми рабочими. При производствѣ сельско-хозяйственныхъ, какъ и всякихъ другихъ работъ, какъ извѣстно, получается выгода отъ раздѣленія труда и въ то же время сосредоточеніе орудій обработки. Чѣмъ болѣе на данное пространство наѣла будетъ хозяйственныхъ единицъ, т.е. дворовъ, тѣмъ большее потребуются количество сельско-хозяйственныхъ орудій и лошадей (или воловъ) и тѣмъ болѣе времени на обработку уйдетъ у живущихъ на этихъ дворахъ людей. Если всѣ хозяйства обратятся въ одиночныя или хотя бы въ полудворныя (съ двумя рабочими обоюго пола), то въ первомъ случаѣ никто, а во второмъ самая незначительная часть населенія будетъ въ состояніи отлучиться на сторону. Между тѣмъ, совершенно очевидно что всегда выгодно съ возможно меньшими затратами матеріаломъ и работой пріобрѣтать возможно большее количество продукта. Нагляднымъ примѣромъ тому служить у насъ различіе между многосемейными и одиночными дворами. Нашъ многосемейный дворъ въ сущности есть ни что иное какъ полный крестьянскій дворъ въ Германіи (Grossbauer) или конный дворъ въ нашихъ западныхъ губерніяхъ, съ тѣмъ лишь различіемъ что у насъ нанятыхъ батраковъ замѣняютъ члены хозяйской семьи. Не подлежить никакому сомнѣнію что крестьянство наше было бы гораздо достаточнѣе еслибы можно было сосредоточивать его въ крупныя 4—5 душевыя дворы. Но такъ какъ это совершенно не мыслимо, то слѣдуетъ признать что при неизбежности раздѣловъ прежніе многосемейные дворы могутъ быть

отчасти замѣнены такими многоземельными дворами у которыхъ работа велась бы при помощи батраковъ. Оставляя совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ возможно ли у насъ размноженіе подобныхъ дворовъ, мы должны во всякомъ случаѣ признать что съ чисто сельскохозяйственной точки зрѣнія они представляютъ болѣе выгоды чѣмъ мелкія двухдвушевыя хозяйства, составляющія въ настоящее время большинство нашихъ селеній. Мы тотчасъ увидимъ насколько осуществимо мнѣніе кн. Васильчикова о необходимости соразмѣрить объемъ нормальнаго подворнаго надѣла съ рабочей силой крестьянской семьи.

Посмотримъ теперь какія данныя имѣются у насъ о внутреннемъ распредѣленіи поземельной собственности между разными классами владѣльцевъ. *Статистика поземельной собственности* касается только восьми губерній; но губерніи эти имѣютъ какъ разъ самое густое населеніе и самую цѣнную землю, а потому данныя касающіяся ихъ и представляютъ наиболѣе интереса. Распредѣленіе поземельной собственности по классамъ владѣльцевъ даетъ слѣдующій результатъ:

ГУБЕРНІИ.	Земель крестьянскихъ надѣловъ.	Земель личной собственности.	Земель государственныхъ крестьянъ.	Земель остальныхъ.
Воронежская....	66 ⁰ / ₁₀₀	30 ⁰ / ₁₀₀	1,8 ⁰ / ₁₀₀	2,1 ⁰ / ₁₀₀
Курская.....	62 ⁰ / ₁₀₀	35 ⁰ / ₁₀₀	1,1 ⁰ / ₁₀₀	1,7 ⁰ / ₁₀₀
Рязанская.....	55 ⁰ / ₁₀₀	39 ⁰ / ₁₀₀	4,4 ⁰ / ₁₀₀	1,6 ⁰ / ₁₀₀
Пензенская.....	54 ⁰ / ₁₀₀	38 ⁰ / ₁₀₀	5,8 ⁰ / ₁₀₀	1,5 ⁰ / ₁₀₀
Тамбовская.....	53 ⁰ / ₁₀₀	36 ⁰ / ₁₀₀	8,8 ⁰ / ₁₀₀	2,0 ⁰ / ₁₀₀
Калужская.....	53 ⁰ / ₁₀₀	39 ⁰ / ₁₀₀	3,5 ⁰ / ₁₀₀	4,6 ⁰ / ₁₀₀
Тульская.....	51 ⁰ / ₁₀₀	45 ⁰ / ₁₀₀	1,7 ⁰ / ₁₀₀	2,1 ⁰ / ₁₀₀
Орловская.....	50 ⁰ / ₁₀₀	38 ⁰ / ₁₀₀	5,7 ⁰ / ₁₀₀	1,4 ⁰ / ₁₀₀

	Черноземн. незалежн.	Черноземн. полузал.	Переход.	Пром.-лѣсн.
Земель крестьянскаго надѣла	62 ⁰ / ₁₀₀	61 ⁰ / ₁₀₀	50 ⁰ / ₁₀₀	43 ⁰ / ₁₀₀
„ личной собственности	36 ⁰ / ₁₀₀	35 ⁰ / ₁₀₀	42 ⁰ / ₁₀₀	39 ⁰ / ₁₀₀
„ государств. собств.	1 ⁰ / ₁₀₀	3 ⁰ / ₁₀₀	7 ⁰ / ₁₀₀	12 ⁰ / ₁₀₀
„ остальныхъ	1 ⁰ / ₁₀₀	1 ⁰ / ₁₀₀	1 ⁰ / ₁₀₀	6 ⁰ / ₁₀₀ *

* *Статист. поземельной собственности*, стр. XVI.

Такимъ образомъ, по губерніямъ крестьянская собствен- ность составляетъ отъ 50% (Орловской) до 66% (Воронежской); а по полосамъ она достигаетъ самаго высокаго процента (62%) въ незаемной, то-есть самой богатой изъ четырехъ полосъ. Такого процентнаго отношенія не достигаетъ мел- кая поземельная собственность ни въ одной изъ запад- ныхъ европейскихъ странъ, за исключеніемъ Франціи, Бель- гіи, Саксоніи, Швейцаріи, Прирейнскихъ земель и Лом- бардіи. *

Теперь, если мы распредѣлимъ всю массу крестьянскаго владѣнія на группы, смотря по тому сколько на каждую ре- визскую душу приходится среднимъ числомъ десятинъ земли, тогда мы получимъ (въ процентахъ къ общему числу крестья- нъ) слѣдующую таблицу:

ГУБЕРНІИ.	Въ 1 дес. и менше	Больше 1 до 2 дес.	Больше 2 до 3 дес.	Больше 3 до 4 дес.	Больше 4 до 5 дес.	Больше 5 до 6 дес.	Свыше 6 дес.
Воронежская.....	17,5	19,6	33,1	26,4	3,1	0,4	0,0
Курская.....	8,9	24,4	59,0	7,7	0,0	0,0	0,0
Рязанская.....	6,3	11,3	54,4	21,9	3,8	1,2	1,0
Пензенская.....	19,0	11,9	30,2	35,6	2,7	0,3	0,3
Тамбовская.....	12,2	15,3	53,1	19,1	0,2	0,1	0,0
Калужская.....	2,9	3,0	16,8	65,9	9,7	1,1	0,6
Тульская.....	1,3	11,3	75,1	11,5	0,6	0,1	0,1
Орловская.....	2,4	7,0	62,3	20,5	7,4	0,3	0,1
П О Л О С Ы.							
Черноз. незаемн....	4,6	17,6	71,0	6,4	0,3	0,1	0,0
Черноз. полузас.....	19,7	12,4	27,3	38,2	2,2	0,2	0,0
Переходная.....	6,4	8,6	49,9	32,1	2,5	0,3	0,2
Промысл.-лѣснст.....	5,7	6,3	22,4	48,4	13,9	1,9	1,4
Итого въ области	8,1	12,3	50,0	25,0	3,4	0,4	0,3

* Къ крестьянскому владѣнію слѣдуетъ еще причислить 305.412 десятинъ приобретенныхъ покупкой крестьянами бывшими помѣ- щичьими, и 410.068 дес. купленныхъ бывшими государственными. Idem, стр. XXVIII.

Для государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ получается слѣдующая таблица:

ГУБЕРНІИ.	Въ 1 дес. и менѣе.	Болѣе 1 до 2 дес.	Болѣе 2 до 3 дес.	Болѣе 3 до 4 дес.	Болѣе 4 до 5 дес.	Болѣе 5 до 6 дес.	Свыше 6 дес.
Воронежская	0,1	0,2	4,2	12,0	21,6	24,0	39,7
Курская	0,3	2,5	15,1	25,8	28,0	19,2	9,1
Рязанская.....	0,1	3,1	14,6	41,1	18,7	14,6	7,8
Пензенская.....	0,1	0,4	4,1	21,1	26,9	27,8	19,6
Тамбовская	0,0	1,2	3,1	17,1	31,2	32,1	15,3
Калужская.....	0,0	3,7	13,4	25,6	21,6	16,0	19,7
Тульская	0,6	3,6	12,6	27,0	31,2	16,3	8,7
Орловская	0,2	1,7	11,2	43,5	28,2	8,9	6,3
ПОЛОСЫ.							
Черноз.-незалежн. ...	0,2	1,6	10,4	30,3	30,0	18,2	9,3
Черноз.-полузалежн...	0,1	0,2	2,1	12,7	22,1	29,3	33,5
Переходная.....	0,1	5,0	13,6	29,2	21,6	17,2	13,3
Промысл.-лѣсистая....	0,1	2,5	11,2	23,8	23,2	17,7	21,5
Итого въ области	0,2	2,5	8,0	23,8	25,9	21,8	18,8*

Изъ этихъ таблицъ мы видимъ что менѣе 1 дес. изъ бывшихъ владѣльческихъ имѣють всего 8,1%, отъ 1 до 2 дес.—12,8%, а государственныхъ менѣе 1 дес.—0,2%, а отъ 1 до 2 дес.—1,5%. Стало-быть оказывается что въ осьми централь-ныхъ губерніяхъ около 20% бывшихъ помѣщичьихъ и до 11% всѣхъ вообще крестьянъ имѣють надѣлъ который по объему можно считать недостаточнымъ. Затѣмъ, такъ какъ высшій надѣлъ размѣра каждой графы слѣдуетъ принимать включительно, то въ число 50% крестьянъ имѣющихъ душе-вые надѣлы отъ 2—3 дес. входятъ и всѣ тѣ которые полу-чили трехдесятинаый въ тѣхъ уѣздахъ гдѣ такой надѣлъ является высшимъ.

Тѣ 8,1% крестьянъ, бывшихъ помѣщичьихъ, у которыхъ въ надѣлѣ менѣе 1 дес., тѣ самые которые получали такъ-называемый даровой или четвертою надѣлъ. Ихъ, какъ видно изъ первой нашей таблицы, особенно много въ трехъ вос-

* Статистика поземельной собственности, стр. XLII и XLIV.

точныхъ губерніяхъ центральной полосы: Тамбовской, Пензенской и Воронежской, и потому они составляютъ значительный (17,7%) процентъ только въ полузалежной полосѣ. Мы не можемъ согласиться со справедливостью тѣхъ сѣтованій которыя высказываются у насъ на обдѣленіе этихъ крестьянъ: они приняли даровой надѣлъ изъ-за ошибочнаго расчета на вѣроятную дешевизну съемочныхъ земель; а какъ известно *volenti non fit injuria*. Но какъ бы то ни было, при совершенномъ отсутствіи промысловъ въ черноземномъ краѣ, положеніе ихъ нельзя не признать въ высшей степени затруднительнымъ и они точно такъ же какъ и слѣдующая категория, получившая отъ 1—2 дес., вынуждены поголовно нанимать земли частныхъ владѣльцевъ, хотя эта операція и не представляется намъ столь убыточною какъ г. Яңсону, а доказательствомъ тому служитъ то что несмотря на высокія арендные цѣны помѣщики съ каждымъ годомъ возвращаютъ въ свою экономію все болѣе съемочныхъ земель, несомнѣнно то что она для этихъ крестьянъ еще болѣе рискована чѣмъ для получившихъ нормальные надѣлы. Въ виду этого процентъ обдѣланныхъ дворовъ у малоземельныхъ крестьянъ особенно значителенъ и положеніе ихъ несомнѣнно вызываетъ приватіе мѣръ къ обезличенію ихъ экономическаго быта.

Зная что на средній крестьянскій дворъ въ восьми центральныхъ губерніяхъ приходится около трехъ душевыхъ надѣловъ, мы можемъ опредѣлить объемъ средняго подворнаго надѣла для каждой изъ упомянутыхъ въ таблицахъ нашихъ группъ крестьянъ. Такъ у крестьянъ получившихъ отъ 2—3 дес. на душу средній дворъ будетъ отъ 6—9 дес.; у получившихъ отъ 3—4 д. будетъ отъ 9—12 и т. д. Но мы снова должны предупредить читателя что эти среднія цифры не могутъ дать вѣрнаго понятія о дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ подворные надѣлы весьма разнообразны, потому что число душъ распределяется по дворамъ далеко неодинаково. Наблюденія г. Трипрогова въ Саратовской губерніи показали что почти во всѣхъ изслѣдованныхъ имъ селеніяхъ этой губерніи многосемейные дворы составляютъ около одной трети. Другія частныя наблюденія даютъ болѣе благоприятную цифру $\frac{2}{5}$. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно что, благодаря семейнымъ раздѣламъ, число дворовъ размножилось (а потому средній подворный надѣлъ понизился) гораздо быстрее чѣмъ увеличилось населеніе. По даннымъ *Статистики поземельной*

собственности процентъ прироста населенія въ 1861 г. былъ 22; дворовъ же прибавилось на 42%, т.-е. почти вдвое. * При разсужденіяхъ о тѣснотѣ крестьянскаго хозяйства, это обстоятельство необходимо имѣть постоянно въ виду.

Въ черноземной полосѣ надѣлы крестьянъ имѣющихъ отъ 2—3 дес. на душу даютъ, или по крайней мѣрѣ могутъ давать при хорошей обработкѣ, достаточно хлѣба на содержаніе семьи. Вотъ почему, строго говоря, мы можемъ признать малоземельными только надѣлы недостигающіе этой цифры. Но совершенно иной вопросъ, выгоднѣ ли такое распределеніе крестьянской собственности чтобы средній дворъ у 50% бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ имѣлъ отъ 6—9 дес., а это въ сущности значитъ что почти $\frac{2}{3}$ этихъ 50% дворовъ владѣющихъ 1—2 душами имѣютъ всего отъ 2—6 дес. Какъ видно, обезпеченность крестьянскаго хозяйства зависитъ не только отъ размѣра душеваго надѣла, но и отъ распределенія душъ по различнымъ дворамъ. Не зачѣмъ и доказывать что разможеніе и измельчаніе хозяйственныхъ единицъ дворовъ для крестьянъ въ высшей степени невыгодно. Наглядный примѣръ этому можно найти въ томъ общезвѣстномъ фактѣ что чѣмъ больше рабочихъ во дворѣ тѣмъ сравнительно болѣе онъ можетъ обработать своей и арендуемой земли; другими словами, рабочая способность увеличивается сильнѣе чѣмъ число рабочихъ, и потому сосредоточеніе послѣднихъ въ крупныхъ хозяйствахъ несомнѣнно выгоднѣе. Мы видѣли выше что при разчетѣ самой горячей земледѣльческой работы, уборки озимаго хлѣба, на каждаго рабочаго и работницу приходится по $1\frac{1}{2}$ дес., то-есть что *площадь обрабатываемой земли въ каждомъ клинѣ должна относиться къ числу наличныхъ рабочихъ какъ $1\frac{1}{2}$: 1.* Не трудно доказать что остальные полевые работы, вслѣшка, сѣнокосъ, посѣвъ и уборка яроваго, работы не требующія такой слѣшности, легко исполняются при такомъ отношеніи рабочей силы къ размѣрамъ нахотной земли. Стало-быть крестьянская семья при трехъ рабочихъ обоюго пола можетъ обработать $4\frac{1}{2}$ дес. въ каждомъ клину, т.-е. $13\frac{1}{2}$ дес. пашни, и потому размѣръ двора соответствующій рабочей способности семьи будетъ для чернозема не 10 дес., какъ думаетъ

* *Статистика поземельной собственности, предисловіе.*

князь Васильчиковъ, а $16\frac{3}{4}$. * Между тѣмъ, такъ какъ мужскіе взрослые рабочіе составляютъ около 55%, ревизскихъ душъ, то число рабочихъ обоаго пола будетъ приблизительно соотвѣтствовать числу душевыхъ надѣловъ, и семья могущая обработать $16\frac{3}{4}$ дес. будетъ на самомъ дѣлѣ имѣть ихъ около $7\frac{1}{2}$ дес. для владѣльческихъ, и 13 дес. для государственныхъ крестьянъ. Чѣмъ меньше будетъ данная семья, т.-е. чѣмъ меньшая будетъ представляться возможность работать на сторону, тѣмъ ощутительнѣе для нея будетъ происходящая отсюда потеря времени и рабочей силы.

Въ нечерноземной полосѣ обстоятельства представляются нѣсколько иными: здѣсь земля требуетъ удобренія, а потому пашня всегда занимаетъ гораздо меньшую площадь чѣмъ на черноземѣ, а луговъ и пастбищъ значительно больше. Такимъ образомъ уже не малоземелье, а сама природа ставитъ тѣсныя предѣлы земледѣльческой работѣ крестьянской семьи. Поэтому, хотя здѣсь пашня требуетъ болѣе труда чѣмъ на черноземѣ, свободнаго времени у крестьянской семьи остается столько же. Но выгоды крупныхъ хозяйствъ и многосемейныхъ дворовъ здѣсь также несомнѣны какъ въ черноземномъ краѣ. При большемъ разнообразіи крестьянскихъ работъ въ этомъ промышленномъ районѣ, польза отъ раздѣленія труда членовъ семейства здѣсь едва ли не еще значительнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, явленіе подмѣненное нами въ хлѣбородныхъ губерніяхъ повторяется здѣсь въ нѣсколько иномъ видѣ: многосемейные дворы, посылающіе рабочихъ на сторону, въ то же время тѣ самыя у которыхъ свой надѣлъ обработанъ лучше и, вдобавокъ, часто сѣется хлѣбъ на кулечной землѣ. Наоборотъ, у одинокихъ дворовъ замѣчается сокращеніе полеваго хозяйства и залущенность полосъ. ** Такимъ образомъ, и въ этой полосѣ сосредоточеніе рабочихъ рукъ влечетъ за собой усиленно ихъ примѣненіе къ дѣлу.

Намъ отвѣтить вѣроятно что все это какъ нельзя лучше доказываетъ вредное послѣдствіе малоземелья и необходи-

* Мы принимали въ иной полосѣ 80% пахотной земли.

** Въ общей сложности, насколько можно вѣрить частнымъ наблюденіямъ, слѣдуетъ предположить что въ нечерноземной полосѣ объемъ крестьянскихъ пахель за послѣднія двадцать лѣтъ нѣсколько сократился.

мость расширенія крестьянскихъ надѣловъ до нормальнаго. Допустимъ это и предположимъ что вся земля въ данной мѣстности поступила въ собственность крестьянъ. Мы знаемъ уже что на пространствѣ кв. миль имѣется около 5.000 десятинъ, стало-быть до 4.500 десятинъ удобной земли. Раздѣливъ это число на нормальное хозяйство, по 10 десятинъ на дворъ, какъ полагаетъ князь Васильчиковъ (а мы уже знаемъ что для средней крестьянской семьи этого мало), мы получимъ 450 дворовъ или, полагая среднимъ числомъ $5\frac{1}{2}$ жителей на дворъ, всего 2.475 жителей на квадратную милю. Стало-быть, при полной экспроприаціи казны и частныхъ землевладѣльцевъ оказывается земли достаточно какъ разъ только для такого населенія какого достигли центральные черноземные уѣзды, и то при такихъ условіяхъ это населеніе не найдетъ себѣ въ земледѣліи достаточно работъ, то-есть будетъ полпрежнему вынуждено или терять время, или искать постороннихъ заработковъ. За предѣлами 2.500 жителей на квадратную милю снова начнется малоземелье, и такимъ образомъ Россія была бы осуждена никогда не переходить за тотъ предѣлъ населенности который въ западной Европѣ является только въ странахъ наиболѣе бѣдныхъ. Другими словами, Россія была бы осуждена навсегда остаться на уровнѣ государствъ промышленно неразвитыхъ, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію что на Западѣ народная производительность растетъ соразмѣрно густотѣ населенія. Этотъ выводъ, смѣемъ думать, показываетъ съ достаточною ясностью на какой ложный путь становятся тѣ кто въ одномъ надѣленіи землей всѣхъ русскихъ рабочихъ видятъ залогъ нашего преуспѣванія.

Мы видѣли, такимъ образомъ, что въ нашей литературѣ по поводу аграрнаго вопроса высказываются два различныя мнѣнія: одно изъ нихъ, главнымъ представителемъ котораго служить г. Янсомъ, требуетъ возможно большаго надѣленія крестьянъ землей; другое, высказанное княземъ Васильчиковымъ, не считаетъ такое надѣленіе полезнымъ выше известной нормы, признаваемой какъ за соответствующую рабочей способности крестьянской семьи. На практикѣ однако оба эти мнѣнія сводятся къ необходимости расширить настоящее крестьянское землевладѣніе, хотя не въ одинаковой мѣрѣ. Намъ остается уломянуть о тѣхъ средствахъ которыми у насъ думаютъ достигнуть этой цѣли.

X.

Способы къ устраненію крестьянскаго малоземелья изыскиваются у насъ преимущественно въ двухъ направленіяхъ: въ колонизаціи восточныхъ и юго-восточныхъ окраинъ и въ содѣйствіи крестьянамъ при покупкѣ частныхъ земель. Это по крайней мѣрѣ способы указанные явно, такъ-сказать, официально. Помимо ихъ существуетъ и третій, если можно такъ выразиться, подразумеваемый способъ; на него большею частью только намекаютъ; но при нѣкоторомъ умѣнии читать между строкъ, не трудно убѣдиться что онъ, такъ-сказать, просится подъ перо, какъ выводъ изъ многочисленныхъ статей посвящаемыхъ у насъ аграрному вопросу. Мы говоримъ объ экспроприаціи земель частныхъ владѣльцевъ, конечно, не въ видѣ общей мѣры, а въ формѣ отчужденія нѣкоторыхъ отдѣльныхъ угодій, изъ которыхъ собственники ихъ не извлекаютъ надлежащей пользы. Мы укажемъ, между прочимъ, какъ на примѣръ на одно изъ предложеній дѣлаемыхъ княземъ Васильчиковымъ въ приведенномъ вами его сочиненіи (главы XI и XIII) съ цѣлью регулированія, какъ онъ выражается, арендованія земель въ частныхъ имѣніяхъ. Недавно, впрочемъ, вопросъ объ экспроприаціи былъ поставленъ у насъ рѣшительно уже не въ печати, а въ одномъ изъ засѣданій III отдѣленія Вольно-Экономическаго Общества. Докладчикъ, нѣкто г. Ходскій, высказалъ, между прочимъ, что въ тѣхъ мѣстностяхъ гдѣ отрѣзки отъ крестьянскихъ надѣловъ арендуются крестьянами за дорогую цѣну, эти отрѣзки должны быть отчуждаемы въ пользу крестьянъ. Не говоря уже о неопредѣленности предложенія, мы укажемъ лишь на то обстоятельство что существованіе отрѣзковъ вообще фактъ случайный, происходящій отъ щедрости, а иногда просто отъ неряшливости владѣльцевъ при крѣпостномъ правѣ, и что, стало-быть, изъ него никакихъ особыхъ правъ для крестьянъ не вытекаетъ:

Мы ограничимся этимъ бѣглымъ замѣчаніемъ о полупозновеніяхъ къ экспроприаціи, высказываемыхъ до сихъ поръ съ благоразумною осторожностью. Двѣ другія мѣры рекомендованныя нашею печатью менѣе рѣшительны, но за то несомнѣнно болѣе серьезны. Начнемъ съ колонизаціи.

Несмотря на то что по вопросу о переселеніяхъ у насъ печаталось весьма много, едва ли онъ былъ кѣмъ-либо разсмотрѣнъ такъ отчетливо какъ въ книгѣ кн. Васильчикова. Уважаемый авторъ, послѣ мѣткой характеристики шаткой и неудачной политики которой слѣдовали у насъ относительно заселенія нашихъ окраинъ, подробно и обстоятельно описываетъ мѣстности въ которыхъ имѣются свободныя земли находящіяся въ фиктивномъ владѣніи цвородцевъ, а въ дѣйствительности предоставленныя волѣ Божіей. * По официальнымъ свѣдѣніямъ собственно казенныхъ, незанятыхъ земель имѣется у насъ четыре милліона десятинъ. ** Но кромѣ этихъ, совершенно пустопорожнихъ земель, имѣются обширныя, слабо или вовсе не населенныя степи въ губерніяхъ: Ставропольской, въ Кубанской Области, въ такъ-называемомъ Зауральѣ (Екатерибургскій и Шадринскій уѣзды) и въ землѣ внутренней Букѣвской Орды. Эти обширныя угодья, размѣры которыхъ нѣтъ даже возможности опредѣлить, номинально заняты цвородцами, которые на самомъ дѣлѣ либо не пользуются ими вовсе, либо сдаютъ ихъ за безцѣнокъ разнымъ хищническимъ эксплуататорамъ. Въ видахъ сбереженія этого богатаго запаса плодородныхъ земель и правильной организаціи постепеннаго ихъ заселенія, кн. Васильчиковъ предлагаетъ, во первыхъ, приведеніе ихъ въ извѣстность, во вторыхъ, устройство правильныхъ сообщеній и учрежденіе центрального и мѣстнаго управленій колоніями. Не входя въ подробное обсужденіе предлагаемыхъ кн. Васильчиковымъ мѣръ для правильнаго устройства переселенія, мы должны признать что основная его мысль, желаніе устроить колонизацію на прочныхъ и стройныхъ основахъ, заслуживаетъ сочувствія. Но совершенно иное дѣло: своевременность пользы самаго переселенія въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ которые для него задумалъ кн. Васильчиковъ. Почтенный авторъ, повидимому, изъ изслѣдованія своего вынесъ то впечатлѣніе что центръ Россіи до крайности переполненъ и что избытокъ его населенія долженъ немедленно направиться къ ея окраинамъ по тѣмъ двумъ путямъ, на югъ и сѣверо-востокъ, по которымъ слѣдовали казаки и разбойники

* Кн. Васильчиковъ, *ibidem*, т. II, глава XV.

** Изъ этого числа, впрочемъ, около одного милліона совершенно негодной земли въ Астраханской губерніи.

во времена московскаго царства, а затѣмъ — бѣглецы крѣпостные и раскольники. На нашей азиатской границѣ существуетъ обширный запасъ незаятыхъ земель, но изъ этого еще не слѣдуетъ что мы должны отдать ихъ подъ соху. Настѣтъмъ болѣе удивляетъ это стремленіе кн. Васильчикова что онъ энергично возстаетъ въ своемъ сочиненіи противъ русскаго обычнаго распашнаго хозяйства, которое влечетъ за собой неминуемо разореніе. Такимъ образомъ, отдавая полную справедливость вѣскимъ доводамъ кн. Васильчикова въ пользу охраненія земельного капитала на востокѣ Россіи, мы позволяемъ себѣ думать что капиталъ этотъ слѣдуетъ тратить съ бережливостью, не мѣшая переселенію, какъ часто то дѣлалось до сихъ поръ; но и не заывая переселенцевъ, какъ будто наши внутреннія губерніи переполнены населеніемъ.

Мы видѣли уже что въ наугуще населенной полосѣ червоземъ крестьяне получившіе недостаточные надѣлы составляютъ лишь 11% общаго числа. Они образуютъ тотъ контингентъ который въ крайнемъ случаѣ долженъ двинуться къ Кавказу либо къ Уралу: какъ видно, этотъ контингентъ сравнительно довольно слабъ. Мы даже не видимъ особенныхъ причинъ къ поголовному выселенію этихъ малоземельныхъ крестьянъ. Мы находимъ возможнымъ чтобы по крайней мѣрѣ часть этихъ крестьянъ размѣстилась на сходныхъ условіяхъ въ качествѣ долгосрочныхъ арендаторовъ на частныхъ земляхъ. Еслибы мѣстные землевладѣльцы, пожертвовавъ временною выгодой отъ вздорожанія земель, рѣшились уступить достаточное количество ихъ малоземельнымъ крестьянамъ съ убавкой цѣны, то это было бы съ ихъ стороны признакомъ дальновидности, и такому разрѣшенію вопроса можно было бы только порадоваться. Само собой разумѣется что оно пока относится къ разряду благихъ пожеланій, и что потому слѣдуетъ всячески облегчать средства къ переселенію тѣмъ изъ малоземельныхъ крестьянъ восточныхъ губерній которые пожелаютъ двинуться въ степь. Но такимъ облегченіемъ для этой группы крестьянъ едва ли не слѣдуетъ ограничиться: остальнымъ, не столь малоземельнымъ крестьянамъ, вѣтъ ловада предоставлять особой льготы къ переселенію. Будетъ вполнѣ достаточно, если желающіе отправиться на новыя мѣста найдутъ тамъ начальство которое облегчитъ имъ приисканіе земель и первоначальное устройство быта.

Весь вопросъ о колонизаціи сводится, какъ намъ кажется, къ устраниенію тѣхъ препятствій какія ставились у насъ до сихъ поръ и закономъ, и администраціей всякому передвиженію крестьянъ. Всѣмъ ламатва еще тревога овладѣвшая русскимъ обществомъ и частью административнаго персонала когда минулъ первый двѣнадцатилѣтній срокъ установленный Положеніемъ 19 февраля. Тогда ожидали какого-то грандіознаго передвиженія и, какъ извѣстно, ничего подобнаго не случилось. Несмотря на это, наши власти не переставали всячески препятствовать выселенію крестьянъ какъ скоро разомъ хотѣли подниматься цѣлыя селенія или хотя бы нѣсколько семействъ. Бывали случаи когда крестьяне силой удерживались на мѣстѣ, хотя казалось бы уже самый законъ обставилъ достаточными трудностями переходъ цѣлаго крестьянскаго общества на другія мѣста или даже просто выходъ изъ него одного изъ его членовъ. Такъ какъ у насъ всякое лицо податныхъ сословій должно быть къ чему-нибудь приписано, то первою и главною заботой желающихъ переселиться было отысканіе общества готоваго принять выходцевъ. Независимо отъ этого, оставляющимъ прежнее жителство приходилось очистить всѣ лежавшія на нихъ повинности и текуція недоимки; а для эмигрантовъ, какъ для людей большею частью недостаточныхъ, это было не легко. Впрочемъ, съ этой стороны въ богатыхъ черноземныхъ мѣстностяхъ выходцамъ не представлялось особыхъ затрудненій: общества большею частью охотно соглашались отлустить ихъ, принимая даже на себя обязанность уплатить за нихъ недоимку; такъ какъ цѣнность освобождавшагося надѣла значительно превышала возникавшіе отсюда расходы *. Но помнятъ что этого полуступительства недостаточно и что оно вдобавокъ очень невыгодно для эмигрантовъ. Необходимо такое измѣненіе закона которое бы не только позволяло выходъ изъ общества желающему переселиться, но и предоставляло бы ему возможность переуступить на сходныхъ условіяхъ свой надѣлъ иному лицу. Мы стоимъ за такую мѣру

* Намъ случилось въ 1878 году изслѣдовать три смежныя волости Елецкаго и Ливенскаго уѣздовъ, лежація на границѣ Воронежской губерніи (Тербурскую, Богатополатовскую и Боркинскую) и убѣдиться что изъ этихъ трехъ волостей, населенныхъ 15.000 ревизскими душами, безпрепятственно выселилось на Кубань послѣ 1861 года двадцать одно семейство.

не въ виду только эмигрантовъ на крайній востокъ; она послужитъ всѣмъ тѣмъ для кого надѣлъ въ тягость, кто въ настоящее время ни что иное какъ скрытые пролетаріи деревни и кому трудъ работника несравненно выгоднѣе фактическаго прикрѣпленія къ землѣ. Почти одновременно съ заботами объ устройствѣ колонизаціи, у насъ началось движеніе въ пользу содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земель. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Петербургѣ, съ этою цѣлью учредился особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ князя Васильчикова, которымъ былъ выработанъ проектъ устава земскаго банка мелкаго сельскаго кредита. Въ то же время, въ ученыхъ обществахъ и литературѣ, былъ снова возбужденъ вопросъ о порядкѣ выдачи крестьянамъ ссудъ и образованія для того, особыхъ банковъ. Но главнымъ, самымъ животрепещущимъ изъ поднятыхъ вопросовъ былъ тотъ, слѣдуетъ ли содѣйствовать крестьянамъ въ покупкѣ земель въ личную или общинную собственность. Община, какъ извѣстно, въ послѣдніе годы стала у насъ очень популярна. Не удивительно что въ большинствѣ случаевъ вопросъ рѣшался въ пользу исключительнаго содѣйствія покупателямъ цѣлыми обществами. Въ томъ же смыслѣ разрѣшалъ его упомянутый выше проектъ. * Между тѣмъ изъ области теоретическихъ преній вопросъ былъ перенесенъ на почву земскихъ собраній. Вообще говоря, земство очень сочувственно отнеслось къ инициативѣ данной Петербургомъ. У нашихъ землевладѣльцевъ, какъ извѣстно, нѣтъ того сословнаго эгоизма которымъ отличаются поземельные собственники Запада. Въ данномъ случаѣ они проявили несомнѣнное благодушіе: кому принадлежитъ земля обыкновенно принадлежитъ и влѣяніе, и классъ озабоченный продажей своей земли въ другія руки тѣмъ самымъ стремится къ тому чтобы скорѣе убраться со сцены. Впрочемъ, исключительное преимущество въ пользу общинной собственности не встрѣтило въ земскихъ собраніяхъ повсемѣстнаго сочувствія; да и вообще, судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, до сихъ поръ участіе земства въ поднятомъ вопросѣ оказалось довольно платоническимъ. Въ сессію 1879 года, Московскаго уѣзднаго земства вопросъ этотъ, какъ извѣстно, сдѣлался предметомъ очень горячихъ и обстоятельныхъ преній, земство

* Проектъ устава, стт. 2 и 3.

признало увеличеніе крестьянскихъ надѣловъ дѣломъ настоятельнымъ. Но на слѣдующемъ губернскомъ земскомъ собраніи проектъ уѣзднаго земства былъ отклоненъ. Почти также поступили въ послѣднюю сессію Ярославское, Воронежское и Харьковское земства. Одинъ изъ крупныхъ недостатковъ которыми грѣшатъ всѣ эти пока неосуществленные проекты, это смѣшеніе двухъ несовмѣстныхъ понятій: кредита и благотворительности. Всякій банкъ, съ какою бы цѣлью онъ ни устраивался, можетъ существовать только при условіи состоятельности своихъ должниковъ. Кредитъ для неимущихъ есть своего рода финансовая квадратура круга. Между тѣмъ мысль о денежномъ пособіи крестьянамъ вызвана не однимъ стремленіемъ къ развитію у насъ мелкой собственности, а похвальнымъ желаніемъ придти на помощь нуждающимся. Такъ какъ у насъ вообще признается что крестьянская нужда вызвана малоземельемъ, то естественный выводъ изъ этой послыаки — помощь неимущимъ для пріобрѣтенія лоземельной собственности. Но при этомъ совершенно упускается изъ виду что лоземельная собственность безъ оборотнаго капитала не даетъ дохода и потому не обезпечиваетъ благосостоянія собственниковъ. Надѣлать ея бѣдняковъ значитъ пресудать и землю, и ея владѣльца къ безплодному труду. Такой кредитъ будетъ одинаковымъ разореніемъ и для благотворительнаго банка, и для облагодѣтельнаго крестьянина. Сельское хозяйство требуетъ и денегъ, и умѣнья; и то обстоятельство что у нѣкоторыхъ крестьянъ эти два условія оказываются на лицо должно бы обратить на нихъ вниманіе сторонниковъ мелкой собственности: въ этомъ отношеніи къ земледѣлію вполнѣ примѣнима притча о талантахъ. Къ сожалѣнію, наше общество сильно предубѣждено противъ всѣхъ крестьянъ сколько-нибудь разбогатѣвшихъ, которыхъ оно называетъ кулаками и міровдами, какъ будто несомнѣннымъ признакомъ нравственныхъ качествъ мужика служить его бѣдность. Экономическій бытъ—область борьбы за существованіе по преимуществу, и неудивительно что хищные инстинкты въ ней проявляются тѣмъ болѣе что у народа необразованнаго ихъ грубость не скрашивается и не прикрывается ничѣмъ. Но тѣмъ не менѣе одни только достаточные крестьяне и доказали свою способность къ хозяйству; они одни могутъ сдѣлаться достаточными и оборотливыми собственниками; они одни, наконецъ, могутъ представить обезпеченіе въ выдав-

ныхъ имъ ссудахъ. При всей непривлекательности типа русскаго кулака вѣтъ повода вѣхъ разчетливыхъ и достаточныхъ хозяевъ изъ мужиковъ считать мироѣдами дающими народъ. Намъ кажется что они одни могутъ составить зародышъ класса независимыхъ мелкихъ собственниковъ; что отъ нихъ, а не отъ общины, слѣдуетъ ожидать развитія мелкаго сельскаго хозяйства. Примѣры тому, какъ мы сказали выше, существуютъ уже въ нѣкоторыхъ изъ промышленныхъ губерній; да и несомнѣнно то что и сами крестьяне, тамъ гдѣ они являются покупателями земли безъ посторонней помощи, стремятся къ приобрѣтенію ея въ личную, а не въ общинную собственность. По свѣдѣніямъ Министерства Государственныхъ Имуществъ изданнымъ въ истекшемъ году, видно что въ Тверской губерніи, гдѣ крестьянами куплено послѣ 1865 года слѣшкомъ полмилліона десятинъ земли, изъ нихъ 340.000 десятинъ приобрѣтено отдѣльными домохозяевами. Подобныя же цифры даетъ намъ и *Статистика поземельной собственности*. * Какъ выводъ изъ сказаннаго, мы позволяемъ себѣ думать что забота о развитіи у насъ мелкой собственности есть одно изъ самыхъ полезныхъ начинаній въ области нашей экономической жизни; но что оно можетъ стать у насъ на твердую почву тогда только когда оно будетъ имѣть въ виду созданіе того класса независимыхъ личныхъ собственниковъ изъ крестьянъ которые въ западной Германіи довели въ текущемъ столѣтіи культуру полей до такого высокаго совершенства.

Намъ возразятъ, можетъ-быть, что мы слѣшкомъ умаляемъ значеніе колонизаціи и содѣйствіе крестьянамъ въ покупкѣ земель. Намъ кажется между тѣмъ что одна изъ дѣлаемыхъ у насъ всего чаще ошибокъ заключается въ излишнемъ обобщеніи, въ желаніи придать общій повсемѣстный характеръ такимъ мѣрамъ которыя пригодны въ частныхъ случаяхъ и для отдѣльныхъ мѣстностей. Свобода переселенія, съ одной стороны, развитіе мелкой собственности, съ другой, вещи несомнѣнно прекрасныя; но изъ этого не слѣдуетъ чтобы въ цѣлой Россіи должна начаться эмиграція на окраины и олтвая скупка владѣльческихъ земель. Мы думаемъ что движеніе

* *Статистика поземельной собственности*, стр. XVI. Земли купленные обществами составляютъ менѣе 1% всѣхъ крестьянскихъ земель, между тѣмъ какъ тѣ которыя куплены отдѣльными домохозяевами составляютъ 2,30% общей площади земель (стр. XXVIII).

въ пользу этихъ двухъ мѣръ вѣсколько искусственно, что оно вызвано не совсѣмъ яснымъ представленіемъ о томъ что принято называть „правомъ на землю.“ Съ тѣхъ поръ какъ были отведены надѣлы населеніе разрослось и мѣстныхъ земледѣльческихъ работъ на него уже не хватаетъ. Это вполнѣ естественное явленіе было принято у насъ за признакъ тѣсноты, и наши публицисты вдругъ будто вспомнили что въ 1861 году довольно многимъ крестьянамъ были даны четвертные и уменьшенные надѣлы. Заговорили о русскомъ аграрномъ вопросѣ, а между тѣмъ то что принимали за появленіе этого вопроса было не болѣе какъ наступленіе момента неизбежнаго въ жизни каждой страны. Россія вѣками жила на полномъ земельномъ просторѣ, и возможность надѣлать землей всѣхъ и cadaго вызвала у насъ представленіе о какомъ-то личномъ „правѣ всѣхъ и cadaго на землю“, правѣ осуществимомъ только благодаря слабости населенія. При этихъ условіяхъ приволья у насъ, какъ извѣстно, выработалось два типа хозяйства. Первый заключается въ послѣдовательной распашкѣ свободныхъ дѣвственныхъ земель, причемъ земледѣліе становясь кочевымъ снимаетъ, такъ сказать, одѣ сливки съ почвеннаго хозяйства. Другой, неимѣющій въ своемъ распоряженіи такихъ необъятныхъ пространствъ, беретъ подъ соху все что годится для лашны, иногда захватывая даже дуга, и непрерывнымъ рядомъ посѣвовъ безъ соответствующаго удобрения выбираетъ изъ земли все что она дать въ состояніи. Для обоихъ этихъ видовъ расточительнаго хозяйства наступаетъ роковой кризисъ. Оба они, если можно такъ выразиться, приперты къ стѣнѣ. Въ степяхъ уже рѣдки дѣвственныя ковыльыя земли, а утомленная почва центральной Россіи начинаетъ показывать признаки истощенія. Ея вдобавокъ становится мало для экстенсивнаго хозяйства, при которомъ всякій работникъ долженъ быть землевладѣльцемъ; но почти ни одинъ не трудится надъ улучшеніемъ своей земли. Мы видѣли уже что такой предѣлъ размноженія собственниковъ долженъ рано или поздно (и скорѣе рано) наступить даже тамъ гдѣ вся земля принадлежитъ рабочему населенію. Дѣло въ томъ что количество земледѣльческихъ работъ въ данной мѣстности не безгранично, и что далѣе извѣстной степени густоты населеніе уже не можетъ жить однимъ земледѣліемъ. Этотъ неизбежный кризисъ наступаетъ у насъ теперь. Пора разстаться съ мечтой о всеобщемъ надѣленіи землей, которую пришлось бы хватать

съ неба. Изъ теперешняго положенія хозяйства существуетъ только два исхода: введеніе интенсивной полевой культуры и развитіе промышленной производительности. На Западъ поворотъ въ этомъ смыслѣ сдѣланъ уже давно; теперь наступаетъ наша очередь. Мы знаемъ очень хорошо что мѣтвіе это не пользуется у насъ популярностью и что въ нашей литературѣ господствуетъ направленіе стоящее за надѣлъ землей всего рабочаго класса въ возможно большемъ размѣрѣ. Мы полагаемъ однако что кажущійся либерализмъ подобнаго взгляда основанъ на самообольщеніи. Поземельная собственность не размножается вмѣстѣ съ населеніемъ; и какъ бы ни была она распределена среди рабочаго класса, рано или поздно тѣснота должна наступить. Такимъ образомъ и для Россіи, при всемъ ея многоземельи, неизбежна слѣдующая дилемма: или постоянное выселеніе на окраины съ тѣмъ чтобы населенность въ центрѣ никогда не переходила за извѣстный предѣлъ, то-есть, другими словами, вѣчное промышленное младенчество, либо обращеніе къ промышленнымъ занятіямъ значительной части народнаго труда. Тѣ кто не хотятъ видѣть этой дилеммы и ссылаются при этомъ на обширность нашихъ земель забываютъ что народъ живетъ не одно полколѣніе и что экономическое устройство должно быть разчитано не на какіе-нибудь два-три десятка лѣтъ. Обезпечивать народный бытъ лишь на короткій срокъ значитъ быть крайне близорукимъ, крайне призрачнымъ благодѣтелемъ. Тѣ кто въ самомъ дѣлѣ желаютъ блага народу, не должны обманывать его на счетъ будущаго, а напротивъ подготовить издалека тотъ неизбежный экономическій переворотъ которымъ знаменуется начало болѣе развитой промышленной культуры; тѣ кто думаютъ что процвѣтаніе нашего народнаго хозяйства мыслимо лишь путемъ сохраненія „права на землю“ при которомъ нашъ рабочій классъ вѣчно оставался бы исключительно земледѣльческимъ заблуждаются насчетъ современности этого взгляда. Въ сущности они хотятъ лишь такого общественнаго устройства при которомъ всякій производилъ бы самъ предметы своего потребленія. Они полагаютъ что осуществленіе этой мечты ожидаетъ насъ впереди. Они ошибаются, она осуществлена давно среди дикихъ обитателей острововъ Тихаго Океана.

К. ГОЛОВИНЪ.

10 января 1881 года.

ТЪМА ЕГИПЕТСКАЯ*

РОМАНЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

V. Два сюрприза.

Спокойно и беззаботно возвращался къ себѣ домой графъ Валентинъ Николаевичъ Каржоль де-Нотрекъ послѣ свиданія съ Тамарой. Онъ былъ вполнѣ доволенъ и счастливъ: доволенъ собой, своею удачей, своимъ умомъ и умѣньемъ внушить къ себѣ чувство такой любви какъ у Тамары, и счастливъ перспективой близкаго осуществленія своихъ самыхъ заветныхъ желаній и стремленій, всегда составлявшихъ любимѣйшую мечту, задачу и цѣль всей его жизни. И вдругъ теперь все это осуществляется; уже близится минута когда мечта превратится въ осязательный фактъ. Конечно, до наступленія этой блаженной минуты, быть-можетъ, предстоитъ еще не мало затрудненій и прелатствій, но съ его умомъ и изворотливостью, съ его энергійей и умѣньемъ дѣйствовать настойчиво, ему ли не побѣдить всѣхъ этихъ затрудненій и прелатствій, если главное уже достигнуто, а это главное — болѣе половины всего дѣла! Такъ думалъ о себѣ самомъ

* См. *Русск. Вѣстн.* № 111.

графъ Каржоль, возвращаясь въ радужномъ настроеніи отъ Тамары. Впрочемъ, такое самомиѣніе и такая самоувѣренность не составляли принадлежности исключительно дамной минуты, они являли собой черту всегда присущую его характеру.

Онъ жилъ недалеко отъ Бендавидовъ, но на этотъ разъ пошелъ домой не кратчайшею дорогою, а избралъ окольный и длиннѣйшій путь, такъ какъ ему хотѣлось пройтись, прогуляться, чтобы дать время остыть и успокоиться своему радужному, чуть не ликующему волемию, и въ то же время помечтать о будущемъ въ лодномъ удивленіи, среди поэтической тишины вседневной ночи.

Графъ занималъ небольшой и совершенно отдѣльный, съ барскими удобствами построенный домикъ, съ садомъ, сараями и конюшней, расположенный въ глубинѣ обширнаго двора, посрединѣ котораго былъ разбитъ большой газонъ съ кустами сирени и цвѣточными клумбами. Этотъ домъ принадлежалъ проживавшимъ постоянно въ деревнѣ насѣдникамъ какого-то польскаго лана, не то сосланнаго въ Самару, не то бѣжавшаго за-границу, и Каржолу было тѣмъ удобнѣе навѣять его что въ немъ онъ нашелъ готовое, вполнѣ комфортабельное убранство. Графъ хотя и жилъ на холостую ногу, но по роду своей дѣятельности ему постоянно являлась надобность принимать у себя разнаго рода „нужныхъ людей“ и губернскихъ „тузовъ“, иногда устраивать для нихъ холостые обѣды, иногда задавать карточные вечера съ роскошными ужинами и вообще „располагать“ къ себѣ, показывая „умѣнье жить“ на широкую ногу и заставляя предлагать у себя очень большія средства. Поэтому подобнаго рода домашняя обстановка была для него вполнѣ необходима. „Внѣшняя обстановка, это почти все для умнаго и практическаго человѣка“, таково было убѣжденіе графа.

Мурлыча какую-то шикарную шапсетку, съ легкимъ духомъ послѣ хорошей и довольно продолжительной прогулки, подошелъ онъ въ эту ночь къ воротамъ своего обиталища, проскользнулъ, согнувшись, подъ цѣль полурастворенной калитки и, уже подходя къ самому дому, вдругъ, къ не малому удивленію, замѣтилъ сквозь щели ставень свѣтъ въ своемъ кабинетѣ.

Это его даже озадачило.—Неужели гости? Но кто жь бы могъ быть въ такую пору?

— Что это за свѣтъ у насъ? спросилъ онъ у камердинера отворившаго ему дверь съ параднаго крыльца.

— Барышня тамъ дожидаются, доложилъ тотъ, съ нѣкоторою таинственностью понизивъ голосъ.

— Какая барышня?

— Госпожа Ухова, Ольга Семеновна-съ.

— Что такое! какъ бы про себя пробормоталъ графъ окончательно уже озадаченный.

— Не могу знать. Я имъ докладывалъ что вашего сѣтельства дома нѣтъ, а онѣ говорятъ, все равно: крайне, молъ, надо видѣть.

— И давно ждетъ уже?

— Давно-съ; около часа будетъ.

Нельзя сказать чтобъ этотъ неожиданный позднй визитъ пришелся по сердцу графу. Недоумѣвая зачѣмъ она здѣсь и что все это значитъ, съ чувствомъ нѣкоторой тревоги въ душѣ вошелъ онъ въ дверь своего кабинета.

На встрѣчу ему поднялась изъ кресла высокая, стройная блондинка, съ неправильно красивымъ и нѣсколько калпизымъ типомъ лица, которое вмѣсто прѣвѣта выражало въ эту минуту одно только утомленіе и недовольство.

— Ольга!... Какими судьбами?... Въ такую пору... Что это значитъ? заговорилъ онъ протягивая руку.

— Необходимость заставила! съ плохо скрытою раздражительностью ложала она плечами.—Я ждала васъ третьяго дня, ждала вчера, наконецъ сегодня утромъ нарочно послала съ кучеромъ письмо прося васъ заѣхать хоть на минутку, и вмѣсто того ни васъ, ни отвѣта!... Пришлось крадучись идти самой и дожидаться...

— Бога ради, извини меня, милая, дорогая моя! цѣлуя руки своей гостью сталъ оправдываться графъ.—Мнѣ крайне совѣстно, говорилъ онъ:—но еслибы знала ты кака я у меня масса дѣла, и самаго нетерпящаго дѣла, и сколько еще неприятностей при этомъ! Просто голова кругомъ идетъ!... Я крайне виноватъ предъ тобою, но ей-Богу, клянусь тебѣ! Вотъ до сей самой поры ни минуты не было свободной.

— Будто? недовѣрчиво и зло усмѣхнулась дѣвушка.

— Вѣрь, не лгу! горячо увѣрялъ Каржоль:—я не отвѣчалъ тебѣ потому что рассчитывалъ непременно заѣхать вечеромъ, но, видѣть Богъ, не могъ, не успѣлъ, задержали... Въ чемъ дѣло, однако? доспросилъ онъ съ озабоченною торопливостью.

— Дело очень серьезное, вѣскимъ и разнѣреннымъ тономъ сказала дѣвушка.

Каржоль вопросительно вскинулъ на нее встревоженный взглядъ, предчувствуя нечто скверное. Этотъ томъ и вѣсколькo раздраженное, недовольное выраженіе лица Ольги казались ему подозрительными: ужь не провѣдала ль она чего-нибудь на счетъ Тamarы? И графъ на всякій случай приготовился возражать увѣреніями и клятвами.

— Что такое? спросилъ онъ серьезно сдвинувъ брови.

— Я беременна, объявила дѣвушка.

У Каржоля, что называется, опустились руки.

— Не можетъ быть! услугавно пробормоталъ онъ. — Ты, вѣрно, ошибаешься, Ольга....

— Нѣтъ, отрицательно махнула она головой: — въ этомъ не осталось болѣе ни малѣйшихъ сомнѣній...

Каржоль закусилъ себѣ губы и глядѣлъ на нее растерянными, чуть не бессмысленными глазами.

— Но что жь тебя такъ поражаетъ тутъ? продолжала Ольга удивленная въ немъ этимъ услугомъ и растерянностію, которыхъ, по видимому, никакъ отъ него не ожидала. — Что съ тобой, Валентинъ?... Ты услугавъ?... Ты какъ-будто недоволенъ даже?...

— Признаюсь, я не ожидалъ этого... Но что жь теперь мы будемъ дѣлать однако? пробормоталъ онъ сквозь зубы, принимаясь озабоченно шагать по комнатѣ.

Дѣвушка прежде чѣмъ отвѣтить что-либо вѣсколькo времени слѣдила за нимъ все тѣмъ же недоумѣвающимъ, удивленнымъ взглядомъ.

— Мнѣ кажется, заговорила она наконецъ, — остается только одно: объявить отцу все какъ есть, всю правду. Я беру это на себя; ты же пріѣзжай завтра просить моей руки.

— Завтра?! переспросилъ Каржоль, круто повернувшись на ходу и остановясь съ такимъ видомъ какъ будто его вдругъ по лбу опарашали.

— Да, не иначе; непременно завтра, подтвердила Ольга. — И сколь отцу ни непріятно это, продолжала она, — ты знаешь, онъ тебя очень не жадуетъ, но, конечно, въ виду такого обстоятельства повеловъ долженъ будетъ согласиться.

● — Ты думаешь? обронилъ онъ съ какимъ-то разсѣяннымъ видомъ.

— Разумѣется. Не подвергать же свое имя лубащному

скададу!... Мы, наконецъ, вмѣстѣ можемъ объявить ему, и, я увѣрена, отказа не будетъ... Теперь отказъ невозможенъ, немыслимъ.

Каржоль въ молчаливомъ раздумьѣ раза два прошлепалъ по комнатѣ.

„Положеніе, однако, чортъ возьми! И не раслутаешься!“ А какъ былъ бы онъ доволенъ такимъ положеніемъ не далѣе какъ три мѣсяца тому назадъ, когда только-что началась его тайная связь съ Ольгой Уховой, когда онъ еще не зналъ что существуетъ на свѣтѣ Тамара, въ то время еще не возвращавшаяся изъ-за границы, и когда эта самая Ольга Ухова, дочь почтеннаго кавказскаго генерала, вдовца, невѣста со стотысячнымъ приданымъ, казалась ему отличною партіей, которая дала бы ему блестящій выходъ изъ его вѣшняго все еще шикарнаго, но въ сущности уже очень подорваннаго и стѣсненнаго положенія. Три мѣсяца назадъ эта беременность лучше всего могла бы повести къ такому счастливому результату, волей-неволей вынудивъ у строптиваго, неуговорчиваго старика-генерала согласіе на бракъ Ольги съ Каржолемъ; но жениться на Ольгѣ теперь, когда миллионная Тамара не сегодня-завтра можетъ сдѣлаться его женой, да это было бы просто безуміемъ!.. Каржоль пересталъ бы уважать себя за это; онъ сталъ бы презирать себя!.. Улупить Тамару! Нѣтъ, это невозможно! Каржоль рѣшится на все, и все принесетъ въ жертву, но этого онъ не сдѣлаетъ. Чтѣ жъ дѣлать однако? Какимъ образомъ выдти изъ этого невозможнаго положенія?—вотъ о чемъ болѣе всего думалъ теперь графъ Каржоль де-Потрекъ, и единственное чтѣ удалось ему придумать и на чтѣ онъ пока рѣшился, это выиграть время, время и время прежде всего! Выиграть его настолько чтобъ успѣть привести въ исполненіе задуманный планъ относительно Тамары, а тамъ уже будь чтѣ будетъ! Тамъ ужъ онъ придумаетъ какъ быть ему далѣе. Но вотъ на эти роковыя поаторы, двѣ недѣли надо во чтѣ бы то ни стало убавлять, усилить Ольгу Ухову.

— Хорошо! согласился онъ наконецъ, въ отвѣтъ на ея предложеніе,—хорошо, пускай по твоему! Но... Какъ ты думаешь, не лучше ли будетъ приготовить старика постелемъ, сроднить его мало-по-малу съ мыслью о твоёмъ выходѣ за мужъ за меня?

— Какимъ же образомъ? недоумѣло пожала плечами Ольга:

вѣдь четыре мѣсяца назадъ ты уже дѣлалъ предложеніе и получилъ отказъ?

— Да, но объ этомъ отказѣ, кромѣ насъ троихъ, никто въ городѣ не знаетъ, подхватилъ Каржоль:—вѣдь еще тогда же старикъ согласился дать мнѣ слово что отказъ останется тайной между нами, а онъ вѣдь не болтуша насколько я его знаю; стало-быть новое согласіе на бракъ ни предъ кѣмъ не поставитъ его въ неловкое положеніе: почему де сперва отказалъ, а теперь вдругъ согласился? И вѣдь въ сущности, продолжалъ графъ,—вся эта его антипатія ко мнѣ просто глупа и совершенно безпричинна. Ее-то вотъ и надо прежде всего постараться какъ-нибудь лобороть, разсѣять, а для этого мнѣ кажется слѣдуетъ дѣйствовать исподоволь и нѣтъ надобности открывать ему всю правду.

— Безъ этой правды онъ не согласится, увѣренно возразила Ольга.—Только страхъ огласки и скандала можетъ заставить его не перечить нашей свадьбѣ. Я-то вѣдь, повѣрь, лучше чѣмъ ты его знаю!

— Хорошо! согласился Каржоль и на это,—лусть такъ, но только что касается завтрашняго дня, то ужъ извини: ни завтра, ни послѣ завтра я рѣшительно не могу этого сдѣлать.

Тыма недоувѣрія и подозрѣнія, что ужъ не отваливается ли графъ отъ женитьбы, смутно дрогнула въ какой-то жилкѣ надъ бровями Ольги. Она окинула его испытующимъ взглядомъ и спросила почему это онъ не можетъ?

— О, Боже мой! возразилъ онъ со вспышкой нѣкоторой досады:—вѣдь жениться, полагаю, не то что надѣть пару перчатокъ! Для этого мнѣ прежде всего необходимо устроить свои дѣла, и дѣла весьма важныя, на которыхъ строится все благосостояніе моей дальнѣйшей жизни! Не могу же я вести мою жену на неопредѣленное и необезпеченное положеніе въ будущемъ!

— У меня есть свои сто тысячъ, замѣтила Ольга.

— Покорнѣйше благодарю! иронически поклонился графъ:—онѣ при насъ и останутся! Неужели мнѣ нужны ваши деньги! Ужъ не думаете ли вы что я на нихъ хотя сколько-нибудь разчитывалъ?... Ха-ха!... Сто тысячъ, моя милая, въ наше время не есть еще нѣчто существенное; сто тысячъ годятся развѣ женѣ на одиѣ лишь ея тряпки, а намъ надо *жить*, и вотъ потому-то какъ честный человѣкъ я и обязанъ сперва позаботиться объ обезпеченныхъ средствахъ къ жизни. Для

этого мнѣ потребуется около двухъ недѣль времени, не болѣе. Но что такое двѣ недѣли! Вѣдь ровно ничего не стоить переждать ихъ! Вѣдь въ двѣ недѣли ничто еще не успеетъ у тебя обнаружиться и никто ничего не замѣтитъ. Бога ради! вѣжно сталъ онъ предъ ней на колѣни, сжимая ея руки,— я умоляю тебя, ради нашего же собственнаго, общаго блага, не торопись ты пока съ этимъ дѣломъ! Дай мнѣ этотъ срокъ и тогда я сдѣлаю все что хочешь, все что ты прикажешь!

Ольга не успѣла сказать на это ни да, ни нѣтъ, какъ въ прихожей раздался вдругъ чей-то громкій, порывистый звонокъ.

Это было такъ неожиданно что оба они вздрогнули и всполошились, наскоро хватая и пряча Ольгины вещи: перчатки, платокъ, соломенную шляпку... Рѣшительно невозможно было не только предположить, но даже и ловить кто и зачѣмъ могъ быть въ такую пору. Каржоль ради предосторожности предложилъ Ольгѣ удалиться въ его спальню, изъ которой онъ рассчитывалъ въ случаѣ надобности провести ее по небольшому боковому корридору въ диванную, откуда уже можно было незамѣтно вывести ее сквозь стеклянную дверь на террасу въ садъ, а изъ сада дорога домой уже не представляла бы ей никакихъ затрудненій. Едва Ольга скрылась за портьерой, онъ послѣдилъ ко двери кабинета и чутко настрожилъ подъ ней ухо, въ расчетъ—не узнаетъ ли предварительно, хотя бы по голосамъ, что тамъ такое? Но едва успѣлъ онъ это исполнить какъ дверь осторожно приотворилась и камердинеръ Каржоль, видимо озадаченный и даже смущенный чѣмъ-то, не безъ таинственности вызвалъ его въ прихожую. Тамъ, на порогѣ раскрытой половинки наружныхъ дверей, первое что бросилось графу въ глаза была женская фигура, подъ вуалью и съ узелкомъ въ рукахъ. По общему очертанію онъ узналъ въ ней Тамару.

— Tout est découvert!... On nous à écoutés... Sauvez moi! * едва успѣла проговорить она задыхающимся голосомъ какъ Каржоль послѣдилъ оставить ее.

— Тсс!... У меня посторонніе! предупредилъ онъ шепотомъ, указывая на дверь кабинета.—Я сейчасъ ихъ спроважу, продолжалъ онъ:—войдите пока сюда, вальво, въ столовую, и подождите меня одну минуту... Только тшше, Бога ради!

* Все открыто... Насъ подслушали... Спасите меня!

И введя Тамару въ комнату, онъ плотно заперъ за нею дверь, а самъ послѣдовалъ къ Ольгѣ.

Слегка держась за лортыеру, дѣвица Ухова стѣрожно, что называется на чеку стояла на порогѣ спальни и кабинета, эластически готовая каждое мгновение отпрянуть внутрь и спрятаться за драпировкой отъ посторонняго глаза. На ея лицѣ выражалось не одно лишь сильно возбужденное любопытство и оласеніе за себя, но и тревожное чувство ревнивой подозрительности.

— Уходи, Бога ради, скорѣе!.. Сію минуту! быстро подхоя къ ней на цыпочкахъ, прошелталъ Каржоль умоляющимъ голосомъ.

— Тамъ женщина? подозрительно спросила Ольга.

— Какая женщина?!.. Гдѣ?!.. Что это тебѣ чудится! досадливо проговорилъ встревоженный графъ.— Умоляю тебя, уходи Бога ради!

— Нѣтъ... Я слышала тамъ женскій голосъ.. Ты сейчасъ говорилъ съ женщиной.

— Ольга, не дури! строго остановилъ онъ дѣвушку.— Уходи, говорю тебѣ! Пощади и себя, и меня... Иначе ты рискуешь страшно компрометтироваться.

— Нѣтъ, я не уйду. Скажите, кто тамъ? Кто эта женщина?

— Фу, ты, Господи! схватился онъ за виски.— Женщина!.. Компльионъ мой только-что вернулся изъ Петербурга съ важнѣйшими извѣстіями... Намъ надо сейчасъ же переговорить о дѣлѣ.

— Изъ Петербурга... Ночью?... Да на какомъ же это поѣздѣ? съ явнымъ недоуміемъ спросила Ольга.

— Ахъ, да не на поѣздѣ!.. Онъ съ поѣзда сперва въ одно тутъ имѣніе проѣхалъ, а теперь изъ имѣнія сюда... На лошадахъ.

Барышня Ухова сомнительно качнула головой.

— Кто-жь этотъ компльионъ вашъ съ такимъ женскимъ голосомъ? И что это за дѣла въ три часа ночи?

— Ольга! отчаянно метнулся графъ, почти теряя всякое терпѣніе.— Это глупо, наконецъ!.. Мнѣ некогда объяснять вамъ подробно, завтра узнаете; завтра скажу вамъ все, но теперь уходите, вѣдь человекъ тамъ стоитъ, ждетъ... Я просилъ его обождать лишь одну минуту... Ну что онъ можетъ подумать!.. Это наконецъ не деликатно съ вашей стороны... Въ какое положеніе вы меня ставите!.. Я долженъ чуть не выговаривать васъ...

А Ольга, словно наслаждаясь этимъ неприятнымъ, безвыходнымъ его положеніемъ, съ улыбкой смотрѣла на него какимъ-то страннымъ, не то явно недоумѣвающимъ, не то явно презрительнымъ взглядомъ, и не трогалась съ мѣста.

— Да уйдете ли вы, наконецъ! въ бѣшенствѣ прохрипѣвъ Каржоль сквозь стиснутые зубы.— Это чортъ знаетъ что такое!... Что же вы хотите чтобъ я насиліе употребилъ надъ вами, что ли?

— Насиліе?... А ну-ка, попытайтесь!... Я закричу! возразила та вызывающимъ тономъ.

Графъ обезсиленно опустилъ руки и тоскаиво оглядѣлся вокругъ, словно ищущи гдѣ же наконецъ и въ чемъ найти ему свой камень спасенія.

— Извольте, оставайтесь если вамъ хочется, вздохнулъ онъ какъ бы сдаваясь:— только сидите же смирно, не выдайте вашего присутствія ни малѣйшимъ шорохомъ... Позвольте затворить дверь, и помните что если васъ застанетъ здѣсь утро, то не я виноватъ въ этомъ.... А для большей предосторожности замкните пожалуйста дверь на ключъ.

— Зачѣмъ это? возразила Ольга.

— На всякій случай. Неравно компаньйонъ не вздумалъ бы заглянуть въ спальню.

— Да развѣ вы намѣрены долго сидѣть съ нимъ?

— Не знаю; это не отъ меня зависитъ.... Извините, однако, мнѣ некогда.... Прощайте.

И графъ рѣшительно затворилъ за собой дверь. „Сиди же коли такъ, чортъ тебя возьми!“ злобно подумалъ онъ и, захвативъ въ прихожей шляпу да надежную трость съ кастетомъ, осторожно чтобы не услышала Ольга, замкнулъ дверь изъ кабинета въ прихожую, опустилъ ключъ къ себѣ въ карманъ и, разчитывая вернуться домой минутъ черезъ десять-двадцать, внушительно шелуалъ человѣку:

— До моего возвращенія не выпускать гослужу Ухову изъ дома ни подъ какимъ видомъ и ни въ какіе съ ней разговоры не вступать. Понимаешь?

Отлично дрессированный, привычный и безмолвный исполнитель приказаній своего барина только поклонился въ знакъ готовности безусловно исполнить его волю.

Затѣмъ, пріотворивъ дверь столовой, графъ жестомъ позвалъ Тамару и осторожно вышелъ съ ней изъ дома.

— Я не могъ васъ править у себя, объяснялъ онъ идя съ ней по двору:—ко мнѣ сейчасъ прѣхалъ изъ имѣнія одинъ изъ моихъ компаньйоновъ и вочуеть у меня.... Онъ не спитъ еще.... Я не хотѣлъ васъ компрометтировать.... Въ чемъ дѣло, однако?

Тамара въ двухъ словахъ разказала ему все что произошло послѣ ихъ свиданія.

— Что же теперь дѣлать? невольно воскликнулъ графъ, у котораго дѣйствительно голова пошла наконецъ кругомъ отъ слетевія всѣхъ этихъ неожиданностей.—Что дѣлать, Тамара?

— Проводите меня въ монастырь, рѣшительно предложила она:—и пойдемъ сейчасъ же, пока еще не разсвѣло. Домой я не вернусь, а другаго ничего не остается.

— Да, вы правы, согласился Каржоль.—Такъ что жь, я къ вашимъ услугамъ. Постышимте.

И подавъ Тамарѣ руку, онъ быстрыми шагами направился съ ней со двора по улицѣ, держа луть къ Свято-Троицкой жемской обители.

VI. Божья воля.

Начинало свѣтать когда они подошли къ монастырскимъ святымъ воротамъ, описаннымъ живописью *al fresco*, въ византийскомъ стилѣ. Строгіе, темноватые лики божьихъ угольниковъ, іерарховъ, цюковъ и страстотерпцевъ глядѣли своими нарисованными очами съ каменныхъ стѣнъ и съ обѣихъ широкихъ створъ святыхъ воротъ на подошедшую къ нимъ въ столь необычный часъ мирскую пару. Каржолю показалось что эти продолговатые, изможенныя образы, въ черныхъ схимахъ, смотреть на него изъ своихъ золотыхъ вѣнчиковъ какъ-то особенно сурово, словно требуютъ отчета, такъ что его даже покорибило немного, и хотя онъ вообще былъ человекъ безъ предрасудковъ и на счетъ религіи вполнѣ беззаботенъ, тѣмъ не менѣе ему невольно стало какъ-то непріятно, жутко глядѣть на эти лики, и онъ отвернулся отъ нихъ въ сторону.

Мигающій красноватый свѣтъ большой лампады, висѣвшей предъ надворотнымъ образомъ Святой Троицы, все болѣе утрачивалъ свою силу, уступая блѣсоватому, прозрачному

свѣту небосклона, предвѣстнику скорого восхода. Звѣзды уже потухли и только одна лишь утренняя звѣзда ярко сверкала въ вышнѣхъ какъ чистая алмазная слезинка.

Каржолъ брякнулъ большимъ желѣзнымъ кольцомъ въ скобу монастырской калитки, но на этотъ стукъ отозвались ему не скоро, такъ что пришлось постучать по сильнѣй и подольше, во второй и въ третій разъ, пока наконецъ не скрипнула дверь подворотной сторожки и не послышались чьи-то старческіе шаги, кряхтѣнье и звѣки сопровождаемые молитвеннымъ присловьемъ.

Старикъ сторожъ однако отворилъ не сразу, а сначала облежалась,—кого-де носить нелегкая по ночамъ въ обитель! Прокори, молю, своею дорогою!—а затѣмъ, въ отвѣтъ на настойчивую просьбу графа, приступилъ къ долгимъ, раздумчивымъ и обстоятельнымъ разпросамъ,—кто, молю, стучитъ, какой человѣкъ, изъ какихъ онъ будетъ, затѣмъ такъ рано, къ чему и для чего и за какую надобностию? Приходи, молю, поздравь; какъ ударять къ завтрашней, тогда и ворота растворимъ, а теперь мать-игуменя лочиваетъ еще, и сестры спятъ, нельзя отворять-то.

Между тѣмъ ловятво насколько была дорога и опасна для Каржолы каждая лишняя минута. „Приходи поздравь“... Но куда онъ двнется, гдѣ проскитается пока настанетъ это „поздравь“? Домой вернуться нельзя: тамъ сидитъ взаперти Ольга, которая теперь, вѣроятно, рветъ и мечетъ отъ злости. Бродить по улицамъ? Но если, какъ на грѣхъ, кто-нибудь встрѣтитъ, или изъ окна увидитъ—сейчасъ же поднимутся толки, слухи, всяческая грязь всевозможныхъ догадокъ и хихиканья, скандалъ... Нѣтъ, это невозможно! Оставаться и ждать у монастыря, предъ воротами? Но Евреи обыкновенно встаютъ рано; большая часть изъ нихъ привыкла подыматься съ разсвѣтомъ; какой-нибудь Шмулька, живя по сосѣдству, легко можетъ увидѣть и узнать его съ Тамарой, и тогда все пропало! Тогда скандалъ еще хуже, еще неприятивѣе: ее просто отобьютъ у него на улицѣ, не дадутъ и ввести подъ монастырскія ворота... О, тогда подымется цѣлая исторія, изъ которой еще чортъ знаетъ какъ и вылутается!...

— Я залаачу тебѣ, голубчикъ... Возьми пять рублей, только впусти, Бога ради! умолялъ графъ и, для наибольшаго убѣжденія несговорчиваго сторожа, опустился на колѣно, просунулъ ему въ скважину подворотни пятирублевую кредитку.

Вѣроятно соблазняясь столь щедрымъ давленіемъ, тотъ наконецъ снялъ съ крючка желѣзный болтъ, послабляя слегка каангочную цѣлку и осторожно оглядѣвъ въ одну глазъ кто тамъ проснется и много ли ихъ? Но убѣдясь по вѣщности Каржоль и Тамары что люди, должно-быть, не лишіе и что ихъ только двое, уже безъ недоумѣнія пропустилъ обоихъ въ калитку.

— Есть у васъ тутъ какая-нибудь дежурная монахиня что ли? спросилъ его Каржоль.

— Дежурная? зашамкалъ сторожъ.—Что ты, мой батюшка! Какія у насъ дежурныя, зачѣмъ?... Господь Богъ надъ нами, зачѣмъ намъ?... Помилуй Богъ!... Мы живемъ просто, по-Божьему, чтѣ намъ!

— Но кто же можетъ разбудить игуменью?

— А пошто ее будить-то!... Пуцай поживаетъ матушка. Будить ее не для чего, не время... Ее колоколъ взбудитъ; какъ ударятъ къ заутренѣ, такъ и сама проснется.

— Да намъ необходимо сейчасъ же, сію минуту, убѣждалъ его графъ.—Поди, пожалуйста, голубчикъ дѣдушка, самъ ты и разбуди кого-нибудь... Я залачу тебя.

— Зачѣмъ же, мы и такъ много довольны, а только мнѣ невязля... Отъ воротъ я отлучаться не могу... Не мое это дѣло шлокомъ будить, сами свой часъ знаютъ... А вы лучше посидите малость, пообедайте до заутрени-то; вотъ, по двору, по кладбищу погуляйте; проснутся шлокины, тогда о васъ матушкѣ и доложатъ... сами доложатъ... это точно. А я не могу; мое дѣло сторожевое, мужское, развѣ я смѣю по кельямъ-то ходить?... Мнѣ никакъ невозможно.

Очевидно что дальше толковать со сторожемъ было нечего. Да Каржоль и тѣмъ уже былъ доволенъ что, слава Богу, удалось кое-какъ прошикнуть хотя за монастырскую ограду; здѣсь все-таки пріютъ, здѣсь безопасно.

Низенькіе, одновѣтальные флигеля монашескихъ келій, соединенные на подобіе коридора общюю стеколячатою галлереей; высокій храмъ, передѣланный нѣкогда изъ католическаго костела, и широкій монастырскій дворъ обсаженный кулами старорослыхъ каштановъ да аллеями пирамидальныхъ тополей, все это еще было пусто, безлюдно и беззвучно, и стояло въ своей отшельнической оградѣ словно проникнутое таинственною и важною тишиной, словно благоговѣнно и недвижно погруженное въ какую-то глубокую не отъ міра

сего вочую думу. Дершвыя могилки съ каменными лашта-ми, бѣлые кресты и намогильные лампачники около церкви, съ ихъ чугунными рѣшетками, вѣтками изъ иммортелей, завѣ-щимся лющемъ и лестрыми цвѣтниками, все это еще дре-мало, увлажненное вочною росой; но ласточки уже начинали выгадывать изъ гнѣздъ прилѣпившихся лодъ церковнымъ карнизомъ, и проскувшіеся воробья тамъ и слѣтъ подымали въ каштановыхъ вѣткахъ свое задорное чириканье. Повѣяло рѣзкимъ утреннимъ холодкомъ; изъ монастырской лекарни варуть потянуло въ воздухъ вкуснымъ запахомъ свѣжихъ, только-что вынутыхъ изъ печи просфоръ, и вскорѣ на зо-лочевыхъ, узорчато-прорѣзныхъ крестахъ двухъ церковныхъ башенокъ заиграли первые розоватыя лучи восходящаго солнца.

Но долго еще пришлось Каржолю просидѣть на каменныхъ ступеняхъ лалерти, бережно кутая нѣсколько продрогшую Тамару въ ея широкую шаль, прежде чѣмъ людское населе-ніе монастыря стало просыпаться. Тамара успѣла за эти ча-сы во всѣхъ подробностяхъ разказать ему свое приключе-ніе съ Айзикомъ и переговорить о многомъ касательно своего будущаго; много гадательныхъ плановъ и предположеній развернулось и пронеслось предъ ней; много ласкъ, и увѣреній, и клятвъ, и нѣжныхъ словъ любви и страсти вы-слушала она отъ своего друга... Но расточая ей свои ласки, Каржоль могъ только безконечно удивляться въ душѣ этой замѣчательной въ ея годы выдержкѣ характера и еще болѣе этой твердой рѣшимости ея намѣреній и взглядовъ на свою будущую судьбу, какова бы она ни была, рѣшимости ка-кая и теперь, въ эти томительные часы неизвѣстности и ожиданія на церковной лалерти, ни на минуту не поки-нула дѣвушку. Ни раздумья, ни сомнѣній, ни тѣни какого-либо колебанія ни разу не проскользнуло не только въ ея словахъ, но даже и во взорѣ. Напротивъ, судя по ея виду, Каржоль могъ смѣло заключить что тутъ дѣйствительно все уже продумано до конца и рѣшено безловоротно. И въ самомъ дѣлѣ Тамара чувствовала себя гораздо цѣльнѣе, спокойнѣе, чѣмъ Каржоль, и успокоивала даже его самого когда въ немъ прорывались нетерпѣливая досада и ролоть на это сонное монастырское царство.

Но вотъ, въ шесть часовъ утра, на колокольѣхъ раздался первый ударъ благовѣста, и вскорѣ послѣ этого нѣсколько

темныхъ женскихъ фигуръ, словно движущіяся тѣни, показались въ разныхъ углахъ здавіи, и во дворѣ, и вдоль по стеколычатой галлерей.

Каржоль обратилась къ одной изъ монахинь, прося доложить о немъ матери игуменьѣ.

— А это уже вы къ ея послушницѣ, къ Натальѣ... Это она вамъ все можетъ, отвѣчала цюккиня и, не вступая въ дальнѣйшіе разспросы, радушно предложила графу проводить его до дверей настоятельской квартиры и вызвать къ нему послушницу Наталью.

Графъ предварительно досталъ свою визитную карточку и на изысканномъ французскомъ діалектѣ написалъ на ней карандашемъ о своей настоятельнѣйшей надобности видѣть мать Серафиму немедленно, по крайне важному, безотлагательному дѣлу.

Черезъ пять минутъ молодая, шустрая послушница, у которой носикъ былъ уточкой, а глаза какъ двѣ вишенки, довольно развязно заявила ему что матушка теперь только что встала съ постельки и облачатъся изволятъ, а потому просить обождать немного.

Всѣ эти ожиданія и проволочки времени только раздражали графа и усиливали его внутреннюю тревогу. Онъ крайне безпокоился о томъ что выдѣлываетъ теперь въ его квартирѣ залертая Ольга Ухова, какова-то выйдеть его неизбежно предстоящая встрѣча съ ней, и какими бы судьбами уйти ей среди бѣла дня изъ его квартиры, безъ скандала, да и удастся ли еще проскользнуть никѣмъ незамѣченною?... А тутъ еще этотъ старый дуракъ генералъ, пожалуй, хватится утромъ гдѣ дочь, подниметь цѣлую бурю, переломохъ, весь домъ вверхъ дномъ... И опять-таки скандалъ, исторія, опять-таки толки и слезы... Господи!... Каржоль обзывалъ себя мысленно дуракомъ за то что не догадался оставить ключъ отъ кабинета своему камердинеру и не приказалъ ему выпустить Ольгу чрезъ полчаса послѣ своего ухода... Но могъ ли тогда онъ предвидѣть зачѣмъ пришла къ нему Тамара, могъ ли предполагать что ему придется немедленно же идти съ ней къ Серафимѣ? Онъ разчитывалъ что объясненіе его съ Тамарой продлится на дворѣ или на улицѣ не болѣе минутъ десяти, а вмѣсто того... О, Господи! Нужно же такое непредвидѣнное, просто дьявольское слетевіе обстоятельствъ!... Впрочемъ у Каржоля оставалась еще одна маленькая надежда

что авось-либо Ольга, отыскивая себѣ выходъ, проникнетъ изъ спальни по корридорчику въ диванную и тамъ уже догадается уйти чрезъ стеклянную дверь на террасу, въ садъ и такъ далѣе. Одва только эта гадательная надежда и успокоивала немножко графа.

Спусти около получаса та же шустрая послушница ввела его въ пріемный покой настоятельницы. Тамара, по его же совѣту, осталась пока въ стекольномъ корридорѣ одна, предъ дверью Серафимы, чтобы не затруднить и не стѣснить своимъ присутствіемъ его объясненія съ игуменьей.

Обстановка настоятельской пріемной была въ высшей степени проста, почти сурова: штукатурныя стѣны безъ обоевъ, окна безъ замазковокъ, съ одними лишь шторами, на подоконникахъ ни одного цвѣточного горшка; въ красномъ углу большой старинный образъ безъ ризы и украшеній; стариннаго фасона красноедеревые жесткіе стулья въ строгомъ порядкѣ вдоль стѣны, такой же диванъ съ гарусною на немъ подушкой, предъ диваномъ овальный столъ съ керосимовою довольно убогаго вида лампой; у одного изъ оконъ большой мольбертъ и на немъ начата масляными красками картина духовнаго содержанія (Серафима занималась живописью); на стѣнахъ въ простѣланныхъ рамкахъ подъ стекломъ, литографированные виды какихъ-то обителей, изображенія государя и нѣсколькихъ іерарховъ Россійской Церкви, да два-три фотографическіе портрета высокихъ особъ, очевидно покровительницы Серафимы, съ ихъ собственноручными подписями: „въ знакъ памяти такой-то отъ такихъ-то, тогда-то“.

Каржоль не успѣлъ еще хорошенько разсмотрѣть всѣ эти предметы какъ къ нему уже вышла высокая, нѣсколько до родная женщина, лѣтъ пятьдесятъ, съ лицомъ еще сохранившимъ черты породистости и красоты уже поблекшей, одѣтая въ строгій и суровый костюмъ юной монахини. Она встрѣтила графа какъ стараго знакомаго привѣтливо, хотя и съ невольнымъ выраженіемъ въ глазахъ нѣсколько недоумѣвающего вопроса, и пригласила его садиться.

— Pour sûr, madame, vous êtes bien surprise de me voir à cette heure matinale, mais... почтительно началъ было извиняться графъ, но игуменья, безъ дальнихъ околичностей, тотчасъ же перебила его прямымъ вопросомъ въ чемъ дѣло?

— Я привезъ къ вамъ прозелитку, объявилъ Каржоль,—прозелитку которая настолько жаждетъ принять православіе

что рѣшилась для этого даже убѣжать изъ дома своихъ родныхъ. Она обратилась къ моему помощи и конечно, какъ русскій человѣкъ и христіанинъ, я не смелъ себя въ правѣ отказать ей, и вотъ привезъ ее къ вамъ, подъ вашу защиту и покровительство. Помогите ей, Бога ради!

Игуменья, къ удивленію Каржолы, не только не выразила при этомъ стремительной готовности исполнить его проебму, но раздумчиво пождавъ губы какъ-будто даже поморщилась съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ.

— Она совершеннолѣтняя? спросила наконецъ Серафима.

— Нѣтъ... Но впрочемъ ей уже двадцатый годъ пошелъ.

— Католичка?

— Нѣтъ, Еврейка. Но pardon! послѣдовалъ предупредить Каржолу: — мнѣ кажется, вы какъ будто сомнѣваетесь въ чемъ-то...

— Нѣтъ, не то, перебила его Серафима, — не то... Но скажу вамъ откровенно, я крайне боюсь этихъ еврейскихъ прозелитокъ... Ихъ у меня перебывало уже нѣсколько, и при этомъ каждый разъ приходится имѣть столько всевозможныхъ неприятностей съ ихъ родными, съ кагаломъ и даже съ нашими властями что и не приведи Богъ!...

— Возможно ли! воскликнулъ графъ. — Мнѣ кажется, продолжалъ онъ, — наши власти въ такихъ случаяхъ, напротивъ, должны бы оказывать и вамъ, и прозелиткамъ вслѣдственное содѣйствіе.

— Н-да, это такъ *казется*; но вѣдь кагалы очень богаты. И потому это принятіе православія, продолжала игуменья: — вы знаете ли, вѣдь оно нерѣдко выходитъ у нихъ изъ побужденій очень мутныхъ: одинъ Еврей, напримѣръ, недавно еще крестился четыре раза въ разныхъ епархіяхъ ради того что ему за это каждый разъ дарили отъ тридцати до пятидесяти рублей вспоможенія.

— О, вѣтъ, въ данномъ случаѣ ничего такого и быть не можетъ! послѣдовалъ графъ разувѣрить монахиню: — напротивъ, эта дѣвушка имѣетъ свои собственныя богатые средства, которыми могла бы даже служить на пользу разныхъ богоугодныхъ цѣлей.... Это ей ничего не стѣитъ....

Серафима поморщилась: въ послѣднихъ словахъ Каржолы ей залодозрѣлось какъ будто нѣкоторое намѣреніе соблазнить ее на согласіе возможностью хорошаго вклада въ ея обитель со стороны будущей неопитки.

— И кромѣ того, продолжала она, какъ бы вовсе пропустивъ безъ вниманія его слова, — если тутъ и нѣтъ иногда прямого разчета на „гешефтъ“, то ко крещенію очень часто прибѣгаютъ въ разчетъ какъ на спасительное средство люди порочные, неблагонадежные.... Ужь тутъ такъ и гледи что оны либо въ чемъ-нибудь жестоко провинились предъ своею общиною, даже какое-нибудь преступленіе сдѣлали, либо же ищеть себя въ христіанствѣ просто ширму чтобъ удобнѣе прожить гдѣ ему вздумается и легче обдѣлывать свои темныя дѣлашки.

Каржоль, конечно, послѣшилъ протестовать и противъ этихъ послѣднихъ предположеній игуменьи, убѣждая и доказывая что его прозелитка вовсе не изъ такихъ, что она достаточно хорошо ему извѣстна и оны можетъ даже поручиться чѣмъ угодно что ее влечетъ ко Христу не какой-либо разчетъ, а одно лишь искреннее глубокое убѣжденіе.

— Можетъ-быть.... Охотно готова вамъ вѣрить, сказала ему на это Серафима.—Но если оно такъ, то для меня тѣмъ хуже....

Каржоль на это только выпучилъ на нее глаза съ видомъ удивленія и вопроса.

— Да, тѣмъ хуже, подтвердила игуменья.—Чѣмъ чище побужденія прозелитки тѣмъ цѣлче ухватываются за нее и родные и кагалъ чтобы вырвать ее у насъ и возвратить еврейству. Тутъ сейчасъ же пойдуть у нихъ разные домосы, жалобы, клеветы... начнутъ насъ со всѣхъ сторонъ и отъ разныхъ властей бомбардировать запросами, поднимутся перелески да отпуски.... А сколько слаетень да дрызгъ еще при этомъ!.... Боже мой!.... Я уже знаю все это, испытала достаточно и потому, сознаюсь вамъ, вслѣсски избѣгаю этихъ еврейскихъ прозелитокъ.... Отъ нихъ обитель каждый разъ только локоя лишается на нѣсколько мѣсяцевъ.

— Пусть такъ, со вздохомъ согласился Каржоль.—Конечно все это крайне... крайне грустно и даже прискорбно, но... мать Серафима! попросила оны вдругъ тѣмъ особымъ цѣтливо дружескимъ тономъ, дескать „для меня!“ на который обыкновенно не ожидается отказа:—сколь ни тяжело вамъ, но уже на этотъ-то разъ (только на этотъ!) не откажите, Бога ради!... Сдѣлайте маленькое исключеніе.... Привнесите такую жертву въ послѣдній разъ, не откажите принять эту дѣвушку.... Ей-Богу, хорошая дѣвушка! Я бы не сталъ и просить иначе...

Вы этимъ сдѣлаете такое доброе дѣло за которое, конечно, и въ сей, и въ будущей жизни... Бога ради!...

— Нѣтъ, графъ, убѣдительно, томоу просьбы перебила его мать Серафима,—избавьте меня, если возможно, отъ этого новаго бремени... Обратитесь лучше къ преосвященному, къ губернатору, къ супругѣ начальника края, къ кому знаете, но только не ко мнѣ, Бога ради!

— Къ сожалѣнію, заявилъ Каржоль,—это дѣло не терпитъ ни малѣйшаго отлагательства. Ей надо дать немедленно же пріютъ, успокоить, укрыть ее.... Она, говорю вамъ, только-что сейчасъ убѣжала изъ дома.... Оставить ее у себя я не могу, это ее скомпрометируетъ, а она дѣвушка честная, вполне достойная, образованная.... Она ищетъ христіанства, повторяю, не изъ выгоды, а по глубокому убѣжденію.... Церковь не въ правѣ отказывать стучащимся въ ея двери!... Мать Серафима! воскликнулъ онъ наконецъ, отъ всей души и для большей экспрессивности стискивая самому себѣ руки,—вѣдь это же ваша миссія, вѣдь вы для этого сюда и посланы... Во имя Христа Спасителя заклинаю васъ!... Молю васъ какъ христіанку, какъ женщину, не откажите!... Не оттолкните эту несчастную!... Подумайте, куда же ей, бѣдной, дѣваться!... Отказать вы не можете, это было бы безчеловѣчно!

Каржоль говорилъ горячо, съ убѣжденіемъ и даже со слезами. Игуменья начала нѣсколько сдаваться.

— Право, ужъ и не знаю, раздумчиво развода руками и видимо колеблясь въ душѣ, говорила она:—я бы, повѣрьте, ото всего сердца.... мнѣ самой очень жаль.... Конечно, мамъ догадъ, но.... еслибъ она еще была совершенномолчаливою или изъ другаго какого мѣста, а то вѣдь она здѣшняя, не такъ ли?

— Да, она здѣшняя, подтвердилъ графъ.

— Гм! Вѣдь это значитъ кагалъ сегодня же слохвататся, не услѣшь и мѣръ никакихъ принять.

— Но вѣдь сегодня шабашъ, напомнилъ Каржоль.

— Это ничега не значитъ. Для такого дѣла она и шабашемъ поступается, законъ разрѣшаетъ... У васъ однажды уже было такое дѣло, и какъ разъ въ шабашъ. А кто такая? спросила Серафима.—Фамилія ея какъ?

— Тамара Бендавидъ, объявилъ графъ съ нѣкоторою застенчивою впрочемъ неохотой и колебаніемъ, оласаясь какъ бы изъ этого не возникло еще новыхъ прелятствій.

— Бендавидъ?! На за что! эвергически воскликнула

Серафима, отрицательно простирая впередъ свои руки, словно бы желала этимъ жестомъ защититься или оттолкнуть отъ себя вѣчто.—Ну за что, графъ! И не просите.... Все что угодно, но этого я вамъ никакъ не сдѣлаю... Ну за что вы свѣтъ! На людъ какимъ видомъ!

— Но отчего же?... Отчего? повторялъ Каржоль, пораженный и смущенный непреклонною рѣшительностью этого отказа.

— Будь еще это какая-нибудь простая, бѣдная Еврешка, продолжала Серафима,—будь она сирота, бездомная, а бла, пожалуй, и согласилась. Но вѣвучка цѣвѣвстваго богача... О, вы не знаете что тутъ подымется! Вы и представить себѣ не можете!... Тутъ уже не только всѣ здѣшнiе Евреи, а и изъ Петербурга, и за-границей подымутъ гвалтъ, лустать въ ходъ разные влѣвнiя, клевету, шатригу... Тутъ сейчасъ явятся всѣ эти адвокаты разные, корреспонденци, статьи газетамъ; выйдеть цѣвннй скандалъ для нашего монастыря... И Богъ знаетъ какъ еще взглянуть на все на это тамъ, слышите, въ Петербургъ? Да Боже мой, тутъ и не оберешься самыхъ ужасныхъ дразгъ, и глѣзи, и неприяностей!.. Нѣтъ, графъ, извините, но... я вынуждена отказать вамъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

— Но что же теперь дѣлать этой несчастной! воскликнулъ глубоко огорченный и взволнованный Каржоль.—Войдите въ ея положенiе: домой вернуться нельзя: ей и говорить объ этомъ нечего, она не согласится. Что жъ остается ей?... Съ моста да въ воду?... Подумайте!

Серафима, не находя словъ отвѣтить что-либо, только плечами пожала какъ-то неопредѣленно.

— И вы, христіанка, монахиня, укоризненно продолжалъ графъ,—вы являетесь такою эгоисткой! Простите, я позволю говорить, быть-можетъ, рѣзко, но все-таки же вы въ самомъ дѣлѣ настолько предпочитаете ваше собственное спокойствiе что рѣшаетесь равнодушно закрыть глаза на ужасную судьбу безпомощной дѣвочки, обрекая ее тѣмъ самымъ, быть-можетъ, на самоубiство!.. Если молчите въ вашемъ сердце, то разсудкомъ хотя пощадите достоинство вашего сана!

Всю эту горячую и даже дерзкую рѣчь монахиня, сверхъ ожиданiй самого Каржоля, выслушала довольно хладнокровно, съ подобающимъ смиренiемъ.

— Упреки ваши, графъ, быть-можетъ, и справедливы отчасти, проговорила она очень сдержаннымъ тономъ, — но что же вы хотите если печальный опытъ нашъ неоднократно уже былъ таковъ что мнѣ поневолѣ приходится вамъ отказываться... Что же съ этимъ дѣлать если у насъ и христіанскій долгъ, и самъ, и духовныя дѣла, и все на свѣтѣ облечено въ такой отвѣсительный чиновничій формализмъ!... Пользайтесь къ преосвященному, посоветовала она Каржолу, — объяснитесь съ нимъ, попросите его, пусть онъ пришлетъ мнѣ формальную бумагу, предписание что ли, это по крайней мѣрѣ будетъ мой оправдательный документъ, и тогда я приму вашу protégée тотчасъ же... Я сдѣлаю все что возможно къ ея пользѣ и благу, но принять ее такъ какъ вы теперь предлагаете, этого я, извините, несмотря на всю тяжесть вашихъ горькихъ и справедливыхъ упрековъ, рѣшительно не могу.... Не могу графъ!

И мать Серафима сдѣлала легкій, исполненный скромнаго достоинства поклонъ, давая тѣмъ понять Каржолу что аудиенція ея кончена.

Каржоль замаялся было, чувствуя что почва какъ бы ускользаетъ изъ-подъ его ногъ и не зная что предпринять ему. Выйти изъ стѣнъ монастыря выѣхать съ Тамарой теперь, когда городъ уже пресулся, окончательно невозможно: это погубило бы все дѣло.

Но раздумье графа продолжалось не болѣе одного мгновенія.

Норовисто метнулся онъ вонъ изъ комнаты, выбѣжалъ въ корридоръ и схвативъ Тамару за руку втащилъ ее въ пріемную.

Все это случилось такъ быстро что Серафима и опоминаться не успѣла.

— Мать игумена не хочетъ принять васъ, говорилъ Тамарѣ Каржоль весь блѣдный и взволнованный до нервной дрожи, съ выраженіемъ какой-то отчаянности въ лицѣ: — она не хочетъ... Я истощилъ всѣ успія, всѣ просьбы, доводы, она не соглашается... Простите, но я ничего больше не могу сдѣлать!... Вы знаете сами весь ужасъ вашего положенія, просите ее сами, умоляйте сжалиться надъ вами...

Тамара испуганно взглянула на Каржолу, взглянула на Серафиму, и блѣдая какъ полотно, съ какимъ-то мутнымъ выраженіемъ мольбы, страданія и отчаянія въ глазахъ, молча ушла вдругъ съ земнымъ поклономъ предъ монахиней.

— Примите... Спасите меня! простонала она надрываясь отъ прилива рыданій вдругъ закокотавшихъ въ ея груди.

Неожиданность такого оборота дѣла и самая внезапность появленія Тамары, самый видъ молодой дѣвушки исполненной такого страданія и скорби, этотъ молящій стонъ прозвучавшійся изъ глубины сердца и эти судорожныя рыданія такъ потрясли Серафиму что она смутилась и, взглянувъ на образъ висѣвшій въ углу словно испрашивая себѣ свыше помощи и рѣшенія какъ поступить, вдругъ покорно склонила голову и проговорила со вздохомъ.

— Ну, видно уже такъ угодно Богу... Его святая воля!

И нагнувшись къ Тамарѣ она поддала ее съ помощію графа.

— Встаньте, дитя мое... Я принимаю васъ... Успокойтесь... Господь надъ вами!..

До глубины души потрясенная слезами и восторгомъ благодарнаго чувства, которое вдругъ смѣшило теперь въ ея душѣ весь гнетъ отчаянія и скорби, Тамара склонилась къ благословившей ее рукѣ монахини.

Серафима ласково положила эту руку на головку дѣвушки и поцѣловала ее въ лобъ.

— Божья воля.... Божья воля, взыскавально повторила она.— Что-же дѣлать, оставайтесь.... Такъ видно надо.... Вамъ тутъ покойно будетъ.... И не бойтесь: мы не обидимъ и не выдадимъ васъ. А вы, графъ, обратилась пгумешья къ Каржолу,— все-таки поцѣкайте сейчасъ же къ преосвященному.... Сейчасъ же, не медля ни минуты, и сдѣлайте то что я вамъ говорила.... Непременно, а иначе я не могу.... Я только на время даю пріютъ ей.... Понимаете?

Каржоль поклонился въ знакъ безусловнаго подчиненія ея волѣ.

— Наташа! позвала она свою послушницу,— подай мнѣ мантию и просохъ.... Заутреша началась уже. Да вотъ что: приготовь-ка сейчасъ же келійку для нихъ вотъ, рядомъ съ моею, и прикажи привратнику ворота и калитку сейчасъ же на запоръ, на задвемъ дворъ тоже, и никакихъ Евреевъ и Евреекъ ни подъ какимъ видомъ, безъ доклада мнѣ, въ монастырь не пропускать.... Скажи, матушка де настрого приказали. А вы не бойтесь, милая, снова обратилась она къ Тамарѣ:—мы васъ оградимъ.... Оставайтесь пока у меня, располагайтесь въ этой комнатѣ, вамъ усложниться надо; отдохните пока я вернусь

изъ церкви.... А если что понадобится, Наташа будетъ здѣсь... Господь съ вами!

И опираясь на длинный посохъ игуменьи, въ широкой мантии со шлейфомъ и съ ниспадающимъ съ клобука длиннымъ вуалемъ изъ чернаго флера, какъ вѣскій призракъ, величественный и строгій, въ сопровожденіи вѣсколькихъ ожидавшихъ ее въ корридорѣ старшихъ монахинь, пошла по стекольчатой галлерей ко храму своею неслышною, какъ бы плывущею походкой.

VII. Дѣла идутъ на ладъ.

Каржоль, почтительно откланявшись, направилась вслѣдъ за Серафимой и проводивъ ее до лаперти вернулся снова къ стекольчатой галлерей. Онъ еще выходя отъ игуменьи услѣлъ изподгашка выразительно кивнуть ея шустрой послѣшницѣ что надо, молъ, сказать одно слово. Догадливая бѣлица поняла этотъ кивокъ и потому, провожая „матушку“, замедлилась зачѣмъ-то на галлерей, гдѣ и засталъ ее телерь графъ.

— Вотъ что, сестрица, сказалъ онъ сукувъ ей въ руку красненькую кредитку,—если мнѣ неравно понадобится извѣстить о чемъ-нибудь эту Евреечку, могу я разчитывать на васъ, передать ей черезъ васъ письмо напрымѣръ?

— Отчего же-съ! Спаси Господи! Съ большимъ удовольствіемъ даже! согласилась привѣтливая послушница.

— Только какъ же бы намъ устроить это такъ чтобы другія-то не знали?... А уже васъ я буду очень, очень благодарить потому, послѣшилъ онъ предупредить ее, въ особенности напирая на „васъ“ и „очень“.—Уже вы только постарайтесь, а я не забуду... Я и еще, и еще разъ поблагодарю, повѣрьте!

— Помилуй Господи! Зачѣмъ же-съ! заманерничала та, олуская свои глазки-вишенки;—мы и такъ уже много довольны вашею милостью, спаси васъ Господи! И вы, ежели что, присылайте, а то лучше и сами приносите письмецо привратнику, на мое имя: послушницѣ Натальѣ... Я уже, не безлокойтесь, предупрежу его, а тамъ мое дѣло.... Все будетъ исполнено въ самой точности, будьте благонадежны-съ. Господь съ вами, сударь!

Такимъ образомъ заручившись на случай надобности содѣйствіемъ шустрой бѣлицы, Каржоль усталый, размаяканный

всѣми передрагами этой бессонной ночи, вышелъ изъ монастыря на улицу и, оглянувшись вѣтъ ли гдѣ по близости извозчика, къ счастью своему замѣтилъ одиноко стоявшаго на углу ваянку-христіанина, который нарочно выѣхалъ сегодня пораньше чтобы въ отсутствіи еврейской конкуренціи побольше заработать въ шабашъ. Графъ тотчасъ же порядилъ его, однако не домой: графу пока еще было не до отдыха и даже не до Ольги Уховой. Слѣдуя правилу „куй желѣзо пока горячо“, онъ преодолѣлъ на время усталость, постарался даже удвоить въ себѣ необходимую энергію и бодрость, и приказалъ извозчику гнать поскорѣй къ архіерейскому дому.

„Прежде всего надо кончить *это*, главное, чтобы тамъ у Серафимы уже никакихъ сомнѣній, безъ сучка и задоринки... А съ Ольгой,—чортъ бы ее драгъ!—ну, съ Ольгой какъ-нибудь обдѣлаемъ!“ Такъ думалъ графъ Каржоль, подпрыгивая на тряскихъ, дребезжащихъ дрожжахъ. Онъ чувствовалъ себя въ некоторомъ родѣ полководцемъ который открываетъ первый огонь генеральнаго сраженія.

— Владыка не принимаютъ, заявилъ ему какой-то семинарообразный субъектъ встрѣтившій его въ обширныхъ сѣняхъ архіерейскаго дома.

Графъ началъ было объяснять что ему надо видѣть владыку по самой неотложной, настоятельнѣйшей надобности.

— Все равно не принимаютъ. Они воды пьютъ и по саду теперь прогуливаются. А вы, ежели что по дѣлу какому, къ секретарю пожалуйте.

Каржоль даже обрадовался этому „секретарю“, ибо вспомнилъ какъ недья болѣе кстати что по городскимъ слухамъ и сплетнямъ всѣми дѣлами, да чуть ли и не самимъ владыкой ворушается его секретарь, господинъ Горизонтовъ. По этому Каржоль, поблагодаривъ за указаніе, прямо къ нему и направился, благо ходить пришлось недалеко, такъ какъ секретарь проживалъ тутъ же, по корридору, первая дверь направо.

Отворила ему какая-то среднихъ лѣтъ баба, въ розовомъ ситцевомъ сарафанѣ въ мушку, по вышнему виду кухарка изъ пріѣзжихъ великороссокъ, изъ себя весьма румяная и дѣблая, кровь съ молокомъ, съ рожи ничто-себѣ, за то тѣлеса что-называется „боберъ“!

— Вамъ кого-ста? Митрофана Николаича? спросила она съ

дѣлыво медлительнымъ раслѣвцемъ (графъ, на всякій случай, постарался съ ея словъ схватить и запомнить это имя и отчество).—Сождите малость, не одѣмшись нишо.

И влутотивъ Каржолу въ пріемную, она же и кабинетъ, толстуха на ципочкахъ, съ медвѣжватымъ перовальцемъ, пропша въ смежную комнату, очевидно спальную, и осторожно, но неуклюже притворила за собой дверь.

Въ надеждѣ разгадать не нѣкоторымъ вѣвшимъ пропшамъ съ какого рода человекомъ придется имѣть дѣло, графъ принялся пока оглаживать окружавшую его обстановку, которая собственно, невѣсть почему, но почти безусловно вѣрно сразу изобличала въ хозяинѣ человека холостяго. Это чувствовалось какъ-то. На всемъ былъ замѣтенъ безпорядокъ, но далеко не живописный: на полу разный соръ и окурки, повсюду пыль и папиросная зола, на подоконникѣ и въ углу лустыя ливныя бутылки, на стульяхъ бумаги, газеты и кое-какія принадлежности туалета; вообще сказывалась расхлестанность какая-то; видно было что въ комнатѣ давно не мыли, не мели, не прибирали и что никто особенно не заботился о порядкѣ. Надъ зеленымъ клеенчатымъ диваномъ висѣли подъ стекломъ, въ узенькихъ черныхъ рамкахъ, чѣмъ-то два литографированные портрета Каржолы: нагнулся къ нимъ и прочелъ подъ однимъ подпись *Добролюбовъ*, подъ другимъ *Писаревъ*. На этажеркѣ и на забрызганномъ чернилами письменномъ столѣ, между килами дѣловыхъ бумагъ, вылапсыя растрепанныя книжки журнала *Дѣло*.

Не прошло и двухъ минутъ какъ къ Каржолу какъ-то сугуловато-понуру, плечами впередъ, вышелъ изъ спальни вслодливъ Горизонтовъ, въ пиджачкѣ и сѣреныхъ брючкахъ, но въ грязной рубашкѣ и безъ галстука. На видъ это былъ среднихъ лѣтъ золотушно-невзрачный мушкетеръ люгаво-семиварскаго пошиба, съ характерно-выдвинутою впередъ нижнею челюстью что придавало его лицу какое-то заостренное щучье выраженіе. Геморроидально-сѣроватый цвѣтъ его лица какъ нельзя болѣе гармонировалъ съ тонкими, безцвѣтными, растянутыми губами, которымъ Горизонтовъ очевидно спался придать саркастическую улыбку, что впрочемъ услѣло у него отъ долгой практики обратиться даже въ привычку. Бѣлобрысыя, жидковатыя волосенки его висѣли на кончикахъ въ мелкіе кудерки, усики существовали тоже, но не болѣе какъ въ видѣ намека, а вмѣсто бороды изъ-подъ ворота

сорочки вылезла наружу какаа-то короткая рыжеватая шерстинка, которую господинъ Горизонтовъ видимо желалъ себѣ устроить *не-добролюбоски*. Очки въ золотой оправѣ отчасти прикрывали жесткое выраженіе его водянисто-безцвѣтныхъ и вѣчно прищуренныхъ глазокъ. Каржоль сразу же подмѣтилъ въ его лицѣ особаго рода тилъ: при разговорѣ Горизонтовъ безпреставно поправлялъ свои очки, виллообразно хватаясь за ихъ крайки большимъ и среднимъ пальцами правой руки, причемъ, глядя изподлобья мимо очковъ, какъ-то мазалъ, именно мазалъ косящимися глазами въ стороны и выдѣлывалъ ртомъ особую не поддающуюся описанію гримасу.

Каржоль отрекомендовался ему съ полнымъ своимъ титуломъ, но семинаръ, къ удивленію его, слегка лишь кивнувъ головой, буркнулъ сквозь зубы одно только „знаю-съ, въ одномъ городѣ живемъ,“ и затѣмъ ни самъ не съѣлъ, ни гостю своему не предложилъ стула, такъ что все послѣдующее объясненіе происходило между ними стоя.

— Въ чемъ дѣло-съ? сухо и съ какою-то валусквою утрюмостью спросилъ Горизонтовъ, какъ будто счелъ за должное принять такой замкнутый видъ потому что предъ нимъ было произнесено аристократическое, да еще и титулованное имя.

Графъ отчасти озадаченный такимъ приѣмомъ напрямикъ объяснилъ ему что сейчасъ только доставилъ къ Серафимѣ внучку извѣстнаго Бендавида, желающую креститься, и что Серафима совсѣмъ согласна на это, но только стѣсняется дѣйствовать безъ архипастырскаго формальнаго разрѣшенія или благословенія на принятіе къ себѣ прозелитки, что ей нужно де форменное предписаніе; повтому будьте столь любезны, помогите устроить это.

— Какое же тутъ предписаніе? недоумѣло пожавъ плечами еще суше возразилъ Горизонтовъ. — Это добрая воля самой игуменьи Серафимы принять или не принять къ себѣ кого ей угодно. На это никакихъ предписаній не требуется, да и примѣра такого у насъ никогда не было.

— Этого я уже не знаю, съ удвоенною любезностью замѣтилъ Каржоль, думая тѣмъ смягчить утрюмому сухость хезяща. — Я передаю вамъ, продолжалъ онъ, — только то что мнѣ поручила мать игуменьи, и если она [ваша] нужнымъ дать подобное порученіе, то согласитесь, вѣроятно у нея есть на то и достаточныя основанія.

— Никакихъ такихъ основаній я не знаю, еще круче и рѣзче пожалъ плечами Горизонтовъ, какъ-то нагло-недовѣрчиво глядя на Каржолу:—и... извините меня, милостивый государь, но... если это дѣйствительно такъ, то... я думаю что матушка въ этомъ дѣлѣ затѣяла сущій вздоръ-съ.

Графъ только вскинулся на него вопрошающимъ взглядомъ ожидая дальнѣйшихъ разъясненій.

— Именно, вздоръ-съ, подтвердилъ секретарь, поправивъ себѣ очки своею рогулькой.—Окрестить прозеанта, объяснилъ онъ,—имѣть полное право любой священникъ, а ужъ тѣмъ паче такое духовное учрежденіе какъ монастырь. Сами вы посудите какія тутъ разрѣшенія!... Тутъ одна только добрая воля крещаемого и больше ничего-съ.

— Да, это конечно, въ разсужденіи ординарныхъ прозеантовъ оно такъ, скороговоркой замѣтилъ Каржоль;—но тутъ; видите ли, дѣло вовсе не ординарное: тутъ вѣдь хочетъ креститься внучка извѣстнаго богача и въ своемъ родѣ очень вліятельнаго человѣка. Это тоже надо взять въ соображеніе.

— Ну, такъ что же?... Коли хочетъ, пусть ее и крестится, мы не препятствуемъ... И причемъ же тутъ, я не понимаю, соображенія о богатствѣ и вліятельности Бендавида? Какое намъ до этого дѣло?

— То-есть... Я полагаю, поспалъ Каржоль,—мнѣ такъ кажется что въ этомъ разѣ игуменья хочетъ только гарантировать себя на случай еслибы возникли какія-нибудь недоразумѣнія со стороны властей, что при нашихъ милыхъ порядкахъ (вставляя въ рѣчь и подчеркивая эти „милые порядки“ графъ вспомнилъ оба наддвиганные портрета и подумалъ что это словцо должно угодить хозяйку), сами вы знаете, не невозможно, коли скоро Бендавидъ захочетъ пустить въ ходъ свои средства, хотя бы положимъ въ Петербургѣ... Тутъ вѣдь могутъ возникнуть разные запросы, исторіи... вообще неприятности и мало ли что!

— Н-да-съ!... Такъ вотъ оно что! саркастически-нагло усмѣхнулся господинъ Горизонтовъ, подтопывая вожжой.—Другими словами это значить, продолжалъ онъ съ провѣй,—что матушкѣ-игуменѣ желательно бы свернуть это дѣло съ больной головы на здоровую?... Тв-экъ-съ!... Понимаемъ!... Только зачѣмъ же-съ? ехидно вздохнулъ онъ съ лукавымъ смиренствомъ:—коль уже сама заварила кашу, лущай сама и

расклебывается... Намъ-то изъ-за чего же соваться, сами подумайте?

— Но... я полагаю что это дѣло общее, сказалъ Каржоль:— интересы православія въ этомъ краѣ безразлично и равно должны быть дороги всѣмъ правительственнымъ органамъ. Поэтому, мнѣ кажется, ваша даже обязанность оказать Серафимѣ всяческое содѣйствіе.

— Это всеконечно-съ, согласился Горизонтовъ. — И развѣ мы отказываемся?.. Помилуйте-съ!.. Если потребуется окрестить эту госпожу Бендавидъ, то владыка можетъ совершить обрядъ даже самолично, со всею торжественностью, въ сослуженіи цѣлаго собора, мы очень рады-съ!

Каржоль почувствовалъ себя въ нѣкоторомъ родѣ въ положеніи живаго лискара, котораго поджариваютъ на сковородкѣ то съ одного, то съ другаго бока: и такъ не хорошо, и эдакъ скверно, и всячески не везетъ! Онъ лено уразумѣлъ что съ господиномъ Горизонтовымъ на такой почвѣ ничего не подѣлаешь, что тутъ надо играть совсѣмъ на другихъ стрункахъ, пускать въ ходъ совсѣмъ иные ресурсы: на честолюбіе чтоли подѣйствовать, или взятку, напимѣръ, хорошую предложить. Но съ другой стороны какъ предложишь колъ у него на стѣнѣ вонъ Писаревъ съ Добролюбовымъ висятъ? Дѣло щекотливое!.. Надо это какъ-нибудь съ подходцемъ, ловчѣе, поосторожнѣе...

— Видите ли, приступилъ къ нему графъ нѣсколько подумавъ:—должно вамъ сказать что эта дѣвушка желаетъ принять христіанство по глубокому внутреннему убѣжденію... Она просто *убаждется* этого... И вы понимаете что одно ужъ ея положеніе въ еврейской средѣ произведетъ въ этомъ случаѣ громадное впечатлѣніе и вліяніе...

— То-есть какое же вліяніе? недоувѣрчиво и съ ужимкой хихикнулъ Горизонтовъ.

— А то что ея примѣру могутъ послѣдовать многіе... Примѣръ внушительный.

— Ну такъ что же-съ? продолжалъ тотъ все также недоувѣрчиво глядя мимо очковъ на графа.

— Какъ что?! Развитіе прозелитизма, убѣждающимъ тономъ подхватилъ Каржоль.—Помилуйте, да на такую миссіонерскую дѣятельность здѣшней епархіи, мнѣ кажется, и высшее ваше начальство поневолѣ обратитъ благосклонное вниманіе... Такая благотворная дѣятельность во всякомъ случаѣ

не останется без поощренія и награды, тѣмъ болѣе что и мы со своей стороны приложимъ всѣ старанія чтобъ это дѣло стало извѣстно даже и въ высшихъ правительственныхъ сферахъ.

— Намъ это безразлично-сь, заложивъ руки въ карманки брючекъ и покачиваясь съ ноги на ногу равнодушно усмѣхнулся Горизонтовъ.—Мы знаемъ только свое, чтобы значить ровненько и аккуратно исполнять свое формальное дѣло, что положено-сь, а тамъ что до угожденія начальству, Богъ съ нимъ! махнулъ онъ рукой: это тоже вѣдь какъ взглянуть, дѣло сомнительное... Палка, сами изволите знать, о двухъ концахъ бываетъ...

Видитъ Каржоль что и на струнку честолюбія не поддавнешь господина Горизонтова. Остается одно: предложить ему взятку.

— Кромѣ того, продолжалъ онъ,—вы безъ сомнѣнія знаете что вѣдь эта Бендавидъ очень богата.

— Какъ не знать-сь! мотнулъ головой Горизонтовъ:—въ одномъ, кажись, городѣ живемъ; только причемъ же это въ давномъ случаѣ?.. Намъ вѣдь оно рѣшительно все равно: мы тутъ люди посторонніе.

— Какъ вамъ сказать, возразилъ на это Каржоль нѣсколько поешиваясь: — оно конечно, посторонніе, но... съ другой стороны и не совсѣмъ-таки посторонніе... Если, напримѣръ, принять въ соображеніе что эта дѣвушка при своемъ пламенномъ рвеніи къ религіи охотно жертвуетъ значительныя суммы на различныя богоугодныя дѣла, на монастырь напримѣръ, и прочее... насколько я знаю, съ нѣкоторымъ удареніемъ добавилъ графъ—она не постоитъ за этимъ.

— Тэ-экъ-сь! замѣтилъ семинаръ олять все съ тою же своею подло-проническою ухмылочкой, которая въ цывыхъ обстоятельствахъ могла бы просто вывести изъ себя и взбѣсить Каржоля.—Понимаемъ-сь!.. Оно точно, что хоть и журавль въ небѣ, я-но... для матери Серафимы дѣло не безъ заманчивости и стоить цвой сивицы... Только ради чего же намъ-то собственно помогать ей? спросилъ онъ, отступивъ на шагъ и по-малоплеоновски скрещивая на груди руки. — У нея, слава Богу, и своихъ связей довольно... да налиши она хотя прямо въ Питеръ, хотя къ этимъ, къ высокимъ-то своимъ локровителямъ, такъ и Гослуди ломилуи! Ей и ломимо насъ пришлютъ сколько угодно, и разрѣшеній, и благословеній прямо изъ Сивода... Мы тутъ олять же совсѣмъ въ сторонѣ, намъ-то что?

— Написать въ Петербургъ, конечно, можно бы, замѣтилъ графъ:—но это все очень долгая процедура, а тутъ между тѣмъ надо сдѣлать дѣло какъ можно скорѣе, не теряя времени... Вотъ почему я собственно къ вамъ и обращаюсь... Помогите батюшка! Выручите! бухнулъ ему прямо Каржоль, съ поклономъ разставляя руки:—ужь я вамъ за это просто и не знаю какъ буду благодаренъ... Повѣрьте что труды ваши не останутся безъ солиднаго вознагражденія.

Господи въ Горизонтовъ даже подпрыгнувъ какъ-то на мѣстѣ, словно бы его неожиданно шломъ сзади кольнула, и вдругъ изобразилъ на лицѣ своемъ чувство благороднаго негодованія.

— Еслибы, милостивый государь, здѣсь были свидѣтели, размѣренно сказалъ онъ оскорбленнымъ и внушительнымъ тономъ,—то я конечно пригласилъ бы ихъ къ составленію протокола; но мы одни, а потому что же мнѣ остается?... На дверь указать вамъ что ли?

И онъ сдѣлалъ подобающій жестъ по направленію къ двери.

Каржоль совсѣмъ опѣшилъ. Все его дѣло, всѣ махинаціи готовы были рухнуть сію же минуту. Поэтому онъ послѣдилъ принять до услуга ужаснувшійся видъ человѣка который вдругъ и яко бы невзначай совершилъ непростительный промахъ.

— Извините меня, Бога ради! заговорилъ онъ съ самымъ предупредительнымъ видомъ:—но вы, ей-Богу, не такъ меня ловили... Я вовсе не имѣлъ въ виду... Повѣрьте, господи въ Горизонтовъ, я отнюдь не желалъ оскорбить васъ... И въ мысляхъ даже не имѣлъ!.. Бога ради!..

И говоря это графъ протягивалъ впередъ обѣ свои длани лоя для пожатія руку Горизонтова, пока наконецъ удалось поймать ее.

— Конечно, я охотно извиняю, и прошу извинить также и мнѣ, сказалъ тотъ, усложившись и не отказавъ Каржолу въ пожатіи.—Что дѣлать! Самолюбіе-сь!.. Оно, знаете, въ моемъ положеніи даже странно и оскорбляться-то... Эти наши гнусныя коварности да полы такъ уже приучили ко взяткамъ и всякой мерзости что общество не привыкло еще видѣть порядочнаго человѣка на подобныхъ мѣстахъ... Разумѣется, назвался груздемъ, подѣзай въ кузовъ.

Графъ, обрадованный этою смягченностію, олять рассыпался въ подходящихъ увѣреніяхъ.

— Я не сержусь, продолжалъ Горизонтовъ,—и со своей стороны могу только обѣщать вамъ позабыть что вы мнѣ сказали.

„Слава Тебѣ, Господи!“ отаегло на сердцѣ у Каржоль.
„Однако же гусь, должно-быть!“ подумалось ему:—„гусь несомнѣнный!.. Потому, еслибы взаправду оскорбился, то не сталъ бы разводиться дальнѣйшіе разводы. Тутъ, какъ видно, лустяками не отдѣлаешься. Нѣ-ѣтъ!.. Раскрывай мощну пошире!“

— Ото всей души благодарю васъ! съ особеннымъ чувствомъ еще разъ потрясъ Каржоль его руку,—ото всей души!.. И вы не ловѣрите какъ я радъ что судьба посылаетъ мнѣ возможность вести это дѣло именно съ такимъ человѣкомъ какъ вы... Позвольте мнѣ присѣсть и закурить палпироску?

— Сдѣлайте одолженіе, буркнулъ на это Горизонтовъ, указавъ на стулъ и подвинувъ спичечницу.

Графъ досталъ серебряный портсигаръ и любезно предложилъ палпироску хозяину.

— Не прикажете ли?

Семиваръ запустилъ въ палпиросникъ свои гнуткіе, тонкіе, узловатые пальцы съ обкусанными чуть не до крови ногтями и досталъ себѣ курева. Графъ предупредительно поднесъ ему первому и зажженную спичку. Закурилъ Горизонтовъ, видя что гость уже сидитъ, и самъ олустился въ свое рабочее кресло.

— Итакъ, многоуважаемый... Митрофанъ... Николаевичъ кажется? съ заигрывающею любезностью заговорилъ Каржоль.

— Николаевичъ, кивнулъ головой Горизонтовъ.

— Мм... да-съ. Такъ вотъ, будьте столь добры, многоуважаемый Митрофанъ Николаевичъ, не откажите помочь намъ!.. Я обращаюсь къ вамъ именно какъ порядочный человѣкъ къ порядочному человѣку... Помогите!

— Хорошо-съ, уже значительно мягче отозвался Горизонтовъ.—Только я, право, не ловимаю въ чемъ можетъ заключаться моя помощь?

— Да вотъ, все насчетъ предписанія...

— То-есть какое же тутъ предписаніе?.. На это и формы канцелярской у насъ не имѣется.

— Но вѣдь форма уже не такая помѣха... Для такого опытного дѣльца, какъ вы, ничего не стоить и создать надлежащую форму если потребуется.

— Было конечно... Но какъ ее создать-то! лезжался Горизонтовъ, впрочемъ съ такимъ видомъ который ясно намекалъ что создать для него плевое дѣло, было бы изъ-за чего трудиться.

— Ну уже не мнѣ же учить васъ... Я въ этихъ дѣлахъ ляссъ! преклонился предъ нимъ Каржоль головой и плечами,—я ляссъ и отдаюсь влодавъ вашему авторитету. Предписание ли, разрѣшеніе, благословеніе, или какъ тамъ оно называется... Надо только написать безъ недомолвокъ и неясностей, чтобы никакихъ потомъ недоразумѣній и закорючекъ ни съ чьей стороны, ни съ вашей, ни съ монастырской.

— Хм?.. Оно конечно, раздумался вѣсколько Горизонтовъ, вылачивая вперед свои каучуковыя губы:—только мудро вѣдь это... Очень мудроно... Да скажите пожалуста, спросилъ онъ вдругъ:—я все время думаю, причемъ вы-то тутъ? Изъ-за чего вы-то собственно хлопочете?

— Я?.. То-есть, какъ вамъ сказать!.. Конечно, изъ участія къ этой дѣвушкѣ... Я принимаю въ ней большое участіе, ляснилъ графъ, давню ожидавшій столь прямого вопроса и очень о немъ безлокоившійся, именно о томъ что отвѣчать ему.

— Я вижу что участіе, ухмыльнулся себѣ на умѣ секретарь,—да ради чего жь одлако?

— Собственно какъ ея хорошій знакомый... Кромѣ меня, ей не къ кому было обратиться...

— Тв-экъ-съ... Ну, а родные ея развѣ останутся безучастны?.. Вѣдь это дѣло, поди-ка чай, безъ ихъ согласія варганятся?

— Разумвется, подтвердилъ Каржоль.

— Тв-экъ-съ. Но почему же дѣвица-то эта такъ уже вдругъ восчувствовала сладость православія? Что ей такъ приспичило?

— Такъ... убѣжденіе, замаялся графъ, затрудняясь подходящимъ отвѣтомъ.

— Полноте, какія тутъ убѣжденія! усмѣхнулся секретарь совсѣмъ какъ на пустыя слова.—Да и что же, въ самомъ дѣлѣ, въ православіи такого ужь ахти-какъ заманчиваго, особенно для Еврейки?.. Вы бы ее отговорили... Пуский лучше чѣмъ-нибудь дѣльнымъ займетса, полезите будетъ.

— Да чѣмъ же? пожалъ Каржоль плечами.

— Мало ли есть!.. Пусть на медицинскіе курсы постулетъ, или въ Цюрихъ ѣдетъ. Вотъ на этотъ счетъ господишъ Шелгувовъ въ журналѣ *Дѣло* отлично говорить... Не читали?

Каржоль на этот вопрос сдѣлалъ только безомовный жестъ, который въ одно и то же время выражалъ и извѣщеніе, и сожалѣніе что не читалъ статьи господина Шелгунова. Она чувствовала что всѣми этими Цюрихами да Шелгуновыми господиномъ Горизонтовъ, кажись, намѣревается всю душу изъ него выматывать чтобы затащить свой рѣшительный отвѣтъ и стачку по дѣлу.

— Не читали? Жаль-съ. Ничего мало кто такъ дѣлать пишетъ. Такъ вотъ-съ вы бы этой дѣвицѣ и посоветовали глупость-то бросить, а заняться практически настоящимъ, реальнымъ дѣломъ. Право-съ!

— Ей теперь не до совѣтовъ, замѣтилъ графъ:—она въ такомъ положеніи что кромѣ крещенія выходовъ нѣтъ.

— Что же такъ? Аля замужъ за христіанина закатилось?

— Мм... да, она, кажется, предполагаетъ выйти замужъ.

— Такъ-съ... Понимаемъ. Но въ разсужденіи родныхъ-то?... Вѣдь тутъ пойдутъ ой-ой какія серьезныя исторіи!.. Вамъ бы лучше отстраниться загода, коли вы человекъ осторожнѣй. Чего вамъ лутаться!.. Неприятностей только навязете себѣ, ей-Богу большихъ неприятностей!

— Видите ли, Митрофанъ Николаичъ, послѣ нѣкотораго колебанія и вида что съ вами ничего не подвизалось, съ душевнымъ вздохомъ приступилъ къ нему Каржоль.—Вы мнѣ позволите говорить съ вами совсѣмъ откровенно?

— Коли хотите говорите...

— Ну, такъ вотъ что. Я въ этомъ дѣлѣ человекъ не посторонній... Госпожа Бендавидъ моя невѣста... Я желаю на ней.

Секретарь, конечно, не удивился, только искоса какъ-то прищурился на графа какимъ-то испытующимъ, откровеннымъ взглядомъ.

— Безъ согласія ея родныхъ, разумѣется? спросилъ онъ, наконецъ, ухмыльнувшись.

— Разумѣется, подтвердилъ тотъ.—Теперь вы понимаете?

— Понимаемъ-съ.. Какъ не лезать!.. Цыплатка хорошая! лукаво хихикалъ онъ себѣ подъ носъ.

Эта „цыплатка“, и въ особенности халуйски-наглый тонъ какимъ она была сказана, внутренне покоробила графа, тѣмъ болѣе что онъ ужь и раньше чувствовалъ какъ господиномъ Горизонтовъ, Богъ-вѣсть почему, все сильнѣе и сильнѣе забираетъ надъ нимъ какую-то оскорбительную

доминирующую ноту, вслѣдствіе которой онъ, графъ Каржоль де-Нотрекъ, свѣтскій джентльменъ, въ нѣкоторомъ родѣ особа, долженъ предъ этимъ семинарскимъ прохвостомъ улыбаться и записывать. Однакоже графъ не выдалъ своихъ внутреннихъ ощущеній, а напротивъ счелъ за лучшее тоже хихикнуть совершенно подъ ладъ господину Горизонтову.

— Такъ вотъ, Митрофанъ Николаичъ, вздохнулъ Каржоль, ласково улыбая и какъ бы глядя его масляными глазами, — теперь вы знаете все... Помогите, Бога ради!

Секретарь почесалъ всю латершей свою подбородную шерстину.

— Подумать надо... Дѣло-то вѣдь такое, съ ужимкой процѣдилъ онъ сквозь зубы.

— Чтò же дѣло? Дѣло самое обыкновенное.

— Хм!.. Обыкновенное... Вы предполагаете?... Такія, батюшка, дѣла не часто встрѣчаются... Вамъ-то чтò! Вы свое кланули да и упорхнули отсюда, а намъ-то вѣдь здѣсь оставаться... Тутъ жидовьё гвалтъ подыметъ, а я изъ-за васъ потомъ своими боками отдувайся... Эдакъ-то вѣдь нельзя-съ!

— Повѣрьте, Митрофанъ Николаичъ, заговорилъ Каржоль съ благороднымъ видомъ и не менѣе благородною интонаціей, — повѣрьте, это уже мой нравственный долгъ не допустить ни до чего подобнаго.

— Хм!.. Не допустить... Да какъ же это вы не допустите?

— О, Боже мой, для человѣка состоятельнаго и притомъ со связями на это есть множество способовъ!.. На этотъ счетъ уже можете быть совершенно покойны.

— Не въ безпокойствѣ дѣло. А только... Срокъ-то уже вы больно короткій хотите.

— Бога ради! съ умоляющимъ видомъ сложилъ свои руки Каржоль, — Бога ради!.. Вы понимаете, тутъ все именно въ срокъ... Медлить невозможно.

— Н-да-съ... А между тѣмъ надо бы предварительно справочки забрать кое-какія; это уже порядокъ, продолжалъ уклончиво матъся господинъ Горизонтовъ. — Такъ скоро нельзя-съ... Пока въ докладъ, пока резолюція, пока чтò, на все это время-съ... Безъ времени никакъ невозможно... Я бы и готовъ, но... подумать надо. Дѣло-то вѣдь это, повторяю вамъ, острое-съ, объ него и поръзаться можно, сами понимаете.

— Не телеграфировать ли къ начальнику края, или къ

митрополиту, какъ вы помогаете? подумавъ попробовалъ еще якобы посоветоваться Каржоль:—они меня знаютъ, и тотъ и другой... Губернаторъ тоже, пожалуй, напишетъ...

— Это уже ваше дѣло; я тутъ ничего не могу сказать вамъ, безразлично пожалъ плечами Горизонтовъ.

Видя что и послѣдній маневръ не выгораетъ и что прижимистый семинаръ очевидно намѣренъ чѣмъ дальше тѣмъ все больше и больше выматывать изъ него душу, графъ взмолился къ нему снова.

— Помогите же, батюшка, ради самого Господа! воскликнулъ онъ схватывая и съ чувствомъ пожимая обѣими руками его холодно-потную руку.—Вы мнѣ просто благодѣаніе сдѣлаете... То-есть такое благодѣаніе что и словъ нѣтъ!.. Выручите!.. Я по весь вѣкъ мой вашъ милоулюбивый должникъ... Нравственный должникъ... Моя совѣсть, повѣрьте...

— Да въ чемъ помогать-то? перебилъ его Горизонтовъ.— Вы мнѣ скажите, наконецъ, толкомъ въ чемъ помогать вамъ?

— Боже мой, да все въ томъ же... Ну, посоветуйте, научите... насчетъ разрѣшенія-то...

— Да хорошо-съ!.. Насчетъ разрѣшенія... Такъ вѣдь тутъ нуженъ документъ, а мы съ вами вотъ уже цѣлый часъ только пустыми словами языкъ околачиваемъ. Документъ пожалуйста.

— То-есть, какъ документъ?.. Какого рода? недоумѣвая заморгавъ глазами Каржоль. При словѣ документъ, въ его мозгу сейчасъ же возникло представленіе о векселѣ или распискѣ въ видѣ заручки, либо задатка Горизонтову.—Я готовъ... Съ удовольствіемъ даже! пробормоталъ онъ, и рука его уже сдѣлала было лоятное движеніе за лязуху, къ боковому карману.—Съ величайшимъ удовольствіемъ, но... извините, какого именно рода документъ вы желали бы?

— Какъ какого рода? вылучилъ на него глаза секретарь, словно бы на дурня какого.—Заявленіе, конечно! Формальное заявленіе-съ!

Все еще не вполне уразумѣвъ, Каржоль вопросительно продолжалъ глядѣть на Горизонтова съ какимъ-то гауло подчипеннымъ и даже извиняющимся видомъ, словно бы прося у него и свисхожденія къ своему неловкому, и разжеванія себѣ сути его требованій. Странное дѣло! Съ каждою дальнѣйшею минутой онъ къ стыду своему все болѣе и болѣе начиналъ чувствовать въ душѣ какъ, чортъ его знаетъ

почему, невольно какъ-то лассуеть нравственно предъ своехарактерною наглостью этого грубаго и нечистоплотнаго хама, презирая его въ то же время до полной ненависти, но не столько за его хамскій видъ, сколько за это самое свое предъ нимъ лассованье. Досадуя и оскорбляясь на самого себя, графъ тѣмъ не менѣе сдавался, какъ будто покорно признавалъ въ лицѣ Горизонтова какую-то силу не вполнѣ ему понятную, но несомнѣнно болѣе дѣйствительную и стойкую чѣмъ его собственная нравственная сила. Поэтому онъ чуть не до жгучей боли, самъ предъ собой сознавалъ вполнѣ ясно какъ его чувство собственного достоинства и вся его обычная самоувѣренность, все самолюбіе, вся эта французски-гордая „noblesse“ его вѣщности и даже самая манера держать себя, какъ все это вдругъ слабѣетъ, испаряется, улетучивается куда-то, тогда какъ этотъ хамъ лягушавый стоитъ аки гранитъ и господствуетъ надъ нимъ во всей своей великой хамской несокрушимости. И онъ, графъ Каржоль де-Нотрекъ, долженъ предъ нимъ лебезить и заискивать... О, никогда еще не переживалъ онъ подобнаго униженія! Но... всѣ эти чувства пришлось запрятать въ самый отдаленный и темный карманъ своего сердца и вмѣсто нихъ все время покорно вызывать на лицо любезную, искательную улыбку.

— Неужто не понятно?! дивясь, воскликнулъ между тѣмъ господинъ Горизонтовъ и съ улыбочкой принялся объяснять ему по пальцамъ.—Вѣдь для того, чтобы намъ имѣть законный поводъ пустить эдакое предписаніе матери-игумень, говорилъ онъ,—должны же мы на чемъ-нибудь основаться! Не святымъ же духомъ узнали мы!... Это разъ. Понимаете?

Каржоль утвердительно кивнулъ головой.

— Прекрасно-съ. Поэтому вамъ нужно, продолжалъ секретарь,—подать намъ на имя преосвященнаго маленькое заявленьце отъ своего лица что такого-то, молъ, числа доставивъ въ Свято-Троицкую Украинскую женскую обитель новокрещаемую еврейскаго закона такую-то, честь имѣю покорнѣе просить архиластырскаго благословенія вашего преосвященства на принатіе означенною обителью оной новокрещаемой дѣвицы, и прочее.... Тогда мы сейчасъ же заготовимъ бумажку и пустимъ въ докладъ.

— Такъ это такъ просто? не воздержался отъ невольнаго восклицанія обрадованный графъ, чувствуя что съ его плечъ словно бы гиря многопудовая свалилась и подъ ногами слова почва кое-какая начинаетъ ощущаться.

А торжествующий про себя семинарь только поглядывал на него полунасмѣшливымъ, полупрезрительнымъ, но во всякомъ случаѣ девольнонисходительнымъ взглядомъ: дескать, дуракъ ты, братецъ, аристократиска несмысленный, а туда же съ форсомъ!

— Господи! восклицалъ между тѣмъ Каржоль,—какъ мнѣ благодарить васъ!?... Нѣтъ словъ, ей-Богу!... Уже будьте такъ добры, позвольте клочечекъ бумажки,—я здѣсь же присяду и, не теряя времени, настрою все что требуется... Вы уже продиктуйте мнѣ, Митрофанъ Николаичъ, будьте такой добрый!

— Пож...жалуй, какъ бы нехотя, но уже такъ и быть, изъ милости только, согласился секретарь указавъ графу на искляксавый чернилами столъ и подвинувъ ближе къ нему своими загребистыми, узловатыми пальцами тетрадку чистой бумаги да бабочку чернилъ съ воткнутымъ въ ея горлышко стальнымъ перомъ на изгрызенной деревянной ручкѣ. На каждое изъ этихъ его движеній Каржоль безмолвно отвѣчалъ короткими, но признательными поклонами, словно бы ужъ и не звалъ какъ благодарить за подобную милость инисходженіе.

Заложивъ руки въ кармашки брючекъ и выставивъ нѣсколько ножку, обутую въ неуклюжую, столпанную гарусную туфлю, Горизонтовъ единымъ взмахомъ закинулъ голову назадъ, якобы многотумно и потому усиленно прищурилъ глазки и наконецъ, подумавъ нѣсколько, принялся за диктовку такимъ вдолбжно методическимъ тономъ, упоминая гдѣ залатая, гдѣ тире, гдѣ точка, какъ будто бы ему пришлось диктовать какому-нибудь ученику изъ самыхъ отъявленныхъ олуховъ.

Каржоль все это чувствовалъ, но покорялся и послушно лисалъ все что лишь соблаговошилъ продиктовать ему многоопытный учитель.

— Готово что-ли у васъ?

— Готово... Вотъ только росчеркъ...

— Ну, слава тебѣ, тетереву! Чего тамъ еще росчеркъ! Давайте сюда.

И явно не довѣряя грамотности графа ома самолично, съ перомъ въ рукѣ, принялся провѣрять написанное, причемъ со сдержанно досадливымъ цмоктомъ и крахтожъ протавалъ двѣ недостающія залатыя, да одно ошибочно написанное е вмѣсто ѣ (отчего Каржоль внутренне даже сконфузилса) и наконецъ, читая про себя съ легкимъ бормотаньемъ,

вспочтительнѣйше прошу васъ, преосвященнѣйшій владыка— в-эхъ! сказалъ секретарь и началъ-было передѣлывать *а въ о.*

Каржоль при этомъ вышелъ даже нужнымъ невозможно постоять за себя.

— Тутъ, замѣтилъ онъ,—написано, кажись, такъ какъ вы сказали *владыка.*

— Вижу что *владыка,* отозвался не глядя на него Горизонтовъ и окончательно переправилъ *а въ о.*

— Ну, да, *владыка....* Въ чемъ же неправильность? недоумѣвалъ графъ, которому стало уже казаться что этотъ прохвостъ просто блажить и самодурствуетъ надъ нимъ. — *Владыка!..*

— То-то, что *ка!* подфыркнулъ Горизонтовъ: — потому и поправляю!

— То-есть, какъ же это?... *Владыка!*

— Да не *владыка,* а *владыко,* — понимаете ли, *ко! Ко,* а не *ка!* потому звательный падежъ.

— Ахъ, звательный! олять сконфузился Каржоль:—я и за былъ совсѣмъ, извините, пожалуйста...

— Н-да, звательный... Омо вотъ и видно что русской-то грамотѣ плохо учились, а все больше насчетъ божура происходили.

Каржоль, нечего дѣлать, проглотилъ и эту послѣднюю уже не лаяю, а вѣчно дерзкую грубость: очень ужъ онъ былъ доволенъ когда секретарь, окончивъ вслѣдъ за симъ провѣрку бумаги, вышелъ наконецъ что телерь ничего, все какъ слѣдъ, въ надлежащемъ видѣ и порядкѣ, только вотъ надо бы марки законныя приложить, безъ чего дѣле не можетъ получить надлежащаго хода.

— Сколько слѣдуетъ? предупредительно освѣдомился графъ.

— Шестигривенныя-съ. Одну на прошеніе, другую на отвѣтъ. Рубль двадцать, а ежели въ табачной взять: рубль тридцать копѣекъ.

Графъ досталъ свой бумажникъ. Тамъ лежала одна рублевая и одна сторублевая, послѣдняя его бумажка.

„Сейчасъ пробу пера сдѣлаю“, лукаво подумалось графу.

— У меня мелочи дѣтъ, деликатно и яко бы въ явномъ затрудненіи проговорилъ онъ, съ какимъ-то извиняющимся видомъ вытаскивая эту сторублевку.

— Хм!... Какъ же быть-то?... Размѣнять бы, да телерь еще рано, и къ тому же шабашъ, замѣтилъ Горизонтовъ.

— Все равно-съ! послѣдшилъ Каржоль сунуть ему на столъ радужную бумажку:— это рѣшительно все равно!... Тамъ же, вѣроятно, придутся и еще какіе-нибудь другіе расходы.... Потомъ сочтемся какъ-нибудь, право!...

— Да когда же потомъ-то? нахмурилася вѣсколько Горизонтовъ, показывая видъ что это обстоятельство ему даже совсѣмъ непріятно.—Постойте, попытаюсь послать къ отцу казначею.

— Ахъ, Боже мой, это такіе пустяки!... Стоить ли, право, беспокоиться! скороговоркой и съ отвѣчивающимъ видомъ забормоталъ Каржоль. — Вѣдь вѣтакое дѣло, я же понимаю... И притомъ не кончаемъ же мы съ вами на этомъ, и не въ послѣдній, конечно, разъ видимся... безъ расходовъ нельзя же!

— Ну, какіе же тамъ расходы!... Развѣ уже такъ, комситорской братьѣ на молитву? съ циническимъ смѣшкомъ замѣтилъ Горизонтовъ.—На молитву можно; передамъ, равнодушно согласился онъ даже и не взглянувъ хотя бѣ искоса на оставленную ему бумажку.

— Такъ могу быть въ надеждѣ? уже откланиваясь, въ послѣдній разъ пустилъ Каржоль въ ходъ лебезяще-просительный тонъ и записывающую улыбку.

— Сегодня же пустимъ въ докладъ, удостовѣрилъ семинаръ, уже значительно мягче:—сегодня же... А вечеромъ я, можетъ-быть, постараюсь и самъ завернуть къ вамъ съ отвѣтомъ.

И протянувъ на сей разъ уже первымъ свою руку, секретарь простеръ любезность до того что проводилъ графа даже до дверей прихожей.

Только покончивъ съ Горизонтовымъ и выйдя отъ него на свѣжій воздухъ, наконецъ-то могъ Каржоль вздохнуть облегченною грудью. Главное сдѣлано, можно и отдохнуть. Онъ взглянулъ на часы, было уже безъ пяти минутъ девять. Теперь оставался одинъ лишь смущающій вопросъ объ Ольгѣ, о встрѣчѣ и объясненіи съ ней. Но неужели жъ она настолько глуха чтобы не догадаться уйти чрезъ стеклянную дверь? И Каржоль, размышляя объ этомъ, все болѣе склонялся въ пользу предположенія объ уходѣ. Оно казалось ему и естественнымъ, и логичнымъ, почти до полной увѣренности что онъ уже не застанетъ у себя Ольгу. Что же касается оправданій и объясненія ей своего вѣчного постулка, то „вечеръ мудренѣе утра, когда человѣку прежде всего выспаться надо; къ вечеру что-нибудь и придумаемъ“, рѣшилъ себѣ графъ подвѣзжая къ воротамъ своего дома.

Но здѣсь, еще за нѣсколько десятковъ шаговъ, онъ совершенно неожиданно былъ озадаченъ однимъ обстоятельствомъ которое показалось ему не только страннымъ, но и подозрительнымъ.

У самыхъ воротъ его дома стояла кучка Евреевъ, которые словно ждали чего-то. Эти Евреи, завидѣвъ его, какъ-то оживились, зашевелились, зашумели между собой и вдругъ рассыпались въ разные стороны по улицѣ, словно бы они и ничего, „такъ себѣ“, за исключеніемъ двухъ человѣкъ которые остались у воротъ молча и неподвижно.

„Не проѣхать ли мимо?“ мелькнуло въ умѣ Каржоля, но почему-то вдругъ стало совѣстно: „еще, пожалуй, подумаютъ канальи что трусилъ!“ и онъ остановилъ извозчика предъ воротами. Расплатясь съ нимъ и при этомъ взглянувъ мимоходомъ на двухъ оставшихся Евреевъ, графу показалось что они какъ бы открыто слѣдятъ за нимъ и смотрятъ на него чуть не въ упоръ довольно нагло, явно враждебными и злобно подозрительными взглядами.

Тѣмъ не менѣе, показавъ видъ будто не удостоиваетъ ихъ ни малѣйшимъ вниманіемъ, онъ прошелъ въ калитку, но и здѣсь: новое удивленіе! Человѣкъ до пятнадцати Евреевъ, преимущественно изъ молодежи, явно въ ожиданіи чего-то, частію сидѣли на ступеняхъ его крыльца, частію стояли и ходили мимо оконъ: все еще закрытыхъ ставнями, а двое молодыхъ Еврейчиковъ видѣлись даже въ саду, у калитки. Вся эта компанія при появленіи Каржоля [вдругъ всполошилась, сошла въ одну кучку и предъ самымъ крыльцомъ стала ему на встрѣчу.

„Что жь это, однако?“ невольно ёкнулъ тревожный вопросъ въ сердцѣ Каржоля. Онъ очутился какъ бы въ западѣ: Евреи у крыльца, Евреи у калитки, ни въ домъ, ни со двора. „Неужели пронохали, канальи?“

VIII. Царесъ грейсе! — Великія бѣды!

Айзикъ Шацкеръ, разставшись съ Тамарой, благополучно добрался до снѣговала и услокоенный, утомленный, даже счастливый, завалился на душистое снѣго. Но спалося ему плохо. Возбужденная мысль его работала даже и во снѣ, который отъ этого былъ перерывчатъ и кратокъ. Это скорѣе было какое-то полудихорадочное забытье, почти среднее между

свомъ и бѣднѣемъ, чѣмъ востоящій сонъ здороваго человѣка. Аѣзику порой казалось что въ него забралась *клина*, — нечистая сила въ соблазнительно-предельномъ образѣ богини-дьяволицы Лилитъ, этой еврейской Вемеры которая прокрадывается къ людскимъ изголовьямъ во время сна и навѣваетъ на добрыхъ Евреевъ сладострастные грезы и грѣшныя мысли. Уже не Лець-ли шельмецъ, этотъ сатиръ еврейскихъ повѣрій, коварно подстроилъ ему на смѣхъ такія штуки, *маасе*. Грезится вдругъ бѣдному Аѣзику что онъ уже не бѣдный безвѣстный Аѣзикъ, а *ламданъ годулъ* и *талмудъ-хуламъ*, великій ученый, мудрецъ-таамудистъ, услѣвший приобрѣсти себѣ *шамъ*, т.-е. имя, славу и знаменитость, такъ что его во всемъ Израилѣ прозываютъ не иначе какъ „гордостію вѣка“ *гаонъ гадоръ*, и онъ вступаетъ съ самыми знаменитыми *шахоломъ*, мудрецами-раввинами въ торжественный *пильпулъ*,* показываетъ на удивленіе всѣмъ такой *харифусъ* и *магидусъ*,** не оставляя ничего даже на долю *тейку**** что предъ нимъ преклоняются не только свои, но и не еврейскіе ученые, которыхъ онъ впрочемъ отъ души презираетъ, хотя и охотно принимаетъ отъ нихъ поклоны и льстивыя выраженія ихъ похвалъ, восторга и почтенія. Евреи признаютъ его даже *цадикомъ*, святымъ человѣкомъ, и въ качествѣ цадика онъ развѣзжаетъ по всѣмъ еврейскимъ палестинамъ Россіи, Польши, Австріи и Румыніи, развѣзжаетъ какъ магнатъ въ своей собственной каретѣ, со свитой учениковъ и помощниковъ, трубящихъ и возвѣщающихъ его славу, аѣчитъ отъ непадіа, исцѣляетъ съ одного нашенгу всяческіе недуги, рѣшаетъ семейныя дѣла и споры, судить и рядить, учить и проповѣдуетъ, и повсюду собираетъ обильную дань въ видѣ рублей,

* Религіозный казуистическій или юридическій диспутъ въ общемъ собраніи всѣхъ ученыхъ бейсъ-гамидраша.

** Остроумный разборъ *Галаха*, религіозныхъ узаконеній, и ловкость въ свободномъ истолкованіи избранныхъ текстовъ (*Агада*), что является обыкновенно двумя составными частями *дераша*, т.-е. самого подлаго религіознаго ученія.

*** *Тейку* слово искусственно составленное таамудистами изъ начальныхъ буквъ фразы: *Тышиби* (т.-е. Иліа пророкъ) разрешить вопросы и недоразумѣнія. Таамудическое восклицаніе *Тейку* употребляется обыкновенно при неподдающихся разрешенію спорныхъ вопросахъ теологическаго или философскаго характера,

дукатовъ, гильденовъ и левовъ... Хорошо, прекрасно Айзикъ Шацкеру!.. Но для его самолюбія мало этого. Онъ чувствуетъ себя великимъ человѣкомъ, онъ переустроитъ вселенную по своему социальнo-политическому плану: наверху Евреи, надъ Евреями — онъ, а внизу — все остальное... Онъ второй Лассалъ, у котораго всѣ эти великіе Бебелъ и Ласкеры даже и салоговъ снать недостойны! И кромѣ все этого Айзикъ еще лично счастливъ: у него есть своя *эйшесъ неуримъ*, подруга юности, даже почище тѣхъ вѣмецкихъ аристократокъ что Лассалъ любилъ, *эйшесъ неуримъ* которой онъ даритъ свою *агаватъ неуримъ* свою первую юношескую любовь.

Онъ такъ возвеличился что самъ рабби Соломонъ Бевдавидъ почтительно является къ нему: о, удивленіе! — въ роли *шаджена* (свата) и предлагаетъ руку Тамары со всѣми ея милліонами, да заодно ужъ и со своими въ придачу!... Этихъ милліоновъ, просто, несчетное количество! Боже мой! Тутъ и голланчики, и лабанчики, и червомчики, гивей и соврепы, дублоны и дукаты, лиры и валлолеондоры, просто духъ захватываетъ!... Золотой дождь на него такъ и сыплется, такъ и летитъ, и весь этотъ дождь принадлежитъ ему; онъ его единственный, исключительный обладатель. У, какіе крутые проекты и гешефты, какія банковыя операція и биржевыя спекуляціи мерещатся ему въ туманѣ!... Слово въ дивной фантазмагоріи милліарды kaleidosкопически какъ-то, и радужно смѣняются милліардами, а ему все ни по чемъ, потому неизсякаемый источникъ!... И вотъ онъ подписываетъ брачный контрактъ съ Тамарой. Теперь сви *хоссонъ* и *калло*, женихъ и невѣста. Начинается *хассуно*, свадьба; ихъ ведутъ въ торжественной процессіи къ вѣнцу, ставятъ на сорное сметье, подъ великолѣпнымъ вѣнчальнымъ балдахиномъ, и совершаютъ свадебный обрядъ. *Клезморимъ*, эти милѣйшіе еврейскіе музыканты, гремятъ въ честь имъ обычную поздравительную кантату. Молодыхъ сажаютъ за свадебный столъ и угощаютъ рисовымъ супомъ, этою золотою свадебною ухой; *батханъ* * импровизируетъ для

* Импровизаторъ и шутъ, необходимое лицо на всѣхъ еврейскихъ свадьбахъ, отправляющее свою обязанность, впрочемъ, не иначе какъ съ разрѣшенія кагала. Ремесло батхана считается отчасти унизительнымъ.

нихъ подъ музыку веселые куплеты; дѣдушка съ бабушкой ставъ въ надлежащую позу, деаикатно, цирлихъ-манцирлихъ танцуютъ *хупно-минутъ*, и просто умиительно глядѣтъ на этотъ ихъ деликатный стариковскій танецъ!... Выплясываютъ и прочіе гости особые свадебные танцы *лупловъ* и *эсрозъ*.— Ты понимаешь ли, *тарарамъ* (шелолутъ) ты эдакій, говоритъ Айзику рабби Соломонъ:—какой тебѣ всѣ добрые люди оказываютъ *поводъ*, честь, почетъ! И всѣ гости привѣщаютъ Айзику поздравленія и пожеланія счастья и благополучія... Наконецъ, вотъ сюрпризъ-то! Вотъ куда проникла его слава! Самъ Гамбетта и самъ Кремье, и Ротшильдъ, и Монтефиоре шлютъ ему поздравительныя телеграммы. Всѣ знаменитые адвокаты и ходатаи, господа Бивштоки и Пулштоки, братья Гантоверы и Пассоверы со всѣмъ остальнымъ своимъ сонмомъ и кагаломъ наперерывъ, чуть не до драки между собой, предлагаютъ ему свои услуги для веденія всевозможныхъ его гражданскихъ исковъ, дѣлъ и процессовъ, а коли и вѣтъ ихъ, такъ выдуманемъ! Рабби Оффенбахъ посвящаетъ ему свою новую оперетку, Блейхредеръ и всѣ остальные банкиры, берлинскіе, гамбургскіе, бременскіе, амстердамскіе и прочіе, и прочіе, и прочіе приглашаютъ его въ свои компаньоны, въ почетные директора своихъ банковъ, отовсюду предлагаютъ ему всевозможныя акціи, облигаціи, цѣнныя бумаги; на всѣхъ биржахъ гремитъ одно только имя Айзика Шацкера; газеты посвящаютъ ему сочувственныя передовыя статьи, телеграфное агентство Вольфа аккуратно извѣщаетъ о томъ съ кѣмъ онъ видѣлся и что замѣчательнаго сказалъ; Персидскій шахъ присылаетъ ему орденъ Льва и Солнца; производить его наконецъ сразу въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и жалуютъ баронскій титулъ. Генералы съ лѣтушными перьями и даже министры въ звѣздахъ терпѣливо ожидаютъ въ приемной лока ихъ не соблаговолятъ по одновчкѣ пригласить на аудіенцію въ его кабинетъ. Да что ему всѣ эти министры, если одно его собственное „Правленіе“ равняется четыремъ министерствамъ! Какая масса людей у него служить, а въ „Совѣтъ“ его за сѣдаютъ все генералы, все бывшіе сановники, директора департаментовъ, и онъ всѣмъ имъ платитъ жалованье и отлучкаетъ наградныя деньги. Онъ беретъ миллионныя подряды, получаетъ выгоднѣйшія концессіи, даетъ за это въ департаментахъ, канцеляріяхъ и будуарахъ солидныя взятки въ

цѣлыя сотни тысячъ; строить здавія, мосты, дороги, поставляетъ на армію сухари и подметки, жертвуетъ десять тысячъ на реальное училище (кудашло!) и наконецъ открываетъ „Всемирную гласную кассу ссудъ“, разсуждая при этомъ что если существуетъ Всемирный еврейскій союзъ, то отчего не быть и Всемирной гласной кассѣ. Тутъ уже благодарное человечество положительно вѣт себя отъ восторга и само заказываетъ художнику Маковскому портретъ благороднаго Айзика, причемъ Айзикъ на этомъ портретѣ, по собственному своему желанію, заранѣе уже лишется въ Станцлавской лемтѣ черезъ плечо. А скульпторъ Автокольскій, въ поученіе и на память благодарному потомству, высѣкаетъ изъ каррарскаго мрамора благородныя черты фізіономіи Айзика... Извѣстные писатели посвящаютъ ему оды и заранѣе поступаютъ въ гувернеры его будущихъ дѣтей, и онъ уже не Айзикъ, вѣтъ, не Айзикъ! Онъ теперь его превосходительство баронъ Ансельмъ Исаевичъ Шацкеръ фонъ-Украинцерь. Онъ златой тѣлецъ, онъ Молохъ, онъ Ваалъ нашего времени, вотъ онъ кто! И хотя Айзикъ принимаетъ всѣ эти почести и еміямы довольно благосклонно, какъ должную законную дань, однакожь ему на нихъ просто налезать, потому что онъ въ сущности мовый Лассаль, потому что онъ міръ переустраиваетъ по-своему и всѣмъ равно благодѣтельствуетъ и всѣхъ равно презираетъ.— „Чортъ съ вами! Всѣ вы *столоачъ* и не стоите моихъ о васъ заботъ и полеченій; тѣмъ не менѣе я, по великодушію своему, согласенъ быть вашимъ благодѣтелемъ. Получите и убирайтесь!“ А свадебная музыка между тѣмъ гремитъ въ честь его *куранты*, концерты, батханъ провозглашаетъ тостъ за тостомъ, экспромтъ за экспромтомъ. Айзикъ въ башмакахъ и бѣлыхъ чулкахъ подаетъ Тамарѣ руку, делкатво беретъ какъ и она ковшиками лаальцевъ за ковшикъ носоваго платка, и по обычаю начинаютъ они вдвоемъ послѣдній официальный полонезъ, благочестивый, коширный тавецъ... Но чтѣ жъ это такое? Сквозь лучи ореола начинаютъ вдругъ прорисовываться статная, изящная, но крайне для него непріятная фигура, съ огромною датскою собакой на цѣлочкѣ... Айзикъ узнаетъ, знакомыя черты и приходитъ въ бѣшенство, хочетъ броситься на этого проклятаго человѣка, и не можетъ, собственныя руки и ноги его не слушаются, словно бы какая-то посторонняя невидимая сила приковываетъ его къ мѣсту и парализуетъ малѣйшее

движеніе. — „Ай, ду шейсус!“ черезъ силу вскрикиваетъ онъ дикимъ голосомъ и просыпается.

Сонъ этотъ, впрочемъ, не оставилъ въ немъ надолго непріятнаго впечатлѣнія потому что дѣйствительность, послѣ примиренія съ Тамарой, улыбалась ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ. Айзикъ около часу проворочался съ боку на бокъ, однако уже болѣе не заснулъ. Вскорѣ первый сощечный лучъ загляднулъ къ нему на сѣновалъ сквозь щели досчатой стѣны; со двора слышалось гоготанье молодыхъ гусей, изъ сада доносился щебетъ всякой мелкой лгитки; утро вступило уже въ свои права, и Айзикъ, потягиваясь, подвинулся со своего ложа.

Каждый сынъ Израиля обязанъ прямо съ постели приступить къ омовенію рукъ, безъ чего не смѣетъ прикоснуться ни до рта чтобы не сдѣлаться вѣшымъ, ни до глазъ чтобы не ослѣпнуть, ни до ушей чтобы не оглохнуть, ни до носа чтобы не получить насморкъ, ни даже до воды приготовленной для умыванія, потому что иначе она уже будетъ нечистою.* Айзикъ зналъ по *Талмуду* что прежде омовенія нельзя сдѣлать по комнатѣ и четырехъ шаговъ не рискуя смертною казнью свыше, потому что оставшаяся въ его рукахъ нечистая сила *шедъ* оскорбляетъ святость Бога господствующаго надъ нимъ; ** но такъ какъ онъ вочевалъ не въ комнатѣ, а на сѣновалѣ, насчетъ котораго въ *Талмудѣ* онъ не помнитъ чтобъ имѣлись прямая указанія, то потому и счелъ себя въ правѣ сдѣлать не только четыре шага, а и сойти внизъ, во дворъ, къ колодцу, гдѣ у него еще съ вечера былъ приготовленъ наположенный водой кувшинъ, спеціально на случай утренняго омовенія; и Айзикъ, по обрядовой привычкѣ, взялъ эту посудину въ правую руку и передалъ въ лѣвую, послѣ чего облилъ водой сперва правую кисть, потомъ лѣвую, потомъ опять правую, потомъ опять лѣвую, и такъ до трехъ разъ пока

* *Шлахеи-Уриш-Ойраш-Хаини* (сборникъ раввинскихъ ученій), трактатъ *Бруаес*, гл. IV, стр. 1 и 5. Эти правила сѣдуютъ соблюдать вслѣдствіе того что по ученію *Талмуда*, душа выходитъ изъ тѣла снащаго, а заой духъ, пользуясь этимъ, овладѣваетъ тѣломъ. При пробужденіи же душа возвращается и тогда заой духъ исчезаетъ но не совсемъ, — онъ остается на концахъ пальцевъ проснушагося Еврея (книга *Зоар*, отдѣлъ *Ваойшеес*).

** *Ойраш-Хамля* гл. I, стр. 7. Въ подлинникѣ вмѣсто четырехъ шаговъ сказано четыре локтя.

нечистая сила не удалась. * Не то чтобы Айзикъ вѣрнулъ въ нее, смыслъ вѣрка, онъ скорѣе ни во что не вѣрнулъ, но онъ исполнялъ обрядъ по привычкѣ унаследованной и вкоренившейся съ дѣтства, равно какъ по привычкѣ же тотчасъ послѣ омовенія перешелъ и къ другому обряду *тфилингъ*, для чего надѣлъ себѣ на лобъ *шель-рошъ*, а на лѣвую руку *шель-адъ*, обмотавъ себѣ идущимъ отъ него ремешкомъ семь разъ заласть и три среднѣе пальца, послѣ чего приступилъ къ утренней молитвѣ, взывая между прочимъ: „боже отщепеній, боже отщепеній, явися! Возвысься Судія земли, отгнѣрь возмездіе надменнымъ!“ ** Не то чтобы онъ чувствовалъ потребность въ молитвѣ, въ Бога Айзикъ тоже несомнѣнъ - то вѣрнулъ или

* Достаточно обмотать собственно концы пальцевъ, но лучше обмотать цѣлую кисть руки (*ibid.*)

** Обрядъ этотъ (*Исходъ*, гл. 13, ст. 16 и *Второзаконіе* гл. 11, ст. 18) состоитъ въ слѣдующемъ: изъ кожи, покрытой лакомъ, дѣлаются двѣ квадратныя коробочки, величиной около вершка. Одна изъ нихъ называемая *шель-рошъ* надѣвается на голову, такъ чтобы она приходилась на лбу. *Шель-рошъ* держится на головѣ посредствомъ ремешка завязаннаго съ затылка, такимъ образомъ чтобы два его конца спускались съ обеихъ плечъ на грудь. Внутри *шель-рошъ* раздѣляется на четыре части изображающія какъ бы четыре ладони, въ которые вкладывается по одной пергаментной полоскѣ съ выдержками изъ *Пятикнижія*. На первой полоскѣ пишется текстъ изъ книги *Исходъ*, гл. 13, отъ ст. 1 до ст. 11; на второй полоскѣ: *Исходъ* гл. 13, отъ ст. 11 до конца; на третьей *Второзаконія* гл. 6, отъ ст. 4 до 10 и на четвертой *Второзаконія* же гл. 11, отъ ст. 13 до 22. Другая коробочка *шель-адъ* прикрѣпляется къ лѣвой рукѣ; ремешкомъ идущимъ отъ *шель-ада* окручиваютъ всю руку семь разъ и обертываютъ концемъ его три среднѣе пальца. Эта послѣдняя коробочка уже не раздѣляется внутри на четыре отдѣленія и всѣ вышеприведенныя выдержки изъ *Пятикнижія* пишутся для нея на одной ларшесѣ. Въ будничныя дни, во время утренней молитвы, *тфилингъ* слѣдуетъ возлагать на лобъ и привязывать къ лѣвой рукѣ въ знакъ того что въ мозгу находится душа и что крѣпкою рукой Богъ извелъ Евреевъ изъ Египта. На *шель-рошѣ* непремѣнно должна быть вытѣснена буква *шинъ*, какъ инициалъ имени Бога—*Шадай* „чтобы всѣ народы видѣли, говоритъ *Талмудъ*, что сынъ Израиля называлъ именемъ бога“. *Тфилингъ* почитается однимъ изъ важнѣйшихъ обрядовъ. По утренней талмудистовъ Моисей видѣлъ Бога одѣтымъ въ *тфилингъ*. Уставъ заключающій въ себѣ правила о *тфилингѣ* состоитъ изъ 246 статей, помѣщенныхъ на четырехъ печатныхъ листахъ мелкаго шрифта.

по крайней мѣрѣ сильно сомнѣвался въ Его бытіи, но будучи большимъ еврейскимъ патриотомъ онъ полагалъ свою гордость и догадъ какъ Еврея въ неуклонномъ испованіи вѣхъ обрядовъ религіи, столь рѣзко отличающей избранную расу отъ остальной мірекой нечести называемой человечествомъ. Онъ, по ученію своихъ дамдановъ новѣйшаго локроя, твердо придерживался этой обрядовой стороны собственно потому что, вѣря въ великое *земное* призваніе вселокоряющаго еврейства, смотрѣлъ на обрядъ какъ на цементъ, какъ на силу скрѣпляющую и объединяющую людей его расы. При томъ же его самолюбію было и лестно, и пріятно когда посторонніе вида сколь пунктуально испованяетъ онъ обряды съ похвалой называли его добрымъ, истиннымъ Евреемъ. Это, конечно, было своего рода фарисейство; но Айзикъ находилъ что и фарисейство не только не лишнее, а напротивъ, очень хорошее, вполнѣ необходимое дѣло для практическихъ житейскихъ цѣлей. Разсѣянно пробормотавъ положенныя молитвы, онъ наконецъ покончилъ съ утренними обрядами, убралъ въ карманъ свои шелъ-рошъ и шелъ-ядъ и отправился помечтать, да погулять по саду.

Утро было великолѣпное. Давнымъ тѣмъ отъ деревьевъ и кустарниковъ бѣжали и лятнами разсылались по свѣжей землѣ еще нескошенныхъ лужаекъ, ярко озаренныхъ солнцемъ и словно бы омытыхъ росой. При взглядѣ на эти лужайки просто въ глазахъ рябило отъ массы одуванчиковъ разсыпанныхъ въ свѣтло-зеленой травѣ, изъ которыхъ одни ужъ отцвѣли и торчали бѣлопуховыми шапками, а другіе только-что распускаялись и махровились ярко-желтыми, золотистыми звѣздочками. „Точно червонцы разсыпаны!“ невольно и съ удовольствіемъ подумалось Айзику. По каубамъ окаймленнымъ резедой, маргаритками и гвоздичкой, ярко рѣли роскошныя ліоны, высились оранжево-красныя лиліи, лиловые колокольчики, а по краямъ дорожекъ сирень благоухала изобильными гроздьями лиловыхъ и бѣлыхъ цвѣтовъ. Весенній аромат всѣхъ этихъ цвѣтущихъ растений и травъ, только-что пригрѣтыхъ солнышкомъ, носился тонкими струями въ утреннемъ воздухѣ. Черный дроздъ, малиновки и лѣвочки гдѣ-то въ ближнихъ вѣтвяхъ оглашали садъ своими мелодическими высвистами... Поэтически хорошо и прѣвольно почувствовалъ себя влюбленный бохеръ въ эту пору въ залущенномъ вѣковомъ, саду Бендавида. „Вотъ тутъ-то любить и быть любимымъ, о

какое счастье!“ мечталось ему когда, сорвавъ мимоходомъ липовую вѣтку сирени, онъ съ наслажденіемъ упивался ея ароматомъ. Вотъ и то мѣсто гдѣ давеча ночью въ снѣгахъ онъ упалъ предъ Тамарой на колѣни, гдѣ она сказала ему первое ласковое слово и протянула руку.—Ахъ, еслибъ удалось ему наконецъ побѣдить ея гордое сердце!.. Какое счастье и какія богатая перспективы открывались бы тогда ему въ будущемъ! Какая широкая финансовая дѣятельность!..

А вотъ и бесѣдка, вотъ и тотъ самый кустъ у котораго онъ стоялъ и подсаживалъ... О, проклятый, незнакомый человекъ!.. Лучше не волочить о немъ... Зачѣмъ не онъ, Айзикъ, на его мѣсто!.. Но вѣдь она сама же сказала что все это только такъ, пустяки, легкая шалость... Ромашъ вишь свой маленькій цѣпъ захотѣлось...

— Эге!.. Однако что жь это такое?!

И Айзикъ, незамѣтно дойдя до конца сада, въ крайнемъ изумленіи остановился предъ калиткой, тою самою въ которую Тамара выпустила Каржолу.

Калитка стояла растворенною настежь.

Что это значитъ? Какъ и чѣмъ объяснить себѣ такое страшное обстоятельство, вѣдь онъ самъ, насколько было возможно въ сумракѣ ночи, очень хорошо видѣлъ какъ Тамара вслѣдъ за Каржолемъ затворила ее и даже замкнула на желѣзную замычку. Окрикъ ржавыхъ летель и звякъ этой замычки онъ слышалъ ясно, отчетливо, въ этомъ вѣтъ сомнѣнія; онъ точно слышалъ его и ошибиться не можетъ.

— Боже мой, ужасъ же!...

И страшное подозрѣніе, какъ змѣя, неволью залозало въ душу Айзика.

Почти бѣгомъ спустился онъ назадъ, къ дому, и раздвинувъ сиреневые кусты очутился предъ раскрытымъ настежь окномъ Тамары. Заглянулъ въ ея комнату, пусто... Постель не смята, лампа не потушена, шкафъ раскрытъ и ящики комода на половину выдвинуты; нѣкоторыя вещи, выброшенные изъ вихъ, валяются кое-какъ на полу, на столѣ, на креслѣ. Очевидно все это вывучено было второпяхъ да такъ и покинуто.

Поблѣдѣвшій Айзикъ въ отчаяніи только хлопнулъ себя о лоды безсильно повисшими руками. Сомнѣній для него уже не осталось, всѣ иллюзіи разсѣялись разомъ, и страшная дѣйствительность безмолвно, но убѣдительно свидѣтельствовала лишь одинъ ужасающій фактъ: Тамары нѣтъ, Тамара убѣжала.

Первою мыслью Айзика было броситься будить стариковъ, чтобъ имъ первымъ сообщить ужасную вѣсть. Онъ любѣжалъ-было ко крыльцу, но тутъ нашло на него внезапное раздумье: поразить ихъ ударомъ, а пользы изъ того никакой не будетъ. Надо прежде всего, пока еще не поздно, вырвать Тамару изъ рукъ Каржолы. Если сплу придется для того употребить, то брать и силой. Но что и какъ сдѣлать, объ этомъ лучше всего посоветоваться съ армерь-ламданомъ, рабби Йонасаномъ; онъ, конечно, живѣйшимъ образомъ приметъ къ сердцу все дѣло и дастъ самый разумный советъ.

— Цоресъ грейсе! Цоресъ грейсе! — Великія бѣды! восклицалъ онъ влетая въ нумеръ ламдана, который еще покоялся сладкимъ сномъ и, пробужденный Айзикомъ, сразу никакъ не могъ взять себя въ толкъ чего надо бохеру и въ чемъ собственно эти его „цоресъ“ да еще и „грейсе“; но наконецъ понялъ.

— Старики знаютъ? было его первымъ вопросомъ.

— Сохрани Боже! подыалъ Айзикъ къ впекамъ ладони. — Зачѣмъ прежде времени!.. Можетъ, еще все такъ устроится... Никто не знаетъ, заявилъ онъ, — никто!.. Къ вамъ первому прихожу за советомъ и помощью.

— И хорошо сдѣлалъ, похвалилъ ламданъ. — Оно и точно что не зачѣмъ пугать ихъ до времени. А гдѣ эта Тамара? спросилъ онъ, подумавъ. — Какъ ты полагаешь, куда именно могла она скрыться?

Айзикъ объяснилъ что больше некуда какъ къ Каржолу.

— Хорошо. Въ такомъ случаѣ, посоветовалъ ламданъ тономъ приказанія, — сію же минуту, сынъ мой, собери десятка полтора, два вашихъ молодыхъ и окружи съ ними домъ этого шейгеца (бездѣльника) чтобъ онъ никуда не успѣлъ увести ее. А я сейчасъ же дамъ знать старшинамъ и тубальмъ.... * Надо собрать *бейс-динъ*.... ** О, такое дѣло.... Это

* *Тубъ*, представитель общины, засѣдающій въ кагалномъ советѣ. Кагалныя власти дѣлятся на три степени: младшая, *шборъ*, изъ которой производятъ въ тубы (средняя степень), а изъ тубовъ въ *роши* (старшины или головы); изъ нихъ *рошъ-бейс-динъ* есть председатель кагалнаго суда. Для признанія законной силы за рѣшеніями по всѣмъ дѣламъ, подлежащимъ вѣдѣнію бейс-дина, необходимо чтобы въ засѣданіи присутствовало не менѣе семи тубовъ города.

** *Бейс-динъ* или *беть-динъ*, домъ суда, судища, состоитъ не

все равно что *аунусъ нефошосъ*, * тутъ можно и шаббоосъ по боку!.. Живѣе, другъ, живѣе!

Айзикъ въ ту же минуту любѣжалъ на общественную учебную квартиру, поднималъ тамъ нѣсколько знакомыхъ *бо-зеровъ-губбаровъ*, силачей изъ старшаго курса, да забѣжалъ по пути къ тремъ своимъ пріятелямъ прикащикамъ изъ галантерейнаго магазина рабби Соломона, и со всею этою компаніей осадилъ квартиру Каржоя.

Съ одной стороны, благодаря Айзику, съ другой рабби Йонаэану, слухъ о любѣгѣ Тамары и объ экспедиціи Айзика Шацкера къ дому графа очень быстро распространился въ еврейской средѣ, такъ что къ семи часамъ утра бѣльшая часть Украинскаго Израиля уже знала въ чемъ дѣло и всполошилась и заволновалась, принимая эту исторію очень близко къ сердцу. Предъ квартирой графа къ этому времени собралось уже достаточное количество нѣкимъ названныхъ и неславныхъ добровольцевъ, готовыхъ принять участіе въ отбитіи Тамары.

Въ это-то время и подѣхалъ Каржоль къ воротамъ своего дома.

IX. Н е т а!

— Что вамъ здѣсь надобно? далеко не любезнымъ образомъ спросилъ онъ всю эту компанію.

Жидки переглянулись между собой.

— Мы до васъ дѣло имѣемъ, заявилъ одинъ изъ наиболѣе бойкихъ, который поэтому и взялъ на себя починъ переговоровъ.

Айзикъ, весь блѣдный, съ искаженнымъ отъ злобы лицомъ, сверкая на Каржоя полными ненависти глазами, рванулся было впередъ, но двое пріятелей-прикащиковъ успѣли вовремя удержать его за руки, уговаривая въ полголоса быть какъ можно спокойнѣе и благоразумнѣе.

менѣе какъ изъ трехъ судей (далянъ), рѣшающихъ все дѣла возникающія въ общинѣ какъ гражданскаго, такъ и уголовнаго характера.

* Случай когда жизни Еврея угрожаетъ смертная опасность *секонасъ-нефошосъ* и когда поэтому *Талмудъ* разрѣшаетъ нарушеніе постановленій и обрядовыхъ законовъ субботнаго дня.

Каржоль, при этомъ вызывающемъ движеніи Айзика, только крѣпче сжалъ въ рукѣ свою палку съ кастетомъ.

— Какое дѣло? нахмурился онъ, изображая якобы недоумѣніе.

— Живните, издѣсь неудобно объясняться, вѣжливо, но значительнымъ тономъ замѣтилъ переговорицкъ: — для васъ же самихъ неудобно будетъ. Ми лучше войдемъ у ваша квартѣра.

— Это вздоръ. У меня съ Жидами никакихъ дѣлъ нѣтъ если вы не подрачки, довольно рѣзко возразилъ Каржоль. — Коли нужно что, говори здѣсь.

— Издѣсь не ловко.

— А не ловко, такъ можешь и убираться.

— Однако, ваше спіятество, позвольте!... Сшто такѡва?... Зачиво?... Зачѣмъ? заролтали вдругъ голоса въ еврейской кучкѣ.

— Къ чорту!... Дайте мнѣ дорогу!

— Нѣтъ, живните, такъ не можно!... Позвольте лажауста безъ скандаля!... Для васъ самихъ за лучше!

— Какой скандаля и что такое „за лучше“? Въ чемъ объясняться мнѣ?

Переговорицкъ олять рѣшительно выступилъ впередъ.

— Живните, сказалъ онъ: — у васъ скрывается одново вашево дѣвицу.

Каржоль принялъ въ высшей степени удивленный видъ.

— Дѣвица?... У меня?... Вашево дѣвица? Что за вздоръ такой!

— Такъ. То вже не вздоръ.... Одново благороднаво еврейскаво дѣвицу. Ми знаемъ завѣрно.

— Да вы съ ума сошли!

— Зачѣмъ съ ума! Отдайте намъ наша дѣвица и кончимъ безъ скандаля.

— Но увѣрю васъ честью, у меня никого нѣтъ.

— Пфъ!... Зачѣмъ изъ честиомъ, когда ми знаемъ што есть!.. Ми знаемъ!... Ви эта дѣвица хочете на правослаавье навертатъ... Н-ну, отдайте лучше безъ скандаля!... Оставьте этово дѣлау... Съ таково шутка кѣльски цятѣресь выйдеть, вамъ же хуже будетъ.

— Однако мнѣ это надоѣло. Проваливайте! порѣшилъ съ ними Каржоль и сдѣлалъ попытку рѣшительнаго движенія ко крыльцу. Но Жидки снова преградили ему дорогу и снова загадѣли что-то всѣ разомъ.

— Въ чорту! гнѣвно возвысилъ графъ голосъ, замахнувшись палкой,—прочь!..

Жидки мгновенно разступились.

Пользуясь этою минутой онъ взбѣжалъ на крыльцо и сильно, обычною своею хозяйскою манерою, дважды дернулъ ручку звонка. Но Жидки столь же мгновенно обступили его снова.

Въ это время камердинеръ, узнавъ хозяйскій звонокъ, послѣшно отворилъ дверь, и не успѣвъ графъ переступить порога какъ человекъ шесть Евреевъ вмѣстѣ съ нимъ насильно ворвались въ прихожую.

— Это что такое?! Гони ихъ вонъ, крикнулъ онъ лакею.

— Но-но!.. Зачемъ вонъ... Не пойдемъ ми вонъ... Отдайте намъ наша дѣвица!

Между тѣмъ въ прихожую одинъ за другимъ набиралось все больше и больше Евреевъ.

— Вонъ, говорю, гони!.. Въ шею!..

— Уфъ шея?.. Го-го! загадѣли Жидки всѣ разомъ.—Зживите, конче нельзя, уфъ шея! Не тово время!.. Ми объяснитесь изъ вамъ желаемъ, ми въ свавомъ правѣ!

Шумъ и гомонъ еврейской кучки разрастался все больше, становясь и громче, и рѣзче, и настойчивѣе.

— Вонъ, мерзавцы! толкнулъ на нихъ Каржоль, олять замахнувшись палкой.

Но на этотъ разъ такая угроза уже не подѣйствовала.

— Зживите, не пойдемъ ми вонъ!.. И ви не замѣрайтесь на насъ изъ вашимъ палкомъ!.. Ми не сплигаемся!.. Отдайте нашава дѣвицу!

— Я наконецъ пошлю за полиціей, чортъ возьми! пригрозился графъ.

— За полиція? Очень даже хорошо! Ми и сами пойдемъ за полиція! Пускай приходитъ, будемъ дожидаться.

Въ эту самую минуту изнутри кабинета раздастся энергическій стукъ въ дверь и сильно задергалась замочная ручка.

Каржоль поблѣднѣлъ и выразительно взглянулъ на своего человека.

— Развѣ тамъ еще? съ безлокоиствомъ спросилъ онъ его въ полголоса.

— Тамъ-съ. Я, какъ вы приказать изволили, не пустилъ

ших, и даже стеклянную дверь съ террасы нарочно коломъ подперъ чтобы не вывали.. Очень плакали и стучались.

— Болванъ! въ безнадежно-бѣшеной досадѣ прохрипѣлъ ему графъ.

„Господи! Что жь это будетъ теперь? что это будетъ!? думалось ему: увидить вся эта сволочь,—скадалъ на цѣлый городъ...“

А стукъ изъ кабинета между тѣмъ продолжается лорывисто, нервно, не прерываясь ни на мгновеніе.

— Отворите!.. Отворите мнѣ двери! отчаянно кричалъ оттуда виѣ себя до изступленія раздраженный женскій голосъ.

Еврей вспомнилъсь еще болѣе.

— Ага!.. Это она!.. Она самая и есть!.. Она! завопили они на всѣ лады уже заранѣе торжествуя свою побѣду.—А што, не ваша правда?.. Это такъ-то „изъ честномъ клянусь што никого нѣтъ?“ Ха-ха!.. Хорошаво честно!.. Н-ну, теперь и ми пойдемъ за лалычя, пускай она сама отворяетъ!.. Юдхевъ, геи швайлеръ цу лалачмайстеръ ундъ битте цвѣ глайхъ гиръ-геръ цу кумменъ... Аберъ швайлеръ, Юдхевъ! Гирствъ ду!

Этого только бы и не доставало въ довершеніе всей прелесть и безъ того уже великаго скадала. Допустить чтобы полиція открыла здѣсь Ольгу, Каржоль, разумѣется, не могъ и потому послѣдствіемъ оставивъ одного изъ наиболѣе юныхъ и юркихъ Жидковъ, который уже собрался было бѣжать къ полицеймейстеру.

— Не надо. Я самъ отворю, сказалъ онъ Евреямъ:—и вы сейчасъ увидите та ли.

Ключъ повернулся въ замкѣ и предъ изумленною кучкой въ распахнутой двери предстала блѣдная, негодующая, глубоко потрясенная дочь генерала Ухова, столь хорошо знакомая въ лицо всему Украинску.

Для Евреевъ это было до того неожиданно и такое постигло ихъ разочарованіе что они сразу смутились и даже сконфузились до послѣдней стелени, какъ только можно себя представить.

— Не та!.. Что же это такое? въ полномъ недоумѣніи переглядывались они между собой.

— Теперь вы убѣдились?... Довольно съ васъ? обратился къ нимъ графъ.—Довольно? Ну, такъ вонъ, сію же минутой!

— Што вонъ!.. Зачѣмъ вонъ, когда, можно-бить, тамъ

еще есть нашево дѣвицу? наконецъ-то очнувшись заговорилъ въ кучкѣ, но уже далеко не съ прежнею бойкостью и увѣренностью—Можно-бить, она зашпиртана уфъ другому комнату?... Што ми знаемъ!... Надо обискъ на повѣрка издѣлать...

Но тутъ, къ крайнему удивленію графа, къ Евреямъ выступила вдругъ сама Ольга.

— Здѣсь вѣтъ никакой вашей дѣвицы, сказала она голосомъ дрожащимъ отъ волненія:—*теперь* по крайней мѣрѣ вѣтъ больше... Но ночью былъ кто-то... Это навѣрное... Я слышала женскій голосъ... И этотъ человекъ, указала Ольга на графа,—ночью же увелъ ее куда-то.

— Шма Израэль!... О, это значить уфъ манаштаръ!... Ваимиръ... Вусъ махевъ іецъ?!... Она уфъ манаштиру вже! въ смятеніи вслошцилась и загадѣла Евреи.

— *Бовераль!* горестно воскликнулъ Айзикъ, съ мольбой обращаясь къ товарищамъ и въ отчаяніи ломая себѣ руки.— *Иисъ клеиторъ, бовераль!... Митъ миръ иисъ клеиторъ!... Битте!...*

И кучка вслѣдъ за Айзикомъ опрометью кинулась вонъ изъ прихожей, а черезъ минуту уже ни души еврейской не осталось не только во дворѣ, но и у воротъ на улицѣ. Все это гурьбой хлынуло къ монастырю, въ самомъ тревожномъ и злобномъ возбужденіи.

Х. Вывернулся.

Даже и не взглянувъ больше на графа, Ольга пошла было вслѣдъ за Евреями вонъ изъ его дома.

Но Каржоль не могъ отлустить ее не объяснившись. По его расчетамъ для него теперь нужнѣе всего было примириться съ Ольгой для того чтобы сейчасъ же, что-называется, стереть ей розовые очки, обезоружить ее глѣвъ, обмануть подозрительность, усыпить на извѣстное время ревность и вернуть къ себѣ ея довѣріе,—вѣтъ, мало довѣріе, прежнюю мѣру въ него, пока не обработается окончательно *то* дѣло. Поэтому онъ тотчасъ же бросился вслѣдъ за ней и, нагнавъ ее уже на послѣдней ступенькѣ крыльца, услѣлъ выше кисти схватить ея руку и насильно не ввелъ, а почти втащилъ ее обратно въ кабинетъ.

— Не сумашествуйте!... Вамъ невозможно идти въ такомъ

видѣ, заговорилъ онъ твердо и строго, постаравшись придать себѣ возможно больше спокойствія.

Графъ понималъ что въ предстоящемъ объясненіи ему прежде всего необходимо вполнѣ владѣть собой.

Между тѣмъ Ольга молча и мрачно глядѣла на него мало что съ ненавистью, а даже съ какимъ-то отвращеніемъ.

— Сейчасъ запрогуть мою карету и отвезутъ васъ, продолжалъ онъ.—Сядьте... Успокойтесь прежде.

Вмѣсто всякаго отвѣта дѣвушка лишь сдѣлала попытку вырвать отъ него свою руку.

— Напрасно, Ольга: я не пущу васъ. Пока не успокоитесь, вы не выйдете отсюда.

— Пустите руку! повелительно крикнула она, сдѣлавъ новое лорывистое движеніе.—Не держите меня!... Вы мнѣ гадки!

— Извольте, согласился Каржоль, освобождая ея руку:—но изъ этой комнаты вы все-таки не выйдете. Прикажи сейчасъ же запрогать карету, запри под'ѣздъ и никого не впускать сюда! крикнулъ онъ человѣку.

— Не къ чему! отозвалась Ольга.—Не удерживайте меня. Я пойду.

— Нѣтъ, Ольга... Бога ради...

— Я пойду, говорю вамъ!

— Но вѣдь васъ увидать...

— Такъ что же?... Меня уже видѣли, мнѣ все равно теперь.

— Не дѣлайте глупостей, Ольга! Не компрометируйте себя еще болѣе!

— Я уже скомпрометтирована... Все равно!

— Нѣтъ, не все равно!... Не все равно, Ольга!... Во всякомъ случаѣ я не пущу васъ такъ.

— Ахъ, да поймите же, раздраженно крикнула она съ нервными слезами въ голосъ, — поймите вы что послѣ такого гнуснаго вашего поступка мнѣ мерзко оставаться съ вами, мерзко глядѣть на васъ, мерзко дышать однимъ воздухомъ... Не могу я больше!... Не могу!

— Если уже кого винить, то вините себя, пожалъ Каржоль плечами:—вы сами пожелали этого. Я предупреждалъ васъ, а предлагалъ вамъ уходить тогда же.

— Да, для того чтобы самому остаться съ другою женщиной, язвительно сказала дѣвушка, обдавъ его презрительною усмѣшкой.

— Поберегите вашу ревность, Ольга, до другаго случая,

спокойно замѣтилъ графъ:—здѣсь она ни причемъ и ни съ какою женщиной я не оставался.

— Какъ!... Вы отпираетесь?.. Вы еще агать хотите? Лгать предо мною! яростно накинулась она на Баржола, потерявъ уже послѣднее терпѣнье.—И вы смѣете мнѣ говорить это! Вы можете еще смотрѣть мнѣ прямо въ глаза!.. Мнѣ?!.. Глухой, безсовѣстный, безчестный вы человекъ послѣ этого!

— Перестаньте, Ольга. Брань вамъ вовсе не къ лицу, и тѣмъ болѣе что агать предъ вами мнѣ нѣтъ никакой надобности.

— Такъ у васъ не было никакой женщины?.. Не было?.. Отвѣчайте жь!.. Я васъ спрашиваю, никакой?.. Вы чисты и лживы? И стало-быть это я лгу?

— Нѣтъ, женщина приходила, спокойно и даже апатично какъ-то возразилъ графъ:—и что она была здѣсь, доказательство вамъ эти Евреи. Но не имѣлъ же я возможности объяснять вамъ все это дѣло тогда жь!.. Вѣдь я общалъ что послѣ все скажу. Да и наконецъ это была чужая тайна.. Открывать ее раньше времени я не имѣлъ даже права. Теперь другое дѣло, она въ монастырѣ уже.

— Кто это она? О комъ говорите вы?

— О вашей пріятельницѣ Тамарѣ Бендавидъ.

Изумленная Ольга даже вскочила съ мѣста.

— Какъ?.. Тамара Бендавидъ?! Да чтò вы за вздоръ говорите!

— Отнюдь не вздоръ. И съ какой же стати я сталъ бы вдругъ злоупотреблять именемъ честной дѣвушки? Подумайте!

— Такъ это она приходила къ вамъ? Тамара?

— Да, Тамара. Она задумала креститься въ православную вѣру и обратилась ко мнѣ съ просьбой помочь ей устроить все это дѣло.

— Ну? нетерпѣливо перебила Ольга съ крайне изумленнымъ, жаднымъ любопытствомъ.

— Я далъ слово, продолжалъ графъ:—быть-можетъ это была неосторожность, но... дѣлать нечего!.. Пришлось, разумеется, исполнить. Было условлено что въ эту ночь я отвезу ее въ монастырь, къ Серафимѣ.

— Ну?!

— Ну и вы чуть было не помѣшали всему этому. Вѣдь я же не разчитывалъ найти васъ у себя чуть не въ три

часа ночи! Ну и подумайте, какъ было бы красиво еслибы вдругъ она застала здѣсь васъ... среди ночи-то! Въ хорошемъ свѣтѣ, нечего сказать, оба мы предстали бы предъ ней!..

— Вы должны были тотчасъ же предупредить меня, замѣтила Ольга.

— Да когда же, подумайте! И до того ли мнѣ было, когда вы сразу огорошили меня такимъ сюрпризомъ, да и наконецъ, повторяю, я не имѣлъ тогда права выдавать чужую тайну, и не показалось ли бы вамъ все это слишкомъ невѣроятнымъ если даже и теперь то вы едва вѣрите?

— Хорошо; но гдѣ же вы до сихъ поръ пропадали и къ чему было заперать меня на замокъ такимъ предательскимъ образомъ? все еще раздраженно и подозрительно спросила дѣвушка.

— Къ тому что не запри я васъ, вы, съ вашею взбалмошною натурой и съ этою ревностью безшабашною, навѣрное выбѣжали бы вслѣдъ за нами и надѣлали бы только величайшихъ скандаловъ и ей, и мнѣ, и себѣ.... Что же мнѣ оставалось коли вы добромъ не уходите?! Я разчитывалъ вернуться скорѣ, но вмѣсто того въ монастырѣ да у архіерея задержали. Теперь, слава Богу, она уже принята.

Это открытіе относительно Тамары, когда наконецъ Ольга влопавъ повѣрила словамъ Каржолы, такъ поразило ее что вѣскольکو времени она не могла сказать ни слова и только во всѣ глаза глядѣла на графа.

— Ну и скажите же, милая Ольга, заговорилъ онъ лослѣ вѣкотораго молчанія,—убѣждаетесь ли вы хоть теперь-то что все это дѣло гораздо проще и честнѣе чѣмъ вамъ вообразилось?

— Боже мой! схватилаась она за голову:—какихъ же я глупостей однако надѣлаала!...

— Да и преогромныхъ, къ сожалѣнію, вѣскольکو менторскимъ тономъ замѣтилъ графъ:—но... живите свою собственную взбалмошность. Мнѣ же болѣе всего прискорбно что теперь я убѣдился вѣскольکو мало вы въ меня вѣрите. Печальное убѣжденіе, Ольга, для будущей супружеской жизни! прибавилъ онъ со вздохомъ.

— Да, но... вотъ что однако, заговорила она въ раздумѣ, какъ бы соображая вѣчто:—все это хорошо, но... съ какой стати Тамара съ этимъ дѣломъ обратилась къ вамъ? Почему къ вамъ именно?

— А ужь это вы ее спросите, съ легкой усмѣшкой пожалъ Каржоль плечами,—это ужь ее дѣло.... Но полагаю потому, вѣроятно, что я болѣе другихъ внушалъ ей довѣрія.

— Да, но что же вы за миссіонеръ такой? Откуда вдругъ такое рвеніе къ религіи въ васъ-то, въ васъ?! Подумайте, вѣдь это курамъ на смѣхъ!

— Что-жь васъ такъ удивляетъ? невольно усмѣхнулся Каржоль (внутренно ему и самому, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлалось очень смѣшно).—*Mais non, dites sérieusement*, отчего бы и не помочь человѣку, коли ужь у него такое искреннее рвеніе, какъ вы сказали? Да тутъ и всякій на моемъ мѣстѣ помогъ бы просто изъ гуманности и.... наконецъ, какъ русскій человѣкъ, коли хотите. Въ этомъ краѣ оно даже и политическіи кстату. Вѣдь я же Русскій: какъ вы предполагаете? Но это въ сторону, небрежно махнулъ онъ рукой:—меня заботить совсѣмъ другое, гораздо болѣе важное для насъ съ вами.

— То-есть что жь именно? спросила Ольга.

— А то что творить теперь дома вашъ батюшка и чѣмъ объясните вы ему свое странное отсутствіе?

Ольга нѣсколько насулилась, но не надолго. Черезъ минуту ея чувственно круилась, всегда полуоткрытыя губы, позволявшія видѣть рядъ жемчужно бѣлыхъ зубовъ, опять сложились въ спокойно-самоуверенную и даже безлечную улыбку, которая необыкновенно шла къ ея калризно-красивому, мило-неправильному лицу и вообще ко всей физически-задорно сложившейся, довольно крутой и развитой фигурѣ.

— Что же, поднявъ брови, мотнула она головой:—такъ и скажу что была у васъ, и всѣмъ скажу то же.

— Однако?

Каржоль въ недоумѣніи отъ ея словъ даже вѣсколько смутился.

— Разумѣется, подтвердила Ольга:—другого ничего не остается и тѣмъ болѣе что эти Жиды меня видѣли.

— Но вѣдь тогда весь городъ заоретъ что ты моя любовница.

— А пусть его оретъ, на здоровье!

— Ну, вѣтъ, мой другъ! *Je vous demande pardon!*... Развѣ для тебя это такъ безразлично?

— Какъ сказать тебѣ? И да, и нѣтъ. Но развѣ мельзя найти приличнаго объясненія?

— „Приличнаго объясненія“?! возразилъ графъ, недоумѣвая:—объясненія такому невѣроятному факту что въ девять часовъ утра цѣлый жидовскій кагалъ находитъ тебя въ квартирѣ холостатаго человѣка, котораго, вдобавокъ, и дома-то сначала не оказалось.

— Вотъ это и хорошо что не оказалось. Оно и кстати.

— Pardon, chère, но я тебя рѣшительно не понимаю. Вѣдь Жиды видѣли что ты была залерта на ключъ; ты при нихъ ломилась въ дверь и кричала благимъ матомъ: отворите! Ты сама, наконецъ, сказала имъ что была здѣсь ночью, слышала женскій голосъ.... Стало-быть весь городъ будетъ знать что ты именно ночью была у меня?

— Да, именно ночью. Чтò жь изъ того? Скажу что причиною всему та же Тамара, если только вы не ажете мнѣ что это была она.

— Нѣтъ, Ольга, видите Богъ, я не лгу, дѣйствительно она, искренно подтвердилъ графъ:—но, грѣшный человѣкъ, чѣмъ дальше тѣмъ все меньше начинаю я ловимать тебя. Или ужь ото всей этой передраги да отъ бессонной ночи мой мозгъ усталъ наконецъ работать, я не знаю, но только объясни, Бога ради, какими судьбами ты находишь возможнымъ прилести сюда еще и эту бѣдную Евреечку?

— Я скажу вамъ что участвовала въ ея тайнѣ, даже лично помогла ей уйти изъ дома, сама привела ее сюда потому что между вами троими это уже заранѣе было такъ условлено, и когда ты повелъ ее въ монастырь, я осталась здѣсь ожидать твоего возвращенія чтобъ узнать о результатѣ, ну, и въ ожиданіи заснула на диванѣ да и проспала до утра пока не услужалъ меня какой-то гвалтъ жидовскій. Весь этотъ шумъ я надѣлала отъ перепуга, съ просонья, это такъ понятно!

— Хорошо, хорошо!... Превосходно! „Появля! Михайло Васильевич! Появля!“ комически воскликнулъ графъ знаменитою фразой Раслаева, радостно потирая себѣ руки.— Однако ты, моя прелесть, просто Наполеонъ въ юлкѣ, ей Богу!

— Ну, пожалуста, нельзя ли безъ подобныхъ сравненій! слегка оборвала его Ольга, вѣсколько задѣтая за живое этою, какъ показалось ей, неумѣстною шуткой.—Мнѣ вовсе не до смѣха, прибавила она не безъ горечи,—да и радоваться здѣсь, право, нечему.

Каржоль оскѣся и немножко задумался.

— Это хорошо придумано, сказалъ онъ уже серьезнымъ тономъ,—даже очень хорошо мой другъ, и пожалуй вполнѣ правдоподобно; но все-таки есть и въ этомъ своя маленькая закорючка.

— Какая еще?... Чтѣ за закорючка? досадливо сдвинула брови дѣвица Ухова.

— Да та что вѣдь ты же сама выдала ее Жидамъ чуть не головой, поясняя Каржоль:—ты засвидѣтельствовала имъ что здѣсь была *какая-то* женщина, что ты *слышала* ее голосъ и прочее, стало-быть сама ты ее не видѣла и не знаешь кто именно. Вѣдь это тоже распространится, ну и стало-быть ты была у меня совсѣмъ независимо отъ Тамары, вотъ что!

— Хи!... Мало ли какія выдумки и слетки распространяются! презрительно двинула губой Ольга.—Кто же станетъ повѣрять это? И кому какая нужда справляться?... Будутъ говорить конечно и такъ, и этакъ. Но вѣдь вопросъ: въ какой средѣ оно распространится? Между Жидами? Такъ вѣдь намъ, полагаю, важны не Жиды, а общество. А для общества всегда можно подобрать достаточно убѣдительное доказательство.

— Воля твоя, я не вижу его, сомнительно двинулъ графъ приподнятыми бровями и плечами.

— Не видишь?... Гм!... Убогій ты человекъ, какъ я полагаю! съ добродушною провѣй покачала она головой.—А еще „дѣятель практическій“ называешься, „современный дѣятель“. Ну и какіе же вы „дѣятели“, коли даже дѣвченки, какъ я, должны не только что думать за васъ, а даже жевать и въ ротъ вамъ класть!... Дѣло очевидное, пояснила Ухова:—для этого стоить только мнѣ самой написать къ этой бѣдной Тамарѣ. Я признаюсь ей что я твоя невѣста, что я была у тебя въ то время какъ она приходила, однимъ словомъ разкажу откровенно все что случилось и попрошу ее подтвердить въ случаѣ надобности и мое тоже участіе въ ея дѣлѣ. Она дѣвушка съ сердцемъ и, конечно, для старой подруги не откажетъ, да если даже не для меня лично, то хотя бы изъ благодарности къ тебѣ, за твою услугу. Ты и самъ, кромѣ того, можешь попросить ее.

Внутренно Каржоль очень испугался этого проекта. Объяснить Тамарѣ что Ольга его невѣста,—какъ разъ кстати что и говоритъ!...

— Н-вѣтъ, моя милая, сказалъ онъ сообразившись,—

къ чему тебѣ самой выдавать на себя такіе документы? Мало ли что въ жизни случается! Сегодня друзья, завтра врага. Это у васъ промежь женщинъ такъ легко дѣлается. Да и Богъ знаетъ еще поладеть ли твое письмо непосредственно въ руки Тамары: вѣдь въ монастырѣ есть тоже своя цензура и очень даже строгая. А лучше уже предоставь мнѣ, а самъ скажу ей все это и попрошу ее.

— И то правда, согласилась Ольга.—Въ самомъ дѣлѣ, скажи; такъ даже лучше. А затѣмъ, продолжала она съ нѣскольکو циническою усмѣшкой истинно житейской практичности,—гдѣ тамъ еще да и кому разбирать что правда, что лѣтъ: добрыя души повѣрятъ, а кто и не повѣритъ такъ наплевать!

— „Наплевать“?! весело изобразилъ Каржоль всю фигурую своею комическій ужасъ:—„Наплевать“... Что за выраженіе?... Барышня, благовоспитанная барышня!... Генеральская дочка!... Отъ васъ ли это слышу я?

— Ахъ, оставьте, пожалуста! досадливо дернулась Ольга.— Стану я еще съ вами-то выбирать теперь мои выраженія! Какъ оказалось, такъ и сказала. Мнѣ, ей Богу, не до шутокъ!... Я хочу, добавила она,—сказать только одно что въ глаза мнѣ высказать этого никто, конечно, не посмѣетъ, а если и найдется кто, то вѣдь такъ оборву что и своихъ не узнаетъ. А за глаза пусть себѣ болтаютъ что хотятъ! Про всѣхъ говорятъ вѣдь и всѣхъ однакоже принимаютъ и уважаютъ, и никому отъ этихъ разговоровъ ни теплѣе, ни холодѣе.

— О, да ты у меня, въ самомъ дѣлѣ, что называется козырь-дѣвка! съ видомъ напускнаго восторга воздѣлъ свои руки Каржоль,—ей-Богу! И знаешь, все это придумано тобой вовсе не дурно, даже очень хорошо! Прекрасно придумано! И я могу только изумляться такой находчивости. Именно, такъ и говорить: ждала, молъ, у Каржоля. И чѣмъ откровеннѣе тѣмъ лучше, по крайней мѣрѣ грязныхъ подозрѣній меньше будетъ.

Раза два онъ прошелся по комнатамъ и снова остановился предъ ней.

— Только, пожалуста, рассказывай объ этомъ съ самымъ невеселымъ, обыкновеннымъ видомъ, ловишь? Чтобы всѣ были окончательно съ толку сбиты, начиная съ твоего почетнѣйшаго родителя. Это непремѣнно. Молодецъ, Ольга!... Умница!... Что дѣло, то дѣло!

— Карета уже подана, слегка пріотворивъ дверь, объявилъ камердишеръ.

Барышня Ухова пбслѣшнво поднялась съ мѣста и стала собираться, надѣвать шляпку, зашпиливать предъ зеркаломъ вуаль, поправлять волосы, натягивать длинныя шведскія перчатки.

Каржоль невольно залюбовался главнѣйшмъ изгибомъ и вообще всѣмъ этимъ красивымъ рисункомъ ея соблазнительно стройной фигуры, которая, чѣд грѣха таить!—правилась глазу и говорила его чувственности несравненно боаѣе чѣмъ нервная фигурка Тамары, хотя и Тамара тоже была очель и очель красива, только совсѣмъ въ другомъ родѣ.

Наконецъ, окончивъ сборы, Ольга подошла къ нему проститься и протянула свою красивую руку, изящно затянутую далеко выше кисти въ сѣрую замшевую перчатку.

— Чдъ будетъ дома, вечеромъ постараюсь написать; ты не приходи сегодня, сказала она и на прощаніе подарила графу подѣлуи подлого примиренія.

— Фу-у!... вывернулся! съ облегченнымъ вздохомъ, потягиваясь всѣми членами и отъ души зѣвая, сказалъ себѣ Каржоль послѣ ея ухода.

Повидимому дѣла его начинали устраиваться не дурно!

Между тѣмъ Ольга, никѣмъ не замѣченная, усѣвшись въ экипажъ, ради предосторожности отъ постороннихъ взглядовъ спустила всѣ сторки и безо всякихъ приключеній благополучно доѣхала до дома.

Д. КРЕСТОВСКІЙ.

(Продолженіе будетъ.)

ПУТЕШЕСТВІЯ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО

ЗА ГРАНИЦУ ВЪ 1711 ДО 1717 Г. *

Пребываніе въ Голландіи.

Отъ декабря 1716 до апрѣля 1717 года.

Петръ оставался въ Голландіи нѣсколько мѣсяцевъ. Въ продолженіе этого времени онъ былъ занятъ столько же вопросами внѣшней политики, сколько приобрѣтеніемъ разностороннихъ свѣдѣній въ области хозяйства, наукъ и искусствъ. Въ этомъ отношеніи пребываніе царя въ Голландіи въ 1716—17 годахъ оказалось не менѣе плодотворнымъ чѣмъ и первое его путешествіе туда въ 1697 году. Въ то время онъ былъ еще юношей, его занимало главнымъ образомъ кораблестроеніе; двадцатью годами позже онъ пріѣхалъ въ Голландію съ гораздо бѣльшимъ запасомъ свѣдѣній, съ болѣе широкимъ кругозоромъ, съ болѣе многосторонними познаніями. Въ первый свой пріѣздъ онъ явился въ Голландію неопытнымъ государемъ малоизвѣстнаго, чуждаго Европѣ московскаго царства; нынѣ же онъ могъ считаться представителемъ великой державы, знаменитымъ полководцемъ, вліятельнымъ членомъ союза государствъ заключеннаго противъ Швеціи. Со времени

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1880 г. №№ 11 и 12, и 1881 г. № 1.

перваго пребыванія Петра въ Голландіи дипломатическія сношенія между Россіей и Нидерландами сдѣлались болѣе оживленными. Съ тѣхъ поръ русскіе дипломаты въ Амстердамѣ и въ Гагѣ, Матвѣевъ и Куракинъ, играли довольно важную роль. Россія все болѣе и болѣе участвовала въ общеевропейскихъ дѣлахъ, а главный городъ въ Нидерландахъ, Гага, именно въ это время сдѣлался средоточіемъ дипломатическихъ дѣлъ въ Европѣ *.

Въ 1697 году Петру въ Голландіи былъ оказанъ весьма радушный приѣмъ. Голландская торговля въ Россіи процвѣтала въ то время. Голландцы считали выгоднымъ оказывать царю самыя важныя услуги. Ничтожное политическое значеніе Россіи въ концѣ XVII вѣка не могло безпокоить заочно-европейскихъ державъ.

Съ тѣхъ поръ однако многое измѣнилось. Уже въ первое время Сѣверной войны Генеральныя Штаты стали опасаться чрезмѣрнаго могущества Россіи. Особенно же они не желали развитія и значенія Россіи на морѣ. Имъ не нравилась постройка русскихъ кораблей, занятіе береговъ Финскаго залива. Матвѣевъ писалъ: „Нынѣшняя война ваша со Шведами Штатамъ очень непріятна и всей Голландіи весьма неполезна, потому что намѣреніе ваше взять у Шведа на Балтійскомъ морѣ пристань, Нарву или Новыя Шанцы, гдѣ же сойдутся, постоянно толкують; если пристань тамъ у него будетъ, то не меньше Француза надобно намъ его бояться; отворенными воротами всюду входить свободно будетъ“. Такимъ образомъ въ Нидерландахъ господствовало нѣкоторое нерасположеніе къ Россіи. Извѣстный бюргермейстеръ Видзень, вслѣдствіе дружбы своей съ Петромъ и торговыхъ связей въ Россіи, былъ, по словамъ Матвѣева, „въ большомъ подозрѣніи у своихъ соотечественниковъ“. Однимъ изъ голландскихъ купцовъ, Брантъ, поставлявшій для Россіи ружья, послѣдовалъ Матвѣева тайкомъ, и едва не былъ за это убитъ Шведами. Когда Петръ намѣревался сдѣлать Штатамъ предложеніе чтобъ они взяли въ свою службу изъ Архангельска 4.000 матросовъ, Матвѣевъ замѣтилъ: „имъ то дѣло не надобно чтобы нашъ народъ морской наукѣ обученъ былъ“.

* Гагаръ замѣчаетъ въ *Bulletin de l'acad. royale de Belgique* 1878, т. 46, стр. 511: *On sait que la Haye était considérée, à cette époque, comme le centre des négociations de l'Europe.*

На выгодное для Россіи посредничество Нидерландовъ при заключеніи мира между Швеціей и Россіей, по мнѣнію Матвѣева, нельзя было надѣяться. „Могутъ ли“, спрашивалъ онъ въ письмѣ къ царю, „Англія и Штаты стараться о вашемъ интересѣ или прибыточномъ мирѣ и сами отворить дверь вамъ ко входу въ Балтійское море, чего неуслышно остерегаются, трепещутъ великой силы вашей не меньше какъ и Француза... Англичанъ и здѣшнихъ прямое намѣреніе чтобы не допустить васъ имѣть какую-нибудь пристань на Балтійскомъ морѣ; отсюда не хотятъ и слышать такого соедѣства близкаго. Хотя они ласковыми лицами постулають, только ихъ сердце выколи неправо предъ вами“. Всѣми способами, но безуспѣшно, Матвѣевъ объяснялъ Голландцамъ что отъ русской гавани на Балтійскомъ морѣ имъ могутъ быть только одніи выгоды и что маленькій русскій флотъ назначается только для обороны этой гавани, а не для утвержденія русскаго владычества на моряхъ *.

Результаты Полтавской битвы не совсѣмъ понравились Генеральнымъ Штатамъ. Царь наконецъ явился на Балтійскомъ морѣ съ большимъ флотомъ и весьма значительнымъ войскомъ. Голландія держала себя осторожно. Участвуя въ союзѣ противъ Швеціи, Генеральные Штаты все-таки не обнаруживали желанія принимать активное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ. Въ то время какъ союзники мечтали о нападении на Шведскую провинцію Шонію, ходили слухи о томъ что Генеральные Штаты прямо желаютъ дѣйствовать въ пользу Швеціи. Баронъ де Би, нидерландскій дипломатъ, писалъ изъ Петербурга къ своему правительству 9 (20) іюля 1716 года: „Со вчерашней почтой, между прочими печатными листками присланными сюда, получена и Кенигсбергская газета. Подъ рубрикой извѣстій изъ Гага, въ газетѣ этой говорится будто Ваши Высокомочія объявили датскому уполномоченному что если его государь не откажется отъ намѣренія своего произвести высадку въ Шонію, то вы будете вынуждены вмѣстѣ съ другими державами принять сторону Швеціи и не допустить ее до окончательнаго разоренія. Нѣкоторыя особы обращаясь ко мнѣ съ вопросомъ: точно ли сообщены извѣстія изъ Голландіи? На что я отвѣчалъ по справедливости что

* Соч. XV, 53—67, 110.

этого ничего не было... Публицистъ находить, повидимому, особое удовольствіе въ распространеніи ложныхъ слуховъ относительно Штатовъ* . И безъ того бывали иногда случаи столкновенія между Нидерландами и царемъ. Такъ въ 1714 году, Штаты въ особенной запискѣ жаловались царю на то что архангельскій губернаторъ приказывалъ брать съ каждаго прибывавшаго къ Архангельску голландскаго корабля по одному матросу, хотъ эти люди вовсе не желали идти въ російскую службу. Штаты энергично протестовали противъ такого насилія, указывая на то что это „люди вольные и такимъ образомъ въ которыхъ земляхъ не сотворятъ ся чтобъ одному потевтату отъ другаго потевтата какихъ подданныхъ сильно къ себѣ брать и въ свою службу употреблять.“ Штаты объясняли что отъ этого во всей Голландіи „между обрѣтающимися матросами страхъ учинился“ и что никто болѣе не желаетъ ѣздить къ Архангельску.**

Образъ дѣйствій царя въ обращеніи съ городомъ Данцигомъ весной 1776 года также сильно не понравился Голландцамъ. Они сдѣлали попытку заступиться за Данцигъ***. Лѣтомъ 1716 года, былъ задержанъ русскимъ военнымъ судномъ голландскій торговый корабль нагруженный желѣзомъ и лѣсомъ. По поводу этого происходила перелиска между Нидерландскими Штатами и русскимъ правительствомъ †. Въ августъ 1716 года въ Голландіи было получено извѣстіе что Меншиковъ въ Петербургѣ обращался вѣскольکو круто съ голландскими купцами, взимая съ нихъ лошаины выше нормы опредѣленной существовавшими между Нидерландами и Россіей соглашеніями. Этотъ случай возбуждалъ сильныя опасенія относительно возрастающаго могущества царя †*. Нужно было объясняться съ Петромъ и опредѣлить болѣе точнымъ образомъ условія голландско-русской торговли. И вотъ въ послѣдніе дни пребыванія Петра въ Копенгагенѣ голландскій дипломатъ Гусъ (Goes) передалъ царю записку въ которой

* *Материалы для Истор. Русск. Флота IV, 107—108*

** *Материалы для Истор. Русск. Флота IV, 77—78.*

*** См. выше нашъ разказъ о пребываніи Петра въ Данцигъ.

† См. подробности этого случая въ соч. Lambertу *Mém. pour servir à l'histoire du XVIII siècle. IX, 623.*

†* См. тамъ же 624.

говорилось объ этомъ предметѣ *. Въ кругахъ негоціантовъ вообще обнаруживалось сильное нерасположеніе къ царю, который, какъ говорили, началъ мѣшать свободѣ торговли на Балтійскомъ морѣ. Раздраженіе доходило до составленія особенныхъ записокъ въ которыхъ указывалось на опасность грозившую западно-европейской торговлѣ со стороны царя **.

Все это происходило, такъ-сказать, наканунѣ пріѣзда Петра въ Голландію, въ концѣ 1716 года. Изъ Колемагена онъ уже въ октябрѣ далъ знать Генеральнымъ Штатамъ о своемъ намѣреніи посѣтить Голландію, на что, разумѣется, со стороны нидерландскаго правительства было выражено большое удовольствіе ***. Но мы знаемъ что на дѣлѣ радость была не велика. Шведскій комиссіонеръ-секретарь Прейсъ, 27 октября (7 ноября) 1716 года, писалъ изъ Гаги къ барону фонъ-Мюллерну: † „ежедневно ожидаютъ сюда царя. Посольство извѣстило о томъ Генеральные Штаты. Прибытію царя, какъ говорятъ, не совсѣмъ-то рады, потому что чествованіе его потребуетъ большихъ издержекъ. Недовольны здѣсь также и тѣмъ что онъ, по словамъ посла-ника, самъ намѣренъ приглашать къ себѣ на службу офицеровъ и хлопотать въ Амстердамѣ о заключеніи займа въ два милліона лодъ залогу товаровъ находящихся въ русскихъ портахъ въ Ливоніи. О займѣ шли переговоры лодъ рукой уже съ прошлаго апрѣля, но не имѣли успѣха по недовѣрію къ вѣрности гипотеки. Втретихъ, намѣренъ царь просить амстердамскій магистратъ разрѣшить свободное отправленіе русскаго богослуженія, обѣщая сдѣлать то же самое для послѣдователей реформатской церкви въ Петербургѣ. Царь поручилъ довести до свѣдѣнія Генеральныхъ Штатовъ о своемъ желаніи сохранить цыкгогито, вслѣдствіе чего они справлялись какъ слѣдуетъ имъ держать себя относительно его особы. Утверждаютъ что его посѣднее цыкгогито было довольно убыточно для республики.“

* См. тамъ же 627—628.

** Lamberty IX, 663 и слѣд.

*** Scheltema II, 6.

† Подлинникъ этихъ делешъ хранится въ семейномъ Архивѣ графовъ Делагарди въ Леберестѣ въ Швеціи. Переводъ г. Чумикова напечатанъ въ чтеніяхъ М. О. И. и Др. 1877 II. Матеріалы цюстр. 1—12.

Ходили разные толки о политическихъ цѣляхъ, достиженіе которыхъ имѣлъ въ виду царь во время своего пребыванія въ Голландіи. Прейсъ пишетъ 2 (13) ноября къ барону Эриху Спарре, въ Парижѣ: „О времени пріѣзда царя мы ничего не знаемъ. Прежде того онъ намѣренъ имѣть свиданіе съ королемъ Прусскимъ, а также и съ Англійскимъ. * Послѣдній постарается внушить ему недовѣріе къ нашимъ друзьямъ, заключить съ нимъ новый союзъ и, можетъ-быть, снова затѣять что-либо противъ насъ... Не подлежитъ сомнѣнію что пребываніе царя здѣсь будетъ истиннымъ любовнымъ свиданіемъ (l'heure du berger) для насъ. Время покажетъ насколько мы были осчастливлены, ибо такъ какъ съ одной стороны императоръ, а съ другой тѣ прочіе преслѣдуютъ совершенно различныя цѣли, то мы должны опасаться что та сторона, съ помощью которой мы надѣемся достигнуть желаемого, встрѣтитъ на своемъ пути прелятствія.“

Очевидно Прейсъ говоритъ здѣсь о предложеніи лутемъ тайныхъ переговоровъ, чрезъ барона Гёрца, склонить царя къ заключенію мира со Швеціей. Уже до пріѣзда Петра въ Голландію существовали сношенія между Гёрцомъ и Куракинымъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ что поѣздка Петра въ Голландію состояла въ самой тѣсной связи съ этими переговорами. Однако объ этой, такъ-сказать, закулисной исторіи дипломатическихъ договоровъ до насъ дошло весьма немногое. **

Нѣсколько позже, 4 (15) декабря, Прейсъ писалъ барону фонъ-Мюллеру: „Наконецъ царь прибылъ въ Девентеръ. Вслѣдствіе его желанія имѣть при вступленіи въ предѣлы республики отдѣльную стражу, Генеральные Штаты приготовили для него по 25 человекъ на каждой почтовой станціи. Амстердамскій магистратъ нанялъ для него лучший въ городѣ домъ и поставилъ принять на свой счетъ всѣ издержки во время его пребыванія“. Въ тотъ же день Прейсъ писалъ ко графу Спарре: „Для пріѣзда царя Амстердамскій магистратъ выставилъ на валу 12 орудій. Отъ души желаю чтобы настоящія предположенія подѣйствовали на

* Свиданіе съ Фридрихомъ-Вильгельмомъ I, какъ мы знаемъ, происходило въ Гавельбергѣ. Свиданіе съ королемъ Георгомъ не состоялось.

** См. Scheltema II, 2—3.

успѣхъ негоціаціи; всѣ надѣются и желаютъ того“. Затѣмъ изъ Гага Прейсъ писалъ 15 (26) декабря что царь пріѣхалъ, что будто оны уже успѣлъ заключить заемъ въ два милліона гульденовъ за поручительство голландскихъ купцовъ торгующихъ въ Москвѣ, и что эта сумма необходима для постройки большаго военнаго корабля. Но затѣмъ, по возвращеніи въ Амстердамъ Прейсъ узналъ что этотъ слухъ о займѣ былъ лишень основаніа. „Напротивъ“, замѣчаетъ шведскій дипломатъ, „предложеніе царя приходится здѣсь вовсе не по вкусу и не думаютъ бросаться на приманку“. Какъ разсуждали въ Голландіи о расходахъ съ которыми для Генеральныхъ Штатовъ было сопряжено пребываніе Петра въ Голландіи, видно изъ слѣдующихъ замѣчаній Прейса: „Царица остается здѣсь въ ожиданіи своего разрѣшенія отъ бремени, его же прибытія не очень-то желаютъ, такъ какъ по сему случаю придется поднести подарокъ, что, по здѣшнему обычаю, для принцевъ составляетъ 4.000 гульденовъ пожизненной ренты“. Уломиная въ письмѣ отъ 8 (19) января 1717 года о разрѣшеніи Екатерины отъ бремени въ Везелѣ и о кончинѣ царевича Павла, Прейсъ замѣчаетъ: „Этому здѣсь отчасти рады, такъ какъ это избавляетъ отъ подарковъ и другихъ расходовъ“. Въ письмѣ къ барону Герцу, находившемуся въ Парижѣ, отъ 31 декабря 1716 года (11 января 1717 года) Прейсъ замѣчаетъ: „Визитъ царя начинается уже прискучивать, что же будетъ мѣсяца чрезъ два!“ *

7 декабря 1716 года Петръ пріѣхалъ въ Амстердамъ въ сопровожденіи весьма немногихъ лицъ. Только на другой день прибыли туда канцлеръ графъ Головкинъ, подканцлеръ баронъ Шафировъ, Петръ Толстой, генералъ-поручики Догорукій и Бутурлинъ, князь Куракинъ, гофмаршалъ Шепелевъ и др. Царь торжественно былъ встрѣченъ бюргермейстерами амстердамскими. Въ тотъ же день богатый купецъ Брантъ, игравшій въ некоторомъ образѣ роль русскаго консула въ Амстердамѣ, угостилъ Петра великодушнымъ обѣдомъ. ** Царь остановился у архангельскаго купца Осипа Соловьева, который уже въскольکو лѣтъ имѣлъ въ Амстердамѣ торговый домъ.

Первыя три недѣли своего пребыванія въ Амстердамѣ Петръ употребилъ на осмотръ разныхъ достопримѣча-

* *Чтенія* 1877, II. 1—7.

** См. въкоторыя подробности у Шельтема II. 9—11.

тельностей города. Онъ побывалъ въ ратушѣ, въ цейхгаузѣ, въ кувсткамерѣ, на какой-то башнѣ, посѣтилъ неоднократно Остѣ-индскую корабельную верфь, гдѣ въ 1697 году онъ работалъ въ качествѣ корабельнаго плотника въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, осматривалъ нѣкоторыя фабрики и мастерскія, напримѣръ, гобеленовую мануфактуру, бывалъ въ адмиралтействѣ и пр. Онъ, какъ сказано въ „журналѣ“, то „смотрѣлъ остѣ-и востѣ-инскихъ раковинъ“ или „птицъ“, то выѣзжалъ въ загородный дворъ Бранта, гдѣ „гулялъ въ огородѣ“, то обѣдалъ у одного или друго „мѣщанина“, то „былъ у токаря и точилъ фигуры“, или осматривалъ богадѣльни и пр. * Иногда онъ бывалъ и въ театрѣ. ** Знаменитый бюргермейстеръ Витзенъ въ то время былъ очень боленъ. Царь посѣтилъ его, также какъ и извѣстаго натуралиста Рейша. И тому и другому царь весьма многимъ былъ обязанъ во время перваго своего пребыванія въ Голландіи. Нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей на остѣ-индской верфи царь не засталъ въ живыхъ, другіе привѣтствовали его радушно. *** Въ письмѣ царя къ Мешикову сказано: „Я вчера былъ на остѣ-индской верфи гдѣ только старыхъ знакомцевъ нашелъ, дѣтей Басовыхъ, командора Блока, Маштъ и Блакмакера (sic); которые зѣло были рады и спрашивали о всѣхъ, и вамъ велѣли кланяться, а прочіе померли“. Петръ велѣлъ съ разныхъ машинъ и мельницъ снять рисунки, а съ нѣкоторыхъ снять и модели, которыя исправлялъ собственноручно. †

Прейсъ пишетъ 15 (26) декабря: „Царь занимается осматриваніемъ всего того что касается кораблестроенія“, 21 декабря (10 января): „о царѣ разказываютъ престранныя вещи... Онъ убиваетъ время занимаясь разными наблюденіями, преимущественно надъ всѣмъ тѣмъ что относится къ кораблестроенію. Онъ носитъ черный лоношенный кафтанъ, сверхъ кафтана надѣтъ кортикъ. Парика онъ не носитъ, а собственные черные, лоснящіеся волосы гладко причесаны и безъ лудры. На головѣ простая русская шалка.“

Не разъ Петръ имѣлъ случай говорить о политикѣ. Прейсъ пишетъ: „Въ рѣчахъ своихъ царь относится къ персонѣ его

* Журналъ 1716, 102—105.

** Scheltema, II, 12.

*** Scheltema, II, 15.

† См. подробности у Голикова, доп. XI. 333.

королевскаго величества (Шведскаго короля) съ уваженіемъ, называя его величество не иначе какъ „мой братъ Карлъ“, при томъ завѣряя всегда о своемъ расположеніи къ миру. Онъ посѣтилъ нѣкоего Ренара (Renard), англійскаго агента, и оставался у него болѣе пяти часовъ, разсматривая различныя рѣдкости и между ними нѣсколько картъ. При взглядѣ на карту Россіи вслеснулъ руками и увѣрялъ въ своемъ миролюбіи, прічемъ одно лицо стоявшее въ дверяхъ сказало: „Какъ жаль. А я надѣялся васъ видѣть Константинопольскимъ императоромъ.“ Отвѣтъ царя былъ что восклицавшій не понимаетъ что такое война: „Я дряхлѣю, велѣ столько лѣтъ войну; страна истощена войной и я желаю остатокъ моей жизни прожить въ мирѣ.“ При семъ сказалъ что тому что научился вести войну и приучилъ свой народъ къ войнѣ онъ обязанъ никому иному какъ его величеству.“

Вотъ еще нѣкоторыя подробности о царѣ въ донесеніи Прейса: „Онъ окруженъ совершенно простымъ народомъ, въ числѣ коего перекрещенецъ Еврей * и корабельный мастеръ, которые кушаютъ съ нимъ за однимъ столомъ. Онъ самъ часто и много ѣсть. Жены и вдовы матросовъ, которые состояли у него на службѣ и не получили слѣдующихъ имъ денегъ, постоянно пресѣдаютъ его своими просьбами объ уплатѣ, а также и тѣ, мужья которыхъ находились на сожженныхъ Голландскихъ судахъ, которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ были любимы Русскими при Гельсингфорсѣ. Однажды когда эти просители стали приставать къ нему съ бранными рѣчами, онъ принужденъ былъ уйти изъ дома заднимъ выходомъ. Его агенты, получившій приказаніе и обѣщавшій удовлетворить ихъ, уже съ три недѣли не могъ провести ночь у себя дома. Вокругъ дома гдѣ пируетъ царь съ своими гостями держатъ наготовѣ пожарныя трубы, на случай пожара отъ кутящихъ“.

Въ письмѣ отъ 25 декабря (5 января:) „Царь прилежно собираетъ всевозможные регламенты всѣхъ гильдій, кожевенныхъ заводовъ, мануфактуръ, какъ и другихъ общественныхъ учрежденій, которыя все часто имъ посѣщаются, и съ большимъ вниманіемъ все изучаетъ. Былъ онъ въ смиренномъ домѣ, дабы, какъ онъ выразился, получить понятіе о строгости наказаній. На сдѣланный ему вопросъ: „Къ чему

* Шафировъ.

онъ собираетъ уломянутые регламенты?““ онъ будто бы отвѣчалъ: „Чтобъ убѣдиться, въ чемъ я ошибался, и постараться исправить““, что его государство способно на всякое улучшение, но бѣдно хорошами учрежденіями. Здѣсь оказываютъ его особѣ большое уваженіе и довольно возятся съ нимъ, но болѣе разсудительные утверждаютъ что Голландцы воспитываютъ у себя за пазухой змѣю. Въ одномъ письмѣ изъ Ревеля пишутъ что необыкновенная буря совершенно разрушила восточную близъ города гавань, всѣ бастіоны съ находящимися на нихъ орудіями опрокинуты въ море, что самыя большіе корабли *Св. Антоній* и *Фортуна* затонули, и о другихъ важныхъ поврежденіяхъ. Эти извѣстія очень тронули и огорчили царя и, говорятъ, что онъ будто бы сказалъ: „Ясно вижу что Богъ не желаетъ осуществленія моихъ плановъ““.

И изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно о несчастіи случившемся съ ревелскимъ портомъ. Былъ составленъ „журналъ о бывшемъ въ Ревелѣ штормѣ, 1716 года ноября 9—10“. Сиверсъ писалъ къ Апраксину „съ великою смертельною печалію“ о весьма значительныхъ поврежденіяхъ гавани, о чувствительныхъ потеряхъ судовъ, лупекъ и пр. * Петръ, получивъ извѣстіе объ этомъ несчастіи, былъ весьма недоволенъ и объяснялъ оное недостаточною прочностью ящиковъ олукаемыхъ въ воду при постройкѣ мола. Онъ сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія относящіяся къ исправленію гавани. Мешниковъ, сообщая Петру объ этомъ случаѣ, указалъ на примѣръ короля испанскаго Филиппа II который, узнавъ о штормѣ уничтожившемъ большой флотъ, замѣтилъ хладнокровно: „Я де отправилъ флотъ противъ непріятеля, а не противъ Бога и элементовъ.“ Царь отвѣчалъ Мешникову: „А что приводите въ примѣръ слово короля Испанскаго, то правда, только вы забыли написать конецъ его рѣчи что имѣю другой флотъ въ сундукахъ.“ Къ рижскому губернатору князю Голицыну и къ Апраксину Петръ писалъ о принятіи мѣръ для исправленія поврежденныхъ гаваней. **

Въ послѣднихъ числахъ декабря Петръ захворалъ серьезно. Еще 25 декабря у него въ домѣ „славилъ“, 27го онъ „славилъ“ у графа Головкина, 28го у Куракина, а 29го онъ „не домогалъ.“ Болѣзнь продолжалась до февраля.

* *Мат. для Ист. Р. Флота*, II, 154—155.

** Голицковъ, *Доп.* XI, 337—338.

Эта болѣзнь помѣшала повѣдѣнъ Петра къ Екатеринѣ въ Везель. Мы знаемъ уже какъ онъ сильно безпокоился относительно положенія царицы, какъ онъ, сначала обрадовавшись рожденію сына, былъ пораженъ извѣстіемъ о кончинѣ новорожденнаго и какъ онъ старался утѣшать царицу. Въ письмахъ къ Екатеринѣ, какъ мы уже знаемъ, заключаются нѣкоторыя данныя о болѣзни царя. Иностранные дипломаты освѣдомлялись о состояніи здоровья царя. * Еще 22 февраля (4) марта Преисъ писалъ: „Что касается болѣзни царя то она, сопровождаемая лихорадкой, продолжается. При немъ находятся четыре врача, и одинъ изъ нихъ опасается за его выздоровленіе, тѣмъ болѣе что поторопился сдѣлать ему операцію (incisio)? **

Во время болѣзни Петра происходили весьма важныя переговоры между Россіей и Англіей. Петръ намѣревался имѣть свиданіе съ королемъ Георгомъ; послѣдній пробылъ нѣкоторое время въ Гамбургѣ и чрезъ Голландію вернулся обратно въ Англію. Въ кружкахъ дипломатовъ разказывали что свиданіе царя съ королемъ должно было состояться въ одномъ мѣстечкѣ между Утрехтомъ и Лейденомъ. *** По другимъ извѣстіямъ мѣстомъ свиданія былъ назначенъ городъ Флардизгенъ. † Преисъ пишетъ 31 декабря (11 января): „Меня положительно увѣряли что царь какогито отправится въ Утрехтъ для свиданія съ Англійскимъ королемъ который прибудетъ туда въ скоромъ времени; это свиданіе вызвано настоятельнымъ желаніемъ самого царя; Англійскому королю не очень-то хотѣлось, но уважилъ просьбу.“ 1 (12) января 1717: „Отправивъ мое послѣднее письмо я узналъ изъ вѣрнаго источника что царь имѣлъ свиданіе съ Англійскимъ королемъ въ Утрехтѣ, и что онъ прибылъ туда безо всякой свиты. Полагаютъ что царь желалъ узнать мысли короля на счетъ мирнаго договора.“ †*

Слухъ этотъ оказался ложнымъ. Свиданіе не состоялось,

* Такъ напр. Робтовъ писалъ къ Веберу изъ Гагу 24 января 1717 года: „Ce prince est incommodé des hémorrhoides, ce qui ne lui permet pas de voyager et cela a empêché qu'il n'ait pu avoir une entrevue avec le roi (Георгъ) entre Utrecht et Leyden, comme nous l'espérons.“ Hergmann, *Peter d. Gr.* 191—192.

** Чменія I. с. 8.

*** См. письмо Робтова къ Веберу I. с.

† Schellema II, 17.

†* Чменія 1877, II. I. с. 6.

отчасти по случаю болѣзни царя, но, какъ кажется, особенно вслѣдствіе нѣкотораго разлада между Россіей и Англіей.

Поводомъ къ этому разладу послужилъ вопросъ о русскихъ войскахъ находившихся въ сѣверной Германіи. Мы уже знаемъ какъ Англія опасалась чрезмѣрнаго могущества царя, какъ во время событія при Копенгагенѣ, дѣломъ 1716 года, она была готова принять самыя крайнія мѣры для нанесенія удара Петру, русскому войску и русскому флоту. Пока русскія войска оставались въ Мекленбургѣ, Англіійскій король считалъ положеніе Ганноверскихъ владѣній опаснымъ. Поэтому онъ старался принудить царя къ выводу своихъ войскъ изъ сѣверной Германіи. Переговоры объ этомъ между ганноверско-англіійскими и русскими дипломатами происходили именно во время болѣзни Петра, въ январѣ 1717 года, въ Гагѣ. Робтовъ сообщаетъ Веберу 1 (12) января 1717 года: „Его царское величество въ ближайшемъ будущемъ согласится на предложеніе нашего короля вывести свои войска изъ Мекленбурга и отправить ихъ въ Россію; далѣе, можно ожидать соглашенія относительно десанта въ Швецію, имѣющаго быть весной со стороны Финляндіи; Англія согласится поддерживать это предпріятіе эскадрой изъ 18—20 кораблей; какъ кажется самъ царь будетъ руководить этимъ дѣломъ и пр.“ Но 13 (24) января Робтовъ сообщаетъ уже совершенно цѣлыя извѣстія: „Вчера мы надѣялись на соглашеніе съ его царскимъ величествомъ, такъ какъ г. Бернсторфъ три дня велъ переговоры съ его министрами: Толстымъ и Куракинымъ; главныя условія соглашенія были отправлены къ царю въ Амстердамъ; сегодня вечеромъ однако оттуда полученъ рѣшительный отказъ...“ „Соглашеніе это относилось къ удаленію русскихъ войскъ изъ Мекленбурга не позже 10 февраля и къ обязательству Англіи поставить 20 кораблей для прикрытія десанта въ Англію, но царь отказалъ рѣшительно. Мы теперь ожидаемъ барона Геемса, посла императорскаго, который передастъ царю чрезвычайно рѣзкое письмо отъ императора, въ которомъ требуется рѣшительно удаленіе русскихъ войскъ и выставляется на видъ что при неисполненіи этого требованія германскій сеймъ долженъ будетъ объявить царя непріателемъ имперіи (pro hoste imperii). Нужно надѣяться что это подѣйствуетъ.“ *

* Herrmann, *Peter u. Alexei* 191—192.

Все это нисколько не подѣйствовало на царя. Особенно не могли считаться опасными угрозы со стороны ничтожнаго германскаго сейма. Мы знаемъ содержаніе письма императора, знаемъ также какъ оно было принято Петромъ. Баронъ Геемсъ имѣлъ аудіенцію у царя, лежавшаго въ постели. На сдѣлавыя ему предложенія Петръ отвѣчалъ въ общихъ выраженіяхъ. Изъ бесѣдъ съ барономъ Шафировымъ, политическія способности котораго произвели глубокое впечатлѣніе на императорскаго посла, послѣдній узналъ о полномъ разладѣ между союзниками и изъ этого заключилъ что можно ожидать скорого заключенія мира со Швеціей. Еще разъ баронъ Геемсъ бесѣдовалъ съ царемъ о войскахъ все еще находившихся въ Мекленбургѣ, но царь оставался сдержаннымъ.*

Во всѣхъ этихъ переговорахъ самое дѣятельное участіе принималъ баронъ Бернсторфъ. Англичане грозили насильно принудить русскія войска оставить Мекленбургскую область, а русскіе дипломаты грозили сосредоточить еще большее количество войска въ Сѣверной Германіи и пр.** Все это не могло содѣйствовать сближенію Англіи съ Россіей. Свиданіе короли Георга съ Петромъ сдѣлалось невозможнымъ. Макаровъ 22 января 1717 года изъ Амстердама писалъ Меншикову: „Съ англійскимъ королемъ ничего не сдѣлано, и не видался съ царскимъ величествомъ, изъ Голландіи помянутый король уѣхалъ въ Англію, а Датчане также дѣлать ничего не хотятъ по своему обыкловому упрямству“*** Къ Апраксину Макаровъ писалъ въ тотъ же день: „Съ Англичанами и Датчанами по се время о будущей кампаніи еще не соглашено и не чаю чтобъ они согласились, понеже Англійскій король почитай уже въ требованіяхъ со стороны нашей къ будущей кампаніи отказалъ, а и Датчане зѣло заупрямились, и тако я мыслю что по старому нашимъ будетъ дѣйствовать однимъ только съ финляндской стороны.“†

Такимъ образомъ отношенія царя къ Англіи остались неопредѣленными. Еще въ мартѣ 1717 года Петръ писалъ къ

* *Lamberty*, X, 105—108.

** Тамъ же, 106.

*** *Матеріалы для Исторіи Русскаго Флота*, IV, 130.

† Тамъ же 131. О содержаніи переговоровъ съ Англіей по дѣлу десанта, см. 129—130.

Апраксину: „Дѣла наши еще все въ прежнемъ состояніи; Англичане еще ничего не резолювовались, а Датчане отдались въ ихъ волю и пр.“ *

Таковы были заботы Петра во время его пребыванія въ Амстердамѣ до пріѣзда туда Екатерины. Онъ былъ боленъ, политическія дѣла не имѣли большого успѣха; къ тому же тяжелое семейное дѣло, бѣгство царевича Алексѣя, требовало принятія рѣшительныхъ мѣръ. Въ то самое время когда въ Парижѣ царскій агентъ Ковновъ Зотовъ заговорилъ о возможности заключенія брака между царевицею Алексѣевою и дочерью герцога Орлеанскаго, ** царевицъ находилась въ австрійскихъ владѣніяхъ, а царь не зналъ точно е мѣстопробыванія сына. Въ декабрѣ 1716. Петръ писалъ къ императору Карлу VI объ Алексѣѣ, съ требованіемъ прислать его къ нему, „егда онъ тайно или явно обрѣтается“ во владѣніяхъ императора. Въ январѣ 1717 были получены отъ Веселовскаго извѣстія о результатахъ его поисковъ; но о мѣстопробываніи царевича узнали достоверно не ранѣе какъ въ концѣ февраля. ***

Все это было не особенно отрадно. Къ тому же отношенія къ союзникамъ, особенно же къ Давиу оставались натянутыми. Датскій дипломатъ Вестфаль въ это время находился въ Амстердамѣ для переговоровъ о будущихъ военныхъ дѣйствіяхъ, но оказалось чрезвычайно трудно притти къ какому-либо соглашенію. † Изъ донесеній Прейса мы знаемъ какъ имѣло въ это время, въ декабрѣ и январѣ, Петръ былъ раздраженъ образомъ дѣйствій Датчанъ, какъ онъ былъ особенно недоволенъ деклараціей олубакованною Датскимъ королемъ по случаю несостоявшагося десанта въ Шонію и какъ онъ говорилъ довольно рѣзко объ этой манифестаціи. Именно въ Амстердамѣ царь получалъ политическую брошюру подъ заглавіемъ *Письмо одного мекленбургскаго дворянина къ своему другу въ Копенгагенъ*, въ которой были выставлены на видъ интрига Давиу и въ которой образъ дѣйствій царя

* *Мат. для Ист. Русск. Флота*, II, 191.

** Соловьевъ XVII, 74. /

*** См. Устрялова VI, 358 и слѣд.

† См. подробности въ черепискѣ Петра съ В. А. Долгорукимъ въ *Мат. Ист. Р. Флота* IV, 124—128.

оправдывался во всѣхъ отношеніяхъ. * Прейсъ писалъ 22 февраля: „Причина заставающая Англійскаго короля настаивать на изгнаніи Русскихъ изъ Германіи заключается частію въ опасеніи чтобы царь не вздумалъ отмстить на Гамбургскихъ владѣніяхъ за то что онъ, король, склонился къ миру съ его королевскимъ величествомъ (Карломъ XII). Выдаютъ за вѣрное что по этому же самому и Датскій король объявилъ русскому посланнику въ Копенгагенѣ, князю Долгорукому, о своемъ намѣреніи отказаться отъ высадки въ Шовію и царскаго 20тысячнаго вспомогательнаго войска, намѣреваясь въ этомъ году дѣйствовать только оборонительно, на что хватить его собственнаго войска; если же царь желаетъ что-нибудь предпринять противъ Швеціи, то можетъ дѣйствовать какъ сочтетъ за лучшее для себя и своей славы. Узнавъ изъ этой деклараціи своего союзника что тотъ намѣренъ дѣйствовать особнякомъ и пользоваться русскою помощію, насколько она соотвѣтствуетъ его собственнымъ планамъ, царь крайне на него разгнѣвался. Эта декларація также понудить его продать срокъ своего пребыванія въ Мекленбургѣ, дабы обождать какой оборотъ примутъ дѣла и не завяжутся ли мирные переговоры. Многіе увѣряютъ что при такихъ обстоятельствахъ онъ для приобрѣтенія дружбы его величества сдѣлается во многомъ уступчивѣе“.

Довольно любопытны въ донесеніяхъ Прейсса въкоторыя данныя о переговорахъ Геемса. Тутъ сказано: „Геемсъ говоритъ что трудно выразить ту ненависть которую онъ встрѣтилъ въ министрахъ царя къ Англіискому королю; она доходитъ до того что канцлеръ (вице-канцлеръ Шафировъ) называлъ барона Бернсторфа мошенникомъ (frison).“ **

Утѣшеніемъ въ это тяжелое время были дружескія отношенія съ Пруссіей. Русскій посолъ Головкинъ именно въ это время писалъ оттуда что король Фридрихъ Вильгельмъ I и его министръ Ильгенъ постоянно говорятъ о необходимости тѣсной дружбы между Россіей и Пруссіей. Ильгенъ даже выразилъ желаніе чтобы царскія войска не только оставались въ Мекленбургѣ, но чтобы число ихъ увеличилось вдвое и пр. ***

* См. Прейсса депеши въ *Чтеніяхъ* 1877, II, I, с. 6—7 и содержаніе брошюры у Lamberty IX, 628—636.

** *Чтенія* 1877 II, I, с. 7—8.

*** Соловьевъ XVII, 73—74.

За то Голландцы въ это время относились къ царю не особенно дружелюбно. Въ концѣ февраля Преисъ, сообщая о слухѣ будто царевичъ Алексѣй „нашелъ возможность уѣхать въ Москву, дабы присоединиться къ духовенству и другимъ знатымъ особамъ, которыя никакъ не могутъ привыкнуть къ новымъ необыкновеннымъ для Русскихъ порядкамъ, которые введены царемъ“, прибавляетъ: „не могу ручаться за достовѣрность всей этой исторіи; ибо ее съ намѣреніемъ могли придумать здѣсь чтобъ ускорить отъѣздъ царя, такъ какъ его пребываніе съ каждымъ днемъ становится все болѣе докучливымъ и неприятнымъ, и начинаютъ наконецъ понимать что всѣ его мысли заняты тѣмъ какъ бы ввести въ своемъ государствѣ ремесла, искусства и фабрики подобныя здѣшнимъ.“ *

Среди всѣхъ этихъ заботъ, о которыхъ свидѣтельствуетъ многосложная переписка царя съ Меншиковымъ, Шереметевымъ, Апраксинымъ и др., ** было получено изъ Англіи важное извѣстіе объ арестованіи шведскаго посла Гилленборга по случаю открытія тайныхъ сношеній Швеціи съ партией претендентовъ-Стюартовъ. Сообщая объ этомъ происшествіи царю русскій посолъ Веселовскій называлъ этотъ случай „очень полезнымъ интересамъ вашего царскаго величества.“ Петръ дѣйствительно былъ радъ этому случаю и ожидалъ войны между Англіей и Швеціей. Тотчасъ же онъ отправилъ подробныя инструкціи Веселовскому о предложеніи Англіи русской помощи въ случаѣ войны. Тѣмъ не менѣе отношенія между Россіей и Англіей оставались холодными. Къ тому же въ бумагахъ найденныхъ у Гилленборга было упомянуто о русскомъ дворѣ, именно о царской медикѣ Эркинѣ, приверженцѣ Стюартовъ. По поводу этого дѣла возникла переписка съ англійскимъ дворомъ. Царь отправилъ въ Англію Толстаго, но Толстой былъ привалъ холодно и отношенія оставались натянутыми. *** Надежда на войну между Англіей и Швеціей была тщетною.

Около того времени когда было получено извѣстіе объ арестованіи Гилленборга, а именно 2 февраля, въ Амстер-

* *Чтенія* 1877 II, I. с. 8—9.

** См. письма царя относящіяся къ этому времени у Голицына въ *Мат. Ист. Русск. Фл.* и пр.

*** См. Соловьева XVII, 64—67.

домъ прибыла изъ Везеля царица Екатерина и остановилась въ домѣ Осипа Соловьева. Для царицы Петръ заказалъ у Голландцевъ драгоценный подарокъ: модель голландскаго дома въ миниатюрномъ видѣ со всеми принадлежностями, со всею домашнею утварью, со всеми предметами роскоши. Царица должна была получить леватіе о роскоши и удобствахъ голландской домашней жизни. По поводу этого заказа между царемъ и Брантомъ произошла какія-то недоразумѣнія и драгоценная вещь эта осталась въ Голландіи. * Въ началѣ выѣзднаго отъѣзда модель эта находилась въ рукахъ г. Рооса, секретаря ученаго общества въ Амстердамѣ.

26 февраля Петръ и Екатерина отправились въ Сардамъ. Очевидно царь желалъ показать своей супругѣ то мѣсто гдѣ онъ такъ часто бывалъ въ 1697 и 1698 годахъ, гдѣ онъ началъ учиться кораблестроенію и гдѣ онъ между людьми средняго и низшаго классовъ имѣлъ многихъ знакомыхъ. Какъ относительно перваго пребыванія Петра въ Сардамѣ, такъ и относительно посѣщенія Сардама царемъ въ 1717 году сохранилось много анекдотическихкихъ разказовъ. Петръ безо всякихъ церемоній обращался съ корабельными плотниками, съ кулцами и шкиперами, и особенно много находилса въ обществѣ Корнелиса Кальфа, котораго зналъ уже въ 1697 году. Царь и царица осмотрѣли писчебумажную мельницу, мастерскую саложника и пр. Въ 1697 году Петръ прятался отъ народа желавшаго видѣть царя. Въ 1717 году онъ охотно показывался тогда любознательныхъ и говорилъ: „Смотрите на меня сколько вамъ угодно“ (*Besiet mij nu naar begooeren*). Царица при этомъ была великодушно одѣта и разукрашена множествомъ драгоценныхъ камней. Царь и царица посѣтили также Геррита Киста, въ домѣ котораго Петръ жилъ въ 1697 году. Затѣмъ они были въ кузницѣ. Послѣ обѣда смотрѣли спускъ корабля съ верфи. ** Въ Сардамѣ царь имѣлъ случай бесѣдовать о Франціи съ сыномъ Кальфа, который некоторое время прожилъ въ Парижѣ, и съ большимъ вниманіемъ слушалъ разказы этого молодого путешественника. ***

* См. подробное описаніе у Scheltema II, 279—283.

** Scheltema. II, 21—26.

*** См. нѣкоторыя подробности у Вольтера, II, 74—75.

Другою небольшою поѣздой царя и царицы было путешествіе въ Утрехтъ (отъ 27 февраля до 2 марта). На пути они заѣхали на дачу Бранта называвшуюся *Петербургомъ*. Царь пріѣхалъ туда немного раньше Екатерины и писалъ ей: „Объявляю вамъ что мы были вездѣ, гдѣ было намѣреніе и пріѣхали сюда, кѣда и вась съ компаніей желаемъ чтобы завтра обѣдать сюда были и чтобы служителей немного за собой брали. О чемъ и министрамъ и прочимъ скажи.“** Въ Утрехтѣ царь подвергся большой опасности во время посѣщенія имъ фабрики шелковыхъ матерій. Онъ хотѣлъ остано- вить колесо и при этомъ едва не лишился жизни. Одинъ ра- бочій сплелъ его схвативъ и оттащивъ его отъ колеса. Царь огорчился тѣмъ что обидѣлъ рабочаго, не наградивъ его ничѣмъ. Вообще было замѣчено что Петръ отличался нѣко- торую скупостью.***

Во время пребыванія въ Амстердамѣ Петръ гораздо болѣе чѣмъ въ 1697 и 1698 годахъ обращалъ вниманіе на произведе- нія искусства и вообще старался купить разныхъ коллекціи картинъ и прочихъ предметовъ. Такъ, напримѣръ, онъ ку- пилъ для петербургской кунсткамеры коллекцію Рейша † и Себы, минеральный кабинетъ Готвальда, миникабинетъ и пр. Въ Голландіи Петръ занимался составленіемъ чертежей по которымъ долженъ былъ устраиваться великолѣпный петер- гофскій паркъ. Что касалось картинъ, то ему болѣе всего понравились произведенія Фламандскаго и Брабантскаго вку- са, онъ покупалъ картины Рубенса, ванъ-Дейка, Рембранта, Яна Стена, ванъ-деръ-Верфа, Мириса, Вувермана, Остода, морскіе виды Адама Сило и пр. На картинныхъ аукціонахъ онъ иногда сдѣлалъ между множествомъ любителей и при этомъ руководствовался совѣтами швейцарскаго живописца Бюеля (Хвель) который и поступилъ въ царскую службу. Бюель свазалъ для Петра портреты знаменитыхъ натуралистовъ Рей- ша и Себы. Далѣе царь купилъ у художницы Маріамы мно- жество картинъ изображавшихъ цвѣты, плоды, раковины, бабочки и пр., приобрѣлъ коллекцію моделей разныхъ кораб-

* *Журналъ* 1717 г. 2.

** *Письма Р. Гос.* I, 60—61.

*** Scheltema II, 26.

† Рейшъ сообщалъ Петру таблу о способѣ приготавленія и со- храненія анатомическихъ препаратовъ.

лей, распорядился напечатаніемъ въ Амстердамѣ Библии на голландскомъ языкѣ, но такъ чтобы голландскій текстъ находился на одной половинѣ листа, напечатанъ въ послѣдствіи припечатать на другой половинѣ русскій переводъ. * Наконецъ онъ заботился и о покупкѣ для своихъ оранжерей рѣдкихъ деревьевъ и пр. **

7 марта Петръ съ царицей выѣхали изъ Амстердама и на другой день прибыли въ Гагу. Это царь принималъ депутатовъ отъ Генеральныхъ Штатовъ; 10го былъ у него съ визитомъ французскій посланникъ и голландскіе адмиралы; 11го онъ принималъ посланниковъ Италіи и Португаліи. Во время пребыванія своего въ Гагѣ Петръ предпринималъ разныя поѣздки: 14 марта онъ посетилъ домъ Прусскаго короля, называемый *Hondsholredijk*. 17го онъ поѣхалъ въ Лейденъ, гдѣ осматривалъ славный въ то время университетъ, бібліотеку, математическія и механическія машины и инструменты; а также и нѣкоторыя фабрики и мануфактуры, гдѣ разговаривалъ съ мастерами. *** Въ Гагѣ былъ написанъ съ царя портретъ знаменитымъ художникомъ Моромъ. †

Мы не имѣемъ свидѣній о какихъ-либо политическихъ переговорахъ въ Гагѣ во время десятидневнаго пребыванія Петра въ этомъ городѣ. Письма и указы Петра относящіеся къ этому времени не касаются политики. Государь между прочимъ былъ занятъ вопросами вѣншей торговли и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія о продажѣ юфты. †* Толстой писалъ въ это время изъ Гаги къ Апраксину что политическое положеніе пока остается неопредѣленнымъ и шаткимъ, такъ какъ Англичане еще не рѣшились дѣйствовать. †** Мы однако имѣемъ основаніе думать что вопросъ о сепаратномъ мирѣ со Швеціей занималъ царя и его министровъ въ это время. Прейсшъ сообщалъ 30 марта (12 апрѣля) барону фонъ-Мюллеру: „Канцлеръ царя выслалъ у Дальвига (кассельскаго посланника) паспортъ въ Швецію и обратно для

* См. Голицова V, 261 и слѣд. Доп. XI, 369—377.

** См. письмо къ Апраксину въ *Мат. Ист. Р. Флота II*, 189.

*** *Журналъ 1717 г.* 2—3. Голицовъ V, 302.

† Бергманъ IV, 1551.

†* *Сборникъ Ист. Общ.* XI, стр. 346.

†** *Мат. для Ист. Р. Фл.* IV, 136.

г. Равна, и еще другой съ оставшеиѣмъ въ немъ мѣста для
иногда лица которое его королевское величество соблаговоляетъ
уполномочить на веденіе переговоровъ. *

Путешествіе въ Парижъ.

Мы не знаемъ въ какое время Петръ рѣшилъ отправиться
въ Парижъ. Разказывали будто Петръ еще при жизни короля
Лудовика XIV изъявилъ желаніе видѣть Францію, но что ко-
роль не желалъ пріѣзда Петра. ** Послѣ кончины короля
Лудовика XIV малолѣтній король Лудовикъ XV въ весьма
учтивомъ письмѣ къ царю сообщилъ ему о случившейся во
Франціи перемѣнѣ. *** Многія обстоятельства, между про-
чимъ польскія дѣла, мѣшали сближенію Россіи съ Франціей.
Франція была, напротивъ, весьма часто въ близкихъ отноше-
ніяхъ къ Швеціи и Турціи. Однако въ первое время кончины Лу-
довика XIV прусскій дворъ особенно старался содѣйствовать
нѣкоторому сближенію между Франціей и Петромъ. Въ началѣ
декабря 1716 года Петръ получилъ въ Амстердамѣ отъ графа
Александра Головкина слѣдующее донесеніе: „Сказывалъ
Ильгенъ что спрашивалъ его французскій министръ графъ
Ротембургъ, какую склонность имѣетъ ваше величество къ
Франціи и потомъ онъ, Ротембургъ, засвидѣтельствовалъ
что дукъ д'Орлеанъ охотно желаетъ съ вашимъ царскимъ
величествомъ въ доброй дружбѣ пребыть, на что онъ, Иль-
генъ, ему сказалъ что ваше царское величество не нескло-
ненъ къ тому, и Ротембургъ писалъ ужъ объ этомъ къ своему
двору и думаетъ вскорѣ получить отвѣтъ. Потомъ Ильгенъ
разсуждалъ что не малая польза можетъ произойти всему
сѣверному союзу если Франція въ доброе согласіе съ сѣвер-
ными союзниками вступить и не будетъ помогать общему
непріятелю деньгами и другими способами, къ чему по его,
Ильгенову, мнѣнію можно Францію склонить.“ 14 декабря
получено было новое донесеніе: французскій посланникъ
объявлялъ Прусскому королю что Франція охотно желаетъ
вступить въ доброе согласіе съ Россіей и Пруссіей и пр.
Петръ велѣлъ объявить чрезъ Головкина королю что онъ,

* Чтения 1877, II, I. с. 9.

** Scheltens II, 33.

*** Lamberty XI, 619—620.

царь, готовъ вступить въ соглашеніе съ Франціей сообще-
 етъ Пруссіей. Такимъ образомъ начались переговоры между
 Франціей и Россіей. Французскій дворъ требовалъ отъ рус-
 ского гарантіи договоровъ Утрехтскаго и Баденскаго; Петръ
 первымъ условіемъ союза съ Франціей поставилъ гарантію
 съ ея стороны всѣхъ завоеваній сдѣланныхъ Россіей въ Сѣвер-
 ную войну. Хотя Франція и не соглашалась на это условіе,
 Петръ все-таки могъ надѣяться чрезъ посѣщеніе француз-
 ской столицы найти новое средство для достиженія желанной
 цѣли, для заключенія выгоднаго мира. *

Между тѣмъ въ лубчикѣ ходила сауха о другомъ еще по-
 водѣ къ путешествію Петра во Францію. Робертъ писалъ
 къ Веберу изъ Гага 24 января 1717 года: „Царь отказался
 отъ предполагаемаго путешествія во Францію, такъ какъ
 онъ узналъ что и тамъ, какъ и въ Амстердамѣ, окажется не-
 возможнымъ занять деньги.“ ** Въ Бельгіи въ то время раз-
 казывали что Петръ не имѣлъ въ виду отправиться въ Па-
 рижъ, и только во время путешествія по Бельгіи рѣшился на
 это. Его желаніемъ было осмотрѣть работы знаменитаго ка-
 нала Мардикъ, построеннаго Людовикомъ XIV послѣ Утрехт-
 ского мира по условіямъ котораго Франція должна была
 разрушить портъ Дюнкирхена. *** Прейсъ писалъ къ барону
 фонъ-Мюллеру 19 (30) апрѣля: „Царь находится въ Парижѣ.
 Онъ скрылъ свое намѣреніе (туда ѣхать) какъ отъ царицы
 такъ и отъ камерера Шафирова (Головкина?), увѣривъ ихъ
 что онъ поѣхалъ только посмотрѣть Зеландію и Сѣверный
 каналъ“. †

Какъ бы то ни было, послѣ пребыванія въ Гагѣ Петръ
 не долго оставался въ Голландіи. О его отношеніяхъ къ
 республикѣ Прейсъ пишетъ: „Полагаютъ что царь уже
 болѣе не возвратится сюда, обстоятельство которое всѣми
 толкуется какъ признакъ неудовольствія на Штаты. Не
 подлежитъ сомнѣнію что его выѣздившее пребываніе отащалось
 отъ прежняго меньшемъ къ нему предупредительностью и же

* Соловьевъ XVII, 68—74.

** Негман, Peter u. Alexi, 191.

*** Письмо маркиза Пріе въ статьѣ Гашара, въ *Бюллетенявхъ
 Бельгійской Академіи*, I. с. 521.

† *Чтенія* 1877 II: I. с. 10.

представляло много пріятностей. Вообще здѣсь стали теперь отзыватья о царѣ съ гораздо меньшимъ уваженіемъ. Вотъ примѣръ. По его настоянію амстердамскій магистратъ трижды предлагалъ австрійскимъ (sic) купцамъ сожиться и сдѣлать царю подарокъ въ десять тысячъ червонныхъ, но тѣ всотрѣвъ отказали въ томъ. Столь же неуспѣшны были всѣ царскія лопытки заключить заемъ, купить суда и прочее, такъ какъ вообще избѣгали входить съ нимъ въ какія-либо дѣла*. ** И въ другомъ письмѣ Прейса, отъ 24 апрѣля (5 мая) сказано: „Полагають что царь уже не веротится сюда потому что онъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ Республлкою, вслѣдствіе того что она оказала ему мало уваженія и не содержала его на свой счетъ; въ Амстердамѣ онъ и люди его свиты были только освобождены отъ уплаты акциза съ покупаемыхъ ими продуктовъ“.

Царь разстался съ Екатериной въ Роттердамѣ, куда онъ изъ Гаги отправился 19 марта и гдѣ пробылъ четыре дня. Екатерина съ Головкинымъ отправилась въ Амстердамъ гдѣ и оставалась во время пребыванія Петра во Франціи. Царь же въ сопровожденіи Толстаго, Куракина, Долгорукаго и Бутурлина поѣхалъ изъ Роттердама въ Дортрехтъ, гдѣ его встрѣтили пушечною пальбой и гдѣ магистратъ подарилъ ему рейнвейнъ, рыбы и пр. На пути въ городъ Бреда путешествениковъ на каналѣ застала буря. „Великій штормъ“, сказано въ *Журналѣ*, „былъ такъ силенъ что шкоть отъ гротзейля оборвало, и для того стали на якорь“. Пришлось дожидаться перемѣны погоды къ лучшему.***

26 марта Петръ пріѣхалъ во Флассингевъ гдѣ обратилъ на себя вниманіе царя доки и другія постройки. Переночевавъ на яхтѣ, Петръ на другой день ѣздилъ въ каретѣ по городу, былъ на пристани, смотрѣлъ шашны и ходилъ „по фортеціи“. Оттуда онъ совершилъ поѣздку въ Миддельбургъ, откуда возвратился во Флассингевъ. Затѣмъ водою поѣхалъ въ Антверпемъ. Въ *Журналѣ* упоминаютъ о множествѣ укрѣпленій по берегамъ Шельды. Со всѣхъ батарей царя встрѣчали залпами изъ пушекъ.

Тутъ уже царь находился въ австрійскихъ Нидерландахъ.

* *Чтенія* 1877, II, I. с. 10.

** *Чтенія* 1877, II, I. с. 11.

*** См. подробности этого путешествія въ *Журналѣ* 1717 года 4—5.

Управляющій этою провинціей маркизь де-Пріе, получивъ отъ барона Геемса, чрезвычайнаго посла императора въ Гагъ уведомленіе о прибытіи Петра, назначилъ герцога Гольштейнъ-Плена и князя Туринъ-и-Таксиса для встрѣчи и пріѣтствованія его отъ имени императора. Магистрату города Антверпена было приказано: „приготовиться для пріятія его царскаго величества самымъ любезнымъ образомъ, оказывая ему полное и безкорыстное гостепріимство, избѣгая однако излишествъ и сообразуясь, насколько будетъ согласно съ обстоятельствами, съ прежде установленнымъ церемоніаломъ“.

Въ Мидельбургъ былъ отправленъ кавалеръ Геемсъ чтобы справиться у князя Куракина какой пріемъ желателенъ его государю. Куракинъ отвѣчалъ что Петръ желаетъ сохранить пакowitzo и избѣжать всякихъ шумныхъ публичныхъ демонстрацій, за исключеніемъ салюта изъ орудій.

Когда царская яхта бросила якорь предъ цитаделью города Антверпена въ воскресенье 31 марта, между тремя и четырьмя часами пополудни, безчисленная толпа народа собралась на набережныхъ. Это заставило Петра остаться на яхтѣ до вечера; онъ вышелъ на берегъ когда уже стемнѣло и народъ разошелся. На другой день, 1 апрѣля, Петръ написалъ довольно оригинальное письмо Екатеринѣ. Въ большомъ конвертѣ, запечатанномъ красною сургучною печатью съ изображеніемъ государственнаго герба и съ надписью: „Ея Величеству Государынѣ Царицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ“, было письмо заключающее въ себѣ кружно написаннаго собственною рукою Петра лишь слѣдующія слова: „Апрѣль 1717, изъ Антверпена“. *

Помѣщеніе для царя было приготовлено въ аббатствѣ Св. Михаила; въ этомъ монастырѣ обыкновенно останавливались государи и вѣнцѣноки при посѣщеніи Антверпена. Немедленно послѣ прибытія Петра магистратъ явился въ полное составѣ чтобы предложить ему почетное вино, состоявшее изъ боченка рейнвейна въ 336 кружекъ. По отъѣздѣ царя изъ Антверпена, по его приказанію вино это было продано, половина вырученныхъ денегъ пошла въ пользу монаховъ нищенствующихъ орденовъ,

* Письма Р. Гос. I, 61. О полученіи этого письма царица извѣстила царя, см. тамъ же 158.

а другая въ пользу гарнизона цитадели *. Въ „кляшторѣ“ по приѣздѣ царя былъ „лубячный ужинъ“, какъ сказано въ *Журналѣ*.

1 апрѣля, въ 8 часовъ утра Петръ уже ѣздилъ на биржу и въ иезуитскую церковь. Въ *Журналѣ* сказано что эта церковь „ѣло богатаго зданія и украшенія въ мраморахъ, а паче въ живописныхъ самыхъ лучшихъ лисьмахъ“. Потомъ онъ осмотрѣлъ палату искусствъ и художествъ и кармелитскую церковь. Между тѣмъ прѣѣжалъ къ царю съ визитомъ губернаторъ. За „лубячнымъ отодомъ“ были князь Туринъ, герцогъ Голштейнъ, аббатъ и другія почетныя лица. Послѣ обѣда царь опять ѣздилъ по городу и въ двухъ домахъ смотрѣлъ картины знаменитыхъ мастеровъ, затѣмъ онъ заѣхалъ еще въ третій домъ гдѣ кромѣ хорошихъ картинъ былъ „кушитель-каморъ или собраніе всякихъ вещей“. Наконецъ онъ заѣхалъ въ домъ одного кулца, бывшаго русскимъ агентомъ, и тамъ сидѣлъ до вечера. „Тутъ рюмками повеселился“, сказано въ *Журналѣ*. „Оттогда поѣхали въ домъ къ тому Бургомистру который въ кляшторѣ подчивалъ и тутъ въ его дому ночевали“.

Цитадель, построенная извѣстнымъ Паччиетто, должна была обратить на себя особенное вниманіе государя. Онъ былъ въ ней 2 апрѣля и подробно ее осмотрѣлъ. Два солдата находившіеся тамъ подъ арестомъ обратились къ милосердію Петра, и по его просьбѣ были прощены. Въ этотъ день уже въ 7 часовъ утра онъ отправился въ другую „езуитскую“ церковь о которой сказано въ *Журналѣ* что она „также ѣло изряднаго зданія и украшенія или еще превосходить первой“. Тутъ царь смотрѣлъ картины, затѣмъ былъ на колокольнѣ „которая ѣло высокая, а именно 82 сажень (sic) нашихъ вышиной, на которой хорошіе играальныя часы“. ** Послѣ обѣда царь былъ „у одного тамошняго пажера который показывалъ въ некоторую павенцію и въ некоторыя вещицы“. Затѣмъ онъ отправился на актъ дальше въ

* Въ статьѣ Гашара множество подробностей взаимствованныхъ изъ бельгійскихъ королевскихъ и городскихъ архивовъ, современныхъ газетъ, воспоминаній и записокъ очевидцевъ и т. л.

** Вышина Антверпенскаго Собора 123 метра. Это равняется 173 аршинамъ или 58 саженамъ. Даже Кельнскій Соборъ имѣетъ не болѣе 157 метровъ вышины—73 сажени.

направленіи къ Брюсселю. По луту царя интересовали шязозы каналовъ которыми нужно было лутешествовать „взрагая лошадей лодъ яхту“. Уѣзжая изъ Амтверлена онъ писалъ къ Екатеривѣ: „Сегодня отъѣзжаю въ Брюссель. И ломеже во Фландрію много городовъ которые смотрѣть надлежить, того ради не чаю къ празднику до того мѣста доѣхать. Того дня пришла семь человекъ лѣвчихъ и церковь которая въ Гагъ, а себѣ возьми изъ Амстердама и придай имъ человека который по-нѣмецки умѣеть, и вели имъ ѣхать въ Брюссель прямо, а оттолъ гдѣ буду обрѣтаться; а ломеже сей городъ суть столица, и могутъ тотчасъ свѣдять гдѣ я буду“.*

3 апрѣля вечеромъ Петръ пріѣхалъ въ Брюссель. Маркизь де-Пріе приготовилъ помѣщенія во дворцѣ и въ домахъ Туръ-и-Таксиса и Бурковилля, и предложилъ ихъ на выборъ государя. Князь Куракинъ явился къ маркизу чтобы заявить что Петръ не желаетъ занять ни одно изъ этихъ помѣщеній и что онъ предпочитаетъ небольшой домикъ Карла V, расположенный въ глубинѣ парка, такъ какъ это мѣсто болѣе согласно съ его расположеніемъ духа и съ его намѣреніемъ не показываться въ публикѣ.

Жители Брюсселя вышли на встрѣчу царю по берегамъ канала на пять или на шесть верстъ отъ города чтобы видѣть его. Но случилось такъ же какъ и въ Амтверпенѣ. Петръ сошелъ съ яхты только въ восемь часовъ вечера, сѣлъ въ карету запряженную шестерней и отправился прямо въ избранное помѣщеніе. Во время вѣзда его въ паркъ три салюта были сдѣланы изъ орудій поставленныхъ на стѣнахъ города.

4 апрѣля Петръ выѣхалъ въ наемной каретѣ въ Картезиакскій монастырь, такъ какъ ему сказали что тамъ находится монахъ чрезвычайно искусный въ токарномъ мастерствѣ, котораго онъ желалъ видѣть. Возвратясь домой онъ принималъ маркиза Пріе, котораго пригласилъ на обѣдъ.

На слѣдующій день царь посѣтилъ церковь св. Гудуламъ; протоіерей извѣщенный о его присутствіи немедленно пришелъ въ церковь и засталъ государя читающимъ помѣщаемое на боковыхъ дверяхъ описаніе чуда св. причастія. Онъ показалъ ему причастные опрѣсноки, которые Петръ разсматривалъ чрезвычайно внимательно. Чтобы лучше видѣть отвер-

* Письма Р. I'ос. I, 61—62.

стія приписываемыя кинжалу Евреевъ, онъ приближилъ горящую свѣчу, спрашивая случилось ли это происшествіе въ Брюсселѣ и обратился ли въ христіанство Еврей и пр. Затѣмъ Петръ перешелъ къ алтарю гдѣ лежали мощи. Когда ему показали часть креста Христова, онъ удивился что въ Брюсселѣ находится столь значительный кусокъ его; протоіерей объяснилъ ему какимъ образомъ церковь получила этотъ даръ. Такъ какъ онъ утверждалъ что кусокъ имѣетъ 15 дюймовъ вышины и 7 ширины, то царь вынулъ изъ кармана небольшую мѣрку пожелавъ провѣрить это показаніе, и нашелъ что онъ имѣетъ 18 дюймовъ вышины и 11 ширины. Послѣ этого онъ продолжалъ самый подробный осмотръ церкви.

Въ тотъ же день послѣ полудня царь, прогуливаясь въ паркѣ, пожелалъ выпить воды изъ фонтана называемаго источникомъ Св. Магдалины, такъ какъ статуя этой святой изъ дикаго камня находится въ нишѣ надъ фонтаномъ; надпись вырѣзанная въ лоскуткѣ и сохранившаяся до сихъ поръ указываетъ на этотъ фактъ: „*Petrus Alexievitz Czar Moscoviae Magnus Dux, margine hujus fontis insidens, illius aquam nobilitavit libato vino hora post meridiem tertia, die XVI * aprilis 1717*“. Въ настоящее время противъ этого фонтана возвышается небольшой памятникъ состоящій изъ колонны съ бюстомъ Петра Великаго, привезенный года два тому назадъ въ даръ городу г. Демидовымъ въ память пребыванія его въ Брюсселѣ въ 1848 и 1849 годахъ. Надпись на камнѣ: „*Erigé en l'honneur de Pierre le Grand et en souvenir de son séjour à Bruxelles en 1717.*“

Петръ ужиналъ въ этотъ день у маркиза де-Пріе послѣ визита его супругѣ. Ужинъ происходилъ въ большой залѣ дворца намѣстника. Царя сопровождали его министры и генералы; а Пріе, съ позволенія государя, пригласилъ самыхъ извѣстныхъ членовъ дворянства города Брюсселя. Во время ужина хоръ музыкантовъ игралъ избранныя піесы. За десертомъ Петръ лилъ за здоровье австрійскихъ государей, за счастливое разрѣшеніе отъ бремени императрицы Елизаветы**, за принца Евгенія и за его военные успѣхи противъ Турокъ. Онъ покинулъ праздникъ въ 11 часовъ.

* Нового стиля.

** Около этого времени родилась Марія Терезія.

Маркизь де-Пріе воспользовался этимъ обѣдомъ чтобы вывѣдать мысли Петра относительно австрійскаго двора, и изъ словъ царя могъ заключить что Петръ былъ расположенъ къ императору и ко всему что могло содѣйствовать величію его дома. Царь выразилъ даже сожалѣніе что замѣшательства на сѣверѣ препятствовали ему соединить свои войска съ австрійскими для дѣйствія противъ Турокъ. Маркизь со своей стороны завѣралъ его въ истинной дружбѣ и глубокою къ нему уваженію императора Карла VI.

6 апрѣля царь обѣдалъ у герцога Гольштейнъ-Плена. Послѣ обѣда онъ отправился во дворецъ Туринъ-и-Таксиса осмотрѣть рѣдкости, тамъ онъ ужиналъ со своею свитой. По возвращенію въ паркъ въ честь его былъ сожженъ фейерверкъ.

Въ теченіе трехъ дней проведенныхъ Петромъ въ столицѣ австрійскихъ Нидерландовъ ни одна изъ достопримѣчательностей ея не ускользнула отъ его вниманія. Въ этомъ отношеніи особенно хвалилъ Петра агентъ магистрата города Гента; при этомъ онъ описываетъ Петра слѣдующими словами: „Онъ характера измѣнчиваго и безцеремоннаго, не остается за столомъ болѣе получаса, чрезвычайно воздерженъ въ налиткахъ, но очень любопытенъ. Онъ говоритъ по-нѣмецки и знаетъ языки: голландскій, латинскій и французскій.“

Одна женщина приговоренная къ смертной казни за дѣтубійство воспользовалась присутствіемъ Петра въ Брюсселѣ чтобы просить о милосердіи; царь согласился ходатайствовать за нее. Императоръ приваля въ вниманіе ходатайство Петра замѣнилъ смертную казнь пожизненнымъ тюремнымъ заключеніемъ.

Сохранились счета расходамъ изъ которыхъ видно что на содержаніе царя, лицъ его свиты и всей прислуги, всего около шестнадцати человекъ, было истрчено Австрійскимъ правительствомъ во время трехдневнаго пребыванія Петра въ Брюсселѣ 12.000 гульденовъ. Пребываніе царя въ Антверпенѣ стоило магистрату города 3.576 гульденовъ. Выпито было 269 бутылокъ вина.*

7 апрѣля Петръ писалъ Екатерину: „Поюмъ тебѣ кружева

* См. статью Гашара I. с. 512—520 и переводъ въ *Древн. и Нов. Россіи* 1879, т. III, 59—61.

на еантанжу и на агажанты; а лонже здѣсь славныя кружева изъ всей Европы и не дѣлають безъ заказа, того для пришли образецъ какія имена или гербы въ оныхъ дѣлать. Хотя мы сегодня отъѣзжаемъ отсюда; однакоже гдѣ мы ни будемъ, а когда получу отъ васъ образцы, то на почтѣ пришлю сюда.“ Екатерина прислала рисунки для кружевъ изъявляя при этомъ желаніе чтобы „въ тѣхъ кружевахъ были сдѣланы имена ваше и мое вмѣстѣ связанныя.“ *

Въ Брюсселѣ Петръ видѣлъ посетившаго на русскую службу шаутбенахта Паддона, о которомъ онъ писалъ Апраксину: „лонже онъ только два дня со мной былъ, то невозможно было въ такое короткое время рассмотреть; однакоже, сколько могъ видѣть, человекъ добрый, кажется, и не разказчикъ и служилъ много, умѣетъ по-голландски и лѣты не гораздо старъ; капитуляцію его прилагаю при семъ.“ **

Изъ Брюсселя Петръ отправился чрезъ Гентъ, Брюгге, Остенде и Ньюпортъ.

О городѣ Гентѣ, куда Петръ пріѣхалъ въ тотъ же день, сказано въ *Журналъ* что городъ „зѣло великъ, еще больше какъ Брюссель“. Но не оставаясь въ этомъ городѣ царь тотчасъ же поѣхалъ дальше. Магистратъ города Гента, надѣясь что Петръ остановится тамъ, предположилъ сдѣлать ему торжественную встрѣчу. Восемнадцать отрядовъ городской гвардіи должны были расположиться отъ воротъ города до дома назначеннаго для его жительства; два городскія общества въ парадныхъ одеждахъ и сопровождаемыя сотниками несущими горячія свѣчи изъ бѣлаго воска должны были, предшествуемыя городскими трубачами и барабанщиками, выйти къ городскимъ воротамъ чтобы поздравить Петра съ прибытіемъ и поднести ему почетное вино. Салютъ изъ орудій предполагалось сдѣлать при большомъ колокольномъ звонѣ. Однако надежды гентскаго магистрата не оправдались; царь проѣхалъ чрезъ городъ инкогнито, направившись прямо чрезъ Брюггскія ворота къ пристани, гдѣ съѣзъ на предоставленную въ его распоряженіе фландскими чинами яхту и

* См. *Письма російскихъ государей* I, 62 и 159. Содержаніе этихъ писемъ вообще довольно любопытно. Въ нихъ царица, между прочимъ, пишетъ о дѣтяхъ оставшихся въ Петербургѣ и пр.

** Голицыновъ V, 309.

продолжалъ путь по Геятскому каналу до Остенде. На яхтѣ онь принявъ прѣвѣтствіе членовъ магистрата и потомъ, снявшись съ якора, оставовилса на ночь противъ деревни Эльтръ.

8 апрѣля Петръ прибылъ въ Брюгге, гдѣ былъ прѣвѣтствованъ на яхтѣ магистратомъ, еписколомъ и депутатами провинцій. Послѣ этого онь продолжалъ свой путь до Остенде. Петръ пробылъ тамъ около сутокъ, осматривалъ знаменитыя шлюзы Сликенсъ, рухнувшіе тридцать лѣтъ лѣтъ спустя и отъ развалинъ которыхъ правительство еще недавно старалось очистить фарватеръ канала. Въ Остенде царь также спасъ отъ смертной казни двухъ солдатъ. 10 апрѣля, по прѣздѣ въ Ньюпортъ, откланялся царю герцогъ Гольштейнъ-Плевъ и князь Туринъ-и-Таксисъ сопровождавшіе его отъ Брюсселя. * Изъ Ньюпорта онь написалъ краткое письмо Екатерины, а затѣмъ чрезъ мѣстечко Фюръ (Vierne) направился ко французской границѣ. **

Едва вступилъ онь на французскую землю какъ подвергся значительной опасности. Его любопытство все видѣть, эта господствующая, по выраженію маркиза де-Пріе въ письмѣ къ еписколу Валенца, страсть Петра едва не стоила ему жизни. Пользуясь отливомъ онь захотѣлъ объѣхать Дюнкирхевскую банку и отправился на нее въ каретѣ. Вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, приливъ начался съ необыкновенною быстротой и вода покрыла дорогу на которой находился царь; онь едва имѣлъ достаточно времени чтобъ отиречь одну изъ лошадей и ускакать верхомъ отъ грозившей ему опасности. ***

Въ Дюнкирхевѣ Петръ оставался четыре дня. † Дюнкирхевская крѣпость была срыта въ 1713 году. Петръ писалъ царицѣ: „Зло жалко смотрѣть на руину сей фортеціи, а наплаче гавани.“ Въ письмѣ отъ 13 апрѣля онь говоритъ: „Объявляю вамъ что мы четвертаго дня во Вьрянку (Францію)

* Гашаръ I. с. 521—522.

** *Журналъ* 11. Изъ Остенде Макаровъ писалъ къ Соловьеву о молодыхъ людяхъ присланныхъ для обученія разнымъ ремесламъ; см. *Сборникъ Ист. Общ.* XI, 70.

*** Письмо маркиза де-Пріе въ статьѣ Гашара, 522.

† „На Дюнкирхевъ царь взялъ вексель“, пишетъ Прейсъ, *Чтенія* 1876, II, I. с. 9.

въѣхали со всею компаніей и до завтра побудемъ здѣсь, а завтра поѣдемъ въ Кале, гдѣ и праздникъ (Свѣтлое Воскресеніе) надѣмся взять. Новаго писать не имѣю, только старое; дай Боже лаки съѣхаться, а безъ васъ скучно.“ Въ особенной припискѣ царь извѣстилъ Екатерину что лѣтвчіе пріѣхали. Онъ нуждался въ нихъ при предстоящемъ праздникѣ.

Прейсъ писалъ изъ Гаги 19 (30) апрѣля 1717 года: „Предъ своимъ отъѣздомъ изъ Голландіи царь обратился чрезъ французскаго посла ко французскому двору съ просьбой чтобъ ему несмотря на его цыкогнито было вездѣ оказываемо должное уваженіе. Вслѣдствіе сего регентъ послалъ для его встрѣчи на границѣ одного дворянина съ прислугой и съ приказаніемъ улаживать за всѣ издержки. Царя въ дорогѣ во Францію должны были сопровождать двѣнадцать всадниковъ. Изъ Парижа писали что на содержаніе царя французская казна отпускаетъ по 700 франковъ золотомъ, а по другимъ извѣстіямъ, по 1.000 экю.“*

Еще въ Садкотѣ (Sadcôte), на границѣ, Петръ былъ встрѣченъ королевскимъ камеръ-юнкеромъ Либца, который пріѣхствовалъ его отъ имени короля и регента. Въ Дюнкирхенѣ, какъ и въ другихъ городахъ по которымъ онъ проѣзжалъ, его встрѣтили съ лучеюною пальбой и со всѣми почестами которыя отдаются королевскимъ особамъ.** Въ Дюнкирхенѣ Петръ написалъ наказъ Шереметеву, какъ сему послѣднему должно дѣйствовать въ случаѣ нападенія Шведовъ и пр.***

14 апрѣля Петръ пріѣхалъ въ Кале, гдѣ и оставался до 23 апрѣля. Въ *Журналѣ* сказано что царь въ Кале „смотрѣлъ фортецію и солдатскую экзерцицію и былъ въ другой фортеціи и былъ на ягарствѣ зайцевъ“. 18го: „Смотрѣлъ Француза большаго, который зѣло великъ.“ † У Голикова сказано что этотъ великанъ, именемъ Николай, по желанію царя сѣддовалъ въ послѣдствіи за Петромъ въ Россію. †* Изъ Кале были отправлены разныя письма, указы, распоряженія: Шереметеву, Апраксину, Румянцеву и пр. Особенно важенъ наказъ Румянцеву относящійся къ открытію мѣстопребы-

* *Чтенія* 1877 II, I. с. 10.

** См. статью Полуденскаго въ *Русск. Арх.* 1865 III, 67.

*** Голиковъ V, 316.

† *Журналъ*, 12.

†* Голиковъ V, 313.

ванія царевича Алексѣя Петровича. * Два письма царя къ Екатеринѣ писаны въ Кале. Петръ сообщаетъ „что флотъ англійской предъ лятью двами лошелъ въ луть свой“, дразнить царицу что та „къ калагривой метресикѣ стала ревновать“, благодарить за присылку венгерскаго вина, жалуется на то что „крелиша“ (хлѣбной водки) „осталась только одна фляша, не знаю какъ быть.“ Затѣмъ слѣдуетъ замѣтка можетъ-быть относящаяся къ вышеупомянутому великану: „Посылаю къ вамъ карлу Французевина, котораго я приваля; извольте его въ призрѣніи имѣть чтобъ нужды не имѣлъ.“ **

Въ Кале былъ присланъ для встрѣчи царя маркизъ Нель (Nesle). Онъ пріѣхалъ утромъ 21 апрѣля. Довольно любопытно письмо управляющаго Аміенскимъ округомъ де-Бернажа изъ Кале 3 мая (22 апрѣля) 1717 года: „Имѣю честь васъ извѣстать что маркизъ де-Нель прибылъ вчера сюда въ 11 часовъ утра и имѣлъ аудіенцію у царя въ часъ полудни. Онъ былъ имъ принятъ весьма милостиво, и намъ показалось что его величество остался доволенъ этою честью. Вчера была Пасха. Его величество пробылъ въ своей церкви съ четырехъ часовъ утра до девяти, послѣ чего онъ обѣдалъ. Я ходилъ смотрѣть церемонію; она довольно торжественна и лѣвіе при этомъ недурно. Царь цѣловалъ всѣхъ своихъ вельможъ и саугъ, и кушалъ при лубайкѣ; до послѣ обѣда остался наединѣ со своею свитой, и тутъ пили до вечера; многіе удалились мертвецки пьяными. Намъ объяснили это обычаемъ ихъ по случаю праздника. Въ восемь часовъ вечера его величество вышелъ изъ дому инокито для поощренія своихъ лѣвчихъ квартирующихъ въ харчевнѣ. Попивъ съ ними съ полчаса, онъ возвратился къ себѣ спать. Ради торжественнаго праздника царь одѣлся богато, чего онъ давно не дѣлалъ, одѣваясь очень просто въ коричневое платье. На немъ была и лента его ордена Св. Андрея. Въ вечеру узнали отъ князя Буракина что царь сегодня не уйдетъ, а что завтра онъ отправится отсюда въ Монтреаль на ночлегъ, а 5 числа въ Абевиаль или въ Аміенъ, куда именно еще неизвѣстно, но васъ извѣстать.... Г. де-Нель везуть въ берлицѣ 13 лошадей, что не мало обременяетъ почту: онъ лучше бы сдѣлалъ

* Устр. VI, 377.

** Письма русскимъ государей I, 65—66. Письма изъ Кале къ сенату о налогахъ и пошлинахъ см. въ *Сб. Ист. Общ.* XI, 348—349.

оставаясь въ Аміенѣ... Г. де-Нель засталъ дороги въ худомъ состояніи что и замедлило отъѣздъ... Царскіе повара находятся въ затрудненіи касательно провизіи; они отлравили ее вчера съ фургономъ въ Булонь, гдѣ полагаали будетъ сегодня обѣдъ, а третьяго дня еще подводу и фургонъ въ Монтрель и Абевиль. Русскіе будутъ ѣсть скоромное въ теченіе всей недѣли, а мы между тѣмъ будемъ поститься. Чѣмъ только могу я стараюсь помочь метръ-д'отелею Бокé. Мнѣ пришла сказать что царь вышелъ лѣшкомъ прогуляться въ гавань; на немъ тотъ же парадъ что вчера, и въ немъ онъ очень хорошъ. Вообще видъ у него величавый, и съ тѣмъ кто его знаетъ онъ очень любезенъ.“ *

Изъ этого письма де-Бернажа и изъ слѣдующихъ видно сколько хлопотъ доставляло Французскому правительству путешествіе Петра особенно потому что маршрутъ и поѣздки часто измѣнялись.

24 апрѣля де-Бернажъ пишетъ изъ Аміена: „Путешествіе царя было подвержено многимъ перемѣнамъ и все еще не опредѣлено въ точности. Не взирая на сдѣланныя дворомъ распоряженія, царь хотѣлъ прибыть сюда изъ Кале въ два дня; узнавъ о томъ я тотчасъ распорядился заготовкой для этой форсированной ѣзды слѣшкомъ по шестидесяти лошадей на каждую станцію отъ Кале до Бове, на разстояніи двадцати верстъ одна отъ другой,—дѣло стоившее не мало хлопотъ. Второго числа (то-есть 21 апрѣля) маркизь де-Нель пріѣхалъ въ Кале, и когда онъ сообщилъ царю о состояніи дорогъ, его величество рѣшилъ третьяго числа (то-есть 22 апрѣля) пріѣхать въ Булонь на ночлегъ, такъ что онъ могъ бы вчера быть въ Абевиль, но къ вечеру онъ опять отдумалъ, назначивъ отъѣздъ на четвертое число съ тѣмъ чтобы ночевать въ Монтрель, и оставая насъ въ неопредѣленности: останется ли онъ ночевать въ Абевиль или пріѣдетъ сюда? Если онъ рѣшится на послѣднее, то сколько потрачено будетъ по-пустому въ эти два дня на почтовыхъ лошадей, потому что для такого путешествія достаточно было бы лошадей его собственнаго экипажа; кромѣ того, я и на свою долю потеряю часть приготовленній сдѣланныхъ для его ужина здѣсь и для обѣда въ Бретель, такъ какъ повара не въ состояніи были бы сѣдовать за

* Русская Старина XIII, 111—112.

нимъ такъ быстро и на такомъ дальнемъ разстояніи...“ Въ припискѣ: „Я узнаю что царь ночевалъ прошлую ночь въ Буаони; и оттого не только что сегодня онъ сюда не будетъ, но неизвѣстно будетъ ли и завтра: вѣроятно онъ будетъ нынче ночевать въ Монтрелѣ, а завтра въ Абевилѣ. Эти перемѣны въ состояніи досадить человѣку который надѣялся принять его еще вчера.“ Затѣмъ де-Бернажъ пишетъ изъ Аміена 26 апрѣля о проѣздѣ чрезъ этотъ городъ царя: „Несмотря на пренебреженіе его (царя) ко всѣмъ моимъ приготовленіямъ для его стола, я утѣшаю себя тѣмъ что всѣ различныя распоряженія, которыхъ требовало его прихотливое путешествіе, были сдѣланы безъ малѣйшаго улуценія.“ Къ маршалу д'Юсселю (Huxelles) де-Бернажъ пишетъ: „Вы съ трудомъ повѣрите что вчерашній день царь проѣхалъ чрезъ нашъ городъ, а я не имѣлъ чести его видѣть. Прибывшій за три часа до него г. де-Либуа подтвердилъ мнѣ что царь, повидимому, намѣренъ здѣсь перемѣнить лошадей, а ночевать въ Бове или въ Бретелѣ. Хотя я объ этой перемѣнѣ распоряженія узналъ только въ полночь, тогда какъ я, согласно съ прежними распоряженіями, предполагалъ что царь переночуетъ у насъ, и стало-быть лошади которыя его привезутъ пригодятся ему для дороги на другое утро, почему я не заготовлялъ здѣсь свѣжихъ лошадей; однако несмотря на это я съ яты часовъ утра до десяти услѣзъ-таки собрать до шестидесяти лошадей готовыхъ везти царя въ случаѣ еслибъ онъ настоялъ на своемъ намѣреніи ѣхать не останавливаясь. Въ то же время я сговорился съ г. де-Либуа о приводѣ всѣхъ лошадей во дворъ епископскаго дома, предоставленнаго царю за отсутствіемъ епископа и занятого моими чиновниками, которымъ поручено было позаботиться объ обѣдѣ для царя еслибъ онъ прибылъ довольно рано, или объ ужинѣ еслибъ онъ пріѣхалъ позже для ночлега; Маркизь де-Нель, прибывъ часъ спустя, одобрилъ эти распоряженія. Одинъ изъ чиновниковъ былъ отправленъ на встрѣчу царю съ тѣмъ чтобъ онъ проводилъ его до епископскаго дома, а также отправилъ за ворота города карету, которую считалъ нужнымъ предложить царю взамѣнъ того экипажа, въ родѣ открытаго фаэтона на дрогахъ, служившаго его царскому величеству для проѣзда изъ Кале сюда. Такъ какъ царь не любитъ торжественныхъ встрѣчъ, то г. намѣстникъ, маркизь де-Нель, г. де-Либуа и я ожидали его въ домѣ

елисскла въ томъ предположеніи что царь на здѣшней станціи сколько-нибудь закутитъ, какъ вдругъ пришли намъ сказать что царь присылалъ своего курьера за лошадьми, сѣлъ за городомъ въ мою карету и промчался чрезъ городъ, не желая ни останавливаться, ни видѣть кого-либо. Омъ даже до того боялся преслѣдованія что вышелъ изъ моей кареты, залраженной парой, не ближе четырехъ верстъ отъ города и потомъ уже пересѣлъ въ свою. Такимъ образомъ всѣ мои трехдневныя приготовленія были напрасны, кромѣ одного что свита царская на здѣшней станціи поотдохнула и пообедала. Говорятъ царь оттого такъ скоро проѣхалъ чрезъ Аміенъ что его напугали назойливымъ любопытствомъ здѣшнихъ обывателей, а омъ терпѣть не можетъ глазьющей на него толпы. Одно что меня радуеть, это исправность съ какою доставлены были царю во все время его прихотаваго путешествія и экипажи и лошади. Отъ него уже зависѣло допустить приличную саму его встрѣчу.“ *

Въ Парижѣ полагали что царь захочетъ осматривать разные города Франціи, и повтому въ разныхъ мѣстахъ были сдѣланы приготовленія для торжественной встрѣчи Петра. ** Судя по *Журналу* царь видѣть долго не оставался; тамъ упоминаютъ только объ осмотрѣ имъ въ Абевиалѣ суконной мануфактуры. Ему особенно понравилась алая краска на сукнахъ. *** Франція, какъ кажется, не производила на него благопріятнаго впечатлѣнія. Послѣ поощренія имъ самыхъ богатыхъ тогда въ Европѣ странъ, голландскихъ и австрійскихъ Нидерландовъ, его поражала бѣдность населенія Франціи. Въ письмѣ къ Екатеринѣ изъ Парижа, отъ 28 апрѣля, сказано: „А сколько дорогой видѣли, бѣдность въ людехъ подаыхъ (низшихъ классовъ) великая.“ †

И въ другихъ мѣстахъ повторялись тѣ же эпизоды что въ

* Подлинники этихъ писемъ хранятся въ Парижской Национальной Библиотекѣ, *Русская Старина* XIII, 111—114.

** Въ дневникѣ Данжо сказано: *Il veut visiter beaucoup de nos places, et il y a ordre partout de lui faire les plus grands honneurs; on ne sait s'il les voudra recevoir, mais on l'en laisse le maître. Journal du mhrquis de Dangeau. Paris 1859. XVII, 71.* Разныя предположенія о ночлегахъ цара тамъ же 77.

*** *Журналъ* 12. Гоа. V, 315.

† *Письма російскихъ государей* I, 66.

Амиенъ. Такъ, напримѣръ, въ Бове елесколь пригото-
вилъ было для царя великолѣпный обѣданный столъ, но
Петръ не захотѣлъ остаться обѣдать; когда ему замѣтили
что по дорогѣ долго не будетъ приличнаго стола, онъ ска-
залъ: „Я солдатъ, и когда найду хлѣбъ да воду, я буду
доволенъ.“ *

26 апрѣля Петръ прибылъ въ Бомонъ (Beaumont), гдѣ
былъ встрѣченъ маршаломъ де-Тессе, великолѣпными ко-
ролевскими экипажами и эскадрономъ кавалергардиі. Оттуда
путешественники отправились въ Эльбёфъ (Elboeuf), гдѣ
былъ приготовленъ обѣдъ, затѣмъ проѣхали чрезъ Севъ-Дени,
и въ десятомъ часу вечера пріѣхали въ Парижъ. **

Въ Парижѣ были приготовлены для царя два помѣщенія:
въ Луврѣ и въ домѣ Ледигьеръ (Lesdiguières) принадлежав-
шемъ маршалу Виллеруа. Сначала Петръ пріѣхалъ въ Лувръ,
гдѣ для него были отведены великолѣпно убранныя комна-
ты покойной вдовствующей королевы. Тутъ Петръ пробылъ
около трехъ четвертей часа, посмотрѣлъ на два стола на-
крытые на 50—60 человекъ, спросилъ хлѣба и рѣдьки, по-
пробовалъ шесть сортовъ вина, выпилъ два стакана пива
которое особенно любилъ, но никакъ не хотѣлъ оставаться
въ Луврѣ. Тщетно маршалъ Тессе упрашивалъ царя сѣсть
за столъ, увѣряя что король будетъ очень радъ если онъ
проведетъ нѣсколько дней въ Луврѣ. Петръ отказался и про-
силъ чтобъ его не стѣсняли; повидимому, помѣщеніе въ Луврѣ
ему показалось слишкомъ великолѣпнымъ. Между прочимъ
сохранилось преданіе будто царь сказалъ что свита его въ
дорогѣ вся замыцалась и можетъ залачкать эти прекрасные
приборы. Пріѣхавъ затѣмъ въ домъ Ледигьеръ, Петръ взялъ
изъ рукъ встрѣтившаго его тамъ человѣка свѣчку, пошелъ
въ спальню, остался недоволенъ приготовленною для него
постелью и ушелъ спать въ комнату своего дежничка, гдѣ
лежъ на свою походную кровать. И маршалъ де-Тессе, кото-
рому поручено было сопровождать всюду царя, жилъ все время
пробыванія Петра въ Парижѣ въ томъ же домѣ ***.

* Голицевъ V, 314—315.

** Журналъ, 12.

*** См. статью Полуденскаго въ *Русскомъ Архивѣ* 1865, III, 67—68.
Журналъ Донжо стр. 80. Голицевъ. Доп. XI, стр. 396. Нѣкоторыя
подробности въ *Mémoires du duc de Saint-Simon* (изд. 1872), т. IX,
стр. 228—229.

Современники утверждаютъ что Французское правительство не очень обрадовалось прїѣзду царя, особенно потому что Франція въ то время находилась въ весьма близкихъ отношеніяхъ къ Англіи, отношенія между Петромъ и Англійскимъ королемъ Георгомъ I были довольно натянуты. Далѣе, Франція была постоянною союзницею Швеціи и любила покровительствовать Польшѣ, между тѣмъ какъ царь былъ непріателемъ Швеціи и обращался съ Польшей какъ съ вассальнымъ государствомъ. Спрашивалось, могло ли при такихъ обстоятельствахъ состояться то сближеніе между Россіей и Франціей котораго желалъ Петръ и которое было главнымъ поводомъ его путешествія въ Парижъ.

Царь надѣялся расторгнуть союзъ Франціи со Швеціей и заключить союзъ съ Лудовикомъ XV; онъ хотѣлъ этимъ укрѣпить за собой завоеванныя имъ у Швеціи владѣнія. Регентъ, герцогъ Орлеанскій, поручилъ вести переговоры маршалу Тессе подъ руководствомъ маршала Юкселя (d'Nuxelles), президента совѣта иностранныхъ дѣлъ. Царскіе министры предлагали взаимную дружбу между обѣими державами и союзъ, заключеніе оборонительнаго договора, коимъ царь и король Прусскій гарантировали бы Франціи Баденскій и Утрехтскій договоры, а Франція со своей стороны гарантировала бы царю одержанныя имъ надъ Швеціей побѣды и поручилась бы что не будетъ помогать Швеціи ни прямо, ни косвенно, деньгами или войскомъ. На эти предложенія маршалъ Тессе отвѣчалъ что Франція готова заключить съ Россіей дружественный союзъ, но въ то же время она не можетъ и не хочетъ нарушать заключенныя съ союзниками договоры, и такъ какъ у нея заключенъ уже подобный договоръ со Швеціей, то она можетъ только обѣщать не возобновлять его. Гарантировать же побѣды невозможно, потому что успѣхъ оружія слишкомъ непостояненъ. На отвѣтъ маршала Тессе царскіе министры возражали что никто не мѣшаетъ Франціи заключить съ Россіей договоръ упрочивающій за Франціей Утрехтскій и Баденскій трактаты, тѣмъ болѣе что царь Русскій, угождая этимъ Франціи, дѣлаетъ тѣмъ самымъ непріятное императору. Если же Франція затрудняется гарантировать побѣды Россіи надъ Швеціей, то Россія въ этомъ не нуждается, но за то она желаетъ чтобы никто не мѣшалъ царю Русскому самому расправляться со Шведскимъ королемъ. Нынѣ де европейская система измѣнилась: Франція заключила со Швеціей

трактатъ въ то время когда у короля Шведскаго были владѣнія въ Германіи и союзъ со Швеціей и другими германскими союзниками уравновѣшивалъ могущество императора; теперь же то. Швеція, почти уничтоженная, не можетъ болѣе оказать помощи Франціи; вліяніе императора успало, и потому Россія предлагаетъ Франціи союзъ вмѣсто Швеціи, и не только съ собою, но и съ Пруссіей, безъ которой дѣйствовать нельзя. Польша будетъ сама просить примкнуть къ этому союзу; въ случаѣ же тѣснаго соединенія между Россіей, Франціей, Пруссіей и Польшею, Россія не только будетъ въ состояніи занять мѣсто Швеціи, но вѣсь ея будетъ еще значительнѣе. Далѣе, эти предложенія Россіи не противорѣчатъ и заключеннымъ договорамъ Франціи съ Англіей и Голландіей; Голландія должна желать ослабленія власти императора, Англія же такъ непостоянна и притомъ утомлена внутренними раздорами что если даже чрезъ сближеніе съ Россіей Франція лишилась бы дружбы Англіи, Россія могла бы замѣнить Франціи дружбу Англіи и Швеціи и пр.

Когда русскіе министры намекали на субсидіи которыя Россія могла бы ожидать отъ Франціи, Тессе уклонилась рѣшительно отъ переговоровъ по этому вопросу пока не истечетъ срокъ обязательствамъ которыя Франція взяла на себя предъ Швеціей.

Маршалъ Юксель говорилъ въ особенной запискѣ о готовности Франціи взять на себя роль посредника при заключеніи мира на сѣверѣ, обѣщая при этомъ не быть пристрастною къ интересамъ Швеціи, прибавляя, впрочемъ, что до окончанія срока договора со Швеціей въ 1718 году Франція должна ограничиться общими обѣщаніями дружбы и союза въ будущемъ.

Во время переговоровъ оказалось что Русскому правительству было неизвѣстно о существованіи договора заключеннаго между Франціей и Пруссіей въ предыдущемъ году. Франція, скрывая свои прежнія сношенія съ Пруссіей, показывала видъ будто она теперь только сближалась съ Пруссіей, благодаря внушеніямъ Русскаго правительства.

Во время переговоровъ шла рѣчь и объ условіяхъ международной торговли: Франція старалась обезпечить интересы своихъ подданныхъ имѣвшихъ торговыя сношенія съ Россіей.*

*. Flassan *Hist. de la diplomatie française* IV, 445—459.

Впрочемъ, переговоры между Россіей и Франціей во время пребыванія въ Парижѣ Петра ни къ чему не привели. Покидая Францію Петръ уполномочилъ барона Шафрова, Толстаго и Куракина заключить союзъ съ Франціей. Договоръ былъ подписанъ только въ началѣ августа въ Амстердамѣ гдѣ Петръ находился въ то время.

Во Франціи были люди умѣвшіе цѣнить значеніе союза съ Россіей. Герцогъ Семъ-Симонъ пишетъ въ своихъ мемуарахъ слѣдующее объ этомъ союзѣ: „Ничто болѣе сего не могло благоприятствовать нашей торговлѣ и нашему вѣсу на сѣверѣ, въ Германіи и въ цѣлой Европѣ. Въ рукахъ сего монарха находилась торговля Англіи (sic), а король Георгъ сильно его опасался изъ-за своихъ германскихъ владѣній. Голландіи, равно какъ и императору Римскому, онъ умѣлъ внушить къ себѣ уваженіе; словомъ, безспорно то что онъ былъ весьма важное лицо въ Европѣ и въ Азіи и что Франція много выиграла бы отъ тѣснаго съ нимъ союза. Онъ не любилъ императора и желалъ мало-по-малу избавить насъ отъ вліянія Англіи, и именно сей послѣдней странѣ обязаны мы тѣмъ что самымъ непримиримымъ образомъ отвергли его предложенія дѣланныя намъ еще долго послѣ его отъѣзда. Тщетно настаивалъ я не разъ по этому дѣлу у регента; тщетно представлялъ я ему самые дѣльные и неопровергаемые доводы; онъ находился подъ обаяніемъ аббата Дюбуа, поддерживаемаго еще д'Эффіатомъ (d'Effiat), Кавальеромъ и герцогомъ де-Ноаль..... Съ тѣхъ поръ уже неоднократно приходилось намъ раскапывать въ послѣдованіи пагубнымъ внушеніямъ Англіи и въ безумномъ пренебреженіи предлагаемыхъ намъ Россіей условій.“ *

Есть основаніе думать что именно во время пребыванія Петра въ Парижѣ Франція съ разныхъ сторонъ получала предостереженія относительно Петра. Нѣтъ сомнѣнія что польскіе агенты дѣйствовали наперекоръ видамъ Петра. Такъ напримѣръ Семъ-Симонъ говоритъ о саксонскомъ дипломатѣ Лосѣ, замѣчая что онъ всюду слѣдовалъ за царемъ не столько въ качествѣ дипломата сколько въ качествѣ лазутчика. ** Новѣйшіе историки, не отрицая что образъ дѣйствій царя и его министровъ обнаруживалъ необычайную ловкость, утвер-

* *Mém. du duc de Saint-Simon. Paris 1872. IX, 236 и 237.*

** *Mém. de Saint-Simon IX, 254.*

ждають что чувство собственнаго достоинства, высокое попятіе о значеніи Россіи и даже нѣкоторое чванство было главнымъ образомъ замѣтно въ пріемахъ Петра во время переговоровъ. *

Какъ кажется, Петръ во время переговоровъ надѣялся на успѣхъ. Къ Екатеринѣ онъ писалъ 19 мая 1717 г. „Отсель новаго писать не имѣю, только все благополучно; но надѣюсь съ помощію Божіей вскорѣ что доброе отписать къ вамъ.“ ** Но затѣмъ онъ уже не писалъ къ царицѣ о политическихъ дѣлахъ. Изъ многочисленныхъ писемъ Петра къ Апраксину, Меньшикову, Бредаю и др., а также изъ его распорядковъ и указовъ сему относящихся къ этому времени и напечатанныхъ у Голицова въ *Сборникѣ Историческаго Общества*, въ *Коллекціи писемъ Берна*, въ *Материалахъ для Истории Русскаго Флота* и пр., мы ничего не узнаемъ о ходѣ переговоровъ. Также и спутники царя въ своихъ письмахъ къ знакомымъ были сдержанны и осторожны. Только Толстой въ своихъ письмахъ къ Апраксину жаловался на нерасположеніе Англичанъ и Датчанъ, намекалъ на кое-какіе безпорядки ожидаемые въ Англіи и выразилъ надежду на „возобновленіе добраго согласія между высокими сѣверными Азіятами.“ О Франціи же, о расположеніи французскаго кабинета ни слова. ***

Изъ нѣаго источника узнаемъ мы что Петръ во время своего пребыванія въ Парижѣ находился въ нѣкоторыхъ сношеніяхъ съ приверженцами Стюартовъ. Робтовъ писалъ въ октябрѣ 1717 года къ ганноверскому дипломату Веберу слѣдующее: „Считаю нужнымъ извѣститъ васъ что царь нынѣ получаетъ письма отъ претендента, также какъ и лейбъ-медикъ Эрскинъ, который всегда бывалъ и есть душой этихъ интригъ и у котораго претендентъ постоянно содержитъ тайнаго агента. Царь во время своего пребыванія въ Парижѣ нѣсколько разъ видѣлся съ г. Маромъ, который прибылъ изъ Люттиха“ и пр. †

Кромѣ того, Петръ во Франціи былъ занятъ покупкой

* Martin, *Histoire de France*, XV, 85. „Le tzar parlait de la Prusse et de la Pologne comme de deux satellites à sa discrétion.“

** *Письма российскимъ государемъ* I, 69.

*** *Мат. для Ист. Р. Флота* IV, 137.

† Herrmann, *Peter d. gr. und Alexei*, 193.

разныхъ предметовъ и наймомъ множества лицъ въ русскую службу. Ужь изъ Каае Макаровъ писалъ къ рижскому губернатору о „порцелановыхъ“ печахъ которыя будутъ отправлены въ Петербургъ, о цементѣ, о разныхъ „мастеровыхъ ребяткахъ“ отправляемыхъ также въ Петербургъ, о доставленіи матеріальныхъ средствъ молодымъ Русскимъ посланнымъ во Францію для обученія разнымъ ремесламъ, художествамъ и наукамъ. То идетъ рѣчь о разныхъ „статуяхъ и горшкахъ“ куленныхъ для украшенія садовъ въ Петербургъ и Петергофѣ, то говорится о разныхъ предметахъ „вылитыхъ“ для украшенія фонтановъ, каскадъ „въ лаезривыхъ домахъ его царскаго величества“. * Петръ навалъ въ Парижъ „шпалерныхъ“ мастеровъ, и нужно было распорядиться о снабженіи ихъ въ Петербургъ всѣми матеріалами необходимыми для ихъ ремесла **. Во время своего пребыванія въ Парижъ царь отправилъ въ Россію болѣе ста семействъ художниковъ всякаго рода и писалъ къ Меншикову чтобы къ прибытію ихъ приготовлены были дома и все необходимое. ***

А. БРИКНЕРЪ.

(Продолженіе будетъ.)

* *Сборн. Ист. Общ.* XI, 65, 70, 72, 155.

** Тамъ же 64. Письмо Меншикова къ Соловьеву, см. также Голикова, *Доп.* XI, 404—406.

*** Голиковъ, *Доп.* XI, 414.

ПЕРВЫЙ БОЛГАРСКИЙ ЭКЗАРХЪ

БЛАЖЕННЫЙ АНТИМЪ *

Въ 1863 году Преславскій владыка возвратился съ Аео-на въ Константинополь гдѣ и жилъ до 1865 года безъ особой должности. Практическія дѣла его были не въ цвѣтущемъ состояніи. Не имѣя своихъ средствъ онъ долженъ былъ постоянно занимать деньги, и этотъ долгъ тяготилъ его. Въ это время прежній ректоръ Халкідской семинаріи Тилальдосъ удалился отъ должности своей на родину, а поставленные послѣ него одинъ за другимъ два ректора привели семинарію въ очень печальное положеніе: между учениками начались раздоры и неудовольствія. Тогда патріархія назначила Антима ректоромъ семинаріи для того чтобъ онъ возстановилъ въ ней порядокъ. Антимъ сначала колебался принять этотъ постъ боясь цитригъ Грековъ, но потомъ согласился. Для дежурства по ночамъ онъ пригласилъ въ качествѣ субъ-директора пріятеля своего архимандрита Германа и два съ половиной года управлялъ семинаріей съ блестящимъ успѣхомъ. Въ 1866 году патріархъ Григорій пріѣхалъ на экзамены, сопровождаемый синодальными епископами. По

* См. Русскіе Вѣстникъ № 1.

оковчаніи ихъ и послѣ выдачи свидѣтельствъ, Антимъ держалъ выпускаемымъ молодымъ людямъ блестящую рѣчь. Патріархъ, оставшійся очень довольнымъ семинаріей и экзаменами, предложилъ Антиму съѣздить на короткое время, мѣсяца на два, на ревизію въ Кесарійскую епархію, откуда поступило много жалобъ на владыку и гдѣ появилась протестантская пропаганда. Зная что Кесарійскій владыка имѣетъ много вліятельныхъ друзей и жалѣя разстаться съ семинаріей, Антимъ сначала отказывался, но патріархъ уговорилъ его, увѣривъ что школа можетъ остаться на это короткое время и безъ его наблюденія; такимъ образомъ Антимъ былъ вынужденъ согласиться. Но его предчувствія оправдались: вмѣсто двухъ мѣсяцевъ онъ пробылъ въ Малой Азіи восемь мѣсяцевъ и ректоромъ былъ уже назначенъ другой.

Кесарійская епархія, отечество Св. Василія, одна изъ самыхъ древнихъ епархій. Тамъ собирався одинъ изъ вселенскихъ соборовъ и до сихъ поръ указываютъ на тотъ дѣсь гдѣ Св. Василій и Св. Григорій жили, трудились и писали. Пространствомъ она громадна, до 12 дней пути, но населеніе въ ней почти исключительно турецкое и католическо-армянское, Грековъ же чрезвычайно мало; села маленькія, въ 10—15 домовъ, палатки или мѣстечки въ 200 домовъ.

Главные городки епархій: Кассамуну, Валаисаръ, Кассабуху, Орау, Акана, Никололь и нѣсколько другихъ маленькихъ и незначительныхъ. Прежде здѣсь управлялъ епархіей владыка Леонтій, но его смѣнили по обвиненію въ строгомъ и даже жестокомъ обращеніи. Антимъ хорошо помнилъ Леонтія который, въ то время когда судился въ Константинополь, приходилъ къ Панагету филиппопольскому (жившему вмѣстѣ съ Антимомъ) и поразилъ Антима своею величественною наружностью, кротостью и душевною красотой. Помнилъ онъ и его горе, доходившее до горькихъ слезъ, когда его лишили епархіи. Еще въ ту пору въ душѣ Антима килѣло негодованіе и онъ поносъ былъ жаости и симпатіи къ оскорбленному, страдавшему за правду старцу. Вослѣдованіе объ этомъ и горячее желаніе дать торжество поправной истинѣ и заставило его согласиться на предложеніе патріарха ѣхать въ Кесарію на ревизію.

Взявъ съ собою въ качествѣ писаря дякона Костанди (телепешній владыка Кассандрійскій въ Салоникской митрополіи), Антимъ отправился на австрійскомъ пароходѣ, въ іюнь

мѣсяцѣ 1867 года, въ Мааюю Азію. Въ городкѣ Юни, столицѣ епархіи, онъ собралъ христіанъ въ церкви и прочитавъ имъ письмо патріарха, гдѣ было сказано что вслѣдствіе жалобъ ихъ на владыку Героеей (назначеннаго послѣ Леонтія) послалъ Антимъ, владыка Преславскій и ректоръ богословскаго училища, произвести строгое и справедливое слѣдствіе. Зная что жители во враждѣ между собой, что въ толпѣ слушавшей его есть и обвинители, и защитники, и обращенные въ протестантство, Антимъ въ проповѣди своей увѣщевалъ ихъ оставить эту вражду и взаимное гоненіе, напоминая слова Евангелія: „*Всякое Царство раздѣлившееся*“ и т. д. Онъ описывалъ имъ живо, примѣрами изъ исторіи, къ какому разоренію приводятъ раздоры.

Затѣмъ приступлено было къ самому слѣдствію. Владыка Героеей, въ жалобѣ поданной на него, обвинялся въ слѣдующемъ: что будучи еще епископомъ въ Халесѣ онъ интриговалъ противъ Леонтія, подкупалъ жесвицѣтелей и клеветалъ на него патріарху; что бывъ назначенъ на мѣсто Леонтія, несправедливо посадилъ въ тюрьму девять человекъ крестьянъ, гдѣ нѣкоторые изъ нихъ и умерли; что по клеветамъ его турецкая полиція схвативъ пять-шесть женщинъ и посадивъ на лошадей въ морозный зимній день отправила ихъ въ ссылку въ Хамсамонъ на берегу моря; что одного священника въ Ново-Кесаріи, по болѣзни не могшаго встрѣтить владыку при его пріѣздѣ, онъ пріидя въ его домъ не только бранилъ дурными словами, но билъ и толталъ ногами и что этотъ послѣдній вскорѣ умеръ; и еще во многомъ подобномъ. Разспросилъ Антимъ подробно и обвинителей и защитниковъ. Самъ Героеей, родомъ изъ Ново-Кесаріи, воспытался въ богословскомъ училищѣ, потомъ былъ посвященъ благодаря протекціи во священники и чрезъ нѣсколько дней во владыку и посланъ въ Халесъ. Когда Софроній сдѣлался патріархомъ то Героеей, надѣясь на него и желая сдѣлаться владыкой на своей родинѣ и перейти изъ бѣднаго и лютыянаго Халеса въ Юни, сталъ интриговать противъ почтеннаго старца. Его орудіями были учитель въ Юни и Грекъ Евстратій имѣвшіе вліяніе на жителей. Они-то и представили патріарху ложныя жалобы и прошенія, въ которыхъ обвиняли Леонтія въ разныхъ преступленіяхъ, что и было причиною его паденія. Все это было извѣстно цѣлой епархіи, и даже до официальнаго своего назначенія Героеей писалъ объ этомъ съ

торжествомъ священникамъ и другимъ. Но народъ былъ весь на сторонѣ Леонтія и сильно раздраженъ. Въ газетахъ въ то время былъ напечатанъ разказъ о поступкѣ энергическихъ терновскихъ женщинъ и гражданки Юни; воодушевившись ихъ примѣромъ сначала не позволяли попомъ поминать новаго владыку, а когда онъ пріѣхалъ не пустили его въ церковь. Женщины благоговѣли предъ Леонтиемъ: своимъ благочестіемъ, кротостію, милосердіемъ, онъ привлекъ къ себѣ и Турокъ; онъ часто ходилъ въ ихъ училище, разговаривалъ съ ними, поощрялъ учащіяся; бѣднымъ, безъ различія вѣроисповѣданія, онъ помогалъ какъ могъ, проповѣдывалъ и утѣшалъ. Мѣстный чиновникъ Турецкаго правительства Шерибей почти явно держалъ сторону Леонтія.

Главный городъ епархіи, Юни, былъ центромъ оппозиціи Героею; онъ пріѣхалъ туда лишь спустя шесть мѣсяцевъ послѣ своего назначенія, но не посмѣлъ остановиться въ христіанскомъ кварталѣ, а просилъ чтобъ ему отвели квартиру въ турецкомъ. Идетъ онъ въ конакъ (правительственная присутственная мѣста), и давъ списокъ предводителей оппозиціи, велитъ позвать ихъ и объявить что они должны уговорить народъ принять владыку; но тѣ отказались говоря что народъ такъ раздраженъ что они не въ силахъ этого сдѣлать. Тогда, по настоянію Героея, ихъ отправляютъ въ тюрьму (это были сыновья гражданина Пано, Константинъ, Георгій учитель, Кудо, Іоаннъ, братъ его и другіе). Идетъ владыка въ церковь. Жандармы были разставлены по улицѣ, но женщины караулили эту минуту и кликнувъ на помощь Турчанокъ, загородили владыкѣ дорогу, и несмотря на лобовъ жандармовъ, не пустили его все-таки въ церковь. Мушкетеры въ дѣло не мѣшались. Орудіе Героея и шпіоны его Евстратій примѣтивъ руководителей въ толпѣ женщинъ и выбравъ еще и тѣхъ кто принадлежалъ къ семействамъ на которыя онъ имѣлъ злобу, и между прочимъ нѣсколько дѣвушекъ, велѣлъ залтіямъ схватить ихъ съ насиліемъ и безприличіемъ. Они были посажены на лошадей и въ холодный зимній день, чрезъ горную рѣку въ которой едва не утопили, отправлены въ мѣстечко Хаксамо, гдѣ и заключены въ тюрьму. Но и послѣ этихъ жестокостей, несмотря на покровительство Турецкаго правительства, Героею все-таки не могъ войти въ церковь и увѣхалъ изъ Юни. Защитники владыки утверждали на допросѣ что всѣ эти обвиненія

ня преувеличены, что наказанные люди были въ самомъ дѣлѣ виновны и что турецкія власти дѣйствовали такъ круто въслѣдствіе приказанія патріарха содѣйствовать водворенію новаго владыки. Но слѣдствіе раскрыло иное: несомнѣнные факты доказывали что турецкія власти дѣйствовали лишь основываясь на письмахъ и просьбахъ владыки. Зная какъ вообще неохотно правительство мѣшается въ такіа дѣла, Антимъ пожелалъ имѣть копію съ писемъ Героеея къ мѣстному губернатору. Онъ немедленно написалъ объ этомъ патріарху прося чтобы тотъ въ свою очередь спросилъ губернатора жившаго въ Дюмюшъ-Хале, не найдетъ ли онъ возможнымъ дать эти копію ему, Антиму. Въ ожиданіи отвѣта владыка поѣхалъ по епархіи, продолжая свои разспросы. Путешествіе произвело на него грустное впечатлѣніе. Въ этой странѣ, густо населенной, когда-то процвѣтало христіанство; теперь замѣчались въ ней лишь развалины монастырей и церквей, а на разстояніи 20 часовъ (100 верстъ) не встрѣтилось ни одного христіанскаго села. Въ мѣстечкѣ Ново-Кесарія произвелъ онъ дознаніе о священникѣ любитомъ Героеемъ. Выяснилось что священникъ хоть и былъ противникомъ Героеея, но не встрѣтилъ его лишь потому что былъ боленъ и лежалъ, что владыка пришелъ къ нему въ домъ и много его бранилъ, и что тотъ вскорѣ послѣ того умеръ, но фактъ что онъ ударилъ священника не подтвердился. Оттуда поѣхалъ Антимъ въ Тукать, въ пятидесяти верстахъ разстоянія отъ Ново-Кесаріи. Это оказался довольно большой городокъ, имѣвшій 3.000 домовъ; изъ нихъ 180 православныхъ и 200 армянскихъ католическихъ. Дорогой въ Токать владыка ночевалъ въ одномъ монастырѣ прежде бывшемъ православнымъ, но потомъ захваченномъ Армянами. Здѣсь прежде покоились мощи Св. Іоанна Златоуста, но они были увезены и осталась лишь великолѣпная мраморная рака. Недалеко отъ Токата, Антимъ видѣлъ въ мѣстѣ называемомъ *Колона* развалины монастыря Св. Василиска, гдѣ находится его гробъ и куда ходятъ на поклоненіе множество богомольцевъ. На память онъ взялъ съ собой оттуда вѣсколько камней. Въ церкви Токата Антимъ, говоря о цѣли для которой пріѣхалъ, проповѣдовалъ на турецкомъ языкѣ, который былъ повсѣмѣ населенію. Однако народъ не высказывался ни за, ни противъ Героеея, но горько плакалъ о Леонтіи, котораго здѣсь очень любили. Владыка спрашивалъ здѣсь частымъ образомъ

объ исторіи послужавшей къ обвиненію Леонтія: будто бы велѣлъ наказатъ одного человека такъ сильно что тотъ пость наказанія умеръ. Но жители разсказали дѣло совсѣмъ иначе: одного церковнаго преступника, пойманнаго на мѣстѣ преступленія жандармами, община приудила наказатъ палками. Леонтій разрешилъ это. Наказанный человекъ ушелъ въ Хорсунь, мѣстечко недалеко отъ Никсара, и тамъ умеръ. Антимъ нарочно поѣхалъ въ Хорсунь и разспросивъ священника узналъ что вышеозначенный человекъ умеръ заразившись горячкой, а совсѣмъ не отъ послѣдствій наказанія и что вся семья его была больна тою же болѣзною. Возвращаясь изъ этого села, владыка упалъ съ коня и сильно ушибъ себѣ ногу; не будучи въ состояніи вѣхать далѣе, онъ остановился въ домѣ одного бѣднаго Турка, который закололъ ягненка и сырою кожей обернулъ болящую ногу владыки. Здѣсь Антимъ пролежалъ шесть недѣль. Жованъ его, Турокъ, оказался почтеннымъ человекѣмъ; онъ, между прочимъ, жаловался на то что оба его сына взяты въ солдаты и что онъ на старости лѣтъ долженъ кормить ихъ женъ и дѣтей (въ послѣдствіи Антимъ выхлопоталъ чтобы сыновей его отпустили).

Возвратившись въ Юмю, владыка отправился въ Ордунъ гдѣ жилъ Героеей. Тамъ прочелъ онъ ему все слѣдственное дѣло, показанія обвинителей и защитниковъ, и допросилъ его самого, заставивъ подписаться подъ данными объясненіями. Изъ нихъ ясно было видно что Героеей интриговалъ противъ Леонтія. Для окончанія слѣдствія Антиму необходимы были копіи съ писемъ Героеея къ губернатору, въ которыхъ онъ просилъ о помощи при водвореніи его на постъ епископа. Антимъ рѣшился самъ поѣхать къ губернатору несмотря на зимнее и ненастное время. Дорогой заѣхалъ онъ въ Ескичуръ, гдѣ Героеея обвиняли въ томъ что онъ крестилъ ребенка не погружая въ воду, что оказалось правдой и объяснялось тѣмъ что, будучи священникомъ лишь нѣсколько дней предъ посвященіемъ во епископа, онъ былъ такъ неопытенъ что боялся крестить посредствомъ погруженія. Тяжелъ былъ этотъ путь по глубокому снѣгу. Теряя часто ло вочамъ дорогу, бауждая по косогорамъ и оврагамъ и едва-едва выбываясь на огни какой-нибудь деревни, путники проѣхали Николовъ, а оттуда черезъ три-четыре дня достигли Дюкюшъ-Кале, славившагося своими серебряными и золотыми рудниками. Здѣсь жилъ губернаторъ и чекавилась государственная монета. Христіанское

население города отличалось набожностью и имѣло благолѣпно убранныя церкви; но, по недостатку мѣста, разбогачившіе жители города выселялись въ другія мѣстности. Дюмюшъ-Кале принадлежалъ къ Халдейской епархіи, и переселенцы, куда бы ни перебирались, оставались ей вѣрны. Она посылала имъ іереевъ, что въ сущности противно законамъ греческой церкви.

Представившись губернатору, Антимъ передалъ ему письмо патріарха, въ которомъ тотъ просилъ выдать копию съ писемъ Іерофея. Прочитавъ письмо, губернаторъ сначала колебался исполнить просьбу; но, послѣ нѣкотораго размышленія, выдалъ копию засвидѣтельствованную его подписью и мѣстнымъ кади (судьей).

Изъ Дюмюшъ-Кале Антимъ поѣхалъ въ Трапезундъ. Здѣсь процвѣтала греческая цивилизація, население имѣло прекрасно-устроенныя училища и гимназіи. Антимъ посѣтилъ русскаго консула Мошнина и бесѣдовалъ съ нимъ. Тотъ въ свою очередь посѣтилъ владыку и прощаясь говорилъ: „Напрасно мучаетесь за церковный вопросъ. Вотъ когда Россія освободитъ васъ и дастъ вамъ князя, то все и устроится...“

По возвращеніи въ Юви, владыка проповѣдывалъ въ день Рождества и Богоявленія, уговаривая народъ держаться православія и не измѣнять ему. Во главѣ протестантской пропаганды стоитъ Георгій Бруссавинъ, но и здѣсь она имѣла значеніе лишь какъ средство услужать патріархію и заставить ее возвратитъ любимаго архіерея. Антимъ уговаривалъ совраченныхъ оставить пропаганду, возвратиться въ лоно православной церкви, и торжественно обѣщалъ что церковь въ такомъ случаѣ исполнитъ ихъ желаніе. Его проповѣди и бесѣды имѣли полнѣйшій успѣхъ, а когда онъ уѣзжалъ, то женщины рядами стояли на пути провожая его и умоляя чтобы патріархія вернула имъ Леонтія и что тогда они помирятся съ ней.

Посѣтивъ Синоль, родину дьякона Костанди, владыка возвратился въ Комставтивополь. Тамъ представилъ онъ патріарху всѣ документы по слѣдствію и разказалъ синоду какъ было дѣло. Не нашли другаго исхода какъ смѣнить Іерофея и послать Леонтія снова въ Ново-Кесарію. Старца встрѣтили съ восторгомъ и радостью толпы женщинъ, дѣтей, мужчинъ и даже бывшіе протестанты. Онъ писалъ Антиму: „плоды трудовъ твоихъ созрѣли, я ихъ вкушаю“. Благо-

дарные жители Юви прислали владыкѣ Преславскому въ даръ пуховую перину. Но святой старецъ Леонтій слуха вѣсколько мѣсяцевъ умеръ и былъ погребенъ въ Орду.

VII.

Воспользовавшись отсутствіемъ Антима, болѣе продолжительнымъ чѣмъ предполагалось, патриархія рада была случая назначить на его мѣсто ректоромъ семинаріи другаго, а именно его помощника Германа, который и остался тамъ до сихъ поръ. Когда жь Антимъ возвратился изъ Кесаріи, то патриархъ Григорій оставилъ его при патриархіи, гдѣ тотъ и жилъ цѣлый мѣсяць ежедневно обѣдая съ патриархомъ. Однажды этотъ послѣдній, въ разговорѣ, сталъ жаловаться на всеобщее недовольство патриархіей. Воспользовавшись этимъ случаемъ, Антимъ высказалъ все что накопилось у него на душѣ. „Отъ 57 до 68 года, сказалъ онъ, болѣе десяти лѣтъ, служу я церкви какъ священникъ, какъ воспитатель юности и профессоръ, какъ ревизоръ, какъ миссіонеръ, и врядъ ли кто служилъ церкви такъ вѣрно и усердно какъ я. И что же? Церковь смотритъ равнодушно на мои труды; меня посвятили во епискола Преславскаго и тѣмъ лишь сдѣлали несчастнымъ человекомъ, потому что моя епархія не принимаетъ меня, и я вѣхать въ нее не могу, а Богъ вѣсть когда еще разрешится Болгарскій церковный вопросъ. Между тѣмъ я человекъ бѣдный, нуждающійся въ хлѣбѣ насущномъ, имѣю на рукахъ старуху мать, сироту сестру, сироту племянника, отказаться отъ нихъ не могу. Пусть назначаютъ меня хоть на Греческую епархію!“ Говорилъ все это Антимъ имѣя въ виду слѣдующее: предъ этимъ умеръ боснійскій владыка и въ патриархію пришла телеграмма отъ жителей епархіи, написанная по-сербски, но латинскими буквами. Такъ какъ никто не могъ перевести телеграммы, то дали ее перевести Антиму, хотя патриарху этого очень не хотѣлось. Въ телеграммѣ было сказано: „Преставился нашъ владыка, много пострадало православіе за это время; пришлите намъ народнаго человека, единоплеменника, знающаго языкъ нашъ и обычаи, уврачевать раны церкви.“ Привезъ Антимъ переводъ и думать: вотъ теперь патриархъ всломать нашъ разговоръ, свои обѣщанія позаботиться обо мнѣ и предложить эту епархію, но тотъ ничего ему не сказалъ.

На всякій случай попросилъ онъ патріаршаго архидіакона напомнить патріарху объ этомъ дѣлѣ. Между епископами синода уже начались волненія и переговоры: каждому хотѣлось захватить Боснійскую епархію. Зворникскій Діонисій пресвященныи прислалъ своему внуку, архидіакому, телеграмму гдѣ говорилъ что епархія ему сосѣдняя и чтобы тотъ постарался у патріарха за него. Кромѣ того, онъ далъ взятки всѣмъ синодальнымъ епископамъ, Неофиту и другимъ. И потому когда Антимъ напомнилъ о себѣ Іоакиму Кизикійскому, тотъ прямо спросилъ: а гдѣ деньги? А что могъ сказать ему Антимъ когда не только не имѣлъ денегъ на подкупъ, но еще былъ ему долженъ 13.000 грошей.

Предъ официальнымъ собраніемъ синода владыки сговаривались между собой частнымъ образомъ кого куда назначить, и рѣшили Діонисія поставить епископомъ Боснійскимъ, Паисія Виддинскаго перевести въ Зворникъ, а Антима сдѣлать Виддинскимъ митрополитомъ. Сначала предлагали Антиму назначить его въ Зворникъ, но онъ отказался и выбралъ Виддинскую епархію. Между тѣмъ Паисій, бывшій синодальнымъ епископомъ и не жившій въ Виддинѣ, скрывалъ что священники его епархія давно уже не поминаютъ его въ церкви и что паства не признаетъ его за епископа. Не подозрѣвая этого, Антимъ согласился принять предложенное ему мѣсто разчитывая что можетъ - быть Болгары и примутъ его. Это было въ 1868 году. Чтобы поскорѣе разъяснить дѣло, посылаетъ онъ своего діакона Павла въ Виддинъ. Тамъ граждане говорятъ ему что давно отказались отъ патріархія, не поминали патріарха въ день Воскресенія Христова и не будутъ признавать рукоположеннаго имъ владыку. Пишетъ ему діаконъ обо всемъ этомъ въ Константинополь, и, кромѣ того, пишетъ о томъ же изъ Виддина и тамошній вліятельный гражданинъ Ілія Цаковъ.

Удивленный и оскорбленный Антимъ идетъ съ этимъ письмомъ въ патріархію и говоритъ: „епархія давно отказалась отъ патріархія, а вы меня въ нее назначаете, перекинули меня только изъ Преслава въ Виддинъ. Соберите синодъ и призовите Паисія.“ Когда собрались греческіе епископы, Антимъ предложилъ распросить своего предшественника Паисія, и въ то же время передалъ писарю прочесть письмо діакона изъ Виддина. Изобличили Паисія во лжи, и Антимъ сталъ укорять его говоря: „такъ ли

садуеть постулатъ служителю церкви?" Паусій, смущенный, оправдывался тѣмъ что не живя въ своей епархіи не зналъ что тамъ дѣлается и официально не былъ извѣщенъ объ ея отпаденіи отъ патріархіи. Но всѣ видѣли что это неправда и что ему хотѣлось лишь избавиться отъ епархіи и получить другую. Но такъ какъ Автимъ уже далъ честное слово ѣхать въ Виддинъ, то не хотѣлъ отказываться и сталъ собираться въ дорогу. Патріархія снабдила его нѣкоторою суммой денегъ и письмами къ губернаторамъ руцукскому и виддинскому: Порта еще не отказывалась тогда официально давать покровительство назначаемымъ отъ патріарха владыкамъ. Кромѣ того, Автимъ имѣлъ письма и къ хаджи Иванчо, руцукскому чорбаджи, и другимъ Болгарамъ. Изъ Руцука послалъ онъ телеграмму своему дякову въ Виддинъ извѣщая о днѣ прибытія и прося уведомить о томъ священниковъ и гражданъ. Губернаторъ Виддина, Азисъ-паша, котораго называли даже славянофиломъ за его симпатіи къ Болгарамъ, узнавъ объ этомъ призвалъ къ себѣ гражданъ и между ними извѣстнаго Севастаки, и приказалъ запечатать митрополію, не принимать епископа и заявить въ прошеніи Порта что они не желаютъ признавать его. Тѣ поступили какъ говорилъ паша; конечно, во всемъ этомъ участвовали лишь граждане, а народъ ни о чемъ и повѣстія не имѣлъ.

Не мѣшаетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о Севастаки, личности крайне типичной и игравшей въ свое время видную роль въ Виддинѣ. Родомъ Румынъ, красивый, высокій, замѣчательно хитрый и ловкій, онъ сумѣлъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ полу-приживалаки, полушута, полу-шпіона, полу-намѣстника, послѣдовательно у нѣсколькихъ пашей или валиевъ Виддина. Такъ какъ треть населенія этого пашалыка состояла изъ Румынъ, то Севастаки всегда имѣлъ поддержку въ солдатовникахъ и за то ходатайствовалъ за нихъ у властей. Всѣ его боялись и всѣ имѣвшіе дѣло до правительства покупали его. Иногда онъ шпіонажничалъ между Болгарами, доносилъ на нихъ, предѣвался надъ ними, иногда же выручалъ ихъ изъ бѣды, то за деньги, а то и такъ: знайте же каковъ сильный человекъ. Турецкіе чиновники въ своемъ цитимомъ кругѣ иногда били его, иногда ласкали и дарили, всегда находили полезнымъ и почти необходимымъ для веденія дѣлъ съ болгарскимъ и румынскимъ населеніемъ, особенно съ

виданскими гражданами. Онъ научался въ одно и то же время плакать и смѣяться, изводатиска есорить и мирить овоихъ властителей, губить и спасать овоихъ единоверцевъ и всего болѣе пресмыкаться. Краснорѣчивый, льстивый и гибкій какъ змѣя, онъ однако не лишень былъ известнаго добродушія и даже чего-то въ родѣ патриотизма. Въ настоящее время онъ прѣжняго вѣса не имѣеть, хотя и сохранилъ вліяніе между Румынами, вслѣдствіе чего во дни выборовъ его значеніе подымается. При турецкомъ управленіи онъ былъ членомъ губернскаго суда и вообще что называется „воротилой“.

Для облюдованія привиліи, граждане и народъ вмѣстѣ съ Севастаки все-таки пришли на пристань ко времени прибытія австрійскаго парохода, но не видя владыки разошлись. Стучилось же такъ что Антимъ вѣчалъ на казенномъ турецкомъ пароходѣ, прибывшемъ въ Видинъ лишь поздно ночью. Его встрѣтила дьякономъ Навель и турецкій полицеймейстеръ. Она повела владыку по улицѣ и когда проходила мимо мѣтрополіа, то дьяконъ указалъ на нее прокомментуя: „здесь мѣтрополіа!“ Не полицеймейстеръ не остановился, а на вопросъ Антима отвѣтилъ: „мѣтрополіа еще не приготовлена, пока перемочутъ у одного *маретца* (то-есть мѣстнаго аристократа), и затѣмъ проведетъ его въ домъ Севастака.“

Хозяинъ встрѣчаетъ владыку колодно, почти неучтиво, и извиваясь тѣмъ что онъ и его семья вѣдятъ скоромное да и готовить некому не предлагаетъ ему даже трапезы. А дѣнь былъ холодный и дождливый и владыка усталъ, провябъ и проголодался. Удивился и оскорбился Антимъ; вѣчеге подобнаго еще не вѣривалъ онъ до сихъ поръ. Въ тотъ же вечеръ написалъ онъ патриарху, говоря: „вотъ до чего доведены критіане: они своего пастыря встрѣчаютъ какъ врага. Поведеніе это есть плодъ прежнихъ ошибокъ. Я здѣсь остаться не могу и уѣду.“

На другой день Севастака говоритъ Антому что ему нужно свидѣться съ ламей. Приходитъ и полицеймейстеръ и предлагаетъ провозить владыку къ ламѣ. „Нѣтъ“, отвѣчаетъ Антимъ, „я не преступляю чтобъ вѣхать въ сопровожденіи полиціи.“ Полицеймейстеръ сконфузился и извивался. Севастаки между тѣмъ велѣлъ приготовить экипажъ и самъ ѣхалъ съ владыкой прося его благословить народъ. Въ

послѣдствіи обнаружилось что хитрый Румынъ въ то же время подучилъ народъ не вставать предъ владыкой когда онъ пойдетъ по городу. Антимъ былъ крайне удивленъ замѣтивъ что граждане при видѣ его встаютъ, но раздумавъ опять садятся; между тѣмъ Севастаки дѣлалъ имъ тайные знаки чтобъ они сидѣли, а самъ просилъ Антима: „владыко святыи, благослови ихъ“. Паша Антимъ передалъ письмо патриарху; прочитавъ письмо тотъ сконфузился зная что былъ причиною оскорбительно-холоднаго приѣма владыки, и въ то же время опасаясь власть въ немилость потому что патриархія еще имѣла вліяніе и силу въ Великой Портѣ. Онъ какъ бы извинялся говоря: „христиане здѣсь очень недовольны патриархіей, она посылаетъ имъ епископами людей для нихъ непріятныхъ“. Онъ посоветовалъ Антиму познакомиться съ другими турецкими чиновниками. Поѣхалъ Антимъ къ кади (судья), къ командиру войскъ и коменданту крѣпости, Омеръ-паша. Это былъ Полакъ, русскій воспитанникъ, бѣжавшій изъ Россіи въ 1854 году. Омеръ-паша говорилъ Антиму: „не принимаютъ и не признаютъ тебя Болгары! Хочешь я дамъ тебѣ взводъ солдатъ, а она примутъ“. „Нѣтъ“, отвѣчалъ Антимъ, „такъ я не хочу поступать, пусть примутъ меня по доброй волѣ“.

Черезъ два-три дня приходятъ ко владыкѣ Ванко Нешевъ, почетнѣйшій гражданинъ города, и еще человекъ пятнадцать и объясняютъ: „мы не говоримъ тебѣ *добре димель* (болгарское привѣтствіе), не потому что желаемъ сдѣлать тебѣ лично непріятность, а потому что ты прислалъ отъ патриархія. Ты знаешь что привело къ этому разрыву, знаешь положеніе Болгаръ, поведеніе греческой іерархія и патриархія выведшее насъ изъ терпѣнія. Когда мы просили болгарскихъ владыкъ, то намъ ихъ не присылали, а теперь мы и ихъ не хотимъ принимать и признавать, пока не рѣшится болгарскій церковный вопросъ“. Антимъ отвѣтилъ имъ: „рѣшайте какъ знаете. Если меня примете, то тѣмъ признаете патриархію, а мнѣ дадите мѣсто и средства, а я буду доволенъ; если меня не примете и не признаете, то какъ бы лично для меня это ни было тяжело, какъ Болгаринъ любящій свою родину я опять буду доволенъ, потому что это можетъ ускорить рѣшеніе столь важнаго для насъ вопроса“.

На томъ и разошлись все по домамъ. Пишетъ Антимъ опять патриарху, рассказываетъ какъ обстоитъ дѣло, находя

что, по его мнѣнію, трудно уладить его. Тотъ же отвѣчаетъ: постарайтесь умиротворить народъ, надѣюсь на вашу мудрость и жалѣю отъ души что христіане васъ не признали. Въ сущности же, еслибы владика далъ 100 — 200 золотыхъ Севастаки и другимъ любимцамъ паши, то граждане признали бы его немедленно, но онъ гнушался подобными средствами какъ и предложеніями Омеръ-паши. Намавъ себѣ частную квартиру, прожилъ Антимъ 5—6 мѣсяцевъ въ Виддинѣ не бывъ ни разу въ церкви, и молился дома. Иногда приходили къ нему священники и онъ увѣщевалъ и поучалъ ихъ. Въ то время епархіи по 10 и 15 лѣтъ оставались безъ епископовъ, безо всякаго присмотра; священники были невѣжественны и грубы, авторитетъ греческаго духовенства палъ, замѣнить его было нечѣмъ, народъ совершенно опустился въ религіозномъ отношеніи, а по селамъ свободно проповѣдывалась уніа. Положеніе было печальное; стать открыто на сторону народа было противно церковнымъ законамъ, а проповѣдывать противъ уніи по селамъ, какъ дѣлалъ онъ прежде, было неудобно такъ какъ народъ не признавалъ его за епископа. Тяжелое то было время для эзарха и много онъ перестрадалъ тогда, глядя на происходившее вокругъ и будучи не въ состояніи что-либо сдѣлать.

VIII.

Осенью 1868 года Антимъ находился въ городѣ Бѣлградчикѣ, недалеко отъ Виддина, и тамъ получилъ письмо отъ *главарей* болгарской партіи въ Константинополь, призывавшее его туда.

Дѣла болгарскаго церковнаго вопроса въ это время приняли новый оборотъ. Турецкое правительство, видя что Болгары и Греки еще не скоро придутъ къ какому-нибудь соглашенію, взяло инициативу и прелпроводило въ патриархію два проекта долженствовавшіе разрѣшить споръ. Болгары радостно ухватились за эти проекты, напечатали ихъ на нѣсколькихъ языкахъ, разослали по всей Болгаріи, Фракіи и Македоніи, и приглашали окружнымъ письмомъ болгарскихъ епископовъ немедленно пріѣхать въ Константинополь для составленія правилъ объ устройствѣ болгарской церкви. Письмо было подписано

Илариономъ Макаріопольскимъ, Панагетомъ Флаллопольскимъ, Чумаковымъ, Хаджи Иваницю, Христо и Никола Толчалешти, Струмскимъ и другими. Въ немъ, между прочимъ, предлагалось общинамъ отказаться формально отъ патріархіи. Получивъ это письмо, Антимъ отправился въ Виддинъ. При проѣздѣ черезъ Ломъ-Паланку народъ устроилъ ему великолѣпную встрѣчу, уговаривая принять сторону народа и ѣхать на собраніе въ Константинополь. Сюда же выѣхалъ къ нему изъ Берковца и владыка Доспеевъ для совѣщанія. Сильно увѣщевалъ Антима ломскіе *переселенцы*, умоляли не оставлять народа безъ пастыря, открыто стать на сторону народа, отказавшись отъ патріархіи, и обѣщали доставить ему необходимыя матеріальныя средства. Но владыка кричалъ не торопиться его, дать ему подумать, размыслить не нарушить ли онъ этихъ церковныхъ законовъ. Въ Виддинѣ пришелъ къ нему Азисъ-лаша, подѣловалъ его руку и сказалъ: „извѣстная мѣня что ты долженъ принять сторону народа противъ патріархіи и велѣли мнѣ тебя беречь и защищать“. По секрету показалъ онъ Антиму письма великаго визиря и предсказалъ что его изберутъ въ архіепископа. Цѣлую недѣлю размышлялъ владыка, запершись дома, окруживъ себя канонами и правилами, читая ихъ и видя въ ихъ смыслѣ. Вспоминалъ онъ клятву данную при рукоположеніи своемъ быть вѣрнымъ православнои церкви и своему начальству. Онъ долго думалъ и боролся со своими сомнѣніями до истощенія силъ. Со всѣхъ сторонъ оласности, искушенія; народъ страдаетъ, его совращаютъ и уговариваютъ избѣжить вѣрѣ отцовской; вспоминалъ Антимъ пропаганду и поведеніе патріархіи, ея обманы, подкупы, несправедливости и притѣсненія Болгаръ.... Онъ перекрестился и рѣшился принять сторону народа. 6 декабря 1868 года онъ торжественно совершилъ литургію въ церкви, не помянулъ патріарха и былъ, какъ признавалъ владыка, отведенъ ликовавшимъ народомъ въ митрополию. Немедленно затѣмъ онъ написалъ въ Константинополь о всемъ происшедшемъ въ Болгарской общинѣ, заявляя что отказывается отъ патріархіи, что признавалъ жителями епархіи и ѣдетъ представителемъ и защитникомъ народныхъ интересовъ, имѣя довѣрительныя письма отъ вѣяательнѣйшихъ лицъ. Для управленія дѣлами епархіи онъ оставилъ намѣстника своего Илариона (Болгарина) и совѣтъ изъ

духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Опасаясь интригъ и неустойчивости Болгаръ, Антимъ заключилъ съ Владиками рядъ условій въ которомъ было упомянуто что народъ упомощиваетъ владыку своего дѣла въ Константинополь хлопотая о народномъ дѣлѣ, что даетъ ему 75.000 грошей содержанія (около 3.600 металлическихъ рублей) въ годъ, и что если Турецкое правительство отклонитъ его въ смысле то народъ все-таки будетъ держаться его. Поданныя письма ввѣлъ Антимъ отъ жителей Видина и его окрѣстья и отъ города Ломъ-Паланки, тоже подписанныя самыми вѣстельными гражданами. Владыки: Ловчанскій Маріонъ, Кюстендальскій Игнатій и Софійскій Доросей ужъ отправились изъ своихъ епархій. Вокоръ выхваляя и Антимъ, провожаемый торжественно народомъ.

IX.

На Рождество Антимъ пріѣхалъ въ Константинополь. Тутъ положеніе дѣлъ оказывалось весьма натянутымъ. Патріархъ Григорій протестовалъ противъ поступка Болгарской общины и съѣзда епископовъ и энергично требовалъ у правительства немедленнаго удаленія ихъ. Епископы подробовали было употребить хитрость заявивъ что они прежде служили патріарху, а что теперь намѣрены служить Великой Церкви; но патріархъ настаивалъ на томъ чтобъ они немедленно разѣхались по епархіямъ, угрожая имъ въ противномъ случаѣ какъ ослушникамъ ссылкой и заключеніемъ. Епископы смутались и не знали что придумать чтобы только остаться въ Константинополь. Антимъ ободрялъ ихъ напоминая имъ что само Турецкое правительство, хотя и тайно, дозволило имъ съѣхаться въ столицу Турціи. Черезъ посредство доктора Каракавовскаго, епископы сообщили русскому послу въ Константинополь о своемъ затруднительномъ положеніи, и Н. П. Игнатьевъ принялъ въ нихъ горячее участіе. „Правда ли, обратился онъ къ Великой Портѣ, пишутъ мнѣ русскіе консулы и агенты что само правительство султана дозволило неофициально епископамъ болгарскимъ съѣхаться въ Константинополь а будто теперь оно выдаетъ ихъ патріарху, которая требуетъ чтобъ они разѣхались подѣ

страхомъ ссылки и заключенія? Великая Порта не могла явно мѣшаться въ дѣла патріархіи, имѣвшей свои права и привилегіи. Борьба сдѣлалась явной. Владыки Иларіонъ Ловчанскій, Пансій Филібейскій, Доросей Софійскій, Антимъ Видинскій, Иларіонъ Макаріопольскій, Панаретъ Филлилопольскій составили синодъ и управляли епархіями временно; свѣтскій совѣтъ имѣлъ представителями общинъ Чумакова и доктора Струвскаго изъ Филлилополя, Хаджи Іованчо изъ Рущука, Михайловскаго и Хаджи Николо изъ Тырнова, Николочо Толчилешта и Димитрія Гешева отъ константинопольскихъ Болгаръ.

Патріархія доказывала Великой Портѣ что поступки болгарскихъ епископовъ противузаконны, а эти послѣдніе говорили что дѣло идетъ объ административномъ управленіи церкви, а не о догматахъ ея. Письма, отвѣты и циркуляры къ независимой болгарской церкви обдумывались епископами сообща, а писались Симеономъ (нынѣшній Преславскій Владиміръ) бывшимъ тогда секретаремъ Антима, Христо Стояновымъ и Гаврилломъ Крестовичемъ (секретарь князя Вогорди). Наконецъ патріархъ Григорій придумалъ созвать вселенскій соборъ и въ этомъ смыслѣ написалъ ко всѣмъ православнымъ автокефальнымъ церквамъ. Большинство отвѣтовъ отъ греческихъ патріаршествъ и митрополій было благопріятно для Грековъ, а изъ Россіи пришелъ отвѣтъ въ духѣ примирительномъ, но Св. Синодъ высказалъ при этомъ что не находитъ нужнымъ созывать вселенскій соборъ. Болгарскіе епископы возражали противъ собора, говоря: „Не сами ли обвинители тогда будутъ и судьями нашимъ“? Въ этой борьбѣ прошелъ весь 1869 годъ. Въ началѣ 1870 года Антимъ съ дозволенія синода вернулся въ Видинъ. Здѣсь опять появился Драхшинъ и смущалъ народъ такъ что дѣльныя села обращались въ увію, да и другихъ дѣлъ накопилось много. Съ Антимомъ былъ и Симеонъ. Между тѣмъ, 28 февраля, совершилось значительное и памятное для Болгаръ событіе: изданъ былъ султанскій фирманъ даровавшій Болгарамъ экзархатъ, то-есть независимую церковь. Временный синодъ въ Ортакіѣ пригласилъ Антима въ Константинополь для составленія устава. Но прежде чѣмъ созвать выборныхъ представителей всѣхъ болгарскихъ общинъ нужно было сперва установить правила выборовъ, а между тѣмъ отъ правительства не было разрѣшенія для открытія ихъ. Въ

письмѣ къ Автиму синодъ просилъ его, проѣздомъ чрезъ Рущукъ, спросить у тамошняго генералъ-губернатора: позволено ли будетъ, основываясь на султанскомъ фирманѣ, потребовать отъ Силастрийскаго владыки, Грека, затворившаго митрополию и удалившагося въ Тульчу, передачи этой митрополіи Болгарамъ.

Автимъ отправился къ губернатору, но получилъ отъ него отвѣтъ что безъ позволенія визиря онъ ничего сдѣлать не можетъ. Тогда Болгары въ Константинополѣ стали просить Али-пашу дать соотвѣтствующее разрѣшеніе. Губернаторъ получалъ телеграмму отъ визиря съ приказаніемъ отворить Силастрийскую митрополию и передать ее Ваддинскому владыкѣ Автиму. Въ свою очередь губернаторъ телеграфировалъ въ Тульчу предлагая тамошнему пашѣ просить владыку греческаго передать митрополию Болгарамъ. Паша отвѣчалъ что безъ позволенія патріарха не можетъ этого сдѣлать. Тогда Автимъ отправился самъ въ Силастрию; по дорогѣ заѣхалъ въ Тутраканъ и проповѣдывалъ тамъ въ церкви. Онъ нашелъ въ Тутраканѣ многочисленное румынское населеніе признававшее греческую церковь; однако, съ помощью священниковъ, Автиму удалось убѣдить ихъ присоединиться къ болгарской церкви. Затѣмъ онъ переправился черезъ Дунай на маленькой рыбацкой лодкѣ, въ село Понимо, считавшее до 200 болгарскихъ домовъ. Тутъ онъ былъ принятъ съ восторгомъ и населеніемъ и священникомъ. Остановился онъ у одного чорбаджи, человека умнаго и хитраго, не мало скитавшагося на своемъ вѣку по свѣту. Его типичная фигура и лицо съ однимъ глазомъ особенно запомнились владыкѣ. Когда зашелъ разговоръ о положеніи дѣлъ, чорбаджи сталъ радоваться что настало наконецъ время когда болгарскіе владыки получили свои права, потомъ наклонившись къ Автиму спросилъ на ухо: „а когда же оно придетъ!“ подразумевая подъ этимъ освобожденіе. „Молчи, не говори про это, отвѣтилъ Автимъ, а то отрѣжутъ тебѣ языкъ“. Вообще даже простой народъ тѣсно соединялъ понятіе о разрѣшеніи церковнаго вопроса съ надеждой на освобожденіе отъ Турокъ. Въ Силастрию владыка пріѣхалъ больной, простудившись при переправѣ черезъ Дунай. Прележавъ недѣлю двѣ въ постели онъ оправился и, первымъ дѣломъ, очистилъ митрополию и передалъ ее Болгарско й общинѣ. Въ митрополіи происходила постоянная ссора между

молодымъ и старымъ покаяніемъ и кромѣ того Болгары ссорились съ Греками, а Греки съ Румынами.

Жители явились къ Антиму съ просьбой помирить ихъ между собой. Антимъ принялся за дѣло. Старые, осторожные чорбаджи не могли никакъ стовориться съ пылкою и увлекавшеюся новыми патріотическими вѣяніями молодежью; кромѣ того, Болгары, и старые и молодые, несправидливи Грековъ и были ими несправидливы. Долго уговаривалъ и увѣщивалъ ихъ Антимъ, проповѣдывалъ со своимъ обычнымъ краснорѣчіемъ въ церкви и примирялъ враждующихъ въ частныхъ бесѣдахъ на дому; труды его увѣщаній успѣхомъ: онъ прекратилъ вражду даже между Греками и Румынами. Они ссорились за церковь возобновляемую Русскими въ 1829 году: малочисленное греческое населеніе забрало ее въ свои руки, а Румыны подняли шумъ говоря: „мы болѣе многочисленное и коренное населеніе, а это прашаецы, церковь принадлежитъ намъ.“ Антимъ уговорилъ Болгаръ и Румынъ соединиться въ одну общину подъ главенствомъ первыхъ.

Приходили также къ Антиму селяне изъ деревни Каращилитъ; одинъ изъ нихъ, старикъ краснорѣчивый и веселый, поздоровался съ епископомъ и сказалъ: „дошла бѣда до моей головы“, и вдругъ заллакамъ горько-прегорько. „Что ты дѣдо? спрашиваетъ его Антимъ, что у тебя за горе?“ Разказываетъ дѣдо: „Разъ озябла одинъ Турчинъ и въ зимній день пошелъ свимать съ ластуховъ *зервули* (то - есть кожаные саидалии); пришелъ и къ моимъ овцамъ, которыхъ ласъ мой ларель, кричитъ: скидай цервули, а тотъ не послушался. Турчинъ давай его бить, а мой ларелекъ не вынесъ обиды, да и ударилъ Турчина своей лалкой такъ что убилъ его на мѣстѣ. Взялъ ларня и залерилъ въ Виддинъ въ крѣпость. Ты тамъ владыкой, заключилъ старикъ, похололочи чтобъ его отпустили. Я просилъ, просилъ, но толку нѣтъ.“—Какъ же это онъ такъ неосторожно ударилъ Турчина? спрашиваетъ Антимъ.—„Да не научился еще Болгаринъ бить Турокъ, оттого и мѣры не знаетъ“, отшучивался сквозь слезы дѣдушка.

Посѣтилъ Антимъ главныя села Силістріійской епархіи, вездѣ служилъ и проповѣдывалъ слово Божіе. Большинство священниковъ этой епархіи были учениками вѣскога Вавискова, который былъ воспитанъ въ Румыніи и состоялъ членомъ революціоннаго болгарскаго комитета въ Букурештѣ. Они были горячіе

патріоты и проводили въ народѣ національныя идеи. Антимъ лобызалъ также и въ Кучукъ-Найварджи. Тамъ народъ плакалъ и жаловался Антиму на востерпимыя притѣсненія отъ Черкесовъ; Антимъ проповѣдывалъ и утѣшалъ народъ. Въ Силестріи дѣло увѣнчалось блестящимъ успѣхомъ: владыка всѣхъ примирилъ и соединилъ во единую болгарскую церковь. Онъ гонялъ румынскихъ чорбаджи и священниковъ и заставлялъ ихъ подписать формально документъ объ ихъ согласіи на подобное соединеніе. Сильное и прекрасное впечатлѣніе произвелъ онъ на нихъ, и добрую память оставилъ по себѣ. Въ послѣдствіи, когда онъ избранъ былъ въ ексархи, силестрійскіе Румыны прислали ему трогательный поздравительный адресъ. Владыка не лобзалъ въ Тульчинскій округъ: тамъ вліяніе Грековъ было слишкомъ сильно, и турецкія власти были всѣ въ ихъ рукахъ. Не только Греки, но и Румыны и Болгары не признали присланнаго имъ искорѣ ексархіатомъ болгарскаго епископа. Изъ Силестріи Антимъ отправился въ Шумальскую епархію, оставаясь по дорогѣ въ селахъ. Въ Шумѣ ему сдѣлали блестящую встрѣчу, особенно памятную ему по задушевности и вмѣстѣ торжественности. Послѣ церковной службы онъ сказалъ одну изъ самыхъ краснорѣчивыхъ проповѣдей своихъ, къ сожалѣнію не сохранившуюся. Основаніемъ ея онъ взялъ знаменитую рѣчь митрополита Московскаго Филарета въ Коломнѣ, произнесенную имъ по случаю назначенія его Московскимъ митрополитомъ. Впервые послѣ паденія Болгарскаго царства, съ амвона болгарской церкви проповѣдникъ осмѣливался говорить народу явно и громко о его славномъ прошломъ. Владыка говорилъ что Шума есть старый Преславъ, древняя великая столица Болгарскаго народа; она для Болгаръ что Сіонъ для Израила. Вспомнилъ онъ и Крума, и Симеона, и другихъ, предъ которыми когда-то трепетала Византія. „Еслибы камни и деревья имѣли языкъ и голосъ, они повѣдали бы намъ объ этихъ славныхъ временахъ, говорилъ онъ, но теперь все пало, все исчезло и нѣтъ слѣдовъ этой славы, этого могущества“....

Проловѣдъ произвела громадное впечатлѣніе. Зная тогдашнее положеніе Болгаръ и нарождавшееся стремленіе освободиться отъ невыносимаго гнета, можно представить себѣ какъ эта смѣлая и горячая проповѣдъ потрясла Болгаръ,

возбудивъ чувства патриотизма и національной гордости въ самыхъ забытыхъ и притѣвляемыхъ людяхъ.

Изъ Шумлы Автимъ отправился на Ески-Джуму, Османъ-Базаръ, чрезъ чудныя живописныя мѣстности Тузаука и Дели-Оршава. Вездѣ оны проповѣдывалъ и исполнялъ обязанности архипастыря и примирителя; но съ тоской въ душѣ видѣлъ оны что рѣдкое болгарское населеніе какъ бы затеряно во многочисленномъ турецкомъ населеніи, зажиточномъ и необузданномъ; начался когда-нибудь возстаніе между Болгарами, думалъ Автимъ, здѣсь оны были бы перерѣзаны въ одинъ день. Оны остановился въ субботу на недѣлѣ Православія въ одномъ болгарскомъ селѣ Тиць, по дорогѣ между Османъ-Базаромъ и Котломъ. Жители, принявшіе его съ восторгомъ, просили его остаться съ ними на воскресенье и отслужить у нихъ обѣдню. Здѣсь оны, тоже проповѣдуя, говорилъ народу что Болгары добились своихъ правъ получивъ своихъ единоплемennыхъ пастырей. Наидя у жителей древнюю рѣдкую рукопись славянскаго Евангелія, Автимъ велѣлъ имъ беречь ее какъ святыню, и погрозилъ что если продадутъ ее, польстясь на деньги, то будутъ прокляты. Оны еще долѣе осталася бы тутъ, но уже прежде телеграфировалъ о датъ своего прибытія въ Котель. Городъ Котель, по-турецки Казавъ, населенъ исключительно Болгарами, самостоятельными и богатыми. Автимъ пріѣхалъ туда вечеромъ, городъ былъ иллюминированъ, народъ встрѣтилъ его со свѣчами. Сопровождаемый народомъ, Автимъ прямо отправился въ церковь, гдѣ отслужилъ вечерню. Проповѣдуя, оны говорилъ что считаетъ себя счастливымъ что Богъ привелъ его увидѣть Котель, городокъ столь замѣчательный въ церковномъ и гражданскомъ отношеніи, бывший родиною столь извѣстныхъ людей какъ князь Стефанъ Вогориди, владыки Паисій и Неофитъ и др.

Ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ въ Котелѣ, Автимъ не безъ печали замѣтилъ что тутъ происходятъ сильныя смуты; граждане раздѣлились на двѣ партіи, изъ которыхъ одна состояла изъ стариковъ, осторожныхъ, недовѣрчивыхъ и отчасти грекофиловъ, а другая изъ молодежи полной горячихъ патриотическихъ чувствъ. Не такъ давно Котельчане всѣ безъ исключенія были поклонники валавизма; въ ихъ школахъ преподаваніе происходило исключительно на греческомъ

языкъ, и аристократы города, чорбаджи, прекрасно изъяснялись на этомъ языкѣ. Слѣдую сильно распространенному въ Болгаріи обычаю, чорбаджи считали своимъ долгомъ ходить на поклоненіе Св. Гробу Господню и на Аеовскую гору, гдѣ они часто оставались жить со своими семействами по нѣскольку лѣтъ. По возвращеніи на родину, богомольцы эти пользовались всеобщимъ уваженіемъ и за ними на всю жизнь оставалось прозваніе *хаджи*, что по-турецки означаетъ поклонникъ. Жители Котла, какъ люди богатые и щедрые жертвователи, имѣли большую привилегію: у нихъ жилъ монахъ изъ одного греческаго монастыря на Аеовѣ, привеситій съ собой оттуда мощи, именно руку Св. Петра, особенно почитаемого пастушескимъ населеніемъ округа.

Новыя вѣянія времени не остались безъ вліянія и на Котельчанъ: греческій языкъ былъ изгнанъ изъ школы и семьи, а буйная молодежь хотѣла изгнанія, подобно другимъ городамъ, и греческаго монаха; но ее сильно затруднялъ вопросъ о мощахъ которыя монахъ навѣрное унесъ бы съ собой. Когда Антимъ былъ еще въ Шумлѣ, молодежь, не зная какъ приступить къ дѣлу, отправила телеграмму къ Антиму спрашивая его что дѣлать съ греческимъ монахомъ, на что Антимъ, ничего не подозревая, отвѣтилъ: „сдѣлать то что сдѣлали въ другихъ городахъ болгарскихъ“. Ободренные этимъ, противники эллинизма сговорились украсть драгоценныя мощи. Исполнить это вызвалась сестра извѣстнаго патріота Раковскаго (издававшего газету *Дунайскій Лебедь*). Однажды вечеромъ, когда народъ послѣ службы прикладывался къ мощамъ, и монахъ пошелъ въ алтарь чтобы зажечь нечаянно погаснувшую у мощей свѣчу, отважная женщина схватила мощи и скрылась съ ними. Вслѣдъ затѣмъ Антимъ пріѣхалъ въ Котель и въ проповѣди своей высказался неодобрительно о строѣ жизни, накопленныхъ богатствахъ и недобросовѣстномъ отношеніи греческихъ монастырей къ народу; молодежь, воодушевленная этою проповѣдью, въ тотъ же день изгнала со скандаломъ греческаго монаха, выкинувъ его вещи на улицу. Ночью къ Антиму пришли вліятельнѣйшіе чорбаджи, хаджи Петаръ, хаджи Йорданъ и другіе, и стали упрекать его въ томъ что подъ вліяніемъ его рѣчей буйная молодежь поступила такъ безцеремонно съ монахомъ. Недовольство чорбаджи

было такъ велико что владыка, зная въ какой великой дружбѣ съ турецкими властями состоитъ хаджи Петаръ и боясь съ его стороны клеветы и довѣса, началъ придумывать средства какъ бы поправить дѣло. Онъ призвалъ молодежь Котла и сталъ упрекать ее за необдуманнѣе якобы и вѣтренный поступокъ, который можетъ имѣть лагубныя послѣдствія, и посоветовалъ немедленно ввести вещи монаха въ его квартиру, извиниться предъ нимъ и попросить его придти къ нему, Автиму, для объясненія. Когда всѣ эти совѣты были исполнены и греческій монахъ пришелъ къ Автиму, то владыка сталъ уговаривать его не быть причиной ссоръ, смуть и вражды въ городѣ, а уйти добровольно, и сдѣлать это для сохраненія благолѣпія церкви и пользы самаго дѣла, тѣмъ болѣе что отовсюду монахи ушли, и наконецъ что пожертвованъ своимъ самолюбіемъ онъ спасетъ и себя самого отъ неурядицъ.

— Хорошо, я иду, отвѣтилъ Грекъ, — но пусть сначала мнѣ отдадутъ украденныя у меня мощи, онѣ принадлежатъ посланному меня сюда монастырю и я не смѣю вернуться туда безъ нихъ.

Тутъ только узналъ владыка все дѣло и понялъ какъ трудно его уладить. Нужно сказать что Автима въ его путешествіи сопровождалъ архимандритъ Теофилакъ изъ Рыльскаго монастыря, человекъ краснорѣчивый и способный, служившій какъ бы посредникомъ между народомъ и епископомъ.

Автимъ немедленно послалъ его разузнать кто укралъ мощи и вернуть ихъ если можно. Архимандритъ, имѣя подозрѣніе на сестру Раковскаго, сумѣлъ такъ подѣйствовать на нее что она показала ему мощи. Тогда Автимъ послалъ вторично Теофилака требовать мощи ужъ офоціально, но сестра Раковскаго отказалась отдать ихъ. Автимъ снова сталъ уговаривать молодежь, и даже пригрозилъ ей пожаловаться вѣдъ; онъ упрашивалъ молодыхъ людей хотъ тайно возвратитъ мощи на мѣсто. Автима послушались, и во время водосвятія какой-то ребенокъ подаль владыкѣ мощи обернутыя въ платокъ. Тогда Автимъ обратился къ старикамъ и спросилъ: — Общались ли вы, если я возвращу мощи, отлустить монаха немедленно, а ты, обратился онъ къ монаху, общался ли уйти? „Да“, отвѣчали старики. — Ну исполните же свое

объясненіе! продолжалъ Антимъ. Монахъ сталъ было представлять нѣкоторыя жалобы, но владыка строго прикрикнулъ на него:—Ты, бывшій причиной столькожъ ссоръ и вражды, уходи лучше скорѣе съ Богомъ. Монахъ вида что дѣло непоправимо послѣдствъ удалиться. Хаджи Петаръ провожалъ его съ сожалѣніемъ. Послѣ отъезда Антима монахъ вернулся было снова, но молодежь снова изгнала его изъ города. Труднѣе было Антиму поселить миръ между старымъ и молодымъ поколѣніемъ Котла. Старики обзывали молодыхъ вольнодумцами, а молодые стариковъ ханжами. Долго увѣщевалъ Антимъ и тѣхъ и другихъ; краснорѣчиво доказывая что эти ссоры тормозятъ ходъ народнаго дѣла и совѣтовалъ имъ направить лучше энергію на устройство общинныхъ дѣлъ. Между прочимъ, школа въ Котлѣ нуждалась въ средствахъ; Антимъ написалъ уставъ для настоятельства (полечителя школъ), опредѣлилъ количество его членовъ, ихъ обязанности, размѣръ вознагражденія учителямъ, а недостающую сумму разложилъ на граждамъ по количеству принадлежащихъ каждому овецъ.

Изъ Котла владыка направился на городъ Жеровню, оттуда въ село Градецъ и далѣе чрезъ Кая-Баши на Карнабадъ. Вездѣ онъ служилъ въ церквахъ и училъ въ проповѣдяхъ заботиться всего болѣе о школахъ. Народъ вездѣ ему разказывалъ про свое горе и переносимыя тяготы; владыка всѣхъ ободрялъ и утѣшалъ. Между прочимъ, ему говорили повсюду что греческіе епископы изгнаны, а мѣсто ихъ не занято никѣмъ; Болгаръ-пастырей которые могли бы научить, утѣшить и защитить, не присылаютъ. Въ Айдошъ, въ особенности, положеніе дѣлъ было печально: болгарская община тамъ была не велика и имѣла двухъ священниковъ, одного, упорнаго грекофила, другаго, цинцарина, которые поддерживали греческую партію. Въ Бургасѣ также была болгарская церковь; но здѣсь во главѣ Болгаръ стояли энергическія личности Брыкаловъ и Савва изъ Эски-Загры; они лютостенно дѣлали неприятности Грекамъ; уговоривъ общину выстроить школу, они подъ ея видомъ выстроили церковь. Икономъ полъ Григорій былъ съ ними заодно; по просьбамъ Грековъ каймакамъ (начальникъ округа) затворилъ эту церковь; Болгары телеграфировали объ этомъ въ Константинополь, и тамъ *первенцу* Болгарской общины выпросили у Али-паши позволеніе вновь отворить ее. Но и въ Бургасѣ

между Болгарами были ссоры и интриги, и владыка мирить ихъ сколько могъ. Изъ Бургаса отправился Антимъ въ Константинополь, гдѣ уже нашелъ всѣхъ представителей болгарскихъ общинъ и духовенство занятыми сочиненіемъ устава. Много споровъ и препирательствъ происходило изъ-за нѣкоторыхъ пунктовъ, но главный тормазъ дѣла заключался въ несогласіи патріархіи призвать султанскій фирманъ.

Х.

Въ 1871 году патріархъ Григорій отказался отъ своего сана. Патріархомъ на его мѣсто былъ избранъ Антимъ или Анемъ VI. Григорій держался мнѣнія что Болгарскій церковный вопросъ можетъ быть разрѣшенъ только вселенскимъ соборомъ. Но, какъ мы уже выше сказали, мысль эта встрѣтила затрудненія на практикѣ. Новый патріархъ началъ съ того что вступилъ въ переговоры съ собраніемъ болгарскихъ представителей, надѣясь этимъ путемъ уладить дѣло. Для переговоровъ съ патріархіей была избрана собраніемъ коммиссія, въ которой приняла участіе Гавріилъ Крестовичъ, хаджи Иванчо изъ Руцука и др. Между тѣмъ нѣкоторые члены собранія были весьма недовольны устройствомъ коммиссіи и переговорами съ патріархіей, ибо этотъ образъ дѣйствій противорѣчилъ общему желанію Болгаръ не вступать ни въ какія соглашенія съ патріархіей, но крѣпко держаться фирмана. Въ виду этого, недовольные члены собранія обратились къ великому визирю Али-пашѣ съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ осуществленіи дарованныхъ фирманомъ болгарской церкви правъ и привилегій. Но Греки услѣли уже повалять на Али-пашу, поставивъ ему на видъ что подъ агитаціей Болгаръ въ пользу независимой церкви скрываются панславистскія стремленія. Али-паша уже раскаивался въ своемъ поступкѣ и отвѣчалъ на ходатайство Болгаръ сѣдующими словами: „вы просите о рѣшеніи вашей распри съ Греками, у васъ есть фирманъ, но патріархія не принимаетъ и не признаетъ его законнымъ, а правительство султана, какъ не христіанское, не имѣетъ лоялтіи о томъ что законно въ вопросахъ церковныхъ и что нѣтъ. Я вижу только что съ рѣшеніемъ церковнаго вашего вопроса выступаетъ на

сцену другой, славянской." Болгары усложняли великаго визира какъ ужъла, но переговоры съ патриархіей не подвигались впередъ, потому что она искала соглашенія съ Болгарами не иначе какъ на условіи признанія фирмана недѣйствительнымъ. Въ то же время и болгарскія общины писали своимъ представителямъ въ Константинополь и епископамъ: „держитесь фирмана, въ немъ все наше спасеніе". Дѣло такимъ образомъ не подвигалось ни на шагъ. Среди этихъ событій, въ томъ 1871 года, Антимъ получалъ частыя письма изъ Виддина отъ архимандрита Симеона, находившагося тамъ въ качествѣ намѣстника, въ которыхъ Симеонъ уведомлялъ владыку что въ Виддинѣ снова появилась Самуилъ Драгшинъ, и что пропаганда его имѣетъ успѣхъ: цѣлыя села обращаются въ унию и австрійскій консулъ покровительствуетъ Драгшину. Въ то же время виддинскіе граждане, по цитригамъ Севастаки и Цанкова, бывшаго тамъ въ то время вице-губернаторомъ, отказываются давать своему владыкѣ содержаніе. Виддинчанамъ ставятъ въ примѣръ другія епархіи гдѣ вѣтъ епископовъ и гдѣ дѣла ведутся смѣшаннымъ совѣтомъ, изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, и общины такимъ образомъ не имѣютъ надобности содержать архіереевъ. Собраніе представителей въ Константинополь отпростило Виддинчанамъ посланіе гдѣ въ трогательныхъ выраженіяхъ уговаривало ихъ и убѣждало поддерживать своего епископа, бороться съ пропагандой и не увлекаться лживыми обѣщаніями. Затѣмъ, въ виду сильнаго распространенія пропаганды въ Виддинѣ, собраніе отпустило Антима въ его епархію.

По пріѣздѣ въ Виддинъ, владыка быстро возобновилъ прежнія добрыя отношенія съ общиною; лотомъ онъ объѣхалъ всѣ мѣста гдѣ имѣла успѣхъ пропаганда Драгшина, проповѣдывалъ, стыдилъ и увѣщевалъ. Между прочимъ, синодъ просилъ его пробѣхать и по Врачанской епархіи гдѣ требовалось рукоположить много священниковъ и освятить нѣсколько церквей, и Антимъ съ радостью принялъ это предложеніе желая собственными глазами видѣть въ какихъ условіяхъ живетъ народъ въ различныхъ мѣстностяхъ Болгаріи. Симеонъ сопровождалъ его въ этомъ путешествіи. Освятить въ Плевнѣ церковь, владыка пріѣхалъ въ Ловчу; онъ напелъ здѣсь все ту же вражду между старымъ и молодымъ поколѣніями. Молодежь находилась подъ вліяніемъ учителя школы

и священника, людей развратныхъ и пьяницъ. Автимъ проповѣдями и наставленіями горячо противодействовалъ этому вліянію. Изъ Ловчи онъ отправился далѣе; остановился на дорогѣ у Помаковъ *, въ селѣ Гулемъ Изворъ, и тутъ съ прискорбіемъ увидалъ что Помаки, это красивое и здоровое населеніе, говорящее на чистѣйшемъ болгарскомъ языкѣ, не понимающее ни слова по-турецки, между тѣмъ безвозвратно отуречено. Преподаваніе въ школахъ происходило на турецкомъ языкѣ. Автимъ зайдя въ школу спросилъ ходжу учителя:—какъ же ты учишь по-турецки когда дѣти не понимаютъ ни слова? „Религія предписываетъ научить ихъ молитвамъ, отвѣчалъ ходжа, хотя бы даже они и не понимали словъ ея“. Изъ Ловчи владыка, чрезъ села Малый Изворъ и Девмере, прибылъ въ селеніе Калугерово. Тутъ онъ нашелъ народъ въ большомъ горѣ: нѣсколько дней тому назадъ одинъ изъ залтіевъ убилъ священника, человека достойнаго и воѣмъ любимаго. Случай этотъ произошелъ слѣдующимъ образомъ: сборщикъ десятины пріѣхалъ въ сопровожденіи залтія въ деревню и остановился въ домѣ богатаго селянина, у котораго была хорошенькая дочь; пока сборщикъ угощался во внутреннихъ комнатахъ дома, залтій стоялъ у очага на кухнѣ и, когда туда вошла дочь хозяина, онъ схватилъ ее и сталъ обнимать и цѣловать, несмотря на ея сопротивленіе; ея крики были услышаны мѣстнымъ священникомъ, который вбѣжалъ въ кухню и видя поведеніе залтія началъ упрекать и бранить его; тогда залтій въ ярости кинулся на священника и ударилъ его ногой въ грудь такъ сильно что тотъ умеръ. Братъ убитаго усиленно хлопоталъ у ловчискаго паши чтобъ убійцу отдали подъ судъ и наказали, но благодаря заступничеству орханійскихъ Турокъ его оставили на свободѣ. Владыка, узнавъ объ этомъ, хлопоталъ въ свою очередь въ Софіи, но безъ успѣха; безаказанность такого злодѣянія оставила въ народѣ сильное и тяжелое впечатлѣніе. Изъ Калугерова владыка отправился далѣе, въ села расположенныя по рѣкѣ Искеру, заѣхалъ и въ Орханіе; затѣмъ прослѣдовалъ по всему Врачанскому округу, освящая церкви и проповѣдая; чрезъ Балканы онъ прѣхалъ въ Этрополь, былъ и въ Златицѣ, посетилъ Лоджен-

* Потурченныя Болгары.

скій монастырь, построенный однимъ русскимъ монахомъ изъ Кіева, въ чудной живописной мѣстности. Наконецъ, чрезъ Тетевель, гдѣ уже начиналось броженіе, разразившееся Орханійскимъ восстаніемъ, владыка вернулся въ Ловчу. Оставивъ въ Ловчѣ Симеона, онъ поѣхалъ въ Сельву. Былъ зимній и холодный день когда Антимъ въѣхалъ въ городъ; онъ до того прозябъ что зашелъ въ первую встрѣчную кофейню (родъ трактира) чтобъ отогрѣться. Въ кофейнѣ среди другихъ посетителей находилось нѣсколько священниковъ которые не стѣсняясь своимъ сѣномъ. Увидавъ, однако, что пріѣхалъ епископъ она испугалась и поспѣшила удалиться изъ кофейни. Въ Сельву владыка служилъ и проповѣдывалъ. Тырновская епархія была въ то время безъ пастыря, такъ какъ митрополитъ Грекъ былъ изгнанъ населеніемъ. Изъ Сельвы Антимъ поѣхалъ въ Тырново, служилъ тамъ въ церкви, проповѣдывалъ, и произнесъ рѣчь въ Тырновскомъ читальницѣ. Посѣтивъ затѣмъ Раховецъ, Лясковецъ, Калпиковскій монастырь и Елену, Антимъ вернулся въ Видинъ. Путешествіе его продолжалось отъ 10 октября до конца декабря, и онъ совершалъ его почти все время верхомъ.

Послѣ Рождества стали доходить до Автима слухи будто бы болгарскіе епископы сосланы въ заточеніе. Ужаснулся Антимъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ Константинополѣ разыгралась дѣлая исторія. Константинопольскіе Болгары, съ Толчишести во главѣ, потребовали отъ владыкъ богослуженія въ праздникъ Рождества Христова въ болгарской церкви Св. Стефана; владыки отказались, говоря что безъ разрѣшенія патріарха не имѣютъ права служить литургію. Болгары продолжали настаивать страдая епископовъ что въ противномъ случаѣ не будутъ вовсе признавать ихъ, и кончили тѣмъ что наканунѣ Богоявленія силой привели ихъ въ церковь, захвативъ съ собою и облаченіе. Видя что дѣлать нечего, Панаретъ и Иларіонъ Ловчискій отправились въ ту же ночь въ патріархію, разбудили патріарха и спросили его могутъ ли они служить завтра, прибавивъ что народъ требуетъ того. Патріархъ тотчасъ же созвалъ синодъ, который послѣ долгихъ споровъ и разсужденій рѣшилъ отказать Болгарамъ. Возбужденіе Болгаръ между тѣмъ было такъ сильно что они несмотрѣ на запрещеніе совершили таки въ день Богоявленія торжественную литургію. Тогда патріархъ собравъ слова синода возложилъ Иларіона Ловчискаго и Панарета Филиппополь-

скаго, а Иларіона Макаріопольскаго, низложеннаго еще прежде, отлучилъ отъ церкви; послѣ этого онъ написалъ великому визирю Махмудъ-пашѣ письмо въ которомъ требовалъ строгаго сѣдствія и немедленнаго наказанія ослушниковъ ссылкой и заточеніемъ. Здѣсь слѣдуетъ уломяуть что Болгары прежде уже заручились дозволеніемъ великаго визира „помолиться за султана въ церкви въ день великаго христіанскаго праздника“; Махмудъ-паша, узнавъ какъ Болгары обманули его и извратили смыслъ даннаго имъ дозволенія, пришелъ въ сильнѣйшее негодованіе. Епископы тотчасъ же были отправлены въ Исмидъ. Но министръ иностранныхъ дѣлъ Серверъ-паша, дружившій съ Русскими, и русскій посолъ генералъ Игнатьевъ заступились за сосланныхъ епископовъ, и они спустя три-четыре дня были возвращены, причемъ Болгары устроили имъ великодушную встрѣчу.

Этотъ эпизодъ показалъ Турецкому правительству до какого возбужденія дошла умы Болгаръ, и оно рѣшилось дать имъ офиціальное дозволеніе приступить къ избранію экзарха. Въ Орта-Кэй собрались всѣ представители болгарскаго духовенства, вмѣстѣ съ комиссіей сочинявшею уставъ, и стали разсуждать о кандидатахъ на должность экзарха; выборъ палъ наконецъ на Иларіона Ловчискаго (теперешняго владыку Кюстендальскаго), но хаджи Иванчо и Гавриилъ Крестовичъ не подписали протокола и посоветовали правительству не утверждать этого выбора, на томъ основаніи что Иларіонъ былъ низверженъ патріархомъ. Самъ великій визирь не одобрилъ этого выбора и посоветовалъ избрать Автима Виддинскаго. Въ томъ же смыслѣ советовалъ и генералъ Игнатьевъ, которому Автимъ и обязанъ былъ тѣмъ что на слѣдующемъ собраніи онъ единогласно былъ избранъ въ экзарха. Его немедленно уведомили о томъ телеграммами: изъ Константинополя, Крестовичъ, изъ Рущука русскій консулъ Мошнинъ; общими были уведомены о томъ же окружными посланіями. Со страхомъ принялъ Автимъ это извѣстіе и не отвѣчалъ нѣсколько дней Крестовичу; его страшала тяжелая отвѣтственность возлагаемая на него при тогдашнихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ; онъ видѣлъ что для успѣха дѣла нужно быть хорошимъ политикомъ и умѣть ладить со всеми. Но граждане виддинскіе и самъ губернаторъ уговорили его принять назначеніе. Послѣ семи дней размышленія владыка перекрестившись и произнесъ слова молитвы: „буде имя Гос-

подле благословенно отъ нынѣ и до вѣка!" рѣшился. Между тѣмъ ему писали изъ Константинополя что Йоргаки-бей и Яковъ Геровъ везуть ему протоколъ избранія и будутъ сопровождать его въ обратномъ путешествіи. Посланные приѣхали въ Видинъ 9 марта. Антимъ произнесъ въ церкви прощальное слово своей ластвѣ. Правительство приготовило ему особый пароходъ; священники и народъ съ лѣніемъ проводили его до пристани. Губернаторъ съ комендантомъ крѣпости также выѣхали на пристань, причемъ лошади подъ ними испугавшись чего-то взбѣсались и чуть же убили обоихъ лашей; этотъ случай не остался незамѣченнымъ Болгарами, которые объяснили себѣ что это худой знакъ для Турецкаго правительства.

XI

Путешествіе Антима въ Константинополь сопровождалось вездѣ торжественными и блестящими встрѣчами; во всѣхъ придунайскихъ городахъ, въ Ломѣ, Раховѣ, Никополѣ, Систоуѣ, до самаго Рущука, къ экзарху являлись депутаціи отъ селъ, изъ Тырнова, Плевны, Ловеча, Севалиева, Орханіе и другихъ мѣстъ; подавали ему поздравительные адреса и у всѣхъ рѣчь шла лишь о томъ чтобы патріархія была окончательно отвергнута. Учителя и учительницы школъ говорили ему рѣчи, духовенство встрѣчало съ торжествомъ; турецкія власти, предупрежденныя отъ правительства, принимали тоже участіе въ этихъ встрѣчахъ. Въ Варнѣ комендантъ встрѣтилъ экзарха съ музыкой, и она играла все время пока тотъ сидѣлъ у лашы въ гостяхъ. Вездѣ, кромѣ Варны, гдѣ усталость препятотвовала ему, Антимъ служилъ въ церквахъ и проповѣдовалъ. Въ Бургасѣ, родимѣ Симеона, онъ говорилъ слово, въ которомъ, уломявувъ что онъ по происхожденію Эракіецъ, обѣщавая всегда помнить это и работать для блага своей родины. Но самая радостная, великолѣпная встрѣча ждала его въ Константинополѣ; тамъ четыре парохода полные счастливыми Болгарами встрѣтили его. Болгары сказали Антиму рѣчь, въ которой уноминали тоже что и мысли допускать не слѣдуетъ о соглашеніи съ патріархіей. Экзархъ въ свою очередь сказалъ имъ отвѣтное слово. Между тѣмъ хаджи Иванчо и Крестовичъ доложили визирю о приездѣ экзарха, и тотъ пожелаалъ

его видѣть; принималъ его очень ласково, также какъ и Серверъ-паша, но они оба посоветовали эвзарху написать патріарху о своемъ прибытіи. То же совѣтовалъ и генералъ Игнатъевъ, желавшій чтобы дѣло между Греками и Болгарами уладилось миролюбиво. Въ томъ же смыслѣ убѣждали эвзарха Гавріилъ Крестовичъ, хаджи Иванчо, докторъ Каракавовскій и другіе. Долго не соглашался Антимъ, но наконецъ уступая настойчивымъ увѣщаніямъ рѣшился было написать патріарху и о такомъ своемъ рѣшеніи увѣдомилъ даже великаго визиря. Однако раздумавъ и категорически объявилъ: „не въ силахъ я сдѣлать то что противъ моей совѣсти и моихъ обѣщаній народу; какъ напишешь патріарху, въ качествѣ ли митрополита Вуддинскаго или эвзарха Болгарскаго?“ Крестовичъ страшно разсердился на это и воскликнулъ: „ты обманулъ меня!“ Онъ и хаджи Иванчо отправились къ великому визирю, но Антимъ предупредилъ ихъ явившись также къ визирю и сказавъ имъ въ пріемной, при многихъ пашахъ: „подождите здѣсь, я сначала одиень пойду къ визирю, у меня есть до него тайное дѣло.“ Махмудъ-паша принималъ эвзарха очень любезно и съ перваго же слова спросилъ написалъ ли онъ патріарху. „Нѣтъ, отвѣчалъ Антимъ, не могу написать, ибо народъ просилъ меня благодарить султана за то что онъ избавилъ его отъ патріархіи, но о соглашеніяхъ съ ней онъ и слышать не хочетъ; писать же патріарху теперь значитъ признать его власть надъ нами. Этого я сдѣлать не могу и лучше подамъ въ отставку.“ Видя его твердость визирь не настаивалъ болѣе. Послѣ того, спустя нѣсколько времени, эвзархъ, сопровождаемый епископами, представлялся султану съ большими церемоніями. Султанъ принималъ его хорошо, и эвзархъ сказалъ ему рѣчь. Потомъ пошелъ онъ къ великому визирю, вручившему Антиму берать объ его утвержденіи, и къ другимъ министрамъ. „Пойдешь ли теперь къ патріарху?“ спрашивали его министры. „Пойду теперь, отвѣчалъ онъ, народъ просилъ сперва благодарить султана и его министерство, а потомъ ужъ ѣхать въ патріархію.“ Толпишестя и другіе Болгары пошелъ въ Фаваръ спросить праметь ли патріархъ эвзарха. Но патріархъ и слышать не захотѣлъ объ этомъ; онъ обозвалъ Антима преступникомъ противъ церковныхъ законовъ потому что тотъ ѣздилъ въ чужія епархіи, рукополагалъ священниковъ, освящалъ церкви и т. д.

Такъ и не состоялось это свиданіе. Въ Христовъ день эвзархъ

воздержался и не служилъ въ церкви, а на Святой Недѣлѣ собралась синодъ и комиссія. Положеніе было очень запутанное и неудобное; по фирману слѣдовало рукоположить еписколовъ въ тѣ епархіи гдѣ ихъ не было, да и бывшіе налицо епископы были низложены. Не желая явно нарушить каноны и правила церкви, Антимъ предлагалъ собрать не низложенныхъ еписколовъ: Софійскаго, Велесскаго, Нипавскаго, и рукоположить новыхъ гдѣ-нибудь внутри Болгаріи, а не въ Константинополѣ; но Болгары не послушали его совѣтовъ и требовали чтобъ онъ торжественно совершилъ рукоположеніе еписколовъ на мѣстѣ и немедленно. Экзархъ доказывалъ что такой поступокъ можетъ раздражить Русскую церковь, а безъ ея помощи и содѣйствія они ничего предпринять не могутъ; но буйная партія взяла верхъ. Стали снова разсуждать и рѣшили дѣйствовать согласно фирману, то-есть прежде всего просить у патріарха свиданія съ экзархомъ. Антимъ писалъ патріарху краснорѣчиво и трогательно: „желаю, говорилъ онъ въ письмѣ, увидать тебя, поцѣловать твою руку какъ сынъ, и лично переговорить о всемъ случившемся.“ Владыка и члены комиссіи одобрили письмо, а Григорій (теперешній митрополитъ рущукокій) отнесъ его патріарху, но патріархъ вернулъ его и вскорѣ послалъ архимандрита Герасима наломнить Антиму чтобъ онъ отвѣчалъ скорѣе на то письмо гдѣ патріархъ его упрекалъ за лутешество по Болгаріи и называлъ преступникомъ. Григорію же сказалъ что не можетъ принять экзарха не посоветовавшись со своимъ синодомъ. Черезъ недѣлю повторилось то же самое: слова Антимъ писалъ патріарху прося принять его и снова тотъ вернулъ письмо и послалъ Германа за отвѣтомъ на первое свое посланіе. Тогда Антимъ отвѣчалъ уже болѣе рѣшительнымъ тономъ: „хотѣлъ прійти къ тебѣ съ сыновнимъ послушаніемъ и любовью, обвиная номинать имя твое; хотѣлъ просить за нашъ народъ, столько времени желающій имѣть архіерейскую службу; но ты не смилостивился, и теперь я не признаю изверженія болгарскихъ владыкъ потому что оно было сдѣлано противно церковнымъ канонамъ.“ Нужно сказать что русское посольство старалось убѣдить патріарха быть свисходительнымъ и сговорчивымъ, но Греки были въ то время въ бѣшенномъ негодованіи и не слушали ничего. Между тѣмъ разнесся слухъ что генералъ Игнатъевъ выразился однажды: „кто же какъ не самъ

экзархъ можетъ простить низверженныхъ, онъ одинъ имѣетъ на то полное право“, — и эти слова придали много бодрости Антиму. Синодъ и коммиссія составили протоколъ о томъ чтобы въ день Свв. Кирилла и Меодія была непременно совершена литургія и стали къ ней приготовляться. Приготовленія эти произвели свое дѣйствіе; по крайней мѣрѣ докторъ Каракамовскій узналъ въ посольствѣ что патріархъ какъ будто соглашается принять экзарха; но Антимъ зная хитрость Грековъ уже боялся идти въ патріархію, предполагая что они сумѣютъ обратить его приходъ въ свою выгоду. На великій славяскій праздникъ Антимъ и другіе епископы совершили торжественное богослуженіе, на которомъ патріарха не являлся. Экзархъ сказалъ „слово“ и, между прочимъ, выразился что владыки низвержены не по канонамъ церковнымъ и потому низверженіе это недѣйствительно. Въ тотъ же день онъ рукоположилъ Самоковскаго архіерея Досея. Въ отвѣтъ на это патріархъ созвалъ синодъ и изложилъ самого Антима, извѣстивъ окружнымъ письмомъ объ этомъ всю епархію и паству. Болгарская епархія въ свою очередь наслала окружное посланіе своей паствѣ. Нужно прибавить что патріаршій синодъ, изложивъ Антима, отлучилъ отъ церкви Панарета и Иларіона Ловчискаго, а Иларіона Макаріопольскаго, прежде уже отлученнаго, предалъ гонимъ огненной. Не удовольствовавшись этимъ, патріархъ созвалъ осенью 1872 года большой патріархальный синодъ, въ которомъ кромѣ участвовавшаго прежде патріарха, присутствовали еще патріархи Александрійскій, Кипрскій, Амтіохійскій, множество митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, архимандритовъ и другихъ духовныхъ самовниковъ; Аенскій синодъ прислалъ Александра Лукурга, чиновника ученаго и талантливаго, но страшнаго грекофила и неапатистика Славявъ. Синодъ былъ проникнутъ негодованиемъ и злобой противъ Болгаръ, прикрываясь личной заботой о защитѣ церкви противъ преступниковъ посягающихъ на ея каноны и права. Не говоря уже о томъ что основаніе Болгарской экзархіи отнимало у греческой церкви значительную часть ея доходовъ, такъ какъ болгарскія епархіи считались самыми выгодными и положительно обогащали греческихъ архіереевъ, воплотившимъ о томъ тяжеломъ разочарованіи которое испытывали въ собраніи всѣ мечтавшіе о возобновленіи Византійской имперіи; ихъ планъ эллинизованія всего Балканскаго полу-

острова и уничтоженія самостоятельнаго славянскаго элемента разрушался. Они энергически схватились за последнее средство: низвергнуть и отлучить отъ церкви болгарскихъ епископовъ, проклясть всѣхъ рукоположенныхъ ими священниковъ и діаконовъ и даже всѣхъ признающихъ ихъ авторитетъ мірянъ, и объявить ихъ схизматиками на томъ основаніи что болгарскіе владыки проповѣдуютъ филетизмъ, то-есть принципъ лаемной розни въ церкви. Это объявленіе схизмы совершенно было торжественно, со всевозможными церемоніями, и рѣшеніе синода прочтано въ патриаршей церкви. Синодъ надѣялся ужаснуть этимъ Болгарскій народъ, всегда отпавшійся набожностію и преданностію правиламъ церкви, и въ то же время надѣялся отшатнуть его отъ его ластырей, отлученныхъ и низверженныхъ, и такимъ образомъ возвратить Болгаръ въ лоно константинопольской церкви. Но такая надежда доказывала въ греческихъ епископахъ полное незнаніе силъ и пробудившагося самосознанія Болгарскаго народа. Въ тотъ день какъ въ патриаршей церкви читалось рѣшеніе синода, экзархъ прочелъ въ болгарской церкви Св. Стефана окружное посланіе болгарской ластыи, гдѣ говорилось что обвиненія патриарха лишены основанія и антиканоничны, что Болгары хранятъ свято всѣ догматы, преданія и церковное благочиніе православной церкви и потому не менѣе православны чѣмъ сама патриархія. Въ заключеніе, Антимъ сказалъ что надо благодарить Бога за ниспосылаемыя имъ гоненія и сохранять твердость, единодушіе, простить своихъ враговъ и молить Бога да внушитъ имъ духъ мира и любви.

Въ то время положеніе экзархіи было въ высшей степени трудное и опасное; требовалось напряженіе всѣхъ силъ и энергии. Кромѣ отчаянной борьбы съ греческою церковію, ей нужно было еще бороться со своими собственными союзниками, то-есть съ духомъ партій и взаимною ненавистію между членами совѣта. Нѣкто Кариокопалу, служившій сначала въ русскомъ посольствѣ и писавшій тогда въ его духъ въ газетѣ *Phare du Vosphore*, былъ за что-то удаленъ изъ посольства и сдѣлался врагомъ какъ Русскихъ, такъ и Болгаръ; онъ сталъ писать статьи въ которыхъ называлъ экзархію, ея синодъ и совѣтъ сборищемъ ивтригановъ, распространителями лавславизма, а самого Антима объявлялъ орудіемъ русскаго посольства' и очень неодобрительно отзывался объ

его дѣятельности. Такъ какъ Каріокопалу прежде служилъ въ русскомъ посольствѣ и зналъ много, то въ его обвиненіяхъ было вѣчто правдоподобное и ему стали вѣрять, тѣмъ болѣе что въ австрійскомъ посольствѣ сочинялись такія же статьи и печатались въ вѣнскихъ газетахъ.

Экзархъ и синодъ въ собраніи своемъ стали толковать о томъ что нужно подать правительству прошеніе въ которомъ требовать приваеченія редактора къ суду за клевету. Рѣшиши привести это въ исполненіе, и когда воѣ ушли, то Панааретъ Фиаллопольскій и Чумаковъ уговорили экзарха, въ чемъ оны самъ потомъ раскаивался, немедленно написать Высокой Портѣ. Тогда правительство назначило комиссію чтобъ опредѣлить день и мѣсто для разбирательства этого дѣла такъ чтобы всѣ желающіе могли присутствовать при этомъ. Греки созвали лучшихъ своихъ адвокатовъ доказывать справедливость обвиненій экзарху въ ланславизмѣ, а Болгары пригласили Француза Amiable, адвоката русскаго посольства. Условились что Чумаковъ будетъ видѣться съ Французомъ и дать ему всѣ свѣдѣнія для защиты экзарху и обвиненія редактора, а что казначей и писарь экзарху Яковъ Геровъ будетъ помогать Чумакову и присутствовать на судѣ. Но тутъ замѣшалась личная вражда, испортившая все дѣло: когда Чумаковъ увидѣлся съ адвокатомъ, то сказалъ ему: «редакторъ газеты имѣетъ основаніе для своихъ обвиненій; въ экзарху въ самомъ дѣлѣ существуютъ два человека исполняющыя ланславистскіе стремленія, и въ своей защитѣ вы можете всю вину свалить на нихъ; эти люди хаджи Иванчо и Гавріилъ Крестовичъ.» Французъ однако оказался настолько честнымъ человекомъ что этими разоблаченіями и цитригами не воспользовался и отказался уломывать о чемъ-либо подобномъ на судѣ. Узнавъ объ этомъ сторовой, Крестовичъ сильно оскорбился и далъ слово что нога его не будетъ въ экзарху пока тамъ находится Чумаковъ; во все это лишь подъ видомъ того что экзархъ сдѣлалъ крупную ошибку не выслушавъ мнѣнія большинства, а поступивъ немедленно по совѣту Панаарета и Чумакова. Судъ съ редакторомъ *Phare du Bosphore*, обещанійся экзарху очень дорого, не имѣлъ никакихъ результатовъ, хотя долемика подымалась ожесточенная между этою газетою и болгарскими *Вѣст* и *Право*.

Около этого времени лалъ великій визирь Махмудъ и на его

мѣсто назначенъ былъ Мидхатъ-паша; министромъ же иностранныхъ дѣлъ сдѣлался Халиль-Шерифъ-паша, ожесточенный руссофобъ, когда-то изгнанный изъ Петербурга. Экзархъ поѣхалъ къ нему съ визитомъ, въ сопровожденіи Чумакова и Йоргаки. Тотъ принялъ его довольно милостиво, но вскользь упомянулъ о томъ что патріархъ желаетъ переимѣнить одежду служителей болгарской независимой церкви. При вторичномъ свиданіи онъ прямо уже сказалъ: „вы теперь отдѣлились отъ греческой церкви, нужно вамъ и платье другое.“ Экзархъ удивился:—„какъ мы отдѣлились? да этого никто и не предполагаетъ, мы просто добились съ помощью султанскаго фирмана независимой церковной администраціи, но въ смыслѣ догматовъ мы были и останемся всегда православными.“ Но паша продолжалъ настаивать, Антимъ же не соглашался ни за что, видя ясно чего желали хитрые Греки: переимѣна въ одеждѣ была бы наружнымъ знакомъ того что Болгары признають схизму, а этого-то и опасался всѣ истинные патріоты, да и какъ взглянула бы на это русская церковь, на которую они глядѣли съ уваженіемъ! Греки успѣли убѣдить министра въ необходимости этой мѣры; но онъ встрѣтилъ энергическій отпоръ со стороны экзарха.

Черезъ нѣсколько времени экзархъ долженъ былъ дать отвѣтъ министру, и тотъ снова привалъ его очень любезно и въ этотъ разъ уже старался ловлять на Антима лаской. Послѣ долгихъ уговоровъ онъ наконецъ спросилъ экзарха прямо: „согласны ли вы? Подумали ли объ этомъ?“ (Съ экзархомъ былъ секретарь его Іосифъ, говорившій хорошо по-французски, и разговоръ шелъ на этомъ языкѣ.) Антимъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ, и тогда разговоръ перешелъ въ рѣзкій споръ и крикъ, причемъ Халиль-паша высказалъ слѣдующее: „я хорошо знаю отъ кого вы теперь имѣете внушенія и кого слушаетесь!“ намекая очевидно на русское посольство. Экзархъ спросилъ въ свою очередь: „гдѣ этому доказательства?“ Разговоръ этотъ былъ немедленно переданъ генералу Игнатъеву, и когда въ тотъ же день министръ увидѣвшись съ нимъ сталъ жаловаться на упорство Болгаръ принимать предлагаемое имъ измѣненіе одежды духовенства, то русский посоль замѣтилъ: „если они не согласны на эти измѣненія, то мы имъ дадимъ одежду русскаго духовенства.“ Экзархъ между тѣмъ собралъ совѣтъ и синодъ и изложилъ

имъ все дѣло, всѣ бывшіе разговоры и предложеніе Турецкаго правительства относительно измѣненія платы и облаченія, заступничество посла и т. д. Тогда Михайловскій, братъ Иларіона Макаріопольскаго и ярый руссофобъ, хотя русскій воспитанникъ, воскликнулъ: „если прежде мы не были Русскими, то теперь сдѣлаемся ими и сердцемъ, и душой“. Иосифъ (телерешскій епископъ) написалъ въ болгарской газетѣ *Право* статью о всемъ этомъ дѣлѣ, которая произвела большое впечатлѣніе. Здѣсь упоминаемъ что когда патріархія рѣшилась открыто объявить борьбу и поднять гоненіе на болгарскую независимую церковь, послѣ торжественнаго объявленія ея схизматической, епископъ написалъ окружное письмо всѣмъ автокефальнымъ церквамъ, излагая весь ходъ распри съ Греками, упоминая что десять вѣковъ Болгары съ изумительною твердостью держались православія несмотря на всевозможныя бѣдствія, и за это были осуждены патріархомъ и соборомъ, названы схизматиками только потому что пожелали имѣть отдѣльную церковную администрацію. Въ заключеніе онъ просилъ оказать сочувствіе гонимой всѣми болгарской церкви; но отвѣта на это письмо не получалъ.

Когда же, благодаря русскому послу, уладилось дѣло съ перемѣной одежды, то правительство придумало измѣнить самыя фирманъ, основываясь на томъ что онъ не исполняется Болгарами, которые патріарха въ церквахъ не почитаютъ, служатъ въ Константинополѣ и т. д., и что отъ этого происходятъ безпорядки; но епископъ заявилъ что онъ не согласенъ на это потому что Болгары сдѣлали все что предписываетъ фирманъ: собрали соборъ, епископа выбрали и съ патріархомъ хотѣли вступить въ соглашеніе и искали возможности увидѣть его, но онъ самъ не принималъ ихъ и самъ первый не признавалъ фирмана, и что безъ согласія владыкъ и всего народа онъ не смѣетъ и рѣчь начать о чемъ-нибудь подобномъ. Правительство дало позволеніе созвать опять соборъ изъ представителей болгарскихъ общинъ и владыкъ. Сѣѣхалось около ста пятидесяти лучшихъ гражданъ посланныхъ народомъ и еснафами (ремесленными корпораціями). Имъ предложенъ былъ на обсужденіе вопросъ объ измѣненіи фирмана, и всѣ въ одинъ голосъ рѣшили: „Берегите фирманъ, держитесь его, въ немъ наше спасеніе“. Увлекшись, представители стали довольно рѣзко выражаться о правительствѣ, и Чума-

ковъ, желавшій съ нѣсколькими единомышленниками измѣненія фирмана и недовольный рѣшеніемъ собора, обратилъ съ упреками къ экзарху: „Зачѣмъ собралъ ты ихъ тутъ брать въ слухъ правительство; ты Русскій, и дѣйствуешь подъ русскимъ вліяніемъ“. Но экзархъ съ негодованіемъ изгналъ его изъ собранія, говоря: „Ты не диктаторъ здѣсь; ужь если кто можетъ дѣйствовать здѣсь какъ диктаторъ, то развѣ я!“

Чумаковъ и его партія находила что фирманъ не обнимаетъ всего Болгарскаго народа этнографически, что если болгарская церковь останется чисто православною, то это дастъ Грекамъ поводъ всегда мѣшаться въ ихъ дѣла; что нужно совсѣмъ отдѣлиться отъ нихъ, сдѣлаться независимыми, измѣнить не только одежду, но и нѣкоторые догматы; правительство поддерживало его потому что желало, хоть обманомъ, но принудить Болгаръ отказаться отъ фирмана. Большинство же собора стояло за сохраненіе фирмана; въ этомъ смыслѣ составленъ былъ протоколъ, гдѣ говорилось что уничтоженіе фирмана или даже измѣненіе его будетъ имѣть губительное послѣдствіе для народа и для страны; собравшись ночью они прочитали это рѣшеніе. Соборъ одобрилъ его и тогда стали искать кто могъ бы написать его по-турецки. Терджуманъ экзархія Рушидъ-эфенди былъ, во первыхъ, официальнымъ чиновникомъ Порты, во вторыхъ, его опасались какъ шпіона; нашли одного Араба, адвоката, согласившагося написать рѣшеніе собора, которое было затѣмъ подписано и отдано Йоргаки для доставленія секретарю министра. Въ министерствѣ рѣшеніе это вызвало негодованіе; позвавъ Йоргаки ему тамъ сказали: „что лишить тутъ экзархъ? Онъ кажется забылъ что онъ подданный султана,“ сильно укоряли Йоргаки и вернули ему письмо. Это заставило болгарскихъ представителей перемѣнить тактику; они оставили энергическіе протесты и стали лишь улово отказываться отъ всякихъ измѣненій. Многіе же изъ членовъ собора предлагали болѣе энергическія средства; Михайловскій горячась: „если патріархъ проклялъ насъ, говорилъ онъ, то и мы его проклинаемъ, какъ прежде римская церковь проклинала Грековъ.“ Но экзархъ не рѣшался на подобныя выходки, боясь потерять симпатію немногочисленныхъ друзей Болгарскаго народа. Правительство между тѣмъ стало дѣйствовать на экзарха лаской и лестью. Сначала писарь экзархія, Рушидъ-эфенди, сообщилъ Антиму что Порта хочетъ сдѣлать его патріархомъ

болгарской независимой церкви. То же говорилъ при свиданіи и министръ внутреннихъ дѣлъ. Но экархъ замѣтилъ что для этого нужно собрать всеяевскій соборъ. „Это все не трудно устроить, продолжалъ тотъ;—сколько патріарховъ имѣемъ мы, почему и Болгарамъ не имѣть своего?“—„Не можетъ этого быть,“ улохрствоваль экархъ. Министръ юстиціи Джемдетъ-паша поздравляль Автима съ тѣмъ же. Министерскій совѣтъ рѣшилъ это дѣло въ принципѣ; главная дѣль состояла въ томъ чтобы такъ или иначе заставить Болгаръ отказаться отъ фирмана Ади-паша и признать себя неправославными, схизматиками. Халиль-паша соблазняль увѣреніями что всё безъ исключенія Болгары Турецкой имперіи будутъ признавать лишь одного болгарскаго экарха. Великій визирь Мидхадъ-паша шелъ еще дальше: зная руссофильство экарха, онъ выставляль ему на видъ что будучи главой болгарской независимой церкви онъ можетъ посылать епископовъ и священниковъ и въ болгарскія колоніи въ Россіи. Даже въ газетахъ Болгары хвалили этотъ заманчивый для самолюбія планъ и находили полезнымъ его исполненіе, не говоря ужъ о томъ что партія Чумакова поддерживала требованія правительства и видѣла въ нихъ чуть не благодѣаніе. Но ясный и сильный умъ экарха проникаль сквозь хитросластенія джи, лести и обмана и оставался вѣрель намѣченной дѣли. Между тѣмъ патріархія назначила и рукоположила епископовъ во всё епархіи принадлежавшія по фирману экарху, требовала у Великой Порты бератовъ для нихъ и писемъ къ губернаторамъ. Экархъ при свиданіи съ министромъ горячо возставаль противъ этого, указывая на то что эти епископы могли оставаться по епархіямъ только для вида; народъ выгналь бы ихъ немедленно. „Мы всегда были и будемъ православными, говорилъ онъ, это взято во вниманіе и фирманомъ; а съ патріархомъ мы можемъ еще стовориться; онъ какъ отецъ гнѣвается на насъ, но мы будемъ терпѣть и ждать годъ, два, три, хоть десять лѣтъ, и все-таки можемъ помириться и стовориться, а отдѣляться мы не хотимъ и не можемъ, потому что это противно фирману.“ Всю энергію свою лустилъ въ дѣло экархъ, онъ видѣль какъ хотѣлось правительству провозгласить схизму; оно хорошо знало какъ сильно это повліаетъ на народъ, какую рознь и какую смуту внесетъ въ него, какіе раздоры подыметъ; а съ другой стороны, греческое духовенство, имѣя полное право бороться со схизматиками и

обращать ихъ будто бы на путь истины, разошлетъ по Болгаріи своихъ епископовъ и проповѣдниковъ, которые будутъ шліомничать, ссорить, доносить, раздѣлять и производить постоянныя волненія. И какъ бы отвеслась къ этому Русская церковь, олотъ православія, и Россія, надежда на которую жила постоянно въ душѣ экзарха, давая ему силу бороться и терлѣть!

Отправился онъ однажды къ Ахметъ-Али-пашѣ, зятю министра юстиціи, болѣе чѣмъ другіе расположенному къ Болгарамъ. Поздоровались они, спрашиваетъ паша: „что есть, чего нѣтъ?“ Разказываетъ экзархъ: „вотъ молчали мы господаря нашего султана чтобъ онъ избавилъ насъ отъ великаго зла, отъ патріархіи, а теперь министръ внутреннихъ дѣлъ Халиль-паша притѣсняетъ насъ, предлагая разныя цзмѣненія въ султанскомъ фирманѣ. А слышалъ ты новость? Патріархъ нашъ превратился въ содержателя обезьянъ, хочетъ всѣхъ насъ перерядить въ другое платье и выставить на показъ“. Много и неудержимо смѣялся паша этому разказу; когда же экзархъ, перейдя въ серьезный тонъ, просилъ его при случаѣ замолвить слово за нихъ и ихъ дѣло, то онъ обѣщалъ. Когда владыки были рукоположены для болгарскихъ епархій, то экзархъ сталъ хлопотать чтобъ имъ выдали бераты отъ правительства, но тутъ-то и встрѣтились затрудненія: оно хотѣло такіе же бераты выдать и греческимъ владыкамъ; такъ дѣло и стало, ни взадъ ни впередъ. Страшно мучили экзарха пока во главѣ министерства стоялъ Халиль. Наконецъ, когда палъ великій визирь, то Халиль, зная что скоро придетъ и его очередь и что русскій посолъ имѣлъ большое вліяніе въ этомъ дѣлѣ, смягчился и сталъ колебаться: „приходите завтра“, сказалъ онъ Іосифу посланному экзархомъ; прежде же онъ посылалъ ихъ къ патріарху, основываясь на статьяхъ фирмана. Наконецъ онъ рѣшился, и бераты выдали: Велескому, Софійскому и Врачанскому епископамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

А. МУРОМЦЕВА.

СИДОРКИНО ДѢЛО

КОМЕДИЯ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ

Л и ц а:

МАРТЮХИНЪ, Петръ Яковлевичъ, богатый бояринъ.

СИДОРКА, его пятиродный племянникъ.

МЪШЕЦКІЙ, Матвій Павловичъ, стольникъ.

ПАВЛЮКЪ, его сынъ.

ПОДЪЯЧІЙ.

НАПЛЕЧНЫЙ МАСТЕРЪ (портной).

ПОСПѢЛОВЪ, Аксемъ

ЛѢВОНТЬЕВЪ, Федоръ } потѣшные государей царевичей.

ЧИСТОЙ, Андрей.

Исполникъ дворцовый.

Еще человека три ребятъ потѣшныхъ.

МАРТЮХИНА, Арина Михайловна, Петрова жена.

ЛИЗА, дочь ея.

ЛИЗИНА БАБКА, Арина мать.

НАСТАСЬЯ, ея внучатная племянница.

ФЕДОРКА, сѣнная.

МАРТЪЯНОВНА, ключница.

Дѣйствіе въ Москвѣ и Мартюховской подмосковной, при царѣ
Федорѣ Алексѣевичѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Площадка Постельнаго крыльца.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПОСПѢЛОВЪ, ЛЕВОНТЬЕВЪ, ЧИСТОЙ и другіе потѣшныя, позываая, словно мухи моренныя по площадкѣ слоняются. ЛЕВОНТЬЕВЪ и ЧИСТОЙ вѣдетъ бродать и потомъ съ ПОСПѢЛОВЫМЪ сталкиваются. У крыльца въ виду зрителей спитъ ПОДЪЯЧІЙ, подложивъ подъ голову длинный и узкій синій мѣшокъ въ какихъ бумаги носили. Вскорѣ ПАВЛЮКЪ.*

Поспѣловъ (*зѣвая во весь ротъ*). И скука же!

Левонтьевъ. Скучища.

Поспѣловъ (*снимъ шапку, машетъ ею себѣ въ лицо*). И жара олять.

Левонтьевъ. Жарища-жь.

Поспѣловъ. То ли бы дѣло въ походѣ теперь жить, въ Коломенскомъ, аль на Воробьевыхъ. Залѣзь бы въ рѣку по горло, да такъ, ровно бы корова, въ водѣ и стоялъ.

Чистой. А ты въ Верхъ шелъ бы да великому государю въ ушко шелгулъ: на Москвѣ моля, государь, жара стоитъ, а мнѣ де, холопшкѣ твоему, Аксенкѣ Поспѣлову, весьма норовится, коровнымъ обычаемъ въ рѣку на четверенькахъ вбредя, по горло въ водѣ сидѣть....

Поспѣловъ. Ты чего въ разговорѣ лѣзешь? Шелъ бы къ дядюшкѣ своему на поварню жариться.

(*Входитъ Павлюкъ*).

Чистой. Что жь! не простой онъ поваръ вѣдь, царскій. Да и не поваръ онъ, а сытнаго дворца стряпчій. Только кушанье готовить охочь. А тебѣ съ отцомъ жрать нечего. Чортъ ты! (*отворачивается*).

Павлюкъ (*подходя*). Здорово, ребята! Что тутъ дѣласте?

Левонтьевъ. А на скуку да жару великому государю челомъ ударить собираемся. Не то Андрюшка съ Аксенкой какъ псы, съ жары взбѣясь, перегрызутся.

* Потѣшныя, родъ нынѣшнихъ пажей, народъ молодой, а потому ихъ роли съ великимъ удобствомъ могутъ быть поручены артистамъ. Всѣ дѣйствующіе мужчины въ короткихъ кафтанахъ. Павлюкъ въ польскомъ гусарскомъ. Всѣ безъ оружія.

Павлюкъ. Дѣло. А Сидоръ Поликарлыча вѣту тутъ? Левовътьевъ. Нѣту. Съ Кислой княгиней у кареты въ провожатыхъ пошевъ.

Павлюкъ. Жалко.

Поспѣловъ. Чѣмъ жалко-то?

Чистой. А хотъ бы тѣмъ: со скуки мы словно мухи моревья по площадкѣ слоняемся, а будъ онъ тута, потѣху какую придумавъ, взвеселилъ бы насъ. Ужъ на такое дѣло Сидоръ Поликарлыча взяты!

Поспѣловъ. Али безъ него и потѣхи никто выдумать не сможетъ?

Чистой. Не ты ль измыслишь?

Поспѣловъ. Такую еще что твоему Сидоръ Поликарлычу во свѣ не грезилась.

Чистой (*къ остальнымъ потѣшнымъ*). Бѣги, ребята, скорѣй! Поспѣловъ потѣху выдумать собираетъся. (*Тѣ подбѣгаютъ; становятся въ кружокъ; Поспѣловъ, выйдя впередъ, озираетъ всю площадку. Чистой, ему*): Чего жъ не выдумываешь?

Поспѣловъ. Авъ выдумалъ. Глянь-ка, ребята, подъячій у крыльца спить.

Левовътьевъ. Точно.

Поспѣловъ. Спать-то онъ спать, только ротъ разиня... (*многозначительно умолкаетъ*).

Всѣ. Ну?

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же; МАРТЮХИНЪ съ МѢШЕЦКИМЪ.*

Мартюхинъ. Эй вы, молодчики безусые, дайте борода дорогу. (*Всѣ сторонятся; Павлюкъ шапку снялъ и отъ другихъ отошелъ.*) Чего стоите? Слушать вамъ тутъ нечего. (*Потѣшные лѣживо отходятъ; онъ, прикрикнувъ.*) Вонъ пошачу, дурачье! (*Потѣшные съ жовотою живо разсыпаются.*) Такъ какъ же, Матвѣй Павлычъ, постарается?

Мѣшецкій. Ладно ужъ. Только что тебѣ тотъ Лыковъ сдѣлалъ?

Мартюхинъ. Носъ больно дереть. Пригнуть его къизу хочу, носо-тъ.

* Мартюхинъ съ бородой, кафтанъ у него пониже кофта; Мѣшецкій въ однихъ усахъ, кафтанъ у него повыше кофта.

Мѣшецкій. Овъ же князь.

Мартюхинъ. Мало что князь! Много ихъ у насъ, князей-те! А главная причина: его отцы-дѣды у мошкѣ всегда въ подручныхъ быац, и за царскимъ столомъ много ниже сиживали.

Мѣшецкій. Да мѣстничества жь нѣтъ теперь.

Мартюхинъ. Мало что нѣтъ!

Мѣшецкій. И слава Богу надоть сказать.

Мартюхинъ. И я слава Богу говорю что оно, мѣстничество-то, окаянное и братоубиственное, на вѣкъ погибло. А все же Лыковымъ передъ Мартюхиными носа задирать не приходится. И еще скажу что впредь безъ мѣстовъ намъ быть велико, то даво. А что книги разрядныя пожгли, то даво да не весьма.

Мѣшецкій. Да въ тѣхъ же книгахъ всѣ ваши мѣста писаны были.

Мартюхинъ. Вѣрно. А все жь ихъ сжигать не слѣдъ было. А взять бы да подъ замокъ залереть, да дырка ихъ стожить приставить.

Мѣшецкій. То за чѣмъ же?

Мартюхинъ. А за тѣмъ: теперь бы я къ дырку пошелъ, посулъ бы ему хорошій, всучилъ чтобъ овъ мѣш о Лыковыхъ выписочку далъ, всѣ бы статьи выписалъ.

Мѣшецкій. А дальше что?

Мартюхинъ. А дальше Лыкова къ себѣ зазвалъ бы да угостилъ его гораздо. А угостивъ, выписочку бы прочелъ: ва вотъ мошкѣ тебѣ, кушай да знай свой шестокъ. Повамай дескать что хоть и князь ты, да лыкомъ шитый. *(По молчанью.)* Такъ постарайся, Матвѣй Павловичъ, чтобъ великому государю про Лыкова-то въ ушко шелууаи?

Мѣшецкій. Сказалъ ужь, Петръ Яковлевичъ, такъ сдѣлаю. Слово говорю.

Мартюхинъ. Ужь постарайся. А то мѣш отъ Лыковыхъ фатига великая. Просто сказать, десперация пришла.

Мѣшецкій. Идемъ-ка въ Верхъ. *(Идетъ къ крыльцу.)*

Мартюхинъ *(слѣдуя за нимъ)*. А о нашемъ-то дѣлѣ?.. Аль раздумалъ? *(Оба поднимаются по лестницѣ.)*

Мѣшецкій. Ничуть. Да о немъ чай и въ Верху, въ сѣняхъ сядя, толковать можно. Хоть бы при томъ же Лыковѣ.

Мартюхинъ. Будь овъ только въ сѣняхъ, о нашемъ

дѣвъ нарокомъ кричать стану. Слушай, моля, борода твоя ласковая, съ кѣмъ породниться хочу. Надорвусь крича, а ужь дойду его.

ЯВЛЕНИЕ III.

Всѣ дѣйствующіе перваго явленія; потомъ СИДОРКА. Потѣшныя попрежнему начинаютъ по площадкѣ слоняться, только теперь Чистой съ Павлюкомъ ходитъ. Затѣмъ Левонтьевъ съ Поспѣловымъ опять сталкиваются. Сидорка входитъ незаметно, какъ всѣ ужь въ кругъ stannoтъ, и потомъ сразу выдвигается впередъ. По временамъ, сверху крыльца, появляется ИСТОПНИКЪ.

Поспѣловъ. И жара же!

Левонтьевъ (*макая себѣ шапкой въ лицо*). Жарища.

Поспѣловъ. И скука еще.

Левонтьевъ (*звая во весь ротъ*). Скучища-жь.

Павлюкъ (*подходя къ нимъ*). Что жь, Поспѣловъ? Объявляе потѣху да на попятный.

Чистой (*также*). Аль выдумалъ да забылъ опять?

Поспѣловъ (*Павлюку*). Сейчасъ сооружу. (*Чистому*). А ты молча.

Чистой. Ребята! бѣги сюда: Поспѣловъ потѣху сооружать станеть. (*Всѣ попрежнему въ кружокъ становятся*.) Начивай, что ль.

Поспѣловъ (*по молчанію*). Такъ вотъ овъ, ребята, подъячий-то спить.

Чистой. Слышали ужь.

Поспѣловъ (*ему*). Отстань, говорю. (*По молчанію*.) Спить-то овъ спить, только ротъ разива... (*умолкаетъ, какъ выше.*)

Всѣ. Ну?

Поспѣловъ. Спить-то овъ, говорю, спить...

Сидорка (*выступая впередъ*). Только ротъ разива.

Павлюкъ. А! Сидоръ Полицарпычъ пришелъ! (*Всѣ, кромя Поспѣлова, повторя Павлюковы слова, обступаютъ Сидорку.*)

Сидорка (*отстраняя потѣшныя*). Да ну васъ! (*Поспѣлову*.) Сказывай, Аксюща, дальше.

Поспѣловъ. Ты съ чего же выдумалъ меня по-бабьи звать?

Сидорка. Аль я виновата что тебя Аксией окстаи?

Поспѣловъ. Аль врешь: не Аксией, Аксѣомъ.

Сидорка. Подво-ка. Самъ крестный твой маѣ сказывалъ что Аксинья ты. А хоть бы и Аксень, все жь Аксюшка, аль Аксютка выйдетъ; все жь тебя по-бабьи звать.

Послѣловъ. Авъ врешь: Аксенка, а не то и весь Аксень Гаврилычъ буду.

Сидорка. Этакого имени, Аксена-то, по настоящему и во святцахъ нѣтъ. Для насмѣшки даютъ.

Послѣловъ. Авъ врешь: Аксёновъ-те въ году латеро, а Сидорокъ трое всего.

Сидорка. Ладно ужъ. Ты вотъ лучше про подъячаго до-сказывай.

Павлюкъ. Потѣху намъ надъ подъячимъ общалъ.

Чистой. Лучше де Сидоръ Поликарпыча сооружу.

Сидорка. И впрямь соорудить: на выдумки гораздъ вѣдь. Ну, Аксинья... то бишь, Аксень Гаврылычъ, показывай свое пророрство-то.

Послѣловъ. Ужь и не покажу, думаешь? Ну, ребята, слушай! Спать-то, говорю, подъячій спитъ, только...

Чистой. Ротъ разиня.

Сидорка (ему). Моаци, Авдюшка. (Постылову.) Дальше-то чтѣ жь.

Послѣловъ (сердито). А ротъ разиня спитъ. (Хвастливо.) А я говорю: коли тому подъячему ротъ лескомъ набить, чтѣ будетъ?

Сидорка. А то что подъячій, въ Верхъ вбѣжавъ, на государевъ спрость отвѣчать не сможетъ. Тутъ розыскъ, а тамъ указъ: посадить Аксинью на двѣ ведѣи на хлѣбъ да на воду.

Чистой. Ай да Аксинья Гавриловна! Вотъ такъ потѣха.

Потѣшныя (съ хохотомъ, на распѣвъ). Ай да Аксинья Гавриловна! Вотъ такъ потѣха!

Послѣловъ. Отставьте, собаки!.. Ну, эта не хороша, другую придумаю. Слушай, ребята! (Подумавъ.) Теперь если бумажку въ трубочку свертѣть да подъячему въ носъ ту трубочку всунуть, а съ конца-то ее поджечь. Какъ дымо-тъ подъячій въ носъ лопаветь, чтѣ будетъ?

Сидорка. А то же что съ дыму чихветъ. Тутъ бумажка изъ носу у него выгадетъ да на мѣшокъ. А мѣшоко-тъ горѣть. И опять розыскъ и опять указъ: быть Аксинья вѣсьма батоги битой.

Чистой (и за нимъ потѣшныя какъ выше). Ай да Аксинья Гавриловна! Вотъ такъ потѣха!..

Послѣловъ (*Сидорка*). А такую-ть, чтобъ безъ розыска потѣха обошлась, самъ выдумывай.

Сидорка. И то выдумай. И надъ подъячимъ же. (*Чистолу*) Эй, Андрюшка, бѣги на поварню живѣй да хлѣбъ выпроси. Только чтобъ хлѣбъ большой, да въ мѣшокъ его склади. И сюда волоки. Поназъ? Живѣй же. (*Чистой убѣгаетъ*.)

Павлюкъ. Чтò жь ты съ тѣмъ мѣшкомъ сдѣлаешь?

Сидорка. А на мѣсто оняго подъячему подъ голову подажу.

Послѣловъ. А онъ проснется, вотъ и розыскъ тебѣ...

Сидорка. Не проснется. У кумы былъ.

Послѣловъ. Чтò жь чтò у кумы?

Сидорка. А пьявъ, значить. Всякой-то день онъ мимо кумы въ приказъ бѣгаетъ. А кума-та, надо сказать, харчевню у него бѣлаю держить. И заходить-то, говорить, не хочу, и вишица этого чортова терпѣть не могу, а сколько разъ, говорить, зарокъ давалъ, да и дыакъ же олятъ въ приказѣ, говорить, изъ-за этой кумы не разъ меня за вихры таскалъ. А отстать де никакъ не могу. А все, говорить, нога моя правая треклятая. Только, говорить, къ харчевнѣ подходить стану, она сейчасъ вправо забирать и начметъ. А справиться де никакъ не могу. Ужь я ее и рукой держу, а она все вправо да вправо бѣжить. Тогда ужь, говорить, справаюсь съ ногой-то какъ передъ кумой стану да стаканчика два вища хвачу.

Чистой (*возвращаясь*). Вотъ онъ хлѣбъ въ мѣшкѣ. Добылъ.

Сидорка. Ладно. Иди за мной. (*Подходятъ къ подъячему*) А вы, ребята, ни съ мѣста и чтобъ дыха вашего не слышно было. (*Чистолу*) Я ему голову подержу, а ты мѣшокъ вынимай. (*Исполняется*) Ладно. Телерь свой съ хлѣбомъ-то подъ голову ему клади. Такъ вотъ. А синій съ собой волоки. (*Отходятъ оба отъ подъячаго*) И ловко жь подъячему спать будетъ: на хлѣбцѣ-то, много ломаче. А синій сюда вотъ спрячемъ. (*Прячетъ по другую сторону крыльца*).

Послѣловъ. А телерь, Сидоръ Полицарлычъ, взбудить его?

Сидорка. И не думай. Въ кучѣ, ребята, не стой, разбредись. Дверь вонъ отворяется, не подъячаго ль каукать идутъ. (*Потѣшныя расходятся*.)

Истопникъ (*съ крыльца*). А что господа ребятки потѣшныя, подъячаго тутъ не видали ли? Этакой носастый еще.

Послѣловъ. А в-вонъ у крыльца хралить.

Истопникъ *(какъ выше)*. Вzbудите-ка его. *(Потѣшныи отъ шумомъ и крикомъ: „Вставай, носастый, вставай,“ бросаются будить подьячаго, не безъ того чтобы его ногой толкнуть и ущипнуть.)*

Подьячій *(просыпаясь)*: Ой, чертики, ой! Братцы! помогите.

Сидорка. Дьяволъ! очнись: въ Верхъ зовутъ.

Истопникъ *(какъ выше)*. Ты скоро ль тамъ? Аль великому государю ждать тебя? *(Уходитъ.)*

Подьячій. А? что? Государь? Бѣгу, сейчасъ бѣгу. *(Схвативъ мѣшокъ, спрочетъ въ Верехъ бѣжитъ.)*

Левонтьевъ. Что-то теперь будетъ?

Сидорка. А какъ съ Верху сбѣжить, то-то замечется. Если кошкѣ на хвостъ гремушку привѣсить, не шибче его взбѣситъ.

Подьячій *(сверху)*. Эй вы, чертенята, мѣшка моего не видали ль.

Поспѣловъ. Нѣтъ, старый чортъ, не видали.

Подьячій *(спускаясь)*. Ты чего тамъ лаешься?

Поспѣловъ. А ты какъ смѣешь насъ, царевичевыхъ потѣшныхъ, чертенятами лаять. Не бось, ужъ челомъ великому государю ударимъ: за честь своего двора вступимся.

Чистой. Выстимо такъ.

Подьячій. Отдадите мѣшокъ что ль? *(Ищеть въ томъ мѣстѣ гдѣ спалъ.)*

Сидорка. Акимъ Простота! Да мѣшоко-тъ у тебя же въ рукахъ.

Подьячій. Сидѣй-то гдѣ? Въ немъ статейные списки кладены.

Чистой. Ай да подьячій! Мѣшокъ потерялъ!

Потѣшные *(хоромъ, на распѣв)*. Ай да подьячій! Мѣшокъ потерялъ!

Подьячій. Такъ вотъ же вамъ, дьяволятамъ! *(Шеряетъ въ нѣкъ мѣшкочъ.)*

Поспѣловъ. Твори безчинства-те, твори! Наказуемся ужъ.

Подьячій. Это звать ты мѣшокъ-отъ украдъ. *(Хочеть на него броситься, но слышавъ голосъ Истопника останавливается; Поспѣловъ тѣку далъ.)*

Истопникъ *(съ крыльца)*. Да ты скоро? Аль мѣ на тебя съ кочергой въ походъ идти? *(Уходитъ.)*

Подъячій. Сейчасъ, сейчасъ бѣгу. (*Сидоркъ*) Сидоръ Полицарлычъ, хоть ты надо мной, государь, сжаляся. Скажи куда дьяволята мѣшокъ увесли?

Сидорка. Мнѣ почему же звать? Я въ провожатыхъ ходилъ, воротался сейчасъ.

Подъячій. Такъ ты его и стибрилъ звать.

Сидорка. Окстись, любезной!

Истопникъ (*съ крыльца*). Ты скоро тамъ? И впрямь вѣдь великій государь гнѣваться изволить. (*Уходитъ*.)

Подъячій. Охъ, лихо мое, лешенько!... Сидоръ Полицарлычъ, молебень за твое здоровье отсажу!...

Сидорка. Бѣ кумъ рѣже бѣ заходилъ, а то на которой сторонѣ заснулъ, и того не помнишь. Вотъ онъ твой мѣшокъ гдѣ валяется. (*Указываетъ. Подъячій бросается мѣшокъ искать. Въ это время на крыльцѣ показываются Мартюхинъ и Мѣшецкій и тихо начинаютъ по лѣстницѣ сходить; Мѣшецкій впереди.*)

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, МАРТЮХИНЪ и МѢШЕЦКІЙ.

Чистой. Ай да подъячій! У кумы гулялъ!

Потѣшвые (*какъ выше*). Ай да подъячій! у кумы гулялъ!

Подъячій (*махая на низъ мѣшкѣ*). Цыть-те вы! (*Сидоркъ*) А ужъ это ты навѣрно скралъ да подбросилъ.

Сидорка. Гляди у меня, не лажся!

Подъячій. Самъ у меня гляди. Всѣ-то вы Мартюшкины лаутовствомъ славны. Дядюшка-то твой всѣмъ вѣдомо какъ старшую дочку уродливую съ рукъ сбилъ. На смотривахъ-те Хворостивымъ середью показалъ, а подъ вѣнцо-тъ старшую кривобокую сунулъ.

Истопникъ (*съ крыльца*). Ты скоро тамъ? Государь, говорю, гнѣвается. (*Уходитъ*.)

Подъячій. Ой бѣгу, бѣгу. (*Блѣхитъ и увидѣвъ сходившаго съ лѣстницы Мартюхина стрѣлой мимо его, закрываетъ лицо мѣшкѣ*.)

Мартюхинъ (*ударивъ его палкой*). Таше ты, чортъ! Съ ногъ собьешь.

Мѣшецкій (*сойдя съ крыльца*). Павлука моего вѣту здѣсь?

Павлукъ. Здѣсь, тятелька.

Мѣшецкій. Ходь за мной. (*Идутъ оба*.)

Мартюхинъ *(вслѣдъ ему)*. Матвѣй Павловичъ! такъ заѣдешь вывче, что ль?

Мѣшецкій *(останавливаясь)*. Заѣду, Петръ Яковичъ, безпрѣменно заѣду. *(Дальше съ сыномъ идетъ)*.

Мартюхинъ *(какъ выше)*. И рядную вывче жъ валашемъ?

Мѣшецкій *(какъ выше)*. Нывче же. *(Ушелъ съ сыномъ)*.

Мартюхинъ *(потѣшнымъ)*. А вы опять мои рѣчи подслушивать. *(Потѣшные идутъ тихо и озираясь, съ ропотомъ)*. Вотъ я васъ, щенята.

Послѣловъ. А коль мы щенята, вотъ тебѣ, старый песь! *(Быстро подбѣжалъ къ Мартюхину и ему носъ показалъ; затѣмъ съ потѣшными съ хохотомъ убѣгаютъ)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

МАРТЮХИНЪ, СИДОРКА.

Мартюхинъ. Ахъ, ты! *(Хочетъ за Пестылевымъ броситься, но тотъ уже далеко.)* Ты, Сидорка, куда? Ко мнѣ иди.

Сидорка *(подходя)*. Что, дяденька, прикажешь?

Мартюхинъ. Ругать тебя буду.

Сидорка *(невинно)*. Аль провинился чѣмъ?

Мартюхинъ. Не знаешь, не бось?

Сидорка. Не могу, дяденька, звать.

Мартюхинъ. А съ подъячимъ не ты лаяла?

Сидорка. Никакъ вѣтъ, дяденька.

Мартюхинъ. Кто же?

Сидорка. Послѣловъ Аксенка потѣху затѣвалъ. Каковъ озорникъ, самъ видѣлъ. А тутъ къ нему потѣшные и пристаи.

Мартюхинъ. А ты потѣшный что ль?

Сидорка. Никакъ вѣтъ, дяденька.

Мартюхинъ. Кто же ты?

Сидорка. Самъ, дяденька, знаешь.

Мартюхинъ. Говори, коли спрашиваю.

Сидорка. Царицына чина сынъ боярскій, да твой, дяденька, племянникъ еще.

Мартюхинъ. Такъ чего жъ ты съ дворской мелкотой знаешься? а? Этакой болванъ да съ мальчишками связался! Истинно, чортъ съ младенцами.

Сидорка. Я тутъ, дяденька, не при чемъ. Случаемъ подошелъ. Съ Кисаю княгиней въ провѣзатыхъ ходилъ.

Мартюхинъ. Я тебѣ такую Кислую княгиню задамъ что не вспомнишься! Съ чего жѣ тебя подячій-то даялъ?

Сидорка. Не меня онъ, дяденька: Аксенку Послѣлова.

Мартюхинъ. А съ чего жѣ онъ Мартюхиныхъ всякими неподобными словами обзывалъ?

Сидорка. Не слышалъ, дяденька; какъ Богъ святъ, никакой его на Мартюхиныхъ лап не слышалъ.

Мартюхинъ. Какъ же ты не слышать-то смогъ, когда возаъ него столалъ?

Сидорка. А я, дяденька, во всѣ глаза на тебя глядѣлъ какъ ты, дяденька, съ Крыльца сходилъ.

Мартюхинъ. Охъ ужъ ты мнѣ! Гдѣ только лакомсть какая—„Сидоркино дѣло“, говори. И, слышь ты! эти мои слова запомни...

Сидорка. Буду, дяденька, помнитъ; ей-Богу, буду.

Мартюхинъ. Какъ же ты ихъ помнитъ будешь, коль я ихъ еще и не выговорилъ?

Сидорка. А выговорить, дяденька, я сейчасъ ихъ тутъ, дяденька, и заломлю.

Мартюхинъ. Такъ помни же: только изъ-за этого подъячаго словъ дѣло у насъ съ Мѣшецкимъ разойдется и дочка моя Лизавета за его сывишка замужъ не выйдетъ, — въ гробъ вколочу тебя. Ты на то не надѣйся что въ племянникахъ у меня живешь. Хоть Мартюхинъ ты, да латиородный мнѣ: жалѣть не стану. Со двора сбить велю. Межь чужихъ-те дворовъ слоняясь, съ голоду локотѣешь тогда. Да еще помни: попрошу, такъ тебя и изъ дѣтей боярскихъ вонъ вышлютъ. Куда тогда дѣнешься? а? Ну, вотъ эти самыя мои слова и помни. *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ VI.

СИДОРКА однаъ.

Вотъ-такъ задача! Вотъ-такъ влетѣлъ! ровню вокругъ шея летаю накивули... Да, нѣтъ! чего а!... Станеть Мѣшецкій подъячему вѣрять!... И летли-то у меня вокругъ шея никакой же нѣтъ, развѣ-развѣ веревку на меня вить стали... а ужъ подячій поладись только мнѣ!...

ЯВЛЕНИЕ VII.

СИДОРКА, ПАВЛЮКЪ.

Павлюкъ. Сидорушка, ты это?

Сидорка. Тебѣ еще чего?

Павлюкъ (*растерянно*). Слышалъ? а? слышалъ?

Сидорка. О чемъ-такомъ? Что тебя отецъ окрутить собирается?

Павлюкъ. Сейчасъ мнѣ о томъ объявилъ.

Сидорка. А ты ему въ ножки за то поклонился ли?

Павлюкъ. Это за что еще?

Сидорка. Какъ за что! Да богаче моей сестры во всей Москвѣ невѣсты нѣтъ. Кланки-ка кланчъ, полыхайся: молъ нѣтъ ли охотниковъ на Сидоркиной сестрѣ шестнадцатой; на Мартюхиной Лизаветѣ жениться,—всѣ невѣсты безъ жениховъ останутся. Чего! вдовцы драхмы и тѣ на кланчъ прибѣгутъ.

Павлюкъ. А и пусть ихъ бѣгутъ! Только бѣ у насъ разошлось.

Сидорка. Алъ не разоидется.

Павлюкъ. Алъ разоидется, говорю.

Сидорка. Почему жь такъ?

Павлюкъ. Да ужь такъ; знаю ужь я. Ты-то сказывай почему не разоидется-то?

Сидорка. А многія причины есть.

Павлюкъ. Какія такія?

Сидорка. А первое: тятенька твой съ дяденькой моимъ очень ужь сдружились. А сдружась, породниться захотѣли. И то сказать: все-то они вмѣстѣ, а по имени по отчеству другъ другу долго звать. Петръ Яковлечъ да Матвѣй Павловичъ. А какъ окрутятъ-то тебя: свать да свать, вотъ и сказъ весь.

Павлюкъ. Этакой вздоръ ты городишь.

Сидорка. Ну, не говори. И еще личикка есть. Оба они въ картишки перекинутся любятъ. Какъ сватами-те стануть, хоть каждый день въ ламушъ играй. И за игрой у нихъ и теперь разговоръ свой есть, а тогда еще ладнѣ пойдетъ.

Павлюкъ. Какой разговоръ еще?

Сидорка. А ты не знаешь? Дяденька-то мой съ бородой ходитъ, а тятенька-то твой скоблennyй. Вотъ какъ дяденька

проиграется сейчасъ ругаться: „Скобленное-де рыло твое, польскій ты обливанецъ, шлахта смоленская, шти де жаркіе, лѣто горячее!“ А татенька твой ему въ отвѣтъ: „Врешь ты, Москва закорузлаа! Еще полправославнѣй твоего буду. И Смоленска порочить не смѣй, русское строенье Смоленецъ-то, да еще много старѣ Москвы будетъ.“ Вотъ и пошелъ у нихъ разговоръ самый пріятный.

Павлюкъ. Опять же вздоръ.

Сидорка. Ну, не говори. А третья причинка еще важнѣй. Татенька-то твой къ царцѣ въ родню приписался. Пусть заые языки и брешутъ что и родство молъ въ томъ все что имена въ виршѣ принаисъ: „онъ де Мѣшецкихъ, а она де Грушецкихъ“. Да лайся, не лайся, а всѣмъ вѣдомо что у татеньки твоего въ Верху рука сильна. Только денегъ-то у него не густо, а у дяденьки моего денегъ куры, братъ, не каютъ. Какъ сватами-то ставутъ: твой-то родней, мой-то мощной всѣмъ дворомъ вертѣть ставутъ.

Павлюкъ (*со вздохомъ*). Вотъ это на правду похоже.

Сидорка. Еще бы вѣтъ! И опять же дяденькѣ Лыкова князя давно подѣсть хочется да у одного зубъ не хватаетъ. А какъ твой-то поможетъ, тутъ Лыковымъ и славу поютъ.

Павлюкъ (*сильнѣе еще вздохнулъ*). И это правдой пахнетъ.

Сидорка. Какъ же не правда-то? Ужь по одному тому какъ дяденька сейчасъ меня ругалъ, вижу я что Лизаветѣ Петровнѣ за тобой жить.

Павлюкъ. Ну, пролазъ же я!

Сидорка. Почему жь пролазъ?

Павлюкъ. Да потому жь.... Ты вотъ лучше мнѣ по правдѣ, по истинной скажи, какова у тебя сестра живетъ?

Сидорка. Сестра-та какова? Да всѣмъ ладна.

Павлюкъ. А еще какаа?

Сидорка. Умная да добрая.

Павлюкъ. А изъ себя какова?

Сидорка. И собой пригожа.

Павлюкъ. Врешь ты.

Сидорка. Вру.

Павлюкъ. Ну.... такъ скажи жь какова она?

Сидорка. А дура.

Павлюкъ. Ой!...

Сидорка. Зааа дурица, привередливая.

Павлюкъ. А собой какова?

Сидорка. Бривобокая, косоглазая да косоротая.

Павлюкъ. Врешь опять.

Сидорка. Я-то вру. А ты-то мнѣ съ чего же не врешь?... Аль сумѣвъше смѣешь?

Павлюкъ. Есть тотъ грѣхъ.

Сидорка. Неужто же подъячему повѣровалъ? Что оны съ серацовъ да съ лына нагаалъ?

Павлюкъ. И этотъ грѣхъ есть.

Сидорка. А ты не вѣрь ему.

Павлюкъ. Радъ бы не вѣрить да нехотя вѣрится. Вотъ повидать бы мнѣ ее. Сидорушка, будь другъ, покажи ты мнѣ ее.

Сидорка. А вотъ вѣвъ ко мнѣ въ карманъ, тогда покажу.

Павлюкъ. Какъ же я тебѣ въ карманъ вѣвзу.

Сидорка. А не въ карманъ какъ я тебя въ теремъ-то къ ней провесу?

Павлюкъ. Ты въ церковь ее вымани.

Сидорка. Церковь у насъ домовая, и опять же, сестры и въ Москвѣ нѣтъ: у бабки въ подмосковной гостить.

Павлюкъ. Ну, коли и церковь домовая, и въ подмосковной гостить, звать и впрямь она кривобокая.

Сидорка. И косоротая въ придачу. Да какова ни живеть, все же тебѣ жена будетъ.

Павлюкъ. Что присталъ: жена да жена!... Ты вотъ самъ... Да и я-то глупъ, кого просить вздумалъ!... Ума у тебя на такое дѣло чтобы сестру мнѣ показать не хватить.

Сидорка. У меня ума не хватить? Да только захоти я!..

Павлюкъ. И надъ подъячимъ потѣшиться затѣвалъ, да не сумѣлъ же! Всѣ ваши тайности семейныя подъячій выболталъ.

Сидорка. Ты подъячимъ меня не дразни, а то и впрямь сестру тебѣ покажу.

Павлюкъ. Алъ не посмѣешь.

Сидорка. Посмѣлъ бы да лихъ дяденьки боюсь, больно ужъ застрацалъ меня... А то я тебѣ несмѣлость-то свою показалъ бы... Эхъ, да не будь я [Сидоркой Мзртыхинымъ!... (Вдругъ умолкаетъ.)

Павлюкъ. А ужъ я постараюсь и татеньку на сумасенье навести. То-то тебѣ отъ дяденьки вздрючка будетъ...

Сидорка. Ой не зли, на бѣду меня не наговаривай.

Павлюкъ. Голубчикъ, Сидорушка, золотой мой, роденьки! Я всю бѣду передъ твоимъ дяденькой на себя возьму.

Сидорка. Это что!... А вотъ ты побойсь мнѣ что, оже-
нась, меня какъ роднаго почитать будешь, да въ люди, какъ
я того похочу, меня выведешь?

Павлюкъ. Ей-Богу жь выведу.

Сидорка. Нѣтъ, стой. Я тебя въ церковь заведу, а ты
мнѣ тамъ предъ образомъ покажись. Согласенъ ли?

Павлюкъ. Трижды покажусь.

Сидорка (*потыралъ руки*). Ну, Сидорка, нальши теперь.
Дьяво твоё сдѣлаю. Идемъ же.

Павлюкъ. Какже ты мнѣ ее покажешь?

Сидорка. А вотъ какъ польскій-то хомутъ: а съ тебя
сниму да на себя надѣну, а тебя въ свой кафтанъ наряжу:
тутъ сейчасъ сестренка и обзавится.

Павлюкъ. Опять зигородила!...

Сидорка. Ой не знаи. Съ дядюшки да съ подьячача сегда
да моего на себя не поворачивай.

Павлюкъ. Не буду, Сидорунка; золотой мой, не стану.
(*Обнимаетъ и целуетъ ея*).

Сидорка. Чего со мной лжешься, не на мнѣ женишься.
Идемъ же, марши!

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

У Мартыяновъ въ подмосковной.—Садъ.—На восторонѣ планъ ягод-
ные и шиповые кусты; въ глубинѣ абрамъ крупомъ стогаи. Въ
серединѣ, на первомъ планѣ, дубокъ; лѣвъ-лишь скамеечка. Некраво
качелю богатыя.

ЯВЛЕНІЕ I

ЛИЗИНА БАБКА на скамеечкѣ лѣвъ дубомъ сидитъ; сбоку у нея
жароля и нѣсколько тазиковъ, въ чемъ варенье варятъ; бабка, сегда,
платкомъ отмахивается и во временахъ вздыхаетъ; входитъ сѣва
МАРТЬЯНОВНА.

Бабка. Чтѣ, Мартыяновна, свесла варенье-то?

Мартыяновна. Свесла, государыня. Больше варить вѣдъ
не станешь?

Бабка. Нѣту. Устала.

Мартыяновна. И умно, государыня, дѣлаешь: жи сама,
государыня, устала. Такъ прибирать все укажешь? (*Варитъ
жаролю и тазики*).

Бабка. Убирай, Мартыновна.

Мартыновна. Не бося, государыня, приберу. А ты со мной пойдешь, аль тутъ поседашь?

Бабка. Посиди еще. Варенье варя, ища, Мартыновна, земекла вол.

Мартыновна. Ладно, государыня, сяди себя. Меня самоё, государыня, хоти выжить (*Идетъ калесо*).

Бабка. Да Настасья ко мнѣ пришла.

Мартыновна. Нечего ея, государыня, посылать: сама волъ бѣжитъ.

ЯВЛЕНИЕ II.

БАВКА, НАСТАСЬЯ.

Настасья (*вбѣгаетъ съ калесомъ*). Бабушка! бабушка! Сидорка прѣхалаъ.

Бабка. Какое тамъ ведерко еще?

Настасья (*про себя*). У, тетера глухая! (*Крикомъ*) Сидорка, говорю, прѣхалаъ.

Бабка. Да ты что справа кричишь: вчерась еще сказывала что правое ухо у меня заложило.

Настасья (*переходя вѣкъ отъ бабки, особо*). Десять лѣтъ какъ заложило!

Бабка. Что десять-то лѣтъ?

Настасья. А Сидорка, говорю, прѣхалаъ. А съ нимъ перень еще молодой, дядемьки Петра Яковлича племянникъ, старшей его сестры сынокъ. Помнишь что за Чубаровымъ была.

Бабка. Экая ты, Настасья, неумѣлая! Какъ же не помнить-то? Этакая родня близкая, а ты „помнишь ли?“... Что бить еще-то? Да! десять-то лѣтъ что?

Настасья. А десять лѣтъ, говорю, не выдала его.

Бабка. И лобомъ будетъ.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же; СИДОРКА, ПАВЛЮКЪ.*

Сидорка. Здравствуй, бабушка (*цѣлуетъ ей руку*). Внучка тебѣ привезъ... Помнишь, у Чубаровыхъ двое ихъ сынокъ было: Федунька да Петрунька. Такъ вотъ онъ, Федунька тебѣ.

* Павлукъ въ русскомъ; Сидорка въ польскомъ.

Бабка. Здравствуй. Гдѣ жь ты нашелъ его?

Сидорка. А въ Москву онъ на службу ѣхалъ, а я съ Москвы сюда глядѣ да жеребедъ у меня расковался. Пока перековывали, на постояломъ разговорился съ нимъ. А я вѣдь Чубаровъ, говоритъ, Оедунька. Я его и захватилъ съ собой: бабкѣ молъ покажу.

Бабка. И умно, Сидорущка, сдѣлалъ; только какой же онъ Оедунька-то? Оедунька до году не дожилъ, померъ. -

Сидорка. Оедунька, бабушка.

Бабка. Не спорь со мной. Да вотъ онъ живой стоитъ: хоть его спроси. (Павлюку:) Что-жь ты съ бабкой не здороваешься? Петрушкой вѣдь звать?

Павлюкъ (цѣлуя ея руку). Петрушкой, бабушка.

Бабка. (Сидоркѣ). А ты споришь. (Тихо разговариваетъ съ Павлюкомъ).

Сидорка (особо). Каковъ Павлюкъ! Бабку подмаслить научился.

Бабка (отпуская Павлюка). Ну, и ладно. (Поворачиваясь.) Настасья! А Лизанька гдѣ жь?

Настасья. А мнѣ почему звать? Ты ей волю во всемъ даешь: гдѣ хочетъ тамъ бѣгаетъ. Съ нея и спрашивай.

Бабка. Экая ты, Настасья, не гордая! Не Москва тутъ чтобъ ее въ терему держать. Сама я дѣвочкой молоденькой была, у бабки въ деревнѣ гащивала, этакъ же вотъ всюду бѣгала.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же, ЛИЗА * справа.

Лиза. Вотъ и я пришла. Сидорущка, здравствуй! (Цѣлуется съ ними).

Настасья (увлачиваетъ ее за руку и ставя предъ бабкой). Нѣтъ, бабушка, ты на нее погляди: разрядилась-то какъ, глянь-ка и шляпа новая, и солнечникъ новый же въ рукахъ **.

Лиза. Что жь что новое! праздникъ вѣдь вымче, вдовая

* Волосы какъ у Лизы, такъ у Настасьи либо совсѣмъ по плечамъ распущены, либо спереди только, а сзади въ косы расчесаны. На головѣ у Лизы шляпа (описание см. у Забѣлана, часть II, стр. 593 и слѣд., тамъ же и рисунок). Въ рукахъ у нея солнечникъ (зонтикъ; рисунокъ тамъ же).

** Всю оцену Лиза отъ бабки справа стоитъ, Настасья слева.

попадья именинница. Да и просила ужь больно меня: покажисьде мнѣ, боярышня, въ уборѣ. Я и показалаась. Старуха-то почитать надо. Такъ ли, бабушка, я говорю?

Бабка. Такъ, Лизавька; такъ, умница.

Настасья. Хоть неможко-то ты ее, бабушка, побрани.

Бабка. За что жь бранить-то?

Настасья. А шляпку испортить.

Бабка. И Настасьюшка! денегъ у ейнаго отца многого новую купить.

Настасья. Коль къ попадѣ въ шляпахъ да съ соумышникомъ бѣгать станеть, и отца разорить.

Лиза. Ты-то, Настя, зашься съ чего? Испорчу, тебѣ же попомешное достанется.

Бабка. Такъ, Лизавька, такъ: хорошенько ее.

Настасья. Ишь ты, бабушка, притворщица какая! Какъ я говорю, такъ „правое ухо вчера съзаложило“, а какъ Лиза начнетъ, такъ и правое ухо у тебя спосособное.

Бабка. Что жь, Настасьюшка! коль полегчала.

Настасья. Полно-ка, бабушка! всѣ-то твои хитрости я давно знаю. А ты бы, бабушка, чѣмъ бравиться-то, ее учить, лучше бь спросила: гдѣ молъ, внучка, бѣгала?

Лиза. И сама скажу: у обѣдни была.

Бабка. Не въ тебя, Настасья, Лиза-то моя: богемольная.

Настасья. Перекрестись, бабушка! Да обѣдни-то давно отошла.

Лиза. У попады еще сидѣла.

Настасья. Бабушка! ова вѣдь у попады колдовать учится. Травы по зарямъ собирають да сушать. Хоть за это-то побрани ее.

Бабка. Полно-ка, Настасья: и языкъ же у тебя! Станеть попадья, да еще вдовая, колдовству учить!

Настасья. Избалуеть ты ее у меня. А послѣ тетенька Арина Михайловна съ меня же спросить.

Бабка. Ты-то съ чего пристаала ко мнѣ: ругай да ругай. Дремаю я совсѣмъ. Давно мнѣ предъ обѣдомъ соснуть пора, сама знаетъ... Лизавька, сведи-ка, матушка, бай-бай меня.

(Встаетъ.)

Настасья (подскакивая). И я, бабушка, свести могу.

Бабка. Прочь, грубиянка, пошла. (Уходитъ опираясь на Лизу.)

Настасья (вслѣдъ ей). Балуй внучку-то у меня, балуй: на свою шею набалуешь!

ЯВЛЕНІЕ V.

НАСТАСЬЯ, СИДОРКА, ПАВЦОКЪ.

Настасья (Сидорка). И всегда вотъ такъ! Лизутка на баламутитъ, а на меня кричитъ.

Сидорка (ей). Ужь и ты хороши! (Настасья) Оедушка... то-башь Петрушка ты... Шалъ бы ты по садку побродилъ, велико-ль съ яблонь сабтые будетъ поглядѣвъ. (Настасья) Хованнъ здѣсь оны у насъ.

Павлюкъ. Ладно, Сидорунка, побродитъ. (Отводитъ ее глубѣ).

Сидорка. Садись-ка, Настасья, садкомъ да поговоришь ладкомъ:

Настасья. То-чо, ладкомъ! А то шакось, а къ чему съ жалобой что обижаетъ мнѣ мена, а оны въ отвѣтъ: „ужь и ты хороша!“

Сидорка. Нешто лѣтъ? Съ чего ты къ Лизѣ-то пристаи?

Настасья. Ты съ нею обносковъ съ мое бы поносилъ да за нее, какъ я же, брани бы заслужилася,—не такъ бы пристаи еще. Волкомъ бы вѣшалъ, вотъ что.

Сидорка. Да ладно, садись что ль.

Настасья. Стой ты, ластей: это что за кафтанъ на тебѣ? Аль жалованный.

Сидорка. Жалованный а есть. Царица пожаловала. Съ Кислой княгиней, какъ ей изъ двора домой ѣхать, у кареты въ провожатыхъ все хошу, такъ вотъ она у царицы и выпросила.

Настасья. Ну, дай ей Богъ здоровья.

Сидорка. И то дай Богъ. Самша, а вправду облюбезала мена: и дѣдо-тъ твой и отецъ, говорить, у моей кареты въ провожатыхъ хаживали.

Настасья. Ой, да сколько жь ей лѣтъ-то?

Сидорка. А Грозному дарю ее въ шестилъ, въ седмилъ да невѣстѣ прочицаи, такъ вотъ и сочти. И съ именинншихъ калячомъ къ себѣ приходитъ приказала: невѣстѣ-де твоей камку подарю.

Настасья. Вотъ такъ добрая.

Сидорка. Добрая. Дай ей Господи царство небесное!

Настасья. Что ты? Не умерла еще.

Сидорка. Къ моимъ именинамъ умереть, надо быть. Ну да ладно. Садись-ка. (*Садится на скамью.*) Чтѣ скажу-то тебѣ! Скоро вѣдь я теперь на тебѣ женюсь.

Настасья. Ой ли? Ахъ съ дяденькой говорилъ?

Сидорка. Какъ же! Поговорили мы съ нимъ! Со двора меня вечеръ сбить обѣщавъ.

Настасья. Это за чтѣ же?

Сидорка. А за то же. Всегда-то я у него безъ ямъ выконать хожу. Чуть не по земѣ чтѣ,—„Сидоркино дѣло“, кричить.

Настасья (*пригорюнилась*). Обоймъ-но мамъ, Сидорунка, горькое житье. Звать съ того мы съ тобой и слюбимся.

Сидорка, (*со вздохомъ*). Звать, Настасьюшка, что съ того. (*Васело:*) Ну, да дядюшка шалитъ, не долго ему надо мной бодриться.

Настасья. Ахъ сбѣжать собираешься?

Сидорка. Просто сказать, въ Царскъ служить пойдю.

Настасья. Въ подъячьи что ль? Чтѣ жь, у нихъ денегъ много, скажутъ. Шибко грабать.

Сидорка. Я не въ такой гдѣ грабать. Я къ Посольскій. Тамъ государево жалованье велико.

Настасья. Такъ тебя туда и пустятъ!

Сидорка. Силомъ вломаюсь. Ты про Мѣшецкихъ слышала ли? Царяцъ родня еще.

Настасья. Ну?

Сидорка. Такъ этого самаго Мѣшецкого сына Павлукъ пріятель мнѣ. И предъ образомъ закажетъ дамъ что безпрѣмѣнно де тебя въ Посольскій приказъ записать выхлопочу. А мнѣ бы только туда войти, а тамъ-то я далече пойду. До Думнаго дыака дослужусь!..

Настасья. Не высоко ли, Сидорунка, хватилъ.

Сидорка. Вѣрно дослужусь. Потому въ Посольскомъ приказѣ главное дѣло языки знать *требуется*. А я у бѣлорусца, у шляхтина-то чтѣ у дяденьки жилъ да палаты расписывавъ, по-польски ловко насобачился, да и по-латыни малость. А теперь на Кукуѣ чуть не ежедневно бѣгаю: по вѣмецкому учусь. Такъ вотъ оно чтѣ, дьячихъ ты моя думная! (*Хлопаетъ ее по плечу.*)

Настасья. Хорошо бы, Сидорунка, да лихъ мнѣ не вѣрится. Я такъ чаю: что и на Кукуѣ-то ты бѣгаешь чтобъ на Нѣмокъ глядѣть. Оми, скажутъ, безстыжіа: при чужихъ и за обѣдомъ сидятъ, и виномъ наливаются.

Сидорка. Эку бѣду нашла! Наши-то по теремамъ вѣшто видцо не лотягиваютъ?

Настасья. По теремамъ-то, по тайности, лучше: никто, по крайности, не осудить... Да ты мнѣ зубъ-то не заговаривай, а на спросъ отвѣчай: точно ль для ученья на Кукуй бѣгаешь?

Сидорка. Эка невѣра какая! Вотъ какъ жемюсь, такъ самоё тебя къ Нѣвцамъ въ гости свезу, чтобы сама видѣла какъ по ихнему долотать стану. Еще глади нѣмецкое житье тебѣ полюбится.

Настасья. Вотъ ужъ не полюбится: я за обѣдомъ-то поллотивѣй лобъсть люблю, ужъ такъ-то люблю! А при чужихъ-то у меня кусъ въ горло не лойдетъ.

Сидорка. Привыкнешь. Еще и по нѣмецкому тебя выучу. Чтобы въ полвомъ аккуратъ ты у меня Думною двячхой была.

Настасья. Чтò ты! А ну-ка, Сидорухка, сейчасъ лочу. Хоть одво словечушко скажи.

Сидорка. Ладно. Ну, сказывай: Kuzmich.

Настасья. Ну, этого въ жистъ не скажу.

Сидорка. Почему такъ.

Настасья. А потому-жь: для насмѣшки говоришь. Только я „кусь“ скажу, а ты и кусишь меня.

Сидорка. Дура! Да по-нѣмецкому-то оно другое совсѣмъ значить. Ну, сказывай, что-ль: Kusz mich.

Настасья (*опасливо*). Ну, кусъ михъ. (*Сидорка обнимаетъ и цѣлуетъ ее.*) Это что еще?

Сидорка. Ты же приказала. Вѣдь Kusz-то mich—цѣлуй меня, значить.

Настасья (*хвативъ его со всей силы по спинѣ*). Вотъ такъ подкузьмилъ меня.

Сидорка (*вскочивъ*). Ой тиге ты! спину переломашь.

Настасья. Не бось, цѣлѣй еще будетъ (*встала*). Ну да лойду блинчиковъ, которые ты любишь, къ обѣду слечь прикажу. А то съ этимъ языкомъ нѣмецкимъ анаемскимъ невѣсть до чего договориться. (*Идетъ*).

Сидорка. А „kusz mich“ не хочешь?

Настасья (*показываетъ ему кулакъ*). А вотъ этого куса не ждаешь ли?

(*Съ хохотомъ убѣгаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ VI.

СИДОРКА, ПАВЛЮКЪ.

Сидорка (*почдывая спину*). Ой да дѣвка же здоровая!... А гдѣ-то мой крестницецъ? Эвокъ стоитъ... Федушья, Федушья!... Петрушка, а Петрушка... Экой шальной! ни на одно имячко не отзывается... Мѣшецкіи!... Павлюкъ!...

Павлюкъ. Бѣгу, Сидоружка, бѣгу!...

Сидорка. Чтѣ жь ты ни на Федушьяку, ни на Петрушкаку не отзывается?

Павлюкъ. Прости ужь.

Сидорка. Ты этакъ, чего добраго, сбрежешь: я молъ на Петрушкаку я, молъ Мѣшецкихъ, Павлюкъ.

Павлюкъ. Не бось, не сдѣлаю.

Сидорка. Ну, а сестренка какво тебѣ показалася?

Павлюкъ. Ужь такъ-то, Сидоружка, показалася!

Сидорка. И не врешь? А ло моему ничего въ ней хорошаго нѣтъ. Этакая-то сухоларая, ровно сухарь поджаристая. То ли дѣло Настасья-тъ моя. Этакая-то здоровая, ровно лепелечь какаясдобная!

Павлюкъ. Ладно-ка, не раздражайшь. И хитерь же ты, Сидорка: знаешь что сердиться мнѣ на тебя нельзя, давай Лизавету Петровну хулить.

Сидорка. Не думалъ хулить, а извѣство: кому поль, кому поладья...

Павлюкъ. Ты вотъ чтѣ лучше: удружи ужь мнѣ въ конецъ.

Сидорка. Чего еще?

Павлюкъ. А дай ты мнѣ съ глазу на глазъ съ ней поговорить.

Сидорка. Съ кѣмъ? Съ бабушкой чтѣ ль?

Павлюкъ. Нѣту, съ Лизаветой Петровной.

Сидорка. Отдумай, дружокъ. А вижу я что заспживаться намъ съ тобой здѣсь нечего: пойдемъ-ка домой собираться.

Лиза (*за сценой*). Сидоружка! здѣсь ты?

Сидорка. Здѣся, сестрица!

ЯВЛЕНИЕ VII.

Тѣ же, ЛЮБА; сцена.

Люба (*Сидорку уходитъ*). Иди-ка, прикажи тебѣ таять спрашиваетъ: какой ему отъ тетьки приказъ будетъ?

Сидорка. Давай. Идемъ, Паструшка что ли?

Люба. Это-то зачѣмъ же съ собой берешь?

Сидорка. А куда жь я его дѣлаю?

Люба. А со мной оставайся. Мнѣ съ дамою поговорить хочется.

Сидорка. Ужь и не знаю, право.

Люба. Чего те знаешь? Ступай-ка (*Паструку*). Ты со мной, братецъ, останешься ли?

Павлюкъ. И съ радостью, сестрица.

Сидорка (*Паструку*). Иди оставайся тужь. (*Уходитъ сама съ собой*.) Вотъ и не видовать я, и сама она его оставила, а узвай-ка дяденька: „Сидоркино дѣло!“ закличить.

ЯВЛЕНИЕ VIII.

ЛЮБА, ПАВЛЮКЪ. Нѣкоторое время они молча стоятъ, швед-ская другъ на дружку поглядывая; Люба едва отъ смѣху удерживается.

Люба. Ну, здравствуй, братецъ.

Павлюкъ. Здравствуй, сестрица.

Люба. Да нешто такъ съ сестрами здороваются? Близкіе вѣдь мы, двоюродные.

Павлюкъ. Точно.

Люба. Ну, такъ что жь ты? Здоровайся!

Павлюкъ. Да какъ же?

Люба. Экой дурашный какой. А вотъ какъ! (*Подходитъ и целуетъ его*.) Ну, вижу я, какъ маленькимъ ты михрюткой былъ, такимъ и по сейчасъ остался.

Павлюкъ. А ты меня нешто маленькимъ поминишь?

Люба. Какъ же не поминишь-то? Мнѣ, слава Богу, седьмой ужь годъ шелъ какъ тетька, Анна Яковлевна покойница, тебя изъ Козлова привозила. Этакой ты смѣшной былъ, смѣшнѣй телерешнаго!

Павлюкъ. А что жь я?

Лиза. А какъ ввела тебя въ горницу, ты первымъ дѣломъ въ уголъ бѣжать. Да такъ вѣшь (подбѣгаетъ къ началному столбу и поднимается какъ тѣло и огибаетъ) посомъ въ сѣдну умерся, это шокъ отворотася, да я давай пальцемъ по стѣнѣ водить. Вотъ такъ, поконилъ палецъ по стѣнѣ-то, да я водилъ.

Павлюкъ. И не помню я.

Лиза. Гдѣ жь тебѣ помнитъ-то: стыдно. А помнилъ ли что я съ тобой тогда сдѣлала?

Павлюкъ. И того, сестрица, не помню.

Лиза. А ужъ ситку-то что было! Распоросшила я тебя, съ собой увела, а дѣвчонкой а шитра-прештра была. Сейчасъ тебя въ сѣдну хомодная вышнела. А тамъ ухватъ ручка въ дверяхъ была новая, жѣданая, большая такая, ровню ямбоко бороваика огромное. Ты такиль-то отродася не видывалъ: „это молъ что?“ спрашиваешь. А я въ отвѣтъ: „аблочко московское, не хочешь ли отфодать молъ? Только икъ у насъ не кушарятъ, а аилутъ: сладкое такое, если полизать.“ А на дворѣ-то мерезъ была, ручка-то нежелодала страсть. Ты съ дуру и аилни ее, а я какъ крикну: „татенька идетъ.“ Ты языко-тъ дернулъ, до крови оборвалъ. И дразнила жь тебя. Ха, ха, ха!

Павлюкъ. Про это мнѣ маменька сказывала.

Лиза. Ужъ этого и забыть нельзя! Да что жь мы такъ-то стоимъ. Семь-ка я на качели слду, а ты лобайай меня. Только легонечко, будто ребемочка въ зыбкѣ совооныхивай. (Что сказано, то исполняется). Такъ-то веселѣй разговаривать. Да что жь ты молчишь? Все я да я, и ты проговори что-нибудь.

Павлюкъ. Ужъ не знаю, сестрица, о чемъ спросить тебя.

Лиза. А ты видво спрашивать любишь? Вотъ Сидорушка, тотъ не любить. А всегда: „ты, говоритъ, меня спрашивай, а я отвѣчать буду.“ Ну, спрашивай же. (Нетерпеливо) Аль не надумался?

Павлюкъ. Нѣту, сестрица, надумался... Что это Настя дразнила тебя будто у попады кодоовству учишься.

Лиза. А ты думаешь и въ правду? Глулелькій!

Павлюкъ. Нѣту. А къ чему тебѣ съ меню по зарлатъ травы собирать?

Лиза (съ жаромъ). А я вотъ что скажу тебѣ: попады-то у насъ дошлая, всякой травы силу знаетъ. Отъ батюшки

своего покойника: научилась, а того ужъ я не знаю кто выучилъ. Всякую-то она травку и цвѣтикъ знаетъ, и которая отъ чего лѣчить. И для себя она собираетъ, и въ Аптекарскій Приказъ носить, тамъ ей деньги платятъ. Скажутъ ей: ты вотъ такой-то травы аль цвѣту примеси намъ, дорого дадимъ. Она и найдетъ, только безпремѣнно спросить, отъ чего эта трава пользуетъ. И запишетъ для памяти. Вотъ она какая.

Павлюкъ. А тебѣ-то травы зачѣмъ разбирать?

Лиза. Какъ зачѣмъ? А замужъ пойду: мужъ аль ребенокъ, не дай Богъ, расхвораются, а ихъ тутъ сейчасъ и вылѣчу. Я многихъ ужъ травъ силу знаю.

Павлюкъ. А приворотнаго зелья не находила?

Лиза. Вотъ такъ сморозилъ! да такого зелья, чай, и вовсе нѣтъ. Попадья говорить что нѣтъ, а и было бы такъ грѣхъ. Ты поумнѣй что спрашивай.

Павлюкъ. А грамотъ знаешь ли?

Лиза. Нѣту. Тятенька хотѣлъ учить да маменька не приказала. Не къ чему молъ дѣвушка грамота-та.

Павлюкъ. А вотъ дѣтей лѣчить собираешься, а тутъ бы ихъ сама учить стала.

Лиза. Ишь ты, гаулый, гаулый, а умное словечко сказалъ. Безпремѣнно завтра же у попадья учиться начну: она ужъ такая, до всего дошлаа. Живо выучить.

Павлюкъ. Вотъ ты все о дѣтахъ заботишься, а о суженомъ думаешь ли?

Лиза. Чего мнѣ о немъ думать! Не мое то дѣло, тятенькино.

Павлюкъ. А поидѣть его не желала бы?

Лиза. На смотривахъ поглажу.

Павлюкъ. А не хорошъ будетъ, что тогда?

Лиза. Зачѣмъ не хорошъ? Тятенька дурнаго не выберетъ.

Павлюкъ. Ну, а выберетъ?

Лиза. А случится такой грѣхъ,—„не пойду“, скажу.

Павлюкъ. А неволить станетъ.

Лиза. Не станетъ. Я тятеньки не боюсь и маменьки тоже. Я божевольная: что хочу, то въ домъ и дѣлаю. Всѣмъ верчу.

Павлюкъ. А можетъ и покажется тебѣ, да дурной выйдешь.

Лиза. Экой неотвязный какой! Аль ты про суженаго не

слыхалъ? Его коземъ не обидеешь. Ужь коли суженый, ничего не подѣлаешь. Божій судъ значить. И за худымъ проживешь, терпѣть надо.

Павлюкъ. А за такого, какъ я, пошла бы?

Лиза. Ну-ка, отойди. Дай на тебя поглядѣть. *(Тотъ отходитъ; она смотритъ.)* Ничего, пошла бы.

Павлюкъ. И съ радостью?

Лиза. Радости большой не вижу. А пошла бы. Развѣ въ томъ радость что простенькій.

Павлюкъ. Въ чемъ же тутъ радость-та?

Лиза. А сама я умная, такъ мнѣ мужа чтобъ очень умнаго не надо. Еще мудрить надо мной отанеть.

Павлюкъ. А знаешь, сестрица, мнѣ даже за обиду стало: все-то я у тебя простенькій да гауленькій.

Лиза. А неправда нешто? Самъ скажи: ну, съ чего ты обо всемъ меня разспрашиваешь? Безъ толку вѣдь; такъ, языкомъ лишь болтаешь.

Павлюкъ. А можетъ и съ толкомъ я. Можетъ и не тотъ я кѣмъ сказываюсь. Можетъ и не братецъ твой.

Лиза *(соскакивая съ качелей и отбѣгая)*. Ой, не пугай ты меня. *(Прячется за столбъ.)*

Павлюкъ. У! трусиха же ты, сестрица. То все хвалилася что „ли тятеньки и никого я не боюсь“. А тутъ и бѣжать сейчасъ, и за столбъ прятаться.

Лиза *(смелая изъ-за столба)*. Я своихъ не боюсь, а коль чужой ты! *(Опять прячется.)*

ЯВЛЕНИЕ IX.

ТѢ ЖЕ, НАСТАСЬЯ, МАРТЬЯНОВНА, за сценой. Настасья входитъ потихоньку сава и, идя на дылочкахъ, прислушивается къ Павлюковой рѣчи.

Павлюкъ. Да не бойся, подойди ко мнѣ. Я пошутилъ вѣдь, я Петрунька, братецъ твой двоюродный. *(Подвигается къ ней; Лиза робко, опушта глаза и потупивъ голову, подходитъ къ нему.)* Не бойся, сестрица. Дай ручку мнѣ. *(Она протягиваетъ ему руку, онъ беретъ ее.)* Слушай же. И впрямь я чужой. Мѣшецкій я, Павлюкомъ звать. Отцы-те наши столковалися, порѣшили жевать насъ... И я вотъ... ловидать захотѣлъ... И любя же ты мнѣ... Скажи жь, Лизавета Петровна, скажи ты мнѣ...

Настасья (подвигаетъ и ухватилъ его за руку). Нѣтъ! воротеть это чистое. Да оной, молодчикъ, не вырвешься. И съ не такимъ справляюсь. Я дѣвка здоровешная. (Тащитъ ее нильсо.) Эй, кто тамъ! Мартыановна! Бѣги скорѣй, бабуку взбуди.

Мартыановна (за сценой). Чего ее будить, сама проснется.

Настасья. Бѣги, говорить. (Нильсокъ свертывается отъ нея.) Скажи скорѣй бы въ садъ шла. Вероятно тутъ объявилось. (Оглядывается.) Ишь, вырвался таки! Ну, да ладно. Только ты у меня любишь, я свидѣть да оралъ оралъ.

Павлюкъ. Не боюсь, не люблю; не на труса попалъ.

ЯВЛЕНІЕ X.

ЛИЗА, НАСТАСЬЯ, НАВЛЮКЪ; СИДОРКА, слѣва.

Сидорка (объезая, Настасья): Чего ты орешь? За вереву слышно.

Настасья. А отъ того что молодчику-то не Федулъка и не Петрушка, а Митенкѣ вѣдь, Павлюковъ звать.

Сидорка. Ты какъ же вызвала?

Настасья. Самъ Лавъ объявилъ, а я ленаркокомъ подслушала.

Сидорка. Такъ молчи о томъ.

Настасья. Какъ же молчи! Нароконъ кричать стану. (Подбѣгаетъ къ Лаву кулисъ.): Бабушка! да бѣги же скорѣй! Воровство вѣдь это чистое.

Сидорка (отведя ее на середину, тихо.) Молчи, говорю. Мнѣ же бѣда. Я его привезъ сюда.

Настасья (тихо же). Да ты нешто зналъ кто онъ?

Сидорка (также). Эва! А въ Посольскій приказъ меня кто жь обѣщалъ?...

Лиза (подбѣгаетъ). Оставь ее, Сидорунка, не уговаривай. Съ карманчикомъ нильсо она.

Настасья. Это еще что за карманчикъ такой?

Лиза. А такой: на сердцѣ у тебя вскакиваетъ. И въ кой день включитъ да рвать начнетъ, сладу съ тобой вѣду. А прорветъ, глядишь, оляшь ты дѣвушка добраа.

Настасья. Ну, я этотъ карманчикъ прилепю тебѣ. Хотѣла вотъ смолчать, не смолачу теперь. Бабушка! бѣги что ль скорѣй.

Сидорка. Только ты бабѣ слово, и не увидишь меня. Во вѣкъ не жмишь.

Лиза. А я вотъ обѣщала у маменьки выпросить чтобъ къ осени тебѣ лѣтника новыя: до сихъ шпалку кулала, а теперь не скажу. Да и поменьшему станешь сидѣть.

Сидорка (подходя къ Павлюкѣ): Ты чего есишь? Не робѣй! Она одна, насъ трое.

Павлюкъ. Не мнѣ, а вотъ ей (указавъ на Настасю) робѣть. Не впрямь вѣдь Петрулька я, только надъ сестрицей Лизанькой подкалывать хотѣлъ. Я Митенкиныхъ и шенка-то не зналъ, да вѣтъ слышалъ какъ ты, ухажуешь съ ней, про нихъ толковать. Пусть кануется, ей же достанется.

Лиза (алу). Вотъ, братецъ, спасибо. Люблю молодцовъ. И мы съ Сидоркой не ерѣвѣемъ.

Сидорка. Гдѣ оробѣты! Вотъ только бѣ дяденька не узналъ.

ЯВЛЕНІЕ XI

Тѣ же; БАБКА.

Бабка (слода). Ну, чѣдъ туть? На лѣноръ же въ саду!

Лиза. Да вѣтъ, Наста, все жаловаться на меня хочеть.

Павлюкъ. И на меня, бабушка.

Сидорка. И на меня тоже.

Бабка (садясь). Ну, Настасья, вѣку: вѣкъ-то ты разобидѣла. Этакая ты непокойная! (слѣд.) Оказывай, Лизанька, въ чемъ дѣло!

Лиза. Нѣтъ! пусть уѣтъ она.

Сидорка и Павлюкъ (слѣдуютъ). Она пусть, она!

Настасья (Сидоркѣ). А не скажу, думаешь?... (Вздыхъ) Чтѣ жь, бабушка, поровнство чистое... Сидоркино вотъ... (Затѣмъ какъ съ досадою). Я для него блявчиковъ вѣтъ... котораго она любить, испечь велѣла, а она, бабушка... безъ обѣда ѣхать хочеть.

Бабка. А Лизанька-то чѣдъ жь?

Настасья. А Лиза, вѣтъ того чтобъ удержать ихъ, а сама еще ихъ гонить: безъ васъ веселѣй де.

Бабка. Ну, Лизанька! не похваляю я тебя...

Лиза. Виновата, бабушка. И ты, Наста, прости; я у маменьки тебѣ безпремѣнно шпалу выпрошу.

Настасья. А я ее въ окно вышвырну.

Бабка. Полво вамъ!... А все ты, Сидорукъ, виновать: не путемъ все дѣлаешь. Какъ же это можно отъ обѣда, блинковъ не поѣвъ, вѣять?

Сидорка. Нельзя, бабушка. Дядевка слѣшитъ велѣвъ. Прощай, бабушка (*цѣлуетъ ей руку*). Прощай, Настя. Прощай, Лиза. (*Цѣлуются съ ними поочередно*).

Павлюкъ (*идя за ними следомъ*). Прощай, бабушка (*цѣлуетъ ей руку*). Прощай, Настя (*цѣлуетъ ее*). Прощай, Лиза (*хочетъ поцѣловать ее, Лиза не даетъ*). Главы-ка, бабушка: Лиза упрямится. Поцѣловаться со мной не хочетъ.

Бабка. Цѣлуй, Лиза, цѣлуй. Близкій вѣдь онъ, двоюродный.

Лиза (*цѣлуется съ Павлюкомъ*). Такъ бы вотъ и укусила тебя.

Сидорка. А что, бабушка, я раздумалъ вѣдь. На тощій stomachъ въ Москву гнать не приходится.

Бабушка. Чего жъ вы взбудили-то меня?... Экая ты, Настасья, бунтаивая!... Что жъ теперь-то? Давайте обѣдать ужъ. Лизавька да ты, Петрувька, ведите вы меня кушавьки. (*Идутъ налево; Лиза справа, Петрувька слева отъ бабки*.)

Сидорка (*подходя къ Настасье, тихо*). Молодецъ, Настасья; жевюсъ теперь.

Настасья (*срочно*). Да я не поѣду.

Сидорка (*Павлюку*). А послѣ обѣда, Петрувька, мы сейчасъ въ Москву.

Павлюкъ. До вечера обождать бы.

Лиза (*выставляясь изъ-за бабки*). Ну, шалашъ: послѣ обѣда и я логово.

Бабка. Такъ, Лизавька, такъ; такъ, умница, такъ (*останавливается и гладитъ ее по головкѣ*).

Настя (*съ досадой*). Олять затакала! (*Быстро двигается впередъ; Сидорка хочетъ сказать ей что-то, она отталкиваетъ его и обгоняетъ бабуку, которая все гладитъ Лизу по головкѣ. Картина*).

(Занавѣсъ.)

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ.

Комната въ домѣ Мартюхина. Сѣва стоишь, на немъ часы какіе-нибудь затѣйные; у стола кресло, въ родѣ тѣхъ что въ старомъ Московскомъ дворцѣ; справа такое же кресло. Боковыя двери съ обѣихъ сторонъ. Остальное ad libitum.

ЯВЛЕНІЕ I.

МАРТЮХИНЪ, сѣва, въ креслѣ сиди, книжку читаетъ; МАРТЮХИНА, справа, въ креслѣ же сидитъ; отъ нетерпѣнія она не безъ шума въ креслѣ вертится и нѣсколько разъ порывается встать, но опять присаживается.

Мартюхина (*встаетъ*). Ну, да пойду же я (*идетъ нальво*).

Мартюхинъ (*все читая*). Куда пошла?

Мартюхина. А пойду, со скуки органъ велю завести да музыки послушаю.

Мартюхинъ (*подымая на нее глаза*). Аль ты съ ума сошла? Смотрины нынче у насъ, а она, глянь-ко-сь, органа слушать захотѣла.

Мартюхина. Ты въ книжку читаешь же.

Мартюхинъ. Эко вывезла! Книжка-тѣ дѣло тихое, никому не обидное, а органъ-отъ на всю Москву загремитъ. Садись-ка.

Мартюхина. Это зачѣмъ же еще?

Мартюхинъ. А вотъ сядь, говорю. (*Она стла*) Слушай-ка, почитаю тебѣ. (*Она громко зѣваетъ*) Чего зазѣвала? Книжка-тѣ занятая поидетъ. Вотъ она (*читаетъ*) *Повѣсть о Саввѣ Грудыинѣ*.

Мартюхина. Я думала оуъ божественное! А оуъ за глулости опять! *

Мартюхинъ. Послушай только. (*Читаетъ*) „Въ старыхъ годехъ, во Углицѣ градѣ“....

Мартюхина. Знаю ужъ, читалъ ты мнѣ. Этого Савву что-ль, дворничиха на постояломъ зельемъ приворотнымъ въ отместку олоцаа, что любить ее оуъ не хотѣлъ?

Мартюхинъ. Его самага.

* На сценѣ, отсюда до реплики Мартюхина „куда опять?“ разговоръ можетъ быть опущенъ какъ задерживающій дѣйствіе.

Мартюхина. Ахъ и тебя, прости Господи, дура какая зельемъ олоить собирается что про Савву зачитала? Только, чаю, и дуры такой не сыщется.

Мартюхинъ. Дура сама. *(Ударяя рукой по книжкѣ.)* Дальше-тъ болѣе занятно пойдетъ, какъ Савва-то съ бѣсомъ знакомство свелъ.

Мартюхина. Ну?

Мартюхинъ. И черезъ этого самаго бѣса всего достигъ: и на службѣ успѣлъ, и деньжищъ у него страсть было.

Мартюхина. Дальше-то что жь?

Мартюхинъ. А вотъ читаю да и думаю, гдѣ бы и мнѣ бѣса такого раздобыть. На Лыкова бы его напустилъ да и дочку-бъ волеѣй было замужъ отдать.

Мартюхина. Свѣдая борода, очнись! Да съ бѣсомъ-то и самъ въ преисподнюю провалишься.

Мартюхинъ. Бабій шлыкъ, не ври у меня! Ахъ Савва-то не провалился же. Предъ смертью, слышь, покаяться полу успѣлъ и разрѣшенье получилъ. Вотъ и мнѣ также бы.

Мартюхина. И дьяволы жь эти книжки слагаютъ! Коли ты, старъ человекъ, да соблажняешься, молодой-то, прочтя, и подавно предъ чертами лебезить пойдетъ. Тьфу! грѣхъ какой. Будь я государемъ только, всѣ бы эти книжки алаемскія сжечь приказала, да и слагателя-то на томъ же бы огнѣ испекла. *(Встаетъ.)*

Мартюхинъ. Куда олять?

Мартюхина. Сказывала ужь, органа слушать пойду.

Мартюхинъ. У тебя дочка-то къ смотримамъ готова ли, гляди. А то прѣдутъ и жди васъ: дочки не докалчешься, а маменька, глянь-ко-сь, уши развѣся органа слушаетъ.

Мартюхина. Безъ меня одѣнуть, есть кому. Заглянула было да Лизанька на меня жь прикрикнула: безъ тебя де, маменька, одѣнуса, не мѣшай ужь.

Мартюхинъ. Поди, погляди: готова ли. Да сюда ее веди. Самъ осмотрю. А то на васъ понадѣйся только.

Мартюхина. За собой бы лучше глядѣлъ. *(Ушла налево; Сидорка справа.)*

ЯВЛЕНІЕ II.

МАРТЮХИНЪ, СИДОРКА

Сидорка *(отъ дверей)*. Дяденька, портной пришелъ.

Мартюхинъ. Чего ему? Коль за деньгами, вонъ гови. Некогда мнѣ теперь. Пусть безъ времени не ходить.

Сидорка. Нѣтъ, дяденька, не за деньгами, кажись.

Мартюхинъ. Ты почему знаешь? Опроби сперва, потомъ сказывай. *(Сидорка уйти хочетъ.)* Да стой ты самъ. Поди сюда.

Сидорка *(подходя)*. Аль я, дяденька, провинился въ чемъ?

Мартюхинъ. Кафтанашко-то на тебѣ, погляди, какой.

Сидорка *(оглядывая кафтанъ)*. Чтѣ жь, кафтанчикъ ничего себѣ.

Мартюхинъ. Лучшаго, ради сестриныхъ смотривъ, надѣтъ не могъ?

Сидорка. Лучшаго у меня, дяденька, и въ заводѣ нѣтъ: одинъ всего. Обѣщаль ты, дяденька, къ Рождеству новый пожаловать, да Рождество-то, дяденька, давно прошло.

Мартюхинъ. А ты заслужи.

Сидорка. Заслужу, дяденька; ей-Богу, заслужу.

Мартюхинъ. Ну, ладно. Портнаго зови.

ЯВЛЕНИЕ III.

Тѣ же; ПОРТНОЙ.

Сидорка *(отъ дверей)*. Коль не за деньгами, Мартынычъ, къ дяденькѣ иди, а за деньгами,—вонъ пошелъ.

Портной *(за сценой)*. Не за деньгами, нѣтъ. *(Вошелъ.)* Здравствуй, государь.

Мартюхинъ. Здравствуй и ты. Зачѣмъ пожаловать?

Портной. А вотъ боярышню твою, государь, поглядѣть пришелъ: каковѣ на ней мой лѣтничекъ сидитъ. Я все одно, государь, ровно живописецъ какой; къ нему меня, государь, примѣнять надо. Онъ тебѣ теперь на стѣнѣ притчу намалюетъ да и отойдетъ, да свое малеванье издали полюбуется: каковѣ молъ оно играетъ? И я также вотъ на твою, государь, боярышню любоваться стану.

Мартюхинъ. Аль не видалъ? Лѣтника не примѣривалъ?

Портной. Примѣривалъ, государь, да въ примѣркѣ развѣ разглядишь? Какъ въ полномъ-то уборѣ она объявится, тутъ и мой лѣтничекъ заиграетъ. Пойми, государь, предъ глазами такъ играть станетъ. *(Показываетъ руками какъ именно.)* Ну и выиграетъ много.

Мартюхинъ. Эко мелево мелешь. Да ладно. Стань тутъ къ сторонкѣ. Глади ужъ. Только глазъ-отъ у тебя хорошъ ли?

Портной. Глазъ у меня, государь, самый ласковый, А для твоего локоя, государь, чтобъ вовсе ты локоевъ былъ, спляну сейчасъ. *(Исполняетъ.)*

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ же: МАРТЮХИНА, ЛИЗА (саѣва).⁹

Мартюхина. Вотъ, отецъ, дочку тебѣ привела; смотри да любуйся: каково ладно убрана. (*Ставитъ Лизу предъ нимъ.*) А кричалъ еще: не досмотришь-де.

Портной (*выдвигаясь впередъ*). Хороша у тебя, государь, боярышня-то, а ужъ мой-то лѣтвикъ,—и сказать нельзя.

Мартюхинъ (*ему*). Ты молчи. У меня съ тобой особый разговоръ еще будетъ. (*Портной отходитъ.*) А ты, Лиза, ближе подойди да ротъ разинь.

Лиза. Это, тятенька, зачѣмъ еще?

Мартюхинъ. А ты разѣвай, не разговаривай. Зубъ твоихъ доглядѣть хочу.

Мартюхина. Свѣдая борода, очнись! аль дочка-то у тебя лошадь что ль?

Мартюхинъ. А ты, бабій шлыкъ, въ жемской красѣ развѣ смышляешь что? Баба сама. Зубъ-отъ для нашего брата первое дѣло въ женѣ.

Мартюхина. Что-жь и на смотрилахъ ты ей ротъ разиня сидѣть укажешь?

Мартюхинъ. Прикажу, такъ разинеть. А ты и того разсудить не смогла что если словечко она скажетъ и тутъ зубъ обозначится.—Ну, Лизутка, не упрямся же, показывай.

Лиза. Чего, тятенька, не показать? Зубы-тъ у меня хорошіе. На, гляди. (*Показываетъ.*)

Мартюхинъ. Нашла красоту.

Лиза. Чѣмъ же, тятенька, не хороши-те? Ровно жемчугъ низавый.

Мартюхинъ. А тѣмъ дурны что сама то ты черная, а зубы у тебя бѣлые. А надо-тъ на оборотъ, чтобы ты сама бѣлая была, а зубы-те черные.

Лиза. Это, тятенька, ужъ ловывелось.

Мартюхинъ. Что ловывелось?

Лиза. А зубы-те чернить.

Мартюхинъ. Ты-то почему знаешь?

Лиза. И сама, тятенька, глаза имѣю, да и Сидорushка мнѣ сказывалъ.

Мартюхинъ. Овъ-то еще откуда узналъ?

Сидорка. А мнѣ, дяденька, Кислая княгиня, ей-Богу, дяденька, сказывала.

Мартюхинъ *(на него)*. Цыцъ ты у меня!.. *(Женѣ)*. Стулай, набѣли ее, чтобы какъ мѣлъ бѣла была, а сверху румянецъ во всю щеку наведи.

Лиза. И не думай, тятенька; хоть связи, не дамся.

Мартюхинъ. Это еще почему?

Лиза. А потому же что и это, тятенька, вонѣ повыселось. Царица вонъ сама и та не бѣлится.

Мартюхинъ. Ты-то почему знаешь?

Лиза. Не солгу, тятенька: сама не видѣла, а вотъ Сидорунка мѣъ олять сказывала.

Мартюхинъ. Овъ-то еще откуда узналъ?

Сидорка. А мѣъ Кислая княгиня, дяденька, ей-Богу, дяденька, сказывала.

Мартюхинъ. Что ты мѣъ Кислаую-то княгиню-то свою въ носъ все тычешь? Ты самъ-то зачѣмъ здѣсь торчишь? Аль мѣста своего, гдѣ быть тебѣ, не знаешь?

Сидорка. Не знаю, дяденька; ей Богу, не знаю.

Мартюхинъ. Вспомни. *(Лизѣ)*. А ты стулай да набѣлись живѣй.

Лиза *(уходя нѣмво)*. Пойти-то я, тятенька, пойду. *(Въ дверяхъ)*. А ужъ мазаться-то я, тятенька, не стану; ты, тятенька, о томъ и думать забудь. *(Ушла)*.

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ же, безъ ЛИЗЫ.

Мартюхинъ. Ахъ ты!.. *(Сидоркѣ)*. А ты здѣсь еще? Аль забылъ что я тебѣ еще съ вечера приказывалъ?

Сидорка. Не помню, дяденька, ей-Богу не помню.

Мартюхинъ. А за зеркальцемъ моимъ новымъ въ ряды сбѣгать? Чтò готоваалыя у него мала, никакъ зеркальца въ него не всуешь, такъ перемѣнить отдаю.

Сидорка. Сейчасъ, дяденька, сбѣгаю: близко вѣдь тутъ.

Мартюхинъ. То-то, сбѣгаешь! А мѣъ вотъ сейчасъ на себя поглядѣть хочется, каковъ я для дочернихъ-то смотришь, въ полномъ ли авантажѣ нахожусь, а зеркальца нѣтъ.

Сидорк'а. Бѣгу, дяденька, сейчасъ бѣгу. *(Направъ ушелъ)*.

ЯВЛЕНИЕ VI.

МАРТЮХИНЪ, МАРТЮХИНА, ПОРТНОЙ.

Мартюхинъ. А Настасья у тебя одѣта ли?

Мартюхина. Оломвись, сѣдая борода! аль ей смотривыте нывче?

Мартюхинъ. Бабій шлык! не мудри у меня: Захочу, и ей будутъ. Выведу вотъ ее, а Спдорка на нее пусть смотрится!.. А ты стулай: да чтобъ Луза у меня намазана была; да обѣихъ ихъ живо сюда веди.

Мартюхина. Охъ ужъ и превередникъ ты!.. (Уходитъ нальво.)

ЯВЛЕНІЕ VII.

МАРТЮХИНЪ, ПОРТНОЙ.

Мартюхинъ. Съ тобой телерь. Ты какъ же это лѣтвикъ-отъ сшилъ.

Портной. А ладно. Много я лѣтвиковъ, государь, шилъ, а такого еще и не шивывалъ.

Мартюхинъ. А я „дрянь“ говорю.

Портной. Слѣлъ же ты, государь.

Мартюхинъ. Какъ такъ слѣлъ?

Портной. А такъ же слѣлъ, государь: мастерскаго глаза, государь, не имѣешь *. А ты вотъ послушай меня. Съ Лихачевымъ, съ Андреемъ Степанычемъ, государь, какъ въ посланникахъ онъ къ флорентскому, государь, князю вѣздилъ, при покойномъ государѣ еще, мой выученикъ былъ.

Мартюхинъ. Ну?

Портной. А свадьба о ту пору у князя, государь, случалася. И просила княгиня его чтобъ ей по русскому обычаю двѣ шубки для невѣстки сшить, чтобъ было ей чѣмъ невѣстку подарить. Одна подъ камкой, исподъ горюстаиный, другая подъ тафтой, исподъ бѣлый.

Мартюхинъ. Да ты долго еще?

Портной. Сейчасъ, государь. И вѣдвала княгиня тѣ шубки на себя и дивовалася что урядливо выдѣланы. А ты говоришь: мой лѣтвикъ „дрянь“!

Мартюхинъ. Такъ то жъ шубка, а не лѣтвикъ.

Портной. Такъ то жъ выученикъ мой, а не я самъ.

Мартюхинъ. А я послѣ этого скажу тебѣ что не портной ты, а портняшка дрянной.

Портной. А ты, государь, обижать меня не могли. Не токма портняшкой звать, а и портнымъ-то меня величать не весьма приходится.

* На сценѣ отсюда до реплики Мартюхина „А я послѣ этого скажу тебѣ“, разговоръ можетъ быть опущенъ какъ задерживающій дѣйствіе.

Мартюхинъ. Кто жь ты таковъ?

Портной (съ великой гордостью). А государынь старшихъ царевень мастеръ залечный: вотъ кто я.

Мартюхинъ. А по мнѣ хоть залечнымъ будь.

Портной. Ну, государь, это слово твое неладное. Залечный-то мастеръ катъ выходитъ, аль лалачъ, такъ-сказать надо. И если я теперь, государь, на тебя великому государю челомъ ударю, то не похвалятъ же оныъ тебя; даромъ, государь, что бояринъ ты.

Мартюхинъ. Такъ ты на меня челомъ и ударилъ!

Портной. А почему бы нѣтъ?

Мартюхинъ. А закуплю я тебя.

Портной. Развѣ что закупишь. О томъ, прости государь, заламятовалъ.

Мартюхинъ. А теперь слушай чѣмъ твой лѣтчикъ худъ. Дѣвочка-тъ у меня хвораа, ведѣли съ три предъ этимъ провалялася, а у тебя догадки нѣтъ чтобы поддобрить ее.

Портной. И полво, государь! чѣмъ же боярышня твоя хвораа? Тѣльце у нея, далъ Богъ, крѣпелъкое, ровно рѣпка ядреное, такъ надо сказать.

Мартюхинъ. Да ты лочемъ знаешь? Аль ты въ рукахъ ее мялъ, прости Господи?

Портной. Мѣрку-то, государь, свимаа да лѣтчикъ примѣриваа, по неволѣ, государь, натрогаешь.

Мартюхинъ. А я говорю: худа она, и ты спорить со мной не могу.

Портной. Не могу, государь.

Мартюхинъ. А подтолстить-то ее къ свадьбѣ сумѣешь ли?

Портной. Эко дѣло мудреное! На хлопчатую бумагу ее подложу, вотъ и дѣлау аминь. Бумаги же мнѣ не жалъ, да и дешева вонъ она. А и дорога будь, тебѣ жь, государь, на счетъ поставилъ бы.

Мартюхинъ. Ну, такъ ты мнѣ это дѣльце и оборудуй.

Портной. Безпремѣнно, государь, оборудую. И такая-то толстая она у насъ выйдетъ, государь, что у жениха рукъ не хватить чтобъ обнять-то ее.

Мартюхинъ. Ладно. А затѣмъ прощай.

Портной. Прощенья, государь, прошу. (Идетъ направо и остиналливаются.) А чтобы портняшкой меня, государь, звать, аль хоть бы портнымъ величать...

Мартюхинъ (оставая). Ахъ, дьяволъ тѣ ѣшь! (Идетъ направо. Портной въ дверь юркнулъ.)

ЯВЛЕНИЕ VIII.

МАРТЮХИНЪ; сѣва MARTYXИНА, НАСТАСЬЯ; вскорѣ ЛИЗА.

Мартюхина *(ведя Настю за руку)*. Вотъ и Настасью веду.

Мартюхинъ. А Лиза-то гдѣ жь?

Мартюхина. И она бѣжитъ. *(Входитъ Лиза.)*

Мартюхинъ *(сидясь направо)*. Ну, обѣ идите ко мнѣ. *(Тѣ подходятъ.)* А ты, Лиза, не набѣдилася?

Лиза. Я жь сказала, тятенька, тебѣ чтобъ и думать о томъ забылъ. *(Какъ эти слова, такъ и дальнѣйшія до конца сцены Лиза говоритъ съ различными оттенками своеобразной настойчивости, но отнюдь не грубо и не дерзко.)*

Мартюхинъ. Поговори еще. Ну, смирно телерь у меня обѣ стоять. *(Внимательно осматриваетъ мѣст, сравнивая.)* А что, Лиза? Настасья-тѣ подобрѣй тебя.

Лиза. Вотъ ужь не правда, тятенька: много позлѣй, да еще съ карывчикомъ въ придачу.

Мартюхинъ. Я тѣломъ, говорю, подобрѣй.

Лиза. А я и безъ тѣла, тятенька, хороша.

Мартюхинъ. А я „худа“ говорю. Вотъ что. Какъ же я тебя телерь жениху-то покажу?

Лиза. Я такъ-вотъ войду *(показываетъ что скромно сводитъ)*, а онъ на меня луетъ любится.

Мартюхинъ. Поджара ужь больно ты. И руки у тебя олять худыя же, съ налума хорошаго не вытянуть. А у Настасья, глянько-сь, ве руки, осетры добрыя привѣшены.

Лиза. Ты, тятенька, не гледи что ручки у меня тоненьки: еще какъ въ рукахъ-то мужа держать стану. Да мой женихъ такихъ-то, какъ я, тоненькихъ и жалуешь.

Мартюхинъ. Это откуда еще взяла?

Лиза. А Сидорутка сказывалъ.

Мартюхинъ. Охъ, ужь Сидорка мнѣ! *(указывая на за-грюбокъ.)* Вотъ гдѣ сидеть. *(Лизѣ.)* А ты слушай меня: если ты у меня сейчасъ не набѣдишься и зубъ не вычерпишь, бѣда тебѣ будетъ.

Лиза *(послѣваясь)*. Какая, тятенька, бѣда?

Мартюхинъ. А замужъ не выйдешь, въ дѣвкахъ вѣкъ просидишь.

Лиза *(также)*. Анъ не просижу, а еще за этого самаго Мѣщецкаго уложу.

Мартюхинъ. Ахъ ты, дѣвчонка дерзкая! Вонъ пошла! Лиза (*идетъ и остается*). И пойду. А только кося дѣло у васъ разстроится, на меня, гляди, тятенька, не ленай.

Мартюхинъ. Ты мнѣ грозить еще!

Лиза. Грозить я тебѣ, тятенька, не смѣю, а вотъ пойду да раздѣвуся, да хворой прикинуся. А ты, тятенька, молить меня станешь чтобы на смотрины шла, а я, тятенька, не пойду.

Мартюхинъ. На веревкѣ тащить вею.

Лиза. Не боюсь, тятенька, не ведаешь: срамъ больно великъ. Да и свадьба, тятенька, тебѣ же нужна, мнѣ Сидоружка скзывала: на Лыкова князя ты...

Мартюхинъ (*съ крикомъ, вскочивъ на ноги*). Вонъ, вонъ пошла!

Лиза (*на веселой нѣпѣ*). Вонъ, вонъ я пойду! вонъ, вонъ я пойду! (*Съ припрыжкой убѣгаетъ нальво, а затѣмъ, выставивъ голову изъ-за двери, весело:*) А вотъ я, тятенька, и вовсе отъ тебя ушла. Ха, ха, ха, ха!... (*Скрывается.*)

ЯВЛЕНІЕ ІХ.

Тѣ же; безъ ЛИЗЫ.

Мартюхинъ (*зѣвнѣ*). Хорошу дочку выплестовала: веселую. А главное, морозъ у нея хорошъ: весь въ маменькинъ.

Мартюхина. Да безъ этого мороза настоящаго развѣ замужемъ хоть годъ проживешь? Съ заму-тъ надо зубъ за зубъ цалаться, а то съѣдите какъ разъ.

Мартюхинъ. Ладно ужъ. Бога-то благодарю что недосугъ мнѣ съ тобой сѣлится-то... А Лизкѣ своей скверной скажи что пока у нея зубы бѣлые, не дочь мнѣ она. Прокляну ее.

Мартюхина. Съдая борода! въ умѣ ли ты?

Мартюхинъ. Въ умѣ, бабій шамкѣ! Вотъ Настасью къ себѣ въ дочери возьму. Настасья, идешь ли въ дочери ко мнѣ?

Настасья (*уплывъ ему руку*). Съ радостью, дяденька.

Мартюхинъ (*зѣвнѣ*). Слышала, бабій шамкѣ?

Настасья. Ты навсегда, дяденька, меня?

Мартюхинъ. Навсегда-то много чести съ тебя будетъ. Хоть день, хоть часъ тебѣ моей дочерью побыть, а то умереть можно.

Настасья. Это ты, дяденька, хочешь чтобы я на смотринахъ за нее показала? Такъ не согласна я.

Мартюхинъ. Твоего согласія не требуется.

Настасья. А вотъ не покажусь же. Зачѣмъ меня злой назвала, да еще съ нарывчикомъ я, говорить.

Мартюхинъ. Ты-то съ чего? Не Лизутка вѣдь ты, не бось, съ тобой-то я справляюсь.

Настасья. Что жь это, Господи! Бьютъ да и плакать еще не ведаютъ. А я вотъ нарочно пойду да глаза лукомъ натру чтобы залакаваны у меня глаза были. (*Ушла нальво.*)

ЯВЛЕНІЕ X.

МАРТЮХИНЪ и МАРТЮХИНА.

Мартюхинъ. Та съ хохотомъ, а эта съ лукомъ, обѣ ушли. Да глядѣть на нихъ нечего. Ты, слышь, Арина, Настасью выводи. А если глаза лукомъ натретъ, такъ ты корочку съ лимона срѣжь да, подавивъ, въ глаза ей съ корки полпрыскай: блестятъ будутъ. Въ *Прохладножъ Вертоградъ* вычиталъ.

Мартюхина. Съдая борода! не дурь ли затѣвалъ?

Мартюхинъ. Слушай ужь меня, бабій шлыкъ! Знаю что дѣлаю. Я ль виновать что Мѣшецкому сухопарой невѣстки не надобно?

Мартюхина. А на свадьбѣ какъ?

Мартюхинъ. Эка невѣдалы! Старшую кривобокую сбмаз же, ну и Лизутку подсуву. Толста къ свадьбѣ у меня будетъ; ужь придумалъ я какъ отоастить-то ее. А теперь, Арина Михайловна, въ ножки мнѣ поклониться тебѣ да благодарствуй сказать что дочку эку тоненьку родила.

Мартюхина. Да вешто въ меня она? Я собой, слава тѣ Господи!

Мартюхинъ. Аль въ меня она?

Мартюхина. Не въ тебя, все жь въ породу вашу Мартюхинскую. Дѣдъ-отъ ея, а отецъ твой, этакой сухой былъ: не даромъ же щелкой его прозвали.

Мартюхинъ. Да Лиза-тѣ не его, моя дочь. Я-то щелка что ль?

Мартюхина. Щелкой назвать нельзя. А на гриба больно смахиваешь.

Мартюхинъ. Чтѣ-о?

Мартюхина. На гриба, говорю, смахиваешь.

Мартюхинъ. На какого еще гриба?

Мартюхина. А на сморчка.

Мартюхинъ. Кто? я-то сморчекъ? * Федорка, Федорка! бѣги сюда! Аль оглохла ты въ заднихъ сѣнахъ сиди.

ЯВЛЕНІЕ XI.

Тѣ же; справа ФЕДОРКА, заспанная.

Федорка (*входя*). Зачѣмъ, государь, глохнуть? Это не хорошо, глохнуть-то.

Мартюхина. Дрыхла, бестія.

Федорка. Зачѣмъ, государыня, дрыхать-то? Это не хорошо, дрыхать-то. А малость вздремнула я....

Мартюхинъ. Слышь ты, въ комнату мою бѣги. Зеркальце носи. Только не разбей у меня.

Федорка. Зачѣмъ, государь, бить? Это не хорошо бить-то.

Мартюхинъ. А дьяволъ тѣ вшы!... Вонъ, вонъ, въ заднія сѣны пошла. (*Федорка направо ушла; онъ жемтѣ.*) И сѣнныя у тебя хороши же, хоть самъ за зеркаломъ бѣги.

ЯВЛЕНІЕ XII.

МАРТЮХИНЪ, МАРТЮХИНА; СИДОРКА (*справа*).

Сидорка (*вбѣгая*). Вотъ оно, зеркальце, дяденька; принесъ.

Мартюхинъ. А! зеркальце! Давай сюда. (*Беретъ у Сидорки и вынимаетъ изъ готовальни.*)

Мартюхина. Поглядись, поглядись. Только правду говори что нагадишь-то.

Мартюхинъ. Не бось, не солгу. (*Смотрясь въ зеркальце, особо.*) Ахъ, дьяволъ! и впрямь я грибъ. Ахъ, бѣсъ тѣ цѣлуй! ни дать, ни взять сморчекъ.

Мартюхина. Ну что, нагадѣлся ли?

Мартюхинъ. Нагадѣлся.... А только не сморчекъ же я, а коль я и грибъ, такъ развѣ самъ боровикъ, надъ грибами полковникъ.

Мартюхина. Авъ врешь, сморчекъ ты.

Мартюхинъ. Сидорка! сказывай на кого я похожъ. Боровикъ я аль сморчекъ буду?

Сидорка. Не могу, дяденька, звать.

* На сценѣ, прямо послѣ этихъ словъ входитъ Сидорка со словами „Вотъ оно, зеркальце, дяденька; принесъ.“ (См. явленіе XII.)

Мартюхинъ. А ты моги козь приказываю.

Сидорка. Если съ лица на тебя, дяденька, смотрѣть, такъ ты, дяденька, правъ: боровикъ ты.

Мартюхинъ (*ужетъ*). Слышь, бабій шамкъ!

Сидорка. А если сбоку на тебя, дяденька, взглянуть, такъ тетенька, дяденька, права: сморчекъ ты вылитый.

Мартюхинъ (*на него*). Ахъ ты, жижа подгрибовная!

Мартюхина. Съдая борода! очнись ты. Скоро, чай и свать нареченный съ женихомъ прѣйдуть, а ты ровно маленькій забавляешься.

Мартюхинъ (*озабоченно*). И то. И то. Такъ слышь, Арина, иди ты, да лимончикомъ то ей, вотъ такъ, вотъ такъ. (*Показываетъ какъ.*) Вѣрное средство, говорю. Въ Вертоградѣ вычиталъ.

Мартюхина. Охъ! ужь ты мнѣ! (*Мажетъ рукой ушко.*)

ЯВЛЕНІЕ XIII.

МАРТЮХИНЪ, СИДОРКА.

Мартюхинъ. Э! тебя-то я, голубчикъ, и забылъ было. Подъ-ка сюда.

Сидорка. Аль опять въ чемъ, дяденька, провинился я?

Мартюхинъ. Ты зачѣмъ же это сестрѣ сбрекнулъ что женихъ ея тонкихъ жаулетъ?

Сидорка. Утѣшаючи ее, дяденька, солгалъ.

Мартюхинъ. Я тѣ утѣшу. Ты и жениху лоди сболтувалъ что у меня-де сестрица въ аккуратъ поджаристая?

Сидорка. Нѣтъ, дяденька; ей Богу не сболтувалъ.

Мартюхинъ. Что жь ты сказалъ ему?

Сидорка. А ничего, дяденька, не говорилъ; ей Богу, ничего.

Мартюхинъ. Да онъ про сестру тебя спрашивалъ же?

Сидорка. Спрашивалъ, дяденька, только я ему молъ „всѣмъ, дяденька, ладна“, отвѣчалъ.

Мартюхинъ. Аль онъ въ точности и не освѣдомился: тонка ли, толста ль она?

Сидорка. Освѣдомлялся, дяденька, только я, дяденька, солгалъ ему. Дяденька, говорю, у насъ строгій такой и сестрицы-то я лочитай и не вижу, развѣ въ праздники двумадесятые за столовымъ кушаньемъ. Да и то, говорю, дяденьки боюсь, не на сестрицу, а въ блюдо гляжу. Потому, говорю,

только я на сестрицу взгляну, дяденька сейчас бунтовать пойдетъ.

Мартюхинъ. Хоть разъ-то въ жизни солгать научился, и то хорошо. Только ты у меня на смотрилахъ не ахну, гляди.

Сидорка. Не ахну, дяденька; ей Богу, дяденька, не ахну.

Мартюхинъ. То-то: Настасью вѣдь выведемъ.

Сидорка (*пригнувъ*). А!... Зачѣмъ же, дяденька, Настасью-то? И вправду вѣдь Павлюкъ тоненькихъ...

Мартюхинъ. Эка важность Павлюкъ-отъ твой! Аль я съ нимъ родюсъ!... Старикъ-то какихъ любить, ты то пойми. Появля ли?

Сидорка. Появля, дяденька; чрезчуръ даже, дяденька, появля.

Мартюхинъ. А все твое дѣло. Не сбрехни подъячій тогда, и подмѣны бѣ на смотрилахъ не было. И еще помни: только съ этого подъячаго словъ дѣло у насъ разоидется, живу тебѣ, Сидорка, не быть. (*Идетъ нальво.*)

Сидорка (*вслѣдъ ему*). Не быть дяденька; ей Богу не быть.

Мартюхинъ (*прибавляя шагу*). Ой, да карета никакъ подѣхала.... (*Въ дверяхъ*). А живу тебѣ тутъ не быть. (*Ушелъ.*)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

СИДОРКА одна.

Вотъ такъ задача! Вотъ такъ влетѣлъ! Теперь не только что веревку на меня свали, а и летю взаправду закумули. А дяденька и ахать еще не велить... И съ чего ему, обливанцу этому треклятому, толстая замадобилась!... Эхъ, дурья твоя голова! и то, Сидорунка, забылъ что ключница-то у него жретолстевная собой, шире сороковки будетъ... У, грѣхондникъ старый, нераскаанный!... Да ругайся, братъ, ругайся, бѣды-то не избыть теперь... Павлюкъ-отъ на смотрилахъ взбѣситса, и пошла кутерьма!... А кто виновать? Я вывести... Правда дяденькина, ей Богу истинная: идѣ только пакость какая, „Сидоркино дѣло“, говори... (*Бьетъ себя кулакомъ по лбу.*) У! дубина твоя осиновая! Ишь, думнымъ дякомъ захотѣлъ быть... Вотъ тебѣ и думный дякъ! Вотъ тебѣ и Посольскій приказъ! Вотъ тебѣ и Настасьинъ мужъ!...

ЯВЛЕНИЕ XV.

СИДОРКА, *(слеза)* ПАВЛЮКЪ; *(потом)* МАРТЮХИНЪ, МЪШЕЦКІЙ; въ концѣ МАРТЮХИНА И НАСТАСЬЯ.

Павлюкъ *(входит)*. Сидоруха, здравствуй!...

Сидорк'а *(оглядываясь)*. Господи! что еще?... Скажи жь, ради Христа, Павлюкъ, скажи жь ты мнѣ: ты ль живой предо мной стоишь, аль мнѣ мерещиться стало?

Павлюкъ *(подходя)*. Да живой же, живой. Хоть ощулай меня.

Сидорка. Какъ же ты сюда-то попалъ?

Павлюкъ. А съ татенькой на смотрины прѣхалъ. А въ рядной-то татенька мой ошибку нашелъ, дяденька-то твой деревеньку какую-то въ приданое записать забылъ. Ну, они въ другую комнату шептаться пошли, а я со скуки тебя искать.

Сидорка. Слава тѣ, Господи, что нашелъ меня. Бѣда вѣдь у насъ.

Павлюкъ. Что за бѣда?

Сидорка. А такая-то бѣда что ты на смотривахъ ахать не моги. И мнѣ дяденька заказалъ. Настасью вѣдь выведуть. Татенька твой тонокихъ вишь не жалуетъ, а дяденька-то мой...

Павлюкъ. А на свадьбѣ-то какже?

Сидорка. Не бось, Лизу подсунуть. Только, ради Христа, Павлючекъ, не выдавай ты меня.

Павлюкъ. Да вѣрно ль что Лизу подъ вѣнецъ?

Сидорка. Вѣрно, вѣрно. Настасья-то мнѣ самому надобна. И то опять сообрази что тутъ-то смотрѣть татенькѣ твоему, а въ церкви при вѣнчаньѣ не быть ему.

Павлюкъ. Ну, Сидоруха, только на тебя надѣюсь...

Сидорка. А я на тебя, Павлючекъ. Главное, про Подольскій не забывай...

Мѣшецкій *(входя слеза)*. Да вотъ же гдѣ олъ, Павлюкъ. А ты: женихъ де сбѣжалъ...

Мартюхинъ *(входитъ слезом)*. И впрямь вѣдь здѣсь... Какъ же это я? *(Сидорку подозрительно)* Э, да и ты тутъ... *(Мѣшецкому, сажая его отвѣта)*. Садись-ко, Петръ Яковлевичъ, да погляди какова дочка-то у меня. *(Сидорку)*. Что жь не ведутъ-то? Аль опять твое дѣло?

Сидорка (*бросаясь къ лѣвымъ дверямъ*). Ведуть, дяденька, ей-Богу ведуть. А я, дяденька, не ахну же...

(*Вводитъ Мартюхина, ведя за руку Настасью*).

Мартюхинъ (*Сидоркѣ*). Цыцъ ты!... (*Мѣшивукому*.) Ну, Петръ Яковлевичъ, что скажешь-то? Этакую вѣдь дѣвку добрую да здоровую не всякій еще отецъ родитъ!...

Сидорка. И Павлюкъ, дяденька, толстыхъ же... (*Картина*.)
(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Комната въ домѣ Мѣшецкаго. Двери сава и въ глубинѣ. Направо на второмъ планѣ, у самой стѣны ребромъ поставленъ столъ съ письменными принадлежностями, предъ столомъ кресло; другое, по сю сторону стола, бокомъ стоитъ почти на авансценѣ. Остальное ad libitum.

ЯВЛЕНІЕ I.

ПАВЛЮКЪ, вскорѣ сава СИДОРКА. При поднятіи занавѣсы ПАВЛЮКЪ быстро взадъ и впередъ по комнатѣ ходитъ и по временамъ останавливаясь ерошитъ себѣ волосы и приговариваетъ: то „ахъ, ахъ, ашеньки!“ то „охъ, охъ, ошеньки!“

Сидорка (*входитъ*). Здравствуй, Павлючекъ.

Павлюкъ. Здравствуй, Сидорунка. (*Бѣгаетъ*.) Ахъ, ахъ, ашеньки! охъ, охъ, ошеньки!

Сидорка. Чего разохался да разохался? Дѣло-тъ теперь конечно, развѣивать не станутъ.

Павлюкъ. А по моему, Сидорунка, теперь оно только качивается. Охъ, охъ, ошеньки. (*Бѣгаетъ*.)

Сидорка. Да стой ты. Что ровно маатникъ по комнатѣ маешься. Коль дѣло и качнется, не ты въ отвѣтъ, а дяденька мой.

Павлюкъ. Хорошо коль онъ вступится. Что же охъ, Сидорунка?

Сидорка. Потрушиваетъ малость. Самому вѣдь отвѣчать придется. *Сидоркино дѣло*, крикнуть мѣлья.

Павлюкъ. Охъ, охъ, ошеньки! (*хочетъ опять забѣгать*.)

Сидорка (*схвативъ его за руку*). Да стой ты! Ивѣда у меня на твое бѣгавье глядя голова закружилася. Слушай ужь.

Сейчасъ она сюда всею семьей нагрянутъ и съ Настей, и съ бабушкой. Меня впередъ согладатаемъ послали. Но, что тутъ у васъ?

Павлюкъ. А вотъ жду что татенька въ двери сейчасъ да меня на заперъ, а Лизу въ монастырь увлечетъ.

Сидорка. Аль страшалъ онъ тебя?

Павлюкъ. Нѣту, не видалъ я еще его нынче. У себя въ комнатѣ Богу молятся.

Сидорка. Гдѣ молятся! Какъ я черезъ дворъ шелъ, онъ въ окно высуняся мужика ругалъ.

Павлюкъ. Съ дровами? зачѣмъ дрова у краснаго крыльца вывалилъ?

Сидорка. Точно.

Павлюкъ. Ну, это ничего, это слава тебѣ Господи. И всегда онъ у насъ такъ: помолятся, помолится да въ окно выглянетъ, вѣтъ ли молъ на дворѣ поругать кого? А тамъ дворецкій въ дверь къ нему съ докладомъ поскребется, аль ключница. И этихъ, бываетъ, выругаетъ. А потомъ по дому бродить пойдетъ, еще къ чему привязаться нельзя ль. Ты вотъ что, Сидорунка, скажи, только по правдѣ скажи по истинной: шибко ль онъ, въ окно глядя, мужика-то ругалъ?

Сидорка. А вичего себѣ.

Павлюкъ (съ испугомъ). Ой, не шибко, звать.

Сидорка. Да ты чего за мужика опасаетсяся?

Павлюкъ. А не знаешь ты, Сидорунка. Всякій-то онъ день зомъ съ постели встаетъ, а нынче и лучше того. И въ который день съ утра онъ не вылаится, весь тотъ день сердать весьма. Ужь мы эту ловадку его давно вызнали, даже нарочно съ утра заимъ-то его, чтобы къ обѣду вовсе стили.

Сидорка. И нынче бы то жь.

Павлюкъ. Охъ, Сидорунка, покайся: окромя мужика-оъ дровами, троихъ подкулялъ.

Сидорка. Этакъ-то ты трусилъ!

Павлюкъ. Я не въ тебя, Сидорунка: за глаза лучше боюсь.

Сидорка. Ну, а Лиза что?

Павлюкъ. Лизѣ гдѣ трусить! смѣла она. Еще даже просится чтобы я на татеньку напустилъ ее.

Сидорка. И впрямь напусти.

Павлюкъ. Добръ же ты, полагаю я на тебя, Сидорка. Какъ же это мнѣ велить въ первый же день да молодую

жему лодъ тятенькинъ гнѣвъ подвѣсти? Нѣтъ, ужь коли на моихъ четырехъ подкулаченныхъ не выкричится, пусть объ меня латаго гнѣвъ свой обломаетъ. А Лазы ему я въ обиду не дамъ... Ой, да идетъ, кажись.

ЯВЛЕНИЕ II.

Тѣ же; изъ глубины МѢШЕЦКІЙ.

Павлюкъ (*подбѣгая къ нему*). Здравствуй, тятенька. Дай ручку подѣловать. (*Мѣшецкій молча отдергиваетъ руку и отворачивается отъ сына. Павлюкъ отходитъ нальво къ Сидоркѣ.*)

Сидорка. Здравствуй, Матвій Павлычъ, государь. Дяденька меня съ поклономъ къ твоей милости прислалъ. (*Мѣшецкій поворачивается въ сторону молодыхъ людей и хмуря брови смѣриваетъ изъ глазами съ головы до ногъ, затѣмъ идетъ къ столу, садится съ шумомъ на заднее кресло, и опершись о столъ локтями схватываетъ голову въ обѣ руки.*)

Павлюкъ (*тихо Сидоркѣ*). Кажись, вызался.

Сидорка (*также Павлюку*). Подавай Боже.

Мѣшецкій (*особо*). Эка досада-то! Сердце все выкричалъ. Разозлитъ себя не могу. (*Тихо и стараясь глядѣть грозно поворачиваетъ голову въ сторону молодыхъ.*)

Павлюкъ (*съ движеніемъ, будто сейчасъ бросится къ отцу*). Что, тятенька, прикажешь?

Мѣшецкій (*холодно*). Ничего. (*Снова отворачивается.*)

Павлюкъ (*тихо, Сидоркѣ*). Вызался, ей-Богу, вызался. Охрабрился даже я.

Сидорка (*также, Павлюку*). И еще себя подхрабривай.

Мѣшецкій (*холодно, смотря на сына*). Слушай Павлюкъ. Какъ же ты, телокъ поевный, а себя вчерась надуть далъ?

Павлюкъ (*слезка подхода*). Кому, тятенька? (*Это онъ свазалъ еще робко, но чѣмъ дальше тѣмъ храбрѣе вретъ.*)

Мѣшецкій. А лодъ вѣнецъ тебѣ другую подсували; не ту что на смотривахъ была.

Павлюкъ. Нѣтъ, тятенька, ту самую.... Не доглядѣлъ, видно, ты...

Мѣшецкій. Какъ же я не доглядѣть-то смогу?

Павлюкъ. А болѣе ты, тятенька, вчерась былъ. Самъ я, тятенька, для тебя въ аптеку бѣгалъ, балъзамусъ пропрѣтисъ бралъ.

Мѣшецкій. Чѣмъ жеза болевъ былъ?

Павлюкъ. А въ животикъ у тебя, татенька, поварчиваю.

Мѣшецкій. А глядять-то чѣмъ?

Павлюкъ. А глазами, татенька.

Мѣшецкій. Какже я не доглядѣть-то смогу?

Павлюкъ. А ты баальзамусь-отъ все съ виномъ, татенька, лилъ; съ того, чаю, у тебя и глазъ потемнѣнне вышло.

Мѣшецкій. А ты какой баальзамусь лилъ?

Павлюкъ. Никакого, татенька.

Мѣшецкій. Съ чего же ты не доглядѣлъ?

Павлюкъ. Я доглядѣлъ, татенька, да ужь поздно было: какъ поль-отъ подѣловаться велѣлъ. Да еще, татенька, вижу что эта подсухуатая получше будетъ, чѣмъ та что на смотрилахъ была: я, татенька, и обрадовался.

Мѣшецкій. Врать-то ты, Павлюкъ, выучился, а концы съ концами свести не умѣешь: то она та у тебя, то другая выходить. А вотъ разведу тебя я съ женой, что запоешь?

Павлюкъ. Плакать, татенька, стану. И Лиза тоже. Ты пожалѣешь и не разведешь.

Мѣшецкій. А вотъ увидишь.

Сидорка. Ты сестренку мою, Матвѣй Павлычъ, погляди; можетъ она тебѣ еще и покажется.

Мѣшецкій. Ты съ чего рѣчь завелъ? И зачѣмъ ты здѣсь? Чтобъ мои съ Павлюкомъ разговоры дяденькѣ перенести?

Сидорка. Напрасно, Матвѣй Павлычъ, ты низко такъ обо мнѣ понимаешь. Первое, я на дяденьку сердить, а второе, во мнѣ что во гробѣ.

Мѣшецкій. Первое, ты соглядатаемъ сюда подославъ, а второе, въ тебѣ что на лаощади. Болтаивѣй тебя ларня въ Москвѣ вѣтъ. Только при дяденькѣ и смиренъ и трусу празднуешь, а за глаза, глади-ко-сь, боекъ каковъ. Да.... *(Хочеть сердито, но выводитъ почти просительно.)* Убирайтесь вы, Христа ради, куда-нибудь съ глазъ долой.

Павлюкъ. Уйдемъ, татенька, только ты Лизѣ позволь къ себѣ придти.

Мѣшецкій. А я не позволю.

Павлюкъ. Твоя воля, татенька. Только мы съ Лизой плакать станемъ. Очень ужь ей хочется повидать-то тебя... Пожалѣй ты насъ....

Мѣшецкій. Не пожалѣю.

Павлюкъ. А Лизу, коль въ дверь поскребется, впустишь къ себѣ?

Мѣшецкій. Можетъ влущу, а можетъ и нѣтъ.

Павлюкъ. Ну, она попытается.

Мѣшецкій. Просилъ я васъ Христомъ Богомъ уйти отсель,—чего жь вы?

Павлюкъ. Сейчасъ, тятенька. Сидорка, пойдемъ ужь. *(Оба нальво ушли.)*

ЯВЛЕНІЕ III.

МѢШЕЦКІЙ, одинъ.

Какъ вотъ ни бодрю себя, а сердца нѣтъ во мнѣ и нѣтъ!.. Ничѣмъ не тревожится... *(Всталъ и прошелся.)* И Павлюкъ бѣсовъ догадался же про то что я вызвался: этакъ-то отважно глалъ.... Что бы мнѣ сдѣлать съ собой чтобы хоть капельку разсердить-то себя?... Аль ущилнуть мнѣ себя?... Нѣтъ, я вотъ съ вами со всѣми, какъ съ Павлюкомъ же, холодно говорить стану. Холодомъ-то лучше чѣмъ сердцемъ пройму... Надо мнѣ иначе невѣсту разглядѣть. Вчера и впрямь съ этого бальзамуса собачьяго у меня въ глазахъ помрачилось. Не уродъ видно, коль Павлюкъ за нее горой... Ишь, въ двери кто-то скребется. Она видно. Кто тамъ? Войди ужь.

ЯВЛЕНІЕ IV.

МѢШЕЦКІЙ; слыва ЛИЗА. *

Лиза. Здравствуй, тятенька.

Мѣшецкій. Тятенька да не твой.

Лиза. Все одно,—Павлюковъ, а я ему жена буду.

Мѣшецкій. Будешь ли, на водѣ еще лисаю. А пока меня тятенькой звать не смѣй.

Лиза. Какъ же мнѣ, тятенька, звать-то тебя? Свекромъ,—неловко мнѣ. А государемъ величать не приходится.

Мѣшецкій. А никакъ не зови.

Лиза. Никакъ-то, тятенька, звать нельзя. Нѣтъ ужь лучше я, тятенька, тятенькой тебя звать стану. Павлюка я люблю, и тебя по нему любить же буду.

Мѣшецкій. А я васъ развести вотъ хочу.

Лиза. Это зачѣмъ же еще?

* Артистка, если ей это только къ лицу, можетъ выпустить изъ-подъ волосника локоны; то же надо сказать и о другихъ женщинахъ.

Мѣшецкіѳ. А обманомъ ты выдана.

Лиза. Никакого обману, тятенька, не было. А какъ самъ ты просилъ чтобы на смотринахъ тебѣ толстую показала, — мой тятенька родной и уважилъ тебѣ: Настасья выйти приказалъ. А чтобъ обманывать, никого мой тятенька родной не обманывалъ.

Мѣшецкіѳ. Знаешь ты! А Павлюка-то зачѣмъ же надуль?

Лиза. Павлюкъ-то напередъ все зналъ. Ему Сидорунка въ ушко шелгулъ.

Мѣшецкіѳ. Вотъ оно что. Такъ вы всѣ на мошенничество стакнулись, знать.

Лиза. Вотъ ужъ это, тятенька, не хорошо сказалъ. Тятенька-то мой родной свать тебѣ, все одно что братъ, значить. А я тебѣ невестка, дочь богоданная выходитъ. А родню-то грѣхъ бравить, хоть у бабушки спроси.

Мѣшецкіѳ. И хитра же ты.

Лиза. Есть-таки, тятенька, умилка небольшой.

Мѣшецкіѳ. И бойка притомъ.

Лиза. И смѣлостію, тятенька, не обдѣлалъ Господь.

Мѣшецкіѳ. А отецъ-то, вижу, мало училъ тебя.

Лиза. Нѣтъ, тятенька, я всему учена. И даже грамотѣ сама у лошади выучилась.

Мѣшецкіѳ. Не про то говорю. А учена мало, — мало сѣкъ оиъ тебя.

Лиза. И вовсе не сѣкъ. Тятенька родной у насъ никогда не дерется, развѣ кого изъ прислуги за провинность поберетъ. А меня чтобъ тронуть, — и ни, ни! Маменька ему не приказала. Да и бабушка не дала-бъ.

Мѣшецкіѳ. Ово и видно. Ну, пошла себѣ.

Лиза. Поиду, тятенька; только ты дай мнѣ ручку поцѣловать.

Мѣшецкіѳ. Вотъ ужъ не дамъ.

Лиза. А ты дай. Я тогда знать буду что ты на насъ съ Павлюкомъ не гнѣваешься.

Мѣшецкіѳ (*просительно*). Отстань ты отъ меня.

Лиза. Не гнѣвайся, тятенька, ужъ послушайся меня. И то ты вчера безъ гнѣва болель былъ, а коль нынче съ гнѣва разболѣешься, и того хуже будетъ.

Мѣшецкіѳ. А тебѣ что?

Лиза. А мы съ Павлюкомъ плакать станемъ и сами

расхвораемся. За тобой за хворымъ ходить будетъ некому; ты тутъ, тятенька, заскучаешь весьма и еще лучше разнеможешься. А вѣдь намъ съ Павлюкомъ жаль тебя.

Мѣшецкій. Ишь ты, плутовочка, лукавая какаа да ласковая.

Ли за. А ты мнѣ ручку дай за то поцѣловать.

Мѣшецкій. Ну, ужь ва, поцѣлуй.

Ли за (*цѣлуя его руку*). Спасибо тебѣ, тятенька, теперь вижу что не сердисься ты.

Мѣшецкій. А вотъ сержусь же... Уйди ты отъ меня, Христа ради.

Ли за. Зачѣмъ говишь-то меня?

Мѣшецкій. А такъ вотъ, хочу.

Ли за. А я знаю зачѣмъ.

Мѣшецкій. Говори.

Ли за. А затѣмъ что тебѣ поцѣловать меня страсть какъ хочется, да сразу сдаться не хочешь ты.

Мѣшецкій. Ахъ ты этакая!... Уйди же, Христа ради, отъ меня.

Ли за. Сейчасъ уйду. Только дай мнѣ еще разъ ручку поцѣловать.

Мѣшецкій. А дамъ, такъ сейчасъ же уйдешь?

Ли за. Сию минуточку, тятенька, убѣгу.

Мѣшецкій. Ну, ва ужь, цѣлуй.

Ли за (*цѣлуя его руку*). Спасибо, тятенька, богоданный. Вотъ я и уйду сейчасъ. Я вѣдь послушная. (*Идетъ нальво.*) Видишь, ухожу ужь. Прощай, тятенька, прощай, миленькій.

ЯВЛЕНИЕ V.

МѢШЕЦКІЙ (одинъ).

Ну вотъ и лоди, проймай ее холодомъ-то какъ она сама тутъ тебя ровню маслицомъ телленькимъ по сердцу помазываетъ. Съ каждымъ-то словомъ сердце мягчить. Этакая бабенка ласковая уродилася. Всѣмъ бы хороша, только вотъ подлоты вѣтъ. Ну, да не мнѣ, Павлюку съ ней жить. Можетъ у него любовь такая дурашная что ему сухоларыя по сердцу.

ЯВЛЕНИЕ VI.

МѢШЕЦКІЙ; сѣва ПАВЛЮКЪ.

Павлюкъ (*вбѣгая*). Тятенька! тесть и съ тещей, и съ бабушкой, и Настя съ ними же.

Мѣшецкій. Экъ ихъ сколько понавѣдало! Гдѣ жь они всѣ?

Павлюкъ. Бабье-то въ теремъ прошло, а тещюшка горюить съ тобой просится.

Мѣшецкій. А какъ велю я его со двора согнать?

Павлюкъ. Не ведаешь, тятенька.

Мѣшецкій. Почему такъ?

Павлюкъ. А Лиза отъ тебя веселая выбѣжала.

Мѣшецкій. То Лиза, а то тесть твой, а то ты еще самъ. Ее-то прощу, а васъ нѣтъ.

Павлюкъ. Какъ же, тятенька?

Мѣшецкій. А ты стулай да тещю скажи: „весьма де тятенька гнѣвемъ. Ты, скажи, тещюшка, не глади на то что не кричитъ онъ; когда молъ, скажи, кого тятенька тихому рѣчью слышать начнетъ, это, скажи, самый лютой гнѣвъ у него и есть.“ Скажешь ли?

Павлюкъ. Чего жь не сказать-то мнѣ?

Мѣшецкій. Скажи, Павлюкъ. На теста отца роднаго не мѣлай. А только не скажешь, сейчасъ по рѣчи его узнаю и съ Лизой разведу тебя. Аль еще хуже: ее-то прощу, а тебя въ монастырь упрячу.

Павлюкъ. Вѣрно, тятенька, скажу.

Мѣшецкій. Бѣги же.

ЯВЛЕНИЕ VII.

МѢШЕЦКІЙ, одинъ, вскорѣ свѣта МАРТЮХИНЪ. На время ПАВЛЮКЪ.

Мѣшецкій (*одинъ*). Ну, свать любезвенькій, милости просимъ. Не Лиза ты, съ тобой-то справлюся. Ужь я за амбицію свою надъ тобою поломаюся.

Мартюхинъ (*входитъ*). Здорово, свать.

Мѣшецкій. Свать да не твой.

Мартюхинъ. А чей же? Моя дочь съ твоимъ сыномъ вѣнчана.

Мѣшецкій. Да она дочь ли тебѣ?

Мартюхинъ. А то кто же?

Мѣшецкій. А можетъ забѣглая какая.

Мартюхинъ. Кто жь за забѣглою приданое даетъ?

Мѣшецкій. Еще дашь, ли. Прости я ее, а ты тутъ пожалуйста отъ нея и откажешься. Скажешь: не моя де дочь, давай приданое прочь.

Мартюхинъ. Да дочь же она моя.

Мѣшецкій. Нѣтъ, дочь-то та что на смотрѣнахъ показывалъ.

Мартюхинъ. Не дочь-то моя, а Настасья, племянница она мнѣ по свойству что-ль приходится.

Мѣшецкій. Зачѣмъ же обманывалъ?

Мартюхинъ. И не думалъ.

Мѣшецкій. Кто жь меня-то надулъ?

Мартюхинъ. А никто. Просто сказать, лѣтчикъ былъ не готовъ. А Лизутка-то въ старомъ цѣти заулричилась. А я, чтобы добраго дѣла не откладывать да дочка не срамитъ, Настасья показаться велѣлъ.

Мѣшецкій. Это какой же лѣтчикъ не готовъ былъ? Въ которомъ она вѣнчалася?

Мартюхинъ. Тотъ самый.

Мѣшецкій. А на бумагѣ онъ зачѣмъ? Что, дружокъ замался?

Мартюхинъ. Ужь и не пойму я тебя! на какой бумагѣ такой?

Мѣшецкій. А на хлопчатой. Я сегодня всталъ, а ключница мнѣ и показываетъ. Пальца на два бумаги подложено.

Мартюхинъ. Вотъ такъ исторія.

Мѣшецкій. А ты, скажешь, не зналъ?

Мартюхинъ. Почему мнѣ знать? Не я, портной шилъ. Да и не портной онъ, а государынь старшихъ царевень наплечный мастеръ. Этакой-то гордый онъ! Съ нимъ и говорить не могу! Не твое дѣло, кричить, лучше де твоего наплечное мастерство знаю.

Мѣшецкій. А на бумагу зачѣмъ же онъ клалъ?

Мартюхинъ. Тыфу ты, сила окаянная! Да мнѣ-то почему же знать? Видно вверху у царевень такъ шить повелось.

Мѣшецкій. А ты не приказывалъ?

Мартюхинъ. Да нѣту же.

Мѣшецкій. Ладно. Вези же дочку домой.

Мартюхинъ. Это зачѣмъ еще?

Мѣшецкій. А я къ царицѣ сейчасъ.... чтобы въ Воскресенскій ее...

Мартюхинъ. Вотъ такъ выдумалъ! Съ чего жь ты эту смуту заводимъ? Диви бы Павлюкъ на нее жалится!

Мѣшецкій. А вотъ выдумалъ же и завожу. А Павлюкъ тебя глупое.

Мартюхинъ. Полво-ка. Мириться давай.

Мѣшецкій. Ладно. А за миръ что дашь?

Мартюхинъ. Тебѣ спрашивать... а я не поторгуюся... развѣ малость самую.

Мѣшецкій. Идетъ. Садись же за столъ да перо бери.

Мартюхинъ (*исполняя*). Ну, сватъ.

Мѣшецкій. Пиши же записку теперь, такъ только для памяти, что ты имѣнье свое запродашь мнѣ и деньги поавностью съ меня получашь. Купчую носав налшшемъ.

Мартюхинъ. Какое жь имѣнье-то?

Мѣшецкій. А Новгородское...

Мартюхинъ. Новгородское? Не много ли будетъ?

Мѣшецкій. Такъ дочку домой вези.

Мартюхинъ (*пишетъ*). Охъ, чтобъ тебѣ!.. Ладно ужь... Готова, бери. (*Всталъ*.) Аав вѣтъ, погоди. Общай что Лыкова въ ту же цѣну съ Верху сковырнешь.

Мѣшецкій. Общашь такъ сковыру ужь.

Мартюхинъ (*подавая записку*). Ну, бери бумажку.

Мѣшецкій (*взявъ*). Вотъ спасибо тебѣ. — А теперь: здравствуй сватъ. Поцѣлуемся.

Мартюхинъ. Здравствуй и ты, сватъ. (*Цѣлуются*.) И дуракъ же я!

Мѣшецкій. Чѣмъ ты дуракъ?

Мартюхинъ. А на половникъ помирился бы ты.

Мѣшецкій. Не думай того.

Мартюхинъ. Помирился бы. Ты же меня на обманъ соблажнилъ.

Мѣшецкій. Это какъ?

Мартюхинъ. А все мнѣ твердилъ: молъ толстыхъ люблю...

Мѣшецкій. Такъ тожь не про Павлюкову а жену, про свою каячицу.

Мартюхинъ. Ну, дважды же я гауль.

Мѣшецкій. На этомъ помирюсь съ тобой. (*Небольшая пауза; потомъ, хлопая въ ладони*.) Эй! гдѣ ты, Павлюкъ! (*Павлюкъ входитъ*.) Веди всѣхъ ихъ сюда. Скажи: сваты де помирился.

Павлюкъ. Сейчасъ, тятенька. (*Убѣгая*.) Помирился!..

Мѣшецкій. Только ты, сватъ, не мѣшай мнѣ. Хоть малость мнѣ свою амбицію показать надо будетъ.

Мартюхинъ. Аав ты на бабъ моихъ кричать вздумашь? Такъ не дамъ я.

Мѣшецкій. Нѣтъ. Паваюкада невѣстку маленько побрали.

Мартюхинъ. Ладо. И я помогу.

Мѣшецкій. Ну, Лизы я тебѣ тролуть не дамъ.

Мартюхинъ. Не на Лизу а. Своего виноватаго сыщу.

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

МѢШЕЦКІЙ, МАРТЮХИНЪ. Входятъ сѣва въ сѣдующемъ порядкѣ: МАРТЮХИНА, БАБКА, НАСТАСЬЯ, СИДОРКА, ЛИЗА, ПАВЛЮКЪ.

Мартюхина. Здравствуй, свать.

Мѣшецкій. Здравствуй, сватьюшка. *(Цѣлуются.)* Здравствуй, бабушка.

Бабка. Здравствуй, золотой мой. Только не долго держи ты меня. Разикъ всего поцѣлуй. *(Исполняется.)* А теперь веди-ка меня *(она ведетъ)* да сажай скорѣй. А то ноженьки у меня шаловливыя, совсѣмъ меня, бабуки, не слушаютъ. *(Мѣшецкій сажаетъ ее въ кресло предъ столомъ направо.)*

Мѣшецкій. Вотъ мы гдѣ тебя, матушка, посадимъ. Отсюда всѣхъ тебѣ видно будетъ. *(Переходитъ направо.)* * А теперь мы судъ начнемъ. Вивись, Паваюкъ.

Павлюкъ. Не въ чемъ мнѣ вивиться-то, тятенька. Коли бъ я вечеръ на Лизу лѣтчикъ на бумагѣ надѣлъ, точно бъ виновать я былъ. Она вѣдь, бѣдная, точно мовахъ въ веригахъ тяжелыхъ, въ бумагѣ измучилась.

Мартюхинъ. Эхъ свать! и виноватаго-то сыскать не сумѣлъ. А вотъ я сейчасъ найду. Сидорка! твое дѣло: вивись ужъ.

Сидорка. Аль я, дяденька, опять провинился въ чемъ?

Мартюхинъ. А ты на колѣни сперва лади, а тамъ спрашивай.

Сидорка *(падая на колѣни)*. Палъ, дяденька. Въ чемъ же вивиться-то мнѣ укажешь?

Мартюхинъ. А во всемъ вивись.

Бабка. Стой, Сидоружка, не вивись, не ты виновать.

Павлюкъ. Вотъ бабушка вѣрнѣй виноватаго сыщеть.

Бабка. Слышь ты, Сидоружка, со сѣплу я доглядѣть не смогла. А это вѣдь Федунька нашъ?

* Относительное положеніе лицъ, считая сѣва отъ зрителей: Мѣшецкій, Паваюкъ, Лиза, Сидорка, Настасья, Мартюхина, Мартюхинъ, Бабка.

Сидорка. Петрунька, бабушка.

Бабка. Чтò ты! Петрунька-то до-году не дожидъ, померъ. Да вотъ онъ самъ живой отоить. Спроси его: Федунька вѣдь ты?

Павлюкъ. Федунька, бабушка.

Мѣшецкіи, Мартюхинъ, Мартюхина (*вмѣстѣ*).
Это чтò еще?

Бабка. А то что онъ у меня еще дѣтѣмъ въ деревнѣ съ Сидоркой былъ и съ Лизой цѣловался. Я же и приказывала.

Мартюхина. Вотъ ужъ не чаяла что мамелька моя во всемъ виноватая.

Бабка. Не я, дочерька, ей-Богу не я. А Настасья все. Знала вѣдь, хитрая, а ни слова мнѣ.

Настасья. Ну ужъ я, бабушка, и ни на столечко вотъ не виновата. Я, бабушка, дѣвущка правдивая: все тебѣ открытъ думала, да они вотъ всѣ застращали меня.

Бабка. Этакая ты, Настасья, непокоривая.

Сидорка (*вставая съ колыма*). Ну, коли ни Павлюкъ, ни Настасья, ни бабушка не виноваты, такъ и я, дяденька, не виноватъ; ей-Богу не виноватъ.

Мартюхинъ. Кто жъ виноватъ-то?

Сидорка. А лодычій чтò у Постельнаго Крыльца ротъ разина спалъ.

Лиза. А хоть и не виноватъ ты, Сидорущка, а я тебѣ наказанье придумала.

Сидорка. Какое, сестрица?

Лиза. На Настасья женишь тебя.

Сидорка (*Цѣлуя ее*). Вотъ такъ сестрица! Вотъ такъ мидочка! Опять я думный дякъ! Опять я Настасьянъ мужъ.

Мартюхина. Ну, ужъ наказанье придумала. Сидорка-то чуть съ радости не пляшетъ.

Лиза. Послѣ, мамелька, вслащется. Настасья-то у насъ съ варывчикомъ.

Настасья. А тебѣ безъ этого варывчика и замужъ бы не выскочить.

Сидорка (*схватывая Настасью за руку и подводя къ дядѣ*). Дяденька, благословляй что ль.

Мартюхинъ. Аль мнѣ голыми руками благословлять тебя прикажешь? Завтра приходи: съ образомъ въ рукахъ и образую тебя.

Сидорка. И на томъ, дяденька, спасибо.

Мѣшецкій. А теперь-то что? Охъ, и забылъ я! Иди, Лиза, цѣлуй меня.

Ли за. А вотъ же пойду. Не забывай обо мнѣ, тятенька, впередъ. Нарочно подалъ отойду (*исполняетъ*), а ты самъ ко мнѣ цѣловаться иди.

Ба б к а. Такъ, Лизанька, такъ: хорошенько его!

Мѣшецкій. Вотъ такъ бабѣнка зародилася! Аль и впрямь мнѣ къ тебѣ идти?

Павлюкъ. Поцло, Ли за. Иди къ тятенькѣ: я приказываю, а я теперь мужъ твой.

Ли за (*мужу*). А ты, гаулевъкій, подумалъ и вправду я? (*Тестю*). Нѣтъ, тятенька богоданенькій, не ходи. Шутемъ я сказала. Сама я сейчасъ къ тебѣ подбѣгу. Я тебя уважать должна. Такъ ли я, бабенька, говорю? (*Подбѣгаетъ и цѣлуетъ тестя*).

Ба б к а. Такъ, Лизанька, такъ; такъ, умица, такъ.

(Занавѣсъ.)

Д. АВЕРКІЕВЪ.

1 сентября 1879 года.

Кронштадтская колонія.

ФАУСТЪ

НА АНГЛІЙСКОЙ СЦЕНѢ.

МАРЛО.

Постепенно сложившаяся въ Германіи народная легенда : докторъ Фаустъ появилась въ печати въ 1587 году подъ заглавіемъ *Народная книга о Фаустѣ*. * Въ томъ же году она была занесена въ Англію, по вѣрностіямъ, двумя знаменитыми въ то время англійскими актерами Попомъ и Брайномъ, страствовавшими по большимъ германскимъ дворамъ и возвратившимися въ Лондонъ въ 1587 году. Въ это же время Христофоръ Марло, пользовавшійся уже большою литературною извѣстностью, находился въ Лондонѣ, гдѣ былъ присяжнымъ драматическимъ писателемъ для театра. Отъ возвратившихся актеровъ, вѣроятно, Марло и заимствовалъ подробное содержаніе книги о Фаустѣ, ** вдохновившей его немедленно же приняться за обработку для сцены богатаго драматическаго матеріала который она представляла. Увлеченіе

* Издана книгопродавцемъ Шписомъ. См. нашу статью *Легенда и Первая народная книга о Фаустѣ. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1880, № 10.

** *Marlow's Faust* von Alfred und Velde 23, 24.

Марло было весьма сильно и работа его шла весьма быстро, ибо въ слѣдующемъ 1588 году была уже имъ написана его извѣстная трагедія *Фаустъ*, которая впрочемъ не появлялась въ печати до 1604 года. Мнѣніе что Марло познакомился съ содержаніемъ *Народной Книги* о Фаустѣ отъ странствовавшихъ по Германіи англійскихъ актеровъ намъ кажется гораздо болѣе правдоподобнымъ чѣмъ мнѣніе Шмидта *, доказывающаго что онъ пользовался для своей трагедіи англійскимъ переводомъ нѣмецкой народной книги, ** переводомъ который появился гораздо позднѣе (а именно лишь въ 1590 году). Какъ бы то ни было, но Марло является первымъ писателемъ подвергшимъ легенду о Фаустѣ драматической обработкѣ.

Христофоръ Марло былъ сынъ бѣднаго кентерберійскаго башмачника. Онъ родился въ февралѣ 1564 года. Сколько можно судить на основаніи краткихъ свѣдѣній, онъ былъ человекъ въ высшей степени увлекающійся и пережившій сильную внутреннюю борьбу, которая привела его къ скептицизму. Онъ слылъ за человека крайнихъ рационалистическихъ мнѣній, который, по свидѣтельству современниковъ, не ограничиваясь устрою проповѣдью своихъ убѣжденій, писалъ цѣлые трактаты противъ религіи. *** Робертъ Гринъ, знаменитый современникъ и другъ Марло, въ такихъ словахъ обращается къ послѣднему въ своей авторской исповѣди: **** „Не удивляйся что я начинаю съ тебя, славный любимецъ трагиковъ, не удивляйся тому что Гринъ, не разъ говорившій съ тобою, подобно безумцу въ сердцѣ своемъ, вѣсть Богъ, теперь прославляетъ Его величіе, ибо всемогуща сила Его и тяжело обрушилась на меня десница Его. Зачѣмъ твой превосходный умъ, даръ Божій, до того ослѣпленъ что ты не хочешь воздать славу даровавшему тебя его... Не откладывай же своего раскаянія до послѣдней крайности, ибо ты не знаешь какъ скоро посвятить тебя смерти.“

И дѣйствительно, Марло вскорѣ умеръ и умеръ самымъ

* *Jahrbuch der romantischen und englischen Sprache und Litteratur.*

** Ко мнѣнію Шмидта присоединяется и Дюкцеръ. *Erläuterungen zu den Deutschen Klassikern.* 19 Bändchen: Goethes Faust, erster Theil, 10 стр.

*** Стороженко, *Робертъ Гринъ, его жизнь и произведенія.* Москва 1878 г., стр. 18.

**** Ibid стр. 21—22.

трагическимъ образомъ еще совершенно молодымъ, въ періодъ полнаго разцвѣта своей драматической дѣятельности. Онъ погибъ въ схваткѣ со своимъ знакомымъ Франсисомъ Арчеромъ, который, отводя его руку вооруженную кинжаломъ, угодилъ ему въ глазъ его же собственнымъ оружіемъ. Противники его указывали на этотъ трагическій конецъ какъ на дѣйствіе правосудія Божія, проявившагося въ томъ „что рука которою онъ писалъ свои богохульныя сочиненія сама пронзила мозгъ задумавшій ихъ“*. Преждевременная смерть слава, быть-можетъ, Марло отъ сожженія на кострѣ, ибо въ послѣдніе годы его жизни за нимъ былъ учрежденъ секретный надзоръ, и до насъ дошелъ текстъ тайнаго дописа въ которомъ Марло обвиняется въ крайнемъ богохульствѣ.

Какъ драматическій талантливый писатель, онъ, конечно, ухватился обѣими руками за богатый матеріалъ который ему представляло нѣмецкое сказаніе о докторѣ Фаустѣ, тѣмъ болѣе что съ личностью пытливаго вольнодумца Фауста онъ имѣлъ много общаго. Какъ самъ много пережившій и переживавшій, онъ сумѣлъ глубже войти въ личность Фауста и многому, что въ народной книгѣ носитъ чисто случайный характеръ, онъ придалъ глубокой смыслъ и значеніе. Фактически же онъ весьма мало отступилъ отъ народной книги и даже свою драму ведетъ въ той же послѣдовательности въ какой сказаніе о Фаустѣ изложено въ *Volkbuch* Шписа.

Въ прологѣ къ своей трагедіи, Марло выводитъ хоръ который передаетъ довольно подробно содержаніе первой главы народной книги о происхожденіи и воспитаніи Фауста, его занятіяхъ теологіей, и прибавляетъ: „но лобуждаемый знаніемъ и честолюбіемъ, онъ возмечется на восковыхъ крыльяхъ въ высшія сферы.“**

Приготовленный такимъ образомъ къ высокому и необыкновенному сюжету драмы, читатель переносится въ кабинетъ Фауста, гдѣ застаётъ его въ глубокомъ разочарованіи и мучительныхъ думкахъ о безплодности всѣхъ знаній, потеряннутахъ путемъ глубокаго изученія средневѣковой

* Стороженко, *Предшественники Шекспира*, стр. 213—14.

** Намекъ на судьбу Икара, который на крыльяхъ изъ воска державъ возмечется сапшкомъ высоко и погибъ жертвой своей дерзкой попытки.

науки. Въ этомъ монологѣ авторъ пытается объяснить мотивы заставившіе Фауста обратиться къ магіи, ту внутреннюю борьбу которая привела его къ такому рѣшительному и опасному шагу. Приведемъ этотъ монологъ цѣлкомъ, такъ какъ онъ въ высшей степени характеризуетъ отношеніе Марло къ источнику,—народной книгѣ.

ФАУСТЪ. *

„Сосредоточь твои занятія, Фаустъ, и старайся исчерпать до дна науку избранную тобой. Такъ какъ ты началъ съ теологіи, то будь богословомъ для вида, но старайся проникнуть въ сущность всякой науки; живи и умирай не выходя изъ твореній Аристотеля. (*Раскрывая книгу.*) Благородная Аналитика, ты просто обворожила меня. Bene disserere est finis logicae. Неужели высшая цѣль логики состоитъ въ томъ чтобы хорошо диспутировать? Неужели эта наука не можетъ дать ничего болѣе чудеснаго? Въ такомъ случаѣ ты можешь спокойно отложить ее въ сторону, такъ какъ ты уже достигъ желаемаго. Духъ Фауста стремится къ познаніямъ болѣе плодотворнымъ. Философія, прощай! Теперь твоя очередь, Галленъ. Ubi desinit philosophus, ibi incipit medicus. (*Раскрываетъ другую книгу.*) Будь медикомъ, Фаустъ, коли золото и прославь свое имя какимъ-нибудь необыкновеннымъ цѣлебнымъ средствомъ. Summum bonum medicinae sanitas. Здоровье есть высшая цѣль медицины. Но развѣ ты уже не достигъ этой цѣли? Развѣ твои слова не стали афоризмами? Развѣ твои рецепты, избавлявшіе цѣлые города отъ чумы и отъ тысячи другихъ заразительныхъ болѣзней, не хранятся бережно, какъ дорогіе памятники? И при всемъ томъ, ты не больше какъ Фаустъ, не больше какъ человѣкъ! Еслибы ты могъ сдѣлать людей бессмертными или по крайней мѣрѣ оживлять мертвыхъ, тогда твоя наука была бы достойна удивленія. Итакъ медицина, тоже прощай! Но гдѣ же мой Юстиніанъ? (*Беретъ со стола книгу и читаетъ.*) Si una eademque res legatur duobus, alter rem, alter valorem rei etc. А! это несчастный законъ о наследствѣ. (*Читаетъ дальше.*) Exhereditari filium non potest pater nisi etc. Таково содержаніе институтовъ Юстиніана и всего свода законовъ. Нѣтъ, эта наука можетъ удовлетворить развѣ какого-нибудь жалкаго наемщика, который бьется изъ-за матеріальныхъ выгодъ, но для меня она слишкомъ низменна. Теперь, когда пройденъ весь курсъ знанія, нужно возвратиться къ теологіи, лучшей изъ наукъ. Предъ тобою, Фаустъ, Библия въ переводѣ Іеронима. Изучи ее хорошенько. (*Раскрываетъ книгу и читаетъ.*) Stipendium peccati mors est. Смерть есть воздаяніе за грѣхъ. Ну, это немного жестоко! (*продолжая читать*) Si peccasse negamus,

* Переводъ этого монолога мы заимствуемъ изъ книги *Предшественники Шекспира*, Стороженка.

fallimur et nulla est in nobis veritas. Отрадая наши прегрѣшенія мы обманываемъ самихъ себя и пьтъ истины въ насъ. Какъ же это? Мы *должны* грѣшить и несмотря на это все-таки осуждены на смерть, на вѣчную смерть. Какъ назвать такое ученіе? Нѣтъ, будь что будетъ! Съ Богомъ теологію (*отбрасываетъ книгу въ сторону*). Вы, метафизики, маги, волшебныя книги, вы открываете мнѣ небо. Вы ливіи, круги, фигуры, знаки, вы болѣе всего влечете къ себѣ Фауста. Сколько пользы, отрады, власти, почестей, всемогущества открывается предъ жаждущимъ званія умомъ! Настоящій магъ, — это полубогъ! Работай мозгъ мой и веда меня къ божеству!⁴

Обращеніе къ магіи дѣлается, такимъ образомъ, для Фауста настоятельною потребностью: онъ не хочетъ и не въ силахъ долѣе ждать. Онъ торопитъ своего фамулуса Вагнера чтобы тотъ отправаляясь и немедленно же привелъ къ нему Германа Вальдеса и Корнеиуса, которые должны погрузить его во всѣ тайны магической науки, имъ хорошо извѣстной. Послѣ ухода Вагнера, Фаустомъ овладѣваетъ раздумье. Предъ столь рѣшительнымъ и безповоротнымъ шагомъ онъ, противъ своей воли, начинаетъ сомнѣваться и колебаться, что въ драмѣ выражено появленіемъ добраго и злаго генія.

ДОБРЫЙ ГЕНІЙ.

О, Фаустъ! отложи эту проклятую книгу и не загадывай болѣе въ нее изъ боязни чтобы она не искушала твоей души и не обратила бы на твою голову тяжкій гавъз Бога. Читай, читай Св. Писаніе.

ЗЛОЙ ГЕНІЙ.

Продолжай свой путь, о Фаустъ, въ этомъ высококомъ искусствѣ которое содержитъ въ себѣ всѣ сокровища природы. Будь на землѣ тѣмъ же что Юпитеръ въ небесахъ, — безграничнымъ властителемъ элементовъ.

Последнее слово и рѣшительная побѣда остались за злымъ геніемъ, который выразилъ самыя задушевныя желанія Фауста. Отряхнувшись отъ напавшей на него слабости, Фаустъ, во всеоружіи своей рѣшимости обратиться къ магіи, такъ начинаетъ мечтать о томъ могуществѣ какое ему сулитъ его обращеніе. *

„Мнѣ эта мысль покоя не даетъ,
Она меня приводитъ въ упоенье
Что могъ бы я духами управлять,
Ихъ заставляя дѣлать безпрестанно

* Стихотворный переводъ этого монолога, какъ и вообще стихотворные переводы прочихъ сценъ драмы, заимствованы у г. Миляева. *Русское Слово* 1871 г.

Все, все что только пожелаю я.
 Загадки всё мнѣ будутъ разрѣшмы,
 И нѣтъ такихъ безумныхъ предпріятій
 Которыя при помощи духовъ
 Мнѣ будутъ невозможными казаться.
 Я захочу,—и въ Индію тѣ духи
 За золотомъ слетаютъ для меня;
 Я прикажу,—переламываютъ мѣра
 Чтобъ мнѣ доставить рѣдкости Востока,
 Они проникнутъ смѣло въ Новый Свѣтъ
 И явятся съ сладчайшими плодами
 И съ чудесами новыхъ, чудныхъ странъ.
 Раскрыть передъ собой я ихъ заставляю
 Всю гаубину безвѣстныхъ мудрыхъ книгъ,
 И тайны всёхъ влстителей узнаю.
 По моему желанью сонмъ духовъ
 Мгновенно стѣну мѣдную воздвигаетъ
 Вокругъ родной Германіи, и Рейнекъ,
 Какъ лентою блестящей, озошетъ
 Мой мѣстѣй Виттембергъ. Я прикажу
 Тааавтами наполнить наши школы
 Чтобъ оживъ и воскресъ народный духъ.
 На золото которымъ овладѣю
 Я сформирую армию большую,
 Чтобъ разомъ принца Пармскаго прогнать
 Изъ нашихъ мѣстъ, и самъ царить останусь
 Надъ всѣми областями.

Предъ нами, такимъ образомъ, два мотива: неудовлетворенность схоластическою наукою и жажда власти и могущества, на основаніи которыхъ Фаустъ стремится къ магіи, подавляя въ себѣ всякую попытку къ колебанію или дальнѣйшему раздумью предъ рѣшительнымъ, безловоротнымъ шагомъ. Но оба эти мотива, какъ бы они не представлялись разнородными на первый взглядъ, находятся въ тѣснѣйшей зависимости другъ отъ друга.

Если мы обратимся къ тому времени въ которое жилъ Марло, то вспомнимъ что, несмотря на обновляющую струю гуманистическаго движенія охватившую всю Европу, наука не успѣла еще страхнуть съ себя цѣпи схоластики. Фаустъ „исчерпываетъ до дна“ и „лучшую изъ наукъ“—богословіе, и философію, и право, и медицину, то-есть всю схоластическую премудрость своего времени. Богословіе представляется ему наукою

полною противорѣчій, а доктрина ея слишкомъ жестокою. О прочихъ же наукахъ онъ такъ высказывается въ своей бесѣдѣ съ Вальдесомъ и Корнелиусомъ. „Философія темна и темна, право и медицина годятся развѣ для ничтожныхъ умилшекъ.“ Отсюда весьма естественнымъ является обращеніе Фауста къ еще неизвѣстной ему, но таинственно-привлекательной магіи, которая одна можетъ и должна дать исходъ его неудовлетворенной пытливости. Магія должна дать ему полное знаніе элементовъ, вслѣдствіе чего онъ станетъ полубогомъ и властелиномъ земнымъ. Узлавъ все въ самой сущности, онъ, такимъ образомъ, уже не будетъ нуждаться въ дальнѣйшемъ изученіи: на его долю останется управлять всѣмъ міромъ, тѣмъ болѣе что міръ духовъ будетъ ему подвластенъ. Марло выражаетъ здѣсь основныя и глубочайшія побудительныя причины привлекавшія къ магіи, во все продолженіе средневѣковья, людей пытливыхъ, неудовлетворившихся схоластическою наукой.

Авторъ *Народной Книги* объясняетъ фактъ обращенія Фауста къ магіи его самоудьявляющею и тщеславіемъ (daneben hat er auch einen hummen, unsinnigen und hoffertigen Kopf gehabt) и тѣмъ еще что онъ попалъ въ дурную компанію совратившую его съ истиннаго пути. Правда, будучи человекомъ классически образованнымъ, онъ пытается объяснить увлеченіе Фауста магіей тѣмъ что онъ „подвизалъ себя орацныя крылья и стремился изсѣдовать вѣсь основанія неба и земли“, но съ другой стороны, какъ человекъ въ высшей стелени набожный, онъ естественно не могъ ловить того духовнаго процесса, который приво- дилъ къ скептицизму и внутреннему раздвоенію многіе пытливые умы его современниковъ и приписываетъ это стремленіе къ высшему познанію вольводумству и тщеславію. Другое дѣло Марло. Онъ, какъ человекъ на себѣ пережившій броженіе переходной эпохи XVI вѣка, сумѣлъ представить въ пыломъ монологѣ Фауста тотъ внутренній процессъ который его привелъ къ магіи, какъ къ послѣднему средству могущему дать исходъ его стремленію къ истинѣ. Марло первый объяснилъ со всею подробностью что главною, если не единственною причиною, побудившею Фауста впервые задуматься о магіи, была именно неудовлетво-

* *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* октябрь 10.

равность схоластическою наукой, тоска по истинѣ, которую нечего было искать въ схоластическихъ формулахъ.

Между тѣмъ, въ *Народной Книгѣ* главною причиною его обращенія къ магии выставлена жажда наслажденій, чувственныхъ наслажденій жизнью. Гейне былъ вполне правъ говоря о Фаустѣ что онъ „требовалъ отъ чорта не только знанія вещей, но и реальныя наслажденія“. Такимъ дѣйствительно является Фаустъ легенды. Правда, этотъ второй мотивъ является въ *Народной Книгѣ*, такъ сказать, въ дѣйстви:—мы его усматриваемъ въ продолженіе почти всей двадцатичетырехлѣтней жизни Фауста по адскому контракту, во всѣхъ его продажахъ и дурачествахъ, показывающихъ полное отсутствіе въ Фаустѣ серьезности. *

У Фауста Марло, какъ мы могли убѣдиться на основаніи втораго его монолога, вторымъ мотивомъ обращенія къ магии является жажда власти и могущества, но мотивомъ влеченія зависящимъ отъ перваго и основнаго,—неудовлетворенности схоластическою наукой. Въ магии, отъ которой онъ ждетъ полнаго знанія элементовъ, онъ найдетъ совершенное удовлетвореніе своей пылкости, и съ другой стороны въ ней же обрѣтетъ реальную силу надъ міромъ. Таковъ психологическій процессъ приведшій къ магии мыслителя XVI вѣка.

Послѣ изложенныхъ двухъ монологовъ трагедіи Марло, столь выдающихся какъ въ художественномъ такъ и въ психологическомъ отношеніи, читатель въ правѣ ожидать дальнѣйшаго сильнаго драматическаго движенія и послѣдующаго драматическаго развитія характера Фауста. Но чѣмъ далѣе читаетъ онъ *Фауста* Марло, тѣмъ болѣе разочаровывается въ своихъ ожиданіяхъ. Еще сцены вызванія Мефистофеля и первыхъ бесѣдъ съ нимъ Фауста ведутся Марло въ духѣ первой сцены, но и въ нихъ замѣтна уже невыдержанность и отсутствіе столь тщательной обработки какъ въ изложенной нами первой сценѣ. Но эта невыдержанность и послѣдственность работы Марло особенно ярко выступаютъ начиная съ

* Такъ что скорѣе къ Фаусту *Народной Книги*, чѣмъ къ герою трагедіи Марло, приложимы слѣдующія слова Дюнцера: Nicht Wissensgierde, welche alle Tiefen der Erkenntniss ergründen möchte, sondern einzig unbegrenztes Verlangen nach Macht und Genuss treibt Marlow's Faust zur Magie.

третьяго акта и до заключительной сцены. О всей драмѣ можно замѣтить что дѣлности впечатлѣнія имѣшаетъ множество вставныхъ сценъ, гдѣ главными дѣйствующими лицами являются Вагнеръ, Клоунъ, Дикъ и прочія второстепенныя лица, прибавляющіяся островами, выходками и проказами.

Но будемъ продолжать изложеніе. Бесѣда Фауста съ Корнелиусомъ и Вальдесомъ оказала столь сильное на него влияние что въ ту же ночь онъ рѣшается вызвать чорта, хотя бы ему отъ этой попытки даже грозила смерть. И дѣйствительно, послѣ сѣдующей непосредственно за первою сценой вставной сценки, не имѣющей ни малѣйшей органической связи съ общимъ интересомъ драмы, мы застаемъ Фауста въ лѣсу гдѣ онъ при громѣ и молніи произноситъ магическія заклинанія. *

Вызываемый Фаустомъ духъ, по его требованію, принимаетъ видъ французскаго монаха. ** Но Мефистофель какъ и въ *Народной Книгѣ* явился по собственному побужденію, ибо слышалъ богохульныя слова Фауста, возбуждшія въ немъ желаніе овладѣть его душой, и еще не уполномоченъ отъ ада заключить требуемый Фаустомъ контрактъ, на что долженъ предварительно просить разрѣшеніе у своего владыки Люцифера.

ФАУСТЪ.

Я признаю величье Вельзевула
И потому ему лишь одному
Я съ вѣрой подчиняюсь отнынѣ.
*Меня проклятыя больше не страшитъ
И станетъ адъ теперь моимъ здѣломъ,*
Гдѣ съ призраками древнихъ мудрецовъ
Увидите мой призракъ послѣ смерти.
Но о твоёмъ владыкѣ Люциферѣ
Ты долженъ разказать. ***

* Вотъ текстъ заклинанія: *Sint mihi Dii Acheronis propitii, valeat numen triplex Jehovae, ignei, aërii, aquitani spiritus! Salvete Orientis Princeps Belzebub, inferni ardentis monarcha et demiurge, propitiatus vos, ut appareat et surgat Mephistophilis Dragon, quod tumeraris; per Jehovam, Gehennam et consecratam aquam quam nunc spargo, signumque crucis quod nunc facio, et per rota nostra ipse nunc surgat nobis dictatis Mephostophiles.*

** Ср. подобный же фактъ въ *Народной Книгѣ*—*Журн. Мин. Нар. Прострц.* 10.

*** Переводъ Минаева въ *Дѣлѣ* 1871.

Мефистофель разказываетъ ему что Люциферъ былъ прежде святымъ духомъ и „небеса гордились его когда-то частою красотой,“ но „его высокомеріе сгубило“ и онъ за то былъ свергнутъ въ ирачный адъ со сонмомъ тѣхъ *бодмыхъ* духовъ которые съ нимъ вступили противъ Бога въ заговоръ.

На вопросъ Фауста объ адѣ Мефистофель отвѣчаетъ:

Онъ здѣсь, здѣсь этотъ адъ и въ этотъ часъ
Я нахожусь не въѣ его. Ужели
Ты думаешь что я, узнавъ блаженство,
Не испытала мученій самыхъ адскихъ,
Лишась блаженства вѣчнаго? О, Фаустъ!
Оставь твои наивные вопросы!
Ты дѣтскимъ легкомысліемъ своимъ
Мое на части сердце разрываешь. *

ФАУСТЪ.

Кого я слышу? Гордый Мефистофель
Какъ женщина распакатся готовъ,
Потерянное счастье вспоминая.
Будь мужественъ: возьми съ меня прикѣтъ
И прокляни міръ ещичной благодати.
Ты съ радостною вѣстью къ Люциферу
Явися лучше, и скажи ему
Что встрѣтилася ты съ Фаустомъ который
Создателямъ на вѣку осужденъ
За смѣлая, проклятыя идеи.
Скажи ты Люциферу что ему
Отдать своей души не пожалею
Съ условіемъ чтобъ могъ я на землѣ
Еще прожить лѣтъ двадцать или болѣ **,
Чтобы въ теченіе этихъ лѣтъ любое
Мое желанье тотчасъ исполнялось,
Чтобъ всюду ты меня сопровождалъ,
Все добывалъ что только захочу я,
Давалъ отвѣтъ на каждый мой вопросъ,
Моихъ враговъ преслѣдовалъ упорно
И защищалъ друзей моихъ всегда,—
Ну словомъ мнѣ повиновался бы во всемъ. ***

* Ср. добросовѣстное описаніе Мефистофелемъ адскихъ мукъ въ *Народной Книжкѣ* и то впечатлѣніе которое оно произвело на Фауста. — *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 10 кн.

** Стихъ переведенъ не точно, у Маро указывается согласно съ *Народною Книжкою* 24 года.

*** Ср. въ *Народной Книжкѣ* бесѣда Фауста съ Мефистофелемъ на другой день послѣ закланія.

По уходѣ Мефистофеля, отправившагося испросить у Люцифера согласіе на такой контрактъ, Фаустъ восклицаетъ: „О, еслибъ я имѣлъ столько же душъ, сколько звѣздъ на небѣ, я бы ихъ всѣ отдалъ Мефистофелю!“ и оставшись владѣнъ предается мечтаніямъ о всезнаніи, власти и могуществѣ, которыя въ его представленіи неразрывно связаны съ міромъ духовъ, которыхъ отдастъ ему подъ власть сила магіи.

Говоря о мученіяхъ испытываемыхъ ладшими ангелами, для которыхъ адъ вездѣ гдѣ они находятся, Мефистофель замѣчаетъ что самъ готовъ расслакаться какъ женщина. Но Фаустъ Марло не боится ада и его вѣчныхъ мукъ. Мало того, онъ въ адѣ помѣщаетъ своей вдемъ и мечтаетъ еще о призракахъ древаихъ мудрецовъ коими онъ тамъ будетъ окруженъ. Мечта о предстоящемъ всезнаніи и могуществѣ надъ міромъ отодвигаетъ на задній планъ его заботу о загробной жизни, а знаніе и могущество, купленные столь дорогою цѣной собственной души, становятся еще болѣе привлекательными и заманчивыми въ его глазахъ.

Не долго остается Марло на той трагической высотѣ на которую поднялся влпшккой своего гения. Въ остальныхъ сценахъ, исключая послѣдней, замѣтны уже менѣе тщательная обработка и болѣе рабское подчиненіе тому матеріалу который представляла для Марло *Народная Книга*.

Теперь, когда для Фауста наступаетъ тотъ рѣшительный шагъ о которомъ онъ такъ мечталъ и на который полагалъ такія надежды, мы застаемъ его въ постоянныхъ колебаніяхъ, въ которыхъ онъ безпрестанно озирается назадъ на свое прошлое и проявляетъ несвойственную ему слабость. Постоянно появляются добрый и злой гении, какъ символъ внутренней борьбы Фауста, но появляются они уже не противъ его воли, а вызываемые имъ самимъ, его мучительными сомнѣніями и подчасъ даже жалобами на самого себя и смутавшаго его дьявола.

Такъ въ сценѣ Vй Фаустъ сидитъ одинъ въ своемъ кабинетѣ и старается самъ себя утѣшить и ободрить предъ появленіемъ Мефистофеля, который долженъ принести изъ ада отвѣтъ Люцифера.

Теперь ты Фаустъ проклятъ навсегда
И нѣтъ тебѣ надежды на спасенье.
Будь Фаустъ твердъ и брось свои сомнѣнья.
И въ чемъ теперь ты станешь сомнѣваться?
Но тайный чей-то голосъ мнѣ твердить:

„Брось Фаустъ эту адскую науку,
И слова къ прежней вѣрѣ возвратись“.
Но для чего? Связь съ прошлымъ разорвалъ я,
И нѣтъ во мнѣ надежды на прощенье.
Всѣ помыслы, всѣ думы посвящаю
Я духу тьмы, и только Вельзевулу
Воздвигну храмъ, и въ храмъ томъ алтарь
Я орошу своею теплою кровью,
И эта кровь моею будетъ жертвой.

Появляются добрый и злой гении, сплещіеся, первый
отвратитъ, пока еще не поздно, Фауста отъ магіи, второй,
еще болѣе укрѣпить его въ его адскихъ занятіяхъ.

ЗЛОЙ ГЕНИЙ.

Впередъ, впередъ, Фаустъ, иди въ этомъ дивномъ искусствѣ.

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ.

О, добрый Фаустъ, отринь его, это проклятое искусство.

ФАУСТЪ.

Покаянье, молитва! Къ чему все это поведетъ?

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ.

О! это средство возвратитъ тебя небу.

ЗЛОЙ ГЕНИЙ.

Нѣтъ! Это скорбѣ палюзія, плоды безумія, способные смутить
дашь слабый умъ.

ДОБРЫЙ ГЕНИЙ.

Добрый Фаустъ, думай о небесномъ.

ЗЛОЙ ГЕНИЙ.

Нѣтъ, Фаустъ, помышлай о славѣ и богатствѣ.

„Богатство!“ восклицаетъ Фаустъ. „Да, герцогство Эмбденъ
мнѣ будетъ принадлежать“.

Пока вездѣ со мной

Ходить безсмысленно станетъ Мефистофель,

Кто можетъ мнѣ хоть въ чемъ-нибудь вредить?

Какъ это не похоже на Фауста, проявившаго предъ нами
въ предыдущей сценѣ всю силу своего духа. Богатство, вотъ
что теперь привлекаетъ болѣе всего Фауста. И отъ кого за-
щиты ищеть онъ у Мефистофеля, котораго предъ этимъ
самъ ободрялъ и утѣшалъ? Такъ начинается выражаться пер-
воначальный высоко трагическій мотивъ обращенія Фауста
къ магіи, и вслѣдствіе этого самъ Фаустъ теряетъ трагиче-
скій характеръ, обращаясь поэмному въ простой сколокъ съ
Фауста *Народной Книги*.

На зовъ Фауста: „veni, veni Mephistophiles“ тотъ появляется прамеховько изъ ада и объявляетъ что Люциферъ изъявилъ свое согласіе на то чтобы Фаустъ въ этой жизни имѣлъ его, Мефистофеля, въ полномъ своемъ распоряженіи; за то въ загробной жизни, въ свою очередь, Фаустъ обязуется своею душой пополнить персоналъ ада, и въ этомъ своемъ обязательствѣ расписаться собственной кровью.

На выраженное Фаустомъ недоумѣніе, зачѣмъ собственно нужна Люциферу его душа, Мефистофель даетъ довольно дѣтскій отвѣтъ: *Solamen miseris socios habuisse dolores.*

Даетъ онъ утѣшенье всѣмъ несчастнымъ
Чтобъ было съ кѣмъ имъ грусть свою дѣлать.

Несмотря на неудовлетворительность отвѣта Мефистофеля, Фаустъ готовъ пожертвовать ему своею душой и, съ цѣлью дать въ томъ расписку своею кровью, прокалываетъ руку. Какъ и въ *Народной Книжкѣ* (съ которой, скажемъ кстати, вся эта сцена имѣетъ почти дословно близкое сходство), кровь, брызнувъ изъ отворенной артеріи, сгущается и образуетъ роковую, предостерегающую фразу: *Homo fūge!* (человѣкъ бѣги!). Это предостереженіе на мгновеніе смутило Фауста, но онъ тотчасъ оправляется отъ своей слабости и находитъ полное утѣшеніе въ слѣдующихъ легкомысленныхъ соображеніяхъ:

Отчего жь однако мнѣ и не отдать души,
Она моя и ей распоряжаться
Могу я смѣло. Нѣтъ, я напишу:
„Я, Фаустъ, душу предалъ сатанѣ!“

Мефистофель, принесяшій горячіе уголья для того чтобы возбудить остановившееся у Фауста кровотеченіе, торолитъ его, и адскій контрактъ написанъ. Тотчасъ появляются два демона, облекающіе Фауста въ царское одѣяніе, и возлагаютъ на его голову корону. Восхищенный собственнымъ своимъ величіемъ Фаустъ вручаетъ Мефистофелю адскій контрактъ, говоря:

Ну, такъ бери пергаментъ, сатана:
Я душу съ тѣломъ вмѣстѣ съ нимъ вручаю,
Но только съ уговоромъ, чтобы ты
Все исполнялъ что въ актѣ говорится.

Взявъ договоръ и, такимъ образомъ, закрѣпостивъ Фауста, Мефистофель предлагаетъ ему свои услуги для разрѣшенія какихъ онъ только пожелаетъ вопросовъ. Первое съ чѣмъ

Фаустъ обратился къ Мефистофелю было требованіе топографическихъ свѣдѣній объ адѣ. *

Отвѣтъ Мефистофеля былъ хоть и многословіе, но въ сущности онъ выразилъ ту же мысль что уже разъ слышалъ отъ него Фаустъ при его первомъ появленіи по вызову въ адъ: адъ вездѣ гдѣ мучаются души.

Фаусту этотъ адъ и мученія въ немъ испытываемыя грѣшниками кажутся басней, хотя Мефистофель съ ревностью старается его въ этомъ разубѣдить, указывая на собственные свои мученія какъ продуктъ вѣчнаго осужденія. Но Фаусту этотъ затронутый было имъ вопросъ начинаетъ надобдаться. „Довольно объ этомъ“, говоритъ онъ,

Ты долженъ, дьяволъ, ухитриться:

Гдѣ знаешь, но достань сейчасъ

Красавицу: хочу хоть разъ

Я наслажденіемъ упиться.

Я сладострастенъ, и жениться

Теперь пришла охота мнѣ.

Мефистофель моментально, со всею расторопностью ему присущую, приводитъ ему красивую вѣдму, присовокупляя слѣдующія наставленія:

Женитьба дѣль одна:

Къ чему тебѣ теперь жена,

Когда любую куртизанку

Всѣхъ націй, Нѣмку или Испанку,

Ты можешь смѣло призывать.

Любая женщина доступна

* Вотъ текстъ контракта, содержащій въ себѣ подстрочный переводъ съ подобнаго же акта въ *Народной Книжкѣ*:

1) Чтобы Фаустъ имѣлъ свойство и силу духовъ, сохраняя форму и жизнь человека.

2) Чтобы Мефистофель былъ слугою Фауста и исполнялъ его приказанія.

3) Чтобы Мефистофель доставлялъ Фаусту все что онъ только требуетъ.

4) Чтобы Мефистофель постоянно невидимо присутствовалъ въ домѣ или комнатѣ Фауста.

5) Чтобы онъ являлся по зову Фауста всегда въ требуемомъ видѣ и образѣ.

Я докторъ I. Фаустъ изъ Виттемберга отдаю разомъ душу и тѣло князю тьмы Люциферу и его помощнику Мефистофелю, причемъ моя жизнь не должна прекратиться ранѣе 24 лѣтъ, по прошествіи которыхъ дамъ полное соглашеніе вышеозначеннымъ духамъ взять мою душу и заключить ее въ свои владѣнія. *Иоаннъ Фаустъ*.

Для насъ съ тобой, хоть будь она
 Какъ Пенелопа непріступна
 И хороша какъ сатана
 До дней его грѣхопаденья.

Чрезвычайно странною является личность Фауста по заключеніи имъ адскаго договора. Какъ пользуется онъ услугами Мефистофеля, купленнымъ имъ столь дорогою цѣной? Предложилъ онъ вопросъ объ адѣ и не повѣрилъ отвѣту данному со свойственною Мефистофелю добросовѣстностію, и тотчасъ же потребовалъ отъ него доставленія реальныхъ наслажденій, то-есть именно того что онъ весьма легко могъ бы себѣ доставить самъ не прибѣгая къ помощи ада и не жертвуя за то душой.

Слѣдующая сцена *На дорогѣ* изобилуетъ бесѣдами Фауста съ Мефистофелемъ и отличается отсутствіемъ драматизма. Марло подчиняется *Народной Книжѣ*, коей авторъ не задавался претензіями къ разъясненію характера Фауста или къ какимъ бы то ни было психологическимъ наблюденіямъ, а съ элическимъ слокойствіемъ громоздитъ накопившійся у него подъ руками легендарный матеріалъ. Въ бесѣдахъ этихъ Марло хотѣлъ, повидимому, выразить стремленіе Фауста разрѣшить тѣ вопросы знанія которые онъ не могъ одолѣть при помощи схоластической доктрины своего времени. Укажемъ въ главныхъ чертахъ содержаніе сцены.

Послѣ посѣтившаго Фауста приладка слабости, выраженнаго въ драмѣ неизбежными геніями добра и зла, изъ коихъ первый призываетъ Фауста къ раскаянію, а второй утверждаетъ что ужь онъ не въ состояніи раскаяться, онъ рѣшаетъ что къ раскаянію больше прибѣгать не будетъ.

Опять съ тобой хочу я, Мефистофель,
 Бесѣдовать, какъ истинный мудрецъ,
 И разныхъ умозрительныхъ вопросовъ
 Коснуться. Отвѣчай же,—подъ луной
 Ужели есть еще шмыа сферы?
 И много ль ихъ? Небесныя тѣла,
 Которыя тамъ движутся въ эфирѣ,—
 Не есть ли только шаръ одинъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Все небо

Отъ спутницы земной, луны, до круга
 Послѣднiаго есть рядъ особыхъ сферъ
 И движутся всѣ эти сферы вѣстѣ

На ихъ единой оси. Гдѣ она
 Кончается,—невидимый тотъ пунктъ,
 Зовутъ великимъ полюсомъ вселенной:
 Сатурнъ, Юпитеръ, Марсъ,—не просто звукъ,
 И не одной фантази созданыя.
 Они—свѣтлая вечера.

ФАУСТЪ.

Скажи,
 У нихъ одно есть общее движенье
 Situ et tempore?

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Они плывутъ
 На полюсахъ вселенной постоянно.
 Съ востока прямо къ западу, свершая
 Путь по своей орбитѣ ровно въ сутки,
 Но въ сферѣ зодиака ихъ движенье
 Не сходно межъ собою.

Этотъ послѣдній отвѣтъ Мефистофеля не удовлетворилъ
 Фауста, который воскликнулъ:

Чудеса

Подобныя и Вагнеръ разъяснить!
 Ужель у Мефистофеля нѣтъ знанья
 Поглубже этихъ истинъ всякъ извѣстныхъ?

Таковы же бесѣды Фауста съ Мефистофелемъ о другихъ
 вопросахъ, о томъ, живутъ ли планеты самостоятельную
 жизнь (на что Мефистофель отвѣтилъ кратко: о да!) и пр.
 Но однимъ вопросомъ своимъ Фаустъ попалъ, такъ сказать,
 въ большое мѣсто Мефистофелю, именно вопросомъ о томъ
 кто создалъ мѣръ. На это Мефистофель обидчиво отвѣчаетъ:

А я прошу: оставь жека въ покое.

Фаустъ въ свою очередь напоминаетъ Мефистофелю его
 обязанность отвѣчать на всѣ предлагаемые имъ вопросы и
 въ негодованіи кричить на него:

Исчезни,

Уйди, проклятый духъ, и провались
 Въ свой темный, смрадный адъ. Въ моей душѣ
 Ты можешь возбуждать одни проклятья.

Но въ эту критическую минуту, когда пошлѣднему гото-
 вы порваться связи Фауста съ Мефистофелемъ, является
 Люциферъ съ Вельзевуломъ и устраиваютъ ему дивертис-
 сментъ изъ семи смертныхъ грѣховъ, изъ которыхъ по оче-
 реди является каждый, довольно удачно характеризуюя себя

самъ. Восхищенный этимъ невиданнымъ еще зрѣлищемъ Фаустъ забылъ свой гнѣвъ на Мефистофеля и тѣ неласковые эпитеты которыми онъ только-что награждалъ адъ.

О еслибъ могъ я видѣть этотъ адъ
И изъ него вернуться невредимымъ,
Тому я безконечно былъ бы радъ.

Этою сценой кончаются научныя бесѣды Фауста съ Мефистофелемъ, долженствующія изображать жажду знанія, выраженную въ первомъ монологѣ драмы. Не болѣе удачно развитъ у Марло и второй мотивъ поставленный въ томъ же монологѣ Фауста, жажда могущества и власти. Чтò можетъ быть драматичнѣе этого мотива? Вспомнимъ какъ имъ воспользовался Шекспиръ въ Макбетъ и Ричардъ III. Въ драмѣ Марло жажда могущества выражается въ жажду чувственныхъ наслажденій. Фаустъ, разспросивъ Мефистофеля объ адѣ и небесныхъ сферахъ и какъ бы локочивъ со знаніемъ, превращается въ простаго састолоубца и проказника, наломивающаго Фауста *Народной Книги*.

Вотъ съ какою тирадой обращается онъ къ Мефистофелю, съ которымъ они прибыли въ Римъ.

Пока я на землѣ еще живу,
Испытывать хочу я всѣ земныя
Веленья, всѣ радости къ которымъ
Способно только сердце человека.
Я на двадцать четыре года въ правѣ
Располагать самимъ собой вполне,
И потому желаю въ эти годы
Узнать всѣ наслажденія земли
И ими упиваться до избытка;
Хочу чтобъ имя Фауста гремѣло
Во всѣ вѣка, пока не рухнулъ міръ
И солнце въ синемъ небѣ не угасло:
Чтобъ не было клочка земли такой
Гдѣ бъ это имя было неизвѣстно.

И прибавляетъ:

Теперь же, Мефистофель, я хочу
Самъ дѣйствовать, и въ жизни міровой
Творцомъ самостоятельнымъ явиться.

Но его самостоятельная дѣятельность является не чѣмъ инымъ какъ длиннымъ, занимающимъ два акта, рядомъ всевозможныхъ дурачествъ и пошлыхъ проказъ, рисующихъ

предъ нами совершенно другаго человѣка, а не того Фауста котораго мы слушали въ первомъ дѣйстви драмы.

Начнемъ по порядку съ продѣлокъ Фауста съ палой. Описанный въ *Народной Книгѣ* краткій эпизодъ посвѣщенія Фаустомъ Рима * и нанесенія во время обѣда личныя оскорбленія священнои особѣ палы, въ драмѣ Марло сильно ретаявуть, дополняемъ новымъ матеріаломъ и занимаетъ почти цѣлое дѣйствіе. Совершивъ съ Мефистофелемъ полетъ по небеснымъ сферамъ, Фаустъ вернулся на землю видимо въ самомъ игривомъ настроеніи духа, и непремѣнно хочетъ ознаменовать свое пребываніе въ Римѣ какою-нибудь притѣрною выходкой.

Пусть даже самъ владыка грозный Римъ
Узнаетъ, что такое докторъ Фаустъ,
Моимъ искусствомъ новымъ изумленный.

Мефистофель на устройство разныхъ продѣлокъ оказываетъ гораздо способіе чѣмъ на разрѣшеніе научныхъ вопросовъ. „Изобрѣтай,“ говоритъ онъ Фаусту,

Какое хочешь средство
И напруги пылчивый разумъ твой
Чтобы смутить весь праздыкъ чѣмъ-нибудь
И озадачить римскаго владыку.
Желаетъ ты, и клерикалы всѣ
Вдругъ будутъ съ обезьявьеи головою
И рожи уморительныя ставутъ
Творить передъ собраньемъ; прикажи,
И я на инквизиторовъ надѣну
Или колакъ дурачкій, или рога
Огромные къ ихъ головамъ приставаю.
Изобрѣтай какіе хочешь фарсы,
И ихъ исполню я безъ замедленья.

И дѣйствительно, фарсамъ и дурачествамъ въ Римѣ не было конца. Началось съ того что Фаустъ и Мефистофель, нарядившись кардиналами, освободили изъ оковъ и прелпроводили въ Германію анти-палу Бруно, котораго должна была постигнуть въ Римѣ смертная казнь. Потомъ во время обѣда во дворцѣ палы Фаустъ невидимкой становится за стуломъ палы и вырываетъ у него изъ-подъ носа лучшіе куски и выпиваетъ подносимые палой ко рту лучшія вина, и въ заключеніе награждаетъ его оплеухами,—словомъ, продѣлываетъ

* См. *Журн. Мин. Нар. Пр.* 10.

тъ же проказы что и Фаустъ *Народной Книги*. Такъ же какъ и въ *Народной Книгѣ* являются монахи предающие его душу проклятію; но Фаустъ и Мефистофель разговариваютъ лая, бросая цѣпь подъ ноги огонь и награждая ихъ побоями.

Третье дѣйствіе открывается собраніемъ во дворцѣ Германскаго императора. Фаустъ является ко двору императора, который осмыляетъ его знаками своего высокаго расположенія за чудесное освобожденіе Бруно „изъ рукъ закоренѣлыхъ враговъ“. Польщенный благосклоннымъ приемомъ, Фаустъ предлагаетъ всѣ свои услуги чтобы доставить развращеніе столь высокой особѣ.

Извольте пожелать,—и я готовъ
 Предъ вами выставить свое искусство:
 Я настѣжъ отворю предъ вами двери
 Въ пылающій и вѣчно срадамый адъ;
 Угрозыль дядьмъ я вызову оттуда.
 Приказывайте только, государь.

Императоръ проситъ Фауста „изъ мрака выдать призракъ Александра Великаго съ любовницей“. Тотчасъ же подъ звуки трубъ появляются Александръ, его любовница и Дарій. Это зрѣлище утѣшаетъ императора гораздо больше „чѣмъ еслибы Фаустъ подарилъ ему имперію другую“. Вслѣдъ за этимъ Фаустъ забавляетъ императора заколдовывая оленьи рога на голову заснувшему на окнѣ придворному Бенволио. Проникнутый чувствами признательности за доставленное Фаустомъ удовольствіе, императоръ восклицаетъ: „слѣдуй за мною, Фаустъ. Пока я буду живъ, въ благодарность за твою высокую заслугу ты будешь управлять Германскою имперіей и будешь пользоваться расположеніемъ могущественнаго Карла.“ Такимъ образомъ Фаустъ болѣе не страждущій сходаетъ * получающій плату за свои продѣлки, а придворный и правитель вѣднѣйшей имперіи.

Наконецъ то онъ получалъ власть которой добивался, но власть основанную не на могуществѣ всезнанія, а купленную путемъ фокусовъ и фарсовъ. Впрочемъ, власть эта оказалась фиктивной, ибо до послѣднихъ сценъ драмы мы видимъ Фауста за фокусами и продѣлками: то онъ продаетъ барышнику заколдованную лошадь, обращающуюся въ лучекъ содмы при вѣздѣ на ней въ рѣку, то даетъ себѣ отрывать

* Какимъ онъ является въ *Народной Книгѣ*.

вогу и унести ее, приемъ это оказывается, какъ и въ *Народной Книжѣ*, лишь дѣйствиель магическихъ чаръ; но проявляюся на сцену разные лица въ родѣ Лука, привороженка, цырюшкы и пр. и разказываютъ про Фауста что оны сдѣлаъ довь сына, обрѣталъ одново въ обьявлю, другому заколдовалъ да голову рога и пр. Вѣщаетъ мы видимъ его для дѣрѣ герцога Ангальтскаго, супругѣ коего оны змѣой доставель сѣбѣмъ виноградъ, посылалъ Мефистофеля въ Индїю, куда потъ моментально слеталъ * и прочель пробумое.

Добрый и злой гемїи, столь часто завѣщавшіе Фауста въ продолженіе перваго дѣйствїа, совершенно прекращаютъ свои посѣщенїа вплоть до послѣднихъ минутъ Фауста, что указываетъ на вполнѣ безработное и веселое настроеніе его духа. Въ вихрѣ разныхъ проделокъ и цырушекъ, Фаустъ совершенно забываетъ объ истекающемъ срокѣ своего контракта съ Мефистофелемъ. Впрочемъ, одинъ благожелательный старецъ на мгновеніе смущаетъ Фауста призывая его пока еще не поздно къ раскаянію, и заставляеть его вспомнить объ ожидающихъ его вѣчныхъ мукахъ ада.

О, я несчастный! восклицаетъ Фаустъ.—Что съ собой я сдѣлаалъ?

Ужъ скоро адъ всецѣпальна права

Завить надо мной и я услышу

Зловѣщїи голосъ: Фаустъ, будь готовъ!

Твоей маетъ встаетъ: идѣ же прямо въ тартаръ!¹

Мысль эта до того пугаетъ Фауста, что онъ удаленїи старца оны и „кается, и отчапвается разомъ“.—„О, что жь-члѣ дѣлать?“

Куда уйти отъ страшнѣи части ада?

восклицаетъ оны.

На эти слова появляется Мефистофель, не прежнїи льстивый и угодливый Мефистофель, но во всеоружїи бѣса, увѣрившаго что душа Фауста отъ него теперь не ускользметъ. Оны восклицаетъ:

Остановись, измѣндкы!—Возстаешь

Ты, бунтовщикъ, да моего владыку

И а тебя обаянь, обуздатель...

Сознайся въ меледушїи свѣдѣи,

Иль зубы ада, въ кающа разорвутъ

Твоей жалкїи трущъ.

Фаустъ тоже не прежнїи Фаустъ, угнѣшавшїи самого Мефистофеля, подавая ему примѣръ твердости и рѣшительности

* См. подобныя же проделки Фауста въ *Народной Книжѣ*.

и помѣщавшій въ адъ свой эдсгъ. Теперь онъ готовъ расписаться и чтобы вымолить прощенье у Люцифера согласенъ хотя вторично собственною кровью написать контрактъ. „Дукавый старикъ“, пытавшійся возстановить Фауста „противъ власти Люцифера“, долженъ, по требованію Фауста, подвергнуться за эту свою попытку мучительной казни. Впрочемъ, любовь къ наслажденіямъ и теперь беретъ перевѣсъ надо всеми другими чувствами закаливавшими было въ душѣ Фауста. Онъ вспоминаетъ образъ Прекрасной Елены, вызванный имъ недавно для студентовъ, и проситъ Мефистофеля вновь вызвать ее, но уже для того чтобъ она стала съ нимъ, Фаустомъ.

Есть у меня, ты вѣрный Мефистофель,
Упорное и жгучее желанье,
Такое что съ слезами я готовъ
Молить тебя его исполнить. Дай мнѣ
Въ объятіяхъ той багаторучной Елены,
Которую я видѣлъ, отдохнуть....
Склонясь лицомъ къ груди ея прекрасной
Я скорбь и все сомнѣнья позабуду
И сожалѣть не стану объ обѣтѣ
Меня связавшемъ съ адомъ за могилей.

Мефистофель моментально исполняетъ это цѣлостное порученіе Фауста, и Елена предстала предъ Фаустомъ во всей своей красѣ, между двумя амурами. Восхищенный видомъ земной красоты, Фаустъ изливаетъ предъ ней восторгъ свой въ такомъ патетическомъ монологе:

Вотъ, вотъ она, та женщина, чей образъ
Заставилъ мчаться сотни кораблей
И обратилъ въ большія груды пепла
Всѣ башни Иліона! Вотъ она
Прекрасная Елена; возврати же
Безсмертіе душѣ моей однимъ
Благоуханнымъ, жаркимъ поцѣлуемъ!
Жизнь новую уста твои вдохнутъ
Въ устаую грудь Фауста!—Не желаю
Съ тобою ни на мигъ я разставаться...
Гдѣ ты, тамъ уже яббо для меня,
И все что не Елена—прахъ и тѣнье...
Дѣ, я хочу Парисомъ быть твоимъ;
Тобой обладаа, вмѣсто Трои
Отдамъ я Виттенбергъ на разграбленье;

Я съ слабымъ Менелаемъ въ бою вступлю,
 Твои цѣпга носить на шеемъ буду;
 Я равю въ пещку гордаго Ахилла
 И возвращусь къ Еленѣ чтобы просить
 Единственной награды,—ночьбуау.
 Нѣтъ, ты одна, лишь только ты одна,
 Принадлежать должна мнѣ, быть моею.

Франсуа Викторъ Гюго въ своемъ предисловіи ко французскому переводу Фауста Марло находитъ что „трудно выразить въ стихахъ болѣе восхитительныхъ страсть Фауста къ античной красотѣ“. Онъ находитъ даже что эта страсть Фауста должна бы составлять главный сюжетъ пьесы Марло. „Слѣдовало бы, посвящаетъ онъ, показать намъ Германца-Фауста, превращеннаго въ Троянца-Париса, похищающаго на глазахъ зрителей дочь Леды, увозящаго ее въ свою готическую крѣпость и выдерживающаго тамъ какъ бы новую осаду Трои противъ коалиціи Грековъ“. Слѣдовало бы, мечтаетъ онъ далѣе, показать намъ Фауста сражающагося на сценѣ со слабымъ Менелаемъ, и проч.

Не беремса рѣшать насколько выиграла бы драма Марло еслибъ онъ поставилъ, такъ-сказать, въ центрѣ страсть Фауста къ прекрасной Еленѣ. Гюго утверждаетъ что въ приведенномъ лыкомъ монологѣ Фауста Марло хотѣлъ выразить его страсть къ античной красотѣ. Съ этимъ едва ли можно согласиться. Чувство Фауста къ прекрасной Еленѣ, какъ оно выражено въ драмѣ, самое реальное, протекающее изъ примаго желанія обладать ею, и истекаетъ вполнѣ логично изъ всей выраженной въ послѣднихъ трехъ актахъ драмы жизни Фауста, начиная съ того момента когда онъ заявилъ въ Ригѣ Мефистофелю что съ этихъ поръ онъ желаетъ явиться въ жизни самостоятельнымъ дѣтелемъ. Мы замѣтили что самостоятельная дѣятельность его проявлялась въ изобрѣтеніи шутокъ и проказъ часто самыхъ нецѣльныхъ, словомъ,—въ жизни беззаботной, въ свое удовольствіе. Такой Фаустъ, совершенно забывшій о наукѣ и вообще о какой-либо серьезной цѣли въ жизни, не могъ пылать отвлеченною страстью къ античной красотѣ. Народная Книга такъ намъ объясняетъ страсть Фауста къ прекрасной Еленѣ. „Damit nun der elende Faustus seines Fleisches züsten genügend raum gebe, fällt jm zu Mitternacht, als er erwachte, in seinem 23 verloffnen Jar, die Helena auss Grecia in Sinn, Derhablen er Morgens seinem

Geist anmanet; er sollte jm die Helenam darstellen, die seine Concubina seyn möchte.“ Изъ такихъ именно лобуждений и Фаустъ Марло слезно умоляетъ Мефистофела достать ему прекрасную Елену. Марло былъ совершенно чуждъ мысли „представить подобно Гёте мистическою связью доктора съ прекрасною Еленой *слиянiе души Среднихъ Вѣковъ съ античнымъ, — слиянiе, коего продуктомъ является современная литература.*“ * Въ томъ-то и дѣло что предварительное знакомство съ гениальнымъ произведенiемъ Гёте, если къ этому присоединится еще недостаточное знакомство съ содержанiемъ *Народной Книги*, легко можетъ натолкнуть на такое отвлеченное объясненiе факта отношенiй Фауста къ Прекрасной Еленѣ,—факта, реальныи колоритъ котораго въ драмѣ Марло не подлежитъ сомнѣнiю.

Союзъ съ прекрасною Еленой былъ послѣднимъ актомъ пресловутой самостоятельности Фауста. Приближается роковой срокъ адскаго контракта, Фаустъ призываетъ Вагнера и сообщаетъ ему о своемъ завѣщанiи которое онъ сдѣлалъ въ его пользу. Затѣмъ призываетъ своихъ друзей-студентовъ на прощальную пирушку, произноситъ предъ ними исповѣдь въ своихъ сношенiяхъ съ дьяволомъ и рисуетъ ужасную картину предстоящихъ мукъ.—Прощайте, заключаетъ Фаустъ.

Когда еще я проживу до завтра
То васъ, друзья, увижу; если жъ нѣтъ,
То значить, Фаустъ въ адъ переселился.

Ушли ученики и къ Фаусту является Мефистофель, совѣтующiй ему не надѣяться на прощение и „думать лишь объ адѣ какъ о своемъ послѣднемъ новосельѣ.“ Въ послѣднiй разъ вновь появляются два гениа, изъ которыхъ добрый,—показываетъ ему картину эдема, котораго онъ нынѣ лишень, а злой,—раскрываетъ предъ нимъ картину ада, котораго ему никакъ не миновать.

Испытывая въ своемъ воображенiи всѣ терзанiя вѣчныхъ адскихъ мукъ ожидающихъ его за гробомъ, мукъ,—которыя вотъ-вотъ должны наступить, Фаустъ свои волненiя изливаетъ въ слѣдующемъ замѣчательномъ по своей силѣ монологѣ.

* Mézières *Prédécesseurs et contemporains de Shakspeare*, стр. 150.

О, Фаустъ!

Одинъ лишь часъ тебѣ осталось жить,
 И обреченъ ты мука безконечной.
 Остановись каубащааяся бездна
 Небесныхъ сферъ! Пусть оборвется время
 И полночь не наступитъ никогда!
 Ты, око свѣтозарное природы,
 Взойди опять! О солнце, привеси
 Ты вѣчный день, иль этотъ часъ продлится
 Пускай хоть годъ, хоть мѣсяць, хоть недѣлю,
 Хоть даже день, чтобъ покааньемъ душу
 Себѣ сласти отъ муки я успѣлъ!
 O lente, lente currite noctis equi!
 Но звѣзды все вращаются, и время
 Бѣжитъ, бѣжитъ. Пробьютъ часы, и дьяволъ
 Придетъ за мной и я погибъ навѣки.
 О! а рванусь и буду въ небѣ! Кто же
 Все танеть внизъ меня? По темной тверди,
 Я вижу, кровь Христова разлилась.
 Лить капаю мнѣ одну,—и я спасемъ!
 О, мой Христосъ! Не устажи мнѣ сердца,
 Что я своимъ Христомъ его зову!
 Я звать его не перестану. Пощади,
 О Люциферъ! Но гдѣ же все? Исчезло.
 Передо мной грозаящая рука
 И ликъ грозаящій... О холмы! о, горы!
 Обруштесь на несчастнаго! сокройте
 Меня отъ тяжкой кары неба! Нѣтъ?
 Такъ въ землю я ударюсь головой,
 Земля раскройся! И земля не хочетъ
 Меня укрыть... О, звѣзды, вы свѣтили
 Когда родилася я; вѣянье ваше
 Опредѣляетъ смерть и адъ... Снимите
 Вы Фауста, какъ дымящій паръ, съ земли,
 И туча пусть въ своемъ тревожномъ чревѣ
 Меня сожжетъ, чтобы потомъ извергнуть
 Лить тѣло изъ дымящейся гортани.

(Часы бьютъ разъ.)

Ужь полчаса,—и скоро часъ! О, если
 Душа должна несть кару за грѣхи,
 Все жь пусть конецъ скорбямъ бессоннымъ будетъ!
 Пусть проживу въ аду тысячелѣтїе,
 Сто тысячъ лѣтъ,—и все жь потомъ спасусь;
 Но мукамъ душъ проклятыхъ нѣтъ конца.
 О, для чего я одаренъ душой?

Иль для чего моя душа безсмертна?
 О, Писаторъ! зачѣмъ твое ученье
 Несбыточно? Душа, во мной разоглашца,
 Вселиться въ звѣря дикаго когаа бы.
 Звѣрь счастливъ: умеръ—и душа его
 Въ стихіяхъ толетъ. А моя душа
 Все жить должна, чтобъ лыть отъ адской пытки.
 Будь прокляты родившіе меня!
 Нѣтъ, будь я проклятъ самъ! будь прокляты бѣды
 Меня лишившія радостей небесныхъ.

(Часть бѣжуща полагаетъ.)

Вѣтъ полночь! полночь! Распадись ты тѣло,
 Чтобъ дьяволъ не увялъ тебя въ геенну!
 Душа рассыпалась брызгами надъ моремъ
 И въ немъ неусладимо пропала.

(Грози. Приходятъ бѣсы.)

О сжался небо! не рази угрозою!
 Ехидны, зми! дайте мнѣ вздохнуть!
 Не разъвай ужасной пасти, адъ!
 Не приближайся Люциферъ! Сожгу
 Всѣ книги я свои... О, Мефистофель! *

Мы говорили что Марло творить вслѣдствіемъ своего гения. Въ этомъ неподражаемомъ монологе предъ нами олатъ вырастаетъ титаническая, необыкновенная личность Фауста, на долю котораго достались и необыкновенныя, нечеловѣчскія терзанія.

Что Марло несмотря на свое вольнодумство и безвѣріе осудилъ на вѣчныя муки вольнодумца и невѣрующаго Фауста, это вполнѣ понятно. Писателю той эпохи, а въ особенности драматическому необходимо было считаться съ духовною (епископальною) цензурою того времени; это несправедливое осужденіе дало повту дивный матеріалъ для замѣчательнаго драматическаго монолога. Между понятными являются слѣдующія назидательныя слова хора заключающія драму.

„Смотрите на его адское паденіе и пусть его дьявольская судьба предостережетъ мудреца изслѣдовать запретыя вещи: ибо, углубляясь въ нихъ, иной можетъ подумать что ему сдѣлаетъ дѣлать то что воспрещено Богомъ.“

Такое назидательное обращеніе къ читателю со стороны благочестиваго автора *Народной Книги* вполнѣ умѣстно, но

* Переводъ этого монолога я заимствовалъ изъ сочиненія *Английскіе поэты* состав. Гербелемъ, стр. 32—33.

подобныя назидательныя рѣчи въ устахъ Марло передавать какою-то фальшиво. Постараемся разрѣшить это недоразумѣнiе. При весьма незавидномъ положенiи театра въ XVI вѣкѣ и при довольно низкомъ нравственномъ уровнѣ его почитателей, театру часто подвергалась передѣлкѣмъ разныхъ лицъ и прибавленiямъ для того чтобы пригладившая уже театру вновь могла привлечь вниманiе публики. Известно что въ 1697 году нѣкому Деккеру назначено было двадцать шиллинговъ за измѣненiя въ рукописи Марло *. Изъ числа этихъ измѣненiй и добавленiй должно, полагаемъ, отнестись столько не подходящiя къ возрѣвнiямъ Марло заключительныя слова хора въ его драмѣ, а также и массу вставныхъ шутовскихъ сценъ, къ которымъ Марло высказывалъ самъ отвращенiе.

Теперь, когда мы окончили разборъ драмы Марло, мы оставимъ еще разъ на тѣхъ противорѣчiяхъ которыя нами были указаны. Мы обращали вниманiе на полную нестыдность характера самого героя драмы. Нестыдность и противорѣчiя,—главная особенность характера не только Марло, но и вообще людей Англіи XVI вѣка. Эти люди представляютъ странную смѣсь и высокаго и низкаго, идеальнаго и реальнаго, серьезнаго и шутовскаго, смѣсь противоположную отъ вліянiя идей возрожденiя и реформации на все еще грубыя и необузданныя натуры тогдашняго общества. Облительныя струи этихъ мировыхъ движенiй дали почувствовать потребность новой, лучшей жизни, новыхъ высшихъ стремленiй, но на радужѣ съ этими уживалось лустящее глубокіе корни наследство ередвѣтковаго грубаго быта. Тѣмъ ** рисуетъ англійское общество XVI вѣка указываетъ, между прочимъ, и на то какой матеріалъ для сцены оно представляло. „Чтобы стать въ уровень съ публикой, сценѣ необходимо представлять самыя нехотанныя картины и самыя разнузданныя страсти. Она должна непремѣнно показывать человѣка, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ желанiя, необузданнымъ, почти безушнымъ, то съ лихорадочною дрожью нежнрающаго неподвижнымъ вѣтромъ блуде трепещущее жнзнь тѣло, то стоящаго съ дикимъ скрежетомъ зубовъ предъ врагомъ котораго онъ готовъ растерзать, то выходящаго изъ себя и

* Старейшее, Предшественники Шекспира, 24 стр.

** Развитие политической и гражданской свободы въ Англии, т. I.

териющаго всякое сознаніе при видѣ благъ и почестей которыми бы ему самому хотѣлось; она должна показывать человѣка постоянно въ мятельномъ состояніи, охваченнаго вихремъ бурныхъ мыслей, иной разъ отдающагося стремительною веселости, но чаще близкаго къ бѣшенству и сумашествію, человѣка самаго сильнаго, пылкаго, самымъ отважнымъ образомъ идущаго напроломъ всего разсудочнаго и законнаго, однимъ словомъ, такого какого еще никогда не бывало. Въ этихъ драмахъ, такъ же какъ и въ современной имъ исторіи намъ чудится свирѣпое рычаніе: шестнадцатый вѣкъ похожъ на альпійскую пещеру." Характеризуя Англичанина XVI вѣка, онъ продолжаетъ: „Мы видимъ предъ собою цѣльнаго человѣка, съ сердцемъ, умомъ, тѣломъ и чувствами, съ самыми честными, самыми деликатными стремленіями, вѣротъ и съ самыми животными, дикими инстинктами, никогда не отступающаго ни предъ какимъ неотвратимымъ степеніемъ обстоятельствъ, которыя иногда выводятся на сцену и слышатся на героя затѣмъ чтобъ или возвысить его, или унижить.“

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о характерѣ втораго дѣйствующаго лица драмы, Мефистофела. Обративъ главное свое вниманіе на героя своей драмы, Марло оставилъ Мефистофела почти безъ измѣненія, такимъ какъ онъ является въ *Народной Книжѣ* Шпіса. Въ трагедіи Марло онъ, правда, говоритъ языкомъ болѣе отвлеченнымъ, болѣе научнымъ въ своихъ бесѣдахъ съ Фаустомъ объ адѣ. Но за то во всемъ остальномъ онъ является обыкновеннымъ тѣломъ дьявола, какъ выработался въ представленіи благочестивыхъ людей того времени.

Марло первый воспользовался богатымъ драматическимъ матеріаломъ нѣмецкаго сказанія о докторѣ Фаустѣ. Но матеріалъ этотъ не истинно неисчерпаемъ. Начиная съ XVI вѣка до наши дни и даровитые поэты, и посредственные не перестаютъ пробовать свои силы надъ этою богатою темой. И образованное общество въ продолженіе трехъ вѣковъ читаетъ и слушаетъ появляющіяся одна за другою драматическія обработки знаменитой легенды; и простой народъ восхищается тѣмъ же героемъ на народной сценѣ и на подмосткахъ кукольнаго театра.

КН. Н. ПИХОВСКОЙ.

УНИВЕРСИТЕТСКІЙ ВОПРОСЪ

Годъ тому назадъ, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія былъ окончательно выработанъ и приготовленъ ко внесенію въ Государственный Совѣтъ проектъ новаго университетскаго устава. Съ перемѣной, въ апрѣлѣ прошлаго года, Министерства дѣло объ университетскомъ преобразованіи естественно приостановилось. Будетъ ли оно возобновлено и въ какомъ видѣ, пока неизвѣстно, и университетскій вопросъ, возбужденный силою вещей, десять уже лѣтъ держитъ университеты въ шаткомъ переходномъ состояніи, подходившій казался къ разрѣшенію, но сей день остается во всей своей трудности, со всѣми своими недоразумѣніями. Отложенный проектъ прежняго Министерства представляетъ собой мыслъ лишь болѣе или менѣе любознательнѣйшій историческій документъ. О документѣ этомъ въ нашей печати можно встрѣтить не мало упоминаній, но большей части враждебнаго свойства. Проектъ этотъ нерѣдко выставляется чѣмъ-то чудовищнымъ, имѣвшимъ цѣлью сокрушить университетскія вольности, вѣчевые колокола университетскихъ совѣтовъ перевести въ заднюю комнату департамента Министерства Просвѣщенія подъ надзоръ департаментскаго инспектора, столоначальникамъ департамента предоставить выборъ профессоровъ, а студентовъ подчинять режиму кантонистскихъ школъ прежняго времени. Объ истинномъ,

содержаніи проекта не говорится ни слова, хотя значительное изъ него извлеченіе, не безъ нѣкотораго, правда, подбора, было напечатано, по какой-то игрѣ случая, на Кавказѣ въ *Обзоръ* издававшемся г. Николадзе и оттуда перешло и въ нѣкоторыя столичные изданія. Въ качествѣ члена Высочайше учрежденной въ 1875 году комиссіи по пересмотру устава университетовъ, я довольно дѣлательно участвовал какъ въ трудахъ комиссіи, такъ и въ составленіи текста проекта и объяснительной къ нему записки, и сабдоательно могу говорить о имѣвшемся въ виду планѣ преобразования съ достаточнымъ знаніемъ дѣла. Хорошо ли, дурно ли предполагавшійся проектъ, желательно чтобы сужденія о немъ основывались на подлинномъ его содержаніи. Считаю поэтому не лишнимъ ознакомить интересующихся дѣломъ читателей въ точномъ изложеніи съ главными постановленіями предполагавшагося преобразования и съ тѣми къ нимъ мотивами какіе заключаются въ *Сображеніяхъ* бывшаго Министерства и какіе по главнымъ вопросамъ высказывались въ комиссіи по пересмотру устава. Возможно что трудные вопросы, на которые вышло въ виду дать отвѣтъ новымъ предполагавшимся уставомъ, найдутъ нынѣ болѣе удачное разрѣшеніе. Дай Богъ! Но если дѣло наконецъ наладится, быть-можетъ когда-нибудь вспомнятъ и о тѣхъ людяхъ которые по крайнему разумнѣію своему усердно старались разъяснять трудный вопросъ объ условіяхъ и потребностяхъ нашего высшего образованія, не имѣя для своихъ плановъ никакой иной подкладки кромѣ частаго и искреннаго желанія чтобы наука процвѣтала въ нашемъ отечествѣ.

Обзоръ предположеній заключающихся въ означенномъ проектѣ, полагаю, удобнее всего сдѣлать въ слѣдующемъ порядкѣ: 1) по вопросу объ устройствѣ преподаванія и испытаній, 2) по вопросу о научныхъ силахъ университетовъ и ихъ матеріальныхъ средствахъ, 3) по вопросу о студентахъ и 4) по вопросу объ университетскомъ управленіи.

I

Успѣхъ преподаванія и воспитанія.

Вопросъ объ организаціи университетскаго преподаванія и воспитанія, вопросъ первенствующей важности для высшаго учебнаго заведенія, былъ предметомъ продолжительнаго и внимательнаго обсужденія въ комиссіи по пересмотру устава университетовъ, собранной въ Петербургѣ осенью 1876 года подъ предѣтельствомъ члена Государственнаго Совета И. Д. Давыдова. По вопросу о преподаваніи главнымъ предметомъ споровъ былъ вопросъ: приемлема ли въ нашихъ университетахъ германская система (практикуемая и въ Дармштатѣ) академической свободы преподаванія и ученія (Lehr und Lernfreiheit). Значительная часть членовъ склонялась къ мысли что студенты наши не находятся на той ступени зрѣлости чтобы имъ можно было предоставить свободный выборъ слушаемыхъ курсовъ и что поэтому необходимо болѣе школьный порядокъ обязательности лекцій въ рамкѣ курсоваго дѣленія наметываемаго факультетами. Защитники противнаго мнѣнія, къ которымъ принадлежалъ и я, находили что университеты наши устроенные по германскому образцу, при постепенномъ расширеніи объема преподаванія, необходимо идутъ къ свободной системѣ, и введеніе ея вмѣстѣ съ регуляторами, которые не дозволяли бы ей обратиться въ злоупотребленіе, было бы важнымъ шагомъ въ историческомъ развитіи нашихъ университетовъ. О томъ какъ ставился вопросъ въ комиссіи можно получить понятіе изъ того что было высказано мной въ запискѣ 2 октября 1876 года и занесено въ протоколъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„Въ нашихъ преніяхъ много говорилось о свободѣ ученія, но, прислушиваясь къ возраженіямъ противъ этой системы, нельзя не замѣтить что значеніе ея не вѣрны понимается односторонне и иногда представляется не совсемъ точно. Можно ли допустить, спрашивая, чтобы студенты распорядились факультетскими преподаваніемъ, распредѣляли предметы на группы и тѣмъ рѣшали задачу предъ которой останавливаются иже воспитанники? Кто, продолжая, лучше знаетъ, профессоръ или студенты, что требуется для приготовленія къ

той или другой профессіи? Принять систему свободы ученья не значитъ ли допустить что профессоровъ аттестуютъ студенты, а не начальство? Еслибы на самомъ дѣлѣ система свободы слушанія состояла въ томъ что устройство факультетскаго преподаванія предоставлялось, хотя бы косвенно, не профессорамъ, а студентамъ, то дѣйствительно это была бы очень страшная система и оставалось бы только удивляться, какимъ образомъ такая неслѣпая система можетъ не только держаться въ университетахъ считаемихъ лучшими въ мірѣ, каковы германскіе, но и распространяться въ другихъ странахъ и вводиться даже, какъ есть примѣры въ послѣднее время, въ спеціальныя политехническія школы. Очевидно что-нибудь не такъ. Студенты не распределяютъ факультетскаго преподаванія и имъ не завѣдуютъ, и аттестуютъ профессоровъ лишь настолько насколько, при всякой системѣ, ученики своими успѣхами и возбужденнымъ рвеніемъ аттестуютъ своего учителя. Но студенту предоставляется большая или меньшая свобода въ распредѣленіи не факультетскихъ, а *своихъ собственныхъ* занятій, сообразно съ опредѣлительно выраженными требованіями испытаній. Въ рекомендуемыхъ планахъ и въ предлагаемыхъ курсахъ онъ находитъ всѣ указанія и пособія чтобы, если имѣетъ охоту и прілежаніе, не только приобрести знанія требуемыя на испытаніяхъ, но и удовлетворить высшимъ требованіямъ любознательности. Предполагается что для молодаго человѣка въ возрастѣ студента вѣншее поужденіе не есть единственный возможный стимулъ занятій, что въ немъ присутствуетъ и внутреннее къ тому побужденіе, вызвать къ дѣятельности и удовлетворить которое главная задача преподаванія. Признается что школьный порядокъ веденія учащихся за руку со ступени на ступень по оставленной лѣстницѣ неисполнимъ въ университетѣ и не согласенъ съ самою сущностью учрежденія. Университетъ въ германскомъ смыслѣ (а по германскому образцу устроены и наши университеты,—обстоятельство которое надлежитъ ли на минуту не упускать изъ виду при обсужденіи нашихъ порядковъ) есть не только школа, имѣющая въ виду обученіе въ известной рамкѣ, но и научное учрежденіе, имѣющее въ виду движеніе науки. Такъ называемая академическая свобода, какъ всѣми признается, есть одно изъ главнѣйшихъ началъ университета въ этомъ смыслѣ. Въ чемъ состоитъ эта свобода? Она состоитъ изъ двухъ частей, свободы преподаванія и свободы слушанія.

„Первая есть свобода преподавателя вести преподаваніе по своей части безъ предписанной программы, въ объемѣ и по методу какъ указываетъ собственное убѣжденіе. Регулятивами правльнаго пользованія этою свободой служатъ: 1) то обстоятельство что преподаваніе данного предмета не есть монополія профессора этого предмета, и другіе могутъ объявлять курсы по той же области; 2) то что преподаватель не имѣетъ слушателей приписанныхъ къ его курсу и имъ изъ этого курса экзаменуемыхъ. Прямымъ орудіемъ првлеченія слушателей должно, предполагается, служить достоинство чтеній удовлетворяющихъ любознательности ищущихъ наученія; косвеннымъ,—приспособленность къ испытательнымъ требованіямъ (установленнымъ, а не исходящимъ отъ самого читающаго профессора) и поятная необходимость, а иногда и вѣдшее обязательство для имѣющихъ въ виду экзамень—прослушать курсъ по главнымъ требуемымъ дисциплинамъ. Наконецъ, существенная черта системы свободнаго преподаванія есть преподаваніе призвать-доцентовъ, пополняющее и стимулирующее профессорское преподаваніе.

„Свободу ученія можно охарактеризовать словами дерптскихъ постановленій (въ Дерптѣ свобода эта практикуется въ болѣе широкомъ смыслѣ чѣмъ во многихъ мѣстахъ Германіи): „Выборъ въ слушаніи университетскихъ лекцій и научныхъ упражненій, расписание которыхъ каждый семестръ при наступленіи вакаціи вывѣшивается на черной доскѣ и при началѣ семестра издается въ свѣтъ, предоставляется свободному обсужденію студента, причемъ рекомендуется воспользоваться совѣтомъ профессоровъ-спеціалистовъ и принимать во вниманіе распределеніе и порядокъ предметовъ, сообразно съ указаніями учебнаго плана и постановленіями исходящими отъ факультетовъ“. Главнымъ регулятивомъ этой свободы служатъ экзаменныя требованія, для удовлетворенія которымъ главное средство посѣщеніе курсовъ и занятія подъ руководствомъ профессоровъ. Для устраненія злоупотребленій свободой и ошибокъ со стороны молодыхъ людей, болѣе или менѣе несознанныхъ, допускаются въ разныхъ мѣстахъ различныя ея ограниченія, иногда значительныя. Ограниченія имѣютъ прежде всего въ виду устранить вполне ложную мысль что свобода ученія есть *свобода не учиться*, тогда какъ это есть допущеніе извѣстной самостоятельности въ

занятіемъ молодаго человека: не существуя для занятія признаются необходимыми условіемъ для именующагося студентомъ. Ограниченія иногда опредѣляютъ минимумъ часовъ на какой должнъ записаться студентъ, чтобы семестръ былъ зачтенъ; иногда указываются предметы какіе непременно должнъ прослушать въ пребываніе свое въ университетѣ, дабы быть допущеннымъ къ экзамену; вообще по буквѣ установленій всегда требуются свидѣтельства профессоровъ объ исправномъ посѣщеніи набраннымъ часамъ и рекомендація в приложеніи. Гдѣ система укоренилась давно и даетъ въ общемъ несомнѣнно благіе результаты, ограниченія эти обыкновенно имѣютъ лишь формальное значеніе и на частыя злоупотребленія не обращается вниманія. Не было бы противорѣчіемъ съ системою еслибъ устраненіе злоупотребленій служило предметомъ внимательной заботы. Истинное основаніе академической свободы въ томъ что университетское преподаваніе, какъ преподаваніе вообще, имѣющее прежде всего въ виду интереса науки и ея развитіе, предлагается по необходимости далеко выходящимъ изъ рамокъ требованій какія могутъ быть поставлены для различныхъ профессій къ которымъ готовятъ себя большинство студентовъ.

„Эта область высшихъ ступеней преподаванія, не могущая ни для кого быть обязательною, не подлежитъ регламентаціи: по существу она должна быть свободна. Съ другой стороны, студенты въ своей лучшей части, составляющей главную надежду университета, имѣютъ въ виду не только пріобрѣтеніе требуемыхъ экзаменомъ свѣдѣній, но и удовлетвореніе любознательности. Она выходитъ въ замѣтнѣе своихъ за рамки экзаменныхъ требованій и изучаетъ многое кромя того, согласно своему влеченію и можетъ-быть призванію. Область такихъ высшихъ ступеней студентскихъ занятій также по существу не подлежитъ регламентаціи и есть дѣло свободнымъ успѣмъ молодаго ума и можетъ-быть таланта. Предписанныя занятія не должны быть въ ущербъ и въ подавленіе этихъ свободныхъ занятій особенно плодотворныхъ. Не польза ли школьнымъ студентамъ университетаго преподаванія отдѣлаться отъ нещадныхъ границъ обязательности? Курсы ведущіе къ удовлетворенію экзаменныхъ требованій могутъ быть обязательными; курсы вмѣстѣ и спеціальныя необязательны. Но можно ли предписать профессорамъ и студентамъ дѣлать-ся такимъ образомъ? Оба элемента университетскаго препода-

даранія, школьный и академическій, такъ слетаема между собой что поставилъ между ними невозможнo. Разнообразіе условій тутъ таково что не поддается суррогату, и раздробленіе было бы по преимуществу въ ущербъ вышней, необязательней части какъ со стороны профессоровъ, такъ и со стороны студентовъ. Организовать курсы съ такою точна вѣрностію задача едва ли разрешималась: усилія навязать те или другое рѣшеніе ее могли бы прогнать научный духъ изъ университетскаго преподаванія. При светомъ освободы ученія дѣло регулируется само собой и въ него вносятся естественная цѣлительная сила противъ уклоненій и злоупотребленій. Такое разрешеніе вопроса объ устройствѣ преподаванія и занятій дастъ на практикѣ, гдѣ оно принято, хорошіе плоды. Теоретически построены можно придумать много, но если шевтъ въ виду практику и исторію, то надлежитъ обращаться къ живымъ явленіямъ и изъ изучать.

„А чѣмъ гордится исторія нашихъ учрежденій? Уставомъ 1804 года университеты наши организованы по германскому образцу. Иностранные профессора, названные преимущественно изъ Германіи и между которыми бывали европейскія знаменитости, естественно прилепили на русскія кафедры германскіе взгляды на университетскіе порядки, особенно въ дѣлѣ преподаванія. Отношенія начальства къ университетамъ, завѣдывавшимъ къ тому же и учебными заведеніями округа, были (за нѣкоторыми исключеніями, какъ помечено у Мухоморова въ Москвѣ) болѣе или менѣе отдаленныя. При патріархальности отношеній не было въ обычаѣ стѣсняться параграфами устава, не въ преподаваніе было принято не вмѣшиваться. Невмѣшательство въ этомъ отношеніи сдѣлалось однимъ изъ коренныхъ преданій нашихъ университетовъ.

„Уставъ 1835 г., болѣе чѣмъ его предшественникъ примароменный къ потребностямъ дѣйствительности, хотя и построенный на менѣ широкихъ основаніяхъ, ввелъ въ университетскія постановленія главу о попечителѣ (не бывшую въ уставѣ 1804 г.) и поставилъ попечительскую власть въ байкайшер союзикосовеніе съ университетомъ, сосредоточивъ въ ней нити управленія. Попечитель сталъ начальникомъ и главой. Тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе и обычая и общаго университетскаго строя, вмѣшательство попечительской власти наименѣе касалось преподаванія, и въ расположеніи его профессоръ не бывалъ стѣсняемъ. Попечитель посѣщалъ

лекція, экзамены, выражалъ похваламъ, порицанія, выѣшивался иногда въ мелочи дѣла, но серьезно на него не вліялъ. Первоначально данный въ основѣ своей германскій строй нашихъ университетовъ сохранился по отношенію къ преподаванію и подѣ уставомъ 1835 года. Лучшее тому доказательство—возмущенная у министра Уварова въ сороковыхъ годахъ мысль ввести въ нашъ университетъ германскую свободу слушанія и приблизить нашъ порядокъ къ тому какъ принято въ германскихъ университетахъ. Замыселъ не осуществился, но общій строй нашъ не представлялъ никакого препятствія къ его осуществленію, и то что во Франціи, напимѣръ, было бы радикальною перемѣной, у насъ могло бы быть введено безо всякой ломки учрежденій. Проектъ впрочемъ не былъ вызванъ какими-либо потребностями дѣятельности. Тотъ порядокъ который, сохранившись доселѣ, ведетъ нынѣ къ большимъ затрудненіямъ, въ эпоху господства устава 1835 года такихъ затрудненій не представлялъ. Профессоровъ было сравнительно немного, преподаваніе почти не дробилось, читаемое выѣщалось въ рамкѣ требованій, о литографіяхъ и поминку не было.

„Многое перемѣнилось съ уставомъ 1863 года. Число кафедръ быстро и сильно возрасло. Имѣлось въ виду широкое развитіе преподаванія и установленіе, параллельно съ преподаваніемъ штатныхъ преподавателей, преподаванія приват-доцентовъ, допущенныхъ какъ новый институтъ, на который возлагались большія надежды. И хотя приват-доцентство въ точномъ смыслѣ пока не привилось, значительное расширеніе преподаванія тѣмъ не менѣе состоялось. Это былъ сильный шагъ направленный на путь къ академической свободѣ, смыслъ которой мы стараемся указать выше. Въ настоящее время предстоитъ или идти впередъ и принять систему къ которой насъ все приближаетъ, или повернуть назадъ и на другой путь: сократить число кафедръ и подчинить преподаваніе регламентаціи и выѣнительству, отступивъ отъ одного изъ коренныхъ преданій нашихъ университетовъ. Остаться при нынѣшнемъ порядкѣ на долго едва ли удастся. Затрудненія въ дробленіи преподаванія будутъ возрастать, а если осуществить институтъ приват-доцентовъ и измѣнить систему испытаній, то система академической свободы въ ея полномъ составѣ сдѣлается необходимою. Введеніе ея можно острожить, но при правильномъ развитіи нашей университетской жизни оно неотразимо.

„Всякая система имѣетъ свои недостатки. Но когда принята система опредѣленная, тогда и недостатки ея сознаются ясно, и вопросъ приводится къ тому какія мѣры могутъ быть приняты чтобы въ практическомъ примѣненіи параллелизовать эти недостатки. Какіе недостатки системы академической свободы преподаванія и ученья? Недостатки эти тѣ самые какіе на практикѣ замѣчаются при вышедшей нашей системѣ: съ недостатками свободной системы мы знакомы, незнакомы лишь съ ея достоинствами. Относительно свободы преподаванія возможно опасеніе чтобы курсы не сдѣлались болѣе или менѣе случайнымъ скопленіемъ чтеній по разнообразнымъ предметамъ, вмѣсто того чтобы быть ихъ систематическимъ соединеніемъ. Этотъ недостатокъ возможенъ, иногда замѣчается и при нашей системѣ, но регулятивы способные его устранить у насъ отсутствуютъ. Злоупотребленія свободы ученья суть непосѣщеніе лекцій и небрежность занятій. Но развѣ не замѣчаются эти недостатки при нашей обязательной системѣ, и еще въ какихъ размѣрахъ! Отдавая предпочтеніе системѣ свободнаго слушанія предъ системой принужденія, ректоръ Дёрлтокаго университета замѣчаетъ: „еслибы даже можно было достигнуть, посредствомъ строгаго контроля, правильнаго посѣщенія студентами лекцій, то все же никакое предписаніе не можетъ быть ручательствомъ вниманія и духовной восприимчивости слушателей. Меньшее число по своей волѣ являющихся и внимательныхъ слушателей сдѣдуетъ предпочесть недѣятельному, принужденно присутствующему меньшинству. Свобода слушанія дѣйствуетъ благоприятно и на преподающаго: онъ знаетъ что его лекціи будутъ посѣщаться лишь въ томъ случаѣ если представлять слушателю что-либо дѣйствительно самостоятельное, чего нельзя замѣнить учебникомъ.“

„Если признать основательнымъ опасеніе чтобы переходъ отъ системы обязательнаго слушанія къ системѣ свободнаго не произвелъ, особенно на первыхъ порахъ и въ младшей части студентовъ, нежелательныхъ уклоновъ отъ посѣщенія курсовъ, то переходъ этотъ могъ бы быть обставленъ значительными ограниченіями, которыя на дѣлѣ были бы дѣйствительно вышедшаго фактивнаго принужденія. Можно было бы студентовъ первыхъ семестровъ обязать слѣдовать учебнымъ планамъ составленнымъ факультетами и утвержденнымъ по внимательномъ разсмотрѣніи, свободу же выбора

предоставить послѣ перваго испытанія производимаго съ контрольною цѣлью. Можно было бы требовать профессорскаго просмотра и утвержденія листа въ которомъ студентъ означилъ избранныя имъ на данный семестръ чтенія. Можно было бы придать серьезное значеніе отыѣткѣ профессора о посѣщеніи чтеній и пролежаніи въ занятіяхъ, вообще ввести (например, помощью системы руководителей) цѣлѣный контроль за занятіями какъ студентовъ, такъ и самокомитныхъ, но конечно стараюсь при этомъ не стѣснять индивидуальныя особенности и самостоятельности занятій учащагося.

„Согласно нашимъ порядкамъ принимается одинъ регулятивъ и профессорскаго преподаванія, и студентскихъ занятій: надзоръ факультета. Надзоръ и распоряженіе факультета представляются универсальнымъ средствомъ. Предоставить усмотрѣнію факультета наметенъ простѣйшимъ распоряженіемъ всякъ трудный вопросъ учебнаго дѣла. При этомъ отвѣтственность распорядителей умѣняется утвержденіемъ распоряженія со стороны начальства. Но какъ бы ни были бдительны факультеты, есть стороны дѣла, и притомъ особенно важныя, которыя не могутъ быть представлены ни чьему усмотрѣнію, хотя бы и съ утвержденіемъ начальства, и которыя должны быть *прочно организованы*. Такое звѣренное дѣло, такое выборъ определенной учебной системы.“

Въ ближайшей связи съ вопросомъ о свободѣ преподаванія и ученія стоитъ вопросъ объ устройствѣ испытаній для молодыхъ людей прошедшихъ университетскій курсъ. Члены комиссіи защищавшіе свободную систему находили что съ ней въ нашихъ университетахъ не совместиы испытанія въ нынѣшней ихъ формѣ, то-есть производимыя всеми преподавателями, каждымъ по своей части изъ того что имъ прочтано, и предлагаши, отдѣлявъ испытанія отъ текущаго преподаванія, поручить ихъ особымъ комиссіямъ по назначенію министра (какъ это въ общихъ чертахъ было предложено бывшимъ министромъ Народнаго Просвѣщенія въ высшей правительственной комиссіи собиравшейся въ 1874 году подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря (нынѣ графа) П. А. Валуева). Къ мнѣнію объ устройствѣ экзаменнахъ комиссіей присоединился и предсѣдатель университетской комиссіи, И. Д. Деляновъ, много аѣтъ тому

назадъ, еще въ бытность его полечителемъ Петербургскаго учебнаго округа, указывавшій на недостатки нашихъ экзаменныхъ порядковъ и предлагавшій мѣры къ ихъ устраненію. Соображенія какими защитники системы экзаменныхъ комиссій подкрѣпляли свое мнѣніе были ими, въ засѣданіи 10 октября 1876 г., выражены въ слѣдующей формѣ:

„Принятая нынѣ въ нашихъ университетахъ система испытаній въ существѣ своемъ приводится къ тому что текоть лекцій большею частью служить и текотомъ испытанія. Испытаніе есть релетиція, съ помощью которой преподаватель читавшій курсы убѣждается насколько у испытуемаго сохранилось въ памяти то что было сказано съ кафедръ. Записанныя со словъ профессоровъ лекціи часто бываютъ въ зависимости отъ болѣе или менѣе случайнаго состава курсовъ и не рѣдко безъ систематическаго соответствія между главнымъ и второстепеннымъ. Составленныя на основаніи лекцій тетради обыкновенно литографируются и притомъ нерѣдко въ крайне неудовлетворительномъ видѣ, съ искаженіями доходящими до нечлѣпостей. Студенты запасаются этими тетрадями и усваиваютъ ихъ на память преимущественно въ промежуткахъ между экзаменами. Программа испытательныхъ требованій есть обыкновенно оглашеніе прочитанныхъ матерій.

„Даже и въ томъ случаѣ когда текоть курсовъ, по которому приготовляются студенты, былъ бы свободенъ отъ вышнихъ недостатковъ и представлялъ бы собой точную и полную передачу хорошо обработанныхъ лекцій, то и тогда такая система испытаній едва ли могла бы быть признана удовлетворительною. Дѣйствительно:

„1) Полагая такую систему въ основу экзаменнаго дѣла, нельзя при вестѣспенномъ преподаваніи устранить несообразность частей и достичь того чтобы занятія студентовъ прежде всего сосредоточивались на усвоеніи существеннаго, второстепенное же получало приличествующій ему вѣсъ и не подавало главнаго. При университетскомъ, сабдевательномъ, самостоятельномъ и критическомъ преподаваніи весьма многое, излагаемое съ кафедры, служа къ развитію и руководству слушателя, не можетъ однако требоваться при испытаніи; съ другой стороны есть очень многое что студентъ долженъ приобрѣсти собственными занятіями и что не можетъ

быть приобретено слушаніемъ чтеній, хотя бы выслушанное осталось слово въ слово въ памяти. Между тѣмъ этотъ людъ собственныхъ занятій, приобретаемый *при помощи* лекцій, но не чрезъ посредственное ихъ заучиваніе, долженъ составлять существенную часть экзаменныхъ требованій. Испытаніе должно быть ловѣркой не того что удержано лишь памятью изъ прочитанныхъ лекцій, но результатомъ всего что усвоено студентомъ въ теченіе курса, путемъ какъ слушанія лекцій, такъ и собственнаго изученія научныхъ сочиненій, путемъ практическихъ работъ, занятій въ семинаріяхъ и т. д. И въ гимназіяхъ испытаніе зрѣлости дѣлается не изъ памяти, а изъ того что стало прочнымъ достояніемъ учащагося. Тѣмъ болѣе такъ должно быть въ университетѣ. Много проходитъ чрезъ голову учащагося въ теченіе курса; памятью можетъ быть удержано лишь или самое существенное, или по чему-либо привлекавшее къ себѣ особую напряженность вниманія. Остальное какъ бы исчезаетъ. Но если занятія были усердны и правильны, то они оставляютъ свой прочный слѣдъ въ общей научной зрѣлости сужденій и свѣдѣній по отношенію къ данному предмету. При испытаніяхъ исключительнаго изъ прочитаннаго имѣнно эта существенная сторона дѣла легко можетъ остаться и обыкновенно остается въ вниманіи.

„2) Такая система нерѣдко дѣлается, по отношенію къ испытанію, бесполезными студентскія занятія другія кромѣ затверживанія экзаменнаго текста, какъ-то: внимательное чтеніе книгъ, изученіе капитальныхъ сочиненій и т. д. Студентъ твердо знающій текстъ лекцій всегда имѣетъ 'большій шагъ' предъ студентомъ хотя бы и много занимавшимся и усвоившимъ сущность предмета, но недостаточно удержавшимъ въ памяти фактъ служившій для приготовленія. Между тѣмъ главнѣйшая цѣль, къ какой надлежитъ стремиться относительно занятій нашихъ студентовъ, есть имѣнно то чтобы занятія эти не ограничивались затверживаніемъ курсовъ въ теченіе экзаменнаго періода, а производились правильно въ теченіе всего университетскаго курса. Что можетъ побуждать студентовъ постоянно заниматься въ теченіе всего курса, если на экзаменѣ рѣшающее и почти исключительное значеніе имѣетъ это затверживаніе тетрадей предъ самымъ экзаменомъ? Министертво и разныя комиссіи учреждавшіяся по Высочайшимъ повелѣніямъ, совершенно основательно настаивали на привлеченіи студентовъ къ правильнымъ, по-

стояннымъ и самостоятельнымъ научнымъ занятіямъ,—привлеченіи, которое еслибъ осуществилось имѣло бы и въ нравственно-политическомъ отношеніи благотворныя послѣдствія. Но настоящія эти относительно массы студентовъ остались безъ послѣдствій. Главная причина такой неудачи заключается въ томъ что при нынѣшней системѣ испытаній занятія постоянныя и методическія не составляютъ необходимаго условія дабы выдержать испытаніе изъ данного предмета, ибо проверяется не плодъ этихъ занятій, а главнымъ образомъ плодъ вчерашнихъ усилій памяти. Сверхъ того, при нашемъ прикрѣпленіи испытанія къ тексту прочитаннаго испытаніе приобретаетъ чрезвычайную узость: экзаменаторомъ можетъ быть только читавшій; выдержать экзаменъ можетъ только знакомый съ текстомъ прочитаннаго; знаменитый ученый, знатокъ своего предмета, иногда будетъ не въ состояніи проэкзаминовать начинающаго студента, да и самъ могъ бы не выдержать подобнаго испытанія, еслибы былъ подвергнутъ оному.

„3) Такая система можетъ способствовать лишь приобретенію знаній *поверхностныхъ*. При испытаніи, для котораго, по многимъ предметамъ, подготовка въ нѣскольکو дней предшествующихъ экзамену есть необходимое условіе, — знаніе, прочно приобретенное, не различается рѣзко отъ только-что воспринятаго и имѣющаго скоро исчезнуть; недостаточное усвоеніе главныхъ сторонъ науки заслоняется удержаніемъ въ памяти многихъ свѣдѣній, кои безъ усвоенія этихъ основаній лишены почвы и остаются въ области полужнанія и полупониманія. Трудно оспаривать что проверка вполнѣ усвоеннаго знанія главныхъ сторонъ даннаго предмета которая легко и скоро можетъ быть сдѣлана при испытаніи не прикрѣпленномъ къ извѣстному тексту во всякомъ случаѣ полезнѣе испытанія поверхностныхъ знаній, хотя бы по самой широкой программѣ. Проверка эта и научно несравненно выше, хотя бы съ виду и казалась элементарною.

„4) Нынѣшняя система дѣлаетъ составленіе литографированныхъ тетрадей и подготовку исключительно по нимъ къ экзамену удобствомъ въ такой степени важнымъ что весьма трудно вывести ихъ изъ употребленія. Между тѣмъ такіа литографія, если онѣ даже составлены удовлетворительно, способствуютъ привычкѣ студентовъ заниматься не по печат-

вымы съочиненіямъ и руководствамъ (черезъ что вредятъ даже самому развитію учебной литературы) и отклоняютъ отъ посвященія лекцій. Важная задача—поднятіе студентскихъ занятій, сводится главнымъ образомъ къ тому чтобы вмѣстѣ съ развитіемъ практическаго элемента въ университетскомъ обученіи направить труды студента къ пользованію научнымъ матеріаломъ высшаго достоинства. Первый шагъ на этомъ пути—болѣе правильное распредѣленіе занятій студентовъ и уауашеніе учебнаго текста служащаго имъ для приготовленія къ испытаніямъ.

„Устраняя совершенно вопросъ о злоупотребленіяхъ или о дурномъ примѣненіи системы, вышеозначенные члены находятъ что недостатки связанныя съ сущностію настоящей системы столь значительны что устраненіе ихъ есть дѣло первой необходимости и устройство болѣе правильной системы испытаній, которая повела бы за собою поднятіе занятій студентовъ, есть вопросъ калитальной важности, основой въ дѣлѣ университетской реформы.

„Всѣ члены комиссіи признали въ главныхъ чертахъ необходимость существенныхъ измѣненій въ нынѣшнемъ порядкѣ производства испытаній съ цѣлью достигъ того чтобы:

„а) Испытательныя требованія, заявляемыя вполне опредѣлительно, были заранѣе извѣстны учащимся и были одинаковы для всѣхъ университетовъ.

„б) Чтобы въ испытаніи (не только свѣдѣній, а также навыка къ занятіямъ и прибрѣтеннаго умѣнья) письменный и практическій элементы получили надлежащее значеніе, а устный не имѣлъ нынѣшняго преобладающаго вліянія.

„в) Чтобы испытаніе сосредоточивалось на существенномъ и требовало основательнаго знанія главныхъ сторонъ предмета, а для того производилось безъ раздѣльной подготовки, заразъ изъ цѣлой группы предметовъ и вело къ оцѣнкѣ совокупности познаній испытуемаго отвѣчающаго предъ собраніемъ экзаминаторовъ.

„Если признать эти начала, а не признать ихъ едва ли возможно, то очевидно что для серіознаго ихъ осуществленія весь характеръ нынѣшнихъ испытаній долженъ измѣниться. Испытаніе должно сдѣлаться испытаніемъ изъ предмета, а не исключительно изъ лекцій, не все читаемое должно быть введено въ требованія испытанія и не всякій читающій долженъ имѣть непрѣмѣнную какъ нынѣ долю въ экзаменѣ. Если

требовать испытанія не по малымъ частямъ и безъ промежутокъ въ несколько дней, то испытаніе и оцѣнка знаній не могутъ быть таковы какъ теперь при раздробленномъ экзаменѣ. Призвать въ качествѣ экзаминаторовъ всѣхъ читавшихъ на данномъ отдѣленіи или факультетѣ и спрашивать все прочитанное, экзаменъ же сосредоточить изъ цѣлой группы предметовъ въ одинъ день или много въ два-три для сѣдующіе сразу другъ за другомъ, это значило бы наложить на студентовъ невыносимое бремя. На практикѣ это тотчасъ же обнаружало бы несостоятельность системы и вновь вернуло бы университеты къ нынѣшней дробности экзаменовъ. Если письменный и практическій элементы получать свой полный вѣсъ, то приготовленіе къ экзамену потребуетъ многого, кромѣ знакомства съ текстомъ лекцій, а съ другой стороны сдѣлаетъ излишнимъ требованіе подробнаго знанія именно этого текста, приобретающаго въ такомъ случаѣ значеніе пособія, а не исключительнаго источника. Принявъ указанныя начала, было бы несправедливо и невозможно спрашивать отъ студента чего-либо инаго, кромѣ хорошо усвоеннаго знанія основъ данного предмета въ указанномъ объемѣ; было бы несообразно требовать подробнаго знанія того изложенія какое сдѣлано въ этомъ году профессорами университетовъ гдѣ происходитъ экзаменъ и при оцѣнкѣ возмѣщать отсутствіе знанія главныхъ основаній науки знаніемъ тѣхъ или другихъ подробностей прочитаннаго. Другими словами, *испытаніе не должно быть прикрѣплено къ текущему преподаванію*. Иначе указанныя цѣли при широкомъ и свободномъ преподаваніи недостижимы. Или преподаваніе должно подвергнуться отъсеченію, быть приведено въ строго указанныя рамки съ производствомъ испытаній обязательно по тексту признаваемому, одобренному и врученному студенту, а не по тексту свободно читаемыхъ лекцій, или же экзамены должны быть отдѣлены отъ текущаго преподаванія и производимы не изъ прочитаннаго, а изъ основныхъ данныхъ каждаго предмета.

„Поляза отдѣленія испытаній отъ текущаго преподаванія указана высшею комиссіей 1874 года. Комиссія эта признала цѣлесообразнымъ воспользоваться предложеніями г. министра Народнаго Просвѣщенія: не стѣсняя свободы университетскаго преподаванія, ограничиться отдѣленіемъ выпускныхъ университетскихъ испытаній отъ текущаго преподава-

нія чрезъ учрежденіе особыхъ экзаминаціонныхъ комиссій по назначенію министра Народнаго Просвѣщенія и съ приглашеніемъ депутатовъ отъ другихъ вѣдомствъ. Едва ли было бы согласію съ предположеніемъ объ отдаленіи испытаній отъ текущаго преподаванія и производства экзаменовъ въ особыхъ комиссіяхъ предположеніе тѣхъ членовъ настоящей комиссіи которые полагаютъ что *читавшіи* профессора должны быть непремѣннымъ экзаминаторомъ и производить испытаніе изъ своего курса при ассистентѣ и деканѣ съ присоединеніемъ, буде угодно, стороннихъ лицъ, присутствующихъ въ качествѣ наблюдателей, но безъ голоса при испытаніи и отбѣкѣ.

„Если основнымъ началомъ экзаменной системы принять что экзаминаторомъ долженъ быть читавшій преподаватель, спрашивающій изъ того что онъ читалъ, то это значило бы не только сохранить нынѣшнюю систему студентскихъ испытаній и занятій со всѣми *признанными* недостатками, но и укрѣпить ее новымъ закономъ; въ такомъ случаѣ дѣйствующая нынѣ система была бы признана удовлетворительною и получила бы новую силу. Между тѣмъ весь узелъ дѣла именно въ томъ чтобы не закрѣплять приготовленія и испытаній студентовъ за прочтениемъ текстовъ, и слѣдовательно въ томъ чтобы не дѣлать читавшаго какой-либо курсъ профессора непремѣннымъ экзаминаторомъ и тѣмъ болѣе не превращать экзамена въ спрашиваніе всѣми читавшими всего что они прочли не будучи ничѣмъ отсылаемы въ своихъ чтеніяхъ. По мнѣнію пяти членовъ, улучшение можетъ быть достигнуто только мѣрою или предлагаемою, которая не могла бы остаться безъ послѣдствій.

„При экзаменахъ въ комиссіяхъ оставленныхъ на вышеозначенномъ основаніи задачи правильной системы испытаній, какія указаны выше и важность коихъ признала всѣми членами комиссіи, могутъ быть достигнуты сравнительно легко, тогда какъ при экзаменахъ читавшими профессорами изъ прочтавшаго или онѣ трудно достижимы. Экзаминаторы по данной области составляющіе немногочисленную комиссію легко могутъ произвести испытаніе со обща, знакомясь со всею совокупностью знаній испытуемаго, итѣя предъ собою цѣлаго человѣка, убѣждаясь въ знаніи основъ предмета и съ разумною снисходительностію относясь къ пробѣламъ, давая въ случаѣ надобности точныя указанія что, какъ и въ какой срокъ подлежитъ пополненію, дабы ис-

пытаніе могло быть признано удовлетворительнымъ. Комиссія, имѣя предъ собой одновременно небольшое число экзаменующихся, легко можетъ дать письменной (на дому и клаузуальной) и практической формамъ испытанія надлежащій вѣсъ и допускать къ устному испытанію лишь удовлетворившихъ требованіямъ письменнаго и пракческаго испытанія. Крайне сомнительно чтобы можно было справиться съ письменнымъ и практическимъ элементомъ испытанія при вышней системѣ экзаменовъ, какъ бы ни стараться вліять на нихъ предписаніями и указаніями. Нынѣ, напримѣръ, министерствомъ и университетами признано и заявлено—требовать отъ каждаго кончающаго курсъ кандидата и дѣкаря знанія одного изъ новыхъ иностранныхъ языковъ въ той степени чтобы онъ могъ свободно читать книги по своей специальности. Но это требованіе не дало до сего времени никакихъ практическихъ результатовъ.

„Недостатки нашихъ экзаменовъ сознаются уже давно. Вопросъ въ томъ какъ устранить эти недостатки. Факультеты время отъ времени принимали мѣры къ установленію болѣе правильной системы испытаній, но мѣры эти обыкновенно не имѣли удачи и опять отмигивались. Если взглянуть ближе, то не трудно усмотрѣть что одна изъ главныхъ причинъ такихъ неудачъ заключается въ томъ что факультеты, по отношенію къ своимъ членамъ, не были въ состояніи отрѣшиться отъ мысли что каждый читающій есть экзаменаторъ изъ того что онъ прочелъ. Чрезвычайно мало вѣроятности чтобы безъ серьезнаго измѣненія постановленій факультеты, хотя бы это и было имъ указано, могли вдругъ отрѣшиться отъ укоренившейся системы, повели дѣло новымъ способомъ, выдѣлили изъ себя экзаменаторовъ, организовали комиссію и испытаніями изъ предметовъ замѣнили испытанія изъ лекцій.

„Прибавимъ что отдѣленіе испытаній отъ текущаго преподаванія не только есть дѣйствительнѣйшее средство устранить недостатки вышнихъ студентскихъ испытаній и студентскихъ занятій, но и необходимое условіе преподаванія широкаго и свободнаго. Еслибы вообразить себѣ что всѣ курсы входящія въ обзоръ чтеній берлинскаго или другаго германскаго университета требовались бы на экзаменъ къ концу года, то это конечно всякому показалось бы невѣроятною странностью. У насъ подобное явленіе кажется нормальнымъ поряд-

комъ, хотя мы стремимся и быстро идемъ къ расширенію преподаванія по германскому образцу.

„Но учрежденіе экзаменныхъ комиссій отчасти изъ профессоровъ, отчасти изъ стороннихъ компетентныхъ лицъ, не явится ли въ некоторомъ нарушеніемъ правъ и привилегій университетскихъ корпорацій? Такъ какъ дѣло идетъ о выпускныхъ экзаменахъ, соединенныхъ съ полученіемъ государственныхъ преимуществъ и долженствующихъ служить для государства гарантіей что имъ поставляемыя требованія удовлетворены, то едва ли можетъ быть и рѣчь о правѣ преподавателя на экзаменъ. Экзамены, предоставляющіе государственныя преимущества, суть по существу своему государственныя экзамены. Комитетъ производящихъ ихъ экзаменаторовъ есть всегда государственное учрежденіе, дѣйствующее въ силу государствомъ даннаго полномочія. Устройство такъ или иначе этого рода испытаній есть неотъемлемое право государства; скажемъ болѣе, его обязанность. Оно должно удостовѣряться насолько лицъ окончившихъ университетскій курсъ въ состояніи удовлетворить государственнымъ потребностямъ на различныхъ поприщахъ службы. Это возможно только при отдѣльныхъ экзаменныхъ комиссіяхъ, дѣйствующихихъ на основаніи опредѣленныхъ правительственною властію правилъ. Пользованіе этимъ правомъ или точнѣе исполненіе этой обязанности не можетъ быть нарушеніемъ привилегій университетовъ. Привилегію университетовъ въ отношеніи экзаменовъ составляетъ ихъ право возводить въ ученые стелени. Здѣсь же собственно дѣло идетъ объ испытаніи лицъ которыя желаютъ посвятить себя тому или другому роду службы, за исключеніемъ преподавательской въ университетѣ: такія лица должны на испытаніи доказать что они обладаютъ тѣми свѣдѣніями какія правительствомъ признаются нужными для исправленія обязанностей службы того или другаго рода. Будетъ ли сохранено за этими лицами право при вступленіи въ службу на 12 или 10 классъ, это вопросъ посторонній и не могущій имѣть вліяніе на вопросъ о порядкѣ испытанія.

„Что касается права факультетовъ пользоваться экзаменомъ какъ орудіемъ для педагогическихъ цѣлей, то это право не нарушается устройствомъ выпускныхъ экзаменовъ отдѣльно отъ текущаго преподаванія. Выпускной экзаменъ не можетъ быть педагогическимъ орудіемъ въ смыслѣ реле-

таціи произведеннаго, такъ какъ выдержавшіе его уходятъ изъ университета. Отдѣльнымъ производствомъ этихъ испытаній не отнимается право производить релетици изъ прочитаннаго. Въ прошлое время во многихъ мѣстахъ Германіи были въ большомъ употребленіи въ университетахъ экзамены и релетици съ педагогическою цѣлью. Нынѣ они тамъ вывелись, какъ вывелись и у насъ релетици полугодовые, а также и производившіяся предъ началомъ каждой лекціи; они могли бы, не противорѣча отдѣльности выпускныхъ испытаній, быть введены, еслибы была къ тому охота и предвидѣлась польза, что впрочемъ сомнительно, такъ какъ большой охоты пользоваться этимъ средствомъ не замѣтно и польза не оправдывается опытами прошлаго.

„Высказывается опасеніе что чрезъ отдѣленіе экзаменовъ отъ текущаго преподаванія нравственная связь между профессорами и студентами нарушится въ ущербъ правильности и близости взаимныхъ ихъ отношеній. Но желательная связь профессоровъ и студентовъ устанавливается и скрѣпляется частымъ обращеніемъ профессора со студентами, особенно въ тѣхъ родахъ занятій, семинарскихъ и практическихъ, гдѣ учащійся имѣетъ и активную роль, а не годичными (тѣмъ болѣе не выпускными) испытаніями, на которыхъ при многолюдствѣ въ которыхъ курсовъ экзамигаторъ многихъ изъ подвергающихся испытанію видитъ въ первый разъ. Въ знаменитой французской школѣ, нынѣ едва ли не первой въ той странѣ, Ecole Normale профессора вовсе не экзаменуютъ, воспитанники держатъ испытанія на степени licence и доктора въ факультетахъ, на званія agregé въ министерскихъ коммиссіяхъ. Отношенія между преподавателями и учащимися, тѣмъ не менѣе, самыя близкія и желательныя. Если же дѣло идетъ о вліяніи дисциплинарнаго характера, о необходимости ходить на лекціи съ цѣлью свискать благосклонность профессора, и о пользованіи экзаменомъ какъ орудіемъ власти, дабы поставить слушателей въ зависимость отъ читающаго, то употребленіе экзамена съ этою цѣлью едва ли можетъ содѣйствовать установленію правильной близости отношеній. Сознаніе же зависимости отъ произвола экзамигатора, такъ же какъ и давленіе со стороны экзаменуемыхъ могутъ только повредить этимъ отношеніямъ. Значительная доля столкновеній учащихся съ учащими имѣетъ источникомъ экзамены производимые послѣдними.

„Высказывается что назначеніе экзаминаторовъ внесетъ неравенство въ положеніе профессоровъ: одни будутъ обойдены, другіе какъ бы возвеличены. Это возраженіе могло бы имѣть мѣсто еслибы назначеніе экзаминаторовъ было безсмѣнно и разсматривалось какъ награда или чиновное повышение. На дѣлѣ это значителное бремя нести которое не всякій способенъ и не особенно много охотниковъ. Возраженіе же о преимущественномъ предъ другими профессорами привлеченіи студентовъ въ аудиторію экзаминаторовъ было бы попятно со стороны лицъ держащихся системы свободнаго слушанія и говорара, но отсюда не со стороны приверженцевъ обязательнаго для студента хожденія на предписанные ему курсы. При многочисленности учащагося персонала, не стѣснительнаго въ своемъ преподаваніи, возмoженіе экзаминаторской функціи не на всѣхъ, а лишь на нѣкоторыхъ есть не сортировка, а необходимость, если только желать чтобы испытанія приняла правильную форму и производилась съ надлежащею разумною строгостію, но безъ излишняго обремененія учащихся. Безъ экзаменныхъ комиссій, какъ сознаетъ и большинство, обойтись нельзя. Вопросъ въ томъ, какъ наилучше такіа комиссіи могутъ быть организованы.

„То начало что читающій есть *непреклонный* экзаминаторъ изъ того что прочелъ не практикуется, сколько намъ извѣстно, нигдѣ не только въ университетахъ, но даже въ спеціальныхъ школахъ. Въ Парижской Политехнической Школѣ экзаминаторы и для приемныхъ и для выпускныхъ экзаменовъ особыя лица получающія довольно значителное вознагражденіе. Въ Политехническомъ Институтѣ въ Вѣнѣ (§ 2 *Регулатива объ экзаменахъ*) „назначается по каждому изъ четырехъ отдѣловъ Института особая экзаменная комиссія изъ ординарныхъ профессоровъ тѣхъ предметовъ на кои простирается испытаніе и изъ компетентныхъ лицъ назначенныхъ министерствомъ“. И во Франціи, гдѣ факультетскія испытанія поручены профессорамъ (въ провинціальныхъ факультетахъ весьма немногочисленнымъ), общій порядокъ испытанія совсѣмъ иной чѣмъ у насъ. Экзаменные жюри составляются короннымъ деканомъ (назначаемымъ отъ министра) изъ профессоровъ и *agrégés*; испытаніе обнимаетъ очень ограниченное число предметовъ (въ математическомъ факультетѣ по подробной предписанной программѣ), безъ непремѣннаго приуроченія экзаменовъ къ курсамъ и курсовъ

къ экзаменамъ (въ Парижѣ не мало на факультетахъ курсовъ и даже кафедръ не связанныхъ съ требованіями испытаний).

„Накопецъ, система экзаменовъ должна быть въ связи съ общею университетскою системою. Если преподаваніе свободно, то экзаменъ не можетъ быть къ нему прикрѣпленъ. Но онъ можетъ и долженъ служить полезнымъ регуляторомъ этой свободы. Одностороннее пользованіе правомъ, ничѣмъ не уравновѣшеннымъ, можетъ свободу обратить въ произволъ. Черезъ отдѣльность экзаменовъ, безъ нарушенія свободы и безъ вмѣшательства, можно оказать весьма рѣшительное и самое полезное вліяніе на распредѣленіе и характеръ преподаванія, дабы оно, не утрачивая нисколько своего чисто-научнаго характера и держась на высотѣ современныхъ научныхъ требованій, вмѣстѣ съ тѣмъ соответствовало потребностямъ слушателя и требованіямъ тѣхъ профессій къ которымъ онъ себя готовить.

„Нѣтъ сомнѣнія что при строгой опредѣлительности экзаменныхъ требованій преподаватель приметъ ближе чѣмъ нынѣ свои курсы къ потребностямъ слушателей, и что профессора и цѣлые факультеты не откажутся составить для студентовъ подробныя, съ указаніемъ источниковъ и пособій, наставленія относительно наилучшихъ способовъ къ удовлетворенію экзаменнымъ требованіямъ.“

По разсмотрѣніи матеріаловъ собранныхъ университетскою комиссіею и имѣній высказанныхъ въ ея засѣданіяхъ, Министрство, при окончательной разработкѣ проекта новаго устава, приняло систему свободнаго преподаванія и слушанія и отдѣльности испытаний. Чтобъ ознакомить съ предполагавшимися новыми постановленіями, приведемъ главные параграфы проекта касающіеся преподаванія и испытаний, и пояснительныя соображенія высказанныя въ сопровождавшихъ проектъ *Соображеніяхъ*. Профессорамъ предоставлялось объявлять курсы по усмотрѣнію, соображаясь только съ общимъ требованіемъ относительно полноты и послѣдовательности факультетскаго преподаванія. Требованіе это сформулированное по образцу устава Берлинскаго университета, выражено въ § 60, въ связи съ которымъ приводимъ и два слѣдующіе параграфа:

§ 60. Каждый факультетъ отвѣтствуетъ за полную, послѣдовательность и правильность преподаванія факультетскихъ предметовъ и принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры чтобы въ каждые четыре академическіе года (а на медицинскомъ факультетѣ въ пять лѣтъ) студенты имѣли возможность выслушать въ надлежащемъ порядкѣ всѣ предметы входящіе въ составъ испытаній какъ на ученыхъ степеняхъ, такъ и на званія по государственной службѣ соответственныя факультету. При этомъ принимается въ расчетъ преподаваніе профессоровъ и тѣхъ приватъ-доцентовъ коимъ факультетами съ разрѣшенія начальства поручается преподаваніе нѣкоторыхъ частей. Въ случаѣ невозможности удовлетворить означенному условію, факультетъ обязанъ заблаговременно довести о семъ до свѣдѣнія министра Народнаго Просвѣщенія чрезъ посредство ректора и попечителя округа.

§ 61. Попечитель, наблюдая за исполненіемъ предыдущаго параграфа, вмѣстѣ съ тѣмъ обращаетъ вниманіе: 1) чтобы профессора отдавали преподаванію достаточное число часовъ (примѣнительно къ шестичасовой недѣльной нормѣ), 2) чтобы несостоявшійся почему-либо курсъ, въ случаѣ если чрезъ то число часовъ преподаваніе объявившаго омыя профессора становится недостаточнымъ, былъ имъ по возможности замѣняемъ новымъ.

§ 62. Въ виду особыхъ заятій профессоръ, по ходатайству попечителя, можетъ быть съ разрѣшенія министра освобожденъ отъ преподаванія на одинъ семестръ подъ условіемъ чтобы требованія постановленныя въ § 60 не были нарушены.

Послѣднимъ параграфомъ предоставляется льгота быть освобожденнымъ на семестръ отъ чтеній безъ какихъ-либо особыхъ порученій или командировокъ. □

Право профессора объявлять курсы не ограничивается сферою его предмета, какъ видно изъ слѣдующаго параграфа.

§ 63. Профессору предоставляется объявлять курсы и практическія заятія и по другимъ предметамъ кромѣ предметовъ занимаемой имъ кафедрой. Но при этомъ поставляется условіемъ чтобы преподаваніе по симъ послѣднимъ предметамъ было уже вполнѣ обезпечено. Если избираемый для чтенія предметъ относится къ другому факультету не требуется согласіе послѣдняго.

Свобода объявлять курсы предоставлялась и приватъ-доцентамъ, но преподаваніе ихъ, какъ лицъ въ большинствѣ случаевъ еще начинающихъ, не успѣвшихъ пріобрѣсти профессорской опытности и для коихъ особенно важно заявить свои научныя и преподавательскія способности, въ виду притомъ ожидавшагося широкаго развитія этого института и предполагавшихся денежныхъ поощреній, найдено по-

лезнымъ поставить подъ вѣкоторое наблюденіе университетскихъ властей. Относящееся сюда постановленіе выражено такъ:

§ 116. Преподаваніе привать-доцентовъ находится подъ наблюденіемъ полечителя и ближайшимъ надзоромъ ректора и факультета въ лицѣ его декана, которые обязаны сообщать полечителю свои замѣчанія объ услѣшности и характерѣ преподаванія привать-доцента. Въ случаѣ преподаванія нарушающаго требованія научной серіозности онаго, а также въ случаѣ направленія чтеній признаннаго вреднымъ, при неуслѣшности сдѣланныхъ указаній, полечитель можетъ при концѣ семестра и даже во время его лишить привать-доцента права преподаванія. Право преподаванія должно быть отнимаемо полечителемъ также въ случаѣ поступковъ роняющихъ званіе, по разсмотрѣніи обстоятельствъ дѣла совѣтомъ. Ово можетъ быть восстановлено лишь по особому распоряженію министра.

Съ пріятіемъ свободной системы естественно устраняется распредѣленіе предметовъ факультета по курсамъ, но не устраняется раздѣленіе преподаваемыхъ въ факультетахъ наукъ на группы, со включеніемъ въ каждую извѣстнаго числа предметовъ въ связи и послѣдовательности. „Мѣсто курсовой схемы, сказано въ *Соображеніяхъ*, должны занять *учебные планы*, одинъ или вѣсколько на факультетъ, согласно характеру послѣдняго. Разница отъ курсоваго раздѣленія въ томъ что планы эти не имѣютъ той обязательности какъ дѣленіе факультета на курсы съ ихъ подраздѣленіями. Планы эти даютъ просторъ для удовлетворенія разнообразныхъ потребностей слушателей, коимъ предоставляется извѣстная доля свободы въ распредѣленіи *своихъ занятій* согласно своимъ потребностямъ и примѣнительно къ указаніямъ факультетовъ заключающимся въ упомянутыхъ планахъ.“

Постановленіе объ *учебныхъ планахъ* выражено въ § 65 гдѣ значитъ:

§ 65. Для собственныхъ своихъ соображеній и для руководства студентовъ каждый факультетъ составляетъ по принадлежности учебные планы, въ коихъ, согласно съ установленными разрядами испытаній, указываются какъ науки подлежащія изученію, такъ и нормальный порядокъ ихъ изученія. Планы эти, равно какъ и всѣ дальнѣйшія въ нихъ измѣненія, представляются на предварительное разсмотрѣніе совѣта университета, а затѣмъ чрезъ полечителя на утвержденіе министра Народнаго Просвѣщенія.

Самое постановленіе о свободномъ слушаніи въ проектѣ устава выражено слѣдующимъ образомъ:

§ 68. Каждому студенту предоставляется слушать тѣ курсы своего и другихъ факультетовъ какіе онъ признаетъ для себя наиболее полезными, соображаясь какъ съ учебными планами своего факультета, такъ и съ ближайшими своими потребностями. Составленный студентомъ примѣнительно къ какому-либо изъ учебныхъ плановъ списокъ сообщается имъ на просмотръ кого-либо изъ профессоровъ факультета удостоверяющаго оный своею подписью. Отсутствіе отъ учебнаго плана со стороны студентовъ, пользующихся вслѣдствіемъ, требуетъ согласія руководителя и утвержденія декана.

§ 69. Если предметъ преподается нѣсколькими преподавателями, то студенту предоставляется слушать того изъ нихъ кого онъ пожелаетъ; но если пріять - доцентъ читающій таковыя лекціи не имѣетъ степени магистра или доктора, то для зачета ихъ студентамъ требуется разрѣшеніе факультета.

Въ виду новости дѣла и многихъ опасеній высказанныхъ въ университетской комиссіи ректорами университетовъ—не имѣло бы свободное слушаніе и связанное съ нимъ отдѣленіе экзаменовъ отъ текущаго преподаванія своимъ послѣдствіемъ уклоненіе студентовъ отъ посѣщенія лекцій и небрежность занятій, принято было ввести въ уставъ нѣкоторыя ограничительныя постановленія, которыя при болѣе или менѣе строгомъ исполненіи позволяли бы, смотря по практическимъ потребностямъ, сдѣлать или расширить рамки свободы предоставляемой слушателямъ. Поэтому въ проектѣ внесены, какъ значится въ *Соображеніяхъ*, мѣры къ тому чтобы слушаніе курсовъ, участіе въ практическихъ работахъ и собственныя подъ руководствомъ профессоровъ занятія сдѣлались необходимымъ условіемъ пребыванія въ университетѣ студента желающаго воспользоваться правами высшаго образованія и чтобы такимъ образомъ свобода въ распредѣленіи своихъ занятій не могла никакъ обратиться въ свободу отъ занятій вообще, столь обычную нынѣ при обязательной, повидному, системѣ. Мѣры эти, указанныя въ § 70, способны къ значительному расширенію и сокращенію и могутъ дать учащимся именно ту степень свободы въ распредѣленіи занятій какая практически оказывается наиболее приличествующею для услѣдственности занятій въ нашихъ условіяхъ.

Въ параграфѣ этомъ значится:

§ 70. Студенту засчитывается въ число полугодій требуемое для допущенія къ испытаніямъ лишь такое полугодіе въ которомъ: 1) усердно посѣщалъ достаточное число лекцій, 2) далъ свидѣтельство собственныхъ занятій подъ руководствомъ университетскихъ наставниковъ. Правила, коимъ должны слѣдовать факультеты при засчитываніи семестровъ, даются министерствомъ на основаніи соображеній представляемыхъ университетами.

„Нынѣ, читаемъ далѣе въ *Соображеніяхъ*, занятія студентовъ въ теченіе года не находятся ни подъ какимъ контролемъ. Параграфъ 70, очевидно, открываетъ возможность къ принятію весьма дѣйствительныхъ мѣръ, которыя побудили бы студентовъ въ теченіе года усердно заниматься науками. Дѣло, конечно, требуетъ обдуманности и внимательнаго соображенія обстоятельствъ. Практика должна указать въ какомъ объемѣ требуются ограничительныя мѣры и въ какой степени осуществима та или другая изъ нихъ. Возможно опасеніе не остались бы и новыя мѣры такую же формальностью какъ вышшее требованіе чтобы студенты аккуратно ходили на лекціи. Но почему требованіе это остается нынѣ одною формальностью? Остается оно таковою не потому чтобы особенно трудно было найти средства заставить студентовъ ходить на лекціи, а главнымъ образомъ вслѣдствіе того внутренняго противорѣчія какое есть между преподаваніемъ не стѣсненнымъ точно обведенною рамкой (таковая не согласна съ университетскимъ строемъ) и требованіемъ относиться къ такому расширенному, произвольному очертанію какъ къ чему-то строго и точно соображенному съ потребностями слушателей. Строгое исполненіе такого требованія тотчасъ повело бы къ несообразностямъ въ родѣ обязательнаго слушанія медицинскихъ лекцій, расположенныхъ отъ 8 часовъ утра до 8 вечера. При нѣкоторомъ желаніи со стороны преподающихъ и надзорѣ со стороны начальства, вытекающія изъ § 70 мѣры весьма осуществимы. Главная трудность въ томъ чтобы принятая мѣра была дѣйствительно целесообразна и не стѣсняла, а поощряя тѣхъ кто занимается не по принужденію, а изъ любознательности, побуждала къ труду тѣхъ чьи занятія вызываются главнымъ образомъ необходимостію удовлетворить требованіямъ испытаній.“

Другія мѣры къ успленію занятій студентовъ принятая въ проектѣ заключаются въ постановленіяхъ о системѣ

руководителей (§ 135), * о контрольныхъ испытаніяхъ для допущенія къ практическимъ занятіямъ (§ 84) и о семинаріяхъ (100). **

Относительно студентскихъ экзаменовъ министерство приняло систему испытаній въ комиссіяхъ. Мотивирующія соображенія относительно этого предмета выражены слѣдующимъ образомъ:

„Вообще въ университетахъ, съ небольшимъ различіемъ въ подробностяхъ, вышѣ принята курсовая система устройства учебной части: студенты раздѣляются на четыре курса (на медицинскомъ факультетѣ на пять); они обязаны слушать предметы указанные для данного курса факультетомъ (съ подраздѣленіями сообразно дробленію факультета) и въ концѣ академическаго года подвергаются экзамену изъ прочитаннаго, переводятся на слѣдующій курсъ или вторично оставляются на томъ же. Каждый преподаватель есть экзаминаторъ спрашивающій студента,—обязаннаго по курсовому раздѣленію его слушать,—изъ того что было прочитано. Испытаніе дѣлается устно и единолично (присутствіе декана и ассистента имѣетъ обыкновенно формальное значеніе и далеко не всегда соблюдается). Производится экзаменъ въ

* § 135. Занятія студентовъ получающихъ вспоможенія находятся подъ особымъ наблюденіемъ и контролемъ по правиламъ утверждаемымъ министромъ. Студенты эти раздѣляются на группы съ руководителями изъ лицъ принадлежащихъ къ учебному университетскому персоналу. Система руководства можетъ быть, съ разрѣшенія или по указанію министра, распространяема и на своекоштныхъ. Руководитель получаетъ вознагражденіе изъ суммы по штату положенной и въ дополненіе къ ней изъ суммы упоминаемой въ § 161 устава и изъ специальныхъ средствъ университета. Инструкція руководителямъ и правила объ ихъ вознагражденіи устанавливаются министерствомъ.

** § 100. При историко-филологическомъ и физико-математическомъ факультетахъ, по главнымъ предметамъ, въ виду въ особенности приготовленія учителей, могутъ быть устраиваемы семинаріи для практическихъ занятій студентовъ, съ необходимыми учебными пособиями. Таковыя же семинаріи могутъ быть учреждаемы и при юридическомъ факультетѣ. Каждая семинарія составляетъ особое учрежденіе и состоитъ подъ управленіемъ директора изъ профессоровъ, назначеннаго министромъ и получающаго вознагражденіе изъ суммы на сей предметъ назначенной. Правила организаціи семинарій даются министерствомъ.

мѣсячный и болѣе срокъ (въ теченіе части апрѣля и всего мая) съ промежутками отъ испытанія къ испытанію, въ каковыя промежутки студенты усиленно готовятся къ отвѣтамъ. Приготовленіе значительной массы студентовъ происходитъ исключительно по литографированнымъ лекціямъ, составляемымъ обыкновенно студентами же, иногда просто съ коммерческою цѣлю. Такіе литографированные курсы исполнены обыкновенно ошибокъ и неточностей, давно признаны вредными, неоднократно были воспрещаемы или подвергаемы разнымъ ограничительнымъ условіямъ, — тѣмъ не менѣе чрезвычайно распространены и нынѣ вслѣдствіе представляемаго ими значительнаго удобства для приготовленія. Самыя испытанія, особенно при значительномъ числѣ экзаменуемыхъ, производятся нерѣдко небрежно и поверхностно, чрезвычайно неровно, смотря по индивидуальнымъ качествамъ преподавателя; не сосредоточиваются на главномъ и суть болѣе испытанія памяти чѣмъ умѣнья. Экзамены служатъ поводомъ къ столкновеніямъ студентовъ съ профессорами, для устраниенія которыхъ преподаватели оказываютъ обыкновенно значительную уступчивость. Неудовлетворительность системы вліяетъ на весь ходъ преподаванія, и улучшенія экзаменныхъ порядковъ есть одна изъ главнѣйшихъ задачъ реформы.

„Система курсоваго дѣленія студентовъ и экзаменовъ изъ прочитаннаго была и до устава 1863 года. Но тогда, при значительно меньшемъ чѣмъ нынѣ количествѣ студентовъ, при сравнительно небольшомъ числѣ профессоровъ и слѣдовательно не широкомъ объемѣ преподаванія, при болѣе школьномъ и болѣе строгомъ общемъ порядкѣ, система эта, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, не представляла тѣхъ крайнихъ неудобствъ и недостатковъ какіе чувствуются нынѣ. Со введеніемъ устава 1863 года дѣло преподаванія стало въ новыя условія. Произошла важная перемѣна, которая должна была повліять на весь университетскій строй. Перемѣна эта состояла въ томъ что число преподающихъ было почти удвоено. Черезъ это преподаваніе сильно пошло въ ширь и рамки системы оставшейся между тѣмъ безъ измѣненія стали тѣсны. Произошло по однимъ отраслямъ загроможденіе главнаго второстепеннымъ, существеннаго излишне спеціальнымъ; на однихъ факультетахъ послѣдовало обремененіе, по крайней мѣрѣ формальное, слушателей массою пре-

подаваемого (въ одномъ изъ университетовъ на медицинскомъ факультетѣ обязательныя лекціи по расписанію представляемы на каждый день отъ восьми часовъ утра до восьми вечера); на другихъ возникло разнообразное дробленіе (математическій факультетъ имѣетъ въ однихъ университетахъ два, въ другихъ три, четыре и даже одиннадцать подраздѣлений); взаимныя требованія и порядки сдѣлались въ разныхъ университетахъ чрезвычайно различными между собою (въ одномъ изъ университетовъ на группу зоологическихъ предметовъ улотребляются 8, въ другомъ 35 часовъ въ недѣлю: очевидно, какъ должны быть различны при экзаменахъ изъ прочитаннаго требованія). При произвольности, измѣчивости, разнообразіи требованій, крайнемъ обремененіи какое послѣдовало бы еслибы по нераздробленнымъ отдѣламъ обстоятельно требовалось знаніе прочитаннаго; при поощреніи малознанія подъ видомъ спеціализаціи въ случаяхъ излишняго дробленія—на практикѣ послѣдовала значительная раслуцченность учащихся по отношенію къ учебнымъ занятіямъ. Лекціи дурно посѣщаются, масса студентовъ заботится только приобрести литографированныя листы лекцій. Практическія занятія, столь важныя въ дѣлѣ обученія, не организованы или организованы крайне слабо и неудовлетворительно. Въ свою очередь профессоры не имѣютъ въ приватой системѣ побужденія усиливать свою преподавательскую дѣятельность (еслибы всякій читалъ, напримѣръ, по восьми часовъ въ недѣлю, какъ требовалось уставомъ 1835 года, то преподаваніе, при обязательности лекцій для студентовъ, не могло бы на некоторыхъ факультетахъ вмѣститься въ недѣльную рамку). Приватъ-доценты, въ точномъ значеніи этого института, на который возлагались большія надежды при составленіи устава 1863 года, не могутъ имѣть мѣста.

„Съ формальной стороны принятая нынѣ система имѣетъ видъ принудительной школьной системы. Для студента обязательны всѣ лекціи курса, и удержалъ ли онъ въ памяти прочитанное—контролируется курсовымъ экзаменомъ. Все учебное дѣло поставлено въ зависимость отъ этого экзамена на практикѣ нынѣ крайне неудовлетворительнаго. Черезъ экзамень этотъ должно быть достигнуто нѣсколько важныхъ цѣлей. Къ нему исключительно приводится на практикѣ исполненіе § 99 устава, въ коемъ значится: „университетамъ предоставляется устанавливать надъ занятіями студентовъ

тотъ способъ контроля какой ими признавъ будетъ лучшимъ"; онъ долженъ быть не только контролемъ занятій, но и окончательною провѣркой достигнутыхъ результатовъ, ибо на основаніи совокупности курсовыхъ испытаній даруется степень кандидата или званіе дѣйствительнаго студента; онъ есть основаніе для выдачи стипендій и пособій, онъ же, наконецъ, въ известной мѣрѣ долженъ служить и для контроля самаго преподаванія. При погонѣ за столькими цѣлями, естественно, можетъ не достигаться ни одна.

„Дабы поднять учебное дѣло, не нарушая университетской системы, не стѣсняя преподаванія и не сокращая учебнаго персонала, а еще подкрѣпляя его развитіемъ приватъ-доцентства, необходимо устранить вынужденную неразрывность экзамена и лекцій; ввести испытанія изъ наукъ, а не изъ прочитаннаго только; дать экзамену оканчивающихся курсъ принадлежащее ему значеніе повѣрки результата достигнутаго всею совокупностью учебныхъ занятій; вызвать къ дѣйствию болѣе сильныя, чѣмъ курсовой экзаменъ, стимулы къ правильнымъ научнымъ занятіямъ студентовъ подъ руководствомъ преподавателей, занятіямъ не откладываемымъ къ предъэкзаменному сроку, а распределяемымъ равномерно въ теченіе университетаго курса; дать достаточныя побужденія и къ тому чтобы преподаватели соображали свои курсы съ дѣйствительными потребностями слушателей и съ государственными требованіями.

„Согласно вышеизложенному предполагается экзамены для оканчивающихся курсъ отдѣлать отъ текущаго преподаванія и перенести въ особыя комиссіи. Мѣра эта была предложена въ совѣщаніи бывшемъ подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева въ 1874 году. Развитіе этой мысли заключается въ главѣ объ испытаніяхъ, въ §§ 72—95, * гдѣ

* Вотъ главнѣйшіе изъ этихъ параграфовъ.

§ 72. Студентамъ прошедшимъ университетскій курсъ или въ указанныхъ случаяхъ опредѣленную часть оного испытанія производятся въ особыхъ комиссіяхъ, состоящихъ подъ наблюденіемъ попечителя при управленіи учебнаго округа, къ которому принадлежитъ университетъ.

§ 73. Члены комиссій и предсѣдатель каждой изъ нихъ назначаются ежегодно министромъ Народнаго Просвѣщенія изъ свѣдущихъ лицъ имѣющихъ ученые степени доктора или магистра. Они получаютъ за свой трудъ вознагражденіе опредѣляемое министромъ по

выражены главныя основанія такого производства испытаній подробныя правила конхъ имѣютъ быть составлены въ министерствѣ, какъ указано въ § 81.

„Отдѣльностью экзаменовъ устранивается курсовое дѣленіе

числу экзаменующихся изъ суммы особо на сей предметъ отпущаемой и изъ взноса экзаменующихся.

§ 74. Экзаменныя комиссіи суть:

1) Комиссія для испытанія кандидатовъ на учительскія должности (для историко-филологическаго и физико-математическаго факультетовъ).

2) Комиссія техническая для испытанія студентовъ имѣющихъ въ виду поступленіе въ высшія спеціальныя училища (условія испытанія устанавливаются по соглашенію съ сими послѣдними въ видахъ облегченія доступа въ оныя университетскимъ слушателямъ).

3) Комиссія юридическая.

4) Комиссія медицинская для испытанія на званіе доктора.

§ 75. Экзаменныя комиссіи имѣютъ свои сессіи въ сроки устанавливаемые министромъ.

§ 76. Испытанія бывають или 1) *полное*, или 2) *раздѣленное* на два термина: первый—испытаніе *пелукурсовое*, второй—испытаніе *окончательное*. Раздѣленіе на два термина обязательно для подвергающихся испытанію въ медицинскихъ комиссіяхъ. Отдѣльнѣе усмотрѣнія министра зависятъ сдѣлать таковое раздѣленіе обязательнымъ и для подвергающихся испытанію въ другихъ комиссіяхъ.

§ 77. Желающій подвергнуться испытанію подаетъ въ порядкѣ указанномъ данными министромъ правилами прошеніе за установленный срокъ до предварительнаго засѣданія предстоящей сессіи. При прошеніи прилагается денежный взносъ (въ 20 руб. въ случаѣ послѣдняго испытанія, въ 10 руб. въ случаѣ испытанія перваго или втораго термина).

§ 78. Сверхъ того при прошеніи прилагаются:

а) Въ случаѣ есаи подающій прошеніе желаетъ подвергнуться *полному* испытанію:

1) Аттестатъ зрѣлости или равносильное ему свидѣтельство.

2) Выпускной аттестатъ университета, съ приложеніемъ университетскаго листа студента, удостоверяющій что желающій подвергнуться испытанію провелъ въ университетскихъ занятіяхъ требуемое условіями испытаній число засчитанныхъ полугодій.

3) Біографическій очеркъ, гдѣ должно быть означено полное имя, мѣсто рожденія, возрастъ, происхожденіе и вѣроисповѣданіе испытуемаго, а также сообщено необходимое касательно школьнаго воспитанія имъ полученнаго и хода его университетскихъ занятій. Къ очерку предоставляется прилагать какія вообще кандидатъ мо-

студентовъ и устройство преподаванія получаетъ иной видъ, преимущественно къ системѣ столь правильно и плодотворно дѣйствующей въ германскихъ университетахъ, по образцу коихъ устроены и наши.

жетъ представить доказательства занятій и прилежанія во время университетскаго курса, какъ - то: удостоенныя награды и вообще одобренныя сочиненія, свидетельства факультетовъ или отдельныхъ преподавателей объ участіи въ семинаріяхъ, практическихъ занятіяхъ, особыя рекомендаціи факультетовъ и отдельныхъ преподавателей и т. под.

Примѣчаніе. По особо уважительнымъ обстоятельствамъ министръ можетъ освободить испытуемаго отъ представленія выпускнаго аттестата. Докторскій дипломъ иностранныхъ университетовъ считается равносильнымъ выпускному аттестату.

б) Въ случаѣ если подающій прошеніе желаетъ подвергнуться испытанію *перваго термина—полукурсовому*:

1) Аттестатъ зрѣлости или равносильное ему свидетельство.

2) Полукурсовой аттестатъ университета съ приложеніемъ университетскаго листа студента, удостоверяющій что желающій подвергнуться испытанію провезъ въ университетскихъ занятіяхъ требуемое услобіями испытанія число засчитанныхъ семестровъ.

3) Биографическій очеркъ съ приложеніями какъ въ случаѣ а.

в) Въ случаѣ если подающій прошеніе желаетъ подвергнуться испытанію *второго термина—окончательному*:

1) Свидѣтельство выданное экзаменною комиссіей о выдержаніи испытанія перваго термина.

2) Биографическій очеркъ съ приложеніемъ университетскаго листа. Дозволяется присоединять доказательства занятій и прилежанія во время послѣдовавшее за выдержаніемъ испытанія перваго термина.

§ 79. По разсмотрѣніи документовъ, въ предварительномъ засѣданіи, комиссія допускаетъ къ испытанію кандидатовъ удовлетворяющихъ установленнымъ требованіямъ.

Примѣчаніе. Если при разсмотрѣніи университетскаго листа кандидата обнаружится значительный пробѣлъ по отношенію къ помянутымъ выслашаннымъ курсовъ, то комиссія можетъ отказать въ допущеніи къ испытанію въ ближайшую сессію, рекомендовавъ пополнить пробѣлъ.

§ 80. Испытаніе бываетъ: 1) письменное—работа на дому или письменные отвѣты на экзаменѣ, или то и другое вмѣстѣ, согласно съ установленными правилами испытанія; 2) устное, и 3) практическое по предметамъ демонстративнымъ и опытнымъ, буде таковое требуется правилами испытанія.

„Нѣтъ сомнѣнiя что система испытанiй отдѣленныхъ отъ текущаго преподаванiя, производимыхъ лицами на копъ дѣло спеціально возложено и кои необходимо должны имъ внимательно завѣдываться, чего нельзя сказать объ экзамирующемъ

§ 81. Подробныя правила испытанiй въ вышепоименованныхъ комиссiяхъ и программы требованiй какимъ должны удовлетворять испытываемые составляются въ министерствѣ и по утвержденiи министерствомъ публикуются во всеобщее свѣдѣнiе. Программы устанавливаются по соглашенiю гдѣ требуется съ подлежащими вѣдомствами и по изстребованiю мнѣнiй отъ подлежащихъ факультетовъ. Требования выражаются съ надлежащею опредѣлительностью, но въ общихъ чертахъ, не стѣснительно для преподаванiя и сообразно какъ съ государственными потребностями, такъ и съ требованiями науки. Измѣненiя въ оныхъ публикуются съ указанiемъ срока чрезъ какой таковыя должны вступить въ силу.

82. Каждая комиссiя ежегодно представляетъ полечителю отчетъ о своихъ дѣйствiяхъ, сопровождая оный замѣчанiями объ общемъ состоянiи знанiй экзамировавшихся и объ усмотрѣнныхъ болѣе или менѣе общихъ недостаткахъ. Отчеты эти, по разсмотрѣнiи полечителемъ, безъ замедленiя представляются имъ съ собственнымъ его заключенiемъ министру и сообщаются для свѣдѣнiя университетамъ

§ 84. Факультетами производятся испытанiя:

- 1) На ученые степени.
- 2) Общее факультетское испытанiе.
- 3) Составительныя испытанiя на стипендiи, кои выдаются по конкурентному экзамену.

4) Контрольныя испытанiя для получающихъ вспоможенiя (къ которымъ могутъ присоединяться и желающiе изъ своекоштныхъ) и испытанiя какiя могутъ быть устанавливаемы для допущенiя къ практическимъ занятиямъ (въ клиникахъ, лабораторiяхъ и т. п.).

§ 88. Выдержавшiе испытанiе въ комиссiяхъ и получившiе отъ нихъ установленныя § 83 дипломы прямо допускаются, по соответственнымъ факультетамъ, къ испытанiю на степень магистра (доктора по медицинскому факультету).

§ 89. Общее факультетское испытанiе требуется для допущенiя къ магистерскому экзамену тѣхъ кои испытанiю въ комиссiяхъ не подвергались.

§ 90. Правила и экзаменныя требованiя указанныхъ въ § 84 общихъ факультетскихъ испытанiй, составительнаго испытанiя на стипендiи и контрольныхъ испытанiй составляются факультетами и по разсмотрѣнiи совѣтомъ и полечителемъ представляются въ министерство, которое, по разсмотрѣнiи и слученiи оныхъ, приводитъ ихъ въ форму постановленiй общихъ для всехъ университетовъ.

персоналъ преподавателей въ его полномъ составѣ (весьма многіе тяготеютъ экзаменами и спѣшать ихъ отбыть какъ непріятную повинность), такая система, при сколько-нибудь правильной организаціи и обстоятельствахъ требованій, должна необходимо содѣйствовать усилію занятій студентовъ. Но можетъ возникнуть сомнѣніе—приведетъ ли это студентовъ въ аудиторіи нынѣ такъ небрежно посѣщаемыя, хотя экзамены производятся именно изъ прочитаннаго съ кафедръ. Вниманіе направленное къ тому чтобъ удовлетворить требованіямъ экзаменной комиссіи не будетъ ли отклонять студента отъ посѣщенія курсовъ, какъ нынѣ отклоняетъ экзаменъ по литографированнымъ листамъ?

„Если экзаменныя требованія будутъ разумны и серьезны, а преподаваніе направлено къ тому чтобъ облегчить слушателямъ пріобрѣтеніе требуемыхъ основательныхъ познаній, то такое описаніе излишне. Аудиторіи въ германскихъ университетахъ малочисленны, хотя кромѣ докторскаго (да tentamen physicum на медицинскомъ факультетѣ) въ университетахъ никакихъ экзаменовъ нѣтъ.

„Сверхъ вышесказаннаго, преобразование испытаній должно оказать вліяніе на установленіе правильныхъ отношеній между преподавателями и студентами. Эти отношенія оставляютъ у насъ еще многого желать. Вслѣдствіе недостаточнаго со стороны преподавателей отпора вторгающимся въ университеты вліяніямъ, вслѣдствіе уступокъ, потворства, иногда популярическаго, студенты дошли нынѣ до значительной требовательности по отношенію къ профессорамъ, и того уваженія слушателей какое окружаетъ профессора напимѣръ въ Германіи, у насъ не замѣчается. Не рѣдки столкновенія, главнымъ источникомъ которыхъ служатъ вопросы прикосновенныя къ испытаніямъ. Профессоръ-экзаминаторъ, исполняющій свой долгъ, нерѣдко представляется студенту какъ бы естественный его врагъ, лицо причиняющее зло изъ побужденій которыя отиѣчелъ дурнымъ балломъ испытываемый едва ли признаетъ когда похвальными. „Что?—спрашиваетъ студентъ,—стоитъ экзаминатору поставить хорошую отиѣтку незнающему и тѣмъ осчастливить бѣдника шлои разъ едва перебивающагося со дня на день?“ Интересъ студента, какъ слушателя, при нашей системѣ, когда спрашивается изъ прочитаннаго, прямо противоположенъ съ интересомъ его какъ экзаминующагося: чѣмъ кратче, поверхностнѣе

курсъ тѣмъ легче экзаменуемому. При такихъ условіяхъ самый плохой курсъ ему уныбаеся. Поусердствуетъ профессоръ—студенту представляется не наставникъ тратящій во имя высокихъ побужденій свои силы и свое разуміе, чтобъ облегчить слушателямъ труднота изученія, а будущій злой экзаминаторъ, который прижметъ на экзаменъ. Но пусть вмѣстѣ вышшею системы, при которой каждый профессоръ, доцентъ и преподаватель есть непремѣнный экзаминаторъ, спрашивающій отъ студента то что прочтено въ теченіе цѣлаго года,—у насъ, по примѣру образованнѣйшихъ странъ, будетъ принята система испытаній не цѣз прочтенаго, а цѣз наукъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ, испытаній отдѣльных отъ текущаго преподаванія, производимыхъ въ особо назначенныхъ комиссіяхъ, ведущихъ имъ спеціально порученное важное дѣло по плану обдуманному, соображенному съ состояніемъ преподаванія и государственными потребностями. Не должно ли это прекратить разомъ цѣлый разрядъ стоакиновеній слособныхъ помутить отношенія преподавателей и слушателей? Не устранился ли самъ собою, безъ увеличения слособовъ и средствъ начальническаго наблюденія, и произволь экзаминаторовъ, и произволь экзаменуемыхъ, вынѣ пріобыкшихъ давленіемъ тоалы держать экзаминаторовъ лодъ страхомъ? Профессоръ явится предъ слушателями не раздавателемъ дипломовъ, а въ своей естественной роли учителя, старающагося облегчить учевику трудности какія послѣдній встрѣчаетъ въ занятіяхъ необходимыхъ чтобъ усвоить тѣ элементы науки непремѣнное знаніе которыхъ отъ него потребуется. Станутъ просить релетцій, благодарить усердствующихъ, а не дѣлать имъ исторію. Преподаваніе необходимо приметъ и болѣе серіозный и болѣе практической характеръ. Придется подумать о потребностяхъ слушателей. Исчезнутъ и безполезна витанія въ туманныхъ верхушкахъ, и облегчительный для преподаванія спеціализмъ. Дѣйствительно, глубокой курсъ и на самомъ дѣлѣ новое слово науки найдутъ настоящую аудиторію, слособную живымъ участіемъ оживить преподавателя, ибо не собрана страхомъ экзамена, а привлечена дѣйствительнымъ желаніемъ знанія.

„Факультетамъ предоставляется производство испытаній на ученые степени, а также и въ которыхъ другихъ испытаній.

Испытанія сіи уломиваются въ §§ 84, 89, 90. *

* Смотри выше въ примѣчаніи на страницѣ 812.

„Съ перенесеніемъ испытаній окончивающимъ курсъ въ комиссіи кандидатство, какъ особая ученая степень, упраздняется. Хотя въ Германіи практикуется одна ученая степень—докторская, сохраненіе у насъ двухъ степеней—магистра и доктора, полезно, такъ какъ по сложившемуся порядку магистерскія испытанія имѣютъ у насъ серьезное значеніе и магистерскія диссертации въ большинствѣ представляють собою основательные труды. Магистерское испытаніе есть специальное изъ небольшой группы предметовъ. Оно предполагаетъ общее факультетское образованіе по избранному отдѣлу, какъ таковое предполагаетъ и государственное испытаніе въ комиссіяхъ по той или другой части. На этомъ основаніи и предполагается отъ тѣхъ изъ ищущихъ ученой степени, кои испытанію въ комиссіяхъ не подвергались, требовать общаго факультетскаго испытанія, о коемъ упоминается въ §§ 84 и 89.“

II.

Научныя силы и матеріальныя средства университетовъ.

Уставомъ 1863 года число кафедръ значительно было увеличено сравнительно съ предшествовавшей эпохой (лишь въ Дерптскомъ университетѣ учебный персоналъ остался значительно малочисленнѣе чѣмъ въ другихъ нашихъ университетахъ). Поэтому при составленіи проекта новаго устава не имѣлось въ виду еще расширить учебный составъ университетовъ введеніемъ новыхъ кафедръ. Но рамки физико-математическихъ факультетовъ предполагалось расширить допущеніемъ устройства при нихъ техническихъ отдѣленій. Постановленіе объ этомъ предметѣ выражено въ слѣдующемъ параграфѣ:

§ 50. При физико-математическихъ факультетахъ могутъ быть устраиваемы техническія отдѣленія преимущественно для имѣющихъ въ виду поступленіе въ высшія спеціальныя училища. Составъ и продолжительность курса на техническомъ отдѣленіи, а также требованія окончательнаго испытанія, устанавливаются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія по соглашенію съ вѣдомствами гдѣ состоятъ таковыя училища. Дополнительный штатъ, по ходатайству министра Народнаго Просвѣщенія, утверждается въ законодательномъ порядкѣ.

„Весьма замѣтная часть, пояснено въ *Соображеніяхъ*, обучающихся на физико-математическихъ факультетахъ имѣетъ въ виду поступленіе въ высшія спеціальныя училища и академію военного и другихъ вѣдомствъ; кромѣ того есть готовящіяся быть учителями въ реальныхъ училищахъ (въ каковыхъ чувствуется недостатокъ для устроенія коего принимаются исключительныя мѣры); есть предлагающіе заняться практическимъ дѣломъ въ области промышленности, хозяйства, торговли. Для лицъ этихъ категорій было бы весьма важно еслибъ университетскій курсъ давалъ имъ болѣе чѣмъ нынѣ возможность ознакомиться съ черченіемъ (какое вообще не входитъ въ курсъ), практической механикой, технологіей и другими практическими предметами. Устройство при университетахъ болѣе или менѣе обширныхъ институтовъ техническаго характера потребовало бы значительныхъ средствъ. Но со средствами сравнительно скромными можно, какъ свидѣлствуютъ компетентныя лица, чрезъ открытіе техническихъ отдѣленій привести значительную пользу молодымъ людямъ упомянутыхъ категорій. Предлагаемыми въ проектѣ устава постановленіями по этому предмету имѣется въ виду открыть возможность, по мѣрѣ средствъ, къ учрежденію при университетахъ таковыхъ отдѣленій.“

По отношенію къ личному составу факультетовъ, опредѣляемому числомъ кафедръ, въ проектѣ „обращено, какъ значитъ въ *Соображеніяхъ*, вниманіе чтобы сохранить нынѣ существующіе пути и открыть новые къ тому: 1) чтобы преподаваніе основныхъ предметовъ факультетскаго обученія могло быть подкрѣвлено въ тѣхъ случаяхъ когда для возведенія его на надлежащую высоту наличныхъ силъ факультета почему-либо недостаточно; 2) чтобы лицамъ получившимъ особую извѣстность учеными трудами своими могъ быть открытъ доступъ въ университетъ и въ тѣхъ случаяхъ когда штатныя мѣста заняты, и 3) чтобы при дальнѣйшемъ развитіи науки и преподаванія университетамъ предоставляена была возможность ходатайствовать объ измѣненіяхъ въ распредѣленіи кафедръ и объ открытіи новыхъ.

„На этомъ основаніи заключающееся въ § 72 нынѣ дѣйствующаго устава постановленіе:

Отъ министра зависитъ назначать во всякое время сверхштатныхъ профессоровъ изъ лицъ отапочныхъ ученостью, да-

ромъ преподаванія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ, требуемымъ отъ профессоровъ, испрашивая каждый разъ порядкомъ установленнымъ въ Высочайше утвержденныхъ, 22 мая 1862 года, правилахъ о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ, разрѣшеніе на производство необходимаго для такого сверхштатнаго профессора содержанія.

положается и замѣняется слѣдующимъ образомъ:

§ 54. Для усиленія преподаванія по основнымъ предметамъ, при каждомъ факультетѣ, сверхъ вышеозначеннаго въ расписаніи кафедръ числа профессоровъ, могутъ быть, въ виду особой ожидаемой пользы, определяемы, по ходатайству факультетовъ или прямому назначенію министромъ, еще не болѣе трехъ ординарныхъ или экстраординарныхъ профессоровъ причисляющихся къ штатнымъ. Потребная на содержаніе такихъ профессоровъ сумма отлускается, по мѣрѣ надобности, изъ государственнаго казначейства, вслѣдствіе непосредственнаго сношенія съ министромъ финансовъ объ отлускѣ требующихся окладовъ безъ испрошенія на то Высочайшаго повелѣнія въ законодательномъ порядкѣ.

§ 55. Сверхъ того, для привлеченія къ университетскому преподаванію лицъ пріобрѣтшихъ особую извѣстность по какой-либо отрасли знанія и удовлетворяющихъ прочимъ условіямъ требуемымъ отъ профессора, министру представляется право назначать сверхштатныхъ профессоровъ, испрашивая каждый разъ, порядкомъ установленнымъ Высочайше утвержденныхъ правилъ о составленіи, разсмотрѣніи и утвержденіи смѣтъ, разрѣшеніе на производство необходимаго для такого сверхштатнаго профессора содержанія.

„Кромѣ того, въ число занятій факультетовъ и совѣта включены:

„Предположенія о соединеніи и раздѣленіи кафедръ, замѣнѣ однихъ изъ нихъ другими и открытіи новыхъ“.

„§ 54 можетъ получить большое практическое значеніе въ виду того обстоятельства что при нынѣшнемъ личномъ составѣ факультетовъ и распредѣленіи преподаванія нерѣдко, при многочисленномъ персоналѣ и большомъ расширеніи преподаванія второстепенныхъ отраслей, основные предметы бывають представлены недостаточно.“

Успѣхъ учебнаго дѣла зависитъ отъ хорошаго личнаго состава преподавателей и отъ тѣхъ условій въ какія поставлена ихъ дѣятельность, ибо не должно забывать что хорошій

* Въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ значится: „соединеніе и раздѣленіе кафедръ и замѣна однихъ изъ нихъ другими“ (§ 42, В. 3).

личный составъ не есть ничто разъ назначенное, но ничто дѣйствующее. Требуется рѣшить: 1) какъ сдѣлать чтобы выборъ падалъ на достойныхъ и способныхъ: это обуславливается хорошимъ контингентомъ тѣхъ изъ кого можно выбирать; 2) какъ достичь чтобы данный личный составъ былъ поставленъ въ условія наиболее благопріятныя обнаруженію и развитію его достоинствъ: это обуславливается правильною организациею учебнаго дѣла. Объ организации учебнаго дѣла было выше говорено. Что касается вопроса о пополненіи учебнаго персонала, то тутъ правительство должно прежде всего имѣть въ виду открыть широкую дорогу талантамъ. Это недостижимо при устраниеніи изъ учебной системы принципа конкуренціи и при господствѣ системы самопополненія, которая въ сущности если система монополіи и протекціи. При такой системѣ выборъ легко можетъ принять характеръ односторонности и мелкости. Попадаетъ въ данный университетъ нѣсколько докторовъ Медико-Хирургической Академіи и въ непродолжительномъ времени оказывается цѣлая серія преподавателей изъ академистовъ. Можно прослѣдить такую струю протекціи того или другаго характера. Явленіе совершенно естественное, не подлежащее порицанію по отношенію къ локровителямъ и локровительствуемымъ, но далеко неблагоприятное для открытія дороги талантамъ. Условіе правильного порядка—гораздо болѣе рѣзкое чѣмъ нынѣ разграниченіе класса достигшихъ профессуры и класса лицъ изъ коихъ избираются профессуры. Профессура, какъ награда научной заслуги, и приватъ-доцентство, какъ средство обнаружить талантъ и совершить заслугу,—вотъ двѣ естественныя ступени преподавательской лѣстницы. Обставить тотъ и другой разрядъ возможно-льготными условіями, сдѣлать приватъ-доцентовъ предметомъ особой заботы и особаго вниманія, но не давать профессорской полноправности во имя надеждъ и чуть не прямо съ лавки; требовать научныхъ трудовъ и нѣкоторой извѣстности, какъ необходимаго условія призыва на кафедру, и сдѣлать приватъ-доцентство необходимою ступенью для достиженія профессуры, упразднить нынѣшнюю фальшиво построенную ступень между профессорствомъ и приватъ-доцентствомъ, именуемую штатною доцентурою—таковы требованія правильнои системы замѣщенія кафедръ. Требованія эти осуществлены въ проектѣ устава.

„Профессорское званіе, сказано въ *Соображеніяхъ*, въ

германскихъ университетахъ достигается обыкновенно послѣ продолжительнаго искуса и несомнѣнныхъ заявленій учеными трудами и лекціями, въ званіи приватъ-доцента, своихъ, научныхъ и преподавательскихъ достоинствъ, и разстояніе между профессоромъ и лицами ищущими профессуры гораздо значительнѣе чѣмъ у насъ. У насъ, вслѣдствіе разряда штатныхъ доцентовъ, вопросъ о достиженіи профессуры на практикѣ окончательно разрѣшается выборомъ въ доценты; дальнѣйшее продвиженіе можетъ нѣсколько замедлиться, но почти безъ исключенія бываетъ несомнѣнно (труднѣе въ медицинскихъ факультетахъ, гдѣ назначено очень большое число доцентовъ). Доценты утверждаются полечителемъ, министръ только изъ отчетовъ можетъ усмотрѣть что въ томъ или другомъ университетѣ возведено на кафедре еще нѣсколько новыхъ лицъ. Полечитель со своей стороны при представленіи молодого ученаго, заявившаго себя обыкновенно какимъ-либо однимъ научнымъ трудомъ, нерѣдко сдѣланнымъ въ границахъ подъ руководствомъ и пострадавшихъ наставниковъ, утверждаетъ его доцентомъ, не имѣя основанія къ отказу. Предметъ на долгій срокъ вѣтрется новому преподавателю во имя надеждъ кои легко могутъ не осуществиться. Нерѣдко научная производительность молодого ученаго такъ и оканчивается первыми опытами необходимыми для получения ученыхъ степеней.

„Приватъ-доцентство, представляющее истинный рассадникъ профессоровъ и наилучшій видъ конкурса между ищущими профессуры, чрезъ учрежденіе штатной доцентуры, парализовано, хотя при составленіи устава 1863 года институту приватъ-доцентовъ предполагалось дать широкое развитіе и на него возлагались самыя большія надежды. Упраздненіе штатной доцентуры должно поставить болѣе значительное разстояніе между профессоромъ и молодымъ человекомъ вступающимъ на ученую карьеру, и болѣе значительный промежутокъ отъ школьной скамьи до профессорской кафедры; оно должно послужить къ возбужденію научной дѣятельности и поставить дѣло обновленія личнаго состава преподавателей на болѣе прочное основаніе. Это нисколько не исключаетъ развитія способовъ привлеченія къ учебной карьерѣ.

„Въ виду сихъ соображеній, постановленіе § 68 вывѣ дѣйствующаго устава, гдѣ значится: „никто не можетъ быть „ординарнымъ или экстраординарнымъ профессоромъ, не имѣя

„степени доктора по разряду наукъ соответствующихъ его „каедры““,—предполагается попомять и выразить такъ:

§ 104. Никто не можетъ быть профессоромъ, не заявивъ своими издаваемыми въ свѣтъ трудами что предметы замѣщаемой имъ каедры были имъ специально изучены и разработываемы. Сверхъ того, для полученія званія профессора требуется степень доктора и способность къ преподаванію, доказанная чтеніемъ лекцій не менѣе трехъ лѣтъ въ званіи привать-доцента въ университетѣ или преподавателя въ другомъ высшемъ учебномъ заведеніи. Срокъ этотъ можетъ быть сокращаемъ въ отдельныхъ случаяхъ министромъ Народнаго Просвѣщенія.

„Упомянуемъ о научныхъ трудахъ дается указаніе о непремѣнномъ и подробномъ разборѣ факультетами научныхъ достоинствъ рекомендуемыхъ ими кандидатовъ и о желаніи правительства видѣть на университетскихъ каедрахъ людей усилѣвшихъ занять себя болѣе или менѣе продолжительною научною и педагогическою дѣятельностью, свидѣнія концы вѣдъ спора и направленіе вполнѣ обозначилось. Устраненіе становящагося затѣмъ изаишнимъ требованія докторства непременно „по разряду наукъ“ каедры,—которое на практикѣ не разъ вело къ затрудненіямъ и поощряло изаишнее ранній спеціальнымъ занятіямъ,—открываетъ болѣе обширный просторъ избраніямъ. Многочисленны случаи что молодой ученый, котораго первый научный шагъ былъ по известной отрасли науки, затѣмъ заинтересовывался какою-либо смежною областью и становился въ ней замѣчательнымъ мастеромъ.“

Съ упраздненіемъ штатной доцентуры естественно поднимается институтъ привать-доцентовъ.

Постановленія о привать-доцентахъ заключаются въ §§ 114 и 115 проекта, гдѣ значится:

§ 114. Привать-доцентами могутъ быть:

- 1) Лица имѣющія высшія ученые степени.
- 2) Профессоры другихъ высшихъ учебныхъ заведеній послѣ пробаго чтенія, съ особаго разрѣшенія министра, если они не университетскаго образованія.
- 3) Лица выдержавшія испытаніе на степень магистра, но еще не защитившія диссертациі, по полученіи отъ какаго-либо изъ университетовъ свидѣтельства на право преподаванія въ качествѣ привать-доцента.

Примѣчаніе. Таковое свидѣтельство дается факультетомъ на основаніи пробныхъ чтеній—одного на тему по собственному избранію, другаго на тему данную факультетомъ.

Лица этой категоріи не могутъ быть привать-доцентами ранѣе трехъ лѣтъ послѣ окончанія университетскаго курса.

§ 115. Имѣющій право и желающій вступить привать-доцентомъ въ университетъ подаетъ въ соответствующій факультетъ прошеніе съ указаніемъ предмета какой желаетъ преподавать и, въ случаѣ согласія факультета, по истребленіи чрезъ ректора разрѣшенія полечителя, принимается въ число привать-доцентовъ университета, о чемъ ректоръ сообщаетъ для свѣдѣнія совѣту.

Примѣчаніе. Если факультетъ отказывается въ своемъ согласіи, ищущій права преподаванія можетъ апеллировать къ полечителю, который, истребовавъ чрезъ ректора у факультета основанія отказа, представляетъ дѣло со своимъ заключеніемъ министру.

„Нынѣ дѣйствующими постановленіями, пояснено въ *Сображеніяхъ*, отъ ищущихъ привать-доцентуры, но не имѣющихъ магистерской степени, требуется представленіе особой диссертациі про *venia legendi* (§ 68). Случаи представленія таковыхъ диссертаций весьма рѣдки, такъ какъ изготовленіе таковой мѣшаетъ изготовленію магистерской. Правильнѣе представляется требовать вмѣсто диссертациі успѣшнаго окончанія устной части магистерскаго испытанія, какъ это и выражено въ § 114.

„Привать-доцентамъ, какъ и нынѣ, не полагается штатнаго содержанія, но въ видахъ поддержки такого полезнаго института допускается, кромѣ говорара со слушателей, каковаго нынѣ нѣтъ, выдача вознагражденій, какъ указано въ § 118, причемъ назначеніе вознагражденія не предоставляется, какъ нынѣ (§ 74), исключительно усмотрѣнію университетскаго совѣта. Вознагражденіе выдается послѣ истекшаго полугодія успѣшнаго преподаванія и размѣръ его опредѣляется смотря по обстоятельствамъ, принимая во вниманіе условія каждаго отдѣльнаго случая. Кромѣ того, привать-доценты вступившіе въ должность руководителей (§ 135) получаютъ содержаніе по этой должности.“

Въ видахъ расширенія преподаванія въ проектѣ предполагалось предоставить членамъ Академіи Наукъ право преподаванія въ университетахъ.

Это выражено въ § 113, гдѣ значится:

§ 113. Члены Академіи Наукъ имѣютъ право читать лекціи въ университетѣ. Академикъ желающій въ предстоящій семестръ воспользоваться этимъ правомъ подаетъ одновременно съ заявленіями профессоровъ о курсахъ и свое заявленіе въ факультетъ и приглашается въ засѣданіе, когда обсуждается распредѣленіе чтеній; но вообще члены Академіи преподающіе въ университетѣ не участвуютъ въ засѣданіяхъ

факультета и совѣта и не избираются въ университетскія должности; относительно же вознагражденія ихъ за преподаваніе къ нимъ примѣняются правила установленныя для приватъ-доцентовъ (§§ 117 и 118).

Далѣе, баллотированіе экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные предполагалось отмѣнить и повышение производить по старшинству.

„Чтобъ уменьшить, читаемъ въ *Соображеніяхъ*, количество баллотировокъ и устранить ненормальность въ положеніи экстраординарныхъ профессоровъ засѣдающихъ въ совѣтѣ наравнѣ съ ординарными, но зависящихъ отъ сочленовъ по совѣту въ своемъ повышеніи, предполагается баллотированіе при повышеніи изъ экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные устранить и повышение это производить, какъ значится въ § 103, по старшинству профессорской службы исчисляемой въ Министерствѣ Просвѣщенія особо по каждому факультету, но для всѣхъ университетовъ подлежащихъ дѣйствию устава въ совокупности. Таковой порядокъ исчисления старшинства необходимъ, дабы не было напрасныхъ поводовъ къ переходу экстраординарныхъ профессоровъ изъ одного университета въ другой единственно изъ расчета воспользоваться болѣе благоприятными условіями старшинства.“

Наконецъ, предполагалось отмѣнить, въ связи съ измѣненіемъ пенсійныхъ правилъ, баллотированіе для оставленія на службѣ по высугѣ 25 лѣтъ.

Относительно порядка назначенія профессоровъ предполагалось возстановить право министра безъ тѣхъ ограниченій какія приняты въ уставѣ 1863 года.

Нигдѣ въ образованномъ мірѣ правительство не отказывается отъ участія въ такомъ государственномъ дѣлѣ какъ замѣщеніе каедръ въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ и нигдѣ не выражаетъ въ законѣ своей некомпетентности и неспособности въ этомъ дѣлѣ, какъ требуется отъ нашего правительства тѣми которые находятъ необходимымъ чтобъ оно связало себя по рукамъ и по ногамъ и ждало спасенія единственно отъ совѣтскаго рукоположенія. Забываютъ что рукоположеніе это уже выражается въ правѣ дарованія ученыхъ степеней. Государство не посвящаетъ во епископа, но не отказывается отъ права назначить епископа въ ту или другую епархію. Почему же право назначить лицо признанное тѣмъ или другимъ университетомъ достойнымъ

степени доктора въ Казань или Харьковъ есть нарушение естественныхъ правъ университетскою коллегіею? Говорить что сохраненіе за правительствомъ права назначенія профессоръ равнозначительно съ предоставленіемъ этого права столоначальникамъ департамента просвѣщенія можно конечно для журнальной шутки, но не для серьезнаго обсужденія дѣла. Защитники системы исключительнаго самолюдовленія пренебрегаютъ фактами, забывая, на примѣръ, что Московскій Университетъ именно вопрека этой системѣ получалъ Грановскаго, Кудрявцева, Соловьева, Леонтьева, Крюкова и многихъ другихъ. Въ отложенномъ уставѣ предполагалось сохранить за министромъ право назначать профессоръ и по своему усмотрѣнію, съ сохраненіемъ за университетами права рекомендаціи путемъ выбора и представленія.

Для этой цѣли въ проектъ введенъ былъ § 108, коимъ вмѣстѣ съ §§ 105, 106, 107 опредѣляется порядокъ назначенія профессоръ. Въ параграфѣ этомъ значится:

§ 108. Представленіе университета имѣетъ значеніе рекомендаціи. Отъ усмотрѣнія министра зависитъ утвердить лицо избранное совѣтомъ, назначить профессора изъ числа кандидатовъ предложенныхъ въ университетъ, или опредѣлить такового изъ постороннихъ лицъ удовлетворяющихъ требованіямъ § 104.

Остальными параграфами указывался порядокъ выбора и представленія кандидатовъ отъ университета. Имѣлось въ виду чтобы министръ въ сужденіяхъ людей компетентныхъ имѣлъ по возможности болѣе данныхъ для своего рѣшенія. Для этой цѣли введено требованіе чтобы всѣ документы касающіеся избранія кандидатовъ въ факультетъ и совѣтъ представлялись чрезъ полечителя, съ его заключеніемъ, министру.

Вопросъ о матеріальныхъ средствахъ университетовъ и о вознагражденіи профессоръ, очевидно, имѣетъ важное значеніе для преуспѣванія этихъ учрежденій. Считаемо полезнымъ привести соображенія по этому предмету заключающіяся въ *Объясненіи* къ предполагавшимся новымъ штатамъ университетовъ.

„На университеты въ настоящее время отпускаются изъ государственнаго казначейства немалозначительныя суммы, а именно: на шесть университетовъ, находящихся подъ дѣйствіемъ общаго устава (Петербургскій, Московскій, Харьковскій, Казанскій, Св. Владиміра и Новороссійскій), назначено

до 1.976.000 р. но штатамъ и отлускается около 280.000 р. сверхъ штата. Между тѣмъ во всѣхъ университетскія коллегіи высказываютъ жалобы на недостаточность средствъ для осуществленія научныхъ и педагогическихъ цѣлей этихъ учрежденій, повидимому, не скупо одаренныхъ; указываютъ на невозможность устроить, не выходя изъ предѣловъ штатнаго назначенія, практическія упражненія студентовъ по части опытныхъ наукъ, въ размѣрахъ требуемыхъ современными состояніемъ этой отрасли знаній (въ Петербургскомъ университетѣ оказалось по предмету химіи нужнымъ болѣе чѣмъ удвоить штатное назначеніе отпускомъ сверхъ штата 3.500 руб. въ годъ). Нѣкоторые университеты обращаютъ вниманіе на бѣдность и неудобство расположенія или учебно-вспомогательныхъ учрежденій; во всѣхъ оказывается что средства отпускаемыя на хозяйственныя потребности по штату совершенно недостаточны (въ Московскомъ, на примѣръ, Университетѣ, гдѣ по штату отлускается 45.000 р. на отопленіе и ремонтъ зданій и 11.000 р. на нижнихъ служителей, отпускъ увеличенъ ежегоднымъ сверхштатнымъ назначеніемъ 28.000 р. на зданія и 12.000 р. на содержаніе служителей). Многочисленны, наконецъ, указанія на неудовлетворительность содержанія профессоровъ и на недостаточную привлекательность условій ученой карьеры въ нашихъ университетахъ и въ особенности на неудобства, иногда несправедливости, истекающія изъ нынѣ дѣйствующихъ постановленій о пенсіяхъ. Такой важный фактъ: съ одной стороны значительное государственное пожертвованіе, съ другой—указанія и жалобы на недостаточность средствъ и на бѣдность, очевидно, заслуживаетъ большаго вниманія и разъясненія, слобснаго дать указаніе на условія дальнѣйшаго развитія нашихъ университетовъ.

„Со введеніемъ устава 1863 года университетскій бюджетъ, сравнительно съ тѣмъ какъ оный опредѣлялся уставомъ 1835 года, былъ увеличенъ въ размѣрахъ весьма значительныхъ. По штатамъ 1835 года на четыре университета (Петербургскій, Московскій, Харьковскій и Казанскій) отлускалось на ассигнаціи 1.466.450 рублей, а съ присоединеніемъ штатной суммы университета Св. Владиміра (штатъ 1842 года) на пять университетовъ 1.836.450 р., что на серебро составляетъ 524.700 рублей. На тѣ же пять университетовъ штатомъ 1863 года назначено къ отпуску 1.762.000 рублей сере-

бромъ. Отпускъ увеличенъ, слѣдовательно, болѣе чѣмъ въ 3,2 раза. Таково общее возрастаніе суммы. Но разсматривая возрастаніе это по частямъ, не трудно убѣдиться что по разнымъ отдѣламъ издержекъ возрастаніе это было неравномѣрно и имѣло весьма различное значеніе. Оно произошло главнымъ образомъ по статьѣ о личномъ составѣ служащихъ по учебной части. Жалованье профессоровъ было удвоено и самое число преподавателей также удвоено (съ 52 на 103 въ каждомъ университетѣ съ четырьмя факультетами). Отпускъ увеличился въ 3,6 раза. На учебный персоналъ пяти упомянутыхъ университетовъ отпускалось по штатамъ 1835 года на серебро около 300.000 р., по штатамъ 1863 года назначено до 1.078.000 руб.

„Средства отпускаемыя на учебно-вспомогательныя учрежденія (библіотека, кабинеты, лабораторіи и пр.) по штату 1863 года также значительно увеличены. На учрежденія эти по уставу 1835 года отпускалось до 50.000 р. на серебро, по уставу 1863 года 150.000 р., слѣдовательно втрое болѣе. Но два обстоятельства много ослабляютъ значеніе этого увеличенія. Многочисленность новыхъ институтовъ, возникновеніе каковыхъ было естественнымъ слѣдствіемъ размноженія кафедръ, повела къ значительному дробленію общей отпускаемой суммы. Съ другой стороны, при существованіи въ прежнее время экономической суммы издержки по расширенію и пополненію учебно-вспомогательныхъ учрежденій и возведенію новыхъ въ значительной долѣ падали на эти средства и слѣдовательно далеко не выражались отпускомъ положеннымъ по штату, а значительно его превышали.

„То же и еще въ большей степени надлежитъ сказать объ издержкахъ по хозяйственной части. Хотя по штату на содержаніе зданий и на нижнихъ служителей, согласно уставу 1835 года, на пять упомянутыхъ университетовъ назначалось менѣе 40.000 р., а согласно уставу 1863 года положено 107.000 р. и сверхъ штата добавляется 10.000 р., но вслѣдствіе экономическихъ суммъ находившихся въ распоряженіи университетскихъ начальствъ средства на хозяйственныя потребности были прежде сравнительно болѣе значительны чѣмъ какъ оказалось въ послѣдствіи. На благоустройство зданий и вообще на вѣшность было обращено особое, иногда быть-можетъ чрезмѣрное вниманіе, но всегда былъ скорѣе избытокъ чѣмъ недостатокъ въ средствахъ. На постройки,

передѣлки, перемѣщенія постоянно тратились значительныя суммы. Со стороны вѣдѣности вышшее состояніе университетскихъ помѣщеній во многихъ случаяхъ надлежитъ признать состояніемъ бѣдности, цюгда даже залуценности сравнительно съ состояніемъ ихъ въ прежнее время, когда университеты имѣли экономическія суммы. Многія изъ университетскихъ зданій не въ далекомъ будущемъ потребуютъ капитальной ремонтировки, дабы быть приведенными въ условія надлежащей прочности и удобства.

„Отпускъ на содержаніе университетской администраціи и инспекціи подвергся уставомъ 1863 года сравнительно меньшему измѣненію. На пять университетовъ вмѣсто 35.000 р. на серебро, отпускаящихся по штатамъ 1835 и 1842 годовъ, штатомъ 1863 года положено было около 65.000 руб.

„Такимъ образомъ со стороны бюджета главное измѣненіе внесенное уставомъ 1863 года есть увеличеніе болѣе чѣмъ въ три съ половиною раза отпуска на содержаніе учебнаго персонала университетовъ. И такъ какъ измѣненіе это произошло какъ отъ увеличенія содержанія преподающимъ, такъ и отъ удвоенія ихъ числа, то оно не только получило значеніе крупной прибавки въ бюджетъ, во и повело къ значительнымъ послѣдствіямъ для всего университетскаго строя.

„Оно повліяло на всѣ стороны университетскаго быта и вызвало многія новыя потребности оказавшіяся не довольно обезпеченными.

„Удвоеніе числа кафедръ и преподавателей должно было необходимо повести за собою значительное расширеніе самаго преподаванія вступившаго такимъ образомъ въ новыя условія. Согласно этимъ новымъ условіямъ должно было бы подвергнуться соотвѣтственнымъ измѣненіямъ и дѣло обученія студентовъ. Оно безъ ущерба для услѣдственности не могло оставаться при простотѣ условій прежнихъ немногочисленныхъ курсовъ и имъ соотвѣтственныхъ экзаменовъ. Между тѣмъ, именно важный и трудный вопросъ объ устройствѣ обученія студентовъ при новыхъ условіяхъ преподаванія не былъ достаточно разрѣшенъ постановленіями устава 1863 года и не привлекъ къ себѣ со введеніемъ этого устава надлежащаго вниманія университетскихъ корпорацій, усмотрѣнію коихъ поручалось дѣло.

„Вслѣдствіе этого обстоятельства въ циркулярѣ 1872 года, коимъ начато дѣло о пересмотрѣ устава 1863 года, обращено

было особое вниманіе университетовъ на изысканіе и указаніе средствъ „къ поднятію занятій студентовъ“. Внимательное обсужденіе вопроса привело министерство къ убѣжденію что простое увеличеніе отпуска средствъ на учебныя пособія, на умноженіе персонала лаборантовъ и другихъ лицъ состоящихъ при учебно-вспомогательныхъ учрежденіяхъ, на прибавленіе новыхъ кафедръ и повышеніе профессорскаго содержанія, — на что какъ на главныя средства къ поднятію студенческихъ занятій весьма согласно указывали университетскія корпораціи, — не поведетъ къ достиженію цѣли, если не будетъ сопровождаться мѣрами органическаго характера касающимися самаго устройства преподаванія. Рядъ такихъ мѣръ, по обсужденію ихъ въ комиссіи для пересмотра устава университетовъ, и введенъ нынѣ въ проектъ новаго устава.

„Хотя осуществленіе этихъ мѣръ и не требуетъ значительныхъ издержекъ, но вовсе безъ издержекъ оно неисполнимо. Остановиваться предъ нѣкоторыми пожертвованіями въ виду величайшей важности вопроса о поднятіи научныхъ занятій учащихъ въ нашихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ при нынѣшнихъ обстоятельствахъ было бы крайне неразумно.

„Между такими мѣрами первое мѣсто занимаетъ преобразование экзаменовъ, такъ какъ экзаменами обусловливается характеръ занятій массы студентовъ. Для осуществленія мѣръ частныхъ относительно экзаменовъ потребуются сумма для вознагражденія экзаминаторовъ. Сумма эта, такъ какъ часть вознагражденія покроеется взносомъ экзамирующихся, исчислена лишь въ 80.000 р. для всѣхъ университетовъ подлежащихъ дѣйствію устава. Нынѣ профессеры за экзамены не получаютъ особаго вознагражденія. Между тѣмъ экзаменъ производимый серьезно есть весьма значительный трудъ, распределенный притомъ чрезвычайно неравномерно между преподавателями. Тогда какъ преподаватель напримѣръ химіи, читаемой и на математическомъ, и на медицинскомъ факультетахъ, имѣетъ въ маѣ мѣсяцъ въ многолюдныхъ университетахъ до 600 и болѣе экзамирующихся, преподаватель какого-либо спеціальнаго курса имѣетъ таковыхъ пятнадцать, десять и даже менѣе. По новымъ правиламъ предполагается апрѣль и маѣ мѣсяцы, нынѣ свободные отъ лекцій, включить въ лекціонный періодъ. Было бы крайнею несправедливостью обременять читающихъ на многолюдныхъ курсахъ сверхъ того значительною тратой времени на испытанія безъ вознагра-

жденія. Экзаминаторскій трудъ долженъ еще значительно увеличиться съ измѣненіемъ характера испытаній, каковыя не должны быть, какъ мыѣ, простою релитациею изъ прочтеннаго курса, а повѣркой знанія предмета, производимой притомъ не въ устной только, но и въ письменной формѣ. Если бы не было возможности дать вознагражденія экзаминаторамъ, то пришлось бы отказаться отъ мысли объ отдѣленныхъ отъ текущаго преподаванія экзаменахъ, въ которой каючъ всего преобразованія.

Другія мѣры касаются занятій студентовъ въ теченіе годичныхъ курсовъ. При нынѣ дѣйствующихъ постановленіяхъ студенты остаются какъ по отношенію къ поведенію, такъ и по отношенію къ занятіямъ почти внѣ всякаго наблюденія университета. Въ городѣ они граждане, какъ и всѣ другіе, въ университетскихъ занятіяхъ предоставляемы собственному усмотрѣнію, какъ имъ ни въ чемъ, кромѣ курсовыхъ испытаній, не контролируемому. Усиленіе нравственнаго надзора, принятіе мѣръ для привлеченія студентовъ къ занятіямъ болѣе или менѣе равномерно распределяемымъ, а не сосредоточивающимся только предъ экзаменами—задача чрезвычайной важности, на которую обращено значительное вниманіе въ постановленіяхъ новаго устава. Рѣшеніе ея въ свою очередь невозможно безъ нѣкотораго усиленія матеріальныхъ средствъ. Мѣсто инспектора, дабы привлечь къ этой важной и нынѣ трудной должности лицъ вполне соответственныхъ ея значенію, должно быть поставлено высоко въ университетской іерархіи и достаточно вознаграждаемо. Содержаніе инспектору повышено потому до 4.000 рублей. Содержаніе помощниковъ инспектора, трудъ коихъ увеличивается съ расширеніемъ надзора за студентами, также повышено съ 800 до 1.500 рублей. Число ихъ, какъ и въ нынѣ дѣйствующемъ уставѣ, поставлено въ зависимость отъ числа студентовъ и значительно увеличено, такъ какъ признаемо необходимымъ имѣть по одному помощнику инспектора на каждыя 150 студентовъ. Въ злобу, когда казеннокоштные студенты помѣщались въ университетскихъ зданіяхъ и находились потому подъ непосредственнымъ наблюденіемъ начальства, они были предметомъ особаго попеченія, вызывавашаго и особыя издержки, иногда значительныя. Нынѣ помощь учащимся ограничивается выдачею на руки стипендіальныхъ суммъ. Возвращеніе къ системѣ многолюдныхъ общежитій

потребовало бы значительныя пожертвованій, на которыя нельзя было разчитывать. Цѣль имѣется въ виду достигнуть чрезъ жостеленное, по мѣрѣ средствъ, учрежденіе общедоступнѣйшими сравнительно группами учащихся. Но дабы имѣющіяся средства могли быть употреблены возможно производительнѣе, необходимо чтобы шла она по возможности на достойнѣйшихъ. Для этой цѣли имѣется въ виду не только поведеніе, но и научныя, въ теченіе года, занятія студентами, по крайней мѣрѣ въ первые два года ученія, поставить подъ нѣкоторое наблюденіе учебнаго университетскаго персонала, раздѣляя учащихся на группы, съ порученіемъ таковыхъ особымъ руководителямъ изъ лицъ этого персонала. Еслибы, какъ есть основаніе надѣяться, система оказалась благодѣтельною, она могла бы получить расширеніе. Трудъ руководителя требуетъ нѣкотораго вознагражденія. Разчитывая оное въ размѣрѣ отъ трехсотъ до пятисотъ рублей на руководителя, потребности можно удовлетворить ежегоднымъ отпускомъ 30.000 р. съ предоставленіемъ суммы полностью въ распоряженіе министерства распределяющаго оную по мѣрѣ дѣйствительной потребности между университетами.

„Приготовленіе учителей для среднихъ учебныхъ заведеній, при быстромъ возрастаніи числа оныхъ, требуетъ особой заботы. Въ Германіи и Австріи учрежденныя при университетахъ по главнымъ предметамъ семинаріи оказались относительно приготовленія преподавателей мѣрою чрезвычайно полезною. Не меньшую пользу приносятъ семинаріи и юридическаго факультета для приготовленія юристовъ какъ ученыхъ, такъ и практиковъ. Учрежденіе семинарій имѣется въ виду и въ новомъ уставѣ. Такія семинаріи, по разчету для трехъ факультетовъ, по филологическимъ, юридическимъ и математическимъ наукамъ требуютъ для своего осуществленія отпуска 7.500 р. на университетъ. Такъ какъ успѣхъ семинарій обуславливается главнымъ образомъ педагогическою дѣятельностью и вообще умѣностью завѣдующихъ, на каковую не каждый профессоръ способенъ, то семинаріи поддерживаемыя упомянутою суммой не должны быть непремѣннымъ учрежденіемъ каждаго университета. Учрежденіе ихъ въ томъ или другомъ университетѣ должно быть предоставлено министру, дѣйствующему по соображенію всѣхъ мѣстныхъ условій, а потому и испрашиваемая на семинаріи общая сумма 45.000 р. должна быть отпускаема въ распоряженіе министра.

„Если справедливо и съ государственными видами согласно оказывать помощь съ успѣхомъ учащимся студентамъ, предвѣщающимъ себя къ дѣятельности по разнымъ отраслямъ службы, требующимъ высшаго образованія, то тѣмъ болѣе поощренія и поддержки заслуживаютъ тѣ молодые люди которые, окончивъ университетскій курсъ, посвящаютъ себя научнымъ занятіямъ и вступаютъ на поприще преподаванія въ качествѣ привать-доцентовъ. Институтъ привать-доцентовъ, признанный полезнымъ еще при составленіи устава 1863 года, нуждается въ поддержкѣ. Даже въ Германіи, при тамошнемъ общиіи научныхъ силъ, признано полезнымъ въ новѣйшее время предоставить въ распоряженіе министерства просвѣщенія немалозначительную сумму, распределяемую между нуждающимися привать-доцентами. Въ распоряженіи нашего министерства есть сумма 70.000 р. для приготовления профессоровъ и учителей. Изъ суммы этой производятся командировки за границу, содержится цѣлое учрежденіе, Лейпцигская семинарія. Суммы этой для вознагражденія еще и привать-доцентовъ было бы совершенно недостаточно. Для поддержанія привать-доцентовъ необходимъ новый отлускъ въ размѣрѣ 10.000 р. на университетъ (всего, слѣдовательно, 60.000 р.) также предоставляемый полностью въ распоряженіе министра.

„Таковы добавочные отлуски требуемые новыми постановленіями. Отлуски эти не потребуются, впрочемъ, немедленно, такъ какъ осуществленіе предполагаемыхъ мѣръ потребуетъ болѣе или менѣе значительнаго времени.

„Представляется вопросъ: нельзя ли избѣгнуть новыхъ отлусковъ изъ государственнаго казначейства и достигнуть цѣли новымъ болѣе экономнымъ распределеніемъ отлускаемой суммы? Внимательное разсмотрѣніе университетскаго бюджета заставляетъ отказаться отъ этой мысли. Выше упомянуто что главная часть университетскаго бюджета, единственная въ которой могло бы быть сдѣлано серьезное сокращеніе, есть содержаніе весьма обширнаго учебнаго персонала. Сократить данное жалованье было бы очевидно мѣрою несправедливою, предложить каковую едва ли кто рѣшится. Но нельзя ли сократить число кафедръ и возвратиться къ малочисленному учебному персоналу? Спрашивается: желательно ли это? Пришлось бы оставить за штатомъ немалое число достойныхъ дѣятелей, вступившихъ на научное поприще послѣ

значительной затраты умственныхъ силъ съ увѣренностью въ прочности своего служебнаго положенія. Пришлось бы сдѣлать насильственный поворотъ въ установившемся ходѣ преподаванія, постепенное расширеніе котораго было доселѣ всегда предметомъ поощренія. Широкое развитіе преподаванія есть характеристическая черта германскихъ университетовъ; въ немъ задача и нашихъ, построенныхъ по германскому образцу. Если и можно считать шагъ сдѣланный въ этомъ направленіи уставомъ 1863 года не довольно соразмѣреннымъ съ наличными научными силами, то во всякомъ случаѣ шагъ этотъ уже сдѣланъ. И нельзя не признать что въ области научнаго движенія реформа обогатившая университетъ обиліемъ новыхъ кафедръ не осталась безплодною. Научная производительность возрасла значительно. Нынѣ задача не въ томъ чтобъ останавливать это расширеніе, а въ томъ чтобъ извлечь изъ него пользу и для развитія науки, и для обученія юношества. Чтобы расширеніе преподаванія могло привести всѣ свои плоды на пользу учащихся, необходимо примѣнительно къ нему правильно организовать студентскія занятія и направить вниманіе не на распространеніе преподаванія только въ ширь чрезъ обиліе второстепеннаго, а на углубленіе его и сосредоточеніе на отдѣлахъ первостепенной важности для учащихся. Этимъ путемъ надлежитъ пополнить дѣло начатое преобразованиемъ 1863 года, не разрушая того что сдѣлано въ видахъ развитія научной дѣятельности въ нашемъ отечествѣ. Пополненіе это сдѣлать безъ жертвованій со стороны государства невозможно. Такое жертвованіе должно быть сдѣлано.

„Въ новыхъ штатахъ отлускъ на личный составъ оставленъ приблизительно тотъ же какъ и въ нынѣ дѣйствующемъ. Но упраздненіе разряда штатныхъ доцентовъ повело, — дабы рамки преподаванія могли быть сохранены, — къ увеличенію числа профессоровъ, такъ что вмѣсто 39 ординарныхъ, 18 экстраординарныхъ профессоровъ и 30 доцентовъ, положенныхъ нынѣ на четыре факультета каждаго университета, въ новомъ уставѣ полагается 47 ординарныхъ и 23 экстраординарныхъ профессоровъ. Нѣкоторыя сокращенія въ числѣ кафедръ сдѣланы въ виду постановленія допускающаго расширеніе преподаванія въ будущемъ по мѣрѣ возрастанія научныхъ силъ.

„При составленіи новыхъ постановленій обращено вниманіе на слѣдующее важное обстоятельство. Нынѣ, при значитель-

номъ числѣ кафедръ, не рѣдко между тѣмъ явленіе что первостепенные предметы на факультетѣ преподаваны въ преподаваніи недостаточно или даже слабо. Между тѣмъ успѣхъ обученія главнымъ образомъ зависитъ отъ серьезнаго ознакомленія учащихся съ основными научными дисциплинами. Дабы министерство въ подобныхъ случаяхъ могло придти на помощь факультетамъ, дабы, съ другой стороны, молодые ученые, готовящіеся въ профессора, сами сосредоточивали занятія свои на предметахъ первостепенной важности, не отвлекаясь соображеніемъ что соответствующія кафедры заняты и скоро вакансій не предвидится, а напротивъ, возбуждаясь надеждой что для серьезно заявившаго свой талантъ мѣсто найдется, — министру дается право по ходатайству университетовъ или по собственному усмотрѣнію увеличивать число профессоровъ главныхъ предметовъ въ количествѣ до трехъ на факультетъ. При этомъ сохраняется и нынѣшнее постановленіе объ исходайствованіи въ исключительныхъ случаяхъ законодательнымъ путемъ отпуска на сверхштатныхъ профессоровъ. § 54 увеличеніе числа профессоровъ, имѣя большую важность для будущаго, въ ближайшее время практическое значеніе получить по отношенію къ тѣмъ немногимъ профессорамъ на коихъ простирается допущенное незначительное сокращеніе кафедръ и коихъ между тѣмъ желательно сохранить для университетскаго преподаванія. Такимъ образомъ по штату полагается на физико-математическомъ факультетѣ по биологическимъ наукамъ три профессора. Между тѣмъ нынѣ въ большинствѣ университетовъ ботаника представлена двумя, зоологія и сравнительная анатомія тремя профессорами, всего слѣдовательно пятью. § 54 даетъ возможность не разстраивать установленнаго объема преподаванія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и не вводитъ въ уставъ непримѣимаго требованія пяти профессоровъ для сказанныхъ предметовъ: по различнымъ научнымъ силамъ можетъ оказаться гдѣ-либо болѣе цѣлесообразнымъ имѣть, напримѣръ, вмѣсто втораго зоолога или ботаника лишняго преподавателя по физико-химическому отдѣлу наукъ.

„Въ интересѣ довольно значительной доли учащихся на физико-математическихъ факультетахъ допускается § 50 новаго устава устройство при сихъ факультетахъ техническихъ отдѣленій. Устройство оныхъ, проектируемое въ размѣрахъ скромныхъ, поставлено въ зависимость отъ законодатель-

даго разрѣшенія въ будущемъ и отпуска въ настоящемъ не требуетъ.

„Что касается вознагражденія отдѣльныхъ профессоровъ, то оно остается безъ измѣненія. Однако, новыми постановленіями матеріальное положеніе преподающихъ улучшается. Въ основаніе принять принципъ чтобы каждый лишній трудъ велъ за собою увеличеніе вознагражденія. Преподаватель получаетъ прибавку какъ скоро на него возлагается обязанность экзаменатора; онъ получаетъ вознагражденіе если назначается на себя, въ качествѣ руководителя, наблюденіе за занятіями студентовъ; завѣдующій семинаріей долженъ также пользоваться особымъ вознагражденіемъ. Наконецъ значительнѣйшая часть сбора за слушаніе лекцій обращается въ пользу преподавателей въ формѣ гонорара. * И нынѣ не малая часть сбора идетъ на преподавателей, иногда въ формѣ прямого раздѣла известной его части, во многихъ случаяхъ въ формѣ вознагражденія,—съ цѣлью усилить преподаваніе,—научнымъ и особо приглашаемымъ преподавателямъ, въ формѣ также заграничныхъ командировокъ, пособій и т. п. Въ этомъ отношеніи различіе будетъ въ томъ что доля эта увеличится и раздѣлъ приметъ однообразную форму, согласно системѣ считаемой непрѣмлемою принадлежностью того университетскаго строя какой примать въ германскихъ, а отъ нихъ заимствованъ и въ нашихъ университетахъ.

„Въ улучшенію положенія преподавателей должны вести и новыя постановленія о пенсіяхъ.

„Въ новыхъ штатахъ распредѣленіе должностей по пенсіямъ сохранено,—съ небольшими выже оговоренными отступленіями,—тоже какъ въ штатахъ нынѣ имѣющихъ силу; но въ уставѣ введены относительно пенсіонныхъ правъ лицъ считающихся состоящими по учебной службѣ новыя постановленія, кои и должны устранить нѣкоторыя вопіющія несообразности нынѣшняго порядка.

„Государь Императоръ въ то время когда, бывъ еще На-

* § 137. Съ каждаго студента и посторонняго слушателя взимается за слушаніе лекцій: а) въ пользу университета по три рубля за каждое полугодіе и б) въ пользу отдѣльныхъ преподавателей, лекціями и руководствомъ коихъ онъ желаетъ пользоваться. Правила о размѣрѣ, примѣнительно къ нормѣ одного рубля за недѣльный часъ, и порядокъ взноса платы въ пользу преподавателей, а также объ условіяхъ освобожденія отъ оной устанавливаются министерствомъ. Отъ взноса въ пользу университета никто не освобождается.

сѣдѣвикомъ Престола, завѣдывавъ военно-учебными заведеніями, такъ высказался въ 1852 году о необходимости особыхъ пенсіонныхъ постановленій для лицъ посвящающихъ себя учебной службѣ: „Зная близко свойства и условія учебной службы Моего вѣдомства“, читаемъ во *Мнѣніи* Его Величества (*Журналъ Мин. Нар. Просв.* 1878 годъ, мартъ)—„нахожу что она не только не можетъ быть подведена вполнѣ подъ правила общаго пенсіоннаго устава, но должна сохранить особыя данныя ей преимущества, если не хотятъ разрушить всего благотворнаго на умственное и нравственное образованіе и настоящаго и будущаго поколѣній вліянія, какое произведи и производить уставы дарованныя этой службѣ благостью и мудростью Государя Императора. Не говоря о томъ что служба учебная требуетъ постоянно напряженной дѣятельности и умственной, и тѣлесной, мудрею сдѣлать очевидною для всѣхъ степень этого напряженія, большую нежели какой требуетъ, говоря вообще, служба гражданская; скажу только одно неоспоримое и очевидное для всѣхъ: служба учебная имѣетъ особыя свойства и требуетъ особенныхъ условій, не легкихъ въ исполненіи, не встрѣчающихся въ другомъ родѣ служебной дѣятельности“.

Нѣтъ надобности прибавлять что-либо къ этимъ милостивымъ и непререкаемымъ словамъ Государя Императора. Необходимость особыхъ пенсіонныхъ постановленій для служащихъ по учебной части стоитъ въѣзъ спора. Вопросъ въ томъ: насколько достигается и достигается ли вымѣ дѣйствующими постановленіями благая цѣль законодательства по этой части—сдѣлать изъ пенсіонныхъ преимуществъ учебной службы мѣруощренія и привлеченія которою обезличивалась бы sloкойная старость лицамъ отдавшимъ лучшія силы свои трудной преподавательской дѣятельности? Постановленія устава 1835 года были весьма льготны въ этомъ отношеніи. Профессору предоставлялся въ пенсію *полный окладъ* жалованья. Уставомъ 1863 года профессорское содержаніе въ виду значительнаго возрастанія съ 1835 года дороговизмы жизни было удвоено; но размѣръ пенсіи оставленъ прежній. Между тѣмъ постановленія устава объ условіяхъ продолженія службы по выслугѣ двадцати пяти лѣтъ были составлены въ очевидномъ предположеніи пенсіи равной окладу жалованья. Когда же предположеніе это не осуществилось, уломянутыя постановленія сдѣлались источникомъ значительныхъ затрудненій и повели къ явленіямъ самаго нежелательнаго свойства. Поло-

женіе профессора относительно пенсїи ухудшилось сравнительно съ прежнимъ. Выслуживающему срокъ профессору предстояло: или получить въ случаѣ переизбранія (для какого требовалось $\frac{2}{3}$ голосовъ) полutorное содержаніе, или перейти въ случаѣ забаллотирования на половинный скудный окладъ. Не трудно представить себѣ къ какимъ послѣдствіямъ должно было вести поставленіе старшихъ профессоровъ въ такую зависимость отъ ихъ избирателей. Обнаружившіяся явленія побудили измѣнить правило о $\frac{2}{3}$ голосовъ и ввести требованіе простаго большинства при переизбраніяхъ. Это ослабило зло, но не устранило его. Неудобство нынѣ дѣйствующихъ постановленій есть пунктъ относительно котораго нѣтъ разногласія во мнѣніяхъ членовъ университетскихъ корпорацій. Постановленія эти осуждаются единогласно. При составленіи новыхъ правилъ заключающихся въ §§ 111 и 169 новаго устава министерство имѣло въ виду, съ одной стороны, устранить неудобства вышшняго порядка, съ другой—сдѣлать необходимыя измѣненія, не вводя по возможности государственное казначейство въ новыя издержки по назначенію пенсїонныхъ окладовъ.

„Министерство полагаетъ достигнуть этихъ цѣлей помощію отмѣны нынѣ дѣйствующаго постановленія, согласно коему профессоръ остающійся на службѣ по выслугѣ срока на пенсїю получаетъ и жалованье, и пенсїю. По новымъ постановленіямъ профессоръ прослужившій двадцать пять лѣтъ получаетъ право на пенсїю равную съ жалованьемъ, но въ случаѣ если остается съ согласія начальства (но безъ баллотировки) на службѣ получаетъ только жалованье; слѣдующая же ему пенсїя остается въ экономіи казны. Выгоды предоставляемыя профессору выслужившему тридцатилѣтній срокъ настолько значительны что случаи выхода въ отставку по выслугѣ 25 лѣтъ будутъ исключеніемъ. Можно думать что и послѣ 30 лѣтъ, когда въ пенсїю обращается полное содержаніе, профессеры сохранившіе силы не будутъ, какъ и нынѣ верѣяко случается, слѣшить выходить въ отставку. Разчетъ о томъ что для казны не будетъ ущерба въ случаѣ принятія новыхъ постановленій коммиссія по пересмотру университетскаго устава основана на томъ фактѣ что нынѣ сумма отпускаемая ежегодно на пенсїю лицамъ состоящимъ на службѣ превышаетъ сумму отпускаемую на пенсїю находящимся въ отставкѣ. Такъ, по разчету на 1876 годъ прело-

-дателямъ получающимъ пенсію въ отставкѣ выдано 80.332 р., преподавателямъ же получающимъ на службѣ и пенсію, и жалованье выдано въ качествѣ пенсіи 87.464 руб. Слѣдовательно, еслибы пенсіонные оклады находящимся въ отставкѣ были вдвое болѣе вышнихъ (какъ приблизительно и будетъ при обращеніи всего жалованья въ пенсію), то сумма отпущаемая на пенсіонеровъ остающихся на службѣ сохранилась въ казнѣ, то казначейство имѣло бы въ этотъ годъ болѣе 7.000 руб. экономіи. То же относится и къ другимъ годамъ сосѣднимъ съ 1876 годомъ. Еслибы и по введеніи новыхъ постановленій пропорція остающихся на службѣ и выходящихъ въ отставку сохранилась и впредь та же самая, казна была бы въ прибыли. Можно возразить что пропорція эта при новыхъ постановленіяхъ измѣнится: въ отставку будутъ выходить больше чѣмъ нынѣ, оставаться на службѣ менѣе. Если и согласиться съ этимъ, то во всякомъ случаѣ надлежитъ признать что при выгодахъ предоставленныхъ новыми постановленіями остающимся на службѣ значительнаго увеличенія выходящихъ въ отставку ожидать нельзя, нельзя слѣдовательно и ожидать значительнаго ущерба для казны, если ущербъ вообще будетъ... *

* Предполагавшіяся новыя постановленія о пенсіяхъ выражены въ проектѣ слѣдующимъ образомъ: § 169. 1) Пенсію по выслугѣ 25 и 20 лѣтъ назначаются по размѣру жалованья опредѣленнаго штатами настоящаго устава. 2) Если профессоръ по выслугѣ 25 лѣтъ остается (§ 110) на службѣ при университетѣ, то пенсію сверхъ жалованья не получаетъ. Находясь на службѣ внѣ университета, въ случаяхъ, когда нынѣ дѣйствующими постановленіями допускается полученіе пенсіи сверхъ жалованья, выслужившій двадцатипятилѣтіе профессоръ получаетъ такую сверхъ жалованья въ размѣрѣ половины выслуженнаго имъ оклада пенсіи. 3) Послѣ 30 лѣтъ учебной службы профессоръ получаетъ въ пенсію полный окладъ содержанія по штатамъ настоящаго устава (совокупность жалованья, столовыхъ и квартирныхъ). Званіе заслуженнаго профессора (§ 111) даетъ профессору право сохранить свою пенсію сверхъ жалованья при службѣ внѣ университета.

§ 110. Для продолженія службы при университетѣ профессору получившему послѣ 25 лѣтъ учебной службы право на пенсію требуется разрѣшеніе министра. Для другихъ лицъ по учебной части требуется въ подобныхъ случаяхъ разрѣшеніе полечителя.

§ 111. Профессоръ прослужившій въ учебной службѣ тридцать лѣтъ получаетъ въ пенсію полный окладъ содержанія. Кандидатъ та-

„Со введеніемъ системы гонорара спеціальныя средства университетовъ, небогатыхъ и новыхъ,—кромя Кіевского, имѣющаго особый ихъ источникъ,—очевидно уменьшатся до самыхъ скромныхъ размѣровъ. Между тѣмъ для своеобразнаго и живаго развитія каждаго университета учрежденіямъ симъ въ высокой степени важно обладать средствами помимо формальныхъ рамокъ штата и особо испрашиваемыхъ сверхштатныхъ кредитовъ. Есть надежда что новыя постановленія относительно хозяйственнаго управленія и учрежденіе особой должности совѣтника правленія по хозяйственной части будутъ содѣйствовать улучшенію университетскаго хозяйства. Въ виду такого улучшенія вводится мѣра могущая имѣть значительныя и благотворныя послѣдствія для университетовъ. Университеты по § 135 новыхъ дѣйствующаго устава, сохраненному и въ новомъ (§ 158), владѣютъ на правѣ полной собственности движимыми и недвижимыми имуществомъ, нѣкоторые весьма значительными, способными приносить немалый доходъ. Новые, когда доходъ съ каждой арендной статьи долженъ быть обращаемъ въ казну безъ послѣдствій для университета, нельзя требовать и ожидать чтобы университетскія корпорации взяли на себя трудъ изыскивать средства къ увеличенію доходовъ, въ ущербъ удобствамъ какія представляетъ пользованіе, хотя бы и не экономическое, тѣмъ чѣмъ владѣютъ. Экономическое пользованіе имуществомъ, увеличеніе съ нихъ дохода не имѣетъ вынѣ никакого прямаго интереса для университетовъ. Совсѣмъ другое дѣло еслибъ извлекаемая выгода осталась въ распоряженіи университета. Тогда неудобства соединенныя съ обращеніемъ какой либо части университетской собственности въ арендную статью (въ нѣкоторыхъ университетахъ въ этомъ отношеніи могутъ быть довольно широкіе планы) могли бы во много кратъ быть возмѣщены новыми удобствами, какія

какого профессора объявляется вакантною, но онъ, буде пожелаетъ, остается профессоромъ, членомъ факультета и совѣта, можетъ быть избираемъ во всѣ должности по университету, завѣдывать, по возобновленному разрѣшенію попечителя, учебно-вспомогательнымъ учрежденіемъ; но за свои чтенія и занятія со студентами никакого штатнаго вознагражденія не получаетъ.

Званія заслуженнаго профессора удостоивается профессоръ по высугѣ двадцати пяти лѣтъ въ должности штатнаго преподавателя въ университетѣ.

доставило бы увеличеніе средствъ. На этомъ основаніи въ уставъ введенъ § 161, гдѣ значится:

§ 161. Доходы какіе могутъ быть извлекаемы изъ университетской собственности поступаютъ въ казну на общемъ основаніи. Но въ замѣвъ ихъ отпускается ежегодно, по каждому университету особо, равная имъ сумма изъ государственнаго казначейства по непосредственному сношенію министра Народнаго Просвѣщенія съ министромъ Финансовъ безъ испрошенія на сіе Высочайшаго повелѣнія въ законодательномъ порядкѣ. Сумма эта, именуемая суммою отпускаемою въ распоряженіе университета, равно какъ и спеціальныя средства университета, расходуется согласно постановленіямъ устава и указаніямъ министерства. Она, какъ и спеціальныя средства, можетъ быть употребляема: 1) на вспоможеніе недостаточнымъ учащимся (пособія, стипендіи, устройство и улучшеніе общежитій); 2) на пополненіе средствъ для вознагражденія руководителей; 3) на пополненіе средствъ для вознагражденія приватъ-доцентовъ и стипендіатовъ оставаемыхъ при университетѣ и для командировокъ съ учебною цѣлью профессоровъ и другихъ лицъ; 4) на пополненіе средствъ семинарій и вообще учебно-вспомогательныхъ учрежденій университета; 5) на пополненіе средствъ на содержаніе и ремонтъ университетскихъ зданій. Часть суммы, по распоряженію министра, можетъ быть отдѣляема на пополненіе средствъ для вознагражденія членовъ экзаменныхъ комиссій.

„Параграфъ этотъ нисколько не противорѣчитъ началамъ принятымъ въ руководство по отношенію къ пользованію казенною собственностью; онъ лишь закрѣпляетъ то что до извѣстной степени въ обычаѣ и вышѣ по отношенію къ университетамъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ штатныя назначенія на хозяйственныя потребности увеличиваемы были именно въ виду поступающихъ въ казну доходовъ съ арендныхъ статей. Черезъ введеніе приведеннаго параграфа казна ничего не жертвуетъ, а университеты могутъ быть поставлены въ условія благопріятныя для развитія ихъ дѣятельности такъ много зависящей отъ матеріальныхъ средствъ.

„Есть надежда что это дастъ возможность въ значительной мѣрѣ пополнить важныя пробѣлы въ отношеніи таковыхъ средствъ. Подобныхъ пробѣловъ не мало. Университетскія помѣщенія въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нуждаются въ капитальныхъ улучшеніяхъ, учебныя пособія медицинскихъ факультетовъ требуютъ настоятельно расширенія; устройство общежитій есть потребность чрезвычайной важности. Отнятіе отъ университетовъ казенныхъ медицинскихъ стипендій значительно уменьшаетъ помощь бѣднымъ учащимся; какого-либо

возмѣщенія въ этомъ отношеніи нынѣ не предвидится. И хотя сосредоточеніе остальныхъ казенныхъ стипендій въ министерствѣ общааетъ болѣе правильное распредѣленіе ихъ по университетамъ и факультетамъ, однако оно не устраиваетъ потребности въ увеличеніи казенныхъ благотворительныхъ средствъ. Удовлетвореніе всѣмъ этимъ важнымъ потребностямъ можетъ быть значительно облегчено введеніемъ § 161.“

III. Учащіеся.

Положенія объ учащихся были въ проектѣ устава составлены, конечно, въ соответствии съ воззрѣніями какія имѣло правительство въ эпоху его составленія. Правительство признавало что университетская молодежь не достаточно ограждена отъ доступа пагубныхъ вліаній, вслѣдствіе чего годы ученія на переходѣ отъ строго школьныхъ порядковъ среднихъ заведеній къ полной гражданской ответственности, свѣтлые годы льготной студентской жизни, у насъ отражаются вторженіемъ противогосударственныхъ и противоположенныхъ идей.

Средство огражденія на которомъ въ то время остановилось правительство,—для обсужденія вопроса былъ комитетъ изъ министровъ и правительственныхъ лицъ имѣющихъ въ своемъ вѣдѣніи высшія учебныя заведенія,—было устройство университетской инспекціи и наблюденія за студентами на новыхъ основаніяхъ. По уставу 1863 года студенты разумѣются какъ отдѣльные слушатели чтеній, подлежащіе наблюденію университета лишь пока находятся въ его стѣнахъ, а внѣ ихъ чуждые ему и подчиняемые городской полиціи на общемъ основаніи. Внутреннее же университетское наблюденіе возложено на проректора (или выборнаго инспектора) подчиненнаго совѣту. Такой порядокъ наблюденія былъ признанъ недостаточнымъ. Постановлено было усилить инспекцію, а для того увеличить значеніе и составъ ея и распространить университетское наблюденіе за студентами и внѣ стѣнъ университета.

Указанія эти были обязательны для министерства, и оно должно было сообразоваться съ ними при составленіи устава. Министерство нашло полезнымъ возвысить значеніе инспекторской должности, поставивъ ее на ту ступень, на

какой находится въ германскихъ университетахъ должность университетскаго судьи, являющагося въ этихъ университетахъ * органомъ правительства съ весьма широкими полномо-

* О правахъ и обязанностяхъ германскаго университетскаго судьи можно получить довольно полное понятіе изъ сѣдующихъ отрывк. г. Кавелаша въ его статьѣ *Устройство и управленіе нѣмецкихъ университетовъ* (Русск. Вѣсти. 1865, апрѣль, стр. 524). „Органъ правительства при Берлинскомъ университетѣ есть университетскій судья, котораго обязанности и права очень значительны. Онъ юрисконсулътъ университета, и въ этомъ качествѣ отвѣчаетъ за совершенное соотвѣтствіе всѣхъ сенатскихъ разсужденій и постановленій съ дѣйствующими законами и конституціей государства какъ по содержанію, такъ и по формѣ. Ему принадлежитъ въ сенатѣ рѣшительный голосъ наравнѣ съ прочими членами... Но главныя обязанности и назначеніе этого чиновника относятся къ дисциплинарному и полицейскому надзору надъ студентами и къ судебнымъ ихъ дѣламъ. По этой части онъ дѣйствуетъ или совершенно самостоятельно, или раздѣляетъ власть съ ректоромъ и сенатомъ. Самостоятельно дѣйствуетъ онъ по всѣмъ гражданскимъ искамъ противъ студентовъ когда предметъ этихъ исковъ единъ лишь денежныя претензіи; кромѣ того, по всѣмъ болѣе легкимъ проступкамъ студентовъ, когда наказаніе ограничивается выговоромъ или заключеніемъ въ карцеръ не свыше четырехъ дней. Однако университетскій судья имѣетъ право требовать чтобы при изслѣдованіи и рѣшеніи такихъ дѣлъ присутствовалъ ректоръ, деканъ факультета, къ которому принадлежитъ студентъ, или другой какой-нибудь членъ университета, когда, по особымъ обстоятельствамъ, признаетъ полезнымъ ихъ присутствіе; равнымъ образомъ каждый членъ сената имѣетъ право присутствовать при производствѣ такихъ дѣлъ и сообщать судья свои замѣчанія, не вмѣшиваясь однако въ самый ходъ дѣла. Если, по разсмотрѣніи обстоятельствъ, судья найдетъ что достаточно одного выговора и съ этимъ мнѣніемъ согласится ректоръ, то послѣднему принадлежитъ исполненіе приговора; въ случаѣ же ихъ разногласія дѣло разсматривается въ сенатѣ который рѣшаетъ окончательно. Въ случаѣ болѣе важныхъ проступковъ за которые полагается арестъ свыше четырехъ дней изслѣдованіе точно также производится университетскимъ судьей который однако обязанъ пригласить ректора для присутствованія при производствѣ дѣла; ректоръ же имѣетъ право послать вмѣсто себя проректора, декана или кого-либо изъ ординарныхъ профессоровъ факультета по принадлежности. Рѣшеніе, если не присуждается исключеніе студента, постановляется университетскимъ судьей; но дѣло должно быть прежде доложено въ сенатъ, причѣмъ всѣ

чїями. Даже, принято было усилить вообще составъ инспекціи, подчинить ее непосредственно попечителю и возложить на университетъ обязанность не ограничивать наблюденіе и заботу о студентахъ единственно надзоромъ въ стѣнахъ университета; высшею университетскою инстанціей по дисциплинарной части поставить правленіе котораго инспекторъ состоитъ членомъ. Предполагалось не смотрѣть уже на студен-

его члены имѣютъ лишь совѣщательный голосъ; когда же идетъ рѣчь о наказаніи студента осмидневнымъ карцеромъ или строже, и половина членовъ сената, или хотя бы только треть ихъ, но въ числѣ ихъ ректоръ, найдутъ что рѣшеніе университетскаго судьи слишкомъ строго или слишкомъ слабо, или если членомъ сената или судьей предложено будетъ исключить студента изъ университета, то во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло рѣшается въ сенатѣ по большинству голосовъ. Всѣ взысканія и наказанія постановляемыя по докладу сенату или по большинству голосовъ членовъ сената считаются присужденными сенатомъ и объявляются виновному въ собраніи его ректоромъ. Присужденному къ наказанію предоставляемо однако право примосить на такіе приговоры жалобу; она подается университетскому судью, а отъ него представляется съ подлиннымъ производствомъ попечителю, которое со своимъ мнѣніемъ препровождаетъ ее въ министерство. Послѣднее можетъ усилить взысканіе или наказаніе, если найдетъ жалобу неосновательною. Что касается апелляціи по дѣламъ гражданскимъ на рѣшеніе университетскаго судьи, то она идетъ обыкновеннымъ порядкомъ установленнымъ законами гражданского судопроизводства. Затѣмъ ректору предоставляемъ самостоятельный дисциплинарный надзоръ за нравственностію и прилежаніемъ студентовъ, а также право подвергать за нарушеніе ихъ извѣстнаго рода взысканіямъ, именно: замѣчаніямъ и выговору о которыхъ сообщается для свѣдѣнія университетскому судью и декану; но если проступокъ противъ нравственности и прилежанія заслуживаетъ болѣе строгаго наказанія, то дѣло производится университетскимъ судьей. Распри между студентами не перешедшія въ насильственные дѣйствія (Thätlichkeiten), разбираются тоже однимъ ректоромъ; но если ему не удастся склонить противниковъ къ примиренію или если, по его мнѣнію, одна изъ сторонъ заслуживаетъ не выговоръ, а болѣе строгаго взысканія, то онъ обязанъ представить дальнѣйшее производство дѣла университетскому судью. Впрочемъ какъ ректоръ, такъ и судья обязаны сообщать сенату въ каждомъ засѣданіи о всѣхъ дѣлахъ рѣшенныхъ или собственною властью со времени послѣдняго засѣданія.

Такова судебная и дисциплинарная власти различныхъ административныхъ органовъ Берлинскаго университета. Исполненіе пра-

товъ, подобно постановленіямъ 1863 года,—какъ на отдѣльныхъ слушателяхъ университетскихъ лекцій, ввѣ стѣхъ университета подлежащихъ полицейскимъ установленіямъ на общемъ основаніи. Въ проектъ былъ, между прочимъ, внесенъ параграфъ въ которомъ значится:

§ 129. Полиція обязана немедленно увѣдомлять университетское начальство о каждомъ случаѣ задержанія ею студента ввѣ университета и, въ случаѣ проступковъ, наказаніе за кои не превышаетъ мѣру университетскаго дисциплинарнаго взысканія, препровождаетъ задержаннаго въ университетъ. О задержаніи студента по распоряженію судебной власти предписавшая задержаніе инстанція извѣщаетъ университетъ. Мировые судьи о приговорахъ своихъ касающихся студентовъ также обязаны извѣщать университетъ. Студентъ приговоренный мировыми учрежденіями къ заключенію, буде университетское начальство не сочтетъ за должное вмѣстѣ съ тѣмъ удалить его изъ университета, отбываетъ назначенное ему наказаніе въ университетскомъ карцерѣ. Столкновенія студентовъ между собою и съ университетскими персоналомъ, гдѣ бы они ни произошли, разбираются внутри университета.

Упраздненіе основнаго постановленія устава 1863 года и вѣтшихъ изъ него правилъ о студентахъ какъ отдѣльныхъ слушателяхъ, ввѣ стѣхъ университета не подлежащихъ

говоровъ (кромя выговора) лежитъ на обязанности университетскаго судьи. Заключая въ карцеръ онъ долженъ выслушать имѣяе декана факультета о способѣ исполненія этого наказанія безъ слишкомъ большаго ущерба для занятій студента. Университетскому же судью поручено и надзоръ по устройству карцера соответвенно назначенно, а также и наблюденіе за точнымъ исполненіемъ правилъ о содержаніи въ карцерѣ. Предварительному аресту во время сабдствія университетскій судья подвергаетъ студентовъ, если имѣтъ нужды въ особенной слѣбности, не иначе какъ по предварительному согласенію съ ректоромъ и деканомъ. По всѣмъ дѣламъ ему ввѣренными, судья имѣетъ право давать порученія и наставленія секретарю и названнымъ чиновникамъ университета; по производимымъ имъ сабдствіямъ, въ его распоряженіи находятся мѣстные мѣстныя полицейскіе служители, но онъ долженъ спесотся объ этомъ предварительно съ мѣстными начальствомъ. Вообще всѣ сношенія ректора и семата съ мѣстными полицейскими властями производятся черезъ посредство университетскаго судьи; поэтому во всѣхъ случаяхъ касающихся полиціи, какъ-то: когда студенты просятъ о разрѣшеніи имъ публичной процессіи, или о дозволеніи дать балъ или концертъ, происходитъ согласеніе сперва между ректоромъ и университетскимъ судьей, а затѣмъ уже между послѣднимъ и начальникомъ мѣстной полиціи.

его вѣдѣнію, открывало возможность ко введенію въ студентской средѣ товарищескихъ соединеній. Но вопросъ о такого рода соединеніяхъ, выдвинутый нынѣ на первый планъ, не былъ почти и затронутъ въ эпоху обсужденія устава и составленія проекта. Университеты въ лицѣ своихъ представителей, ректоровъ, высказались противъ студентской корпоративности, какъ можно видѣть изъ протокола засѣданія университетской комиссіи 24 сентября 1876 года, гдѣ читаемъ:

„Затѣмъ былъ разсматриваемъ вопросъ о дозволеніи студентамъ учреждать академическія муссы, ученыя, гимнастическія и музыкальныя общества. При этомъ комиссіей принято въ соображеніе: 1) На основаніи Высочайшаго повелѣнія 8 іюня 1869 года учащимся не дозволяется устройство концертовъ, спектаклей, чтеній и другихъ любительныхъ собраній. 2) При устройствѣ муссъ и разныхъ студенческихъ обществъ могутъ явиться тайныя цѣли, даже можетъ-быть противныя видамъ правительства. 3) Такъ какъ подобныя общества и муссы не иначе могли бы быть учреждаемы какъ при участіи профессоровъ и подъ отвѣтственностію попечителя, то въ случаѣ учрежденія ихъ въ одномъ университетѣ, попечитель другаго, не желающій принять на себя такую отвѣтственность, былъ бы поставленъ тѣмъ въ затрудненіе и въ дурныя отношенія къ студентамъ. По симъ соображеніямъ комиссія хотя и признаетъ что было бы желательнымъ со временемъ введеніе подобныхъ учрежденій, развивающихъ между студентами духъ общежитейскаго приличія и научныя интересы и дающихъ имъ возможность проводить время въ кругу людей одного и того же образованія, тѣмъ не менѣе находитъ что при нынѣшнемъ состояніи студентовъ и общества таковыя учрежденія были бы неудобны.“

Что касается личныхъ моихъ мнѣній, то, какъ не трудно усмотрѣть изъ моихъ писаній, я всегда былъ противникомъ ученія о студентахъ-гражданахъ, связанныхъ съ университетомъ только слушаніемъ лекцій, и весьма сочувственно относился къ допущенію *свободныхъ группировокъ* между учащимися, не въ смыслѣ, конечно, съ разныхъ сторонъ нынѣ предлагаемой искусственной и навязываемой, — хочешь не хочешь, — „организациі“ студентовъ въ какой-то видѣ не бывалый политическій корпусъ. Въ подтвержденіе приведу нѣсколько строкъ изъ *Записки* представленной мною въ университетскую ком-

миссію въ 1876 году и напечатанной затѣмъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*. Вотъ что говорилъ я въ отдѣлѣ о дисциплинарной части:

„По общему характеру нынѣшнихъ установленій университетъ не имѣетъ никакого воспитательнаго вліянія на массу учащейся въ немъ молодежи, не отвѣтственъ за ея нравственное состояніе и потому не заинтересованъ въ ближайшемъ ознакомленіи съ нею. Значительную долю студентовъ въ университетѣ никто не видитъ и не знаетъ. Гдѣ и какъ проводятъ они свое время, какъ занимаются, чѣмъ живутъ,— обо всемъ этомъ имѣются лишь самыя смутныя представленія. У насъ не сложилось опредѣленнаго типа студентской жизни, нѣтъ твердыхъ передающихся предавій. *Наша университетская молодежь есть раздробленная масса, находящаяся въ состояніи броженія, ищущая опредѣленныхъ формъ быта. Оставлять ее въ этомъ состояніи броженія едва ли полезно.* Коммиссія въ бесѣдахъ съ профессорами слышала массу заявленій въ пользу восстановленія студентскихъ сожительствъ по образцу казеннокоштныхъ студентовъ прежняго времени, а также въ пользу восстановленія формы (упрощенной) и измѣненій въ нынѣшнемъ дисциплинарномъ устройствѣ студентовъ. По мнѣнію многихъ, этого рода мѣры съ благодарностію были бы приняты студентами и встрѣтили бы сочувствіе и въ родителяхъ, и въ обществѣ. Соединеніе стипендіатовъ, въ одномъ ли институтѣ какъ прежде или въ нѣсколькихъ коллегіяхъ, могло бы доставить центры около которыхъ группировалась бы университетская молодежь и которые могли бы быть предметомъ вниманія и заботы. Нынѣшній порядокъ отношеній университета къ студентамъ вышелъ отчасти изъ желанія начальства устраниваться отъ отвѣтственности въ трудномъ дѣлѣ вліянія на массу молодежи и изъ страха предъ такъ-называемыми студентскими исторіями. Въ злоху формы и корпоративнаго устройства студентовъ, отвѣтственность окружнаго и университетскаго начальства была много значительнѣе нынѣшней. Отношенія конечно сильно упрощаются, какъ скоро съ университета слагается всякое воспитательное вліяніе, и слушатели лекцій суть студенты пока они въ аудиторіяхъ, и обыкновенные жители города, граждане какъ скоро вышли изъ стѣнъ университета.“

Въ числѣ полезныхъ мѣръ касающихся быта и занятій студентовъ мною указывались между прочимъ:

„Учрежденіе сожительствъ казеннокоштныхъ студентовъ и стипендіатовъ вообще, въ формѣ коллегій около университета и подъ его надзоромъ. Поощреніе учрежденію коллегій своекоштныхъ студентовъ на началахъ платы и благотворительности.

„Организація студенческихъ занятій, задача коей много упростилась бы при учрежденіи коллегій. Значительное увеличеніе персонала назначеннаго для ближайшихъ занятій со студентами.

„Устройство студентскихъ библіотекъ по факультетамъ и курсамъ и правильныя въ нихъ занятія при содѣйствіи руководителей.

„Развитіе вообще практическихъ упражненій и семинарій.

„Особенное вниманіе обращенное на нововступающихъ.

„Рекомендуемое многими профессорами возобновленіе формы въ упрощенномъ видѣ и распространеніе дисциплинарнаго надзора и вѣвъ стѣвъ университета.

„Допущеніе учреждений въ родѣ Дерптской академической муссы.“

Въ элоху составленія проекта, по отношенію къ студентскому быту, главный вопросъ занимавшій всѣхъ судившихъ объ университетскихъ дѣлахъ былъ не вопросъ о студенческой корпоративности, но о студенческой бѣдности. Времена измѣнчивы; нынѣ вопросъ этотъ отошелъ далеко на задній планъ. Согласно проекту, имѣлось въ виду классъ недостаточныхъ учащихся сдѣлать предметомъ особой заботы университета и правительства.

„Для облегченія, сказано въ *Соображеніяхъ*, въ матеріальномъ отношеніи пребыванія въ университетѣ недостаточнымъ молодымъ людямъ отъ университета оказываются вспоможенія: 1) въ формѣ стипендій назначаемыхъ вообще по усмотрѣнію факультетовъ съ утвержденія совѣта; 2) въ формѣ освобожденія отъ платы разрешаемаго правленіемъ съ утвержденія полечтателя; 3) въ формѣ пособій назначаемыхъ тѣмъ же порядкомъ изъ специальныхъ суммъ университета и изъ пожертвованій. Стипендіи и пособия выдаются деньгами на руки пользующимся ими учащимся. Контроль за занятіями пользующихся вспоможеніями сводится къ курсовымъ испытаніямъ.

„Привычный порядокъ не даетъ удовлетворительныхъ результатовъ, и мѣры вспоможенія оказываются не довольно дѣйствительными. Въ университетахъ замѣчается значительный наплывъ молодыхъ людей совсѣмъ не обезпеченныхъ въ матеріальномъ отношеніи, вынужденныхъ изыскивать средства къ жизни различными способами, перебивающихся со дня на день, лишенныхъ возможности правильно заниматься науками и потому въ значительной долѣ случаевъ не доходящихъ до конца ученья, недовольныхъ и раздраженныхъ.

„Вообще составъ нашего студентства можно раздѣлить на три разряда. Къ первому принадлежатъ молодые люди достаточно обезпеченные собственными средствами, могущіе всю трудовую часть своего времени отдавать научнымъ занятіямъ и не имѣющіе нужды занятія эти соединять съ добываніемъ средствъ жизни. Ко второму разряду принадлежатъ студенты обезпеченные въ средствахъ жизни содержаніемъ получаемымъ отъ казны или изъ пожертвованій въ формѣ стипендій достаточно обезпечивающихъ существованіе. Такіе студенты также имѣютъ всю возможность заниматься, и можно требовать чтобъ они отдавали свое время главнымъ образомъ научнымъ занятіямъ. Наконецъ, есть третій, вышѣ не малочисленный, классъ студентовъ средства жизни которыхъ или совсѣмъ не обезпечены, или обезпечены слишкомъ недостаточно. Такіе студенты должны не только учиться, но и приобрѣтать средства къ жизни. При сколько-нибудь серьезныхъ научныхъ занятіяхъ такое соединеніе невозможно или должно вести къ истощенію силъ и можетъ достигать результата развѣ въ исключительныхъ случаяхъ, при особенно твердомъ характерѣ и очень хорошихъ способностяхъ. Этотъ классъ учащихся есть именно тотъ который наиболѣе озабочиваетъ правительство. Это тотъ студентскій пролетаріатъ который вышѣ нередко тенденціозно возводится въ типическую форму студентства. Всѣ жалобы на печальное положеніе учащихся относятся къ этому классу. На этотъ классъ направлены усилія пропаганды, въ немъ главнымъ образомъ вербуются новобранцы вредныхъ ученій. При скитаальческомъ существованіи, перебиваніи со дня на день, студенты этого класса, предоставляемые себѣ, находящіеся при вышѣ дѣйствующихъ порядкахъ вѣтъ всякаго правильнаго надзора, живутъ Богъ знаетъ гдѣ, знакомы Богъ знаетъ съ кѣмъ, нередко образуютъ гнѣзда недовольства и раздраженія, откуда выходятъ

влечія заботяща правительство и общество. Самая система благотвореній, вообще обильныхъ, но непрочныхъ, какъ она нынѣ практикуется, не мало, къ сожалѣнію, содѣйствуетъ къ искусственной поддержкѣ и развитію этого класса. Искусственно выдвинутый на первый планъ этотъ классъ въ известной мѣрѣ даетъ тонъ всему студенчеству и вліяетъ на весь университетскій строй. Молодые люди долженствующіе добывать себѣ хлѣбъ, очевидно, не могутъ удовлетворять требованіямъ серьезнаго ученія. Ученіе становится потому несерьезнымъ. Дурной баллъ можетъ пресѣчь всю карьеру бѣдняку: экзаменъ долженъ быть слабъ. И несмотря на слабость ученія и спусходительность требованій на испытаніяхъ, значительная часть отстаетъ, не доходя до конца курса, и подъ наименованіемъ студентовъ проходить, такъ-сказать, мимо университета. Перебываніе со дня на день, вызванное у однихъ печальною необходимостью, заражаетъ и тѣхъ которые при аккуратномъ употребленіи средствъ оказались бы имѣющими ихъ достаточно для скромнаго образа жизни, становится явленіемъ безпорядочности и распространяется въ массѣ. Со своей стороны, родители, подъ вліяніемъ идей о даровомъ образованіи и въ расчетъ на добываніе учащимися средствъ жизни помощью уроковъ и иныхъ способовъ, сокращаютъ свои пожертвованія на воспитаніе дѣтей въ высшихъ заведеніяхъ до наименьшихъ размѣровъ.

Дѣло представляетъ значительныя трудности. Съ одной стороны, въ высшей степени желательно дать каждому имѣющему аттестатъ зрѣлости возможность продолжать ученіе въ университетѣ; съ другой—необходимо принять въ соображеніе упомянутую невозможность необезлеченному ни собственными средствами, ни достаточнымъ вспоможеніемъ съ пользою оставаться въ университетѣ; необходимо устранить обманчивое привлеченіе несбыточными разчетами, особенно въ столичныхъ университетахъ. На этомъ основаніи предполагается ввести болѣе рѣзкое чѣмъ нынѣ раздѣленіе студентовъ на своекоштныхъ и пользующихся вспоможеніями.

Съ этою цѣлью по отношенію къ неуждающимъ, наименованнымъ своекоштными, введено было слѣдующее поставленіе:

§ 132. Отъ своекоштныхъ студентовъ требуется представленіе удостовѣренія, соединенное, въ случаѣ надобности, съ отвѣтственнымъ поручительствомъ, въ томъ что могутъ вно-

ить плату за учебныя и содержательныя собственными средствами не прибѣгая къ вспомошествованіямъ.

Что касается недостаточныхъ, нуждающихся во вспоможеніи, они, предполагалось, съ самаго вступленія своего въ университетъ должны были стать предметомъ его особаго вниманія, помѣщаемы по возможности въ общежитія и поставлены въ условія при которыхъ возможны научныя занятія.

Дабы вспоможенія шли на дѣйствительно достойныхъ по способностямъ и прилежанію, занятія студентовъ получающихъ таковыя имѣлось въ виду подчинить контролю и наблюденію особыхъ руководителей.

„На этомъ основаніи введенъ былъ слѣдующій параграфъ:

§ 135. Занятія студентовъ получающихъ вспоможенія, находятся подъ особымъ наблюденіемъ и контролемъ по правиламъ утверждаемымъ министромъ. Студенты эти раздѣляются на группы съ руководителями изъ лицъ принадлежащихъ къ учебному университетскому персоналу. Система руководства можетъ быть съ разрѣшенія или по указанію министра распространяема и на своекоштныхъ. Руководители получаютъ вознагражденіе изъ суммы по штату положенной и въ дополненіе къ ней изъ суммы уломяемой въ § 161 устава и ихъ спеціальныхъ средствъ университета. Правила о вознагражденіи руководителей устанавливаются министерствомъ.

Относительно казенныхъ стипендій постановлено было слѣдующее:

§ 139. Министерство Народнаго Просвѣщенія имѣетъ по личному о наиболѣе производительномъ употребленіи правительственныхъ стипендій. Съ этою цѣлью ему предоставляется право переносить оныя изъ однихъ университетовъ и факультетовъ въ другіе, сообразно какъ съ дѣйствительными потребностями государства въ тѣхъ или другихъ спеціальностяхъ, такъ и съ научными силами и средствами, коими располагаютъ тѣ или другіе университеты, и съ числомъ ихъ студентовъ.

Что касается стипендій не соединенныхъ съ обязательствомъ службы, то таковыя представлялось наиболѣе правильнымъ выдавать по состязательному испытанію, о которомъ въ § 142 сказано:

§ 136. Стипендіи не соединенныя съ обязательствомъ службы, если въ актахъ объ учрежденіи оныхъ не постановлено особыхъ на сей предметъ правилъ, назначаются по особому

конкурсному испытанію, которое производится по правиламъ кои даются Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Министерствомъ же даются правила, коими университеты должны руководиться при раздачѣ стипендій соединенныхъ съ обязательствомъ службы.

Чтобъ улучшить какъ съ матеріальной и нравственной стороны, такъ и со стороны учебныхъ занятій положеніе недостаточныхъ студентовъ, имѣлось въ виду по возможности замѣнить принятую нынѣ выдачу денегъ на руки устройствомъ казенныхъ и благотворительныхъ общежитій расширяемыхъ по мѣрѣ средствъ.

„Въ настоящее время, сказано въ *Соображеніяхъ*, съ разныхъ сторонъ слышатся многочисленные голоса въ пользу возстановленія института казеннокоштныхъ студентовъ, не получающихъ, какъ нынѣ, деньги на руки, а пользующихся, какъ было прежде, готовымъ казеннымъ содержаніемъ. Такой институтъ представляетъ дѣйствительно значительное удобство какъ по отношенію къ обезпеченію недостаточныхъ молодыхъ людей, такъ и со стороны наблюденія за поведеніемъ ихъ и занятіями. Но возстановленіе разомъ интерната, въ прежнихъ обширныхъ размѣрахъ,—разъ таковой интернатъ разстроенъ и университетскія помѣщенія отошли подъ другія назначенія и сообразно тому передѣланы,—потребовало бы весьма значительныхъ издержекъ и отпуска хотя бы одновременно значительныхъ средствъ. Это побуждаетъ ввести въ дѣло нѣкоторую постепенность и достигнуть цѣли учрежденіемъ вокругъ университета отдѣльныхъ общежитій группами по 30, 40, 50 человекъ, смотря по средствамъ и возможности, и въ особенности изъ воступающихъ. Можно надѣяться что частная благотворительность приметъ живое участіе въ этомъ полезномъ дѣлѣ. Уже и нынѣ есть значительное пожертвованіе, внесенное для Петербургскаго университета съ цѣлью именно устройства общежитія.“

Идея общежитій въ проектѣ устава выражена такимъ образомъ:

§ 134. Стипендіи и пособия могутъ быть замѣняемы помѣщеніемъ въ общежитіи на готовое содержаніе по установленнымъ правиламъ.

„Весьма желательно, сказано даѣе въ *Соображеніяхъ*, чтобъ и своекоштные студенты, особенно живущіе не въ семьяхъ, также могли найти въ общежитіяхъ вмѣстѣ

съ матеріальными удобствами нравственными удобства для научныхъ занятій. Для такой цѣли могутъ служить общежитія или коллегіи устраиваемыя вокругъ университета, набѣжныя своимъ уставамъ, которые дали бы возможность соглашать внутреннія требованія коллегій съ университетскими требованіями относительно засчитыванія полугодій. Опытъ коллегій такого рода есть. Опытъ этотъ— университетское отдѣленіе Лицея Цесаревича Николая въ Москвѣ. По результатамъ испытаній и отзывамъ профессоровъ университета, опытъ слѣдуетъ признать удачнымъ. Студенты Лицея составляютъ часть университетской молодежи занимающуюся сравнительно наиболѣе систематически, такъ какъ за ихъ занятіями есть правильное наблюденіе. Идея о коллегіяхъ для своекоштныхъ выражена въ § 136, гдѣ значитъ:

§ 136. Своекостные студенты могутъ за плату поступать въ общежитія устраиваемыя для получающихъ вспоможенія. Дозволяется устройство особыхъ общежитій или коллегій съ опредѣленными уставами для своекоштныхъ. Уставы такихъ коллегій или общежитій утверждаются министромъ Народнаго Просвѣщенія.

IV. Управление университетомъ.

Въ общемъ университетскомъ управленіи предполагавшіяся измѣненія касались главнымъ образомъ болѣе точнаго опредѣленія отношеній полечителя къ университету и изытанія изъ вѣдѣній совѣта нѣкоторыхъ дѣлъ чрезъ перенесеніе ихъ въ факультеты и правленіе, имѣвшіе чрезъ то получить болѣе чѣмъ нынѣ самостоятельности.

„Ограниченіе круга дѣйствій совѣта, сказано въ *Соображеніяхъ*, находится въ числѣ мѣръ указанныхъ въ совѣщаніи бывшемъ въ 1874 году подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Валуева, и заключенія коего удостоились Высочайшаго одобренія.

„Нынѣ центръ тяжести университетскаго управленія помѣщенъ въ совѣтъ, собраніи профессоровъ, рѣшающемъ дѣла по большинству голосовъ въ значительномъ числѣ случаевъ закрытою баллотировкой. Въ совѣтѣ разсматриваются дѣла учебныя, административныя, хозяйственныя, дисциплинарныя; въ немъ производятся избранія ректора, профессоровъ,

преподавателей, почти безъ исключенія всѣхъ служащихъ въ университетѣ лицъ; баллотировка доцентовъ въ профессора и экстраординарныхъ профессоровъ въ ординарные, баллотировка для оставленія на службѣ и т. д. Рѣшеніямъ совѣта предоставлено распределеніе между его членами значительной суммы власти, преимуществъ и выгодъ. Взаимными выборами членамъ поставлены въ зависимость одинъ отъ другихъ.

„Такая совѣтская автономія, какъ свидѣтельствуемъ многочисленные случаи раздоровъ и столкновеній, не установила согласия и довольства въ профессорскихъ корпораціяхъ, но лишь повела къ значительному отчужденію отъ власти. При уставѣ 1885 года, когда правленіе и инспекція имѣли больше самостоятельности, центромъ управленія былъ полечитель, распорядившійся какъ прямой начальникъ. Измѣненіе отношеній полечителя къ университету было однимъ изъ главныхъ измѣненій внесенныхъ уставомъ 1863 года, и на него въ объяснительной къ сему уставу запискѣ указывалось какъ на имѣющее особое значеніе. На практикѣ чрезъ примѣненіе новыхъ постановленій воспиталась въ профессорскихъ коллегіяхъ настроеніе при которомъ всякое дѣйствіе власти въ смыслѣ прямого распоряженія по отношенію къ университетскимъ дѣламъ представляется какъ ненормальное вмѣшательство, противное духу устава, должствующее встрѣтить отпоръ. При такихъ условіяхъ полечители охотно уклоняются вступаться въ университетскія дѣла и рѣдкіе случаи такого вмѣшательства почти всегда ведутъ къ столкновеніямъ. Такимъ образомъ опытъ пятнадцати лѣтъ въ теченіе коихъ университеты весьма самостоятельно управлялись своими совѣтами обнаружилъ большую несостоятельность такого порядка управленія чрезъ многолюдное собраніе трудно поддающееся какой-либо отвѣтственности.

„Новыми постановленіями имѣется въ виду придать совѣту: 1) значеніе высшей университетской инстанціи по учебнымъ дѣламъ, чрезъ которую происходятъ сношенія по дѣламъ этого рода факультетовъ съ полечителемъ, и 2) характеръ совѣщательнаго собранія высказывающаго мнѣнія по важнѣйшимъ университетскимъ дѣламъ, но не имѣющаго прямой распорядительной и управляющей функціи. Количество совѣтскихъ баллотировокъ значительно уменьшено.“

Относительно правленія главное предполагавшееся измѣненіе состояло въ учрежденіи должности совѣтника (ка-

ковая нынѣ есть только въ Московскомъ университетѣ, но съ вѣсколько другою функціей). „Коллегиальное завѣдываніе хозяйствомъ, оказано въ *Соображеніяхъ*, представляетъ значительныя неудобства; хозяйство требуетъ единоличнаго отвѣтственнаго управленія. Примеры вѣкоторыхъ иностраныхъ университетовъ (например Лейпцигскаго) показываютъ что благосостояніе университетской собственности быстро возрастало съ назначеніемъ для завѣдыванія оною особаго чиновника, дѣйствія коего находятся подъ контролемъ и университетской коллегіи, и высшаго начальства. Возложить хозяйственное дѣло на заботу и отвѣтственность ректора при выборахъ характеръ этой должности неудобно. Не всякій профессоръ можетъ оказаться хорошимъ хозяиномъ, хотя бы и былъ достойнымъ ректоромъ. Хозяйственныя, до мелочи доходящія заботы отвяли бы у ректора-профессора слишкомъ много времени отъ ученыхъ занятій. Учрежденіе должности совѣтника особенно желательно въ виду § 161 проекта поставляющаго матеріальныя средства университета въ зависимость отъ хозяйственнаго распоряженія его собственностью.“

Не входимъ въ подробности этого отдѣла, такъ какъ онъ имѣютъ лишь второстепенное значеніе сравнительно съ указанными выше главными пунктами предполагавшагося преобразованія.

Н. ЛЮБИМОВЪ.

СТИХОТВОРЕНІЯ

1. НОВЫЙ ГОДЪ.

Въ тревогѣ, въ сомнѣньи премудрость земли,
Народы мнутса въ смущеньи—
Всѣ щуть тоскливо, въ туманной дали,
Пути своего и спасенья.

Напрасно! Безмолвна туманная даль,
Отъ ней не дожидаться отвѣта.
И душу, что жаждетъ просвѣта,
Свинцемъ подавляетъ печаль.

О люди, ужели слѣпые одни
Лишь видать тотъ свѣтъ что сіяетъ
И въ темныя вочи, и въ мрачныя дни
И жизненный путь озаряетъ,

И свѣтитъ во мракѣ? *И тьма не обьятъ*
Лучей живоносныхъ свѣтила....
Но мудрые вѣка увьло
Въ свою пустоту лишь глядятъ.

2. ВЕЧЕРНИЕ ЛУЧИ.

Не называй себя безумнымъ,
 Не проклинай минувшихъ дней,
 Когда текла потокомъ шумнымъ
 Пора безлечности твоей.

Разочарованной улыбкой
 Воспоминанья не встрѣчай
 И молодость не называй,
 Съ презрѣваемъ, пошлою ошибкой.

Повѣрь, иное будетъ время —
 Тебѣ наскучить важный умъ,
 Невыносимо станетъ бремя
 Житейскихъ безотрадныхъ думъ,

И встрѣтишь радостной улыбкой
 И встрепетувшейся душой
 То что надменный разумъ твой
 Клеймить теперь смѣшной ошибкой...

M.

НА ГОРАХЪ*

СХХІІІ.

Заходили по народу толки будто Патапъ Максимычъ привезъ въ Осиповку несмѣтное богатство сироты Смолокуровой и что сложено оно у него въ его каменной лалаткѣ. А пошла тѣ толки со словъ Осиповскихъ дѣвокъ что привозали на посидѣлкахъ у Миоровны, и кромѣ нихъ привозъ сумдуковъ видѣли бабтраки работавшіе въ токарняхъ и въ красильняхъ. По ближнимъ и дальнимъ деревнямъ заговорили объ этомъ, и народная молва гласила уже что привезено не приданое Смолокуровой, а несмѣтная сокровища, какихъ ни у кого еще не бывало: сумдуки биткомъ набитые чистымъ золотомъ и другими драгоценностями. Толковали: „съ давнихъ лѣтъ многое множество богатыхъ кладовъ въ землѣ лежитъ, во ни въ одномъ нѣтъ столько добра какъ теперь въ каменной лалаткѣ у Чалурива. Притомъ же всѣ земляные клады, сколько ихъ ни есть, кладеи съ зарокотъ, а бережетъ ихъ супротивная сила, а туда положено золото безо всякаго зарока и до него вечистому нѣтъ никакого дѣла“. По этому самому никакой и вѣщбы тутъ не надо, ни тайнаго слова. И при такихъ разговорахъ много людей зарилось на Чалуривскую лалатку.

* См. *Русск. Вѣстн.* №№ 5 и 10я 1875, №№ 8 и 10я 1876, №№ 5, 6, 7, 9 и 10я 1877, №№ 1, 5, 8 и 10я 1878, №№ 9 и 12я 1879, №№ 3, 5 и 8я 1880.

Дѣвъ черезъ десять послѣ того какъ Василій Борисычъ былъ въ гостяхъ у тетки Мионовны, у нея олять были поспѣвки. Народу было множество, особливо парней. Тѣсно было во вдовьей избѣ, цымыъ ни на лавкахъ, ни на скамьяхъ не доставало мѣста, сидѣли на лечи, лежали они на лапатахъ. Пѣли лѣсми, плясали, лили, ѣли, прохладжались, а веселая, довольная Мионовна, видя какъ гости очищаютъ ея стряпню, металась изъ стороны въ сторону стараясь угодить каждому. Не одну лѣсню слѣла, не разъ полаясаца, и тутъ у парней и дѣвокъ зачались межъ собой суды и пересуды. Судцаи рядцаи обо всѣхъ околныхъ, проближихъ и дальнихъ, старухъ и стариковъ, про женатыхъ и холостыхъ, про красныхъ дѣвушекъ и молодыхъ молодухекъ: вѣзмъ косточки перемыли, вѣзмъ на калачи досталось,—извѣстное дѣло отъ пересудовъ, да напраслины, да слетокъ на лѣшкомъ не уйти, ни на конѣ не уѣхать.

Вспоминая Василья Борисыча, ровно по книгѣ разказывали про его похождение, какъ не давалъ онъ въ скитахъ спуску ни одной бѣлицѣ что была моложе да полпригожѣи изъ себя. Осиповскія дѣвки разказали какъ ему за поспѣвки у Мионовны тестъ въ шею накачалъ, а жевушка желѣзнымъ аршиномъ до костей пробила грѣшное его тѣло. И никогѣ не нашлось изъ всей бесѣды кто бы пожалѣлъ его; всѣ лотѣшались, а лучше другихъ отецкая дочь Лизавета Трофимовна. Перешла рѣчь на самого Патала Максимыча. Сидѣли у Мионовны люди къ дѣламъ его непричастные, работъ и хлѣбовъ осиповскаго тысячника не искавшіе и по зависти къ богатству и домоводству его готовые натворить ему всякихъ пакостей не только языкомъ, но и дѣломъ. И пошли они цыганцѣ Патала Максимыча, глаумиться надъ нимъ, надо всей семьей его и надо всѣми къ нему близкими. Смѣху было въ волю, а всѣхъ больше насмѣхался надъ Чалуринымъ, лучше всѣхъ глаумился надъ нимъ за то что онъ тысячами ворочаетъ, Илюшка Пустобояровскій. Усѣвшись на лечку и колота по ней задками салоговъ, онъ мало говорилъ и то изрѣдка, но каждое слово его поднимало не только веселый, но даже злобный хохотъ всей бесѣды, и отъ того хохота чуть не дрожали стѣны въ Акулициной избѣ. Зашла рѣчь и о приданомъ Смолукуровой. Мионовну та рѣчь затронула за живое, разсыпалась она въ ругательствахъ на Душу за то что у нея такое несчетное богатство, а ей не на что

избежку проконопатить,—со всѣхъ сторонъ дуетъ, углы промерзаютъ, житье въ ней мало лучше чѣмъ въ цномъ сараѣ, либо на стѣницѣ. И укоряла Бога вдовица что несправедливо Онъ подѣлялъ межъ людей земныя богатства, и начальство бранила что до сихъ поръ не додумается деньги поровну подѣлить между крещеными.

— А много-ль денегъ въ самомъ-то дѣлѣ поставилъ Чалуривъ въ палаткѣ? спросилъ Миней Парамоновъ, мрачный, никогда не улыбавшійся ларень изъ деревни Елховки, съ важнымъ взглядомъ лосматривая на молодежь.

— Десять возовъ съ чистымъ золотомъ, помолчавъ немного и подыгрывая на гармоникѣ, сказалъ тотъ самый Алешка что ухаживалъ за Акулициной племянницей.

— Здорово же ты ларень врешь, крикнулъ на всю избу Миней.— Не въ подбемъ человекѣ вражде твое. Какъ заврешься подъ тобой ларень и лавка не устоитъ, слышь потрескиваетъ. Поберегись. Убавляй не бойсь, много еще останется.

— Нѣтъ, точно десять возовъ привезено и въ палатку поставлено, замѣтилъ одинъ изъ Осиповскихъ, токарей Асафъ Бондратьевъ, только что прогнаный Патапомъ Максимычемъ за воровство и льянство.— Самъ своими глазами видѣлъ, продолжаю оны.— Вотъ съ мѣста не сойти.

— И золото видѣлъ? спросилъ Миней.

— Нѣтъ, вратъ не хочу, золота не видалъ, видѣлъ только воза да сундуки, отвѣтилъ Осиповскій токарь.— Сундуковъ, укладокъ и коробья проласть.

— Надо думать что лежатъ въ тѣхъ сундукахъ лянтя, да шубы, да цное приданое, можетъ-статься есть тутъ и золото и серебро, а чтобы всѣ десять возовъ были полны чистымъ золотомъ этому повѣрить нельзя, насмѣшливо моавилъ Миней и перегадулася съ Илюшкой Пустобояровскимъ.

Тотъ будто и не замѣтилъ, сидитъ себѣ на дечи да ногами лобаатывается.

— Что Илюшка? спросилъ у него подходя къ лещѣ Миней.

Илюшка молчалъ, но когда Миней взгромоздясъ на лещъ сѣлъ съ нимъ рядомъ, сказалъ ему потихоньку:

— Лишнихъ бревенъ въ избѣ много, посаѣ потолкуемъ, прошептавъ Илья Пустобояровскій.

Межъ тѣмъ Минововна продажала плакаться.

— Господи Исусе! причитала она,—и хлѣбъ-отъ вздорожалъ, а къ мясному и пристулу нѣтъ; на что ужъ дрова и тѣ въ

нмѣншее время стали въ саложахъ ходить. Бьемся, колотимся, а все ни сыты ни голодны. Хуже самой смерти такая жизнь, просто сказать мука одна, а богачи живут да живут въ полное свое удовольствіе. Не гребется имъ что будутъ завтра ѣсть; ни работы, ни заботы у нихъ нѣтъ, а бѣдному человѣку отъ недостатковъ хоть летай на шею надъвай. За что жь это Господи!

И до самаго расхода съ поспѣваокъ все на тотъ же голосъ, все такими же словами жалобилась и причитала завидущая на чужое добро Акулина Мионовна. А дѣвушки гдѣи пѣсню за пѣсней, добры молодцы подлѣвали имъ. Не одинъ разъ выносила Мионовна изъ подполья зеленая вина, но путье было не широкое, не шибкое, въ карманахъ у парней было пусто, а въ долгъ честная вдовица никому не давала.

— Что сегодня мало пьете, родимые? Немто зареклись голубчики? ласково заискивающимъ голосомъ говорила она парнямъ.—Аль и у васъ ребятушки въ карманахъ-то стало просторно. Не бывалъ вотъ Чапуричскій зять, тотъ при немъ было веселье: пзломала, самшъ, сердечнаго злая жена желѣзнымъ аршиномъ. Эхъ ребятуки, мои голубчики! Раздобыться бы вамъ деньжонками, тотъ бы радость была и веселье! Эй дружки мои миленькіе, оглянитесь-ка, сударики, на всѣ на четыре сторонушки, попытайте-ка не лежатъ ли гдѣ золота казна; куда въ окольности лопсать бы вамъ.

— Боязно, тетушка, да и грѣхъ великъ, вступилася Алешка, поглядывая на свою завзобу, племянницу Мионовны.—Видь при каждомъ кладѣ бѣсовская сила приставлена, ни отбѣчь *, ни отчураться отъ нея никакъ невозможно... Бѣда!

Вскинулась на него честная вдовица, обругала на чемъ свѣтъ стоять и подъ конецъ прибавила:

— Коли ты изъ заячьей породы, страховитъ да робокъ, лежи себѣ на лапатахъ, разинь хайло-то ** да и жди что богатство само тебѣ въ ротъ прилетитъ. Про бѣсовскіе клады по всей здѣшней палестинѣ и слыхомъ не слыхать, за то лежатъ циме и ни лысаго бѣса къ вамъ не приставлено. Взять тѣ клады легко, все едино что въ полоѣ *** рыбу ловить. Нужна только смѣлость да еще умѣнье.

* Отбѣжать.

** Горло, ротъ, зѣвъ, пасть.

*** Заливное, поемное мѣсто берега или дуга, пойма, займище, остатокъ весенняго разлива.

Илюшка съ Мивеемъ молча переглянулись межъ собой когда Мириновна ругала Алешку.

Вдругъ Илюшка спрыгнувъ съ лечи, сталъ среди избы, кикнулъ, гаркнулъ бесѣдъ громкимъ голосомъ:

— Эй, вы дѣвушки красоточки. Пойте лебедушки развеселю, чтобы сердце заскребло, чтобы въ насъ молодцахъ всѣ суставчики ходенемъ пошли... Залѣвай Лизавета, а вы красны дѣвицы подтягивайте. Пляши молодцы! Разгула хочеться. Плясать охота. Ну дѣвки зачпай!

И залѣвай дѣвки развеселю и вся бесѣда пошла плясать, не стерпѣла сама Мириновна. Размахивая полотенцемъ за мѣсто платочка, пошла она семенить вдоль и поперекъ по избѣ. Эхъ, былъ бы десятникъ живъ, уже какъ бы наостылаа овъ шею своей сожительницѣ, но теперь она вдова, значить мѣрской человекъ, ея поле, ея и воля.

А Илюшка Пустобояровскій немного поплясавъ сѣлъ среди шума и гама за красный столъ, лодъ образами. Сидитъ облокотясь на столъ, самъ ни слова. Не радуютъ его больше ни дѣсни, ни пляска. Подошла было къ нему Лизавета Трофимовна, стала было на пляску его звать, но возлюбленный ея угрюмый и насупленный ни слова не молвивши оттолкнулъ ее отъ себя. Слезы навернулись на глазахъ отцовкой дочери, однакожъ она смочала, перенесла обиду.

И что-то всѣмъ стало невесело. Недолго гостили ларил у Мириновымъ, ушли одинъ за другимъ, и пришлось дѣвушкамъ расходиться по домамъ безъ провожатыхъ; швыя что жили подальше отъ Ежовой, боясь чтобы не приключилось съ ними чего на дорогѣ, остались мочевать у Мириновымъ и за то наутро довелось имъ выслушивать брань матерей и даже принять колотушки: нехорошее дѣло мочевать дѣвкѣ тамъ гдѣ бывають посидѣлки, грѣхи случаются, особливо если попьютъ бражки, пивца, да винограденькаго.

Мивеемъ Паромову съ осиповскимъ токаремъ идти было по дорогѣ, но къ нимъ пристааъ и дюжій Илья, хоть его деревня Пустобоярова была совсѣмъ въ другой сторонѣ. Молчалъ онъ, и когда вышли за Ежовскую околицу вымолвилъ слово Илья.

— Что жь, други? Станемъ что ли кладъ-отъ вынимать?

— Какой кладъ? спросилъ прогнанный Пяталомъ Максимычемъ токарь. А звалъ его Асафомъ Кондратьичемъ.

— Эхъ ты! съ усмѣшкой сказалъ ему Илья въ отвѣтъ.— Самъ ходитъ вокругъ клада, каждый день видитъ его, а ему и не въ домыслъ про какой кладъ ему сказываютъ.

— Я пойду, молвилъ Мивей Парамоновъ. Чѣмъ съ бѣдноты да съ недостатковъ чужія кѣнты доматы, цалнуть съ разу тысячу-другую да и закаяться потомъ.

— Да гдѣ же кладъ - отъ лежитъ? спрашивалъ недогадливый Асафъ.—И какой зарокъ на немъ?

— Никакого зорока нѣтъ, а лежитъ кладъ у тебя подъ носомъ, молвилъ Илья Пустобояровскій.—Самъ же давеча сказывалъ что на десяти возахъ къ Чалуриву кладъ на дняхъ привезли.

— Такъ вѣдь онъ его въ каменную лататку сложилъ, сказалъ Асафъ.

— А что жь изъ того? спросилъ Илья.

— Ключи у самого, какъ безъ нихъ въ лататку войти? молвилъ Асафъ Кондратьевъ.

— Не то что лататку, городовыя стѣны пробиваютъ, сказалъ Илья. Были бы лѣны поздоровѣй да ночь потемнѣе.

— А какъ услышать? промолвилъ Асафъ.

— Надо такъ дѣлать чтобы не слышали, отвѣчалъ Илья. Ты Осиповскій, тебѣ придется сторожить. Ходи одалъ отъ лататки, и на задахъ ходи, и ло улицѣ. Ты тамошній и кто тебя увидитъ, не залодозрить, свой значить человекъ. А ежели что замѣтишь асакъ * подавай, а какой будетъ у насъ асакъ уговоримся.

— Вѣдь десять возовъ—всего не унести, замѣтилъ Асафъ.

— А кто тебѣ про все говорить? сказалъ Илья.—Вѣстимо всего не увесешь. Возьмемъ что подъ руку попадется, можетъ на наше счастье и самолучшее на нашу долю доставется. Ну что жь Асафъ Кондратьичъ идешь съ нами, аки нѣтъ?

— Въ отвѣтъ не быть бы.... колеблясь промолвилъ Асафъ.

— Какой тутъ отвѣтъ, когда только сторожемъ будешь, возразилъ Мивей Парамоновъ.—Да ты лостой, погоди, ночные караулы бывають у насъ на деревнѣ?

— Исправникъ и становой не одинъ разъ наказывали чтобы въ каждой деревнѣ карауламъ быть, только ихъ николи не бываетъ, отвѣчалъ Асафъ.— Дойдетъ до тебя чередъ, съ

* Сторожевой кликъ или другой знакъ, непонятные постороннимъ.

вечера пройдемъ назадъ да впередъ по улицѣ, постучашь палкой по каттамъ да по амбаражъ, да и въ избу на боковую. Пять, на этотъ счетъ у насъ слабовато.

— А у Чалурина есть свои караулы? спросилъ Илья.

— Какъ ему безъ карауловъ быть? Нельзя, отвѣчалъ Асафъ.—У токарень на рѣчкѣ караулъ, потому что токарни безъ малаго съ версту будутъ отъ жилья, а другой караулъ возлѣ красилень. Эти совсѣмъ почти въ деревнѣ, шаговъ сто, полтора отъ жилья, не больше.

— А далеко-ль отъ палатки тѣ караулы, спросилъ Мисей Парамоновъ.

— Далеконько, отвѣтилъ Асафъ,—токарни-то вѣдь по другую сторону отъ деревни.

— А за палаткой чтѣ? Назадъ-то ея значить? продолжалъ разспросы Мисей.

— Да вичего, отвѣчалъ Асафъ. Одно пустое мѣсто, мочажина, болотце гладкое, безъ кочекъ. А за мочажиной перелѣсокъ, можжевельникъ тамъ больше растетъ, а за перелѣскомъ плоховатый лѣсикъ вплоть до Спасскаго села.

— Такъ хочешь что-ли съ нами? спросилъ Илья.

— Да я право не знаю, вѣрнѣе отвѣчалъ Асафъ.—Боязно, оласмо ежели провѣдаютъ. Въ острогъ свѣишь.

— Коли чтѣ, такъ мы съ Илюшкой въ отвѣтъ будемъ, молвилъ Мисей.—Твое дѣло вовсе почти сторома, станешь ходить по приказу начальства да по мирской волѣ. Твое дѣло только ясакъ лодать, больше вичего отъ тебя и не требуется. А дуванъ станемъ дувать, твоя доля такая жъ какъ и наша.

— Вина тогда Асафушка будетъ у тебя въ волю. Въ городъ поѣдемъ, по трактирамъ станемъ угощаться. А какія братецъ ты мой, тамъ есть любовушки, посмотрѣть только на нихъ такъ сто рублей не жалъ, не то что наши деревенскія дѣвки, говорилъ Илья осиповскому токарю.

Асафъ долго колебался, наконецъ рѣшился. Очень ужъ прельстился онъ никогда до тѣхъ поръ невиданными городскими любовушками чтѣ лютятъ на всякіе голоса, ровно райскія птицы, а въ пляскѣ порхаютъ какъ ласточки, чтѣ обнимаютъ дружка таково горячо что ина духъ закидается. Зналъ Илья Пустоболаровскій за какую струну взяться, зналъ онъ что Асафъ черезчуръ ужъ ладокъ до женскаго пола и что неможко брезговалъ деревенскими чулаками. Съ

полчася онъ расписывалъ ему про веселое житье въ городѣ и про тамошнихъ красавицъ что на всѣ руки горазды и уже такъ ласковы и податливы что и разказать не доставить словъ. Уговорились ломать ляматку толькo что наставить темныя ночи. Ежели будетъ сухо, вестн добычу къ Илюшкѣ въ Пустобоярово, а есacи грязно, такъ вестн сначала прямо въ лѣсъ по мочажинамъ чтобы не было замѣтно слѣдовъ.

Подойдя къ Осиповкѣ приятели по указанію Асафа свернули въ сторону и пошли по заданъ деревни. Полный мѣсяцъ обливалъ Чалуриинскую ляматку. Она ставлена была позади дома на усадѣ, а усадѣ былъ обнесенъ плетенью. Плетень какъ плетень, лухни ногой хорошенько онъ и съ мѣста долой. Плетня однакоже ларви не тронулъ, слѣда бы не оставить послѣ себя, а перелѣзли черезъ него благо ни души нигдѣ не было, обошли ляматку кругомъ и видать что безъ большаго шума нельзя черезъ дверь въ нее попасть, дверь двойнаго желѣза, на ней три замка.

— Нѣтъ, про дверь и думать нечего, молвилъ опытный въ воровскомъ дѣлѣ Мивей Парамовичъ. Онъ два года въ острогѣ высидѣлъ, но по милостивому суду былъ оставленъ только въ подозрѣнны, а по мелкимъ кражамъ каждый разъ отдѣлывался тѣмъ что ему накостиляютъ шею да и пустятъ съ Богомъ на новыя дѣла.

Подвѣлъ онъ валявшуюся неподалеку огаблю и пошелъ вкругъ ляматки постукивая объ ея стѣны и чутко прислушиваясь ко звукамъ.

Обойдя кругомъ ляматку, онъ подумалъ немвожко и молвилъ товарищамъ:

— Стѣны-то никакъ въ два кирлица.

— Такъ точно, подтвердилъ Асафъ.—Помню я какъ Чалуриинъ ее каалъ, я еще известку тогда ему мѣсилъ, да кирличу таскалъ. Точно въ два кирлица строена.

— Ну айда по домамъ, сказалъ Илья.—Да тише, черти, черезъ плетень-отъ перелѣзайте.

Перелѣзли и вышли на проселокъ одалъ отъ деревни.

— Стѣну легче пробить чѣмъ дверь сломать, сказалъ тамъ Мивей.—Ты Илюха добудь ломъ поздоровѣй, а у меня есть на готовѣ, а ты Асафъ заранѣ оловѣсти насъ когда придется тебѣ на караулъ быть.

Затѣмъ всѣ трое разошлись по своимъ мѣстамъ.

СХХІV.

Въ Осиповку пріѣхалъ Никифоръ Захарычъ. Вздѣлъ онъ на Низъ, на половину покончилъ Смолокуровскія тамъ дѣла, но ихъ оставалось еще довольно, приводилось весной туда плыть только что рѣки вскроются. Возвращаясь Никифоръ побывалъ у Чубалова, тамъ все шло хорошо, оттолѣ прѣѣхалъ въ Вихорево, разказалъ Дуни все по порядку обо всемъ что ни дѣлалъ онъ въ Низовыхъ мѣстахъ, и выможилъ кучу денегъ вырученыхъ за продажу лодокъ, снастей * и бечевы. Дуня слушала, мало что понимая изъ рѣчей Никифора Захарыча, денегъ не взяла, а просила съѣздить въ Осиповку, обо всемъ разказать Пяталу Максимычу и деньги ему отдать. Никифоръ такъ и сдѣлалъ.

Выслушавъ шуриня и принявши деньги Чалуриинъ сказалъ:

— До весны у меня оставайся, по зимѣ можетъ приведется кой-куда послать тебя по моимъ дѣламъ, не по Смолокуровскимъ.. Тамъ къ веснѣ-то свой хозяинъ будетъ, Авдотья Марковна замужъ самыя выходитъ собирается.

— Слышалъ и я объ этомъ сторомой, отвѣтилъ Никифоръ, — только ни Груня, ни сама Авдотья Марковна мнѣ ни слова о томъ не сказали. Пріѣзжаю въ Вихорево, а тамъ Иванъ Григорычъ въ отлучкѣ, и большая горница полвехонька дѣвокъ, семь ли восемь ли за бѣлошвейною работою сидятъ, а сами поютъ свадебныя лѣсн; спрашиваю: „Кому поете?“.. Авдотья Марковна, сказываютъ, выходитъ замужъ за пріѣзжаго купца. Я Груню спросилъ, а она говоритъ: „неможко повремени обо всемъ разкажу, а телерь не скажу“. Такъ ничего я и не добился. А невѣсту такъ и не спрашивалъ, не мое думаю дѣло.

— Самоквасова Петра Степавыча знавалъ? Онъ еще какое дѣло въ Комаровъ съ подаваніями отъ дяди изъ Казани пріѣзжалъ, сказалъ Пяталъ Максимычъ!

— Слыхатъ слыхалъ, а видѣть не доводилось, отвѣчалъ Никифоръ?

* Снасти—сѣти, мережи, невода и другія дѣлаемыя изъ пражу орудія рыболовства.

— За него выходитъ, молвилъ Чалуринъ. — Хоть богатствомъ своимъ много уступить своей нареченной, а все-таки сотни съ двѣ тысячи у него и своихъ наберется.

— Видно что какъ листъ къ листу, такъ и деньги къ деньгамъ, замѣтилъ Никифоръ Захарычъ.

— Видно что такъ, сказалъ на то Паталъ Максимычъ. — Опречь капиталовъ, домовъ, земель и прочаго, одного приданого у ней тысячъ на сто ежели не больше. Побоялись мы въ Вихоревѣ его оставить, неровенъ случай, грѣшнымъ дѣломъ загорится, изъ Грушиной кладовой ничего не вытащишь, а здѣсь въ каменной у меня палаткѣ будетъ сохранѣе. Десять возовъ съ сундуками привезли. Шутка-ли!

— А караулъ-отъ у палатки ставится ли по ночамъ? спросилъ Никифоръ.

— Не для чего, отвѣтилъ Паталъ Максимычъ. — Палатка не клѣтъ, ее не поддомашь, олять же народъ близко, а на деревнѣ караулы; оно правда эти караулы одна только слава, рѣдко когда и до полуночи караульные деревья обходятъ, а все-таки дубиной постукиваютъ. Какой ни будь храбрый воръ, все-таки пообласится цдти на свой промыселъ.

— Оно точно. Справедливо сказано, промолвилъ Никифоръ. — По себѣ хорошо знаю. Да вѣдь вотъ что надо говорить „воръ воромъ, а крадено краденымъ“. Въ деревенскую клѣтъ залѣзть нужна отвага да не больно большая. Чтѣ взять съ полушубковъ да съ бабьихъ сарафановъ? Съ голодухи больше клѣты подламываютъ да еще ежели пить хочется, а въ кармаи дѣра... А тутъ вдругъ на сто тысячъ! При такомъ богатствѣ у всякаго вора прибудеть отваги и на самое оласное дѣло пойдетъ онъ на удаюю: Богъ молъ не выдастъ, свинья не съѣсть. Нѣтъ, во всякомъ разѣ, по моему надо бы къ палаткѣ караулъ приставить, да не вночной только, а и деновой, палатка-то вѣдь почти на вспольѣ стоитъ, всякихъ людей вокругъ бываетъ не мало.

— Крѣпка, не проломають, самоувѣренно оказалъ на то Паталъ Максимычъ и повелъ совсѣмъ про другое рѣчь.

— Какъ озими на Узеняхъ? спросилъ онъ у шуринѣ.

— Озими хорошия, отвѣчалъ Никифоръ. — Послѣ Покрова зажелтѣли было потому что съ Семенова дня дождей не было ни капельки, погода сухая, а солнышко грѣло ровно лѣтомъ, ну а какъ пошли дожди да подули сиверки, озимые олять зазеленѣли.

— У Зубкова какъ? спросилъ Патавъ Максимычъ.

— Хорошо, очень даже хорошо, отвѣчалъ Никифоръ,

— А на моихъ хуторахъ что пересказалъ я у Зубковыхъ, случилось тебѣ быть, спросилъ Чалуричъ.

— Какъ же. Нарочно два раза туда заѣзжалъ. Все осматривалъ, отвѣчалъ Никифоръ Захарычъ.

— Ну, что же?

— Да ничего, все слава Богу, сказалъ Никифоръ.—Озими тоже зазеленѣли, скотъ въ тѣлѣ, овса, сѣна, яровой соломы и всякаго другаго корма, до будущаго хлѣба съ запаскомъ будетъ, прикащики на хуторахъ радивые, рабочій народъ всѣмъ доволенъ, сосѣдскіе самыя завидуютъ ихней жизнью.

— Весной дастъ Богъ самъ славу, кстати же надо будетъ съ казной новыя условія писать, прежнимъ-то къ осени предбудущаго года сроки мнутъ. Безпрестанно поѣду коли живъ буду, сказалъ Патавъ Максимычъ.—Ступай, поводи сестру-то, прибавилъ онъ.—Плохо, братъ, ея дѣло, больно плохо... Не знаю что и будетъ, какую волю Господь сотворить надъ ней. А сохрани Богъ не станетъ Захаровны, сгинетъ домъ и пропадетъ моя головушка!... Какъ жить съ этой дурницей Прасковьей, да съ ея мужемъ бездѣляникомъ?... Мука будетъ одна... Да поводи внученка, Захарушку-то, что наша дурница привнесла... Пойдемъ Никифоръ, пойдемъ любезный ты мой къ Захаровнѣ.

У изголовья Аксими Захаровны сидѣла Дарья Сергѣевна и читала ей изъ *Пролога* житіе преподобномучениковъ Галактіона и Елисея, память ихъ на другой день * приходилась. Жадно слушала болящая мирное, протяжное чтеніе Дарья Сергѣевна, съ благочестивымъ улоевіемъ; не пророва ни словечка слушала она про лютыя мученія коимъ подвергали нечестивые вѣрныхъ рабовъ Божиихъ, и ровню свѣточи горѣли на ея безжизненномъ неподвижномъ лицѣ. Тутъ же, тыкаясь носомъ, дремала въ углу Прасковья Патаповна едва держа у груди заснуваго Захарушку, того и глади заботливая матушка бражнеть о полъ своего первенца. Никифоръ благоговѣно вступилъ въ горницу, гдѣ умирающая Настя прощальными рѣчами преобразила душу его и возвела ладшаго изъ грѣховной погибели. Навернулся у него слезы когда казалъ онъ поклоны передъ святыми. Обратясь потомъ къ сестрѣ онъ низко поклонился ей и спросилъ про здоровье.

* Ноабра 5.

Аксинья Захаровна ненавидѣла брата когда проводилъ онъ безпутную жизнь, проклинала его всякими клятвами, называла кровнымъ врагомъ своимъ и въ разговорахъ съ мужемъ нерѣдко желала Никифору сгнбнуть гдѣ-нибудь подъ оврагомъ. Но теперь она перемѣнилась. Не вдругъ измѣнила она объ немъ свои мысли, не сразу повѣрила братицѣ исправленію, думала что все это у него одно притворство, но мало-по-малу увѣрилась что онъ на добрую стезю вытѣлъ. И тогда возвратила она прежнюю любовь къ нему, такую же почти любовь какую питала будучи уже маленьькой дѣвочкой, и влюбилась маленькаго своего братишку. Его дѣльня и всегда удачнма распоряженія по даваемымъ ему Паталомъ Максимычемъ порученіямъ убѣдили Аксинью Захаровну что Никифоръ человекъ—золото, за что ни возьмется, дѣло у него такъ и кипитъ. И сталъ онъ ей дорогъ и любезенъ и кромѣ мужа кажется она его любила больше всѣхъ. Груда, что ни говори, все-таки чужая, а къ дочери и зятю сердце ея вовсе не лежало.

— Ну что? Какъ тебя Богъ милуетъ, спросилъ Никифоръ подойдя къ сестрѣ.

— Все также Микешенька, все также родной. Ни лучше не хуже, измалась я совсѣмъ, отвѣчала со стономъ Аксинья Захаровна, и съ ясной улыбкой глядя на брата.— Ты гдѣ аеталъ, гдѣ былъ лобывалъ? ласково она промолвила.

— На Низъ ѣздилъ, да вотъ маленько и замѣшкался, отвѣчалъ Никифоръ.— Туда-то по Волгѣ сплылъ и скорехонько и безъ хлопотъ, а назадъ ѣхалъ на коняхъ для того что по водѣ-то стало опасно, черезъ недѣлю, много черезъ полторы Волга совсѣмъ стаетъ.

— Пора ужъ лора, Микеша, вѣдь Михайловъ день на дворѣ, замѣтила Аксинья Захаровна.— По Смолокуровскимъ дѣламъ что ли ѣздилъ-то?

— И по Смолокуровскимъ и по вашимъ. Все, Богъ подалъ, управилъ, теперь до весны придется на печи лежать, сказалъ Никифоръ Захарычъ.

— Ну слава Богу, слава Богу, проговорила Аксинья Захаровна и смолкла. Тяжело было много ей говорить.

— Вы какъ ложиваете сударыня Дарья Сергѣевна? спросилъ у ней Никифоръ Захарычъ. Какъ только вошелъ онъ въ комнату большой она сложила *Прологъ*, положила его на столъ и опустила голову недвижно сидѣла у изголовья Аксинья Захаровны.

— Живу, пока Богъ грѣхамъ терпитъ, тихо промолвила Дарья Сергѣевна.—Вы какъ въ своемъ здоровьи Никифоръ Захарычъ? прибавила она.

— Ничего, отвѣчалъ Никифоръ.—Вотъ только теперь дорогой маленько порастрясло меня. Студено, дорога промерзла, ѣзда бѣдовая, а мнѣ довелось безъ маалаго двѣ тысячи веротъ по такой дорогѣ промучиться.

Въ это время одалъ стоявшій Паталъ Максимычъ быстро подскочилъ къ дремавшей дочери и схватилъ Захарушку со всѣмъ уже почти скатившагося съ колыма матери.

Очулась Прасковья Паталовна, зѣвнула во всю сласть, и въ просонкахъ, тупымъ взглядомъ обвела всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ.

— Ахъ, ты дурафья, безумная! вскрикнулъ на нее Паталъ Максимычъ.—Даже рожденья своего не жалѣешь! У скотовъ даже этого не бываетъ, и у нихъ мать дѣтеныша бережетъ... Не тебѣ бы, дура, мужа бить да стегать, ему бы слѣдовало тебѣ хорошую выволочку задать! Плохъ, больно плохъ оны у тебя, и на то даже умою не вышелъ чтобы жену учить!

Затѣмъ подойдя къ Никифору и показывая ему глядѣвшаго синевькими глазками и улыбавашагося мааденца сказалъ ему:

— Гляди, помилуйся на ввучка-то. Переживешь насъ со старухой, береги ты его, Никифоръ, одного только его береги. Вскорми, воспитай, уму разуму научи. На отца надежда плоха, о Прасковьи нечего и поминать. А я все что на есть у меня вотъ этому малышу послѣ себя отдамъ, все добро мое пойдетъ ввучку моему любезному Захарушкѣ. Дура Парашка и мужъ ея московскій распѣвало хотъ подъ окошечемъ шатайся, Захарушка бы только счастливъ быть... Охъ Настя, Настя! Была бы жива ты, прибавилъ оны надорваннымъ отъ горя голосомъ.—Все съ собой унесла, бѣлая моя ласточка!

— Все, едва сдерживаясь отъ рыданій молвилъ Никифоръ.— Все, унесла все!

Еще при первыхъ словахъ отца Прасковья Паталовна молча вышла изъ горницы больной матери. Пришла къ себѣ и прямо на постель. Раскидалась, разметалась на ней дочь осиповскаго тысячника, закрыла глаза, а сама думаетъ: „хотъ бы Васька пришелъ, каковъ ни есть, а все-таки мужъ!“

А Никифоръ пошелъ отдохнуть послѣ труднаго и долгаго

пути въ подкайтъ, на давно облюбованное имъ мѣсто, въ боковушу рядомъ съ Пантелеемъ. Сколько ни уговаривалъ его Паталь Максимычъ выбрать жилье гдѣ-нибудь на верку, Никифоръ не соглашался.

Проходя въ свою боковушу чрезъ Пантелееву избу онъ усыхалъ стоны, взглянулъ на печь, тамъ Василай Борисычъ лежитъ.

— Что, другъ, лежишь? Аль неможется? спросилъ у него Никифоръ.

— Ужь такъ неможется, Никифоръ Захарычъ, что и разказать тебѣ не могу, тихо и жалобно отвѣтилъ Василай Борисычъ.

— Трясучка * что-ль одолѣла? Много теперь народу трясушкой болѣеть, сказалъ Никифоръ.—А коли такъ, для чего здѣсь на лежи валяешься, зачѣмъ въ горницы къ жемъ ийдешь?

— Скорѣе въ лѣсъ на съѣденье волкамъ пойду чѣмъ въ горницу твоей ллеманницы, Никифоръ Захарычъ, оживаясь пошешкою сказалъ Василай Борисычъ.—Смыъ Сираховъ гласить: „лучше жити со львомъ и зміемъ неже съ женой лукавою. Всяка злоба мала противу злобы женской“. А какова Прасковья умогъ вышла самъ не хуже моего знаешь. ** Отъ нея болѣю, отъ нея горькіе мои ведуги. Чуть ли не изломала желѣзныи аршинъ объ меня. Ума и разсудивости у нея съ накопыльницъ *** итъ, а дурости и злобы горы превысокія. Хоть руки на себя наложить, вотъ она меня до чего довела.

— Человѣкъ я не книжный, сказалъ на то Никифоръ Захарычъ,—силы писанія не разумѣю, а скажу что отъ старыхъ людей слышалъ: „не рыба въ рыбахъ ракъ, не птица въ птицахъ метолырь, не звѣрь во звѣрѣхъ ежъ, не мужъ въ мужахъ тотъ кѣмъ жена владаетъ“. И у меня, голубчикъ, бывала жена Мавра, не знаю померла аль въ живыхъ еще. Не честию мы съ ней были вѣчаны, лохмѣльнымъ дѣломъ окрутили насъ. Борзая баба были, однакожь я и ее въ ежевыхъ рукавицахъ держалъ, локамътъ на сторону она не сбѣжала. А

* Лихорадка.

** Иисуса сына Сирахова XXV—18, 21.

*** Поперечный брусокъ у саней для связки верхнихъ концовъ (копыльѣвъ).

потачки ей не давалъ, знала бы что мужъ есть глава... А ты что? Фаталей, больше ничего.

— Да, попробуй-ка пальцемъ тронуть Прасковью Патапову, охая промовляя Василай Борисычъ.—Жизни не радъ будешь. Хотя бы ухъать куда, пушай ее поживетъ безъ мужа-то, лучшай попробуетъ, небойсь и теперь каждый вечеръ почти шлетъ за мной: шель бы къ'ней въ горницу. А я безъ рукъ, безъ ногъ куда пойду, съ лечки даже слѣзть не могу. Нѣтъ ужъ ухъать бы куда-нибудь хоть бы на самое короткое время, отдохнулъ бы хоть сколько-нибудь.

— Что жъ не попросишься у Патапа Максимыча? У него всякихъ дѣловъ по разнымъ мѣстамъ довольно. Попросись-ка ты, молвилъ Никифоръ Захарычъ.

— Не пошлетъ онъ меня, ни въ какомъ разѣ не пошлетъ, отвѣтилъ Василай Борисычъ.—И думать объ этомъ мечего.

— Да, нѣсколько подумавши молвилъ Никифоръ Захарычъ.—Не разъ онъ и мнѣ говаривалъ что считаетъ тебя ни на какія дѣла непригоднымъ. Когда, говоривалъ, у Насти покойницы онъ на сорочинахъ былъ, говорилъ онъ таково умно что мнѣ онъ полюбился. Таково хорешо да умно разказывалъ про разныя страхи, въ коихъ быть тебѣ доводилось, и про всякіе промысла отъ коихъ народъ Божій кормится. И почелъ онъ тебя тогда человѣкомъ во всемъ доточнымъ и сталъ онъ раздумывать какъ бы тебѣ на Прасковью жениться, а потомъ послать на Горы промысла тамъ заводить. Жениться-то ты женился, а ни на какое дѣло не стодился, говорилъ онъ послѣ. Отъ того отъ самаго у него и довѣрія къ тебѣ никакого нѣтъ. Точно что онъ ни къ какому дѣлу тебя ни за что не приставитъ и одного тебя ни за какимъ дѣломъ не пошлетъ.

— А за чѣмъ же меня женили силомъ? Хотѣлъ развѣ я жениться на этой колодѣ, сватался что-ли? Обманомъ да силой изъ Комарова меня выкрали, вѣнчали супротивъ моей воли... А потомъ говорилъ онъ что все это вотъ было его рукъ дѣло. А теперь отлынивать сталъ, намедни здѣсь на этомъ самомъ мѣстѣ говорилъ что онъ дѣлу тому не причастенъ, съ озлобленьемъ сказалъ Василай Борисычъ и поворотясь застоялъ и захохалъ.

— Ишь ты! Отлыниваетъ! молвилъ Никифоръ Захарычъ и въ сильномъ раздумьѣ покачалъ головой.—А прежде точно что не тѣ слова говорилъ онъ.

— Во всемъ я у него виноватъ, горько промовляя Василай

Борисычъ.—Съ тоски прогуляться пойдешь, на людей поглядѣть и тутъ шуму да гаму не оберешься. Налетутъ не вѣсть чего, чего никогда и не бывало. Просто до того я дошелъ, дядюшка Никифоръ Захарычъ, что хоть руки на себя наложить, такъ въ ту же пору.

— Ну, а ты ужь не больно, сказалъ Никифоръ.—Обожди, Богъ дастъ, пережелитса¹—все мука будетъ. То ли еще я терпѣлъ по своей глулости, такіе ли мы виды видали, а вотъ по милости Господней все обошлось какъ не надо быть лучше... И ты, другъ, потерпи и все будетъ хорошо. А главное дѣло примись—ка за какую ни на есть работу, пусть бы тестъ увидалъ что ты не бездѣльничаетъ, да лустаковимой больше не занимаешься. Себя въ примѣръ приведу, чать и самъ ты слыхалъ что былъ я совсѣмъ посаждаимъ человекѣмъ. Во хмѣлю жизнь проводилъ, воровалъ когда не на чтò стало лить. Здѣсь у Патапа Максимыча и мѣста мнѣ не было, сестра не велѣла и къ дому близко подходить. А вотъ какъ видишь теперь не на ту стать пошло. А отъ чего? Пить бросилъ, за дѣло принялся, такъ и ты, другъ, принимайся по капельку за какое-нибудь дѣло да поамо день и ночь стихеры да псалмы распѣвать. Оно хоть и божественное, а все-таки надоѣло всѣмъ.

— Одному этому я дядюшка и обыкъ, молвилъ на то Василиій Борисычъ.—Съ молоду ни къ какой работѣ не былъ приученъ.

— Человекъ ты еще не старыи, Василиій Борисычъ, ко всякому дѣлу могъ бы еще приобыкнуть, сказалъ Никифоръ Захарычъ.—Попробуй. Хочешь я насчетъ этого поговорю съ Патапомъ Максимычемъ.

Василиій Борисычъ на слова не отвѣтилъ на это.

— Мнѣ бы въ Москву, сказалъ онъ немного повременя.—Хоть и лишился я тамъ благодѣтелей, а все же своя, родная сторона. Хоть мірскимъ подаваемъ лутаться, только бы тамъ быть.

— Пустое выдумалъ, молвилъ Никифоръ Захарычъ.—Отъ добра добра не ищутъ, а у тебя добро подъ руками, только припеволь себя на первый разъ, работай хоть въ токаряи, хоть въ красильнѣ. Вѣрь, другъ, мѣсяца не пройдетъ какъ Патапъ Максимычъ станетъ на тебя ласковымъ окомъ гадѣть. Поговорить что-ли мнѣ съ нимъ.

— Ни въ токаряю, ни въ красильню ни за чтò на свѣтѣ не

пойду—очень ужъ обидно будетъ передъ батраками, сказалъ Василій Борисычъ.—Да къ тому же за эти дѣла я и взятыя не сумѣю. Нѣтъ, ужъ лучше летаю на шею, одивъ по крайней мѣрѣ конецъ. А ужъ если такая милость, дядюшка, будетъ мнѣ отъ тебя, такъ похлопочи чтобы меня при тебѣ онъ послалъ. У тебя на чужой сторонѣ буду радъ радеhoneкъ даже на лобѣгущкахъ быть, олять же по письменной части во всякое время могу услужить. Мнѣ бы только отъ Парашки куда-нибудь подальше.

А у самого не то на умѣ. Еслибы только изъ заволжскихъ дѣсовъ выбратся, уѣхалъ бы къ старымъ своимъ благодѣтелямъ, авось бы поладили какъ-нибудь.

— Ладно, молваю ему, сказалъ Никифоръ Захарычъ.—Можетъ статья и согласится; только, другъ, на согласье его я не больно уловаю. По себѣ сужу: когда пришла ко мнѣ Божья благодать и надъ гробомъ моей бѣлой голубушки, Настеньки покойницы почувствовался и заклятье самъ себѣ далъ бросить нелутавую жизнь, не сразу онъ повѣрилъ мнѣ, не тотчасъ даже сталъ говорить со мной о чемъ-нибудь дѣловомъ. Съ полгода, а можетъ и подольше было такъ, и только тогда какъ увѣрился онъ во мнѣ сталъ дѣла дѣлать. Такъ думаю и теперь что не видавши твоей работы и усердія не отпуститъ онъ тебя изъ Осиповки, хотя бы и со мной. И то олять возьми, становишь ты отлучаться, становишь въ впрохолость * жить, а Прасковья бабенка молодая и хоть дебелая и толстая, а по всему видится что горячая она и залапчивая, хоть правду сказать умомъ и не вышла. Хоть Паталь и самъ Прасковью не больно жаалуетъ, но не будетъ согласенъ ежели она безъ мужа по грѣхамъ поидетъ. Нѣтъ, другъ, по-моему надо тебѣ напередъ дома какимъ ни на есть дѣломъ хорошенько заняться, а жену вовремя убаготворить, послѣ того онъ пожалуй и пуститъ тебя на сторону.

— Охъ искушеніе! Да вѣдь солдатки мужей и дольше ждуть, тихонько пробормоталъ Василій Борисычъ.

— То солдатки, замѣтилъ Никифоръ, а—эта отецкая дочь. Паталь Максимычъ не дозволитъ, а ежели бы ты и лыжи куда наострилъ, такъ отъ него, другъ, не уйдешь: со два морскаго доставеть... Однако меня дорогой-то порядкомъ изломало. Поидти бы отдохнуть.

И съ этимъ словомъ пошелъ въ свою боковушу.

* Житье по временамъ не вмѣстѣ съ женой.

Приходилось Асафу караулить деревню подъ самый Михайловъ день, и о томъ повѣстия оны друзей своихъ пріятелей. Ночи стояли безлуныя, а темная ночь ворамъ что матушка. Ждали они полною удачи въ задуманномъ дѣлѣ. Слѣдовъ не видно будетъ. Но съ утра Михайлова кануна погода вдругъ измѣнилась, сначала по небу пошли бѣловатая косички, потомъ морозъ сталъ быстро спадать, а тутъ подулъ вѣтерокъ изъ гнилова угла. * Мало-по-малу надвигалась на небосклонъ свѣжая туча, и скоро весь его заволокла. Посыпалъ свѣгъ, вѣтеръ стихъ. Чѣмъ дольше идетъ время тѣмъ гуще и сильнѣй свѣгъ валить, и къ вечеру всю землю покрывъ. Сельщина, деревеньщина были рады ему какъ дорогому гостю, не радовались только Илья, Миней да Асафъ. Того и гляди пороша помѣшаетъ ихней затѣй, по первому свѣжку увидятъ слѣды, придется отъ лалатки лѣсомъ утекать, а лѣсомъ столько добра на себѣ не сволочишь сколько можно его по дорогѣ стащить. Отъ дѣла однако всѣ трое были не прочь, задумано затѣяно, на попятный идти не приходится. Смеркалось, когда Илья да Миней одинъ послѣ другаго пришли въ избушку Асафа. Невзрачная была та изба, сквозь прогнившую тесовую крышу текли ручьи, сама изба скривилась на боковую, а ставней на окнахъ давнымъ-давно уже не было. Въ эту совсѣмъ почти заброшенную Асафову избу пришли воровскіе други его, а пришли врознь и въ разное время, одинъ пришелъ съ одной стороны Осиповки, другой съ другой, чтобы въ случаѣ коли бы накрыли, не замѣтили бы по слѣду что двое заразъ изъ одного мѣста приходили къ Асафу. А домы были уже на готовѣ, дѣла за три пріятеля привесали ужъ ихъ въ Осиповку.

Къ вечеру вѣтеръ потянулъ съ полночи. Съ каждымъ часомъ оны больше и больше усищивался, а свѣжевѣйшій, только что выпавшій свѣжокъ струйками повесся по полямъ. Выше и выше поднималась съ земли эти струйки, повалили лухай густой свѣгъ, замела мятелица, лодылась лурга; завывъ поуточивакъ **, востъ оны въ деревенскихъ лѣсныхъ трубахъ, хлопаютъ на припертыми калитками и дверьми, шелеститъ въ соломѣ на овинахъ. Закутавшись въ шубу либо въ

* Юго-Заладъ.

** Сѣверный вѣтеръ.

армакъ крестьянинъ лежа въ избѣ не марадуется. „Пришелъ и къ намъ Господь съ великой своей милостью, принесъ и намъ грѣшнымъ зиму перволютку, отдохнетъ теперь Божій народъ на новой, гладенькой дорожкѣ, отдохнутъ и наши лошадушки. Слава тебѣ Господи, всякихъ благъ подателю!“

А въ избѣ у Асафа не тому радуются. Вьюга всѣ слѣды замететъ, никто не примѣтитъ ихъ. Вьюга да непогода ворамъ первая подмога.

По всей деревнѣ потухла огни, потухла они и у работниковъ, теплились только лампадки предъ иконами въ домѣ Пятала Максимыча. Все заснуло, все притихло, только вѣтеръ сильнѣй и громче завываетъ въ дымовыхъ трубахъ. Ни на одномъ дворѣ собака не взлааетъ. Только что смерклось Асафъ разбросалъ знакомымъ псамъ малевькой деревушки куски говядины съ какимъ-то зельемъ привесеннымъ Минеемъ. Свернувшись въ клубокъ собаки лежатъ по дворамъ и не чуютъ чужаго.

Исакъ свой сказалъ Асафъ пріятелямъ. Самъ будетъ тихо ходить, а увидитъ или услышитъ что недоброе станетъ по кѣлямъ и заборамъ дубовой изо всей силы локалачивать. Тогда хороши копы, береги хвосты, бѣги на утекъ куда кто знаетъ.

И пошли Илья да Миней съ ломами къ палаткѣ. Окольнымъ путемъ шли они вокругъ деревни. Перелѣзли черезъ заборъ въ усадь Пятала Максимыча, подошли къ палаткѣ, слегка постукали по стѣнамъ ея ломами, и выбравъ болѣе другихъ способное для пролома мѣсто привались за работу. Асафъ между тѣмъ тихо покаживалъ по деревнѣ, прислушиваясь ко всякому шороху.

Въ эти дни у Василья Борисыча жеваны лобокъ немного зажали, и началъ онъ ходить не только по избѣ въ лодкѣтѣ, но и по двору, выхода однако наружу только по ночамъ чтобы грѣхомъ съ женой не столкнуться гдѣ. Ненависть къ ней сильно накопилась въ немъ. Два проводилъ онъ въ разговорахъ со старикомъ Пантелеемъ да съ Никифоромъ Захарычемъ либо въ поголоса наливвалъ себѣ духовныя лѣсиа да псалмы, а ночи просиживалъ на крыльцѣ подкѣтѣ. Въ ночь на Михайловъ день и Никифоръ въ своей боковушѣ и старый Пантелей спали крѣпкимъ непробуднымъ сномъ, а Василью Борисычу съ тоски не спалось. Въ избѣ было жарко и душно и онъ вышелъ на крыльцо

освѣжиться. Вьюга мететь и крутить, но онъ сидитъ себѣ у входа въ подкѣвъ, вѣтромъ его тутъ не знобитъ, снѣгомъ не заноситъ. И раздумался Василій Борисычъ про житье-бытье свое, и какъ вспомнится ему въ какую бѣду попалъ онъ женившись на Прасковѣ, сердце такъ и замретъ, а на душѣ станетъ тоскливо и сумрачно.

Вѣтеръ дулъ съ той стороны гдѣ стоялъ усадь Пятала Максимыча и лалатка. Василій Борисычъ вдругъ услышалъ какіе-то странные, глухіе удары, сначала подумалъ что это ему показалось, но прислушиваясь яснѣй и яснѣ слышать удары. Раздумываетъ чтобъ это такое было, и не можетъ сообразить хорошенько. Наконецъ всладо ему на умъ уже не къ лалаткѣ ли гости съ ломами да съ лѣшьями подѣхали. Сильнѣй сталъ онъ прислушиваться къ стуку. Точно лалатку взламываютъ. Самъ идти будучи не въ силахъ сталъ онъ Пантелея да Никифора Захарыча будить, но добудился не скоро, очень уже разоспался и тотъ и другой. Очнувшись не вдругъ смекнули они что говоритъ Василій Борисычъ, а когда поняли пошли всѣ втроемъ на крыльцо послушать. Слушаютъ,—точно идетъ воровская работа ломомъ да еще не однимъ. Прислушиваясь ко звукамъ Никифоръ замѣтилъ что ломаютъ лалатку въ два лома, одинъ побольше, другой поменьше.

Тутъ старый Пантелей, не тревожа народъ въ деревнѣ, пошелъ въ работныя избы людей поднимать чтобъ они на воровъ осторожнѣй облаву сдѣлали и окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ руками перехватили бы. На счастье вышло такъ что когда онъ переходилъ улицу Асафъ былъ на другомъ концѣ Осиповки и при разыгравшейся вьюгѣ не замѣтилъ вдали человѣка. Немало нужно было времени чтобы подвѣять на ноги токарей и красильщиковъ, не сразу они одѣлись. Наконецъ человѣкъ до сорока работниковъ, на всякій случай съ дубинками и рогатинами, двинулись на воровъ. Тутъ подослѣлъ Никифоръ Захарычъ тоже не замѣченный караульщикомъ. Онъ распорядился по скольку и куда отправляться рабочимъ. Сначала они все дальше и дальше отходили въ сторону отъ деревни, потомъ вдали другъ отъ друга пошли къ лалаткѣ чтобы густою толпой сразу окружить воровъ. Немного времени спустя, когда по расчету Пантелея облава приближалась уже къ лалаткѣ, стулая тихо и осторожно и не говоря ни единого слова одинъ по одному рабочіе до поры до времени оставшіеся въ своихъ избахъ стали входить въ деревню. Было ихъ всего человѣкъ двадцать,

у воротъ каждаго дома въ Осиповкѣ стало по человѣку, у кого дубина въ рукахъ, у кого веревка! Увидалъ ихъ Асафъ и тотчасъ смекнулъ что дѣло Ильи съ Минеемъ выходить дрянно. Немедля подалъ онъ изо всей мочи ясакъ и началъ колотить въ ворота своей избы, стоявшей на краю деревни. Между его избой и лалаткой Чалурина никакихъ не было отроений, стало-быть Ильѣ да Минею хорошо было слышать ясакъ. Они всломошились, лобросали ломы и хотѣли было бѣжать, но работниковъ Патала Максимыча набиралось на улицѣ больше и больше, и кромѣ ставшихъ у каждаго двора ихъ пришло еще по двое и по трое со двора, они стали въ каждомъ проулкѣ между крестьянскими усадьбами, да кромѣ того на Чалуринскій дворъ пришло не мало батраковъ, а оттуда на усадь, стали по его окраинѣ, а сами впередъ ни шагу. Такими распорядками Никифора да Павтелея воры со всѣхъ сторонъ были окружены и некуда было выскочить ни Ильѣ, ни Минею. Завидя работниковъ приходившихъ другъ за другомъ въ деревню Асафъ уже безъ счету сталъ колотить въ свои ворота, ровно вслодохъ бить.

— Чего колотишь? сурово сказалъ ему ставшій по близости красильщикъ.

— Караулю, кутаясь въ шубенку отвѣчалъ Асафъ.

— Коего дѣшаго караулишь? зарычалъ почти на него рабочій.—Кто тебя ставилъ на караулъ?

— Миромъ положено, отвѣчалъ Асафъ,—а сегодня мой чередъ.

Въ это время послышались неистовые крики на усадь Чалурина. Они становились громче и громче. Раздались отчаянные вопли и стоны. Къ облавѣ лобѣжали работники что оставались на деревенской улицѣ, шумъ поднялся еще больше, весь народъ въ Осиповкѣ до послѣдняго ребенка проснулся. Проснулся и самъ Паталь Максимычъ и домашніе его. Онъ выбѣжалъ на улицу и увидалъ что впереди работники ведутъ со связанными руками Илью да Минея, а за ними трехъ рабочихъ, всѣхъ въ крови отъ ударовъ домами. Воры не зная что на нихъ собралась цѣлая облава ударили работниковъ что прежде другихъ прибѣжали къ лалаткѣ, но потомъ видя что народа набѣжало проласть перестали защищаться и молча сдались. По приказу Патала Максимыча залерли ихъ локамѣсть въ пустомъ амбарѣ, а только что разсвѣло отправили въ становую квартиру.

Когда все успокоилось Патазь Максимычъ сѣлъ въ верхнихъ горницахъ за самоваромъ вмѣстѣ съ Никифоромъ. Позвали чай пить и старика Пантелея, а Василій Борисычъ въ лодкѣвти на печкѣ остался. Спать онъ не спалъ, а лежа свои думы раздумывалъ. Между тѣмъ Чапуринъ, распришивая какъ узнали о подломѣ лапатки при самомъ началѣ дѣла, подивился что стукъ ломовъ первый услышалъ Василій Борисычъ. Не сказалъ на то ни слова Патазь Максимычъ, но по лицу его видно было что онъ доволенъ.

— Да что онъ въ лодкѣвти-то у васъ дѣлаеть? погода немного спросилъ Патазь Максимычъ.

— Да ничего не дѣлаеть, сказалъ Пантелей.—Телерь вотъ дяя съ три ему полегчало, такъ ло дяямъ больше читаетъ, а ло вочамъ сидитъ на крыльцѣ, да что-то лотиховкѣу лолѣваетъ.

— Гм! отозвался Патазь Максимычъ, и задумался барабаля по столу пальцами.

Прошло нѣсколько времени, Никифоръ Захарычъ прервалъ общее молчанье.

— Можно ли мнѣ попросить тебя на счетъ его, Патазь Максимычъ, сказалъ онъ въ поголоса.

— О чемъ это? быстро спросилъ у шурина Чапуринъ, но не гнѣвно, не сурово какъ прежде бывало когда про Василія Борисыча рѣчь заходила.

— Живеть онъ у тебя безо всякаго дѣла, сказалъ Никифоръ Захарычъ.—Ну, извѣстно что каждый человекъ безъ дѣла во всякое время можетъ съ ума спятить. По себѣ сужу, самъ отъ бездѣлья до того бывало доходилъ что сталъ ло всему нашему заводкѣю самымъ послѣднимъ человекомъ, знатъся со мной никто не хотѣлъ, ребятинки даже лоходя надо мной смѣялись да надругивались сколько имъ хотѣлось. Вывелъ меня Господь на добрую дорогу и самъ ты не одинъ разъ говоривалъ что дѣло у меня изъ рукъ не валится. Тяжело мнѣ было на добрый луть становиться, да видно молитвы Настеньки, нашей голубушки, до Бога доходны, вѣдь у смертнаго одра ея Богъ послалъ мнѣ перемѣну въ жизни. Слушая послѣднія слова ея рѣшился я перемѣнить жизнь. Она, моя радость...

И не могъ больше говорить, залпся слезами склонясь на столъ и крѣпко обхвативъ голову руками.

— Полно, Микеша, полно, родвой ты мой, съ навернувшимися слезами молвилъ Патазь Максимычъ...—Не лопивай!

Было время, да ужь вѣтъ его, была у меня любимая доченька, въ могилѣ теперь лежитъ голубушка... Не воротать днѣй прошлыхъ Микеша... Полно ты меня сокрушать. Богъ все къ хорошему въ здѣшнемъ свѣтѣ строить, ни коему челоуѣку не повать благостныхъ путей Его. Про него-то что хотѣлъ говорить ты? Про лѣвуна-то нашего, про посланника архіереискаго?

— То хотѣлъ я сказать про него и о томъ тебя просить: не вводи ты его во грѣхъ и напасть. Дай ты ему какое-нибудь дѣло, молящимъ голосомъ сказалъ Никифоръ Захарычъ.

— Много было у меня на него, безлутнаго, надежды, вѣсколько нахмурился сказалъ Паталъ Максимычъ.—И никакого толка изъ него не вышло. Къ чему ни приставлялъ его для ради надзора за работами, куда ни посылалъ его, никакого толка не выходило. Нѣтъ, ужь такой онъ безлутный что на добрую стезю его не направишь. Да еще что на днѣхъ вздумалъ, ты еще не прѣвзжалъ тогда, худа ли хороша ли у него жена, а все-таки однакожь жена, а онъ къ дѣвкамъ на посидѣлки повадилася. Путное ли это дѣло самъ посуди, вѣдь это всему дому моему зазоръ. Такъ плач вѣтъ?

— Не мнѣ судить объ этомъ Паталъ Максимычъ, сказалъ Никифоръ Захарычъ, — самъ былъ я во сто кратъ его хуже, промолвилъ онъ опустя голову — А вѣдь ты опустилъ же мнѣ мое безлутство и прегрѣшенія, а имъ вѣдь и числа вѣтъ. Отъ чего жь бы тебѣ не постараться зятя на истинный путь наставить. Вѣдь не чужой тебѣ...

— Наставишь его! Какже! молвилъ Чалуривъ.

Задумался Паталъ Максимычъ и сказалъ потомъ.

— Развѣ вотъ что: поведешь куда, возьми его чтобъ онъ во всемъ изъ твоихъ рукъ смотрѣлъ.

— Что жь, а ото всей души радъ и на него надѣюсь, отвѣтилъ Никифоръ Захарычъ.

— Такъ вотъ, надо мнѣ послать тебя въ Красну Рамень на мельницы, молвилъ Паталъ Максимычъ.—Возьми ты его съ собой, только чуръ глядѣть за нимъ въ оба, да чтобы не балбѣсничалъ, а занимался дѣломъ какое ему поручишь. Да чтобы мамошекъ тамъ не заводилъ—не въ мѣру до нихъ онъ охочь. Хоть и плохенькій, взглянуть кажется бы не на что, а такой ходокъ по части жемскаго пола что другого такого не вдругъ сыскать.

— Да ужъ я постараюсь чтобы пустяками то онъ не замѣчался, сказалъ Никифоръ Захарычъ. — Добраго слова онъ завсегда послушается, а бранью до насмѣшекъ... только лучше его раздражишь. Узналъ я его хорошо и сдаётся мнѣ что можно исправить его и приспособить ко всякому дѣлу.

— Такъ бери его въ Красну Рамень, поглядимъ что выйдетъ. Поговори сегодня же съ нимъ, а ежели еще подсылать свѣжку поѣзжайте съ Богомъ, сказалъ Патакъ Максимычъ. — А теперь невозможно и соснуть успѣемъ. Эхъ они проклятые какъ у насъ всю ночь перебулгачили. А ты Пантелеюшка наряжай каждую ночь къ палаткѣ караулъ, кто ихъ мошенниковъ знаетъ, можетъ статься не эти двое, а цѣлая шайка стагнулась разграбить ее. Узнали значитъ окальные что не пустая стоитъ. Оборони Господи отъ бѣды, вѣдь добро-то въ ней не свое, а чужое положено... Да вотъ еще Пантелеюшка: молви заутро стрѣлкамъ чтобы работникамъ пироговъ напекли, да надо будетъ въ Захлыстино за виномъ да мировомъ съѣздить.

Послѣ того всѣ по своимъ мѣстамъ разошлись.

СХХV.

Съ большою охотой, даже съ радостью выслушалъ Василій Борисычъ отъ Никифора что тотъ хочетъ взять его съ собой въ Красну Рамень. Хоть и не на долгое время, а все-таки подальше отъ постылой жены. Тамъ на мельницахъ по крайней мѣрѣ не будетъ слушать ни приставаній ни ругани ея, ни тестевой брани, ни насмѣшекъ работныхъ людей.

Выѣхали изъ Осиповки недѣли черезъ полторы послѣ подлома палатки. На прощаньи строго наказывалъ Патакъ Максимычъ зятю чтобъ онъ во всемъ слушался Никифора, и безъ его спроса шагу не ступилъ бы, примолвивъ что ежели на мельницахъ будетъ онъ полезень и о томъ Никифоръ скажетъ по возвратѣ домой, тогда Василью Борисычу будетъ житье совсѣмъ не такое какое до той поры было. Простилася съ зятемъ Чулуричь по доброму, по хорошему, ласково простилася съ нимъ и теца, а Прасковья Патаповна злобно завывала въ источникъ голоса узнавъ о везломомъ отъѣздѣ не одинъ разъ битаго ею мужа.

— Да на чтожь это похоже, да чтожь это такое? на весь домъ голосила она.—Нешто на то овъ женился чтобы надолго покидать молодую жену? И то ведѣла двѣ овы ко мнѣ не прихаживалъ!... Хоть бы простилась съ женой въ ея горнищѣ какъ быть сѣдуетъ всякому мужу съ женой. И того не смыслитъ, шутъ этакой.

Молчалъ Василій Борисычъ, ровно воды въ ротъ набралъ.

Пристала къ отцу Прасковья Паталовна, требуетъ чтобы оставилъ овъ дома Василья Борисыча.

Молчалъ сначала Патавъ Максимычъ, но когда любезная дочка надѣла ему просьбами и волями строго прикрикнула на нее.

— Замолчишь ли, дурица ты этакая. Хоть бы стѣнь-то постыдилась, безстыжая. Молчать у меня! Не то лютки по-пробуешь. Давно она по тебѣ тоскуетъ.

Прасковья Паталовна вдругъ присмирѣла услыжавъ родительскую угрозу. Сухо простилась она съ мужемъ, а тотъ ей хоть бы единое слово промолвилъ.

Не задолго до сумерокъ тронулись изъ Осиповки Никифоръ съ Васильемъ Борисычемъ. Никифоръ правилъ парой добрыхъ лошадокъ, хорошо зналъ овъ въ лѣсахъ всѣ луги и дороги, въ прежнее льяное время они были имъ искожены. Василій Борисычъ сидѣлъ съ нимъ рядомъ въ леговыкихъ санкахъ-казанкахъ. Когда поѣхали стала подувать непогода: синее небо потускло и полный почти мѣсяцъ заволокло ровно пухлыми бѣлыми тучами, повалила хлопья снѣга и забушевала мятель. Ничего не стало видно въ ляти шагахъ, дорогу замело, а на бѣду ѣхали чащею, ни деревца, ни кустика, и все что было на виду сплошь теперь покрыто было снѣгомъ. Никифоръ Захарычъ убѣдился что овъ сбился съ дороги и не можетъ опознаться въ какія мѣста заѣхалъ, а казалось ему что отѣхали они уже версть лятнадцать, если не больше. Деревни въ той сторонѣ частыя, не больше версты или въ полтора другъ отъ дружки стоятъ, но вотъ ихъ какъ на бѣду ни одной не попадается. А вошки такъ и продаютъ возаъ санокъ, еще хорошо что колокольчикъ былъ навязанъ на дугѣ, звѣрь сколь ни силеяъ, сколько ни золь все-таки его лобаивается. Со страху робкій Василій Борисычъ дрожмя дрожалъ, ему казалось что телерь такая оласность наступила предъ коей лочти ничего не значило даже скачка сломя голову по лыляющему лѣсу на другой день послѣ

перваго сближенья съ постылою телеръ и ненавистною женой.

— А вѣдь мы сблизь съ дороги-то, сказалъ наконецъ Никифоръ Захарычъ.

— Полю ты! въ ужасъ вскрикнувъ Василий Борисычъ.

— Ей Богу сблизь, молвилъ Никифоръ.— Судя по времени надо бы давно намъ Зименку проѣхать, а вотъ телеръ ни ихъ и никакого другаго жилья не видать. Бѣда, просто бѣда!

— Охъ искушеніе? въ отчаяньи проговорилъ Василий Борисычъ.— Этакъ пожалуй замерзнемъ, либо волки насъ съѣдятъ.

— Мудренаго нѣтъ, равнодушно отозвався Никифоръ.

А лошади приустили межъ тѣмъ и едва двигаются по сугробамъ, а вьюга разыгрывается все лучше да лучше.

— Что жъ намъ телеръ дѣлать? слезавымъ голосомъ спросилъ не много погодя Василий Борисычъ.

— На волю Божью положиться. Что пошлетъ Богъ то и будетъ, отвѣтилъ Никифоръ.— Ежели кони 'совсѣмъ станутъ, надо будетъ въ снѣгъ зарываться. Сказываютъ, такъ не замерзнешь.

— Охъ искушеніе? Господи, Господи! Царица небесная спаси и помилуй, вскрикнувъ Василий Борисычъ и сталъ читать одну молитву за другою.

А давно ли, кажется, натерпѣвшись женскихъ лобой и наслушавшись брава теста раздумывалъ онъ какъ рѣшить съ самимъ собой, утолаться либо удавиться.

Никифоръ Захарычъ опустилъ вожжи и далъ лошадямъ волю цѣти куда знаютъ. Только изрѣдка похлестывалъ ихъ чтобы не стали. Долго лаутали они, наконецъ вдалекѣ послышались лай и вой нѣсколькихъ собакъ, волковъ значитъ почуяли. Никифоръ сталъ править лошадей на доносившійся лай.

— Ну телеръ Богъ дастъ куда-нибудь прїѣдемъ, сказалъ онъ, и Василий Борисычъ началъ читать благодарныя молитвы за спасеніе отъ напрасной смерти.

Собачій лай становился все громче и громче, стало видимо что лутвики подѣзжаютъ къ какой-то деревнѣ. Вотъ наконецъ и прясла околицы видѣется, и строенье. Въ крайней большой, но залущенной избѣ видѣнь огонь. Къ той избѣ и подѣхали. Никифоръ постучалъ въ ворота и громкимъ голосомъ крикнулъ:

— Ей вы крещёные! Не дайте людямъ напрасно погибнуть, укройте отъ непогоды.

Въ избѣ пошелъ какой-то вельсый говоръ и черезъ нѣсколько времени послышался старческой голосъ:

— Пойдите маленько родимые, сейчасъ отомкнемся! Наталья, подь отогри добрымъ людямъ.

Вскорѣ растворилась калитка. Предъ прѣзжими стояла женщина, сколько можно было замѣтить, еще молодая.

— Ведите подь навѣсь коней, сказала она, — а въ избу-то вотъ направо будетъ крыльцо. Ужь не лоролщите на васъ, съ лучиной-то на дворѣ ходить въ такую непогодъ оласаемся, а фонарика по недостаткамъ у васъ не случилось.

Поставивъ лошадей Никифоръ съ Василиемъ Борисычемъ вошли въ избу. Не приборна она была, и съ разу замѣтно что залущена лишь въ последнее время, но все же таки въ ней было тепло, а для прѣзжихъ это было всего дороже.

Какъ ваша деревня прозывается, стариниушка? спросилъ Никифоръ Захарычъ войдя въ избу и снимая съ себя промерзшую дубленку. Онъ лозамѣшкалъ немного убирая лошадей. Василий Борисычъ въ это время услѣлъ ужъ скинуть шубу и залѣзъ въ теплое мѣстечко, на лалату.

— Деревня Порожово, милый человекъ, деревня Порожово, отвѣчалъ старикъ-хозяинъ.

— А далеко-ль отъ васъ будетъ Осиповка? спросилъ удивленный Никифоръ.

— Да какъ тебѣ сказать, не то пять, не то шесть верстъ, близехонько.

— Пролутали же мы! молвилъ Никифоръ Захарычъ.—Я думалъ что мы верстъ пятнадцать отѣхали, а всего-то пять пролутали. Да и попали не въ ту сторону, куда надобно.

— А въ кое мѣсто луть держите? спросилъ старикъ.

— Въ Красну Рамень, отвѣчалъ Никифоръ.

— И впрямь заѣхали не по дорогѣ, не по дорогѣ, молвилъ старикъ.—Да что за мудрость сбиться лутемъ въ такую вьюгу. Вѣдь свѣту Божьяго не видно. Долго ли тутъ до бѣды?...

Заласливый Никифоръ Захарычъ захватилъ изъ Осиповки небольшой самоварчикъ. Надрогшись отъ стужи захотѣлъ онъ чайку испить. Василий Борисычъ тоже былъ не прочь отъ чая. Никифоръ привесъ изъ самей самоваръ и погребецъ съ посудой, а хозяинъ кикнулъ въ сѣни:

— Наталья, подь-ка сюда!

Немного повременя вошла въ избу молодая дѣвушка, какъ видно сильная и работающая, но лицо было у ней истощенное, ровно измощенное, блѣдное, вѣки красныя, глаза масляныя, нахальныя, безстыжіе, съ перваго взгляда видно было что лежала она и потѣшилась.

— Поставь гостямъ самоварчикъ. А что Паравьки все еще вѣтъ?

— Еще не приходила, молвила Наталья.

— Опять на всю ночь загуляла, сказалъ старикъ.—Ну, а ты ставь самоваръ-отъ.

И Наталья скорымъ дѣломъ принялась за самоваръ.

— Изъ Осиповки ѣдете, честные господа, аль подадѣ от-куда? сидя на передней скамьѣ спросилъ хозяинъ у Никифора, тоже залѣзшаго на палату морозогрѣть себя послѣ такой вьюги.

— Изъ Осиповки, отвѣтилъ тотъ.

— Не отъ Патала ли Максимыча ѣдете, опять спросилъ старикъ.

— Отъ него отъ самаго, отвѣтилъ Никифоръ.—Въ Красну Рамень на мельницы послаалъ насъ.

— Довольно извѣстны про Патала Максимыча, сказалъ старикъ.—Оно и дѣло-то сосѣдское, и близехонько отъ него живемъ. Опять же въ красныя дни мои много я милостей отъ него видалъ.

— А какъ звать-то тебя, старина? почувшись отъ дремоты спросилъ Василій Борисычъ.

— Трифонъ Михайлычъ буду, по прозванію Лохматый, молвила старикъ.

Всѣмъ тѣломъ дрогнувъ Никифоръ Захарычъ. Вотъ куда занесла его вьюга, къ отцу ненавистнаго Алешки. Никогда не могъ онъ простить ему Настивой смерти. Никифоръ все зналъ, а чего не зналъ о томъ давно догадался.

Замолчалъ онъ, не говорить ни слова и Василій Борисычъ. Между тѣмъ Наталья поставила самоваръ на столъ, поставила умѣлоюрукой, и разставила, вынутую изъ логребца посуду. Видно было что въ прежнее время не жила она въ такихъ недостаткахъ какіе теперь довелось ей испытывать.

Слѣзавъ съ палатей Никифоръ Захарычъ и Василій Борисычъ и усѣвшись на скамьѣ предложили чай, сахаръ и

хозяйку, и ставившей самоваръ Натальѣ. За чаемъ пошла рѣчь про Патала Максимыча. Заговорилъ Трифонъ Лохматый.

— Благодаритель онъ бывалъ намъ въ ярежнее время. То есть не самому мнѣ, а большому сыну моему Алексѣю. А Алексѣй въ тѣ поры Бога еще не забывалъ, родителямъ былъ покоревъ и деньги что давалъ ему своею щедрою рукою Паталъ Максимычъ въ домъ приносилъ. Былъ тогда я человѣкомъ зажиточнымъ, да напасть наша на меня, токаря сторуѣла. И послалъ я тогда Алексѣя сколь-нибудь заработать, чтобы справиться, а былъ онъ самый первый токарь по всей сторонѣ и полюбился Паталу Максимычу и тотъ ему безпримѣрныя милости дѣлалъ. Да вы господа честные не свои ли будете Паталу-то Максимычу?

— Да, сказалъ Никифоръ,—я ему шуринъ, а это зять, на дочери его женать....

— Довольно слышали, дѣло вѣдь недалекое, сказалъ Трифонъ Лохматый.—Самъ-отъ я хоть отъ роду не бывалъ у Патала Максимыча, а знаю все, народъ-отъ вѣдь говоритъ и ротъ у него не зашить, прибавилъ онъ.

— Какъ же это при такомъ ближнемъ сосѣдствѣ никогда ты не бывалъ у Патала Максимыча,—онъ вѣдь въ здѣшней сторонѣ человѣкъ на виду, молвилъ Никифоръ Захарычъ.

— И больно даже на виду, сказалъ Лохматый. Первый человѣкъ по всему, да дѣла-то никогда у меня такого не доводилось чтобъ у него въ домѣ быть. Когда Господь меня еще миловалъ, когда еще Онъ Праведный не смирялъ моей гордыни, ни до кого мнѣ не было дѣла, ни до коего человѣка. Опрочь себя да семейныхъ своихъ и звать бывало никого не хотѣлъ... А когда дошелъ я до бѣдности, стыдно и совѣстно стало водиться съ такими людьми какъ Паталъ Максимычъ. Еще пожалуй придетъ ему на мысль, думаю я себѣ, не за милостью ли какой пришелъ я, и вотъ я къ нему ни ногой. Ежели я видалъ отъ него большія милости, такъ онѣ были дѣланы сыну моему за его усердіе. Паталъ-отъ Максимычъ возлюбилъ его какъ роднаго сына, ничего для него не жалѣлъ, ну, а я совсѣмъ иное дѣло... Что ему до меня? Поди и не знаетъ каковъ есть на свѣтѣ человѣкъ Трифонъ Лохматый. Большому кораблю большое и плаваніе, а мы что? У меня въ послѣдне-то время и мыши въ амбарѣ перевелась съ голодухи. Потому по самому въ дружбѣ да въ пріятельствѣ мнѣ съ Паталомъ Максимычемъ быть не доводится, а кланяться ему да всячески

подсауживаться не хочу... Умирать стану съ голоду, а никому не поклонюсь; во всю жизнь одному только богачу поклонилась я, Христомъ Богомъ просилъ помощи моей старости, помощи родной семьѣ, и то ничего не выпросилъ. И тотъ богачъ былъ свой человѣкъ. Послѣ того какъ я чужому богачу руку протяну, какъ я ему стану про бѣдность свою разказывать? Нельзя, никакъ нельзя.

Рому бутылку изъ погребца вынулъ Никифоръ Захарычъ и лувшикъ сдѣлалъ. Три стаканчика опорожнилъ съ гостями Трифонъ Лохматый и лучше прежняго разговорился.

— Да, Никифоръ Захарычъ, такъ началъ онъ, — да, любезный ты мой, надо всякимъ человѣкомъ Господня сила. Но кто знаетъ какъ ее свесеть? Не въ судъ и не въ осужденіе будь тебѣ сказано, самъ ты каковъ прежде былъ человѣкъ? По всей сторонѣ довольно про то вѣдаютъ. А какъ возсіяла надъ душой твоей сила Господня, сталъ ты теперь совсѣмъ иной... Былъ ты куда не годящимъ человѣкомъ и плохо бывало тебѣ. А теперь, какъ послушу, мало на свѣтѣ такихъ умныхъ, хорошихъ людей какъ ты. А ежели отъ кого отступитъ сила Господня, тутъ сейчасъ врагъ. И какъ только онъ проклятую свою силу возыметъ надъ какимъ ни на есть человѣкомъ, будь онъ самый добрый, самый хороший, станетъ злымъ и отвязавленнымъ врагомъ всего добраго. По своимъ знаю и вѣдаю какова бываетъ сила бѣсовская, ежели она подведетъ хорошаго человѣка подъ себя...

— Это правда, молвилъ Никифоръ Захарычъ. — Какъ только зачнетъ человѣкъ жить не по-хорошему нечистый тотчасъ въ его душу и Господня благодать его покинетъ... По себѣ знаю Трифонъ Михайлычъ.

— Былъ у меня сынъ Алексѣй, послѣ недолгаго молчанья продолжалъ Лохматый. — Парень былъ разумный, смирный такой, разсудительный. А изъ себя красота, всѣмъ взялъ, и лицомъ, и ростомъ, и дородствомъ. И на всякую работу по дому только его взять, во всякомъ крестьянскомъ обиходѣ бывало его только взять, смышленный по всему ларень былъ, любоваться бывало только на него. А по токарной части до того дошелъ что не было ему еще полныхъ двадцати лѣтъ какъ первымъ, самымъ то-есть самодучшимъ токаремъ по всей здѣшней сторонѣ славился. По всему хороший былъ ларень, къ отцу къ матери почтительный, о братишкѣ да объ сестрахъ заботливый, по дому во всемъ старатель. Спать бывало не

даже не присмотрѣвши всего во дворѣ, хотъ за день-отъ со-всѣмъ истомится въ токаряхъ. Бывало мы съ женой покой-ницей не нарадуемся на своего разумника. Подросточекъ мой Саввушка тоже было по братнимъ столамъ пошелъ, дочери были руководящицы, хорошия помощницы моей Абрамовны. Хорошая она у меня была хозяйка, вотъ только еще двадцать недѣль какъ померла. Жили мы въ довольствѣ, жили да Бога благодарили.... Вдругъ цыме дни наступили, посѣтилъ насъ Господь испытаніями, токаря сгорѣла, лихіе люди лозавистовали,—подожгли. А по скорости и въ клѣтѣ похозяйничали, все почти добро повытаскали. Коней лару угнали невѣдомо куда. И съ той поры по бѣдамъ я пошелъ. Послалъ я тогда большаго сына въ работу къ Пяталу Максимычу и возлюбилъ его Пяталъ Максимычъ лаче всякой мѣры, деньгами пожаловалъ такъ что мы и токарню новую поставили и животиной обзавелись, только ужъ такой спорыньи по хозяйству какъ прежде была у меня не стало. Не на кого было всѣмъ дѣломъ положиться, большаго сына на сторонѣ въ работѣ, Саввушка еще не дослѣлъ, однакожъ и его я послалъ дожкарить,—ловкій дожкаръ изъ нашего мальца вышелъ. Взяться не кѣмъ, самому не подъ силу была работа, къ восьмому десятку тогда ужъ подходило, ну и захирѣло все по дому. Полугода не прошло какъ куда-то послалъ Пяталъ Максимычъ Алексѣя по своимъ дѣламъ и награждалъ его не по заслугамъ. Ну тутъ бы еще вичего: въ домъ деньги отдалъ, а тутъ по скорости лапъ къ намъ слухи что женилася оны на богатой вдовѣ, а женилася безъ родительскаго благословенія. А домъ у меня все падалъ да падалъ, бѣды пришли великія, дочери не хорошими дѣлами стали заниматься и тѣмъ мою Абрамовну въ могилу свели. Саввушка тоже не добрымъ путемъ жизнь повелъ, въ солдаты намлася, гдѣ теперь, оны, сердечный, не знаю не вѣдаю, угнали куда-то въ дальнія мѣста голубчика. Такъ вотъ и осталася я бобыль бобылемъ, въ тоскѣ, слова не съ кѣмъ сказать, а я человекъ старый и немощный, вотъ скоро семьдесятъ лѣтъ исполнится, а вѣдь и въ Божьемъ писаніи сказано: „что больше того, одивъ трудъ и болѣзнь“.

Подъ это слово старика Наталья принесла сковороду съ яичницей и низко поклонясь гостямъ вышла вонъ.

— Покушайте гости дорогіе, сказалъ Трифоновъ Лохматый придвигая сковороду къ нимъ. — Не посѣтуйте что лучше чего - вибудъ не поставилъ. Было бы прежнее время, не

такъ бы я васъ угостилъ, а теперь дѣлать нечего недостатку и безхозяйство.

— Нечего беспокоиться, не для чего было и газувью на столъ ставить, моавилъ Никифоръ Захарычъ.—За одно тепло тебѣ большое спасибо, ишь выюга-то какъ разыгралась, такъ и завываетъ. Безъ твоего крова да безъ твоей доброты совсѣмъ бы намъ пришлось замерзнуть.

— Такъ вотъ, гости мои дорогіе, немного погода продолжалъ свой разказъ Трифоновъ Лохматый,—сыночекъ у меня тысячами ворочаетъ, кажись бы могъ помочь отцу при его крайности, авъ нѣтъ, не туда оно пошло, не тѣмъ лажветъ, жены деньги и все ея имѣнье мой Алексѣй къ своимъ рукамъ подобралъ, и она, безчастная, теперь сама безъ колѣпки сидитъ. Отцу тоже ничего не даетъ, забылъ хлѣбъ-соль родительскую, забылъ родимый домъ и брата забылъ и сестеръ, всю свою семью. Не о томъ теперь у него думы, не обо мнѣ полеченье. Былъ я у него какъ овъ еще въ нашемъ городу проживалъ, теперь слышь на Низъ куда-то уѣхалъ и тамъ въ Самарѣ другимъ домомъ обзавелся, а прежній продалъ. Прихожу я къ нему въ домъ, настоящій дворецъ, мало такихъ въ городѣ. Наслау меня до него допустили. Увидались однако, такъ овъ хотъ бы бровью повелъ послѣ долгой разлуки, хотъ бы кусокъ черстваго хлѣба, хотъ бы чашку чаю подаль отцу-то. Поговорилъ я съ нимъ, сказалъ про свои нужды, такъ овъ хотъ бы словечко какое-нибудь вымоавилъ, а на прощанье отъ такого богатства далъ пятирублевую „отвяжись, дескать, ты отъ меня.“ Такъ вотъ какія вышче дѣтки-то бывають: ты ихъ лой, корми, вырасти, а послѣ того они и звать тебя не захотять.

— Давно я его знаю, нахмурившись и злобно глядя въ сторону сказалъ Никифоръ Захарычъ,— всегда былъ безпутнымъ, всегда умѣлъ за добро зломъ платить.

Выюга не переставала, и Никифоръ съ Васильемъ Борисычемъ остались вочевать у Лохматаго. Къ утру стихла погода и они собрались въ луть, но Лохматый, какъ они ни отговаривались, не лустилъ ихъ не угостивши на прощаньи бацнами да яичницей.

На мельницахъ-крулчаткахъ въ Красной Рамени Никифоръ тотчасъ по пріѣздѣ принялся за дѣло и оно у него закипѣло, принялся за него и Василій Борисычъ, сначала горячо, а потомъ съ каждымъ днемъ охладѣвалъ къ работѣ, потому

своемъ обѣщавая, опустела и все время проводила въ постели, не говоря ни съ кѣмъ ни слова, и только распѣвала стихиры. Скука была для него меломѣрная, а потомъ напала тоска. Напрасно Никифоръ Захарычъ уговаривалъ его приняться за работу, просилъ и молилъ его, ничто не помогало. По-прежнему Василій Борисычъ валялся на постели да поспѣвалъ стихиры. А у самого только и на умѣ: „Куда бы дѣваться чтобы не видаться съ противною женой. Ни за что да свѣтъ не дорочусь къ ней въ Осиповку. О, Господи, ежели бѣ Ты ее развязалъ со мной. Отъ нея отъ одной такое вышло мнѣ положеніе. Безъ нея могъ бы я къ своимъ воротиться, а при ней сдѣлать того никакъ невозможно, вѣдывала жена да еще вѣдывала-то въ великороссійской! Вотъ оно искушеніе-то!

Ровно услышана была молитва Василья Борисыча, за недѣлю до Рождества помучилъ его отъ теста коротенькую записочку: „Пріѣзжай окозь возможно скорѣе. Параша лежить при смерти“.

И лошади были присланы. Ни мало не медля Василій Борисычъ собрался въ путь и поѣхалъ въ Осиповку. Дорогой работникъ разказалъ ему все что зналъ про болѣзнь Проконьи Паталовой. Недѣлю полтора тому, какъ она въ банѣ парилась, а оттуда домой пошла очень уже на лѣткѣ да навороты еще на босу ногу, а на дворѣ-то было вьюжно и морозно. Босыми-то ногами санынь въ сугробъ пошла, ну и сагла на другой день? Много ли такой маде? Самъ знаешь какаа она тѣломъ вѣжкая, не то что у насъ у простыхъ людей бабы бывають, той ни много ни сугробъ ни лочемъ.

СХХVI.

— Что жь она въ памяти? спросилъ Василій Борисычъ.

— Въ памяти-то, слышь, еще покуда въ памяти, а сказываютъ начала заговариваться, отвѣчалъ работникъ.

— Что жь? За лѣкаремъ въ городъ послаали или нѣтъ, продолжалъ свои разспросы Василій Борисычъ.

— Какъ же не посылать, прсылали, отвѣчалъ работникъ.

— Что же онъ говоритъ.

— Что говорить про то я не знаю. Знаю только что пробылъ онъ у Патала Максимыча не очень долго и только что уѣхалъ меня за тобой послали, а другаго работника Ссаиверста въ Городецъ за лопомъ.

Встрепенулось сердце у Василья Борисыча.— „Авось не откажется, авось не встанетъ! Охъ искушениі!“ подумалъ онъ.

Онъ засталъ жену безъ языка. Такъ и не пришлось ему двухъ словъ сказать. На похоронахъ онъ громко поддѣлывалъ городецкимъ дьячкамъ,—скитницы не пожаловали лѣтъ къ Патапу Максимычу, очень уже сердилась на брата мать Малеева, а сама не поѣхала и другимъ не велѣла ѣздить. Всѣ ея словъ послушались, никто изъ сборательницъ не пріѣхалъ въ Осиповку.

Спустя недѣлю полторы послѣ похоронъ Патапъ Максимычъ позвалъ зятя къ себѣ въ горницу и сказалъ:

— Вижу я Василій Борисычъ что изъ тебя никакого толку не будетъ. Зачѣмъ же вывѣсть намъ жить, быть въ тягость другъ другу. Разойдемся-ка мирно, по доброму по хорошему. Не поминай меня и домъ мой лихомъ. О сынѣ своемъ, о Захарушкѣ заботы не имѣй, теперь онъ на рукахъ у Дарьи Сергѣевны, а будетъ у Груши какъ ей станетъ по-свободѣи и ежели Дарья Сергѣевна хозяйкой въ домѣ останется. А по времени если будетъ Богу угодно всѣ мои недостатки ему съ Грушей пополамъ отдамъ. А на Аксинью Захаровну разчитывать нечего, и съ радостью бы понавѣчилась со внучкомъ, да сама на ладомъ дмшетъ. Лѣкаря къ Парашѣ привозили, поглядѣвъ онъ на Захаровну и сказалъ что не жилаца она на свѣтѣ, до весны ни въ коемъ разѣ не проживетъ. Такъ разойдемся-ка лучше Василій Борисычъ, у тебя своя дорога, у меня своя, не будемъ мѣшать другъ другу. Знаю что тебѣ въ люди дѣваться некуда, такъ вотъ на обзаведенье да на прожитокъ. Пиши чтобы звать гдѣ находишься, по силѣ возможности стану тебѣ каждый годъ присылать на житье. Прощай. Дарю тебѣ пару лошадокъ, да санки, поѣзжай куда знаешь. А это возьми.

И подалъ ему увѣсистый бумагацкъ.

Молча принявъ Василій Борисычъ подарокъ тестя и низко ему поклонился.

Такъ и разстался. Ни съ той ни съ другой стороны на разставаньи сожалѣній не было. Василій Борисычъ радостно уѣхалъ изъ тестева дома.

Кинулася онъ въ одинъ скитъ, кинулася въ другой, вездѣ не принимаютъ. Тогда поѣхалъ на старое лелеище въ Москву. Тамъ была такая же встрѣча отъ Рогожскихъ. Клямятся

даже никто съ нимъ не казаяся, Иудой предателемъ всё обзывали. Купилъ тогда Василій Борисычъ на одной изъ московскихъ окраинъ небольшой деревянный домикъ и поселился тамъ. И вѣчно одинъ, а безъ людей жить нельзя,—обуяеть тоска одиночества, самая мучительная тоска какая только есть на свѣтѣ. Отвернулся Василій Борисычъ отъ Рогожскихъ и съ другими людьми знакомство повелъ. Мало-по-малу пересталъ онъ и думать объ архіереяхъ, хотя такъ недавно еще служилъ имъ вѣрой и правдой. Какъ человекъ много видавшій и много изъ старообрядской жизни знавшій онъ для многихъ былъ занимателемъ. И скоро нашелъ не мало близкихъ пріятелей, добрыхъ людей изъ православныхъ. А на Рогожское ни шагу.

Грузя съ Марьею Михайловной усердно хлопотали надъ заготовляемымъ приданого и все сдѣланное ими было такъ хорошо что всё кто ни видѣлъ его не могъ влюбиться. Все было сдѣлано и богато и съ большимъ укѣльемъ. Петръ Степанычъ купилъ большой, помѣстительный домъ. По совѣтамъ и указываніямъ на каждую мелочь Сергія Андреевича онъ устроилъ свой домъ на славу. Съ нетерпѣньемъ ждалъ Самоквасовъ Крещеньева для чтобы сыграть свадьбу, но пришлось помедлить: около Крещенья умерла Прасковья Патапова, нельзя было Патапу Максимычу прямо съ похоронъ на свадьбу ѣхать, а безъ него Дуля никакъ не хотѣла выходить замужъ,—онъ въ горькіе мои дни замѣсто отца мнѣ былъ, говорила она, заботилась обо мнѣ все одно какъ объ родной дочери, какъ же можно мнѣ безъ его бытности, безъ его благословенія вѣнецъ принять“. Рѣшились повременить, а какъ въ томъ году Рождественскій мясоѣдъ былъ короткій, то слисавшись съ Патапомъ Максимычемъ положили обѣднаться предъ самой Масляницей. Хотя не очень то нравилось это Петру Степанычу, но дѣлать нечего, надо было согласиться.

Такъ какъ Самоквасовъ еще никакихъ торговыхъ дѣлъ не заводилъ, то и наперсникъ его Семенъ Петровичъ Саратовецъ жилъ пока у прежняго хозяина Ермолая Васильича. Понадобилось ему по какому-то дѣлу Семена въ Москву послать, а кстаті сvezти на Керженецъ ежегодное подаліе, чтобы потомъ лѣтомъ въ другой разъ туда не посылать. Саратовецъ по дорогѣ заѣхалъ къ Самоквасову и засталъ его въ большихъ хлопотахъ по отдѣлкѣ новокупленнаго дома.

Не надивителъ Семеновъ Петровичъ убракетву какинь украсилъ домъ его пріятель, а когда узналъ что у него скоро свадьба съ богатѣйшею дочерью покойника Смелокурова, которую выдавалъ онъ въ Комаровѣ, такъ только ружьки развелъ отъ удивленія. Замѣтилъ онъ тутъ что Петръ Степановичъ не охотно говоритъ про скиты и про бымаи тамъ прокази что видѣтъ она тамъ выкидывала.

Похалъ Семеновъ Петровичъ въ Комаровъ и тамъ лю обмѣкавенію присталъ у Тапсеи, въ обители Воярковичъ. Не бывавъ тамъ года полтора, съ тѣхъ поръ какъ увезли Василья Борасича да Пракковью Патапову, много новова узналъ онъ отъ Тапсеи, узналъ что мать Мансеа совсѣмъ разошлась съ братомъ, а сама чуть не въ затворъ затворилась, передавъ управленіе обительскимъ дѣлами Флемушкѣ, для чего та постриглась въ иночество и теперь стала матерью Филаргіей.

— Увидите и не узнаете прежнюю Флемушку, говорила Тапсея.—Ровно восемь мѣсяцевъ какъ она ужъ въ инокиняхъ. Все подъ руку подобрала, никто въ обители безъ позволенія ея шагу сдѣлать не можетъ. Строга была Мансеа, а эта еще строже, какъ самъ знаешь первая была проказница и заведница всѣхъ проказъ, а теперь совсѣмъ другая стала; теперь вздумай-ка блудца мірскую мѣсяцу заплѣтъ, тотчасъ ее подъ началъ, да еще пожалуй въ чуланъ. Всѣ у нея ходятъ какъ лизъ по дну. Ты когда идти къ ней сбрасаешься?

— Да завтра думаю, отвѣтилъ Семеновъ Петровичъ.

— Иди пораньше, молвила Тапсея.—Скоро-то она до себя никого не допускаетъ, особливо ежели кто изъ постороннихъ, не изъ скитскихъ значитъ. А о прежнихъ проказцахъ лучше и не поминай, вонъ выгонять.

— Ну, ужъ и выгонять? голосомъ сомнѣнія сказалъ Семеновъ Петровичъ.

— Вотъ увидишь. Попробуй только, молвила Тапсея.—Да еще и твоему хозяину напишеть чтобы на впредь ни послать онъ тебя въ скиты не посылалъ.

— Не можетъ быть того, отвѣтилъ Семеновъ Петровичъ.—Вѣдь мы старые съ ней знакомые.

— Что было то бывлю моросле, благодѣтель. Говорю тебѣ, стала она совсѣмъ другой человекъ.

— Не очень-то доврѣалъ словамъ Тапсеи Семеновъ Петровичъ.

и знакомыми путями пошелъ къ кельямъ Мансомъ. И путь не тотъ былъ какъ прежде. Тогда по зеленой луговинѣ прелегала узенькая тропинка и вела отъ одной къ другой, а теперь была едва проходимаа дорожка, съ обѣихъ сторонъ занесенная высокими свѣжыми сугробами чуть не въ ростъ человека. Отряхиваясь отъ снѣга валилшаго на сапоги и самое платье пошелъ Саратовецъ на крыльцо Мансомы, и вдругъ увидалъ что передъ нимъ ло стѣламъ идетъ съ какою-то посудой Марьюшка.

— Тебя откуда принесло везутнаго? не то съ робостью, не то съ радостью спросила она увидя его.

— Изъ города Саратова, голубушка ты моя Марьюшка, Ериколай Васильевичъ прислалъ съ подаваніемъ. Ну здравствуй моя дорогая. Что отворачиваешься? Поздороваемся по-прежнему, обними покрѣче, поцѣлуй горячѣй, началъ было Семенъ Петровичъ, но Марьюшка руками на него заматала.

— Тише, сказала она, — тише, усыпить матушка, бѣда будетъ мнѣ да и тебѣ не ладно. Нынче у насъ такіа строгости пошли что и разказать нельзя, слова громко не смѣй сказать, улыбаются не смѣй, какъ разъ матушка на поклоны поставитъ. Ты ступай покаместъ вотъ въ эту келью, обожди тамъ пока она позоветъ тебя. Обожди, не поскучай, такіе ужъ мои порядки.

— И всѣ эти строгости завела Флевушка? А я было со всѣмъ цюго чаялъ. Помнишь?

— Молчи, сказала Марьюшка и затворивши дверь кельи скрылась въ переходахъ игуменской стаи.

Долго впадъ и впередъ ходилъ по кельѣ Семенъ Петровичъ. Это была та самая келья гдѣ въ прежнее время жила Флевушка. Сколько проказъ тутъ бывало, сколько хохота и веселья, а теперь все стало могилой, съ самихъ стѣнъ казалось вѣяло какою-то скукой. Порядочно-таки прошло времени какъ вошла въ келью молодая, пригожая, но угрюмая и сумрачная бѣлица. Ее никогда не видывалъ Саратовецъ бывая прежде въ Комаровѣ.

Мать Филагрія сидѣла за столомъ когда вошелъ Семенъ Петровичъ и вадмательнѣо перебирала письма и другія бумаги. Положивъ уставной началъ, низко поклонился ому матери-игуменьѣ. Тутъ только взглянула на него Филагрія и неслѣнно опустила на глаза флеровую наметку.

— Какими это судьбами не въ урочное время пожаловалъ къ нашему убожеству? тихо промолвила мать Филагрія.— Въ прежніе годы лѣтомъ всегда пріѣзжалъ, а теперь вдругъ передъ Масляницей. Ужъ здоровы ли всѣ, Ермолай Васильчъ и домашніе его.

— Слава Богу, и Ермолай Васильчъ и всѣ его домашніе здравствуютъ и вамъ кланяться наказывали, отвѣчалъ Семенъ Петровицъ.— А такъ какъ довелось мнѣ по хозяйскому дѣлу въ Москву ѣхать, такъ Ермолай Васильчъ и заблагоразсудилъ чтобъ я теперь же заѣхалъ къ вамъ въ Комаровъ съ ежегоднымъ подавкіемъ, какое каждый разъ отъ него посылается.

— Спаси Господи и помилуй своими богатыми милостями благодѣтеля нашего Ермолая и всѣхъ присныхъ его, вставъ съ мѣста и кланя малый началъ величаво сказала Филагрія.— Клавдюша! кликнула она не знакомую Семену Петровицу послушницу что у новой игуменьи въ ключахъ ходила.

Неслышными шагами вошла та и смиренно стала у при-толки.

— Поставь, Клавдеюшка, самоваръ да сбери намъ чайку поскорѣе, сказала мать Филагрія.— Да закусокъ поставь закупить, водочки, мадерцы, еще что тамъ есть.

— Слушаю, матушка, съ низкимъ поклономъ отвѣтила послушница и торопливо вышла вовъ изъ кельи.

— Что матушка Манееса, какъ ея спасеніе? спросилъ немножко помолчавъ Семенъ Петровицъ.

— Что матушка Манееса? Стара, дряхла, но духомъ бодра, плотью же немощна, отвѣчала Филагрія.— Всего больше по хилости своей да по слабости тѣлесныхъ силъ и поставила она меня на свое мѣсто въ начальницы обители. А это дѣло нелегкое. Особенно трудно ладить съ окольными мужиками, каждому стащить бы что со скита, Бога не боятся и совѣсти нѣтъ въ глазахъ. Ну да Богъ дастъ ежели оставятъ насъ на старыхъ мѣстахъ уладимся съ ними, теперь они все вашей выгонки ждуть и надѣются что обительскія строенія имъ достанутся. Тяжело съ ними ладить, охъ какъ тяжело Семенъ Петровицъ! Скажите Ермолаю Васильчу не оставилъ бы насъ убогихъ при телерешивихъ нашихъ тѣсныхъ обстояніяхъ своими благодѣяніями... Привезла ли что-нибудь?

— Какъ же, привезъ, матушка, отвѣчалъ Саратовскій прикащикъ.— Только Ермолай Васильевичъ наказывалъ отдать

изъ рукъ въ руки матушкѣ Манеевѣ. Должно-быть не знаетъ еще о перемѣнѣ у васъ въ обители.

— Матушка Манеева ни въ какія дѣла теперь не вступаетъ, всѣ дѣла по обителямъ мнѣ препоручила, сказала мать Филагрія.—Теперь она здѣсь, въ Комаровѣ, пріѣхала сюда на короткое время, а живетъ больше въ городѣ, въ тѣхъ кельяхъ что накупила на случай выгонки. Цѣлая обитель у нея тамъ, а я здѣшними дѣлами заправляю, насколько подастъ Господь силы и крѣпости. Отдайте мнѣ, это все одно и то же. И прежде вѣдь матушка Манеева принимала, а расписки всѣмъ я писала. Ермолаю Васильичу рука моя извѣстна.

— А матушку Манееву можно видѣть? спросилъ Семеновъ Петровичъ.

— Никакъ нельзя, отвѣчала Филагрія.—Еще бродить, врядъ ли до весны дотянетъ.

Семеновъ Петровичъ передалъ письмо и деньги матери Филагріи. Та прочитавши письмо молча и низко поклонилась, потомъ сосчитала деньги и написала расписку.

— Долго ли здѣсь прогостить? спросила она его.

— Гостить долго мнѣ не приходится, отвѣтилъ Семеновъ Петровичъ.—Въ Москву едѣшу по хозяйскимъ дѣламъ. Завтра бы утромъ пожалуй и выѣхалъ.

— А здѣсь-то у кого пристаалъ? спросила Филагрія.

— Да все на старомъ, насиженномъ мѣстѣ, у матушки Тапсеи въ обители, сказалъ Семеновъ Петровичъ.

— Напрасно, не совѣтовала бы я, молвила на то мать Филагрія.—И Тапсею напрасно пришла тебя. Время теперь оласное, хоть до лѣта по письмамъ нашихъ Петербургскихъ благодѣтелей ничего и не предвидится, а все-таки на грѣхъ могутъ нагрянуть. И вдругъ въ женской обители посторонняго мушкетера найдутъ. И Богъ знаетъ что изъ этого выведутъ. Новыя стороны что въ Комаровѣ пріѣзжаютъ, у иконолика, у Ермилы Матвѣича пристають. Вотъ бы тебѣ тамъ и остановиться а ты попрежнему прямо въ святую обитель. И Тапсею-то дура набитая что пустила тебя... Ну да одинъ-отъ день еще пожалуй ничего, авось Богъ милостивъ, а ежели дальше останешься въ Комаровѣ къ Ермилу Матвѣичу переехалъ, тамъ дѣло безопаснѣе.

Подъ это слово послушница Клавдеюшка внесла самоваръ и принялась уставлять столъ чайнымъ приборомъ, а другой разными закусками и валятками.

— Подкрѣпитесь-ка напередъ водочкой либо винцомъ какимъ-нибудь, а послѣ того и за чашку прижмись, молвила мать Филагрія.

Семень Петровичъ не заставлялъ долго просить себя, выпилъ и закусалъ.

За самоваромъ мать Филагрія продолжала разказъ свой о тяжести общельскихъ хлопотъ что такъ неожиданно легли на ея плечи, жаловалась на судьбу, но обо всемъ говорила строго, съ невозмутимымъ спокойствіемъ.

— И по своей обители хлопотавъ и по всемъ другимъ скитамъ, говорила мать Филагрія. — Къ вамъ попрежнему какъ при матушкѣ Мансеевъ всѣ благодѣтели имѣютъ довѣріе и на ваше имя высылаютъ подаванія. И ото всюду, особенно изъ Петербурга и Москвы, письма къ вамъ только лишутъ, а въ нихъ лишется все что и до другихъ скитовъ касается. Отъ одного отъ этого голова иной разъ крутомъ поидеть. А тутъ еще разбирай иной разъ штія ссоры да ссоры. Тяжеленько, Семень Петровичъ, иной разъ очень тяжко приходится. Вы скажите обо всемъ объ этомъ Ермолаю Васильичу, пожалѣлъ бы хоть сколько-нибудь насъ смиренныхъ. Водочки-то другую рюмочку искушали бы, прибавила она указывая гостю на столикъ съ валитками и закусками. — Осетринки кусочекъ возьмите, отиѣнная осетрина, мало бываетъ такой, а въ продажѣ и вовсе нѣтъ. Отъ Смолокуровыхъ, отъ Дарья Сергѣевича на поманъ души Марка Давыдыча прислана.

— Захлопоталась сама-то должно-быть, замѣтилъ Семень Петровичъ. — Вѣдь въ скорости послѣ родительскихъ похоронъ была просватана за Петра Степановича.

Бровью даже не повела мать Филагрія при словахъ Семени Петровича. Хоть цвоческая наметка была у нея совсѣмъ назадъ закинута, но въ лицѣ ея не замѣтно было ни малѣйшаго волненія какъ будто разговоръ касался людей совершенно ей чуждыхъ.

— Что же? твердымъ, спокойнымъ голосомъ помолчалъ немножко проговорила она. — Оба они люди жѣрскіе, цвочества на нихъ не возожено. Еще въ земномъ раю засажденномъ на востокѣ Господь Богъ сказалъ: „Не добро быти человеку единому сотворимъ ему помощника.“ Не обратясь такового и Господь создалъ Адаму жену. И алестоуъ сказалъ „лучше

желатье чѣмъ разбогатѣть.“ * Самокъвасонъ, сказывавше, отъ дяди большее богатство получитъ, а у нея въ шесть, либо въ семь разъ того больше. Слава Богу, есть чѣмъ жить, есть чѣмъ хозяйство управлять. А хозяйство самое первое дѣло какъ у богатыхъ, такъ и у немущихъ. Ее разумомъ и добрымъ правомъ Господь не обидѣлъ, и если удастся ей забрать мужа въ руки у нянь въ дому все самымъ лучшимъ порядкомъ пойдетъ, и хозяйство и все, а если она станетъ всѣмъ въ дому верховодить, рано ли поздно ли илѣе богатство прахомъ пойдетъ. Благовѣстесь, Семенъ Петровичъ, имъ отъ меня, и ему и ей; скажите, старица-вова Филагрія добраго здоровья и отъ Бога счастья желаетъ имъ.

И съ этими словами опустила на лицо наметку изъ двойнаго флера.

— Мадерцы хотъ рюмочку искушали бы, величаво промовала она.—Вино, хорошее, изъ Москвы благодѣтелями прислано.

На этотъ разъ твердый голосъ ея будто немного дрогнулъ и какъ ни укрыто было лицо ея подъ двойною наметкой, Семену Петровичу показалось будто слеза блеснула на очахъ матери Филагрии. Но тотчасъ же все исчезло и предъ вами попрежнему стояла спокойная, ничѣмъ невозмутимая мать игуменьи.

— Еще маленькую калашку, Семенъ Петровичъ, извольте выкушать.—На дорожку посмокъ, сказала она слегка улыбаясь.

Семенъ Петровичъ выпилъ еще уместную рюмку московской мадеры. Затѣмъ въ поясъ поклонился матери Филагрии и взялся за шалку.

— Прощайте, Семенъ Петровичъ, сказала ему она.—Ермолаю Васильичу и всѣмъ домашнимъ его поклонитесь отъ меня и ото всей нашей обители. Скажите имъ что мы всегдашніе ихъ молитвенники. А отвѣтъ сегодня же вамъ пришлю. Только на счетъ будущаго времени прошу я васъ у матери Таисей и вы въ какой другой обители не останавливайтесь, а случится прѣхать въ вашъ скитъ взвѣжайте къ Ермолаю Матвѣичу иконовику. Строго объ этомъ накажу и матери Таисей и прочимъ игуменьямъ. Прощайте, Семенъ Петровичъ, всякаго вамъ благополучія.

* 1 къ Коринѣянамъ VII—9.

Величаво, спокойно и безъ малѣйшаго смущенья простилась мать Филагрія съ заѣзжимъ Саратовцемъ, не разъ бывшимъ свидѣтелемъ затѣйныхъ проказъ ея. Стояла она предъ нимъ ровно до всѣмъ другой человекъ чѣмъ полгода тому назадъ когда они собирали къ вѣнду Василья Борисыча.

Нѣсколько времени въ глубокомъ раздумьи простояла она среди кельи. Потомъ будто оравившись и лрдя въ себя громко крикнула:

— Клавдеюшка!

Послушница ровно изъ земли выросла: ожидая приказаній агумельи она стояла на мѣстѣ низко опустя голову.

— Прибери здѣсь все. Поскорѣе, сказала Филагрія.

Тотчасъ все было прибрано, и самоваръ, и водка съ московской мадерой, и закуски. А когда совсѣмъ прибралась, Филагрія сказала ей:

— Кто бы, по какому бы дѣлу ко мнѣ ни прашель, никого не долущай. Всѣмъ говори: письма молъ къ благодѣтелямъ писать.

Вышла послушница изъ кельи и Филагрія залерлась изнутри. Потомъ пошла въ боковушу и тамъ ринулась на кровать. Спрятавъ голову въ подушку, судорожно она зарыдала. Но ни малѣйшаго звука, ни малѣйшаго знака внутренней тревоги бывшей Флевушки.

CXXVII.

Настало наконецъ давно ожидаемое всѣми близкими время Дуяной свадьбы. Вѣнчались они въ послѣднюю лятвицу предъ Масляницей, послѣ того по церковному уставу девять недѣль вѣнчать было нельзя. Дня за четыре до свадьбы Дуя съ Груней и съ женихомъ лѣхали покловиться гробамъ родителей. Предъ вступленіемъ въ новую жизнь Дуя считала сердечною необходимостью, по старому обычаю, помолиться надъ вимі. Чубаловъ встрѣтилъ пріѣхавшихъ въ Смолукоровскомъ домѣ и устроилъ такіе же почти обѣды и ужины какіе бывали при жизни Марка Давидыча. Поклонившись родителямъ Дуя слѣшно стала собираться обратно и звала Герасима Сильча къ себѣ на свадьбу. Чубаловъ, оставивъ Иванушку домовничать, лѣхалъ вмѣстѣ съ ней.

Только что вошла Дуля въ отцовскій домъ письма ей подали. Она только что полученны были Герасимомъ Сулицемъ и она съ часу-на-часъ ожидая хозяйку удержалъ ихъ у себя. Оба письма были изъ Луловицъ: одно отъ отца Прохора, другое отъ Вареньки.

Радостно отецъ Прохоръ привосилъ Дулю поздравленія со вступленіемъ въ супружескую жизнь и благодарилъ ее за новую, совсѣмъ неожиданную присылку съ просьбой помолиться объ ней и объ ея жельхъ въ тотъ день когда предполагали они вѣнчаться. „А особенно утѣшили вы меня тѣмъ, писалъ отецъ Прохоръ, что свадьбу желаете сыграть въ единоувѣрческой церкви и потомъ остаться въ оной навсегда, а зловерный расколъ всесовершенно откинуть и оградясь истинною вѣрой до смертнаго часа пребывать отаужденною отъ душепагубнаго раскола. Хотя и не мало собоузнаю я тому что не вошли вы прямо во спасительную ограду святой церкви, но и тому несказанно радъ что вошли, такъ-сказать, въ церковное средостѣіе. Несказанно ото всей души моей радуюсь что вы находитесь теперь подъ церковною стѣною; подай вамъ, Боже, скорбій и совершеннаго душевнаго исцѣленія отъ пагубнаго язвы раскола. Молюсь и непрестанно дондеже есмь творити о васъ и о будущемъ вашемъ супругѣ молитвы и моленія о вашемъ благочестіемъ житіи, мирѣ въ вашемъ семействѣ и о божественной благодати которую да испрошаетъ Владыка міра на домъ вашъ. Молю же васъ и слезно прошу подвизаться въ дѣлахъ христіанскаго милосердія и украшать душу свою посильною милостынею и цвѣтами любви евангельской; лаче же всего хранить чистоту душевную и тѣлесную. При семъ не умолчу и о здѣшнихъ происшествіяхъ въ послѣднее время бывшихъ. Николай Александрычъ взятъ и невѣдомо куда отвезенъ, такъ что въ Луловицахъ теперь остались только Андрей Александрычъ съ супругой и съ дочкой, къ имѣнію же приставлена олека и олекумъ ни на самое короткое время изъ Луловицъ не выѣзжаютъ. О Марьѣ Ивановѣ имѣются самыя достовѣрныя свѣдѣнія яко бы и она взята и неизвестно гдѣ заключена, сказываютъ въ какомъ-то монастырѣ, гдѣ-то очень далеко, слышалъ я о томъ въ консисторіи, а тамъ сіи вѣсти идутъ отъ самаго владыки, стало-быть совершенно вѣрныя. Изъ простаго народа также не мало забраво, даже духовнаго званія, въ томъ числѣ известныи вамъ заштатный дьякомъ

Мемновъ Лалударіевъ. Вообще идетъ переборка пресоблазная не токмо въ нашей епархіи, но и въ сосѣднихъ открываютъ множество фармазоновъ, по преимуществу изъ благородныхъ. Прекрасно радуясь что отъ васъ не было никакихъ писемъ или посылокъ ни къ господамъ Луловицкимъ, ни къ Марьѣ Ивановнѣ и ни къ кому изъ открывшихся именъ фармазоновъ. А то теперь такое время что за малѣйшее съ нами сношеніе всякаго привлекаютъ къ суду и законной ответственности. Взяты, разказываютъ, даже два архимандрита, единственно по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ фармазонами, не говоря ужъ о свѣтскихъ людяхъ. Затѣмъ прекратя сіе писаніе вновь приношу неизувствительнѣйшую и глубочайшую нашу благодарность отъ всего нашего семейства за ваше неоставленіе въ бѣдной нашей долѣ, лаче же всего отъ всей души моей и отъ всего сердца молю и прошу не престану прещедраго и неустощимаго въ своихъ милостяхъ Господа Бога да изаіетъ на супружескую жизнь вашу всякія блага и милости къ вамъ. Да пошлетъ Онъ Всесвятый свое благословеніе на новую жизнь въ кою намъ ренаетесь вступити, да пошлетъ вамъ съ супругомъ отъ горняго престола своего препоногія Свои милости.“

Напротивъ того, безотрадно и отчаянно было письмо Вареньки. „Господь тебѣ судья что ты не захотѣла раздѣлити съ нами плачевную участь насъ постигшую, писала она. Впрочемъ кто жь не старается избѣжать земнаго горя, кто не стремится къ избѣжанію житейскихъ печалей? Много ли найдется на свѣтѣ такихъ кто бы не страшился мірскаго страха, кои бы были безлечальными и радости пошли бы на земныя мученія? Но истинъ только одни избранные и посвящѣ на себѣ горнее помазаніе свыше даруемое. А у насъ несчастія великія: дядю Николая Александрыча и тетеньку Марью Ивановну взяли жандармы и невѣдомо куда увезли, полагаютъ что въ Петербургъ, думаютъ и то что оба они заключены въ неизвѣстномъ какихъ монастыряхъ. Много взято и другихъ разнаго званія людей, бывавшихъ у насъ на собраніяхъ въ Луловицахъ. А тетеньку забрали въ ея новомъ имѣніи въ Фатьянкѣ. Это въ нашей губерніи, не вдалекѣ отъ того города гдѣ ты живешь. Неужели ты и этого не знала, а зная не помогала отъ великаго твоего богатства нужною суммой для освобожденія столь много любящей тебя тетеньки? Говорятъ что это сдѣлать было очень легко, да и денегъ требовалось бы не Богъ

знаешь сколько, такъ что при теперешнихъ твоихъ недостаткахъ освободить тетеньку было бы дѣломъ пустяшнымъ. Сама я этихъ дѣлъ не помимаю, но наши всѣ въ одинъ голосъ говорятъ что ежели бы ты захотѣла ее выручить, то было бы легко и для тебя совершенно безубыточно. Очень на тебя отъгугутъ и не хорошо отзываются, но я много короче ихъ знаю тебя и доброе твое къ каждому человѣку острадательное сердце чтобы вѣрить такимъ вѣстямъ. Скорѣй такъ полагаю что ты вовсе ничего не знала о нашемъ несчастіи, не знала и о положеніи нашихъ дѣлъ. Развѣ что не знала какъ и къ кому обратиться? Такъ у тебя конечно есть довѣренныя люди которымъ безъ страха и опасенія можно было поручить это дѣло. Съ тѣхъ поръ какъ ты совершенно неожиданно скрѣпалась изъ Дуновица кромѣ того что багюшка твоя скончалась и ты стала владѣть милліонами, мы о тебѣ никакой вѣсточки не имѣемъ. Обищала тетенька по пріѣздѣ въ Фатьянку разузнать о тебѣ и увѣдомить насъ, но отъ нея писемъ не получали потому что меньше чѣмъ черезъ недѣлю ее взяли, а также иныхъ изъ Фатьянскихъ которыхъ она вывезла изъ симбирскаго имѣнія. Потому я и думаю что когда тетеньку взяли, ты о такихъ нашихъ несчастіяхъ и не знала, а въ противномъ случаѣ непременно бы помогла отъ своихъ великихъ недостатковъ. Иначе и думать нельзя, особенно мнѣ, когда знаю твою доброту и то сколь много любила ты тетеньку, вѣдь она тебѣ вмѣсто матери была и первая озарила тебя невечернимъ свѣтомъ истины. Подай намъ о себѣ вѣсточку добрая, милая моя Дуня, какъ ты проживаешь въ новомъ своемъ положеніи, а главное останешься ли вѣрна тому куда была приведена безграбичною къ тебѣ любовью тетеньки Марьи Ивановны. Пожалѣй ее несчастную, пролей слезу отъ сердечнаго участія къ печальной ея судьбѣ. А мы и сами находимся въ ежедневномъ страхѣ, ожидая дней скорби и печалей. Дѣло, какъ надобно полагать, еще не кончено, берутъ то того, то другаго изъ бывавшихъ у насъ, и другихъ совершенно неизвѣстныхъ намъ людей, мужчинъ и женщинъ, и при томъ изъ такихъ городовъ и селеній которыхъ никто изъ нашихъ никогда и не знавалъ. Вѣрно дѣло идетъ большое, до всѣхъ добираются, говорятъ что даже самыя архимандриты призваны къ отвѣту и лишены своихъ мѣстъ, не упоминаю ужъ о лолахъ, монахахъ и прочаго званія духовныхъ людей. Есть слухъ о нѣкоторыхъ изъ помѣ-

щиковъ въ дальнихъ отъ насъ мѣстахъ что одни взяты, а другіе отданы подъ надзоръ полиціи. Мы всѣ, а также иные изъ нашихъ дворовыхъ и крестьянъ, тоже находимся подъ полицейскимъ надзоромъ, ведѣли не проходитъ чтобы кто-нибудь не наѣзжалъ въ Луловицы, исправникъ либо становой приставъ. Впрочемъ ихній надзоръ легкій, весь состоитъ изъ угощенія и батюшка чѣмъ можетъ не оставляетъ ихъ. А представленный отъ полиціи солдатъ живетъ въ Луловицахъ безвыходно, но отъ него никакого безпокойства не видимъ. Вотъ каковы печальныя наши обстоятельства, милая Дулюшка, пожалѣй насъ въ несчастіи. Вспомни нашу дружбу, вашу съ тобою дружбу и любовь, и не забывай Луловиць и всего что тамъ узнала и чему научилась.“

Прочтя письмо Вареньки Дуля бросила его въ толпившуюся печку, а письмо отца Прохора положила въ шкатулку, гдѣ лежали разныя бумаги ея и документы. Это письмо прочтала она потомъ жемуху.

— Вотъ какъ! выслушавъ письмо отца Прохора молвилъ Петръ Степановичъ.— Съ никоніанскими полами въ перелпскѣ.

— Что жь? сказала Дуля.— Этотъ самый священникъ сказывалъ мнѣ что разница между вами и великороссійскими въ одномъ только наружномъ обрядѣ, а вѣра и у насъ и у нихъ одна и та же, и между вами ни въ чемъ нѣтъ разности. А вотъ Герасимъ Силычъ всѣ вѣры произошелъ и онъ однажды говорилъ мнѣ что сколько вѣръ онъ ни знаетъ, а правда въ одной только держится.

— Въ какой же? съ любопытствомъ спросилъ Самоквасовъ.

— Въ великороссійской, отвѣтила Дуля.

— Въ великороссійской, сказалъ Петръ Степановичъ и крѣпко задумался.

— Я самъ тѣхъ же мыслей, тихонько молвилъ онъ невѣсть.

— А давно ли? спросила Дуля.

Но разговоръ тѣмъ и кончился.

АНДРЕЙ ПЕЧЕРСКІЙ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОСЛѢДНЯЯ ЛЮБОВЬ БАБУЛЬСКАГО ХАНА

ЭМИРА ШИРЪ-АЛИ.

АФГАНСКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА. *

Если въ Кабулѣ верблюда съ быстрой, степной взять по-
бѣжкой,
Сѣсть на него и на сѣверъ свой путь съ горъ Афганскихъ
направить,
Вскорѣ обширныя степи откроются вашему взгляду,
Дикой, высокой травой поросшія; скачущій всадникъ
Еле приметенъ среди нихъ и то лишь привычному взору.
Будто какъ въ морѣ валы грядами колышутся травы.
Странное чувство тоски всю душу вамъ скоро охватитъ
Глядя съ верблюда на это безбрежное, травное море.
Далѣе почва мѣняется: камни, песокъ, видъ пустыни.
Много кочуетъ въ степяхъ Туркменовъ воинственныхъ, смѣ-
лыхъ.

* Одинъ французскій путешественникъ (*Erneste Lavigne*) нѣсколь-
ко лѣтъ тому назадъ былъ въ Кабулѣ, гдѣ тогда еще управлялъ
эмиръ Ширъ-Али (отецъ Якубъ-хана). Г. Лавинъ слышалъ этотъ
разказъ изъ устъ самого эмира.

Носятъ всюду оми на быстрыхъ коняхъ доагогривыхъ
Точно стелные оран; и гдѣ лишь зачуютъ добычу,
Съ гикавемъ вдругъ налетать и вмгъ караванъ весь раз-
грабятъ.

Вотъ что случилось средь этихъ кочевьевъ тому лѣтъ три-
надцать:

Ими въ то время владѣлъ ханъ Давудъ, старый, мудрый и
храбрый.

Лѣтъ девяносто ему уже было, но кто его видѣлъ
Какъ еще лицо оное мчался на бѣломъ конѣ своемъ беромъ,
Въ космы своей бороды и въ гриву коня всею укутаетъ,
Всѣ говорили не оне ли Рустемъ, древній витязь Ирана!
Вѣрно душой богатырской вселился оне въ нашего хана!
Трое у хана Давуда дѣтей было старшихъ два сына,
Третья любезная дочь; княжой Эмине ее звали.
Цѣлыхъ четырнадцать веснъ ея уже видѣли очи;
Не было этимъ очамъ равныхъ во всемъ Туркестанѣ.
Еслибъ въ Афганской землѣ, или въ Персiи, въ Индию даже
Всѣ бы мѣста, закоулки взоромъ пытливымъ извѣдать,
Даже тогда возвратяся къ почтенному хану Давуду
Вы бы признались красивя взглянувъ на княжну молодую:
Краше ихъ всѣхъ Эмине, черноокая ханская дочка!
Братья княжны Эмине, отважные юности оба,
Оба въ одну влюблены были дочку сосѣдняго хана.
Какъ-то однажды оми на охоту помчались въ пасмурный день,
Оба на чудныхъ коняхъ и съ соколомъ каждый любимымъ.
Тѣшилися долго, потомъ коней повернули обратно;
Въхали рядомъ все молча, какъ вдругъ старшій братъ засмѣ-
явшись

Соколу вдругъ говорить: „послушай ты, вѣрная птица!
„Скоро къ себѣ я Фатиму возьму, дочь владыки Кашмира!
„Славно тебѣ будетъ жить у меня,—драгоценный ошейникъ
„Лучшихъ жемчужинъ тебѣ я на гордую шейку повѣшу!“
Младшаго брата слова тѣ за сердце задѣли, оне молвить:
„Ты отвѣчай ему соколъ что тѣ обѣщанья напрасны,—
„Что, какъ тебѣ тѣхъ жемчужинъ, ему невидать такъ Фатимы!“
Тяжкой вагайкой махнулъ и прямо съ руки его брата
Соколъ улетѣлъ на песокъ, несчастный, съ разбитой головкой.
Что потомъ было, не знаю, но къ вечеру къ ханской ламаткѣ
Двое примчалось коней, но безъ всадниковъ. Всѣ изумились.
Вышелъ самъ ханъ: „Что такое, гдѣ беки, сыяки удалые?“

Слышать, ему говорят: въ крови челпраки всѣ и сѣдла!
Бековъ, сынковъ твоихъ вѣтъ! безъ всадниковъ кони вернулись!..

Тотчасъ повсюду гонцовъ Давудъ разослалъ въ ночной тишинѣ.
Самъ же въ шатеръ свой вошелъ, предчувствуя тяжкое горе.
Долго искали двухъ братьевъ, когда жь ихъ тѣла увидали
Страшенъ былъ видъ ихъ и мертвыхъ. Оба лежали сѣдлившись.

Ревность, проклятая ревность! столько людей ты сгубила!

Такъ Эмине и осталась наследницей стараго хана.

„Сетьтоме очей своихъ“ прозвалъ ханъ милую дочку.

Нѣжно оны ей говорилъ что въ ней все его утѣшенье:

Только отъ добрыхъ тѣхъ словъ зажить не могли рамы сердца.

Втайнѣ душа старика по милымъ сынкамъ пнывала.

Вотъ, въ одинъ вечеръ осенній, за солнцемъ слѣдя заходящимъ,

Блѣдный лежалъ на коврахъ Давудъ предъ шатромъ своимъ
ханскимъ.

Степь и холмы золотились въ сяньи багряномъ свѣтла;

Возлѣ него Эмине, скрестивъ ло восточному ножки,

Молча сидѣла, любясь каймой золотой небосклона.

Тихо янтарныя четки сквозь пальцы Давуда скользили.

Въ этотъ таинственный часъ, въ последнемъ сяньи заката,

Какъ былъ прекрасенъ старикъ! своей бородою волнистой

Будто блестящею ризою серебряной чудно одѣтый!

Вѣрно сынковъ дорогихъ, страшной смертью погибшихъ,

Думой сердечной оны вспомнилъ, вздохнулъ и погасъ вмѣстѣ
съ солнцемъ.

Горестно стало княжѣ, отца она нѣжно любила.

Съ почестью былъ оны схороненъ, курганомъ высокимъ

Былъ отъ народа почтенъ; любимъ оны былъ всеми при жизни.

Плакальщицъ множество было на свѣжемъ курганѣ Давуда,

Только одна переллакала всѣхъ ихъ княжна молодая.

Станетъ что съ ней одной, безъ родныхъ, сиротою!

Нѣтъ и друзей никого! Владычица буйныхъ Туркменовъ

Знала какъ трудно княжить надъ ордой веселойной.

Съ сѣвера грозный Россіи орелъ двуглавый, могучій;

Съ юга монгольскій Кабуль, опасный сосѣдъ и задорный;

И надо всѣмъ этимъ Англии коршунъ, всегда ненасытный!...

Было еще одно горе; не горе, а сердцу забота:

Въ томъ было дѣло: княжна красотой необычной сіяла!

Ростомъ была не величка, но только стройнѣй самой лальмы.

Правда, немного была смугловата она, за то очи
 Ночи темнѣе, большія, со взоромъ чарующимъ душу!
 Мать Эмине, Черкешенка, вѣры была православной;
 Но Эмине католичкою римскою стала случайно.—
 Странностей всякихъ не мало найдется подчасъ на Востокахъ.
 Невдалекѣ отъ кочевьевъ Давуда стоялъ монастырь одинокій.
 Сестры Святаго Вивкентія, женскій монашескій орденъ.
 Лѣтъ уже двадцать изъ Франціи прикочевалъ онъ къ Турк-
 менамъ.

Сѣти свои такъ охотно бросаютъ вездѣ езуиты!
 Вотъ между ними одна, сестра Маргерита, случайно
 Такъ подружилась съ княжной что часто у ней все гостила,
 Въ долгихъ бесѣдахъ, сердечныхъ, съ княжной проводя дни
 и ночи.

Вмѣстѣ не рѣдко онѣ молитвы усердно читали...
 Такъ незамѣтно хитро устроила все Маргерита
 Что Эмине въ одно утро сдѣлалась вдругъ католичкой...
 Нѣсколько мѣсяцевъ минуло съ смерти отца, какъ однажды
 Туркмены

Старую мудрую *сагу* (колдунью) къ княжнѣ подослали.
 Низко предъ ней поклоняся, старушка: „будь счастлива вѣчно!“
 Скромно сказала княжнѣ такимъ изумленной явленьемъ.
 —„Счастлива будь, о княжна! и духомъ и тѣломъ будь здрава!
 „Прислана я съ порученьемъ къ тебѣ отъ народа.
 —„Ладно! присядь на коверъ, „сказала княжна,—„буду слу-
 шать“.

„Все безъ утайки скажи что добрый народъ мой желаетъ!“
 Сага тогда предъ княжною на коврикъ персидскій усѣлась,
 Руки сухія скрестила себѣ на груди и вѣщала:
 „Сжался надъ нами, княжна; народъ твой тебя умоляетъ!
 „Вкругъ погляди, сколько грозныхъ сосѣдей:
 „Зарятся въ лапы свои насъ забрать Англичане.
 „Главы и на югъ: тамъ Кабуль на насъ косится также.
 „Гордый эмиръ Ширъ-Али тамъ властитель; его всѣ стра-
 шатся.
 „Мелкихъ сосѣдей своихъ онъ всѣхъ покорилъ, и толкуютъ,
 „Хочетъ и къ намъ онъ придти, съ войной или съ миромъ,
 не знаю.

„Ты такъ прекрасна, княжна, прекраснѣе тебя нѣтъ на свѣтѣ!
 „Ты будто розанъ персидскій и вѣють съ тебя ароматы!
 „Добрая наша княжна, утѣшь свой народъ, выйди замужъ!

Самъ же владыка Кабуда желаньемъ горѣлъ чтобы стелу,
 Гдѣ кочевали Туркмены подъ властью княжны ихъ прекрасной,
 Стали бѣ подвластны ему. И вотѣ въ смерти хана Давуда
 Ловкій предлогъ онь нашель себѣ подчинить его земли.
 Вовсе не звалъ Эмине онь; съ его воспитаньемъ восточнымъ
 Женщину могъ ли цѣнить онь:—раба или просто игрушка!
 Воли у женщины нѣтъ, капризъ ихъ нельзя назвать волей:
 Имъ онь править всегда, и такъ перемѣчивъ какъ вѣтеръ.
 Есть и страсташка у нихъ: страсть къ роскоши, пышнымъ
 нарядамъ.

Такъ на Востокѣ давно про женщинъ сложилась оцѣнка.
 Вотъ и рѣшилъ Ширъ-Али: пойду я Туркменку провѣдать!
 Сильный отрядъ снарядилъ и выступилъ въ землю Туркме-
 новъ.

Гордый эмиръ представляя двухъ породъ сочетанье:
 Чистой арабской крови съ монгольской хитрой натурой;
 Что-то изящное было въ особѣ его, въ обхожденьи,
 Нѣсколько зналъ языковъ онь; французскій языкъ между
 прочимъ;

Былъ и поэтъ онь, какъ князь Николай Чермогорскій.
 Пѣлъ онь любовь, красоту, и много воинственныхъ пѣсень
 Имъ сочиненныхъ поется въ Кабуль, Хивѣ и у Персовъ.
 Сильно смутилась княжна, услышавъ приближенье эмира,
 Знала она что эмиръ подъ видомъ живаго участья
 Замыселъ тайный скрываетъ себѣ подчинить ея земли.
 Только-что пылъ подвигался на дальнемъ стелу небосклонѣ,
 Къ ней прискакали гонцы сказать что эмиръ уже близко.
 Въ мигъ къ Эмине подвели любимую ею кобылу,
 Чисто арабской крови и бѣлую всю отъ рожденья:
 Шейка ея и головка, прикрытая свѣткой жемчужной,
 Шелковый алый чалракъ, расшитый восточнымъ узоромъ,
 Ярko на солнцѣ сіяли, какъ будто веселую свадьбу
 Праздновать ѣдетъ княжна съ блестящею свитой своею.
 Вдали жь по стелу тянулся, вился караванъ; вереницей
 Легкіе шли дромадеры, шагали верблюды съ лѣхотой
 Странно на нихъ возсѣдавшей, все подвое въ сѣдлахъ вы-
 сокихъ.

Сбоку, съ обѣихъ сторонъ, скакали джигиты-Афганцы;
 Коня ихъ, будто какъ серны, прыгали, ржали, рѣзались.
 Пѣсни ихъ, говоръ, зовъ стали, стремянь и щитовъ изъ Да-
 маска,

Издали, страдлымъ жужжаньемъ до Эмире доносились.
 Вѣкъ впереди былъ эмиръ; скакунъ, аргамакъ его кровный,
 Сталъ бы, конечно, любимымъ коземъ самого падишаха,
 Еслибы вздумалъ эмиръ въ подарокъ его дать суатану.
 Только завидѣвъ издали овъ княжну съ ея свитой,
 Волю эмиръ далъ коню и ринулся встрѣтить Туркменку.
 Въ ярко-лунаковыхъ плащахъ, сверкая оружіемъ цѣннымъ
 Свита эмира неслась шагахъ въ двадцати его сзади.
 Встрѣтились!.... Бѣдный эмиръ! овъ глянулъ и замеръ съ
 восторга.

Нѣтъ, никогда, въ своихъ снахъ, въ роскошныхъ кабуль-
 скихъ гаремахъ,

Чуждой такой красоты эмиръ не видалъ. Восхищенный,
 Сразу коня осадилъ Ширъ-Али и, къ сѣду наклонившись,
 Голосомъ такимъ пріятнымъ *селла* княжѣ молвилъ.
 Вспыхнули щеки княжны и, быстро взглянувъ на эмира,
 Молвила: „О, Ширъ-Али! какая мнѣ честь тебя видѣть.
 „Вдемъ теперь въ мой шатеръ: со мной ты раздѣлишь тра-
 пезу“.

Снова эмиръ наклонился и очи его такъ блеснули
 Что ужъ отъѣта его княжна не могла и слышать.
 Пуще смутилась она подъ огненнымъ взоромъ эмира.
 Рядомъ они повеслись. Тому Эмире была рада,
 Въ бѣшеной скачкѣ коней она отвела себѣ душу.
 Сильно эмиръ ей понравился; какъ и могло быть плаче:
 Двадцать почетныхъ, для свиты эмира, шатровъ
 Съ раннего утра раскинуты были княжны повелѣньемъ.
 Столъ же обѣденный золотомъ, шелкомъ затканый,
 Былъ приготовленъ средь княжеской красной палатки:
 Тамъ на персидскомъ коврѣ и сѣлъ эмиръ рядомъ съ кня-
 жною
 въ чинномъ молчаньи, таковъ уже былъ иль восточный
 обычай.

Близко отъ входа въ палатку тридцать красавиць-Туркменокъ
 Сѣли на длинный коверъ въ пестромъ туркменскомъ нарядѣ.
 Умыло и нѣжно, всѣмъ хоромъ, залѣли туркменскія лѣсны:
 Кончился длинный обѣдъ, ему показался овъ мигомъ.
 Всталъ овъ, простился съ княжной и, свитой своей окру-
 женный,

Въ пышный, почетный шатеръ о счастье мечтать удалился.
 Долго не могъ овъ заснуть, такъ душу княжна взволновала.
 Мнилось ему,—овъ въ раю, но выше его, въ горнемъ мѣрѣ,

Свѣтится ликъ Эмире съ улыбкой чарующей душу...
 Тянутся ручки къ нему... но нѣтъ ему силы подняться;
 Голосъ княжны ему слышится, грустный такой, какъ про-
 щавше...
 Рвется онъ къ ней, но увы! уже утро,—миражъ разлетѣлся!

Только-что день занялся, княжна и эмиръ вмѣстѣ со свитой
 Въ степь на охоту помчались, и тамъ полосатаго барса
 Вскорѣ настигли они, и дротика мѣткимъ ударомъ
 Въ грудь барсу эмиръ угодилъ, подскочилъ и аркавомъ
 Звѣря такъ быстро скрутилъ что даже княжна изумилась.
 Къ вечеру весело все къ ставкамъ на отдыхъ вернулись.
 Ужинъ роскошный княжной эмиру былъ въ честь приго-
 товленъ

Въ красномъ патрѣ Эмире. Веселье сіяло на лицахъ.
 Сзади княжны, молча, стали четырнадцать юношей-бековъ,
 Въ шелковыхъ алыхъ чалмахъ и золотомъ шитыхъ кафтанахъ,
 Будто орлы молодые, такъ гордо глядѣли ихъ очи.
 Былъ уже ужинъ въ концѣ, гостямъ уже ставили кофе:
 Вдругъ Ширъ-Али саугъ-Негру, стоящему сзади съ калянномъ,
 Тотчасъ принесть изъ шатра приказалъ мандолину.
 Вотъ мандолину онъ взялъ и тщательно струны настроилъ.
 Быстро замолкъ шумъ и говоръ и голосъ эмира раздался.
 Пѣлъ онъ что счастливъ лишь тотъ кому негаглядныя очи
 Скажутъ: „будь вѣчно моимъ! Усладой будь милою жизни!“
 Кончилъ эмиръ. Княжна подвинулась и, зардѣвшись,
 Руки скрестивъ на груди, ему молвила кротко:

— „О, повелитель! тебѣ ль не знать еще свѣтлаго счастья!
 „Щедро ты награжденъ талантами всеми отъ Бога!
 „Пѣсь твою долго, всю жизнь буду помнить!“
 Встала она. Разошлись. Эмиръ удался довольный,
 Долго въ шатрѣ онъ мечталъ о княжнѣ червоокой.
 Снилось ему что въ Кабулѣ съ нимъ вмѣстѣ она
 Лѣстницей ханской въ дворецъ его свѣтлый восходить,
 Радостно съ площади шлетъ весь народъ имъ привѣты...
 Но и княжнѣ въ легкомъ снѣ спился все Ширъ-Али съ ман-
 долиной:

Чудныя лѣси онъ пѣлъ ей про ясное свѣтлое счастье,—
 Долго волшебные звуки надъ сонной княжною носились:
 Ей не хотѣлось проснуться, а вѣчно бѣ дремать въ такомъ
 счастьѣ.

Утро настало, княжна, обращаясь къ подругѣ своей Маргеритѣ,

Сага разказала смѣясь, сага при этомъ сказала:

— „Ахъ! вотъ и счастье тебѣ неожиданно вышло!

„Чѣмъ же женихъ Ширъ-Али? Онъ красивъ и разуменъ.

„Всѣми почтень и любимъ: сумѣи поймать это счастье!“

— „Помни, дружекъ мой, княжна!“ шепнула вздохнувъ Маргерита,—

„Помни что ты христіанка: твой ли мужъ будетъ невѣрный!..

„Сколько томится красавицъ несчастныхъ въ сералахъ его....

„Мѣсяцъ цѣль два, какъ новой игрушкой, тобой поиграетъ,

„Послѣ жъ одною рабою въ гаремъ его будетъ больше!“....

Такъ Маргерита шептала, но сага косилась злобно.

Но и въ палатку эмира не мало заботъ внесло утро:

Чуть лишь онъ вышелъ на смотръ легкоконной дружины своей,

Вдругъ залыменный голецъ несетъ съ лисьмомъ изъ Кабула.

Только эмиръ прочиталъ какъ брови нахмурились грозно;

Быстро къ шатру своему эмиръ подскакалъ, блѣдею и грустнею:

Звать изъ Кабула пришли вдругъ дурныя тревожныя вѣсти!

Вотъ что писали ему визирь и улемы Кабула,—

„— Весь твой народъ, Ширъ-Али, нашъ славный владыка
Кабула,

„Бьетъ тебѣ низко челомъ и молить тебя возвратиться!..

„Въ Индіи все весело: мы ждемъ всѣ тебя съ восторгомъ,

„Мы умоляемъ: утѣшь насъ, эмиръ, возвратися въ столицу!“

Какъ! возвращаться теперь, когда я такъ страстно взволнованъ,

Жизнь мою всю положилъ у ножекъ княжны ненаглядной!

Какъ же мнѣ быть? послѣшу ей раскрыть мою тайну...

Будь ты моею!—скажу,—ужель Эмире мнѣ откажетъ?

Такъ въ размышленьяхъ эмиръ въ палаткѣ своей, одинокій,

День весь угрюмый сидѣлъ, въ печали о счастья мечтал.

Вечеръ желанный насталъ; сошлась Эмире вновь съ эмиромъ.

Слова, по просьбѣ княжны, запылъ онъ арабскую лѣсню.

Въ ловко придуманной лѣснѣ онъ выразилъ все предъ княжною:

Огненный пылъ весь души, всё страстнаго сердца порывы:
Какъ онъ ее полюбилъ, и розно какъ жить ему тяжко;
Слушала, молча, княжна, и смыслъ обаятельной лѣсни
Въ сердце ея проникалъ какимъ-то небеснымъ восторгомъ.

Встала она наконецъ и, за руку взявши эмира,

Молвила:— „Утромъ, лишь солнце блещетъ

„Я передамъ мой отвѣтъ на арабскую лѣсни“.

Взоромъ глубокимъ она подарила эмира

И отпустила его съ тревогой надежды на сердце...

Только ушелъ Ширъ-Али, тотчасъ же княжна Маргериту

Въ ставку свою пригласила и ей предложенье эмира,

Вся покрасивъ, рассказала и ждала что скажетъ подруга.

— „Что ты? да развѣ ты можешь женой его быть?“

„Въ нашемъ законѣ ты знаешь что нѣтъ многоженства.“

Сильно княжну, Маргерита такимъ огорчила отвѣтомъ.

— „Впрочемъ, сказала, есть средство: подвергну его исмы-
тавью.

„Если онъ любить тебя, пусть онъ гаремъ свой распуститъ.

„Хочешь, скажи, ты одна обладать его сердцемъ.“

—

Только надъ стелью заря свой розовый пологъ раскрыла,
Быстрый говецъ отъ княжны уже мчался къ лалаткѣ эмира.

Несъ на атласной подушкѣ онъ книжку въ богатой оправѣ.

Только-что онъ добѣжалъ, дали знать въ мигъ эмиру.

Радостный, быстро онъ всталъ и взялъ драгоценную книжку:

Въ ней былъ одинъ лишь листокъ, весь почеркомъ жен-
скимъ исписанъ

Мелко, арабскими буквами... Дрогнуло сердце эмира...

Жадно листокъ онъ читалъ, и ликъ его вдругъ обра-
чился:

Вотъ что писала княжка: „великій правитель Кабула.

„Честь мнѣ, великое счастье твоею быть вѣрною супругой!

„Только дозволь мнѣ, эмиръ, объ одномъ спросить твое
сердце:

„Буду ль одна я женой тебѣ предъ людьми и предъ Богомъ?“

Въ горѣ эмиръ Ширъ-Али: не ждалъ онъ такого отвѣта!..

Какъ телерь сладить съ княжной? Такъ сильно она полю-
билась!

Если распуститъ гаремъ, то вмигъ и народъ, и вельможи,—
Всѣ отъ него отстранятся и могутъ крамолы возникнуть!..

Лучше вождей и старшинъ пригласить и совѣтъ ихъ послушать.

Такъ онъ и отдалъ приказъ, и тотчасъ вожди всѣ собрались: Все разказалъ имъ эмиръ: какъ сераль распуститъ онъ желаетъ,

Какъ взять въ супруги княжну Эмине онъ рѣшился;
Вмѣстѣ съ княжной и народъ ей подвластныхъ Туркменовъ
Крѣпко сольется въ одно съ афганскимъ,—отважное племя.
Такъ имъ эмиръ говорилъ, и слушали молча вельможи.

Старшій изъ нихъ наконецъ подвинулся чтобъ отвѣтить эмиру.

— „Солнышко наше, эмиръ, премудрый ты нашъ повелитель!

„То что на сердце Аллахъ положилъ, то скажу тебѣ прямо:

„Если замыслилъ ты, князь, княжну Эмине выбрать въ жены,

„Что же! бери, но къ чему же гаремъ распуститъ ты намѣрень?

„Столько афганскихъ вельможъ дочерей тебѣ дал!

„Преданныхъ столькокъ сердецъ ты лишиться намѣрень.

„Чѣмъ эти жены тебя, намъ скажи, прогнѣвали?

„Если жь невинны онѣ, то кто же безвинныхъ караетъ?

„Мысли такія Аллахъ вложилъ въ мое вѣрное сердце!..

„Вѣрно тебѣ я служилъ и буду служить такъ до смерти;

„Мнѣ же теперь отпусти мои смѣлыя рѣчи.

„Любить тебя весь народъ, но чтить и вѣлѣнья пророка!“

Такъ говорилъ ему вождь и сердце эмира сжималось;

Думалось втайнѣ ему: на вѣки прощай мое счастье!..

Лѣсу въ степи не бывать, такъ мнѣ не видать черноокой!

Гордо онъ глянулъ вокругъ; вожди всѣ безмолвно сидѣли.

„Что жь, если такъ, о вожди, то къ чему жь терять время?

„Тайно отдайте приказъ: всѣмъ воинамъ быть на-готовѣ.

„Только-что темная ночь надъ нами покровы опуститъ,

„Быстро верблюдовъ, коней пусть люди въ походъ снаряжаютъ;

„Ночью, безъ шума, уйдемъ мы изъ этой печальной пустыни.

„Точно и грустно, друзья!.. Скорѣ въ Кабулъ, на свѣтъ
Божій!..“

Радостно встали вожди; имъ также стелная стояка

Стала ужь сильно скучна: рвалося на родину сердце,

Только княжна Эмине веселые глазки на утро раскрыла,

Радостно въ сердцѣ ея съ зарею проснулась надежда:

Скоро рѣшится судьба и счастье всей моей жизни;

Скоро эмиръ долженъ мнѣ отвѣтъ на письмо дать желанный!..

Лей же ты ярче лучи въ шатеръ мой прелественное солнце!...
 Скоро покину я васъ, привольныя, милая степи!...
 Буду теперь жить въ горахъ съ моимъ ненагляднымъ
 супругомъ!

Быстро одѣлась княжна и, вся востерлѣвьемъ старая,
 Положъ шатра распахнула и глянула въ лагерь эмира.
 Пусто все было ужъ тамъ: не видно шатровъ, ни палатокъ!
 Страшно смутилась княжна,—звать сердце не ловяло сразу.
 —„Гдѣ жь этотъ лагерь Афганъ? скажите мнѣ, вѣрныя слуги!“
 „Гдѣ Ширъ-Али? Отчего онъ стоянку покинулъ?“
 —„Позднеею ночью эмиръ въ путь выступилъ, слуги сказали.
 „Вотъ и письмо отъ него несетъ тебѣ вѣрный Туркменецъ.“
 Долго стояла предъ княжною говецъ, ей письмо подавал.
 Молча стояла княжна въ такомъ забытьи и смущеньи,
 Глядя безмолвно туда гдѣ лагерь вчера былъ эмира.
 Взявъ дорогое письмо, княжна внутрь шатра удалилась,
 Стала читать и тоскою замыло олять ея сердце.
 „Свѣтъ моихъ грустныхъ очей!“ писалъ Ширъ-Али,—„эти
 строки

„Ты прочитаешь тогда когда я, вдали отъ жестокой,
 „На вѣкъ разставшись со счастьемъ, въ пути уже буду далеко!
 „Знай что я волю твою исполнить желаю, но народъ мой,
 „Всѣ старшины и вожди мнѣ то совершить помѣшали.
 „Видитъ великій Аллахъ, хотѣлъ я, тебѣ въ угожденье,
 „Весь свой гаремъ распустить, съ одною тобою жить въ Ка-
 буль;

„Но старшины приговоръ изрекли свой жестокий:
 „Будешь ты свергнуть, эмиръ, народъ негодуя возстанетъ!
 „Я въ изступленьѣ рѣшилъ: сокроюсь съ очей ненаглядныхъ!...
 „Жизнью своей молодой и счастьемъ княжна наслаждайся!
 „Можешь эмира забыть, но ты будешь жить въ его сердцѣ!“

—„О Маргерита! гдѣ ты? иди ко мнѣ, другъ мой, скорѣе!...“
 Громко взывала княжна въ слезахъ, неутѣшно рыдая.
 —„Видишь!“ подругѣ она вошедшей въ шатеръ говорила:
 „Тамъ гдѣ звучали вчера веселыя лѣсны Афгановъ,—
 „Тамъ теперь вѣтеръ степной ковыль да лесокъ развѣваетъ.
 „Такъ и моя теперь жизнь навѣкъ должна такъ заглохнуть!
 „Слѣта ты лѣсная моя, всѣ звонкія струны порвались!...
 „Кончено все для меня!... О, дайте теперь мнѣ забвенья!“...

— „Ангель ты мой!“ вкрадчиво ей говоритъ Маргерита:
 „Въ горѣ ужасномъ твоёмъ я вижу одно утѣшенье:
 „Въ телыхъ молитвахъ найти забвенье земныхъ всѣхъ стра-
 даній:
 „Вдемъ со мной въ монастырь! Оставь этотъ міръ нена-
 вистный!“
 „Только для Бога живи, и вновь раздѣлеть въ сердцѣ
 счастье.“
 „— Да, лишь одно мнѣ осталось въ жизни. Скажи мнѣ, мой другъ,
 откровенно,

„Могутъ ли сестры твои принять и меня въ монастырь свой?
 „Вклады богатые дамъ: много червоицезъ, алмазовъ,
 „Жемчугу, злата, сребра, да яхонтовъ, рѣдкихъ сапфировъ,
 „Цѣлый мѣшокъ бирюзы, да самой прекрасной, лазурной,—
 „Все я отдамъ пусть цвѣтеть въ богатствѣ и славѣ обитель!
 „Земли жь моя я отдамъ всѣмъ эмиру!...
 „Завтра жь старшинъ соберу и всѣмъ объявлю мою волю!“
 Тотчасъ же быстрый гонецъ былъ Маргеритой отправленъ,
 Везъ въ монастырь онъ письмо, и съ просьбой не медлить
 отвѣтомъ.

Вскорѣ примчался отвѣтъ: „пугуевья, сестры, всѣ рады,
 „Ждутъ съ нетерпѣніемъ княжну и вмѣстѣ сестру Маргериту;
 „Съ почестію выйдутъ имъ всѣ на встрѣчу за дѣлаю милою.
 Утро разлуки настало, въ слезахъ показала княжна,
 Быстро къ коню подошла: „Газель, что глядишь такъ уныло?
 „Иль ты не рада меня отвезти въ монастырь христіанскій?“
 Много народу столпилось вокругъ княжеской красной палатки;
 Созади верблюдовъ рады, толпа пестрой княжеской свиты.
 Съѣла княжна на коня и хочетъ проститься съ народомъ.
 „— Что же ты насъ покидаешь княжна, милосердая наша?
 „Чѣмъ мы тебя прогнѣвали?“ княжѣ говорятъ изъ народа.
 „Съ нами остаешься, княжна: вѣдь мы какъ Давуда любилъ,
 „Такъ и тебя бережемъ! Намъ горько расстаться съ тобою!“
 Плакалъ народъ вокругъ княжны, и вотъ что она отвѣчала:
 „— Слушайте, беки, народъ, примите мое завѣщанье!...
 „— То, о чемъ я васъ прошу, вы всѣ должны свято испол-
 нить:

„Только уляжется пыль во слѣдъ за моимъ караваномъ,
 „Вы соберите совѣтъ всѣхъ бековъ, старшинъ и улемовъ;
 „Шесть изберите мужей, почетныхъ, заслугами славныхъ,
 „Ихъ посылайте въ Кабуль, къ отважному Ширъ-Али-хану.

„Пусть они скажутъ ему: Княжна Эмире васъ прислала,—
 „Бить тебѣ низко челомъ и выбрать тебя нашимъ княземъ:
 „Нѣту мудрѣ тебя, храбрѣй тебя въ дѣломъ Востока!
 „Будь же отнынѣ, эмиръ, владыкою нашимъ любимымъ!
 „Какъ мы любили княжну, такъ мы и тебѣ въ любви вѣрной
 „Будемъ всегда пребывать, преславный владыка Кабула!“

Много цѣль мало съ тѣхъ поръ дней минуло, право, не знаю,
 Только разъ утромъ эмиръ въ дворцѣ своемъ пышномъ
 кабульскомъ

Началъ обычный приемъ всѣхъ дѣлъ и доклады министровъ:
 Вдругъ распахнулась дверь и главный всей стражи началь-
 никъ

Съ низкимъ поклономъ предсталъ, какъ будто бы вдругъ
 что случилось.

„—Что тамъ? скажи, Абдалла,—я слышу на площади крики?
 Такъ вдругъ спросилъ Ширъ-Али. Ему Абдалла отвѣчаетъ
 —„Славный эмиръ! Тамъ послы отъ княжны Эмире Турке-
 станской

„Видѣть желаютъ тебя, у нихъ до тебя, ханъ, есть дѣло“.

„Пусть всѣ войдутъ! Ширъ-Али отвѣчалъ, невольно блѣд-
 нѣя.

Ласково принималъ эмиръ старшимъ и улемамъ туркменскихъ,—
 Сталъ ихъ заботливо спрашивать, какъ ихъ житье, и услы-
 шалъ:

Въ горѣ великомъ они, княжна ихъ исчезла внезапно
 Имъ повелѣвъ чтобъ они всѣ къ хану Кабула явились,
 Били челомъ отъ народа, моля его быть ихъ владыкой.

„Волю княжны Эмире такъ свято народъ исполняя,

„Прямо къ тебѣ, славный ханъ, насъ вотъ отрядилъ съ
 челобитьемъ“!

Такъ они молвили хану и ницъ передъ нимъ всѣ поверглись.
 Встать повелѣлъ Ширъ-Али имъ и долго былъ въ тяжкомъ
 раздумьѣ...

Вдругъ онъ сказалъ: „хорошо! я васъ принимаю въ поддан-
 ство:

„Храбрыхъ Туркменъ я люблю, и буду вамъ добрымъ главою!

„Но разкажите же мнѣ, гдѣ ваша княжна молодая?“

Грустно поникая главою старшины и улемы:

„Какъ тебѣ прямо сказать, великій ты нашъ повелитель!

„Для мусульманъ и сказать, и думать грѣшно гдѣ Эмине,
 „Наша княжна: когда мать ты внезапно покинула,
 „Въ путь вдругъ сама оборалась и скрылась куда, не-
 извѣстно!

„Только когда мы теперь шли мимо персидской границы
 „Видѣли тамъ въ сторонѣ монастырь есть гаурскій;
 „Близъ монастырской стѣны, на дугу, смотримъ ласется
 кобыла,

„Самая та что княжна за прыть прозывала газелью.
 „Вотъ мы и поняли сразу что наша княжна у гаурокъ!
 „Мы бѣ не сказали тебѣ; но ты повелѣлъ, такъ прости насъ!“
 Щедро эмиръ одарилъ Туркменовъ лососьство,
 Съ миромъ ихъ всѣхъ отпустивъ, сталъ въ походъ снаря-
 жаться.

Какъ говорили потомъ, эмиръ близъ границы персидской
 Вдругъ монастырь осадилъ и сечь угрожалъ всю обитель,
 Если ему въ тотъ же часъ не выдадутъ то что желаетъ.
 „Мнѣ денегъ не надо! воскликнулъ,—не грабить пришелъ я!
 „Вы дайте, вы мнѣ только лишь чудную черную косу,
 „Ту что съ головки княжны вы дерзко недавно остригли!
 „Весь монастырь разорю я иначе, камня на камнѣ не будетъ!“
 Собрали сестеръ. Игуменья хана имъ волю сказала;
 Тутъ жѣ стояла княжна, но такъ какъ она не постриглась,—
 Медлила этимъ игуменья, праздникъ большой поджидая,—
 То и коса на княжнѣ была еще въ кудряхъ волнистыхъ
 Чуднымъ ея украшеньемъ, а ножницъ и сроду не знала.
 „—Что же я дамъ-то ему? Да выйди, княжна, объяснися!...
 „Сжался надъ нами, княжна: сожгу, говоритъ, всю обитель!...
 Какъ разсмѣялась княжна: „такъ вотъ зачѣмъ ханъ пришелъ
 съ войскомъ!

„Волю исполню!“ и быстро княжна взявъ булатный
 Косу свою Эмине отрѣзала возлѣ затылка.
 „—Пусть возвратится въ Кабуль. Скажите, княжна его про-
 сить“.

Вынесла косу. Съ почетомъ эмиръ ее принявъ и тотчасъ
 Снявъ ожерелье съ себя изъ яхонтовъ чудныхъ свитое:
 „—Дайте вы это княжнѣ, скажите, эмиръ умоляетъ:
 „За безпокойство прости, за душу мою помолитесь!“...
 Тотчасъ онъ отдалъ приказъ и скрылся съ отрядомъ изъ виду.

В. НИРЪВОВСКІЙ.

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Драматическій Словарь, или показанія по алфавиту всѣхъ россійскихъ театральныхъ сочиненій и переводовъ, съ означеніемъ именъ извѣстныхъ сочинителей, переводчиковъ и слагателей музыки, которыя, когда были представляемы на театрахъ, и гдѣ и въ которое время напечатаны. С.-Петербургъ, изданіе книжнаго магазина *Новаго Времени* 1881.

Издательская дѣятельность петербургскаго книжнаго магазина *Новаго Времени* заслуживаетъ того чтобъ обратить на нее вниманіе. Книжный магазинъ *Новаго Времени* первый издалъ (сколько намъ извѣстно) иллюстрированный спеціальный греко-русскій словарь къ *Илиадѣ* Гомера; онъ издаетъ въ русскомъ переводѣ *Исторію культуры въ Греціи и Римѣ* Фальке, *Исторію костюмовъ, домашняго и военнаго быта разныхъ народовъ* Готтвирта, *Библию съ картинами знаменитыхъ мастеровъ* и т. д. Онъ издалъ въ весьма дешевыхъ, но очень щеголеватыхъ изданіяхъ *Повѣсти Карамзина*, *Письма Мерзлагова и Цыганова*, издалъ литературный сборникъ подъ названіемъ *Москва въ родной повѣи*. Всѣ эти изданія указываютъ на осмысленную издательскую дѣятельность въ весьма разнообразныхъ отрасляхъ. Теперь предъ нами лежитъ только что изданный этимъ магазиномъ *Драматическій Словарь*,

(зачѣмъ было однако удерживать безграмотность даже въ заглавіи: Драматическій вмѣсто драматическій?) „точное воспроизведеніе“ изданія 1787 года. Едва ли мы ошибемся утверждая что мысль такого изданія навѣяна примѣромъ Германіи и Франціи, гдѣ за послѣднее время цѣлыми десятками появляются „точные воспроизведенія“ старинныхъ изданій. Новѣйшія германскія и французскія перелечатки старинныхъ книгъ воспроизводятъ предъ нами эти книги въ ихъ форматѣ, съ ихъ бумагой, съ ихъ шрифтомъ, съ ихъ орфографіей и интерпункціей, съ ихъ оригинальными старинными типографскими украшеніями, съ ихъ иллюстраціями и политипажами. Трудно представить себѣ какое множество въ высшей степени интереснаго культурнаго матеріала даютъ такіа изданія. Помимо своего внутреннего содержанія они возбуждаютъ цѣлый рядъ мыслей ужь одною внѣшнею своею стороною, заставляютъ вдумываться, сравнивать, проводить параллели, вызываютъ охоту къ различнымъ изслѣдованіямъ, бросаютъ яркій и внезапный свѣтъ на вопросы художественнаго заимствованія и литературнаго подражанія различныхъ столѣтій и различныхъ націй. Русская издательская дѣятельность не вступала еще на этотъ путь и „точное воспроизведеніе“ *Драматическаго Словара* 1787 года представляетъ первую попытку въ этой области.

Дѣло „точного воспроизведенія“, такъ-называемаго *facsimile Réproduction* старинныхъ изданій практиковалось у насъ лишь по отношенію къ рисункамъ, преимущественно миниатюрамъ. По временамъ дѣлались „снимки“ съ двухъ-трехъ страницъ рукописей. Все это составляло предметъ спеціальныхъ изданій, частію недоступныхъ публікѣ по дороговизнѣ, частію и не имѣвшихъ въ виду другихъ читателей кромѣ весьма тѣснаго круга спеціалистовъ. Иначе ставится дѣло при воспроизведеніи старинныхъ сочиненій имѣющихъ право считываться если не на массу публики вообще, то по крайней мѣрѣ на всѣхъ образованныхъ русскихъ читателей. Тутъ рѣчь идетъ уже не о воспроизведеніи какой-нибудь одной страницы посредствомъ приемовъ фотогравюры. Задачей становится воспроизведеніе путемъ типографскаго станка цѣлой книги и притомъ съ такою точностью чтобы воспроизведеніе было почти неотличимо отъ подлинника. Такая задача очень сложна и не слѣдуетъ относиться поверхностно къ

тѣмъ трудностямъ которыя она представляетъ, особенно въ Россіи. При изученіи знаменитаго музея Плантемовъ въ Антверпенѣ, мы были поражены какъ степенью сохранности различныхъ типографскихъ шрифтовъ и клеше, такъ и полною хронологическою ихъ послѣдовательностію за цѣлыя столѣтія. Издавія Плантемовъ XVIII, XVII, XVI столѣтій можно воспроизвести теперь тѣми же буквами которыми они печатались сотни лѣтъ тому назадъ, мѣдныя доски съ вырѣзанными на нихъ рисунками и заставками каждое мгновеніе могутъ дать опять оттискъ штриховъ проведенныхъ великими мастерами прошлыхъ вѣковъ. Иначе у насъ. Типографское дѣло никогда не стояло у насъ на особой высотѣ, особенно въ смыслѣ вниманія къ нему общества, въ смыслѣ страстной преданности и любви къ своему искусству со стороны самихъ типографовъ. У насъ не существовало знаменитыхъ издательскихъ фирмъ слава которыхъ сложилась и упрочилась бы вѣками. Едва ли сохранилось въ архивахъ типографій и издателей много старинныхъ шрифтовъ и мѣдныхъ досокъ, едва ли сохранились вообще какъ эти доски, такъ и оригинальные рисунки художниковъ, едва ли существуютъ наконецъ типографскіе архивы. Мы говоримъ условно, ибо не имѣемъ точныхъ свѣдѣній. Во всякомъ случаѣ мы не думаемъ чтобы въ дѣлѣ новаго изданія рѣдкихъ и старинныхъ русскихъ книгъ можно было найти много помощи въ сохранившемся типографскомъ матеріалѣ. Такимъ образомъ издателю предстоитъ вновь отливать шрифты, цифры, вырѣзывать виньетки, украшенія, заказывать особую бумагу приваривательно къ плотности, цвѣту, формату и достоинству прежней и т. д. Французскіе и нѣмецкіе издатели достигаютъ въ этомъ отношеніи замѣчательнаго совершенства. Въ ихъ facsimile старинная книга воспроизводится въ мельчайшихъ подробностяхъ; для примѣра укажемъ на вышедшіе недавно въ Мюнхенѣ три первые томики любительской библіотеки старинныхъ иллюстрированныхъ книгъ (*Liebhaber-Bibliothek alter Illustratoren in Facsimile-Reproduction*, München, Georg Hirth, 1880—1881). Старинная книга является къ вамъ въ этомъ изданіи какъ вещественный памятникъ минувшаго. Это не просто книга, это въ то же время вещь и украшеніе.

Не слѣдуетъ останавливаться на поллутѣ, если предъ глазами имѣется ясно сознанная и обдуманная цѣль. *Драматическій Словарь* изданный книжнымъ магазиномъ *Новаго*

Времени представляетъ первую попытку точнаго воспроизведенія старинныхъ русскихъ книгъ. Привѣдствуя эту попытку и желая ей полнаго успѣха, мы, именно для того чтобъ обезпечить въ будущемъ успѣхъ такого рода предпріятій, считаемъ своею обязанностью выяснитъ самый принципъ издавій *facsimile*. Одно дѣло,—перепечатка или новое изданіе; другое дѣло—*точное воспроизведеніе*. Намъ кажется что первая попытка книжнаго магазина *Новаго Времени* представляетъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ. У насъ нѣтъ подъ руками оригинальнаго изданія *Драматическаго Словаря* 1787 года, Мы пользуемся для сравненія другою книгой точно также напечатанной въ Москвѣ въ 1787 году,—*Эпическими твореніями Михайлы Хераскова*. Тилъ несомнѣнно остается тотъ же, такъ какъ обѣ книги печатаны въ Москвѣ въ одномъ и томъ же году. Сравненіе приводитъ насъ къ слѣдующему выводу: *не бумага, ни шрифтъ* новаго изданія *Драматическаго Словаря* не составляютъ *точнаго воспроизведенія* изданія 1787 года. Это просто перепечатка книги изданной около ста лѣтъ тому назадъ, перепечатка сдѣланная съ соблюденіемъ правописанія того времени и нѣкоторыхъ вѣншихъ отличій. Къ такимъ отличіямъ принадлежатъ широкія черныя линейки на верху страницъ посвященныхъ „предувѣдомленію“, обозначеніе листовъ большими буквами поставленными внизу страницы не сбоку, а въ серединѣ, старинная рамка вокругъ заглавнаго листка и,—и только. Намъ думается даже что въ одномъ случаѣ не совсѣмъ точно соблюдена орѳографія. Въ *Эпическихъ твореніяхъ* Хераскова буква *с* замѣняется буквою *п* вездѣ гдѣ встрѣчается курсивъ: *воины лучи славы, новое царство, воины поображенія* и т. д. Въ *Драматическомъ Словарѣ* также встрѣчается курсивъ, но буква *с* употребляется повсюду какъ ее употребляютъ теперь. Такимъ образомъ *Драматическій Словарь* не есть изданіе *facsimile*, а лишь нѣчто приближающееся къ этому. Во всякомъ случаѣ это весьма интересный посылъ. Не подлежитъ сомнѣнію что, разъ вступивъ на эту дорогу, книжный магазинъ *Новаго Времени* пойдетъ по ней далѣе и дѣйствительно дастъ намъ *точные воспроизведенія* старинныхъ изданій, съ ихъ бумагой, шрифтомъ, иллюстраціями и даже переплетами. Не слѣдуетъ скрывать отъ себя трудности такого предпріятія, но не слѣдуетъ забывать и заслугу соединенную съ его осуществленіемъ. Путемъ такихъ изданій не только достигнется озна-

комлеиіе дублики со многими совершенно неизвѣстными ей теперь произведеніями русской мысли и русскаго искусства, не только пополнятся множество пробѣдовъ существующихъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ о ходѣ и развитіи русской литературы, но и создастся совершенно почти несуществующій у насъ интересъ къ систематическому собранію русскихъ книгъ. Намъ остается сдѣлать еще одно, послѣднее замѣчаніе по поводу *Драматическаго Словаря*. Книга эта должна была быть снабжена подробнымъ *Введеніемъ*, въ которомъ изложены были бы причины ея изданія, представлена ея оцѣнка, собраны различныя историко-литературныя и біографическія примѣчанія. Для такихъ примѣчаній открывалось широкое поле. Мы, на примѣръ, встрѣчаемъ (стр. 49) драму *Другъ несчастныхъ*. Драма эта „была часто играна на российскихъ театрахъ съ великою похвалою“. Сочинитель ея М. Х. Кто этотъ М. Х? Комедія *Неумышленная ошибка* переведена съ французскаго. Какъ называется она въ подлинникѣ и кто ея авторъ? Драма *Несчастныя сироты* „сочинена въ Богородскѣ“, комедія *О время*, представляющая по увѣренію автора *Сл. варя* одну „изъ лучшихъ российскихъ піесъ по складу сочиненія и расположенію театра“, комедія эта „сочинена въ Ярославѣ“. Кто были авторы этихъ піесъ? Многія піесы приводятся не только безъ указанія имени автора, но также и безъ указанія на то оригинальныя онѣ или же переведены. Отвѣтъ на всѣ эти вопросы, неволью рождающіеся у читателя, былъ бы чрезвычайно интересенъ и чрезвычайно полезенъ. Содержаніе книги такъ и напрашивалось на подробный комментарий и остается лишь сожалѣть о томъ что комментарий этотъ не представленъ. Одно дѣло, дѣйствительное изданіе *fac-simile*, изданіе въ точности воспроизводящее какое-нибудь отдѣльное сочиненіе всѣмъ извѣстнаго автора, сочиненіе снабженное рисунками, говорящее само за себя, не требующее разъясненій, другое дѣло, та энциклопедія какую представляетъ изъ себя разбираемое нами сочиненіе. Перепечатка такихъ сочиненій почти немисацама безъ подробныхъ примѣчаній.

Озвачомимся ближе съ *Драматическимъ Словаремъ*. Онъ очень интересенъ.

Кто авторъ? Мы не знаемъ. Зачѣмъ онъ писалъ свой словарь и какія были его цѣли? Это объясняется намъ въ предвѣдоміи.

„Будучи я въ отдаленномъ отъ Москвы городѣ, гостилъ у

бабьяго моего родни, который имѣетъ большую семью и къ счастію его умныхъ и хорошихъ дѣтей, коимъ также старается дать доброе воспитаніе. Малемякія дѣти рѣзвась людімъ меня завсегда, чѣмъ пѣзъявляли мнѣ свое усердіе и привязанность, разсуждая со мною, спрашивали меня очень часто, какія забавы въ Петербургѣ и Москвѣ, часты ли театральныя представленія, какія играютъ больше піесы; но я не зная всѣхъ наизусть удовлетворялъ ихъ любопытству поименованіемъ только нѣкоторыхъ. Они будучи самы не довольны желали знать кто которую сочинялъ, какая матерія, чья музыка, когда представлена, удачно ли принята публикой; и говоря между прочимъ жаловались, для чего на французскомъ языкѣ есть *Anecdote Drammatic* (sic), а на русскомъ нѣтъ. Сіе самое и подало мнѣ мысль начать собирать русскія оригинальныя и переведенныя съ разныхъ языковъ драматическія сочиненія и дѣлать имъ короткое по алфавиту описаніе, что меня завело къ труду, и я упреждая читателя прошу отъ его благосклонности не осуждать меня такъ какъ писателя, пикирующагося онымъ бытъ; потому что я писателемъ бытъ не умѣю; а работа моя идетъ для всѣхъ любопытныхъ дѣтей, желая чтобы мой *Драматическій Словарь* былъ для нихъ памятникомъ“.

Авторъ рисуетъ любопытную картину современной ему эпохи. Изъ этой картины мы узнаемъ почему „дѣти“ такъ интересовались тогда театромъ.

„Каждый знаетъ что въ десятилѣтнее время и меньше начальники управляющіе отдаленными городами отъ столицъ Россіи придумали съ корпусомъ тамошняго дворянства завести благородныя и полезныя забавы; вездѣ слышимъ театры построенныя и строящіяся, на которыхъ заведены довольно изрядные актеры. Во многихъ благородные люди стараются къ забавѣ своей и общей пользѣ писать и переводить драматическія сочиненія; и примѣтно что дѣти благородныхъ людей и даже разночинцевъ восхищаются болѣе зрѣніемъ театральнаго представленія, нежели гованіемъ голубей, конскими рысканіями или травлей зайцевъ и входятъ въ разсужденія о піесахъ, чему я самъ бываю въ провинціяхъ свидѣтель“.

Не такъ бывало прежде:

„Кто же похвалитъ веселія прежнихъ вѣковъ? Они дикались со звѣрми, боролись сами между собой до убійства,

почитая то геройствомъ; кулачные бои бывали лучшимъ по-
зерщикомъ, важивали дѣтей своихъ оными забавляться; и
какъ ручаться чтобы въ ребячьемъ возрастѣ человекъ не
приучилъ сердце свое къ ожесточенію; даже благородныя же-
нщины въ недавнемъ времени были зрительницами сихъ пово-
ражей“.

Но въ послѣдней четверти XVIII вѣка все это исчезло.
Благородное руссiйское дворянство, „вошедшее во вкусъ бла-
гоправнымъ воспитаніемъ“, начало, по словамъ автора, „нахо-
дить свою забаву вмѣсто отдохновенія въ зрѣніи театра и въ
прочихъ (sic) безбуйственныхъ удовольствіяхъ. Просвѣщеніе
торжествуетъ, благоправіе и вѣжливость въ обхожденіи; жесто-
кость исчезаетъ, забавы буйственныя остаются вездѣ, даже
въ отдаленныхъ руссiйскихъ провинціяхъ невѣжества не
видно“. Авторъ „почитаетъ за пристойное“ упоминать какъ
много обязало русское воспитаніе Сумарокову:

„Онъ много успѣлъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ въ
разсужденіи утонченія нравовъ, и вкусъ къ театру конечно
отъ его пера исправленъ. До него представленія почитались
одними токмо театральными игрищами; а онъ показалъ
вѣжливость въ трагедіи, далъ почувствовать посмѣяніе
страстей въ комедіяхъ г. Мольера и прочихъ, подражая онымъ.
Васи его поставить можно правоучительною азбукой, слу-
жащею для каждаго. Паче всего заслуживаетъ безсмертія
омерзеніе къ ябедѣ, чему конечно льющійся складъ стиховъ
его притчина (?); не пощеголяетъ никто мнѣ, какъ прежде,
десятилѣтней тяжбой, которую помощію стрелчаго могъ
продолжать; а до его ополченія на подъячихъ ставилъ въ
старину дворяне честию, будучи добрые люди, что провор-
ствомъ повѣреннаго таятъ виноватое дѣло четверть вѣка,
хвалясь притомъ что ему секретари въ судахъ знакомы.
Вотъ истинное счастье нашего вѣка, дѣти воспитываются съ
омерзеніемъ ябеды. Имъ твердятъ наставники: не дѣлай дру-
гому того чего себѣ не желаешь. Повинуйся законамъ и не
вымышляй противу ихъ пустыхъ оправданій. Буйныя забавы
изъ обычая вышли, а когда досугъ и не учишься: веселись
благопристойно, ѣзди въ театръ и танцуй въ маскарадѣ.“

Драматическій Словарь первоначально составлялся для
дѣтей. Но „собрать“ свою книгу авторъ „не боялся оную
впечатать почитая услугой публикѣ. „Авторъ“ не робѣлъ
осужденія. „Это послѣднее обстоятельство было бы для насъ

довольно безразлично есабы по поводу его мы не получаемъ одной весьма любопытной черты изъ русской общественной жизни послѣдней четверти XVIII столѣтїя. Зная о томъ, что онъ не робѣетъ осужденїя, авторъ *Драматическаго Словаря* съ укоразливой указываетъ на примѣръ такой робости который онъ встрѣтилъ въ предисловіи русскаго перевода комедїи Бомарше „Фигарова Женильба“. Переводчикъ „выводилъ“ въ своемъ предисловіи что „переводъ его послѣ того какъ былъ представленъ на Московскомъ Публичномъ Театрѣ, многими былъ критикованъ, даже и оригиналь; будто бы говорить, для чего продолжительна пїеса и много наглости въ роляхъ. Онъ лишеть что самъ слышалъ притичиву. Отъ кого же? Мимоходящїй ему сказывалъ что дурно расположень театрѣ, и г. переводчикъ спрашивалъ, читалъ ли онъ комедїю, видѣлъ ли ее съ примѣчанїемъ въ представленїи. Нѣтъ, знакомый г. переводчика отвѣчалъ, а слышалъ что разсуждаетъ съ нимъ на Тверской въ трактирѣ одинъ гвардіи офицеръ. Странное воображенїе! Какое подозрѣнїе! Вѣроятїя много. Гвардіи офицеры не имѣють въ Москвѣ времени быть въ вольныхъ домахъ, здѣсь оно не въ обычаѣ; воспрещаетъ имъ благвоспитанїе; напротивъ того, имѣють въ городѣ много своей родни, знакомыхъ и частыя лубаики; следовательно не скучно имъ и безъ трактировъ, да притомъ и вскогда.“

Драматическїй Словарь представляетъ книгу чрезвычайно интересную какъ по мысли, такъ и по содержанїю. По мысли: ибо для своего времени это была весьма полезная справочная книга, какой у насъ нѣтъ теперь. По содержанїю: ибо мы получаемъ здѣсь картину положенїя нашей драматической литературы въ послѣдней четверти XVIII вѣка. Кромѣ того, авторъ присоединяетъ къ различнымъ пїесамъ замѣчанїя о томъ какой успѣхъ имѣло то или другое сочиненїе, кто изъ актеровъ особенно отличался и т. д. Примѣчанїя эти очень интересны. Мы указали уже на то какъ необходимо было присоединенїе къ этому новому изданїю *Драматическаго Словаря* подробнаго біографическаго и бібліографическаго комментарїя. Не будемъ возвращаться къ этому вопросу и постараемся нѣсколько ознакомить читателей съ самымъ содержанїемъ книги.

Первое что поражаетъ читателя въ *Драматическомъ Словарѣ*, это преобладанїе переводныхъ пїесъ надъ оригинальными. Вторая характеристическая черта русскаго театра въ

конѣ XVIII столѣтія заключается въ томъ что на немъ давались уже почти всѣ тѣ пьесы Мольера которыя мы видимъ на нашей сценѣ теперь и, кромѣ того, множество пьесъ другихъ писателей имѣющихъ несомнѣнное право постоянно находиться въ переводномъ репертуарѣ. Изъ пьесъ Мольера въ послѣдней четверти XVIII вѣка давались на русскихъ сценахъ: *Альфиріонъ*, *Жоржъ Дандинъ* или *Въ смятеніи приведенный мужъ* (представлено въ первый разъ 24 сентября 1758 года), *Мизантропъ* (комедія „невыходящая изъ вкуса; какъ подлинникъ, такъ и переводъ повсюду на театрахъ часто представляется“), *Мѣщанинъ во дворянствѣ* (представлена въ первый разъ въ Петербургѣ 25 января 1758 года и „по сіе время на российскихъ театрахъ играва бываетъ къ удовольствію зрителей“), *Принужденная женитба* („сія пьеса приносила множество удовольствія и забавы зрителямъ, а особливо во время представленія двухъ философовъ разныхъ характеровъ“), *Симплиансъ* („играно на российскихъ театрахъ въ С.-Петербургѣ и въ Москвѣ“), *Сканиновъ Обманъ* (представлена въ первый разъ въ Петербургѣ 25 сентября 1757 года и „почитается изъ наиприятѣйшихъ и забавнѣйшихъ для театральнаго представленія“), *Скумой* („должна почитаться быть изъ лучшихъ комедіевъ“, представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ октябрѣ 1757 года), *Тартюфъ* или *Лицелъръ* (представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1757 года. „Почитается лучшею комедіей повсюду. Г. Сумароковъ написалъ некогда слѣдующіе стихи: Мольеровъ *Лицелъръ* до тѣхъ поръ не падеть, Въ трехъ первыхъ дѣйствіяхъ, доколь пребудетъ свѣтъ“), *Школа жѣны* („почтется можетъ изъ забавныхъ театральныхъ сочиненій“), *Школа мужей* (представлена въ первый разъ въ Петербургѣ въ октябрѣ 1757 года. „Желательно бы было, чтобъ къ матеріи сей пьесы мужья обратили свое вниманіе“).

По количеству переводовъ за Мольеромъ слѣдуетъ Вольтеръ; *Драматическій Словарь* упоминаетъ восемь пьесъ Вольтера; давались изъ нихъ вѣроятно только три, ибо относительно *Брута* и *Меропа* ни слова не говорится о представленіи, точно также какъ и относительно *Альзира*, хотя авторъ и прибавляетъ о послѣдней: „извѣстно просвѣщенному свѣту что сія трагедія почитается королю великому сему сочинителю“. Не говорится также о представленіи на русской сценѣ *Заиръ* и только отмѣчается что „сія трагедія г. Вольтера почитается лучшею изъ

французскихъ драматическихъ сочиненій“ и что „г. Вольтеръ ни въ одной пиесѣ не изражалъ столько чувствій любовныхъ“. *Магометъ*, сочиненіе „важное г. Вольтера“, представляемъ былъ въ первый разъ „на Московскомъ публичномъ театрѣ довольно удачно“ и послѣ того „неоднократно“ представляемъ былъ также въ Петербургѣ. *Наинна* или *Побѣжденное Предразсужденіе*, комедія „славнаго автора г. Вольтера всегда публикою во время представленія зрима была съ удовольствіемъ, и часто играна благородными на многихъ домовыхъ театрахъ.“ Другая комедія „повсюду гремящаго автора г. Вольтера“, *Шотландка* или *Вольной Долгъ*, „представляется на российскихъ театрахъ многократно и имѣеть въ себѣ много вкуса и расположенія театра“. О комедіи Вольтера *Нескромный* упоминается въ нѣсколькихъ словахъ: русскій переводъ напечатанъ въ Петербургѣ въ 1760 году, — и только. Изъ пиесъ *Расина* *Словарь* упоминаетъ *Авалю* и *Есмеръ* (напечатаны въ Москвѣ, въ Университетской типографіи, въ 1783—84 годахъ), изъ пиесъ Корнеля *Сидъ* („въ сей пиесѣ характеры столько интересны, что каждая роль должна быть играна актеромъ звающимъ“), *Смерть Поллесса* („матерія пиесы столько интересна, къ тому жъ и точность перевода, что читателя конечно должно приводить въ любопытство“) и *Цинна* или *Августово Милосердіе*. О послѣдней пиесѣ говорится что она „привоситъ честь столь великому автору“, что она „часто играна на французскомъ языкѣ и принимается отъ зрителей съ уваженіемъ.“ Очевидно что всѣ эти пиесы Расина и Корнеля на российскомъ театрѣ не игрались, какъ не игрались и сдѣланные на русскій языкъ переводы комедій Теренція которыхъ *Словарь* насчитываетъ цѣлыхъ шесть: *Адельфи* или *Братья*, *Андріанка* („сія пиеса должна быть уважаема по древности своей“), *Евтонъ-Тиморуменосъ* (*Neautintimorumens*) или *Человекъ самъ себя наказывающій* („хотя сія комедія изъ самыхъ старинныхъ театральныхъ сочиненій, но по связи матеріи должна быть очень почитаема“), *Евнухъ* („по сію пору сію пиесу съ пріятностью читать можно“), *Екира* или *Секреть*, и *Форміонъ*.

Изъ драматическихъ сочиненій Шекспира къ 1787 году переведены или переработаны были на русскій языкъ четыре пиесы. *Вотъ каково илѣтъ корзину и бѣлье* (Виндзорскія кумушки?) комедія въ 5 дѣйствіяхъ, „вольное переложеніе изъ Шекспира“ была представлена въ Петербургѣ и въ Москвѣ. *Гамлетъ*, трагедія „сочиненія“ Александра Сумарокова, „по-

драмаіе піесѣ г. Шакеспіра, Англійскаго писателя,“ представлена была въ первый разъ въ началѣ 1750 года въ Петербургѣ. *Жизнь и Смерть Ричарда III, короля Англійскаго*, трагедія „г. Шакеспіра, жившаго въ XVI вѣкѣ, умершаго въ 1576 году“, переведена въ 1783 году съ французскаго языка въ „Нижнемъ Новгородѣ“. Неизвѣстный нижегородскій переводчикъ обращается съ нѣсколькими строками къ русскимъ читателямъ: „знающій языкъ Шакесперовъ не найдетъ конечно ничего безжѣрнаго въ томъ образѣ какимъ стараніе употреблено перенести его на русскій языкъ“. *Юлій Цезарь*. „Сія трагедія почитается лучшею въ оригиналѣ изъ сочиненій сего писателя, и на Россійскомъ языкѣ по точности перевода и рѣдкости извѣстной намъ Англійской литературы должна быть уважаема. Что жь Шакесперъ не держался театральныхъ правилъ, тому истинная причина почтется можетъ пылакое его воображеніе, не могшее локориться никакимъ правиламъ, въ чемъ его осуждаетъ знаменитый софистъ г. Вольтеръ, также и россійскій стихотворецъ г. Сумароковъ.“ Что за прелесть эти отзывы о Шекспирѣ?

Замѣчательно усердіе съ которымъ переводили у насъ въ XVIII столѣтіи піесы Лессинга: кромѣ *Емилии Галотти* и *Миссъ Сары Сампсонъ* переведены были даже первыя юмошескія попытки Лессинга, комедіи *Молодой ученый* и *Кладъ* (*Der Leichtgläubige?*). Двѣ послѣднія піесы не представлялись впрочемъ на сценѣ, по крайней мѣрѣ *Словарь* объ этомъ не упоминаетъ. *Емилиа Галотти* „часто представляется на Московскомъ Театрѣ къ удовольствію публички, которою всегда пріемлется благосклонно“. За то *Миссъ Сара Сампсонъ* „была играна только два раза на Московскомъ Театрѣ; піеса наполнена чрезвычайною жестокостію, а особливо въ роли Марвудъ, которую на Московскомъ Театрѣ актриса гжа Каллиграфъ представляла, и приобрѣла похвалу отъ публички рукоплесканіемъ безпрестаннымъ“. *Минна фонъ-Барнхельмъ* явилась предъ русскою публичкою „переложенною съ нѣмецкаго языка на русскіе нравы“; переложеніе называлось *Салдатское Счастье* и „нѣкогда“ представлено было на „публичномъ театрѣ“. Два раза представляена была „на Московскомъ публичномъ театрѣ“ комедія *Клатиго*, „сочиненіе г. Гете, славнаго нѣмецкаго автора, который написалъ отацкую книгу, похваляемую всюду, *Страданіе младаго Вертера*. Мысль въ сей трагедіи, такъ

какъ и во всѣхъ сочиненіяхъ его, подражаніе единой натуры и не слѣдуя правиламъ; слѣдственно сія трагедія писана не принужденнымъ, а естественнымъ слогомъ.“ Пьесы Бомарше имѣли большой успѣхъ. Комедія *Евгенія*, „надписанная“, т.-е. посвященная, въ русскомъ переводѣ графу Кириллу Григорьевичу Разумовскому, часто представлялась „на российскихъ театрахъ и довольно уважаема“. Въ комедіи этой особенно отличался въ Москвѣ актеръ Дмитревскій: „изображалъ естественно то, чего сочинитель требовалъ“, Дмитревскій „далъ почувствовать драмму сію въ совершенствѣ“. Точно также комедія *Севильскій Цирюльникъ* въ Москвѣ „имѣла свою цѣну болѣе тѣмъ что извѣстная пѣвица гжа Соколовская, имѣющей въ себѣ піесѣ арію, г. Поперандевъ въ роли Бортало (Бартоло) и г. Шушеринъ въ роли графа Амавивы, преображаяся въ четыре разные характера принесли отъзнаное удовольствіе публикѣ, а себѣ немалую похвалу.“ *Фигарова Женитьба* въ первый разъ представлена была въ Москвѣ 15 января 1787 года. „Переводъ и представленіе публикою одобрены; повторяемо было на театрѣ много разъ и всегда зрителями театръ наполнялся“. Изъ числа другихъ переводныхъ піесъ на русской сценѣ давались переводы комедій Гольдони, Детуша, Мариво, Реньяра, Мармонтеля, Геллерта, Голберга. Кромѣ того многія піесы отиѣчены въ *Словарѣ* какъ переводы, безъ указанія имени автора. Очень можетъ быть что въ числѣ ихъ находятся піесы извѣстныхъ иностранныхъ писателей.

Драматическій Словарь замѣчательнъ еще тѣмъ что мы узнаемъ изъ него какое множество оперъ давалось въ то время на русскихъ театрахъ. Почти на каждую букву алфавита найдется одна или нѣсколько оперъ: *Александръ въ Индіи*, музыка г. Араія, бывшаго на службѣ у Россійскаго императорскаго двора“ „*Альцеста*, слова Сумарокова, музыка Раулаха, *Антюта* („сія опера изъ первыхъ комическихъ на Россійскомъ языкѣ играна“), *Аркасъ и Ириса* (сочиненія на открытіе московскаго „публичнаго воксала; „музыка г. Керцеллія принята была публикою съ удовольствіемъ“), *Армида* („сочиненіе г. Колтеллини, піиты находившагося въ Россійской Императорской службѣ, музыка г. Антонія Салиери“), *Добрые Салдаты*, слова Хераскова, музыка Раулаха, *Евдоксія Вѣнчанная* или *Евдоксія Второй*, „музыка г. Франциска Араія, Неаполитанца капельмейстера служащаго у Россійскаго двора“, *Земира и Азоръ*,

(„сочинена г. Мармонтелемъ, музыка извѣстнаго изъ числа славныхъ оперныхъ музыкантовъ г. Гретри, переведена на россійскій языкъ въкоторой благородною госложею“), *Ифигенія въ Тауридѣ* (музыка Галулли), *Калифъ на часъ*, *Кузнецъ*, *Кузнецъ Дюкаръ*, *Луизъ Веръ* (музыка придворнаго капельмейстера г. Траетта), *Матросскія шутки* („сочинена на русскомъ языкъ въкоторымъ любителемъ литературы, музыку дѣлалъ г. Себастьянъ Жоржъ“), *Милена*, слова Хераскова, музыка „положена крѣпостнымъ человекомъ его сятельства князя Петра Михайловича Волконскаго Ф. Г.“ *Нещастіе отъ кареты*, сочиненіе Княжнина, музыка Пашкевича, *Новое селѣиство*, „сочиненіе Россійское г. Вязмитинова, музыка г. Фрейлиха; *Островъ Дураковъ*, *Роза и Коласъ*, *Розана и Любимъ*, *Санчо Панса*, *Салескъ*, *Сельскій философъ* („музыка славнаго г. Валтазара Галулли, именуемаго Буранелло, директора музыки и капельмейстера Двора Ея Императорскаго Величества и Герцогской Капеллиі С. Марка въ Венеціи“), *Сердечный Магнитъ* („драма увеселительная съ музыкою“), *Скупой* („сочиненіе Россійское г. Княжнина, музыка придворнаго камеръ-музыканта г. Пашкевича. Монологъ оной оперы, подражая монологу Скулого изъ Мольера, будучи расположенъ рѣчитативою, привоситъ отиѣвную честь сочинителю“), *Торжество добродравія надъ красотою*, *Тунисской Пача* („сочинена Мативскимъ, собственнымъ человекомъ Графа Ягужинскаго“), *Цербалъ и Прокрисъ*, слова Сумарокова, музыка Араія, *Щастіе по жеребью* (Аблесимова), *Щастливца Тоня* („едва ли изъ Русскихъ оперъ подобно была похваляема другая“), *Яга Баба* „сочиненіе Россійское К. Горчакова, музыка г. Стабнгеръ“. Въ 1777 году, 8 января, на Московскомъ театрѣ въ первый разъ была представляема опера *Перерожденіе* и вотъ любопытное примѣчаніе которое дѣлаетъ къ ней *Драматическій Словарь*: „прежде сей оперы никакихъ еще оперъ на Московскомъ театрѣ не играли, и не прежде оную играть рѣшились, какъ испрося у публики позволеніе сдѣланнымъ особливо на сей случай разговоромъ между большою комедіей и сей оперою“. Опера *Перерожденіе* была „изъ первыхъ на Московскомъ театрѣ оригинальныхъ съ музыкою изъ Русскихъ песенъ представленій“. Въ Петербургѣ ни одна опера „не дала столько прибутку“ какъ комическая опера *Гостиной Дѣврѣ* „сочиненная на Россійскомъ языкѣ путешествующимъ по Италиі крѣпостнымъ человекомъ графа

фа Ягужинскаго, Машинскимъ“, положенная имъ же на музыку „къ крайнему удовольствію нашего времени.“ Восхищеніе публики пѣвцами и актерами выражалось въ то время „метаніемъ кошельковъ“, о чемъ нѣсколько разъ упоминается въ *Драматическомъ Словарѣ* по поводу той или другой пьесы. Такъ, напримеръ, въ первомъ представленіи *Недоросля*, происходившемъ въ Петербургѣ 24 сентября 1772 года „даждотъ“ (въ бенефисъ?) перваго придворнаго актера Дмитревскаго, „театръ былъ несравненно наполненъ и публика апплодировала пьесу метаніемъ кошельковъ.“

Мы долго не окончили бы еще нашего разбора, если задались бы цѣлью исчерпать все любопытное что заключаетъ въ себѣ *Драматическій Словарь*. Здѣсь любопытно все. Это въ одно и то же время каталогъ, справочная книга, матеріалы для исторіи русской драматургіи и литературы, собраніе анекдотическихкихъ чертъ изъ исторіи русскаго театра, собраніе отзывовъ о разныхъ пьесахъ, оригинальный образецъ языка и „штукъ“ конца XVIII столѣтія. Перепечатка *Драматическаго Словаря* навѣрное сдѣлаетъ эту книгу извѣстною въ первый разъ громадному большинству даже образованныхъ русскіихъ читателей. Мы знаемъ очень подробно иностранную литературу XVIII вѣка и чрезвычайно мало знаемъ свою литературу той же эпохи. Вотъ почему слѣдуетъ приветствовать этотъ начинъ перепечатокъ сдѣланный книжнымъ магазиномъ *Новаго Времени*. Пора, давно пора намъ начать открывать Россію, какъ Нѣмцы давно уже открыли Германію.

Историческіе матеріалы для составленія церковныхъ летописей Московской епархіи. Собралъ В. Хомагоровымъ и діакономъ Г. Хомагоровымъ. Выпускъ первый. Русская десятина. Москва, 1881.

Четырнадцать лѣтъ тому назадъ, въ октябрѣ 1866 года, по духовному вѣдомству послѣдовалъ Синодальный указъ о собраніи матеріаловъ для церковныхъ летописей. Авторы указываемой нами книги ограничиваются простымъ сообщеніемъ этого факта и не разказываютъ никакихъ подробностей. Можно предполагать что указъ Синода не налагалъ никакихъ точныхъ обязанностей, а ограничивался лишь обращеніемъ къ доброй волѣ духовенства. Можно предполагать что эта

добрая воля не выразилась еще какимъ-либо дѣятельнымъ проявленіемъ. По крайней мѣрѣ авторы приводимой нами книга прямо говорятъ что они „не знаютъ что сдѣлаю въ исполненіе этого указа“ и что они предприняли свой трудъ „желая сколько-нибудь помочь доброму дѣлу.“ Со своей стороны мы въ первый разъ встрѣчаемъ въ печати матеріалы для русскихъ церковныхъ лѣтописей и полагаемъ что читателямъ интересно будетъ нѣсколько ознакомиться съ этимъ любопытнымъ предметомъ.

Авторы опредѣляютъ свою задачу:

„Изъ собранныхъ матеріаловъ читатель увидитъ къмъ и когда именно построена та или другая церковь, за какимъ владѣльцемъ или покровителемъ состояло то или другое село съ самаго времени составленія писцовыхъ книгъ. Мы сочли необходимымъ выяснитъ, по возможности, и переходы имѣній, въ которыхъ находились церкви, отъ одного лица къ другому. Это сдѣлаю нами въ виду слѣдующихъ соображеній: по документамъ, въ одномъ и томъ же уездѣ весьма нерѣдко встрѣчаются села съ однимъ и тѣмъ же названіемъ и при нихъ храмы во имя одного и того же святаго; отсюда немаловажно возникало сомнѣніе, къ какимъ именно изъ такихъ церквей слѣдуетъ отнести найденное свидѣніе; а малѣйшая ошибка въ этомъ повела бы вмѣсто разъясненія къ страшной запутанности въ лѣтописной исторіи церквей. Чтобы вполне разъяснить такіа сомнѣнія, мы строго разграничили одно отъ другаго село съ одинаковымъ наименованіемъ, и наилучшій для этого способъ, по нашему мнѣнію, состоялъ въ указаніи: въ чьемъ владѣніи было село въ моментъ когда построена въ немъ церковь, на какомъ оно было урочищѣ и затѣмъ къ какому лицу или въ какой родъ оно переходило въ послѣдствіи. Отвѣтовъ на эти вопросы мы искали въ дѣлахъ Вотчинныхъ Коллегій, и находили въ нихъ, кромѣ того, такъ-сказать, дополнительные матеріалы для лѣтописей самыхъ церквей съ ихъ приходами.“

Авторы собирали свои историческіе матеріалы исключительно по документамъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. Главнымъ источникомъ служили писцовыя книги. Много матеріала доставили также „приходскія окладныя книги Патриаршаго Приказа.“ Мы получаемъ весьма интересную характеристику всѣхъ этихъ документовъ. Вы думаете что это не чтò иное какъ пыльные, пожелтѣвшія связки

скучныхъ старыхъ дѣлъ? Послушайте что говоритъ Н. В. Калачовъ о писцовыхъ книгахъ:

„Писцовыя книги; можно сказать; воскрешаютъ передъ исследователемъ минувшій строй и видъ не только боѣе значительныхъ, но и менѣе важныхъ центровъ тогдашней администраціи: старинные и частью вовсе не существующіе въ настоящее время города возстаютъ изъ-подъ своихъ развалинъ, съ ихъ острогами, стѣнами, башнями, бойницами и всѣми средствами обороны противъ непріятелей, съ храмами построенными и украшенными благочестіемъ людей, давно почившихъ со всѣмъ семействомъ и даже со многими послѣдующими поколѣніями.“

Изъ писцовыхъ книгъ мы не только узнаемъ какія существовали прежде соборныя, городскія, посадскія, слободскія и сельскія церкви, но можемъ даже почерпнуть свѣдѣнія о томъ когда и кѣмъ эти церкви построены, какіе въ нихъ были придѣлы, какіе образы, церковныя сосуды, колокола, книги и т. д. Нельзя не пожалѣть что указавъ намъ на всѣ эти сокровища свѣдѣній въ писцовыхъ книгахъ, авторы исследования о „Русской десятинѣ“ не воспользовались ими для внесенія въ свою летопись матеріаловъ такъ-сказать художественно-описательныхъ. Они ограничились сообщеніемъ тѣхъ свѣдѣній которыя изложены въ приведенномъ нами выше главѣ ихъ труда. Нѣтъ никакого сомнѣнія что собранный ими матеріалъ чрезвычайно интересенъ и важенъ. Намъ думается однако что такъ какъ дѣло шло собственно о ~~собрании~~ историческаго матеріала о церквахъ извѣстной мѣстности и источники были уже подъ руками, то можно было бы исчерпать эти источники въ разныхъ направленіяхъ. Свѣдѣнія объ архитектурѣ, образахъ, утвари и книгахъ могли бы составить особый, весьма интересный отдѣлъ, рядомъ съ описаніемъ церквей со стороны, такъ сказать, исключительно топографической и фискальной.

Мы ознакомились со значеніемъ „писцовыхъ книгъ“ для составленія церковныхъ летописей. Посмотримъ теперь какое значеніе имѣютъ „окладныя книги Патриаршаго Казеннаго Приказа“. Предъ нами развертывается любопытная страница старинной русской жизни.

Книги Патриаршаго Казеннаго Приказа состоятъ изъ двухъ отдѣловъ. Одинъ носитъ названіе *Книги житіиъ датчанъ церквей*, другой отдѣлъ называется *Книги пусоватиъ, оброч-*

мѣстъ церковныхъ земель. Первое названіе помято само по себѣ. Для объясненія втораго нужно припомнить что церковь въ которой не совершалось богослуженія обозначалась выраженіемъ „стоитъ пуста“, „безъ пѣнія“. Если по какимъ-нибудь причинамъ церковь уничтожалась совсѣмъ и самое мѣсто церковное обращалось въ пустошь, то мѣсто это, гдѣ былъ вѣкогда храмъ съ принадлежащею къ нему церковною землею, ни въ какомъ случаѣ не поступало во владѣніе частныхъ лицъ, а отдавалось на *оброкъ* всѣмъ желающимъ съ платой оброчныхъ денегъ въ патріаршую казну. Приходныя окладныя книги Патріаршаго Приказа велось по *десятинамъ*; каждая принадлежавшая къ десятинѣ церковь писалась отдѣльною статьей. Каждая десятина находилась въ завѣдываніи *поповскаго старосты*, избиравшагося духовенствомъ. Десятина съ большимъ числомъ церквей раздѣлялась на двѣ части, изъ которыхъ одна входила въ завѣдываніи *половскаго старосты*, а другая вѣдалась его помощникомъ, священникомъ, выбраннымъ также духовенствомъ. Помощникъ назывался „*поломъ-закащикомъ*“. Половскіе старосты обязаны были собирать денежные доходы съ церквей и отвозить ихъ „на Москву“, въ Патріаршій Приказъ вмѣстѣ со своими приходными книгами. Патріаршіе подъячіе принимая деньги дѣлали подъ статьей каждой церкви отмітку: „тѣ деньги взяты, платилъ староста *половскій полъ* *Шацковъ*, *привалъ* *Ивашко Вешняковъ*“. Давныя окладныя деньги, собираемыя въ патріаршую казну по указамъ патріарховъ, распределялись по количеству земли и по численности самаго прихода. Дань возвышалась, если увеличивалось при какой-либо церкви количество земли или число дворовъ. Кромѣ собственной „данн“ церкви, по указамъ патріарховъ, обязаны были платить и другія церковныя пошляны: *заѣзды*, *наместническія*, *десятильническія*, *кормовыя* и другія. Были еще „неокладныя“ денежные доходы собираемые „съ *внечныхъ* *ламятей*, съ *отроковъ*, *двоеженцевъ* и *троеженцевъ*, съ *разнаго* *рода* *челобитчиковъ*, со *ставленниковъ*: *пола*, *дьякона* и *дьячка*, съ *настольныхъ* *грамотъ*: *архимандритеской*, *игуменской* и *протопопской*, и съ *благословенныхъ* *грамотъ*, которыя давались вмѣсто *утраченныхъ* и *сгорѣлыхъ* *стаканныхъ* *грамотъ*, съ *патрахеальныхъ* *ламятей*, *выдаваемыхъ* *вдовымъ* *поламъ*, да съ *постытарныхъ*, *выдаваемыхъ* *вдовымъ* *дьяконамъ*, съ *перехожихъ*

памятей, выдаваемыхъ лопамъ, дяконамъ при переходѣ съ одного мѣста на другое, съ новоявленныхъ памятей, выдаваемыхъ дячкамъ, пономорямъ и просвирицамъ при поступленіи на мѣста. „Всѣ жилыя церкви писались въ книгахъ жилыхъ данныхъ церквей пока въ нихъ совершалось богослуженіе. Если же церковь приходила въ ветхость и не могла быть исправлена, или не могла содержаться за скудостью прихода, то дань съ нея снималась и въ приходныхъ книгахъ жилыхъ церквей дѣлалась отмѣтка надъ статьей этой церкви: „церковь пуста, пола нѣтъ“. Церковная земля принадлежавшая къ лустовой церкви отдавалась въ оброкъ. Если на лустовой церковной оброчной землѣ опять выстраивалась церковь, то церковная земля приписывалась къ новопостроенной церкви и въ приходныхъ окладныхъ оброчныхъ книгахъ дѣлалась отмѣтка въ такой формѣ: „на сей землѣ церковь построена, и данью обложена и вписана въ приходную книгу жилыхъ церквей, и впредь не писать“. Приходныя окладныя книги Патриаршаго Казеннаго Приказа начинаются съ 1628 года и идутъ по 1789 годъ, а съ 1740 по 1746 года соединены съ дѣлами синодальнаго экономическаго правленія. До генеральнаго межеванія всѣ церковныя мѣста и земли находились въ вѣдѣніи духовнаго управленія. Въ 1776 году повелѣно: церковныя земли, которыя за опустѣніемъ церквей лежать впустѣ, утверждать за тѣми владѣльцами, изъ чьихъ оныя дачь прежде къ церквямъ были даны; ежели не видно чьи тѣ земли прежде были даны и ежели онѣ не состоятъ въ вѣдомствѣ Коллегіи Экономіи, то продавать ихъ по постановленнымъ цѣнамъ смежнымъ владѣльцамъ, равно какъ и всѣ церковныя лустовыя логоты.

Приведенныя нами свидѣнія, почерпнутыя частью изъ предисловія, частью изъ самаго изслѣдованія гг. Холмогоровыхъ достаточно уясняютъ содержаніе историческихъ матеріаловъ которые заключаются въ указываемой нами книгѣ. Матеріалы эти раздѣляются на двѣ части. Въ первой собраны матеріалы для жилыхъ церквей Русской десятины, во второй,—матеріалы касающіеся церковныхъ мѣстъ и земель, то-есть такъ-называемыхъ „лустошей“. Авторы весьма основательно предполагаютъ что при посредствѣ собранныхъ ими свидѣній о „церковныхъ мѣстахъ“ получится точное происхожденіе названій нѣкоторыхъ мѣстностей (Троицкое, Покровское, Рождественское и т. д.), теперь объясняются слѣды построекъ и

надгробныхъ плитъ среди мѣстъ залыхавшихъ полями или поросшихъ лѣсомъ, объяснится наконецъ почему стоятъ на чинахъ мѣстахъ полуразрушенныя часовенки. Въ концѣ книги помѣщено историческое описаніе города Рузы, а въ приложеніи находятся три листа старинныхъ чертежей церковныхъ земель и статистическая таблица церквей и церковныхъ мѣстностей Рузской десятины. Остается пожелать чтобъ этотъ добросовѣстный и полезный трудъ продолжался бы даѣе и нашелъ бы подражаніе и поддержку.

С. В.

Металлоскопія и металлоterapia. Составилъ Dr. Н. И. Григорьевъ, подъ редакціей приватъ-доцента Медико-Хирургической Академіи В. И. Дроздова. Петербургъ 1881 года.

Этими мудреными словами называется новая отрасль медицины, модное медицинское ученіе возникшее всего мѣсколько лѣтъ тому назадъ послѣ работъ Бюрка (Burg) съ легкой руки профессора Шарко. *Металлоскопія* изучаетъ дѣйствіе различныхъ металловъ на организмъ, а *Металлоterapia* дѣлаетъ практическіе выводы изъ этихъ изслѣдованій и пробуетъ лѣчить металлами различныя болѣзни, преимущественно прикладываямъ металлическихъ пластинокъ къ поверхности тѣла. Собственно это ученіе старо какъ сама медицина и какой-нибудь мужикъ, прикладывая у себя въ деревнѣ мѣдныи лятакъ къ ушибленному мѣсту чтобы „не вскочилъ сивякъ“ безъ сомнѣнія настоящій металлотерапевтъ, хотя навѣрное самъ и не подозреваетъ этого. Уже съ глубокой древности люди приписывали металламъ различныя чудесныя и цѣлебныя свойства. „Такъ, Аристотель (за 360 лѣтъ до Р. X.) говоритъ что прикладываніе мѣди на ушибленное мѣсто предупреждаетъ появленіе сивяка. Здѣсь по его мнѣнію дѣйствуетъ не только холодъ, принадлежащій мѣди какъ металлу, но и что-то другое свойственное именно ей одной. Галенъ (181 г. по Р. X.) совѣтуетъ ношеніе свинцовыхъ пластинокъ на поясницѣ, какъ средство противъ сладострастныхъ словиданій. Мегат говоритъ что ношеніе женщинами свинцоваго пояса очень полезно для усложенія лыла ихъ любовныхъ страстей.... Кромѣ мѣди и свинца немаловажную роль играли

изъ древности и другіе металлы... Pierre d'Albano соѣдугаетъ прикладываніе золотыхъ пластинокъ при коликахъ. (*Металлоскопія*, стр. 1—2). Особеннымъ ввѣдваніемъ пользовался магнитъ, какъ выдававшійся по своимъ свойствамъ между металами, какъ лѣчились самыя разнообразныя болѣзни. Его прикладывали снаружи и давали внутрь, приготовляли изъ него манну, соль, масло и разныя другія вещи. „Насколько всѣ эти способы были рациональны можно судить по одному изъ нихъ, описаніе котораго приводитъ Hennings. Берется магнитъ выкрашенный охрой и зарывается въ землю. На нее насыпаются сѣмена однородныя съ тою болѣзнію которая у больного. Для ускоренія же роста надо поливать ихъ тою водою которою больнои умывается. Какъ только эти сѣмена выростутъ, больнои выздоравливаетъ.“ (*Металлоскопія*, стр. 3).

Но несмотря на такое древнее происхожденіе, лѣченіе прикладываніемъ металами до самаго послѣдняго времени оставалось скорѣе средствомъ народа чѣмъ науки. Оно относилось къ разряду такъ-называемыхъ симпатическихъ средствъ, и многіе серіозные врачи считали для себя неудобнымъ пользоваться этимъ методомъ, тѣмъ болѣе что имъ часто злоупотребляли многочисленныя шарлатаны завѣршающіеся изготовленіемъ различныхъ металлическихъ и магнитныхъ колецъ и пластинокъ, и выдававшіе ихъ чуть не за универсальное лѣкарство противъ всѣхъ болѣзней. Только въ послѣднее время около пятидесятихъ годовъ вышедшаго столѣтія французскій докторъ Бюркъ рѣшился поставить вопросъ на научную почву, и поработавъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ пришелъ къ положительнымъ и довольно счастливымъ результатамъ. Но долго онъ не могъ привлечь вниманія ученыхъ и врачей къ новому методу лѣченія, пока случайно не заинтересовался этимъ проф. Шарко. Благодаря его поддержкѣ новое ученіе стало быстро распространяться. Комиссія назначенная Біологическимъ Обществомъ дала о немъ благопріятный отзывъ. Тутъ же (въ 1878 году) подоспѣла Парижская всемірная выставка, и въ присутствіи многочисленныхъ иностранныхъ ученыхъ съѣздившихся на нее со всѣхъ концовъ Европы, проф. Шарко прочелъ нѣсколько лекцій о металлоскопіи и металлотераліи и демонстрировалъ ихъ опытами надъ больными. Успѣхъ новаго ученія былъ

обезпеченъ. Прежвее равнодушiе замѣцала ликорядочная дѣятельность; множество лицъ занялось изслѣдованiями о дѣйствии металловъ и въ два, три года этихъ изслѣдованiй накопилась цѣлая масса. Но ничто не вѣчно въ этомъ свѣтѣ. Въ настоящее время уже наступаетъ реакцiя и славу новаго ученiя сильно колеблють многочисленными опроверженiями спеціалистовъ.

Книга доктора Григорьева представляетъ попытку „въ виду интереса представляемаго вопросомъ о металлоterapiи не возможности собрать и систематизировать весь материалъ накопившiйся въ литературѣ по этому предмету, начиная съ первыхъ работъ Биркэ“ (стр. 15). Книга написана очень хорошо, содержитъ массу наблюдений различныхъ ученыхъ и для спеціалиста желающаго подробнѣй ознакомиться съ разнообразнымъ вопросомъ представляетъ хорошiй справочный материалъ. Считаю не безинтереснымъ, пользуясь книгой г. Григорьева, остановиться на главнѣйшихъ чертахъ новаго медицинскаго ученiя.

Ученiе это принимаетъ за доказанное что нѣкоторые люди, преимущественно истеричныя женщины и потомъ вообще нервные большае бывають чувствительными къ извѣстнымъ металламъ, кромѣ къ одному какому-нибудь, а не ко всѣмъ. Такъ нѣкоторымъ чувствительнымъ къ золоту и не чувствительнымъ ко всѣмъ прочимъ, другiе чувствительными къ мѣди, третьи къ желѣзу, свинцу и т. д. Различiе металлескопiи отъ практикующагося уже давно употребленiя металловъ состоитъ въ томъ что обыкновенная медицина почти постоянно даетъ эти металлы внутрь въ видѣ раствора какой-нибудь соли, между тѣмъ какъ по новому ученiю они преимущественно прикладываются въ видѣ пластинокъ снаружки, при томъ названiе того или другаго металла обуславливается не фармакологическими показанiями, не извѣстными симптомами болѣзни, а единственно предрасположенiемъ, чувствительностью къ нему больнаго. Это предрасположенiе узнають прикладывая попеременно разные металлы, пока не попадутъ на такой который дѣйствуетъ.

Въ чемъ же выражается дѣйствие приложеннаго металла? Дѣйствиe это очень странно, необъяснимо и почти чудесно, у истеричныхъ женщинахъ надъ которыми преимущественно дѣлались наблюденiя замѣчается цѣлая масса самыхъ

разнообразнѣйшихъ разстройствъ нервной системы, часто совершенно неустраивимыхъ ни какимъ до сихъ поръ употреблявшимся способомъ лѣченія. Одно изъ самыхъ обыкновенныхъ разстройствъ есть потеря чувствительности, анестезія, которая можетъ занимать иногда очень ограниченное мѣсто, иногда же распространяется на большія пространства и захватываетъ цѣлую половину человеческого тѣла. Лишенное чувствительности мѣсто холодитъ на ощупь сравнительно со здоровою стороною и его можно колоть, рѣзать и жечь не вызывая ни малѣйшей боли. Если мы къ подобному мѣсту приложимъ теперь тотъ металлъ къ которому больная чувствительна, или въ видѣ пластинки съ ровнo обрѣзанными краями или въ видѣ монеты, то скоро замѣтимъ что подъ металломъ, по словамъ больной, явится локальное, щекотаніе, жженіе, зудъ и т. п. Это показываетъ что началось исчезаніе анестезіи и дѣйствительно скоро чувствительность возвращается: сначала подъ самымъ металломъ, затѣмъ въ ближайшей окрѣжности и наконецъ на всемъ пораженномъ пространствѣ. Обыкновенно все это происходитъ по истеченіи нѣсколькихъ минутъ. Но увы! Какъ скоро чувствительность возвращается, также скоро она опять исчезаетъ послѣ того какъ металлъ отнять. При этомъ замѣчается странное явленіе такъ-называемаго *переноса*. Именно если анестезія была положимъ лѣвой половины тѣла, то во время дѣйствія металла она получаетъ опять чувствительность, но за то противоположная сторона утрачивается; такъ продолжается въ некоторое время, по прошествіи котораго все приходитъ опять къ первоначальному положенію. Выступъ съ возвращеніемъ чувствительности у больныхъ является ощущеніе теплоты, температура повышается и сила мускульнаго напряженія увеличивается.

Естественно родилась мысль не могутъ ли оставлять металлъ на поверхности тѣла чувствительнаго къ нему субъекта на неопредѣляемое время. Но оказалось что это не всегда помогаетъ и часто вызываетъ даже разнаго рода болѣзненные разстройства. Потомъ Бюркъ предложилъ „постоянное ношеніе металла на больномъ членѣ или продолжительное упражненіе послѣдняго гимнастикой съ помощію снарядовъ сдѣланныхъ изъ металла, къ которому больной чувствителенъ.“

На это г. Григорьевъ справедливо возражаетъ что „первое предложеніе Бюрка еще можетъ быть исполнено; носить ме-

таллическія вещи многіе согласятся лишь была бы отъ нихъ польза. Къ сожалѣнію дѣйствіе колець, монетъ и т. н. вещейъ чаще ограничивается весьма небольшимъ пространствомъ. Для того же чтобы возстановить чувствительность при анестезіи, напр. всего тѣла, большой долженъ увизать себя кольцами. Это едва ли удобно да и едва ли возможно если положимъ большой чувствительнъ къ золоту? Что же касается ежедневнаго прикладыванія металла то оно можетъ наскучить большому и онъ броситъ свое мѣненіе“ (стр. 101). „Что же касается совѣта Бюрка употреблять для поддержанія возставающей чувствительности металлическіе гимнастическіе аппараты, хотя бы гири, то это имѣетъ массу неудобствъ. Хорошо если большой чувствительнъ къ недорогому металлу, къ желѣзу, чугуу, свинцу, мѣди и т. п. А если большой чувствительнъ къ золоту или серебру? Надо быть слишкомъ богатымъ чтобы сдѣлать себѣ даже серебряныя гири, а о золотыхъ мы уже и не говоримъ. А золото какъ нарочно оказывается такимъ металломъ къ которому очень многіе изъ большихъ чувствительны“ (стр. 102).

Въ концѣ своей книги г. Григорьевъ излагаетъ различныя теоріи какими ученые стараются объяснить непонятныя дѣйствія.

Бюркъ, основатель металлотерапіи, предполагаетъ что „въ металлахъ существуетъ особое свойство, будетъ ли это электричество или минеральный магнетизмъ, котораго оно будетъ видоизмѣненіемъ (modification), будетъ ли оно зависѣть отъ какой другой причины отъ насъ скрытой, тѣмъ не менѣе это свойство дѣлаетъ ихъ способными оказывать прямо непосредственное дѣйствіе (action spécial directe) на нервную силу, притягивать ее къ себѣ“ (стр. 161). Въ самомъ же чело-вѣческомъ организмѣ онъ находитъ какую-то неудовимую силу (subtil agent) нужную для жизни.

Vigouroux говоритъ что металлоскопическія явленія зависать отъ неизвѣстнаго электричества (стр. 165). По мнѣнію доктора Дроздова причиной этихъ явленій будутъ не металлы, а особый неизвѣстный раздражитель кожи (стр. 167).

Нѣкоторые англійскіе и американскіе ученые отвеслись къ дѣлу иначе и предлагаютъ для объясненія металлоскопическихъ явленій совершенно особую теорію, гдѣ все дѣло объясняется психическимъ состояніемъ больнаго во время опытовъ надъ нимъ, воображеніемъ, его ожиданіемъ, его

напряженнымъ вниманіемъ (expectancy). Извѣстно что если долго смотреть ну хоть на кончикъ совершенно здороваго лапца и сосредоточить на немъ все вниманіе, то скоро мы почувствуемъ въ немъ если не боль, то по крайней мѣрѣ разныя ненормальныя ощущенія. Съ другой стороны даже самая сильная боль часто исчезала подъ вліяніемъ душевнаго возбужденія или вслѣдствіе силы воли. Всѣ же металло-сколическія явленія преимущественно наблюдались у истеричныхъ женщинъ, у которыхъ психическое настроеніе очень много значитъ и часто одно служитъ источникомъ различныхъ расстройствъ. У этихъ больныхъ получалось извѣстное дѣйствіе оттого что она хотѣла этого, ждала этого. „Hennings, разбирая вопросъ о вліяніи истеріи прикладываніемъ металловъ, прямо говоритъ что электричество здѣсь можетъ быть и играть нѣкоторую роль, но самая суть дѣла сводится на дѣйствіе воображенія. Исторія воображенія есть исторія человека и ея вліяніе на происхожденіе и исцѣленіе болезней есть цѣлая исторія медицины. Сила воображенія есть всеобщее лѣкарство, секретъ возрожденія...“ (стр. 180). Мыслие Hennings'a многіе ученые подтвердили опытами. Въ этихъ опытахъ часто не дѣйствовали никакіе металлы когда больнымъ женщинамъ завязывали глаза или принимали другія предосторожности и онѣ не знали чего отъ нихъ ждать. Когда же имъ прямо говорили что эти самыя пластинки должны напротивъ исцѣлять ихъ, или умышленно громко говорили окружающимъ такъ чтобы больныя могли слышать что теперь будетъ такое-то и такое дѣйствіе, то дѣйствительно дѣйствіе получалось; металлъ прежде не дѣйствовавшій начиналъ дѣйствовать. Даже и не металлъ, а различныя индифферентныя вещества, бумага, дерево, горчишники, ледъ, горячая вода, графитъ, извѣстка. Эти опыты сильно подорвали вѣру въ металлотералію. Они были опубликованы во всѣхъ медицинскихъ журналахъ и были произведены съ такою тщательностію что совершенно исключали возможность умышленнаго обмана со стороны больныхъ.

Впрочемъ все-таки при настоящемъ состояніи металлоскопичіи нельзя сказать съ достовѣрностію на чьей сторонѣ, правда. Только будущее можетъ рѣшить дѣйствуетъ ли тутъ таинственныя силы свойственныя металламъ или же просто воображеніе больного.

Raphaël, sa vie, son oeuvre et son temps, par Eugène Muntz.

Появившаяся недавно книга Мюнца принадлежит къ числу наиболее интересныхъ произведеній современной французской литературы. Она предназначена для большинства образованной публики, но и для специалистовъ служить важнымъ приобретениемъ; если книга эта написана не такъ увлекательно какъ, напримеръ, известная монографія Германа Гримма и Микель-Анджело, то въ ней есть достоинства которыя ставятъ ее гораздо выше упомянутого труда Берлинскаго профессора. Авторъ ея приобрѣлъ почетную репутацію своимъ обширнымъ и еще далеко не окончаннымъ сочинениемъ подъ заглавиемъ *Histoire de l'art à la cour des papes*; всѣ отдають справедливость его обширнымъ свѣдѣниямъ, основательному его знакомству съ иностранными литературами, необыкновенно тщательной и здравой его критикѣ и наконецъ тонкому изящному его вкусу. Достоинства эти вполне обнаружались въ новомъ произведеніи Мюнца: это самый обстоятельный сводъ всѣхъ прежнихъ изслѣдованій о Рафаэлѣ съ присоединеніемъ многихъ данныхъ оставшихся неизвѣстными его предшественникамъ. Въ книгѣ находится около двухъ сотъ отдѣльныхъ и помѣщенныхъ въ текстѣ рисунковъ, что конечно еще болѣе возвышаетъ ея значеніе.

Изобразить жизнь Микель-Анджело сравнительно не трудно потому что знаменитый скульпторъ горячо отзывался на современныя ему событія, онъ воплощалъ въ себѣ благороднѣйшія стремленія Итальянскаго народа, страдалъ отъ его бѣдствій и оставилъ много свѣдѣній своей общественной дѣятельности. Совсѣмъ другое Рафаэль. Мы знаемъ объ его личности очень мало; справедливо замѣтилъ кто-то что всѣ вполне достовѣрные факты относящіеся къ его біографіи можно было бы умѣстить въ вѣсколькихъ строкахъ. Тѣмъ болѣе велика заслуга Мюнца что онъ едва ли не окончательно разъяснилъ многое что считалось до сихъ поръ спорнымъ и значительно пополнилъ скудный запасъ нашихъ свѣдѣній. Такъ, напримеръ, давно уже извѣстенъ докладъ представленный Рафаэлемъ папѣ Льву X о состояніи памятниковъ

древности въ Римѣ; многіе однако, начиная съ прошлаго столѣтія, сомнѣвались чтобъ этотъ важный документъ принадлежалъ знаменитому художнику; въ послѣднее время вопросъ этотъ былъ подвергнутъ подробному разсмотрѣнію Германомъ Гриммомъ который удивился что Рафаэль не могъ быть авторомъ доклада ибо онъ говоритъ съ нимъ какъ очевидецъ о разрушеніи многихъ памятниковъ (пирамиды известной подъ названіемъ Serulcrum Scipionum, арка Гордіана, храма Цереры и т. п.), а между тѣмъ памятники эти исчезли прежде чѣмъ онъ впервые прибылъ въ Римъ. Аргументація Гримма казалась столь убѣдительною что даже Шпрингеръ, относящійся къ Гримму не совсѣмъ дружелюбно, былъ увлеченъ ею. Мюнцъ обнаружилъ однако совершенную ея несостоятельность; онъ доказалъ что если еще въ 1499 году рѣшено было разрушить уломанные памятники и если тогда же приступлено было къ исполненію этого варварскаго плана, то работы далеко не были окончены въ первые годы пребыванія Рафаэля въ вѣчномъ городѣ. Онъ происходилъ на его глазахъ, а потому нѣтъ ничего удивительнаго что онъ разсуждаетъ объ этомъ дѣлѣ какъ еще не о вполне совершившемся. По мнѣнію Гримма авторомъ доклада былъ Фульвіо, а Шпрингеръ приписываетъ его Фра-Джиокандо, но и эти предположенія побѣдосно опровергнуты Мюнцемъ, такъ что принадлежность означеннаго документа Рафаэлю едва ли подлежитъ теперь сомнѣнію. Это очень важное обстоятельство, ибо ознакомившись изъ разбираемой нами книги съ произведеніемъ о которомъ идетъ рѣчь, съ произведеніемъ затрогивающимъ интереснѣйшіе вопросы древностей и искусства, читатель пойметъ какое значеніе придавали исследователи вопросу о томъ вышло оно изъ-подъ пера Рафаэля или кого-либо другаго. Что касается новыхъ біографическихъ свѣдѣній о великомъ художникѣ, то каждое изъ нихъ, какъ бы оно ни казалось незначительнымъ, имѣетъ огромную цѣну. Мюнцу повезло и въ этомъ отношеніи: онъ открылъ между прочимъ документъ изъ котораго видно что Рафаэль не за долго до своей смерти задумалъ построить себѣ домъ пал, вѣрнѣе сказать, дворецъ который по своей обстановкѣ соответствовалъ бы его средствамъ и его положенію въ обществѣ. Изъ помянутаго документа видно что каноники храма св. Петра уступили ему для постройки принадлежащій имъ участокъ земли но не въ полную

собственность, а въ безсрочную аренду съ платой по 80 золотыхъ дукатовъ въ годъ. Контрактъ этотъ замѣчателенъ между прочимъ въ слѣдующемъ отношеніи: онъ былъ подписанъ 24 марта 1520 года, а ровно чрезъ двѣ недѣли, 6-го апрѣля Рафаэля уже не существовало. Можно заключить изъ этого о скоротечности его болѣзни; онъ сошелъ въ могилу въ ту самую минуту когда послѣ неимоверныхъ трудовъ, сокрушившихъ его организмъ, думалъ наконецъ устроить свой образъ жизни сообразно своимъ вкусамъ.

При недостаточности свѣдѣній о Рафаэлѣ биографъ можетъ дать вѣрное о немъ понятіе не иначе какъ вопервыхъ, заявившись самымъ подробнымъ рассмотрѣніемъ его произведеній, а вовторыхъ поставивъ его въ связь съ общественною и артистическою жизнью его времени. И та и другая задача какъ нельзя лучше исполнена Мюнцемъ: мы имѣемъ предъ собою яркую картину начала XVI вѣка въ Италіи, — этой знаменательной эпохи въ которой Рафаэлю принадлежить одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ. Авторъ постарался уяснить подъ какими общественными вліяніями находилась онъ въ различныхъ мѣстностяхъ гдѣ развивалась его дѣятельность. Каждая изъ нихъ отмѣчена особымъ характеромъ. Первые годы ученья Рафаэль провелъ, какъ извѣстно, въ Урбино. То былъ золотой вѣкъ Возрожденія, говоритъ авторъ. Послѣ долгаго уладыка классическая древность выступала снова предъ изумленнымъ міромъ вѣчно юная, сіяющая, окруженная ореоломъ недосыгаемой красоты. Воины и дипломаты, банкиры и духовныя лица взирали на нее съ изумленіемъ; государи и республики соперничали между собой чтобы возстановить въ законныхъ ея правахъ эту богиню которую считали усолшею, но которая находилась лишь въ усыпленіи. Какою страстностью, какими увлеченіями отличался этотъ энтузіазмъ, не было однако въ немъ ничего исключительнаго. Напротивъ онъ поощрялъ, развивалъ способность наслаждаться всѣмъ чтò говорило уму и сердцу и даже такими твореніями которыя находились въ явномъ противорѣчій съ античнымъ духомъ. Перелистывая каталоги библіотекъ, возникавшихъ въ то время въ Урбино, Флоренціи, Римѣ, Павіи и Неаполѣ, мы видимъ что на ряду съ языческою древностью одинаковое мѣсто отведено было въ нихъ древности христіанской и даже среднимъ вѣкамъ. Данте и Петрарка пользовались такимъ же уваженіемъ какъ

Гомера и Вергилий; Аристотеля и Цицерона читали столько же сколько и отцевъ церкви; никто не помышлялъ изгонять Джіотто въ угоду картинамъ болѣе соответствовавшимъ господствовавшему вкусу; преклоненіе предъ новымъ архитектурнымъ стилемъ не доходило до того чтобы отворачиваться отъ готическихъ зданій. Такимъ образомъ въ первоначальную эпоху Возрожденія не произошло ни мадьянскаго разрыва съ прошедшимъ; программой тогдашнихъ дѣятелей было не разрушать чтобы создавать новое, а принимая исходною точкою классическую древность содѣйствовать проявленію въ области искусства и литературы всѣхъ безразлично высокихъ и благородныхъ стремленій и мыслей. Но съ той поры какъ Возрожденіе начало осуждать все что стояло и развивалось внѣ древности, оно нанесло ударъ національной самобытности и осудило себя на безспіе. Исторія итальянскаго искусства, или зачѣмъ не употреблять настоящее слово, агонія этого искусства со второй половины XVI вѣка доказываетъ къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ должна была привести подобная исключительность. Великимъ счастіемъ для Рафаэля было, по словамъ Мюнца, то что юные свои годы онъ провелъ именно въ Урбино. Онъ могъ тутъ проникнуться красотами природы ибо трудно найти мѣстность болѣе привлекательную; мысль его могла сосредоточиться удобнѣе чѣмъ гдѣ либо ибо малелькое Урбинское герцогство наслаждалось спокойствіемъ сравнительно съ другими итальянскими владѣніями. Авторъ рисуетъ весьма заманчивую картину Урбинскаго двора, душой котораго была супруга владѣтельнаго герцога, Елизавета Гонзаго. Она принадлежала къ числу женщинъ игравшихъ въ то время въ высшей степени полезную роль. „Благодаря имъ, говоритъ Мюнцъ, Италия сдѣлалась страной не только ученою, но и цивилизованною. Нигдѣ не видимъ мы ничего подобнаго этимъ знатымъ дамамъ говорившимъ по-латыни, руководившимъ преміями академій не владея въ крайности столь жестоко осмѣяваемыхъ „*femmes savantes*,” разсуждавшихъ о самыхъ тонкихъ проявленіяхъ чувства нисколько не походя однако на пресслотыхъ „*gracieuses*“ XVII вѣка, добрымъ, простодушнымъ и не забывавшимъ обязанностей своего званія. Лучшая слава мало прельщала ихъ; онѣ довольствовались тѣмъ что не выдвигаясь на первый планъ старались обнаруживать вліяніе

на обрившихся вокруг них писателей и художников.* Балтазарь Кастильоне, авторъ *Cortegiano*, книга имѣвшая огромный успѣхъ въ то время, составилъ описаніе Урбанскаго двора и тѣхъ бесѣдъ которыя происходили въ присутствіи Елисаветы Гонзаго: отрывки изъ книгъ читатель найдетъ у Мюнца.

Не меньшимъ искусствомъ отличается очеркъ Перуджіи, куда переселился Рафаэль изъ Урбано. Съ одной стороны мы видимъ здѣсь знатныя фамиліи, не остававшіяся въ своихъ расправахъ ни предъ какими злодѣйствами, наводившія ужасъ на мирныхъ горожанъ, а съ другой,—народонаселеніе неонавидѣвшее ихъ и его, но не обладавшее энергіей чтобы сбросить его. Контрасты выражающіе во всемъ. „Физиономія и характеръ жителей, говоритъ авторъ, какъ нельзя болѣе гармонировали съ живымъ видомъ города, бѣднымъ и скромнымъ, за исключеніемъ нѣсколькихъ дворцовъ, стоявшихъ одиноко, и нѣсколькихъ храмовъ, которымъ благочестіе гражданъ умѣло придать извѣстное величіе. Въ общемъ типъ народонаселенія замѣчается что-то страдальческое, какъ у тѣхъ мадоннъ школы Перуджіино которыя лѣтъ спустя не столько правильностью чертъ, сколько прелестью выраженія.“ Въ Перуджіи Рафаэль могъ черпать вдохновеніе въ живомъ источникѣ народныхъ симпатій. Въ послѣдствіи онъ создалъ цѣлый рядъ произведеній которыя по справедливости считаются высшимъ проявленіемъ искусства, но едва ли говорить они такъ много сердца какъ тѣ надъ которыми трудился онъ находясь въ школѣ Пьетро Вануччи.

Оставляя въ сторонѣ превосходныя страницы посвященной Мюнцемъ пребыванію Рафаэля во Флоренціи, мы должны особенно указать на то что говоритъ онъ о Римѣ въ началѣ XVI вѣка. Характеры Юлія II и Льва X и придворная жизнь въ ихъ время изображены чрезвычайно рельефно. Послѣдній изъ названныхъ папъ ничѣмъ не валомышалъ что будучи свѣтскимъ государемъ онъ стоялъ въ то же время во главѣ церкви. Онъ былъ достойнымъ представителемъ эпохи Возрожденія, но лишь въ томъ что было въ ней блестящаго, а не въ томъ что составляло духовную ея силу и значіе. Всѣ помыслы его обращались кажется на то чтобы въ свою очередь заслужить прозвище Великолѣтнаго, которымъ пользовался его отецъ; какъ настоящій Медичисъ онъ отащался необычайною изобрѣтательностью въ присканіи

новыхъ источниковъ обогащенія не разбирая средствъ. Иностранцы посланники приходили въ изумленіе и ужасъ вида какія громады суммы поглощала лалская казна, причемъ однако она оставалась всегда пустою потому что расточительности Льва X не было границъ. Ежегодный доходъ его простирался до 32 милліоновъ франковъ, но четвертая часть этой суммы шла лишь на подарки и на лалокій столъ. Левъ X хотѣлъ чтобы все вокругъ него дышало счастьемъ и весельемъ: ежедневно приносили ему на блюды покрытомъ краснымъ бархатомъ, кучу золота которое онъ имѣлъ обыкновеніе раздавать своимъ приближеннымъ, какъ бы пріучая ихъ не помышлять о завтрашнемъ днѣ. Первые годы его царствованія были непрерывнымъ празднествомъ, все вокругъ него слѣшило жить и наслаждаться слѣдуя совѣту который отецъ его выразилъ въ стихотвореніи, найденномъ недавно Мюнцемъ въ римскихъ архивахъ: „какъ прелестна молодость но она быстро исчезаетъ. Слѣшите пользоваться ею, живите настоящимъ, ибо будущее неизвѣстно. Играйте на инструментахъ, танцуйте, пойте; прочь заботы и печали, пусть сердце ваше будетъ доступно лишь радостнымъ чувствамъ. Прелестна молодость, но она не долговѣчна...“ Въ разбираемой нами книгѣ читатели найдутъ описаніе нѣсколькихъ празднествъ которыя были устраиваемы лалой для владѣтельныхъ особъ посѣщавшихъ Римъ: по роскоши они представляли дѣйствительно нѣчто невѣроятное! Можно ли удивляться что многіе историки обвиняютъ и самаго Льва X и его приближенныхъ въ наклонности къ азычеству? Мюнецъ защищаетъ его отъ этихъ упрековъ, впрочемъ довольно страннымъ образомъ: „правда, говоритъ онъ, культъ античнаго міра доходилъ до крайности, но самыя вѣрованія нисколько не страдали отъ этого; лаганизмъ проявлялся лишь въ формахъ, во внѣшности, не касаясь сущности дѣла“ и въ доказательство нашъ авторъ приводитъ тотъ случай что однажды въ присутствіи самаго палы и кардиналовъ какой-то проповѣдникъ произнесъ проповѣдь исполненную сильнаго религіознаго одушевленія, но въ которой вмѣсто Бога онъ постряиво упоминалъ о „богахъ“ и „богиняхъ!“ Трудно понять какимъ образомъ это можетъ свидѣтельствовать что христіанское благочестіе продолжало жить при лалскомъ дворѣ...

Мюнецъ помѣстилъ въ своей книгѣ новый документъ,

который такъ любопытенъ что мы приводимъ его здѣсь почти вполнѣ. Это письмо посланника герцога Феррарскаго, рассказывающаго о представленіи въ Ватиканѣ комедіи Аріосто *Suppositi*. „Монсеньоръ Рангои ввелъ меня въ залу гдѣ находилась самъ папа съ молодыми кардиналами. Его святѣйшество прогуливался тамъ приказывая впускать тѣхъ кого ему угодно было видѣть. Когда набралось назначенное число, мы отправились въ залу гдѣ ожидало насъ зрѣлище. Папа сталъ у входной двери и пропускалъ мимо себя каждаго давая ему благословеніе. Съ одной стороны расположена была сцена, а съ другой подмостки для зрителей и престолъ для его святѣйшества. Занавѣсь изображала отца Маріано, окруженнаго множествомъ чертвятъ которые загрызали съ нимъ. Святѣйшій отецъ надѣлъ очки и видимо любовался декорациею весьма искусно сдѣланною Рафаэлемъ: действительно, превосходный эффектъ производила перспектива и и со всѣхъ сторонъ слышались ей похвалы. Что касается самой пьесы, то его святѣйшество, вмѣстѣ со всѣми зрителями, смѣялся отъ души, но, какъ я слышалъ, Французы были вѣсколько скандализированы ея содержаніемъ“...

Документъ этотъ интересенъ между прочимъ тѣмъ что въ немъ упоминается имя Рафаэля. Великій художникъ достигшій въ то время высшаго совершенства, вынужденъ былъ расписывать занавѣсь для папскаго театра! Это не должно насъ удивлять. Мюнцъ посвятилъ вѣсколько любопытныхъ страницъ положенію итальянскихъ художниковъ: даже на лучшихъ изъ нихъ до половины XVI вѣка смотрѣли какъ на „мастеровъ“ въ вульгарномъ значеніи этого слова, не очень церемонились съ ними, платили имъ за ихъ произведенія скудно, часто не деньгами, а разными продуктами, хлѣбомъ и т. п. Нуженъ былъ геній Рафаэля, Леонардо да-Винчи и Микель-Анджело, чтобы завоевать имъ почетное положеніе въ обществѣ, но прежній взглядъ еще не вполне исчезъ! Левъ X не щадилъ Рафаэля, хотъ и высоко цѣнилъ его; онъ заставлялъ его заниматься самыми разнообразными работами и иногда такими которыя не могли не оскорблять его чувства достоинства. Мы видѣли сейчасъ что онъ расписывалъ театральныя декорации, а вотъ еще примѣръ того какъ пользовались его талантомъ: въ Римѣ былъ поэтъ Барбала, служившій общимъ посмѣшникомъ; кому-то пришла

имея въ виду убить его въ Камитоніи, ледѣ очень понравилась эта шутовская статья и въ назначенный день, возсѣвъ на слона подареннаго Льву X королемъ Португальскимъ, Барбабало отправился по римскимъ улицамъ при громкомъ хохотѣ толпы. Пала непремѣнно хотѣла чтобы Рафаэль составилъ рисунокъ этой процессіи. Мало того,—если надъ Барбабало свѣдѣлись, то слезъ привелъ въ восхищеніе римскихъ жителей и еще долго служилъ ихъ любимцемъ. Когда онъ умеръ, Рафаэль снѣтъ такъ по порученію Льва X долженъ былъ изобразить его во весь ростъ. Не удивительно что въ сокращенномъ до насъ лицѣ великаго художника ко Франціи содержится горькая фраза объ его тяжкомъ положеніи всадности той зависимости въ которой онъ находился.

Представленія главы книги Мюнца посвящены Рафаэлю какъ акультуру, археологу и исследователю римскихъ древностей. Рассматривая его дѣятельность, говоритъ авторъ, мы видимъ что въ началѣ ея артистъ обладаетъ надъ археологомъ, а ледъ копецъ обнаруживается обратное явленіе. Многие готовы объяснить это усталостью, упадкомъ силъ; но мы знаемъ ихъ, по мѣрѣ того какъ изяскаетъ вдохновеніе, усиливается интересъ къ сухимъ научнымъ изысканіямъ: человекъ рождается поэтомъ и превращается въ ученаго. Напротивъ, нужно изумляться рѣдкому счастью вылавшему на долю такой исключительной натуры какъ натура Рафаэля, который въ теченіе своей кратковременной карьеры умѣлъ овладѣть самыми разнообразными дисциплинами, усвоивъ себѣ одно за другимъ всѣ духовныя сокровища своей великой эпохи.

Сказаннаго вамъ полагаемъ достаточно чтобы дать понятіе о книгѣ Мюнца. Много было писано о Рафаэлѣ, но едва ли есть другой трудъ въ которомъ съ такою полнотою, такъ отчетливо и съ такимъ знаніемъ дѣла были резюмированы всѣ прежнія сизифованія объ его жизни и дѣятельности.

Le jour de l'an et les étrennes. Histoire des fêtes et coutumes de la nouvelle année chez tous les peuples dans tous les temps. Ouvrage illustré de 200 gravures d'après les documents authentiques anciens et modernes. Par Eugène Muller. Paris, Morice Dreyfous.

Это очень большой томъ снабженный множествомъ иллюстрацій и во всей подробности описывающій повѣрья и обряды Нового Года, отъ глубокой древности до нашихъ дней, Древній мѣръ, Средніе Вѣка, современное празднованіе Нового Года и Святки въ Англіи, Франціи, Италіи, Испаніи, Голландіи, Германіи, Турціи, Японіи, Китаѣ и т. д., всѣ эти картины пестрою вереницей проходятъ предъ читателями. Это весьма интересная справочная книга, соединяющая въ одномъ цѣломъ множество свѣдѣній разбросанныхъ по разнымъ специальнымъ сочиненіямъ. Оставимъ въ сторонѣ Европу и посмотримъ какъ празднуется Новый Годъ въ Японіи. Подробности этого празднованія быть-можетъ не всѣмъ извѣстны и во всякомъ случаѣ любопытны.

Начиная съ тринадцатаго дня послѣдшаго мѣсяца истекающаго года Японцы приступаютъ къ очищенію и уборкѣ своихъ жилищъ. День этотъ такъ и называется днемъ „начатія приготовленій“. Стѣны, потолки, полы, абажанды, крыши, все это моется, трется, выскабливается, вытирается, обметается самымъ тщательнымъ, самымъ педагогическимъ и безпощаднымъ образомъ. То же совершается съ *каждою* вещью находящеюся въ домѣ. Затѣмъ приступаютъ къ украшенію жилищъ. По обѣимъ сторонамъ входной двери сажаютъ въ землю или прикалываютъ къ стѣнѣ сосновые вѣтви; богатые люди вкапываютъ у своихъ дверей цѣлыя большія сосны. Рядомъ съ соснами помѣщаются два высокіе бамбука съ ихъ вѣтвями и листьями. Сосна считается самымъ крапкимъ деревомъ во всей Японіи, и кромѣ того, круглый годъ сохраняетъ свою зелень. Поэтому она символически должна обозначать желаніе здоровья и снаи на весь наступающій годъ всѣмъ членамъ семьи. Бамбукъ присоединяется къ ней „для счастья“, такъ какъ сосна, бамбукъ и сипай считаются въ Японіи тремя счастливыми деревьями. Надъ дверью вѣшается гирлянда сдѣланная изъ цветной соломки. Въ срединѣ гирлянды находится большой узелъ образующій

какъ бы родъ багдахива. Въ этому узлу прикрѣпляется: морской лаукъ, лимонъ, нѣсколько вѣтвей дерева *izourika*, длинный кусокъ водоросли и листья палортука. Солома должна символически напоминать простоту жизни предковъ. Узелъ находящійся въ среднѣхъ гирляндахъ объясняется существовавшимъ съ незапамятныхъ временъ японскимъ обычаемъ отдѣлять такимъ вѣшнымъ знакомъ священныя и „чистыя“ мѣста отъ мѣстъ несвященныхъ и нечистыхъ. Такимъ образомъ узелъ этотъ выражаетъ собой чистоту жилища надъ входомъ въ которое онъ помѣщенъ. Морской лаукъ является надъ дверью потому что въ японскомъ его названіи встрѣчается слогъ обозначающій „старость;“ это есть слѣдовательно символическое пожеланіе семьѣ долголѣтія. Японское названіе лимона составляетъ синонимъ понятія „изъ поколѣнія въ поколѣніе“; лимонъ долженъ символически предсказывать безпредѣльное существованіе въ будущемъ того рода которому принадлежитъ жилище. *Izourika*, это такое дерево старыя листья котораго никогда не падаютъ прежде нежели появились новыя; вѣтки его символически выражаютъ что чета живущая въ домѣ не умретъ пока не оставитъ по себѣ потомства. Морская водоросль размножается чрезвычайно быстро; присутствіе ея надъ дверью означаетъ что семья обитающая домъ распространится и разрастется какъ водоросль. Палоротникъ очевидно имѣетъ также символическое значеніе. Значеніе это теперь позабыто, но во всякомъ случаѣ палоротникъ неизмѣнно помѣщается въ числѣ другихъ эмблемъ украшающихъ соломенную гирлянду. Обычай требуетъ чтобы къ Новому Году въ каждомъ домѣ было по крайней мѣрѣ нѣсколько живыхъ цвѣтковъ. Такъ какъ въ садахъ въ это время цвѣтовъ почти нѣтъ, то японскіе садовники, великіе мастера своего дѣла, искусственно выговяютъ къ этому времени карликовыя деревца помѣщенныя въ горшкахъ и обильно покрытыя махровыми цвѣтами. Одну изъ главныхъ заботъ предъ Новымъ Годомъ составляетъ также изготовленіе значительнаго запаса особыхъ рисовыхъ пирожковъ предлагаемыхъ въ Новый Годъ каждому посетителю. За нѣсколько дней до наступленія праздника по улицамъ начинаютъ ходить цѣлыя толпы булочниковъ спеціально занимающихся изготовленіемъ такихъ пирожковъ. Ихъ приглашаютъ въ домъ и они перекочевываютъ такимъ образомъ изъ жилища въ жилище. Обычай требуетъ чтобы въ Новый

Годъ готовились также кушанья специально предназначенныя для этого дня. Кушанье это очень незатѣливо: оно состоитъ изъ бобовъ и двухъ сортовъ рыбы. Но оно имѣетъ символическій смыслъ. Бобы всегда сидятъ по нѣскольку въ одномъ стручкѣ; рыба приготовляемая въ Новый Годъ ходитъ въ морѣ не иначе какъ несчетными стаями. Все это должно служить предсказаніемъ и символомъ приращенія семьи въ наступающемъ году. Люди держащіеся старинны и соблюдающіе преданія избѣгаютъ произносить въ теченіи всего кануна Нового Года слогъ *Shi*, такъ какъ онъ составляетъ корень глагола *умереть*. По несчастію слогъ этотъ встрѣчается въ великомъ множествѣ японскихъ словъ, и можно себѣ представить съ какими затрудненіями сопряжено соблюденіе такого предразсудка.

Мы опускаемъ подробности относящіяся къ религиозной встрѣчѣ Нового Года, равно какъ и описаніе того уличнаго оживленія которое господствуетъ въ Японіи наканунѣ этого дня. Обратимся прямо къ привѣтствіямъ и визитамъ неразлучнымъ съ Новымъ Годомъ въ Японіи какъ и у насъ, какъ и вездѣ. Вы думаете, быть-можетъ, что пожелать счастливаго Нового Года въ Японіи просто? Совсѣмъ нѣтъ.

Разсѣло. Жена раскладываетъ на цѣновкахъ подарки предназначенные ею мужу. Входитъ мужъ. Что дѣлаетъ жена?

Она растягивается передъ нимъ вичкомъ на полу. Потомъ приподнимаетъ туловище, упирается руками въ колѣни, нагибается впередъ и въ этомъ положеніи произноситъ привѣтствіе. Мужъ въ свою очередь становится на колѣни противъ жены и опускаетъ руки пока не коснется ногтями земли. Въ этомъ положеніи онъ выслушиваетъ привѣтствіе своей супруги, вбираетъ въ себя особеннымъ образомъ воздухъ, выпускаетъ его съ легкимъ шипѣніемъ, качаетъ головой, кланяется женѣ, потомъ начинаетъ говорить въ свою очередь и т. д. Со всѣми домашними продѣлывается та же церемонія. Затѣмъ мужъ отправляется дѣлать визиты. Беретъ ли онъ съ собой визитныя карточки? Да; но въ Японіи это дѣлается нѣсколько иначе нежели у насъ. Во-первыхъ, визитныя карточки должны быть различныхъ величинъ и различно украшены, смотря по чину того лица которому карточка предназначается, по уваженію питаемому къ этому лицу, по отношеніямъ къ нему и положенію его въ общественной іерархіи. Во-вторыхъ, визитная карточка должна быть раздужена,

покрыта надписами, разубрана лентами. Какъ носить съ собой такія карточки? Яловецъ и не носитъ ихъ съ собой. Карточки везутъ за нимъ слуги. Каждая карточкаложена въ особый лакированный ящичекъ (это тѣ самыя ящички которые продаются у насъ для перчатокъ); каждый ящичекъ долженъ быть подвешенъ на лакированномъ подиостѣ.

Посѣтитель входитъ въ домъ. Что дѣлаетъ онъ? Прежде всего онъ дѣлаетъ подарокъ состоящій обыкновенно изъ вѣра и куска сушеной рыбы завернутого въ яркую цвѣтную бумажку. Зачѣмъ эта рыба? Затѣмъ чтобы показать что получающій подарокъ собственно совсѣмъ въ немъ не нуждается, ибо онъ ужъ и безъ того имѣетъ все въ изобиліи, а что подарокъ дѣлается единственно изъ учтивости. Подарокъ въ молчаніи кладется къ ногамъ хозяина дома; затѣмъ гость падаетъ ницъ и въ этомъ положеніи поздравляетъ съ Новымъ Годомъ. Хозяинъ стоитъ на колѣняхъ; онъ въ свою очередь даритъ гостю кусокъ водоросли (мы знаемъ ужъ его символическое значеніе) и затѣмъ предлагаетъ чашку чая и рисовый порожекъ. Чай обязательно выпить, порожекъ обязательно съѣсть.

Религія Яловцевъ въ сущности сводится къ цвѣтному кодексу нравственныхъ правилъ, между которыми первое и главное мѣсто занимаетъ почитаніе родственниковъ въ восходящей линіи. Яловецъ благодаритъ въ прошломъ предъ предками, въ будущемъ уповаешь на многочисленное потомство. Новый годъ есть въ семейномъ отношеніи главнымъ образомъ праздникъ стариковъ и дѣтей, въ особенностяхъ дѣтей. Въ теченіе цѣлыхъ *шестнадцати* дней закрыты школы и дѣти невозбранно утѣшаются въ домахъ и на улицахъ всевозможными забавами и играми. Первое мѣсто между этими послѣдними занимаетъ лусканіе такъ-называемыхъ „змѣвъ“ достигающихъ въ Японіи необыкновеннаго совершенства. Змѣи имѣютъ форму рыбъ, птицъ, людей, воиновъ, женщинъ; змѣи летаютъ на воздухѣ, ибо къ нимъ прицѣпляется родъ воловьихъ арфъ. Между лускающими завязываются сраженія. Они заставляютъ свои змѣи вступать на воздухъ въ борьбу, перекрещивая удерживающія ихъ нити; къ нитямъ этимъ прикрѣпляются на цвѣтной высотѣ стекляныя осколки перепиливающіе нити солеряковъ, и не только дѣти, но и взрослые съ необыкновеннымъ одушевленіемъ слѣдятъ за борьбой змѣвъ, принимаютъ въ ней участіе

цвѣтами, восклицаніями, криками. На третій день третьего мѣсяца года дѣвочки празднуютъ *праздникъ куколъ*. Дома украшаются внутри гирляндами и цвѣтами. Въ главной комнатѣ выставляются въ порядкѣ старшинства *съ* кукламъ которыя когда-либо были подарены женскимъ представителямъ семьи, прабабушкамъ, бабушкамъ и т. д. Всѣ эти куклы, равно какъ и подаренныя вновь, обязательно сохраняются изъ рода въ родъ. А въ пятый день пятаго мѣсяца года чествуются семьи въ которыхъ въ наступившемъ году появился на свѣтъ мальчикъ. Предъ каждымъ домомъ, гдѣ совершилось такое радостное событіе, водружается длинный бамбуковый шестъ, на которомъ высоко плавааетъ въ воздухѣ бумажный осетръ символически знаменующій силу: какъ осетръ плыветъ противъ самыхъ сильныхъ теченій, такъ и мальчикъ долженъ съ такою же энергіей побѣждать всѣ трудности представляющіяся на жизненномъ пути. Улицы превращаются въ лѣса мачтъ; сверкаютъ краски; переливаются всѣ отбѣлки колеровъ; семья празднуетъ счастливѣе на нее благословеніе небесъ, осуществленіе надеждъ съ которыми встрѣчала она Новый Годъ.

Иностранная библиографія.

Г. Пиеве окончилъ свой весьма интересный и обширный трудъ собранія сицилійскихъ пословицъ съ пословицами другихъ итальянскихъ нарѣчій. Сочиненіе это называется *Proverbi siciliani; raccolti e confrontati con quelli degli altri dialetti d'Italia*, 4 vol. in 8°. Palermo, 1880.

Г. Алленъ, профессоръ Висконсинскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ, издалъ *Жизнь Агриколы* Тацита съ чрезвычайно подробными историческими и археологическими комментаріями.

Г. Ленорманъ готовитъ къ изданію сочиненіе подъ названіемъ *La grande Grèce, paysages et histoire*. Сочиненіе это является результатомъ путешествія предпринятаго авторомъ по югу Италіи.

Г. Тезъ оканчиваетъ новую книгу *La Conquête jacobine* составляющую продолженіе двухъ предыдущихъ сочиненій *l'Ancien Régime* и *la Révolution*. Въ книгѣ этой онъ строго осуждаетъ якобинцевъ и энергично порицаетъ насилія совершенныя во имя свободы. Г. Тезъ собралъ уже много матеріаловъ для сочиненія которое должно послѣдовать затѣмъ и будетъ называться *le Nouveau Régime*.

Эмиль де-Кастеларъ издалъ сочиненіе подъ названіемъ *Historia одного сердца, la Historia de un corazón*. Испанская критика довольно холодно встрѣтила это произведеніе.

Американскій издатель Appleton обнародовалъ *Галерею Американскихъ живописцевъ*, роскошное изданіе заключающее въ себѣ 104 рисунка.

Подъ названіемъ *American News-Paper Directory* въ Нью-Йоркѣ издается оригинальная справочная книга. Книга эта содержитъ въ алфавитномъ порядкѣ названія всѣхъ журналовъ и газетъ въ каждомъ Штатѣ, въ каждомъ городѣ и каждомъ селеніи. При обозначеніи мѣстности сообщаются въ то же время самыя подробныя и точныя свѣдѣнія о количествѣ населенія, мѣстныхъ производствахъ и продуктахъ почвы. Въ 1880 году въ Америкѣ издавалось 10.287 журналовъ и газетъ. Изъ этого числа 6.000 посвящены политикѣ, 700 занимаются исключительно вопросами религіи и нравственности, 600 подходятъ подъ общую рубрику „иллюстрированныхъ“, 480 посвящены торговлѣ и финансамъ, 200—педагогикѣ, 125—медицинѣ и хирургіи. Моды и музыка имѣютъ одинаковое число органовъ, а именно по тридцати специальныхъ журналовъ на каждое изъ этихъ искусствъ.

Въ изданіи Таухвица (№ 1.946) появилась восьмой томъ стихотвореній Альфреда Теннисона подъ заглавіемъ *Ballads and other Poems*. Нѣмецкая критика съ особою похвалою отзывается о помѣщенной здѣсь поэмѣ *Risrah*.

Нѣмецкая критика предупреждаетъ читателей противъ пріобрѣтенія недавно появившагося въ Мюнхенѣ *Указателя германской литературы о Шекспирѣ* (*Die Shakespeare-Literatur in Deutschland, von Unflad*). По отзыву нѣмецкихъ журна-

ловъ *Указатель* этотъ уступить въ полнотѣ даже составленному еще въ 1854 *Указателю* Уллахта, не говоря уже объ *Указателѣ* Тимма.

Извѣстная *Исторія Александра Великаго* Дройзена вышла третьимъ изданіемъ (Droysen: *Geschichte Alexander's des Grossen*, Dritte Auflage, mit 5 Karten von Kierpert. Gotha, Perthes, 1880). Въ изданіи этомъ знаменитый авторъ дѣлаетъ ссылки на всѣ замѣчательныя ученые изслѣдованія послѣдняго времени, на работы Килерта, Петерманна и т. д.

Общественіе г. Богдановича *Гвардія русскаго Царя на Собійскомъ шоссѣ 12 октября 1877 года* появилось въ нѣмецкомъ переводѣ Похгаммера (*Hannover, Helweg*, 1880). Нѣмецкая критика съ лучшей стороны рекомендуетъ не только военнымъ людямъ, но и всей публикѣ эту книгу „написанную въ справедливомъ чувствѣ народной гордости.“ „Введеніе, касающееся только личности самого автора (*die rein persöhnlich gehaltene Einleitung*) доказываетъ своеобразную, присущую Русскимъ таланту, даже мягкость чувства и полную преданность (*die gänzlich Hingabe*) Царю, верховному вождю войска. Авторъ говоритъ что не имѣетъ честолюбія писать исторію; онъ хочетъ дать только матеріалъ для исторіи, простую хронику, заслуга которой должна состоять въ свѣжести и правдивости первыхъ впечатлѣній и въ обиліи характеристическихъ подробностей. Мы считаемъ эти два качества характеристическою особенностію и достоинствомъ сочиненія г. Богдановича и хотя мы, специалисты, привыкли къ болѣе краткому и техническому способу изложенія (*eine knappere, mehr sachliche Darstellungsweise*), тѣмъ не менѣе автору это не можетъ быть поставлено въ упрекъ, такъ какъ онъ писалъ для своей арміи. За правдивость разказа ручается живость съ которою описаны подвиги русскаго войска и его начальниковъ.“

Въ превосходной биографической галлерей англійскихъ писателей, *English Men of Letters*, вновь появились біографіи Юма (Huxley), Лока (Thomas Towler) и Вордсворта (W. H. Myers).

Въ Лейпцигѣ, у Брокгауза, только что появилась *Космогонія и Теогонія Полинезцевъ*, сочиненіе Адольфа Бастіана (Adolf Bastian: *Die Heilige Sage der Polynesier, Kosmogonie und Theogonie*, Leipzig, Brockhaus, 1881). Въ сочиненіи этомъ изложены наблюденія и выводы сдѣланные авторомъ во время его путешествій вокругъ свѣта.

Въ Соединенныхъ Штатахъ, въ Миссури, основанъ новый журналъ подъ названіемъ *The Platonist*. Задача его распространять философское ученіе Платона.

Въ Англіи повидимому хотятъ послѣдовать примѣру Германіи относительно установленія новой орфографіи. Вотъ нѣсколько положеній принятыхъ Лондонскимъ Филологическимъ Обществомъ по этому вопросу.

Устранить въ концѣ словъ мягкое *e*. Напримѣръ, въ словахъ *have, verge, sue*.

Устранить въ срединѣ словъ всѣ буквы которыя не произносятся, напримѣръ: *o* въ словѣ *people*, *a* въ словѣ *bread*, *k* въ словѣ *rhyme*, и въ словахъ *guess* и *liquor*.

Замѣнить *sh* буквами *s* или *k*, смотря по этимологіи слова. Напримѣръ; *school* вмѣсто *school*, *anker* вмѣсто *anchor*.

Замѣнить мягкое *z* буквою *z*. Напримѣръ *close* вмѣсто *close*.

О. В.

ПАМЯТИ ФЕДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКАГО

Къ вечеру 28 января получена была въ Москвѣ телеграмма: „Достоевскій сильно заболѣлъ и слегъ въ постель“. Прошло нѣсколько часовъ и въ ночь на 29 января, предъ самымъ выпускомъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, пришло извѣстіе, Федоръ Михайловичъ вечеромъ, въ 8 часовъ 40 минутъ, скончался.

Какъ громъ поразила насъ эта вѣсть. Еще наканунѣ, 27 января, получили мы отъ него собственноручное письмо, писанное твердымъ почеркомъ и не возбуждавшее никакихъ опасеній. Было однако въ этомъ письмѣ завыщающее слово которое тогда скользнуло для насъ незамѣтно. Просьба насъ объ одномъ дѣлѣ, онъ прибавилъ: „это быть-можетъ моя *последняя* просьба“. Только теперь сталъ намъ повѣстемъ скорбный смыслъ этого слова *последняя*. Въ немъ сказалось предчувствіе смерти еще прежде чѣмъ совершилось роковое кровоизліяніе которое такъ быстро погасило дорогую жизнь нашего друга. Но предчувствіе смерти не нарушило мира и ясности его души. Тамъ этихъ предсмертныхъ строкъ его совершенное спокойствіе. Онъ входитъ въ нѣкоторыя дѣловыя подробности и шлетъ поклоны друзьямъ...

В. М. Маркевичъ присутствовавшій при послѣднихъ минутахъ усопшаго такъ описалъ его трогательную кончину.

„Я присутствовалъ, говоритъ онъ, при послѣднихъ минутахъ Федора Михайловича и пишу къ вамъ часъ послѣ этого едва двигающейся рукой, подъ слѣпкомъ еще свѣжимъ впечатлѣніемъ произведеннымъ на меня этою смертью, этою великою потерей несомненно русскимъ словомъ, русскою мыслью.

„Дней десять тому назадъ я провелъ часть вечера съ покойнымъ у графини С. А. Т., которую онъ посѣщалъ очень часто и очень уважалъ и любилъ. Онъ былъ очень оживленъ и веселъ. Шла, между прочимъ, рѣчь о постановкѣ двухъ, трехъ избранныхъ сценъ изъ трилогіи графа Ал. Толстаго, которую собирались разыграть любители въ этомъ домѣ, и Ѳедоръ Михайловичъ бралъ на себя роль схимника въ *Смерти Ионна Грознаго*. Я ухажалъ равнѣ его и, прощаясь съ нимъ, спросилъ его, помню, увидимся ли мы съ нимъ въ будущій поведѣльщикъ (пріемный вечеръ графини)?—„Вѣроятно“, отвѣтилъ онъ. Я пожалъ ему руку, и конечно не повѣрилъ бы, еслибы кто-нибудь мнѣ сказалъ что мнѣ не даво уже будетъ въ жизни повторить это ложатіе; такъ мало походилъ онъ на человѣка дни котораго исчислены.

„Въ поведѣльщикъ онъ однако не пріѣхалъ. Я замѣтилъ это и спросилъ о немъ хозяйку.—„Не знаю, онъ хотѣлъ быть“, отвѣтила она мнѣ,—„занять вѣроятно своимъ *Дневникомъ*“ (который долженъ былъ появиться на дняхъ) и прибавила: „Онъ обѣдалъ у насъ третьяго дня и взялъ экземпляръ трилогіи чтобы выучить по немъ свою роль.“

„Сегодня, въ среду, предъ самымъ обѣдомъ прочелъ я въ *Новомъ Времени* сообщеніе о томъ что Ѳ. М. Достоевскій „сильно занемогъ“. Несмотря на тревожный томъ какимъ выражено было газетой это извѣстіе, мнѣ не вѣрилось въ то что видимо заключалось подъ нимъ: „Вѣроятно, объяснилъ я себѣ, одинъ изъ тѣхъ припадковъ эпилепсіи которымъ онъ былъ подверженъ сильнѣе чѣмъ обыкновенно, но онъ ихъ такъ много уже перемосилъ“...

„Въ исходѣ восьмага я зvonилъ у двери его скромной квартиры въ Кузнецкомъ переулкѣ, № 5й. Еще стоя на площадкѣ лестницы, я уже слышалъ сквозь эту дверь какой-то страшный гулъ. Кто-то быстро отворилъ ее и рванулся мнѣ на встрѣчу: „Докторъ, скорѣе, скорѣе!“ стонающимъ голосомъ вскрикнувъ какой-то молодой человѣкъ (это былъ ласмыокъ Ѳедора Михайловича, сынъ первой жены его отъ перваго ея брака). Я не успѣлъ отвѣтить какъ въ переднюю выметѣла десятипятная блѣкурная дѣвочка съ раздирающимъ крикомъ: „Господи въ докторъ, Бога ради, спасите палашу, онъ хрипитъ!“... — „Я не докторъ“, растерянно со взвизгивающимъ ужасомъ проговорилъ я. Въ эту минуту въ ту же переднюю вышелъ весь блѣдный, съ лихорадочно горѣвшими глазами Ал. Ник. Майковъ: „Ахъ, это вы“... Онъ меня назвалъ; мы вошли въ первую комнату. Въ короткихъ словахъ сообщилъ онъ мнѣ что, какъ и я, узнавъ изъ сообщенія *Новаго Времени* о болѣзни Ѳедора Михайловича, онъ зашелъ навѣстить его полчаса тому назадъ, и что кажется все кончено... Въ поведѣльщикъ съ нимъ сдѣлалось вдругъ кровохарканіе; онъ потерялъ при этомъ, какъ говорятъ домашніе, до полутора фунта крови, и ужасно ослабѣлъ. Но вчера это не возобновилось; онъ спалъ хорошо, былъ въ хорошемъ расположеніи

духа, говорилъ о своемъ *Дневникѣ* и шутяль надъ тревогой о немъ: „Я молъ еще всѣхъ переживу“. Тѣмъ же мѣстѣ онъ пожелалъ исповѣдаться и причаститься. Сегодня же съ утра стало хуже, вервы расходились ужасно, началось опять кровохарканіе; и вотъ... Аполловъ Николаевичъ не былъ въ силахъ продолжать отъ волненія. — Можно его видѣть? — „Пойдемте!..“

„До послѣдняго моего вздоха не забуду этой картины!..“

„Во глубинѣ неказистой, мрачной комнаты, его кабинета, лежалъ онъ одѣтый на диванѣ съ закинутою на подушку головой. Свѣтъ лампы или свѣтъ, не помню, стоявшихъ подлѣ на столикѣ, падалъ плашмя на бѣлые какъ листъ бумаги лобъ и щеки и несмытое темно-красное пятно крови на его подбородкѣ. Онъ не „хрипѣлъ“, какъ выразилась его дочь, но дыханіе какимъ-то слабымъ свистомъ прорывалось изъ его горла сквозь судорожно раскрывшіяся губы. Вѣки были прижмурены какъ бы такимъ же механически судорожнымъ процессомъ пораженного организма... Это было то давно знакомое мнѣ, измученное мыслію, словно все прожитое изнутри страстнымъ пламенемъ лицо, — но муки сознательной, физической муки въ немъ не сказывалось, — онъ былъ въ подломъ забытій...“

„Жена его билась въ безумномъ отчаяніи предъ нимъ на колымажѣ. Она припадала къ его безжизненно слухившейся съ дивана рукѣ, со словами молитвы, съ раздиравшимъ душу стономъ полеремѣнно вырывавшимися у нея изъ груди... Двое дѣтей ихъ, сынъ и дочь, тутъ же на колымажѣ торолливо, испуганно крестились. Дѣвочка въ отчаянномъ порывѣ кинулась ко мнѣ, схватила меня за руку: „Молитесь, прошу васъ, молитесь за папашу чтобы, если у него были грѣхи, Богъ ему простилъ!“ проговорила она съ какимъ-то поразительнымъ, недѣтскимъ выраженіемъ, и залилась истерическими слезами. Я ее, всю дрожавшую ознобомъ, увелъ изъ кабинета, но она вырвалась изъ моихъ рукъ и убѣжала опять къ умирающему, между тѣмъ какъ А. Н. Майковъ усиленно уговаривалъ ея мать отойти отъ него, успокоиться хотя на мигъ... Она повиновалась наконецъ чтобы дать волю своимъ рыданіямъ, „чтобъ онъ не слышалъ ихъ...“ „О, кого я теряю, кого я теряю!“ могла она только выговорить, падая въ кресло въ другой комнату... „Кого теряетъ Россія!“ неволью и одновременно вырвалось у насъ съ Майковымъ.

„Мы дали ей валиться воды...“ „Вѣдь ему жить хотѣлось еще, жизнь только начинала улыбаться ему, прорывалась у нея слова, — онъ надѣялся еще многое сказать... И дышать стало мы легче... И вотъ!.. Онъ мнѣ сегодня сказалъ: „Весь вѣкъ мой бился я и работалъ какъ волъ изъ-за хлѣба насущнаго; думаю: вотъ, наконецъ, будетъ чѣмъ дѣтей на ноги поставять, и умираю оставляя ихъ нищими...“

„— Сващенникъ... докторъ, почти одновременно приближали сказать послѣдныя за ними слова. Докторъ послѣшью про-

шелъ въ кабинетъ, велѣлъ открыть форточку, потребовалъ пувверизаторъ и потребовалъ настоятельно чтобъ его оставилъ одного съ ласникомъ Федора Михайловича больнаго.

„А. Н. Майковъ и я остались съ Анной Григорьевной... Прошло нѣсколько минутъ невыразимо тяжелаго ожиданія.

„Приотртая докторомъ дверь въ кабинетъ отворилась наконецъ. Онъ вышелъ.

„— Что, конецъ! вскрикнула несчастная женщина, вскакивая конвульсивно съ мѣста.

„Онъ усадилъ ее, взялъ руку.— Не кончено еще.... но кончается, и я считаю своимъ долгомъ сказать вамъ что послѣднее изъ чувствъ умирающее въ человѣкѣ,—это служъ: не терзайте же его послѣднихъ минутъ вашимъ отчаянiемъ!

„— О, докторъ, я не вохлипла, но пустите меня къ нему! И она ринулась съ дѣтми къ умирающему, лапа съ ними на колѣна.... Все замерло мертвымъ молчанiемъ. Его дыханiя уже вовсе не слышалось.

„Вошелъ священникъ, шолотомъ началъ отходную.... Докторъ нагнулся къ нему, прислушался, отстегнулъ сорочку, пропустилъ подъ нее руку—и качнулъ мнѣ головой. На этотъ разъ все было, дѣйствительно, „кончено“.... Я вынулъ часы: они показывали 8 час. 36 минутъ...“

Трогательно сказалось общественное сознанiе великой утраты понесенной Русскою землею. Похороны Достоевскаго были знаменательнымъ событiемъ. Русскiе люди безъ различiя положенiй и званiй, забывъ раздѣленiе мнѣнiй и партiй, съ искреннею сердечною болью поклонились на свѣжей могилѣ навсегда увесшей одну изъ лучшихъ силъ нашей родины, гениальнаго писателя, чувствовавшаго въ себѣ и жажду и жаръ пророка. И когда же увесшей? Въ годовину тяжкаго духовнаго испытанiя ощущаемаго нынѣ каждымъ мыслящимъ и любящимъ свое отечество человѣкомъ. Трогательно сказались и добрые вѣстники молодежи, которую такъ любилъ покойный и которая ему вѣрила, бѣдной такъ безжалостно нынѣ губимой и обманываемой молодежи.

Миръ праху твоему добрый дѣлатель на Русской землѣ. Еще многого ждали отъ тебя, но довольно и сдѣланнаго чтобъ имя твое сохранилось на вѣки въ русской народной памяти. Земля возьметъ свое, тѣльное предается тѣнню; но духовное наследiе твое останется навсегда дорогимъ достоянiемъ твоего отечества.

Царство тебѣ небесное! Ты заслужилъ его, ты его выстрадалъ, сколько людямъ дозвоительно судить о томъ...

Приведемъ нѣсколько словъ оцѣнки высказанныхъ нами въ № 33 *Московскихъ Вѣдомостей*.

Достоевскому воздается честь не просто какъ писателю, не просто какъ литературному таланту. Въ немъ особенно цѣнно, особенно дорого то духовное направленіе которое въ немъ выработалось его жизнію. Онъ принадлежалъ къ числу избранныхъ душъ которыя неутомимо ищутъ правды, ищутъ Бога. Вотъ въ чемъ, въ этомъ исканіи Бога, истинный прогрессъ и человека, и человечества! Какъ бы въ этомъ исканіи ни заблуждался человекъ, оно спасетъ его, оно выведетъ его на луть, если только исканіе правды само правдиво и идетъ изъ глубины души. Въ комъ живетъ это животворящее духовное начало, тотъ выдержитъ всякое испытаніе, тотъ не изнеможетъ ни въ какой борьбѣ. Много тяжкаго перенесъ Достоевскій въ своей жизни. Вуря застигла его на самомъ развѣтѣ его жизни. Въ своихъ молодыхъ великодушныхъ, но еще неопредѣленныхъ порывахъ къ добру и правдѣ, онъ оступился, подпалъ подъ ударъ суроваго закона—и очутился на каторгѣ. Не будь въ немъ Бога, онъ бы озлобился, ожесточился бы и улетѣлъ бы безповоротно съ высоты своихъ мечтаній. Но для него страшное бѣдствіе стало путемъ истиннаго, глубокаго совершенствованія; оно зародило въ немъ духовнаго человека. Быть-можетъ онъ не вышелъ бы тѣмъ чѣмъ онъ сталъ въ своей дѣятельности еслибы Богъ не судилъ ему этого испытанія. Талантъ его не получалъ бы такого развитія, и не выработался бы въ немъ тотъ духовный строй который характеризуетъ его по преимуществу, въ которомъ заключается его главное достоинство какъ писателя. Изъ неопредѣленныхъ и смутныхъ исканій, онъ мало-по-малу вышелъ на тотъ узкій и единственный луть который ведетъ къ истинѣ. Онъ обратился на самого себя, онъ вступилъ въ борьбу съ самимъ собой, въ борьбу упорную, неутомимую; въ себя самомъ, а не въ другихъ казнилъ онъ безпощадно все дурное и порочное человѣческой природы, и чѣмъ болѣе онъ очищался и овлаживалъ собой, тѣмъ глубже становился онъ сыномъ своего народа, и христіанскомъ вѣрующимъ въ простотѣ сердца. Въ русскомъ народномъ чувствѣ обрѣлъ онъ Христа, и все что было въ немъ идеальнаго, стремящагося, все его исканія сосредоточились здѣсь. Въ своихъ сужденіяхъ и оцѣнкахъ онъ могъ ошибаться, и не столько отдѣльными мыслями производилъ онъ доброе дѣйствіе на умы

сколько общимъ строемъ своей души, общимъ направлениемъ своихъ помысловъ. Въ немъ мы видимъ русскій умъ который свои идеалы ищетъ и находитъ не въ пустотѣ, не въ отвлеченностяхъ, не на чужбинѣ, а въ живой душѣ своего народа. Наши идеалисты и реалисты относились къ своей народности по большей части отрицательно. Заслуга Достоевскаго какъ писателя именно въ томъ состоитъ что онъ со всею искренностію и со всею силой своего дара почувствовалъ и обрѣлъ высшую правду въ своемъ народномъ чувствѣ, и прежде всего духъ милосердія, самое христіанское въ христіанствѣ начало, которое, мы чувствуемъ, живетъ во глубинѣ нашей народности и въ которомъ таится ея истинная сила. Въ своихъ произведеніяхъ Достоевскій часто изображаетъ нравственно большихъ, прокаженныхъ людей. Никакого безобразія онъ не отвращался, никакого ужаса не пугался, никакой наготы не смущался. Его анализъ простирается до мельчайшихъ подробностей нравственныхъ недуговъ, и надо удивляться тому спокойствію, той казалось бы беспощадной тонкости съ какою работалъ его анатомическій ножъ. Не то ли это что называется объективіемъ? Нѣтъ. Не то ли это что называется реализмомъ въ искусствѣ? Нѣтъ. Былъ ли это безстрастный наблюдатель въ интересѣ какой-нибудь науки или искусства? Или, наконецъ, не походилъ ли онъ на врача который добросовѣстно относится къ своимъ больнымъ, но видитъ въ нихъ не болѣе какъ патологическіе случаи? Нѣтъ, если онъ походилъ на кого, то развѣ на беззавѣтно предавную, Богу обречшую себя, безконечно проникнутую чувствомъ своего служенія сестру милосердія, которая не гнушается никакою грязью, не брезгаетъ никакимъ гноемъ, и вся озабочена только тѣмъ чтобъ облегчить страданія болящаго. Онъ въ своихъ анализахъ ищетъ правды, и идетъ все глубже и глубже, идетъ до конца, ничѣмъ не смущаясь, пока подъ этою гадостію, подъ этою мерзостію, не почувется, не послышится сама эта больная, трепещущая, забывшая себя, заглохшая душа человѣческая. И намъ становится понятна эта кропотливость анализа, и въ этихъ подробностяхъ, возбуждавшихъ въ насъ гадливое чувство, мы усматриваемъ дѣло любви которая ищетъ Бога въ человѣкѣ и не отчаивается найти человѣка въ одичаломъ и погибшемъ существѣ. Умъ обнаруживается въ высотѣ и широтѣ соображеній; любовь же слышывается и даетъ почувствовать свою благодать въ тѣсотѣ подробностей.

Мы знали человека,—старѣйшіе изъ мыслящихъ воспитанниковъ Лицея Цесаревича Николая еще помнятъ его,—человѣка который ежедневнымъ примѣромъ училъ насъ на дѣлѣ самоотверженію и любви. Въ стѣнахъ Лицея, мы соединили имя Павла въ одной общей заулокной молитвѣ съ именемъ новопреставленнаго Феодора. Покойный устроитель Лицея, въ своей дѣятельности посвященной этому заведенію, не считалъ для себя ничего слишкомъ мелкимъ или слишкомъ низкимъ; не было подробности въ жизни Лицея, или его воспитанниковъ, въ которую онъ не входилъ бы всею душою своею, забывая о себѣ, не зная отдыха въ своемъ трудѣ, неутомимый въ своемъ терпѣніи.

По слову апостола, нѣтъ ничего больше любви. Всякое достоинство, всякая заслуга напрасны безъ любви. Безполезны для души человека и разумъ, и всякое знаніе, и всякая добродѣтель, если они не соединяются съ любовью. А любовь ходитъ только тѣсными путями и не знаетъ ни страха, ни гадаivosti, и ничего не считаетъ слишкомъ мелкимъ или слишкомъ низкимъ для себя....

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАГО.

Я Н В А Р Ъ.

Стр.

Софійское поссе 12 октября 1877 года. <i>Д. С. Нагловскаго</i>	5
✓ Тѣмъ Египетская. Романъ. Книга первая. Гл. I—IV. <i>В. В. Крестовскаго</i>	34
Метастазіо, Гольдони и К. Гоцци. <i>N</i>	95
✓ Путешествія Петра Великаго за границу въ 1711 до 1717. <i>А. Г. Брикнера</i>	156
Въ отдалѣ. Разказъ офицера Рущукскаго отряда. <i>П. М. Нестъжсина</i>	202
Фотозонъ. Новое изобрѣтеніе профессора Белда.....	261
Стихотворенія: 1. „Весь день съ лылающихъ небесъ“. 2. „Мы долго шли рядомъ одною дорогою“. <i>Км. Д. Н. Цертелсва</i>	271
✓ Вокругъ Азіа. Путевыя замѣтки. Гл. I—II. <i>И. Я. За-рубина</i>	273
Первый Болгарскій экархъ, блаженный Антимъ. Гл. I—IV. <i>А. И. Муромцовой</i>	311
✓ Переломъ. Правдава исторія. Часть третья. Гл. I—VI. <i>Б. М. Маркевича</i>	339
Три свиданья. Стихотвореніе. <i>Гр. А. Голыницсва-Кутузова</i>	406
Нѣсколько замѣчаній на книгу профессора Голубинскаго. <i>Н. И. Субботина</i>	407
Новости литературы: I. <i>Масоны</i> . Романъ въ пяти частяхъ <i>А. Ф. Писемскаго</i> . С.-Петербургъ, 1881.—II. Иностранная библіографія. <i>Мольеръ</i> , соч. Лотейссена. <i>Путешествіе по Японіи</i> . <i>Изабеллы Бэрдъ</i> . <i>Сѣверная Америка</i> . Вейгеля. <i>Дунай</i> . <i>А. Гекса</i> .—III. Мелкія библіографическія извѣстія.....	438 ✓

ФЕВРАЛЬ.

	Стр
Новый крестьянскій вопросъ. <i>К. О. Головина</i>	487
Тьма Египетская. Романъ. Книга первая. Гл. V—X. <i>В. В. Крестовскаго</i>	558 ✓
Путешествія Петра Великаго за границу въ 1711 до 1717. <i>А. Г. Брикнера</i>	619 ✓
Первый Болгарскій эзархъ, блаженный Антимъ. Гл. VI—XI. <i>А. И. Муромовой</i>	659
Сидоркино дѣло. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ. <i>Д. В. Аверкіева</i>	698 ✓
Фаустъ на Англійской сценѣ. Марло. <i>Кн. Н. Шаховскаго</i>	754
Университетскій вопросъ. <i>Н. А. Любимова</i>	785
Стихотворенія: 1. Новый годъ.—2. Вечерніе лучи. <i>М...</i>	853
На Горахъ. Разказъ. Гл. СXXXIII—СXXXVII. <i>Андрея Печерскаго</i>	855 ✓ n. b.
Посѣждая любовь Кабульскаго хана эмира Ширъ-Али. Афганская современная легенда.....	901
Новости литературы: I. 1. <i>Драматическій Словарь</i> . Изд. магазина <i>Новаго Времени</i> .—2. <i>Историческіе матеріалы</i> . Собр. гг. <i>Холмогоровыхъ</i> .—3. <i>Металлоскопія и металлотерапія</i> . Дг. <i>Григорьева</i> .—II. Иностранная библіографія: 1. <i>Рафаэль</i> . Соч. <i>Мюнца</i> .—2. <i>Le jour de Gan et les étrennes</i> . <i>Мюллера</i> .—III. <i>Меакія</i> библіографическія извѣстія.....	915
Памяти <i>О. М. Достоевскаго</i>	955

ВЪ КОНТОРѢ ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СЪВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОИНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кв. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІЙ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любева Караелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Ц. 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Гаафракса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВБРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сель-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к. съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фомбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.



